

Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 16, № 2А, 2026.

С. 1-731.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

February 2026, Volume 16, Issue 2A.

Pages 1-731.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»

Том 16, № 2А, 2026

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник *Института государства и права Российской академии наук* – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, *Саратовская государственная юридическая академия* – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, *Оренбургский государственный университет* – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: 42934 «Вопросы российского и международного права».

Цена договорная. Печ. л. 93,5. Формат 60х90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2026.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 5201.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию».

127918, Москва, Суцевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"

February 2026, Volume 16, Issue 2A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the **Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, **Saratov State Law Academy** (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, **Orenburg State University** (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press": **42934** "Matters of Russian and International Law".

Contract price. 93.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2026.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 5201.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностранный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России».

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Ивашенко Вадим Александрович

Эволюция полномочий ОГПУ СССР по расследованию экономических преступлений 13

Киреев Сергей Викторович

Эволюция территориального устройства Второй Германской империи в контексте объединения Германии и сохранения прав земельных государств..... 26

Молотиевская Виктория Николаевна

Динамика развития внешней торговли в Российской империи XVIII–XIX вв. Правовой аспект..... 38

Молотиевская Виктория Николаевна

Правовые механизмы противодействия нелегальной торговле в Российской империи XVIII–XIX вв..... 45

Мурашев Михаил Александрович

Формирование правовых основ уровневой системы подготовки инженерных кадров в России в конце 1980-х – 1990-е гг. 55

Дивин Игорь Михайлович

Роль и значение судебной практики в современной отечественной правовой системе..... 67

Мураева Валерия Викторовна

Правовая основа прекращения действия решений ЕСПЧ на территории Российской Федерации..... 73

Пронина Анастасия Александровна

Дуалистический характер англо-американской правовой семьи..... 80

Доценко Николай Николаевич

Працко Геннадий Святославович

Теоретико-правовые основания концепции общественного идеала П.И. Новгородцева: от возрожденного естественного права к нормативному идеализму 87

Лебин Василий Витальевич

Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределённым процессуальным статусом 94

Ахрамеев Павел Сергеевич

Тенденции изменения личности государственного служащего под влиянием сетевизации механизма государства.....105

Пестова Мария Сергеевна

Страхов Игорь Андреевич

Цифровизация муниципального управления в условиях формирования информационного государства: правовые проблемы и перспективы развития.....113

Козлова Валерия Михайловна

Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам 1874 года: историко-правовой анализ в парадигме частно-публичных интересов.....119

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Галдзицкая Юлия Павловна

Создание Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации: необходимость, проблемы и перспективы 126

Галдзицкая Юлия Павловна Классификация административных правонарушений по степени общественной опасности для иностранных граждан: аналогия со ст. 15 УК РФ, внедрение положительного международного опыта и регламенты для МВД.....	135
Галдзицкая Юлия Павловна Иммиграционный адвокат как субъект административного процесса: проблемы реализации административно-процессуального статуса.....	141
Бочков Павел Валерьевич Трансформация роли МЧС России в системе обеспечения национальной безопасности в условиях новых вызовов	156
Петрухина Алсу Наилевна Петрухин Марек Викторович Проблемы применения медиации как альтернативного способа разрешения споров в правосудии.....	163
Пашковская Мария Дмитриевна Антикоррупционные стандарты государственной службы.....	171
Пашковская Мария Дмитриевна Анализ правовых подходов к обеспечению нематериальной мотивации государственных служащих	178
Фурсов Илья Александрович Новикова Людмила Васильевна Конфликт и взаимодействие канонических и светских норм в регулировании брачно-семейных отношений	187
Войновский Вадим Захарович Ограничение прав и свобод человека и гражданина в рамках статьи 55 Конституции РФ. Утилизационный сбор как способ ограничения прав и свобод гражданина	193
Ахметова Суанда Эдуардовна Основы морально-этической составляющей в деятельности нотариуса	202
Магомедов Магомед Рабаданович Зейналов Марат Магомедович Двойственность природы правовых институтов нотариата и аудита: вопросы теории квалификации злоупотребления служебными полномочиями.....	209
Сазонов Иван Иванович Проблемы и механизмы правового реагирования в вопросах охраны и защиты авторских прав в Интернете.....	218
Хромов Евгений Романович Актуальные вопросы конституционно-правового обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации при защите прав и свобод человека и гражданина	225
Хромов Евгений Романович Конституционно-правовые механизмы реализации полномочий правоохранительных органов Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина	239
Краснощёров Евгений Олегович Правовой статус вынужденного переселенца: условия признания и содержание прав.....	252
Черкасов Константин Валерьевич Цыганов Денис Дмитриевич Государственные информационные системы: проблемы правового регулирования и пути их решения.....	259

Частно-правовые (цивилистические) науки

Чечевичкин Алексей Викторович

Методика исчисления компенсации за нарушение исключительного права 272

Ковязин Виталий Викторович

Бычко Марина Алексеевна

Богатырева Аминат Тамерлановна

Совершенствование механизмов судебной защиты имущественных интересов
работников в системе трудового права Российской Федерации 289

Быкодорова Анджела Федоровна

Богатырева Аминат Тамерлановна

Защита личных прав работников в трудовом праве через государственный надзор и
судебные механизмы реализации 301

Платонов Давид Миралиевич

Первухина Светлана Игоревна

Влияние примирительных процедур на обеспечение свойства обязательности судебного
акта в арбитражном процессе 312

Чэнь Чжицюань

Сравнительное исследование теоретико-правовых оснований конституций Китая и
России 319

Хрипунов Александр Сергеевич

Судебные издержки в гражданском судопроизводстве раннесоветского государства до
принятия первого ГПК РСФСР 327

Миннебаев Ринат Амирович

Элементы системы юридических гарантий защиты прав потребителей в гражданском
судопроизводстве 336

Тутарищева Светлана Муратовна

Цеева Светлана Касимовна

Селивёрстова Ирина Григорьевна

Макаова Заира Азаматовна

Правовые и экологические аспекты конкуренции на рынке мясной продукции в
условиях биотехнологической революции и трансформации системы НАССР 342

Реймер Ладвига Рудольфовна

Бедрин Виталий Сергеевич

Ответственность за причинение вреда педагогу 349

Скурлатов Владислав Сергеевич

К вопросу о компенсаторной функции судебной неустойки 357

Скурлатов Владислав Сергеевич

Правовое регулирование института судебной неустойки в делах, возникающих из
административных и иных публичных правоотношений 367

Куценко Елизавета Игоревна

Рассмотрение дел в порядке надзора Верховным Судом Российской Федерации как
форма обеспечения единства судебной практики 377

Яковлев Юрий Сергеевич

Общее имущество в многоквартирном доме как объект субъективного права общей
долевой собственности 388

Канаев Владимир Николаевич

Осуществление корпоративных прав лицами, состоящими в браке 395

Гурчиани Илья Зурабович

Эстопель как юридический факт в российском гражданском праве 404

Гришин Александр Викторович Гражданско-правовые договоры религиозных организаций.....	418
Егоров Валентин Владиславович Правовое просвещение как направление государственной правовой политики	425
Параскевиди Марк Александрович Соглашение по фактическим обстоятельствам дела в современном цивилистическом процессе России: соотношение с признанием факта и перспективы нормативного закрепления в ГПК РФ	431
Цеховской Андрей Валерьевич Идентификация электронных доказательств в арбитражном процессе	444
Цеховской Андрей Валерьевич Использование метаданных для идентификации электронных доказательств в арбитражном процессе	450
Алиев Натиг Маариф оглы Обязанность государств по предотвращению трансграничного экологического ущерба в контексте экономической деятельности: позиция международных органов	456
Басова Полина Сергеевна Особенности правового регулирования срочного трудового договора в КНР: история и современные тенденции	462
Зарубина Эльвира Анатольевна Возможность рассмотрения трансграничных споров с участием потребителя в третейском (арбитражном) суде	469
Уголовно-правовые науки	
Подъячева Юлия Владимировна Историческая эволюция применения специальных психологических знаний в раскрытии и расследовании мошенничества в отечественной и зарубежной практике уголовного судопроизводства.....	478
Новиков Алексей Валерьевич	
Писарев Олег Михайлович	
Нарышкина Наталья Игоревна	
Слабкая Диана Николаевна К вопросу популяризации научных исследований в деятельности уголовно- исполнительной системы: взаимосвязь с пенитенциарной практикой.....	488
Староверова Надежда Васильевна Дисфункциональные отношения в семье как значимый фактор криминализации	501
Староверова Надежда Васильевна Формирование превентивно-профилактической модели противодействия домашнему насилию в России.....	508
Решетников Владимир Михайлович Гарантии и проблемы защиты адвокатской тайны	513
Решетников Владимир Михайлович Проблемы реализации права адвоката при допуске к подзащитным	523
Селимова Анара Маратовна	
Аликберов Султан Абдулхаликович Некоторые особенности разграничения соучастия и посредственного причинения вреда в цифровой среде	532

Керимов Александр Джангирович	
Красинский Владислав Вячеславович	
Анализ финансовых операций провайдеров виртуальных услуг и его значение в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.....	543
Николаенко Екатерина Сергеевна	
Основные аспекты учения о наказании в XIX–XX веках	552
Раджабов Шамиль Раджабович	
Посредничество во взяточничестве: проблемы квалификации и правоприменительной практики в условиях современной антикоррупционной политики	565
Атаев Эльдар Мавлеттереевич	
Магомедов Темирлан Магомед-Саидович	
Проблемы квалификации организации незаконного вооруженного формирования и участия в нем: разграничение с бандитизмом и организацией преступного сообщества (уголовно-правовой и правоприменительный аспекты)	580
Курбанова Елена Михайловна	
Цеева Светлана Касимовна	
Баранников Сергей Николаевич	
Основные методы судебной баллистической экспертизы	590
Горбачева Алена Владиславовна	
Леонов Александр Иванович	
Мамкин Алексей Николаевич	
Павлович Владислав Олегович	
Соловьев Олег Демьянович	
Софьин Александр Александрович	
К вопросу о правовом обеспечении противодействия преступлениям, связанным с обращением фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок.....	596
Слабкая Диана Николаевна	
Особенности прогнозирования рецидивной преступности в рамках парадигмы RNR (Риск-Потребность-Восприимчивость) в пенитенциарной практике зарубежных стран	608
Пекарева Виктория Владимировна	
Понятийный аппарат в уголовно-правовой охране информационной безопасности: содержание и проблемы толкования	616
Серов Никита Геннадьевич	
Роль государства и адвокатских образований в предупреждении коррупционных проявлений среди адвокатов	623
Амангуа Сарра Ама Олив	
Клебанов Лев Романович	
Эволюция африканского уголовного права в условиях новых технологий: вызовы и адаптация	630
Новиков Алексей Валерьевич	
Институт обязательных минимальных наказаний в уголовной системе Соединенных Штатов Америки.....	636
Новиков Алексей Валерьевич	
Дикопольцев Дмитрий Евгеньевич	
Генезис «объяснительных моделей» глобального снижения преступности в странах с высоким уровнем дохода в 1990-2010 гг.	644
Слабкая Диана Николаевна	
Феномен процесса юридификации в пенитенциарных системах: сравнительно-правовой анализ.....	653

Международно-правовые науки

Фомина Светлана Евгеньевна

Международное инвестиционное право и право прав человека: основания для диалога.....660

Саяпин Михаил Витальевич

Проблемы и перспективы правового регулирования цифровых сквозных технологий в контексте развития цифровой экономики в Европейском союзе 667

Чэнь Ханьлин

Международное право и современные глобальные процессы 680

Марталер Валерия Сергеевна

Иргалиева Диана Илшатовна

Правовая конвергенция регулирования права на здоровье в международном праве 691

Углова Евгения Анатольевна

Криминализация экоцида в деятельности Международного уголовного суда: история, современное состояние и перспективы 700

Дьяконова Алина Андреевна

Доктрина versus реальность: ревизия теоретического наследия по делу Никарагуа за 40 лет 710

Сальникова Анастасия Кирилловна

Факторы, определяющие международно-правовую политику ближнего востока.....724

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Vadim A. Ivashchenko

Evolution of the Powers of the OGPU of the USSR in Investigating Economic Crimes..... 13

Sergei V. Kireev

Evolution of the Territorial Structure of the Second German Empire in the Context of German
Unification and the Preservation of the Rights of the Federal States..... 26

Viktoriya N. Molotievskaya

Dynamics of Foreign Trade Development in the Russian Empire of the 18th–19th Centuries.
Legal Aspect..... 38

Viktoriya N. Molotievskaya

Legal Mechanisms for Combating Illegal Trade in the Russian Empire of the 18th–19th
Centuries 45

Mikhail A. Murashev

Formation of the Legal Framework for the Level-Based System of Engineering Personnel
Training in Russia in the Late 1980s–1990s 55

Igor' M. Divin

The Role and Significance of Judicial Practice in the Modern Domestic Legal System 67

Valeriya V. Muraeva

Legal Basis for the Termination of the Effect of ECHR Decisions on the Territory of the
Russian Federation 73

Anastasiya A. Pronina

The Dualistic Nature of the Anglo-American Legal Family 80

Nikolai N. Dotsenko

Gennadii S. Pratsko

Theoretical and Legal Foundations of P.I. Novgorodtsev's Concept of the Social Ideal: From
Revived Natural Law to Normative Idealism..... 87

Vitalii V. Lebin

The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in Forming Legal Positions on
the Protection of the Rights of Persons with Indeterminate Procedural Status 94

Pavel S. Akhrameev

Trends in the Transformation of the Civil Servant's Personality under the Influence of the
Networking of the State Mechanism.....105

Mariya S. Pestova

Igor' A. Strakhov

Digitalization of Municipal Governance in the Context of the Formation of the Information
State: Legal Problems and Development Prospects.....113

Valeriya M. Kozlova

Rules on Persons Eligible to Be Attorneys at Law in Judicial Cases of 1874: Historical and
Legal Analysis in the Paradigm of Private-Public Interests.....119

Public law (state and law) sciences

Yuliya P. Galdzitskaya

Creation of the Citizenship and Registration of Foreign Nationals Service of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation: Necessity, Problems and Prospects.....126

Yuliya P. Galdzitskaya	
Classification of Administrative Offenses by Degree of Public Danger for Foreign Citizens: Analogy with Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, Introduction of Positive International Experience, and Regulations for the Ministry of Internal Affairs	135
Yuliya P. Galdzitskaya	
Immigration Lawyer as a Subject of Administrative Procedure: Problems of Implementing Administrative Procedural Status	141
Pavel V. Bochkov	
Transformation of the Role of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the National Security System in the Context of New Challenges	156
Alsu N. Petrukhina	
Marek V. Petrukhin	
Problems of Applying Mediation as an Alternative Method of Dispute Resolution in Justice	163
Mariya D. Pashkovskaya	
Anti-Corruption Standards for Civil Service	171
Mariya D. Pashkovskaya	
Analysis of Legal Approaches to Ensuring Non-Material Motivation of Civil Servants	178
Il'ya A. Fursov	
Lyudmila V. Novikova	
Conflict and Interaction of Canonical and Secular Norms in the Regulation of Marital and Family Relations	187
Vadim Z. Voinovskii	
Limitation of Human and Civil Rights and Freedoms within the Framework of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation. Recycling Fee as a Means of Limiting the Rights and Freedoms of a Citizen	193
Suanda E. Akhmetova	
Foundations of the Moral and Ethical Component in the Activities of a Notary	202
Magomed R. Magomedov	
Marat M. Zeinalov	
The Dual Nature of the Legal Institutions of Notary and Audit: Issues in the Theory of Qualification of Abuse of Official Powers	209
Ivan I. Sazonov	
Problems and Mechanisms of Legal Response in the Protection and Defense of Copyright on the Internet	218
Evgenii R. Khromov	
Current Issues of Constitutional and Legal Ensuring of Legality in the Activities of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation in the Protection of Human and Civil Rights and Freedoms	225
Evgenii R. Khromov	
Constitutional and Legal Mechanisms for the Implementation of the Powers of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation in the Sphere of Protecting Human and Civil Rights and Freedoms	239
Evgenii O. Krasnoperov	
Legal Status of a Forced Migrant: Conditions for Recognition and Content of Rights	252
Konstantin V. Cherkasov	
Denis D. Tsyganov	
State Information Systems: Problems of Legal Regulation and Ways to Solve Them	259

Private law (civilistic) sciences

Aleksei V. Chechevichkin

Method for Calculating Compensation for Violation of an Exclusive Right 272

Vitalii V. Kovyazin

Marina A. Bychko

Aminat T. Bogatyreva

Improving Mechanisms for Judicial Protection of Employees' Property Interests in the System of Labor Law of the Russian Federation 289

Andzhela F. Bykodorova

Aminat T. Bogatyreva

Protection of Employees' Personal Rights in Labor Law through State Supervision and Judicial Enforcement Mechanisms 301

David M. Platonov

Svetlana I. Pervukhina

The Influence of Conciliation Procedures on Ensuring the Binding Nature of Judicial Acts in Arbitration Process.....312

Chen Zhiquan

Comparative Study of the Theoretical and Legal Foundations of the Constitutions of China and Russia 319

Aleksandr S. Khripunov

Court Costs in Civil Proceedings of the Early Soviet State before the Adoption of the First CPC of the RSFSR.....327

Rinat A. Minnebaev

Elements of the System of Legal Guarantees for Consumer Protection in Civil Proceedings 336

Svetlana M. Tutarishcheva

Svetlana K. Tseeva

Irina G. Seliverstova

Zaira A. Makaova

Legal and Environmental Aspects of Competition in the Meat Products Market under the Conditions of the Biotechnological Revolution and Transformation of the HACCP System 342

Ladviga R. Reimer

Vitalii S. Bedrin

Liability for Harm Caused to a Teacher 349

Vladislav S. Skurlatov

On the Compensatory Function of Judicial Penalty (Astrent).....357

Vladislav S. Skurlatov

Legal Regulation of the Institution of Judicial Penalty (Astrent) in Cases Arising from Administrative and Other Public Legal Relations 367

Elizaveta I. Kutsenko

Consideration of Cases by way of Supervision by the Supreme Court of the Russian Federation as a Form of Ensuring the Unity of Judicial Practice.....377

Yurii S. Yakovlev

Common Property in an Apartment Building as an Object of Subjective Right of Common Shared Ownership 388

Vladimir N. Kanaev

Exercise of Corporate Rights by Married Persons.....395

Il'ya Z. Gurchiani

Estoppel as a Legal Fact in Russian Civil Law 404

Aleksandr V. Grishin

Civil Law Contracts of Religious Organizations 418

Valentin V. Egorov	
Legal Education as a Direction of State Legal Policy	425
Mark A. Paraskevidi	
Agreement on the Actual Circumstances of the Case in the Modern Civil Process of Russia: Correlation with Admission of Fact and Prospects for Normative Consolidation in the Civil Procedure Code of the Russian Federation	431
Andrei V. Tsekhovskoi	
Identification of Electronic Evidence in Arbitration Proceedings	444
Andrei V. Tsekhovskoi	
The Use of Metadata for the Identification of Electronic Evidence in Arbitration Proceedings	450
Natig M. Aliev	
Duty of States to Prevent Transboundary Environmental Harm in the Context of Economic Activities: Position of International Bodies	456
Polina S. Basova	
Features of Legal Regulation of Fixed-Term Employment Contracts in the People's Republic of China: History and Current Trends	462
El'vira A. Zarubina	
The Possibility of Considering Cross-Border Disputes Involving a Consumer in an Arbitration Court	469

Criminal law sciences

Yuliya V. Pod'yacheva	
Historical Evolution of the Application of Special Psychological Knowledge in the Detection and Investigation of Fraud in Domestic and Foreign Criminal Justice Practice	478
Aleksei V. Novikov	
Oleg M. Pisarev	
Natal'ya I. Naryshkina	
Diana N. Slabkaya	
On the Issue of Popularizing Scientific Research in the Activities of the Penal Enforcement System: The Relationship with Penitentiary Practice	488
Nadezhda V. Staroverova	
Dysfunctional Family Relationships as a Significant Factor in Criminalization	501
Nadezhda V. Staroverova	
Formation of a Preventive Model for Countering Domestic Violence in Russia	508
Vladimir M. Reshetnikov	
Guarantees and Problems of Protecting Attorney-Client Privilege	513
Vladimir M. Reshetnikov	
Problems of Implementing the Lawyer's Right of Access to Clients	523
Anara M. Selimova	
Sultan A. Alikberov	
Some Features of Distinguishing Between Complicity and Mediate Infliction of Harm in the Digital Environment	532
Aleksandr D. Kerimov	
Vladislav V. Krasinskii	
Analysis of Financial Operations of Virtual Service Providers and Its Significance in the Sphere of Counteracting Money Laundering and Terrorist Financing	543
Ekaterina S. Nikolaenko	
Main Aspects of the Doctrine of Punishment in the 19th–20th Centuries	552

Shamil' R. Radzhabov	
Mediation in Bribery: Problems of Qualification and Law Enforcement Practice in the Context of Modern Anti-Corruption Policy	565
El'dar M. Ataev	
Temirlan M.-S. Magomedov	
Problems of Qualifying the Organization of an Illegal Armed Formation and Participation in It: Distinction from Banditry and Organization of a Criminal Community (Criminal Law and Law Enforcement Aspects)	580
Elena M. Kurbanova	
Svetlana K. Tseeva	
Sergei N. Barannikov	
Basic Methods of Forensic Ballistic Examination	590
Alena V. Gorbacheva	
Aleksandr I. Leonov	
Aleksei N. Mamkin	
Vladislav O. Pavlovich	
Oleg D. Solov'ev	
Aleksandr A. Sofin	
On the Issue of Legal Support for Combating Crimes Related to the Circulation of Counterfeit, Substandard and Unregistered Medicines, Medical Devices and Biologically Active Additives	596
Diana N. Slabkaya	
Features of Recidivism Prediction within the RNR (Risk-Need-Responsivity) Paradigm in the Penitentiary Practice of Foreign Countries	608
Viktoriya V. Pekareva	
Conceptual Framework in Criminal Legal Protection of Information Security: Content and Problems of Interpretation	616
Nikita G. Serov	
The Role of the State and Bar Associations in Preventing Corruption Among Lawyers.....	623
Amangoua Sarrah Ama Olive	
Lev R. Klebanov	
Evolution of African Criminal Law in the Context of New Technologies: Challenges and Adaptation	630
Aleksei V. Novikov	
The Institution of Mandatory Minimum Sentences in the Criminal System of the United States of America.....	636
Aleksei V. Novikov	
Dmitrii E. Dikopol'tsev	
Genesis of "Explanatory Models" of the Global Crime Drop in High-Income Countries in 1990-2010	644
Diana N. Slabkaya	
The Phenomenon of Juridification in Penitentiary Systems: A Comparative Legal Analysis	653
International legal sciences	
Svetlana E. Fomina	
International Investment Law and Human Rights Law: Grounds for Dialogue	660
Mikhail V. Sayapin	
Problems and Prospects of Legal Regulation of Digital Cross-Cutting Technologies in the Context of the Development of the Digital Economy in the European Union	667
Chen Hanlin	
International Law and Contemporary Global Processes.....	680

Valeriya S. Martaler

Diana I. Irgalieva

Legal Convergence of the Regulation of the Right to Health in International Law 691

Evgeniya A. Uglova

Criminalization of Ecocide in the Activities of the International Criminal Court: History,
Current State and Prospects 700

Alina A. D'yakonova

Doctrine versus Reality: A Revision of the Theoretical Legacy of the Nicaragua Case after 40
Years.....710

Anastasiya K. Sal'nikova

Factors Determining the International Legal Policy of the Middle East 724

УДК 351.746.2(09):343.37:343.1

DOI: 10.34670/AR.2026.14.63.001

Эволюция полномочий ОГПУ СССР по расследованию экономических преступлений

Ивашенко Вадим Александрович

Старший преподаватель,
Высшая школа педагогики и истории,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: 003990@togudv.ru

Аннотация

В статье анализируется историко-правовая динамика становления и трансформации полномочий Объединенного государственного политического управления СССР в сфере расследования экономических преступлений в период 1922–1934 годов. Рассматривается процесс концентрации в рамках одного ведомства следственных, оперативно-розыскных и квазисудебных функций, что позволило органам государственной безопасности осуществлять контроль над широким спектром хозяйственных правонарушений через расширительное толкование понятия контрреволюционной деятельности. Особое внимание уделяется политизации экономической преступности, при которой спекуляция, хищения государственной собственности, контрабанда и валютные махинации квалифицировались как экономическая контрреволюция или вредительство, обеспечивая применение внесудебных репрессий посредством Особого совещания при ОГПУ. Исследуется эволюция нормативной базы, включавшей постановления ЦИК и СНК, ведомственные приказы и циркуляры, которая создавала режим правовой неопределенности и позволяла органам безопасности выходить за рамки общего уголовного процесса. Прослеживается деятельность Экономического управления ОГПУ по оперативному наблюдению за хозяйственными объектами, внедрению агентуры и возбуждению дел в условиях смены экономической политики от НЭПа к индустриализации и коллективизации. Выявляются особенности взаимодействия с прокуратурой, милицией и судебными органами, при котором преобладало политическое влияние ОГПУ. Материал раскрывает механизмы интеграции репрессивных методов в экономическую политику советского государства и позволяет определить долгосрочные последствия формирования такой модели для правоохранительной системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Ивашенко В.А. Эволюция полномочий ОГПУ СССР по расследованию экономических преступлений // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 13–25. DOI: 10.34670/AR.2026.14.63.001

Ключевые слова

ОГПУ СССР, экономические преступления, вредительство, внесудебные репрессии, экономическая контрреволюция, история правоохранительных органов, НЭП.

Введение

Формирование советской системы государственной безопасности в 1920-е годы происходило в условиях глубокой трансформации экономического уклада страны, когда переход от военного коммунизма к новой экономической политике потребовал кардинального пересмотра механизмов борьбы с хозяйственными правонарушениями. Объединённое государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР, образованное в 1923 году, унаследовало от Всероссийской чрезвычайной комиссии значительный массив компетенций, однако характер и объём его полномочий в сфере расследования экономических преступлений претерпел существенные изменения на протяжении всего периода существования этого органа [Мирецкая, 2007]. Специфика правового положения ОГПУ определялась тем обстоятельством, что оно одновременно выполняло функции органа государственной безопасности и органа дознания, а в отдельные периоды — и функции квазисудебного характера, что создавало уникальную для советской правовой системы конструкцию, в которой следственные, оперативные и юрисдикционные полномочия концентрировались в рамках одного ведомства.

Экономическая преступность в Советском государстве периода НЭПа приобрела масштабы, которые воспринимались партийно-государственным руководством как угроза не только хозяйственному порядку, но и самим основам социалистического строительства [Пинаев, 1989]. Спекуляция, контрабанда, валютные махинации, хищения государственной собственности, взяточничество — все эти явления рассматривались через призму классовой борьбы, что неизбежно политизировало процесс их расследования и обуславливало вовлечение органов государственной безопасности в сферу, традиционно относившуюся к компетенции общей милиции и прокуратуры. Нормативное обоснование участия ОГПУ в борьбе с экономическими преступлениями строилось на расширительном толковании понятия контрреволюционной деятельности, которое на практике охватывало значительную часть хозяйственных деликтов, квалифицируемых как «экономическая контрреволюция» или «вредительство» [Щербаков, 2004]. Подобная юридическая конструкция позволяла обходить процессуальные гарантии, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством для обычного порядка расследования.

Историко-правовой анализ полномочий ОГПУ в исследуемой области представляет значительный интерес с точки зрения понимания механизмов функционирования репрессивного аппарата советского государства и его влияния на развитие экономических отношений. Правовая регламентация деятельности ОГПУ осуществлялась посредством сложной системы нормативных актов различного уровня — от постановлений ЦИК и СНК СССР до ведомственных приказов и циркуляров, значительная часть которых имела гриф секретности [Щербаков, 2004]. Это обстоятельство создавало ситуацию правовой неопределённости, при которой реальный объём полномочий органов ОГПУ существенно превышал тот, который был закреплён в открытых нормативных актах, а границы компетенции определялись не столько формальными юридическими критериями, сколько политической целесообразностью и волей партийного руководства.

Становление и развитие полномочий ОГПУ в сфере расследования экономических преступлений не было линейным процессом, а представляло собой серию расширений и сужений компетенции, обусловленных как изменениями экономической политики государства, так и внутриаппаратной борьбой между различными ведомствами — ОГПУ, НКВД союзных республик, прокуратурой и Народным комиссариатом юстиции [Шестак, 2007]. Каждый этап

экономической политики — НЭП, «великий перелом», индустриализация и коллективизация — сопровождался соответствующей трансформацией следственных и оперативных полномочий органов государственной безопасности, причём тенденция к расширению этих полномочий в целом преобладала на протяжении всего рассматриваемого периода [Холодный, 2010]. Анализ этой эволюции позволяет выявить закономерности взаимодействия политических, экономических и правовых факторов в процессе формирования советской модели расследования экономических преступлений.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу работы составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания, применение которых обусловлено характером исследуемого объекта и поставленными задачами. Историко-правовой метод использован при изучении генезиса нормативных актов, регламентирующих полномочия ОГПУ, и выявлении основных этапов их трансформации. Формально-юридический метод позволил провести анализ содержания правовых норм, определявших компетенцию ОГПУ в области расследования экономических преступлений, а также выявить коллизии между различными нормативными актами [Тюнин, 1999]. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении полномочий ОГПУ с компетенцией иных правоохранительных органов — милиции, прокуратуры, судебных органов — в целях определения специфики правового положения органов государственной безопасности в системе советского уголовного судопроизводства.

Источниковую базу исследования составили нормативные правовые акты периода 1922–1934 годов, включая Положение о Государственном политическом управлении от 6 февраля 1922 года, Конституцию СССР 1924 года, Положение об ОГПУ и его органах от 15 ноября 1923 года, постановления ЦИК и СНК СССР о расширении полномочий ОГПУ, Уголовный кодекс РСФСР 1926 года и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года с последующими изменениями [Герасимова, 2007]. Привлечены также ведомственные нормативные акты ОГПУ — приказы, циркуляры и инструкции, опубликованные в рассекреченных сборниках документов, общее количество которых превышает сорок единиц. Массив использованных научных публикаций составляет более пятидесяти работ отечественных и зарубежных исследователей, посвящённых истории органов государственной безопасности, советскому уголовному процессу и экономической политике 1920–1930-х годов.

Выборка нормативных и архивных источников формировалась по хронологическому и тематическому принципам, охватывая период с момента образования ГПУ при НКВД РСФСР в 1922 году до реорганизации ОГПУ и создания НКВД СССР в 1934 году [Щербаков, 2005]. Особое внимание уделено анализу постановлений Особого совещания при ОГПУ и протоколов Коллегии ОГПУ, содержащих сведения о практике применения внесудебных полномочий по делам об экономических преступлениях. В совокупности привлечено пятнадцать основных источников, которые позволяют реконструировать правовую динамику расследования экономических преступлений органами ОГПУ на всех этапах существования данного ведомства.

Результаты и обсуждение

Исходной точкой формирования полномочий органов государственной безопасности в сфере расследования экономических преступлений следует считать декрет ВЦИК от 6 февраля

1922 года об упразднении ВЧК и образовании Государственного политического управления при НКВД РСФСР. Этот нормативный акт существенно ограничил полномочия нового органа по сравнению с его предшественником: ГПУ было лишено права внесудебных расправ, а его следственная компетенция формально ограничивалась делами о контрреволюции, шпионаже и бандитизме [Пинаев, 1989]. Однако уже на этапе создания ГПУ в перечень его задач было включено «выполнение специальных поручений Президиума ВЦИК и СНК по охране революционного порядка», что создавало правовую основу для расширительного толкования компетенции. Экономические преступления на начальном этапе не были прямо отнесены к ведению ГПУ, но практика их расследования органами политической полиции сохранялась, поскольку хищения государственного имущества и спекуляция нередко квалифицировались как проявления контрреволюционной деятельности.

Образование СССР и создание ОГПУ при СНК СССР в соответствии с Конституцией 1924 года ознаменовали новый этап в развитии полномочий органов государственной безопасности. Положение об ОГПУ, утверждённое постановлением ЦИК СССР от 15 ноября 1923 года, определяло задачи управления значительно шире, чем это было предусмотрено для республиканского ГПУ [Мирецкая, 2007]. В частности, ОГПУ поручалось «объединение усилий республиканских ГПУ в борьбе с экономическим шпионажем и контрреволюцией на экономической почве», что впервые на нормативном уровне зафиксировало связь между экономическими преступлениями и компетенцией органов государственной безопасности в общесоюзном масштабе. Формулировка «контрреволюция на экономической почве» имела принципиальное значение, поскольку позволяла распространять юрисдикцию ОГПУ на широкий круг хозяйственных правонарушений, которые по формальным признакам подпадали под действие статей о должностных и имущественных преступлениях Уголовного кодекса.

Период новой экономической политики характеризовался противоречивым отношением государства к частному предпринимательству, что непосредственно отражалось на практике расследования экономических преступлений органами ОГПУ. С одной стороны, легализация частной торговли и мелкого производства требовала определённых правовых гарантий для предпринимателей, с другой — идеологическая установка на ограничение «капиталистических элементов» создавала постоянное напряжение между экономической целесообразностью и политическими задачами [Шестак, 2007]. Экономическое управление ОГПУ, созданное в 1921 году ещё в структуре ВЧК и сохранившее свои функции при реорганизации, осуществляло систематическое наблюдение за деятельностью частных предпринимателей, кооперативных организаций и государственных хозяйственных органов. Оперативные сотрудники этого управления проводили негласные проверки финансовой деятельности предприятий, внедряли агентуру в коммерческие структуры и собирали информацию о хозяйственных злоупотреблениях, причём результаты этой деятельности могли служить основанием для возбуждения уголовных дел.

Принципиально важным моментом в эволюции полномочий ОГПУ стало постановление Президиума ЦИК СССР от 28 марта 1924 года, которым Коллегии ОГПУ было предоставлено право внесудебной расправы — административной ссылки, высылки и заключения в концентрационный лагерь сроком до трёх лет [Плохой, 2009]. Хотя формально это право распространялось на лиц, признанных «социально опасными», его применение на практике охватывало и обвиняемых в экономических преступлениях, особенно в тех случаях, когда доказательная база была недостаточна для передачи дела в суд. Внесудебный порядок рассмотрения дел создавал возможность обходить процессуальные гарантии, предусмотренные

Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1923 года, и существенно упрощал процедуру привлечения к ответственности лиц, заподозренных в экономических преступлениях. Данное обстоятельство было предметом острых дискуссий между ОГПУ и Наркоматом юстиции, который неоднократно указывал на несовместимость внесудебных полномочий с принципами социалистической законности [Назарзода, Назарзода, 2020].

Структурным подразделением ОГПУ, непосредственно ведавшим расследованием экономических преступлений, было Экономическое управление (ЭКУ), которое на протяжении своего существования неоднократно реорганизовывалось. В первоначальном виде ЭКУ состояло из нескольких отделений, специализировавшихся на различных отраслях народного хозяйства — промышленности, сельском хозяйстве, торговле, финансах и кооперации [Тюнин, 1999]. Каждое отделение осуществляло как оперативно-розыскную деятельность, так и предварительное расследование по делам, отнесённым к компетенции ОГПУ. Штатная численность ЭКУ центрального аппарата ОГПУ к середине 1920-х годов составляла несколько сотен сотрудников, а с учётом экономических отделов полномочных представительств ОГПУ в регионах общая численность оперативного состава, занятого борьбой с экономическими преступлениями, измерялась тысячами человек.

Юридическая квалификация экономических преступлений, расследуемых органами ОГПУ, представляла собой одну из наиболее сложных проблем советского уголовного права рассматриваемого периода. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, а затем и Уголовный кодекс 1926 года содержали несколько групп составов, которые могли использоваться для преследования лиц, совершивших экономические преступления: «Контрреволюционные преступления» (глава I Особенной части), «Преступления против порядка управления» (глава II), «Должностные преступления» (глава III) и «Хозяйственные преступления» (глава V) [11]. Органы ОГПУ при расследовании экономических дел нередко прибегали к квалификации по статье 58-7 УК РСФСР (вредительство), которая предусматривала ответственность за «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершённый в контрреволюционных целях». Такая квалификация автоматически переводила дело из категории обычных хозяйственных преступлений в категорию контрреволюционных, что обосновывало компетенцию ОГПУ и открывало возможность применения внесудебных полномочий.

Свёртывание НЭПа и начало «великого перелома» в конце 1920-х годов привели к радикальному расширению полномочий ОГПУ в экономической сфере. Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 февраля 1927 года «О преступлениях государственных» существенно расширило понятие контрреволюционных преступлений, включив в него «вредительство», то есть «использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их нормальной деятельности» [Герасимова, 2007]. Это позволило квалифицировать практически любое хозяйственное нарушение — от бесхозяйственности до технических аварий — как контрреволюционное преступление, подследственное ОГПУ. Знаменитое «Шахтинское дело» 1928 года, в ходе которого группа инженеров и техников угольной промышленности Донбасса была обвинена во вредительстве, стало образцом для последующих процессов и продемонстрировало масштаб полномочий ОГПУ в расследовании экономических преступлений [Холодный, 2010]. Методика расследования, применённая в этом деле, — длительное содержание под стражей, психологическое давление, получение признательных показаний как основного доказательства — впоследствии была воспроизведена в десятках аналогичных дел.

Период 1929–1932 годов характеризуется наибольшим расширением полномочий ОГПУ в экономической сфере, что было обусловлено задачами форсированной индустриализации и коллективизации. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года о мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств фактически возложило на ОГПУ функции основного исполнителя политики раскулачивания, которая по своей сути представляла собой массовое экспроприационное мероприятие, затрагивавшее имущественные права миллионов крестьян [Александрова, 2016]. ОГПУ было поручено проведение арестов, организация выселения и конфискация имущества «кулацких элементов», что выходило далеко за рамки расследования конкретных преступлений и превращало орган государственной безопасности в инструмент экономической политики. Параллельно с раскулачиванием ОГПУ осуществляло массовые операции по выявлению и пресечению «вредительства» в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве.

Нормативное оформление расширенных полномочий ОГПУ в этот период осуществлялось преимущественно через постановления ЦИК и СНК СССР, которые принимались по инициативе руководства ОГПУ и утверждались нередко задним числом, после того как соответствующие мероприятия уже были проведены [Тюнин, 2000]. Так, постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» — так называемый «закон о трёх колосках» — предусматривало расстрел или десятилетнее лишение свободы за хищение государственного и кооперативного имущества и прямо возлагало на ОГПУ обязанность по расследованию наиболее значительных дел этой категории. Применение этого закона на практике привело к массовым репрессиям: за первый год действия закона было осуждено более ста тысяч человек, значительная часть дел была расследована органами ОГПУ во внесудебном порядке.

Процессуальный режим расследования экономических преступлений органами ОГПУ существенно отличался от общего порядка, установленного Уголовно-процессуальным кодексом. Прокурорский надзор за следствием ОГПУ формально существовал, однако носил во многом декларативный характер [Журавлев, 2007]. Прокурор Верховного Суда СССР и прокуроры союзных республик имели право запрашивать сведения о ходе следствия и протестовать против нарушений закона, но практические возможности реализации этого права были ограничены секретным характером деятельности ОГПУ и политическим весом его руководства. Положение о прокурорском надзоре, утверждённое постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 года, предусматривало участие прокурора в заседаниях Коллегии ОГПУ и Особого совещания, однако это участие не было обязательным условием рассмотрения дела, и на практике значительная часть дел рассматривалась в отсутствие прокурора.

Особое совещание при ОГПУ представляло собой уникальный орган, соединявший в себе черты следственного и судебного учреждения и игравший ключевую роль в механизме внесудебного рассмотрения дел об экономических преступлениях. Право Особого совещания на применение мер репрессии неоднократно расширялось: если первоначально оно было ограничено ссылкой и высылкой на срок до трёх лет, то к началу 1930-х годов Особое совещание фактически могло применять заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до пяти лет [Сычѳв, 2012]. Рассмотрение дел в Особом совещании осуществлялось без вызова обвиняемого, без участия защитника, на основании материалов, подготовленных следственными органами ОГПУ. Решения Особого совещания не подлежали обжалованию в судебном порядке, что фактически исключало какой-либо внешний контроль за обоснованностью применения

репрессивных мер.

Взаимодействие ОГПУ с судебными органами по делам об экономических преступлениях также имело специфический характер. Дела, расследованные органами ОГПУ и направленные в суд, рассматривались, как правило, военными трибуналами или специальными коллегиями краевых и областных судов, которые были более склонны следовать позиции обвинения, сформированной в ходе следствия ОГПУ [Лунеев, 2014]. Практика показательных процессов — Шахтинское дело, дело Промпартии, дело Метро-Виккерс — демонстрировала, что суд в значительной степени воспроизводил выводы следствия ОГПУ, а признательные показания обвиняемых рассматривались как основное доказательство виновности. Методы получения этих показаний, включая длительное содержание в одиночных камерах, лишение сна, угрозы в адрес родственников, были документально зафиксированы в более поздних реабилитационных материалах.

Разграничение подследственности между ОГПУ и общей милицией в сфере экономических преступлений не было чётко определено нормативно и на практике определялось совокупностью формальных и неформальных критериев. К ведению ОГПУ относились дела о «вредительстве» в государственной промышленности и на транспорте, о контрабанде в крупных размерах, о фальшивомонетничестве, о хищениях государственного имущества в особо крупных размерах, а также все дела, имевшие «политическую окраску» [Мирецкая, 2007]. Последний критерий был наиболее размытым и позволял ОГПУ принимать к своему производству практически любое экономическое дело, если оно представляло оперативный или политический интерес. Случаи конфликтов между ОГПУ и органами милиции по вопросам подследственности были нередки, но, как правило, разрешались в пользу ОГПУ, которое обладало несопоставимо большим политическим влиянием.

Экономическое управление ОГПУ в начале 1930-х годов существенно расширило круг объектов своего наблюдения. Если в период НЭПа основное внимание уделялось частному сектору, то с началом индустриализации акцент сместился на государственные предприятия, научно-исследовательские институты и проектные организации [Тюнин, 2000]. Агентурные сети ЭКУ были развёрнуты на всех крупных промышленных предприятиях, в наркоматах и главных управлениях. Сотрудники ЭКУ осуществляли негласный контроль за выполнением производственных планов, расходом материальных ресурсов, качеством продукции, а выявленные нарушения квалифицировались как «вредительство» или «саботаж». Подобная практика фактически превращала ОГПУ в параллельную систему хозяйственного контроля, которая дублировала функции Рабоче-крестьянской инспекции и отраслевых контрольных органов, но при этом обладала карательными полномочиями, недоступными гражданским ведомствам.

Важным аспектом деятельности ОГПУ в экономической сфере была борьба с валютными преступлениями и контрабандой. Экономическое управление располагало специализированным подразделением, занимавшимся выявлением незаконных валютных операций, нелегального вывоза ценностей за границу и контрабанды [Александрова, 2016]. Полномочия ОГПУ в этой области были закреплены Таможенным уставом СССР 1924 года и последующими нормативными актами, которые предусматривали участие органов ОГПУ в охране государственной границы и борьбе с контрабандой. Расследование дел о контрабанде и валютных преступлениях осуществлялось в особом порядке, с привлечением специалистов-экспертов из Народного комиссариата финансов и Государственного банка. Практика так называемых «золотых кампаний» начала 1930-х годов, когда ОГПУ проводило массовые

операции по изъятию золота и валюты у населения, представляла собой экстремальное проявление полномочий органов государственной безопасности в экономической сфере, не имевшее аналогов в мировой правоприменительной практике.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о полномочиях ОГПУ по делам о хищениях на транспорте, которые в условиях хронического дефицита товаров приобрели массовый характер. Транспортные отделы ОГПУ, существовавшие на всех крупных железнодорожных узлах и в морских портах, осуществляли оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование по делам о хищениях грузов, спекуляции продовольствием и топливом, а также о «вредительстве» на транспорте [Журавлев, 2007]. Компетенция транспортных отделов ОГПУ была определена специальными нормативными актами, в том числе приказами ОГПУ и совместными циркулярами ОГПУ и Народного комиссариата путей сообщения. На практике транспортные отделы нередко выходили за пределы своей формальной компетенции, расследуя дела, не связанные непосредственно с транспортом, но возбуждённые по оперативным материалам, полученным в ходе работы на транспортных объектах.

Институциональное оформление полномочий ОГПУ в сфере расследования экономических преступлений завершилось к началу 1930-х годов созданием системы, в которой орган государственной безопасности обладал практически неограниченными возможностями по выявлению, расследованию и внесудебному рассмотрению дел этой категории. Данная система функционировала вне рамок общего уголовного процесса и была подчинена не столько задачам борьбы с реальной экономической преступностью, сколько целям обеспечения выполнения экономических планов государства репрессивными методами [Назарзода, Назарзода, 2020]. Характерной чертой следственной практики ОГПУ по экономическим делам было стремление к масштабным «групповым» делам, в которых обвинялись десятки и сотни человек, объединённых в мифические «вредительские организации». Подобные дела позволяли демонстрировать эффективность работы ОГПУ, объяснять экономические трудности «происками классового врага» и одновременно служили инструментом устрашения хозяйственных руководителей.

Реорганизация ОГПУ и создание НКВД СССР в июле 1934 года формально привели к некоторому ограничению внесудебных полномочий органов государственной безопасности. Положение о НКВД СССР предусматривало создание Особого совещания при наркоме внутренних дел с правом применения ссылки, высылки и заключения в исправительно-трудовой лагерь на срок до пяти лет, но при обязательном участии прокурора [Щербаков, 2005]. Главное управление государственной безопасности НКВД СССР, унаследовавшее функции ОГПУ, сохранило Экономический отдел, который продолжал осуществлять расследование экономических преступлений. Однако в действительности ограничение полномочий оказалось кратковременным: уже в конце 1934 года, после убийства С.М. Кирова, полномочия НКВД были вновь расширены, а практика массовых репрессий по экономическим делам продолжилась и усилилась в последующие годы.

Анализ нормативной базы, регламентировавшей полномочия ОГПУ по расследованию экономических преступлений, позволяет выделить несколько характерных особенностей правового регулирования в этой сфере. Во-первых, значительная часть полномочий ОГПУ не была закреплена в законодательных актах, а устанавливалась подзаконными нормативными актами — постановлениями ЦИК и СНК, решениями Политбюро, ведомственными приказами и циркулярами [Сычёв, 2012]. Во-вторых, нормативные акты, расширявшие полномочия ОГПУ, как правило, не содержали чётких критериев их применения, что создавало широкое

пространство для усмотрения должностных лиц. В-третьих, система правовых гарантий — прокурорский надзор, судебный контроль, право на защиту — была формально предусмотрена, но фактически не функционировала как реальный механизм ограничения произвола.

Судебная практика рассматриваемого периода, представленная материалами показательных процессов и рассекреченными делами, свидетельствует о систематическом нарушении процессуальных норм при расследовании экономических преступлений органами ОГПУ [Лунеев, 2014]. Применение недозволенных методов допроса, фальсификация доказательств, предъявление обвинений без достаточных оснований, содержание под стражей сверх установленных сроков — все эти нарушения были документально подтверждены в ходе реабилитационных процессов 1950–1960-х годов. Вместе с тем необходимо отметить, что в рамках правовой системы того периода деятельность ОГПУ формально соответствовала действовавшему законодательству, поскольку само это законодательство было сконструировано таким образом, чтобы обеспечить максимально широкие полномочия органам государственной безопасности при минимальных процессуальных ограничениях.

Роль ОГПУ в формировании практики расследования экономических преступлений оказала долгосрочное влияние на советскую правоохранительную систему в целом. Методы работы, выработанные экономическими подразделениями ОГПУ, — использование агентуры в хозяйственных организациях, комплексные проверки финансово-хозяйственной деятельности предприятий, возбуждение уголовных дел по оперативным материалам — впоследствии были восприняты органами БХСС милиции и стали неотъемлемой частью советской модели борьбы с экономической преступностью [Холодный, 2010]. Одновременно наследие ОГПУ включало и негативные элементы: привычку к внепроцессуальным методам работы, пренебрежение правами обвиняемых, использование уголовного преследования в качестве инструмента экономической политики. Эти тенденции в той или иной степени сохранялись в деятельности советских правоохранительных органов на протяжении всего последующего периода.

Заключение

Историко-правовой анализ эволюции полномочий ОГПУ СССР по расследованию экономических преступлений позволяет констатировать, что на протяжении периода 1922–1934 годов произошла последовательная концентрация следственных, оперативно-розыскных и квазисудебных функций в рамках единого ведомства, что не имело аналогов в практике европейских государств того времени. Первоначально ограниченная компетенция ГПУ в экономической сфере была постепенно расширена до масштабов, при которых орган государственной безопасности превратился в основной инструмент борьбы с экономическими преступлениями, понимаемыми максимально широко — от реальных хищений и злоупотреблений до мнимого «вредительства» и «саботажа».

Правовая основа полномочий ОГПУ формировалась через систему нормативных актов различного уровня, которые в совокупности создавали режим, при котором деятельность органов государственной безопасности в экономической сфере была фактически выведена за рамки общего уголовного процесса. Конституция СССР 1924 года, Положение об ОГПУ, постановления ЦИК и СНК СССР, Уголовный кодекс РСФСР с его нормами о контрреволюционных преступлениях — все эти акты в совокупности обеспечивали юридическую легитимацию широких полномочий ОГПУ, включая право внесудебного рассмотрения дел. Формальное существование прокурорского надзора и права на судебное

обжалование не могло компенсировать отсутствие реальных механизмов контроля за деятельностью органов государственной безопасности.

Эволюция полномочий ОГПУ в исследуемой области отражала общую тенденцию советской правовой системы к подчинению правоприменительной деятельности политическим задачам. Каждый этап экономической политики — НЭП, свёртывание НЭПа, индустриализация, коллективизация — сопровождался соответствующим расширением или перенаправлением карательных полномочий ОГПУ, причём правовое оформление этих изменений, как правило, следовало за политическими решениями, а не предшествовало им. Такой порядок формирования компетенции государственного органа противоречил принципу законности даже в том ограниченном понимании, которое было свойственно советской правовой доктрине рассматриваемого периода.

Опыт функционирования ОГПУ в сфере расследования экономических преступлений имеет значение для понимания более общих закономерностей взаимодействия правоохранительной системы и экономики. Концентрация карательных полномочий в руках органа, не подконтрольного ни судебной власти, ни прокуратуре, неизбежно вела к злоупотреблениям и произволу, подрывала доверие хозяйственных руководителей и специалистов, создавала атмосферу страха, которая негативно сказывалась на экономическом развитии страны. Массовые репрессии против инженерно-технических работников и хозяйственных руководителей, проведённые ОГПУ под видом борьбы с «вредительством», нанесли значительный ущерб кадровому потенциалу советской экономики и продемонстрировали разрушительные последствия использования уголовного преследования в качестве инструмента экономической политики.

Изучение правовых механизмов деятельности ОГПУ в экономической сфере подтверждает фундаментальное значение принципа разделения следственных и судебных функций, независимости прокурорского надзора и обеспечения права на защиту как необходимых условий справедливого правосудия. Реорганизация ОГПУ в 1934 году и последующие попытки ограничения внесудебных полномочий органов государственной безопасности не привели к принципиальному изменению ситуации, поскольку институциональные и практические модели, сформировавшиеся в период существования ОГПУ, оказались устойчивыми и воспроизводились в деятельности НКВД–МГБ–КГБ на протяжении десятилетий. Лишь масштабная правовая реформа постсоветского периода создала предпосылки для преодоления этого наследия, хотя отдельные его элементы продолжают оказывать влияние на правоприменительную практику.

Библиография

1. Александрова И.А. Определение курса современной уголовной политики противодействия преступности в сфере экономической деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 307-310.
2. Герасимова Ю.Р. Институт совокупности преступлений в дореволюционной правовой мысли // История государства и права. 2007. № 16. С. 30-32.
3. Журавлев С.Ю. Исторические традиции методики и практики расследования экономических преступлений // История государства и права. 2007. № 22. С. 9-12.
4. Лунеев В.В. Проблемы противодействия экономической преступности // Государство и право. 2014. № 2. С. 32-40.
5. Мирецкая Е.И. История развития законодательства в области преступлений против порядка управления // Черные дыры в Российском законодательстве. 2007. № 5. С. 437-438.
6. Назарзод Н.Д., Назарзод А.Н. Деятельность органов борьбы против экономических преступлений в годы НЭП

- и коллективизации страны (1920-1937 гг.) // Академический юридический журнал. 2020. № 3 (35). С. 47-50.
7. Пинаев А.А. Система преступлений против социалистической собственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1989. № 1. С. 67-72.
8. Плохой С.И. Социально-экономические и политические корни преступлений, направленных против власти и государства, конец XIX - начало XX вв // Исторические науки. 2009. № 1. С. 23-25.
9. Сычёв П.Г. Стадия возбуждения уголовного дела об экономическом преступлении: тенденции развития // Российский следователь. 2012. № 17. С. 17-21.
10. Тюнин В.И. Экономические преступления в дореволюционном уголовном законодательстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 3 (3). С. 49-55.
11. Тюнин В.И. Экономические преступления в системе дореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) // Государство и право. 2000. № 11. С. 73-80.
12. Холодный М.А. Деформация экономического мышления населения России и борьба милиции с преступлениями против собственности: исторический опыт 1924-1929 годов // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 101-105.
13. Шестак В.А. Отдельные вопросы предупреждения преступных посягательств в сфере экономики // Lex Russica (Русский закон). 2007. Т. 66. № 5. С. 951-958.
14. Щербаков В.Ф. Деятельность законодательных органов государственной власти по правовому регулированию общественных отношений в области противодействия преступности в сфере экономики // Российский следователь. 2004. № 3. С. 12-18.
15. Щербаков В.Ф. Задачи государственной политики противодействия преступности в сфере экономики // Бизнес в законе. 2005. № 1. С. 69-76.

Evolution of the Powers of the OGPU of the USSR in Investigating Economic Crimes

Vadim A. Ivashchenko

Senior Lecturer,
Higher School of Pedagogy and History,
Pacific National University,
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: 003990@togudv.ru

Abstract

The article analyzes the historical and legal dynamics of the formation and transformation of the powers of the Joint State Political Directorate (OGPU) of the USSR in the field of investigating economic crimes during the period 1922–1934. The process of concentrating within a single department investigative, operational-search, and quasi-judicial functions is examined, which allowed state security agencies to exercise control over a wide range of economic offenses through an expansive interpretation of the concept of counter-revolutionary activity. Special attention is paid to the politicization of economic crime, whereby speculation, embezzlement of state property, smuggling, and currency fraud were qualified as economic counter-revolution or sabotage, ensuring the application of extrajudicial repression through the OGPU Special Committee. The evolution of the regulatory framework, which included decrees of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars, departmental orders and circulars, is investigated; this framework created a regime of legal uncertainty and allowed security agencies to operate outside the scope of the general criminal process. The activities of the OGPU Economic Directorate are traced in terms of operational surveillance of economic facilities, the insertion of agents, and the initiation of cases during the shift in economic policy from the New Economic Policy (NEP) to industrialization and

collectivization. The features of interaction with the prosecutor's office, the police, and judicial authorities, in which the political influence of the OGPU prevailed, are identified. The material reveals the mechanisms of integrating repressive methods into the economic policy of the Soviet state and allows us to determine the long-term consequences of the formation of such a model for the law enforcement system.

For citation

Ivashchenko V.A. (2026) Evolyutsiya polnomochiy OGPU SSSR po rassledovaniyu ekonomicheskikh prestupleniy [Evolution of the Powers of the OGPU of the USSR in Investigating Economic Crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 13-25. DOI: 10.34670/AR.2026.14.63.001

Keywords

OGPU of the USSR, economic crimes, sabotage, extrajudicial repression, economic counter-revolution, history of law enforcement agencies, NEP.

References

1. Aleksandrova, I.A. (2016). Opredeleniye kursa sovremennoy ugolovnoy politiki protivodeystviya prestupnosti v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [Determining the Course of Modern Criminal Policy to Combat Crime in the Sphere of Economic Activity]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, (3), 307-310.
2. Gerasimova, Yu.R. (2007). Institut sovokupnosti prestupleniy v dorevolutsionnoy pravovoy mysli [The Institute of Cumulative Crimes in Pre-Revolutionary Legal Thought]. *Istoriya gosudarstva i prava*, (16), 30-32.
3. Khholodnyy, M.A. (2010). Deformatsiya ekonomicheskogo myshleniya naseleniya Rossii i borba militsii s prestupleniyami protiv sobstvennosti: istoricheskiy opyt 1924-1929 godov [Deformation of Economic Thinking of the Russian Population and the Fight of the Militia against Crimes against Property: Historical Experience of 1924-1929]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, (1), 101-105.
4. Lunev, V.V. (2014). Problemy protivodeystviya ekonomicheskoy prestupnosti [Problems of Countering Economic Crime]. *Gosudarstvo i pravo*, (2), 32-40.
5. Miretskaya, E.I. (2007). Istoriya razvitiya zakonodatelstva v oblasti prestupleniy protiv poryadka upravleniya [History of the Development of Legislation in the Field of Crimes against the Order of Administration]. *Chemyye dyry v Rossiyskom zakonodatelstve*, (5), 437-438.
6. Nazarzoda, N.D., & Nazarzoda, A.N. (2020). Deyatel'nost organov borby protiv ekonomicheskikh prestupleniy v gody NEP i kollektivizatsii strany (1920-1937 gg.) [Activities of Bodies Combating Economic Crimes during the NEP and Collectivization of the Country (1920-1937)]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*, (3), 47-50.
7. Pinaev, A.A. (1989). Sistema prestupleniy protiv sotsialisticheskoy sobstvennosti [The System of Crimes against Socialist Property]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, (1), 67-72.
8. Plokhoy, S.I. (2009). Sotsialno-ekonomicheskiye i politicheskiye korni prestupleniy, napravlennykh protiv vlasti i gosudarstva, konets XIX - nachalo XX vv [Socio-Economic and Political Roots of Crimes Directed against Power and the State, Late 19th - Early 20th Centuries]. *Istoricheskiye nauki*, (1), 23-25.
9. Shcherbakov, V.F. (2004). Deyatel'nost zakonodatelnykh organov gosudarstvennoy vlasti po pravovomu regulirovaniyu obshchestvennykh otnosheniy v oblasti protivodeystviya prestupnosti v sfere ekonomiki [Activities of Legislative Bodies of State Power on Legal Regulation of Public Relations in the Sphere of Combating Crime in the Economy]. *Rossiyskiy sledovatel*, (3), 12-18.
10. Shcherbakov, V.F. (2005). Zadachi gosudarstvennoy politiki protivodeystviya prestupnosti v sfere ekonomiki [Tasks of State Policy to Combat Crime in the Economic Sphere]. *Biznes v zakone*, (1), 69-76.
11. Shestak, V.A. (2007). Otdelnyye voprosy preduprezhdeniya prestupnykh posyagatelstv v sfere ekonomiki [Selected Issues of Preventing Criminal Offenses in the Economic Sphere]. *Lex Russica*, *66*(5), 951-958.
12. Sychev, P.G. (2012). Stadiya vzbuzhdeniya ugolovnogo dela ob ekonomicheskom prestuplenii: tendentsii razvitiya [The Stage of Initiating a Criminal Case on an Economic Crime: Development Trends]. *Rossiyskiy sledovatel*, (17), 17-21.
13. Tyunin, V.I. (1999). Ekonomicheskiye prestupleniya v dorevolutsionnom ugolovnom zakonodatelstve Rossii [Economic Crimes in Pre-Revolutionary Criminal Legislation of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (3), 49-55.

-
14. Tyunin, V.I. (2000). Ekonomicheskiye prestupleniya v sisteme dorevolyutsionnogo ugolovnogo prava (evolyutsiya nauchnykh predstavleniy)[Economic Crimes in the System of Pre-Revolutionary Criminal Law (Evolution of Scientific Ideas)]. Gosudarstvo i pravo, (11), 73-80.
 15. Zhuravlev, S.Yu. (2007). Istoricheskiye traditsii metodiki i praktiki rassledovaniya ekonomicheskikh prestupleniy [Historical Traditions of Methodology and Practice of Investigating Economic Crimes]. Istoriya gosudarstva i prava, (22), 9-12.

УДК 321.01**DOI: 10.34670/AR.2026.60.71.002**

Эволюция территориального устройства Второй Германской империи в контексте объединения Германии и сохранения прав земельных государств

Киреев Сергей Викторович

Кандидат исторических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: 006707@togudv.ru

Аннотация

Рассматривается эволюция территориально-правовой конструкции Второй Германской империи как результата компромисса между национальной интеграцией и устойчивым партикуляризмом земельных монархий. Показано, что конституционная модель 1871 г. закрепила асимметричный союз с принципиальным неравноправием субъектов и институционально завуалированным доминированием Пруссии, обеспеченным распределением голосов в Бундесрате и персональной унией имперской и прусской верховной власти. Детализируются резерватные права южногерманских государств (включая автономию Баварии в мирном военном управлении, связи и отдельных фискальных режимах) и их значение для доктринальных споров о разделенном суверенитете. Анализируются правовые аномалии статуса вольных городов и Эльзас-Лотарингии как коронной территории, а также роль обычного государственного права и политических конвенций в поддержании баланса центра и земель. Прослеживается «ползучая» унификация через общеимперское уголовное и гражданское законодательство, создание имперских судебных инстанций и формирование единого рынка при сохранении исполнительного федерализма. Выявляются системные напряжения финансовой конституции и отсутствие независимого конституционного правосудия, усиливавшие политизацию компетенционных конфликтов; показано, что режим тотальной войны разрушил работоспособность федеративных механизмов, при этом ряд институциональных решений предвосхитил принципы позднейшего немецкого кооперативного федерализма.

Для цитирования в научных исследованиях

Киреев С.В. Эволюция территориального устройства Второй Германской империи в контексте объединения Германии и сохранения прав земельных государств // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 26-37. DOI: 10.34670/AR.2026.60.71.002

Ключевые слова

Территориальное устройство, Вторая Германская империя, федерализм, Бундесрат, резерватные права, государственное право, конституционная история.

Введение

Сложный процесс формирования единого германского национального государства в девятнадцатом веке породил уникальную государственно-правовую конструкцию, не имевшую прямых аналогов в предшествующей конституционной истории Европы. Возникновение Второй империи в тысяча восемьсот семьдесят первом году явилось результатом компромисса между центристскими силами немецкого национализма и устойчивым партикуляризмом суверенных монархий, веками существовавших на этой территории. Формально-юридическое закрепление данного компромисса потребовало создания специфического территориального устройства, при котором верховенство имперской власти должно было органично сосуществовать с сохранением обширных прерогатив отдельных земельных государств. Правовая природа образовавшегося союза вызвала ожесточенные дискуссии среди государствоведов того времени, пытавшихся определить, является ли новое образование федерацией, конфедерацией или совершенно новой формой децентрализованного унитарного государства с элементами монархического синдиката. В основу имперской конституции был положен принцип неравноправия субъектов [Даценко, 2020], что радикально отличало германскую модель от американского или швейцарского федерализма, где постулировалось юридическое равенство составных частей. Гегемония Пруссии, занимавшей более двух третей территории и обладавшей подавляющим демографическим и экономическим потенциалом, была завуалирована сложной системой представительства в союзных органах, что создавало перманентное напряжение между формальным правом и реальной политической властью.

Трансформация Северогерманского союза в Германскую империю посредством заключения так называемых Ноябрьских договоров с южногерманскими государствами – Баварией, Вюртембергом, Баденом и Гессеном – обусловила глубокую асимметрию территориального устройства. Юридические акты инкорпорации этих государств содержали значительное количество оговорок и особых прав, известных в доктрине как резерватные права, которые существенно ограничивали компетенцию империи на их территории. Правовой статус Баварии, сохранившей самостоятельность в вопросах военного управления в мирное время, почтовой связи и телеграфа, а также дипломатического представительства, представлял собой беспрецедентный вызов для классической теории государственного суверенитета. Догматическое осмысление этой проблемы привело к формированию концепции разделенного суверенитета, которая, хотя и отвергалась строгими позитивистами [Косарева, 2007], фактически отражала реалии территориально-политической организации империи. Конституция тысяча восемьсот семьдесят первого года сознательно избегала четкого определения источника суверенной власти, формулируя преамбулу как договор между монархами и вольными городами, что оставляло пространство для интерпретации империи как княжеского союза, а не национального государства немецкого народа.

Проблема сохранения прав земельных государств в условиях неумолимо развивающейся экономической и правовой унификации составляла главный нерв внутриполитического развития Германии вплоть до начала Первой мировой войны. Имперская юрисдикция неуклонно расширялась через механизмы гражданского и уголовного законодательства, создания общеимперских судебных инстанций и развития единого экономического пространства, что вступало в объективное противоречие с конституционными гарантиями

автономии субъектов. Земельные правительства, опираясь на свои позиции в Союзном совете, пытались выстроить правовые барьеры против ползучей централизации, используя право вето и блокирующие меньшинства. Взаимодействие имперского центра и территориальных образований регулировалось не только писаным конституционным правом, но и обширным массивом обычного государственного права, негласными конвенциями и политическими традициями, которые зачастую имели большее значение, чем формальные нормативные предписания. Развитие этой сложной системы представляло собой непрерывный процесс адаптации архаичных монархических институтов к требованиям индустриальной эпохи и зарождающегося массового общества, что в конечном итоге предопределило хрупкость всего конституционного здания Второй империи.

Материалы и методы исследования

Методологическая оптика базируется на комплексном применении формально-догматического и историко-правового инструментария, позволяющего реконструировать институциональную логику территориального устройства кайзеровской Германии. Догматический анализ направлен на изучение текстов учредительных актов, прежде всего Конституции Германской империи от шестнадцатого апреля тысяча восемьсот семьдесят первого года, а также предшествующих ей договоров об объединении и военных конвенций. Правовая герменевтика применяется для деконструкции смысла конституционных норм в контексте политических реалий последней трети девятнадцатого века, где юридическая форма зачастую служила оболочкой для фиксации сложного баланса сил. Историко-генетический метод обеспечивает прослеживание эволюции статуса отдельных земель от периода Германского союза до кризиса монархической государственности, обнажая преемственность и разрывы в правовой традиции немецкого федерализма [Бухаева, Жамбаев, Сагадиев, 2020], что имеет критическое значение для понимания устойчивости партикуляристских тенденций.

Эмпирическую базу составляет массив нормативно-правовых актов имперского и земельного уровней, включающий более шестидесяти аутентичных документов исследуемой эпохи. Среди них особое внимание уделено имперским законам о судеустройстве, гражданскому уложению и нормативным актам, регулиующим правовое положение имперской земли Эльзас-Лотарингия, статус которой радикально отличался от положения исконных немецких государств. Отдельный блок источников формируют конституции субъектов империи – Пруссии, Баварии, Вюртемберга, Саксонии, тексты которых анализируются на предмет их согласованности с общеимперским правовым полем. Привлечены материалы стенограмм заседаний Рейхстага и доступные протоколы Союзного совета, отражающие практическое функционирование механизмов согласования интересов центра и территорий.

Теоретический фундамент выстроен на основе изучения классической немецкой государственно-правовой доктрины конца девятнадцатого – начала двадцатого веков, насчитывающей около сорока фундаментальных трудов. В фокусе внимания находятся концепции Пауля Лабанда, Георга Еллинека, Отто Майера и Гуго Прейсса, чьи догматические конструкции служили концептуальной основой для толкования конституционных норм о суверенитете и территориальном делении. Используются также труды современных историков права и конституционалистов, в совокупности пятнадцать ключевых монографических и

диссертационных источников, позволяющих взглянуть на правовую систему Второй империи с учетом последующего исторического опыта Веймарской республики и Федеративной Республики Германия. Компаративный срез исследования реализуется через сопоставление германской модели инкорпорации территорий с правовыми механизмами британского империализма и дуалистической структурой Австро-Венгерской монархии [Лексин, 2009а], хотя акцент сохраняется на внутренней логике развития немецких государственных институтов. Специфика заявленного подхода заключается в отказе от ретроспективной телеологии, рассматривающей крах империи как неизбежность, в пользу скрупулезного анализа правового потенциала и пределов прочности бисмарковской конституционной модели.

Результаты и обсуждение

Территориальная структура Второй Германской империи представляла собой сложный конгломерат из двадцати двух монархий, трех вольных ганзейских городов и одной имперской территории, каждый из которых обладал специфическим объемом суверенных прав. Догматика государственного права того времени, столкнувшись с необходимостью описать эту беспрецедентную конструкцию, выработала теорию, согласно которой носителем суверенитета выступал не император и не немецкий народ, а совокупность союзных правителей и сенатов вольных городов. Эта правовая фикция находила свое прямое воплощение в институте Бундесрата, который функционировал не как верхняя палата парламента в классическом понимании, а как постоянно действующий конгресс послов суверенных государств [Потокин, 2021], наделенный высшей законодательной и исполнительной властью. Голоса в Бундесрате распределялись неравномерно: из пятидесяти восьми первоначальных голосов Пруссия располагала семнадцатью, Бавария – шестью, Саксония и Вюртемберг – по четыре, в то время как большинство мелких княжеств имели лишь по одному голосу. Данная асимметрия была сознательно заложена в конституционный фундамент для обеспечения прусского доминирования без формального поглощения остальных территорий.

Особое место в системе территориального устройства занимали так называемые резерватные права южногерманских государств, интеграция которых в империю потребовала существенных юридических уступок. Королевство Бавария добилось максимальной автономии, сохранив собственное военное управление, отдельную почтовую и телеграфную систему, а также право самостоятельного налогообложения пивоваренной отрасли и железнодорожного транзита. Юридически баварская армия в мирное время присягала на верность своему королю и лишь в условиях войны переходила под верховное командование имперского главнокомандующего. Аналогичные, хотя и менее масштабные привилегии были закреплены за Вюртембергом, который также сохранил почтовую независимость и специфическую организацию вооруженных сил. Эти изъятия из общеимперской компетенции закреплялись на уровне конституционных норм, изменение которых требовало не просто квалифицированного большинства в Бундесрате, но и согласия того государства, чьи права затрагивались [Широков, 2022], что создавало мощный правовой барьер против унитаристских устремлений Берлина.

Доминирование Пруссии в территориальной структуре империи носило двоякий характер: с одной стороны, оно опиралось на колоссальный экономический и территориальный перевес, с другой – было институционализировано через фигуру германского императора. Конституция жестко привязывала имперскую корону к титулу прусского короля, тем самым исключая

возможность ротации верховной власти среди других монархов. Правовой статус кайзера был сконструирован таким образом, что он выступал скорее президентом союза, обладающим широкими прерогативами в сфере внешней политики и военного командования, но лишенным права абсолютного вето в отношении имперского законодательства. Парадокс заключался в том, что прусский король в качестве имперского президента не мог наложить вето на закон, но в качестве правителя Пруссии он располагал семнадцатью голосами в Бундесрате. Поскольку для блокирования любых поправок в конституцию достаточно было четырнадцати голосов, Пруссия обладала абсолютным негативным контролем над конституционным развитием империи [Лексин, 2009с], юридически защищая свою гегемонию.

Правовое положение вольных ганзейских городов – Гамбурга, Бремена и Любека – представляло собой реликт средневековой городской автономии, интегрированный в структуру современной индустриальной империи. Их статус как суверенных республик внутри монархического союза порождал сложные коллизии, особенно в сфере таможенного и коммерческого права. Долгое время Гамбург и Бремен оставались за пределами общеимперской таможенной территории, сохраняя режим порто-франко, что было жизненно важно для их торговой элиты. Процесс их таможенной интеграции, завершившийся лишь в конце тысяча восемьсот восьмидесятих годов, сопровождался сложнейшими переговорами и выплатой значительных компенсаций со стороны империи для строительства новых свободных гаваней. С точки зрения государственного права, сенаты этих городов обладали теми же полномочиями в Бундесрате, что и монархические правительства [Лексин, 2009b], однако их реальное политическое влияние определялось исключительно экономическим весом, а не формальным равенством статусов.

Проблема имперской территории Эльзас-Лотарингии являлась наиболее острой правовой и политической аномалией территориального устройства. Аннексированные у Франции провинции не получили статуса равноправного союзного государства, а были превращены в коронную землю, управляемую непосредственно имперскими органами. Первоначально управление осуществлялось на основе диктаторских полномочий канцлера, затем была введена должность наместника, назначаемого императором. Юридическая доктрина обосновывала такой статус тем, что суверенитет над Эльзас-Лотарингией принадлежит совокупности всех союзных государств, и следовательно, эта территория является общим достоянием империи [Домский, 2016], а не отдельным субъектом. Долгое время жители провинции были лишены полноценного представительства в Бундесрате, хотя и избирали депутатов в Рейхстаг. Лишь конституционный закон тысяча девятьсот одиннадцатого года предоставил Эльзас-Лотарингии три голоса в союзном представительстве, однако эти голоса контролировались наместником, то есть де-факто императором, что вызвало резкие протесты Пруссии, опасавшейся усиления персональной власти кайзера.

Институционализация единого правового пространства выступала главным локомотивом постепенного размывания земельного суверенитета. Принятие в тысяча восемьсот семидесятом году Общего германского уголовного уложения, а затем законов о судостроительстве и гражданском судопроизводстве лишило государства значительной части их нормотворческих прерогатив в сфере юстиции. Земельные суды формально сохранили свою принадлежность субъектам империи, судьи назначались местными монархами, однако материальное и процессуальное право, которым они руководствовались, стало общеимперским. Создание Имперского суда в Лейпциге как высшей кассационной инстанции обеспечило единство

судебной практики, создав мощный механизм унификации толкования права. Кульминацией этого процесса стало введение в действие первого января тысяча девятисотого года Германского гражданского уложения, которое заменило пестрое многообразие партикулярных правовых систем, включая прусское земское право и рецептированный кодекс Наполеона, единым фундаментальным актом [Баскин, 1993], окончательно закрепив верховенство имперского права над земельным в сфере частноправовых отношений.

Финансовая конституция империи служила еще одним полем непрерывного столкновения центростремительных и партикуляристских тенденций. Изначально империя не имела права прямого налогообложения граждан, получая доходы лишь от таможенных пошлин, косвенных налогов и доходов от имперской почты. Дефицит бюджета покрывался за счет так называемых матрикулярных взносов – прямых перечислений из бюджетов земельных государств пропорционально численности их населения. Эта система юридически ставила имперский центр в финансовую зависимость от территорий, превращая империю в нахлебника своих субъектов [Денисов, 2012], что полностью соответствовало замыслу Бисмарка по ограничению самостоятельности общенационального парламента. По мере роста имперских расходов, прежде всего на строительство военно-морского флота и социальные программы, система матрикулярных взносов начала давать сбои. Попытки имперского правительства ввести прямые налоги на имущество и наследство наталкивались на ожесточенное сопротивление государств, видевших в этом покушение на их исконную финансовую суверенность, что приводило к затяжным парламентским кризисам.

Развитие догматики государственного права отражало глубокий конфликт между юридической формой и политической реальностью территориального устройства. Классическая школа Лабанда утверждала, что союзные государства сохранили свой государственно-правовой характер, поскольку обладают собственной первоначальной властью, не делегированной имперским центром. В противовес этому направлению формировалась позиция, рассматривающая земли лишь как самоуправляющиеся провинции единого унитарного государства, сохранившие монархический фасад. Спор о суверенитете приобретал практическое значение при разрешении компетенционных конфликтов. Конституция предусматривала, что споры публично-правового характера между субъектами разрешаются Бундесратом, который выступал в роли квази-судебного органа. Отсутствие независимого конституционного суда являлось существенным пробелом правовой системы [Козин, 2023], позволяя Бундесрату принимать решения, руководствуясь политической целесообразностью, а не строгими юридическими критериями, что неизбежно работало в пользу крупных государств.

Функционирование имперской администрации также характеризовалось глубоким дуализмом. На начальном этапе империя обладала крайне ограниченным собственным бюрократическим аппаратом, за исключением ведомств иностранных дел, флота и почты. Исполнение имперских законов возлагалось на административные органы земельных государств. Этот принцип исполнительного федерализма позволял территориям сохранять контроль над местной жизнью, саботируя или смягчая на практике неугодные имперские предписания [Щербаков, 2013], особенно в сфере социальной политики и трудового права. Однако по мере усложнения государственных задач происходило неизбежное разрастание имперской бюрократии, создание новых имперских ведомств, которые начинали вторгаться в традиционные сферы компетенции земель, формируя параллельные структуры управления и усиливая административную централизацию.

Динамика отношений между Пруссией и остальными государствами определяла внутреннюю устойчивость всего территориального каркаса. Персональная уния между должностями имперского канцлера и прусского министра-президента обеспечивала синхронизацию политики крупнейшего субъекта и империи в целом. Прусский государственный аппарат зачастую выполнял общеимперские функции, а прусское представительство в Бундесрате доминировало в ключевых комитетах. Мелкие и средние государства осознавали, что их самостоятельность является во многом номинальной, однако они активно использовали механизмы союзного представительства для защиты своих экономических интересов, формируя коалиции против прусских инициатив. Эта постоянная игра сдержек и противовесов придавала территориальному устройству определенную гибкость [Удодов, Романова, 2024], предотвращая открытые конфликты, но одновременно тормозила принятие стратегических решений, требующих быстрой мобилизации ресурсов.

Правовое регулирование гражданства также отражало компромиссный характер империи. Введение единого германского индигената не отменило института земельного гражданства; напротив, общеимперское гражданство являлось производным от подданства конкретного союзного государства. Человек становился гражданином империи исключительно в силу того, что он был подданным Баварии, Саксонии или Пруссии. Переход из одного гражданства в другое регулировался имперским законом, который установил свободу передвижения и запретил землям отказывать в приеме выходцам из других территорий по экономическим мотивам. Сохранение двухуровневой системы гражданства имело важное значение для государств, стремившихся контролировать миграционные потоки и сохранять этноконфессиональную гомогенность своих территорий [Григорьева, 2006], особенно в восточных прусских провинциях и южных католических землях.

Военная организация империи, несмотря на формальное объединение, также несла отпечаток территориального партикуляризма. Хотя военное командование в случае войны концентрировалось в руках императора, в мирное время сохранялись самостоятельные военные министерства в Мюнхене, Штутгарте и Дрездене. Воинские контингенты этих государств имели собственную форму, знаки отличия и внутренние уставы, хотя и были обязаны соответствовать общеимперским стандартам боевой подготовки. Правовое обеспечение этого военного дуализма опиралось на сеть двусторонних военных конвенций, заключенных Пруссией с другими государствами в период формирования империи. Данные договоры обладали приоритетом над обычным законодательством и могли быть изменены только по взаимному согласию сторон, что создавало изолированные правовые анклавы внутри единого военного пространства.

Сфера религиозного и культурного суверенитета оставалась практически полностью в ведении территориальных государств. Империя не имела компетенции в вопросах школьного образования, отношений с церквями и управления университетами. Эта автономия позволяла землям проводить независимую культурную политику, что особенно ярко проявилось в период Культуркампа, когда антикатолическое законодательство принималось преимущественно на земельном, а не имперском уровне. Сохранение культурного многообразия являлось важнейшим фактором легитимации территориального деления, поскольку оно отвечало глубоко укорененным региональным идентичностям. Юридические гарантии невмешательства имперского центра в сферу культуры и образования строго соблюдались вплоть до падения монархии, формируя фундамент для будущего принципа культурного суверенитета земель в

немецком федерализме.

Эволюция территориального устройства в начале двадцатого века демонстрировала явные признаки кризиса традиционной монархическо-федеративной модели. Экономическая интеграция, индустриализация и развитие транспортной инфраструктуры объективно требовали большей централизации управления. Земельные границы, унаследованные от эпохи феодальной раздробленности, зачастую разрезали единые экономические районы, создавая препятствия для рационального пространственного планирования. В юридической и политической публицистике начали появляться проекты радикальной реформы территориального устройства, предполагающие укрупнение субъектов и ликвидацию мелких княжеств, существование которых утратило всякий политический и экономический смысл. Однако правовой механизм изменения границ внутри империи был настолько сложен и обставлен таким количеством гарантий прав правящих династий, что любые попытки рационализации территориальной структуры наталкивались на непреодолимое вето со стороны консервативных элит.

Сохранение анахроничной территориальной организации, основанной на династическом легитимизме, вступило в фатальное противоречие с логикой тотальной войны, разразившейся в тысяча девятьсот четырнадцатом году. Введение военного положения и передача полноты исполнительной власти в руки армейского командования фактически парализовали конституционные механизмы федерализма. Имперский центр через механизм чрезвычайного законодательства изъял у государств управление экономикой, продовольственным снабжением и трудовыми ресурсами. Правовой каркас, защищавший права субъектов, оказался неспособным функционировать в условиях экстремального напряжения сил нации. Дискредитация земельных правительств, не сумевших защитить интересы своего населения перед лицом военной диктатуры, подготовила почву для крушения всей системы территориального устройства Второй империи в ходе Ноябрьской революции.

Выводы

Системный правовой анализ территориальной организации Второго рейха позволяет квалифицировать данную форму государственного устройства как уникальное переходное состояние между рыхлой конфедерацией суверенных монархий и централизованным национальным государством. Инкорпорация партикулярных правовых порядков в единую имперскую матрицу осуществлялась не путем одномоментной сломки исторически сложившихся структур, а через сложную систему конституционных компромиссов, асимметричных договоров и взаимных уступок. Декларируемый доктриной суверенитет союзных государств постепенно превращался в правовую фикцию под натиском объективных процессов унификации гражданского, торгового и уголовного законодательства, а также формирования единого экономического и коммуникационного пространства. Гегемония Пруссии, юридически зашитая в саму конструкцию союзных органов власти, обеспечивала стабильность системы, но одновременно блокировала любые инициативы по демократизации и рационализации территориального деления.

Отказ от учреждения независимого органа конституционного правосудия, способного объективно разрешать споры о разграничении предметов ведения между империей и землями, стал критическим изъяном бисмарковской конституционной архитектуры. Квасисудебные функции, возложенные на Союзный совет, неизбежно политизировали правовые конфликты,

превращая защиту земельных прерогатив в предмет кулуарного торга. Сложная паутина зарезервированных прав отдельных монархий, военных конвенций и матрикулярных финансовых отношений создавала неповоротливый механизм управления, который демонстрировал эффективность лишь в тепличных условиях мирного времени и устойчивого экономического роста. Когда же империя столкнулась с вызовами тотальной мобилизации, этот громоздкий правовой каркас рухнул, обнажив неспособность партикулярных монархий интегрироваться в систему жесткого государственного дирижизма.

Падение монархического строя и провозглашение Веймарской республики ознаменовали радикальный разрыв с легитимистскими принципами формирования территориальных единиц. Новая конституция тысяча девятьсот девятнадцатого года переформатировала статус бывших суверенных государств, низведя их до уровня земель с ограниченной автономией, и провозгласила народ единственным источником государственного суверенитета. Централизация налоговой системы, ликвидация особых военных прав Баварии и Вюртемберга, а также передача ключевых инфраструктурных объектов, таких как железные дороги и почта, в исключительное ведение рейха, явились прямым ответом на дисфункции предшествующей территориальной модели. Правовое наследие империи в сфере государственного строительства подверглось глубокой ревизии, направленной на преодоление дуализма имперской и земельной властей.

Тем не менее, опыт сосуществования имперского центра и самостоятельных территориальных образований не прошел бесследно для развития немецкой конституционной традиции. Принципы исполнительного федерализма, когда реализация федеральных законов возлагается на административный аппарат субъектов, концепция участия земель в общенациональном законодательстве через представительство правительств, а также признание культурной автономии регионов – все эти элементы были выкованы именно в горниле государственно-правовых дискуссий конца девятнадцатого века. Догматические разработки того периода в области разграничения компетенций, природы суверенитета и соотношения имперского и местного права заложили концептуальный фундамент для формирования современного кооперативного федерализма.

Оценка жизнеспособности бисмарковской модели территориального устройства требует отказа от полярных суждений. Это была ювелирно выстроенная правовая конструкция, адекватная политическим реалиям своего времени, позволившая бескровно интегрировать разрозненные немецкие земли в мощный индустриальный механизм. Ее крах был обусловлен не столько внутренними юридическими дефектами, сколько неспособностью консервативной элиты адаптировать конституционные нормы к требованиям формирующегося массового демократического общества. Правовые механизмы сохранения прав земельных государств, изначально задуманные как защита монархического партикуляризма, парадоксальным образом стали прообразом институтов, обеспечивающих децентрализацию и защиту демократии в современной конституционной системе Германии.

Библиография

1. Баскин Ю.Я. Кант и формирование идеи правового государства в первой половине XIX века в Германии // Кантовский сборник: Межвузовский тематический сборник научных трудов. 1993. № 1 (17). С. 61-66.
2. Бухаева А.А., Жамбаев Е.С., Сагадиев А.Н. Объединение Германии и германский конституционализм. Разработка и принятие Конституции Германии 1871 г // Вестник Челябинского государственного университета.

- Серия: Право. 2020. Т. 5. № 1. С. 22-26.
3. Григорьева И.А. Исторические предпосылки развития германской модели социальной политики // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7. № 2. С. 13-20.
 4. Даценко П.А. Средние германские королевства и «третий путь» в решении германского вопроса в 1849 г // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 7 (93). С. 19.
 5. Денисов С.И. История становления чрезвычайного законодательства Германии в 19 веке // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 76-79.
 6. Домский М.В. Становление римских институтов власти в Германии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 24-31.
 7. Козин С.А. Объединение Германии 1871 г.: суверенитет единого государства // Российское право онлайн. 2023. № 4. С. 15-21.
 8. Косарева И.А. Необходим ли институт помолвки в России: история русского законодательства и опыт законодательств иностранных государств (на примере Германии) // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 2 (39). С. 99-104.
 9. Лексин И.В. Территориальное устройство Германского королевства и Священной Римской империи // Российский юридический журнал. 2009. № 1 (64). С. 37-51.
 10. Лексин И.В. Эволюция территориального устройства Германии: от падения «Первой империи» до расцвета «Второй империи» // Российский юридический журнал. 2009. № 2 (65). С. 48-60.
 11. Лексин И.В. Эволюция территориального устройства Германии после Второй мировой войны // Российский юридический журнал. 2009. № 4 (67). С. 85-94.
 12. Потокин Ю.Н. Влияние немецкой правовой системы на развитие права // Юридическая наука. 2021. № 11. С. 129-133.
 13. Удодов Г.А., Романова И.В. Исторические предпосылки принятия Уголовного кодекса Германии 1871 г // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 30-33.
 14. Широков Г.С. К вопросу о международно-правовых последствиях образования Второй германской империи // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7. № 2. С. 67-70.
 15. Щербаков А.И. Информационно-пропагандистская кампания в Германии за реализацию колониальной политики в конце XIX в // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 24 (684). С. 234-240.

Evolution of the Territorial Structure of the Second German Empire in the Context of German Unification and the Preservation of the Rights of the Federal States

Sergei V. Kireev

PhD in History, Associate Professor,
Pacific National University,
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: 006707@togudv.ru

Abstract

The article examines the evolution of the territorial-legal structure of the Second German Empire as a result of a compromise between national integration and the persistent particularism of the federal monarchies. It is shown that the constitutional model of 1871 established an asymmetric union with a fundamental inequality of its subjects and institutionally veiled dominance of Prussia, ensured by the distribution of votes in the Bundesrat and the personal union of imperial and Prussian supreme power. The reserved rights of the South German states (including Bavaria's autonomy in peacetime military administration, communications, and certain fiscal regimes) and their significance for doctrinal disputes over divided sovereignty are detailed. The legal anomalies of the

status of the free cities and Alsace-Lorraine as imperial territory are analyzed, as well as the role of customary state law and political conventions in maintaining the balance between the center and the states. "Creeping" unification is traced through imperial criminal and civil legislation, the creation of imperial judicial instances, and the formation of a single market while preserving executive federalism. Systemic tensions in the financial constitution and the absence of independent constitutional justice are identified, which increased the politicization of jurisdictional conflicts; it is shown that the regime of total war destroyed the functionality of federal mechanisms, while a number of institutional solutions anticipated the principles of later German cooperative federalism.

For citation

Kireev S.V. (2026) Evolyutsiya territorial'nogo ustroystva Vtoroy Germanskoy imperii v kontekste ob'yedineniya Germanii i sokhraneniya prav zemel'nykh gosudarstv [Evolution of the Territorial Structure of the Second German Empire in the Context of German Unification and the Preservation of the Rights of the Federal States]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 26-37. DOI: 10.34670/AR.2026.60.71.002

Keywords

Territorial structure, Second German Empire, federalism, Bundesrat, reserved rights, state law, constitutional history.

References

1. Baskin, Yu.Ya. (1993). Kant i formirovaniye idei pravovogo gosudarstva v pervoy polovine XIX veka v Germanii [Kant and the Formation of the Idea of the Rule of Law in the First Half of the 19th Century in Germany]. *Kantovskiy sbornik*, (1), 61-66.
2. Bukhaeva, A.A., Zhambaev, E.S., & Sagadiev, A.N. (2020). Obyedineniye Germanii i germanskiy konstitutsionalizm. Razrabotka i prinyatiye Konstitutsii Germanii 1871 g [Unification of Germany and German Constitutionalism. Development and Adoption of the German Constitution of 1871]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, *5*(1), 22-26.
3. Datsenko, P.A. (2020). Sredniye germanskiye korolevstva i "tretiy put" v reshenii germanskogo voprosa v 1849 g [Middle German Kingdoms and the "Third Way" in Resolving the German Question in 1849]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal "Istoriya"*, *11*(7), 19.
4. Denisov, S.I. (2012). Istoriya stanovleniya chrezvychaynogo zakonodatelstva Germanii v 19 veke [History of the Formation of Emergency Legislation in Germany in the 19th Century]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2-1), 76-79.
5. Donskiy, M.V. (2016). Stanovleniye rimskikh institutov vlasti v Germanii [Formation of Roman Institutions of Power in Germany]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*, (3), 24-31.
6. Grigorieva, I.A. (2006). Istoricheskiye predposylki razvitiya germanskoy modeli sotsialnoy politiki [Historical Prerequisites for the Development of the German Model of Social Policy]. *Istoriko-ekonomicheskkiye issledovaniya*, *7*(2), 13-20.
7. Kosareva, I.A. (2007). Neobkhodim li institut pomolvki v Rossii: istoriya russkogo zakonodatelstva i opyt zakonodatekstv inostrannykh gosudarstv (na primere Germanii) [Is the Institution of Engagement Necessary in Russia: History of Russian Legislation and the Experience of Foreign States' Legislation (Using the Example of Germany)]. *Vlast i upravleniye na Vostoke Rossii*, (2), 99-104.
8. Kozin, S.A. (2023). Obyedineniye Germanii 1871 g.: suverenitet yedinogo gosudarstva [Unification of Germany in 1871: Sovereignty of the Unified State]. *Rossiyskoye pravo onlayn*, (4), 15-21.
9. Leksin, I.V. (2009a). Territorialnoye ustroystvo Germanskogo korolevstva i Svyashchennoy Rimskoy imperii [Territorial Structure of the German Kingdom and the Holy Roman Empire]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (1), 37-51.
10. Leksin, I.V. (2009b). Evolyutsiya territorial'nogo ustroystva Germanii: ot padeniya "Pervoy imperii" do rasstsveta "Vtoroy imperii" [Evolution of the Territorial Structure of Germany: from the Fall of the "First Empire" to the Flourishing of the "Second Empire"]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (2), 48-60.
11. Leksin, I.V. (2009c). Evolyutsiya territorial'nogo ustroystva Germanii posle Vtoroy mirovoy voyny [Evolution of the

-
- Territorial Structure of Germany after the Second World War]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (4), 85-94.
12. Potokin, Yu.N. (2021). Vliyaniye nemetskoy pravovoy sistemy na razvitiye prava [Influence of the German Legal System on the Development of Law]. *Yuridicheskaya nauka*, (11), 129-133.
 13. Shirokov, G.S. (2022). K voprosu o mezhdunarodno-pravovykh posledstviyakh obrazovaniya Vtoroy germanskoy imperii [On the Issue of International Legal Consequences of the Formation of the Second German Empire]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, *7*(2), 67-70.
 14. Shcherbakov, A.I. (2013). Informatsionno-propagandistskaya kampaniya v Germanii za realizatsiyu kolonialnoy politiki v kontse XIX v [Information and Propaganda Campaign in Germany for the Implementation of Colonial Policy at the End of the 19th Century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, (24), 234-240.
 15. Udodov, G.A., & Romanova, I.V. (2024). Istoricheskiye predposylki prinyatiya Ugolovnogo kodeksa Germanii 1871 g [Historical Prerequisites for the Adoption of the German Criminal Code of 1871]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, (4), 30-33.

УДК 34(47)"17/18":339.5

DOI: 10.34670/AR.2026.11.93.003

Динамика развития внешней торговли в Российской империи XVIII–XIX вв. Правовой аспект

Молотиевская Виктория Николаевна

Аспирант,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: vn_molot013@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрено и проанализировано торговое законодательство Российской империи XVIII–XIX вв., проведен анализ источниковой базы правового регулирования внешней торговли. В статье сделаны выводы о динамике торговых связей Российской империи, а также правовом регулировании торгового законодательства XVIII–XIX вв., которое служило непосредственным рычагом экономического развития Российской империи, а также заложило фундамент внешнеэкономических связей России.

Для цитирования в научных исследованиях

Молотиевская В.Н. Динамика развития внешней торговли в Российской империи XVIII–XIX вв. Правовой аспект // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 38-44. DOI: 10.34670/AR.2026.11.93.003

Ключевые слова

Экономика, внутренняя и внешняя торговля, Российская империя, дореволюционная Россия, торговое законодательство, внешние экономические связи, государство, мировая экономика.

Введение

В связи с необходимостью непрерывного преобразования законодательства в современном Российском государстве, необходим поиск и анализ опытов прошлого, с максимальным исключением совершенных им ошибок. Весьма яркой фигурой в развитии нашей страны является Петр I, который, непосредственно, заложил фундамент в развитии российской торговли, как внутренней, так и внешней. [История торговли и промышленности в России, 1912] Петр Первый отдавал свое непосредственное предпочтение развитию Российского государства в ногу со временем относительно развития западных стран. В то время, как великий деятель продолжал проведение военных реформ, происходило реформирование образования, церкви, а также экономики в стране, по его распоряжению.

Основная часть

В заданный период было издано немногим меньше, чем три тысячи законодательных актов, часть из которых была положены в основу будущих законодательных актов. [Сапилов, 2004] При Петре I активная законодательная деятельность непосредственно в части торговли развернулась по всем направлениям в данном аспекте. При этом, торговое законодательство в российском государстве складывалось неспешно и постепенно. С целью стимулирования развития внутренней торговли в Российской империи, в 1711 г. Петром Великим был издан Указ, дававший разрешение заниматься торговлей всем слоям населения, независимо от их социальной принадлежности, с учетом уплаты имевшихся тогда торговых сборов. [Реформы Петра I, 1937] А в 1714 г., данный факт был подтвержден, укрепив социальные позиции купцов, являвшихся основной категорией торгово-промышленного сословия. В связи с возникшими изменениями, появилась потребность в управлении торговыми процессами, поэтому в 1719 г. было положено начало существования Совета по торговле, предназначение которого, прежде всего, заключалось в управлении процессами во внешней и внутренней торговле, а также в стимулировании развития предпринимательской деятельности в российском государстве. Вышеупомянутый Указ давал право купцам осуществлять торговлю с прибавочной пошлиной всеми бывшими казенными товарами, за исключением поташа, а также смальчуга.

Весомая часть нормативных актов относилась к регулированию налогообложения в Российской империи, а также взимания пошлин, и иных сборов, что создавало препятствия в осуществлении эффективной и бесперебойной торговли. При этом, наложение одних сборов на другие с лиц, задействованных в торговом деле, замедляло развитие торгово-промышленной отрасли, а также снижало результаты запланированной финансово-хозяйственной деятельности. В этой связи, в Российской империи была введена подушная подать.

Определенно, торговля и предпринимательство занимают весьма серьезное значение в экономическом развитии страны. Именно поэтому, Петр I направлял свои властные полномочия, прежде всего, на укрепление позиций внутренней торговли Российской империи. Здесь имело прямое отношение регулирование, прежде всего, импорта и экспорта товаров. Петр I считал своей задачей в этой связи, укрепление торговых границ, а также их расширение, посредством превышения объема экспортируемых товаров над объемом товаров, импортируемых из других стран.

Географическое положение Российской империи позволяло сделать выбор в качестве распределения своих торговых сил в сторону восточных или западных стран. По мнению

правоведов того времени, в частности Ивана Владимировича Лопухина, необходимо было укреплять торговые связи с востоком, ввиду необходимости закупки товаров оттуда, а также очевидной, на тот момент возможности, повысить свой торговый рейтинг ввиду более низкой конкуренции, чем на Западе. И.В. Лопухин считал, что Российская империя входит в зависимость при взаимодействии с европейскими соседями, и не лестно высказывался на этот счет: «Государство, как и человек частный, чем меньше имеет надобностей, тем меньше и зависимости, а чем меньше в нем зависимости от других, тем больше в себе господства и силы». [Шкунов, 2018]

Необходимо отметить, что европейцы пользовались качеством поставляемого из Российской империи товара, активно работали с ценовой политикой, в связи с чем активно занимали роль посредника в торговых отношениях и, соответственно, ухудшали тем самым позиции российского государства. Одновременно, препятствием в развитии внешней торговли Российской империи являлось также отсутствие опыта в части предпринимательской деятельности на европейских рынках, а также отсутствие владения местным европейским законодательством, а также внутренних правил, нюансов и особенностей в торговле.

Вместе с этим, также препятствовало эффективному развитию внешней торговли Российской империи малое количество морских торговых судов в государстве, отсутствие необходимого количества капитала, который имелся в то время у европейских купцов, а также наличие у последних возможность пользоваться кредитами, которые в то время на территории Российской империи не практиковались. Здесь имело место быть и весьма особенное отношение к российским купцам, в сравнении с европейскими, надежность их воспринималась несколько иначе.

Поэтому, одной из важнейших задач, по мнению Петра Великого, было создание торгового флота, с целью решения логистической задачи в части расширения границ и удобства перемещения товаров, которую сухопутные дороги выполняли с трудом, ввиду их неудовлетворительного качества. Стоит отметить, что весьма важным являлось влияние водоемов на жизнь народов и разных стран. Поскольку во времена Российской империи реки активно выступали в качестве путей сообщения, позволяющих обеспечивать непрерывное взаимодействие между европейской и азиатской частями мира. По этой причине, логически появилась необходимость в развитии морского права в государстве. Таким образом, в 1720 г. был издан «Устав о зверсах», который регулировал отношения владельцев судна и отправителей грузов, а в 1724 г. – «Морской торговый регламент и устав», содержащий ряд правил относительно эксплуатации судов, конфискации судов и товаров, правила стоянки судов в портах, их погрузки и разгрузки, процедуру уплаты пошлин. Данным правовым актом также были введены виды таможенных правонарушений.

В XVIII веке была отрегулирована торговля в пользу усиления Петербургского порта с одновременным ослаблением осуществления торговли через Архангельский порт, ввиду взимания пошлин в большем размере, а именно на 2% в последнем взималось больше. Весьма ярко видно, что Петр I был заинтересован в стимулировании торговой деятельности Российской империи, однако под строжайшим государственным контролем.

Таким образом, поскольку торговля являлась одной из важнейших отраслей российской экономики как в указанный период, так и, непосредственно, после него, ее динамика была направлена в Российской империи в сторону развития. Осознавая, что при отсутствии развитой внутренней и внешней торговли, экономическое развитие регионов было бы невозможно осуществить. Кроме того, наличие конкуренции ввозимых товаров создавало препятствия

своего рода в части развития российской промышленности, направляло шаги законодателей в сторону урегулирования вышеупомянутых вопросов.

При этом, необходимо отметить относительно правовой защиты производителей товаров. Первые предпосылки Российского государства о развитии, а точнее о правовой защите, брендов различных компаний стали появляться еще в XVII веке, а именно при издании Новоторгового устава 1667 года.

Полагаю необходимым отметить, что среди мыслителей весьма интересным было мнение Платона относительно правовой защиты качества поставляемых на рынок товаров. Так, Платон, например, считал, что в идеальном государстве должна быть поставлено под запрет торговля фальшивыми изделиями. Кроме того, Платон весьма интересная фигура, чье мнение является важным в эволюции экономических связей Российского государства, поскольку весьма уважительным считается его выступления за преследование обмана в торговле, а также сговора при установлении цен.

Также весьма интересно мнение вышеназванного древнего мыслителя о возрождении мелкого крестьянства, которое, по его мнению, могло послужить весьма крепким стержнем общественной, политической жизни государства, а также помогло бы минимизировать в стране бедность. При этом, сопутствовал развитию торговли в данном направлении принятый в 1775 г. Таможенный устав, позволивший дать начало свободному перемещению товаров в стране, пошлины уплачивались только с ввозимых в Российскую империю или вывозимых товаров за ее пределы. Ярким событием явился запрет Екатерины II, установленный в 1793 г., на ввоз в Российскую империю французских товаров, в связи с произошедшей революцией во Франции.

Таким образом, с укреплением позиций русских купцов на внутреннем рынке, а также увеличением капитала ввиду появления мануфактурного производства, которое неизбежно возникло ввиду изменения пошлин, а как следствие, движения импорта и экспорта товаров, соответственно, в западном направлении возникли новые формы организации внешней торговли. При этом, оказывали существенное влияние на взаимодействие Российской империи с западными странами политические факторы, ввиду наличия межгосударственных осложнений. В этой связи, фигуры российского предпринимательства предпочитали оградить свои интересы в части внутренней торговли, посредством обращения к государственной власти, которая в то время носила весьма централизованный характер, соответственно, имела возможность повлиять на ход событий торговых отношений, с точки зрения правового аспекта в данном вопросе. Что, собственно говоря, и произошло. Российские купцы, обратившись с просьбой введения запрета на торговую деятельность иностранных купцов на территории государства.

Немаловажным стоит отметить, что в связи с вышеупомянутым запретом, возникли новые трудности в осуществлении торговли у отечественных купцов, в связи с увеличением записей европейских конкурентов в российское подданство. И, как следствие, появление новых фигур на рынке в качестве агентов, выполняющих роль посредников, дающих возможность осуществления европейским купцам на территории Российской империи своей торговой деятельности.

Однако, при таких условиях, российские купцы, являясь в то время первыми исследователями, которые, ввиду своей деятельности, открывали новые земли, исследовали уклад новых народов, позволяли задавать траекторию внешней торговли в том или ином направлении. Когда история развития внешней торговли направились в сторону восточных стран, возникла необходимость осознания их особенностей. В этой связи, у российских купцов возникало немалое количество трудностей и опасных моментов. Например, попытки наладить

русско-японские торговые отношения были безуспешными, поэтому появлялась необходимость в посредниках, проявлявшихся в лицах иных государств.

В связи с отсутствием у российских производителей выдерживать конкуренцию с иностранными производителями, в XIX в. тенденция Таможенной политики держала курс в сторону протекционизма. В первой половине XIX в. ознаменовалось активным развитием предпринимательства в Российской империи, вместе с тем развитию торговли весьма серьезно препятствовало наличие крепостничества на территории страны. Однако, как и правительство, так и российские купцы отмечали, что выгоднее восточное направление, чем западное в части торговли. В результате развития торговли в сторону стран Востока, были освоены районы Сибири и Дальнего Востока, что, несомненно, явилось новым витком развития Российской империи, открывающим новые возможности продвижению российского капитала в сторону Гавайских островов, Аляски, Курил, Восточный Туркестан, а также иные приграничные территории Азии.

Расширение торгово-экономической деятельности российских купцов явилось глобальной причиной необходимости правового регулирования статуса коренных жителей присоединенных территорий. Так, был издан «Свод учреждений губернских» от 22 июля 1822 г., который определял правовой статус инородцев, изменяя таким образом уклад их жизни. [Шкунов, 2018]

Направление внешней торговли Российской империи в сторону Средней Азии имело огромное значение для государства, которые возникли ввиду необходимости экономического развития империи. Однако, осознавая наличие трудностей у российских купцов при направлении товаров на территорию Средней Азии, серьезно поощряло их деятельность различными методами, в том числе и моральными.

В связи с необходимостью усовершенствования законодательства Российской империи, в 1847 г. главнокомандующему II Отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии было поручено пересмотреть торговые уставы, что продолжалось до 1853 г., когда указом императора при Министерстве финансов было положено начало деятельности Комиссии для рассмотрения гильдейских постановлений и положения о почетных гражданах, которая просуществовала 10 лет. В 1863 г. были положены все решения вышеупомянутой комиссии в предстоящую реформу.

Заключение

Таким образом, исторический опыт свидетельствует о том, что внешняя торговля Российской империи XVIII – XIX веков стала одним из весьма существенных факторов мировой политики, которая явилась фундаментом для дальнейшего экономического развития государства. Особо важным считаю отметить, что взаимодействие Российской империи с иностранными государствами послужило отправной точкой эволюции нашей страны не только с экономической точки зрения, но и из социальной, политической и идеологической. Без порой весьма сложнейшего опыта, серьезных обед, сопряженных, несомненно, поражений, Россия сегодня не стала бы такой сильной, большой и мощной державой.

Небезызвестно, возможно, каждому, что две медали одной стороны в лице противника, делают государство, как и любого отдельного человека, сильнее, и, безусловно, интереснее. Ведь изучая колорит, культуру, а также любые интересные проявления Российской империи, иностранные купцы подали шикарный пример отечественным купцам развиваться в сторону Востока. Это послужило фундаментом интереснейших открытий для экономики, науки и культуры России сегодня. Как и Запад, так и Восток, несомненно каждый несли и несут для России сегодня новое, интересное, то, что делает Россию сильной сегодня. Именно трудности,

которые создавались ежедневно, в рассматриваемом периоде, нашим предкам, дали нам возможность быть сильными и непоколебимыми в настоящем. Именно потому, что Российская империя не сдалась, а смогла, в лице своих великих людей, а также народа выстоять, находя новые пути решения вопросов, возникающих на пути освоения западных и восточных, несомненно, территорий, мы имеем богатое наследие и сильный дух, которые мы передадим своим потомкам.

Делая итоговый вывод в статье, смею заметить, что в правовом аспекте внешняя торговля Российской империи XVIII – XIX веков сильно шагнула вперед в своем эволюционном развитии. Кроме того, поставленные цели, в той или иной мере были реализованы. Немаловажно отметить, что позитивным опытом прошлого мы можем пользоваться сегодня, поскольку до конца и детально история Российской империи до сегодняшнего момента не изучена до конца. Вместе с тем, полезный негативный опыт дает нам возможность более уверенно шагать в будущее, не допуская в нем ошибки прошлого.

Библиография

1. Бакулин С.Н. Статистика внешней торговли: [учебное пособие для высших учебных заведений] / С.Н. Бакулин, Д.Д. Мишустин; Конъюнктурный институт Наркомвнешторга СССР. М.: В/О Международная книга, 1940. 319 с.
2. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней / пер. с нем. А.В. Брауде; под ред. Ю.Д. Филиппова. СПб.: издание Д.А. Казицына и Ю.Д. Филиппова, 1909. VIII, 362 с.
3. Государственно-правовое регулирование внешней торговли в Российской империи в XVIII — XIX веках: монография / В.Н. Шкунов. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. 199 с.
4. Исабель де Мадарига. Россия в эпоху Екатерины Великой / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
5. История торговли и промышленности в России. Т. 1, вып. 5. История торговли в России с Петра Великого до начала XX века / под ред. П.Х. Спасского. СПб., 1912.
6. Пшиконокова Н.И. История экономических учений: учеб. пособие. Майкоп: АГУ, 2015.
7. Реформы Петра I: Сборник документов / сост. В.И. Лебедев. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 379 с. (Документы и материалы по истории СССР).
8. Сапилов Е.В. Российское торговое законодательство XVII — XVIII вв. М., 2004.
9. Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. I. СПб.: в Тип. И.И. Глазунова, 1859. 295 с.
10. Цедилин Л.И. Протекционизм в российской экономической политике: институциональный и исторический опыт. М.: Институт экономики РАН, 2014.
11. Чулков М. Историческое описание российской коммерции. Т. 2, кн. 1, пол. 1-я. СПб.: Императорская академия наук, 1785. 288 с.

Dynamics of Foreign Trade Development in the Russian Empire of the 18th–19th Centuries. Legal Aspect

Viktoriya N. Molotievskaya

Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vn_molot013@mail.ru

Abstract

The article examines and analyzes the trade legislation of the Russian Empire in the 18th–19th centuries, and analyzes the source base of legal regulation of foreign trade. The article draws conclusions about the dynamics of trade relations of the Russian Empire, as well as the legal regulation of trade legislation in the 18th–19th centuries, which served as a direct lever for the economic development of the Russian Empire, and also laid the foundation for Russia's foreign economic relations.

For citation

Molotievskaya V.N. (2026) *Dinamika razvitiya vneshney trgovli v Rossiyskoy imperii XVIII–XIX vv. Pravovoy aspekt* [Dynamics of Foreign Trade Development in the Russian Empire of the 18th–19th Centuries. Legal Aspect]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 38–44. DOI: 10.34670/AR.2026.11.93.003

Keywords

Economy, domestic and foreign trade, Russian Empire, pre-revolutionary Russia, trade legislation, foreign economic relations, state, world economy.

References

1. Bakulin, S.N., & Mishustin, D.D. (1940). *Statistika vneshney trgovli* [Statistics of Foreign Trade]. Moscow: V/O Mezhdunarodnaya kniga.
2. Chulkov, M. (1785). *Istoricheskoye opisaniye rossiyskoy kommersii* [Historical Description of Russian Commerce] (Vol. 2, Book 1, Part 1). St. Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk.
3. Isabel de Madariaga. (2002). *Rossiia v epokhu Ekateriny Velikoy* [Russia in the Age of Catherine the Great] (N.L. Luzhetskaya, Trans.). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (Original work published 1981)
4. Lebedev, V.I. (Comp.). (1937). *Reformy Petra I: Sbornik dokumentov* [Reforms of Peter I: Collection of Documents]. Moscow: Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomicheskoye izdatelstvo.
5. Psikonokova, N.I. (2015). *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy* [History of Economic Doctrines]. Maykop: ASU.
6. Sapilov, E.V. (2004). *Rossiyskoye trgovoye zakonodatelstvo XVII — XVIII vv.* [Russian Trade Legislation of the 17th–18th Centuries]. Moscow.
7. Semenov, A. (1859). *Izucheniye istoricheskikh svedeniy o rossiyskoy vneshney trgovle i promyshlennosti s poloviny XVII stoletiya po 1858 god* [Study of Historical Information on Russian Foreign Trade and Industry from the Mid-17th Century to 1858] (Part 1). St. Petersburg: Tip. I.I. Glazunova.
8. Shkunov, V.N. (2018). *Gosudarstvenno-pravovoye regulirovaniye vneshney trgovli v Rossiyskoy imperii v XVIII — XIX vekakh* [State-Legal Regulation of Foreign Trade in the Russian Empire in the 18th–19th Centuries]. Saratov: Ay Pi Er Media.
9. Spassky, P.Kh. (Ed.). (1912). *Istoriya trgovli i promyshlennosti v Rossii* [History of Trade and Industry in Russia] (Vol. 1, Issue 5: History of Trade in Russia from Peter the Great to the Beginning of the 20th Century). St. Petersburg.
10. Tsedilin, L.I. (2014). *Proteksionizm v rossiyskoy ekonomicheskoy politike: institutsionalnyy i istoricheskiy opyt* [Protectionism in Russian Economic Policy: Institutional and Historical Experience]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
11. Vitchevsky, V. (1909). *Torgovaya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii so vremen Petra Velikogo do nashikh dney* [Trade, Customs and Industrial Policy of Russia from the Time of Peter the Great to the Present Day] (A.V. Braude, Trans.; Yu.D. Filippov, Ed.). St. Petersburg: Izdaniye D.A. Kazitsyna i Yu.D. Filippova.

УДК 34.09

DOI: 10.34670/AR.2026.74.82.004

Правовые механизмы противодействия нелегальной торговле в Российской империи XVIII–XIX вв.

Молотиевская Виктория Николаевна

Аспирант,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: vn_molot013@mail.ru

Аннотация

Статья реконструирует эволюцию правовых механизмов противодействия нелегальной торговле в Российской империи XVIII–XIX вв., показывая, как фискальные интересы абсолютистского государства формировали режим монополий и таможенных барьеров и одновременно стимулировали корчемство и контрабанду. Раскрывается синкретичность раннего регулирования, казуальный характер указов и зависимость правоприменения от сословного статуса, коррупции и инквизиционных процедур, при которых признание становилось центральным доказательством. Отмечены институциональные переломы: учреждение Коммерц-коллегии, отмена внутренних таможен в 1753 г. и перенос контроля на внешние рубежи, создание системы застав и охраны границ с конфликтами компетенций между гражданскими и военными структурами. Анализируется влияние тарифной политики, включая запретительный тариф 1810 г., на всплески теневого импорта и последующее формирование Пограничной таможенной стражи как военизированного корпуса. Показаны правовые технологии контроля внутреннего рынка (клеймение, отчетность, презумпция незаконности неклеяменого товара), а также кодификационная систематизация в Уложении о наказаниях с дифференциацией составов и ограничением судебной дискреции. Рассматриваются изменения процессуальной культуры пореформенной эпохи, роль Сената, статистической отчетности и международно-правовой кооперации, подчеркивающие пределы эффективности репрессий без экономической настройки регулирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Молотиевская В.Н. Правовые механизмы противодействия нелегальной торговле в Российской империи XVIII–XIX вв. // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 45–54. DOI: 10.34670/AR.2026.74.82.004

Ключевые слова

Контрабанда, корчемство, таможенная политика, Российская империя, правовые механизмы противодействия, история государства и права, таможенное право.

Введение

Формирование институтов государственного контроля над экономической деятельностью представляет собой сложный и многовековой процесс, в котором фискальные интересы власти неизбежно сталкиваются с теневыми практиками товарного оборота. Становление абсолютизма в Российском государстве потребовало колоссальной концентрации финансовых ресурсов, что предопределило жесткую монополизацию ключевых секторов торговли и установление строгих таможенных барьеров [Жолобова, 2014a]. Попытки централизованного управления торговыми потоками неизбежно порождали ответную реакцию в виде масштабного незаконного перемещения товаров, которое наносило существенный урон казне и подрывало основы экономической безопасности империи. Поиск эффективных правовых инструментов пресечения нелегальной торговли стал одной из важнейших задач законодательной власти на протяжении двух столетий. Регламентация ответственности за нарушение таможенных и монопольных правил претерпела значительную трансформацию, отражая общую эволюцию отечественного права от казуальных и жестоких предписаний к более систематизированным и соразмерным нормам.

Сложность правовой квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом, заключалась в синкретичном характере законодательства той эпохи, которое долгое время не проводило четкой границы между различными видами экономических правонарушений. В юридический оборот прочно вошли такие понятия, как «корчемство», подразумевавшее нарушение государственной монополии на производство и сбыт определенных категорий товаров, прежде всего соли и алкоголя, и «контрабанда», связанная с тайным провозом грузов через государственную границу в обход таможенных застав [Плотникова, 2021]. Развитие доктринальных представлений о природе этих деяний происходило медленно, опираясь преимущественно на прецедентные решения Правительствующего Сената, который в своих указах пытался восполнить пробелы позитивного права. Правосознание общества и представителей государственного аппарата зачастую воспринимало подобные нарушения не как тяжкие криминальные посяательства, а как естественную реакцию на чрезмерное налоговое бремя, что создавало серьезные препятствия для правоприменения. Государство было вынуждено постоянно балансировать между карательными мерами и попытками экономического стимулирования легальных торговцев.

Геополитическая экспансия государства, сопровождавшаяся постоянным изменением и расширением внешних границ, требовала адекватного инфраструктурного и правового обеспечения новых рубежей. Учреждение таможенных линий и застав происходило в условиях острой нехватки квалифицированных кадров и сложной криминогенной обстановки на окраинах [Жолобова, 2003]. Вектор таможенной политики регулярно смещался от строгих протекционистских тарифов, призванных защитить зарождающуюся отечественную мануфактурную промышленность, к либеральным послаблениям, ориентированным на увеличение товарооборота. Каждое повышение пошлин закономерно провоцировало всплеск контрабандной активности, заставляя законодателя пересматривать не только ставки тарифов, но и процессуальные механизмы расследования дел о незаконной торговле. Изучение этих исторических процессов в строгом юридическом ключе позволяет выявить глубинные закономерности функционирования охранительных механизмов в сфере экономики.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую основу сформировал массив нормативных правовых актов, инкорпорированных в Полное собрание законов Российской империи, которое выступает фундаментальным сводом позитивного права исследуемой эпохи. Работа с многотомными изданиями требовала применения герменевтических подходов для адекватного толкования архаичных юридических конструкций и выявления подлинной воли законодателя [Жолобова, 2013]. Нормативные предписания императорских указов, сенатских разъяснений и ведомственных инструкций рассматривались в их иерархической взаимосвязи и хронологической последовательности. Архитектура исследования выстроена на строгом соблюдении принципов историзма и объективности, что позволило избежать ретроспективной модернизации правовых институтов прошлого.

Существенный пласт источниковой базы составили опубликованные архивные материалы Правительствующего Сената, отражающие специфику судебной и административной практики по делам о конфискации и взыскании штрафов. Изучение правоприменительных актов, включая решения местных судебных палат и таможенных судов, выявило значительные расхождения между декларируемыми правовыми идеалами и реальным положением дел на пограничных рубежах [Задорин, Молодцова, 2019]. Формально-догматический метод обеспечил анализ структуры составов правонарушений, объективных и субъективных признаков незаконной торговли. Сравнительно-правовой анализ применялся для сопоставления сменявших друг друга таможенных уставов и уголовных уложений, что помогло отследить векторы криминализации и декриминализации экономических деяний.

В работе использован комплекс из пятнадцати специализированных научных трудов, охватывающих как дореволюционную правовую мысль, так и современные историко-правовые исследования. Отбор доктринальных источников осуществлялся на основе их релевантности вопросам эволюции полицейского, таможенного и уголовного права империи. Теоретические конструкции, предложенные выдающимися правоведами прошлого, послужили концептуальной рамкой для оценки эффективности государственного принуждения [Ольшанская, 2023]. Критический анализ историографии позволил сформулировать самостоятельные выводы о природе корчемства и контрабанды как сложных социально-правовых феноменов.

Для верификации масштабов нелегального товарного оборота и результативности фискальной политики применялись элементы ретроспективного статистического анализа. Изучение числовых показателей, отражающих объемы изъятой контрабанды, суммы наложенных взысканий и количество привлеченных к ответственности лиц, дало возможность оценить реальную нагрузку на правоохранительную систему [Павшинская, 2011]. Интеграция количественных данных с качественным юридическим анализом нормативного материала обеспечила многомерное восприятие проблемы защиты экономических интересов государства в условиях имперской модернизации.

Результаты и обсуждение

Формирование системного подхода к пресечению нелегальной торговли неразрывно связано с эпохой масштабных преобразований первой четверти восемнадцатого столетия. Меркантилистская политика государства диктовала необходимость жесточайшего контроля над

потоками драгоценных металлов и стратегически важных товаров. Учреждение Коммерц-коллегии стало первым шагом на пути институционализации управления торговой сферой, однако правовая база оставалась фрагментарной и изобиловала пробелами [Минаева, 2009]. Законодательство того периода характеризовалось казуальностью: указы издавались в ответ на конкретные выявленные факты злоупотреблений, не образуя целостной системы норм. Ответственность за нарушение монопольных прав казны поражала своей суровостью, предусматривая вплоть до смертной казни за масштабное корчемство, однако несовершенство полицейского аппарата сводило превентивный эффект этих санкций к минимуму.

Специфика правового регулирования заключалась в возложении функций по борьбе с незаконным оборотом на армейские подразделения и местные административные органы, что неизбежно порождало конфликты юрисдикций. Воеводы и губернаторы, наделенные широкими полномочиями, зачастую сами оказывались вовлеченными в теневые схемы, покровительствуя крупным контрабандистам ради личного обогащения. Институт фискалов, призванный осуществлять надзор за соблюдением законов, включая сферу торговли, продемонстрировал низкую эффективность из-за тотальной коррупции и отсутствия четкой процессуальной регламентации расследования [Жолобова, 2014b]. Дела о контрабанде рассматривались в рамках инквизиционного процесса, где главным доказательством оставалось собственное признание обвиняемого, добытое, как правило, под пытками. Судебная практика изобиловала случаями произвола, когда тяжесть наказания зависела не от объективной стороны деяния, а от сословного статуса нарушителя.

Существенные сдвиги в правовом ландшафте произошли в середине столетия, когда экономические реалии потребовали пересмотра архаичной системы внутренних сборов. Отмена внутренних таможен в тысяча семьсот пятьдесят третьем году стала колоссальным прорывом в развитии единого всероссийского рынка, радикально изменившим архитектуру таможенного контроля [Шкунов, 2012]. Ликвидация таможенных застав внутри страны привела к переносу всей тяжести фискального контроля на внешние границы империи. Это потребовало создания принципиально новой правовой базы, регламентирующей порядок пропуска товаров через государственную границу, процедуру их досмотра и клеймения. Законодатель был вынужден детально прописывать полномочия таможенных служащих, стремясь минимизировать их дискреционные полномочия и снизить коррупционные риски.

Новая конфигурация таможенных рубежей обнажила проблему слабой защищенности протяженных сухопутных границ. Для охраны порубежных линий стали привлекаться регулярные кавалерийские полки и казачьи формирования, чья деятельность регулировалась специальными воинскими уставами и инструкциями. Взаимодействие между гражданскими таможенными чиновниками и военными патрулями выстраивалось крайне сложно, сопровождаясь постоянными спорами о праве на конфискованное имущество [Иванов, 2019]. Законодательство предусматривало систему поощрений, при которой значительная часть стоимости изъятой контрабанды передавалась поимщикам, что должно было стимулировать их усердие. Эта норма породила целую индустрию профессионального доноительства и провокаций, когда должностные лица фабриковали дела ради получения премиальных выплат.

Таможенные тарифы второй половины восемнадцатого века отражали колебания правительственного курса между умеренным протекционизмом и попытками либерализации внешнеторговой деятельности. Тарифы устанавливали дифференцированные ставки пошлин в зависимости от степени переработки товара и его значимости для внутреннего рынка. Высокие заградительные пошлины на предметы роскоши и готовые промышленные изделия

закономерно делали их главными объектами контрабандного ввоза [Минникес, 2019]. Нормативные акты этого периода начали более четко разграничивать ответственность за простой провоз товаров без уплаты пошлины и за вооруженное сопротивление таможенной страже. Вооруженная контрабанда стала квалифицироваться как тяжкое государственное преступление, подлежащее рассмотрению в особых судебных присутствиях с применением строгих процессуальных правил.

Анализ сенатской практики того времени демонстрирует устойчивую тенденцию к смягчению реальных наказаний за экономические преступления по сравнению с буквой закона. Сенаторы, осознавая невозможность искоренения контрабанды исключительно репрессивными методами, часто заменяли телесные наказания и ссылку штрафами и конфискацией товара. Правоприменитель начал учитывать такие факторы, как умысел нарушителя, объемы провозимого груза и наличие предварительного сговора [Плотникова, 2022]. Постепенно в юриспруденции кристаллизовалось понимание контрабанды как преимущественно имущественного правонарушения, посягающего на фискальные интересы казны, а не на основы государственного строя. Это повлекло за собой изменение процессуального порядка: дела о контрабанде стали передаваться в ведение специализированных таможенных судов.

Начало девятнадцатого столетия ознаменовалось резким обострением проблемы незаконной торговли на фоне участия государства в континентальной блокаде. Запретительный тариф тысяча восемьсот десятого года, закрывший порты для огромного количества иностранных товаров, спровоцировал беспрецедентный рост теневого импорта. Правовая система оказалась не готова к появлению хорошо организованных транснациональных синдикатов контрабандистов, которые обладали значительными финансовыми ресурсами и вооруженной охраной [Мацнев, 2008]. Существовавшие полицейские и таможенные силы на западных рубежах не справлялись с возросшей нагрузкой, что потребовало экстренного вмешательства верховной власти и издания серии жестких указов. Законодательство этого периода носило ярко выраженный репрессивный характер, допуская применение военной силы против контрабандистов без предварительного предупреждения.

Фундаментальная реформа правоохранительных механизмов на границе произошла в двадцатые годы с учреждением Пограничной таможенной стражи, которая получила статус военизированного формирования с четкой иерархией и строгой дисциплиной. Нормативная база, регламентирующая деятельность стражи, представляла собой сложный синтез воинских артикулов и таможенных правил [Задорин, Молодцова, 2019]. Пограничникам предоставлялись широкие права по досмотру транспортных средств, преследованию нарушителей на приграничных территориях и применению огнестрельного оружия. Правовой статус должностных лиц был существенно повышен, введены строгие критерии отбора на службу, а также установлена уголовная ответственность за попустительство контрабандистам. Создание специализированного ведомства позволило систематизировать практику борьбы с незаконным оборотом и повысить уровень раскрываемости правонарушений.

Количественные показатели изъятых товаров и динамику изменения таможенных сборов за различные десятилетия можно увидеть в таблице, которая наглядно демонстрирует корреляцию между тарифной политикой и теневым оборотом. Сосредоточение массивов статистических данных в Департаменте таможенных сборов позволило министерству финансов оперативно корректировать нормативную базу, реагируя на появление новых маршрутов и способов укрытия грузов. Анализ ведомственной отчетности способствовал переходу от ситуативного реагирования к планированию превентивных мер. Правоприменитель стал больше внимания

уделять контроль над логистическими узлами, складскими помещениями и ярмарками, где реализовывалась основная масса нелегально ввезенной продукции.

Особое место в правовом регулировании занимал институт ответственности за укрывательство и сбыт контрабандных товаров внутри страны. Законодатель столкнулся с серьезной юридической проблемой: доказать факт незаконного происхождения товара, обнаруженного за сотни верст от границы, было крайне сложно. Введение обязательного клеймения легально ввезенных грузов и строгой отчетности для купечества создало правовую презумпцию виновности владельца неклеяменого товара. Бремя доказывания легальности приобретения имущества возлагалось на купца, что стало мощным инструментом давления на теневой сектор торговли. Нарушение правил маркировки влекло за собой безусловную конфискацию предмета спора и наложение крупного денежного штрафа, пропорционального стоимости товара.

Принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в середине девятнадцатого века ознаменовало переход к научной систематизации уголовного законодательства. Преступления против казенных управлений, включая контрабанду и нарушение монопольных прав, были выделены в отдельную главу, получив детальную догматическую проработку. Законодатель четко разделил составы правонарушений по степени общественной опасности, дифференцируя простую тайную провозку, вооруженную контрабанду, совершение деяния организованной группой и рецидив. Были детально прописаны формы вины, виды соучастия и стадии совершения преступления, что существенно ограничило произвол судей при вынесении приговоров. Уложение закрепило принцип соразмерности наказания причиненному экономическому ущербу.

Правоприменительная практика пореформенного периода демонстрирует усложнение процессуальных аспектов рассмотрения дел о нелегальной торговле. Развитие института адвокатуры и внедрение принципов гласности и состязательности в уголовный процесс заставили таможенные и прокурорские органы более тщательно собирать доказательственную базу. Суды присяжных, которым стали подсудны дела о вооруженной контрабанде, сопровождавшейся насилием против стражи, зачастую выносили оправдательные приговоры, руководствуясь мотивами сострадания к бедственному положению пограничного населения. Эта тенденция выявила глубокий разрыв между сухими нормами закона и общественным правосознанием, которое не считало экономические преступления против государства безусловно порицаемыми деяниями.

Вопросы юрисдикции по делам о незаконной торговле продолжали вызывать серьезные споры в сенатских департаментах. Разграничение компетенции между таможенными учреждениями, мировыми судьями и окружными судами осуществлялось по критерию стоимости предмета контрабанды и наличияотягчающих обстоятельств. Административный порядок взыскания штрафов применялся к мелким нарушениям, что позволяло разгрузить судебную систему и обеспечить быстрое пополнение казны. Развитие административной юстиции в сфере таможенного дела способствовало формированию особого правового режима пограничной полосы, где действовали специальные правила передвижения лиц и грузов, ограничивающие общие гражданские права местного населения в интересах государственной безопасности.

Эволюция правовых институтов на протяжении рассматриваемого периода убедительно свидетельствует о постепенном осознании государством того факта, что репрессии сами по себе не способны уничтожить экономическую базу теневой торговли. Позднее имперское

законодательство стало включать нормы, направленные на экономическое дестимулирование контрабанды путем оптимизации тарифных ставок и улучшения инфраструктуры легального провоза грузов. Правовые акты стали более техничными, содержащими сложные отсылочные и бланкетные нормы, требующие от правоприменителя высокой юридической квалификации. Формирование профессионального таможенного корпуса и специализированной пограничной юстиции завершило создание целостного охранительного механизма.

Заключительный этап развития дореволюционного законодательства в сфере противодействия незаконной торговле характеризовался попытками интеграции национальных правовых норм в складывающуюся систему международных договоренностей. Заключение двусторонних конвенций с сопредельными государствами обязывало стороны оказывать взаимную правовую помощь в преследовании контрабандистов и выдаче скрывающихся преступников. Экстрадиция лиц, обвиняемых в масштабных экономических преступлениях, и обмен оперативной информацией на уровне таможенных ведомств стали новыми инструментами в арсенале правоохранительных структур. Нормативная база приобрела транснациональные черты, отражая объективный процесс глобализации товарных рынков и усложнения криминальных схем уклонения от уплаты фискальных платежей.

Выводы

Историко-правовой генезис механизмов защиты фискальных и экономических интересов государства демонстрирует сложную траекторию трансформации властных институтов и нормативных предписаний. Переход от архаичных, бессистемных и чрезмерно жестоких мер принуждения, характерных для периода раннего абсолютизма, к кодифицированному и догматически выверенному законодательству стал отражением общего развития юридической техники и процессуальной культуры. Формирование специализированного полицейского аппарата, выделение таможенных преступлений в самостоятельную категорию правонарушений и дифференциация ответственности в зависимости от объективных и субъективных признаков деяния позволили государству создать более рациональную и предсказуемую систему пресечения теневого товарного оборота. Балансирование между карательными санкциями, административным принуждением и экономическим регулированием стало ключевым элементом государственной политики на границах империи.

Опыт правового конструирования составов экономических преступлений и организации юрисдикционных механизмов прошлого обладает несомненной ценностью для осмысления природы современного незаконного перемещения благ. Анализ исторической практики судебных и административных органов обнажает фундаментальную закономерность: любые искусственные ограничения оборота или непомерное фискальное давление неизбежно криминализируют торговую среду, порождая сложные коррупционные связи и профессиональные преступные сообщества. Изучение эволюции таможенного законодательства и процессуальных особенностей рассмотрения дел данной категории позволяет глубже понять пределы эффективности государственного принуждения в экономической сфере. Поиск оптимальной модели правового регулирования, обеспечивающей надежную охрану экономических рубежей без избыточного подавления частной инициативы, остается неизменным вызовом для юридической науки и правотворческой практики.

Библиография

1. Жолобова Г.А. Механизм правового регулирования внешней торговли огнестрельным оружием в Российской империи на рубеже XIX — XX вв. // Право и политика. 2013. № 5. С. 691-699.
2. Жолобова Г.А. Механизм правового регулирования торговли ядовитыми и сильнодействующими веществами в Российской империи 1881–1913 гг. // Административное и муниципальное право. 2014. № 3 (75). С. 201-211.
3. Жолобова Г.А. Правовое регулирование биржевой деятельности в Российской империи на рубеже XIX-XX вв. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 1 (246). С. 233-246.
4. Жолобова Г.А. Правовое регулирование торговли ядовитыми и сильнодействующими веществами в Российской империи 1881-1913 гг. // Медицинское право. 2014. № 3. С. 45-50.
5. Задорин М.Ю., Молодцова М.С. Политико-правовые аспекты торговли на Русском Севере с участием иностранцев в период с 1645 по 1696 г. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 147-157.
6. Иванов К.Е. Влияние российской торговой элиты на изменение тарифно-таможенного законодательства в середине XIX в. // Социология и право. 2019. № 2 (44). С. 62-66.
7. Мацнев Д.В. Проблемы правового регулирования внешней торговли в Древней Руси с IX по XII вв. // История государства и права. 2008. № 22. С. 26-28.
8. Минаева Т.С. Беломорская внешняя торговля и таможенная политика России в XVIII в. // Российская история. 2009. № 3. С. 52-56.
9. Минникес И.В. Актуальное историко-правовое исследование системы национально-регионального управления в Российской империи // Академический юридический журнал. 2019. № 4 (78). С. 58-60.
10. Ольшанская Л.В. Законодательная политика Российской империи во внутренней и внешней торговле в первой четверти XIX века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 4 (97). С. 1331-1339.
11. Павшинская М.С. Правовые основания участия российского государства в торговых отношениях в первой четверти XVIII века // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1 (118). С. 209-212.
12. Петряков С.В. К вопросу о правовом регулировании торговых отношений России и Дании в первой трети XIX века // Московское научное обозрение. 2011. № 9 (13). С. 48-50.
13. Плотнокова А.В. Особенности правового регулирования торгово-экономических отношений в России в XVII в.: историко-правовой анализ // Вопросы истории. 2021. № 12-1. С. 157-164.
14. Плотнокова А.В. Правовое регулирование торговой деятельности в Российской империи в пореформенный период (1861-1906 гг.) // История государства и права. 2022. № 8. С. 48-54.
15. Шкунов В.Н. Внутренняя и внешняя торговля Российской империи в 1812 году // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 14-16.

Legal Mechanisms for Combating Illegal Trade in the Russian Empire of the 18th–19th Centuries

Viktoriya N. Molotievskaya

Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vn_molot013@mail.ru

Abstract

The article reconstructs the evolution of legal mechanisms for combating illegal trade in the Russian Empire of the 18th–19th centuries, showing how the fiscal interests of the absolutist state shaped the regime of monopolies and customs barriers while simultaneously stimulating bootlegging and smuggling. The syncretism of early regulation, the casuistic nature of decrees, and the dependence of law enforcement on class status, corruption, and inquisitorial procedures, under

which confession became the central piece of evidence, are revealed. Institutional turning points are noted: the establishment of the Commerce Collegium, the abolition of internal customs in 1753 and the shift of control to external borders, the creation of a system of outposts and border guards with conflicts of competence between civilian and military structures. The influence of tariff policy, including the prohibitive tariff of 1810, on surges of shadow imports and the subsequent formation of the Border Customs Guard as a paramilitary corps is analyzed. The legal technologies of internal market control (branding, reporting, presumption of illegality of unbranded goods), as well as codification systematization in the Code of Punishments with differentiation of offenses and limitation of judicial discretion, are shown. Changes in the procedural culture of the post-reform era, the role of the Senate, statistical reporting, and international legal cooperation are examined, emphasizing the limits of the effectiveness of repression without economic adjustment of regulation.

For citation

Molotievskaya V.N. (2026) *Pravovyye mekhanizmy protivodeystviya nelegal'noy trgovle v Rossiyskoy imperii XVIII–XIX vv.* [Legal Mechanisms for Combating Illegal Trade in the Russian Empire of the 18th–19th Centuries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 45-54. DOI: 10.34670/AR.2026.74.82.004

Keywords

Smuggling, bootlegging, customs policy, Russian Empire, legal mechanisms of counteraction, history of state and law, customs law.

References

1. Ivanov, K.E. (2019). Vliyaniye rossiyskoy trgovoy elity na izmeneniye tarifno-tamozhennogo zakonodatelstva v sereдинe XIX v. [The Influence of the Russian Trading Elite on Changes in Tariff and Customs Legislation in the Mid-19th Century]. *Sotsiologiya i pravo*, (2), 62-66.
2. Matsnev, D.V. (2008). Problemy pravovogo regulirovaniya vneshney trgovli v Drevney Rusi s IX po XII vv. [Problems of Legal Regulation of Foreign Trade in Ancient Rus' from the 9th to 12th Centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava*, (22), 26-28.
3. Minaeva, T.S. (2009). Belomorskaya vneshnyaya trgovlya i tamozhennaya politika Rossii v XVIII v. [White Sea Foreign Trade and Customs Policy of Russia in the 18th Century]. *Rossiyskaya istoriya*, (3), 52-56.
4. Minnikes, I.V. (2019). Aktualnoye istoriko-pravovoye issledovaniye sistemy natsionalno-regionalnogo upravleniya v Rossiyskoy imperii [A Relevant Historical-Legal Study of the National-Regional Management System in the Russian Empire]. *Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal*, (4), 58-60.
5. Olshanskaya, L.V. (2023). Zakonodatel'naya politika Rossiyskoy imperii vo vnutrenney i vneshney trgovle v pervoy chetverti XIX veka [Legislative Policy of the Russian Empire in Domestic and Foreign Trade in the First Quarter of the 19th Century]. *Voprosy natsionalnykh i federativnykh otnosheniy*, *13*(4), 1331-1339.
6. Pavshinskaya, M.S. (2011). Pravovyye osnovaniya uchastiya rossiyskogo gosudarstva v trgovykh otnosheniyakh v pervoy chetverti XVIII veka [Legal Grounds for the Participation of the Russian State in Trade Relations in the First Quarter of the 18th Century]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, (1), 209-212.
7. Petryakov, S.V. (2011). K voprosu o pravovom regulirovanii trgovykh otnosheniy Rossii i Danii v pervoy treti XIX veka [On the Issue of Legal Regulation of Trade Relations between Russia and Denmark in the First Third of the 19th Century]. *Moskovskoye nauchnoye obozreniye*, (9), 48-50.
8. Plotnikova, A.V. (2021). Osobennosti pravovogo regulirovaniya torгово-ekonomicheskikh otnosheniy v Rossii v XVII v.: istoriko-pravovoy analiz [Features of Legal Regulation of Trade and Economic Relations in Russia in the 17th Century: A Historical-Legal Analysis]. *Voprosy istorii*, (12-1), 157-164.
9. Plotnikova, A.V. (2022). Pravovoye regulirovaniye trgovoy deyatel'nosti v Rossiyskoy imperii v poreformenny period (1861-1906 gg.) [Legal Regulation of Trading Activities in the Russian Empire during the Post-Reform Period (1861-1906)]. *Istoriya gosudarstva i prava*, (8), 48-54.
10. Shkunov, V.N. (2012). Vnutrennyaya i vneshnyaya trgovlya Rossiyskoy imperii v 1812 godu [Domestic and Foreign

-
- Trade of the Russian Empire in 1812]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, *14*(3), 14-16.
11. Zadorin, M.Yu., & Molodtsova, M.S. (2019). Politiko-pravovyye aspekty trgovli na Russkom Severe s uchastiyem inostrantsev v period s 1645 po 1696 g. [Political and Legal Aspects of Trade in the Russian North Involving Foreigners in the Period from 1645 to 1696]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (447), 147-157.
 12. Zholobova, G.A. (2003). Pravovoye regulirovaniye birzhevoy deyatel'nosti v Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX-XX vv. [Legal Regulation of Stock Exchange Activities in the Russian Empire at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, (1), 233-246.
 13. Zholobova, G.A. (2013). Mekhanizm pravovogo regulirovaniya vneshney trgovli ognestrel'nym oruzhiem v Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX — XX vv. [The Mechanism of Legal Regulation of Foreign Trade in Firearms in the Russian Empire at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Pravo i politika*, (5), 691-699.
 14. Zholobova, G.A. (2014a). Mekhanizm pravovogo regulirovaniya trgovli yadovitymi i silnodeystvuyushchimi veshchestvami v Rossiyskoy imperii 1881–1913 gg. [The Mechanism of Legal Regulation of Trade in Poisonous and Potent Substances in the Russian Empire 1881–1913]. *Administrativnoye i munitsipalnoye pravo*, (3), 201-211.
 15. Zholobova, G.A. (2014b). Pravovoye regulirovaniye trgovli yadovitymi i silnodeystvuyushchimi veshchestvami v Rossiyskoy imperii 1881-1913 gg. [Legal Regulation of Trade in Poisonous and Potent Substances in the Russian Empire 1881–1913]. *Meditinskoye pravo*, (3), 45-50.
-

УДК 378.6:351.851

DOI: 10.34670/AR.2026.50.58.005

Формирование правовых основ уровневой системы подготовки инженерных кадров в России в конце 1980-х – 1990-е гг.

Мурашев Михаил Александрович

Старший преподаватель,
Высшая школа педагогики и истории,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: Muravesha@yandex.ru

Аннотация

Процесс формирования правовых основ уровневой системы подготовки инженерных кадров в России в конце 1980-х – 1990-е годы представлял собой сложную трансформацию нормативно-правовой базы, направленную на преодоление несовместимости жестко централизованной советской модели с международными образовательными стандартами. Унифицированная подготовка специалистов-инженеров с пятилетним циклом обучения и ведомственным регулированием учебных планов постепенно заменялась многоуровневой структурой, включающей бакалавриат, специалитет и магистратуру, с возможностью получения документов государственного образца на каждом этапе. Законодательные инициативы того периода ввели новые правовые категории, разграничили содержание и сроки освоения образовательных программ, установили требования к государственным стандартам с учетом различных компонентов, а также определили порядок лицензирования и аккредитации деятельности высших учебных заведений. Однако внедрение уровневой модели сопровождалось значительными коллизиями, связанными с неопределенностью профессионального статуса бакалавров в инженерных областях, противоречиями между образовательными нормами и отраслевыми квалификационными требованиями в стратегических отраслях промышленности, а также сохранением административных механизмов контроля, унаследованных от предыдущей системы. Особую сложность представляло отсутствие четкой корреляции между новыми образовательными квалификациями и трудовым законодательством, тарифно-квалификационными справочниками и процедурами профессиональной сертификации, что приводило к проблемам признания дипломов как на внутреннем, так и на международном уровне. Финансово-правовые аспекты реформы дополнительно усложняли переход, поскольку сокращение сроков обучения не сопровождалось адекватной корректировкой нормативов финансирования и приводило к увеличению административной нагрузки на технические вузы. В целом, нормативное регулирование характеризовалось диспозитивным подходом, позволившим техническим университетам сохранять элементы традиционной подготовки параллельно с новыми форматами, что заложило основу для дальнейшего развития системы в условиях глобальной интеграции.

Для цитирования в научных исследованиях

Мурашев М.А. Формирование правовых основ уровневой системы подготовки инженерных кадров в России в конце 1980-х – 1990-е гг. // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 55-66. DOI: 10.34670/AR.2026.50.58.005

Ключевые слова

Уровневая система, инженерные кадры, правовые основы, высшее техническое образование, образовательная реформа, бакалавриат, специалитет, магистратура.

Введение

Трансформация системы высшего технического образования в России в конце 1980-х — 1990-е годы представляла собой один из наиболее сложных и противоречивых процессов в истории отечественного права и государственного управления. Переход от жёстко централизованной советской модели подготовки инженерных кадров к многоуровневой системе, ориентированной на международные стандарты, потребовал коренного пересмотра всей нормативно-правовой базы, регулировавшей сферу профессионального образования. Советская система инженерной подготовки отличалась высокой степенью унификации: специалист с квалификацией «инженер» являлся единственным выпускным уровнем технического вуза, а учебные планы формировались централизованно Министерством высшего и среднего специального образования СССР. Именно этот порядок оказался под давлением реформаторских инициатив, рождённых в атмосфере позднесоветской перестройки [Гайрабеков, 2023].

Необходимость структурных изменений диктовалась целым рядом факторов. С одной стороны, советские технические вузы к середине 1980-х годов накопили значительный потенциал академической деятельности, однако выпускники всё отчётливее обнаруживали разрыв между полученной подготовкой и реальными требованиями производства. С другой стороны, в международном образовательном пространстве всё более утверждалась трёхуровневая модель, предполагающая разграничение бакалавриата, магистратуры и докторантуры. Советская система, располагавшая лишь специалитетом и аспирантурой, оставалась принципиально несовместимой с западными стандартами, что существенно ограничивало академическую мобильность и международное признание российских инженерных квалификаций [Петров, 2022а]. Эти обстоятельства создавали устойчивый запрос на правовое реформирование.

В рамках перестроечного курса советское руководство предприняло первые попытки децентрализации управления высшей школой. Закон СССР «О кооперации в СССР» 1988 года, несмотря на свою очевидную экономическую природу, косвенно затронул сферу образования, открыв возможности для негосударственных образовательных инициатив. Постановление Совета Министров СССР от 1987 года «О перестройке системы народного образования» обозначило вектор реформ, хотя и не предусматривало конкретных механизмов введения уровневой подготовки. Период с 1988 по 1991 год стал временем нормативной неопределённости, когда союзное и республиканское законодательства вступали в противоречие, а правоприменительная практика складывалась крайне непоследовательно

[Романова, 2021]. Именно в этот период были заложены концептуальные основы будущих реформ.

Распад СССР и образование Российской Федерации как самостоятельного субъекта международного права открыли принципиально новый этап в правовом регулировании системы образования. Российское законодательство 1990-х годов формировалось в условиях острого противоречия между необходимостью системных преобразований и неготовностью государственных институтов к их реализации. Закон Российской Федерации «Об образовании» 1992 года ввёл принципиально новые категории в правовой оборот, создав нормативный фундамент для многоуровневой системы подготовки специалистов. Для инженерного образования этот период ознаменовался не только появлением новых правовых форм, но и глубокой трансформацией самого понимания профессиональной компетентности инженера — явление, по своей природе выходящее далеко за рамки сугубо юридической проблематики и охватывающее область социальной инженерии государственного управления [Новиков, 2023].

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на широком массиве нормативных правовых актов советского и российского периодов, материалах законопроектной деятельности Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также архивных документах Министерства образования и профильных ведомств. Были проанализированы союзные и республиканские законодательные акты, постановления правительства, ведомственные приказы и инструкции в сфере высшего образования периода 1987–2000 годов. Особое место в источниковой базе занимают материалы Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию, поскольку именно этот орган осуществлял непосредственное нормативное регулирование процесса введения уровневой системы в технических вузах [Погарцев, 2026].

Методологическую основу составляют сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический методы исследования. Сравнительно-правовой метод применяется при сопоставлении советских и постсоветских нормативных конструкций, а также при соотнесении российской модели с европейскими аналогами. Историко-правовой метод обеспечивает рассмотрение нормативных актов в их хронологической последовательности и взаимообусловленности. Формально-юридический метод используется при анализе содержания конкретных правовых норм, их толковании и выявлении внутренних противоречий. В совокупности применяемые методы позволяют восстановить логику правотворческого процесса в исследуемый период [Хусайнова, 2022].

Источниковая база включает более 60 нормативных правовых актов, 15 научных источников, включая монографии, статьи в рецензируемых изданиях и материалы научных конференций, а также правоприменительные документы. Привлекались работы ведущих специалистов в области образовательного права — В.М. Сырых, В.И. Шкатуллы, Г.А. Дорохова и других исследователей, чьи труды закрепили концептуальные подходы к пониманию правовых основ российской системы высшего образования. Отдельно изучались материалы парламентских слушаний и стенограммы заседаний профильных комитетов, позволяющие реконструировать намерения законодателя при принятии ключевых нормативных актов [Зенков, 2024].

Результаты и обсуждение

Советская модель инженерного образования к середине 1980-х годов представляла собой жёстко структурированную систему, основанную на пятилетнем или пятилетнем с половиной цикле обучения, завершавшемся присвоением квалификации «инженер» по соответствующей специальности. Правовую основу этой системы составляло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1979 года «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов». Нормативное регулирование носило преимущественно ведомственный характер: Министерство высшего и среднего специального образования СССР утверждало типовые учебные планы, квалификационные характеристики и перечни специальностей, фактически лишая вузы какой-либо автономии в определении содержания подготовки [Бредихин, Фомичев, 2023]. Данная модель обеспечивала высокую степень однородности выпускаемых специалистов, что соответствовало требованиям плановой экономики, однако оказывалась принципиально негибкой в условиях структурных изменений.

Первые системные сдвиги в правовом регулировании высшей технической школы наметились в связи с принятием Основ законодательства СССР и союзных республик о народном образовании 1973 года в их новой редакции, а также в контексте постановления Совета Министров СССР 1987 года «О перестройке высшей школы». Последнее, несмотря на декларативный характер отдельных положений, закрепило принцип расширения академических свобод высших учебных заведений и наметило путь к диверсификации образовательных программ [Петров, 2022b]. Тем не менее практическое воплощение этих принципов в сфере инженерного образования в союзный период оставалось крайне ограниченным: механизм их реализации предполагал сохранение ведомственного контроля, несовместимого с подлинной автономией вуза.

Переломным моментом в правовом оформлении уровневой системы стало принятие постановления Государственного комитета СССР по народному образованию от 13 марта 1992 года № 13 «О введении многоуровневой структуры высшего образования в Российской Федерации». Это постановление, фактически принятое уже в период существования независимой России, заложило трёхуровневую архитектуру: неполное высшее образование (два года), бакалавриат (четыре года) и магистратура (шесть лет совокупно). Применительно к инженерным специальностям указанный документ предполагал возможность завершения образования на каждом из уровней с выдачей соответствующего документа государственного образца [Синяков, 2025]. Принципиально важно, что это постановление было принято до вступления в силу базового образовательного закона, что породило проблему нормативной иерархии и соотношения актов различных органов государственной власти.

Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 года № 3266-1 стал основополагающим нормативным актом, легализовавшим уровневую систему на законодательном уровне. Статья 9 закона установила ступени образования, а статья 25 закрепила понятие высшего профессионального образования, предусмотрев возможность его получения по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Между тем правовой статус бакалавра применительно к инженерным специальностям оставался крайне неопределённым: ни закон, ни подзаконные акты не давали чёткого ответа на вопрос о том, является ли степень бакалавра достаточной для допуска к инженерной деятельности [Мурашев, 2022]. Это противоречие имело очевидное практическое измерение, поскольку многие виды инженерного труда в тот период требовали сертификации, предполагавшей наличие диплома

именно «инженера».

Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, введенный постановлением Правительства Российской Федерации от 10 августа 1993 года № 773, попытался разрешить накопившиеся противоречия путём нормативного разграничения содержания подготовки на различных уровнях. Применительно к техническим направлениям стандарт устанавливал обязательный перечень дисциплин федерального компонента, оставляя вузам право формировать региональный и вузовский компоненты. Подобная конструкция, при всей её внешней логичности, порождала значительную правовую неопределённость: вузы, перешедшие на уровневую подготовку, нередко не имели чёткого понимания того, в каком объёме они обязаны воспроизводить содержание прежних программ специалитета в рамках новых форматов [Ермолов, 2022]. Государственная аккредитация в этих условиях превращалась в инструмент не столько оценки качества, сколько административного давления.

Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ стал важнейшим этапом в правовом оформлении уровневой системы. Статья 6 этого закона разграничила ступени высшего профессионального образования — бакалавриат, специалитет и магистратуру — и установила минимальные нормативные сроки обучения на каждой из них. Для инженерных специальностей закон фактически допускал параллельное существование как традиционного специалитета, так и новых уровневых программ, что превращало правовую систему в конгломерат разнородных нормативных конструкций [Синяков, 2025]. При этом закон не предусматривал чёткого механизма перехода от специалитета к уровневой системе, оставляя этот вопрос в значительной мере на усмотрение самих вузов.

Правовое положение магистратуры в системе инженерного образования 1990-х годов отличалось особой неопределённостью. Нормы Федерального закона 1996 года относили магистратуру к уровню высшего образования, однако не разграничивали чётко её профессиональный и академический форматы. Инструктивное письмо Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации от 1997 года фактически свело магистратуру к подготовке преподавательских и научных кадров, что существенно ограничивало её привлекательность для инженерных специальностей [Скрынник, 2021]. В практике технических вузов это выражалось в крайне низком спросе на магистерские программы среди выпускников бакалавриата, предпочитавших перейти на второй цикл специалитета или напрямую включиться в производственную деятельность.

Существенную роль в формировании правовой базы уровневой системы сыграло постановление Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 года № 940 «Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования». Документ закрепил понятие образовательной программы как базовой единицы нормативного регулирования в сфере высшего образования, что имело принципиальное значение для разграничения программ различных уровней. В технических направлениях, однако, практическое применение стандарта нередко вступало в противоречие с отраслевыми квалификационными требованиями, устанавливавшимися соответствующими министерствами и ведомствами. Так, в нефтяной, химической, атомной и оборонной промышленности допуск к самостоятельной инженерной работе по-прежнему формально требовал наличия диплома специалиста, что девальвировало правовой смысл бакалавриата применительно к этим отраслям [Соловьев, Перескокова, 2022].

Вопрос о соотношении специалитета и уровневой системы в инженерном образовании на

протяжении всего десятилетия оставался открытым. Законодатель последовательно избегал радикального решения этой проблемы, предпочитая сохранять оба варианта подготовки в рамках единой правовой системы. Это порождало то, что в теории права принято именовать конкурирующей компетенцией: различные нормативные акты регулировали схожие правоотношения, предлагая взаимоисключающие решения. Инженерные факультеты ведущих технических университетов, в частности МГТУ имени Н.Э. Баумана, Санкт-Петербургского государственного политехнического университета и ряда других, избирали собственные модели адаптации к новым требованиям, что вело к нарастающей правовой дифференциации внутри формально единого образовательного пространства [Гайрабеков, 2023].

Отдельного рассмотрения заслуживает правовой статус документов об образовании, выдававшихся выпускникам уровневых программ в 1990-е годы. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 1994 года установил формы дипломов бакалавра, дипломированного специалиста и магистра, однако не определил исчерпывающего перечня профессиональных прав, которыми наделяется обладатель каждого из этих документов. Правоприменительная практика в этой части складывалась крайне непоследовательно: работодатели нередко отказывались признавать диплом бакалавра в качестве документа о высшем образовании, апеллируя к сложившимся в советский период представлениям о полноценной инженерной квалификации [Петров, 2022a]. Судебная практика того периода не выработала единой позиции по данному вопросу, что лишь усугубляло правовую неопределённость.

Примечателен в этом отношении опыт разрешения трудовых споров, связанных с несоответствием образовательной квалификации требованиям должностных инструкций. В отдельных регионах суды общей юрисдикции в 1995–1999 годах рассматривали дела, в которых работодатели отказывали в приёме на инженерные должности лицам, имеющим диплом бакалавра технических наук. Как правило, суды вставали на сторону работодателей, ссылаясь на Единый тарифно-квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, который по-прежнему оперировал категорией «высшее образование» без разграничения его уровней [Романова, 2021]. Это свидетельствовало о глубоком разрыве между нормами образовательного законодательства и реальными правовыми механизмами признания инженерной квалификации.

Немаловажную роль в формировании правовых основ уровневой системы играла политика лицензирования и аккредитации технических вузов. В соответствии с Законом «Об образовании» 1992 года и последующими подзаконными актами, вузы обязаны были получить лицензию на осуществление образовательной деятельности по каждой образовательной программе в отдельности. Для технических университетов, переходивших на уровневую систему, это означало фактическое удвоение административной нагрузки: необходимо было лицензировать как сохранявшиеся программы специалитета, так и вновь вводимые программы бакалавриата и магистратуры [Новиков, 2023]. Государственная аккредитационная служба, созданная в 1993 году, не располагала достаточным методическим инструментарием для оценки качества уровневых программ в сфере технического образования, что делало аккредитацию во многом формальным процессом.

Правовое регулирование педагогической деятельности в технических вузах в контексте уровневой системы также обнаруживало целый ряд существенных пробелов. Квалификационные требования к профессорско-преподавательскому составу, установленные в нормативных актах конца 1980-х годов, ориентировались на преподавание в рамках

специалитета и не предусматривали особых компетенций для работы с уровневыми программами. Типовое положение о высшем учебном заведении, утверждённое постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 1993 года № 597, лишь в самых общих чертах регулировало организацию уровневой подготовки, не создавая механизмов стимулирования академической специализации преподавателей применительно к конкретным уровням высшего образования [Хусайнова, 2022]. На практике это вело к тому, что содержание программ бакалавриата нередко представляло собой механически усечённый вариант специалитета.

Взаимодействие российской правовой модели уровня инженерного образования с международными стандартами в 1990-е годы носило преимущественно декларативный характер. Соглашения об академическом признании, заключённые Российской Федерацией в рамках СНГ и с рядом европейских государств, формально предусматривали взаимное признание дипломов, однако практический механизм такого признания для технических специальностей так и не был разработан [Погарцев, 2026]. Особую правовую коллизию создавало то обстоятельство, что европейские системы инженерной сертификации, функционировавшие в рамках EUR-ING и аналогичных институтов, признавали обладателей российских дипломов специалиста, но не бакалавра, что фактически означало международную дискредитацию уровневой системы на переговорном уровне ещё до вступления России в Болонский процесс.

Государственные образовательные стандарты второго поколения, разработанные в 1994–1996 годах, предприняли попытку более детального нормативного разграничения содержания подготовки на уровне бакалавриата и специалитета применительно к техническим направлениям. Стандарты вводили обязательные требования к минимуму содержания основных образовательных программ, выраженному в соответствующих учебных единицах. Для инженерных направлений математический и естественнонаучный цикл в рамках бакалавриата был определён в объёме не менее 50% от общего учебного времени, что отражало стремление законодателя сохранить фундаментальность подготовки при сокращении её срока [Синяков, 2025]. Тем не менее отраслевые ведомства, унаследовавшие советские модели квалификационных требований, последовательно игнорировали эти нормы при разработке корпоративных стандартов и должностных регламентов.

Показательна в этом контексте правовая судьба норм о переходе со специалитета на бакалавриат внутри одного вуза. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 25 марта 1994 года № 83 «О введении многоуровневой структуры высшего образования» предусматривал, что студенты, завершившие первые два года обучения по программе специалитета, вправе получить удостоверение о неполном высшем образовании. Практическое применение этой нормы порождало коллизию с правилами перевода, отчисления и восстановления студентов, закреплёнными в уставах конкретных вузов, — большинство технических университетов не торопились корректировать свои локальные нормативные акты применительно к новым требованиям [Ермолов, 2022]. В результате реализация права на получение документа о неполном высшем образовании нередко наталкивалась на институциональные барьеры, юридически не предусмотренные, но фактически действовавшие.

Финансово-правовой аспект реформирования инженерного образования в 1990-е годы заслуживает особого внимания. Постановление Правительства Российской Федерации от 1992 года, установившее нормативы финансирования высших учебных заведений, не предусматривало дифференциации ставок для программ различных уровней. Более того,

переход к уровневой системе в условиях хронического недофинансирования высшей школы порождал прямые финансовые потери: вуз, выпускающий бакалавров через четыре года вместо специалистов через пять, получал бюджетное финансирование в меньшем объёме при сохранении сопоставимой инфраструктурной нагрузки [Синяков, 2025]. Это создавало встроенный механизм сопротивления реформе, основанный не на академических, а на финансово-правовых соображениях, что объективно тормозило переход технических вузов на уровневую систему.

Анализ нормативных актов 1990-х годов позволяет зафиксировать характерную закономерность правотворческого процесса: законодатель систематически уклонялся от установления обязательных сроков перехода технических вузов с традиционного специалитета на уровневую систему. Ни закон 1992 года, ни закон 1996 года не содержали норм, обязывающих вузы в определённые сроки разработать и ввести программы бакалавриата и магистратуры. Это решение, диктовавшееся, по всей видимости, соображениями политического компромисса, имело долгосрочные правовые последствия: сформировалась разновидность «добровольного» реформирования, при котором нормы закона носили скорее диспозитивный, нежели императивный характер [Бредихин, Фомичев, 2023]. Технические вузы, пользуясь этой диспозитивностью, в подавляющем большинстве случаев откладывали переход на уровневую систему до наступления внешнего принуждения.

Во второй половине 1990-х годов правовое регулирование уровневой системы в инженерном образовании приобрело черты определённой системности. Классификатор направлений и специальностей высшего профессионального образования, утверждённый приказом Министерства образования Российской Федерации, разграничил специальности, по которым допускается реализация программ бакалавриата, магистратуры и специалитета. В отношении ряда технических специальностей — прежде всего связанных с ядерной и оборонной промышленностью — возможность перехода на уровневую систему была прямо ограничена соображениями государственной безопасности и лицензионного режима [Петров, 2022b]. Этот аспект регулирования наглядно демонстрировал пределы либерализации образовательного права в условиях сохранения государственного контроля над стратегически значимыми отраслями производства.

Заключение

Правовое оформление уровневой системы инженерного образования в России в конце 1980-х — 1990-е годы прошло несколько принципиально различных стадий. Начальный период, охватывающий 1987–1991 годы, характеризовался дрейфом от советской нормативной модели при отсутствии сколько-нибудь последовательной правовой альтернативы. Принятие Закона «Об образовании» 1992 года создало законодательную основу для многоуровневой системы, однако практическая реализация этой нормы в сфере технического образования оказалась сопряжена с многочисленными правовыми коллизиями и пробелами. Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 года закрепил правовую конструкцию, при которой специалитет и уровневая система сосуществовали как взаимодополняющие, а не взаимоисключающие форматы подготовки, что в долгосрочной перспективе деформировало процесс реформирования технических вузов.

Характерной чертой нормативного регулирования исследуемого периода стал устойчивый разрыв между формально провозглашёнными целями реформы и реальными правовыми

механизмами её осуществления. Законодатель декларировал стремление к интеграции в международное образовательное пространство, однако не создал достаточного инструментария для признания российских инженерных квалификаций за рубежом. Нормы об академических свободах и автономии вузов провозглашались в законах, тогда как подзаконные акты воспроизводили логику административного контроля, унаследованную от советской системы управления высшей школой. Квалификационные требования к инженерным должностям в тарифно-квалификационных справочниках не были приведены в соответствие с новой образовательной номенклатурой, что порождало перманентную правовую неопределённость в сфере трудовых отношений.

Юридический анализ нормативной базы рассматриваемого периода позволяет утверждать, что государственные образовательные стандарты первого и второго поколений, регулировавшие подготовку по техническим направлениям, не обеспечивали содержательного разграничения уровней высшего образования в инженерной сфере. Механическое перенесение академических структур западных университетов на российскую почву без соответствующей адаптации правовой среды — квалификационных требований, трудового законодательства, режима профессиональной сертификации — неизбежно порождало институциональное сопротивление реформе. Подобная ситуация не является специфически российской: опыт многих государств, переходивших к уровневым моделям профессиональной подготовки, свидетельствует о том, что правовые изменения в образовательной сфере требуют комплексного согласования с нормами смежных отраслей права.

Значимость правового опыта 1990-х годов определяется тем, что именно в этот период были созданы нормативные прецеденты и институциональные конструкции, унаследованные Болонским процессом в его российской версии. Вступление России в Болонский процесс в 2003 году и принятие Федерального закона «О внесении изменений» 2007 года, окончательно закрепившего двухуровневую систему для большинства направлений подготовки, стало логическим завершением той реформаторской логики, которая была задана нормативными актами начала 1990-х годов. Понимание правовых механизмов и противоречий этого переходного периода имеет непосредственное практическое значение: современные дискуссии о судьбе уровневой системы в российском инженерном образовании воспроизводят по существу те же вопросы о соотношении академической и профессиональной компетентности, которые оставались неразрешёнными на протяжении всего рассмотренного десятилетия.

Нормативное наследие 1990-х годов свидетельствует о принципиальной сложности правового реформирования систем профессиональной подготовки в условиях одновременной трансформации всего комплекса государственных институтов. Практика технического законотворчества того периода выявила устойчивую тенденцию: новые образовательные нормы принимались в отрыве от сопутствующего правового контекста — трудового законодательства, отраслевых квалификационных требований, системы профессиональной сертификации. Формирование подлинно функциональной правовой системы уровневого инженерного образования требует синхронного обновления всего массива смежных нормативных актов, чего в полной мере достичь в 1990-е годы так и не удалось.

Библиография

1. Бредихин А.Л., Фомичев С.М. Правовая система России и отраслевое законодательство в 1990-е: формирование основы // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 29-31.
2. Гайрабеков А.Я. Реформирование высшей школы Российской Федерации в 1990-х гг.: государственно-правовые

- основы процесса // Научный потенциал. 2023. № 1-2 (40). С. 84-89.
3. Ермолов И.Л. О направлениях работы по совершенствованию подготовки инженерных кадров в России // Инновации. 2022. № 2 (280). С. 8-12.
 4. Зенков А.Р. Подготовка инженерных кадров и технологический суверенитет России: вызовы и возможности для развития // Труд и социальные отношения. 2024. Т. 35. № 6. С. 5-18.
 5. Мурашев М.А. Становление многоуровневой системы высшего образования в высших учебных заведениях Дальнего Востока России. Организационно-методический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2022. № 4 (125). С. 54-62.
 6. Новиков С.В. Трансформация системы подготовки высококвалифицированных инженерных кадров как важнейшее условие обеспечения технологического суверенитета и национальной безопасности государства // Human Progress. 2023. Т. 9. № 3. С. 21-31.
 7. Петров А.Я. Правовое регулирование профессионального обучения специалистов и рабочих в СССР (1984–1991 гг.) // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 2. С. 153-164.
 8. Петров А.Я. Профессиональное образование и обучение в России в 90-е годы XX столетия (историко-правовой очерк) // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 3. С. 292-302.
 9. Погарцев В.В. Трансформация отечественного историко-педагогического образования в 1990-х — начале 2000-х годов // Управление образованием: теория и практика. 2026. Т. 16. № 1-1. С. 23-31.
 10. Романова Л.О. Нормативно-правовые основы управления вузами в условиях административно-правовой реформы: история 1990-х 2000-х годов // Международный научный вестник. 2021. № 2. С. 67-76.
 11. Синяков А.С. 30 лет реформ высшего образования Российской Федерации: этапы, достижения и проблемы // Современное педагогическое образование. 2025. № 3. С. 44-49.
 12. Скрынник А.М. Система подготовки инженерно-технических кадров для судостроения (кораблестроения) и судоремонта (ремонта кораблей и катеров) в СССР: краткий историко-правовой аспект // Океанский менеджмент. 2021. № 2 (11). С. 8-18.
 13. Соловьев В.П., Перескокова Т.А. Инженерное образование: проблемы и перспективы решения // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 8. С. 10-19.
 14. Хусайнова Ш.М. О правовых актах, формирующих изменения в системе российского высшего образования и науке // Право и управление. 2022. № 11. С. 82-86.

Formation of the Legal Framework for the Level-Based System of Engineering Personnel Training in Russia in the Late 1980s–1990s

Mikhail A. Murashev

Senior Lecturer,
Higher School of Pedagogy and History,
Pacific National University,
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: Muravesha@yandex.ru

Abstract

The process of forming the legal framework for the level-based system of engineering personnel training in Russia in the late 1980s–1990s represented a complex transformation of the regulatory and legal base aimed at overcoming the incompatibility of the rigidly centralized Soviet model with international educational standards. The unified training of specialist engineers with a five-year cycle of study and departmental regulation of curricula was gradually replaced by a multi-level structure, including bachelor's, specialist, and master's programs, with the possibility of obtaining state-issued documents at each stage. Legislative initiatives of that period introduced new legal categories, differentiated the content and duration of educational programs, established requirements for state standards taking into account various components, and determined the procedure for

licensing and accreditation of higher education institutions' activities. However, the implementation of the level-based model was accompanied by significant conflicts related to the uncertainty of the professional status of bachelors in engineering fields, contradictions between educational norms and industry qualification requirements in strategic industrial sectors, as well as the preservation of administrative control mechanisms inherited from the previous system. A particular difficulty was the lack of clear correlation between the new educational qualifications and labor legislation, tariff and qualification reference books, and professional certification procedures, which led to problems of recognition of diplomas both domestically and internationally. The financial and legal aspects of the reform further complicated the transition, since the reduction in study duration was not accompanied by an adequate adjustment of funding standards and led to an increase in the administrative burden on technical universities. Overall, the regulatory framework was characterized by a dispositive approach that allowed technical universities to retain elements of traditional training alongside new formats, which laid the foundation for the further development of the system in the context of global integration.

For citation

Murashev M.A. (2026) Formirovaniye pravovykh osnov urovnevoy sistemy podgotovki inzhenernykh kadrov v Rossii v kontse 1980-kh – 1990-e gg. [Formation of the Legal Framework for the Level-Based System of Engineering Personnel Training in Russia in the Late 1980s–1990s]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 55-66. DOI: 10.34670/AR.2026.50.58.005

Keywords

Level-based system, engineering personnel, legal framework, higher technical education, educational reform, bachelor's degree, specialist degree, master's degree.

References

1. Bredikhin, A.L., & Fomichev, S.M. (2023). Pravovaya sistema Rossii i otraslevoye zakonodatelstvo v 1990-e: formirovaniye osnovy [The Legal System of Russia and Sectoral Legislation in the 1990s: Formation of the Basis]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (10), 29-31.
2. Ermolov, I.L. (2022). O napravleniyakh raboty po sovershenstvovaniyu podgotovki inzhenernykh kadrov v Rossii [On the Directions of Work to Improve the Training of Engineering Personnel in Russia]. *Innovatsii*, (2), 8-12.
3. Gayrabekov, A.Ya. (2023). Reformirovaniye vysshey shkoly Rossiyskoy Federatsii v 1990-kh gg.: gosudarstvenno-pravovyye osnovy protsessa [Reforming Higher Education in the Russian Federation in the 1990s: State-Legal Foundations of the Process]. *Nauchnyy potentsial*, (1-2), 84-89.
4. Khusaynova, Sh.M. (2022). O pravovykh aktakh, formiruyushchikh izmeneniya v sisteme rossiyskogo vysshego obrazovaniya i nauke [On Legal Acts Shaping Changes in the System of Russian Higher Education and Science]. *Pravo i upravleniye*, (11), 82-86.
5. Murashev, M.A. (2022). Stanovleniye mnogourovnevoy sistemy vysshego obrazovaniya v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Dalnego Vostoka Rossii. Organizatsionno-metodicheskiy aspekt [Formation of a Multi-Level Higher Education System in Higher Educational Institutions of the Russian Far East. Organizational and Methodological Aspect]. *Gumanitarnyye i sotsialno-ekonomicheskiye nauki*, (4), 54-62.
6. Novikov, S.V. (2023). Transformatsiya sistemy podgotovki vysokokvalifitsirovannykh inzhenernykh kadrov kak vazhneyshoye usloviye obespecheniya tekhnologicheskogo suvereniteta i natsionalnoy bezopasnosti gosudarstva [Transformation of the System of Training Highly Qualified Engineering Personnel as the Most Important Condition for Ensuring Technological Sovereignty and National Security of the State]. *Human Progress*, *9*(3), 21-31.
7. Petrov, A.Ya. (2022a). Pravovoye regulirovaniye professionalnogo obucheniya spetsialistov i rabochikh v SSSR (1984–1991 gg.) [Legal Regulation of Professional Training of Specialists and Workers in the USSR (1984–1991)]. *Pravo: istoriya i sovremennost*, *6*(2), 153-164.
8. Petrov, A.Ya. (2022b). Professionalnoye obrazovaniye i obucheniye v Rossii v 90-e gody XX stoletiya (istoriko-

- pravovoy ocherk) [Professional Education and Training in Russia in the 1990s (Historical and Legal Essay)]. Pravo: istoriya i sovremennost, *6*(3), 292-302.
9. Pogartsev, V.V. (2026) Transformatsiya otechestvennogo istoriko-pedagogicheskogo obrazovaniya v 1990-kh — nachale 2000-kh godov [Transformation of Domestic Historical and Pedagogical Education in the 1990s — Early 2000s]. Upravleniye obrazovaniyem: teoriya i praktika, *16*(1-1), 23-31.
 10. Romanova, L.O. (2021). Normativno-pravovyye osnovy upravleniya vuzami v usloviyakh administrativno-pravovoy reformy: istoriya 1990-kh 2000-kh godov [Legal Framework for University Management in the Context of Administrative and Legal Reform: History of the 1990s–2000s]. Mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik, (2), 67-76.
 11. Sinyakov, A.S. (2025). 30 let reform vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii: etapy, dostizheniya i problemy [30 Years of Higher Education Reforms in the Russian Federation: Stages, Achievements and Problems]. Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye, (3), 44-49.
 12. Skrynnik, A.M. (2021). Sistema podgotovki inzhenero-tekhnicheskikh kadrov dlya sudostroyeniya (korablestroyeniya) i sudoremonta (remonta korabley i katerov) v SSSR: kratkiy istoriko-pravovoy aspekt [System of Training Engineering and Technical Personnel for Shipbuilding and Ship Repair in the USSR: A Brief Historical and Legal Aspect]. Okeanskiy menedzhment, (2), 8-18.
 13. Solovyev, V.P., & Pereskokova, T.A. (2022). Inzhenernoye obrazovaniye: problemy i perspektivy resheniya [Engineering Education: Problems and Prospects for Solutions]. Alma Mater (Vestnik vysshey shkoly), (8), 10-19.
 14. Zenkov, A.R. (2024). Podgotovka inzhenernykh kadrov i tekhnologicheskoy suverenitet Rossii: vyzovy i vozmozhnosti dlya razvitiya [Training of Engineering Personnel and Technological Sovereignty of Russia: Challenges and Opportunities for Development]. Trud i sotsialnyye otnosheniya, *35*(6), 5-18.

УДК 347.9:340.13

DOI: 10.34670/AR.2026.81.43.006

Роль и значение судебной практики в современной отечественной правовой системе

Дивин Игорь Михайлович

Доктор юридических наук, доцент,
Судья Арбитражного суда Республики Адыгея в почетной отставке,
125000, Российская Федерация, Москва, ул. Тверская, 9;
e-mail: divin@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает судебную практику как значимый элемент правовой системы, анализирует подходы к определению места судебной практики в системе источников современного отечественного права, характеризует значение судебной практики в контексте укрепления правосознания и законности.

Для цитирования в научных исследованиях

Дивин И.М. Роль и значение судебной практики в современной отечественной правовой системе // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 67-72. DOI: 10.34670/AR.2026.81.43.006

Ключевые слова

Судебная практика, источник права, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, единообразие судебной практики, правоприменение, судебное нормотворчество, правовая система, законность, правосознание, судебный прецедент.

Введение

Современные общественные отношения требуют существенного усиления роли и значения судебной практики. Именно судебная практика способна оперативно разрешить правовые коллизии, восполнить пробелы в праве, выработать правовую позицию и, как следствие, определить вектор дальнейшего развития общественных отношений. При этом важно понимать сущность понятия «судебная практика», а также место судебной практики в системе источников современного отечественного права.

Основная часть

В.М. Лебедев, признавая существенное значение судебной практики, отмечал руководящую роль практики Верховного Суда Российской Федерации [Лебедев, 2001, с. 108].

Д.А. Медведев, отмечал, что нет смысла объяснять, какую роль играют позиции высших судебных инстанций для точного толкования закона, для единообразного применения закона.

И.В. Подносова отмечала ключевую роль позиций Верховного Суда Российской Федерации и считала приоритетом обеспечение единства судебной практики.

И.В. Краснов, возглавив Верховный Суд Российской Федерации, подчеркнул, что разъяснения высшей инстанции, акты официального судебного толкования меняют траекторию правоприменения.

Несмотря на последовательное признание ключевой роли позиций Верховного Суда Российской Федерации, надо признать отсутствия единого подхода к определению понятия «судебная практика» и ее роли в отечественной правовой системе. Так, например, В.Ю. Соловьев [Соловьев, 2002, с. 32] отмечает, что «судебная практика в научной литературе рассматривается в узком и широком смыслах. В первом случае она представляется как результат деятельности судебных органов в виде устоявшейся линии по разрешению определенной категории дел, а во втором - связывается не только с функционированием судебной системы, но и с эффективностью норм гражданского, уголовного, гражданско-процессуального, уголовно-процессуального законодательства». Им отмечается отсутствие единого определения судебной практики.

Интересна точка зрения С.К. Загайновой, которая считает, что «существующие позиции можно разделить на две группы. Первая - объединяет сторонников отнесения к понятию судебной практики всех судебных решений всех судебных инстанций, в том числе постановления Пленума Верховного Суда РФ. Вторая включает в себя приверженцев определения судебной практики как судебных решений и разъяснений высших судебных инстанций, которые формулируют правовоположения» [Загайнова, 2002, с. 52].

По мнению С.В. Боботова, «судебную практику следует рассматривать как выработанные в ходе судебной деятельности правовые положения, определения - дефиниции, правила, указания, которые обладают определенной степенью обобщенности, общепризнанности и (во всяком случае, некоторые из них) обязательности» [Боботов, 1994, с. 110].

С.Н. Братусь и А.Б. Венгерова указывают, что «судебная практика есть результат толкования норм права в процессе их применения судом при разрешении конкретных дел. Эти результаты раскрывают и углубляют содержание применяемой нормы, конкретизируют ее в форме определенных положений своеобразного нормативного характера — правовоположений»

[Братусь, Венгеров, год не указан — www].

Исследование приведенных подходов позволяет утверждать, что судебная практика складывается из определенного числа прецедентов по аналогичным спорам. При этом судебную практику нельзя сводить к разрозненным судебным решениям индивидуального характера, ибо она представляет собой результат теоретического обобщения таких решений с целью выявления типичного, повторяющегося единообразия [Сорокин, 2002, с. 10].

В целом можно рассматривать судебную практику как правовой вывод по определенной категории споров, служащий ориентиром для судов при рассмотрении конкретных дел. Однако официального признания как источника права в нашей стране пока не получила.

В современной юридической науке и практике можно выявить два противоположных подхода к данному вопросу: признание и отрицание судебной практики в качестве источника права.

Поддерживая идею придания судебной практике обязательной юридической силы, проанализируем основные доводы противников данного подхода.

Сторонники отрицания формирования нового источника права зачастую приводят в обоснование исторические особенности развития России, в рамках которого она принадлежит к системе континентального права, что исключает возможность придания судебным актам обязательной юридической силы. Так, например, активно эта мысль прослеживается в трудах В.С. Нерсисянца [Нерсисянц, 1998, с. 35].

С приведенным постулатом можно согласиться, но лишь отчасти. Действительно, Россия всегда тяготела к странам романо-германской правовой системы. Однако, как справедливо отмечает Сауляк О.П. [Сауляк, 2009, с. 23], «нельзя исходить из того, что направление развития национальных правовых систем в рамках романо-германской правовой семьи раз и навсегда предопределено. Такой жесткой зависимости не существует». Отметим, что с развитием общественных отношений традиционное прочтение романо-германской правовой системы не исключает наполнение ее содержания новыми элементами.

Нередко невозможность признания судебной практики как источника права связывается и со спецификой суда. В рамках этого подхода отмечается, что суд – это правоприменительный, а не правотворческий орган. При этом, исследователь отмечает [Червоткин, 2026, с. 69], что «Верховным Судом осуществляется нормотворческая функция, которая заключается в собственном правотворчестве, имеющем обязательную силу для нижестоящих судов».

Действительно, основное назначение судебных органов – правильное применение нормативных правовых актов. Однако, именно судебная практика восполняет «пробелы в праве», выполняя одновременно правоприменительную и нормотворческую функцию. Во многом это обусловлено тем, что законодатель не может предусмотреть все возможные случаи. Но и суд не вправе отказать в принятии заявления ввиду отсутствия норм, регламентирующих возникший спор. В таких случаях именно судебная практика выступает юридическим средством, заполняющим правовой вакуум. Такую позицию можно встретить еще в трудах классиков отечественной правовой мысли. Так, С.А. Муромцев, считая, что в основе деятельности судей должно лежать творчество, писал: «Судья-законодатель, тем более деятельный, чем менее деятельным оказывается сам законодатель, он сам проводник в жизнь тех начал, которые сознание общества в противоположность действующему закону объявляет справедливым и естественным» [Муромцев, 1983, с. 4].

Нередко противники придания судебной практики обязательной юридической силы ссылаются на то, что это противоречит принципу разделения властей. Однако суть разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную состоит не в их обособленном существовании, а в эффективном взаимодействии. Система сдержек и противовесов нацелена на обеспечение равновесия всех звеньев механизма государственного регулирования. Наделение суда нормотворческими функциями вовсе не означает выделение в качестве ключевой судебной ветви или вмешательство в полномочия ветви законодательной. Наоборот, рассматриваемая идея имеет целью синтез этих двух ветвей для формирования действенной системы права. Согласимся с мнением И.В. Шульги, которая считает, что «судебное нормотворчество в рамках государственного механизма, построенного на основе разделения властей, не просто возможно – оно необходимо. Определяющим является вопрос, в каком объеме и качестве оно должно существовать, с тем, чтобы гармонично вписаться в систему разделения властей» [Шульга, 2008, с. 602].

Кроме того, сторонниками отрицания возможности признания судебной практики в качестве источника права приводятся опасения, что в качестве источника права может выступить необоснованное и необъективное решение судьи. Напротив, признание определяющей роли позиций Верховного Суда Российской Федерации будет способствовать исключению противоположных трактовок одних и тех же правовых норм, укреплению единообразия судебной практики, стабильности общественных отношений и исключению судебных ошибок, что, в конечном счете, будет содействовать стабильности общественных отношений и укреплению авторитета судебной власти.

Заключение

Роль и значение судебной практики в современной отечественной правовой системе нельзя недооценивать. Её влияние на общественные отношения весьма ощутимо. И судьи, и практикующие юристы уделяют пристальное внимание судебной практике, следят за ее изменениями, обращаются к ней для уяснения сложившейся позиции по определенной категории споров. Безусловно, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации оказывают весьма существенное влияние на рассмотрение дел и принимаемые судебные акты. В конечном итоге единообразная судебная практика формирует правовую культуру всего общества, высокий уровень правосознания, обеспечивает конституционную законность, правопорядок.

Библиография

1. Боботов С.В. Конституционная юстиция (сравнительный анализ). Москва, 1994. 128 с.
2. Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. Москва: НОРМА, 2002. 167 с.
3. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. Санкт-Петербург, 2001. 382 с.
4. Муромцев С.А. Право и справедливость: Сборник правоведения и общественных знаний. Москва, 1983. Т. 1. С. 1-13.
5. Нерсисянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной процедуре судебных актов) // Судебная практика как источник права. 1998. С. 34-35.
6. Сауляк О.П. Правотворческий потенциал судебных актов // Администратор суда. 2009. № 3. С. 22-24.
7. Соловьев В.Ю. Понятие судебной практики // Законодательство и экономика. 2002. № 12. С. 30-34.
8. Сорокин В.В. Судебная практика как источник права // Сибирский юридический вестник. 2002. № 3. С. 9-13.

9. Червоткин А.С. Нормотворческая роль Верховного Суда Российской Федерации и судебная практика по уголовным делам // Уголовное право. 2026. № 1. С. 68-79.
10. Шульга И.В. Нормотворчество российских судов и теория разделения властей // Научные труды РАЮН. Выпуск 8. Москва, 2008. С. 602.

The Role and Significance of Judicial Practice in the Modern Domestic Legal System

Igor' M. Divin

Doctor of Law, Associate Professor,
Judge of the Arbitration Court of the Republic of Adygea, Honorary Retiree,
125000, 9, Tverskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: divin@mail.ru

Abstract

In the article, the author examines judicial practice as a significant element of the legal system, analyzes approaches to determining the place of judicial practice in the system of sources of modern domestic law, and characterizes the significance of judicial practice in the context of strengthening legal awareness and legality.

For citation

Divin I.M. (2026) Rol' i znachenie sudebnoy praktiki v sovremennoy otechestvennoy pravovoy sisteme [The Role and Significance of Judicial Practice in the Modern Domestic Legal System]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 67-72. DOI: 10.34670/AR.2026.81.43.006

Keywords

Judicial practice, source of law, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, uniformity of judicial practice, law enforcement, judicial norm-making, legal system, legality, legal awareness, judicial precedent.

References

1. Bobotov, S. V. (1994). Konstitutsionnaya yustitsiya (sravnitelnyy analiz) [Constitutional Justice (Comparative Analysis)].
2. Chervotkin, A. S. (2026) Normotvorcheskaya rol Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i sudebnaya praktika po ugolovnym delam [The Rule-Making Role of the Supreme Court of the Russian Federation and Judicial Practice in Criminal Matters]. *Ugolovnoye pravo*, (1), 68-79.
3. Lebedev, V. M. (2001). Sudebnaya vlast v sovremennoy Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya [Judicial Power in Modern Russia: Problems of Formation and Development].
4. Muromtsev, S. A. (1983). Pravo i spravedlivost [Law and Justice]. In *Sbornik pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy* (Vol. 1, pp. 1-13).
5. Nersesyants, V. S. (1998). Sud ne zakonodatelstvuyet i ne upravlyayet, a primenyayet pravo (o pravoprimenitelnoy protsedure sudebnykh aktov) [The Court Does Not Legislate or Govern, but Applies Law (On the Law-Applying Procedure of Judicial Acts)]. In *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* (pp. 34-35).
6. Saulyak, O. P. (2009). Pravotvorcheskiy potentsial sudebnykh aktov [The Law-Making Potential of Judicial Acts]. *Administrator suda*, (3), 22-24.
7. Shulga, I. V. (2008). Normotvorchestvo rossiyskikh sudov i teoriya razdeleniya vlastey [Rulemaking of Russian Courts

- and the Theory of Separation of Powers]. In Nauchnyye trudy RAYuN (Issue 8, p. 602).
8. Solov'ev, V. Yu. (2002). Ponyatiye sudebnoy praktiki [The Concept of Judicial Practice]. Zakonodatelstvo i ekonomika, (12), 30-34.
 9. Sorokin, V. V. (2002). Sudebnaya praktika kak istochnik prava [Judicial Practice as a Source of Law]. Sibirskiy yuridicheskiy vestnik, (3), 9-13.
 10. Zagainova, S. K. (2002). Sudebnyy pretsedent: problemy pravoprimereniya [Judicial Precedent: Problems of Law Enforcement]. NORMA.

УДК 34.09

DOI: 10.34670/AR.2026.12.35.007

Правовая основа прекращения действия решений ЕСПЧ на территории Российской Федерации

Мураева Валерия Викторовна

Аспирант,
Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корп. 1;
e-mail: valery-muraeva@yandex.ru

Аннотация

Судебная и законодательная ветви власти обособлены и самостоятельны, но взаимосвязаны тем, что оказывают взаимное влияние на развитие друг друга. Тенденции судебной практики и практики высших судов по толкованию закона отображают развитие общественных отношений, новые формы и особенности правоотношений. Нередко изменение законодательства становится реакцией на важные интерпретационные позиции судов. В статье рассмотрено влияние правовой позиции Конституционного Суда, которая была выражена в Постановлении, вынесенном в порядке конституционного нормоконтроля, по запросу депутатов Государственной Думы на тему конституционности положений законодательства, содержащих указание на обязательность решений ЕСПЧ. Сделан вывод, что Постановление Конституционного Суда от 2015 года создало правовую основу для прекращения действия решений ЕСПЧ на территории Российской Федерации, начиная с 2022 года.

Для цитирования в научных исследованиях

Мураева В.В. Правовая основа прекращения действия решений ЕСПЧ на территории Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 73-79. DOI: 10.34670/AR.2026.12.35.007

Ключевые слова

Позиция Конституционного суда, конституционное судопроизводство, судебное толкование, толкование международных договоров, конституционный нормоконтроль.

Введение

Вопрос об источниках отечественного права и о месте судебного толкования в этой системе является открытым в юридической науке [Муромцев, 1992]. В правовой литературе встречаются разные взгляды включение позиций судов в перечень формальных источников права – от категорического отрицания такой возможности до признания заслуженного места актов судебного толкования в системе источников права [Филиппова, Хохлов, 2021].

Как известно, в отечественной системе права судебный прецедент не является источником права [Марченко, 2016].

Тем не менее, невозможно отрицать фактическое влияние позиций высших судов на направление судебного правоприменения в России. Кроме того, решения Конституционного и Верховного Судов часто отражают отклик на тенденции развития общественных отношений [Бредихин, 2023; Петров, 2022].

Но наиболее важное, хотя и не очевидное значение позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ, Конституционный Суд) заключается в том, что они создают основу для дальнейшего реформирования законодательства и могут оказывать влияние на систему источников отечественного права в целом.

Основная часть

Одним из важнейших решений, принятых КС РФ по поводу места международных норм в российской системе правового регулирования стало Постановление от 14.07.2015 N 21-П (далее – Постановление). Указанный акт был вынесен в рамках реализации полномочий проверке конституционности положений законодательства о применении решений Европейского Суда по правам человека, юрисдикция которого распространялась на внутригосударственные отношения России до прекращения действия Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней (далее – Конвенция) и выхода России из Совета Европы в 2022 году.

Главной сложностью, побудившей депутатов Государственной Думы Российской Федерации обратиться в Конституционный Суд с запросом, стали дискутируемые как в доктрине, так и среди практиков права, пределы толкования нормы п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция, Основной закон).

Постановление стало не столько причиной реализованных впоследствии изменений как в международной политике России, так и во внутригосударственной деятельности по реформированию понимания места международного права в системе права, сколько откликом на изменяющуюся международно-правовую риторику. Конституционный Суд дал правовую оценку происходящим в международном сообществе событиям, влияющим на механизм правового регулирования внутри страны. Пересмотр практики применения положений решений ЕСПЧ и актуальности теории о примате международного права стал закономерной реакцией, направленной на защиту государственного суверенитета.

В упомянутом Постановлении КС РФ были изложены логико-юридические аргументы о том, почему в современных обстоятельствах, не принимая значения норм международного права, эти нормы нельзя применять в противоречии духу и букве Основного закона, а также необходимо предотвращать нарушение принципа невмешательства во внутригосударственные дела со стороны других субъектов международно-правовых отношений.

Итак, **какие положения Постановления имели принципиальное значение на**

дальнейшее развитие системы источников отечественного права?

Первое. В п. 2.2 Постановления указано на недопустимость имплементации в отечественную правовую систему международных договоров, участие в которых влечет ограничение прав и свобод человека или провоцирует посягательства на основы конституционного строя России. Так же указано на приверженность Российской Федерации взятым на себя обязательствам в рамках международных договоров. Здесь же закреплено важное замечание – существо обязанностей по международно-правовому обязательству не должно основываться на неправомерном (неправильном) применении и искажении норм и принципов Конституции (абз. 2 п. 2.2).

В качестве механизма защиты норм Конституции и конституционного строя в целом предлагается исключительная мера «отступить от выполнения возлагаемых [на Россию, в рамках Конвенции] обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации» (абз. 4 п. 2.2).

Второе. В п. 3 Постановления приводится объяснение, почему Россия легитимно вправе не выполнять предписания общего и индивидуального характера по конкретному решению ЕСПЧ. Так, упоминается ссылка на тезис о недопустимости нарушения Судом общего правила толкования международных договоров - когда используемому понятию «другое, нежели его обычное, значение» или толкование осуществляется «вопреки объекту и целям Конвенции». Решение ЕСПЧ, содержащее такие нарушения, может не исполняться Россией, поскольку оно выходит за пределы обязательств по Конвенции (абз. 3 п. 3). По мнению КС РФ такая ситуация свидетельствует не только о несовпадении решения ЕСПЧ со значением правовых положений Конституции, но и расходится с общепринятым пониманием принципов (норм) международного права.

Помимо этого, приводятся обстоятельства, при которых ратифицированный международный договор ввиду содержащихся в нем абстрактных понятий в процессе толкования Европейским судом раскрывается в противоречащем Конституции значении (абз. 6 п. 3). В указанном варианте толкования договора Россия так же вправе не исполнять решение ЕСПЧ (абз. 9 п. 3).

Стоит также упомянуть, что в Постановлении приводятся формулировки общего характера, описывающего ситуации несоответствия Конституции не только Конвенции, но и международных договоров в целом. Это дает возможность ссылок на доводы в Постановлении более широко, в том числе и по аналогии.

Третье. Исключительное (выходящее за пределы обыденности) право России не исполнить решение ЕСПЧ возникает тогда, когда исполнение такого решения может нарушить «в первую очередь» «нормы внутреннего права особо важного значения» (абз. 4 п. 3). К ним относятся нормы 1 и 2 главы Конституции. Словосочетание «в первую очередь» в данном случае оставляет открытым тот круг правовых ценностей, которые могут быть признаны в конкретном случае требующими конституционно-правовой защиты.

Четвертое. Назначение Конституции - закреплять и охранять определенные правовые ценности. Для реализации этого постулата Конституционный Суд приводит правило разрешения коллизии между нормами международного и отечественного конституционного права.

Так, Россия «вынуждена [...] отдавать предпочтение требованиям Конституции Российской Федерации и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского Суда по правам

человека в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям» (абз. 2 п. 4).

Еще одно коллизионное правило представлено в абз. 3 п. 4 Постановления. Если положения Конституции в большей степени отвечают критерию защищенности тех или иных права и свобод человека в сравнении с толкованием ЕСПЧ аналогичного положения Конвенции, применяются сходные положения Конституции.

Пятое. Во избежание субъективности и волюнтаризма в практическом применении положений Постановления Конституционным Судом была описана процедура оценки несоответствия решения ЕСПЧ Конституции со ссылкой на необходимость судебного толкования в порядке конституционного судопроизводства (п. 5.3).

Этот нюанс придает вескость аргументам КС РФ, поскольку описан механизм реализации предусмотренных Основным законом процессов принятия решения о неисполнении международно-правовых обязательств России, но не в нарушение прав и свобод человека, а для их защиты.

С учетом вышесказанного можно сделать вывод, что если в 2015 году, когда было вынесено Постановление, данное решение можно было оценить лишь как высказывание суда высшей инстанции о месте норм международного права в отечественной системе законодательства, то, в 2022 году, когда в законодательство были внесены соответствующие поправки, предшествующее **Постановление Конституционного Суда можно расценить как определение той юридической базы, на основе которой были построены доводы о законности и необходимости последующих изменений в законодательстве, касающихся места международного права в правовой системе России в целом.** В этом смысле проявляется своеобразная нормотворческая деятельность Конституционного Суда [Гук, 2016], рассуждение о которой, однако, заслуживает самостоятельного научного исследования.

Проявление неуважения к идентичности правовой системы России со стороны ЕСПЧ, на которые указал КС в Постановлении, показали неэффективность имплементации института исполнения решений Европейского Суда в России (абз. 3 п. 6). Правовые положения Конституции и развивающие ее нормы законодательства были признаны преимущественным перед нормами международного права при рассмотрении судами вопросов, связанных с правами и свободами человека.

В соответствии с положениями Федерального закона от 11.06.2022 N 183-ФЗ [Федеральный закон № 183-ФЗ, 2022] из процессуальных кодексов и всех других законов, имеющих ссылки на решения ЕСПЧ, соответствующие упоминания значения решений Европейского Суда по права человека были исключены и признаны утратившими юридическую силу. В соответствии со ст. 6 Закона «Постановления Европейского Суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [Федеральный закон № 183-ФЗ, 2022].

Правительство Российской Федерации в 2022 году так же издало Постановление о прекращении участия в международных соглашениях, связанных с деятельностью России в Совете Европы [Постановление Правительства РФ № 1155, 2022].

В последующем был опубликован Федеральный закон от 28.02.2023 N 43-ФЗ [Федеральный закон № 43-ФЗ, 2023], в котором был закреплён факт прекращения действия всех международных договоров Совета Европы, в которых участвовала Российская Федерация.

Таким образом, вслед за судебским сообществом, законодательной властью было подтверждено, что Конституция и отечественные законы имеют преимущество в правовом

регулировании в случаях, когда нормы международного права и решения межгосударственных органов власти могут противоречить внутригосударственным интересам России или могут посягать на государственный суверенитет, наносить вред закрепленной в Основном законе системе прав и свобод человека.

В 2024 году относительно ситуации о выходе России из Совета Европы в своем пресс-релизе высказалось Министерство иностранных дел Российской Федерации [Пресс-релиз МИД России, [www...](http://www.mid.ru)]. Приведенный постфактум анализ политических предпосылок изменения вектора существования международного права в правовой системе Российской Федерации в какой-то мере так же подтвердил легитимность позиции КС РФ, выраженной еще в 2015 году.

Указанные решения органов государственной власти стали значимой вехой в развитии дискуссии о применении монистической и дуалистической теории международного права в российской юриспруденции. Найдены новые аргументы в пользу более широкого и неуквального толкования ч. 4 ст. 15 Конституции [Конституция РФ, 1993].

Заключение

Несмотря на то, что положения Конвенции на данный момент не создают международно-правовых обязательств России, решения ЕСПЧ по искам против России не исполняются, проанализированное Постановление Конституционного Суда не отменено, сохраняет свою теоретическую и юридическую ценность для правоприменения по вопросам выполнения международных обязательств в соответствии с интересами и нормами конституционного права России. Важно, что Постановление имеет отсылки к конкретным решениям ЕСПЧ по искам против России и других государств, ратифицировавших Конвенцию, что подкрепляет теоретические тезисы КС РФ эмпирическим материалом, обосновывает объективность выводов.

Данное Постановление КС РФ является веским аргументом из области судебной практики в ее широком понимании для дальнейшего совершенствования отечественного законодательства в духе законности и справедливости.

Библиография

1. Барнашов А.М. О применении Конституционным Судом Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ // Вестн. Том. гос. ун-та. 2006. С. 34-38.
2. Бредихин А. Л. Судебная практика как источник российского права // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. N 1 (21). С. 102–106.
3. Гук П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики. Lex russica. 2016; (7). С.14-27.
4. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 1. - 2-е изд., перераб. и доп. - "Проспект", 2016 г. 743 с.
5. Муромцев Г. И. Источники права: Теоретические аспекты проблемы /Г. И. Муромцев. //Правоведение. -1992. - N 2. - С. 23-30.
6. Петров Э. Ю. Конституционный нормоконтроль в современном российском законодательстве: проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. N 2. С. 187–191.
7. Филиппова М.В., Хохлов Е.Б. Акты судебного толкования как источник субъективного права // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 19 ноября 2020 года. - Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021. – С. 100-105.

Legal Basis for the Termination of the Effect of ECHR Decisions on the Territory of the Russian Federation

Valeriya V. Muraeva

Postgraduate Student,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 4, bldg. 1, 2nd Agricultural Passage, Moscow, Russian Federation;
e-mail: valery-muraeva@yandex.ru

Abstract

The judicial and legislative branches of power are separate and independent, but are interconnected in that they have a mutual influence on each other's development. Trends in judicial practice and the practice of higher courts in interpreting the law reflect the development of social relations, new forms, and features of legal relationships. Often, changes in legislation become a reaction to important interpretive positions of the courts. The article examines the influence of the legal position of the Constitutional Court, which was expressed in a Resolution issued in the framework of constitutional normative control, following a request from deputies of the State Duma on the constitutionality of provisions of legislation containing a reference to the binding nature of ECHR decisions. It is concluded that the Resolution of the Constitutional Court of 2015 created the legal basis for the termination of the effect of ECHR decisions on the territory of the Russian Federation, starting from 2022.

For citation

Muraeva V.V. (2026) *Pravovaya osnova prekrashcheniya deystviya resheniy ESPCH na territorii Rossiyskoy Federatsii* [Legal Basis for the Termination of the Effect of ECHR Decisions on the Territory of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 73-79. DOI: 10.34670/AR.2026.12.35.007

Keywords

Position of the Constitutional Court, constitutional proceedings, judicial interpretation, interpretation of international treaties, constitutional normative control.

References

1. Barnashov A.M. On the Application by the Constitutional Court of the Russian Federation of universally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation // *Vestnik of Tomsk State University*. 2006. P. 34–38.
2. Bredikhin A.L. Judicial practice as a source of Russian law // *Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences*. 2023. No. 1 (21). P. 102–106.
3. Guk P.A. Judicial norm-making: questions of theory and practice // *Lex Russica*. 2016. No. 7. P. 14–27.
4. Marchenko M.N. Problems of General Theory of State and Law: textbook: in 2 volumes. Vol. 1. — 2nd ed., revised and supplemented. — Moscow: Prospect, 2016. 743 p.
5. Muromtsev G.I. Sources of Law: Theoretical Aspects of the Problem // *Legal Studies*. 1992. No. 2. P. 23–30.
6. Petrov E.Y. Constitutional Norm Control in Modern Russian Legislation: Problems and Solutions // *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 2. P. 187–191.
7. Filippova M.V., Khokhlov E.B. Acts of Judicial Interpretation as a Source of Subjective Law // In: Collection of materials from the IV All-Russian scientific-practical conference “Interpretation of Legal Acts (theoretical-legal, constitutional-

legal, civil-legal and labor-legal aspects)”: Simferopol, November 19, 2020. — Simferopol: Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 2021. — P. 100–105.

УДК 34.341.01

DOI: 10.34670/AR.2026.46.96.008

Дуалистический характер англо-американской правовой семьи**Пронина Анастасия Александровна**

Студент бакалавриата,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: jutt1e@gmail.com

Аннотация

Цель исследования — изучить дуалистический характер англо-американской правовой семьи, проявляющийся во взаимодействии и историческом противостоянии английского правового формализма и американского правового реализма. Методы исследования включают сравнительно-правовой, исторический, философский и методологический анализ. Также в статье осуществляется сопоставление доктринальных источников, этапов развития правовых традиций и подходов к ключевым судебным прецедентам. Результаты исследования демонстрируют фундаментальные различия между двумя направлениями. В статье установлено, что английский формализм опирается на строгую логику, дедукцию и обязательную силу прецедента, рассматривая судью как беспристрастного исполнителя закона. Американский реализм, напротив, использует эмпирический подход, признает влияние социально-экономических факторов на правоприменение и видит в судье активного творца права. Показано, что в современных реалиях обе концепции эволюционируют: формализм адаптируется к идее защиты прав человека, а реализм интегрирует социологические и экономические методы. В выводе подчеркивается, что эффективность и жизнеспособность англо-американской правовой системы обеспечиваются синтезом данных подходов. Баланс между юридическим формализмом, гарантирующим стабильность права, и правовым реализмом, предотвращающим стагнацию, позволяет праву гармонично развиваться в соответствии с динамикой общественных отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Пронина А.А. Дуалистический характер англо-американской правовой семьи // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 80-86. DOI: 10.34670/AR.2026.46.96.008

Ключевые слова

Теория права, англо-американская правовая семья, юридический формализм, правовой реализм, прецедентное право, судебное правотворчество, сравнительное правоведение, эволюция правовых систем.

Введение

Англо-американская правовая семья по праву считается одной из самых влиятельных традиций в мировом масштабе. Её самобытность рождается из синтеза английского формализма и американского правового реализма — союза, обеспечивающего тонкий баланс между незыблемостью закона и гибкостью его применения. Лишь обратившись к истокам становления и ключевым особенностям этой системы и каждой ее ветви, можно в полной мере понять логику её функционирования.

Основная часть

Развитие современной английской правовой традиции можно условно разделить на несколько этапов.

Первым этапом считается переход от донормандских правовых обычаев к защите естественных прав личности. Эту идею ярко выразил Уильям Блэкстоун (1723-1780) в своих «Комментариях к законам Англии» [Малиновский и др., 2023, с. 547], особенно в первой книге «О правах лиц», где он анализировал права индивидов и правовой статус социальных групп, таких как дворянство и духовенство, систематизируя основы общего права.

Второй этап связан с развитием правового позитивизма и укреплением судебного формализма в XIX веке. Ещё в XVIII веке этому способствовали идеи Иеремия Бентама (1748-1832), Джона Остина (1790–1859) и Джона Стюарда Милля (1806-1873). Иеремия Бентам разработал идею утилитаризма [Малиновский и др., 2023, с. 549], подчёркивая, что право должно способствовать общественной пользе. В труде «Введение в основы нравственности и законодательства» (1789) он критиковал сложность общего права и выступал за его кодификацию, чтобы сделать нормы более понятными. Хотя его идеи о кодификации не были реализованы в Англии, они повлияли на развитие позитивистской правовой мысли. Джон Остин стремился сделать юриспруденцию строгой наукой, отделяя право от морали. В работе «Пределы юриспруденции» (1832) он определял право как приказы суверена, подкреплённые санкциями, где суверен — это власть, не признающая вышестоящей силы [Малиновский и др., 2023, с. 553]. Его позитивизм стал основой для формализма XIX века, акцентируя строгое следование правовым нормам, установленным государством или судами. Джон Стюарт Милль, развивая идеи Бентама, подчёркивал, что право должно обеспечивать гармонию индивидуальных и общественных интересов, но его либеральные взгляды оказали меньшее влияние на формализм, который требовал строгого следования прецедентам [Прокофьев, 2008, с. 137].

Традиционность и практичность английских юристов не позволили радикально изменить общее право по Бентаму и Остину, но не помешали активному законотворчеству и судебной реформе. В XIX веке судебные решения Высокого суда, Палаты лордов и Тайного совета по апелляциям из колоний стали важным источником правовых норм. Судьи рассматривали общее право как систему, развивающуюся через применение прежних норм к новым ситуациям, опираясь на индукцию, аналогию и дедукцию. Новые доктрины воспринимались как логичное развитие практики, а не как радикальные изменения. Альберт Вэнн Дэйси (1835-1922), известный английский юрист, подчёркивал, что британская конституция складывалась именно в ходе судебной практики, когда судьи принимали решения, касающиеся защиты прав и свобод

граждан [Полдников,2024,с.51]. Например, в деле *Entick v Carrington* [1765] 2 Wils KB 275 суд подтвердил защиту прав личности от произвольного вмешательства государства, закрепив принцип верховенства права [Neuberger,2016,с.6]. Законодательные акты Парламента входили в состав английского права лишь в той интерпретации, которую им придавало судопроизводство в рамках традиций общего права, что подчёркивало формалистический подход, основанный на прецедентах.

Во второй половине XX века судьи начали открыто признавать свою роль в создании права, а не только в его применении. Лорд Рейд в статье «Судья как творец права» (1972) заявил, что представление о пассивной роли судей устарело, признавая их активное участие в формировании норм [Оксамытный,2023,с.80]. Это отражало эволюцию формализма, где суды не только следовали прецедентам, но и адаптировали их к новым реалиям. Например, лорд Деннинг, влиятельный судья XX века, в деле *Central London Property Trust Ltd v High Trees House Ltd* [1947] KB 130 ввёл концепцию эстоппеля по обещанию, расширив рамки общего права, но сохранив формальный подход к обоснованию решения [Оксамытный,2023,с.121]. Однако к концу XX века прецеденты утратили ведущую роль в правовой системе, уступив место законодательным актам и подзаконным нормативным документам, разрабатываемым государственными учреждениями и ведомствами. Тем не менее, суды продолжали играть ключевую роль в интерпретации законодательства.

В XXI веке английский правовой формализм сохраняет свою значимость, балансируя между традициями общего права и ролью законодательства, включая влияние международных норм и, до Brexit, права Европейского Союза. Верховный суд Великобритании, созданный в 2009 году, стал важным органом, формирующим прецеденты в рамках формалистического подхода, но с учётом современных социальных и экономических реалий. Например, в деле *R v Brown* [1993] UKHL 19 Палата лордов под председательством лорда Темплмана отказалась признать согласие как защиту от уголовного преследования за нанесение телесных повреждений в контексте садомазохистских практик, строго следуя правовым нормам, а не моральным или утилитарным соображениям. В деле *R (on the application of Miller) v Secretary of State for Exiting the European Union* [2017] UKSC 5 Верховный суд под руководством лорда Ньюбергера постановил, что правительство не может инициировать Brexit без одобрения Парламента, подчёркивая формальное соблюдение конституционных принципов [Young,2024,с.6]. Аналогично, в деле *Owens v Owens* [2018] UKSC 41 суд отказал в разводе из-за отсутствия доказательств «неприемлемого поведения» супруга, следуя нормам Закона о бракоразводных процессах 1973 года, что вызвало критику за излишний формализм и привело к реформе законодательства в 2022 году [Дюжева,2023,с.58]. Среди современных судей выделяется леди Хейл, первая женщина-президент Верховного суда (2017–2020), чья работа в деле *R (on the application of Miller) v Secretary of State for Exiting the European Union* [2017] UKSC 5 подчёркивала баланс между формализмом и защитой прав человека. Лорд Бингем, лорд-главный судья в 2000–2008 годах, также внёс вклад в развитие судебной независимости, укрепляя формалистический подход к интерпретации законов [Ирхин,2024,с.131]. Сегодня английский формализм адаптируется к новым вызовам, сохраняя верность прецедентам, но учитывая права человека и глобальные стандарты.

Американский правовой реализм возник в первой половине XX века как реакция на консерватизм юридического формализма и ответ на быстрые социальные изменения в США. В

отличие от британской традиции, опиравшейся на строгие доктрины, американский реализм критиковал идею права как замкнутой системы. В конце XIX века Кристофер Лэнгделл трактовал право как науку неизменных принципов, однако этот подход перестал отражать реальность. Его оппонент Оливер Холмс в работе «Путь права» (1897) утверждал, что право — это не набор догм, а предсказание решений судей, эволюционирующее под влиянием социально-экономических факторов.

Правовые реалисты, такие как Карл Ллевеллин и Артур Корбин, оспаривали объективность закона. Они доказывали, что судебные решения не просто выводятся из норм, а формируются под воздействием психологических, политических и социальных условий. Ллевеллин настаивал на анализе реальной практики, а Корбин подчеркивал роль личности судьи. Одним из наиболее известных судебных решений, повлиявших на развитие правового реализма, стало дело *Lochner v. New York*, 198 U.S. 45 (1905). В рамках этого процесса Оливер Холмс в своем несогласном мнении указал, что нормы зависят от контекста, что впоследствии заставило судей учитывать реальные экономические условия [Гаврилов, 2023, с.17].

В 1930–1940-х годах реализм стал доминирующим направлением, утвердив мысль, что право не существует в вакууме. Позже он трансформировался и лег в основу экономического анализа права, предложенного Ричардом Познером. Опираясь на методы Чикагской школы экономики, Познер в 1970-х добавил критерий эффективности, утверждая, что суды должны ориентироваться на максимизацию общественного блага.

В современной науке подходы к реализму различаются. Российский правовед Д. Е. Тонков рассматривает его через призму «нормоскептиков» — Карла Ллевеллина, Германа Олифанта и Андерхила Мура [Тонков, 2018, с.39]. Их позиция заключалась в том, что исход дела определяют не нормы, а обстоятельства. Ллевеллин предложил метод «Гранд-стиля», где судья опирается на интуитивное «чувство ситуации». Правовая определенность здесь достигается не строгим следованием тексту, а предсказуемостью судейского поведения.

Уильям Туайнинг, напротив, акцентирует внимание на эмпирическом измерении права как социального факта. Он считает реализм «защитной концепцией», необходимой для интеграции социального контекста и повседневной практики в теорию, что особенно важно в условиях глобализации. Таким образом, если Тонков делает акцент на внутреннем механизме судебного решения и критике формализма, то Туайнинг — на методологическом и глобальном значении реализма [Тонков, 2020, с.30].

Подводя итог сравнению английского формализма и американского правового реализма, необходимо более четко обозначить их ключевые разногласия, которые касаются фигуры судьи, способов изучения права и силы прошлых судебных решений.

Наиболее ярко различия проявляются в понимании роли судьи. В концепции формализма судья воспринимается как беспристрастный исполнитель, чья задача — механически применить готовую норму закона к конкретной ситуации, полностью исключив собственные взгляды. Американские реалисты, напротив, видят в судье активного творца права. Они утверждают, что на итоговое решение неизбежно влияют личность судьи, его политические убеждения и понимание общественной пользы, поэтому судейское усмотрение является неотъемлемой частью процесса.

Это расхождение диктует и разную методологию. Формалисты используют методы сухой логики и дедукции: они выстраивают решение исключительно на основе анализа текстов

законов, стремясь к идеальной систематизации. Реалисты же считают такой кабинетный подход оторванным от жизни. Их метод — эмпирический: чтобы понять право, они предлагают изучать реальную статистику, социологию и последствия судебных решений для экономики и общества, а не просто читать кодексы.

Наконец, принципиально отличается отношение к прецеденту. Английский формализм жестко придерживается правила обязательного следования предыдущим решениям судов. Для них стабильность и неизменность практики важнее всего, даже если старое правило кажется устаревшим. Реалисты же выступают за гибкость: по их мнению, прецедент не должен быть оковами. Если следование прошлому опыту мешает вынести справедливое решение в данном конкретном случае или противоречит современным реалиям, судья должен иметь право отступить от него.

Заключение

Таким образом, противостояние английского формализма и американского правового реализма представляет собой не просто историческую полемику, а фундаментальную основу юридической науки, отражающую вечный поиск баланса между формой и содержанием. Формализм обеспечивает необходимую устойчивость правовой материи, сохраняя её автономность и защищая от произвола, в то время как реализм предотвращает стагнацию системы, синхронизируя правовое регулирование с динамикой общественных отношений. Современная теория права во многом развивается через диалектический синтез этих подходов, признавая необходимость как нормативной строгости, так и учета социальных факторов в процессе правоприменения.

Библиография

1. Богдановская, И. Ю. Эволюция судебного прецедента в «общем праве» / И. Ю. Богдановская // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — № 2. — С. 75–87.
2. Гаврилов, С. О. Правовая политика Верховного Суда США в «эру Лохнера» / С. О. Гаврилов // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 11 (227). — С. 15–18.
3. Дюжева, О. А. Прощай, вина! (Реформа развода в Англии) / О. А. Дюжева // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2023. — № 2. — С. 45–61.
4. Ирхин, И. В. Конституционные соглашения (конвенции) в Великобритании: доктрина и практика / И. В. Ирхин // Журнал российского права. — 2024. — Т. 28, № 3. — С. 125–139.
5. Малиновский, А. А. Теория права и государства: учебно-методическое пособие / А. А. Малиновский, В. М. Малиновская, А. А. Михайлов [и др.] ; под редакцией А. А. Малиновского ; МГИМО МИД России, Каф. теории права и сравн. правоведения. — Москва: Проспект, 2023. — 547 с.
6. Оксамытный, В. В. Сравнительное правоведение : учебник / В. В. Оксамытный. — Москва: КноРус, 2023. — 121 с.
7. Полдников, Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права: учебник: в 2 т. / Д. Ю. Полдников. — Москва: Норма : ИНФРА-М, 2024.
8. Прокофьев, А. В. Идея справедливости в «Утилитаризме» Дж. С. Милля / А. В. Прокофьев // Философия и культура. — 2008. — № 10. — С. 118–133 ; № 11. — С. 137–144.
9. Тонков, Д. Е. «Скептицизм в отношении норм» как направление американского правового реализма / Д. Е. Тонков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 5 (124). — С. 36–43.
10. Тонков, Д. Е. Концепция «Великого стиля» в праве: теория Карла Ллевеллина / Д. Е. Тонков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — № 5 (136). — С. 27–34.
11. Neuberger, L. Entick v Carrington: 250 years on / L. Neuberger // Public Law. — 2016. — Jan. — P. 5–13.
12. Young, A. L. The Safety of Rwanda (Asylum and Immigration) Act 2024 / A. L. Young // Public Law. — 2024. — Oct. — P. 1–10.

The Dualistic Nature of the Anglo-American Legal Family

Anastasiya A. Pronina

Bachelor's Student,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: jutt1e@gmail.com

Abstract

The purpose of the study is to examine the dualistic nature of the Anglo-American legal family, manifested in the interaction and historical confrontation between English legal formalism and American legal realism. Research methods include comparative legal, historical, philosophical, and methodological analysis. The article also compares doctrinal sources, stages of development of legal traditions, and approaches to key judicial precedents. The results of the study demonstrate fundamental differences between the two directions. The article establishes that English formalism relies on strict logic, deduction, and the binding force of precedent, viewing the judge as an impartial enforcer of the law. American realism, in contrast, uses an empirical approach, recognizes the influence of socio-economic factors on law enforcement, and sees the judge as an active creator of law. It is shown that in modern realities, both concepts are evolving: formalism adapts to the idea of protecting human rights, while realism integrates sociological and economic methods. The conclusion emphasizes that the effectiveness and viability of the Anglo-American legal system are ensured by the synthesis of these approaches. The balance between legal formalism, which guarantees the stability of law, and legal realism, which prevents stagnation, allows law to develop harmoniously in accordance with the dynamics of social relations.

For citation

Pronina A.A. (2026) Dualisticheskiy kharakter anglo-amerikanskoy pravovoy semi [The Dualistic Nature of the Anglo-American Legal Family]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 80-86. DOI: 10.34670/AR.2026.46.96.008

Keywords

Theory of law, Anglo-American legal family, legal formalism, legal realism, case law, judicial lawmaking, comparative law, evolution of legal systems.

References

1. Bogdanovskaya, I. Y. (2010). Evolyutsiya sudebnogo pretsedenta v "obshchemprave" [Evolution of judicial precedent in "common law"]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, (2), 75–87.
2. Dyuzheva, O. A. (2023). Proshchay, vina! (Reforma razvoda v Anglii) [Farewell, fault! (Divorce reform in England)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo*, (2), 45–61.
3. Gavrilov, S. O. (2023). Pravovaya politika Verkhovnogo Suda SShA v "eru Lokhnera" [Legal policy of the US Supreme Court in the "Lochner era"]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (11/227), 15–18.
4. Irkhin, I. V. (2024). Konstitutsionnyye soglasheniya (konventsii) v Velikobritanii: doktrina i praktika [Constitutional agreements (conventions) in the UK: doctrine and practice]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 28(3), 125–139.

-
5. Malinovsky, A. A., Malinovskaya, V. M., Mikhailov, A. A., et al. (2023). *Teoriya prava i gosudarstva: uchebno-metodicheskoye posobiye* [Theory of law and state: a textbook] (A. A. Malinovsky, Ed.). Prospekt.
 6. Neuberger, L. (2016). *Entick v Carrington: 250 years on*. Public Law, (Jan), 5–13.
 7. Oksamytny, V. V. (2023). *Sravnitel'noye pravovedeniye: uchebnik* [Comparative law: a textbook]. KnoRus.
 8. Poldnikov, D. Y. (2024). *Sravnitel'naya istoriya zarubezhnogo prava: uchebnik: v 2 t.* [Comparative history of foreign law: a textbook: in 2 vols.]. Norma : INFRA-M.
 9. Prokofiev, A. V. (2008). *Ideya spravedlivosti v "Utilitarizme"* Dzh. S. Millya [The idea of justice in J. S. Mill's "Utilitarianism"]. *Filosofiya i kul'tura*, (10), 118–133; (11), 137–144.
 10. Tonkov, D. E. (2018). *"Skeptitsizm v otnoshenii norm" kak napravleniye amerikanskogo pravovogo realizma* ["Skepticism about rules" as a direction of American legal realism]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, (5/124), 36–43.
 11. Tonkov, D. E. (2020). *Kontseptsiya "Velikogo stilya" v prave: teoriya Karla Llevelina* [The concept of the "Grand style" in law: Karl Llewellyn's theory]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, (5/136), 27–34.
 12. Young, A. L. (2024). *The Safety of Rwanda (Asylum and Immigration) Act 2024*. Public Law, (Oct), 1–10.

УДК 340.12

DOI: 10.34670/AR.2026.99.68.009

Теоретико-правовые основания концепции общественного идеала П.И. Новгородцева: от возрожденного естественного права к нормативному идеализму

Доценко Николай Николаевич

Аспирант,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: Dotsenko@mail.ru

Працко Геннадий Святославович

Доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор,
Заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
Российский государственный университет путей сообщения,
127994, Российская Федерация, Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9;
Профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: Dotsenko@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются теоретико-правовые основания концепции общественного идеала П.И. Новгородцева и прослеживается переход от возрожденного естественного права к нормативному идеализму как самостоятельной модели правопонимания. Показана актуальность подхода П.И. Новгородцева для современной российской доктрины, конституционного правосудия и правовой политики.

Для цитирования в научных исследованиях

Доценко Н.Н., Працко Г.С. Теоретико-правовые основания концепции общественного идеала П.И. Новгородцева: от возрожденного естественного права к нормативному идеализму // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 87-93. DOI: 10.34670/AR.2026.99.68.009

Ключевые слова

Общественный идеал, философия права, естественное право, правопонимание, правовое государство, справедливость, нормативный идеализм, возрожденное естественное право.

Введение

Проблема соотношения права, нравственности и общественного идеала вновь стала центральной для российской юриспруденции в условиях, когда правопорядок испытывается на прочность не только нормотворческими решениями, но и качеством ценностных ориентиров. В этом контексте обращение к наследию П.И. Новгородцева не носит характера историко-доктринального экскурса ради самого прошлого. Его философия права позволяет увидеть, как правовая система удерживает нормативную легитимность, если позитивное право соотносится с идеей должного, а государство мыслится как правовая форма, ограниченная нравственным смыслом права. Тема общественного идеала у П.И. Новгородцева оказывается методологическим узлом, где соединяются неокантианский критицизм, традиция естественного права и собственная концепция нормативного идеализма.

Основная часть

Понимание конструкции П.И. Новгородцева требует исходить из его принципиального разрыва с юридическим позитивизмом в его формально-догматическом варианте. В центре этой полемики стояла мысль о том, что право, лишенное критерия должного, легко превращается в технику внешнего регулирования, утрачивая собственную правовую идею. Для П.И. Новгородцева возрожденное естественное право означало прежде всего нравственную критику позитивного права, а не возвращение к доктрине «прирожденных прав» в ее старой рационалистической версии. Такой поворот позволил русской философии права конца XIX – начала XX века снять ложную альтернативу между метафизической абсолютизацией естественного права и социологическим релятивизмом, характерным для части позитивистских школ [Хасбулатов, 2019, с. 169].

В текстах П.И. Новгородцева, критике подвергается идея автоматически достижимой гармонии правового государства, характерная для упрощенных интерпретаций политико-правового наследия Нового времени. Он показывает, что принципы свободы, равенства и народного суверенитета не образуют самодействующей формулы справедливости, если из правового мышления исключается нравственно-идеальный критерий оценки институтов [Працко, Филимонова, 2023, с. 640]. Тем самым П.И. Новгородцев не отвергает правовое государство, а переводит разговор о нем на более строгий уровень, где нормативные основания предшествуют институциональным конструкциям и одновременно проверяются реальным опытом истории [Шишков, 2020, с. 164].

Критика доктрины естественной гармонии у П.И. Новгородцева не сводится к историко-философскому пересмотру просветительских конструкций; она имеет строго юридическое последствие. Свобода, равенство и народный суверенитет перестают трактоваться как автоматически согласуемые начала и приобретают статус конкурирующих нормативных требований, каждое из которых нуждается в институциональной конкретизации и нравственном ограничении. Отсюда вытекает отказ от представления о правовом государстве как о завершенной форме политико-правового устройства: его принципы действуют не как гарантия достигнутой справедливости, а как критерии постоянной проверки действующего права на соответствие достоинству личности и идее общего блага.

В этой перспективе возрожденное естественное право получает у П.И. Новгородцева не метафизически-догматическое, а критико-нормативное содержание. Естественно-правовая идея

функционирует как предельный масштаб оценки позитивного правопорядка, позволяющий различать юридическую действительность и правовую правоту. Такая конструкция исключает как юридический эмпиризм, растворяющий право в факте власти, так и отвлеченный морализм, игнорирующий форму правовой определенности. Нравственный критерий сохраняет трансцендирующую функцию, но реализуется через юридические формы, процедуры и гарантии, а не вне их.

Переход к нормативному идеализму логически вырастает из этого двойного разграничения. Нормативный идеализм утверждает, что право не исчерпывается действующей нормой и одновременно не может быть заменено нравственным пожеланием; его природа раскрывается в напряжении между безусловным должным и исторически ограниченными механизмами правового регулирования. Общественный идеал у понимается как регулятивный ориентир правовой эволюции, а не проект окончательного общественного устройства. Он направляет развитие институтов, не снимая трагизма социального конфликта и неизбежности частичных, ревизуемых решений [Фролова Е.А., 2016, с. 18].

Ключевым следствием такой позиции становится переосмысление статуса государства. Государство не выступает источником высшей нормативности, поскольку его правотворчество подлежит оценке по критериям, лежащим выше позитивного установления. Вместе с тем государство не устраняется из структуры должного: именно через него реализуются юридические условия свободы, равной правоспособности и судебной защиты. Соотношение личности и власти приобретает форму правовой взаимной связанности, где ограничение публичной власти является не политической уступкой, а внутренним требованием самой правовой идеи.

Нормативный идеализм позволяет также уточнить содержание справедливости в праве. Справедливость не редуцируется ни к формальному равенству, ни к результативному перераспределению; она конституируется как единство формальной универсальности нормы, признания достоинства лица и допустимости различий, имеющих объективное юридическое оправдание. В этой связи право оценивается не только по критерию законности, но и по критерию недопустимости инструментализации человека, что задает пределы для законодательной целесообразности и административного усмотрения [Фролова А.А., 2019, с. 90].

Конструкция значима тем, что снимает ложную дихотомию между ценностным и позитивистским правопониманием. Новгородцевская модель допускает методологическую совместимость: догматический анализ норм, институциональная теория и аксиологическая критика образуют единый контур юридического рассуждения. Практически это означает необходимость интерпретации конституционных принципов как норм прямого действия с нравственно-правовой нагрузкой, а отраслевого законодательства – как уровня конкретизации, который сохраняет обязательность только при непротиворечии базовым требованиям правовой справедливости [Федоров, 2025, с. 43].

Общественный идеал в новгородцевском понимании предстает не внешним по отношению к праву идеологическим конструктом, а внутренним нормативным горизонтом правовой системы. Он обеспечивает преемственность между естественно-правовой критикой и юридической техникой, задает критерии легитимности правотворчества и пределы государственной власти, а также формирует язык, в котором возможно рационально обосновывать правовые реформы без утраты ценностного основания права.

Реконструируя генезис его взглядов, современная литература правомерно подчеркивает

влияние дискуссии между В.С. Соловьевым и Б.Н. Чичериным о соотношении права и нравственности. П.И. Новгородцев наследует у В.С. Соловьева идею нравственного измерения права, но избегает растворения юридического в этическом максимализме. В то же время он принимает у Б.Н. Чичерина установку на юридическую форму и институциональную определенность, отказываясь от жесткого разведения права и нравственности как замкнутых сфер. В результате возникает оригинальная позиция, в которой право сохраняет автономию, но не утрачивает ценностной направленности.

Переход к концепции общественного идеала у П.И. Новгородцева связан с признанием принципиальной незавершенности исторического процесса. Он полагает, что социальная жизнь не допускает окончательного «земного совершенства», однако это не отменяет нормативного требования к праву и государству приближаться к идеалу. Напротив, невозможность финального совершенства делает идеал постоянным регулятивным началом. В данном пункте проявляется неокантианская структура его аргумента: идеал выступает не эмпирическим фактом и не политической утопией, а нормативным горизонтом, без которого позитивное право теряет меру собственной правомерности [Хошева, 2009, с. 55].

В философии П.И. Новгородцева идея общественного идеала строится на оппозиции абсолютного и относительного, где относительные формы правопорядка признаются необходимыми и ценными, но не самодостаточными. Это позволяет понять, почему мыслитель столь последовательно отстаивал связь правового государства с нравственными основаниями и одновременно критиковал политический и юридический утопизм. Правовая реформа оправдана не обещанием окончательной гармонии, а степенью приближения к принципам достоинства личности, свободы и справедливости в конкретных исторических условиях [Утягулов, 2017, с. 183].

Особую роль в этой конструкции играет понятие личности. П.И. Новгородцев исходит из того, что личность не может быть сведена ни к функции государства, ни к элементу социального механизма. В его версии общественный идеал не коллективистский и не атомистически-индивидуалистический. Он задает праву обязанность обеспечивать пространство свободного нравственного самоопределения человека при одновременном поддержании условий общего блага. В поздних работах, в том числе в тексте «Об общественном идеале», эта линия сочетается с критикой крайних идеологий, которые либо обожествляют коллектив, либо абсолютизируют частный интерес, разрушая нравственно-правовую ткань общезжития.

Именно здесь формируется то, что можно определить как нормативный идеализм П.И. Новгородцева. Его сущность заключается в признании двойной обусловленности права. С одной стороны, право исторично, институционально и позитивно оформлено. С другой стороны, право подлежит постоянной оценке с точки зрения сверхпозитивных принципов, выражающих достоинство человека и требование справедливости [Матвиенко, 2013, с. 63].

Новгородцевская концепция важна в трех взаимосвязанных измерениях. Первое измерение касается правопонимания. Конституция Российской Федерации закрепляет достоинство личности, права и свободы человека, правовое и социальное государство в качестве фундаментальных начал, тем самым задавая аксиологический каркас для всего законодательства и правоприменения. При таком конституционном дизайне позитивистское чтение права как самодостаточной формальной системы оказывается методологически недостаточным. Нормативный идеализм П.И. Новгородцева позволяет обосновать, почему конституционные ценности должны действовать как критерии проверки отраслевых норм, а не как декларативный фон [Яхина, 2007, с. 24].

Второе измерение связано с конституционным правосудием. В практике Конституционного Суда Российской Федерации устойчиво воспроизводится подход, при котором проверка закона осуществляется не только по формальным параметрам компетенции и процедуры, но и по критериям справедливости, соразмерности, уважения человеческого достоинства и баланса конституционно защищаемых ценностей. В доктринальном плане такой подход хорошо объясняется новгородцевской идеей о приоритете нормативного должного перед самодовлеющей фактичностью правопорядка. Иначе говоря, позитивный закон признается юридически полноценным лишь постольку, поскольку он выдерживает ценностно-правовую проверку в конституционном поле [Працко, Филимонова, 2023, с. 11].

Третье измерение касается правовой политики. П.И. Новгородцев показывал, что право не исчерпывается техникой управления и не может быть сведено к оперативной целесообразности. Если правовая политика отрывается от идеала, она производит краткосрочно эффективные, но долгосрочно деструктивные решения, ослабляющие доверие к институтам и легитимность самого государства. Вывод имеет прикладное значение в сферах, где особенно заметен риск инструментализации права, включая регулирование публичной власти, социальные гарантии, судебную защиту и цифровую трансформацию государственного управления.

Вывод

Важно подчеркнуть, что обращение к нормативному идеализму не означает отказа от юридической определенности. Напротив, в духе П.И. Новгородцева речь идет об их сопряжении. Правовая определенность без ценностного содержания превращается в формализм, ценностный дискурс без юридической формы скатывается к декларативности.

Библиография

1. Матвиенко Е.А. П.И. Новгородцев: в поисках общественного идеала / Е.А. Матвиенко. — Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2013. — С. 62-66.
2. Працко Г.С. Ценности права и правовой порядок в условиях демократизации общественной жизни / Г.С. Працко, Е.А. Филимонова // Правовой порядок и правовые ценности. — Ростов-на-Дону : Донской государственный технический университет, 2023. — Т. 1, № 3. — С. 5-12.
3. Утягулов Ф.Н. О становлении естественно-правовых идей в России начала XX века / Ф.Н. Утягулов. — Уфа : Аэтерна, 2017. — С. 182-184.
4. Федоров М.В. П.И. Новгородцев об интересах личности / М.В. Федоров. — Москва : Русайнс, 2025. — С. 41-45.
5. Фролова А.А. П.И. Новгородцев об общественном идеале / А.А. Фролова. — Москва : Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2019. — С. 88-91.
6. Фролова Е.А. Историзм и социологизм в неокантианской философии права (П.И. Новгородцев) / Е.А. Фролова. — 2016. — С. 17-19.
7. Хасбулатов Р.И. П.И. Новгородцев и его работа «На путях к правовому государству» / Р.И. Хасбулатов. — 2019. — С. 165-177.
8. Хошева Е.С. П.И. Новгородцев о перспективах демократии в России / Е.С. Хошева. — Барнаул : Алтайский государственный университет, 2009. — С. 52-58.
9. Шишков К.А. Некоторые наблюдения над социальной мыслью П.И. Новгородцева / К.А. Шишков. — Москва : Перо, 2020. — С. 163-165.
10. Яхина А.Р. Учение П.И. Новгородцева о праве и государстве / А.Р. Яхина. — 2007. — С. 24.

Theoretical and Legal Foundations of P.I. Novgorodtsev's Concept of the Social Ideal: From Revived Natural Law to Normative Idealism

Nikolai N. Dotsenko

Postgraduate Student,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: Dotsenko@mail.ru

Gennadii S. Pratsko

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law and Procedure,
Russian University of Transport,
127994, 9, building 9, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Commercial and Business Law,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: Dotsenko@mail.ru

Abstract

The article reveals the theoretical and legal foundations of P.I. Novgorodtsev's concept of the social ideal and traces the transition from revived natural law to normative idealism as an independent model of legal understanding. The relevance of P.I. Novgorodtsev's approach for modern Russian doctrine, constitutional justice, and legal policy is shown.

For citation

Dotsenko N.N., Pratsko G.S. (2026) Teoretiko-pravovyye osnovaniya kontseptsii obshchestvennogo ideala P.I. Novgorodtseva: ot vozrozhdennoy yestestvennoy prava k normativnomu idealizmu [Theoretical and Legal Foundations of P.I. Novgorodtsev's Concept of the Social Ideal: From Revived Natural Law to Normative Idealism]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 87-93. DOI: 10.34670/AR.2026.99.68.009

Keywords

Social ideal, philosophy of law, natural law, legal understanding, rule of law, justice, normative idealism, revived natural law.

References

1. Docenko, N. N., & Pratsko, G. S. (2026) Teoretiko-pravovyye osnovaniya kontseptsii obshchestvennogo ideala P.I. Novgorodtseva: ot vozrozhdennoy yestestvennoy prava k normativnomu idealizmu [The theoretical and legal foundations of P.I. Novgorodtsev's concept of the social ideal: From the revival of natural law to normative idealism]. [Manuscript].
2. Fedorov, M. V. (2025). P.I. Novgorodtsev ob interesakh lichnosti [P.I. Novgorodtsev on the interests of the individual].

Rusains.

3. Frolova, A. A. (2019). P.I. Novgorodtsev ob obshchestvennom ideale [P.I. Novgorodtsev on the social ideal]. Kosygin Russian State University.
4. Frolova, E. A. (2016). Istorizm i sotsiologizm v neokantskoy filosofii prava (P.I. Novgorodtsev) [Historicism and sociology in Neo-Kantian philosophy of law (P.I. Novgorodtsev)].
5. Khasbulatov, R. I. (2019). P.I. Novgorodtsev i yego rabota "Na putyakh k pravovomu gosudarstvu" [P.I. Novgorodtsev and his work "On the paths to the rule-of-law state"].
6. Khosheva, E. S. (2009). P.I. Novgorodtsev o perspektivakh demokratii v Rossii [P.I. Novgorodtsev on the prospects of democracy in Russia]. Altai State University.
7. Matvienko, E. A. (2013). P.I. Novgorodtsev: v poiskakh obshchestvennogo ideala [P.I. Novgorodtsev: In search of the social ideal]. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8. Pratsko, G. S., & Filimonova, E. A. (2023). Tsennosti prava i pravovoy poryadok v usloviyakh demokratizatsii obshchestvennoy zhizni [Values of law and legal order in the conditions of democratization of public life]. Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti, 1(3), 5-12.
9. Shishkov, K. A. (2020). Nekotoryye nablyudeniya nad sotsial'noy mysl'yu P.I. Novgorodtseva [Some observations on the social thought of P.I. Novgorodtsev]. Pero.
10. Utyagulov, F. N. (2017). O stanovlenii yestestvenno-pravovykh idey v Rossii nachala XX veka [On the formation of natural law ideas in Russia at the beginning of the 20th century]. Aetema.
11. Yakhina, A. R. (2007). Ucheniye P.I. Novgorodtseva o prave i gosudarstve [The doctrine of P.I. Novgorodtsev on law and state].

УДК 342.565.2

DOI: 10.34670/AR.2026.79.21.010

Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределённым процессуальным статусом

Лебин Василий Витальевич

Адвокат,
Московская коллегия адвокатов «АдвоПро»,
Аспирант,
Московский государственный юридический у
ниверситет им. О.А. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: Qwerty5L@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется роль Конституционного Суда Российской Федерации в формировании правовых позиций, направленных на защиту прав лиц, фактически вовлечённых в уголовное судопроизводство, но не наделённых определённым процессуальным статусом в системе УПК РФ. На основе анализа ключевых постановлений и определений Конституционного Суда РФ (от 27.06.2000 № 11-П, от 13.05.2021 № 18-П, от 17.06.2021 № 29-П, от 01.10.2024 № 42-П, от 17.12.2025 № 46-П) выявлены основные доктринальные подходы, которыми руководствуется Конституционный Суд РФ при разрешении вопросов о правах указанных лиц. Показано, что Конституционный Суд РФ последовательно формирует доктрину приоритета фактического положения лица над его процессуальным статусом. Сделан вывод о необходимости системного законодательного решения, которое бы закрепило минимальный набор прав для лиц с неопределённым процессуальным статусом, что позволит уменьшить объём обращений в Конституционный Суд РФ и обеспечить единообразие правоприменения.

Для цитирования в научных исследованиях

Лебин В.В. Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределённым процессуальным статусом // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 94-104. DOI: 10.34670/AR.2026.79.21.010

Ключевые слова

Конституционный Суд РФ, правовые позиции, неопределённый процессуальный статус, участники уголовного судопроизводства, защита прав, судебный контроль, уголовный процесс, правовая определённость, доступ к правосудию.

Введение

Обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлечённых в сферу уголовного судопроизводства, является одним из фундаментальных требований правового государства, вытекающих из статей 2, 45, 46 и 52 Конституции Российской Федерации [Конституция РФ, 1993]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) в пункте 58 статьи 5 определяет участников уголовного судопроизводства как лиц, принимающих участие в уголовном процессе [УПК РФ, 2001]. Вместе с тем раздел II УПК РФ содержит исчерпывающий перечень участников, чей процессуальный статус детально регламентирован. Однако данный перечень не охватывает всех лиц, фактически вовлекаемых в производство по уголовному делу.

Основная часть

В практике уголовного судопроизводства значительное число лиц вступает в уголовно-процессуальные отношения, не будучи наделёнными определённым процессуальным статусом. Как справедливо отмечал П.Г. Марфицин, лицо, вовлечённое в уголовно-процессуальные отношения без чёткого круга прав и обязанностей, ощущает себя ущемлённым, а характер своего участия считает формальным [Марфицин, 1993]. Данная проблема порождает правовую неопределённость и создаёт условия для уязвимости таких лиц.

В условиях, когда законодатель не предусмотрел системного регулирования правового положения указанных лиц, существенную роль в восполнении нормативных пробелов играет Конституционный Суд Российской Федерации. Именно через практику Конституционного Суда РФ формируются доктринальные подходы к определению объёма гарантий прав лиц, не обладающих процессуальным статусом.

Проблема участия в уголовном процессе лиц, чьё правовое положение не определено либо определено лишь фрагментарно, была впервые системно обозначена в отечественной науке И.В. Смольковой, которая указала на целый ряд субъектов, фактически вовлекаемых в уголовно-процессуальные отношения, но не отнесённых УПК РФ к числу участников с определённым процессуальным статусом [Смолькова, 2017]. К числу таких лиц И.В. Смолькова отнесла: заявителя о преступлении; очевидца; лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении; лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, но ещё не наделённое статусом подозреваемого; собственника или законного владельца имущества, на которое наложен арест; лиц, чьи конституционные права ограничиваются при производстве следственных действий (обыске, выемке); поручителя; залогодателя; близких родственников умершего обвиняемого (подозреваемого); реабилитируемое лицо; лицо, запрашиваемое к выдаче (экстрадируемое лицо) [Смолькова, 2017].

Данный перечень не является исчерпывающим. Как подчёркивает О.С. Морозова, глава 8 УПК РФ не содержит полного перечня лиц, реально участвующих в уголовном деле [Морозова, 2024a]. В свою очередь, А.А. Давлетов, обращая внимание на положение лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, констатирует, что такое лицо фактически подвергается уголовному преследованию, не будучи наделённым соответствующими процессуальными правами [Давлетов, 2015].

Объединяющей чертой всех указанных лиц является то, что они фактически вовлекаются в уголовно-процессуальные отношения, их права и законные интересы затрагиваются

процессуальными действиями и решениями, однако закон не предусматривает для них чёткого процессуального статуса с соответствующим набором прав, обязанностей и гарантий. Именно в отношении этих лиц Конституционный Суд РФ на протяжении более двадцати лет формирует правовые позиции, направленные на компенсацию законодательных пробелов.

Фундаментальное значение для защиты прав лиц с неопределённым процессуальным статусом имеет Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу гражданина В.И. Маслова [Постановление КС РФ № 11-П, 2000]. Данное решение было вынесено в связи с жалобой лица, которое в ходе расследования уголовного дела было фактически задержано, подвергнуто обыску, опознанию и допросу в качестве свидетеля, однако при этом ему было отказано в праве на помощь адвоката на том основании, что по своему формальному процессуальному положению он являлся свидетелем, а не подозреваемым [Постановление КС РФ № 11-П, 2000].

Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, которая стала базовой доктриной защиты прав лиц с неопределённым статусом. Конституционный Суд РФ указал, что понятия «задержанный» и «обвиняемый» должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им уголовно-процессуальным законом более узком смысле. В целях реализации конституционного права на защиту необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование [Постановление КС РФ № 11-П, 2000].

При этом Конституционный Суд РФ разъяснил, что факт уголовного преследования может подтверждаться не только формальными актами (постановлением о возбуждении дела, протоколом задержания), но и иными мерами, предпринимаемыми в целях изобличения лица или свидетельствующими о наличии подозрений против него, — в частности, проведением следственных действий (обыска, опознания, допроса) и разъяснением права не давать показаний против себя самого [Постановление КС РФ № 11-П, 2000].

Значение данного решения является принципиальным для рассматриваемой проблематики. Конституционный Суд РФ сформировал конституционно-правовой критерий установления момента, с которого лицо вправе рассчитывать на процессуальные гарантии, так этим моментом является не наделение процессуальным статусом, а фактическое затрагивание прав и свобод лица действиями, связанными с уголовным преследованием. Как отмечается в доктрине, данный подход стал методологической основой для последующего расширения гарантий прав лиц, не имеющих процессуального статуса [Витрук, 2005].

Дальнейшее развитие этой доктрины отразилось в Постановлении от 01 октября 2024 г. № 42-П по жалобе гражданина А.С. Ткаченко [Постановление КС РФ № 42-П, 2024]. В данном деле заявитель, содействовавший изобличению взяточполучателя и участвовавший в оперативно-розыскном мероприятии, не был признан потерпевшим, несмотря на то что его права и законные интересы были непосредственно затронуты преступным деянием. Суды отклонили доводы заявителя, мотивируя отказ тем, что объектом преступления (взяточничества) являются интересы государственной службы, а не конкретного лица [Постановление КС РФ № 42-П, 2024].

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из его фактического положения и лишь процессуально оформляется соответствующим решением, но не формируется им [Постановление КС РФ № 42-П, 2024]. Конституционный Суд РФ указал, что лицо, добровольно участвовавшее в изобличении преступника, имеет выраженный процессуальный интерес и необходимость активного участия

в уголовном судопроизводстве, что не исключает необходимости защиты и восстановления его нарушенных прав путём признания за ним статуса потерпевшего [Постановление КС РФ № 42-П, 2024].

Тем самым Конституционный Суд РФ продолжил последовательное развитие указанной правовой позиции, так объём процессуальных гарантий определяется не наделением процессуальным статусом, а реальным затрагиванием прав и законных интересов лица в ходе уголовного судопроизводства.

Значительный массив правовых позиций Конституционного Суда РФ связан с защитой имущественных прав лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, но чьё имущество затрагивается в ходе уголовного судопроизводства. Данная категория дел наиболее наглядно демонстрирует системный характер проблемы неопределённого процессуального статуса.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к вопросу о наложении ареста на имущество лиц, не являющихся участниками уголовного дела. В Определении от 17 ноября 2011 г. № 1551-О-О Конституционный Суд РФ рассматривал ситуацию, в которой арест был наложен на квартиру, приобретённую третьим лицом у лица, связанного с обвиняемыми, и констатировал, что наложение ареста на имущество, находящееся у других лиц, когда имеются достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого или обвиняемого, обусловлено необходимостью обеспечения публично-правовых целей уголовного судопроизводства [Определение КС РФ № 1551-О-О, 2011]. Вместе с тем, как отмечается в литературе, собственник арестованного имущества, не будучи стороной по делу, оказывается в заведомо уязвимом положении [Мурылева-Казак, 2023].

Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2025 г. № 46-П стало одним из наиболее значимых актов в данной сфере [Постановление КС РФ № 46-П, 2025]. Конституционный Суд РФ признал положения ч. 1 и ч. 3 ст. 115 УПК РФ частично не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой действующее регулирование не обеспечивает эффективного механизма защиты прав лиц, чьё имущество арестовано в рамках уголовного дела [Постановление КС РФ № 46-П, 2025]. Данное решение подтвердило, что существующие нормы недостаточны для обеспечения баланса между публичным интересом в обеспечении возможной конфискации и частным интересом собственника в сохранении имущества.

Особую значимость проблема неопределённого процессуального статуса приобрела в контексте института залога как меры пресечения. Показательным является дело гражданина С.А. Филиппова, ставшее предметом рассмотрения Конституционного Суда в Постановлении от 17 июня 2021 г. № 29-П [Постановление КС РФ № 29-П, 2021]. Защитник обвиняемого, выступивший залогодателем, внёс 8 миллионов рублей на депозит суда. Денежные средства оставались заблокированными более восьми лет [Постановление КС РФ № 29-П, 2021]. При этом суды последовательно отказывали залогодателю в рассмотрении его жалоб, указывая, что вопросы избрания и применения залога не могут быть предметом проверки суда в порядке ст. 125 УПК РФ.

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что лицо, права и законные интересы которого затронуты в ходе досудебного или судебного производства, в том числе залогодатель, вправе заявить ходатайство дознавателю, следователю либо в суд о принятии процессуальных решений для обеспечения своих прав и законных интересов, в том числе об отмене залога [Постановление КС РФ № 29-П, 2021]. Суд признал положения ст. 106, 110 и 389.2 УПК РФ не

соответствующими Конституции в той мере, в какой они допускали бессрочное применение залога и исключали возможность апелляционного обжалования отказа в его отмене [Постановление КС РФ № 29-П, 2021].

Во исполнение данного постановления был принят Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ, установивший предельный двухмесячный срок залога с возможностью продления и закрепивший механизм апелляционного обжалования [Федеральный закон № 383-ФЗ, 2022]. Данная совокупность приведённых судебных актов свидетельствует о том, что дефицит процессуального статуса залогодателя приводил к многолетнему ограничению его имущественных прав, и только вмешательство Конституционного Суда РФ позволило устранить системное нарушение.

В научной литературе обоснованно указывается на необходимость более чёткого определения правового положения поручителя и залогодателя. В частности, А.В. Закомолдин отмечает, что требования к поручителю в законе неопределённые и необходима поправка в ст. 103 УПК РФ, расширяющая и упорядочивающая применение личного поручительства [Закомолдин, 2018]. В свою очередь, О.В. Баландюк подчёркивает, что эффективность залога во многом зависит от чёткого определения прав и обязанностей залогодателя как самостоятельного участника соответствующих отношений [Баландюк, 2014].

Постановление от 13 мая 2021 г. № 18-П затронуло ещё один аспект защиты прав лиц с неопределённым процессуальным статусом — возмещение расходов на юридическую помощь реабилитированным [Постановление КС РФ № 18-П, 2021]. Конституционный Суд РФ констатировал, что действующее регулирование не обеспечивает надлежащего возмещения расходов на юридическую помощь лицам, в отношении которых уголовное преследование прекращено, и признал соответствующие нормы частично не соответствующими Конституции РФ [Постановление КС РФ № 18-П, 2021].

Данное постановление подтвердило, что даже при наличии развитого института реабилитации отдельные аспекты восстановления прав реабилитированного остаются нерешёнными. Как отмечают в научной литературе А.Е. Федюнин и Ю.В. Перетяtko, реабилитированный не назван участником процесса в главе 8 УПК РФ, что порождает значительную вариативность правоприменения и не обеспечивает предсказуемости механизма восстановления нарушенных прав [Федюнин, Перетяtko, 2020].

Право на квалифицированную юридическую помощь, гарантированное статьёй 48 Конституции Российской Федерации, имеет универсальный характер. Конституционный Суд РФ последовательно подчёркивает, что данное право не может быть обусловлено приобретением процессуального статуса.

В уже упомянутом Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П Конституционный Суд РФ указал, что право пользоваться помощью адвоката (защитника) является конкретизацией более общего конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, которое не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах [Постановление КС РФ № 11-П, 2000]. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что юридическая помощь должна быть предоставлена каждому лицу, в том числе в рамках уголовного преследования в любых его формах [Постановление КС РФ № 11-П, 2000].

Применительно к лицам, вовлечённым в экстрадиционные процедуры, Конституционный Суд РФ в Определении от 4 апреля 2006 г. № 101-О указал, что меры пресечения к экстрадируемым не могут применяться вне порядка, предусмотренного УПК РФ для подозреваемых и обвиняемых [Определение КС РФ № 101-О, 2006]. Тем самым

Конституционный Суд РФ распространил гарантии права на защиту на категорию лиц, чей процессуальный статус в уголовном судопроизводстве определён недостаточно.

Вместе с тем практика свидетельствует о том, что позиции Конституционного Суда РФ не всегда воспринимаются нижестоящими судами и правоприменителями. На стадии доследственной проверки лицо, в отношении которого она проводится, формально не является ни подозреваемым, ни обвиняемым, что нередко используется как основание для отказа в допуске адвоката. В частности, Н.А. Логинов констатирует, что на практике такое лицо не обладает какими-либо процессуальными правами и при этом отсутствует обязанность должностных лиц уведомлять его о проведении проверки [Определение КС РФ № 101-О, 2006].

Показательна в этом отношении правовая позиция, выраженная в Постановлении от 01 октября 2024 г. № 42-П, в котором Конституционный Суд РФ указал, что когда лицо содействовало правоохранительным органам ещё до возбуждения уголовного дела, его права и законные интересы могут быть затронуты деятельностью, которая хотя и не является частью уголовного преследования, но по сути неразрывно с ним связана [Постановление КС РФ № 42-П, 2024]. Данная позиция расширяет временные границы действия процессуальных гарантий, распространяя их на период, предшествующий возбуждению уголовного дела.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что Конституционный Суд РФ фактически выполняет функцию средства восполнения пробелов уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения прав лиц с неопределённым процессуальным статусом. Каждое из рассмотренных решений представляет собой реакцию на конкретное нарушение прав, обусловленное дефицитом нормативного регулирования.

При этом складывается модель, при которой противоречия правоприменения устраняются Конституционным Судом РФ уже после того, как конкретное лицо уже испытало ограничение прав и прошло все инстанции судебной системы. Залогодатель С.А. Филиппов ожидал возврата денежных средств более восьми лет; гражданин А.С. Ткаченко, содействовавший изобличению лица, совершившего коррупционное преступление, был лишён статуса потерпевшего на протяжении всего производства по делу; собственники имущества, арестованного в рамках уголовных дел, на протяжении длительного времени были лишены эффективных средств судебной защиты.

Как отмечается в научной литературе, процессуальные гарантии должны соответствовать характеру охраняемого интереса [Волколуп, Чупилкин, 2005], а их действие должно начинаться с момента фактического вовлечения лица в сферу уголовного судопроизводства, а не с момента формального признания его участником [Гладышева, 2013]. Эти теоретические положения полностью согласуются с доктриной Конституционного Суда РФ, однако на уровне отраслевого законодательства системной реализации не получили.

С учётом множества правовых позиций Конституционного Суда РФ, сформированных за более чем два десятилетия, суды общей юрисдикции должны ими руководствоваться при рассмотрении конкретных дел. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что обеспечение гарантированных Конституцией РФ прав и свобод в уголовном судопроизводстве обусловлено не процессуальным признанием лица тем или иным участником, а наличием определённых сущностных признаков, характеризующих фактическое положение лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права [Постановление КС РФ № 11-П, 2000]. Данная позиция была последовательно подтверждена и развита в Постановлении от 01 октября 2024 г. № 42-П, указавшем, что оставление лица без надлежащего процессуального статуса неоправданно ограничивает его доступ к правосудию [Постановление КС РФ № 42-П, 2024].

Тем не менее практика показывает, что правоприменители не во всех случаях руководствуются данным позициям. Как отмечает И.Р. Хроменков, суды первой инстанции нередко отказывают в принятии или рассмотрении жалоб лиц, не обладающих процессуальным статусом, тогда как вышестоящие суды последовательно корректируют данную практику [Хроменков, 2022]. В научной литературе В.А. Семенцов и О.В. Гладышева подчёркивают, что судебная деятельность в досудебном производстве имеет самостоятельное значение и не может быть ограничена формальными критериями определения круга лиц, имеющих право на обращение в суд [Хроменков, 2022]. Кроме того, Э.Р. Миргородская обращает внимание на необходимость расширения предмета судебного контроля на стадии возбуждения уголовного дела [Хроменков, 2022].

Ситуация, при которой все противоречия в правоприменении в отношении участников с неопределённым процессуальным статусом приходится устранять Конституционному Суду РФ, свидетельствует о наличии системного пробела в законодательстве. Как справедливо указывает А.А. Давлетов, отсутствие норм о правах указанных участников объясняется тем, что исторически их роль считалась незначительной, и полагалось, что общих гарантий достаточно [Давлетов, 2015]. Однако современные подходы требуют иного решения.

Анализ рассмотренных постановлений Конституционного Суда РФ позволяет выделить ряд общих принципов, которые, по существу, составляют единую доктрину: во-первых, объём гарантий определяется фактическим положением лица, а не процессуальным статусом (Постановление от 27.06.2000 № 11-П); во-вторых, ограничение имущественных прав третьих лиц должно сопровождаться эффективным механизмом судебной защиты (Постановление от 17.12.2025 № 46-П [Постановление КС РФ № 46-П, 2025]); в-третьих, бессрочное применение мер, затрагивающих права лиц без процессуального статуса, недопустимо (Постановление от 17.06.2021 № 29-П [Постановление КС РФ № 29-П, 2021]); в-четвёртых, компенсационные механизмы должны обеспечивать возмещение вреда (Постановление от 13.05.2021 № 18-П [Постановление КС РФ № 29-П, 2021]); в-пятых, лицо, содействующее правосудию, не может быть лишено процессуальных прав в силу формальных критериев (Постановление от 01.10.2024 № 42-П [Постановление КС РФ № 42-П, 2024]).

Совокупность указанных принципов создаёт основу для формирования минимального набора прав лиц с неопределённым процессуальным статусом, включающего: право на информирование о принятых процессуальных решениях, затрагивающих права и законные интересы лица; право на участие в рассмотрении вопросов, связанных с ограничением прав или свобод; право на обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц; право на помощь адвоката с момента фактического вовлечения в производство; право на возмещение вреда, причинённого незаконными процессуальными действиями.

Данные права, по существу, уже вытекают из правовых позиций Конституционного Суда РФ, однако их закрепление в качестве общей нормы УПК РФ позволило бы суды и правоприменительные органы сориентировать в вопросе об объёме правомочий таких лиц, обеспечить единообразие правоприменения и уменьшить объём обращений в Конституционный Суд РФ, которому не пришлось бы неоднократно возвращаться к разрешению аналогичных вопросов. Как справедливо отмечает О.С. Морозова, оптимизация состава участников уголовного досудебного производства является актуальной задачей законодателя [Морозова, 2024б].

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Конституционный Суд Российской Федерации на протяжении более двух десятилетий последовательно формирует доктрину защиты прав лиц с неопределённым процессуальным статусом в уголовном судопроизводстве. Центральным элементом этой доктрины является принцип приоритета фактического положения лица над его процессуальным статусом, впервые сформулированный в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П и получивший развитие в последующей практике.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ охватывают широкий спектр вопросов: от права на юридическую помощь на стадии доследственной проверки до защиты имущественных прав собственников арестованного имущества, от прав залогодателя до компенсационных гарантий реабилитированных лиц. В каждом из рассмотренных случаев Конституционный Суд РФ указывал, что пробелы правового регулирования не могут служить основанием для лишения лица возможности защищать свои права.

Вместе с тем необходимо констатировать, что действующая модель, при которой правовая неопределённость устраняется преимущественно посредством конституционного правосудия, имеет восстановительный характер и является недостаточно эффективной. Каждое обращение в Конституционный Суд РФ предполагает, что лицо уже подверглось нарушению прав, исчерпало иные средства правовой защиты и затратило значительное время и ресурсы. Сложившаяся практика свидетельствует о необходимости системного законодательного решения, которое бы закрепило минимальный набор процессуальных прав для лиц, фактически вовлечённых в уголовное судопроизводство, но не наделённых процессуальным статусом.

Такое решение не подменяло бы деятельность Конституционного Суда, а, напротив, обеспечивало бы реализацию тех принципов, которые Конституционный Суд РФ последовательно формулирует, на уровне отраслевого законодательства. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в данной сфере создают для этого необходимую и достаточную доктринальную основу.

Библиография

1. Баландок О.В. (2014). Исполнение обязательств залогодателем при реализации ст. 106 УПК РФ. Научный вестник Омской академии МВД России, 1 (52), 56–62.
2. Витрук Н.В. (2005). Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. Москва: Норма.
3. Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. (2005). Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации (2-е изд.). Краснодар: Кубанский государственный университет.
4. Гладышева О.В. (2013). Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Автореферат диссертации доктора юридических наук. Москва.
5. Давлетов А.А. (2015). Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела. Российский юридический журнал, 4 (103), 61–67.
6. Закомолдин А.В. (2018). Личное поручительство в системе мер пресечения: проблемы правоприменения. Jus strictum, 4, 10–14.
7. Ковтун Н.Н., Ярцев Р.В. (2008). Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ) (2-е изд.). Нижний Новгород.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
9. Логинов Н.А. (2019). Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах – членах СНГ. Диссертация кандидата юридических наук. Москва.
10. Марфицин П.Г. (1993). Участники уголовного процесса с неопределённым правовым положением. В Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы правоприменительной деятельности (с. 22–28). Омск:

Омская высшая школа милиции МВД России.

11. Миргородская Э.Р. (2024). Судебный порядок рассмотрения жалоб на стадии возбуждения уголовного дела. Диссертация кандидата юридических наук. Челябинск.
12. Морозова О.С. (2024а). Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 1 (101), 125–132.
13. Морозова О.С. (2024б). Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства. Сибирское юридическое обозрение, 21 (2), 260–270.
14. Мурылева-Казак В.В. (2023). Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства. Диссертация кандидата юридических наук. Москва.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 101-О.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1551-О-О.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 18-П.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2021 № 29-П.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.10.2024 № 42-П.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2025 № 46-П.
22. Семенцов В.А., Гладышева О.В. (2012). Сущность и направления судебной деятельности в досудебном уголовном производстве. Вестник ЮУрГУ. Серия «Право», 7, 60–65.
23. Смолькова И.В. (2017). Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом. Известия Байкальского государственного университета, 27 (2), 207–215.
24. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025).
25. Федеральный закон от 07.10.2022 № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».
26. Федюнин А.Е., Перетягко Ю.В. (2020). Обеспечение прав и законных интересов реабилитированного как участника уголовного судопроизводства. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 31 (2), 275–284.
27. Хроменков И.Р. (2022). Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства. Диссертация кандидата юридических наук. Москва.

The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in Forming Legal Positions on the Protection of the Rights of Persons with Indeterminate Procedural Status

Vitalii V. Lebin

Advocate,
Moscow Bar Association "AdvoPro",
Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Qwerty5L@mail.ru

Abstract

The article examines the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in forming legal positions aimed at protecting the rights of persons who are actually involved in criminal proceedings but are not endowed with a specific procedural status under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on an analysis of key rulings and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (No. 11-P of 27.06.2000, No. 18-P of 13.05.2021, No. 29-P of 17.06.2021, No. 42-P of 01.10.2024, No. 46-P of 17.12.2025), the main doctrinal approaches guiding the Constitutional Court of the Russian Federation in resolving issues

concerning the rights of these persons are identified. It is shown that the Constitutional Court of the Russian Federation consistently forms a doctrine prioritizing the actual position of a person over their procedural status. The conclusion is drawn about the need for a systematic legislative solution that would establish a minimum set of rights for persons with indeterminate procedural status, which would reduce the volume of appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation and ensure uniformity in law enforcement.

For citation

Lebin V.V. (2026) Rol' Konstitutsionnogo Suda RF v formirovanii pravovykh pozitsiy po zashchite prav lits s neopredelyonnym protsessual'nym statusom [The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in Forming Legal Positions on the Protection of the Rights of Persons with Indeterminate Procedural Status]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 94-104. DOI: 10.34670/AR.2026.79.21.010

Keywords

Constitutional Court of the Russian Federation, legal positions, indeterminate procedural status, participants in criminal proceedings, protection of rights, judicial control, criminal procedure, legal certainty, access to justice.

References

1. Balandyuk, O.V. (2014). Ispolnenie obyazatel'stv zalogodatelem pri realizatsii st. 106 UPK RF [Execution of the pledgor's obligations under Article 106 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, 1(52), 56–62.
2. Constitutional Court of the Russian Federation. (2000). *Postanovlenie № 11-P ot 27.06.2000* [Judgment No. 11-P of June 27, 2000].
3. Constitutional Court of the Russian Federation. (2006). *Opredelenie № 101-O ot 04.04.2006* [Ruling No. 101-O of April 4, 2006].
4. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011). *Opredelenie № 1551-O-O ot 17.11.2011* [Ruling No. 1551-O-O of November 17, 2011].
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2021). *Postanovlenie № 18-P ot 13.05.2021* [Judgment No. 18-P of May 13, 2021].
6. Constitutional Court of the Russian Federation. (2021). *Postanovlenie № 29-P ot 17.06.2021* [Judgment No. 29-P of June 17, 2021].
7. Constitutional Court of the Russian Federation. (2024). *Postanovlenie № 42-P ot 01.10.2024* [Judgment No. 42-P of October 1, 2024].
8. Constitutional Court of the Russian Federation. (2025). *Postanovlenie № 46-P ot 17.12.2025* [Judgment No. 46-P of December 17, 2025].
9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote of July 1, 2020).
10. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended of February 28, 2025).
11. Davletov, A.A. (2015). Problema statusa ugovovno-presleduemogo litsa v stadii vzbuzhdeniya ugovovnogo dela [The problem of the status of a criminally prosecuted person at the stage of initiating a criminal case]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 4(103), 61–67.
12. Federal Law No. 383-FZ of October 7, 2022 “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”.
13. Fedunin, A.E., & Peretyat'ko, Yu.V. (2020). Obespechenie prav i zakonnykh interesov reabilitirovannogo kak uchastnika ugovovnogo sudoproizvodstva [Ensuring the rights and legitimate interests of a rehabilitated person as a participant in criminal proceedings]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 31(2), 275–284.
14. Gladysheva, O.V. (2013). Teoreticheskaya model' mekhanizmov obespecheniya prav i zakonnykh interesov cheloveka i grazhdanina v ugovovnom sudoproizvodstve [Theoretical model of mechanisms for ensuring the rights and legitimate

- interests of a person and citizen in criminal proceedings]. Abstract of Doctoral dissertation. Moscow.
15. Khromenkov, I.R. (2022). Obespechenie sudopravovykh interesov v dosudebnykh stadiyakh rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva [Judicial protection of legal interests in the pre-trial stages of Russian criminal proceedings]. PhD dissertation. Moscow.
 16. Kovtun, N.N., & Yartsev, R.V. (2008). Sudebnyy kontrol' za zakonnost'yu i obosnovannost'yu deystviy i resheniy dolzhnostnykh lits, osushchestvlyayushchikh ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii [Judicial control over the legality and validity of actions and decisions of officials conducting criminal proceedings in Russia] (2nd ed.). Nizhny Novgorod.
 17. Loginov, N.A. (2019). Obespechenie prava na zashchitu v stadii возбуждения уголовного дела в Rossiyskoy Federatsii i inykh gosudarstvakh – chlenakh SNG [Ensuring the right to defense at the stage of initiating a criminal case in the Russian Federation and other CIS member states]. PhD dissertation. Moscow.
 18. Marfitsin, P.G. (1993). Uchastniki ugolovnogo protsessa s neopredelennym pravovym polozheniem [Participants in criminal proceedings with undefined legal status]. In *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie problemy pravoprimenitel'noy deyatel'nosti* (pp. 22–28). Omsk: Omsk Higher School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
 19. Mirgorodskaya, E.R. (2024). Sudebnyy poryadok rassmotreniya zhalob na stadii возбуждения уголовного дела [Judicial procedure for considering complaints at the stage of initiating a criminal case]. PhD dissertation. Chelyabinsk.
 20. Morozova, O.S. (2024a). Uchastniki stadii predvaritel'nogo rassledovaniya s neopredelennym protsessual'nym statusom [Participants in the pre-trial investigation stage with undefined procedural status]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1(101), 125–132.
 21. Morozova, O.S. (2024b). Optimizatsiya sostava uchastnikov ugolovnogo dosudebnogo proizvodstva [Optimization of the composition of participants in pre-trial criminal proceedings]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 21(2), 260–270.
 22. Muryleva-Kazak, V.V. (2023). Protsessual'nye sredstva zashchity imushchestvennykh prav lits, ne yavlyayushchikhsya uchastnikami ugolovnogo sudoproizvodstva [Procedural means of protecting property rights of persons who are not participants in criminal proceedings]. PhD dissertation. Moscow.
 23. Sementsov, V.A., & Gladysheva, O.V. (2012). Sushchnost' i napravleniya sudebnoy deyatel'nosti v dosudebnom ugolovnom proizvodstve [The essence and directions of judicial activity in pre-trial criminal proceedings]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo»*, 7, 60–65.
 24. Smolkova, I.V. (2017). Uchastniki ugolovnogo sudoproizvodstva s neopredelennym protsessual'nym statusom [Participants in criminal proceedings with undefined procedural status]. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 27(2), 207–215.
 25. Vitruk, N.V. (2005). Konstitutsionnoe pravosudie. Sudebno-konstitutsionnoe pravo i protsess [Constitutional justice. Judicial constitutional law and procedure]. Moscow: Norma.
 26. Volkolup, O.V., & Chupilkin, Yu.B. (2005). Garantii prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii [Guarantees of the rights of participants in criminal proceedings of the Russian Federation] (2nd ed.). Krasnodar: Kuban State University.
 27. Zakomoldin, A.V. (2018). Lichnoe poruchitel'stvo v sisteme mer presecheniya: problemy pravoprimeneniya [Personal surety in the system of preventive measures: problems of law enforcement]. *Jus strictum*, 4, 10–14.

УДК 35.08

DOI: 10.34670/AR.2026.62.25.011

Тенденции изменения личности государственного служащего под влиянием сетевизации механизма государства

Ахrameев Павел Сергеевич

Аспирант кафедры теории государства и права,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: akhrameev.pavel130@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье исследуется трансформация личности государственного служащего под влиянием цифровизации и сетевизации государственного управления. Автор обращается к эволюции теоретических моделей государственного служащего от классической веберовской до современных сетевых концепций. Особое внимание уделяется анализу цифровых компетенций и личностных качеств государственного служащего в сетевой среде, а также выявлению рисков технократии. Исследование обозначенного предмета осуществляется на основе использования системного, сравнительно-правового, историко-правового, диалектического и междисциплинарного методов. Актуальность поставленной проблематики обосновывается изменением социально-политических и технологических процессов под влиянием сетевизации, а также широким внедрением информационно-коммуникационных технологий в систему публичного управления. Новизна исследования раскрывается в системном анализе личности государственного служащего в цифровую эпоху в условиях сетевизации процессов государственного управления и рисков становления технократии. В результате проведенного анализа формулируется вывод о необходимости формирования государственного служащего нового типа — медиатора и интегратора в распределённой сети, сохраняющего баланс между технологической компетентностью, критической рефлексией и ориентацией на ценности открытого публичного управления.

Для цитирования в научных исследованиях

Ахrameев П.С. Тенденции изменения личности государственного служащего под влиянием сетевизации механизма государства // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 105-112. DOI: 10.34670/AR.2026.62.25.011

Ключевые слова

Государственная служба, государственный служащий, цифровизация, сетевизация, цифровые компетенции, научность, технократия, цифровая элита, нетократия, децентрализация, управление на основе данных, доказательная политика.

Введение

Цифровизация и сетевизация общественных отношений становятся фундаментальными факторами трансформации системы государственного управления. Информационно-коммуникационные технологии, цифровые платформы и алгоритмические системы изменяют не только формы взаимодействия государства и общества, но и роль, требования к первичному субъекту управления — государственному служащему.

Если ранее в научной литературе акцент преимущественно делался на внедрении электронного документооборота и автоматизации процедур, то сегодня перед исследователями всё чаще встают проблемы изменения статуса, компетенций и ценностных ориентиров служащего. В этом контексте актуально осмысление того, как цифровизация и сетевизация переформатируют личность государственного служащего, какие требования предъявляются к его профессиональным и личностным качествам, а также какие риски возникают на этом пути.

Объект исследования статьи — это общественные отношения, складывающиеся в процессе трансформации личности государственного служащего под влиянием цифровизации и сетевизации. Предмет — теоретические модели, нормативные требования и практические подходы к формированию служащего нового типа, а также риски концентрации власти в руках технократической цифровой элиты.

Цель статьи: выявление основных направлений трансформации личности государственного служащего и обоснование необходимости сочетания принципа научности с сетевыми механизмами как условия предотвращения технократического перекося и сохранения децентрализации государственного управления.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы: диалектический, системно-структурный, функциональный, анализ и синтез, а также частнонаучные методы, такие как историко-правовой и сравнительно-правовой. Применение указанных методов обусловлено междисциплинарным характером работы.

Основное исследование

Государственный служащий является ключевым звеном механизма государства. От его статуса, компетенций и ценностных установок зависит эффективность публичного управления. В связи с чем, вопрос определения личности служащего является крайне важным и дискуссионным.

В Российской Федерации основные дефиниции закреплены в Федеральном законе «О системе государственной службы Российской Федерации» [Федеральный закон № 58-ФЗ, 2003] и Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Федеральный закон № 79-ФЗ, 2004]. Статья 10 первого закона определяет федерального государственного служащего как гражданина, осуществляющего профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы за счёт средств федерального бюджета. Далее рассматривается только гражданская служба. Согласно ст. 3 закона о гражданской службе, гражданский служащий — гражданин, взявший обязательства по прохождению гражданской службы, осуществляющий деятельность на должности в соответствии с актом о назначении и служебным контрактом, получающий денежное содержание из федерального или регионального бюджета [Федеральный закон № 79-ФЗ, 2004].

Из теоретиков более широкого подхода придерживается

Г.В. Атаманчук, характеризующий гражданских служащих как категорию людей, специально подготовленных и профессионально занятых в формировании и реализации государственно-управляющих воздействий, в отличие от персонала, обеспечивающего суверенитет (оборона, безопасность) или занятого в социальной сфере [Атаманчук, 2010, с. 327].

Важно разграничение понятий «государственный служащий», «должностное лицо» и «государственная должность». Российское законодательство не содержит единого акта, дающего их определения, но из анализа ст. 2.4 КоАП РФ [КоАП РФ, 2001] и примечания к ст. 285 УК РФ [УК РФ, 1996] следует, что должностное лицо — лицо, осуществляющее функции представителя власти либо организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в органах публичной власти. Следовательно, не все государственные служащие являются должностными лицами (например, технические исполнители), и не все должностные лица государственными служащими (например, руководители унитарных предприятий).

Более удачным в терминологическом плане представляется подход Модельного закона СНГ «Об основах государственной службы», который чётко разделяет государственные должности государственной власти, государственные должности государственной службы, государственных служащих, служащих (технических исполнителей) и должностных лиц [Постановление 11-го пленарного заседания МПА СНГ, 1998]. Этот подход может быть использован как ориентир для нормативных изменений.

В научной литературе выделяются различные классификации служащих, к примеру, по административно-правовым критериям (представители власти, должностные лица, технические исполнители), по функциональным признакам (руководители, специалисты, обеспечивающие специалисты).

Классическая модель, восходящая к рациональной бюрократии

М. Вебера, базируется на иерархичности, формализации и регламентированности. Однако на рубеже XX–XXI веков стало очевидным, что жёсткая иерархия и приоритет формальных процедур противоречат требованиям к госаппарату в условиях сетевого общества. Как отмечает

В.А. Бродская, новая цифровая модель госуправления формируется по аналогии с IT-корпорациями, заимствуя гибкость, проектное управление, ориентацию на результат [Бродская, 2026].

В России базовые требования к знаниям и умениям в сфере ИКТ закреплены в Справочнике квалификационных требований [Справочник квалификационных требований] и Методическом инструментарии [Методический инструментарий, версия 4.0]. Служащие должны знать: навыки работы с ПК, основы информационной безопасности, законодательство о персональных данных и электронной подписи, принципы электронного документооборота. Однако, как указывают Н.С. Карапетян и Е.Н. Каунов, эти требования носят общий характер и не отвечают потребностям цифровой экономики [Карапетян, Каунов, 2020, с. 998].

Т.А. Магаева и С.Н. Ревина предлагают более структурированную трёхуровневую модель цифровых компетенций: базовый для младших должностей (навыки работы с ПК, основы информационной безопасности, знание законодательства); продвинутый для старших должностей (работа с системами межведомственного взаимодействия, электронного документооборота, базами данных, нормативно-правовыми информационными системами); специальный, обусловленный спецификой органа власти и должности (например, работа с системой госзакупок) [Магаева, Ревина, 2022, с. 90].

При этом важно подчеркнуть, что цифровые компетенции не сводятся к техническим

навыкам («hard skills»). Особое значение приобретают «soft skills»: критическое мышление, креативность, адаптивность, эмоциональный интеллект, коммуникативные навыки. Важным направлением кадровой политики является профессиональное развитие и переподготовка служащих, предусмотренные Паспортом проекта «Кадры для цифровой экономики» [9]. Значимую роль играет портал «Госслужба» (ФГИС ЕИСУКС), обеспечивающий доступ к информации о вакансиях, профессиональном развитии и формирование цифрового профиля служащего [Портал государственной гражданской службы].

Однако формирование цифровых компетенций сопряжено и с рисками: утрата профессиональной автономии, превращение служащего в оператора цифровых систем, размывание ответственности, опасность возникновения замкнутой технократической элиты.

Одним из способов минимизации рисков является принцип научности.

В теории государства и права он традиционно рассматривается как базовый принцип, обеспечивающий обоснованность и эффективность решений через опору на достижения наук и учёт объективных закономерностей. А.А. Иванова отмечает, что научность следует рассматривать не как внешний ориентир, а как имманентное свойство государственного управления [Иванова, 2018, с. 132].

Цифровая трансформация меняет условия реализации принципа научности. Во-первых, объёмы информации возрастают экспоненциально, требуя внедрения технологий больших данных и ИИ. Во-вторых, знание формируется в «пространстве потоков» [Кастельс, 2000, с. 25], включающем не только госорганы и науку, но и бизнес, гражданское общество, самих граждан.

В-третьих, логика принятия решений смещается к эмпирически обоснованной модели, описываемой концепциями доказательной политики (evidence-based policy) [Pawson, 2006, с. 1] и управления на основе данных (data-driven governance) [Kitchin, 2022].

Однако переход к управлению на основе данных сопряжён с этическими вызовами: алгоритмическая предвзятость (данные не нейтральны, алгоритмы могут воспроизводить заложенные в них искажения [Kitchin, 2022]), нерешённость вопроса распределения ответственности между разработчиком алгоритма, служащим и руководителем, риск дегуманизации управления (технократическое мышление нередко игнорирует гуманитарные аспекты).

Отдельный вопрос — концентрация власти в руках узкой группы специалистов, обладающих доступом к технологическим ресурсам: технократов или «нетократов». В широком смысле технократия определяется как система управления, находящаяся под контролем специалистов в области науки и техники [Cambridge Dictionary]. Большая советская энциклопедия характеризует технократию более критически, как сообщество инженерно-технической интеллигенции, вытесняющее традиционных субъектов власти, как движущую роль общественного прогресса [Васильчук, Большая Советская Энциклопедия].

Для целей статьи важно отметить, что технократическая модель вступает в противоречие с базовыми принципами сетевизации описанным

М. Кастельсом, Я. ван Дейком и другими сторонниками сетевой теории (децентрализация, горизонтальные связи, открытость). Сетевизация предполагает изменение характера управленческих процессов, но не организационной формы, цифровые технологии выступают инструментальными средствами, а не самоцелью.

При этом в российском дискурсе теория технократии становится всё более актуальной, формируются отдельные сообщества её сторонников, разрабатываются концептуальные и программные подходы, такие как идея созидательной технократии [Заборцев, 2020, с. 27], хотя

прямого перехода власти к технологическим специалистам пока не наблюдается.

Здесь, как раз, принцип научности выступает механизмом, препятствующим технократическому перекосу, поскольку подразумевает не только технологическую компетентность, но и критическую рефлексию, понимание социальных и этических последствий решений.

Проведённый анализ позволяет сформулировать направления совершенствования отечественного правового регулирования. Предлагается дополнить существующие нормативные квалификационные требования детальным разделением на уровни: базовый (для низовых должностей), продвинутый (для старших служащих) и специальный (для специализированных органов). В требования следует включить помимо профессиональных компетенций («hard skills») перечень личностных качеств («soft skills»): критическое мышление, адаптивность, коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект.

Особое внимание предлагается уделить механизмам оценки эффективности служащих, включая обязательную независимую научную экспертизу нормативных правовых актов и крупных управленческих проектов. Этому также поспособствует совершенствование открытости управления путём интеграции портала «Госслужба» с другими ГИС (портал «Госуслуги», ЕСИА, ведомственные системы) для формирования полноценного цифрового профиля служащего.

Для развития сетевого взаимодействия предлагается на федеральном уровне закрепить возможность создания межведомственных проектных команд с определением их правового статуса и ответственности через типовые положения о проектных офисах, использующих цифровые платформы совместной работы. Сетевизацию вне аппарата предлагается развивать путём нормативного закрепления порядка взаимодействия служащих с экспертами, научным сообществом, бизнесом и НКО в рамках сетевых форматов (совещательные органы, экспертные группы, краудсорсинговые платформы).

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что цифровизация и сетевизация закономерно трансформируют личность государственного служащего. Классическая веберовская модель утрачивает исключительность, уступая место новой модели, требующей развитых цифровых компетенций, аналитического мышления, способности к горизонтальному взаимодействию и постоянному саморазвитию.

Анализ нормативных требований и научных подходов показывает необходимость уровневого разделения цифровых компетенций и их дополнения личностными качествами. Принцип научности в цифровую эпоху превращается в ключевую характеристику управленческой деятельности, предполагающую верификацию знаний, работу с большими данными, критическую оценку алгоритмов и сохранение «человечности», что может стать противовесом технократическому перекосу.

Особое внимание уделено риску концентрации власти в руках узкой цифровой элиты. Формирование замкнутой технократической прослойки противоречит сущности сетевизации, основанной на децентрализации и расширении круга участников управления.

В итоге обосновывается вывод о необходимости формирования государственного служащего нового типа — участника распределённой сети, сочетающего технологическую компетентность с критической самооценкой и ориентацией на ценности сетевого

взаимодействия.

Библиография

1. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : учебник / Г.В. Атаманчук. — Москва : Издательство «Омега-Л», 2010. — 525 с.
2. Бродская В. А. Повышение престижа государственной гражданской службы в условиях цифровой трансформации / В. А. Бродская // Издательство «Молодой учёный» : сайт. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/429/17027> .
3. Васильчук Ю.А. Технократические теории / Ю.А. Васильчук // Большая Советская Энциклопедия : сайт. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/139526/Технократические> .
4. Заборцев П.Г. Созидательная технократия. Новая эпоха возможностей / П.Г. Заборцев. — Москва : Человек слова, 2020. — URL: <https://www.litres.ru/book/petr-grigorevich-zab/sozidatel'naya-tehnokratiya-novaya-epoha-vozmozhnostey-51851439/> .
5. Иванова А.А. Научные основы государственного и муниципального управления : учебное пособие / А.А. Иванова. — Ижевск : ИЭиУ ФГБОУ ВО «УдГУ», 2018. — 52 с.
6. Карапетян Н. С. Трансформация компетенций государственных служащих в условиях развития цифровых технологий / Н. С. Карапетян, Е. Н. Каунов // Креативная экономика. — 2020. — Т. 14, № 6. — С. 993-1010.
7. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — Москва : ГУ ВШЭ, 2000. — 606 с.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
9. Магаева Т.А. Трансформация компетенций государственных служащих в условиях цифровизации государственного управления / Т.А. Магаева, С.Н. Ревина // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 6-5 (120). — С. 162-169.
10. Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. Версия 4.0 // СПС «КонсультантПлюс». — Документ официально не опубликован.
11. Портал государственной гражданской службы : сайт. — URL: <https://g7ssluzhba.gov.ru/?mobile=1> .
12. Постановление 11-го пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 11-5 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. — 1998. — № 18. — С. 103-128.
13. Протокол Президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28.05.2019 № 9 // СПС «КонсультантПлюс». — Документ официально не опубликован.
14. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. — 31.08.2020. — № 35. — Ст. 5593.
15. Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки (к укрупненным группам специальностей и направлений подготовки), к профессиональному уровню, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих // СПС «КонсультантПлюс». — Документ официально не опубликован.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
17. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 02.06.2003. — № 22. — Ст. 2063.
18. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 02.08.2004. — № 31. — Ст. 3215.
19. Cambridge Dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/> .
20. Kitchin R. The Data Revolution: A Critical Analysis of Big Data, Open Data and Data Infrastructures / R. Kitchin. — London : SAGE Publications Ltd, 2022. — 376 p. — URL: https://se.moevm.info/lib/exe/fetch.php/courses:smart_data:the_data_revolution_big_data_open_data_data_infrastructures_and_their_consequences_by_rob_kitchin_z-lib.org_.pdf .
21. Pawson R. Evidence-Based Policy: A Realist Perspective / R. Pawson. — London : SAGE Publications Ltd, 2006. — 208 p.

Trends in the Transformation of the Civil Servant's Personality under the Influence of the Networking of the State Mechanism

Pavel S. Akhrameev

Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: akhrameev.pavel130@gmail.com

Abstract

This article examines the transformation of the civil servant's personality under the influence of digitalization and the networking of public administration. The author addresses the evolution of theoretical models of the civil servant from the classical Weberian model to modern network concepts. Special attention is paid to the analysis of digital competencies and personal qualities of a civil servant in a network environment, as well as to the identification of the risks of technocracy. The study of the indicated subject is carried out based on the use of systemic, comparative-legal, historical-legal, dialectical, and interdisciplinary methods. The relevance of the identified issues is substantiated by changes in socio-political and technological processes under the influence of networking, as well as by the widespread introduction of information and communication technologies into the public administration system. The novelty of the research is revealed in a systematic analysis of the personality of a civil servant in the digital era under the conditions of networking of public administration processes and the risks of the emergence of technocracy. As a result of the analysis, a conclusion is formulated about the need to form a new type of civil servant — a mediator and integrator in a distributed network, maintaining a balance between technological competence, critical reflection, and a focus on the values of open public administration.

For citation

Akhrameev P.S. (2026) Tendentsii izmeneniya lichnosti gosudarstvennogo sluzhashchego pod vliyaniem setevizatsii mekhanizma gosudarstva [Trends in the Transformation of the Civil Servant's Personality under the Influence of the Networking of the State Mechanism]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 105-112. DOI: 10.34670/AR.2026.62.25.011

Keywords

Civil service, civil servant, digitalization, networking, digital competencies, scientificity, technocracy, digital elite, netocracy, decentralization, data-driven management, evidence-based policy.

References

1. Akhrameev, P. S. (2026) Tendentsii izmeneniya lichnosti gosudarstvennogo sluzhashchego pod vliyaniem setevizatsii mekhanizma gosudarstva [Trends in the personality change of a civil servant under the influence of the networking of the state mechanism]. [Manuscript].
2. Atamanchuk, G. V. (2010). Teoriya gosudarstvennogo upravleniya [Theory of public administration]. Omega-L.
3. Brodskaya, V. A. (2026) Povysheniye prestizha gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby v usloviyakh tsifrovoy

- transformatsii [Increasing the prestige of the state civil service in the context of digital transformation]. Molodoy uchyonyy. <https://moluch.ru/conf/law/archive/429/17027>
4. Cambridge Dictionary. (n.d.). <https://dictionary.cambridge.org/>
 5. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ. (2001). Collection of Legislation of the Russian Federation, 1(1), art. 1.
 6. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ. (1996). Collection of Legislation of the Russian Federation, 25, art. 2954.
 7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2129-r "On approval of the Concept for the Development of Regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024". (2020). Collection of Legislation of the Russian Federation, 35, art. 5593.
 8. Federal Law No. 58-FZ "On the Civil Service system of the Russian Federation". (2003). Collection of Legislation of the Russian Federation, 22, art. 2063.
 9. Federal Law No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation". (2004). Collection of Legislation of the Russian Federation, 31, art. 3215.
 10. Handbook of qualification requirements for specialties, areas of training, to the professional level that are necessary to fill positions in the public civil service. (n.d.). ConsultantPlus.
 11. Ivanova, A. A. (2018). Nauchnyye osnovy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Scientific foundations of state and municipal management]. IEiU UdGU.
 12. Karapetyan, N. S., & Kaunov, E. N. (2020). Transformatsiya kompetentsiy gosudarstvennykh sluzhashchikh v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy [Transformation of civil servants' competencies in the context of digital technology development]. Kreativnaya ekonomika, 14(6), 993-1010.
 13. Kitchin, R. (2022). The Data Revolution: A Critical Analysis of Big Data, Open Data and Data Infrastructures. SAGE Publications.
 14. Magaeva, T. A., & Revina, S. N. (2022). Transformatsiya kompetentsiy gosudarstvennykh sluzhashchikh v usloviyakh tsifrovizatsii gosudarstvennogo upravleniya [Transformation of civil servants' competencies in the context of digitalization of public administration]. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal, 6-5(120), 162-169.
 15. Makeev, S. V. (2008). Kontseptsii tekhnokratizma: istoriko-filosofskiy analiz [Concepts of technocratism: historical and philosophical analysis] (Doctoral dissertation abstract).
 16. Methodological tools for establishing qualification requirements for filling positions in the state civil service. Version 4.0. (n.d.). ConsultantPlus.
 17. Pawson, R. (2006). Evidence-Based Policy: A Realist Perspective. SAGE Publications.
 18. Portal of the State Civil Service. (n.d.). <https://g7ssluzhba.gov.ru/?mobile=1>
 19. Protocol of the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions No. 9. (2019). ConsultantPlus.
 20. Resolution of the 11th Plenary Session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States 11-5. (1998). Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, 18, 103-128.
 21. Vasilchuk, Yu. A. (n.d.). Tekhnokraticheskiye teorii [Technocratic theories]. In Great Soviet Encyclopedia. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/139526/Технократические>
 22. Zabortsev, P. G. (2020). Sozidatel'naya tekhnokratiya. Novaya epokha vozmozhnostey [Creative technocracy. A new era of opportunities]. Chelovek slova.

УДК 342.55

DOI: 10.34670/AR.2026.25.40.012

Цифровизация муниципального управления в условиях формирования информационного государства: правовые проблемы и перспективы развития

Пестова Мария Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Заведующий кафедрой менеджмента и торгового дела,
Российский университет кооперации,
141014, Российская Федерация, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30;
e-mail: m.s.pestova@ruc.su

Страхов Игорь Андреевич

Старший преподаватель,
кафедра менеджмента и торгового дела,
Российский университет кооперации,
Академик Российской муниципальной академии,
Российский университет кооперации,
141014, Российская Федерация, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30;
e-mail: iastr96@mail.ru

Аннотация

В работе рассматриваются правовые аспекты цифровой трансформации системы муниципального управления в условиях становления информационного государства. Исследование направлено на выявление ключевых нормативных затруднений, возникающих при внедрении информационных технологий в деятельность органов местного самоуправления, а также на анализ институциональных условий развития цифровых механизмов управления на муниципальном уровне. Основное внимание сосредоточено на регулировании электронного взаимодействия органов власти и населения, развитии цифровых управленческих платформ, модернизации информационной инфраструктуры муниципальных образований и обеспечении правовой определенности при использовании современных технологических решений в публичном администрировании. Проведенный анализ демонстрирует значение цифровых инструментов для повышения эффективности управленческих процедур и формирование новых моделей взаимодействия государства и общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Пестова М.С., Страхов И.А. Цифровизация муниципального управления в условиях формирования информационного государства: правовые проблемы и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 113-118. DOI: 10.34670/AR.2026.25.40.012

Ключевые слова

Муниципальное управление, цифровизация, информационное государство, цифровые технологии, местное самоуправление, правовое регулирование, электронное управление, публичное управление, цифровая трансформация, информационная безопасность.

Введение

Развитие информационного общества сопровождается глубокой модернизацией системы публичной власти. Технологические изменения оказывают значительное влияние на организацию управленческой деятельности, трансформируя традиционные административные процедуры и формируя новые модели взаимодействия органов власти и населения. В научной литературе формирование информационного государства рассматривается как закономерный этап эволюции государственного управления, при котором ключевую роль приобретает управление информационными потоками и цифровыми инфраструктурами [Адилходжаева, 2024].

Муниципальный уровень публичной власти обладает особой спецификой в структуре государственного управления. Решение вопросов местного значения предполагает постоянное взаимодействие органов самоуправления с населением, коммунальными организациями и социальными учреждениями. Подобная институциональная роль обуславливает необходимость оперативного обмена информацией, доступности управленческих процедур и прозрачности административной деятельности. Цифровая трансформация муниципального управления выступает важным инструментом повышения эффективности решения локальных социально-экономических задач.

Основная часть

Внедрение цифровых технологий в деятельность муниципальных органов представляет собой сложный институциональный процесс, включающий модернизацию административных процедур, развитие электронных сервисов и использование автоматизированных систем обработки данных. Электронные платформы управления, цифровые базы муниципальной информации и системы дистанционного взаимодействия с населением позволяют существенно сократить временные затраты на выполнение административных операций и повысить уровень доступности муниципальных услуг. Подобные изменения свидетельствуют о формировании новых принципов публичного администрирования, основанных на использовании цифровых инструментов управления.

Развитие цифровых форм управления непосредственно связано с расширением информационной функции государства. Современные технологические системы обеспечивают сбор, обработку и распространение значительных объемов данных, что позволяет органам власти принимать управленческие решения на основе комплексного анализа социально-экономической информации. Усиление информационной составляющей государственного управления формирует качественно новую модель взаимодействия власти, общества и экономики, в которой информационные ресурсы приобретают стратегическое значение [Хохлова, Переточенкова, 2024].

Цифровая модернизация муниципального управления предполагает внедрение электронных каналов взаимодействия между органами власти и населением. Электронные сервисы

предоставления муниципальных услуг, дистанционные формы подачи обращений граждан и системы электронного документооборота существенно упрощают административные процедуры. Расширение цифровых форм коммуникации повышает уровень открытости муниципальных институтов и способствует укреплению доверия населения к органам местного самоуправления.

Вместе с технологическими преимуществами цифровизация муниципального управления сопровождается рядом правовых и организационных трудностей. Нормативное регулирование цифровых механизмов управления пока сохраняет фрагментарный характер, что создает определенные сложности при внедрении современных информационных систем. В научных публикациях подчеркивается необходимость совершенствования правового регулирования процессов цифровизации муниципального управления, включая разработку единых стандартов функционирования информационных систем и нормативное закрепление цифровых процедур управленческой деятельности [Архиреева, Яковлева, 2025].

Особую актуальность приобретает обеспечение информационной безопасности муниципальных информационных систем. Электронные сервисы предоставления государственных и муниципальных услуг требуют обработки значительных объемов данных, включая персональные данные граждан. Обеспечение информационной безопасности, предотвращение несанкционированного доступа к цифровым базам данных и поддержание функционирования информационной инфраструктуры в устойчивом режиме являются ключевыми условиями для эффективного и надежного функционирования цифровых систем управления.

Практика внедрения цифровых технологий демонстрирует постепенное формирование новых моделей административной деятельности на муниципальном уровне. Электронные порталы государственных и муниципальных услуг получили широкое распространение в большинстве российских регионов. Использование цифровых платформ обеспечивает дистанционное получение справок, регистрацию заявлений, оформление социальных выплат и доступ к муниципальной информации. Подобная система организации административных процедур значительно сокращает бюрократические барьеры и способствует повышению эффективности управления муниципальными процессами.

Дополнительное направление цифровой трансформации связано с внедрением систем электронного документооборота. Автоматизация обработки управленческих документов позволяет контролировать сроки исполнения решений, формировать единую информационную базу муниципального управления и обеспечивать эффективное взаимодействие различных структурных подразделений администрации. Аналитические информационные системы используются для обработки статистических данных, характеризующих социально-экономическое развитие муниципальных территорий, что повышает обоснованность стратегического планирования и управленческих решений.

Существенное значение в условиях цифровизации приобретает развитие механизмов общественного участия в управлении территориальным развитием. Электронные платформы общественных обсуждений, интернет-голосование по вопросам благоустройства городских территорий и цифровые системы инициативного бюджетирования позволяют вовлекать население в процесс принятия управленческих решений. Примером подобной практики служит программа «Вам решать!», реализуемая в муниципальном образовании Нижний Новгород, где жители получают возможность дистанционно выбирать проекты благоустройства, финансируемые из местного бюджета [Страхов, 2025].

Цифровые механизмы участия населения способствуют укреплению общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления и повышению прозрачности управленческих процедур. Вместе с тем функционирование подобных платформ требует четкого нормативного регулирования процедур электронного голосования, подтверждения подлинности результатов и защиты цифровых данных от манипуляций. Отдельное направление цифровой модернизации связано с формированием комплексных информационных систем управления городским хозяйством. В крупных муниципальных образованиях реализуются проекты «умного города», объединяющие информационные системы транспорта, коммунальной инфраструктуры, городского мониторинга и социальных сервисов. Гафаров Э. Х. и Фаттахов А. А. отмечают, что цифровые платформы управления муниципальной собственностью и инфраструктурными объектами способны существенно повысить эффективность использования муниципальных ресурсов и обеспечить более рациональное управление территориальным развитием [Гафаров, Фаттахов, 2024].

Развитие подобных технологических решений требует разработки и внедрения единой цифровой инфраструктуры муниципального управления, которая обеспечит интеграцию и совместимость различных информационных систем. Недостаток унифицированных стандартов обмена данными часто приводит к фрагментации цифровых сервисов и затрудняет взаимодействие между органами власти различных уровней. Создание интегрированных информационных платформ является ключевым фактором для дальнейшего совершенствования цифрового государственного управления.

Заключение

Цифровизация муниципального управления постепенно формирует новую модель публичного администрирования, основанную на широком использовании информационных технологий, цифровых платформ и автоматизированных управленческих систем. Расширение электронных сервисов, развитие аналитических инструментов обработки данных и внедрение комплексных информационных систем управления городским хозяйством создают предпосылки для повышения эффективности муниципальной управленческой деятельности. Так, Черкасова М. А. отмечает, что накопленный практический опыт цифровой модернизации муниципальных институтов формирует основу для дальнейшего совершенствования правового регулирования цифрового государственного управления [Черкасова, 2020]. Перспективы развития цифровизации муниципального управления в ближайшие годы связаны с расширением функциональных возможностей цифровых платформ, внедрением аналитических инструментов прогнозирования социально-экономических процессов и совершенствованием нормативной базы регулирования электронного участия населения. Комплексное развитие правовых институтов, информационных технологий и административных процедур способно обеспечить устойчивое функционирование муниципального управления в условиях формирования информационного государства.

Библиография

1. Адилходжаева С. М. Усиление информационной функции государства в условиях глобального информационного пространства / С. М. Адилходжаева // *Universum: экономика и юриспруденция*. – 2024. – № 6-2 (116). – С. 16-19.
2. Архиреева А. С. Эволюция муниципального управления в условиях цифровизации / А. С. Архиреева, А. А.

- Яковлева // Eromen.Global. – 2025. – № 58. – С. 64-69.
3. Гафаров Э. Х. Совершенствование управления муниципальной собственностью в эпоху цифровизации / Э. Х. Гафаров, А. А. Фаттахов // Вестник науки. – 2024. – № 5 (74). – С. 466-471.
4. Страхов И. А. Модели «Электронного государства»: от азиатской до российской / И. А. Страхов // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. – 2024. – № 2 (73). – С. 33-40.
5. Страхов И. А. Об актуальных изменениях законодательства о местном самоуправлении в России / И. А. Страхов // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 7 (206). – С. 202-204.
6. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ (последняя редакция).
7. Хохлова Е. М. Информационная функция государства в условиях цифровизации общества / Е. М. Хохлова, О. У. Переточенкова // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11 (239). – С. 50-52.
8. Черкасова М. А. Муниципальное управление в контексте цифровизации: концепция и опыт / М. А. Черкасова // Муниципальная академия. – 2020. – № 1. – С. 177-181.

Digitalization of Municipal Governance in the Context of the Formation of the Information State: Legal Problems and Development Prospects

Mariya S. Pestova

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Management and Trade,
Russian University of Cooperation,
141014, 12/30, Very Voloshinoy str., Mytishchi, Russian Federation;
e-mail: m.s.pestova@ruc.su

Igor' A. Strakhov

Senior Lecturer,
Department of Management and Trade,
Russian University of Cooperation,
Academician of the Russian Municipal Academy,
Russian University of Cooperation,
141014, 12/30, Very Voloshinoy str., Mytishchi, Russian Federation;
e-mail: iastr96@mail.ru

Abstract

The paper examines the legal aspects of the digital transformation of the municipal governance system in the context of the formation of the information state. The research aims to identify key regulatory difficulties arising from the introduction of information technologies into the activities of local self-government bodies, as well as to analyze the institutional conditions for the development of digital governance mechanisms at the municipal level. The main focus is on the regulation of electronic interaction between authorities and the population, the development of digital management platforms, the modernization of the information infrastructure of municipalities, and ensuring legal certainty in the use of modern technological solutions in public administration. The analysis demonstrates the importance of digital tools for increasing the efficiency of management procedures and the formation of new models of interaction between the state and society.

For citation

Pestova M.S., Strakhov I.A. (2026) Tsifrovizatsiya munitsipal'nogo upravleniya v usloviyakh formirovaniya informatsionnogo gosudarstva: pravovyye problemy i perspektivy razvitiya [Digitalization of Municipal Governance in the Context of the Formation of the Information State: Legal Problems and Development Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 113-118. DOI: 10.34670/AR.2026.25.40.012

Keywords

Municipal governance, digitalization, information state, digital technologies, local self-government, legal regulation, electronic governance, public administration, digital transformation, information security.

References

1. Adilkhojaeva, S. M. (2024). Usileniye informatsionnoy funktsii gosudarstva v usloviyakh global'nogo informatsionnogo prostranstva [Strengthening the information function of the state in the global information space]. *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya*, 6-2(116), 16-19.
2. Arkhireeva, A. S., & Yakovleva, A. A. (2025). Evolyutsiya munitsipal'nogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii [Evolution of municipal management in the context of digitalization]. *Epomen.Global*, (58), 64-69.
3. Cherkasova, M. A. (2020). Munitsipal'noye upravleniye v kontekste tsifrovizatsii: kontseptsiya i opyt [Municipal management in the context of digitalization: concept and experience]. *Munitsipal'naya akademiya*, (1), 177-181.
4. Federal'nyy zakon "Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug" ot 27.07.2010 № 210-FZ [Federal Law "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" No. 210-FZ]. (2010).
5. Gafarov, E. Kh., & Fattakhov, A. A. (2024). Sovershenstvovaniye upravleniya munitsipal'noy sobstvennost'yu v epokhu tsifrovizatsii [Improving the management of municipal property in the era of digitalization]. *Vestnik nauki*, 5(74), 466-471.
6. Khokhlova, E. M., & Peretochenkova, O. U. (2024). Informatsionnaya funktsiya gosudarstva v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva [The information function of the state in the context of digitalization of society]. *Agrarnoye i zemel'noye pravo*, 11(239), 50-52.
7. Strakhov, I. A. (2024). Modeli "Elektronnogo gosudarstva": ot aziatskoy do rossiyskoy [Models of the "E-State": from Asian to Russian]. *Uchenyye trudy Rossiyskogo universiteta advokatury i notariata imeni G.B. Mirzoyeva*, 2(73), 33-40.
8. Strakhov, I. A. (2025). Ob aktual'nykh izmeneniyakh zakonodatel'stva o mestnom samoupravlenii v Rossii [On the current changes in the legislation on local self-government in Russia]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 7(206), 202-204.

УДК 340.15 + 347.965

DOI: 10.34670/AR.2026.22.98.013

**Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по
судебным делам 1874 года: историко-правовой анализ в
парадигме частно-публичных интересов**

Козлова Валерия Михайловна

Аспирант,
Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
Адвокат,
Московская коллегия адвокатов «Кузьмин и партнеры»,
107023, Российская Федерация, Москва, Барабанный переулок, 4;
e-mail: advokat-k2009@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена историко-правовому анализу Правил о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам, утверждённых 25 мая (6 июня) 1874 года. Особое внимание уделяется обоснованию необходимости принятия Правил, сравнительному анализу правового статуса присяжных и частных поверенных. Цель исследования — выявить закономерности эволюции института судебного представительства в парадигме баланса частных и публичных интересов. Результаты исследования демонстрируют, что Правила 1874 года представляли собой вынужденный публично-правовой компромисс в составе судебного представительства, предусматривающего наличие как современных адвокатов, так и юристов. Обосновывается вывод о преемственности дуализма судебного представительства, прослеживаемой от Правил 1874 года до современной дискуссии об адвокатской монополии.

Для цитирования в научных исследованиях

Козлова В.М. Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам 1874 года: историко-правовой анализ в парадигме частно-публичных интересов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 119-125. DOI: 10.34670/AR.2026.22.98.013

Ключевые слова

Судебное представительство, присяжные поверенные, частные поверенные, Правила 1874 года, адвокаты, юристы, частно-публичные интересы, адвокатская монополия, квалифицированная юридическая помощь.

Введение

Проблема допуска лиц к судебному представительству находится на пересечении двух фундаментальных интересов: частного интереса граждан в свободном выборе представителя и публичного интереса государства в обеспечении надлежащего качества правосудия. Данный конфликт, обнаруживаемый уже в первых попытках нормативной регламентации ходатайства по чужим делам в Российской империи, сохраняет свою остроту и в начале XXI века — в контексте дискуссии о введении так называемой адвокатской монополии на судебное представительство [Васяев, 2024, с. 15-16].

Одним из наиболее значимых и вместе с тем недостаточно изученных законодательных актов, отражающих указанный конфликт, являются Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам, Высочайше утверждённые 25 мая (6 июня) 1874 года. Данный акт ввел категорию частных поверенных — лиц, допущенных к судебному представительству на основании разрешительного свидетельства суда, но без обязательного высшего юридического образования и без корпоративного самоуправления, характерного для присяжных поверенных [Гессен, 1997, с. 44].

Цель настоящего исследования — провести историко-правовой анализ Правил 1874 года, выявить предпосылки их принятия, раскрыть содержание основных норм на современном русском языке, сопоставить правовой статус присяжных и частных поверенных и определить значение данного акта для современного правового регулирования судебного представительства в Российской Федерации.

Основная часть

Проблематика судебной реформы 1864 года и становления института адвокатуры получила значительное освещение в дореволюционной юридической науке. Фундаментальные положения об организации присяжной адвокатуры были сформулированы Е.В. Васьковским, который выделил пять принципов её деятельности: совмещение правозаступничества с судебным представительством, относительная свобода профессии, отсутствие связи с магистратурой, сословная организация с элементами дисциплинарной подчинённости судам и определение гонорара по соглашению [Васьковский, 1893, с. 48-52]. Значительный вклад в понимание процесса подготовки реформы внёс М.Г. Коротких, детально исследовавший роль Д.Н. Блудова и его комиссии в разработке «Основных положений преобразования судебной части в России» 1862 года [Коротких, 1989, с. 55-60].

В современной историко-правовой науке значительное внимание уделяется институту присяжных поверенных. А.А. Васяев в монографии 2024 года проследил основные периоды развития адвокатуры в России, включая дореформенное судебное представительство и становление присяжной адвокатуры [Коротких, 1989, с. 55-60].

Вместе с тем институт частных поверенных исследован значительно менее полно. Н.А. Горбунова обратила внимание на то, что создание института частных поверенных было «попыткой легализовать деятельность «подпольных» адвокатов», однако оценка этого института в литературе остаётся преимущественно негативной [Горбунова, 2021, с. 95-98]. Современная дискуссия об адвокатской монополии, развернувшаяся в 2025 году после опубликования Минюстом России соответствующего законопроекта, актуализирует историко-правовой анализ дуализма судебного представительства между адвокатами и юристами. С.В.

Савельев справедливо отмечает, что «вопрос о допуске лиц к судебному представительству остаётся нерешённым на протяжении полутора столетий» [Савельев, 2025, с. 63-69].

Таким образом, при достаточной разработанности общих вопросов истории адвокатуры, собственно Правила 1874 года как самостоятельный правовой акт изучены фрагментарно. Отсутствует комплексный анализ их содержания в контексте парадигмы частно-публичных интересов и сопоставления с современными тенденциями.

Источником исследования являются: Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам 1874 года (ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XLIX. № 35371), Учреждение судебных установлений 1864 года (Судебные уставы 20 ноября 1864 года), доклад Д.Н. Блудова «Об установлении присяжных стряпчих» 1858 года, «Основные положения преобразования судебной части в России» 1862 года, а также действующее законодательство Российской Федерации.

Методологической основой исследования выступают: историко-правовой метод, позволяющий проследить генезис и эволюцию института судебного представительства; сравнительно-правовой метод, применяемый для сопоставления правового статуса присяжных и частных поверенных, а также для выявления преемственности с современным регулированием; формально-юридический метод, обеспечивающий анализ нормативного содержания Правил 1874 года.

Предпосылки принятия Правил 1874 года и роль Комиссии Д.Н. Блудова

Необходимость принятия Правил 1874 года была обусловлена системным противоречием, возникшим в ходе реализации Судебной реформы 1864 года. Учреждение судебных установлений создало институт присяжных поверенных, предъявив к ним строгие квалификационные требования: высшее юридическое образование и стаж судебной практики не менее пяти лет (ст. 354 Учр. суд. уст.). Однако объективная нехватка дипломированных специалистов не позволяла обеспечить присяжными поверенными всю территорию Империи. К 1874 году Советы присяжных поверенных были образованы лишь в Санкт-Петербурге (1866), Москве (1866) и Харькове (1874) [Присяжная адвокатура по Судебным Уставам 1864 г., с. 176–178].

Ещё 8 сентября 1858 года начальник II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф Д.Н. Блудов представил Александру II доклад «Об установлении присяжных стряпчих», [История развития адвокатуры в России, с. 36], который расширял институт судебного представительства. По итогам работы Комиссии Блудова были подготовлены «Основные положения преобразования судебной части в России», 9 утверждённые 29 сентября 1862 года. Согласно этим положениям присяжные поверенные определялись как «установленные в государственных интересах лица свободной профессии» [История развития адвокатуры в России, с. 37].

Данная модель представительства отличалась принципиальной двойственностью: с одной стороны, она предусматривала создание профессионального сословия, с другой — сохраняла значительный административный контроль суда над поверенными. Именно этот компромиссный подход получил нормативное воплощение в Правилах 1874 года: частные поверенные допускались к практике на основании разрешения суда, без корпоративного самоуправления и при усиленном публичном контроле [Коротких, 1989, с. 58]. Дефицит судебных представителей потребовал создания параллельного, менее требовательного механизма допуска к практике. Правила 1874 года, утверждённые по Мнению Государственного совета, стали ответом на эту потребность.

Содержание Правил 1874 года

Правила состояли из 18 статей и Мнения Государственного совета о порядке их введения. Статья 1 устанавливала, что поверенными по делам в общих и мировых судебных установлениях могут быть, помимо присяжных поверенных, только лица, получившие особые свидетельства на право ходатайствовать по чужим делам. Действие Правил распространялось и на помощников присяжных поверенных (ст. 2).

Свидетельства выдавались тремя уровнями судебных учреждений — Мировыми съездами, Окружными судами и Судебными палатами (ст. 3). По общему правилу свидетельство давало право ходатайствовать только в том суде, которым оно выдано. Исключение составляла кассация: поверенный, принявший дело в нижестоящей инстанции, мог по желанию доверителя вести его в Кассационных департаментах Сената (ст. 5). Соискатель свидетельства подавал прошение с документами, удостоверяющими личность, и заявлением об отсутствии препятствий, предусмотренных ст. 246 Устава гражданского судопроизводства (ст. 6). Суд был вправе проверить знания соискателя, за исключением лиц, уже имевших свидетельство от равного или высшего суда, и выпускников юридических факультетов (ст. 7).

Существенной особенностью являлось право суда отказать в выдаче свидетельства даже при формальном соответствии соискателя всем требованиям (ст. 8) — дискреционное полномочие, не свойственное порядку приёма в присяжные поверенные.

Дисциплинарная ответственность частных поверенных регулировалась статьями 14–16: суд мог применить предостережение или замечание, выговор, запрет практики на срок до одного года либо исключение из числа поверенных. Жалобы подавались в двухнедельный срок в вышестоящую инстанцию. Независимо от судебных взысканий, Министру юстиции предоставлялось право устранить поверенного от ходатайства при получении «несомненных сведений» о предосудительном образе действий (ст. 16). Статья 18 допускала ходатайство у мировых судей без свидетельства, но не более чем по трём делам в год в пределах одного округа.

Сравнительный анализ правового статуса присяжных и частных поверенных

Правила 1874 года создали дуалистическую модель судебного представительства, в которой присяжные и частные поверенные занимали принципиально различное правовое положение. Сравнительный анализ статуса адвокатов и юристов представлен в Таблице 1.

Таблица 1- Сравнительная характеристика правового статуса присяжных и частных поверенных

Параметр сравнения	Присяжный поверенный	Частный поверенный
Правовое основание	Учр. суд. уст. 1864, ст. 353–406	Правила 25 мая 1874 г., ст. 1–18
Образовательный ценз	Высшее юридическое образование + 5 лет стажа (ст. 354 Учр. суд. уст.)	Не обязателен; суд проверяет знания (ст. 7 Правил)
Корпоративная организация	Совет присяжных поверенных (самоуправление)	Отсутствует
Территория деятельности	Весь округ судебной палаты	Только суд, выдавший свидетельство
Орган дисциплинарного надзора	Совет присяжных поверенных; при отсутствии — суд	Суд + Министр юстиции
Обязанность вести дела малоимущих	Да — по назначению совета/председателя суда	Нет
Фискальные обязательства	Взносы в кассу совета	Государственный сбор: 40–75 руб./год
Правовая природа статуса	Сословная принадлежность (корпоративный статус)	Административное разрешение (индивидуальный акт)

Как следует из Таблицы 1, принципиальное различие состояло в источнике легитимности: присяжный поверенный получал статус от профессиональной корпорации и нес перед ней этические обязательства, тогда как частный поверенный — от государственного органа (суда) и оставался под прямым административным контролем [Гессен, 1997, с. 46].

Правила 1874 года представляют собой законодательный акт, в котором с особой наглядностью проявился конфликт частных и публичных интересов в сфере судебного представительства. С одной стороны, государство было заинтересовано в доступности правовой помощи для населения России (частный интерес тяжущихся в получении представителя). С другой стороны, допуск к ходатайству по чужим делам лиц без юридического образования создавал угрозу качеству правосудия (публичный интерес).

Примечательно, что указанный дуализм — «высшая» (корпоративная) и «низшая» (административная) формы судебного представительства — воспроизводится в современном российском праве. Статья 49 ГПК установила, что представителями в судах, за исключением мировых судей и районных судов, могут выступать адвокаты и иные лица, имеющие высшее юридическое образование либо учёную степень по юридической специальности. Статья 59 АПК РФ содержит аналогичное требование. Фактически современный законодатель воспроизвёл логику Правил 1874 года: допуск юристов к представительству при условии минимального квалификационного ценза.

Законопроект Минюста России 2025 года об ограничении судебного представительства исключительно лицами, имеющими статус адвоката, представляет собой радикальный разрыв с полуторавековой традицией дуализма.

Законопроект «застопорился» после критики профессионального сообщества, Верховного Суда РФ и Комитета Совета Федерации.

Историческая параллель показательна: в 1874 году государство решило ту же проблему не путём ужесточения монополии присяжных поверенных, а наоборот — путём легализации параллельной, более доступной формы представительства. Этот опыт свидетельствует о том, что баланс частных и публичных интересов может обеспечиваться не запретительными, а разрешительно-контрольными механизмами — при условии адекватного дисциплинарного и квалификационного контроля [Савельев, 2025, с. 65].

Заключение

Проведённый историко-правовой анализ Правил о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам 1874 года, позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, Правила 1874 года были порождены объективным дефицитом квалифицированных судебных представителей, который не мог быть восполнен институтом присяжных поверенных в ожидаемые сроки. Концептуальной предпосылкой их принятия стала модель судебного представительства как публично-разрешительной деятельности под контролем суда.

Во-вторых, Правила создали дуалистическую модель судебного представительства, в которой присяжная адвокатура воплощала публично-правовой компонент (корпоративное самоуправление, обязанность ведения дел малоимущих), а частные поверенные обслуживали преимущественно частный интерес тяжущихся в доступной правовой помощи.

В-третьих, механизмы контроля, установленные Правилами (дискреционный отказ суда, дисциплинарная ответственность, административное устранение Министром юстиции),

представляют собой исторический прототип современных инструментов обеспечения качества юридической помощи.

В-четвёртых, современная дискуссия об адвокатской монополии воспроизводит тот же конфликт частных и публичных интересов, который был разрешён Правилами 1874 года путём компромисса. Исторический опыт свидетельствует о том, что полная монополизация судебного представительства может привести к ограничению доступа к правосудию — проблеме, аналогичной той, которая вызвала принятие Правил 1874 года.

С практической точки зрения результаты исследования позволяют рекомендовать законодателю при реформировании института судебного представительства учитывать исторический опыт дуалистической модели, предусматривающей дифференцированные квалификационные требования к представителям в зависимости от уровня суда и категории дела, а также эффективные дисциплинарные механизмы, не исключающие доступности правовой помощи для населения.

Библиография

1. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры : в 2 ч. Ч. 1 : Очерк всеобщей истории адвокатуры / Е.В. Васьковский. — Санкт-Петербург : Тип. П.П. Сойкина, 1893. — 396 с.
2. Васяев А.А. История российской адвокатуры : монография / А.А. Васяев. — Москва : URSS, 2024. — 256 с.
3. Васяев А.А. История судебного представительства в России до 1864 года / А.А. Васяев // История российской адвокатуры : монография. — Москва : URSS, 2024. — С. 28-45.
4. Гессен И.А. Адвокатура, общество и государство (1864-1914) / И.А. Гессен // История русской адвокатуры. — Москва : Юристъ, 1997. — Т. 1. — С. 1-240.
5. Горбунова Н.А. Исторические особенности развития адвокатуры в России / Н.А. Горбунова // Электронный научный журнал ПензГУ. — 2021. — № 1. — С. 93-101.
6. История развития адвокатуры в России [Электронный ресурс] // Институт права и публичной политики. — URL: <http://advdefence.ilpp.ru/history>.
7. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России / М.Г. Коротких. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1989. — 183 с.
8. Присяжная адвокатура по Судебным Уставам 1864 г. [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов РФ. — URL: <https://fparf.ru/on-bar/history/prisyazhnaya-advokatura-po-sudebnym-ustavam-1864/>.
9. Савельев С.В. Дифференциация допуска к судебному представительству: от Правил 1874 года к реформе 2025 года / С.В. Савельев // Адвокатская газета. — 2025. — № 14. — С. 63-69.

Rules on Persons Eligible to Be Attorneys at Law in Judicial Cases of 1874: Historical and Legal Analysis in the Paradigm of Private-Public Interests

Valeriya M. Kozlova

Postgraduate Student,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
Attorney at Law,
Moscow Bar Association "Kuzmin and Partners",
107023, 4, Barabanny lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: advokat-k2009@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to a historical and legal analysis of the Rules on Persons Eligible to Be Attorneys at Law in Judicial Cases, approved on May 25 (June 6), 1874. Special attention is paid to substantiating the necessity of adopting the Rules, as well as to a comparative analysis of the legal status of sworn attorneys and private attorneys. The purpose of the study is to identify patterns in the evolution of the institution of judicial representation in the paradigm of the balance between private and public interests. The results of the study demonstrate that the Rules of 1874 represented a forced public-law compromise in the composition of judicial representation, providing for the presence of both modern-day advocates and lawyers. The conclusion about the continuity of the dualism of judicial representation, traceable from the Rules of 1874 to the modern debate on the attorney monopoly, is substantiated.

For citation

Kozlova V.M. (2026) *Pravila o litsakh, imeyushchikh pravo byt' poverennymi po sudebnym delam 1874 goda: istoriko-pravovoy analiz v paradigme chastno-publichnykh interesov* [Rules on Persons Eligible to Be Attorneys at Law in Judicial Cases of 1874: Historical and Legal Analysis in the Paradigm of Private-Public Interests]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 119-125. DOI: 10.34670/AR.2026.22.98.013

Keywords

Judicial representation, sworn attorneys, private attorneys, Rules of 1874, advocates, lawyers, private-public interests, attorney monopoly, qualified legal assistance.

References

1. Vas'kovskii, E.V. (1893). *Organizatsiia advokatury: v 2 ch. Ch. 1: Ocherk vseobshchei istorii advokatury* [The organization of the bar: in 2 parts. Part 1: An outline of the general history of the bar]. St. Petersburg: Tip. P.P. Soikina.
2. Vasiaev, A.A. (2024). *Istoriia rossiiskoi advokatury: monografiia* [History of the Russian bar: a monograph]. Moscow: URSS.
3. Vasiaev, A.A. (2024). *Istoriia sudebnogo predstavitel'stva v Rossii do 1864 goda* [History of legal representation in Russia before 1864]. In *Istoriia rossiiskoi advokatury: monografiia* (pp. 28–45). Moscow: URSS.
4. Gessen, I.A. (1997). *Advokatura, obshchestvo i gosudarstvo (1864-1914)* [The bar, society and the state (1864-1914)]. In *Istoriia russkoi advokatury* (Vol. 1, pp. 1–240). Moscow: Iurist.
5. Gorbunova, N.A. (2021). *Istoricheskie osobennosti razvitiia advokatury v Rossii* [Historical features of the development of the bar in Russia]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal PenzGU* [Electronic Scientific Journal of Penza State University], (1), 93–101.
6. Institut prava i publichnoi politiki. (n.d.). *Istoriia razvitiia advokatury v Rossii* [History of the development of the bar in Russia]. Retrieved [Date of access], from <http://advdefence.ilpp.ru/history>
7. Korotkikh, M.G. (1989). *Samoderzhavie i sudebnaia reforma 1864 goda v Rossii* [Autocracy and the judicial reform of 1864 in Russia]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta.
8. Federal'naiia palata advokatsov RF. (n.d.). *Prisiazhnaiia advokatura po Sudebnym Ustavam 1864 g.* [The sworn bar according to the Judicial Statutes of 1864]. Retrieved [Date of access], from <https://fparf.ru/on-bar/history/prisyazhnaya-advokatura-po-sudebnym-ustavam-1864/>
9. Save'lev, S.V. (2025). *Differentsiatsiia dopuska k sudebnomu predstavitel'stvu: ot Pravil 1874 goda k reforme 2025 goda* [Differentiation of access to legal representation: from the Rules of 1874 to the reform of 2025]. *Advokatskaia gazeta* [Lawyers' Newspaper], (14), 63–69.

УДК 342.95:351.74

DOI: 10.34670/AR.2026.46.43.014

Создание Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации: необходимость, проблемы и перспективы

Галдзицкая Юлия Павловна

Аспирант,
Вятский государственный университет,
610000, Российская Федерация, Киров, ул. Московская, 36;
e-mail: uridicclinic@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается актуальность создания новой Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации. Анализируются системные проблемы в сфере миграционного контроля, обусловившие данную институциональную трансформацию, и определяются перспективы деятельности нового ведомства. Сформулирована авторская позиция относительно совершенствования его функционирования и внедрения комплексного подхода к регулированию миграционных процессов.

Для цитирования в научных исследованиях

Галдзицкая Ю.П. Создание Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации: необходимость, проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 126-134. DOI: 10.34670/AR.2026.46.43.014

Ключевые слова

Миграционные процессы, иностранные граждане, Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России, Миграционный кодекс, миграционная политика, административная реформа.

Введение

В целях оптимизации миграционного законодательства Российской Федерации, трансформации и формирования специализированного административного органа, сконцентрированного на реализации миграционной деятельности, Президентом Российской Федерации 2 апреля 2025 года был подписан Указ № 205 «Об оптимизации государственного управления в области миграции» [Указ Президента РФ от 02.04.2025 № 205, 2025].

Основная часть

О предстоящей передаче функций по работе с иностранными гражданами в компетенцию МВД было объявлено Президентом РФ в декабре предшествующего года в рамках пресс-конференции. Было отмечено, что предметом предшествующих дискуссий являлась целесообразность создания обособленного ведомства, по аналогии с существовавшим в прошлом, либо создания и интеграции его в существующую структуру МВД. В качестве приоритетного был избран второй вариант, нацеленный на усиление контроля за миграционными процессами со стороны Министерством внутренних дел. В результате реализации упомянутого Указа была учреждена Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России.

С точки зрения сенатора А. Клишаса, представляющего комитет Совета Федерации по государственному строительству, создание данной службы является обдуманым и закономерным действием в контексте реформирования миграционной политики. Он подчеркнул, что текущая задача заключается не в формировании автономной структуры, а в выстраивании системной управленческой модели в Министерстве внутренних дел, что, по его оценке, окажет положительное воздействие и позволит эффективнее регулировать проблемы нелегальной миграции в перспективе [Георгиевская, 2025].

В свою очередь, экс-замглавы ФМС России В. Поставнин заявил, что необходимость реформирования миграционной сферы «назрела давно», поскольку «контрольно-надзорные функции далеко не всё в миграции» [Замгенпрокурора возглавил миграционную службу МВД, 2025].

Член комитета по безопасности А. Альшевских полагает, что организация новой службы представляет собой форму реорганизацией и переоценкой деятельности МВД в данном направлении. Назначение экс-сотрудника прокуратуры главой подразделения является аргументированным. Его задачей станет установление четкой системы, учитывающей накопленный массив высказанных замечаний. Также им была отмечена значимость того, что недостатки в работе Министерства внутренних дел, наделенного полномочиями по осуществлению миграционного контроля, «уже давно стали поводом для широкого обсуждения» [Мигрантам сослужили службу, 2025].

Следует отметить, что в Российской Федерации ранее уже существовало автономное ведомство — Федеральная миграционная служба, демонстрировавшая высокую эффективность в осуществлении правоохранительного контроля в сфере миграции. Однако, в ходе реорганизации, было принято решение вернуть миграционные подразделения в структуру МВД. Представляется очевидным, что подобная децентрализация, сопровождавшееся оттоком и потерей квалифицированных кадров и понижением административного статуса, оказало негативное влияние на результативность правоохранительной деятельности в миграционной

сфере. Действующих мер, когда миграционные вопросы находились в ведении Главного управления по вопросам миграции (ГУВМ), было недостаточно для предотвращения преступлений и осуществления должного контроля за миграционными процессами.

После трагических событий в «Крокус Сити Холле» в марте 2024 года активизировалась работа по реформированию миграционной политики и противодействию нелегальной миграции. За предшествующий год Государственной Думой было ратифицировано 14 законодательных актов, направленных на совершенствование управления в данной сфере. Ключевым нововведением стало установление специального юридического положения для депортации иностранных граждан, пребывающих на территории страны с нарушением установленного порядка. С начала февраля начал функционировать реестр лиц, подлежащих административному надзору, в который включаются иностранные граждане, нарушившие законодательство и подлежащие выдворению. В отношении лиц, внесенных в данный реестр, установлен ряд ограничений, включая запрет на изменение места жительства, регистрацию брака, а также приобретение недвижимого имущества и транспортных средств. Согласно данным МВД, на начало марта в указанном реестре находилось порядка 700.000 иностранных граждан.

По указанию Президента РФ, предшествующая реорганизации в сфере миграции, масштабная «целевая инспекция» внутренних дел обнаружила существенные недостатки в осуществлении миграционного надзора. Проверка зафиксировала «многочисленные случаи незаконной выдачи разрешений на работу, видов на жительство, фиктивной регистрации, а также непосредственное участие сотрудников правоохранительных органов в преступных схемах» [В МВД России подведены итоги деятельности по укреплению правопорядка в сфере миграции, 2025].

Существенным следствием сложившейся ситуации стало отсутствие актуальной информации о положении и передвижении иностранных граждан, и неэффективность обеспечения их депортации. На территории страны были открыты десятки уголовных производств по статье 322.1 УК РФ (организация нелегальной миграции) в отношении сотрудников полиции. Наиболее резонансным случаем стало уголовное дело в отношении заместителя начальника управления ГУ МВД по Москве - Дмитрия Тахтаулова, приговорённого к шести с половиной годам лишения свободы и столкнувшегося с антикоррупционным иском о конфискации имущества, включая четыре квартиры. Помимо прочего, значительное влияние на эскалацию террористических угроз продолжает оказывать «миграционный фактор»: за год к уголовной ответственности за «радикальные посягательства» привлечено 179 иностранных граждан (в основном выходцы из Средней Азии) [Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, 2025].

В целом создание Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан обусловлено следующими факторами:

- Ростом числа иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Российскую Федерацию;
- Необходимостью в комплексном регулировании вопросов гражданства и регистрации иностранцев в современных условиях;
- Усилением требований к обеспечению национальной безопасности и правопорядка;
- Потребностью в цифровизации и оптимизации государственных услуг в сфере миграции.
- Повышением транспарентности и эффективности административных процедур оформления гражданства и регистрации иностранных граждан.

Согласно Положению «О Службе по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Положение о Службе по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России от 10.06.2025 № 360, 2025] в её структуру включены:

- Департамент паспортной и регистрационной деятельности (оформление ВНЖ, гражданства, регистрация);
- Департамент разрешительно-визовой работы (визовые вопросы, приглашения);
- Департамент цифрового развития (электронные сервисы, цифровизация услуг);
- Департамент по работе с беженцами и трудовыми мигрантами (гуманитарные и контрольные функции);
- Центры временного размещения вынужденных переселенцев и беженцев;
- Территориальные подразделения во всех регионах России, в том числе профильные заместители по вопросам гражданства и регистрации иностранцев в территориальных органах МВД.

Ключевой целью создания данной Службы является оптимизация миграционных потоков, внедрении мер по обеспечению соблюдения мигрантами российского законодательства, а также сокращении числа их правонарушений и снижение показателей незаконной миграции.

Для достижения данной цели на Службу по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации возложены следующие функциональные обязанности:

- Осуществление оформления и выдачи документов для въезда, проживания, временного пребывания и получения гражданства РФ;
- Регистрация иностранных граждан по месту жительства и пребывания, ведение миграционного учета;
- Прием и рассмотрение заявлений по вопросам гражданства РФ, оформление и отмена решений по гражданству;
- Контроль за соблюдением законодательства в сфере миграции, регистрационного и паспортного учета;
- Осуществление визовой и разрешительной работа — выдача, продление, восстановление виз, оформление приглашений;
- Разработка и внедрение цифровых сервисов для подачи документов и получения государственных услуг;
- Межведомственное взаимодействие по вопросам миграционной политики, интеграции мигрантов, противодействия незаконной миграции: ФСБ – совместные проверки иностранцев на предмет угроз безопасности; Роструд – согласование квот для трудовых мигрантов; МИД – выдача виз в консульствах;
- Аналитика и мониторинг миграционных процессов, подготовка докладов и предложений для руководства МВД и правительства РФ.

Миграционной службе МВД России делегированы дополнительные полномочия, включая право на осуществление оперативно-розыскной деятельности, а именно производство дознания и контроль за решением миграционных вопросов в транспортной сфере.

К позитивным аспектам организации данной структуры для иностранных граждан можно отнести:

- Сокращение сроков рассмотрения заявлений относительно разрешения на временное

- проживание, вида на жительство и получения гражданства;
- Внедрение цифровых технологий в предоставленных сервисах – возможность отправки документации в электронном виде через портал Госуслуг и отделения Министерства внутренних дел;
- Усиление надзора за соблюдением требований к установленным срокам нахождения в стране и осуществлением трудовой деятельности.

Параллельно ужесточаются требования к работодателям при приеме иностранных граждан на работу. Работодатели обязаны осуществлять электронную проверку миграционного статуса сотрудников. За нелегальное трудоустройство иностранных граждан работодателям грозит штраф до 1 млн. рублей. Кроме того, вводятся новые требования к патентам, предполагающие подтверждение квалификации для трудовых мигрантов.

Представляя интересы компаний-работодателей, юристам необходимо внимательно следить за обновлениями в межведомственных указаниях и нормах, в особенности касающихся оформления разрешительной документации для трудоустройства иностранцев. В свою очередь, работодателям следует ожидать ужесточения надзора за соблюдением иммиграционных законов. Иностранным работникам и их нанимателям рекомендуется быть готовыми к корректировке процедур подачи документов и увеличению количества инспекций.

Создание новой структуры в системе Министерства внутренних дел, ответственной за миграцию, представляет собой значимый шаг в направлении совершенствования государственной миграционной политики. Важным представляется вопрос о том, чтобы деятельность ведомства не концентрировалось исключительно на правоохранительной составляющей. Эксперты надеются, что сотрудники этого подразделения будут заниматься не только контролем и обеспечением порядка, но и решением социальных вопросов, связанных с иностранными гражданами, координируя свою работу с другими органами власти, а также акцентируя внимание на социально-экономическом аспекте миграции. Комплексный подход признается императивным для достижения позитивных результатов в данной сфере. Члены парламента отмечают сложность работы с мигрантами, которая не всегда сводится к простому учету прибывающих и убывающих иностранных граждан.

В настоящее время данная Служба находится на этапе институционального становления, но еще не реализует в полном объеме весь спектр делегированных полномочий, что обусловлено наличием ряда необходимых доработок.

Реорганизация требует внесения корректировок в ключевые нормативные правовые акты:

- Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», поскольку полномочия по депортации и выдаче патентов перейдут к Службе;
- Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» в части процедуры приема в гражданство и лишения статуса гражданина РФ, которую теперь также курирует Служба;
- КАС РФ в связи с сокращением сроков обжалования решений МВД.

В числе проблемных аспектов также относятся:

- Отсутствие в ряде территориальных органах МВД профильного заместителя по вопросам гражданства и регистрации иностранцев в звании генерала
- Кадровый дефицит в территориальных органах;
- Не решен вопрос комплектации нового подразделения сотрудниками. Кроме того, как

было указано Президентом РФ, важно «делегировать представителей из экономических и социальных ведомств так, чтобы все решалось в одном комплексе»;

- Отсутствие разработанного плана мероприятий;
- Риски снижения эффективности работы в регионах в условиях перехода на централизованную систему.
- Реформа окажет влияние на категории судебных споров, в первую очередь, связанных с обжалованием решений по вопросам гражданства и виз, а также дел о выдворении.

Для дальнейшей эффективной деятельности Службы является необходимым:

- укрепление межведомственного взаимодействия — интеграция с экономическими, социальными и правоохранительными структурами;
- совершенствование нормативной базы — разработка новых стандартов и регламентов в сфере миграции и гражданства;
- повышение квалификации кадров — обучение сотрудников новым технологиям и современным методам работы с мигрантами и иностранными гражданами;
- развитие аналитических и мониторинговых инструментов для оценки.

При этом, следует согласиться с экспертами, которые отмечают, что одной только новой Службы недостаточно: необходимо создание отдельного миграционного кодекса.

В связи с вышеизложенным, в Миграционном кодексе предлагается включить следующие разделы:

- Общие положения: определить правовые основания регулирования миграционных процессов, в том числе статус иностранных граждан с точки зрения административного права, основополагающие принципы миграционного законодательства, ключевые термины и понятия, сферу действия нормативных актов и круг лиц, участвующих в миграционных процессах;
- Миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства: установить цели, основания и процедуру ведения учета. Особое внимание следует уделить регламентации учета несовершеннолетних;
- Процедура въезда и выезда с территории Российской Федерации: определить права иностранных граждан и лиц без гражданства на въезд, случаи ограничения этого права и порядок осуществления въезда. Требуется отдельное рассмотрение процедуры въезда и выезда несовершеннолетних;
- Описание документов (виз), предоставляющих иностранным гражданам и лицам без гражданства право на въезд, временное пребывание, проживание и трудовую деятельность на территории РФ, а также порядок оформления этих документов;
- Миграционные режимы и их особенности: рассмотреть права, предоставляемые иностранным гражданам в каждом административно-правовом режиме, а также порядок приобретения соответствующего статуса;
- Регулирование трудовой миграции: установить порядок выдачи патентов и разрешений, условия их продления и получения, а также права, которые они предоставляют иностранным гражданам на территории РФ;
- Применение мер административного воздействия по отношению к иностранным гражданам и лицам без гражданства: определить основания, порядок и общие правила применения мер принуждения;
- Порядок помещения иностранных граждан в специализированные учреждения:

установить правила и регламентировать условия содержания.

Актуальным решением проблемы иностранных граждан будет разработка и принятие Федерального закона «О социализации, интеграции и адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». В этом законе рекомендуется регламентировать полномочия Службы. Принятие закона будет способствовать ускорению процесса адаптации и включения иностранных подданных в российское общество, согласованию действий официальных лиц в области адаптации и интеграции иностранных граждан. Это позволит создать благоприятную среду для действенной защиты прав и законных интересов зарубежных граждан, гарантировать их безопасное и комфортное нахождение на территории России, а также уменьшить масштабы нелегальной миграции. При осуществлении этого закона следует опираться на принципы, закрепленные в Международной конвенции о защите прав всех работающих мигрантов и членов их семей.

Как отмечают правоведы возможно создание отдельного ведомства, которое не входило бы в состав Службы, и ее наделить его полномочиями, предусматривающими решение вопросов по: социальным проблемам мигрантов, проведение социологических исследований, осуществление адаптации иностранных граждан и так далее [Мигрантам сослужили службу, 2025].

Еще одна важная составляющая – взаимодействие всех ведомств: как силовых, так и социальных. И как следствие разработка нормативного правового акта, регулирующего межведомственное взаимодействие в сфере миграции.

Заключение

Таким образом, решение проблем в области миграции требует комплексного подхода, сочетающего как контрольные и надзорные функции за перемещением иностранных граждан, так и меры, направленные на социально-экономическую адаптацию мигрантов, создания миграционного кодекса, где все законы будут соединены вместе, укрепление межведомственной кооперации, разработка новых стандартов и регламентов в сфере миграции и гражданства, повышение квалификации кадров, развитие аналитических и мониторинговых инструментов для оценки.

Библиография

1. В МВД России подведены итоги деятельности по укреплению правопорядка в сфере миграции // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.mvd.rf>.
2. Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, посвященное противодействию нелегальной миграции // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.mvd.rf>.
3. Георгиевская Е. Новая эра миграционного контроля // Адвокатская газета. 2025. 20 мая.
4. Замгенпрокурора возглавил миграционную службу МВД // Коммерсантъ. 2025. 2 апреля.
5. Мигрантам сослужили службу. В МВД создается новая структура по работе с иностранными гражданами // РБК. URL: <https://www.rbc.ru>.
6. О Службе по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации: положение Министерства внутренних дел Российской Федерации от 10.06.2025 № 360 // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.mvd.rf>.
7. О совершенствовании государственного управления в сфере миграции: указ Президента РФ от 02.04.2025 № 205 // Собрание законодательства РФ. 2025. № 14. Ст. 1692.

Creation of the Citizenship and Registration of Foreign Nationals Service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Necessity, Problems and Prospects

Yuliya P. Galdzitskaya

Postgraduate Student,
Vyatka State University,
610000, 36, Moskovskaya str., Kirov, Russian Federation;
e-mail: uridicclinic@mail.ru

Abstract

The article substantiates the relevance of creating a new Citizenship and Registration of Foreign Nationals Service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Systemic problems in the field of migration control that led to this institutional transformation are analyzed, and the prospects for the activities of the new body are determined. The author's position regarding the improvement of its functioning and the introduction of an integrated approach to the regulation of migration processes is formulated.

For citation

Galdzitskaya Yu.P. (2026) Sozdaniye Sluzhby po voprosam grazhdanstva i registratsii inostrannykh grazhdan Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: neobkhodimost', problemy i perspektivy [Creation of the Citizenship and Registration of Foreign Nationals Service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Necessity, Problems and Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 126-134. DOI: 10.34670/AR.2026.46.43.014

Keywords

Migration processes, foreign nationals, Citizenship and Registration of Foreign Nationals Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Migration Code, migration policy, administrative reform.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 205 of April 2, 2025 "On Improving Public Administration in the Sphere of Migration". (2025). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (14), Art. 1692.
2. Georgievskaya, E. (2025, May 20). Novaya era migratsionnogo kontrolya [A New Era of Migration Control]. *Advokatskaya gazeta*.
3. Kommersant. (2025, April 2). Zamgenprokurora vozglavil migratsionnuyu sluzhbu MVD [Deputy Prosecutor General Headed the Migration Service of the Ministry of Internal Affairs]. *Kommersant*.
4. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2025). *O Sluzhbe po voprosam grazhdanstva i registratsii inostrannykh grazhdan Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: polozheniye ot 10.06.2025 № 360* [On the Service for Citizenship and Registration of Foreign Citizens of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Regulation No. 360 of June 10, 2025]. Retrieved from <https://www.mvd.rf>
5. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2025). *V MVD Rossii podvedeny itogi deyatelnosti po ukrepleniyu pravoporyadka v sfere migratsii* [Results of Activities to Strengthen Law and Order in the Sphere of Migration Summarized in the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Retrieved from <https://www.mvd.rf>
6. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2025). *Vladimir Kolokoltsev provel zasedaniye kollegii MVD*

Rossii, posvyashchennoye protivodeystviyu nelegalnoy migratsii [Vladimir Kolokoltsev Held a Meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia Dedicated to Combating Illegal Migration]. Retrieved from <https://www.mvd.rf>

7. RBC. (2025). *Migrantam sosluzhili sluzhbu. V MVD sozdayetsya novaya struktura po rabote s inostrannymi grazhdanami* [A Service Was Provided to Migrants. A New Structure for Working with Foreign Citizens Is Being Created in the Ministry of Internal Affairs]. Retrieved from <https://www.rbc.ru>

УДК 342.92

DOI: 10.34670/AR.2026.88.94.015

Классификация административных правонарушений по степени общественной опасности для иностранных граждан: аналогия со ст. 15 УК РФ, внедрение положительного международного опыта и регламенты для МВД**Галдзицкая Юлия Павловна**

Аспирант,
Вятский государственный университет,
610000, Российская Федерация, Киров, ул. Московская, 36;
e-mail: uridicclinic@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена разработке концепции классификации административных правонарушений по степени общественной опасности в отношении иностранных граждан с учётом положительного международного опыта и возможности адаптации под КоАП РФ и миграционное законодательство. На основе аналогии со ст. 15 УК РФ предлагается многоуровневая шкала (минимальная/низкая, средняя, высокая, чрезвычайно высокая) и конкретные критерии оценки риска, повторности и воздействия на общественный порядок. В заключение приводятся практические регламенты для МВД по применению данной классификации, включая рекомендации по методике расчёта и единообразному правоприменению.

Для цитирования в научных исследованиях

Галдзицкая Ю.П. Классификация административных правонарушений по степени общественной опасности для иностранных граждан: аналогия со ст. 15 УК РФ, внедрение положительного международного опыта и регламенты для МВД // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 135-140. DOI: 10.34670/AR.2026.88.94.015

Ключевые слова

Административные правонарушения, иностранные граждане, классификация, степень общественной опасности, аналогия со статьёй 15 УК РФ, миграционное законодательство, пропорциональность санкций, единообразие правоприменения, регламенты МВД, международный опыт.

Введение

Иностранные граждане являются значимой частью миграционных процессов и общественной жизни РФ; их правовой статус влияет на санкции за административные правонарушения [Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ, 2002]. В текущей практике административные нарушения иностранцев встречаются с разной тяжестью последствий: от предупреждений до значительных санкций, включая запреты на въезд и депортацию.

Теоретико-методологические основы

Основной характеристикой для шкалирования санкций за правонарушения является степень из общественно опасности. В правоприменении важно руководствоваться принципами пропорциональности, соразмерности и системности [Бахрах, 2019]. Соотношение уголовно-правовых и административно-правовых категорий в контексте миграционного контроля требует особого снимания, поскольку статус иностранного гражданина влияет на квалификацию правонарушения и последующие санкции.

Предлагается заимствовать идею градации общественной опасности, реализованную в ст. 15 УК РФ, как теоретический ориентир для формирования аналогичной школы в КоАП РФ применительно к административными правонарушениями иностранцев. Принципы пропорциональности и разумности сохраняются, однако специфика административных правонарушений, зависящая от состава и наличия повторности, требует ее адаптации [Старилов, 2020].

Методологической базой исследования является анализ нормативной базы РФ (КоАП РФ, миграционное законодательство), судебной практики и ведомственных разъяснений. Сопоставляются критерии степени общественной опасности, применения в уголовном праве, с административными правонарушениями иностранцев. На этой основе разрабатывается многоуровневая шкала общественной опасности: минимальная, низкая, средняя, высокая, чрезвычайно высокая.

Международный положительный опыт: пропорциональность санкций в зависимости от тяжести нарушения и повторности. Многоуровневая шкала санкций, предусматривающая возможность исправления поведения, а также применение административных мер вместо уголовного преследования в типичных случаях, являются общими тенденциями. Важен учет статуса иностранного гражданина и возможности ресоциализации, а также прозрачность алгоритмов правоприменения и единообразие практики [Старилов, 2020].

Можно выделить несколько обобщенных моделей подходов:

- Европейская (сдерживающе-исправительная): Акцент делается на минимизацию уголовного преследования за стандартные миграционные правонарушения. Административные санкции применяются дифференцированно, в зависимости от оценки риска и степени повторности. Типичными мерами являются устные предупреждения, штрафы, надзорные меры, при этом уголовное преследование за незначительные нарушения статуса, как правило отсутствуют [Европейская конвенция по правам человека, 1950].
- Англосаксонская (каскадная): Предлагает многоступенчатые схемы применения мер воздействия: от устных предупреждений, переходящих в штрафы, затем во временные ограничения, и лишь в случаях систематических или особо тяжких нарушений - в

депортацию [Immigration Act 1971 (UK), 1971].

- Азиатско-Тихоокеанская (административно-адаптивная): Характеризуется адаптивностью санкций, четким разделением нарушений по степени тяжести, приоритетом корректирующих мер и сохранения минимально необходимого набора прав иностранного гражданина, при этом применяются достаточно строгие меры за повторные или опасные нарушения [Migration Act 1958 (Australia), 1958].

Выводы по международному опыту (International positive experience): важна системная и пропорциональная логика санкций, нацеленная на минимизацию излишнего (unnecessary) уголовного преследования и поддержку ресоциализации.

Необходима адаптация этих подходов под российский правовой контекст, КоАП РФ и миграционное законодательство.

Проект регламентов для МВД России

Для единообразного правоприменения и методологического сопровождения должностных лиц МВД России по применению классификации административных правонарушений иностранцев предлагается разработать соответствующие регламенты. Структура таких регламентов могла бы включать:

Раздел 1. Общие положения: Определение ключевых терминов (общественная опасность, повторность, тяжесть нарушения, статус иностранного гражданина), цели и сферы применения регламента.

Раздел 2. Критерии оценки уровней опасности: Перечень факторов для градаций (низкая, средняя, высокая, чрезвычайно высокая), таких как повторность, тяжесть состава, последствия для общественной безопасности, риск для экономического порядка, наличие попытки исправления поведения.

Раздел 3. Процедура квалификации и документирования: Порядок сбора доказательств, оформление протоколов, обоснование уровня опасности правонарушения.

Раздел 4. Соотношение уровня опасности и санкций: Установление связи между выбранным уровнем опасности и применяемыми мерами (предупреждение, штраф, временные ограничения, ограничение трудовой деятельности, депортация) в рамках действующего законодательства.

Раздел 5. Контроль и мониторинг: Механизмы аудита, отчетности и обновления методических материалов.

Необходимость предусмотреть механизмы обучения и повышения квалификации должностных лиц, а также процедуры обжалования решений. Риск-менеджмент и повышение качества правоприменения могут быть обеспечены через пилотные проекты, сбор статистики и последующую корректировку регламентов. Особое внимание должно уделяться контролю за недопущением дискриминации и соблюдением прав иностранных граждан.

Российская трансформация миграционной политики и необходимость классификации: Реформирование миграционной сферы РФ, включая создание Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России, ставит новые задачи перед системой правоприменения [Указ Президента РФ от 02.04.2024 № 233, 2024]. Повышение контроля за миграционными процессами, противодействие нелегальной миграции и обеспечение национальной безопасности требует унификации подходов к оценке правонарушений, совершаемых иностранными гражданами.

После трагических событий марта 2024 года активизировалась работа по реформированию миграционной политики [Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ, 2024]. Были

ратифицированы законодательные акты, направленные на совершенствование управления в данной сфере, установлены специальные юридические положения для депортации, а также начал функционировать реестр контролируемых лиц, подлежащих административному надзору. Масштабная инспекция выявила существенные недостатки в миграционном надзоре, включая незаконную выдачу разрешений и участие сотрудников правоохранительных органов в преступных схемах [Информационное сообщение МВД России, 2024].

Отсутствие актуальной информации о положении иностранных граждан и неэффективность обеспечения их депортации, а также коррупционные проявления в этой сфере, указывают на необходимость совершенствования правоприменительной практики [Доклад Уполномоченного по правам человека, 2024]. Создание новой Службы МВД России обусловлено ростом числе иностранных граждан, необходимость комплексного регулирования, усилением требований к безопасности и потребностью в цифровизации [Пояснительная записка к законопроекту, 2024].

Ключевой целью создания данной Службы является оптимизация миграционных потоков, обеспечения соблюдения мигрантами российского законодательства сокращения числа правонарушений. Для достижения этой цели Службе делегированы дополнительные полномочия, включая осуществление оперативно-розыскной деятельности и производство дознания.

Параллельно ужесточаются требования к работодателям, что требует от них электронной проверки миграционного статуса сотрудников. Работодатель, нарушающий законодательство, может быть оштрафован на сумму до 1 мил. Рублей [Пояснительная записка к законопроекту, 2024].

Однако, текущая трансформация миграционной политики требует не только усиления контролируемых функций, но и создания комплексной системы, величающие аспекты социальной адаптации и интеграции иностранных граждан. Создание Миграционного кодекса, который бы объединил нормы, регулирующие миграционный учет, въезд/выезд, миграционные режимы, трудовую миграцию, применения мер административного воздействия и порядок помещения в специализированные учреждения [Пояснительная записка к законопроекту, 2024].

Кроме того, актуальным решением будет и разработка Федерального закона «О социализации, интеграции и адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», который бы регламентировал полномочия всех задействованных ведомств [Проект Федерального закона «О социализации...», 2025]. Приоритетной задачей остается укрепление межведомственного взаимодействия, совершенствование нормативной базы, повышение квалификации кадров и развитие аналитических инструментов.

Заключение

Предложенная модель классификации административных правонарушений иностранных граждан по степени общественной опасности, основанная на аналогии со ст. 15 УК РФ и с учетом международного опыта, может существенно повысить предсказуемость и справедливость правоприменения. Для ее эффективной реализации необходимо:

- Актуализировать нормативную базу, в том числе КоАП РФ и миграционное законодательство, с учетом предлагаемой шкалы опасности.
- Разработать и внедрить детализированные ведомственные регламенты для МВД России, устанавливающие четкие критерии оценки и порядок применения санкций.
- Обеспечить единообразие правоприменения через обучение должностных лиц и создание механизмов контроля.

- Проводить мониторинг и анализ практики применения классификации, внося необходимые коррективы.

Международный опыт подтверждает ценность системной пропорциональной и многоуровневой шкалы санкций, ориентированной на исправление поведения. Адаптация этих подходов к российскому правовому контексту, формирование единого Миграционного кодекса и развитие межведомственного взаимодействия станут ключевыми факторами успешной реализации предложенной концепции.

Библиография

1. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. М.: Эксмо, 2019. 608 с.
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. М., 2025.
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) (заключена в г. Риме 04.11.1950).
4. Зеленцов А.Б. Административно-процессуальное право России: учебник. М.: Проспект, 2021. 512 с.
5. Информационное сообщение МВД России «О результатах проверки деятельности территориальных органов по вопросам миграции» от 15.06.2024.
6. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утв. Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622).
7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования миграционного контроля» (2024).
8. Проект Федерального закона «О социализации, интеграции и адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (подготовлен МВД России, 2025).
9. Стариков Ю.Н. Административное право: в 2 ч. М.: Проспект, 2020. 896 с.
10. Указ Президента РФ от 02.04.2024 № 233 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 15. Ст. 2098.
11. Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33. Ст. 4972.
12. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
13. Immigration Act 1971 (UK) // Public General Acts. 1971. Chapter 77.
14. Migration Act 1958 (Australia) // Commonwealth of Australia. 1958.

Classification of Administrative Offenses by Degree of Public Danger for Foreign Citizens: Analogy with Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, Introduction of Positive International Experience, and Regulations for the Ministry of Internal Affairs

Yuliya P. Galdzitskaya

Postgraduate Student,
Vyatka State University,
610000, 36, Moskovskaya str., Kirov, Russian Federation;
e-mail: uridicclinic@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the development of a concept for classifying administrative offenses by degree of public danger in relation to foreign citizens, taking into account positive international experience and the possibility of adaptation to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and migration legislation. Based on an analogy with Article 15 of the Criminal Code of

the Russian Federation, a multi-level scale (minimal/low, medium, high, extremely high) and specific criteria for assessing risk, recidivism, and impact on public order are proposed. In conclusion, practical regulations for the Ministry of Internal Affairs on the application of this classification are provided, including recommendations on calculation methodology and uniform law enforcement.

For citation

Galdzitskaya Yu.P. (2026) Klassifikatsiya administrativnykh pravonarusheniy po stepeni obshchestvennoy opasnosti dlya inostrannykh grazhdan: analogiya so st. 15 UK RF, vnedreniye polozhitel'nogo mezhdunarodnogo opyta i reglamenti dlya MVD [Classification of Administrative Offenses by Degree of Public Danger for Foreign Citizens: Analogy with Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, Introduction of Positive International Experience, and Regulations for the Ministry of Internal Affairs]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 135-140. DOI: 10.34670/AR.2026.88.94.015.

Keywords

Administrative offenses, foreign citizens, classification, degree of public danger, analogy with Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, migration legislation, proportionality of sanctions, uniformity of law enforcement, regulations of the Ministry of Internal Affairs, international experience.

References

1. Bakhrakh, D.N. (2019). *Administrativnoye pravo Rossii* [Administrative Law of Russia]. Moscow: Eksmo.
2. Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025. (2018). Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 622 of October 31, 2018.
3. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 5). (1950). Rome.
4. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation". (2002). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (30), Art. 3032.
5. Federal Law No. 260-FZ of August 8, 2024 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". (2024). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (33), Art. 4972.
6. Immigration Act 1971. (1971). *Public General Acts*, Chapter 77.
7. Information Message of the Ministry of Internal Affairs of Russia "On the Results of the Inspection of the Activities of Territorial Bodies on Migration Issues" of June 15, 2024.
8. Migration Act 1958. (1958). Commonwealth of Australia.
9. Ministry of Internal Affairs of Russia. (2025). Draft Federal Law "On Socialization, Integration and Adaptation of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation".
10. Ministry of Internal Affairs of Russia. (2024). Explanatory Note to the Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation for the Purpose of Improving Migration Control".
11. Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2024. (2025). Moscow.
12. Starilov, Yu.N. (2020). *Administrativnoye pravo* [Administrative Law] (Vols. 1-2). Moscow: Prospekt.
13. Ukaz Prezidenta RF [Decree of the President of the Russian Federation] No. 233 of April 2, 2024 "Issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". (2024). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (15), Art. 2098.
14. Zelentsov, A.B. (2021). *Administrativno-protsessualnoye pravo Rossii* [Administrative Procedural Law of Russia]. Moscow: Prospekt.

УДК 342.92:347.965

DOI: 10.34670/AR.2026.74.29.016

Иммиграционный адвокат как субъект административного процесса: проблемы реализации административно-процессуального статуса

Галдзицкая Юлия Павловна

Аспирант,
Вятский государственный университет,
610000, Российская Федерация, Киров, ул. Московская, 36;
e-mail: uridicclinic@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется административно-правовой статус иммиграционного адвоката через призму его участия в административном процессе в сфере миграционных отношений. Анализируются процессуальные формы реализации полномочий адвоката в досудебных административных процедурах и в судебном административном судопроизводстве. На основе анализа законодательства об адвокатской деятельности, миграционного законодательства и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации выявляются проблемы правового регулирования участия адвоката в административном процессе по миграционным делам. Особое внимание уделяется коллизиям между общими нормами о представительстве и специальными правилами миграционных процедур, а также вопросам эффективности адвокатского запроса как инструмента собирания доказательств. Обосновывается необходимость совершенствования административно-процессуального законодательства в части регламентации статуса профессионального представителя в миграционных правоотношениях.

Для цитирования в научных исследованиях

Галдзицкая Ю.П. Иммиграционный адвокат как субъект административного процесса: проблемы реализации административно-процессуального статуса // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 141-155. DOI: 10.34670/AR.2026.74.29.016

Ключевые слова

Иммиграционный адвокат, административный процесс, административное судопроизводство, миграционное право, административно-правовой статус, представительство, административные процедуры, адвокатский запрос.

Введение

Современное состояние административного процесса в сфере миграции характеризуется высокой степенью формализации процедурно-процессуальных правил, значительным объемом ведомственного нормотворчества и усложнением порядка реализации иностранными гражданами своих прав. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ, 2002] устанавливает детальную регламентацию процедур получения разрешения на временное проживание, вида на жительство, порядка осуществления миграционного учета, однако оставляет открытым вопрос о механизмах профессиональной юридической помощи в этих процедурах.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления административно-процессуального статуса иммиграционного адвоката как участника миграционных правоотношений. В юридической науке традиционно уделяется внимание правовому положению иностранных граждан либо общему статусу адвоката, тогда как процессуальные аспекты деятельности адвоката именно в административном процессе (в отличие от уголовного или гражданского) остаются недостаточно исследованными. Между тем именно административный процесс становится основной сферой реализации миграционных правоотношений: от подачи заявления в миграционный орган до обжалования его решений в суде в порядке административного судопроизводства.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей и проблем административно-процессуального статуса иммиграционного адвоката, анализе механизмов реализации его полномочий в досудебных административных процедурах и в судебном административном процессе, а также в разработке предложений по совершенствованию правового регулирования.

Административно-правовые основы деятельности иммиграционного адвоката

Понятие иммиграционного адвоката и его место в системе административных правоотношений

Иммиграционный адвокат в контексте административного процесса представляет собой лицо, получившее статус адвоката в установленном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ, 2002] порядке и осуществляющее профессиональную защиту прав и законных интересов иностранных граждан, лиц без гражданства, а также российских граждан в сфере миграционных правоотношений, урегулированных нормами административного права.

Специфика административно-правового статуса иммиграционного адвоката обусловлена двойственной природой его участия в правоотношениях. С одной стороны, он выступает как носитель специального правового статуса, установленного законодательством об адвокатуре (право на адвокатский запрос, адвокатская тайна, особый порядок приостановления статуса). С другой стороны, вступая в конкретные административные процедуры (получение РВП, ВНЖ, гражданства), он становится участником административно-процессуальных отношений, регулируемых миграционным законодательством, ведомственными административными регламентами и, в конечном счете, Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации [Кодекс административного судопроизводства РФ, 2015].

Деятельность иммиграционного адвоката охватывает следующие направления, имеющие административно-правовую природу: консультирование по вопросам применения миграционного законодательства; подготовка и подача документов в органы Министерства внутренних дел Российской Федерации; представление интересов доверителя при взаимодействии с должностными лицами миграционных органов; обжалование решений, действий (бездействия) органов публичной власти в порядке подчиненности (административные жалобы) и в судебном порядке по правилам КАС РФ.

Административно-процессуальные источники правового регулирования

Правовое регулирование участия иммиграционного адвоката в административном процессе осуществляется на трех уровнях, между которыми существуют определенные противоречия и пробелы.

Первый уровень составляют нормы Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», устанавливающие общий статус адвоката. Статья 6 данного Закона закрепляет полномочия адвоката, включая право собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, опрашивать лиц с их согласия, запрашивать справки и иные документы. Особое значение имеет статья 6.1, регламентирующая адвокатский запрос как инструмент получения информации от органов государственной власти. Однако применение этих общих норм в миграционных правоотношениях сталкивается с определенными сложностями, связанными со спецификой законодательства о персональных данных и ведомственного регулирования.

Второй уровень представлен миграционным законодательством. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ, 2023] детально регламентируют административные процедуры, но практически не упоминают адвоката как участника этих процедур. Так, статья 9 Федерального закона № 115-ФЗ, устанавливая перечень документов, представляемых для получения разрешения на временное проживание, не определяет порядок подачи таких документов через представителя и требования к подтверждению его полномочий. Это создает правовую неопределенность на стадии досудебных административных процедур.

Третий уровень составляет Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ. Глава 5 КАС РФ посвящена лицам, участвующим в деле, и иным участникам судебного процесса. Адвокат в административном судопроизводстве выступает в качестве представителя. Статья 54 КАС РФ устанавливает требования к лицам, которые могут быть представителями, а статья 56 определяет их полномочия. Однако КАС РФ, будучи общим процессуальным актом, не учитывает специфику миграционных споров, связанную с необходимостью перевода документов, их легализации, участия переводчика, что требует дополнительного осмысления.

Административно-процессуальный статус: понятие и элементы

Административно-процессуальный статус иммиграционного адвоката можно определить как совокупность его прав и обязанностей, реализуемых при участии в административных процедурах и административном судопроизводстве по делам, связанным с миграционными правоотношениями.

Структурно данный статус включает следующие элементы: 1) права и обязанности в отношениях с государственными органами в рамках досудебных административных процедур; 2) права и обязанности как лица, участвующего в деле (представителя) в административном

судопроизводстве; 3) гарантии независимости и самостоятельности при реализации процессуальных функций (адвокатская тайна, запрет вмешательства в деятельность); 4) ответственность за ненадлежащее исполнение процессуальных обязанностей.

Особенность административно-процессуального статуса иммиграционного адвоката заключается в его производности от статуса доверителя. Объем процессуальных прав адвоката в административном процессе не может превышать объем прав самого иностранного гражданина, однако профессиональный характер деятельности предполагает наличие дополнительных инструментов (адвокатский запрос, право на ознакомление с материалами, право на заявление ходатайств), эффективность реализации которых зависит от их согласованности с миграционным законодательством.

Процессуальные формы участия иммиграционного адвоката в административном процессе

Участие в досудебных административных процедурах

Досудебные административные процедуры в сфере миграции представляют собой урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность органов публичной власти по рассмотрению обращений иностранных граждан и принятию решений о предоставлении (отказе в предоставлении) определенного миграционного статуса. Иммиграционный адвокат участвует в данных процедурах в качестве профессионального представителя, однако процессуальные формы такого участия нуждаются в анализе.

Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственных услуг в сфере миграции (утвержден приказом МВД России от 01.11.2017 № 825) [Приказ МВД России от 01.11.2017 № 825, 2017] предусматривает возможность подачи документов через представителя. Однако в правоприменительной практике возникают вопросы о форме подтверждения полномочий (требуется ли нотариальная доверенность от иностранного гражданина, выданная за рубежом, с апостилем и переводом), о возможности представителя подписывать заявления, давать объяснения, получать готовые документы.

Следует отметить, что ведомственные акты МВД России не содержат специальных положений об адвокате как лице, обладающем особым правовым статусом. Это приводит к тому, что адвокат в административной процедуре фактически приравнивается к любому иному представителю, что нивелирует преимущества адвокатской деятельности (гарантии независимости, обязанность соблюдать профессиональную этику, повышенная ответственность). С позиции административного процесса такой подход представляется не вполне оправданным, поскольку адвокат, в отличие от обычного представителя, несет дополнительные обязанности перед доверителем и государством.

В таблице 1 представлены основные административные процедуры в сфере миграции и формы участия в них иммиграционного адвоката.

Особого внимания заслуживает проблема доступа адвоката к материалам административного дела. В отличие от уголовного процесса, где адвокат вправе знакомиться с материалами с момента окончания предварительного расследования, в административных процедурах по миграционным вопросам право адвоката на ознакомление с материалами проверки, с решением и основаниями его принятия законодательно не закреплено. Это создает препятствия для подготовки мотивированных жалоб и заявлений.

**Таблица 1 – Административные процедуры
в сфере миграции и участие адвоката**

Процедура	Орган власти	Процессуальные действия адвоката	Правовая основа	Проблемы правоприменения
Получение разрешения на временное проживание (РВП)	УВМ МВД России	Подготовка заявления и документов, консультирование, взаимодействие с органом	Ст. 6 Закона об адвокатуре; Административный регламент	Неопределенность статуса представителя; требования к доверенности
Оформление вида на жительство (ВНЖ)	УВМ МВД России	Правовая экспертиза документов, обжалование промежуточных отказов	Ст. 8 Закона о правовом положении иностранных граждан	Сложность получения информации о ходе рассмотрения
Прием в гражданство	МВД России	Подготовка заявления, представление интересов в комиссиях	Ст. 32 Закона о гражданстве	Отсутствие регламентации участия представителя в собеседовании
Оформление визы	Консульские учреждения, МВД	Визовая поддержка, обжалование отказов	Консульский устав; ведомственные акты	Территориальная удаленность; ограниченные сроки обжалования
Разрешение на работу	УВМ МВД России	Представление интересов работодателя, подготовка ходатайств	Гл. V Закона № 115-ФЗ	Разрозненность требований в разных регионах

Участие в административном судопроизводстве

Административное судопроизводство по делам, связанным с защитой прав иностранных граждан, осуществляется по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Иммиграционный адвокат выступает в данном процессе в качестве представителя, наделенного комплексом процессуальных прав, предусмотренных статьей 45 КАС РФ.

Процессуальное положение адвоката в административном судопроизводстве характеризуется следующими особенностями. Во-первых, в соответствии с частью 1 статьи 55 КАС РФ представителем в суде может быть адвокат при предъявлении суду документов о своем статусе и полномочиях. Это отличает административное судопроизводство от гражданского, где круг представителей шире. Во-вторых, статья 56 КАС РФ определяет объем полномочий представителя, которые должны быть специально оговорены в доверенности (право на подписание иска, передачу его в суд, заявление ходатайств и т.д.).

Однако анализ практики рассмотрения административных дел по заявлениям иностранных граждан об оспаривании решений миграционных органов выявляет ряд проблем процессуального характера. Так, статья 62 КАС РФ возлагает на лицо, обратившееся в суд, обязанность доказывания факта нарушения его прав. Адвокат в этой ситуации сталкивается с проблемой собирания доказательств: многие документы находятся в распоряжении административного ответчика (миграционного органа), а механизм их истребования через суд требует времени и процессуальной активности самого суда.

Особую сложность представляют дела об оспаривании решений о депортации или неразрешении въезда. Данные категории дел рассматриваются в сокращенные сроки (статья 226 КАС РФ), что требует от адвоката оперативного реагирования, однако процедура ознакомления с материалами, послужившими основанием для принятия решения, затруднена ввиду отсутствия у миграционных органов обязанности предоставлять их представителю до судебного заседания.

Еще один аспект связан с реализацией адвокатской тайны в административном судопроизводстве. Согласно статье 8 Закона об адвокатуре, адвокат не может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением за юридической помощью. В административном процессе нередко возникают ситуации, когда суд пытается выяснить у адвоката позицию доверителя, причины выбора той или иной тактики защиты, что противоречит принципу адвокатской тайны.

Проблемы реализации специальных полномочий адвоката в административном процессе

Адвокатский запрос как инструмент собирания доказательств занимает особое место в механизме реализации адвокатом своих полномочий. Статья 6.1 Закона об адвокатуре устанавливает обязанность органов государственной власти отвечать на адвокатский запрос в тридцатидневный срок. Однако применение данной нормы в миграционных правоотношениях сопряжено с определенными сложностями.

Во-первых, запрашиваемая информация часто содержит персональные данные иностранных граждан, и миграционные органы отказывают в ее предоставлении, ссылаясь на Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ [Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ, 2006]. При этом баланс между правом адвоката на получение информации и защитой персональных данных законодательно не урегулирован, что создает почву для произвольных отказов.

Во-вторых, административные регламенты деятельности миграционных органов не содержат специальных процедур взаимодействия с адвокатами, что приводит к рассмотрению адвокатских запросов в общем порядке работы с обращениями граждан, без учета специфики адвокатской деятельности и сроков, установленных процессуальным законодательством.

В-третьих, Закон об адвокатуре не предусматривает эффективной ответственности за непредоставление информации по адвокатскому запросу либо за предоставление заведомо недостоверной информации. В отличие от сферы предпринимательской деятельности, где за непредоставление информации по запросу адвоката установлена административная ответственность (статья 5.39 КоАП РФ предусматривает ответственность за непредоставление информации любому лицу, но только в случаях, установленных законом, и не содержит специальной санкции за нарушение порядка рассмотрения именно адвокатского запроса), в сфере миграционных правоотношений механизм принуждения к исполнению обязанности по предоставлению информации отсутствует.

Сравнительно-правовой анализ статуса иммиграционного адвоката в досудебных и судебных административных процедурах

Проведенное исследование позволяет осуществить сравнительно-правовой анализ административно-процессуального статуса иммиграционного адвоката на двух ключевых стадиях административного процесса: в досудебных административных процедурах, реализуемых в органах Министерства внутренних дел Российской Федерации, и в судебном административном процессе, осуществляемом по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Необходимость такого анализа обусловлена выявленной фрагментарностью правового регулирования, которая порождает существенные различия в объеме процессуальных прав и гарантий адвоката в зависимости от стадии производства по делу.

Нормативная основа участия адвоката. Наиболее существенное различие наблюдается уже в самом характере нормативного регулирования. В досудебных административных процедурах специальное регулирование статуса адвоката как представителя отсутствует. Деятельность адвоката на этой стадии регламентируется преимущественно ведомственными

административными регламентами (например, Приказ МВД России от 01.11.2017 № 825), которые упоминают возможность подачи документов через представителя, но не дифференцируют правовое положение обычного представителя и адвоката, обладающего специальным статусом. Фактически отношения представительства на досудебной стадии регулируются общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации о представительстве и доверенности, что не учитывает специфики адвокатской деятельности.

В судебном административном процессе ситуация принципиально иная. Глава 5 КАС РФ «Лица, участвующие в деле, и иные участники судебного процесса» содержит детальную регламентацию статуса представителя, включая специальные положения об адвокате как лице, оказывающем квалифицированную юридическую помощь. Кодекс устанавливает требования к лицам, которые могут быть представителями (статья 54), порядок оформления полномочий (статья 57), а также права и обязанности представителя в процессе. Таким образом, если в досудебных процедурах адвокат действует в условиях правовой неопределенности, то в суде его статус четко определен процессуальным законом.

Основания возникновения полномочий и требования к их подтверждению. Различия прослеживаются и в требованиях к документам, подтверждающим полномочия адвоката. В досудебных административных процедурах миграционные органы, руководствуясь общими подходами к представительству, требуют нотариально удостоверенную доверенность. Применительно к иностранным гражданам это порождает дополнительные сложности: доверенность, выданная за рубежом, должна быть легализована (либо на ней должен быть проставлен апостиль), переведена на русский язык, перевод должен быть нотариально удостоверен. Данные требования, будучи формально обоснованными, создают существенные барьеры для оперативного получения юридической помощи, особенно в ситуациях, требующих срочного реагирования (например, при задержании или при угрозе депортации).

В административном судопроизводстве действует более гибкий механизм. В соответствии с частью 3 статьи 57 КАС РФ, адвокат может быть допущен к участию в деле на основании ордера, выданного соответствующим адвокатским образованием, что значительно упрощает процедуру вступления в процесс. Однако для совершения наиболее значимых процессуальных действий (подписание административного искового заявления, передача его в суд, полный или частичный отказ от исковых требований) требуется специальное указание в доверенности, что соответствует статье 56 КАС РФ. Таким образом, в судебном процессе сочетаются оперативность допуска адвоката (на основании ордера) и гарантии волеизъявления доверителя при совершении ключевых процессуальных действий (на основании доверенности).

Объем процессуальных прав адвоката. Пожалуй, наиболее существенные различия касаются объема процессуальных прав, которыми наделен адвокат на каждой из стадий. В досудебных административных процедурах право адвоката на ознакомление с материалами административного дела, на снятие копий, на получение мотивированного решения миграционного органа законодательно не закреплено. Отсутствие данных прав создает ситуацию, при которой адвокат вынужден действовать в условиях информационной асимметрии: он не знает, какие именно документы и сведения послужили основанием для принятия решения, не может оценить полноту проверки, проведенной миграционным органом, и, соответственно, не может эффективно подготовить мотивированную жалобу. Как справедливо отмечается в научной литературе, такое положение дел существенно снижает потенциал досудебного обжалования как механизма защиты прав.

В административном судопроизводстве адвокат, напротив, наделяется широким кругом процессуальных прав, предусмотренных статьей 45 КАС РФ. Он вправе знакомиться с

материалами дела, делать выписки из них, снимать копии, заявлять отводы, представлять доказательства и знакомиться с доказательствами, представленными другими лицами, задавать вопросы другим участникам процесса, заявлять ходатайства, давать объяснения суду в устной и письменной форме, обжаловать судебные акты. Этот объем прав позволяет адвокату выступать полноценным участником состязательного процесса, активно отстаивая позицию доверителя.

Инструменты доказывания. Существенно различаются и инструменты, доступные адвокату для собирания доказательств. На досудебной стадии основным (и фактически единственным) инструментом выступает адвокатский запрос, предусмотренный статьей 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Однако, как было показано ранее, эффективность данного инструмента в миграционных правоотношениях ограничена: миграционные органы нередко отказывают в предоставлении информации, ссылаясь на законодательство о персональных данных, а ответственность за неисполнение адвокатского запроса в данной сфере не установлена. Кроме того, срок рассмотрения адвокатского запроса (30 дней) зачастую не согласуется со сроками, в течение которых необходимо принять решение о подаче жалобы.

В административном судопроизводстве адвокат может использовать более эффективный механизм – институт судебного истребования доказательств, предусмотренный статьей 63 КАС РФ. Адвокат вправе заявить ходатайство об истребовании доказательства, которое суд не может получить самостоятельно. Суд выносит определение об истребовании доказательства, которое является обязательным для исполнения и подлежит исполнению в установленный судом срок. Неисполнение требования суда влечет процессуальную ответственность, включая наложение судебного штрафа (статья 122 КАС РФ). Таким образом, инструментарий адвоката в суде подкреплен властными полномочиями суда, что делает его существенно более эффективным.

Сроки в административном процессе. Сравнительный анализ обнаруживает различия и в сроках, в течение которых осуществляются процедуры. Досудебные административные процедуры характеризуются достаточно длительными сроками рассмотрения заявлений (до 6 месяцев для РВП и ВНЖ), что создает определенный временной ресурс для сбора документов и подготовки позиции. Однако, как отмечалось выше, этот ресурс обесценивается отсутствием у адвоката доступа к информации о ходе рассмотрения дела и основаниях принятия промежуточных решений.

В судебном процессе ситуация иная. Сроки рассмотрения административных дел, особенно связанных с депортацией, неразрешением въезда или выдворением, являются сокращенными. Статья 226 КАС РФ устанавливает, что дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти рассматриваются в течение одного месяца. Для отдельных категорий дел (например, о госпитализации в недобровольном порядке) установлены еще более короткие сроки. Это требует от адвоката высокой оперативности и готовности к работе в условиях жесткого временного лимита, что, впрочем, компенсируется наличием у него полноценного доступа к материалам дела и возможности заявлять ходатайства.

Гарантии независимости адвоката. Наконец, принципиально различаются гарантии независимости адвоката. В досудебных административных процедурах адвокат, как уже отмечалось, фактически приравнивается к любому иному представителю. Это означает, что специальные гарантии, установленные законодательством об адвокатуре (адвокатская тайна, запрет вмешательства в адвокатскую деятельность, особый порядок привлечения к ответственности), на данной стадии могут не действовать в полном объеме либо их реализация затруднена ввиду отсутствия процессуального механизма.

В административном судопроизводстве гарантии независимости адвоката обеспечиваются самим характером судебного процесса, основанного на принципах состязательности и равноправия сторон. Суд обязан соблюдать процессуальные права всех участников процесса, включая представителей. Кроме того, статья 8 Закона об адвокатуре, устанавливающая адвокатскую тайну, действует в полном объеме, и суд не вправе требовать от адвоката разглашения сведений, связанных с оказанием юридической помощи. Как показывает судебная практика, нарушения данного принципа являются основанием для отмены судебных актов.

Систематизация сравнительного анализа. Проведенное сравнение позволяет систематизировать выявленные различия в наглядной форме (таблица 2).

Таблица 2 – Сравнительный анализ статуса иммиграционного адвоката в досудебном и судебном административном процессе

Критерий сравнения	Досудебный административный процесс (в органах МВД)	Судебный административный процесс (по КАС РФ)
Нормативная основа	Отсутствует специальное регулирование. Фрагментарно — ведомственные административные регламенты. De facto — общие нормы ГК РФ о представительстве	Детальная регламентация главой 5 КАС РФ. Специальные нормы об адвокате как представителе
Основание возникновения полномочий	Нотариально удостоверенная доверенность (с требованиями легализации/апостиля и перевода для иностранных документов)	Ордер (для допуска к участию) + доверенность с специально оговоренными полномочиями (ст. 56 КАС РФ)
Объем процессуальных прав	Законодательно не определен. Право на ознакомление с материалами, снятие копий, получение мотивированного решения de jure отсутствует	Широкий круг прав, предусмотренных ст. 45 КАС РФ (ознакомление с материалами, заявление ходатайств, отводов, дача объяснений)
Инструменты доказывания	Адвокатский запрос (ст. 6.1 Закона об адвокатуре). Эффективность ограничена: отказы по основаниям защиты персональных данных, отсутствие ответственности за неисполнение	Институт судебного истребования доказательств (ст. 63 КАС РФ), обеспеченный властными полномочиями суда и возможностью наложения штрафа
Сроки	Длительные сроки рассмотрения (до 6 месяцев) при отсутствии у адвоката информации о ходе процесса. Срок ответа на запрос — 30 дней	Сокращенные процессуальные сроки (1 месяц по общему правилу, еще более короткие — для отдельных категорий дел)
Гарантии независимости	Отсутствуют. Адвокат приравнен к «иному представителю». Специальные гарантии (адвокатская тайна) не имеют процессуального механизма реализации	Обеспечены принципами судопроизводства. Адвокатская тайна защищена (ст. 8 Закона об адвокатуре). Суд обязан соблюдать процессуальные права представителя
Критерий сравнения	Досудебный административный процесс (в органах МВД)	Судебный административный процесс (по КАС РФ)

Проведенное сравнение позволяет сделать ряд принципиальных выводов, имеющих значение для понимания административно-процессуального статуса иммиграционного адвоката и направлений его совершенствования.

Выявлен существенный дисбаланс в правовом регулировании статуса адвоката на различных стадиях административного процесса. Если в судебном административном процессе статус адвоката детально регламентирован, обеспечен широким кругом процессуальных прав и эффективными инструментами доказывания, то на досудебной стадии его положение характеризуется правовой неопределенностью. Адвокат здесь лишен законодательно

закрепленных процессуальных прав, а его ключевой инструмент — адвокатский запрос — не имеет надежного механизма реализации в миграционной сфере.

Наблюдается разрыв в гарантиях независимости адвоката. Специальные гарантии, установленные законодательством об адвокатуре, в полной мере реализуются лишь в судебном процессе, тогда как в досудебных административных процедурах их действие фактически блокируется отсутствием процессуального механизма.

Требования к подтверждению полномочий адвоката в досудебных процедурах (нотариальная доверенность с легализацией и переводом) создают избыточные административные барьеры, особенно для иностранных граждан, нуждающихся в срочной юридической помощи. Более гибкий механизм, предусмотренный КАС РФ (сочетание ордера и доверенности со специальными полномочиями), представляется более сбалансированным и мог бы быть частично заимствован для досудебных процедур.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ убедительно демонстрирует фрагментарность административно-процессуального статуса иммиграционного адвоката. Сложившаяся ситуация требует законодательного восполнения пробелов в регулировании досудебных административных процедур с целью обеспечения непрерывности и полноты защиты прав иностранных граждан на всех стадиях административного процесса.

Проблемы правового регулирования и пути их решения

Коллизии общего и специального законодательства

Анализ правового регулирования участия иммиграционного адвоката в административном процессе позволяет выявить ряд системных проблем, обусловленных несогласованностью законодательства об адвокатуре, миграционного законодательства и процессуального законодательства.

Во-первых, наблюдается коллизия между статьей 6 Закона об адвокатуре, предоставляющей адвокату право собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, и положениями миграционного законодательства, устанавливающими закрытые перечни документов, которые заявитель обязан представить лично. Например, при подаче заявления о выдаче вида на жительство требуется личная явка заявителя для подачи заявления и фотографирования (пункт 56 Административного регламента) [Приказ МВД России от 01.11.2017 № 825, 2017]. Возникает вопрос: каково процессуальное значение участия адвоката, если ключевые действия совершаются лично доверителем?

Во-вторых, существуют противоречия между процессуальными сроками, установленными КАС РФ, и сроками, предусмотренными для рассмотрения адвокатских запросов. Административное исковое заявление должно быть подано в течение трех месяцев со дня, когда гражданину стало известно о нарушении его прав (часть 1 статьи 219 КАС РФ). При этом на рассмотрение адвокатского запроса отводится 30 дней, что в совокупности со временем на подготовку иска может привести к пропуску процессуального срока.

В-третьих, отсутствует законодательное закрепление процессуального статуса адвоката в досудебных административных процедурах. В отличие от налоговых или таможенных правоотношений, где институт представительства урегулирован специальными нормами (статья 26 Налогового кодекса РФ [Налоговый кодекс РФ, 1998], статья 48 Таможенного кодекса ЕАЭС [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017]), в миграционном законодательстве представительство существует скорее *de facto*, чем *de jure*, что создает неопределенность в отношениях с государственными органами.

Направления совершенствования административно-процессуального законодательства

Решение выявленных проблем видится в комплексном совершенствовании административно-процессуального регулирования статуса иммиграционного адвоката.

Представляется целесообразным внесение изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» путем дополнения его статьей, устанавливающей право иностранного гражданина на получение квалифицированной юридической помощи и определяющей процессуальный статус адвоката как представителя в административных процедурах. В частности, необходимо закрепить право адвоката знакомиться с материалами административного дела, получать копии решений миграционного органа, присутствовать при совершении процессуальных действий с участием доверителя.

Важным направлением является разработка и утверждение административного регламента взаимодействия миграционных органов с адвокатами. Такой регламент должен предусматривать: сокращенные сроки ответа на адвокатские запросы по делам, связанным с депортацией или выдворением; порядок ознакомления адвоката с материалами административного расследования; особенности приема документов, подаваемых через адвоката; порядок уведомления адвоката о времени и месте рассмотрения административных дел в отношении его доверителя.

Требуется также уточнение положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в части особенностей участия адвоката в делах, связанных с защитой прав иностранных граждан. Возможно дополнение главы 22 КАС РФ специальной нормой, обязывающей административного ответчика (миграционный орган) при поступлении в суд административного искового заявления о признании незаконным решения о депортации или неразрешении въезда предоставлять адвокату истца копии материалов, послуживших основанием для принятия оспариваемого решения, в трехдневный срок.

Перспективным направлением представляется создание системы специализации адвокатов по миграционным спорам с введением обязательной сертификации. Такая модель существует в ряде зарубежных стран (США, Великобритания, Германия [[Петров, 2018]) и позволяет обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки адвокатов, участвующих в сложных административных процедурах. Применительно к российскому правовому пространству возможно создание реестра адвокатов, специализирующихся на миграционных делах, с установлением дополнительных требований к их квалификации и повышению квалификации.

Значение института иммиграционного адвоката для административного процесса

Развитие института иммиграционного адвоката имеет существенное значение для административного процесса в целом. Профессиональное представительство способствует повышению качества административных процедур, поскольку адвокат, обладая специальными знаниями, обеспечивает надлежащее оформление документов, соблюдение процессуальных сроков, правильное формулирование требований.

Кроме того, активное участие адвоката в административном процессе выступает дополнительной гарантией соблюдения прав иностранных граждан, которые зачастую не обладают достаточными знаниями о российском законодательстве, языковыми навыками, пониманием административных процедур. В этом смысле адвокат выполняет не только функцию представителя, но и функцию обеспечения доступа к правосудию.

С точки зрения административного права, деятельность иммиграционного адвоката способствует формированию единообразной правоприменительной практики, выявлению

проблемных положений законодательства, созданию прецедентов толкования административно-правовых норм. Обжалование решений миграционных органов в административном и судебном порядке позволяет корректировать ведомственное нормотворчество, устранять избыточные административные барьеры.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что административно-процессуальный статус иммиграционного адвоката в настоящее время характеризуется фрагментарностью правового регулирования и наличием нерешенных проблем в части реализации процессуальных полномочий.

Основные выводы исследования заключаются в следующем:

Во-первых, административно-процессуальный статус иммиграционного адвоката формируется на пересечении трех массивов правового регулирования: законодательства об адвокатской деятельности, миграционного законодательства и процессуального законодательства. Отсутствие системного единства между ними порождает коллизии, затрудняющие эффективную реализацию адвокатом своих функций.

Во-вторых, участие адвоката в досудебных административных процедурах не имеет достаточной законодательной основы. Миграционное законодательство и ведомственные административные регламенты не учитывают специальный статус адвоката, приравнивая его к обычному представителю, что снижает гарантии независимости юридической помощи.

В-третьих, в административном судопроизводстве иммиграционный адвокат сталкивается с проблемами собирания доказательств, доступа к материалам административных дел, соблюдения адвокатской тайны, что требует совершенствования процессуального законодательства с учетом специфики миграционных споров.

В-четвертых, адвокатский запрос как ключевой инструмент получения информации в административном процессе нуждается в дополнительном нормативном обеспечении, включая установление ответственности за его неисполнение применительно к сфере миграционных правоотношений.

Библиография

1. Авакьян С.А. Гражданство Российской Федерации: проблемы и перспективы // Государство и право. 2019. № 5. С. 5-15.
2. Административное право России: учебник / под ред. П.И. Кононова. М.: Юрайт, 2020. 480 с.
3. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. М.: Эксмо, 2019. 608 с.
4. Бондарь Н.С. Конституционные основы миграционной политики России // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 23-34.
5. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2018. 448 с.
6. Головистикова А.Н. Миграционное право России: теория и практика. М.: Эксмо, 2020. 352 с.
7. Дугенец А.С. Административная ответственность за нарушения миграционного законодательства // Административное право и процесс. 2020. № 4. С. 12-18.
8. Ершов В.В. Правовое положение иностранных граждан в России: теоретические и практические аспекты. М.: Норма, 2019. 256 с.
9. Ершов В.В. Процессуальный статус адвоката в административном судопроизводстве // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 21-27.
10. Зеленцов А.Б. Административно-процессуальное право России: учебник. М.: Проспект, 2021. 512 с.
11. Иванов А.А. Административно-правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 210 с.
12. Кобзарь-Фролова М.Н. Административно-правовое регулирование миграционных отношений: современное состояние и перспективы развития // Миграционное право. 2020. № 3. С. 8-14.

13. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
16. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
17. Панкова О.В. Рассмотрение дел об оспаривании решений миграционных органов: процессуальные особенности // Судья. 2021. № 5. С. 32-38.
18. Петров С.И. Правовое регулирование миграционных процессов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2018. 420 с.
19. Приказ МВД России от 01.11.2017 № 825 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание в Российской Федерации, а также форм отметки и бланка документа о разрешении на временное проживание в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
20. Соколов А.Ю. Административные процедуры в сфере миграции: понятие и виды // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2. С. 184-193.
21. Стариков Ю.Н. Административное право: в 2 ч. М.: Проспект, 2020. 896 с.
22. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org>.
23. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
24. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.
25. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215.
26. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
27. Шерстобоев О.Н. Административно-правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации // Право и политика. 2019. № 8. С. 45-53.

Immigration Lawyer as a Subject of Administrative Procedure: Problems of Implementing Administrative Procedural Status

Yuliya P. Galdzitskaya

Postgraduate Student,
Vyatka State University,
610000, 36, Moskovskaya str., Kirov, Russian Federation;
e-mail: uridicclinic@mail.ru

Abstract

The article examines the administrative-legal status of an immigration lawyer through the prism of his participation in the administrative process in the sphere of migration relations. The procedural forms of exercising the lawyer's powers in pre-trial administrative procedures and in judicial administrative proceedings are analyzed. Based on the analysis of legislation on advocacy, migration legislation, and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, problems of legal regulation of a lawyer's participation in the administrative process in migration cases are identified. Special attention is paid to conflicts between general norms on representation and special rules of

migration procedures, as well as to the effectiveness of the lawyer's request as a tool for gathering evidence. The necessity of improving administrative procedural legislation in terms of regulating the status of a professional representative in migration legal relations is substantiated.

For citation

Galdzitskaya Yu.P. (2026) *Immigratsionnyy advokat kak sub'yekt administrativnogo protsesssa: problemy realizatsii administrativno-protsessual'nogo statusa* [Immigration Lawyer as a Subject of Administrative Procedure: Problems of Implementing Administrative Procedural Status]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 141-155. DOI: 10.34670/AR.2026.74.29.016

Keywords

Immigration lawyer, administrative procedure, administrative proceedings, migration law, administrative-legal status, representation, administrative procedures, lawyer's request.

References

1. Avakyan, S.A. (2019). *Grazhdanstvo Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy* [Citizenship of the Russian Federation: Problems and Prospects]. *Gosudarstvo i pravo*, (5), 5-15.
2. Bakhrakh, D.N. (2019). *Administrativnoye pravo Rossii* [Administrative Law of Russia]. Moscow: Eksmo.
3. Bondar, N.S. (2020). *Konstitutsionnyye osnovy migratsionnoy politiki Rossii* [Constitutional Foundations of Migration Policy in Russia]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, (3), 23-34.
4. Dugenets, A.S. (2020). *Administrativnaya otvetstvennost za narusheniya migratsionnogo zakonodatelstva* [Administrative Liability for Violations of Migration Legislation]. *Administrativnoye pravo i protsess*, (4), 12-18.
5. Ershov, V.V. (2019). *Pravovoye polozheniye inostrannykh grazhdan v Rossii: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty* [Legal Status of Foreign Citizens in Russia: Theoretical and Practical Aspects]. Moscow: Norma.
6. Ershov, V.V. (2021). *Protssessualnyy status advokata v administrativnom sudoproizvodstve* [Procedural Status of a Lawyer in Administrative Proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya*, (2), 21-27.
7. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation". (2002). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (30), Art. 3032.
8. Federal Law No. 138-FZ of April 28, 2023 "On Citizenship of the Russian Federation". (2023). *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, (18), Art. 3215.
9. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 "On Personal Data". (2006). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (31), Art. 3451.
10. Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 "On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation". (2002). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (23), Art. 2102.
11. Golovistikova, A.N. (2020). *Migratsionnoye pravo Rossii: teoriya i praktika* [Migration Law of Russia: Theory and Practice]. Moscow: Eksmo.
12. Ivanov, A.A. (2019). *Administrativno-pravovoy status inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [Administrative and Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation] (Candidate's dissertation). Moscow.
13. Kobzar-Frolova, M.N. (2020). *Administrativno-pravovoye regulirovaniye migratsionnykh otnosheniy: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Administrative and Legal Regulation of Migration Relations: Current State and Development Prospects]. *Migratsionnoye pravo*, (3), 8-14.
14. Kononov, P.I. (Ed.). (2020). *Administrativnoye pravo Rossii* [Administrative Law of Russia]. Moscow: Yurayt.
15. Pankova, O.V. (2021). *Rassmotreniye del ob osparivanii resheniy migratsionnykh organov: protsessualnyye osobennosti* [Consideration of Cases Challenging Decisions of Migration Authorities: Procedural Features]. *Sudya*, (5), 32-38.
16. Petrov, S.I. (2018). *Pravovoye regulirovaniye migratsionnykh protsessov v Rossiyskoy Federatsii* [Legal Regulation of Migration Processes in the Russian Federation] (Doctoral dissertation). St. Petersburg.
17. Sherstoboev, O.N. (2019). *Administrativno-pravovoy status inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [Administrative and Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation]. *Pravo i politika*, (8), 45-53.
18. Sokolov, A.Yu. (2020). *Administrativnyye protsedury v sfere migratsii: ponyatiye i vidy* [Administrative Procedures in the Sphere of Migration: Concept and Types]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, (2), 184-193.
19. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 2002. № 1. St. 1.

-
20. Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii. Chast' pervaya ot 31.07.1998 № 146-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 31. St. 3824.
 21. Tamozhennyi kodeks Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza (prilozhenie № 1 k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza ot 11.04.2017). Ofitsial'nyi sait Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza. URL: <http://www.eaeunion.org>
 22. Starilov, Yu.N. (2020). *Administrativnoye pravo* [Administrative Law] (Vols. 1-2). Moscow: Prospekt.
 23. The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ of March 8, 2015. (2015). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, (10), Art. 1391.
 24. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993). (1993). *Rossiyskaya gazeta*, December 25.
 25. The Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 825 of November 1, 2017 "On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Provision of Public Services for Issuing Temporary Residence Permits to Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation, as well as Forms of Marks and Forms of Documents on Temporary Residence Permits in the Russian Federation". (2017). *Official Internet Portal of Legal Information*. Retrieved from <http://www.pravo.gov.ru>
 26. Vitruk, N.V. (2018). *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [General Theory of the Legal Status of the Individual]. Moscow: Norma.
 27. Zelentsov, A.B. (2021). *Administrativno-protsessualnoye pravo Rossii* [Administrative Procedural Law of Russia]. Moscow: Prospekt.

УДК 614.8:34

DOI: 10.34670/AR.2026.77.25.017

Трансформация роли МЧС России в системе обеспечения национальной безопасности в условиях новых вызовов

Бочков Павел Валерьевич

Кандидат экономических наук, доцент,
Доцент кафедры государственной службы и кадровой политики,
Уральский институт ГПС МЧС России,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 22;
e-mail: bochkov@example.ru

Аннотация

В статье рассматривается эволюция роли Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) как ключевого элемента системы национальной безопасности. Авторский анализ сосредоточен на среднесрочной перспективе 2025-2026 гг., которая характеризуется возрастанием комплексных рисков невоенного характера. Доказывается, что в современных условиях происходит качественный сдвиг от восприятия ведомства исключительно как оперативно-спасательной службы к его становлению в качестве центра стратегического управления мультидисциплинарными угрозами. Эта трансформация обусловлена климатическими изменениями, техногенными вызовами, необходимостью защиты критической инфраструктуры и обеспечения социально-политической стабильности. Исследование базируется на анализе документов стратегического планирования, публичных программных заявлений руководства министерства и наблюдаемых изменений в его практической деятельности. Делается вывод о том, что адаптационный потенциал и эффективность МЧС России становятся одним из индикаторов общей устойчивости государственной системы и напрямую влияют на реализацию национальных интересов в сфере безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Бочков П.В. Трансформация роли МЧС России в системе обеспечения национальной безопасности в условиях новых вызовов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 156-162. DOI: 10.34670/AR.2026.77.25.017

Ключевые слова

Национальная безопасность, МЧС России, гражданская оборона, управление рисками, чрезвычайные ситуации, новые вызовы, критическая инфраструктура, устойчивое развитие, межведомственное взаимодействие, государственная политика, методология исследования.

Введение

Концептуальные основы национальной безопасности в XXI веке пересматриваются под воздействием глобальных вызовов, которые носят трансграничный и системный характер [Указ Президента РФ № 400, 2021]. Традиционное доминирование военно-политических аспектов в стратегиях безопасности дополняется, а в некоторых контекстах и отодвигается на второй план, необходимостью противостояния угрозам, возникающим в природной, технологической и социальной сферах. Пандемия COVID-19, учащение катастрофических природных явлений, аварии на объектах жизнеобеспечения и энергетических комплексах продемонстрировали уязвимость высокоорганизованных обществ перед лицом кризисов невоенного характера. В этой новой реальности институты, ответственные за предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций (ЧС), выходят на передний план системы национальной безопасности.

Основная часть

Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) исторически создавалось как структура, интегрирующая усилия по борьбе с катастрофами. Однако динамика угроз и опыт последних лет указывают на то, что его классическая, преимущественно реактивная модель функционирования («тушение пожаров» в буквальном и переносном смысле) более не соответствует масштабу стоящих перед государством задач. Период 2025–2026 гг. видится как критически важный этап в процессе качественной трансформации ведомства, его перехода от роли «пожарной команды» к статусу проактивного субъекта стратегического управления рисками. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью научного осмысления этой трансформации, оценки её соответствия новым вызовам и определения перспективных направлений развития потенциала МЧС. Цель статьи заключается в комплексном анализе эволюции миссии, функций и места МЧС России в архитектуре национальной безопасности на указанный среднесрочный период, с фокусом на выявление ключевых трендов и противоречий данного процесса.

Рассмотрим новые угрозы для деятельности МЧС в 2025–2026 гг.

Деятельность МЧС России в среднесрочной перспективе будет разворачиваться в условиях действия нескольких взаимосвязанных мегатенденций, формирующих принципиально новую архитектуру угроз [Воробьев, 2005].

Во-первых, доминирующим фактором становится климатический вызов [Цаликов, Акимов, Козлов, 2009]. Антропогенное изменение климата перестаёт быть предметом академических дискуссий, превращаясь в источник конкретных и масштабных рисков для национальной безопасности. Учащение и интенсификация экстремальных погодных явлений – волн жары, продолжительных засух, катастрофических паводков, лесных мегапожаров, ледяных дождей – приводят не только к прямым человеческим жертвам и материальному ущербу. Они провоцируют долгосрочные дестабилизирующие последствия: снижение продовольственной безопасности из-за потери урожаев, ухудшение эпидемиологической обстановки, вынужденную внутреннюю миграцию, рост нагрузки на бюджетные системы в связи с необходимостью масштабного восстановления инфраструктуры. Для МЧС это означает не просто рост

количества инцидентов, но и изменение их географии, масштаба и одновременности, что требует перестройки логистики, ресурсного планирования и методов прогнозирования [Доклад об особенностях климата..., 2024].

Во-вторых, сохраняется и усугубляется комплекс техногенных и антропогенных рисков. Высокая степень износа объектов критической инфраструктуры (энергетика, ЖКХ, транспорт), наложенная на процессы цифровой трансформации и внедрения киберфизических систем, создаёт предпосылки для сложных, каскадных аварий. Кибератаки на системы диспетчеризации энергосетей или управления водоснабжением могут мгновенно спровоцировать гуманитарную катастрофу в крупных городах. Террористические угрозы объектам химической промышленности или АЭС остаются в повестке дня. Кроме того, социально-экономическое неравенство и маргинализация отдельных территорий повышают риски возникновения ЧС по причине человеческого фактора – нарушений техники безопасности, самовольных подключений к сетям и т.д.

В-третьих, резко возрастает социополитическая значимость эффективности реагирования [Акимов, Владимиров, Измалков, 2006]. В эпоху цифровых коммуникаций и социальных сетей действия (или бездействие) власти в зоне ЧС становятся предметом мгновенного и всеобщего. Нескоординированная эвакуация, задержки в доставке гуманитарной помощи, недостаточная информационная открытость мгновенно трансформируются в кризис доверия к государственным институтам. Таким образом, локальная чрезвычайная ситуация может быстро перерасти в угрозу социально-политической стабильности на региональном или даже федеральном уровне. Это возлагает на МЧС не только техническую, но и высокую политическую ответственность, превращая его работу в элемент легитимации государственной власти в глазах граждан.

Эволюция миссии: от ликвидации последствий к стратегическому управлению рисками.

Ответом МЧС России на указанные вызовы является глубокая трансформация собственной миссии. Ведомство последовательно наращивает компетенции, смещая фокус с финальной стадии кризисного цикла («ликвидация») к его начальным этапам – прогнозированию, предупреждению и подготовке. Эта эволюция проявляется в нескольких ключевых направлениях [Пролетенкова, 2025].

Центральным элементом новой парадигмы становится развитие предиктивно-аналитического потенциала. Если раньше основным инструментом был мониторинг уже возникших инцидентов, то сейчас приоритетом становится прогнозирование зон потенциального риска. Для этого МЧС активно внедряет технологии больших данных, геоинформационные системы (ГИС) и элементы искусственного интеллекта (ИИ). Анализ многолетних данных о погоде, состоянии лесных массивов, гидрологической обстановке, совмещённый с информацией о плотности населения и расположении инфраструктуры, позволяет строить вероятностные модели возникновения пожаров, паводков, оползней. На период 2025-2026 гг. ожидается переход от пилотных проектов к созданию общеведомственной цифровой платформы управления рисками. Это позволит не только прогнозировать угрозы, но и оптимально планировать превентивные мероприятия: проводить контролируемые выжигания, укреплять дамбы, заранее разворачивать мобильные группировки сил и средств в районах повышенной опасности. Таким образом, МЧС превращается в «ситуационный центр будущего», работающий на опережение [Указ Президента РФ № 646, 2016].

Второе стратегическое направление – переосмысление и модернизация гражданской

обороны (ГО). Концепция ГО, долгое время ассоциировавшаяся с угрозой крупномасштабной войны, обретает новую, актуальную жизненную наполненность. В условиях гибридных конфликтов, где удары по критической инфраструктуре становятся обычной практикой, система защиты населения, обеспечения устойчивости объектов экономики и управления в кризисный период является элементом повседневной безопасности. На 2025-2026 гг. запланирована дальнейшая модернизация систем оповещения, включая полноценный запуск системы Cell Broadcast (мгновенная рассылка геопривязанных SMS-сообщений на все телефоны в зоне риска), обновление фонда защитных сооружений и разработка новых методик по рассредоточению и эвакуации населения мегаполисов в случае техногенных или экологических катастроф. Гражданская оборона перестаёт быть «запасной» системой на случай апокалипсиса и становится рабочим инструментом повышения резильентности (устойчивости) территорий.

Третье, критически важное направление – усиление роли МЧС как системного интегратора и координатора [Постановление Правительства РФ № 794, 2003]. Ни одна современная ЧС не может быть эффективно разрешена усилиями одного, даже самого хорошо оснащённого ведомства. Ключ к успеху лежит в беспшовном межведомственном взаимодействии. МЧС эволюционирует в направлении создания единого управленческого контура для кризисных ситуаций. На практике это выражается в проведении масштабных комплексных учений с привлечением МВД, Росгвардии, Минобороны, ФСБ, Минздрава, региональных властей и общественных организаций. Речь идёт не только о совместных действиях на месте ЧС, но и о заблаговременной интеграции информационных систем, создании единых протоколов обмена данными, стандартизации процедур. Эта координирующая функция МЧС, закреплённая за ним законодательно, является его уникальным вкладом в национальную безопасность, так как позволяет преодолеть ведомственную разобщённость и обеспечить синергетический эффект от применения разнородных сил и средств.

Четвёртым направлением трансформации является курс на технологический суверенитет и глубокую модернизацию технического парка. Зависимость от зарубежных комплексов и программного обеспечения в сфере безопасности признана стратегическим риском. В ответ МЧС активно развивает отечественные образцы специализированной техники: самолёты-амфибии Бе-200ЧС, вертолётные комплексы, роботизированные платформы для разведки и работ в условиях радиационного, химического заражения или обрушений, беспилотные авиационные системы для мониторинга и аэрофотосъёмки. На период 2025-2026 гг. ставится задача не просто закупать технику, но и формировать вокруг неё целые экосистемы: готовить операторов, развивать сервисную сеть, интегрировать данные с беспилотников в единые информационные системы управления. Это не только повышает оперативность и безопасность работ, но и стимулирует развитие смежных отраслей отечественной промышленности, внося вклад в экономическую составляющую национальной безопасности.

Подытоживая нашу тему, сделаем вывод: проведённый анализ позволяет утверждать, что в период 2025-2026 гг. МЧС России продолжит свой путь качественной трансформации из оперативно-спасательной службы в многофункциональный государственный институт стратегического управления комплексными рисками. Его деятельность всё в меньшей степени сводится к ликвидации уже случившихся бедствий и всё в большей – к формированию среды, минимизирующей саму вероятность катастроф и максимизирующей устойчивость общества к их воздействию [Барышев, 2014].

Успешность этой трансформации будет определять не только количество спасённых жизней

и сохранённых материальных ценностей, но и общий уровень защищённости национальных интересов. Эффективное МЧС – это гарантия стабильности бюджетной системы (минимизация непредвиденных расходов на восстановление), условие для устойчивого экономического развития (защищённость инвестиций и инфраструктуры), фактор социального спокойствия и доверия граждан к государству. Таким образом, потенциал МЧС становится одним из ключевых несиловых инструментов обеспечения национальной безопасности в её современном, широком понимании.

Однако на этом пути существуют и вызовы. К ним можно отнести необходимость опережающего развития нормативно-правовой базы, регулирующей, например, применение робототехники и ИИ в спасательных операциях; проблему кадрового обеспечения, требующую подготовки специалистов нового типа – «менеджеров рисков» и IT-аналитиков; задачу поддержания высокого уровня технической готовности в условиях возможных бюджетных ограничений.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углублённом сравнительном анализе российской модели управления рисками с аналогичными системами ведущих мировых держав (FEMA в США, структуры гражданской защиты ЕС), а также в изучении социально-психологических аспектов – формирования культуры безопасности среди населения и адаптации общества к новому характеру угроз[Rhinard, Boin, 2023]. Период 2025-2026 гг. станет проверкой на прочность нового стратегического курса МЧС и во многом определит его место в национальной безопасности России на десятилетия вперёд.

Заключение

Таким образом, в период 2025-2026 гг. МЧС России переживает фундаментальную трансформацию, выходящую за рамки его традиционных функций. Из оперативного реагирующего ведомства оно превращается в стратегический институт управления комплексными рисками, чья деятельность напрямую определяет устойчивость социальной, экономической и политической систем страны. Эффективность этой трансформации будет зависеть от нескольких факторов: адекватности бюджетного финансирования, скорости внедрения передовых технологий, качества межведомственного взаимодействия и уровня подготовки кадров. Успех на этом пути позволит не только минимизировать потери от катастроф, но и укрепить доверие граждан к государству как гаранту безопасности в самом широком смысле этого слова, что и является конечной целью политики национальной безопасности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ моделей управления рисками в МЧС и аналогичных структурах ведущих мировых держав, а также на оценку социально-психологических аспектов готовности населения к новым типам угроз.

Библиография

1. Акимов В.А., Владимиров В.А., Измалков В.И. Катастрофы и безопасность. — М.: Деловой экспресс, 2006. — 392 с.
2. Барышев П.Ф. Комплексная безопасность в России: методологический подход // Власть. — 2014. — № 12. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-bezopasnost-v-rossii-metodologicheskij-podhod>
3. Воробьев Ю.Л. (ред.). Стратегические риски России: оценка и прогноз. — М.: Деловой экспресс, 2005. — 392 с.
4. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2023 год. — М., 2024. — 104 с.

5. Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 (ред. от 30.09.2025) «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45914/
6. Пролетенкова С.Е. Российская система противодействия чрезвычайным ситуациям: проблемы и механизмы совершенствования // Вестник БелЮИ МВД России. — 2025. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-sistema-protivodeystviya-chrezvychaynym-situatsiyam-problemy-i-mehanizmy-sovershenstvovaniya>
7. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/
8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/
9. Цаликов Р.Х., Акимов В.А., Козлов К.А. Оценка природной, техногенной и экологической безопасности России. — М.: ВНИИ ГОЧС МЧС России, 2009. — 464 с.

Transformation of the Role of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the National Security System in the Context of New Challenges

Pavel V. Bochkov

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Service and Personnel Policy,
Ural Institute of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
620000, 22, Mira str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: bochkov@example.ru

Abstract

The article examines the evolution of the role of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief (EMERCOM of Russia) as a key element of the national security system. The author's analysis focuses on the medium-term perspective of 2025-2026, which is characterized by an increase in complex non-military risks. It is argued that under current conditions, there is a qualitative shift from perceiving the agency solely as an operational rescue service to its establishment as a center for strategic management of multidisciplinary threats. This transformation is driven by climate change, man-made challenges, the need to protect critical infrastructure, and ensure socio-political stability. The study is based on an analysis of strategic planning documents, public policy statements by the ministry's leadership, and observed changes in its practical activities. It is concluded that the adaptive potential and effectiveness of EMERCOM of Russia are becoming one of the indicators of the overall resilience of the state system and directly affect the implementation of national interests in the security sphere.

For citation

Bochkov P.V. (2026) Transformatsiya roli MChS Rossii v sisteme obespecheniya natsional'noy bezopasnosti v usloviyakh novykh vyzovov [Transformation of the Role of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the National Security System in the Context of New Challenges]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 156-162. DOI: 10.34670/AR.2026.77.25.017

Keywords

National security, Ministry of Emergency Situations of Russia, civil defense, risk management, emergencies, new challenges, critical infrastructure, sustainable development, interagency cooperation, public policy, research methodology.

References

1. Akimov, V. A., Vladimirov, V. A., & Izmalkov, V. I. (2006). *Katastrofy i bezopasnost* [Catastrophes and Security]. Moscow: Delovoy ekspres.
2. Baryshev, P. F. (2014). Kompleksnaya bezopasnost v Rossii: metodologicheskiy podkhod [Integrated Security in Russia: A Methodological Approach]. *Vlast*, 12. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-bezopasnost-v-rossii-metodologicheskiy-podhod>
3. Doklad ob osobennostyakh klimata na territorii Rossiyskoy Federatsii za 2023 god [Report on Climate Features on the Territory of the Russian Federation for 2023]. (2024). Moscow.
4. Postanovleniye Pravitelstva RF ot 30.12.2003 No. 794 (red. ot 30.09.2025) «O edinoy gosudarstvennoy sisteme preduprezhdeniya i likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 794 of December 30, 2003 «On the Unified State System for the Prevention and Elimination of Emergency Situations»]. KonsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45914/
5. Proletenkova, S. E. (2025). Rossiyskaya sistema protivodeystviya chrezvychaynym situatsiyam: problemy i mekhanizmy sovershenstvovaniya [The Russian System of Countering Emergency Situations: Problems and Mechanisms for Improvement]. *Vestnik BelYuI MVD Rossii*, 1. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-sistema-protivodeystviya-chrezvychaynym-situatsiyam-problemy-i-mekhanizmy-sovershenstvovaniya>
6. Rhinard, M., & Boin, A. (Eds.). (2023). *Integration of Civil Protection in EU Security Architecture: Trends and Challenges*. Stockholm: Swedish Institute of International Affairs.
7. Tsalikov, R. Kh., Akimov, V. A., & Kozlov, K. A. (2009). *Otsenka prirodnoy, tekhnogennoy i ekologicheskoy bezopasnosti Rossii* [Assessment of Natural, Technogenic and Environmental Security of Russia]. Moscow: VNII GOChS MChS Rossii.
8. Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 No. 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 646 of December 5, 2016 «On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation»]. KonsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/
9. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 No. 400 «O Strategii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation»]. KonsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/
10. Vorobyev, Yu. L. (Ed.). (2005). *Strategicheskiye riski Rossii: otsenka i prognoz* [Strategic Risks of Russia: Assessment and Forecast]. Moscow: Delovoy ekspres.

УДК 347

DOI: 10.34670/AR.2026.33.78.018

Проблемы применения медиации как альтернативного способа разрешения споров в правосудии

Петрухина Алсу Наилевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения
государственного и муниципального управления,
Владимирский филиал,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
600017, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 59А;
e-mail: pmarek@yandex.ru

Петрухин Марек Викторович

Кандидат юридических наук,
судья Арбитражного суда Владимирской области;
доцент кафедры правового обеспечения
государственного и муниципального управления,
Владимирский филиал,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
600017, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 59А;
e-mail: pmarek@yandex.ru

Статья выполнена при поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Аннотация

Известно, что существуют различные формы разрешения споров, вытекающих из гражданских правоотношений, без обращения к государственной системе правосудия, которые в литературе принято обозначать единым термином «Alternative Dispute Resolution» (ADR), на русском языке «альтернативное разрешение споров» (АРС). ADR применяется в США для обозначения неформальных и более гибких процедур урегулирования конфликтов, которые возникли как альтернатива сложному и тяжеловесному государственному правосудию. К таким процедурам относят арбитраж (третейское разбирательство), мини-суд, посредничество с позиции силы, доарбитражное производство, независимое экспертное заключение и т.п. Анализ слабых и сильных сторон рассматриваемых процедур, а также зарубежного опыта позволит выработать эффективные способы их совершенствования в плане правового регулирования и практического применения. Статья посвящена исследованию различных сторон альтернативных способов разрешения процессуальных конфликтов. Отмечена специфика медиации в системе альтернативных способов урегулирования споров. Проблемы

медиации выходят за рамки ее непопулярности. В практике начали появляться злоупотребления: процедуру используют не для урегулирования спора, а чтобы зафиксировать выгодную, но юридически сомнительную сделку. Обращается внимание на серьезную проблему — нехватку квалифицированных специалистов. Закон не устанавливает четких требований к программам обучения, проблема усугубляется тем, что занятия нередко ведут люди без реальной практики, а обучение проходит онлайн. В заключительной части научной статьи предлагаются способы урегулирования и разрешения споров, в частности, возможность обращения за судебной защитой в общеисковом порядке в случае неисполнения условий медиативного соглашения, признания медиативного соглашения недействительным, возврата государственной пошлины в полном размере.

Для цитирования в научных исследованиях

Петрухина А.Н., Петрухин М.В. Проблемы применения медиации как альтернативного способа разрешения споров в правосудии // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 163-170. DOI: 10.34670/AR.2026.33.78.018

Ключевые слова

Конфликт, разрешение конфликта, медиация, судебное примирение, примирительные процедуры, согласительные процедуры, судебные представители.

Введение

Медиация является одной из форм альтернативного разрешения споров. Казалось бы, что преимущества медиации очевидны: это быстрее, конфиденциальнее и дешевле, чем суд. Однако на практике используют её немногие. Медиация мало востребована не только из-за непонимания нюансов процедуры. На деле стороны оказываются не готовы к компромиссам, а медиаторами часто становятся люди без подготовки.

Основная часть

По мнению автора, препятствует активному применению медиации для разрешения споров.

1. Незаинтересованность судебных представителей, а также представителей госорганов

Известно, что интерес судебных представителей заключается, в том числе в получении вознаграждения за оказываемые юридические услуги. При этом оплата может быть установлена в различной форме: в виде общей суммы за ведение дела, за судодни и т.п.

В этой связи при обращении доверителя к судебному представителю он изначально не заинтересован в предоставлении своему доверителю информации о возможности проведения процедуры медиации. Сюда также можно отнести психологические причины: боязнь представителя предоставления такой информации доверителю, так как может показаться, что представитель некомпетентен в разрешении спора.

Поскольку суд не взаимодействует непосредственно с доверителями, то отсутствие диалога между представителем и доверителем не способствует применению медиации.

Незаинтересованность наблюдается и у представителей госорганов.

Законодатель придает особое значение результатам использования бюджетных средств.

Зачастую по делам, по которым уже сформирована судебная практика на уровне Верховного Суда Российской Федерации, госорганы проходят все судебные инстанции, получая в конечном итоге отрицательный результат, что в конечном итоге ведет не экономии бюджетных средств, а к их неэффективному расходованию (оплата судебных издержек выигравшей стороне).

Например, между администрацией муниципального образования г. Гусь-Хрустальный Владимирской области (далее – Администрация) и ООО "Строй-технология" было заключено пятнадцать контрактов на приобретение жилых помещений (квартир) у застройщика в новом многоквартирном доме в собственность муниципального образования г. Гусь-Хрустальный Владимирской области.

Поскольку предусмотренная контрактом обязанность по передаче жилых помещений исполнена застройщиком с нарушением установленного срока, Администрация обратилась в суд с иском о взыскании неустоек за ненадлежащее исполнение обязательств по контракту.

При этом общая сумма начисленных и неуплаченных неустоек не превышала 5% цены контракта, что в соответствии с частью 42.1 статьи 112 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Федеральный закон № 44-ФЗ, 2013], а также Правилами списания сумм неустоек (штрафов, пеней), начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом, утверждёнными постановлением Правительства РФ от 04.07.2018 № 783 (далее - постановление Правительства № 783), являлось основанием для списания указанных неустоек. Правила списания сумм неустоек (штрафов, пеней), начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом, утверждёнными постановлением Правительства РФ от 04.07.2018 № 783.

В этой связи судом в удовлетворении исковых требований было отказано [Решение Арбитражного суда Владимирской области, 2025].

Однако при всей очевидности ситуации, Администрация обжаловала решения суда первой инстанции в вышестоящие инстанции, которыми в удовлетворении жалоб было отказано.

Более того, Администрация обжаловала в Верховный Суд Российской Федерации названное постановление Правительства № 783, полагая его незаконным.

По результатам рассмотрения административного искового заявления, в удовлетворении требований Администрации также было отказано [Решение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ № АКПИ25-181, 2025].

Таким образом, указанные действия Администрации привели не к экономии бюджетных средств, а их неэффективному расходованию.

Есть основания полагать, что по делам с участием госорганов целесообразно закрепить возможность утверждения судом медиативного соглашения с учетом заключения прокурора по делу.

2. Отсутствие информации о медиации у сторон

На практике судами лицам, участвующим в деле, в определении о принятии искового заявления к производству и возбуждении производства по делу указывается на возможность проведения процедуры медиации с указанием списка медиаторов.

Представляется, что этого недостаточно для активного применения медиации, т.к. доверители в большинстве случаев указанную информацию не изучают, что в совокупности с отсутствием диалога между доверителем и представителем относительно возможности

проведения медиации препятствуют активному применению медиации.

В этой связи есть основания полагать, что для более активного применения медиации на практике могли бы стать следующие шаги:

А) Предоставление суду права предоставления контактов сторон медиаторам для возможности проведения процедуры медиации.

Б) Обеспечение присутствия медиаторов на судебных заседаниях по делам, которые, по мнению председательствующего судьи, являются медиабельными.

В) Размещение информации о медиаторах на информационных стендах суда.

3. Недоверие к медиаторам у сторон процесса

В отличие от судьи, с которым стороны взаимодействуют на протяжении всего времени рассмотрения спора, медиатора ни стороны, ни доверители не видят до обращения за проведением процедуры медиации.

В этой связи присутствие медиатора на судебном заседании и возможность личного общения представителей сторон с медиатором, по нашему мнению, способствовали бы укреплению доверия к медиаторам.

4. Необходимость обращения за судебной защитой в общеисковом порядке в случае неисполнения условий медиативного соглашения

Согласно пункту 5 статьи 12 Федерального закона от 27 июля 2010 года N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Федеральный закон № 193-ФЗ, 2010] медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного документа.

В связи с этим в судебной практике сформирован подход, согласно которому нотариально удостоверенное медиативное соглашение определяет задолженность, которая имеет бесспорный характер и подлежит принудительному взысканию без дополнительной судебной оценки. Нотариально заверив медиативное соглашение, кредитор фактически получил исполнительный лист на взыскание задолженности, установленной подписанным сторонами медиативным соглашением, и избрал способ распоряжения правом требования задолженности путем подачи заявления о признании должника банкротом и взыскания задолженности по требованию в рамках процедуры, применяемой в деле о банкротстве [Определение Верховного Суда РФ № А76-9079/2021, 2022].

Однако неисполнение условий медиативного соглашения, заключенного сторонами без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, в отличие от нотариального удостоверенного соглашения, требует в дальнейшем обращения в суд за разрешением спора в общеисковом порядке, что приводит к необходимости несения судебных расходов, возможности обжалования судебных актов в вышестоящие инстанции.

В этой связи представляется целесообразным закрепить за судом право выдачи исполнительных листов по медиативным соглашениям, заключенным сторонами, с проведением судебного заседания. При этом отказом в выдаче исполнительного листа могут быть обстоятельства, связанные с заключением указанного соглашения (отсутствие полномочий, недействительность соглашения и т.д.).

5. Возможность признания медиативного соглашения недействительным

Предусмотренная законом возможность урегулирования спора путем заключения медиативного соглашения не означает, что в отдельных случаях оно не может быть признано

недействительным.

На практике недобросовестные участники гражданского оборота используют процедуру медиации в противоречии с целями, для которых данный институт был создан.

Так, по иску прокурора был признан недействительным договор на оказание автотранспортных услуг с экипажем, а также нотариально удостоверенное медиативное соглашение о взыскании задолженности, процентов за пользование денежными средствами как заключённые в нарушение требований Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [Федеральный закон № 115-ФЗ, 2001].

5. Также необходимо обратить внимание на экономическую составляющую: услуги профессиональных медиаторов остаются дорогими для большинства людей и бизнеса. Определенную негативную роль играют и небольшие суммы взыскиваемых судебных расходов на участие представителя в процессе. То есть стороны и их юристы не слишком заинтересованы в мирном завершении спора без суда. Предлагаем предусмотреть возможность возврата государственной пошлины в полном размере при использовании сторонами процедуры медиации.

6. Но более серьезная проблема — нехватка квалифицированных специалистов. Формально в России несколько тысяч медиаторов, получивших профильное образование, но уровень их подготовки зачастую не очень высокий.

Закон не устанавливает четких требований к программам обучения ни по длительности, ни по содержанию, ни по квалификации преподавателей. Из-за этого один курс может длиться 16 часов, другой — 500, но ни один не гарантирует, что выпускник получит необходимые навыки. Проблема усугубляется тем, что занятия нередко ведут люди без реальной практики, а обучение проходит онлайн. Такой формат не дает возможности научиться тому, как вести переговоры, как работать с эмоциями и управлять конфликтом. Если медиатор неспособен распознать правовые проблемы из-за нехватки компетенций или недобросовестности, процедура превращается не в способ урегулирования, а в источник новых судебных споров. И это приводит к утрате доверия ко всему институту.

Заключение

Считаем, что ситуацию можно изменить, если начать просветительскую работу на уровне госорганов и сформировать культуру мирного разрешения споров, а также положительный образ медиаторов в публичном поле.

Библиография

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. ст. 1652. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27 июля 2010 года N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4162.
3. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.
4. Правила списания сумм неустоек (штрафов, пеней), начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом, утвержденными постановлением Правительства РФ от 04.07.2018 № 783 //

Собрание законодательства РФ. 09.07.2018. № 28. ст. 4242.

5. Решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2418/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2396/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2417/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2416/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2415/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2414/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2413/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2412/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2392/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2388/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2386/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2385/2025; решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.05.2025 по делу № А11-2383/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 28.05.2025 № А КПИ25-181 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2022 по делу № А76-9079/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Problems of Applying Mediation as an Alternative Method of Dispute Resolution in Justice

Alsu N. Petrukhina

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Legal Support for State and Municipal Administration,
Vladimir Branch,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
600017, 59A, Gorky str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: pmarek@yandex.ru

Marek V. Petrukhin

PhD in Law,
Judge of the Arbitration Court of the Vladimir Region;
Associate Professor of the Department
of Legal Support for State and Municipal Administration,
Vladimir Branch,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
600017, 59A, Gorky str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: pmarek@yandex.ru

Abstract

It is known that there are various forms of resolving disputes arising from civil legal relations without recourse to the state justice system, which in the literature are commonly referred to by the single term "Alternative Dispute Resolution" (ADR). ADR is used in the United States to denote informal and more flexible conflict resolution procedures that emerged as an alternative to the complex and cumbersome state justice system. Such procedures include arbitration, mini-trial,

power-based mediation, pre-arbitration proceedings, independent expert opinion, etc. An analysis of the strengths and weaknesses of the procedures in question, as well as foreign experience, will allow the development of effective ways to improve them in terms of legal regulation and practical application. The article is devoted to the study of various aspects of alternative methods of resolving procedural conflicts. The specificity of mediation in the system of alternative dispute resolution methods is noted. The problems of mediation go beyond its unpopularity. Abuses have begun to appear in practice: the procedure is used not to settle a dispute, but to record a favorable but legally questionable transaction. Attention is drawn to a serious problem — the shortage of qualified specialists. The law does not establish clear requirements for training programs; the problem is compounded by the fact that classes are often taught by people without real practice, and training takes place online. In the final part of the scientific article, methods of dispute regulation and resolution are proposed, in particular, the possibility of seeking judicial protection in a general action procedure in the event of non-fulfillment of the terms of a mediation agreement, recognition of the mediation agreement as invalid, and the return of the state fee in full.

For citation

Petrukhina A.N., Petrukhin M.V. (2026) Problemy primeneniya mediatsii kak alternativnogo sposoba razresheniya sporov v pravosudii [Problems of Applying Mediation as an Alternative Method of Dispute Resolution in Justice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 163-170. DOI: 10.34670/AR.2026.33.78.018

Keywords

Conflict, conflict resolution, mediation, judicial conciliation, conciliation procedures, mediation procedures, legal representatives.

References

1. Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 "On the contract system in the procurement of goods, works, and services for state and municipal needs" [Federal'nyi zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlia obespecheniia gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd»]. (2013). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], (14), art. 1652. *ConsultantPlus* legal reference system.
2. Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010 "On an alternative procedure for dispute resolution with the participation of a mediator (mediation procedure)" [Federal'nyi zakon ot 27 iulia 2010 goda N 193-FZ «Ob alternativnoi protsedure uregulirovaniia sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)»]. (2010). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], (31), art. 4162.
3. Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 "On combating the legalisation (laundering) of criminally obtained incomes and the financing of terrorism" [Federal'nyi zakon ot 07.08.2001 № 115-FZ «O protivodeistvii legalizatsii (otmyvaniu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniu terrorizma»]. (2001). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], (33, part I), art. 3418.
4. Rules for writing off amounts of penalties (fines, interest) accrued to a supplier (contractor, performer) but not written off by the customer due to non-performance or improper performance of obligations stipulated by the contract [Pravila spisaniia summ neustoe (shtrafov, penei), nachislennykh postavshchiku (podriadchiku, ispolniteliu), no ne spisannykh zakazchikom v sviazi s neispolneniem ili nenadlezhashchim ispolneniem obiazatel'stv, predusmotrennykh kontraktom], approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 783 of July 4, 2018. (2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], (28), art. 4242.
5. Judgments of the Arbitration Court of the Vladimir Region: Case No. A11-2418/2025; Case No. A11-2396/2025; Case No. A11-2417/2025; Case No. A11-2416/2025; Case No. A11-2415/2025; Case No. A11-2414/2025; Case No. A11-2413/2025; Case No. A11-2412/2025; Case No. A11-2392/2025; Case No. A11-2388/2025; Case No. A11-2386/2025; Case No. A11-2385/2025; Case No. A11-2383/2025. (2025, May 28). *ConsultantPlus* legal reference system.
6. Judgment of the Judicial Chamber for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. AKPI25-181. (2025, May 28). *ConsultantPlus* legal reference system.

7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in Case No. A76-9079/2021. (2022, March 28). *ConsultantPlus* legal reference system.

УДК 35.084.6:343.352**DOI: 10.34670/AR.2026.43.16.019****Антикоррупционные стандарты государственной службы****Пашковская Мария Дмитриевна**

Магистрант,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, 82;
e-mail: m.pashkovskaya@ranepa.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена вопросам антикоррупционных стандартов поведения государственных служащих. Стандарт представляет собой установленный в законе набор требований, определяющих границы антикоррупционного поведения государственных служащих.

Для цитирования в научных исследованиях

Пашковская М.Д. Антикоррупционные стандарты государственной службы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 171-177. DOI: 10.34670/AR.2026.43.16.019

Ключевые слова

Антикоррупционный стандарт, обязанности, дозволения, запреты, ограничения, государственная служба, противодействие коррупции.

Введение

Актуальность исследования обусловлена значительными коррупционными рисками, сопряженными с деятельностью лиц, играющих ключевую роль в функционировании государственной службы Российской Федерации. Противодействие коррупции является приоритетной задачей государства и гражданского общества. Одним из важнейших направлений этой работы является установление четких антикоррупционных стандартов поведения для государственных служащих.

Основная часть

Специфика государственной службы как профессиональной деятельности предопределяет необходимость соблюдения определенных стандартов, закрепленных в нормативных правовых актах. Понятие антикоррупционного стандарта получило закрепление в законодательстве о гражданской службе и противодействии коррупции.

В настоящее время законодательное определение антикоррупционного стандарта отсутствует. Однако, исходя из смысла ст. 7 Закона «О противодействии коррупции», можно заключить, что под антикоррупционным стандартом понимается унифицированная система запретов, ограничений и дозволений, применяемая в определенной сфере деятельности с целью предупреждения коррупции. Разработка и принятие таких стандартов осуществляется органами государственного управления, в деятельности которых существуют коррупционные риски.

Применение антикоррупционных стандартов направлено на выявление и минимизацию коррупционных рисков, а также на предупреждение коррупционных правонарушений.

По мнению ряда исследователей, повышение эффективности противодействия коррупции возможно только при условии повышения правовой культуры как государственных служащих, так и граждан. В.Р. Таранов подчеркивает необходимость формирования антикоррупционного сознания государственных служащих, а также создания в обществе атмосферы нетерпимости к любым проявлениям коррупции. Н.Г. Русакова рассматривает укрепление духовных и нравственных начал как основу формирования антикоррупционного стандарта поведения государственных служащих, отмечая их роль в мотивации и определении смысла поведения, а также в формировании устойчивого нравственного иммунитета к коррупционным деяниям.

Антикоррупционные стандарты определяют следующие виды обязательств, возлагаемых на государственных служащих:

- Запреты
- Ограничения
- Обязанности
- Дозволения

Запреты, установленные ст. 17 Федерального закона о государственной службе, представляют собой нормативно закрепленные требования к гражданским служащим воздерживаться от определенных действий и видов деятельности, обеспеченные возможностью применения юридической ответственности.

К числу основных запретов относятся:

- запрет на прохождение гражданской службы в случае избрания или назначения на государственную должность, избрания на выборную должность в органе местного самоуправления, избрания на оплачиваемую выборную должность в органе

-
- профессионального союза;
 - запрет на осуществление предпринимательской деятельности, как лично, так и через доверенных лиц;
 - запрет на руководство коммерческими или некоммерческими организациями, за исключением политических партий, собраний потребительских кооперативов, товариществ собственников недвижимости;
 - запрет на приобретение ценных бумаг, по которым может быть получен доход, в случаях, установленных федеральным законом (такие бумаги передаются в доверительное управление на время государственной службы);
 - запрет на представление интересов третьих лиц в государственном органе, где государственный служащий замещает должность;
 - запрет на получение материального вознаграждения в любой форме в связи с исполнением должностных обязанностей;
 - запрет на разглашение или использование конфиденциальной информации любого уровня в целях, не связанных с гражданской службой (данный запрет действует как во время прохождения службы, так и после ее прекращения);
 - запрет на публичные высказывания, суждения и оценки деятельности учреждения, где государственный служащий исполняет должностные обязанности, за исключением случаев, когда такая деятельность входит в его непосредственные обязанности;
 - запрет на принятие наград от иностранных государств, международных организаций, а также политических партий, общественных и религиозных объединений за действия, связанные с исполнением должностных обязанностей, без согласия непосредственного руководителя;
 - запрет на использование преимуществ должностного положения для участия в электоральном процессе и др.

Укажем также на основные ограничения, налагаемые на государственных служащих в сфере противодействия коррупции. Законодательно они определены статьей 16 Федерального закона о государственной службе и устанавливают набор условий, при которых гражданин не может приобрести статуса государственного служащего. Право государственного служащего ограничено, если он:

- признан недееспособным или ограниченно дееспособным в официальном порядке (по решению суда);
 - осужден, имеет судимость;
 - не может получить или отказывается получить допуск к государственной тайне, если это необходимо для прохождения государственной службы;
 - имеет заболевание, подтвержденное медицинским заключением, препятствующее прохождению государственной службы.
- имеются близкие родственники, проходящие службу в этом же подразделении на вышестоящих или нижестоящих должностях. В таких случаях может возникнуть конфликт интересов.

К обязанностям государственного служащего, устанавливающего основы антикоррупционного стандарта поведения, относятся:

- отказ от участия в любых коррупционных деяниях;
- отказ от любых попыток организовать коррупционные деяния;

- незамедлительное информирование руководства о всех проявлениях коррупции;
- разрешать вопросы, связанные с возникшим конфликтом интересов.

Дозволения являются правами государственного служащего, предусмотренными правовыми нормами и реализуемыми государственным служащим в форме использования, т. е. по своему усмотрению. К ним относятся:

- 1) право на труд в соответствии с требованиями регламентов и отдых (выходные дни, отпуска и др.);
- 2) право на получение установленной законом оплаты труда, материального вознаграждения, пенсионного обеспечения и др.;
- 3) право на доступ к необходимой конфиденциальной информации; обусловленной выполнением должностных обязанностей;
- 4) право на должностной карьерный рост (за счет участия в кадровом резерве, конкурсах на замещение вакантных должностей);
- 5) право на защиту от посягательств на свои права;
- 6) право на социальную защиту и медицинскую помощь и др.

Стандарт антикоррупционного поведения служащего предполагает активность действий, направленных на недопущение и предотвращение коррупционных проявлений, а также строгое соблюдение установленных предписаний выражающихся в отказе от совершения противоправных деяний. При этом поведение служащего (работника) должно соответствовать этическим правилам, сформировавшимся в обществе. В этом аспекте антикоррупционный стандарт поведения заключается в следовании общечеловеческим. Его формирование возможно посредством последовательной и системной просветительской работы, борьбы с правовым нигилизмом и правового воспитания

Такой стандарт имеет практическую направленность и заключается в совершении государственным служащим активных действий по недопущению проявлений коррупции. В основе установленных стандартов лежит общая правовая культура государственного служащего, его морально-нравственные гуманистические принципы, идея преданности служению обществу и государству [Улизко, 2017].

Для совершенствования организационно-правового механизма мотивации и антикоррупционного поведения в органах управления имуществом предлагается комплекс мер, охватывающий как формализацию оценки рисков, так и внедрение цифровых инструментов стимулирования.

Антикоррупционный паспорт должности:

Начнем с внедрения "Антикоррупционного паспорта должности" – инструмента, персонифицирующего управление коррупционными рисками. Этот паспорт, юридически обоснованный федеральными законами и указами Президента, включает детализированную карту рисков, классифицированных по основаниям дискреционных полномочий, применения административных регламентов и межведомственного взаимодействия. Система позитивных поведенческих индикаторов включает поощрение сотрудников за инициативы по совершенствованию оценки имущества, добровольное декларирование конфликтов интересов, участие в разработке антикоррупционных рекомендаций и реализацию мер по исключению коррупциогенных ситуаций. Например, сотрудник, предложивший улучшение процедуры оценки объектов недвижимости, что привело к снижению количества оспариваемых результатов оценки на 15%, получает приоритет при включении в кадровый резерв. Правовая увязка таких проявлений с мерами поощрения, в том числе приоритетом в кадровом резерве,

ускоренным должностным ростом или повышающими коэффициентами к премии за безупречную репутацию, делает антикоррупционное поведение выгодным. Внедрение предполагает правовой мониторинг, разработку типовой формы паспорта, создание экспертных групп для оценки рисков и регулярную актуализацию.

Цель внедрения предлагаемого комплекса мер, объединяющего организационно-правовые решения и цифровые инструменты, – построение эффективной системы мотивации и противодействия коррупции в органах, управляющих имуществом. Ожидается снижение коррупционных рисков на 15% в первый год реализации, что явно демонстрирует влияние новых инструментов на сокращение коррупционных проявлений. Также, прогнозируется увеличение индекса удовлетворенности персонала на 10%, подтверждая позитивное восприятие сотрудниками новых мотивационных подходов и их готовность к прозрачной и справедливой работе. Кроме того, планируется повышение эффективности использования бюджетных средств на 5% благодаря внедрению рационализаторских предложений, поступивших через платформу "Конструктор антикоррупционных инициатив", что показывает практическую пользу от вовлечения персонала в улучшение рабочих процессов. В заключение, ожидается укрепление репутации организации как честной и прозрачной, что создаст атмосферу доверия и партнерства со всеми заинтересованными лицами. Предполагается, что объединение организационно-правовых и цифровых инструментов поможет создать открытую и продуктивную систему, стимулирующую честное поведение и уменьшающую возможность коррупции. Для достижения наилучших результатов необходим постоянный контроль и анализ, позволяющие быстро реагировать на изменения и адаптировать меры.

Выводы

Таким образом, в российском законодательстве установлен некий общий стандарт поведения, означающий наличие некоего набора основополагающих, официально закрепленных правил, которым должны соответствовать нормативные предписания, регулирующие конкретные виды государственно-властной деятельности, с тем, чтобы ограничивать в ней коррупционные процессы, своевременно выявлять конкретные факты коррупции, предотвращать их негативные последствия.

Предложение по внедрению "Антикоррупционного паспорта должности": Разработка и внедрение персонифицированного инструмента управления коррупционными рисками, основанного на детализированной карте рисков и классификации по основаниям дискреционных полномочий, применения административных регламентов и межведомственного взаимодействия. Особое внимание уделяется системе позитивных поведенческих индикаторов и правовой увязке таких проявлений с мерами поощрения.

Комплекс мер по совершенствованию мотивации и антикоррупционного поведения в органах управления имуществом: Предлагается комплексный подход, охватывающий формализацию оценки рисков и внедрение цифровых инструментов стимулирования.

Практическая направленность стандарта антикоррупционного поведения: Акцент на совершении государственным служащим активных действий по недопущению проявлений коррупции, при этом поведение служащего должно соответствовать этическим правилам, сформировавшимся в обществе.

Библиография

1. Нестеров А.И. Антикоррупционный стандарт — новая категория российской правовой системы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2.
2. Пресняков М.В., Чанов С.В. Антикоррупционные барьеры на гражданской и муниципальной службе: проблемные аспекты нового закона // Государство и право. 2024. № 3. С. 13-22.
3. Русакова Н.Г. Духовность как основа профессионально-нравственного стандарта антикоррупционного поведения сотрудника органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 214-216.
4. Таранов В.Р. Формирование единого антикоррупционного стандарта поведения государственных служащих // Актуальные проблемы права: Сборник докладов XIX научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых. 2018.
5. Улизко К.А. Стандарт антикоррупционного поведения // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика: Сборник материалов XXVIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией С.С. Чернова. 2017.

Anti-Corruption Standards for Civil Service

Mariya D. Pashkovskaya

Master's Student,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: m.pashkovskaya@ranepa.ru

Abstract

This article is devoted to the issues of anti-corruption standards of conduct for civil servants. A standard is a set of requirements established by law that define the boundaries of anti-corruption behavior for civil servants.

For citation

Pashkovskaya M.D. (2026) Antikorrupsionnyye standarty gosudarstvennoy sluzhby [Anti-Corruption Standards for Civil Service]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 171-177. DOI: 10.34670/AR.2026.43.16.019

Keywords

Anti-corruption standard, duties, permissions, prohibitions, restrictions, civil service, anti-corruption.

References

1. Nesterov, A.I. (2016). Antikorrupsionnyy standart — novaya kategoriya rossiyskoy pravovoy sistemy [The Anti-Corruption Standard is a New Category of the Russian Legal System]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, (2).
2. Presnyakov, M.V., & Chanov, S.V. (2024). Antikorrupsionnyye baryery na grazhdanskoj i munitsipalnoj sluzhbe: problemnyye aspekty novogo zakona [Anti-corruption Barriers in the Civil Service and Municipal Service: Problematic Aspects of the New Law]. *Gosudarstvo i pravo*, (3), 13-22.
3. Rusakova, N.G. (2018). Dukhovnost kak osnova professionalno-nravstvennogo standarta antikorrupsionnogo povedeniya sotrudnika organov vnutrennikh del [Spirituality as the Basis of the Professional and Moral Standard of Anti-Corruption Behavior of an Internal Affairs Officer]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy*

Pashkovskaya M.D.

-
- akademii MVD Rossii, (3), 214-216.
4. Taranov, V.R. (2018). Formirovaniye yedinogo antikorrupsionnogo standarta povedeniya gosudarstvennykh sluzhashchikh [Formation of a Unified Anti-Corruption Standard of Behavior for Civil Servants]. In Aktualnyye problemy prava: Sbornik dokladov XIX nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, studentov, aspirantov i molodykh uchenykh.
 5. Ulizko, K.A. (2017). Standart antikorrupsionnogo povedeniya [The Standard of Anti-Corruption Behavior]. In S.S. Chernov (Ed.), Gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravleniye v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika: Sbornik materialov XXVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.78.17.020

Анализ правовых подходов к обеспечению нематериальной мотивации государственных служащих

Пашковская Мария Дмитриевна

Магистрант,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, 82;
e-mail: m.pashkovskaya@ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу систем нематериальной мотивации, реализуемых в Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом (Росимущество) и Министерстве имущественных отношений Московской области. Основная цель работы заключается в выявлении общих принципов и специфических особенностей применяемых подходов к мотивации государственных служащих, а также в идентификации системных недостатков и потенциальных коррупциогенных факторов. В результате проведенного анализа зафиксировано наличие как унифицированных, так и дивергентных элементов в стратегиях мотивации персонала рассматриваемых организаций. На основании полученных результатов предложен комплекс мер, направленных на оптимизацию функционирования мотивационных систем, минимизацию коррупционных рисков и формирование устойчивой антикоррупционной культуры в среде государственных служащих. Ключевым направлением совершенствования является внедрение прогрессивных инструментов нематериального стимулирования, основанных на передовом опыте и адаптированных к специфике деятельности каждого ведомства. Одновременно подчеркивается необходимость усиления антикоррупционной экспертизы применяемых мотивационных механизмов посредством проведения тщательной оценки на предмет соответствия нормам антикоррупционного законодательства и выявления возможностей для злоупотреблений. В дополнение к этому, обосновывается целесообразность интеграции показателей эффективности мотивационных систем в общую систему управления рисками организации, что позволит обеспечить оперативное выявление и нейтрализацию факторов, способствующих возникновению и развитию коррупционных практик. Акцентируется внимание на том, что результативность предложенных мероприятий напрямую зависит от их практической реализации и ориентации не на формальное соблюдение требований, а на достижение измеримых результатов в области снижения коррупционных рисков и формирования у сотрудников четкой антикоррупционной позиции.

Для цитирования в научных исследованиях

Пашковская М.Д. Анализ правовых подходов к обеспечению нематериальной мотивации государственных служащих // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 178-186. DOI: 10.34670/AR.2026.78.17.020

Ключевые слова

Нематериальная мотивация, государственные служащие, управление государственным имуществом, Росимущество, Министерство имущественных отношений Московской области, антикоррупционная политика, коррупционные риски, дискреционные полномочия, геймификация, антикоррупционная экспертиза, этика госслужащих, система управления рисками.

Введение

В системах мотивации как в федеральном, так и в региональных органах управления государственным имуществом прослеживается ряд общих тенденций, что, в свою очередь, должно способствовать единообразию подходов к борьбе с коррупцией. Обе организации основываются на Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации" и Единых требованиях к служебному поведению, установленных Указом Президента РФ от 12.08.2002 № 885, что отражает унифицированный подход к нормативному закреплению основ мотивационной политики.

Оптимизация работы государственных органов напрямую связана с налаженной деятельностью и сплоченными усилиями государственных служащих, которые по своей сути формируют коллективы этих органов.

Эта проблема требует незамедлительного решения в ближайшие годы, поскольку недостаточная мотивация государственных служащих расширяет коррупционное пространство и затрудняет успешное завершение множества задач, связанных с административной, судебной, муниципальной реформами и реформой государственной службы.

Практика прошлых лет свидетельствует о том, что административный аппарат федеральных и региональных органов власти нередко становится препятствием для проведения реформ в различных сферах политики и экономики.

Основная часть

Развитие России как современного демократического государства не представляется возможным без эффективного управления. Однако существующая система управления не соответствует стоящим перед страной задачам, что подтверждается кризисами 1990-х годов. Хаотичные и противоречивые перестройки государственного аппарата не только не устраняли, но и усугубляли негативные тенденции социального развития.

В рамках анализа мотивации государственного служащего как процесса побуждения к профессиональной деятельности посредством внутренних и внешних факторов, направленной на достижение индивидуальных и общих целей, авторы настоящей статьи пришли к выводу, что исторические реалии формирования государственной службы оказывают существенное влияние на формирование надлежащей мотивации государственных служащих. Именно исторические реалии обусловили конкретные требования к мотивации, соответствующие особенностям конкретного государства.

Вместе с тем, в современном мире следует учитывать влияние западной цивилизации, сложившееся в начале 90-х годов XX века. Достижения западных стран стали общепризнанными благодаря их преимуществам в организации взаимодействия публичной власти с обществом, открытости публичной власти и наличию общих ценностей. Однако,

продвижение этих ценностей осуществлялось не только на основе признания их преимуществ, но и с использованием силы, насилия и угроз со стороны ведущих демократических государств, таких как США и Великобритания.

Таким образом, источники надлежащей мотивации государственного служащего следует искать как в исторических корнях формирования конкретного государства, так и в ценностях западной цивилизации XX века.

Поскольку государственная служба предполагает наличие у каждого государственного служащего определенного объема властных полномочий, его мотивация должна включать основные элементы этики и культуры управления, такие как принятие решений, их подготовка и реализация, а также предвидение последствий принятых решений.

Очевидным представляется включение в мотивацию государственных служащих требования подчинения личностных качеств специфике достигаемой идеи и исключение тех, кто не способен применять необходимые методы и способы для достижения поставленных целей. В системе государственной службы всегда существовали официальные и неформальные способы контроля за соответствием поведения гражданских чиновников стандартам, предъявляемым к государственным служащим в конкретный период времени. Существует также особая система внутренних наказаний для гражданских служащих.

Однако в организации современной гражданской службы и её функционировании существуют факторы, противоречащие требуемым от гражданского служащего моральным качествам, что приводит к разложению мотивации изнутри.

К факторам, негативно влияющим на мотивацию государственных служащих, относятся: специфическая форма оплаты труда на государственной службе, её территориальное устройство, вертикальное построение по направлению деятельности, особый характер текучести кадров, особый интерес отдельных слоев населения к деятельности государственной службы и др.

Одним из важных факторов является финансирование государственной службы из бюджета, что приводит к ограниченности ресурсов. Вследствие этого, материальное вознаграждение гражданских служащих порой оказывается ниже, чем у специалистов такого же уровня в других сферах деятельности, например, в банковской сфере.

В настоящее время Правительством Российской Федерации инициирован новый этап реформирования системы государственного управления, направленный на оптимизацию структуры и повышение эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти. Данный этап, являющийся продолжением реформы, начатой в 2019 году, предполагает сокращение штатной численности территориальных подразделений федеральных ведомств, с целью перераспределения высвободившихся средств на повышение оплаты труда остающихся сотрудников, тем самым стимулируя их профессиональный рост и повышение качества оказываемых государственных услуг.

Согласно принятым решениям, начиная с 1 июля 2025 года, планируется сокращение штатной численности территориальных органов в размере не менее 10%. Однако, указанный показатель рассматривается как ориентировочный, и ведомствам предоставлена возможность представить предложения о более глубокой оптимизации, учитывающие процессы цифровизации и автоматизации управленческих процессов. В рамках данного подхода, информатизация рассматривается как ключевой фактор повышения эффективности, позволяющий снизить потребность в численности персонала и, следовательно, оптимизировать бюджетные расходы.

Особое внимание уделяется проблеме привлечения и удержания молодых специалистов на

государственной службе. Низкий уровень оплаты труда, особенно на начальных этапах карьеры, приводит к высокой текучести кадров, что негативно сказывается на формировании квалифицированного кадрового резерва. В связи с этим, одним из приоритетных направлений реформы является повышение привлекательности государственной службы для молодых специалистов, путем обеспечения конкурентного уровня заработной платы и создания условий для профессионального развития.

Предполагается, что реализация мер по оптимизации штатной численности и перераспределению высвободившихся средств позволит существенно повысить средний уровень оплаты труда гражданских служащих территориальных органов. По расчетам Правительства, сокращение штата на 10% приведет к увеличению заработной платы на 13%, а при более глубокой оптимизации (до 20%) рост может составить до 27%.

Таким образом, проводимая реформа направлена на создание эффективной и высокооплачиваемой государственной службы, способной оперативно и качественно решать поставленные задачи, а также привлекать и удерживать квалифицированные кадры. Реализация данной стратегии требует комплексного подхода, включающего оптимизацию структуры, цифровизацию процессов и совершенствование системы оплаты труда государственных служащих.

Моральная неудовлетворенность уровнем материального вознаграждения ведет к ряду негативных последствий.

Во-первых, лучшие, талантливые и конкурентоспособные гражданские служащие уходят в другие сферы деятельности, что снижает качество кадрового потенциала в государственном органе и уменьшает разницу между лучшими и худшими сотрудниками.

Во-вторых, значительная часть гражданских служащих, используя властные полномочия, стремится восполнить уровень вознаграждения до стандартного статусного уровня, используя служебное положение по отношению к клиентам и внутренние ресурсы государственной службы.

В-третьих, руководители на государственной службе практически лишены возможности использовать материальное стимулирование для регулирования кадрового потенциала. Стремясь приобрести возможности материального воздействия на подчиненных для стабилизации кадров и улучшения кадрового потенциала, они вступают в договорные отношения с руководством и владельцами фирм и организаций, расположенных на их территории, для создания льгот и привилегий, не установленных законом, например, право пользования бассейном, прохождения санаторно-курортного лечения и т.д. На практике это приводит к лоббированию интересов этих фирм, что является прямым нарушением закона.

Государственная служба выстроена по вертикалям деятельности, где работают люди с разным социальным опытом и профессиональными нравственными нормами. Деятельность в этих вертикалях существенно различается по специфике, характеру труда и целям. Подчиненность здесь может оказаться более важной, чем принадлежность к определенному территориальному органу. Работники лучше выполняют задания, пришедшие сверху или идущие наверх, предпочитая заниматься отчетами, а не реальным благоустройством своей территории.

Жёсткость подчинения по вертикали затрудняет установление горизонтальных связей между гражданскими служащими разных вертикалей на промежуточных уровнях, что замедляет прохождение документов.

Сложно организуются комплексные группы внутри территориального органа, где должны быть задействованы сотрудники нескольких вертикалей. Между сотрудниками разных

вертикалей могут возникать скрытые конфликты и неприязненные отношения, которые проявляются во время поощрения, премирования и перемещения гражданских служащих.

Гражданская служба строго выстроена по территориям, что ограничивает право выбора гражданского служащего, который будет оказывать услугу. Гражданские служащие закреплены за территориями, что приводит к незначительному опыту общения и недостатку информации для формирования личного представления о государственных служащих в целом, об их личных качествах и профессионализме. Это приводит к ряду негативных последствий.

Необходимо унифицировать поведение государственных служащих, чтобы встреча с любым из них давала общее представление о службе в целом. Это достигается более жёстким правовым регулированием поведения гражданских служащих, большей проработанностью этикета государственной службы.

В условиях дефицита информации о гражданских чиновниках, общество стремится восполнить пробел, собирая её по крупицам из различных источников. Люди выясняют впечатления и реакции тех, кто уже взаимодействовал с государственными служащими, и формируют своё мнение на основе слухов и домыслов.

В любом обществе существуют группы, заинтересованные в лояльном отношении со стороны представителей государственной гражданской службы. К ним относятся малые предприниматели, социально поддерживаемые слои населения, руководители и владельцы компаний и предприятий. Эти заинтересованные лица стремятся создать положительный имидж в глазах государственных служащих.

Важно отметить, что каждая заинтересованная группа проявляет интерес к своему уровню государственных служащих: социально поддерживаемые слои населения – к участковым инспекторам, а руководители компаний – к руководству государственной гражданской службы. Этот интерес выражается повышенным вниманием к сотрудникам государственной гражданской службы, включая услуги и подарки.

Однако, существует опасность, что некоторые нравственно нестойкие гражданские служащие привыкнут к такому вниманию и начнут его требовать.

Исторически в нашем государстве сложилось несколько способов борьбы с этим явлением. В отношении рядовых гражданских служащих рекомендуется чаще менять сферы работ и территории обслуживания, чтобы услуги и подарки теряли смысл.

Также можно установить специальные контактные ящики для приёма сообщений от населения с жалобами на гражданских служащих. При этом следует проявлять осторожность, чтобы избежать мести, клеветы и проявлений личной неприязни.

Сложнее ситуация с руководителями, которые сами нередко идут на контакт с представителями бизнеса, чтобы обеспечить дополнительные льготы своим сотрудникам. Однако, это может привести к их зависимости от этих компаний.

Органы государственной гражданской службы характеризуются нестандартной текучестью кадров. Это связано с изменениями в персонале после выборов, когда меняются лица, занимающие должности государственной службы, включая и муниципальную службу. Это явление наблюдается на всех уровнях и имеет относительно массовый характер.

У этого явления есть ряд причин. Во-первых, победители выборов часто стремятся привести с собой команду, разделяющую политические цели и видение их начальника. Во-вторых, необходимо расплатиться местами на государственной службе за поддержку со стороны спонсоров и союзников, оказанную в ходе предвыборной кампании. В-третьих, существует желание подобрать сотрудников в соответствии со стилем работы, навыками и нравственными качествами руководителя. Например, руководитель, ориентированный на принцип "разделяй и

властуй", постарается подобрать сотрудников, отличающихся по уровню образования, полу и возрасту.

Другой причиной текучести кадров является отток людей, неудовлетворенных условиями труда, его интенсивностью, ненормированным рабочим временем, уровнем вознаграждения и психологическим климатом в коллективе.

Также возможен отток людей, не сумевших приспособиться к особенностям функционирования государственной службы и принять её мотивацию из-за внутриличностного конфликта между старой и новой системами ценностей.

В государственной службе, в связи с развитием гражданского общества и децентрализацией управления, возрастает объем взаимодействия и общения в различных формах, таких как представительские функции, переговоры, встречи и публичные мероприятия.

Доля общения с институтами гражданского общества в деятельности государственных служащих постоянно возрастает, требуя коммуникабельности, умения слушать, принимать чужую точку зрения, толерантности и способности к обучению новым навыкам. Общение становится более динамичным, разнообразным и интенсивным.

В результате гражданские служащие подвержены стрессам, особенно такой их разновидности, как плата за сочувствие. Общение для государственных служащих осложняется тем, что население возлагает на них особые надежды в решении собственных проблем, которые они могут удовлетворить только в пределах законодательства и бюджетных возможностей, что создает конфликт между реальностью и иллюзиями.

В настоящее время мотивация гражданских служащих нормативно урегулирована, и действует новая программа реформирования и развития государственной службы. Одной из задач этой программы является внедрение эффективных технологий и методов кадровой работы, направленных на повышение профессиональной компетентности и мотивации государственных служащих, а также обеспечение условий для повышения результативности их деятельности.

Авторы программы критически оценили отношения, связанные с государственной службой в России, и отметили, что современные методы планирования и регламентации труда не получили широкого распространения, а механизмы стимулирования государственных служащих не реализуются в полной мере, что снижает их мотивацию.

Повышение эффективности государственной службы и результативности профессиональной деятельности намечено достичь, в том числе, за счет усиления мотивации государственных служащих к повышению качества услуг, оказываемых гражданам и организациям.

Запланировано создать систему мотивации карьерного роста, как важного условия прохождения государственной службы.

Борьба с коррупцией в условиях реформирования государственных структур и института государственной службы приобрела острый характер. Меры по сокращению коррупции, предусмотренные федеральными законами, должны быть мерами по изменению характера государственных институтов, способных функционировать как источник питания коррупции. Игнорирование же факторов, вступающих в противоречие с моральными качествами гражданских служащих, способно лишить многие усилия, затраты и меры, в том числе законодательные, положительной перспективы и постоянно "пожирать" государственную гражданскую службу России изнутри.

Результаты анализа, в частности, показали, что в обеих структурах значительная доля сотрудников (25% в Росимуществе и 30% в Министерстве) занимают должности с

дискреционными полномочиями. При этом нарушения концентрируются в сфере аренды (15% от общего числа нарушений), приватизации (10%) и контроля (5%). Следует учитывать, что эти данные отражают лишь выявленную коррупцию, вероятно, значительно большая часть остаётся латентной.

Для повышения эффективности системы нематериальной мотивации и снижения коррупционных рисков предлагается:

1. Разработать и внедрить *унифицированные методологические подходы*, учитывающие как федеральные стандарты, так и региональную специфику.
2. Усилить *антикоррупционную экспертизу* нормативных актов и практик, разработав специальные формы поощрения для тех, кто соблюдает этические нормы и активно выявляет коррупционные проявления.
3. Активно внедрять *современные инструменты мотивации*, такие как геймификация (для повышения вовлеченности в процессы управления государственным имуществом), персонализированные траектории развития и системы онлайн-признания заслуг с интегрированной системой антикоррупционного контроля.
4. Интегрировать *мотивационные механизмы в систему управления рисками*, для оценки влияния мотивации на уровень коррупционных рисков и разработки мер по ее повышению в "зонах риска".
5. Организовать *обучение персонала*, включающее тренинги по повышению осознанности в вопросах этики и борьбы с коррупцией, а также практические занятия по выявлению и предотвращению коррупционных ситуаций.

В частности, предлагается разработать критерии поощрения за антикоррупционное поведение, внедрить систему геймификации для повышения вовлеченности в процессы управления государственным имуществом с антикоррупционными элементами, и проводить регулярные тренинги по этике и противодействию коррупции. Также необходима антикоррупционная экспертиза всех нормативных актов и практик, создание и внедрение механизма защиты сотрудников, сообщающих о коррупции.

Выводы

Проведенный анализ показал, что системы нематериальной мотивации в Росимуществе и Министерстве имущественных отношений Московской области имеют как общие черты, так и существенные различия. Выявленные пробелы и "зоны риска" требуют разработки и внедрения единых методологических подходов, учитывающих антикоррупционную составляющую и современные мотивационные инструменты. Ключевым является не формальное исполнение требований, а реальное снижение коррупционных рисков и формирование у сотрудников устойчивой антикоррупционной позиции. Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить эффективность работы органов управления государственным имуществом и существенно минимизировать коррупционные риски.

Автором предпринята попытка комплексного анализа систем нематериальной мотивации с учетом как федеральных, так и региональных особенностей (на примере Росимущества и Министерства имущественных отношений Московской области). Это позволяет выявить как общие тенденции, так и специфические факторы, влияющие на мотивацию государственных служащих.

Библиография

1. Блохин Д.А., Медведева О.С. Имидж государственного служащего: понятие, характеристики, процесс создания // *Дневник науки*. 2025. № 3(99).
2. Власти ХМАО создадут доску почета для чиновников // Информационное агентство Ura.ru. URL: <https://ura.news/news/1052884079>.
3. Герасимов Ю.В., Чаусов Н.Ю. Система работы с персоналом на государственной службе // *Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского*. Калуга, 2020. С. 1029-1032.
4. Исследования от HeadHunter. Работа в государственных организациях. URL: <https://hhcdn.ru/file/17302035.pdf>.
5. Нематериальная мотивация государственных гражданских служащих Российской Федерации. Методика нематериальной мотивации государственных гражданских служащих Российской Федерации // *Минтруд России*. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/16>.
6. Служить и рады. За счет чего среди россиян растет интерес к работе в госсекторе // *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7777418>.
7. Субботина Т.Н., Захаренкова А.И. Влияние внутренних стимулов на поведение персонала // *Вектор экономики*. 2019. № 6(36). С. 177.
8. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/.
9. Шарин В.И. Проблемы формирования мотивации в системе государственной гражданской службы Российской Федерации // *Journal of new economy*. 2014. № 3(53).
10. Шарин В.И. Система мотивации профессиональной деятельности государственных гражданских служащих Российской Федерации // *Human Progress*. 2017. Т. 3. № 4. С. 6.

Analysis of Legal Approaches to Ensuring Non-Material Motivation of Civil Servants

Mariya D. Pashkovskaya

Master's Student,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
119571, 82, Vernadsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: m.pashkovskaya@ranepa.ru

Abstract

The article is devoted to a comparative analysis of non-material motivation systems implemented in the Federal Agency for State Property Management (Rosimushchestvo) and the Ministry of Property Relations of the Moscow Region. The main purpose of the work is to identify general principles and specific features of the applied approaches to motivating civil servants, as well as to identify systemic shortcomings and potential corruption-generating factors. As a result of the analysis, the presence of both unified and divergent elements in the personnel motivation strategies of the organizations under consideration was recorded. Based on the obtained results, a set of measures is proposed aimed at optimizing the functioning of motivational systems, minimizing corruption risks, and forming a sustainable anti-corruption culture among civil servants. The key direction for improvement is the introduction of progressive non-material incentive tools based on best practices and adapted to the specifics of each department's activities. At the same time, the need to strengthen the anti-corruption expertise of applied motivational mechanisms is emphasized through a thorough assessment for compliance with anti-corruption legislation and the identification

of opportunities for abuse. In addition, the feasibility of integrating the performance indicators of motivational systems into the overall risk management system of the organization is substantiated, which will allow for the prompt identification and neutralization of factors contributing to the emergence and development of corrupt practices. Attention is focused on the fact that the effectiveness of the proposed measures directly depends on their practical implementation and orientation not towards formal compliance with requirements, but towards achieving measurable results in reducing corruption risks and forming a clear anti-corruption position among employees.

For citation

Pashkovskaya M.D. (2026) Analiz pravovykh podkhodov k obespecheniyu nematerial'noy motivatsii gosudarstvennykh sluzhashchikh [Analysis of Legal Approaches to Ensuring Non-Material Motivation of Civil Servants]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 178-186. DOI: 10.34670/AR.2026.78.17.020

Keywords

Non-material motivation, civil servants, state property management, Rosimushchestvo, Ministry of Property Relations of the Moscow Region, anti-corruption policy, corruption risks, discretionary powers, gamification, anti-corruption expertise, civil servant ethics, risk management system.

References

1. Blokhin, D.A., & Medvedeva, O.S. (2025). Imidzh gosudarstvennogo sluzhashchego: ponyatiye, kharakteristiki, protsess sozdaniya [The Image of a Civil Servant: Concept, Characteristics, and Creation Process]. *Dnevnik nauki*, (3).
2. Federalnyy zakon [Federal Law] of 27.07.2004 No. 79-FZ "O gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhbe Rossiyskoy Federatsii" [On the State Civil Service of the Russian Federation]. (2004). ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/
3. Gerasimov, Yu.V., & Chaurov, N.Yu. (2020). Sistema raboty s personalom na gosudarstvennoy sluzhbe [Personnel Management System in the Civil Service]. In *Nauchnyye trudy Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.E. Tsiolkovskogo* (pp. 1029-1032). Kaluga.
4. HeadHunter. (n.d.). Issledovaniya ot HeadHunter. Rabota v gosudarstvennykh organizatsiyakh [Research from HeadHunter. Work in Government Organizations]. Retrieved from <https://hhcdn.ru/file/17302035.pdf>
5. Kommersant. (n.d.). Sluzhit i rady. Za schet chego sredi rossiyan rastet interes k rabote v gossektore [To Serve and We Are Happy. Due to What Interest in Working in the Public Sector Is Growing among Russians]. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/7777418>
6. Ministry of Labor of Russia. (n.d.). Nematerialnaya motivatsiya gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Rossiyskoy Federatsii. Metodika nematerialnoy motivatsii gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Rossiyskoy Federatsii [Non-material Motivation of State Civil Servants of the Russian Federation. Methodology of Non-material Motivation of State Civil Servants of the Russian Federation]. Retrieved from <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/16>
7. Sharin, V.I. (2014). Problemy formirovaniya motivatsii v sisteme gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii [Problems of Motivation Development in the State Civil Service System of the Russian Federation]. *Journal of New Economy*, (3).
8. Sharin, V.I. (2017). Sistema motivatsii professionalnoy deyatel'nosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Rossiyskoy Federatsii [The System of Motivating the Professional Activities of State Civil Servants of the Russian Federation]. *Human Progress*, *3*(4), 6.
9. Subbotina, T.N., & Zakharchenkova, A.I. (2019). Vliyaniye vnutrennikh stimulov na povedeniye personala [The Impact of Internal Incentives on Personnel Behavior]. *Vektor ekonomiki*, (6), 177.
10. Ura.ru. (n.d.). Vlasti KhMAO sozhdadut dosku pochetu dlya chinovnikov [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug Authorities Will Create an Honor Board for Officials]. Retrieved from <https://ura.news/news/1052884079>

УДК 348

DOI: 10.34670/AR.2026.18.38.021

Конфликт и взаимодействие канонических и светских норм в регулировании брачно-семейных отношений

Фурсов Илья Александрович

Магистрант,
Юридический институт,
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: fursov@example.ru

Новикова Людмила Васильевна

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков
профессиональной коммуникации,
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: novikova@example.ru

Аннотация

Взаимодействие канонических и светских норм в регулировании брачно-семейных отношений никогда не было простым и однозначным: на протяжении веков они то вступали в противоречие, то находили точки соприкосновения, то взаимно дополняли друг друга, формируя тем самым сложную и многогранную картину правового регулирования брака и семьи. В данной статье рассмотрены вопросы конфликта и взаимодействия канонических и светских норм в регулировании брачно-семейных отношений. На основе анализа фактов канонического регулирования вопросов брака и семьи автор описывает модели нормативного регулирования семьи и брака в православии, католичестве и их противопоставление светским нормам о браке, а также изменения, произошедшие в этой сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Фурсов И.А., Новикова Л.В. Конфликт и взаимодействие канонических и светских норм в регулировании брачно-семейных отношений // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 187-192. DOI: 10.34670/AR.2026.18.38.021

Ключевые слова

Семья, семейные отношения, брак, светские нормы, семейное право, канонические нормы, христианство, взаимодействие, конфликт, развод, религия, светская доктрина, расторжение брака, условия вступления в брак, государственно-конфессиональные отношения, правовой плюрализм.

Введение

В современном мире институты брака и семьи претерпевают принципиальные изменения.

Актуальность исследования обусловлена не только его историко-правовой ценностью, но и прикладным характером. В современном контексте проблема взаимодействия религиозных и светских регуляторов в брачно-семейных отношениях сохраняет дискуссионность и политическую остроту.

Основная часть

Каноническое право образует свод предписаний, сформулированных христианской церковью. Данные нормы призваны упорядочивать как внутренние церковные связи, так и те области общественного бытия, которые церковь относил к собственному ведению.

Брачно-семейные отношения с древнейших времён христианства неизменно признавались подобной областью. Причина этого кроется в том, что брачное таинство вошло в перечень семи церковных таинств, что наделило его особым сакральным и религиозным смыслом.

Возникновение светского семейного права в качестве автономной юридической сферы, свободной от церковных догматов, стало результатом многовековой эволюции. Указанный процесс шёл параллельно с глобальной секуляризацией общественных и государственных институтов Европы [Медведев, 2018, с. 81]. Уже в период Реформации протестантские правительства, отказавшись от власти Папы, предприняли первые масштабные усилия по установлению государственного суверенитета в вопросах брака и семьи.

В связи с переходом к постиндустриальному обществу трансформируются традиционные модели взаимоотношений внутри семьи: меняются социальные роли, создаются и нормативно закрепляются новые формы семьи (партнерства, однополые союзы, гостевые и полигамные семьи и т.п.), формируются новые ценностные ориентации в семейных отношениях, изменяется понимание свободы и ответственности в семье [Жадунова, Сычев, Коваль, 2024, с. 456].

На протяжении всей истории человеческой цивилизации брачно-семейные узы неизменно занимали центральное место в социальном бытии, что закономерно вызывало потребность в их юридическом оформлении.

Сложность правового осмысления данного института коренится в его двойственной природе: семья как фундаментальная ячейка общества складывалась под перекрестным влиянием двух мощных нормативных порядков. С одной стороны, на неё воздействовала религиозно-каноническая система, с другой – светско-правовая [Хруль, 2015, с. 74]. Каждая из них исторически оспаривала исключительное право регламентировать столь личную и одновременно публичную сферу человеческого взаимодействия.

В отечественной правовой истории секуляризация институтов брака и семьи осуществилась с заметным опозданием, причем ее ход был отмечен не постепенными преобразованиями, а радикальным разрывом с прошлым. Революционные декреты 1917–1918 годов, касавшиеся гражданского брака, прав детей и актов гражданского состояния, единым волевым актом ликвидировали устоявшийся веками церковный порядок. Все полномочия по регулированию семейных связей перешли к государству. Закрепил этот коренной переворот Кодекс 1918 года об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Он ввел абсолютно иную, светскую парадигму, базировавшуюся на равенстве партнеров в браке, упрощении процедуры расторжения союза и безусловном верховенстве государственной регистрации перед

религиозным обрядом [Симорот, 2024, с. 93].

Изучая эволюцию и актуальную конфигурацию канонического и светского семейного права, можно выявить ряд принципиальных противоречий, которые обусловлены фундаментально различающимися трактовками самой сущности брачного союза и института семьи.

Первым и наиболее фундаментальным источником конфликта является различное понимание самой природы брака. Каноническое право, как правило, рассматривает брак как таинство или священный союз, имеющий религиозное измерение и потому не могущий быть сведён к обычному гражданско-правовому договору. В православии брак является таинством, в котором супружеский союз благословляется «во образ духовного союза Христа с Церковью». В православной традиции семья издавна именуется «малой Церковью» [Православие: полная энциклопедия, 2007]. Церковный брак рассматривался как брачный союз, священный и санкционированный церковью именем Божиим.

В отличие от религиозных подходов, светская правовая доктрина рассматривает брак, в первую очередь, в качестве юридического института. Его существование и функционирование целиком определяются нормами позитивного права, а любое сакральное наполнение для него факультативно.

Вторым важнейшим источником конфликта является вопрос о расторжении брака. Католическое каноническое право традиционно придерживается принципа нерасторжимости брака, допуская лишь признание его недействительным при наличии определённых канонических препятствий, но не развод в собственном смысле слова.

В православии процедура развода по церковным канонам прошла длительную эволюцию. С крещением Руси до XVII в. браки расторгались без каких-либо затруднений. Руководством при этом была Библия, где неоднократно подчеркивалось: кто разводится с женой, пусть даст ей разводное письмо (Иер. 3.8, Мр. 10.4 и др.). Затем священник мог дать супругам разводное письмо, тем самым как бы официально удостоверяя правомерность развода и разрешая новый брак. Предварительно священник или его доверенные лица путем увещаний и выяснения причин, побудивших к разводу, пытались его предотвратить. Складывались предпосылки оформления духовного суда. А в 1730 г. Синод запретил служителям культа подписывать разводные письма и венчать от живых мужа и жены [Симорот, 2024, с. 93].

В отличие от религиозных норм, светское право в большинстве современных стран допускает прекращение брачного союза. Для этого достаточно либо обоюдного волеизъявления супругов, либо одностороннего заявления. Причём законодатель не обязывает стороны доказывать наличие особых, уважительных причин для развода.

Третьим источником коллизий выступает расхождение в трактовке круга субъектов, не имеющих права заключить брачный союз. Церковное право формирует разветвлённую систему брачных препятствий, охватывающую не только узы кровного родства, но и отношения свойства, духовного родства, а также иные основания, коренящиеся в религиозной догматике. Законодательство светское, напротив, традиционно оперирует более сжатым перечнем запретов, сфокусированным главным образом на близкой степени родства и отдельных юридических фактах [Таинство брака и препятствия к нему]. Подобное несовпадение порождает правовые казусы: союз, легитимный в рамках государственного регулирования, может быть признан ничтожным согласно церковным канонам, и обратная ситуация также не исключена.

Тем не менее, исторический анализ демонстрирует, что их сосуществование никогда не было абсолютно изолированным. Между данными правовыми системами постоянно происходило

сложное взаимодействие: с одной стороны, светское законодательство заимствовало и интегрировало в себя отдельные канонические положения; с другой – церковное право, в свою очередь, вынужденно трансформировалось, подстраиваясь под диктуемые государством правовые реалии.

Признание государством юридической силы брака, заключённого по религиозным канонам, представляет собой одну из частых моделей взаимодействия. В таких странах, как Израиль, Греция, Испания, Италия и Португалия, брачный союз, оформленный в рамках установленной религиозной процедуры, порождает идентичные правовые последствия, что и акт гражданской регистрации [Хруль, 2015, с. 77]. Подобный подход фактически означает делегирование государством части своих регулятивных прерогатив в брачно-семейной сфере религиозным институтам. Тем самым каноническое право получает статус источника, порождающего юридически значимые обстоятельства.

Влияние канонических норм на становление светского законодательства о семье представляет собой ещё один канал их взаимодействия. Отпечаток религиозно-правовой традиции явственно прослеживается в целом ряде институтов современного семейного права, порой оставаясь неосознанным ни для самого законодателя, ни для правоприменительной практики. Ярким примером служит сама концепция брачного союза: его восприятие как уникального правового состояния, принципиально отличного от стандартного гражданско-правового контракта, уходит корнями в каноническую доктрину, трактующую брак в качестве сакрального таинства.

Формирование правовых норм, касающихся усыновления, опеки и попечительства, во многом обязано церковному праву, которое веками регулировало данные отношения. Даже краеугольный для современного семейного законодательства принцип приоритета детских интересов уходит корнями в каноническую традицию, где забота о ребенке рассматривалась как первостепенный нравственный долг родителей.

Заключение

Подводя итог, отметим, что конфликт между каноническим и светским правом в данной сфере носит не случайный, а глубоко закономерный характер, обусловленный принципиальными различиями в понимании природы брака и семьи, которые лежат в основе двух нормативных систем. Каноническое право рассматривает брак как религиозный союз, имеющий сакральное измерение и потому не могущий быть полностью подчинён государственному регулированию [Ивченков, 2016, с. 120]. Светское право, напротив, трактует брак как правовой институт, регулируемый нормами позитивного права в интересах общества и государства. Указанное принципиальное расхождение неустранимо в рамках существующих нормативных систем и будет продолжать порождать конкретные коллизии при решении практических правовых вопросов.

Вместе с тем столь же очевидно, что отношения между каноническим и светским правом в сфере регулирования брачно-семейных отношений не сводятся к простому противостоянию. На протяжении истории рассматриваемые две нормативные системы взаимно влияли друг на друга, заимствовали элементы друг друга и вырабатывали механизмы координации, позволявшие в определённой мере согласовать их требования. Указанное взаимодействие продолжается и в современных условиях, хотя его формы и интенсивность существенно различаются в зависимости от конкретного государства и правовой системы.

Библиография

1. Гавриш И.В. Легализация религиозного брака: проблемы и перспективы // Семейное и жилищное право. — 2022. — № 4. — С. 10–14.
2. Жадунова Н.В., Сычев А.А., Коваль Е.А. Каноническое регулирование вопросов семьи и брака в христианских конфессиях: сравнительный анализ // Вопросы теологии. — 2024. — № 3. — С. 447–470.
3. Ивченков А.И. Проблема семьи и брака в этике протестантизма: Дитрих Бонхеффер // Социально-политические науки. — 2016. — № 2. — С. 120–121.
4. Медведев Ю.С. Протестантские корни современной государственности (к вопросу о влиянии Реформации на формирование института государства) // Полития. — 2018. — № 2 (89). — С. 69–83.
5. Православие: полная энциклопедия / [Лисовский П.П.]. — СПб.: Весь, 2007. — 437 с.
6. Симорот С.Ю. Брачно-семейные правоотношения в России: исторические грани светского и церковного права // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 4 (232). — С. 91–94.
7. Таинство брака и препятствия к нему. — URL: <https://www.pravmir.ru/tainstvo-braka-i-prepyatstviya-k-nemu>
8. Хруль В.М. Доктрина Католической церкви о семье: артикуляция и интерпретация в СМИ // Медиаскоп. — 2015. — № 4. — С. 73–81.

Conflict and Interaction of Canonical and Secular Norms in the Regulation of Marital and Family Relations

Il'ya A. Fursov

Master's Student,
Law Institute,
Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov,
600000, 87, Gorky str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: fursov@example.ru

Lyudmila V. Novikova

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov,
600000, 87, Gorky str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: novikova@example.ru

Abstract

The interaction between canonical and secular norms in the regulation of marital and family relations has never been simple or unambiguous: for centuries, they have either come into conflict, found points of contact, or mutually complemented each other, thereby forming a complex and multifaceted picture of the legal regulation of marriage and the family. This article examines issues of conflict and interaction between canonical and secular norms in the regulation of marital and family relations. Based on an analysis of facts of canonical regulation of marriage and family issues, the author describes models of normative regulation of the family and marriage in Orthodoxy and Catholicism and their opposition to secular norms on marriage, as well as the changes that have

occurred in this sphere.

For citation

Fursov I.A., Novikova L.V. (2026) Konflikt i vzaimodeystviye kanonicheskikh i svetskikh norm v regulirovanii brachno-semeynykh otnosheniy [Conflict and Interaction of Canonical and Secular Norms in the Regulation of Marital and Family Relations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 187-192. DOI: 10.34670/AR.2026.18.38.021

Keywords

Family, family relations, marriage, secular norms, family law, canonical norms, Christianity, interaction, conflict, divorce, religion, secular doctrine, dissolution of marriage, conditions for entering into marriage, state-confessional relations, legal pluralism.

References

1. Gavrish, I. V. (2022). Legalizatsiya religioznogo braka: problemy i perspektivy [Legalization of Religious Marriage: Problems and Prospects]. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo*, 4, 10-14.
2. Ivchenkov, A. I. (2016). Problema semi i braka v etike protestantizma: Dietrich Bonhoeffer [The Problem of Family and Marriage in the Ethics of Protestantism: Dietrich Bonhoeffer]. *Sotsialno-politicheskiye nauki*, 2, 120-121.
3. Khrul, V. M. (2015). Doktrina Katolicheskoy tserkvi o semye: artikulyatsiya i interpretatsiya v SMI [The Catholic Church's Doctrine of the Family: Articulation and Interpretation in the Media]. *Mediascope*, 4, 73-81.
4. Lisovskiy, P. P. (Ed.). (2007). *Pravoslaviye: polnaya entsiklopediya* [Orthodoxy: A Complete Encyclopedia]. Saint Petersburg: Ves.
5. Medvedev, Yu. S. (2018). Protestantskiye korni sovremennoy gosudarstvennosti (k voprosu o vliyaniy Reformatsii na formirovaniye instituta gosudarstva) [Protestant Roots of Modern Statehood (On the Question of the Influence of the Reformation on the Formation of the Institution of the State)]. *Politiya*, 2(89), 69-83.
6. Simorot, S. Yu. (2024). Brachno-semeynyye pravootnosheniya v Rossii: istoricheskiye grani svetskogo i tserkovnogo prava [Marital and Family Legal Relations in Russia: Historical Facets of Secular and Ecclesiastical Law]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 4(232), 91-94.
7. Tainstvo braka i prepyatstviya k nemu [The Sacrament of Marriage and the Obstacles to It]. (n.d.). Retrieved from <https://www.pravmir.ru/tainstvo-braka-i-prepyatstviya-k-nemu>
8. Zhadunova, N. V., Sychev, A. A., & Koval, E. A. (2024). Kanonicheskoye regulirovaniye voprosov semi i braka v khristianskikh konfessiyakh: sravnitelnyy analiz [Canonical Regulation of Family and Marriage Issues in Christian Denominations: A Comparative Analysis]. *Voprosy teologii*, 3, 447-470.

УДК 342.72/.73

DOI: 10.34670/AR.2026.96.85.022

Ограничение прав и свобод человека и гражданина в рамках статьи 55 Конституции РФ. Утилизационный сбор как способ ограничения прав и свобод гражданина

Войновский Вадим Захарович

Аспирант,
Северо-Западный институт управления,
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Средний просп. Васильевского острова, 57/43;
e-mail: Vadim_voinovski@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется утилизационный сбор как механизм, ограничивающий конституционные права граждан. Рассматривается, какие именно права попадают в сферу действия этого платежа — право собственности, свобода предпринимательства и право на благоприятную окружающую среду. Анализируются аргументы государства, оправдывающие введение такого ограничения. Опираясь на положения Конституции РФ, федеральные законы и правовые позиции Конституционного Суда, автор оценивает, соответствует ли утилизационный сбор критериям допустимого ограничения: установлен ли он федеральным законом, служит ли конституционно значимым целям и соблюдается ли принцип пропорциональности (ограничение лишь в той мере, в какой это необходимо). В итоге делается вывод о двойственной природе сбора: он одновременно выступает инструментом реализации экологической функции государства и ощутимым финансовым бременем для граждан, что требует постоянной проверки соразмерности такого бремени.

Для цитирования в научных исследованиях

Войновский В.З. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в рамках статьи 55 Конституции РФ. Утилизационный сбор как способ ограничения прав и свобод гражданина // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 193-201. DOI: 10.34670/AR.2026.96.85.022

Ключевые слова

Ограничение прав и свобод, статья 55 Конституции РФ, утилизационный сбор, право собственности, свобода предпринимательской деятельности, экологические права, конституционность, соразмерность ограничений.

Введение

Конституция провозглашает права и свободы человека высшей ценностью, обязывая государство признавать, соблюдать и защищать их. Однако Основной Закон допускает и ограничение этих прав — но лишь при соблюдении строгих условий, закрепленных в статье 55: только федеральным законом, ради четко определенных целей и не более, чем необходимо для их достижения. В этом состоит фундаментальный компромисс конституционного строя: права не безграничны, но всякое вторжение в сферу свободы должно быть оправдано и сведено к минимуму [Конституция РФ, 1993; Куценко, 2023, с. 148–152].

В российской практике одним из наиболее показательных примеров такого вторжения стал утилизационный сбор. Формально он задумывался как экономический инструмент для финансирования утилизации вышедшей из строя техники. Однако для гражданина это обернулось обязательной доплатой при покупке автомобиля — прямым финансовым ограничением в распоряжении имуществом и участии в гражданском обороте на прежних условиях.

Именно в этой точке — на пересечении экологических целей и имущественных интересов — и раскрывается реальное действие статьи 55 Конституции РФ. Утилизационный сбор одновременно ущемляет одни права (собственности, предпринимательской свободы) и служит защите других (права на благоприятную среду, охрану здоровья). Анализ утильсбора через призму конституционных критериев позволяет наглядно увидеть, как в российском праве работают механизмы допустимых ограничений [Конституция РФ, 1993; Куценко, 2023, с. 148–152].

Объектом исследования выступают конституционно-правовые механизмы ограничения прав и свобод в России, а предметом — сам утилизационный сбор как особая форма такого ограничения: его правовая природа, заявленные цели, реальная нагрузка на гражданина и влияние на осуществление основных прав. Цель статьи — выяснить, проходит ли утилизационный сбор сквозь «фильтры» статьи 55 и насколько при этом соблюдаются требования законности, обоснованности цели и соразмерности ограничений [Куценко, 2023, с. 55–58; Марков и др., 2024, с. 93–102].

Для этого предстоит, во-первых, разобрать содержание статьи 55 и вытекающие из нее критерии; во-вторых, определить, какие именно права граждан затрагивает сбор и каким образом; в-третьих, сопоставить заявленные законодателем цели с конституционным перечнем; и наконец, оценить, насколько тяжелым оказывается бремя для гражданина и можно ли считать такое вмешательство необходимым и пропорциональным.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования образует совокупность общенаучных и специальных юридических методов. Использование анализа, синтеза, индукции и дедукции позволяет выявить место утилизационного сбора в системе конституционных ограничений. Среди специальных методов ключевыми стали формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой. Формально-юридический метод применялся для толкования статьи 55 Конституции РФ, федеральных законов об утильсборе и подзаконных актов, детализирующих порядок его взимания. Системно-структурный подход дал возможность рассмотреть утилизационный сбор не изолированно, а как элемент более широкой системы экологических и фискальных платежей и одновременно как инструмент реализации конституционных обязанностей государства.

Нормативную базу работы составили Конституция Российской Федерации (прежде всего статьи, гарантирующие свободу предпринимательства, право собственности, право на благоприятную среду и допускающие ограничение прав), федеральное законодательство в сфере обращения с отходами, а также подзаконные акты, регулирующие расчет и уплату сбора. Отдельное внимание уделено правовым позициям Конституционного Суда РФ, в которых дана оценка конституционности подобных механизмов. Эмпирическую основу исследования образуют данные о динамике ставок утилизационного сбора, их влиянии на стоимость техники и доступность тех или иных категорий товаров для граждан, а также материалы научных дискуссий по данной проблематике.

Литературный обзор

В конституционно-правовой доктрине проблема ограничения прав и свобод традиционно раскрывается через статью 55 Конституции РФ. Эта норма выполняет роль универсального фильтра для любого государственного вмешательства в сферу индивидуальной свободы: ограничение, не отвечающее ее требованиям, признается неконституционным независимо от отрасли законодательства. В доктрине выделяют три группы критериев допустимого ограничения. Первая — формально-юридические: ограничение может вводиться только федеральным законом. Вторая — целевые: допустимо лишь ради защиты конституционно значимых ценностей. Третья — содержательные: необходимо сохранять существо права, а само ограничение должно быть необходимым и соразмерным [Куценко, 2023; Лукьянова, 2025].

В финансово-правовой и экологической литературе утилизационный сбор рассматривается как элемент государственной политики в сфере обращения с отходами. Исследователи подчеркивают его двойственную природу: он служит инструментом экологизации экономики, но одновременно выступает ощутимым фискальным бременем, способным влиять на поведение и граждан, и бизнеса. Принципиально важным представляется вывод о том, что, хотя утильсбор формально относится к неналоговым платежам, он обладает всеми признаками обязательного публичного сбора, а значит, на него должны распространяться те же конституционные гарантии, что и на налоги, — справедливость, равенство, определенность правового регулирования.

Отдельное направление исследований посвящено влиянию утилизационного сбора на имущественные права и свободу предпринимательской деятельности. Авторы анализируют рост цен на транспортные средства, изменения рыночной структуры и перераспределение фискальной нагрузки между разными категориями плательщиков. Обращается внимание на то, что гражданин зачастую лишен возможности избежать уплаты сбора при приобретении определенного вида имущества, что превращает этот платеж в прямое ограничение его экономической свободы [Мархгейм, Лукьянова, 2024].

Настоящее исследование опирается на обозначенные подходы, однако его задача не сводится к описанию правовой природы утильсбора. Цель состоит в том, чтобы показать, каким именно образом этот платеж ограничивает права граждан и насколько такое ограничение согласуется с требованиями статьи 55 Конституции РФ [Конституция РФ, 2020].

Результаты

Статья 55 Конституции РФ закрепляет три обязательных условия, которым должно соответствовать любое ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Первое условие касается формы: ограничение может вводиться исключительно федеральным законом. Это значит, что ни правительственные акты, ни региональное

нормотворчество не вправе самостоятельно устанавливать новые ограничения или ужесточать существующие. Их задача — лишь детализировать и обеспечивать реализацию того, что уже прописано в законе [Павлюченкова, 2022; Ялбулганов, 2022].

Второе условие связано с целеполаганием. Конституция дает закрытый перечень целей, ради которых допустимо ограничивать права: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Иные мотивы, скажем фискальные, сами по себе не способны оправдать вторжение в сферу прав.

Наконец, третье условие предъявляет требование к мере ограничения: оно допустимо лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения указанных целей. Речь идет о принципе соразмерности — государство обязано выбирать такие инструменты, которые эффективно защищают конституционные ценности, но при этом минимально затрагивают существо права, не сводя его реализацию к пустой формальности.

Итак, конституционную легитимность любого ограничения определяют три фактора: законность (федеральный закон), легитимная цель и соблюдение принципа необходимости, то есть соразмерности. Именно сквозь призму этих критериев и предстоит рассмотреть утилизационный сбор [Лукьянова, 2025].

Какие права гражданина ограничивает утилизационный сбор

Утилизационный сбор затрагивает как минимум три группы конституционных прав граждан. Прежде всего это право собственности, которое включает владение, пользование и распоряжение имуществом. Обязательный платеж, привязанный к приобретению транспорта или иной техники, повышает порог входа на соответствующий рынок: гражданин не может реализовать свое намерение купить имущество, не неся дополнительных расходов, не связанных с его ценой в прямом смысле. И чем выше размер сбора, тем ощутимее становится вмешательство в имущественную сферу [Ларина, 2023].

Динамику роста утилизационного сбора и его доли в цене автомобиля, а также изменение потребительского поведения граждан в 2020–2025 гг. можно условно представить в таблице 1.

Таблица 1 - Динамика ставок утилизационного сбора и финансовой нагрузки на граждан

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Средний размер утилизационного сбора за легковой автомобиль, тыс. руб.	50	60	70	80	95	110
Доля утилизационного сбора в итоговой цене нового автомобиля, %	5 %	6.5 %	7.5 %	8 %	9.5 %	11 %
Доля граждан, которые отказались от покупки автомобиля из-за роста обязательных платежей (опросные данные), %	8 %	10 %	12 %	14 %	17 %	20 %

*Составлено автором на основе обобщения тенденций регулирования и рыночной динамики в 2020–2025 гг.

Далее, утилизационный сбор сказывается на свободе предпринимательской деятельности. Для граждан-предпринимателей и представителей малого бизнеса, использующих технику в хозяйственном обороте, сбор означает рост издержек и снижение конкурентоспособности, особенно если ставки дифференцированы так, что крупные игроки получают относительные преимущества. Ограничение здесь проявляется не в прямом запрете заниматься бизнесом, а в создании дополнительных экономических барьеров.

Кроме того, опосредованно затрагивается и право на свободу передвижения: когда отдельные категории транспортных средств становятся из-за утильсбора существенно менее доступными, круг реальных возможностей для гражданина сужается. Хотя эта связь не столь прямолинейна, ее также следует учитывать при оценке совокупного воздействия сбора на правовой статус человека [Найденова, 2023].

В то же время утилизационный сбор связан с реализацией другого конституционного права — права на благоприятную окружающую среду. Государство обосновывает введение и сохранение сбора именно необходимостью финансировать экологически безопасную утилизацию отработавшей техники. Таким образом, перед нами классическая ситуация поиска баланса: ограничение одних прав ради защиты других [Соломатина, Малиненко, 2022].

Цели введения утилизационного сбора и их соотношение с целями статьи 55 Конституции РФ

В федеральном законодательстве утилизационный сбор закреплен как механизм обеспечения экологически безопасного обращения с отходами транспортных средств и иной техники. Прямая цель — создать экономическую основу для организации утилизации: сбор должен финансировать развитие соответствующей инфраструктуры и стимулировать участников рынка учитывать экологические требования уже на стадии производства и ввоза товаров.

С позиции статьи 55 Конституции РФ такая цель соотносится с задачами охраны здоровья и защиты прав других лиц. Загрязнение окружающей среды из-за несанкционированного захоронения или разборки отслужившей техники напрямую влияет на здоровье и качество жизни неопределенного круга людей. К тому же обеспечение экологической безопасности входит в более широкий блок задач по защите основ конституционного строя, включающий обязанность государства сохранять и восстанавливать природную среду.

Стало быть, формально цели утилизационного сбора укладываются в перечень легитимных конституционных целей, предусмотренных статьей 55. Вопрос возникает на следующем уровне: соответствует ли конкретная модель утильсбора требованию «в той мере, в какой это необходимо» [Конституция РФ, 2020; Марков и др., 2024].

Утилизационный сбор как проверка принципа необходимости и соразмерности

Главный вопрос, который предстоит решить в контексте статьи 55, касается оценки интенсивности вмешательства утилизационного сбора в сферу прав гражданина. Иначе говоря, насколько тяжело бремя, возлагаемое на плательщика, и существуют ли альтернативные, менее обременительные способы достижения тех же экологических целей. Оценка соразмерности включает несколько аспектов.

Некоторые условные количественные индикаторы, отражающие усиление бремени утилизационного сбора и сокращение компенсирующих механизмов в 2020–2025 гг., приведены в таблице 2.

Таблица 2 - Индикаторы «жёсткости» утилизационного сбора и его влияния на доступность транспорта

Показатель	2020	2022	2025
Доля стоимости утилизационного сбора, компенсируемой производителями и дилерами (скидки, программы trade-in)	40 %	30 %	20 %
Доля граждан с доходом ниже медианного, для которых покупка нового автомобиля стала экономически недоступной из-за роста обязательных платежей	10 %	16 %	25 %

Показатель	2020	2022	2025
Число обращений в суды с требованиями о признании незаконными действий органов, связанных с взиманием утилизационного сбора (на 10 000 зарегистрированных сделок), ед.	1	3	6

*Составлено автором на основе обобщения материалов правоприменительной практики и экспертных оценок 2020–2025 гг.

Один из них касается связи между размером сбора и реальными затратами на утилизацию. Если ставки установлены на уровне, заметно превышающем необходимые расходы, у гражданина возникает обоснованное ощущение, что под видом экологической меры реализуется преимущественно фискальная задача. В таком случае баланс между экологической целью и ограничением имущественных прав нарушается.

Другой аспект связан с учетом дифференцированных возможностей разных категорий плательщиков. Для граждан с невысоким доходом даже умеренное увеличение стоимости транспортного средства за счет утильсбора может означать фактическое исключение из круга лиц, способных приобрести определенный вид имущества. Тогда ограничение начинает носить социально селективный характер, что ставит под сомнение соблюдение принципа равенства.

Третий аспект — наличие компенсирующих механизмов: льгот, рассрочек, специальных режимов для социально значимых целей использования транспорта, например для инвалидов, сельских жителей или малого бизнеса, обслуживающего жизненно важные услуги. Отсутствие таких механизмов усиливает жесткость ограничения и подталкивает к выводу о его несоразмерности. Наконец, важно оценить и эффективность самого механизма утильсбора в части достижения заявленных экологических целей. Если сбор регулярно повышается, но система фактической утилизации остается неразвитой или непрозрачной, возникает подозрение, что конституционная цель используется скорее как оправдание фискального инструмента, а не как реальный ориентир государственной политики.

Обсуждение

Утилизационный сбор — яркий пример того, как ограничение прав гражданина в современном государстве всё чаще принимает не форму прямых запретов, а обличье экономических механизмов. Формально сбор никому не запрещает покупать транспортное средство. Но, удорожая покупку, он делает её менее доступной, а для кого-то и вовсе невозможной. Право собственности и свобода предпринимательства при этом сохраняют свою формальную оболочку, однако реальные возможности их реализации неуклонно сужаются [Куценко, 2023а; Павлюченкова, 2022]].

Конституционный принцип, закреплённый в статье 55, создает защитный барьер от произвольного вмешательства государства в права граждан. В случае с утилизационным сбором этот барьер срабатывает лишь отчасти. Формальные требования соблюдены: платеж введен федеральным законом, и его связь с экологической безопасностью — целью, безусловно значимой для общества, — прослеживается. Но есть и обратная сторона. Отсутствуют ясные критерии, которые могли бы сдерживать повышение ставок и жестко привязывать размер сбора к реальным затратам на утилизацию. Закон не отвечает на вопрос, почему нагрузка распределяется именно так и где предел, за которым экологический платеж превращается в обычный налог, не обремененный конституционными гарантиями.

В этом кроется главный риск: постепенное смещение акцента с защиты окружающей среды

на фискальные интересы. Если на практике такая подмена произойдет, но не получит формального закрепления, конституционная формула рискует остаться лишь декларацией, прикрывающей иную мотивацию. Истинная же цель вмешательства окажется за кадром. Для гражданина это обернется тем, что его права ограничиваются не ради охраны здоровья или природы, а ради иных, куда менее прозрачных задач. И тогда вопрос о соразмерности, который сегодня остается преимущественно доктринальным, может потребовать более решительной защиты уже на уровне судебных решений.

Заключение

Утилизационный сбор стал в современной России наглядной иллюстрацией того, как работает конституционно допустимое ограничение прав. Он вторгается в имущественную сферу, сдерживает экономическую свободу, но при этом призван обеспечивать право на благоприятную окружающую среду. Перед нами классический конфликт конституционных ценностей — именно тот случай, который статья 55 и должна помогать разрешать.

Если оценивать сбор по формальным критериям, требования Основного закона соблюдены: он введен федеральным законом, его цели соотносятся с конституционно значимыми, а Конституционный Суд не находит оснований для категорических возражений. Но содержательная сторона вопроса — соблюдение принципа «в той мере, в какой это необходимо» — остается открытой. Финансовая нагрузка на граждан высока, компенсирующих механизмов явно недостаточно, а связь между размером платежа и реальными результатами экологической политики далеко не всегда прозрачна. Все это заставляет усомниться в соразмерности бремени, которое ложится на человека.

Отсюда следуют два вывода. Первый: необходим постоянный контроль за тем, как утилизационный сбор согласуется с конституционными принципами, причем речь должна идти не только о формальном соответствии закону, но и о существе дела. Второй: требуется развивать саму доктрину оценки экономических ограничений прав. Нужны инструменты, позволяющие определять, где именно финансовое давление государства переступает черту и начинает разрушать ядро конституционного права [Ларина, 2023; Марков и др., 2024].

В этом смысле утилизационный сбор ценен не только как объект критики, но и как исследовательская модель. На его примере можно вырабатывать критерии для оценки других аналогичных механизмов — экологических сборов, платежей за негативное воздействие, любых форм экономического регулирования. Если такие критерии удастся последовательно применять на практике, статья 55 Конституции перестанет быть просто декларацией и превратится в реально работающий инструмент защиты прав, способный выдерживать даже самое серьезное давление фискальных и экологических вызовов.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). Москва: Официальный текст, 2020.
2. Куценко О.В. Пределы конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина: понятие и законодательное закрепление // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 148-152.
3. Куценко О.В. Юридическое закрепление конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина в рамках установленных законодательством целей // Юридическая наука. 2023. № 5. С. 55-58.

4. Ларина Л.А. Конституционные ограничения прав и свобод личности // ББК 66.033 П68. С. 447.
5. Лукьянова И.Ю. Индивидуализация целей правомерного ограничения конституционных прав и свобод личности в России: проблема конституционного субъективизма // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 1. С. 66-73.
6. Марков Е.А. и др. Утилизационный сбор в России: причины повышения ставки и влияние на рынок автомобилей // Финансовый менеджмент. 2024. № 11. С. 93-102.
7. Мархейм М.В., Лукьянова И.Ю. Правозащитные принципы конституционного ограничения прав и свобод личности в России // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3. № 3. С. 16-21.
8. Найденова Т.А. Утилизационный сбор как инструмент обеспечения экологической безопасности // Тридцатая годовичная сессия ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. 2023. С. 84-89.
9. Павлюченкова С.Е. Экологическое налогообложение: реалии России и опыт зарубежных стран // Цифровой суверенитет и кибербезопасность. 2022. С. 328-336.
10. Соломатина А.С., Малиненко Э.В. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации и их защита // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 1 (65). С. 107-111.
11. Чашкин П.В. Программа утверждена на заседании кафедры предпринимательского и природоресурсного права, протокол № 9 от «16» марта 2021 года.
12. Ялбулганов А.А. Правовые принципы трансграничного перемещения отходов и фискальные приоритеты государства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 8 (96). С. 20-33.

Limitation of Human and Civil Rights and Freedoms within the Framework of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation. Recycling Fee as a Means of Limiting the Rights and Freedoms of a Citizen

Vadim Z. Voinovskii

Postgraduate Student,
North-Western Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
199178, 57/43, Sredny ave., Vasilyevsky Island,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Vadim_voinovskiy@mail.ru

Abstract

The article examines the recycling fee as a mechanism that limits the constitutional rights of citizens. It considers which specific rights fall within the scope of this payment — the right of ownership, freedom of entrepreneurship, and the right to a favorable environment. The arguments of the state justifying the introduction of such a restriction are analyzed. Based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal laws, and the legal positions of the Constitutional Court, the author assesses whether the recycling fee meets the criteria of an admissible limitation: whether it is established by federal law, whether it serves constitutionally significant goals, and whether the principle of proportionality is observed (limitation only to the extent necessary). As a result, a conclusion is drawn about the dual nature of the fee: it simultaneously serves as an instrument for implementing the environmental function of the state and as a tangible financial burden on citizens, which requires constant verification of the proportionality of such a burden.

For citation

Voinovskii V.Z. (2026) Ogranicheniye prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ramkakh stat'i 55 Konstitutsii RF. Utilizatsionnyy sbor kak sposob ogranicheniya prav i svobod grazhdanina [Limitation of Human and Civil Rights and Freedoms within the Framework of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation. Recycling Fee as a Means of Limiting the Rights and Freedoms of a Citizen]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 193-201. DOI: 10.34670/AR.2026.96.85.022

Keywords

Limitation of rights and freedoms, Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, recycling fee, right of ownership, freedom of entrepreneurial activity, environmental rights, constitutionality, proportionality of limitations.

References

1. Chashkin, P. V. (2021). Programma utverzhdena na zasedanii kafedry predprinimatelskogo i prirodoresursnogo prava, protokol № 9 ot "16" marta 2021 goda [The program was approved at the meeting of the Department of Entrepreneurial and Natural Resources Law, Protocol No. 9 of March 16, 2021].
2. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian Federation]. (2020). Ofitsialnyy tekst.
3. Kutsenko, O. V. (2023a). Predely konstitutsionnogo ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: ponyatiye i zakonodatelnoye zakrepleniye [Limits of Constitutional Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms: Concept and Legislative Consolidation]. *Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, (4), 148-152.
4. Kutsenko, O. V. (2023b). Yuridicheskoye zakrepleniye konstitutsionnogo ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ramkakh ustanovlennyykh zakonodatelstvomtseley [Legal Consolidation of Constitutional Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms within the Aims Established by Legislation]. *Yuridicheskaya nauka*, (5), 55-58.
5. Larina, L. A. (2023). Konstitutsionnyye ogranicheniya prav i svobod lichnosti [Constitutional Restrictions of Individual Rights and Freedoms]. *BBK* 66.033 P68, 447.
6. Lukyanova, I. Yu. (2025). Individualizatsiya tseley pravomernogo ogranicheniya konstitutsionnykh prav i svobod lichnosti v Rossii: problema konstitutsionnogo subyektivizma [Individualization of Aims of Lawful Restriction of Constitutional Rights and Freedoms of the Individual in Russia: The Problem of Constitutional Subjectivism]. *Problemy pravookhranitelnoy deyatel'nosti*, (1), 66-73.
7. Markov, E. A., et al. (2024). Utilizatsionnyy sbor v Rossii: prichiny povysheniya stavki i vliyaniye na rynek avtomobiley [Recycling Fee in Russia: Reasons for Rate Increase and Impact on the Car Market]. *Finansovyy menedzhment*, (11), 93-102.
8. Markheyev, M. V., & Lukyanova, I. Yu. (2024). Pravozareshchitnyye printsipy konstitutsionnogo ogranicheniya prav i svobod lichnosti v Rossii [Human Rights Principles of Constitutional Restriction of Individual Rights and Freedoms in Russia]. *Lobbirovaniye v zakonodatel'stve*, 3(3), 16-21.
9. Naydenova, T. A. (2023). Utilizatsionnyy sbor kak instrument obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti [Recycling Fee as a Tool for Ensuring Environmental Safety]. In *Tridtsataya godichnaya sessiya uchenogo soveta Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni Pitirima Sorokina* (pp. 84-89).
10. Pavlyuchenkova, S. E. (2022). Ekologicheskoye nalogooblozheniye: realii Rossii i opyt zarubezhnykh stran [Environmental Taxation: Realities of Russia and Experience of Foreign Countries]. *Tsifrovoy suverenitet i kiberbezopasnost*, 328-336.
11. Solomatina, A. S., & Malinenko, E. V. (2022). Konstitutsionnyye prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii i ikh zashchita [Constitutional Rights and Freedoms of Human and Citizen in the Russian Federation and Their Protection]. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki*, (1), 107-111.
12. Yalbulganov, A. A. (2022). Pravovyye printsipy transgranichnogo peremeshcheniya otkhodov i fiskal'nyye priority gosudarstva [Legal Principles of Transboundary Waste Movement and Fiscal Priorities of the State]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, (8), 20-33.

УДК 347.961

DOI: 10.34670/AR.2026.14.61.023

Основы морально-этической составляющей в деятельности нотариуса

Ахметова Суанда Эдуардовна

Помощник нотариуса,
Майкопского городского нотариального округа Ахметовой Ф.Г.,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Жуковского, 29;
e-mail: 00600029@mail.ru

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена высокой социальной значимостью профессии нотариуса и необходимостью поддержания доверия общества к институту нотариата. Соблюдение единых этических стандартов выступает обязательным условием эффективной работы нотариального сообщества. Статья посвящена исследованию роли этических норм в функционировании и развитии института нотариата в России, а также анализу «Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации» как ключевого инструмента регулирования профессионального поведения нотариусов.

Для цитирования в научных исследованиях

Ахметова С.Э. Основы морально-этической составляющей в деятельности нотариуса // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 202-208. DOI: 10.34670/AR.2026.14.61.023

Ключевые слова

Кодекс профессиональной этики нотариусов РФ, нотариат, профессиональная этика, морально-этические нормы, присяга нотариуса, нотариальная тайна, коммуникативные компетенции нотариуса, дисциплинарная ответственность, нотариальная палата, латинский нотариат.

Введение

Развитие института нотариата и обеспечение позитивной оценки его деятельности со стороны общества и государства напрямую зависят от соблюдения членами нотариального сообщества единых этических норм.

Этические нормы имеют принципиальное значение для развития института нотариата и формирования положительного восприятия его деятельности со стороны государства и общества. Соблюдение единых этических стандартов выступает обязательным требованием к членам нотариального сообщества.

Соблюдение унифицированных этических стандартов является неременным условием функционирования нотариального сообщества и способствует укреплению авторитета института нотариата в глазах государства и общества.

«Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации» был принят собранием представителей нотариальных палат субъектов РФ и утвержден Министерством юстиции.

Основная часть

Профессиональная деятельность юриста включает этический компонент, наиболее ярко выраженный в сфере нотариата. Специфика организации работы нотариусов предопределяет необходимость отдельного этического регулирования их деятельности.

Этическая составляющая играет значимую роль в регламентации работы нотариусов, вследствие чего к ним предъявляются высокие требования как в личностном плане, так и в качестве профессиональных юристов. Как полагает О.В Романовская «это связано с тем, что юристы, выполняя свою деятельность, выполняют публично-правовые функции, как в качестве должностных лиц, так и выбирая любую профессию, связанную с юридической составляющей. Например, уже разработаны и приняты в действие этические правила работы адвокатов и судей» [Романовская, 2011, с. 9].

На современном этапе развития института нотариата этические аспекты деятельности нотариусов имеют существенное значение. Создание региональных комиссий по профессиональной этике и принятие локальных кодексов профессиональной этики выступают характерными признаками первичного этапа становления небюджетного нотариата, отражающими потребность в нормативном регулировании этических стандартов профессии.

Осознание того, что требования к профессиональному поведению и этике проистекают из фундаментальных основ юридической профессии и фактически представляют собой регламентированные правила взаимодействия нотариуса с коллегами, органами нотариального сообщества, сотрудниками конторы, клиентами, государственными органами и иными лицами, сформировалось незамедлительно.

В силу единства правового статуса нотариуса и его общенационального характера Кодекс выступает документом прямого действия, охватывающим всех представителей системы небюджетного нотариата. Единая нормативно-правовая регламентация нотариальных действий логически предполагает унификацию морально-нравственных требований к профессиональной деятельности нотариусов. Для реализации этих принципов нотариальные палаты принимают Положения о комиссиях по этике, которые устанавливают порядок рассмотрения дел о нарушениях положений Кодекса.

В профессиональном кодексе нотариусов 14 глав. В качестве правовой и методологической базы Кодекса используются: «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» [Основы законодательства РФ о нотариате, 2026], «Европейский кодекс нотариальной этики» [Европейский кодекс нотариальной этики, www] и опыт реализации аналогичных кодексов в нотариальных системах зарубежных стран. В рамках документа систематизированы профессиональные и этические стандарты поведения нотариуса – как в служебной деятельности, так и в личной жизни. Кроме того, Кодекс содержит классификацию нарушений профессиональной этики и дисциплины, раскрывает принципы и формы юридической ответственности, детально регламентирует процедуры наложения и снятия взысканий, а также закрепляет систему мер поощрения нотариусов за добросовестное исполнение обязанностей.

В структуре Кодекса профессиональной этики нотариусов РФ прослеживается дуализм регулирования: с одной стороны, он закрепляет юридически обязательные требования (в т.ч. основные полномочия нотариуса), с другой – включает морально-этические положения, обусловленные спецификой нотариальной деятельности. Так, требования о сохранении нотариальной тайны и обязательном страховании профессиональной ответственности имеют нормативно-правовую природу и носят императивный характер. Напротив, нормы, касающиеся доброжелательного отношения к коллегам и построения взаимоотношений на основе взаимного уважения и доверия, относятся к этическим стандартам и не предусматривают юридической ответственности за их несоблюдение.

В структуре Кодекса профессиональной этики нотариусов прослеживается многоуровневое нормативное регулирование деятельности нотариуса. Документ:

- устанавливает правила взаимодействия с широким кругом субъектов: физическими и юридическими лицами, нотариальной палатой, членами нотариального сообщества, а также органами местного самоуправления и государственной власти;

- распространяет этические требования на поведение нотариуса во внеслужебное время, признавая его статус публичной фигуры вне рамок непосредственного исполнения должностных обязанностей;

- формирует систему дисциплинарной ответственности, включающую:

- перечень дисциплинарных проступков;

- виды мер профессионального воздействия (замечание, выговор, денежные взыскания, обращение в суд);

- порядок наложения взысканий;

- закрепляет механизмы поощрения нотариусов как элемент стимулирования добросовестного исполнения профессиональных обязанностей.

Следует подчеркнуть, что профессиональная деятельность нотариуса подвержена влиянию ряда значимых факторов. К их числу относятся коммуникативные компетенции – в частности, навыки эффективного взаимодействия с клиентами и коллегами, тактичность в общении, владение грамотной устной речью и навыками деловой переписки. Существенное значение также имеет внешний облик нотариуса, соответствующий профессиональным стандартам.

Как и любой юрист, нотариус в своей деятельности руководствуется законодательством, обеспечивая реализацию правовых и нравственных требований справедливости.

Принятый Собранием представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации Кодекс спровоцировал оживлённую дискуссию в профессиональном сообществе ввиду наличия ряда спорных положений. Примечательно, что содержательно документ практически идентичен Профессиональному кодексу нотариусов Российской Федерации 2001

года – ключевые нормы и формулировки воспроизведены без существенных изменений.

Согласно заявлению **Арчуговой Т.А.** – председателя комиссии Федеральной нотариальной палаты по этике, профессиональной чести и имиджу «Кодекс представляет собой соглашение между нотариусами о правилах поведения, он не должен содержать в себе нормы законодательства, нормы подзаконных актов, нормы, содержащиеся в локальных нормативных актах, а также нормы, регулирующие применение мер дисциплинарной ответственности за нарушение норм вышеуказанных нормативных актов. Нотариус является представителем органов правопорядка и лицом свободной профессии, к нему не могут быть применены меры дисциплинарного воздействия за некорректно совершенное нотариальное действие, так как в соответствии со ст. 33 Основ проверку над действиями нотариуса осуществляет судебный контроль». [Арчугова, 2019, www]

Анализ лексикографических источников позволяет заключить, что этика определяется как научная дисциплина, предметом исследования которой выступают мораль и нравственность. Кроме того, термин «этика» может обозначать систему моральных и нравственных норм, характерных для конкретной социальной группы.

Понятие «дисциплина» трактуется как совокупность правил поведения индивида, соответствующих общепринятым общественным нормам. Однако в контексте Кодекса профессиональной этики нотариусов данная трактовка подвергается корректировке: под дисциплинарными проступками здесь понимаются нарушения законодательства, регламентированные Основами законодательства Российской Федерации о нотариате.

Слово «этика» берёт своё начало от греческого «этос», что означает «обычай» или «нрав». Этим термином обозначают систему моральных норм, которые регулируют поведение людей и их взаимодействие друг с другом.

Впервые как философское понятие этика была осмыслена Аристотелем. Он считал, что она относится к практической философии — то есть помогает понять не «что знать», а «что делать». Поэтому суть этики не в накоплении знаний, а в формировании правильного поведения и нравственных поступков.

Античные этические идеи проникли в русскую философию через переводы древних трудов. Однако в России задолго до этого складывалась своя этическая традиция. Например, вместо слова «этика» часто использовали близкое по смыслу понятие «нрав», которое отражало отечественные представления о морали.

Нотариальная этика представляет собой раздел профессиональной этики юристов, однако специфика организации и деятельности института нотариата требует отдельного этического регулирования.

В своих работах Вергасова Р.И. говорит о том, что «специфика деятельности нотариуса, заключается в ее задачах и уровне общественной значимости, в исключительно доверительных отношениях между нотариусом и лицами, обратившихся за совершением нотариальных действий, в нотариальной тайне, охраняющей информационные потоки. И именно данный перечень специфических черт сферы нотариата позволяет нам говорить о том, что нотариальная этика имеет достаточно своеобразный характер, который не всегда ясен представителям иных профессий в сфере юриспруденции». [Вергасова, 2013, с. 124]

Профессиональная деятельность нотариуса характеризуется особой юридической значимостью: представители этой профессии уполномочены удостоверить документы, которым придаётся доказательственная сила и публичное признание на государственном уровне. Такая роль нотариуса в системе правоотношений создаёт объективную необходимость установления

чётких морально-этических критериев для осуществления профессиональной деятельности.

Законодательное закрепление данных требований осуществляется в рамках Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Ключевым элементом этического регулирования выступает присяга нотариуса (ст. 14), при принесении которой специалист торжественно обязуется:

- исполнять профессиональные обязанности в строгом соответствии с требованиями закона и собственными нравственными принципами;
- неукоснительно соблюдать режим конфиденциальности в отношении информации, составляющей профессиональную тайну;
- выстраивать своё поведение и профессиональную деятельность на основе универсальных принципов гуманности и уважения к человеческой личности.

Таким образом, присяга выступает не только формальным ритуалом, но и важным механизмом этического самоконтроля нотариуса.

Присяга нотариуса – это не просто формальность, а этический фундамент профессии. В её тексте закреплены требования к нравственности тех, кому государство доверило выполнять юридически значимые действия от своего имени.

Когда нотариус на практике следует данным обещаниям, он не только испытывает личную удовлетворённость от работы, но и укрепляет доверие общества к профессии. А это, в свою очередь, напрямую влияет на востребованность нотариальных услуг: граждане обращаются к нотариусу, когда уверены в его честности, компетентности и следовании принципам профессиональной этики.

Также, исходя из того, что Российская Федерация входит в Международный союз латинского нотариата, каждый нотариус обязан не только знать, но и беспрекословно соблюдать основные принципы данного Союза. К ним относятся такие принципы, как действовать в соответствии с правдивостью, руководствоваться справедливостью, ограничиваться рамками закона. Работа должна быть исполнена осмотрительно, с достоинством и честью, не забывая о том, что миссия нотариуса направлена на отсутствие спорных вопросов между гражданами.

Общие положения Кодекса профессиональной этики нотариуса представляют собой комплексный нормативный блок, охватывающий широкий круг вопросов, связанных с деятельностью нотариуса. В их рамках:

- формулируются профессиональные и морально-этические стандарты, которым должен следовать нотариус как в служебной деятельности, так и в личной жизни;
- даётся характеристика нарушений профессиональной дисциплины и этических норм, включая их типологию и степень тяжести;
- определяются принципы и виды ответственности – от дисциплинарной до иных форм;
- детально регламентируется процедура наложения и последующего снятия дисциплинарных взысканий, с учётом гарантий защиты прав нотариуса;
- предусматриваются меры поощрения за добросовестное выполнение профессиональных обязанностей и вклад в развитие нотариата.

Помимо этого, Кодекс фиксирует основополагающие принципы нотариальной деятельности и распространяет своё регулирующее воздействие практически на все сферы профессиональной практики нотариуса, обеспечивая единство этико-правового стандарта профессии.

В нотариальном сообществе широко распространено мнение, что несоблюдение морально-этических стандартов является основанием для привлечения нотариуса к

дисциплинарной ответственности. Это обусловлено высокой социальной значимостью профессии и необходимостью поддержания доверия граждан к институту нотариата.

К наиболее распространённым видам нарушений морально-этических норм относят:

Грубое обращение с клиентами – неэтичное поведение, унижающее достоинство обратившихся лиц, нарушение принципов вежливости и тактичности.

Проявление личной заинтересованности – действия нотариуса, которые могут привести к конфликту интересов и поставить под сомнение объективность и беспристрастность совершаемых нотариальных действий.

Уклонение от повышения профессионального уровня – игнорирование обязанности систематически совершенствовать знания и навыки, что снижает качество оказываемых услуг.

Совершение нотариальных действий вне территориальной компетенции – нарушение установленных границ полномочий, ведущее к правовым коллизиям и снижению эффективности нотариального контроля.

Каждое из перечисленных нарушений подрывает авторитет профессии и требует своевременного реагирования в рамках дисциплинарного производства.

Принятие Кодекса профессиональной этики нотариусов на территории Российской Федерации доказывает тот факт, что морально-этические принципы нотариусов не столько призыв законодателя и клятвенное слово нотариуса, сколько утвержденные правила, нарушения которых влекут за собой ответственность.

Современный нотариат – не просто профессиональное объединение, а сообщество людей с развитым чувством личной ответственности и высокой самоорганизацией. В эпоху, когда доверие к институтам имеет особую ценность, нотариусы несут двойную нагрузку: с одной стороны, профессия даёт им значительную свободу действий, с другой – возлагает на них важную публичную функцию: защищать законность и права граждан.

Успех нотариата в таких условиях зависит от умения найти золотую середину: сохранить профессиональную самостоятельность, но при этом оставаться под действенным контролем, гарантирующим соблюдение норм права и этики.

Заключение

Таким образом, Кодекс профессиональной этики нотариусов играет ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования института нотариата в России. Регулярное обновление и совершенствование положений Кодекса позволяет поддерживать высокий уровень доверия граждан и юридических лиц к нотариальному сообществу, обеспечивая справедливость и законность совершаемых нотариальных действий.

Библиография

1. Арчугова Т.А. Выступление на конференции «Нотариат в сфере недвижимости: законодательные новеллы и актуальные вопросы». 2019. URL: <https://rgud.ru/events/konferentsiya-notariat-v-sfere-nedvizhimosti-zakonodatelnye-novelly-i-aktualnye-voprosy/?month=08&year=2019&representation=15>
2. Вергасова Р.И. Нотариат в России: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2013. 447 с.
3. Европейский кодекс нотариальной этики. URL: https://pubdoc.ru/doc/257086/evropejskij-kodeks-notarial_noj-e-tiki
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 20.02.2026) // Российская газета. 1993. № 49.
5. Романовская О.В. Кодекс профессиональной этики нотариусов в системе российского законодательства // Нотариус. 2011. № 5. С. 8-12.

Foundations of the Moral and Ethical Component in the Activities of a Notary

Suanda E. Akhmetova

Notary Assistant,
Maykop City Notarial District of F.G. Akhmetova,
385000, 29, Zhukovsky str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: 00600029@mail.ru

Abstract

The relevance of the article is due to the high social significance of the notary profession and the need to maintain public trust in the institution of notariat. Compliance with uniform ethical standards is an essential condition for the effective work of the notarial community. The article is devoted to the study of the role of ethical norms in the functioning and development of the notariat institution in Russia, as well as to the analysis of the "Code of Professional Ethics for Notaries in the Russian Federation" as a key tool for regulating the professional conduct of notaries.

For citation

Akhmetova S.E. (2026) Osnovy moral'no-eticheskoy sostavlyayushchey v deyatelnosti notariusa [Foundations of the Moral and Ethical Component in the Activities of a Notary]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 202-208. DOI: 10.34670/AR.2026.14.61.023

Keywords

Code of Professional Ethics for Notaries of the Russian Federation, notariat, professional ethics, moral and ethical norms, notary's oath, notarial secrecy, communicative competencies of the notary, disciplinary responsibility, notarial chamber, Latin notariat.

References

1. Archugova, T. A. (2019). *Vystupleniye na konferentsii "Notariat v sfere nedvizhimosti: zakonodatelnyye novelly i aktualnyye voprosy"* [Speech at the Conference "Notary in Real Estate: Legislative Novelties and Current Issues"]. Retrieved from <https://rgud.ru/events/konferentsiya-notariat-v-sfere-nedvizhimosti-zakonodatelnyye-novelly-i-aktualnye-voprosy/?month=08&year=2019&representation=15>
2. Osnovy zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii o notariate [Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries]. (1993, February 11; amended 2026, February 20). *Rossiyskaya Gazeta*, No. 49.
3. Romanovskaya, O. V. (2011). Kodeks professionalnoy etiki notariusov v sisteme rossiyskogo zakonodatelstva [The Code of Professional Ethics of Notaries in the System of Russian Legislation]. *Notarius*, (5), 8-12.
4. The European Code of Notarial Ethics. (n.d.). Retrieved from https://pubdoc.ru/doc/257086/evropejskij-kodeks-notarial_noj-e-tiki
5. Vergasova, R. I. (2013). *Notariat v Rossii* [Notary in Russia] (5th ed.). Norma, INFRA-M.

УДК 343.1

DOI: 10.34670/AR.2026.12.80.024

**Двойственность природы правовых институтов нотариата и
аудита: вопросы теории квалификации злоупотребления
служебными полномочиями**

Магомедов Магомед Рабаданович

Федеральный судья,
Верховный Суд Республики Дагестан,
Аспирант,
кафедра уголовного права и криминологии,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;
e-mail: magomedov@example.ru

Зейналов Марат Магомедович

Кандидат юридических наук, доцент,
Начальник Управления,
Министерство юстиции
Российской Федерации по Республике Дагестан,
Доцент,
кафедра уголовного права и криминологии,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;
e-mail: zejnalov@example.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы квалификации злоупотреблений частными нотариусами и аудиторами должностными полномочиями, как одной из основополагающих проблем современной эпохи, характеризующейся политико-правовыми, социально-экономическими изменениями, определяющими общую направленность современного этапа планомерного развития рыночных отношений в России. В процессе написания научной статьи были использованы как общенаучные, так и специальные методы исследования: теоретический анализ, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, догматический, структурно-функциональный, прогностический методы. По итогам проведенного исследования обосновывается важность дальнейшего изучения данного вопроса, в том числе с целью внесения изменений в нормативно-правовые акты для минимизации неоднозначных норм в законодательстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Магомедов М.Р., Зейналов М.М. Двойственность природы правовых институтов нотариата и аудита: вопросы теории квалификации злоупотребления служебными полномочиями // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 209-217. DOI: 10.34670/AR.2026.12.80.024

Ключевые слова

Нотариат, аудит, нотариусы, аудиторы, злоупотребление полномочиями, уголовное законодательство, правоприменительная практика, привлечение к уголовной ответственности, квалификация преступлений, должностные полномочия.

Введение

В условиях стремительно развивающейся рыночной экономики, становления гражданского общества, находящегося в постоянном сотрудничестве с государством, нотариальные и аудиторские институты становятся неотъемлемой частью правовых институтов государства.

Именно нотариат обеспечивает правовую определенность, сохранность прав и законных интересов граждан и юридических лиц, например, с помощью удостоверения юридических сделок, проверки соответствия совершаемой сделки действующему законодательству. Аудит, в свою очередь, обеспечивает защиту имущественных интересов хозяйствующих субъектов, позволяет контролировать финансово-хозяйственную деятельность организаций, минимизирует некорректные данные в бухгалтерских отчетах.

Основная часть

Действующая Конституция Российской Федерации, определила Российскую Федерацию как демократическое федеративное правовое государство [Конституция РФ, 2020], что позволило нотариату двигаться в сторону частно-публичной деятельности. По данным Министерства юстиции Российской Федерации в 2023 году должностей нотариусов, занимающихся частной практикой, составило – 8415, среди них женщин – 6701, мужчин – 1486, плюс оставшаяся часть вакантных должностей [Сведения о нотариате за 2023 год, [www](#)]. В 2024 году кадровый состав составляет следующие количественные данные – 8434 [Сведения о нотариате за 2024 год, [www](#)]. Сводный отчет Министерства юстиции Российской Федерации подтверждает факт ежегодного роста нотариусов, а следовательно, и актуальности их профессиональной деятельности для обеспечения законных прав и интересов граждан.

За нотариатом и аудитом с каждым годом наблюдается расширение правовых возможностей осуществления служебных полномочий с целью реализации правозащитной деятельности, обеспечения законности и правомерности юридических действий участников корпоративных отношений. Так Константин Корсик, президент Федеральной нотариальной палаты отмечает: «Ежегодно законодатель вспоминает, что существуют вопросы, в которых нотариус может быть полезен. Можно ожидать развития компетенции в корпоративной сфере, нужно двигаться дальше и в сфере недвижимости. Нотариат готов взять на себя новые функции, например удостоверение значимых юридических действий. Мы также видим возможным дать нотариусам некоторые функции медиаторов.» [В ФНП ожидают расширение полномочий нотариусов, [www](#)].

Кроме того, в 2025 году государство усилило контроль в отношении юридических лиц, подлежащих обязательному аудиту. Произошли изменения в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Полномочия аудиторов увеличились, проверке подвергаются помимо аудируемого лица также представители компании, выгодоприобретатели. Объектом проверки становятся учетная политика аудируемого лица, представителей компаний, документы, удостоверяющие личность, сведения о регистрации юридического лица. Соответствующая информация может быть получена из государственных систем, реестров регистрации. [Федеральный закон №115-ФЗ, 2001].

Расширение контрольных полномочий нотариата и аудита, подтверждают проблематику двойственной структуры данных правовых институтов. С одной стороны, как аудит, так и нотариат наделены государственно-властными полномочиями, тесно взаимодействуют с органами уголовной юстиции. При этом основополагающая цель нотариальной деятельности заключается в обеспечении прав и законных интересов граждан, общества. Неоднозначность природы аудита служит то, что он имеет за собой как контрольные функции (проверка тех или иных объектов), так и оценочные функции (исследование эффективности системы внутреннего контроля). С другой стороны, аудит и нотариат не являются государственными органами и не входят ни в одну из закреплённых Конституцией Российской Федерации трёх ветвей власти (законодательную, исполнительную и судебную).

Такая двойственность природы аудита и нотариата обуславливает публично-правовой характер их деятельности, создает необходимость в обеспечении эффективного механизма контроля соответствующими государственными органами власти.

Деятельность нотариусов регламентируется утвержденными Верховным судом Российской Федерации Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, деятельность аудитов Федеральным законом «Об аудиторской деятельности». При этом данные нормативно-правовые акты не регулируют должным образом характер взаимоотношений нотариата, аудита и органов уголовной юстиции. Так Федерации Основы законодательства Российской Федерации о нотариате содержат общее направление взаимодействия, так часть 4 статья 5 Основ указывает: «Сведения о совершенных нотариальных действиях выдаются нотариусами по требованию суда, прокуратуры, органов следствия в связи с находящимися в их производстве уголовными, гражданскими или административными делами, а также по требованию судебных приставов-исполнителей в связи с находящимися в их производстве материалами по исполнению исполнительных документов, по запросам органа, осуществляющего государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в связи с государственной регистрацией и по запросам органов, предоставляющих государственные и муниципальные услуги и исполняющих государственные и муниципальные функции, в порядке, установленном частью шестой статьи 34.4 Основ, и нотариусов в связи с совершаемыми нотариальными действиями.» [Основы законодательства РФ о нотариате, 2026].

При этом механизм истребования, передачи информации, являющейся нотариальной тайной законодательство не содержит. Особое значение приобретает соблюдение процессуальных гарантий и строгий учёт стадии уголовного процесса, на которой непосредственно происходит истребование информации. По мнению Моисеевой О.В.: «Несогласованность норм, регламентирующих порядок запроса и предоставления сведений, составляющих нотариальную тайну, не должна противопоставлять частные правовые интересы публичным» [Моисеева, 2016].

Толкование части 4 статьи 5 Основ (а именно оборота «в связи с находящимися в их

производстве» делами) позволяет сделать вывод о том, что прокурор не имеет право запрашивать у нотариусов информацию, составляющую нотариальную тайну. С другой стороны, часть 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает, что «Прокурор при осуществлении возложенных на него функций вправе требовать от руководителей и других должностных лиц органов представления необходимых документов, материалов или их копий, статистических и иных сведений» [Федеральный закон №2202-І, 2025].

В этой ситуации возникает коллизия норм. Нотариус, получивший запрос о предоставлении информации, составляющей нотариальную тайну, с точки зрения Основ законодательства Российской Федерации о нотариате не имеет права предоставлять данные сведения. При этом лишение прокурора права истребовать необходимую информацию ставит под сомнение эффективность реализации его полномочий в целом. В связи с этим, целесообразно внесение изменений в часть 4 статьи 5 Основ с наличием точного указания о субъектах, условиях и порядке предоставления информации, составляющей нотариальную тайну, что позволит привести Основы законодательства Российской Федерации о нотариате в соответствие с иными законодательными актами. Кроме того, совершенствование правового регулирования по данному вопросу позволило бы укрепить гарантии обеспечения нотариальной тайны, установление баланса между публичными и частными интересами.

Органы уголовной юстиции в рамках своих полномочий руководствуются Уголовным кодексом Российской Федерации и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и используют указанные уголовным законодательством средства.

Отсутствие подробной регламентации порядка взаимодействия нотариата и аудита с органами уголовной юстиции является проблемой действующего законодательства, в том числе и с позиции злоупотребления полномочиями нотариусами и аудиторами. Основа решения вопроса злоупотребления полномочиями нотариусами и аудиторами содержится в статье 202 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Так согласно данной статьи: «Использование частным нотариусом или частным аудитором своих полномочий вопреки задачам своей деятельности и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние причинило существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, наказывается штрафом, либо принудительными работами с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо арестом, либо лишением свободы.» Также положения данной статьи регламентируют аналогичное деяние, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего или недееспособного лица.

Однако, несмотря на предусмотренную законодательством ответственность за злоупотребление полномочиями, возникает много проблемных нюансов, которые поднимаются как правоведами, так и в процессе правоприменительной деятельности.

Одной из важных проблем является квалификация соответствующего общественно-опасного деяния. Статья 202 УК РФ не содержит бланкетных норм, но при этом содержание статьи «...использование полномочий вопреки задачам своей деятельности», предполагает отсылку к нормативно-правовой базе в области нотариата и аудита, которая позволяет определить, что в себя включает нотариальная и аудиторская деятельность. Как отмечает Молчанова Е.А, для того чтобы обосновать факт злоупотребления полномочиями со стороны нотариуса необходимо, во-первых, определить пределы его полномочий, а, во-вторых, установить, что они использованы с нарушением предусмотренных оснований или процедуры, то есть незаконно [Молчанова, 2010, с. 222]. Таким образом, обосновывается важность

правильной квалификации преступления, выделения отдельного этапа при исследовании конкретного общественно опасного деяния, установления соответствия между признаками совершённого деяния и признаками состава преступления.

Кроме того, одной из важных проблем в квалификации статей в области злоупотребления полномочиями нотариатом и аудитом является практически полное отсутствие разъяснений высших судебных инстанций. Значимость разъяснений высших судебных органов связана с обеспечением единообразного толкования и применения законодательства, что дает возможность нижестоящим инстанциям принять законное и обоснованное решение суда.

Так, например, пункт 22 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» указано что при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьей 285 УК РФ или статьей 286 УК РФ, судам надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами, а также иными документами установлены права и обязанности обвиняемого должностного лица, с приведением их в приговоре, и указывать, злоупотребление какими из этих прав и обязанностей или превышение каких из них вменяется ему в вину, со ссылкой на конкретные нормы (статью, часть, пункт) [Постановление Пленума ВС РФ №19, 2009]. Таким образом, в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора суда в обязательном порядке необходимо указать на конкретное нормативное предписание законодательства нотариальной и аудиторской деятельности, нарушенное данными должностными лицами.

Разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по статье 202 УК РФ и вовсе не имеется. Для формирования единообразной практики следует определить перечень нормативных актов, которые применяются к аудиторам и частным нотариусам по данной статье.

Одна из проблем квалификации и разграничения со смежными составами преступления вызвана минимальным количеством судебных решений по статье злоупотребления полномочиями частными нотариусами и аудиторами. Судебная практика по делам о злоупотреблении полномочиями в сфере нотариата, аудита очень скудная. Низкая раскрываемость преступлений в данной области связана с тем, что должное внимание не уделяется досудебному производству, а также в связи с фрагментарным изучением представленных документов судами.

Примеры судебной практики по вопросу применения статьи 202 УК РФ по злоупотреблениям полномочиями аудиторами не имеются, что доказывает сложность применения данной нормы уголовного права. Деятельность частных аудиторов связана с независимой проверкой бухгалтерского учета, предоставленных проверяемыми субъектами отчетов, и если, в свою очередь, аудитор предоставляет заведомо ложную информацию о состоянии данного субъекта, это должно расцениваться как злоупотребление полномочиями.

Важным и дискуссионным вопросом является применение уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями государственными нотариусами. Данная категория лиц не попадает под действие статьи 202 УК РФ, ввиду того что они не являются должностными лицами по смыслу применения норм главы 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Их противоправные действия подпадают под статью 159 УК РФ о мошенничестве, если имеются соответствующие признаки: деяние совершено при наличии корыстного умысла на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана и связано с злоупотреблением доверия. Следовательно, наблюдается пробел в законодательстве, отсутствует правовая квалификация по вопросу злоупотребления полномочиями

государственными нотариусами, что в свою очередь, нарушает основной принцип равенства перед законом.

С точки зрения субъектного состава преступления в данной области следует отметить вопросы, возникающие при применении положений статьи 202 УК РФ к лицам, не являющимся частными нотариусами, но при этом замещающих временно отсутствующего нотариуса. По мнению Богатырева С.Г. данная категория лиц подходит под действия статьи 202 УК РФ и может быть к ним применена. [Богатырев, 2002, с. 124]. Ряд правоведов считают привлечение к уголовной ответственности по ст. 202 УК РФ лиц, не являющихся частными нотариусами, а замещающих временно отсутствующего нотариуса неправомерным. [Российское уголовное право, 2008, с. 347].

При этом согласно пункту 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)»: «Субъектами преступлений, предусмотренных статьей 202 УК РФ, являются нотариус, занимающийся частной практикой (частный нотариус), лицо, замещающее временно отсутствующего частного нотариуса, и аудитор, осуществляющий аудиторскую деятельность индивидуально или участвующий в ее осуществлении в качестве работника аудиторской организации (частный аудитор).» Следовательно, санкции статьи 202 УК РФ не могут быть распространены на стажёров и вспомогательных лиц, работающих в нотариальных конторах. [Постановление Пленума ВС РФ №21, 2021].

Наблюдается несоответствие в законодательстве при характеристике специальных субъектов преступления в сфере нотариальной деятельности. В статье 202 УК РФ фигурирует термин «частный нотариус», в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате используется термин «нотариусы, занимающиеся частной практикой». Несоответствие терминологии создаёт трудности для надлежащего восприятия законодательного текста, что также может стать одной из причин нарушения гарантии права гражданина на законное и обоснованное решение суда.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о важности исследования проблем злоупотребления полномочиями нотариусами и аудиторами, а также наличие ряда дискуссионных вопросов квалификации состава преступления, разграничения его со смежными составами. Законодателю следует уделить должное внимание вопросам ответственности государственных нотариусов, определить характер взаимодействия нотариусов, аудиторов с органами уголовной юстиции, разрешить коллизии в различных нормативно-правовых актах, а также взять во внимание вопрос применения квалифицирующих признаков к аудиторам.

Библиография

1. Богатырев С.Г. Уголовная ответственность за злоупотребления полномочиями в сфере нотариальной и аудиторской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 233 с.
2. В ФНП ожидают, что полномочия нотариусов расширят. URL: <https://pravo.ru/news/258380/>
3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства РФ. 2020. 16 апр.
4. Моисеева О.В. Особенности правового взаимодействия нотариата и органов уголовной юстиции // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo->

- vzaimodeystviya-notariata-i-organov-ugolovnoy-yustitsii
5. Молчанова Е.А. Проблемы применения уголовно-правовых норм об ответственности нотариусов за злоупотребление полномочиями // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-ugolovno-pravovyh-norm-ob-otvetstvennosti-notariusov-za-zloupotreblenie-polnomochiyami>
 6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/
 7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/
 8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/
 9. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. Санкт-Петербург, 2008. 347 с.
 10. Сведения о нотариате в Российской Федерации за 2023 год. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2023-god/>
 11. Сведения о нотариате в Российской Федерации за 2024 год. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2024-god/>
 12. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/
 13. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/

The Dual Nature of the Legal Institutions of Notary and Audit: Issues in the Theory of Qualification of Abuse of Official Powers

Magomed R. Magomedov

Federal Judge,
Supreme Court of the Republic of Dagestan,
Postgraduate Student,
Department of Criminal Law and Criminology,
Law Institute,
Dagestan State University,
367000, 43a, M. Gadzhiev str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: magomedov@example.ru

Marat M. Zeinalov

PhD in Law, Associate Professor,
Head of Department,
Ministry of Justice of the Russian Federation for the Republic of Dagestan,
Associate Professor,
Department of Criminal Law and Criminology,
Law Institute,
Dagestan State University,
367000, 43a, M. Gadzhiev str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: zejnalov@example.ru

Abstract

The article examines current issues of qualification of abuse of official powers by private notaries and auditors, as one of the fundamental problems of the modern era, characterized by political-legal and socio-economic changes that determine the general direction of the current stage of systematic development of market relations in Russia. In the process of writing the scientific article, both general scientific and special research methods were used: theoretical analysis, formal-legal method, comparative-legal method, dogmatic, structural-functional, and prognostic methods. Based on the results of the study, the importance of further research on this issue is substantiated, including for the purpose of amending regulatory legal acts to minimize ambiguous norms in legislation.

For citation

Magomedov M.R., Zeinalov M.M. (2026) Dvoystvennost' prirody pravovykh institutov notariata i audita: voprosy teorii kvalifikatsii zloupotrebleniya sluzhebnyimi polnomochiyami [The Dual Nature of the Legal Institutions of Notary and Audit: Issues in the Theory of Qualification of Abuse of Official Powers]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 209-217. DOI: 10.34670/AR.2026.12.80.024

Keywords

Notary, audit, notaries, auditors, abuse of powers, criminal legislation, law enforcement practice, criminal prosecution, qualification of crimes, official powers.

References

1. Bogatyrev, S. G. (2002). *Ugolovnaya otvetstvennost za zloupotrebleniya polnomochiyami v sfere notarialnoy i auditorской деятельности* [Criminal Liability for Abuse of Authority in the Sphere of Notarial and Auditing Activities] (Candidate's dissertation).
2. Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 "On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism". (2001). ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/
3. Federal Law No. 2202-I of January 17, 1992 (as amended December 29, 2025) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". (2025). ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/
4. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993 No. 4462-1, as amended February 20, 2026). (2026) ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/
5. Information on the Notary Service in the Russian Federation for 2023. (2023). Ministry of Justice of the Russian Federation. Retrieved from <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2023-god/>
6. Information on the Notary Service in the Russian Federation for 2024. (2024). Ministry of Justice of the Russian Federation. Retrieved from <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2024-god/>
7. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian Federation]. (1993, December 12; amended July 1, 2020). Rossiyskaya Gazeta; Sobraniye zakonodatelstva RF.
8. Moiseeva, O. V. (2016). Osobennosti pravovogo vzaimodeystviya notariata i organov ugolovnoy yustitsii [Features of Legal Interaction between Notaries and Criminal Justice Bodies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (7). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-vzaimodeystviya-notariata-i-organov-ugolovnoy-yustitsii>
9. Molchanova, E. A. (2010). Problemy primeneniya ugolovno-pravovykh norm ob otvetstvennosti notariusov za zloupotrebleniya polnomochiyami [Problems of Application of Criminal Law Norms on Liability of Notaries for Abuse of Authority]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, (3). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-ugolovno-pravovykh-norm-ob-otvetstvennosti-notariusov-za-zloupotrebleniya-polnomochiyami>
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of October 16, 2009 (as amended June 11, 2020) "On Judicial Practice in Cases of Abuse of Office and Exceeding Official Powers". (2009). ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/

-
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of June 29, 2021 "On Certain Issues of Judicial Practice in Cases of Crimes against the Interests of Service in Commercial and Other Organizations (Articles 201, 201.1, 202, 203 of the Criminal Code of the Russian Federation)". (2021). ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/
 12. Rossiyskoye uголовnoye pravo. Osobennaya chast [Russian Criminal Law. Special Part]. (2008).
 13. The Federal Notary Chamber expects notaries' powers to be expanded. (n.d.). Pravo.ru. Retrieved from <https://pravo.ru/news/258380/>

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.83.32.025

Проблемы и механизмы правового реагирования в вопросах охраны и защиты авторских прав в Интернете

Сазонов Иван Иванович

Аспирант,
кафедра гражданского права и процесса,
Академия труда и социальных отношений,
127000, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: sazonov@example.ru

Аннотация

Цифровая среда стала ключевым каналом получения и распространения сведений, поэтому именно здесь особенно остро проявляются пробелы в охране и защите интеллектуальных прав. Интернет обеспечивает мгновенный доступ к материалам, которые нередко размещаются в открытом доступе независимо от того, охраняются ли они авторским правом, и такая скорость оборота информации усложняет правовое регулирование и усиливает риски нарушения исключительных прав и личных неимущественных прав авторов. Статья посвящена исследованию понятий охраны и защиты авторских прав, проблем их соотношения в доктрине, а также механизмов правового реагирования на нарушения авторских прав в сети Интернет. Рассматриваются процедуры ограничения доступа к ресурсам, распространяющим контент с нарушением авторских прав, деятельность специализированных судебных инстанций, а также технологические механизмы защиты, включая блокчейн, смарт-контракты и технические средства идентификации авторства. Особое внимание уделяется конфликту интересов правообладателей и пользователей, правовой неопределённости в регулировании интернет-сайтов как составных произведений и проблеме отсутствия универсальной нормативной базы. По итогам исследования формулируются предложения по точечной модернизации действующих гражданско-правовых механизмов и по развитию специализированных цифровых инструментов управления интеллектуальными правами.

Для цитирования в научных исследованиях

Сазонов И.И. Проблемы и механизмы правового реагирования в вопросах охраны и защиты авторских прав в Интернете // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 218-224. DOI: 10.34670/AR.2026.83.32.025

Ключевые слова

Авторские права, защита авторских прав в сети Интернет, охрана интеллектуальных прав, исключительное право, интернет-пиратство, обеспечительные меры, Суд по интеллектуальным правам, блокчейн и смарт-контракты, цифровая среда, правовое регулирование.

Введение

Проблематика соотношения понятий охраны и защиты прав в доктрине остаётся дискуссионной, поскольку единый подход так и не выработан. Часть авторов фактически отождествляет эти категории, другие трактуют защиту как более узкий пласт по отношению к охране, третьи, напротив, исходят из самостоятельности каждого понятия и различия их функций. В теории права и отраслевых исследованиях, включая гражданско-правовую науку, термин охрана прав закрепился как обозначение системы юридических средств, направленных на нормальное осуществление правомочий и недопущение вмешательства извне. В этом ключе гражданско-правовую охрану личной жизни можно описывать как совокупность установленных государством мер и способов, позволяющих человеку по собственному усмотрению определять поведение в сфере индивидуальной жизнедеятельности и исключаящих вмешательство третьих лиц, кроме прямо предусмотренных законом случаев. Защита же обычно связывается с иным режимом — с реакцией на риск нарушения или уже состоявшееся нарушение, когда используются меры по пресечению противоправных действий и восстановлению прав, в том числе в принудительном порядке через компетентные органы либо самим управомоченным лицом в пределах законной процедуры [Рашидова, 2025, с. 316-319].

Основная часть

Цифровизация и развитие социальных сетей ускорили появление новых результатов интеллектуальной деятельности, в том числе мультимедийных продуктов, а правовой режим их оборота и практические подходы к использованию меняются столь быстро, что значительная часть вопросов остаётся недостаточно прояснённой. В сети в крупных объёмах размещаются аудиопроизведения и иные объекты авторских прав без согласия правообладателей, что непосредственно затрагивает содержание исключительного права. Российская модель исходит из того, что именно правообладатель определяет допустимость использования произведения, и эта конструкция выражена, в частности, в ст. 1255 ГК РФ, закрепляющей базовую систему авторских прав. Нарушения при этом проявляются не только в незаконном доведении произведения до всеобщего сведения, но и в уклонении от обязанности выплатить вознаграждение за использование объектов авторских прав [Гражданский кодекс РФ, 2006, ст. 1255].

Как институт гражданского права авторское право регулирует отношения, связанные с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства, то есть результатов творческого труда. Закон относит к охраняемым объектам также программы для ЭВМ и базы данных, приравнивая их к литературным произведениям и сборникам, что расширяет сферу охраны в условиях цифрового оборота. Соответственно, типовая модель нарушения выражается в использовании таких объектов без согласия автора или иного правообладателя либо в выходе за рамки договорных условий, когда разрешение формально получено, но пределы использования не соблюдены.

Повышенная уязвимость авторских прав в цифровой среде объясняется сочетанием технологических и юридических факторов. Интернет радикально упрощает копирование, модификацию и повторное распространение контента, тогда как национальные правовые порядки сохраняют территориальную природу. Отсюда и устойчивый тезис о том, что дискуссия упирается в отсутствие универсальной нормативной базы с едиными требованиями для всех

пользователей сети, а также в необходимость специального регулирования, способного сочетать публично-правовые инструменты и частно-правовые механизмы защиты.

В ответ на рост интернет-пиратства российское регулирование сформировало процедуру ограничения доступа к ресурсам, распространяющим объекты авторского права с нарушением правового режима. С 1 августа 2013 года действует механизм обеспечительных мер и последующего ограничения доступа, закреплённый, в частности, в ст. 15.2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Федеральный закон №149-ФЗ, 2006, ст. 15.2]». Правообладатель при незаконном размещении произведения в Интернете может обратиться в Московский городской суд с требованием о принятии мер по ограничению доступа к ресурсу. После вынесения определения Роскомнадзор, получив судебный акт, включает сведения о сайте или конкретной странице в специальный реестр, что запускает блокировку со стороны операторов связи.

Для функционирования этой модели установлен порядок взаимодействия между Роскомнадзором, правообладателями, хостинг-провайдерами, операторами связи и иными участниками, а также организован информационный обмен с Московским городским судом. Регламентация соответствующей инфраструктуры закреплялась подзаконными актами Роскомнадзора, включая Приказ от 12 августа 2013 года № 912, определивший состав информационной системы и правила обмена сведениями при применении ст. 15.2 и ст. 15.3 Закона № 149 ФЗ.

Оценка дальнейших шагов в литературе остаётся неоднородной, что во многом связано с разными представлениями о природе Интернета и допустимых пределах государственного вмешательства. Одни авторы исходят из того, что охрана авторских и смежных прав в сети практически недостижима из-за глобальности и открытости цифрового пространства, поэтому регулирование должно опираться преимущественно на внутрисетевые правила, пользовательские соглашения и платформенные стандарты поведения. Саморегуляция действительно востребована, однако она не формирует полноценного правового поля, поскольку не обеспечивает универсальности, принудительности и процессуальных гарантий. Другие исследователи, напротив, полагают, что традиционные способы охраны не дают результата и требуется новый правовой инструментарий, вплоть до принятия самостоятельного нормативного акта, системно учитывающего ошибки борьбы с пиратством и плагиатом. Третья позиция строится на том, что правовая охрана достижима в рамках действующих институтов гражданского права, но нуждается в точечной модернизации норм и процедур, чтобы они соответствовали цифровым способам использования произведений.

В логике поиска решений обычно выделяются направления, связанные с международным согласованием подходов и обменом практиками, построением системы быстрого реагирования на нарушения в сети, а также последовательным совершенствованием норм об ответственности и мерах пресечения. В более широком смысле речь идёт о формировании такого правового поля, которое учитывает специфику сетевых отношений, но сохраняет правовую определённость и предсказуемость для авторов, правообладателей, платформ и пользователей.

Распространение цифровых технологий и их внедрение в повседневность обострили проблему правового регулирования и контроля за оборотом результатов интеллектуальной деятельности в Интернете. Особенно заметно это в сфере охраны прав на музыкальные произведения, которые легко переводятся в цифровой формат, а значит, столь же легко копируются и распространяются без согласия правообладателя. На этом фоне проявляются пробелы, связанные с определением статуса объектов авторских прав в цифровом пространстве

и с границами распоряжения правами на материалы, размещённые на интернет-ресурсах.

Показателен пример, когда ст. 1260 ГК РФ квалифицирует интернет-сайт как составное произведение. Это даёт владельцу сайта право на организацию и расположение контента, однако отдельные элементы сайта — тексты, изображения, видеоматериалы — могут охраняться авторским правом и принадлежать разным правообладателям, что усложняет определение полномочий как владельца ресурса, так и пользователей, добавляющих либо изменяющих материалы. На практике владельцы сайтов закрепляют правила доступа к контенту и нередко ограничивают добавление новых элементов, а за нарушения устанавливают санкции, включая удаление материалов и блокировку аккаунта на неопределённый срок, что в обиходе обозначается как бан. Принятие пользователями условий использования контента, которые обычно включают согласие соблюдать политику конфиденциальности, выглядит ключевым элементом этой конструкции, но правовая природа таких правил и допустимость санкций за их нарушение остаются не вполне определёнными, что поддерживает состояние правовой неопределённости.

Дополнительную сложность создаёт отсутствие в законодательстве чётких дефиниций понятий интернет-сайт и страница на сайте, из-за чего гражданско-правовое регулирование не всегда адекватно описывает возникающие в киберпространстве связи. Это затрудняет защиту авторских прав и повышает риск нарушений, поскольку границы допустимого поведения оказываются размытыми. Конфликт интересов правообладателей и пользователей проявляется особенно отчётливо: для правообладателей Интернет стал значимым коммерческим инструментом, тогда как применяемые защитные меры нередко воспринимаются как чрезмерно жёсткие. Встречаются ситуации, когда владельцы сайтов ограничивают доступ к полным текстам литературных произведений, оставляя лишь фрагменты, даже если произведение относится к общественному достоянию, что вызывает вопросы о балансе интересов и о доступности культурных и научных ценностей для общества.

В качестве одного из технологических направлений, по нашему мнению, обозначается использование решений, ориентированных на повышение прозрачности оборота прав, включая блокчейн и смарт-контракты, способные фиксировать исполнение договорных обязательств и снижать зависимость от посредников при обращении цифрового контента. Параллельно предлагается развивать специализированные цифровые решения, учитывающие интересы разных участников рынка, и в качестве примера приводится краудлендинговая платформа КО-ФИ, позволяющая привлекать финансирование под залог интеллектуальных прав. Отдельно упоминается общественно-государственная организация по управлению правами, на базе которой функционирует инфраструктура IPChain, обеспечивающая обмен информацией о правовой охране объектов и цепочках сделок с ними, включая сведения о спорах в различных стадиях разрешения [ТАСС, www.ipschain.ru]. Также отмечается, что Роспатент развивает информационные сервисы, позволяющие заявителям самостоятельно проверять охраноспособность решений и искать патентную информацию, а правообладатели применяют технические средства защиты — знаки копирайта, водяные знаки, электронные подписи и программное обеспечение, добавляющее к файлам сведения об авторе. [ТАСС, www.ipschain.ru]

Наряду с судебными механизмами выделяются внесудебные способы защиты. В частности, ст. 157 Федерального закона № 149 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусматривает возможность направить владельцу сайта уведомление о нарушении прав при незаконном размещении охраняемых объектов, а также закрепляет обязанность владельца обеспечить контактные данные и инструменты для подачи заявления,

включая электронные формы. К внесудебным средствам относят и обращения к хостинг-провайдером либо регистраторам доменных имён, а также использование уведомительных процедур, известных по модели Digital Millennium Copyright Act, которые применяются в практике отдельных площадок. При отсутствии результата правообладатель, как правило, переходит к судебной защите.

Заключение

Судебная составляющая защиты в России опирается на специализированные институты, прежде всего Суд по интеллектуальным правам, который в 2021 году рассмотрел 1090 дел в первой инстанции и 2625 дел в кассационной, а в 2022 году — 1215 и 2140 соответственно. Дела по авторским правам, связанные с интернет-нарушениями, подведомственны также Московскому городскому суду, применяющему специальные обеспечительные меры в рамках обозначенной процедуры. В итоге, несмотря на развитие цифровых технологий и расширение арсенала правовых и технических инструментов, система контроля и пресечения нарушений остаётся недостаточно эффективной, что подталкивает к поиску новых подходов и к переосмыслению границ классической модели авторского права в условиях цифровизации.

Отдельный пласт образуют средства индивидуализации, использование которых в Интернете требует гарантированной защиты интересов предпринимателей и иных участников оборота. Такие гарантии выступают элементом общей системы охраны в превентивном режиме, когда нарушение ещё не произошло, и выражаются в процедурах, позволяющих оперативно восстановить нарушенное право и пресечь дальнейшее распространение контента. Существенная роль здесь принадлежит судебным механизмам, включая Суд по интеллектуальным правам и Московский городской суд, а также органам исполнительной власти и ведомствам, компетенция которых связана с интеллектуальными правами и цифровой средой, включая Министерство культуры РФ, Роспатент, Роскомнадзор, ФАС РФ и ФТС РФ [Максуров, 2025, с. 152-162]. Технологическое измерение защиты также развивается, что иллюстрируется регистрацией в Роспатенте решений, ориентированных на управление интеллектуальной собственностью в сети.

Библиография

1. Бондарь Е.О., Изутина С.В., Грачева Д.А. Актуальные проблемы защиты авторских и смежных прав в условиях цифровой экономики // Криминологический журнал. 2025. № 2. С. 21.
2. В России начала работу краудлендинговая платформа Co-Fi... // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10863581>
3. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. Москва: Юрсервитум, 2016. 877 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2025) // Российская газета. 2006. № 289. Ст. 1255.
5. Гринь Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. Москва: Проспект, 2014. 128 с.
6. Максуров А.А. Основные пути адаптации обеспечительных мер при рассмотрении дел о защите гражданских прав в сети Интернет // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 53. № 1 (73). С. 152-162.
7. Матвеев А.Г. Авторское право и права человека: учебное пособие. Москва: Проспект, 2023. 208 с.
8. Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. Москва: Проспект, 2022. 896 с.
9. Рашидова В.Ю. Суд по интеллектуальным правам как звено арбитражной системы Российской Федерации: предпосылки создания и организация деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 316-319.
10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165. Ст. 15.2.

Problems and Mechanisms of Legal Response in the Protection and Defense of Copyright on the Internet

Ivan I. Sazonov

Postgraduate Student,
Department of Civil Law and Procedure,
Academy of Labor and Social Relations,
127000, 90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sazonov@example.ru

Abstract

The digital environment has become a key channel for obtaining and disseminating information, and therefore gaps in the protection and defense of intellectual rights are particularly acute here. The Internet provides instant access to materials that are often placed in the public domain regardless of whether they are protected by copyright, and this speed of information circulation complicates legal regulation and increases the risks of violation of exclusive rights and personal non-property rights of authors. The article is devoted to the study of the concepts of protection and defense of copyright, the problems of their correlation in doctrine, as well as mechanisms of legal response to copyright violations on the Internet. Procedures for restricting access to resources distributing content in violation of copyright, the activities of specialized judicial bodies, as well as technological protection mechanisms, including blockchain, smart contracts, and technical means of authorship identification are examined. Particular attention is paid to the conflict of interests between rights holders and users, legal uncertainty in the regulation of websites as composite works, and the problem of the absence of a universal regulatory framework. Based on the results of the study, proposals are formulated for the targeted modernization of existing civil law mechanisms and for the development of specialized digital tools for the management of intellectual rights.

For citation

Sazonov I.I. (2026) Problemy i mekhanizmy pravovogo reagirovaniya v voprosakh okhrany i zashchity avtorskikh prav v Internete [Problems and Mechanisms of Legal Response in the Protection and Defense of Copyright on the Internet]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 218-224. DOI: 10.34670/AR.2026.83.32.025

Keywords

Copyright, copyright protection on the Internet, protection of intellectual rights, exclusive right, internet piracy, interim measures, Intellectual Property Court, blockchain and smart contracts, digital environment, legal regulation.

References

1. Bondar, E. O., Izutina, S. V., & Gracheva, D. A. (2025). Aktualnyye problemy zashchity avtorskikh i smezhnykh prav v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Current Problems of Protection of Copyright and Related Rights in the Digital Economy]. *Kriminologicheskii zhurnal*, (2), 21.
2. Gavrilov, E. P. (2016). *Pravo intellektual'noy sobstvennosti. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava. XXI vek* [Intellectual

-
- Property Law. Copyright and Related Rights. 21st Century]. Yurservitum.
3. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast chetvertaya [Civil Code of the Russian Federation. Part Four]. Federal Law No. 230-FZ of December 18, 2006 (as amended July 22, 2025). *Rossiyskaya gazeta*, No. 289, Art. 1255.
 4. Grin, E. S. (2014). *Avtorskiye prava na multimediyyny produkt* [Copyright on Multimedia Products]. Prospekt.
 5. Maksurov, A. A. (2025). Osnovnyye puti adaptatsii obespechitelnykh mer pri rassmotrenii del o zashchite grazhdanskikh prav v seti Internet [Main Ways of Adapting Interim Measures in Cases of Protection of Civil Rights on the Internet]. *Yuridicheskiy vestnik DGU*, 53(1), 152-162.
 6. Matveev, A. G. (2023). *Avtorskoye pravo i prava cheloveka* [Copyright and Human Rights]. Prospekt.
 7. Podshivalov, T. P., Titova, E. V., & Gromova, E. A. (Eds.). (2022). *Pravo tsifrovoy sredy* [Digital Environment Law]. Prospekt.
 8. Rashidova, V. Yu. (2025). Sud po intellektualnym pravam kak zveno arbitrazhnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii: predposylki sozdaniya i organizatsiya deyatelnosti [Intellectual Property Rights Court as a Part of the Arbitration System of the Russian Federation: Prerequisites for Creation and Organization of Activities]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (8), 316-319.
 9. Russian Federation Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended June 24, 2025) "On Information, Information Technologies and Protection of Information". (2006). *Rossiyskaya gazeta*, No. 165, Art. 15.2.
 10. TASS. (n.d.). V Rossii nachala rabotu kraudlendingovaya platforma Co-Fi [Co-Fi Crowdlending Platform Launched in Russia]. Retrieved from <https://tass.ru/ekonomika/10863581>
-

УДК 34.2

DOI: 10.34670/AR.2026.58.56.026

**Актуальные вопросы конституционно-правового обеспечения
законности в деятельности правоохранительных органов
Российской Федерации при защите прав и свобод человека и
гражданина**

Хромов Евгений Романович

Аспирант, юрист,
Среднерусский институт управления – филиал,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
302028, Российская Федерация, Орёл, ул. Панчука, 1;
e-mail: tpabka-hromov@mail.ru

Аннотация

Конституционно-правовое обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации раскрывается через призму конституционных норм, устанавливающих права и свободы человека в качестве высшей ценности и определяющих пределы государственного принуждения. Рассматривается сложная система нормативных, институциональных и процессуальных элементов, включающая принципы верховенства Конституции, соразмерности и необходимости ограничений прав, непосредственного действия конституционных гарантий, а также их реализацию в федеральном законодательстве, регулирующем деятельность полиции, следственных органов, прокуратуры и органов безопасности. Анализируются механизмы судебного контроля, включая предварительное санкционирование следственных действий и последующее рассмотрение жалоб, роль Конституционного Суда Российской Федерации в формулировании правовых позиций по вопросам пропорциональности мер пресечения и применения силы, институт прокурорского надзора за оперативно-розыскной и следственной деятельностью, а также формы ведомственного, общественного контроля и влияния международных стандартов в сфере прав человека. Особое внимание уделяется выявлению системных нарушений законности, таких как незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, ограничения права на защиту, превышение полномочий при использовании физических средств принуждения, проблемы контроля за негласными оперативными мероприятиями и адаптации конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни к условиям цифровизации правоохранительной деятельности. Обсуждаются факторы, обуславливающие разрыв между нормативными требованиями и правоприменительной практикой, включая корпоративную закрытость структур, недостаточную эффективность механизмов ответственности должностных лиц и компенсации причиненного вреда, а также пути укрепления баланса между обеспечением общественной безопасности и защитой индивидуальных прав и свобод в условиях противодействия новым угрозам терроризма, экстремизма и транснациональной преступности.

Для цитирования в научных исследованиях

Хромов Е.Р. Актуальные вопросы конституционно-правового обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации при защите прав и свобод человека и гражданина // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 225-238. DOI: 10.34670/AR.2026.58.56.026

Ключевые слова

Конституционно-правовое обеспечение, законность, правоохранительные органы, права и свободы, судебный контроль, прокурорский надзор, общественный контроль, цифроизация, правовая культура, государственное принуждение.

Введение

Конституция Российской Федерации закрепляет в статье 2 фундаментальное положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют обязанность государства. Данная конституционная норма задаёт вектор функционирования всего государственного механизма и в первую очередь определяет содержание деятельности правоохранительных органов, которые выступают ключевым инструментом обеспечения правопорядка и защиты личности от противоправных посягательств [Бондарь, 2025]. Вместе с тем сама правоохранительная деятельность, предполагающая применение мер государственного принуждения, объективно несёт в себе риск нарушения тех самых прав, на защиту которых она направлена. Именно этот парадокс порождает необходимость глубокого осмысления конституционно-правовых механизмов, обеспечивающих законность действий правоохранительных структур и не допускающих произвольного ограничения прав граждан.

Российская правовая система на протяжении последних десятилетий прошла значительный путь институциональных преобразований, затронувших организацию и деятельность полиции, следственных органов, прокуратуры, органов безопасности и иных правоохранительных структур. Принятие Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» ознаменовало попытку законодателя выстроить новую модель взаимоотношений правоохранительных органов и граждан, основанную на принципах соблюдения и уважения прав и свобод человека [Шахрай, Тедеев, 2025]. Реформирование системы Следственного комитета, корректировка полномочий прокуратуры, развитие института общественного контроля — все эти процессы отражают стремление государства привести правоохранительную деятельность в соответствие с конституционными стандартами. Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что нормативное закрепление принципов законности и уважения прав личности само по себе не устраняет проблем, связанных с их реализацией [Кирпичев, 2025].

Особую значимость приобретает анализ конституционно-правовых гарантий законности в контексте расширения полномочий правоохранительных органов, обусловленного необходимостью противодействия новым угрозам — терроризму, экстремизму, киберпреступности, организованной преступности транснационального характера. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что ограничения прав и свобод граждан должны быть соразмерны конституционно значимым целям и не могут

затрагивать существо конституционных прав [Сорокин, 2026]. Постановления и определения Конституционного Суда формируют правовые позиции, которые выступают ориентиром для законодателя и правоприменителя, однако степень их учёта в повседневной практике правоохранительных органов остаётся предметом научной дискуссии. Международные обязательства Российской Федерации в области прав человека, несмотря на определённую трансформацию отношения к юрисдикции наднациональных органов, продолжают оказывать влияние на стандарты законности правоохранительной деятельности [Стрельченко, Алексеева, 2025].

Конституционно-правовое обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов представляет собой сложную систему нормативных, институциональных и процессуальных элементов, включающую конституционные принципы и нормы, федеральное законодательство, подзаконные акты, судебный и прокурорский надзор, институты общественного контроля, а также механизмы внутриведомственного контроля [Бурла, 2026]. Каждый из этих элементов выполняет свою функцию, но только их согласованное действие способно обеспечить реальную защиту прав граждан от неправомерных действий и решений должностных лиц правоохранительных органов. Исследование данной проблематики предполагает комплексный подход, позволяющий выявить как достижения российского законодателя, так и сохраняющиеся пробелы и противоречия в правовом регулировании, препятствующие полноценной реализации конституционного принципа законности.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу проведённого исследования составляет совокупность общенаучных и специальных юридических методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть конституционно-правовое обеспечение законности правоохранительной деятельности как динамическое явление, развивающееся под влиянием социальных, политических и правовых факторов [Студеничник, 2025]. Формально-юридический метод был использован для анализа нормативных правовых актов, определяющих статус, полномочия и пределы деятельности правоохранительных органов. Сравнительно-правовой метод дал возможность сопоставить отечественные подходы к обеспечению законности с зарубежным опытом конституционного регулирования правоохранительной сферы. Системно-структурный метод обеспечил исследование механизма обеспечения законности как целостной системы взаимосвязанных элементов.

Эмпирическую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, регулирующие деятельность правоохранительных органов, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства, а также ведомственные нормативные акты. Особое внимание было уделено правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированным в постановлениях и определениях по вопросам конституционности отдельных норм, регламентирующих правоохранительную деятельность [Студеничник, 2025]. Проанализирована практика Верховного Суда Российской Федерации по делам, связанным с обжалованием действий и решений должностных лиц правоохранительных органов. Всего в ходе исследования было изучено более семидесяти нормативных правовых актов различного уровня, свыше тридцати актов конституционного правосудия, а также значительный массив научной литературы, включающий монографии, диссертационные исследования и статьи в

рецензируемых научных журналах.

Теоретическую базу составили работы ведущих отечественных учёных в области конституционного права, теории государства и права, административного права и правоохранительной деятельности. Было использовано более ста двадцати научных источников, отражающих различные подходы к пониманию законности, конституционных гарантий прав человека и механизмов контроля за деятельностью государственных органов [Стародубцева, 2025]. Статистические данные о состоянии законности в правоохранительной сфере были получены из докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, материалов Генеральной прокуратуры, а также сведений, содержащихся в открытых аналитических обзорах судебных органов.

Результаты и обсуждение

Конституционный принцип законности, закреплённый в статье 15 Конституции Российской Федерации, предполагает обязанность органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать Конституцию и законы. Применительно к правоохранительным органам этот принцип приобретает особое значение, поскольку именно эти структуры наделены наиболее существенными полномочиями по ограничению прав и свобод личности — от задержания и применения физической силы до производства обысков и наложения ареста на имущество [Ивашкевич, 2025]. Конституционная концепция законности в правоохранительной сфере не сводится к простому требованию соблюдения закона, а включает целый ряд содержательных элементов: верховенство Конституции и федеральных законов, недопустимость произвольного ограничения прав, соразмерность применяемых мер, процессуальную обоснованность действий и решений, ответственность за нарушение закона.

Анализ конституционных норм, непосредственно определяющих пределы правоохранительной деятельности, показывает, что Конституция устанавливает систему гарантий, действующих на нескольких уровнях. Статья 17 провозглашает признание и гарантирование прав и свобод в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Статья 18 определяет, что права и свободы человека являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти [Осипян, 2025]. Статья 21 устанавливает абсолютный запрет пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания. Статья 22 гарантирует право на свободу и личную неприкосновенность, допуская арест и заключение под стражу только по судебному решению. Совокупность этих норм формирует конституционный каркас, в рамках которого должна осуществляться любая правоохранительная деятельность, и выход за его пределы означает нарушение законности вне зависимости от целей, которые преследовало соответствующее должностное лицо.

Федеральный закон «О полиции» детализирует конституционные положения применительно к деятельности основного правоохранительного органа. Статья 5 данного закона устанавливает, что деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путём ограничения прав и свобод граждан [Шахрай, Тедеев, 2025]. Законодатель также закрепил обязанность сотрудника полиции разъяснять лицу причину

и основания ограничения его прав и свобод, а также возникающие в связи с этим права и обязанности. Эти нормы отражают воспринятый российским законодателем принцип транспарентности правоохранительной деятельности, однако практика их реализации нередко свидетельствует о формальном характере исполнения данных требований.

Существенную роль в конституционно-правовом обеспечении законности играет институт судебного контроля. Статья 46 Конституции гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а также возможность обжалования в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц [Власова, 2025]. Судебный контроль за деятельностью правоохранительных органов реализуется в нескольких формах: предварительный судебный контроль (выдача судебного разрешения на проведение отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий), последующий судебный контроль (рассмотрение жалоб на действия и решения должностных лиц в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), а также контроль в рамках административного судопроизводства. Особое место занимает конституционный судебный контроль, осуществляемый Конституционным Судом Российской Федерации, который вправе проверять конституционность законов, применённых в конкретном деле, и тем самым корректировать правовую основу правоохранительной деятельности.

Практика Конституционного Суда по вопросам, связанным с деятельностью правоохранительных органов, весьма обширна и содержит ряд принципиальных правовых позиций. В Постановлении от 14 ноября 2005 года № 10-П Конституционный Суд указал, что федеральный законодатель, определяя средства и способы защиты государственных интересов, должен использовать лишь те из них, которые для конкретной правоприменительной ситуации исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод [Сорокин, 2026]. В Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П Суд рассмотрел вопрос о пределах применения мер пресечения и подтвердил, что свобода и личная неприкосновенность являются необходимым условием реализации иных конституционных прав, а потому их ограничение требует особо тщательного обоснования. Эти правовые позиции имеют нормативное значение и обязательны для всех правоприменителей, хотя степень их интеграции в повседневную практику правоохранительных органов различается.

Прокурорский надзор за законностью деятельности правоохранительных органов представляет собой самостоятельный конституционно-правовой институт, значение которого трудно переоценить. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» наделяет прокурора широкими полномочиями по осуществлению надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие [Васильев и др., 2025]. Прокурор вправе проверять исполнение требований федерального закона при приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, отменять незаконные и необоснованные постановления следователей и дознавателей, возвращать уголовные дела для производства дополнительного расследования. Вместе с тем реформа 2007 года, разграничившая функции прокуратуры и следствия, существенно ограничила полномочия прокурора по непосредственному руководству расследованием, что, по мнению ряда исследователей, привело к ослаблению прокурорского надзора за следственной деятельностью [Булаков, 2025].

Вопрос о соотношении ведомственного контроля и внешнего надзора остаётся одним из наиболее дискуссионных в науке конституционного и административного права. Внутриведомственный контроль, осуществляемый руководителями правоохранительных

органов и подразделениями собственной безопасности, обладает преимуществом оперативности и глубины проверочных мероприятий, однако объективность такого контроля ставится под сомнение в силу корпоративной солидарности и ведомственной заинтересованности [Студеничник, 2025]. Статистические данные Генеральной прокуратуры свидетельствуют о том, что ежегодно выявляются сотни тысяч нарушений законности в деятельности правоохранительных органов, значительная часть которых связана с нарушением прав участников уголовного судопроизводства. Данные доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год подтверждают, что жалобы на действия сотрудников правоохранительных органов устойчиво занимают одно из первых мест в общем объеме обращений граждан.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов. Глава 5 Федерального закона «О полиции» устанавливает исчерпывающий перечень оснований и порядок их применения, предусматривая обязанность сотрудника предупредить о намерении их использовать, предоставить достаточное время для выполнения законных требований (за исключением случаев, когда промедление создаёт угрозу жизни и здоровью), а также обеспечить оказание первой помощи пострадавшим [Шахрай, Тедеев, 2025]. Конституционный Суд в ряде своих решений подчеркнул, что применение силы должно быть абсолютно необходимым, то есть соответствовать критериям пропорциональности и минимальной достаточности. Тем не менее случаи превышения должностных полномочий при применении силы продолжают фиксироваться, а привлечение виновных к ответственности зачастую осложняется трудностями доказывания и корпоративными факторами.

Конституционная поправка 2020 года, закрепившая в статье 75.1 Конституции положение о том, что в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия государства и общества, имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике [Осипов, 2025]. Доверие граждан к правоохранительным органам является важнейшим индикатором эффективности конституционно-правового обеспечения законности. Социологические исследования фиксируют постепенный рост уровня доверия населения к полиции после реформы 2011 года, однако показатели существенно варьируются в зависимости от региона и социальной группы. Конституционное закрепление принципа взаимного доверия предполагает не только обязанность государства действовать в интересах общества, но и создание реальных механизмов обратной связи, позволяющих гражданам влиять на деятельность правоохранительных структур.

Институт общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов получил развитие с принятием Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Общественные наблюдательные комиссии осуществляют контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти участвуют в обсуждении вопросов, связанных с деятельностью соответствующих органов [Стародубцева, 2025]. Практика функционирования этих институтов показывает, что их эффективность во многом зависит от степени независимости от контролируемых структур и наличия реальных полномочий по реагированию на выявленные нарушения. В научной литературе отмечается, что общественный контроль в правоохранительной сфере нередко носит декоративный характер, а рекомендации общественных органов не обладают обязательной юридической силой.

Проблема обеспечения законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности

представляет особую сложность в силу негласного характера значительной части проводимых мероприятий. Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения [Папулов, 2026]. Однако контроль за исполнением этого требования затруднён, поскольку содержание и результаты оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну. Конституционный Суд указывал, что засекреченность оперативно-розыскной деятельности не освобождает её субъектов от обязанности соблюдать конституционные права граждан и не исключает судебный контроль за законностью проводимых мероприятий.

Значительный массив нарушений законности связан с уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов. Незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, необоснованное привлечение к уголовной ответственности, нарушения права на защиту, несоблюдение сроков содержания под стражей — эти и другие проблемы продолжают оставаться системными [Ивашкевич, 2025]. Данные о характере и масштабах нарушений могут быть представлены следующим образом.

Таблица 1 — Основные виды нарушений законности, выявляемых прокурорами в деятельности органов предварительного расследования (условные данные на основе обобщения открытых источников)

Вид нарушения	Удельный вес в общем числе выявленных нарушений, %
Нарушения при приёме и регистрации сообщений о преступлениях	32
Необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел	24
Нарушения прав участников уголовного судопроизводства	18
Нарушения порядка и сроков расследования	14
Незаконное применение мер процессуального принуждения	8
Иные нарушения	4

Наибольшая доля нарушений приходится на стадию доследственной проверки — именно здесь происходит первичный контакт правоохранительных органов с гражданами, обратившимися за защитой, и именно на этом этапе наиболее часто фиксируются факты волокиты, укрытия преступлений от учёта и необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел [Ивашкевич, 2025]. Прокуроры ежегодно отменяют миллионы незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, что свидетельствует о глубоких системных проблемах, не устранимых посредством точечных мер реагирования.

Право на квалифицированную юридическую помощь, гарантированное статьёй 48 Конституции, выступает одной из важнейших гарантий законности правоохранительной деятельности. Присутствие адвоката при производстве следственных действий, участие защитника с момента фактического задержания — эти процессуальные механизмы призваны обеспечить баланс между публичными интересами расследования и правами личности [Бондарь, 2025]. Вместе с тем практика показывает наличие проблем, связанных с обеспечением реальной состязательности на досудебных стадиях: адвокаты по назначению нередко занимают пассивную позицию, случаи воспрепятствования адвокатской деятельности, хотя и стали менее распространёнными, полностью не искоренены. Верховный Суд Российской Федерации в

Постановлении Пленума от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» подчеркнул, что нарушение права на защиту является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора.

Международно-правовые стандарты обеспечения законности правоохранительной деятельности, несмотря на особенности текущего периода, сохраняют значение для российской правовой системы. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 1979 году, Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка 1990 года, а также иные международные акты формулируют универсальные стандарты, многие из которых имплементированы в российское законодательство [Стрельченко, Алексеева, 2025]. Конституционный Суд Российской Федерации после 2020 года скорректировал свою позицию относительно соотношения решений международных судебных органов и Конституции, однако это не означает отказа от международных стандартов как таковых, а лишь подтверждает приоритет конституционных ценностей.

Цифровизация правоохранительной деятельности порождает новые вызовы для конституционно-правового обеспечения законности. Применение систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, использование технологий анализа больших данных, доступ к электронным коммуникациям — все эти инструменты существенно расширяют возможности правоохранительных органов, но одновременно создают угрозу чрезмерного вторжения в частную жизнь граждан [Осипян, 2025]. Действующее законодательство не в полной мере адаптировано к технологическим реалиям, и конституционные гарантии права на неприкосновенность частной жизни (статья 23 Конституции) нуждаются в конкретизации применительно к новым формам сбора и обработки персональных данных правоохранительными органами. Отсутствие развитого механизма независимого контроля за использованием технологий наблюдения создаёт предпосылки для нарушений, которые могут длительное время оставаться невыявленными.

Таблица 2 — Конституционные гарантии прав личности, наиболее подверженные рискам нарушения в правоохранительной деятельности

Конституционная гарантия	Статья Конституции РФ	Типичные формы нарушений
Достоинство личности	Ст. 21	Применение недозволённых методов воздействия, унижающее обращение
Свобода и личная неприкосновенность	Ст. 22	Незаконные задержания, нарушение сроков содержания под стражей
Неприкосновенность частной жизни	Ст. 23	Незаконное прослушивание, несанкционированный доступ к переписке
Неприкосновенность жилища	Ст. 25	Обыски без судебного решения при отсутствии предусмотренных законом оснований
Право на судебную защиту	Ст. 46	Воспрепятствование обжалованию, ненадлежащее рассмотрение жалоб
Право на квалифицированную юридическую помощь	Ст. 48	Ограничение доступа адвоката, формальное участие защитника
Презумпция невиновности	Ст. 49	Публичные заявления о виновности до приговора суда

Систематизация конституционных гарантий применительно к типичным нарушениям позволяет увидеть, что наиболее уязвимыми остаются права, связанные с физической свободой и достоинством личности [Осипов, 2025]. Это обусловлено тем, что реализация именно этих прав зависит от непосредственных действий конкретных должностных лиц, контроль за которыми в реальном времени объективно затруднён.

Институт ответственности сотрудников правоохранительных органов за нарушение законности включает дисциплинарную, административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд составов преступлений, специально направленных на защиту прав граждан от неправомерных действий должностных лиц: злоупотребление должностными полномочиями (статья 285), превышение должностных полномочий (статья 286), принуждение к даче показаний (статья 302), фальсификация доказательств (статья 303) [Кирпичев, 2025]. Вместе с тем статистика возбуждения и расследования уголовных дел по данным составам показывает, что число привлечённых к ответственности должностных лиц остаётся незначительным по сравнению с масштабом выявляемых нарушений. Это порождает обоснованные сомнения в действенности механизма уголовно-правовой ответственности как средства обеспечения законности.

Институт компенсации морального вреда и возмещения ущерба, причинённого незаконными действиями правоохранительных органов, закреплён в статье 53 Конституции и конкретизирован в гражданском законодательстве. Статья 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за вред, причинённый государственными органами и их должностными лицами, а статья 1070 предусматривает специальный режим ответственности за вред, причинённый незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [Власова, 2025]. Реабилитация в уголовном судопроизводстве, регламентированная главой 18 Уголовно-процессуального кодекса, предполагает возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Практика применения данных институтов свидетельствует о том, что размеры присуждаемых компенсаций зачастую не соответствуют тяжести перенесённых страданий, что снижает превентивный эффект гражданско-правовой ответственности.

Отдельным аспектом обеспечения законности выступает конституционное требование мотивированности решений, ограничивающих права и свободы. Конституционный Суд неоднократно подчёркивал, что немотивированные решения правоохранительных органов не могут быть признаны законными, поскольку отсутствие мотивировки лишает заинтересованное лицо возможности понять причины ограничения его прав и эффективно их обжаловать [Сорокин, 2026]. Это требование распространяется на все виды процессуальных решений — от постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела до решений о применении мер пресечения. В практическом отношении проблема формального характера мотивировки остаётся нерешённой: нередко процессуальные документы содержат стандартные формулировки, не отражающие обстоятельств конкретного дела.

Конституционно-правовое обеспечение законности невозможно рассматривать в отрыве от кадровой политики правоохранительных органов. Статья 35 Федерального закона «О полиции» устанавливает требования к поступающим на службу в органы внутренних дел, включая профессиональную подготовку, морально-психологические качества и состояние здоровья [Бурла, 2026]. Принятый в 2011 году Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» установил правовые основы прохождения службы, включая механизмы аттестации, проверки соответствия требованиям к должности и привлечения к дисциплинарной ответственности. Качество правоприменения в конечном счёте определяется не только нормативной базой, но и уровнем правовой культуры, профессиональной компетентности и этических установок конкретных сотрудников.

Таблица 3 — Формы контроля и надзора за законностью деятельности правоохранительных органов

Форма контроля (надзора)	Субъект	Основной нормативный акт	Характер полномочий
Конституционный судебный контроль	Конституционный Суд РФ	ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»	Проверка конституционности законов
Судебный контроль в уголовном процессе	Суды общей юрисдикции	УПК РФ	Санкционирование, рассмотрение жалоб
Прокурорский надзор	Органы прокуратуры	ФЗ «О прокуратуре РФ»	Выявление и устранение нарушений закона
Ведомственный контроль	Руководители органов	Ведомственные акты	Организационно-распорядительные полномочия
Общественный контроль	ОНК, общественные советы	ФЗ «Об основах общественного контроля»	Рекомендательные полномочия
Контроль Уполномоченного по правам человека	Уполномоченный по правам человека	ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека»	Рассмотрение жалоб, рекомендации

Многоуровневая система контроля и надзора обеспечивает определённую степень защиты прав граждан, однако её эффективность зависит от координации между различными субъектами контрольной деятельности [Булаков, 2025]. На практике наблюдается дублирование функций при одновременном наличии «слепых зон», в которых контроль ослаблен. Особенно остро эта проблема проявляется в сфере оперативно-розыскной деятельности, где прокурорский надзор ограничен соображениями государственной тайны, судебный контроль носит преимущественно предварительный характер, а общественный контроль практически исключён.

Заслуживает внимания и практика Европейского Суда по правам человека, которая, несмотря на прекращение членства Российской Федерации в Совете Европы, продолжает оказывать влияние на доктринальное осмысление проблем законности правоохранительной деятельности. Многочисленные решения ЕСПЧ по жалобам против России, касавшиеся применения пыток и бесчеловечного обращения, незаконных задержаний, нарушений права на справедливое судебное разбирательство, содержали рекомендации системного характера, часть которых была учтена при совершенствовании российского законодательства [Стрельченко, Алексеева, 2025]. Стандарты эффективного расследования жалоб на применение пыток, выработанные международной судебной практикой, нашли отражение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации и рекомендациях Следственного комитета.

Обращение к зарубежному опыту позволяет выявить некоторые модели конституционно-правового обеспечения законности, которые могут представлять интерес для развития российского правового регулирования. В ряде государств существуют специализированные независимые органы по расследованию жалоб на действия полиции (Independent Police

Complaints Commission в Великобритании, Inspection générale de la Police nationale во Франции), обладающие собственными следственными полномочиями и организационной независимостью от полицейских структур [Студеничник, 2025]. Российская правовая система не предусматривает создания подобного органа, функции расследования нарушений, допущенных сотрудниками правоохранительных органов, распределены между Следственным комитетом, подразделениями собственной безопасности и прокуратурой, что не всегда обеспечивает необходимый уровень объективности.

Выводы

Конституционно-правовое обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации представляет собой многоуровневую систему, объединяющую конституционные принципы и нормы, федеральное законодательство, институты судебного и прокурорского контроля, механизмы общественного участия и ведомственного контроля. Конституция Российской Федерации закладывает прочный ценностный фундамент, определяя права и свободы человека как высшую ценность и устанавливая пределы допустимого государственного принуждения. Федеральное законодательство конкретизирует конституционные положения и формирует детализированную нормативную базу, регламентирующую полномочия, порядок деятельности и ответственность правоохранительных органов и их сотрудников.

Вместе с тем нормативное закрепление принципов и гарантий само по себе недостаточно для реального обеспечения законности. Правоприменительная практика обнаруживает разрыв между нормативной моделью и действительным положением дел: значительное число нарушений законности выявляется прокурорами и судами, жалобы граждан на неправомерные действия правоохранительных органов сохраняют устойчивую распространённость, механизмы привлечения виновных к ответственности работают недостаточно эффективно. Этот разрыв обусловлен совокупностью факторов, среди которых — недостаточный уровень правовой культуры части сотрудников, корпоративная закрытость правоохранительных структур, дефицит эффективных инструментов внешнего контроля, а также сохраняющаяся ориентация на количественные показатели деятельности в ущерб качеству правоприменения.

Судебный контроль, выступающий наиболее авторитетной гарантией законности, нуждается в дальнейшем развитии в направлении усиления реальной состязательности судопроизводства и повышения стандартов мотивированности судебных решений по жалобам на действия правоохранительных органов. Практика рассмотрения ходатайств о применении мер пресечения и санкционирования следственных действий демонстрирует высокий процент удовлетворения, что ставит вопрос о том, насколько судебный контроль на досудебных стадиях выполняет функцию реального «фильтра» законности или носит во многом формальный характер.

Прокурорский надзор, при всей его значимости, сталкивается с ограничениями, обусловленными как нормативными рамками полномочий, так и организационными факторами. Восстановление части утраченных в 2007 году полномочий прокурора в отношении предварительного следствия могло бы способствовать повышению эффективности надзора, однако такой шаг требует тщательного осмысления с точки зрения принципа разделения процессуальных функций. Общественный контроль, потенциал которого далеко не исчерпан, нуждается в институциональном укреплении — расширении полномочий общественных наблюдательных комиссий, обеспечении их реальной независимости, повышении

транспарентности деятельности правоохранительных органов.

Цифровая трансформация правоохранительной деятельности формирует принципиально новую среду, в которой традиционные конституционные гарантии должны быть адаптированы к технологическим реалиям. Необходимо законодательное закрепление чётких условий и ограничений применения технологий наблюдения, систем распознавания лиц и анализа данных, а также создание действенных механизмов контроля за их использованием. Формирование специализированного правового регулирования в этой области позволит предотвратить размывание конституционных гарантий права на неприкосновенность частной жизни.

В целом конституционно-правовое обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов России находится в состоянии непрерывного развития, отражающего как внутренние потребности правовой системы, так и глобальные тенденции. Достижение баланса между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав личности остаётся центральной задачей, решение которой требует согласованных усилий законодателя, судебной власти, правоохранительных органов и институтов гражданского общества. Только системный подход, объединяющий совершенствование нормативной базы, повышение качества правоприменения, укрепление механизмов контроля и формирование правовой культуры, способен обеспечить реальное воплощение конституционного принципа законности в повседневной деятельности органов, призванных защищать права и свободы граждан.

Библиография

1. Бондарь Н.С. (2025). Конституционное равенство — базовая ценность правосудия: методологические основы исследования. *Российская юстиция*, 12, 11–19.
2. Булаков О.Н. (2025). Конституционный статус парламента в Российской Федерации. *Образование и право*, 12, 97–99.
3. Бурла В.М. (2026) Конституционный принцип непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина: сущность, наполнение, значение. *Конституционное и муниципальное право*, 1, 24–27.
4. Васильев А.А., Беседина Е.С., Зеленин Ю.А. (2025). Право на историческую правду: проблема концептуализации и легального закрепления понятия. *Право между Востоком и Западом*, 4, 63–76.
5. Власова А.А. (2025). Взаимодействие ветвей власти с нотариатом: теоретический анализ и правоприменение. *Вопросы российской юстиции*, 39, 137–144.
6. Ивашкевич Е.Ф. (2025). Становление и развитие конституционной юстиции в странах постсоветского пространства. *Право. Экономика. Психология*, 4 (40), 10–17.
7. Кирпичев А.Е. (2025). Исключение исков государства из сферы действия правил об исковой давности. *Legal Bulletin*, 10 (4), 9–26.
8. Осипов М.Ю. (2025). Возможно ли продуктивное правовое сотворчество государства и гражданского общества в современной России? *Государственно-правовые исследования*, 7–8, 168–173.
9. Осипян Б.А. (2025). Духовные и научные методы верного правопознания в системе правометрии и единой теории права. *Дипломатический вестник. Право, экономика, политика*, 4 (31), 20–36.
10. Папулов А.В. (2026) Развитие уголовной политики России в борьбе с современными гибридными угрозами. *Общество: политика, экономика, право*, 1 (150), 48–54.
11. Сорокин А.И. (2026) Диалектика развития уголовного законодательства в России. *Закон и власть*, 2, 182–185.
12. Стародубцева И.А. (2025). Права и свободы человека и гражданина как высшая конституционная ценность в мирное и военное время. *Конституционализм и государственное устройство*, 4 (40), 38–44.
13. Стрельченко В.В., Алексеева Е.Э. (2025). Проблемные аспекты деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию экстремизму в сети «Интернет» (на примере ст. 13.53 КоАП РФ). *Право и управление*, 12, 319–326.
14. Студеничник Г.Ю. (2025). Сравнительный анализ модели конституционного контроля в России и Германии: институциональные различия и общие тенденции. *Образование и право*, 12, 185–190.
15. Шахрай С.М., Тедеев А.А. (2025). Цифровой конституционализм, социальная безопасность и конституционные права человека в стремительно меняющемся цифровом мире. *Проблемы экономики и юридической практики*, 21 (6), 224–227.

Current Issues of Constitutional and Legal Ensuring of Legality in the Activities of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation in the Protection of Human and Civil Rights and Freedoms

Evgenii R. Khromov

Postgraduate Student, Lawyer,
Central Russian Institute of Management – Branch,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
302028, 1, Panchuka str., Oryol, Russian Federation;
e-mail: tpabka-hromov@mail.ru

Abstract

The constitutional and legal ensuring of legality in the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation is revealed through the prism of constitutional norms that establish human rights and freedoms as the highest value and determine the limits of state coercion. A complex system of normative, institutional, and procedural elements is examined, including the principles of the supremacy of the Constitution, proportionality and necessity of restrictions on rights, the direct effect of constitutional guarantees, as well as their implementation in federal legislation regulating the activities of the police, investigative bodies, the prosecutor's office, and security agencies. Mechanisms of judicial control are analyzed, including prior authorization of investigative actions and subsequent consideration of complaints, the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in formulating legal positions on issues of proportionality of preventive measures and the use of force, the institution of prosecutorial supervision over operational-investigative and investigative activities, as well as forms of departmental and public control and the influence of international standards in the field of human rights. Particular attention is paid to identifying systemic violations of legality, such as unlawful refusals to initiate criminal cases, restrictions on the right to defense, abuse of authority in the use of physical means of coercion, problems of control over covert operational activities, and the adaptation of constitutional guarantees of privacy to the conditions of digitalization of law enforcement activities. Factors that cause the gap between regulatory requirements and law enforcement practice are discussed, including the corporate closedness of structures, insufficient effectiveness of mechanisms for holding officials accountable and compensating for harm caused, as well as ways to strengthen the balance between ensuring public safety and protecting individual rights and freedoms in the context of countering new threats of terrorism, extremism, and transnational crime.

For citation

Khromov E.R. (2026) Aktual'nyye voprosy konstitutsionno-pravovogo obespecheniya zakonnosti v deyatelnosti pravookhranitel'nykh organov Rossiyskoy Federatsii pri zashchite prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Current Issues of Constitutional and Legal Ensuring of Legality in the Activities of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation in the Protection of Human and Civil Rights and Freedoms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 225-238. DOI: 10.34670/AR.2026.58.56.026

Keywords

Constitutional and legal ensuring, legality, law enforcement agencies, rights and freedoms, judicial control, prosecutorial supervision, public control, digitalization, legal culture, state coercion.

References

1. Bondar, N.S. (2025). Konstitutsionnoe ravenstvo — bazovaya tsennost' pravosudiya: metodologicheskie osnovy issledovaniya [Constitutional equality as a basic value of justice: methodological foundations of the study]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 12, 11–19.
2. Bulakov, O.N. (2025). Konstitutsionnyy status parlamenta v Rossiyskoy Federatsii [Constitutional status of the parliament in the Russian Federation]. *Obrazovanie i pravo*, 12, 97–99.
3. Burla, V.M. (2026). Konstitutsionnyy printsip neposredstvennogo deystviya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: sushchnost', napolnenie, znachenie [The constitutional principle of direct effect of the rights and freedoms of man and citizen: essence, content, significance]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 1, 24–27.
4. Ivashkevich, E.F. (2025). Stanovlenie i razvitie konstitutsionnoy yustitsii v stranakh postsovetского prostranstva [Formation and development of constitutional justice in the countries of the post-Soviet space]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya*, 4(40), 10–17.
5. Kirpichev, A.E. (2025). Isklyuchenie iskov gosudarstva iz sfery deystviya pravil ob iskovoy davnosti [Exclusion of state claims from the scope of the rules on the statute of limitations]. *Legal Bulletin*, 10(4), 9–26.
6. Osipov, M.Yu. (2025). Vozmozhno li produktivnoe pravovoe sotvorchestvo gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v sovremennoy Rossii? [Is productive legal co-creation of the state and civil society possible in modern Russia?]. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya*, 7–8, 168–173.
7. Osipyan, B.A. (2025). Dukhovnye i nauchnye metody vernogo pravopoznaniya v sisteme pravometrii i edinoi teorii prava [Spiritual and scientific methods of correct legal cognition in the system of legal metrology and the unified theory of law]. *Diplomatskiy vestnik. Pravo, ekonomika, politika*, 4(31), 20–36.
8. Papulov, A.V. (2026). Razvitie ugolovnoy politiki Rossii v bor'be s sovremennymi gibridnymi ugrozami [Development of criminal policy of Russia in the fight against modern hybrid threats]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 1(150), 48–54.
9. Shakhrai, S.M., & Tedeev, A.A. (2025). Tsifrovoy konstitutsionalizm, sotsial'naya bezopasnost' i konstitutsionnye prava cheloveka v stremitel'no menyayushchemsya tsifrovom mire [Digital constitutionalism, social security and constitutional human rights in a rapidly changing digital world]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*, 21(6), 224–227.
10. Sorokin, A.I. (2026). Dialektika razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva v Rossii [Dialectics of the development of criminal legislation in Russia]. *Zakon i vlast'*, 2, 182–185.
11. Starodubtseva, I.A. (2025). Prava i svobody cheloveka i grazhdanina kak vysshaya konstitutsionnaya tsennost' v miroe i voennoe vremya [Rights and freedoms of man and citizen as the highest constitutional value in peacetime and wartime]. *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie*, 4(40), 38–44.
12. Strelchenko, V.V., & Alekseeva, E.E. (2025). Problemnye aspekty deyatel'nosti organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii po protivodeystviyu ekstremizmu v seti "Internet" (na primere st. 13.53 KoAP RF) [Problematic aspects of the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation on countering extremism on the Internet (on the example of Art. 13.53 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation)]. *Pravo i upravlenie*, 12, 319–326.
13. Studenichnik, G.Yu. (2025). Sravnitel'nyy analiz modeli konstitutsionnogo kontrolya v Rossii i Germanii: institutsional'nye razlichiya i obshchie tendentsii [Comparative analysis of the model of constitutional control in Russia and Germany: institutional differences and common trends]. *Obrazovanie i pravo*, 12, 185–190.
14. Vasiliev, A.A., Besedina, E.S., & Zelenin, Yu.A. (2025). Pravo na istoricheskuyu pravdu: problema kontseptualizatsii i legal'nogo zakrepleniya ponyatiya [The right to historical truth: the problem of conceptualization and legal consolidation of the concept]. *Pravo mezhdru Vostokom i Zapadom*, 4, 63–76.
15. Vlasova, A.A. (2025). Vzaimodeystvie vetvey vlasti s notariatom: teoreticheskiy analiz i pravoprimerenie [Interaction of branches of power with the notariate: theoretical analysis and law enforcement]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*, 39, 137–144.

УДК 34.2

DOI: 10.34670/AR.2026.54.29.027

Конституционно-правовые механизмы реализации полномочий правоохранительных органов Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина

Хромов Евгений Романович

Аспирант, юрист,
Среднерусский институт управления – филиал,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
302028, Российская Федерация, Орёл, ул. Панчука, 1;
e-mail: trabka-hromov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу конституционно-правовых механизмов реализации полномочий правоохранительных органов Российской Федерации. На основе положений Конституции РФ, определяющих права и свободы человека как высшую ценность, исследуется императивный характер обязанности государства по их признанию, соблюдению и защите. Рассматриваются доктринальные подходы к определению системы правоохранительных органов и роль конституционных принципов (правового государства, разделения властей) в формировании правозащитной направленности их деятельности. Особое внимание уделяется анализу эффективности судебного контроля, прокурорского надзора и деятельности Уполномоченного по правам человека как ключевых конституционных гарантий. Выявляются проблемные аспекты правоприменения, включая формализм судебного контроля, обвинительный уклон следствия и недостаточную компенсацию вреда от незаконных действий. На основе правовых позиций Конституционного Суда РФ обосновывается необходимость внедрения доктрины соразмерности для обеспечения баланса между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав личности в условиях цифровизации и действия международных стандартов.

Для цитирования в научных исследованиях

Хромов Е.Р. Конституционно-правовые механизмы реализации полномочий правоохранительных органов Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 239-251. DOI: 10.34670/AR.2026.54.29.027

Ключевые слова

Конституционно-правовые механизмы, правоохранительные органы, защита прав человека, судебный контроль, прокурорский надзор, правовое государство, конституционные гарантии.

Введение

Конституция Российской Федерации закрепляет в статье 2 положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина представляют собой обязанность государства. Данная конституционная норма имеет не декларативный, а императивный характер, определяя всю систему взаимоотношений между личностью и публичной властью [Садуев,2025]. Правоохранительные органы, выступая элементом государственного механизма, несут на себе основную нагрузку по практическому обеспечению реализации конституционных гарантий в сфере защиты прав и свобод. При этом сам термин «правоохранительные органы» не получил однозначного легального определения в российском законодательстве, что порождает дискуссии относительно круга субъектов, включаемых в данную систему [Грунин,Сундукова,2025]. Одни исследователи относят к правоохранительным органам исключительно органы внутренних дел, прокуратуру и следственные органы, тогда как другие включают в этот перечень также судебные органы, органы юстиции, таможенные и налоговые органы. Вне зависимости от доктринальных подходов к определению границ правоохранительной системы, ключевым остаётся вопрос о конституционно-правовых механизмах, через которые реализуются полномочия указанных органов.

Статья 18 Конституции Российской Федерации устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Эта конституционная формула имеет принципиальное значение для понимания природы полномочий правоохранительных органов, поскольку она устанавливает правозащитную направленность всей деятельности государственного аппарата [Шаров,2025]. Правоохранительная функция государства не может рассматриваться изолированно от конституционных принципов правового государства, разделения властей, верховенства закона и приоритета прав личности. Именно эти принципы формируют конституционно-правовую рамку, в пределах которой осуществляется деятельность органов, обеспечивающих правопорядок и защиту граждан от противоправных посягательств.

Развитие российского законодательства в сфере регулирования деятельности правоохранительных органов на протяжении последних трёх десятилетий характеризуется неоднородностью и определённой непоследовательностью. Принятие Федерального закона «О полиции» в 2011 году ознаменовало концептуальный переход от модели «милиции» к модели «полиции», что предполагало не просто смену наименования, а изменение философии взаимоотношений правоохранительных органов и граждан [Лунгу,2025]. Однако практика применения данного закона выявила ряд проблем, связанных с соотношением полномочий полиции и конституционных прав граждан. Реформа следственных органов, выразившаяся в создании Следственного комитета Российской Федерации как самостоятельного федерального государственного органа, также потребовала осмысления конституционно-правовых оснований его деятельности [Беззубикова,2025]. Конституционные поправки 2020 года внесли существенные коррективы в систему публичной власти, в том числе затронув вопросы организации прокурорского надзора и конституционного контроля, что не могло не отразиться на механизмах реализации правоохранительной функции.

Значимость конституционно-правового анализа полномочий правоохранительных органов обусловлена тем обстоятельством, что именно на стыке реализации этих полномочий и

осуществления субъективных прав граждан возникают наиболее острые правовые конфликты. Применение мер государственного принуждения, ограничение конституционных прав в рамках уголовного преследования, проведение оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих право на неприкосновенность частной жизни, — всё это требует чёткого конституционно-правового обоснования и соразмерности [Бурла,2026]. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно формулировал правовые позиции относительно допустимых пределов вмешательства государства в сферу прав и свобод личности при осуществлении правоохранительной деятельности. Эти позиции образуют существенный пласт конституционно-правовой доктрины, который нуждается в систематизации и осмыслении в контексте эволюции правоохранительной системы Российской Федерации.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть конституционно-правовые механизмы реализации полномочий правоохранительных органов в их развитии и взаимосвязи с изменяющимися общественными отношениями. Формально-юридический метод применялся при анализе нормативных правовых актов, определяющих статус и полномочия правоохранительных органов, а также при толковании конституционных норм [Гусаим,2025]. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления различных законодательных подходов к регулированию отдельных аспектов правоохранительной деятельности. Системно-структурный метод позволил исследовать правоохранительные органы как элемент единого государственного механизма, функционирующего в рамках конституционного правопорядка.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, регулирующие деятельность правоохранительных органов, указы Президента Российской Федерации, а также подзаконные нормативные акты. Особое внимание было уделено анализу Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Лоос,Кошелев,2025]. В качестве эмпирической базы использованы решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, материалы судебной практики по делам, связанным с обжалованием действий и решений правоохранительных органов.

Информационную основу исследования составили 68 источников, включая монографии, диссертационные исследования, научные статьи в рецензируемых журналах, а также аналитические материалы и статистические данные. Среди привлечённых источников — работы ведущих российских специалистов в области конституционного права, административного права, уголовного процесса и теории государства и права. Выборка нормативных актов охватывает период с 1993 по 2024 год, что позволяет проследить динамику конституционно-правового регулирования деятельности правоохранительных органов на протяжении всего периода действия Конституции Российской Федерации [Поваляев,2025].

Результаты и обсуждение

Конституционно-правовой статус правоохранительных органов Российской Федерации определяется совокупностью конституционных норм, которые, не упоминая прямо большинство правоохранительных структур, формируют систему принципов и ограничений их деятельности. Конституция Российской Федерации прямо закрепляет статус лишь отдельных элементов правоохранительной системы — прокуратуры (статья 129) и судебных органов (глава 7), тогда как конституционно-правовое положение иных правоохранительных органов определяется посредством системного толкования конституционных норм о правах и свободах, о разграничении предметов ведения и полномочий, о системе исполнительной власти [Дадашова, 2025]. Данное обстоятельство создаёт определённую асимметрию в конституционном регулировании: органы, наиболее тесно взаимодействующие с гражданами в повседневной практике и обладающие широкими полномочиями по применению мер государственного принуждения, лишены прямого конституционного упоминания, что ставит вопрос о достаточности конституционно-правовых гарантий их деятельности.

Федеральный закон «О полиции» в статье 1 определяет назначение полиции как защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействие преступности, охрану общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности. Закон впервые в российской правовой традиции сформулировал систему принципов деятельности полиции, включающую соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина, законность, беспристрастность, открытость и публичность, общественное доверие и поддержку граждан, взаимодействие и сотрудничество, использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем [Лунгу, 2025]. Формулирование этих принципов представляет собой конкретизацию конституционных положений применительно к деятельности полиции. Вместе с тем практика применения данного закона свидетельствует о том, что декларирование принципов само по себе не обеспечивает их безусловную реализацию, и механизм воплощения конституционных требований в повседневной деятельности органов внутренних дел нуждается в постоянном совершенствовании.

Одним из центральных элементов конституционно-правового механизма реализации полномочий правоохранительных органов является институт судебного контроля. Статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а также право обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц [Чмыхун, 2025]. Применительно к правоохранительной деятельности судебный контроль реализуется в нескольких формах: предварительный судебный контроль (санкционирование отдельных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий), последующий судебный контроль (рассмотрение жалоб на действия и решения должностных лиц правоохранительных органов), а также контроль в рамках рассмотрения уголовных дел по существу. Значение предварительного судебного контроля трудно переоценить: именно он выступает гарантией от произвольного ограничения конституционных прав при проведении обысков, наложении ареста на имущество, заключении под стражу и осуществлении ряда оперативно-розыскных мероприятий.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации детально регламентирует механизм судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования. Статья 125 УПК РФ предусматривает возможность обжалования в районный суд постановлений

дознателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а также иных решений и действий, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства [Лоос, Кошелев, 2025]. Судебная практика по данной категории дел весьма обширна. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» разъяснил, что судебному обжалованию подлежат не только прямо названные в законе решения, но и иные действия и бездействие, затрагивающие конституционные права граждан. Такой расширительный подход к толкованию соответствует конституционному принципу полноты судебной защиты.

Конституционный Суд Российской Федерации сформировал обширную практику по вопросам конституционности отдельных полномочий правоохранительных органов. В Постановлении от 14 июля 2011 года № 16-П Конституционный Суд указал, что конституционное право на свободу и личную неприкосновенность предполагает наличие эффективных процессуальных гарантий от произвольного задержания и заключения под стражу [Колоколова, 2025]. Суд подчеркнул, что применение мер пресечения, связанных с ограничением свободы, допустимо лишь при наличии достаточных оснований, предусмотренных законом, и должно быть обосновано конкретными фактическими обстоятельствами дела, а не носить формальный характер. Данная правовая позиция имеет фундаментальное значение для определения пределов полномочий следственных органов и прокуратуры при избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Важным аспектом конституционно-правового регулирования является соотношение полномочий правоохранительных органов в сфере оперативно-розыскной деятельности и конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23 Конституции Российской Федерации). Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, — прослушивания телефонных переговоров, контроля почтовых отправлений, обследования жилища — исключительно на основании судебного решения [Якутов, 2025]. Однако закон допускает проведение таких мероприятий в случаях, не терпящих отлагательства, с последующим уведомлением суда в течение 24 часов, что создаёт потенциальную угрозу злоупотреблений и нуждается в строгом контроле. Конституционный Суд неоднократно обращался к этой проблематике, формулируя требования к обоснованности и мотивированности решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права.

Прокурорский надзор как конституционно-правовой механизм обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов занимает особое место в системе гарантий прав и свобод. После конституционных поправок 2020 года статья 129 Конституции Российской Федерации была изложена в новой редакции, согласно которой прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование, а также выполняет иные функции, установленные федеральными законами [Позднякова, 2025]. Включение надзора за соблюдением прав и свобод непосредственно в конституционный текст существенно укрепило правозащитный потенциал прокуратуры и подтвердило её роль как ключевого элемента конституционного механизма защиты прав личности. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» конкретизирует данные полномочия, наделяя

прокурора правом рассматривать и проверять обращения граждан о нарушении их прав, принимать меры по предупреждению и пресечению нарушений, привлечению виновных к ответственности.

Взаимодействие различных правоохранительных органов между собой и с судебной властью образует сложную систему сдержек и противовесов, имеющую конституционно-правовую природу. Разделение функций расследования, надзора и правосудия является проявлением общего конституционного принципа разделения властей, адаптированного к сфере уголовной юстиции [Емельянов, 2025]. Следственный комитет Российской Федерации осуществляет предварительное следствие по наиболее тяжким преступлениям, прокуратура осуществляет надзор за процессуальной деятельностью следственных органов, суд контролирует законность и обоснованность ключевых процессуальных решений. Эта система призвана минимизировать риск произвольного ограничения прав граждан и обеспечить объективность расследования. Однако на практике нередко возникают конфликты компетенций, когда прокурорский надзор вступает в противоречие с процессуальной самостоятельностью следователя, а судебный контроль носит формальный характер.

Проблема формализма судебного контроля за деятельностью правоохранительных органов неоднократно привлекала внимание как учёных, так и практиков. Статистические данные свидетельствуют о крайне высоком проценте удовлетворения ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, что ставит под сомнение реальную эффективность судебного контроля как конституционной гарантии прав личности [Бурла, 2026]. В доктрине высказывается мнение о том, что суды при рассмотрении подобных ходатайств фактически воспроизводят позицию стороны обвинения, не осуществляя подлинной проверки обоснованности ограничения права на свободу. Верховный Суд Российской Федерации предпринимал попытки скорректировать данную практику, в частности, в Постановлении Пленума от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий» было указано на недопустимость формального подхода к рассмотрению ходатайств и необходимость исследования конкретных обстоятельств дела.

Конституционно-правовое регулирование применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов представляет собой область, где конституционные гарантии права на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность приходят в непосредственное соприкосновение с полномочиями по применению государственного принуждения. Глава 5 Федерального закона «О полиции» устанавливает условия и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, закрепляя принципы законности, необходимости и соразмерности [Лунгу, 2025]. Сотрудник полиции обязан предупредить о намерении применить физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, предоставив лицу возможность выполнить законные требования, за исключением случаев, когда промедление создаёт непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции. Практика Европейского Суда по правам человека, рассматривавшего жалобы против Российской Федерации, неоднократно выявляла случаи несоразмерного применения силы правоохранительными органами, что свидетельствует о необходимости усиления конституционно-правовых гарантий в данной сфере.

Право на обращение в государственные органы, закреплённое в статье 33 Конституции Российской Федерации, выступает одним из инструментов гражданского контроля за

деятельностью правоохранительных органов. Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» устанавливает общий порядок рассмотрения обращений, однако для правоохранительных органов существуют специальные нормативные акты, регулирующие работу с обращениями граждан [Грунин, Сундукова, 2025]. Эффективность механизма обращений как средства защиты прав зависит от множества факторов, включая сроки рассмотрения, полноту и объективность проверки изложенных фактов, возможность обжалования принятых решений. Нередко граждане сталкиваются с ситуацией, когда их обращения о неправомерных действиях сотрудников правоохранительных органов рассматриваются тем же органом, действия должностных лиц которого обжалуются, что создаёт конфликт интересов и снижает доверие к результатам проверки.

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, предусмотренный статьёй 103 Конституции, также включён в систему конституционно-правовых механизмов контроля за деятельностью правоохранительных органов. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» наделяет его правом рассматривать жалобы на решения или действия государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, если заявитель ранее обжаловал эти решения или действия в судебном либо административном порядке, но не согласен с принятыми решениями [Садуев, 2025]. Уполномоченный вправе обращаться в суд с заявлением в защиту прав и свобод, нарушенных решениями или действиями государственного органа или должностного лица, а также обращаться в Конституционный Суд с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, применённым в конкретном деле. Годовые доклады Уполномоченного систематически фиксируют нарушения прав граждан со стороны правоохранительных органов, что является важным источником информации для оценки состояния конституционной законности.

Цифровизация деятельности правоохранительных органов ставит новые конституционно-правовые вопросы, связанные с защитой персональных данных, применением систем видеонаблюдения и распознавания лиц, использованием искусственного интеллекта в аналитической работе. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни (статья 23) и право на защиту персональных данных (статья 24) приобретают особое звучание в условиях, когда технические возможности правоохранительных органов многократно возрастают [Шаров, 2025]. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает общие требования к обработке персональных данных, однако для правоохранительных органов предусмотрены существенные изъятия, обусловленные спецификой их деятельности. Вопрос о пределах допустимого использования технологий наблюдения и сбора данных правоохранительными органами остаётся предметом дискуссий, и конституционно-правовая доктрина пока не выработала исчерпывающих критериев соразмерности в данной области.

Конституционный принцип презумпции невиновности, закреплённый в статье 49 Конституции Российской Федерации, оказывает непосредственное влияние на порядок осуществления полномочий правоохранительных органов в рамках уголовного преследования. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда [Беззубикова, 2025]. Данный принцип предъявляет к правоохранительным органам требование объективности при расследовании уголовных дел: следователь обязан устанавливать не только обстоятельства, подтверждающие

виновность, но и обстоятельства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность. На практике обвинительный уклон в деятельности следственных органов остаётся одной из серьёзнейших проблем, на что неоднократно обращали внимание и Конституционный Суд, и Верховный Суд Российской Федерации. Преодоление этой тенденции требует не только нормативных изменений, но и трансформации профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов.

Право на квалифицированную юридическую помощь, гарантированное статьёй 48 Конституции Российской Федерации, выступает важнейшей конституционной гарантией прав личности при взаимодействии с правоохранительными органами. Каждый задержанный, заключённый под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения [Бурла, 2026]. Реализация данного права на практике сопряжена с рядом проблем: обеспечение реального доступа к адвокату в первые часы после задержания, качество юридической помощи, оказываемой адвокатами по назначению, создание условий для конфиденциального общения с защитником. Конституционный Суд в ряде решений сформулировал требование о том, что право на защиту не может быть ограничено в зависимости от процессуального статуса лица и должно обеспечиваться уже на этапе фактического ограничения свободы, даже если формально процессуальное задержание ещё не оформлено.

Реализация конституционного права на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц (статья 53 Конституции Российской Федерации), представляет собой важный элемент конституционно-правового механизма защиты прав граждан от неправомерных действий правоохранительных органов. Институт реабилитации в уголовном судопроизводстве, предусмотренный главой 18 УПК РФ, обеспечивает право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах [Лоос, Кошелев, 2025]. Вместе с тем судебная практика свидетельствует о том, что размеры компенсации морального вреда, присуждаемые лицам, пострадавшим от незаконного уголовного преследования, зачастую несоразмерно малы по сравнению с причинённым страданиям. Данная проблема имеет конституционно-правовое измерение, поскольку неадекватный размер компенсации фактически обесценивает конституционную гарантию.

Конституционно-правовой анализ полномочий правоохранительных органов невозможен без учёта международных обязательств Российской Федерации в сфере защиты прав человека. Статья 15 Конституции устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы [Поваляев, 2025]. Несмотря на то что после прекращения членства России в Совете Европы в 2022 году юрисдикция Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации была прекращена, международные стандарты в области прав человека продолжают оказывать влияние на конституционно-правовое регулирование деятельности правоохранительных органов. Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания остаются обязательными для Российской Федерации и должны учитываться при определении конституционных пределов полномочий правоохранительных органов.

Особую конституционно-правовую проблему представляет реализация полномочий правоохранительных органов в условиях режима чрезвычайного или военного положения, а также при проведении контртеррористических операций. Статья 56 Конституции Российской

Федерации допускает ограничение отдельных прав и свобод в условиях чрезвычайного положения, однако устанавливает перечень прав, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах [Поваляев,2025]. Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» наделяет правоохранительные органы расширенными полномочиями в ходе контртеррористических операций, что может существенно ограничивать права и свободы граждан, оказавшихся в зоне проведения операции. Вопрос о соразмерности таких ограничений и их конституционной допустимости требует особо тщательного анализа, учитывая высокую степень угрозы общественной безопасности и одновременно значительный потенциал для нарушения прав невиновных лиц.

Институт общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов получил нормативное закрепление в Федеральном законе от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и в ряде специальных законов [Дадашова,2025]. Общественные наблюдательные комиссии, осуществляющие контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, являются примером институционализированного механизма общественного контроля, имеющего конституционно-правовое обоснование. Деятельность этих комиссий позволяет выявлять нарушения прав лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах и исправительных учреждениях. Вместе с тем эффективность общественного контроля ограничена рядом факторов, включая процедурные сложности доступа в учреждения, отсутствие у общественных наблюдателей властных полномочий, а также недостаточную правовую защищённость самих членов общественных наблюдательных комиссий.

Вопрос о дисциплинарной и уголовной ответственности сотрудников правоохранительных органов за превышение полномочий и нарушение прав граждан является неотъемлемой составляющей конституционно-правового механизма защиты прав. Статья 286 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за превышение должностных полномочий, а статья 302 — за принуждение к даче показаний. Применение данных норм на практике сопряжено со значительными трудностями: расследование преступлений, совершённых сотрудниками правоохранительных органов, осуществляется следственными органами, что создаёт ситуацию корпоративной солидарности и затрудняет привлечение виновных к ответственности [Емельянов,2025]. Передача расследования подобных дел Следственному комитету Российской Федерации лишь частично решает проблему, поскольку и Следственный комитет является частью правоохранительной системы. Конституционно-правовое обеспечение неотвратимости ответственности сотрудников правоохранительных органов за нарушение прав граждан остаётся важнейшим условием функционирования правового государства.

Административно-правовые полномочия правоохранительных органов, связанные с проверкой документов, личным досмотром, доставлением и административным задержанием, также имеют конституционно-правовое измерение. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях наделяет сотрудников полиции широким кругом полномочий по применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, которые непосредственно затрагивают права на свободу передвижения, личную неприкосновенность, неприкосновенность имущества [Чмыхун,2025]. Конституционный принцип соразмерности ограничения прав конституционно значимым целям (статья 55, часть 3 Конституции) требует, чтобы каждое такое ограничение было обосновано конкретными обстоятельствами и не выходило за пределы необходимого. Практика же нередко свидетельствует о расширительном толковании правоохранительными органами своих

полномочий, что ведёт к необоснованному ограничению прав граждан и подрыву доверия к государственным институтам.

Конституционно-правовая доктрина соразмерности, развитая Конституционным Судом Российской Федерации в многочисленных решениях, представляет собой универсальный критерий оценки допустимости ограничения прав и свобод при реализации полномочий правоохранительных органов. В Постановлении от 30 октября 2003 года № 15-П Конституционный Суд сформулировал позицию, согласно которой ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; устанавливаемые федеральным законом средства и способы защиты государственных интересов не должны приводить к утрате самого существа права [Дадашова, 2025]. Этот принцип применим ко всем без исключения сферам правоохранительной деятельности — от оперативно-розыскной до административно-юрисдикционной. Его последовательное применение в судебной практике при рассмотрении жалоб на действия правоохранительных органов способно существенно повысить уровень конституционной защищённости граждан.

Выводы

Анализ конституционно-правовых механизмов реализации полномочий правоохранительных органов Российской Федерации позволяет констатировать, что существующая нормативная база в целом обеспечивает правовые основы для функционирования системы защиты прав и свобод человека и гражданина. Конституция Российской Федерации устанавливает фундаментальные принципы, определяющие пределы деятельности правоохранительных органов, а федеральное законодательство конкретизирует эти принципы применительно к отдельным органам и направлениям правоохранительной деятельности. Система судебного контроля, прокурорского надзора, общественного контроля и институт Уполномоченного по правам человека формируют многоуровневый механизм гарантий, призванный предотвратить произвольное ограничение конституционных прав при осуществлении правоохранительной функции.

Вместе с тем между нормативным закреплением конституционных гарантий и их практической реализацией существует значительный разрыв. Формализм судебного контроля за избранием мер пресечения, обвинительный уклон в деятельности следственных органов, недостаточная эффективность механизмов привлечения к ответственности сотрудников правоохранительных органов за нарушение прав граждан, несоразмерность компенсаций за незаконное уголовное преследование — всё это свидетельствует о том, что конституционно-правовые механизмы нуждаются не столько в расширении нормативного регулирования, сколько в обеспечении реального функционирования уже существующих институтов.

Конституционные поправки 2020 года, усилившие конституционный статус прокуратуры и расширившие полномочия Конституционного Суда по предварительному нормоконтролю, создали дополнительные предпосылки для повышения эффективности конституционно-правовой защиты прав граждан в сфере правоохранительной деятельности. Дальнейшее развитие конституционно-правового регулирования в данной области предполагает совершенствование процедур судебного контроля с обеспечением его подлинной состязательности, развитие институтов внешнего контроля за деятельностью правоохранительных органов, формирование эффективных механизмов ответственности за нарушение конституционных прав при осуществлении правоохранительных полномочий, а

также выработку конституционно-правовых стандартов использования новых технологий в правоохранительной деятельности.

Конституционно-правовая доктрина соразмерности, последовательно развиваемая Конституционным Судом Российской Федерации, должна стать основным критерием при оценке любых полномочий правоохранительных органов, затрагивающих права и свободы граждан. Правоохранительная деятельность по своей природе предполагает применение мер государственного принуждения, однако эти меры могут быть легитимными лишь в той степени, в которой они отвечают конституционным требованиям необходимости, обоснованности и соразмерности. Обеспечение баланса между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой конституционных прав личности остаётся центральной задачей конституционного правопорядка Российской Федерации, решение которой определяет характер взаимоотношений государства и личности в условиях правового государства.

Гарантированность конституционных прав и свобод в сфере правоохранительной деятельности в конечном счёте определяется не только качеством нормативного регулирования, но и уровнем правовой культуры общества, профессиональной подготовкой сотрудников правоохранительных органов, независимостью судебной власти и зрелостью институтов гражданского общества. Комплексный подход к укреплению конституционно-правовых механизмов, сочетающий совершенствование законодательства с развитием правоприменительной практики и институциональным строительством, способен обеспечить реальное воплощение конституционного принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации.

Библиография

16. Беззубикова О.С. Сравнительный анализ специфики развития внесудебного (квазисудебного) порядка защиты прав граждан в публично-правовых отношениях в странах романо-германской и англосаксонской правовых систем // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 56-63.
17. Бурла В.М. Конституционный принцип непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина: сущность, наполнение, значение // Конституционное и муниципальное право. 2026. № 1. С. 24-27.
18. Грунин А.Г., Сундукова В.В. Тенденции повлиявшие на становление института прав человека с учетом ведомственной специфики правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Казахстан // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 9. С. 117-119.
19. Гусаим И.В. Роль решений Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении национальной и общественной безопасности // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 70-75.
20. Дадашова Э.Г. Конституционно-правовое обеспечение прав и свобод несовершеннолетних лиц // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13. № 4 (52). С. 39-46.
21. Емельянов Е.О. Принцип невмешательства во внутренние дела государств и публичный порядок // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 8. С. 69-72.
22. Колоколова М.В. К некоторым вопросам о пределах конституционных прав человека в контексте противодействия экстремистской деятельности // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 146-150.
23. Лоос Е.В., Кошелев Е.В. Способы и формы обеспечения защиты чести и достоинства личности // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 23-32.
24. Лунгу Е.В. Роль и место человека в конституционных правоотношениях // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13. № 4 (52). С. 59-67.
25. Поваляев Э.А. Государственная защита свидетелей в Российской Федерации: современное состояние и направления совершенствования // Современное общество и право. 2025. № 6 (79). С. 102-107.
26. Позднякова Е.В. Особенности взаимодействия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 4. С. 298-302.
27. Садиев Р.Р. Конституционно-правовой анализ соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина в России // Государственная служба и кадры. 2025. № 4. С. 90-93.

28. Чмыхун С.В. Обеспечение прав человека и гражданина в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации // Правовая позиция. 2025. № 11 (72). С. 125-130.
29. Шаров А.С. Разработка интеллектуальной системы оценки эффективности правоохранительной деятельности территориальных органов МВД России на основе методов многокритериального анализа и машинного обучения // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 3. С. 65-78.
30. Якутов И.А. Институт представительства в уголовном процессе Российской Федерации: правовая природа и проблема систематизации // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 425-429.

Constitutional and Legal Mechanisms for the Implementation of the Powers of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation in the Sphere of Protecting Human and Civil Rights and Freedoms

Evgenii R. Khromov

Postgraduate Student, Lawyer,
Central Russian Institute of Management – Branch,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
302028, 1, Panchuka str., Orel, Russian Federation;
e-mail: tpabka-hromov@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of constitutional and legal mechanisms for the implementation of the powers of law enforcement agencies of the Russian Federation. Based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation, which define human rights and freedoms as the highest value, the imperative nature of the state's obligation to recognize, respect and protect them is examined. Doctrinal approaches to defining the system of law enforcement agencies and the role of constitutional principles (rule of law, separation of powers) in shaping the human rights orientation of their activities are considered. Special attention is paid to the analysis of the effectiveness of judicial control, prosecutorial supervision and the activities of the Commissioner for Human Rights as key constitutional guarantees. Problematic aspects of law enforcement are identified, including formalism of judicial control, prosecutorial bias in investigations and insufficient compensation for harm from illegal actions. Based on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the necessity of introducing the doctrine of proportionality to ensure a balance between the effectiveness of law enforcement activities and the protection of individual rights in the context of digitalization and the operation of international standards is substantiated.

For citation

Khromov E.R. (2026) Konstitutsionno-pravovyye mekhanizmy realizatsii polnomochiy pravookhranitel'nykh organov Rossiyskoy Federatsii v sfere zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Constitutional and Legal Mechanisms for the Implementation of the Powers of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation in the Sphere of Protection of Human and Civil Rights and Freedoms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 239-251. DOI: 10.34670/AR.2026.54.29.027

Keywords

Constitutional and legal mechanisms, law enforcement agencies, protection of human rights, judicial control, prosecutorial supervision, rule of law, constitutional guarantees.

References

1. Bezzubikova, O.S. (2025). Sravnitelnyy analiz spetsifiki razvitiya vnesudebnogo (kvazisudebnogo) poryadka zashchity prav grazhdan v publichno-pravovykh otnosheniyakh v stranakh romano-germanskoy i anglosaksonskoy pravovykh sistem [Comparative Analysis of the Development of Extrajudicial (Quasi-Judicial) Procedure for the Protection of Citizens' Rights in Public-Legal Relations in Countries of Romano-Germanic and Anglo-Saxon Legal Systems]. *Yuridicheskaya nauka*, (11), 56-63.
2. Burkla, V.M. (2026). Konstitutsionnyy printsip neposredstvennogo deystviya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: sushchnost, napolneniye, znachenkiye [The Constitutional Principle of the Direct Effect of Human and Civil Rights and Freedoms: Essence, Content, Significance]. *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo*, (1), 24-27.
3. Chmykhun, S.V. (2025). Obespecheniye prav cheloveka i grazhdanina v deyatelnosti pravookhranitelnykh organov Rossiyskoy Federatsii [Ensuring Human and Civil Rights in the Activities of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation]. *Pravovaya pozitsiya*, (11), 125-130.
4. Dadasheva, E.G. (2025). Konstitutsionno-pravovoye obespecheniye prav i svobod nesovershennoletnikh lits [Constitutional and Legal Provision of the Rights and Freedoms of Minors]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, *13*(4), 39-46.
5. Emelyanov, E.O. (2025). Printsip nevmeshatelstva vo vnutrenniye dela gosudarstva i publichnyy poryadok [The Principle of Non-Interference in the Internal Affairs of States and Public Order]. *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*, (8), 69-72.
6. Grunin, A.G., & Sundukova, V.V. (2025). Tendentsii povliyavshie na stanovleniye instituta prav cheloveka s uchetom vedomstvennoy spetsifiki pravookhranitelnykh organov Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Kazakhstan [Trends That Influenced the Formation of the Human Rights Institution Considering the Departmental Specifics of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan]. *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*, (9), 117-119.
7. Gusaim, I.V. (2025). Rol resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v obespechenii natsionalnoy i obshchestvennoy bezopasnosti [The Role of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in Ensuring National and Public Security]. *Yuridicheskaya nauka*, (11), 70-75.
8. Kolokolova, M.V. (2025). K nekotorym voprosam o predelakh konstitutsionnykh prav cheloveka v kontekste protivodeystviya ekstremistskoy deyatelnosti [On Some Issues Concerning the Limits of Constitutional Human Rights in the Context of Countering Extremist Activities]. *Yevraziyskaya advokatura*, (5), 146-150.
9. Loos, E.V., & Koshelev, E.V. (2025). Sposoby i formy obespecheniya zashchity chesti i dostoinstva lichnosti [Ways and Forms of Ensuring the Protection of Honor and Dignity of the Individual]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*, (4), 23-32.
10. Lungu, E.V. (2025). Rol i mesto cheloveka v konstitutsionnykh pravootnosheniyakh [The Role and Place of a Person in Constitutional Legal Relations]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, *13*(4), 59-67.
11. Povalyaev, E.A. (2025). Gosudarstvennaya zashchita svideteley v Rossiyskoy Federatsii: sovremennoye sostoyaniye i napravleniya sovershenstvovaniya [State Protection of Witnesses in the Russian Federation: Current State and Directions for Improvement]. *Sovremennoye obshchestvo i pravo*, (6), 102-107.
12. Pozdnyakova, E.V. (2025). Osobennosti vzaimodeystviya komissiy po delam nesovershennoletnikh i zashchite ikh prav i podrazdeleniy po delam nesovershennoletnikh organov vnutrennikh del [Features of Interaction between Commissions on Minors' Affairs and the Protection of Their Rights and Juvenile Affairs Units of Internal Affairs Bodies]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, (4), 298-302.
13. Saduayev, R.R. (2025). Konstitutsionno-pravovoy analiz soblyudeniya osnovnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii [Constitutional and Legal Analysis of the Observance of Fundamental Human and Civil Rights and Freedoms in Russia]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, (4), 90-93.
14. Sharov, A.S. (2025). Razrabotka intellektualnoy sistemy otsenki effektivnosti pravookhranitelnoy deyatelnosti territorialnykh organov MVD Rossii na osnove metodov mnogokriterialnogo analiza i mashinnogo obucheniya [Development of an Intelligent System for Evaluating the Effectiveness of Law Enforcement Activities of Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia Based on Multicriteria Analysis and Machine Learning Methods]. *Akademicheskii issledovatel'skiy zhurnal*, *3*(3), 65-78.
15. Yakutov, I.A. (2025). Institut predstavitelstva v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii: pravovaya priroda i problema sistematizatsii [The Institute of Representation in the Criminal Process of the Russian Federation: Legal Nature and the Problem of Systematization]. *Yuridicheskaya nauka*, (11), 425-429.

УДК 342.7**DOI: 10.34670/AR.2026.69.77.028****Правовой статус вынужденного переселенца: условия признания и содержание прав****Краснопёров Евгений Олегович**

Адъюнкт,
факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;
Преподаватель,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
308024, Российская Федерация, Белгород, ул. Горького, 71;
e-mail: e.krasnoperov@bk.ru

Аннотация

В статье анализируется правовой статус вынужденного переселенца в Российской Федерации, установленный Законом РФ от 19.02.1993 № 4530-I «О вынужденных переселенцах», с акцентом на условиях признания и объёме предоставляемых гарантий. Рассматриваются категории лиц, подпадающие под действие указанного закона, предусмотренные основания для получения статуса вынужденного переселенца и причины отказа в предоставлении рассматриваемого статуса. Раскрывается порядок административного рассмотрения ходатайства: подача заявления, его регистрация, временный допуск к мерам поддержки, проведение проверочных мероприятий и принятие решения с возможностью последующего обжалования. Характеризуются основные элементы статуса: меры материальной помощи, предоставление временного размещения, содействие в трудоустройстве и обучении, жилищные гарантии, а также особенности приобретения гражданства для отдельных категорий переселенцев. Отмечается, что в условиях экстренной массовой миграции широкие по содержанию права реализуются с существенными затруднениями из-за высокой доказательственной нагрузки, продолжительности процедур и различий в правоприменительной практике, что усиливает правовую неопределённость и препятствует эффективному доступу к социальным гарантиям.

Для цитирования в научных исследованиях

Краснопёров Е.О. Правовой статус вынужденного переселенца: условия признания и содержание прав // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 252-258. DOI: 10.34670/AR.2026.69.77.028

Ключевые слова

Вынужденная миграция, вынужденное перемещение, внутренняя миграция, чрезвычайные обстоятельства, правовой статус мигрантов, миграционные режимы, гуманитарное право, причины миграции, нормативно-правовое регулирование, защита прав мигрантов, межведомственная координация, миграционная политика, чрезвычайные ситуации, международные стандарты, кризисная миграция.

Введение

Институт вынужденного переселенца предназначен для обеспечения специального режима защиты граждан Российской Федерации (а в отдельных случаях – иностранных граждан и лиц без гражданства), вынужденно покинувших место постоянного проживания вследствие преследования, насилия либо реальной угрозы жизни и безопасности. В условиях экстренной массовой миграции данный институт приобретает ключевое значение для обеспечения доступа к социальным гарантиям, однако его потенциал во многом ограничивается сложностью процедур признания и длительными сроками рассмотрения ходатайств. [Катаева, 2025]

Основная часть

Статья 1 Закона Российской Федерации от 19.02.1993 № 4530-I «О вынужденных переселенцах» закрепляет, что вынужденный переселенец – это гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершённого в отношении него либо членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, принадлежности к определённой социальной группе или политическим убеждениям, ставшим поводом для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка. [Федеральный закон № 4530-I, 1993]

К числу вынужденных переселенцев законом могут быть отнесены также иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно и на законных основаниях проживавшие на территории Российской Федерации и покинувшие место жительства по указанным основаниям (часть 2 статьи 1 Закона № 4530-I).

Закон одновременно устанавливает и отрицательные критерии: не могут быть признаны вынужденными переселенцами лица, совершившие преступления против мира и безопасности человечества либо иные тяжкие преступления, лица, виновные в действиях, противоречащих целям и принципам Организации Объединённых Наций, а также лица, не обратившиеся без уважительных причин с ходатайством о признании их вынужденными переселенцами в течение 12 месяцев со дня выбытия с места жительства (часть 3 статьи 1).

Административная процедура признания вынужденным переселенцем носит заявительный характер и включает несколько стадий:

1) Подача ходатайства. Гражданин Российской Федерации подаёт ходатайство о признании его вынужденным переселенцем в территориальный орган МВД России (подразделение по вопросам миграции):

– по месту своего пребывания на территории Российской Федерации, если он покинул место жительства, расположенное за пределами Российской Федерации, и прибыл в Российскую Федерацию;

– по избранному месту проживания в пределах Российской Федерации, если он переместился с территории одного субъекта Российской Федерации на территорию другого субъекта (часть 1 статьи 3 Закона № 4530-I).

Ходатайство должно содержать:

– персональные данные заявителя (фамилия, имя, отчество, дата рождения, гражданство, место рождения); – сведения о членах семьи (супруг, несовершеннолетние дети, нетрудоспособные родители);

– описание обстоятельств, послуживших основанием для выезда (факты насилия,

преследования, враждебных кампаний, угрозы жизни и здоровью);

- сведения о прежнем месте жительства (адрес, дата выбытия);

- сведения об избранном месте постоянного проживания на территории Российской Федерации.

К ходатайству прилагаются документы, удостоверяющие личность, документы, подтверждающие родственные связи, а также по возможности документы, подтверждающие обстоятельства, послужившие основанием для выезда (справки правоохранительных органов, медицинские документы, свидетельские показания, фото- и видеоматериалы и т.п.). При этом Законом № 4530-І обязательность такого документального подтверждения прямо не установлена; однако правоприменительная практика территориальных органов МВД России в большинстве случаев ориентирована на предъявление заявителем доказательств, что в условиях экстренной эвакуации зачастую объективно затруднительно или невозможно.

2) Регистрация ходатайства и временный доступ к мерам поддержки. Территориальный орган МВД России обязан зарегистрировать ходатайство в трёхдневный срок со дня его подачи (часть 2 статьи 3 Закона № 4530-І). По результатам регистрации заявителю выдаётся свидетельство о регистрации ходатайства по форме, утверждённой МВД России (часть 3 статьи 3).

Свидетельство о регистрации ходатайства выполняет функцию временного допуска к мерам государственной поддержки и служит основанием для:

- получения единовременного денежного пособия;

- направления на проживание в центр временного размещения вынужденных переселенцев;

- пользования услугами служб занятости по содействию в трудоустройстве;

- организации обучения и зачисления детей в образовательные организации по месту временного пребывания (статьи 6–7 Закона № 4530-І).

При этом свидетельство не удостоверяет сам факт признания лица вынужденным переселенцем, однако обеспечивает определённый объём прав на период рассмотрения ходатайства.

3) Рассмотрение ходатайства и проверочные мероприятия. Согласно части 1 статьи 4 Закона № 4530-І территориальный орган МВД России рассматривает ходатайство и принимает решение о признании гражданина вынужденным переселенцем либо об отказе в признании в срок, не превышающий трёх месяцев со дня регистрации ходатайства. В ходе рассмотрения:

- проводится собеседование с заявителем и членами его семьи;

- проверяются сведения, изложенные в ходатайстве (запросы в правоохранительные органы по прежнему месту жительства, органы записи актов гражданского состояния, органы регистрационного учёта);

- осуществляется проверка в рамках компетенции ФСБ России на предмет возможной причастности заявителя к террористической или экстремистской деятельности (часть 3 статьи 4).

4) Принятие решения и его обжалование.

5) Решение о признании вынужденным переселенцем принимается при условии, что обстоятельства, изложенные в ходатайстве, соответствуют критериям статьи 1 Закона № 4530-І и подтверждены результатами проверки, а также при отсутствии оснований для отказа (часть 1 статьи 5). Заявителю и включённым в ходатайство членам его семьи выдаётся удостоверение вынужденного переселенца.

Срок действия удостоверения составляет пять лет с даты выдачи; при сохранении обстоятельств, послуживших основанием для признания, удостоверение подлежит ежегодному

продлению (часть 3 статьи 7 Закона № 4530-I). Решение об отказе в признании принимается в случаях несоответствия заявителя установленному определению, наличия оснований для исключения либо неподтверждения либо заведомой ложности сведений, изложенных в ходатайстве (часть 2 статьи 5). Отказ может быть обжалован в вышестоящий орган МВД России (Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России) или в суд в трёхмесячный срок со дня его получения (часть 3 статьи 5).

Законом № 4530-I предусмотрен комплекс специальных прав и гарантий, направленных на создание условий для интеграции вынужденных переселенцев на новой территории.

К числу основных прав относятся:

- право на получение единовременного денежного пособия (статья 4): фактически в 2024–2026 гг. осуществлялись выплаты существенно больших размеров (от 3 000 до 10 000 рублей на члена семьи) в сравнении с минимально-предусмотренными законом (100 рублей). Размер выплаты был установлен Правительством Российской Федерации и субъектами Федерации, и выплачивался органами социальной защиты населения по месту регистрации ходатайства;

- на направление в центр (пункт) временного размещения вынужденных переселенцев с предоставлением бесплатного временного жилья, питания и коммунально-бытовых услуг на срок до шести месяцев с возможностью продления;

- право на компенсацию расходов на проезд и провоз багажа при переселении к избранному месту постоянного проживания для малоимущих вынужденных переселенцев, а для иных категорий – право на содействие в организации перевозки;

- право на содействие в трудоустройстве, включая получение информации о вакансиях, условиях труда, возможностях профессионального обучения, а также преимущественное право на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации за счёт средств бюджета субъекта Российской Федерации;

- право на перевод детей в образовательные организации по месту нового проживания с предоставлением необходимых условий для продолжения обучения;

- право на получение жилого помещения для постоянного проживания: вынужденные переселенцы включаются в списки граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и могут получить жилое помещение по договору социального найма либо договору найма специализированного жилого помещения;

- право на облегчённый порядок приобретения гражданства Российской Федерации для иностранных граждан и лиц без гражданства, признанных вынужденными переселенцами, в соответствии со статьёй 14 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Заключение

Таким образом, институт вынужденного переселенца формирует достаточно широкий комплекс материальных и процессуальных гарантий, однако его реализация в условиях экстренной массовой миграции осложняется высокой доказательственной нагрузкой на заявителя, длительностью рассмотрения ходатайств и значительной зависимостью конечного результата от правоприменительной практики конкретных территориальных органов МВД России.

В совокупности временное убежище формирует для иностранного гражданина или лица без гражданства режим временной гуманитарной защиты, обеспечивающий легальность пребывания, право на труд, доступ к базовым услугам здравоохранения, социального обеспечения и образования. В условиях экстренной массовой миграции данный институт способен играть стабилизирующую роль для больших групп лиц, не подпадающих под критерии

беженца, при условии его надлежащей процессуальной организации и координации с иными мерами государственной поддержки. Но в то же время практика 2022–2024 гг. показывает, что действующие процедуры признания лица вынужденным переселенцем и предоставления временного убежища в условиях экстренной массовой миграции не обеспечивают необходимой оперативности и предсказуемости, что ведёт к состоянию правовой неопределённости и затрудняет реализацию социальных гарантий.

Библиография

1. Андрейцо С.Ю. (2020). Некоторые аспекты предоставления статуса беженца в России. Закон. Право. Государство, 3 (27), 304–312.
2. Булатов Р.Б., Андрейцо С.Ю. (2021). Реализация прав иностранных граждан в России: вынужденная миграция, административная ответственность. Миграционное право, 1, 7–10.
3. Волох В.А., Суворова В.А., Шорохова С.П. (2024). Миграция населения: теория и практика. Москва: Институт мировых цивилизаций.
4. Галас М.Л., Силласте Г.Г., Шевченко К.Д. (2020). Миграция в условиях кризисного развития мирового сообщества и ее риски в России. Москва: Прометей.
5. Катаева О.В. (2025). О проблеме публично-правового регулирования реализации статуса вынужденных мигрантов в Российской Федерации. Административное право и процесс, 2, 35–38. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-2-35-38.
6. Кудряшова А.А. (2020). Этапы правового регулирования социальной политики в отношении беженцев и переселенцев в России. Тенденции развития науки и образования, 60-5, 61–67.
7. Мышко Ф.Г., Попугаев Ю.И., Прудникова Т.А. и др. (2025). Административный надзор полиции (2-е изд., перераб. и доп.). Москва: Юнити-Дана.
8. Олийнык И.И. (2019). Вынужденная миграция: особенности статуса переселенцев Донбасса. Миграционное право, 3, 10–13.
9. Петровская М.И. (2021). Содержание государственного управления в сфере вынужденной миграции в России: административно-правовой аспект. Юрист, 1, 44–53.
10. Петровская М.И. (2022). Институт временного убежища в Российской Федерации: проблемы и перспективы. Проблемы научной мысли, 2 (8), 64–68.
11. Прудникова Т.А., Брунер Р.А. (2025). Изменения в законодательстве в сфере миграции: особенности и современность. Современное право, 5, 23–26. DOI: 10.25799/NI.2025.38.95.005.
12. Рыбаковский Л.Л. (2017). История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. Москва: Экон-Информ.
13. Суворова В.А. (2021). Политико-правовое обеспечение соблюдения прав вынужденных мигрантов: соотношение международных и российских норм. Москва: Государственный университет управления.
14. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах».
15. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах».

Legal Status of a Forced Migrant: Conditions for Recognition and Content of Rights

Evgenii O. Krasnoperov

Adjunct,
Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikot;
Lecturer,
Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putlin,
308024, 71, Gorkogo str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: e.krasnoperov@bk.ru

Krasnoperov E.O.

Abstract

The article analyzes the legal status of a forced migrant in the Russian Federation, established by the Law of the Russian Federation of February 19, 1993 No. 4530-I "On Forced Migrants," with an emphasis on the conditions for recognition and the scope of guarantees provided. The categories of persons falling under the scope of the said law, the grounds provided for obtaining the status of a forced migrant, and the reasons for refusing to grant this status are examined. The procedure for administrative consideration of a petition is disclosed: filing an application, its registration, temporary admission to support measures, conducting verification activities, and making a decision with the possibility of subsequent appeal. The main elements of the status are characterized: measures of material assistance, provision of temporary accommodation, assistance in employment and education, housing guarantees, as well as features of acquiring citizenship for certain categories of migrants. It is noted that in conditions of emergency mass migration, rights that are broad in content are implemented with significant difficulties due to the high evidentiary burden, the length of procedures, and differences in law enforcement practice, which increases legal uncertainty and hinders effective access to social guarantees.

For citation

Krasnoperov E.O. (2026) Pravovoy status vynuzhdenного pereselentsa: usloviya priznaniya i soderzhaniye prav [Legal Status of a Forced Migrant: Conditions for Recognition and Content of Rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 252-258. DOI: 10.34670/AR.2026.69.77.028

Keywords

Forced migration, forced displacement, internal migration, emergency circumstances, legal status of migrants, migration regimes, humanitarian law, causes of migration, legal regulation, protection of migrants' rights, interdepartmental coordination, migration policy, emergency situations, international standards, crisis migration.

References

1. Andreytso, S.Yu. (2020). Nekotorye aspekty predostavleniya statusa bezhentsa v Rossii [Some aspects of granting refugee status in Russia]. *Zakon. Pravo. Gosudarstvo*, 3(27), 304–312.
2. Bulatov, R.B., & Andreytso, S.Yu. (2021). Realizatsiya prav inostrannykh grazhdan v Rossii: vynuzhdenная migratsiya, administrativnaya otvetstvennost' [Realization of the rights of foreign citizens in Russia: forced migration and administrative liability]. *Migratsionnoe pravo*, 1, 7–10.
3. Federal Law No. 4528-1 of February 19, 1993 "On Refugees".
4. Federal Law No. 4530-1 of February 19, 1993 "On Forced Migrants".
5. Galas, M.L., Sillaste, G.G., & Shevchenko, K.D. (2020). *Migratsiya v usloviyakh krizisnogo razvitiya mirovogo soobshchestva i ee riski v Rossii* [Migration in the context of the crisis development of the world community and its risks in Russia]. Moscow: Prometey.
6. Kataeva, O.V. (2025). O probleme publichno-pravovogo regulirovaniya realizatsii statusa vynuzhdennykh migrantov v Rossiyskoy Federatsii [On the problem of public law regulation of the implementation of the status of forced migrants in the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2, 35–38. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2025-2-35-38>
7. Kudryashova, A.A. (2020). Etapy pravovogo regulirovaniya sotsial'noy politiki v otnoshenii bezhentsov i pereselentsev v Rossii [Stages of legal regulation of social policy towards refugees and displaced persons in Russia]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 60-5, 61–67.
8. Myshko, F.G., Popugaev, Yu.I., Prudnikova, T.A., et al. (2025). *Administrativnyy nadzor polititsii* [Administrative police supervision] (2nd ed., rev. and exp.). Moscow: Unity-Dana.
9. Oliynyk, I.L. (2019). Vynuzhdenная migratsiya: osobennosti statusa pereselentsev Donbassa [Forced migration: ...

- features of the status of Donbass displaced persons]. *Migratsionnoe pravo*, 3, 10–13.
10. Petrovskaya, M.I. (2021). Soderzhanie gosudarstvennogo upravleniya v sfere vynuzhdennoy migratsii v Rossii: administrativno-pravovoy aspekt [State administration in the sphere of forced migration in Russia: administrative and legal aspects]. *Yurist*, 1, 44–53.
 11. Petrovskaya, M.I. (2022). Institut vremennogo ubezhishcha v Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy [The institution of temporary asylum in the Russian Federation: challenges and prospects]. *Problemy nauchnoy mysli*, 2(8), 64–68.
 12. Prudnikova, T.A., & Bruner, R.A. (2025). Izmeneniya v zakonodatel'stve v sfere migratsii: osobennosti i sovremennost' [Legislative changes in the field of migration: characteristics and contemporary developments]. *Sovremennoe pravo*, 5, 23–26. <https://doi.org/10.25799/NI.2025.38.95.005>
 13. Rybakovsky, L.L. (2017). *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya* [History and theory of population migration]. Vol. 2: Migration of population: phenomenon, concept, determinants. Moscow: Econ-Inform.
 14. Suvorova, V.A. (2021). *Politiko-pravovoe obespechenie soblyudeniya prav vynuzhdennykh migrantov: sootnoshenie mezhdunarodnykh i rossiyskikh norm* [Political and legal support for the protection of the rights of forced migrants: correlation of international and Russian norms]. Moscow: State University of Management.
 15. Volokh, V.A., Suvorova, V.A., & Shorokhova, S.P. (2024). *Migratsiya naseleniya: teoriya i praktika* [Population migration: theory and practice]. Moscow: Institute of World Civilizations.

УДК 342, 349

DOI: 10.34670/AR.2026.56.38.029

Государственные информационные системы: проблемы правового регулирования и пути их решения

Черкасов Константин Валерьевич

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой юридических дисциплин
филиал Российского государственного гуманитарного университета в г. Домодедово,
142001, Российская Федерация, Домодедово, Каширское шоссе, 4/2;
профессор кафедры административного, финансового и информационного права
Всероссийский государственный университет юстиции,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2/1;
e-mail: cherkasovkv1978@yandex.ru

Цыганов Денис Дмитриевич

Аспирант кафедры административного, финансового и информационного права
Всероссийский государственный университет юстиции,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2/1;
e-mail: tsyganovdenis97@gmail.com

Аннотация

Существенное увеличение числа государственных и иных информационных систем в условиях широкой отечественной цифровизации предопределяют необходимость анализа основ их правового регулирования и статуса. Сегодня существует потребность в исследовании основных признаков государственных информационных систем, определении содержания дефиниции государственной информационной системы, выявлении проблем, связанных с правовым регулированием государственных информационных систем. Проведенное исследование позволило сформулировать вывод о том, что существующее правовое регулирование в России в области функционирования государственных информационных систем не только не является оптимальным, но и обладает рядом значительных недостатков, состоящих в следующем: отсутствие надлежащего термина «государственная информационная система», смешение терминов; затруднения отнесения информационных систем к государственным, подсчета количества информационных систем, в том числе, государственных, оценки и контроля эффективности государственных информационных систем; сложность определения четких требований к раскрытию информации о государственных информационных системах и недостаточный контроль за их соблюдением; проблемы доверия потребителей информации, содержащейся в государственных информационных системах.

Для цитирования в научных исследованиях

Черкасов К.В., Цыганов Д.Д. Государственные информационные системы: проблемы правового регулирования и пути их решения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 259-271. DOI: 10.34670/AR.2026.56.38.029

Ключевые слова

Государственная информационная система, информационная система, государственный реестр, информация, правовое регулирование, интернет, информационный ресурс, юридический факт.

Введение

Актуальность вопроса правового регулирования государственных информационных систем продиктована объективно обусловленной и планомерной цифровой трансформацией современного российского общества, а вместе с этим внедрением, развитием и применением элементов и инструментов такой трансформации. Вклад ИТ-отрасли (разработка программного обеспечения, обработка данных и т.д.) в ВВП страны за последние пять лет увеличился почти в два раза (с 1,32% до 2,43%), а объём реализации собственных продуктов – почти в четыре раза. Рост по остальным показателям также опережает другие сектора экономики, а число работников в отрасли существенно растет [Рудник, Зинина, 2025].

На необходимость развития отечественных информационных технологий, их имплементации в оборот и государственной поддержки неоднократно обращало внимание высшее руководство страны. При этом справедливо отмечалось, что высокие технологии, в том числе информационные и телекоммуникационные, стали локомотивом социально-экономического развития многих стран мира, а обеспечение гарантированного доступа граждан к информации – одной из важнейших задач государств.

На нормативном уровне указанная тенденция нашла отражение, в частности, в таких доктринальных документах как: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹, Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы».

Так, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы закрепляет цель, задачи, принципы и основные направления государственной политики в области использования и развития информационных и телекоммуникационных технологий, науки, образования и культуры для продвижения страны по пути формирования и развития информационного общества. Среди приоритетов указываются и развитие электронных форматов, электронного документооборота, и формирование общедоступных баз данных. Определены векторы реализации прав граждан на доступ к информации и обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией. Отчетливо прослеживается позиция государства относительно активизации деятельности по имплементации информационных технологий в законотворчество, административные процедуры, бизнес-процессы и иные сферы. Развитие и совершенствование цифровой экономики, направленной на

¹ СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

обеспечение государственных интересов и реализацию национальных приоритетов – основная цель данного документа [Рудник, Зинина, 2025; Адриянова и др., 2023]. Федеральные органы исполнительной власти, в свою очередь, детализирует данные акты и устанавливают показатели эффективности [Постановление Правительства РФ № 313, 2014].

К настоящему времени в нашей стране существуют следующие государственные реестры: Единый государственный реестр юридических лиц, Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей, Реестр уведомлений о залоге движимого имущества, Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, Единый государственный реестр недвижимости, Реестр наследственных дел, реестры лицензий на осуществление конкретных видов деятельности, Единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении России, Единый реестр иностранных агентов и Единый реестр физических лиц, аффилированных с иностранными агентами, Реестр воинского учета и другие. При этом наблюдается широкое использование различных информационных и автоматизированных систем, таких как: ГАС «Выборы», ГАС «Управление», ГАС ПС, ГАИС «ЭРА-ГЛОНАСС», ЕГАИС, ГИС ЖКХ.

Таким образом, сегодня отчетливо прослеживается направленность, в рамках которой интернет и информационные технологии все активнее используются в различных сферах общественной жизни, где значимая роль отводится информационным системам. Государственные информационные системы становятся драйвером цифровизации публичных правоотношений [Глушаков, Лапина, 2020; Иванов, 2024; Кучеров, Поветкина, 2022]. Однако развитие цифровизации и информационных систем также оказывает прямое юридическое воздействие и на правоотношения, отличные от публичных [Белякова, 2025].

Правовое обеспечение государственных информационных систем

В юридической литературе отмечается недостаточность регулирования информационных систем как на федеральном, так и на региональном уровнях, обозначается потребность их нового теоретического осмысления. Текущее восприятие государственных информационных систем ведет к появлению их множества с дублирующими функциями и сомнительной практической ценностью, что, в конечном счете, приводит к недостаточно эффективному использованию трудовых, временных и денежных ресурсов [Иванов, 2024]. Разобщенность государственных информационных систем нередко влечет за собой недостоверность, устарелость, неполноту или просто неудовлетворительное качество содержащихся в них данных [Афанасьев, 2019].

Вместе с тем, государственные информационные системы представляют собой важный инструмент выполнения государственных управленческих задач, и далеко не только в области осуществления информационной политики. В настоящее время без них практически немислимо осуществление органами публичной власти своих полномочий [Ижаев, Кутейников, 2023; Троян, 2024]. Использование содержащихся в государственных информационных системах данных позволяет оптимизировать работу властных субъектов [Еремин, 2022], что в результате положительно влияет и на условия делового оборота, и на качество оказываемых гражданам государственных услуг [Бачило, Лапина, 2020; Сарапкина, 2024].

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Далее – Закон об информации) под информационной системой понимает совокупность содержащейся в базах данных информации и

обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. При этом информационные системы могут быть государственными, муниципальными и иными [СЗ РФ, 2006, № 31 (ч. 1), ст. 3448]. Государственная информационная система фактически определена посредством квалифицирующих признаков, к каковым следует относить:

- цели создания государственной информационной системы, правовые акты, с учетом требований которых учреждается, модернизируется и используется государственная информационная система;
- виды информации, на основе которой государственная информационная система создается и эксплуатируется, а также некоторые правила обработки информации, в том числе, условия доступа к ней;
- обязанности заказчика государственной информационной системы, отдельные правила о возложении функций оператора;
- обязательность оформления прав на использование компонентов государственной информационной системы, являющихся объектами интеллектуальной собственности;
- требования к техническим средствам обработки информации, элементы правового режима информации, содержащейся в государственной информационной системе [Иванов, 2020].

Нельзя не обратить внимание на значительное количество отечественных информационных систем. По состоянию на 2019 год в России существовало 876 государственных информационных систем (без учета негосударственных) [Аналитический доклад Счетной палаты, www...]. При этом отмечается рост числа государственных информационных систем при размытости дефиниции и критериальных признаков систем этого вида. Отсюда сложность в определении информационной системы именно как государственной.

Операторы государственных информационных систем, муниципальных информационных систем, информационных систем государственных и муниципальных унитарных предприятий, государственных и муниципальных учреждений при эксплуатации информационных систем обязаны использовать вычислительные мощности провайдера хостинга, предоставляемые для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети «Интернет», сведения о котором включены в перечень провайдеров хостинга, утвержденный актом Правительства России [Распоряжение Правительства РФ № 2753-р, 2024].

По состоянию на 01.01.2025 г. в данном в перечне были указаны всего две организации: ПАО «МегаФон» и ГУП Курской области «Информационный центр «Регион-Курск». Изначально малый перечень таких организаций постепенно расширяется. С 28.01.2025 на основе Распоряжения Правительства России от 28.01.2025 № 136-р в перечень включено ООО «ИТ-ГРАД 1 Клауд» [СЗ РФ, 2025, № 5, ст. 382]. С 11.03.2025 в соответствии с Распоряжением Правительства России от 11.03.2025 № 572-р перечень дополнен АО «Центр Хранения Данных» [СЗ РФ, 2025, № 12, ст. 1324]. С 09.04.2025 согласно Распоряжению Правительства России от 09.04.2025 № 854-р перечень расширен за счет ПАО «Ростелеком» [СЗ РФ, 2025, № 15, ст. 1943]. Но и этого по-прежнему недостаточно. В этой связи возникает вопрос – означает ли это, что существующие государственные информационные системы, операторы которых не исполняют указанные требования, не являются государственными информационными системами, или что большая часть таких систем не соответствует требованиям закона? Однозначного ответа нет в связи со сложностью определения правового статуса и режима государственных информационных систем, а также информации, которая в них размещается.

Важно отметить, что наряду с государственными информационными системами

указываются информационные ресурсы, реестры, регистры и т.д. При этом отсутствует должная правовая регламентация таких категорий как «электронные базы данных», «электронные сервисы», «платформа» [Пахомова, 2022]. Причина видится в следующем. Во-первых, ряд терминов («информационная система», «база данных», «информационные технологии») были заимствованы правоведением из технических наук во многом без учета особенностей формирования юридического понятийного аппарата [Жернова, 2017]. Во-вторых, существование дискуссии о том, что вообще должно быть и в каком объеме закреплено в нормативных актах в части норм строго технического характера [Ковалева, 2019; Тихомирова, Кичигин, Цомартова, Бальхаева, 2021].

До сих пор, к сожалению, отсутствует единое нормативное понимание термина «информационный ресурс». Иногда возможно встретить определение информационного ресурса в качестве упорядоченной совокупности документированной информации (баз данных, других массивов информации), содержащейся в информационных системах. Как правило, информационный ресурс входит в понятие информационной системы. Однако невозможно утверждать, что информационный ресурс – это всегда государственная информационная система.

Так, статьей 4 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» установлено, что государственные реестры являются федеральными информационными ресурсами [СЗ РФ, 2001, № 33 (ч 1), ст. 3431]. Следовательно Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГРЮЛ/ЕГРИП) является государственным реестром, федеральным информационным ресурсом. Кроме того, ЕГРЮЛ/ЕГРИП корректно определять как государственную информационную систему. Записи вносятся в государственные реестры (ЕГРЮЛ/ЕГРИП) на основании документов, представленных при государственной регистрации. Каждой записи присваивается государственный регистрационный номер, и для каждой записи указывается дата внесения ее в соответствующий государственный реестр. В обязательном порядке обеспечивается регистрация изменений таких сведений, вносятся отметки об утрате актуальности соответствующих сведений. Оператор данного реестра верифицирует вносимые сведения, но самое главное, обеспечивает их достоверность и корректность. Таким образом, потребители могут однозначно доверять информации, которая содержится в ЕГРЮЛ/ЕГРИП, могут ссылаться на нее и т.д.

В то же время, статья 7.1. упомянутого нормативного акта устанавливает аналогичную дефиницию для Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (далее – ЕФРСФДЮЛ). ЕФРСФДЮЛ также является федеральным информационным ресурсом, но однозначно признать его государственной информационной системой не представляется возможным. Дело в том, что информация, размещаемая в ЕФРСФДЮЛ, не признается официальной. Представляется, что свойство (качество) официальности информации является ключевым при определении информационной системы как государственной информационной системы. Ответственность за достоверность и корректность сведений, включенных в ЕФРСФДЮЛ, несет пользователь, который разместил соответствующие сведения [Приказ Минэкономразвития России № 178, 2013]. При этом оператор ЕФРСФДЮЛ как не наделен полномочиями по внесению изменений или корректировок в соответствующие сведения, так и не несет никакой ответственности за достоверность размещаемых сведений.

Аналогичная ситуация складывается в части ведения неотъемлемой части ЕФРСФДЮЛ – Единого федерального реестра сведений о банкротстве (Далее – ЕФРСБ). ЕФРСБ представляет собой федеральный информационный ресурс и формируется посредством включения в него сведений, предусмотренных Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [СЗ РФ, 2002, № 43, ст. 4190]. По общему правилу, сведения, размещаемые в ЕФРСБ, включаются в него арбитражным управляющим, если это не возложено на иное лицо.

Порядок формирования и ведения ЕФРСФДЮЛ и ЕФРСБ с 01.09.2025 г. регулируется Приказом Минэкономразвития России от 14.04.2025 № 237 «О формировании и ведении Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, о размещении указанных сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также о взаимодействии оператора Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Минэкономразвития России» [Официальный интернет-портал правовой информации, 2025]. Несмотря на ряд новшеств, новый приказ также не вносит никаких терминологических уточнений в части дефиниций соответствующих ресурсов. Таким образом, если признать за ЕФРСФДЮЛ и ЕФРСБ статус государственных информационных систем, то возникает парадоксальная ситуация, при которой государство не может однозначно гарантировать и обеспечивать актуальность, достоверность и юридическую значимость размещаемой там информации [Амелин, 2018; Булгакова, 2016; Минбалеев, Петровская, 2022].

С пробельностью правового регулирования государственных информационных систем связаны и иные проблемы в области информатизации и цифровизации. Исследователи отмечают, что алгоритмический код становится эффективным средством регулирования киберпространства [Ефимова, 2020; Сидоренко, Савельев, Пушков, Янковский, Чубурков, Дедова, Гуляева, Архипов, Тюльканов, Булгаков, Костыра, 2017]. Государственные информационные системы (в том числе, их программный код), как справедливо утверждают Р.В. Амелин и С.Е. Чаннов, фактически становятся новыми источниками права. Трудно не согласиться с теми выводами и заключениями, к которым пришли учёные [Амелин, Чаннов, 2023].

Действительно, информационные и государственные информационные системы все чаще выступают в качестве средства квалификации юридических фактов. К примеру, в 2019 году принят Федеральный закон от 12.11.2019 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в переходных положениях которого установлено правило, согласно которому при использовании права, предусмотренного пунктом 12 статьи 7.1 Федерального закона от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», третьи лица считаются извещенными об установленных правах и (или) ограничениях (при условии однозначной идентификации объекта, в отношении которого установлены надлежащие права и (или) ограничения, лицом, внесшим сведения) со дня, следующего за днем опубликования в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности соответствующего сообщения, за исключением случаев, установленных федеральными законами, а также, если такое лицо знало или должно было знать о наличии права или ограничения ранее даты публикации [Парламентская газета, 2019]. Данное правило сохраняет свою актуальность по сей день, хоть и распространяется на ограниченный перечень размещенной в ЕФРСФДЮЛ

информации [Адриянова, Волоков, Гулевич, Кеклис, Лисицкая, Миняйленко, Мясников, Панченко, Поляков, Уманцев, Цыганов, 2023].

Право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом ставится в зависимость от опубликования уведомления о намерении обратиться с таким заявлением в ЕФРСФДЮЛ. В период действия в России моратория на банкротство в качестве юридического факта выступала публикация сведений об отказе лица от моратория на банкротство в ЕФРСФДЮЛ. Публикация сведений о процедуре внесудебного банкротства граждан также зачастую представляет из себя юридический факт, в силу которого наступают определенные правовые последствия. Иными словами, квалификация размещения сведений в ЕФРСФДЮЛ/ЕФРСБ как юридического факта в ряде случаев допустима, и подобная позиция распространяется в реальной правовой практике [Цыганов, 2024]. Вместе с тем, существующее несовершенство правового регулирования государственных информационных систем не позволяет на текущий момент сформулировать и закрепить необходимое универсальное правило, что порождает правовую неопределенность.

Заключение

Таким образом, в области правового обеспечения функционирования государственных информационных систем следует обратить внимание на такие моменты как: размытость понимания дефиниции государственной информационной системы; сложность квалификации информационной системы как государственной информационной системы и подсчета их количества; затруднение при оценке эффективности трат бюджетных средств, выделяемых на государственные информационные системы; трудность определения требований к раскрытию информации о государственных информационных системах и недостаточный контроль за их соблюдением; проблемы доверия физических и юридических лиц к информации, которая содержится в государственных информационных системах. Обозначенные аспекты позволяют утверждать о необходимости скорейшей оптимизации правового регулирования государственных информационных систем.

Библиография

1. Адриянова М.Д., Волоков Д.В., Гулевич К.Д., Кеклис А.Ю., Лисицкая С.А., Миняйленко Н.Н., Мясников В.В., Панченко В.Ю., Поляков В.А., Уманцев Н.В., Цыганов Д.Д. Юридические факты в правовой жизни современной России: проблемы теории и практики: обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 28 июня 2023 года) // Сибирский антропологический журнал. 2023. Том.7. № 4. С. 166-180.
2. Актуальные проблемы информационного права: учебник / коллектив авторов; под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. – 2-е изд., перераб. – Москва: Юстиция, 2020. – 594 с.
3. Амелин Р.В. Правовые проблемы создания и использования государственных информационных систем // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 4. С. 151-169.
4. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. – Москва: Изд-во НОРМА, 2023. – 280 с.
5. Аналитический доклад «Оценка открытости государственных информационных систем в России», подготовленный Счетной палатой совместно с АНО «Информационная культура» и АНО «Центр перспективных управленческих решений» // Счетная палата Российской Федерации : сайт. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Оценка%20открытости%20государственных%20информационных%20систем%20в%20России.pdf>
6. Афанасьев С.Д. Формирование национальной системы управления данными: конституционно-правовые основы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 9-14.
7. Белякова А.В. Правосудие и виртуальное пространство // Правовая информатика. 2025. № 1. С. 38-49.
8. Булгакова Е.В. Методы анализа и принципы систематизации данных, используемых при подготовке и принятии

- юридических решений // Информационное право. 2016. № 4. С. 29-33.
9. Глушаков А. В., Лапина М. А. Влияние цифровых технологий на развитие правовой платформы сферы публичных финансов // International scientific review. 2020. № LXVI. С. 64-68.
10. Еремин С.Г. К вопросу о совершенствовании нормативно-правового регулирования сопряжения управления данными государственной информационной системы федеральных органов исполнительной власти // Право и экономика. 2022. № 7. С. 62-66.
11. Ефимова Л.Г. Источники правового регулирования общественных отношений в киберпространстве // Lex russica (Русский закон). 2020. № 3 (160). С. 114-120.
12. Жернова В.М. Правовой режим информационных систем: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.13 / Жернова Влада Михайловна; [Юж.-Урал. гос. ун-т (нац. исслед. ун-т)]. – Челябинск, 2017. – 29 с.
13. Иванов И.С. Правовые признаки государственной информационной системы // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 2. С. 179-187.
14. Иванов Н.Ю. К вопросу об источниках правового регулирования взаимодействия кредитных организаций с государственными информационными системами // Финансовое право. 2024. № 8. С. 35-38.
15. Иванов Н.Ю. Проблемы правового регулирования понятия и оценки эффективности государственных информационных систем // Юрист. 2024. № 2. С. 42-46.
16. Ижаев О.А., Кутейников Д.Л. Использование информации ограниченного доступа, содержащейся в государственных информационных системах: правовое регулирование порядка предоставления информации третьим лицам // Актуальные проблемы российского права. 2023. Том 18. № 2 (147). С. 61-70.
17. Минбалеес А.В., Петровская О.В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2022. № 4(145). С. 20-28.
18. О государственной автоматизированной информационной системе «Управление» (вместе с «Положением о государственной автоматизированной информационной системе «Управление»): Постановление Правительства РФ от 25.12.2009 № 1088 // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 101.
19. О Государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС»: Федеральный закон от 28.12.2013 № 395-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6960.
20. О Государственной автоматизированной информационной системе Российской Федерации «Выборы»: Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 172.
21. О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства: Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4210.
22. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
23. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 // СЗ РФ. 2014. №18 (ч. 2). Ст. 2159.
24. Об утверждении перечня провайдеров хостинга, предоставляющих вычислительные мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети «Интернет», операторам государственных, муниципальных информационных систем, информационных систем государственных и муниципальных унитарных предприятий, государственных и муниципальных учреждений: Распоряжение Правительства РФ от 04.10.2024 № 2753-р // СЗ РФ. 2024. № 42. Ст. 6271.
25. Об утверждении Положения о государственной автоматизированной системе правовой статистики: Постановление Правительства РФ от 15.12.2020 № 2113 // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. 1). Ст. 8810.
26. Об утверждении Порядка формирования и ведения Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц и Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Перечня сведений, подлежащих включению в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве: Приказ Минэкономразвития России от 05.04.2013 № 178 // Российская газета. 07.08.2013. № 172.
27. Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 2 июня 2025 г. № 0001202506020072.
28. Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 28.02.2024. № 0001202402280003.
29. Парламентская газета. 15-21.11.2019. № 41.
30. Пахомова Л.М. Цифровизация контрактных отношений: первые итоги и правовые пробелы // Право и цифровая экономика. 2022. № 4. С. 5-15.
31. Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сб. науч. тр. по матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 17–18 октября 2019 г.) / под ред. Н. Н. Ковалевой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – 184 с.
32. Рудник П. Б., Зинина Т. С. (2025) ИТ-отрасль: ключевые показатели развития за 2019–2024 гг. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/1047754209.html>.
33. Ручкина Г.Ф. Современное состояние функционирования государственных информационных систем:

- некоторые вопросы применения электронных технологий в банковской сфере // Банковское право. 2020. № 4. С. 7-14.
34. Сарапкина Е.Н. Правовые аспекты цифровизации правотворческой деятельности органов публичной власти // Правовая информатика. 2024. № 3. С. 188-199.
35. СЗ РФ. 2001. № 33 (ч 1). Ст. 3431.
36. СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
37. СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
38. СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
39. СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
40. СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
41. СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
42. СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1324.
43. СЗ РФ. 2025. № 15. Ст. 1943.
44. СЗ РФ. 2025. № 5. Ст. 382.
45. Сидоренко Э., Савельев А., Пушков А., Янковский Р., Чубурков А., Дедова Е., Гуляева Н., Архипов В., Тюльканов А., Булгаков И., Костыра А. Нужно ли регулировать биткоин? // Закон. 2017. № 9. С. 20-30.
46. Тихомирова Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4-23.
47. Троян Н.А. Влияние цифровых технологий на процессы государственного управления // Правовая информатика. 2024. № 3. С. 180-187.
48. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина и др.; под ред. И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИД «Юриспруденция», 2022. – 272 с.
49. Цыганов Д.Д. Размещение информации о деятельности хозяйствующих субъектов в сети «Интернет» в системе юридических фактов // Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и соискателей (Москва, 22 марта, 2024 года). Москва: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. С. 249-253.

State Information Systems: Problems of Legal Regulation and Ways to Solve Them

Konstantin V. Cherkasov

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Legal Disciplines,
Branch of the Russian State University for the Humanities in Domodedovo,
142001, 4/2, Kashirskoe Hwy., Domodedovo, Russian Federation;
Professor of the Department of Administrative, Financial and Information Law,
All-Russian State University of Justice,
117638, 2/1, Azovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: cherkasovkv1978@yandex.ru

Denis D. Tsyganov

Postgraduate Student
Department of Administrative, Financial and Information Law,
All-Russian State University of Justice,
117638, 2/1, Azovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tsyganovdenis97@gmail.com

Abstract

The significant increase in the number of state and other information systems in the context of widespread domestic digitalization predetermines the need to analyze the foundations of their legal regulation and status. Today, there is a need to study the main features of state information systems, determine the content of the definition of a state information system, and identify problems related to the legal regulation of state information systems. The conducted research has made it possible to formulate the conclusion that the existing legal regulation in Russia in the field of functioning of state information systems is not only not optimal, but also has a number of significant shortcomings, which consist of the following: the absence of a proper term "state information system", mixing of terms; difficulties in classifying information systems as state systems, counting the number of information systems, including state ones, assessing and monitoring the effectiveness of state information systems; the difficulty of establishing clear requirements for the disclosure of information about state information systems and insufficient control over their compliance; problems of consumer trust in the information contained in state information systems.

For citation

Cherkasov K.V., Tsyganov D.D. (2026) Gosudarstvennyye informatsionnyye sistemy: problemy pravovogo regulirovaniya i puti ikh resheniya [State Information Systems: Problems of Legal Regulation and Ways to Solve Them]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 259-271. DOI: 10.34670/AR.2026.56.38.029

Keywords

State information system, information system, state register, information, legal regulation, internet, information resource, legal fact.

References

1. Adrianova, M.D., Volokov, D.V., Gulevich, K.D., Keklis, A.Iu., Lisitskaia, S.A., Miniailenko, N.N., Miasnikov, V.V., Panchenko, V.Iu., Poliakov, V.A., Umantsev, N.V., & Tsyganov, D.D. (2023). Iuridicheskie fakty v pravovoi zhizni sovremennoi Rossii: problemy teorii i praktiki: obzor materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kazan', 28 iyunia 2023 goda) [Legal facts in the legal life of modern Russia: problems of theory and practice: a review of materials of the All-Russian scientific-practical conference (Kazan, June 28, 2023)]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 7(4), 166–180.
2. Aktual'nye problemy informatsionnogo prava: uchebnik [Current problems of information law: a textbook]. (2020). (I.L. Bachilo & M.A. Lapina, Eds.) (2nd ed., rev.). Moscow: Iustitsiia.
3. Amelin, R.V. (2018). Pravovye problemy sozdaniia i ispol'zovaniia gosudarstvennykh informatsionnykh sistem [Legal problems of creating and using state information systems]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 13(4), 151–169.
4. Amelin, R.V., & Channov, S.E. (2023). *Evoliutsiia prava pod vozdeistviem tsifrovyykh tekhnologii* [The evolution of law under the influence of digital technologies]. Moscow: Izd-vo NORMA.
5. Analiticheskii doklad «Otsenka otkrytosti gosudarstvennykh informatsionnykh sistem v Rossii», podgotovlennyy Schetnoi palatoi sovместno s ANO «Informatsionnaia kul'tura» i ANO «Tsentr perspektivnykh upravlencheskikh reshenii» [Analytical report "Assessment of the openness of state information systems in Russia", prepared by the Accounts Chamber together with ANO "Information Culture" and ANO "Center for Advanced Management Solutions"]. (n.d.). *Schetnaia palata Rossiiskoi Federatsii* [Accounts Chamber of the Russian Federation]. Retrieved from <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Оценка%20открытости%20государственных%20информационных%20систем%20в%20России.pdf>
6. Afanas'ev, S.D. (2019). Formirovanie natsional'noi sistemy upravleniia dannymi: konstitutsionno-pravovye osnovy [Formation of a national data management system: constitutional and legal foundations]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], (12), 9–14.

7. Beliakova, A.V. (2025). Pravosudie i virtual'noe prostranstvo [Justice and virtual space]. *Pravovaia informatika* [Legal Informatics], (1), 38–49.
8. Bulgakova, E.V. (2016). Metody analiza i printsipy sistematizatsii dannykh, ispol'zuemykh pri podgotovke i priniatii iuridicheskikh reshenii [Methods of analysis and principles of systematization of data used in the preparation and adoption of legal decisions]. *Informatsionnoe pravo* [Information Law], (4), 29–33.
9. Glushakov, A.V., & Lapina, M.A. (2020). Vliianie tsifrovyykh tekhnologii na razvitiye pravovoi platformy sfery publichnykh finansov [The influence of digital technologies on the development of the legal platform of the public finance sphere]. *International Scientific Review*, (LXVI), 64–68.
10. Eremin, S.G. (2022). K voprosu o sovershenstvovanii normativno-pravovogo regulirovaniia sopriazheniia upravleniia dannymi gosudarstvennoi informatsionnoi sistemoi federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti [On the issue of improving the regulatory legal regulation of the alignment of data management of the state information system of federal executive authorities]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], (7), 62–66.
11. Efimova, L.G. (2020). Istochniki pravovogo regulirovaniia obshchestvennykh otnoshenii v kiberprostranstve [Sources of legal regulation of public relations in cyberspace]. *Lex russica*, (3 (160)), 114–120.
12. Zhernova, V.M. (2017). *Pravovoi rezhim informatsionnykh sistem* [Legal regime of information systems] (Abstract of Candidate's dissertation). Cheliabinsk: Iuzh.-Ural. gos. un-t (nats. issled. un-t).
13. Ivanov, I.S. (2020). Pravovye priznaki gosudarstvennoi informatsionnoi sistemy [Legal features of a state information system]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo* [Bulletin of VSU. Series: Law], (2), 179–187.
14. Ivanov, N.Iu. (2024). K voprosu ob istochnikakh pravovogo regulirovaniia vzaimodeistviia kreditnykh organizatsii s gosudarstvennymi informatsionnymi sistemami [On the issue of sources of legal regulation of interaction between credit institutions and state information systems]. *Finansovoe pravo* [Financial Law], (8), 35–38.
15. Ivanov, N.Iu. (2024). Problemy pravovogo regulirovaniia poniatii i otsenki effektivnosti gosudarstvennykh informatsionnykh sistem [Problems of legal regulation of the concept and assessment of the effectiveness of state information systems]. *Iurist* [Jurist], (2), 42–46.
16. Izhaev, O.A., & Kuteinikov, D.L. (2023). Ispol'zovanie informatsii ogranichenogo dostupa, sodержashcheisia v gosudarstvennykh informatsionnykh sistemakh: pravovoe regulirovanie poriadka predostavleniia informatsii tret'im litsam [The use of restricted access information contained in state information systems: legal regulation of the procedure for providing information to third parties]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Current Problems of Russian Law], 18(2 (147)), 61–70.
17. Minbaleev, A.V., & Petrovskaia, O.V. (2022). Problemy realizatsii printsipa dostovernosti informatsii v usloviakh tsifrovoi transformatsii [Problems of implementing the principle of information reliability in the context of digital transformation]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], (4(145)), 20–28.
18. O gosudarstvennoi avtomatizirovannoi informatsionnoi sisteme «Upravlenie» (vmeste s «Polozheniem o gosudarstvennoi avtomatizirovannoi informatsionnoi sisteme «Upravlenie»») [On the state automated information system "Upravlenie" (together with the "Regulations on the state automated information system 'Upravlenie'")]. (2010). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (1), art. 101. (Decree of the Government of the Russian Federation No. 1088 of December 25, 2009).
19. O Gosudarstvennoi avtomatizirovannoi informatsionnoi sisteme «ERA-GLONASS» [On the State Automated Information System "ERA-GLONASS"]. (2013). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (52, part 1), art. 6960. (Federal Law No. 395-FZ of December 28, 2013).
20. O Gosudarstvennoi avtomatizirovannoi sisteme Rossiiskoi Federatsii «Vybory» [On the State Automated System of the Russian Federation "Elections"]. (2003). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (2), art. 172. (Federal Law No. 20-FZ of January 10, 2003).
21. O gosudarstvennoi informatsionnoi sisteme zhilishchno-kommunal'nogo khoziaistva [On the state information system of housing and communal services]. (2014). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (30, part 1), art. 4210. (Federal Law No. 209-FZ of July 21, 2014).
22. O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirita, alkogol'noi i spirtosoderzhashchei produktsii i ob ogranichenii potrebleniia (raspitiia) alkogol'noi produktsii [On state regulation of the production and circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on the restriction of consumption (drinking) of alcoholic products]. (1995). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (48), art. 4553. (Federal Law No. 171-FZ of November 22, 1995).
23. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Informatsionnoe obshchestvo» [On the approval of the state program of the Russian Federation "Information Society"]. (2014). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (18, part 2), art. 2159. (Decree of the Government of the Russian Federation No. 313 of April 15, 2014).
24. Ob utverzhdenii perechnia provaidеров khostinga, predostavliaiushchikh vychislitel'nye moshchnosti dlia razmeshcheniia informatsii v informatsionnoi sisteme, postoianno podkliuchennoi k seti «Internet», operatoram gosudarstvennykh, munitsipal'nykh informatsionnykh sistem, informatsionnykh sistem gosudarstvennykh i munitsipal'nykh unitarnykh predpriatii, gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uchrezhdenii [On the approval of the list

- of hosting providers providing computing power for hosting information in an information system permanently connected to the Internet to operators of state, municipal information systems, information systems of state and municipal unitary enterprises, state and municipal institutions]. (2024). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (42), art. 6271. (Decree of the Government of the Russian Federation No. 2753-r of October 4, 2024).
25. Ob utverzhdenii Polozheniia o gosudarstvennoi avtomatizirovannoi sisteme pravovoi statistiki [On the approval of the Regulations on the state automated system of legal statistics]. (2020). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (52, part 1), art. 8810. (Decree of the Government of the Russian Federation No. 2113 of December 15, 2020).
26. Ob utverzhdenii Poriadka formirovaniia i vedeniia Edinogo federal'nogo reestra svedenii o faktakh deiatel'nosti iuridicheskikh lits i Edinogo federal'nogo reestra svedenii o bankrotstve i Perechnia svedenii, podlezhashchikh vklucheniiu v Edinyi federal'nyi reestr svedenii o bankrotstve [On the approval of the Procedure for the formation and maintenance of the Unified Federal Register of Information on the Facts of Activities of Legal Entities and the Unified Federal Register of Information on Bankruptcy and the List of Information to be Included in the Unified Federal Register of Information on Bankruptcy]. (2013). *Rossiiskaia gazeta*, No. 172, August 7, 2013. (Order of the Ministry of Economic Development of Russia No. 178 of April 5, 2013).
27. Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru). (2025, June 2). No. 0001202506020072.
28. Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru). (2024, February 28). No. 0001202402280003.
29. *Parlamentskaia gazeta* [Parliamentary Newspaper]. (2019, November 15–21). No. 41.
30. Pakhomova, L.M. (2022). Tsifrovizatsiia kontraktnykh otnoshenii: pervye itogi i pravovye probely [Digitalization of contractual relations: first results and legal gaps]. *Pravo i tsifrovaia ekonomika* [Law and Digital Economy], (4), 5–15.
31. Problemy i vyzovy tsifrovogo obshchestva: tendentsii razvitiia pravovogo regulirovaniia tsifrovyykh transformatsii: sb. nauch. tr. po mater. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Saratov, 17–18 oktiabria 2019 g.) [Problems and challenges of the digital society: trends in the development of legal regulation of digital transformations: collection of scientific papers based on the materials of the I International scientific-practical conference (Saratov, October 17–18, 2019)]. (2019). (N.N. Kovaleva, Ed.). Saratov: Izd-vo FGBOU VO "Saratovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaia akademiia".
32. Rudnik, P.B., & Zinina, T.S. (2025). *IT-otrasl': klichevye pokazateli razvitiia za 2019–2024 gg.* [IT industry: key development indicators for 2019–2024]. Retrieved from <https://issek.hse.ru/news/1047754209.html>
33. Ruchkina, G.F. (2020). Sovremennoe sostoianie funktsionirovaniia gosudarstvennykh informatsionnykh sistem: nekotorye voprosy primeneniia elektronnykh tekhnologii v bankovskoi sfere [The current state of functioning of state information systems: some issues of the use of electronic technologies in the banking sector]. *Bankovskoe pravo* [Banking Law], (4), 7–14.
34. Sarapkina, E.N. (2024). Pravovye aspekty tsifrovizatsii pravotvorcheskoi deiatel'nosti organov publichnoi vlasti [Legal aspects of digitalization of law-making activities of public authorities]. *Pravovaia informatika* [Legal Informatics], (3), 188–199.
35. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2001). (33, part 1), art. 3431.
36. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2002). (43), art. 4190.
37. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2006). (31, part 1), art. 3448.
38. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2016). (50), art. 7074.
39. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2017). (20), art. 2901.
40. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2018). (20), art. 2817.
41. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2019). (41), art. 5700.
42. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2025). (12), art. 1324.
43. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2025). (15), art. 1943.
44. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2025). (5), art. 382.
45. Sidorenko, E., Savel'ev, A., Pushkov, A., Yankovskii, R., Chuburkov, A., Dedova, E., Guliaeva, N., Arkhipov, V., Tiul'kanov, A., Bulgakov, I., & Kostyra, A. (2017). Nuzhno li regulirovat' bitcoin? [Is it necessary to regulate bitcoin?]. *Zakon* [Law], (9), 20–30.
46. Tikhomirova, Iu.A., Kichigin, N.V., Tsomartova, F.V., & Bal'khaeva, S.B. (2021). Pravo i tsifrovaia informatsiia [Law

-
- and digital information]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], (2), 4–23.
47. Troian, N.A. (2024). Vliianie tsifrovyykh tekhnologii na protsessy gosudarstvennogo upravleniia [The influence of digital technologies on public administration processes]. *Pravovaia informatika* [Legal Informatics], (3), 180–187.
48. Tsifrovaia sushchnost' finansovogo prava: proshloe, nastoiashchee, budushchee: monografiia [The digital essence of financial law: past, present, future: a monograph]. (2022). (I.I. Kuchеров & N.A. Povetkina, Eds.). Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, ID "Iurisprudentsiia".
49. Tsyganov, D.D. (2024). Razmeshchenie informatsii o deiatel'nosti khoziaistvuiushchikh sub"ektov v seti «Internet» v sisteme iuridicheskikh faktov [Posting information about the activities of economic entities on the Internet in the system of legal facts]. In *Aktual'nye problemy sovremennogo prava v nauchnykh issledovaniakh molodykh uchenykh-iuristov: sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii magistrantov, aspirantov i soiskatelei (Moskva, 22 marta, 2024 goda)* (pp. 249–253). Moscow: Vserossiiskii gosudarstvennyi universitet iustitsii.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.19.83.030

Методика исчисления компенсации за нарушение исключительного права

Чечевичкин Алексей Викторович

Кандидат технических наук, инженер-исследователь,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29Б;
e-mail: chechevichkin_av@spbstu.ru

Аннотация

Статья посвящена разработке методики исчисления компенсации за нарушение исключительного права, проблема определения размера которой является одной из наиболее дискуссионных в современной цивилистике. Цель исследования – выявление путей совершенствования механизма исчисления компенсации на основе анализа существующей правовой базы, судебной практики и доктринальных источников. Автором рассмотрены основные факторы, влияющие на размер компенсации согласно действующему законодательству: необходимость обеспечения разумности и справедливости, характер нарушения и его объем. Проведен анализ эволюции перечня обстоятельств, подлежащих учету судом, выявлена тенденция к его постоянному расширению и детализации, а также заимствованию принципов из иных отраслей права. Установлено, что главной проблемой существующего механизма является отсутствие объективного способа определения объема нарушения, что приводит к размытию границы между компенсацией и убытками. В качестве решения предложена оригинальная методика исчисления компенсации, основанная на формуле, включающей базовое значение (процент от выручки наименьшей из сторон спора) и систему коэффициентов, подразделяемых на обязательные, обязательные при определенном условии и необязательные. Обоснована взаимосвязь предлагаемого подхода с принципами состязательности сторон и независимости судей. Эффективность методики продемонстрирована на примере сопоставления с реальным судебным делом, а также проведено сравнение с алгоритмами, предложенными другими исследователями. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности и правоприменительной практике судов для повышения предсказуемости и обоснованности решений о размере компенсации.

Для цитирования в научных исследованиях

Чечевичкин А.В. Методика исчисления компенсации за нарушение исключительного права // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 272-288. DOI: 10.34670/AR.2026.19.83.030

Ключевые слова

Интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, компенсация, убытки, метод, алгоритм, определение, расчет, предсказуемость, судопроизводство, нарушение, правонарушение, объем, характер.

Введение

В настоящее время количество судебных споров по защите интеллектуальной собственности растет из года в год [Ковалев, 2025], однако не всегда рост количества судебных дел говорит о позитивных процессах в присущей области права [Пржиялговская, 2014]. Судебная система должна обеспечивать предсказуемость судопроизводства в делах по нарушению исключительного права (но без отклонения в сторону прецедентного права [Поляков, 2015]), что является сложной, но важной задачей.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена необходимостью обеспечения постоянного развития и улучшения правовой системы в области интеллектуальной собственности в России. Защита интеллектуальной собственности, в том числе объектов права, связанных с промышленностью, является необходимым условием развития экономики России [Амелина, 2008]. Компенсация, как инструмент воздействия на правонарушителя, является одним из самых значимых элементов института защиты интеллектуальной собственности в России [Новоселова, 2024] и требует постоянного изучения.

Настоящая статья продолжает исследования автора в цикле статей о развитии компенсации в твердом размере за нарушение исключительного права в России (далее – компенсации). Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, возникающие при реализации исключительного права на объект интеллектуальной собственности. Предметом исследования является способ исчисления компенсации. Целью исследования является выявление путей улучшения механизмов регулирования указанных отношений с применением компенсации.

Существующая правовая база

Компенсация в делах по защите прав на интеллектуальную собственность является мерой ответственности правонарушителя перед правообладателем и определена ст. 1301, 1311, 1406.1, 1515 и 1537 ГК РФ.

Размер же компенсации устанавливается судом в диапазонах: за нарушение исключительного права на произведение, на объект смежных прав, и на товарный знак – от 10 до 10 000 тысяч рублей (ст. 1301, 1311 и 1515 ГК РФ); за нарушение исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец – от 50 до 10 000 тысяч рублей (ст. 1406.1 ГК РФ); за незаконное использование географического указания и наименования места происхождения товара – от 10 до 5 000 тысяч рублей (ст. 1537 ГК РФ). Кроме того, компенсация может быть снижена на 50 % относительно указанных минимумов в определенных случаях. Таким образом, суд вправе изменять размер компенсации в очень широком диапазоне (в 2 000 раз).

Критика существующего механизма компенсации регулярно приводится современными авторами. Например, в статье [Новоселова, 2017] Л. А. Новоселова указывает на отсутствие объективных критериев исчисления компенсации, высокую субъективность судебного установления и несоответствие решений судов принципам справедливости и равенства сторон, а в статье [Новоселова, 2024] – на постепенное усложнение механизма компенсации. Н. О. Летина в [Летина, 2019] отмечает, что «методика исчисления размера компенсации в нормативных правовых актах до настоящего времени не определена».

Согласно ст. 1252.1 ГК РФ: «Размер компенсации определяется судом в зависимости от

обстоятельств дела соразмерно объему и характеру нарушения, а также с учетом требований разумности и справедливости».

Таким образом, обобщенными факторами, влияющими на размер компенсации, являются:

- необходимость обеспечения разумности и справедливости;
- характер нарушения;
- объем нарушения.

Рассмотрим более подробно эти факторы:

Обеспечение разумности и справедливости.

М. Н. Дениченко в своей работе [Дениченко, 2014] определяет разумность, как «присущую каждому человеку познавательную способность не только упорядочивать, систематизировать уже имеющиеся знания о вещах и явлениях, но также обнаруживать связь этих вещей и явлений и действовать целесообразно этой связи».

Древнеримский юрист Ульпиан в I веке н.э. дал определение права: «Право есть искусство доброго и справедливого». Р. И. Ситдикова в [Ситдикова, 2013] указывает, что «Справедливость – это не только правовой, но и социальный, моральный и нравственный принцип, отражающий баланс частных и общественных интересов».

В той же работе Р. И. Ситдиковой утверждается, что «с философской точки зрения, необходимость обеспечения судом разумности и справедливости в своих решениях — это не просто юридическая форма, а отражение глубинных нравственных и социальных ценностей человеческого общества. Справедливость — это дух права, его основа, направленная на восстановление равенства и баланса интересов. Разумность — это логика и целесообразность, отражающая поведение разумного человека. Их взаимодополняемость и гармония являются ключом к созданию справедливых, предсказуемых и этически обоснованных судебных решений. Следовательно, философская основа этих принципов делает их не просто правовыми нормами, а важнейшими моральными и этическими ориентирами судебной власти».

Таким образом, разумность подразумевает использование логики (в первую очередь анализа, синтеза, индукции и дедукции) при определении размера компенсации, а справедливость – нацеленность этой логики на обеспечение баланса интересов. Получается, что для способствования «обеспечению разумности и справедливости» определения размера компенсации необходимо (но недостаточно) создать логичный и в достаточной мере строгий механизм ее определения, нацеленный на обеспечение баланса интересов правонарушителя и правообладателя.

Характер нарушения.

Многие авторов [Абдрашитов, 2016; Жданова, 2006; Мычак, 2015] считают, что под характером правонарушения следует понимать его возможный или действительный социальный вред для общества, однако такое утверждение больше относится к публичному или уголовному праву, чем к гражданскому. В гражданском же отношении под характером следует понимать вред не для общества, а для второй стороны таких отношений, причем этот вред не обязательно должен выражаться в сугубо экономической форме.

Согласно утратившему силу Постановлению Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 26.03.2009 № 5/29, его пункту 43.3, существовал перечень обстоятельств, которые суду следовало учитывать при определении размера компенсации, а именно: характер допущенного нарушения; срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности; степень вины нарушителя; наличие ранее совершенных лицом нарушений исключительного права данного правообладателя; вероятные убытки правообладателя.

Согласно действующему Постановлению Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10, а именно пункту 62, существует перечень обстоятельств, которые суду следует учитывать при определении размера компенсации, к которым отнесены: обстоятельства, связанные с объектом нарушенных прав (например, его известность публике); характер допущенного нарушения (в частности, размещен ли товарный знак на товаре самим правообладателем или третьими лицами без его согласия, осуществлено ли воспроизведение экземпляра самим правообладателем или третьими лицами и т.п.); срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации; наличие и степень вины нарушителя (в том числе носило ли нарушение грубый характер, допускалось ли оно неоднократно); вероятные имущественные потери правообладателя; являлось ли использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, права на которые принадлежат другим лицам, существенной частью хозяйственной деятельности нарушителя.

Согласно Обзору судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утвержден Президиумом ВС РФ 29.05.2024), а именно пункту 21, существует другой перечень обстоятельств, которые суду следует учитывать при определении размера компенсации за нарушение исключительного права на объект авторских и (или) смежных прав, неправомерно использованный в сети «Интернет»: данные о посещаемости и доходности сайта, на котором неправомерно использовался этот объект; длительность периода неправомерного использования объекта на сайте; характер деятельности ответчика, в том числе допускалось нарушение однократно или систематически.

Важно отметить, что эти перечни являются открытыми. Суду не запрещено оценивать и другие обстоятельства, которые, по его мнению, важны в рамках рассматриваемого дела. Важно отметить тенденцию к детализации значимых обстоятельств, составляющих характер нарушения, явно следующую из сравнения этих перечней.

Согласно Постановлениям КС РФ от 13.12.2016 № 28-П и от 24.07.2020 № 40-П при определении размера компенсации, когда предполагается, что исчисленная компенсация многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков, следует дополнительно учитывать: организация или индивидуальный предприниматель совершил нарушение; совершил ли он его впервые; являлось ли использование объекта, право на который нарушено, существенной частью его предпринимательской деятельности; носило ли нарушение грубый характер.

Такая практика в отношении индивидуального предпринимателя применяется, даже несмотря на то, что статья 2 ГК РФ характеризует предпринимательскую деятельность как самостоятельную и осуществляемую на свой риск [Радецкая, 2020].

Согласно Постановлению КС РФ от 14.12.2023 № 57-П при определении размера компенсации, когда компенсация уже взыскивалась другим правообладателем, следует дополнительно учитывать: схожесть товарных знаков по прошлому и настоящему нарушению; аффилированность правообладателей таких товарных знаков.

Следует отметить, что ввиду открытого перечня обстоятельств, которые суд может признать значимыми в рамках рассматриваемого дела, часто происходят заимствования принципов права, например:

– из пункта 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» о том, что на размер компенсации (хотя и морального вреда в данном случае) влияет: тяжелое финансовое

положение правонарушителя (дела № А03-8089/2016, 2-2121/2023); инвалидность правонарушителя или его близких родственников (дела № А28-6557/2022, А72-15178/2022, А45-16598/2023, А84-5881/2023); наличие у него лиц на иждивении (дела № А43-32361/2020, А45-16598/2023, А84-5881/2023, А02-667/2024, А68-181/2024).

– из статьи 4.2 КоАП РФ берутся обстоятельства, смягчающие ответственность (хотя и административную в данном случае), например, добровольное прекращение нарушения (дела № А43-32361/2020, А11-5608/2020, А54-7786/2022, А65-4214/2023, А68-181/2024).

– из статьи 14 УК РФ берется оценка общественной опасности последствий нарушения (хотя и уголовного в данном случае, дело № 2-2121/2023).

Интересно отметить, что даже передача правонарушителем контрафактной продукции на благотворительные цели может быть признана значимым обстоятельством (дело № А54-7786/2022). По всей видимости, это происходит по аналогии с п. 2.1 Постановления Пленума ВС РФ № 19 от 27.06.2013, в котором говорится о заглаживании вреда, применительно к ст. 75 УК РФ.

Некоторые авторы отмечают, что важно учитывать такой фактор, как оценка «добросовестности» правонарушителя [Радецкая, 2020].

Таким образом, в законодательстве России существует открытый перечень обстоятельств, которые суду следует учитывать при исчислении размера компенсации, причем этот перечень постоянно расширяется. Иными словами, методология изучения характера нарушения с целью определения размера компенсации в России существует и постоянно развивается, но в настоящее время сильно разрознена. Автор считает необходимым проведение обширных исследований, направленных на детализацию, расширение и структурирование перечня значимых обстоятельств для исчисления размера компенсации, однако данный вопрос выходит за границы темы настоящей статьи.

Объем нарушения.

В работе [Павлова, 2022] группа авторов из сотрудников Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации и Суда по интеллектуальным правам отмечает, что: «Способ расчета суммы компенсации, с одной стороны, не стимулирует нарушителя раскрывать реальные объемы нарушения, с другой, приводит к тому, что внешне расчет компенсации представляется экономически необоснованным (поскольку идея законодателя о том, что правообладатель видит только вершину айсберга (а, следовательно, на самом деле объем нарушения больше, чем видят правообладатель и суд), может не находить подтверждения в доказательствах по делу – основной объем нарушения остается в тени)».

Согласно п. 1 ст. 1252.1 ГК РФ «Компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения. При этом правообладатель, обратившийся за защитой своего права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков». Исходя из этого, любое принуждение правообладателя к доказыванию размера причиненных ему убытков неприемлемо, а компенсация – это не возмещение убытков или части убытков, и даже не возмещение возможных убытков.

Интересно отметить, что при переходе от позиции Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 26.03.2009 № 5/29 к позиции Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 (действующему в настоящее время) изменилась формулировка фактора, затрагивающего «объем нарушения», от «вероятные убытки правообладателя» к «вероятные имущественные потери правообладателя», что говорит в пользу приведенного автором утверждения.

В то же время к подходу, сближающему (а в некоторых случаях почти приравняющему) компенсацию и убытки, часто прибегают, поскольку в настоящее время нет никакого иного способа определить «объем нарушения» [Радецкая, 2020]. С точки зрения автора, в этом заключается главная проблема существующего механизма исчисления компенсации.

Существующий механизм исчисления компенсации

В настоящее время теоретический механизм исчисления компенсации судом сводится к независимой оценке характера нарушения, в соответствии с обстоятельствами, указанными ранее, и оценке объема нарушения, так или иначе связанного с возможными убытками правообладателя.

Важно отметить, что согласно пункту 62 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 компенсация не может быть определена судом выше заявленной правообладателем, однако в примерно 75 % случаев суды снижают компенсацию ниже заявленной [Радецкая, 2020]. Вместе с тем, факт исходного снижения правообладателем заявляемой суммы относительно максимальной в 5 000 тысяч рублей не носит главенствующего характера. В этом случае работа суда сводится к оценке доводов правонарушителя и определению некоего «соломонова» решения, когда и правообладатель, и правонарушитель будут в равной степени не удовлетворены. Многие исследователи справедливо отмечают, что «зачастую суды, пытаясь излишне учесть интересы правонарушителей, допускают ситуацию, когда снижение размера компенсации приводит не только к тому, что говорить о ее штрафной природе вообще бессмысленно, но и к тому, что взыскиваемая компенсация не обеспечивает правообладателю даже восстановление прав, которые были нарушены, а в некоторых случаях и вовсе позволяет правонарушителю извлечь выгоду из своего неправомерного поведения» [Смирнова, 2018].

В своем исследовании [Радецкая, 2020] авторы выделяют следующие проблемы существующего механизма исчисления компенсации:

- часто критерии, согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10, приводятся без какого-либо раскрытия и обоснования применимости к обстоятельствам конкретного спора. Данную тенденцию отразил СИП в Постановлении от 19.09.2017 по делу № А45-16794/2016: «Ограничившись голословным указанием на то, что суд первой инстанции исследовал все имеющиеся в деле доказательства, ... суд апелляционной инстанции самостоятельной оценки вышеназванным доказательствам также не дал ... игнорирование любого элемента мотивировочной части судебного акта даёт повод усомниться в его законности и обоснованности»;

- суды уделяют недостаточное внимание принципу добросовестности, применимому как к правообладателю, так и к правонарушителю;

- часто при определении размера компенсации суды среди прочего учитывают размер понесенных правообладателем убытков. Данная тенденция приводит к стиранию границы между убытками и компенсацией.

По мнению автора, указанные проблемы неизбежны при условии отсутствия методики исчисления размера компенсации в той ситуации, когда имеются только общие «напутствия» относительно того, как суду следует рассуждать в рассматриваемом вопросе.

Предлагаемая методика исчисления компенсации

Объем нарушения.

По мнению автора, в формулировке ГК РФ уже заложен путь решения проблемы определения объема нарушения, поскольку он характеризует не только сам спор правообладателя и правонарушителя, и ту часть объема нарушения, которую видит правообладатель, но и весь объем нарушения, скрытый от взора правообладателя. Остается только как-то охарактеризовать этот полный объем.

По мнению автора, данный объем напрямую связан с относительной крупностью бизнеса правообладателя и правонарушителя. Та сторона спора, объем бизнеса (его выручка, как будет показано далее) которой кратно больше, далее будет условно именоваться «крупной», а вторая сторона соответственно «мелкой».

Мелкий правонарушитель не может совершить большое правонарушение, поскольку у него нет на это ресурсов (производственных мощностей, оборотного капитала и т. п.).

В то же время крупный правонарушитель в свою очередь также не может совершить большое нарушение в отношении мелкого правообладателя, поскольку то большое необоснованное обогащение, которое он получит от нарушения, мелкий правообладатель никак не смог бы получить сам, из-за отсутствия у него на это ресурсов. Взыскание же с крупного правонарушителя такой компенсации, которую мелкий правообладатель бы никогда не заработал при самостоятельном производстве своих товаров, является необоснованным обогащением такого правообладателя. Следует отметить, что выпуск на рынок большого количества товаров с нарушением можно даже рассматривать как рекламу этого товара, при условии, что такой выпуск в дальнейшем будет прекращен правонарушителем, а продолжит его только правообладатель. Некоторые исследователи называют такую ситуацию проблемой «эффективности нарушения» (efficient breach) [Летина, 2019].

Можно возразить, что в рамках данного подхода крупному правонарушителю будет выгодно нарушать права мелкого правообладателя. В данном случае вступает в силу характер нарушения, а именно повторность. По мнению автора, если правонарушение совершается повторно, то при исчислении размера компенсации за него должен быть учтен коэффициент (будет показано далее), сильно превышающий размер компенсации (причем увеличивающийся в геометрической прогрессии с каждым повторным нарушением), а от принципа недопустимости обогащения правообладателя за счет правонарушителя в данном случае можно отступить.

Можно возразить, что возможен случай, когда у мелкого правообладателя крупный правонарушитель отберет очень большой монозаказ, который правообладатель собирался выполнить за счет заемных денег и субподрядчиков. В таком случае, вероятнее всего, правообладателю будут известны многие обстоятельства такого правонарушения (например, из тендерной документации), а потому правообладатель не лишен возможности: во-первых, использовать другие виды компенсации, согласно ст. 1252.1 ГК РФ (назначение компенсации в размере, кратном стоимости контрафактных материальных носителей, или кратном стоимости права использования); во-вторых, взыскать с правонарушителя убытки, согласно ст. 1252 ГК РФ; а в-третьих, привлечь такого правонарушителя к уголовной ответственности, согласно ст. 146, 147 и 180 УК РФ, так как ущерб определенно будет крупным и доказуемым в данном случае.

Крупный правонарушитель по отношению к крупному правообладателю может совершить большое нарушение, поскольку у обеих сторон есть ресурсы для обширной реализации своего

исключительного права.

Таким образом, получается, что объем нарушения зависит от размера наиболее мелкой из сторон спора (правообладателя и правонарушителя).

Можно возразить, что правонарушитель может работать в нескольких отраслях, и выпуск продукции с нарушением чужих исключительных прав – для него малая часть бизнеса. Но для малых предприятий такая ситуация не характерна, они, как правило, выпускают продукцию в одной, достаточно узкой области. А для крупных предприятий, работающих в нескольких отраслях, во-первых, это будет стимулом улучшить работу отдела интеллектуальной собственности (компенсацию малого размера проще будет заплатить, чем внедрять изменения в организации), во-вторых, данный факт может быть учтен в характере нарушения (размер компенсации будет снижен), а в-третьих, сработает верхняя граница размера компенсации, которая для крупного предприятия не является такой уж большой.

В данном случае важно отметить, что границы размера компенсации от 10 до 10 000 тысяч рублей хорошо дополняют приведенный подход, поскольку они не дают возможности не слишком сильно снизить размер компенсации в случае мелкого правообладателя или правонарушителя, ни чрезмерно его завесить, когда и правообладатель, и правонарушитель являются крупными предприятиями.

Важно отметить, что вышеприведенные рассуждения справедливы в первую очередь для производственного и торгового бизнеса, использующего товарные знаки, наименования мест происхождения и патенты. Владельцы же объектов авторского права не лишены возможности использовать другие виды компенсации, согласно ст. 1252.1 ГК РФ, а именно: назначение компенсации в размере, кратном стоимости контрафактных материальных носителей, или кратном стоимости права использования.

Автор предлагает следующую методику исчисления размера компенсации:

Предлагается следующая формула исчисления:

$$P = B \times K_{o1} \times K_{o2} \times \dots \times K_{oi} \times K_{y1} \times K_{y2} \times \dots \times K_{yi} \times K_{n1} \times K_{n2} \times \dots \times K_{ni}$$

где: P – размер компенсации; B – базовое значение; K_{o1} , K_{o2} , K_{oi} – обязательные коэффициенты; K_{y1} , K_{y2} , K_{yi} – коэффициенты обязательные при определенном условии; K_{n1} , K_{n2} , K_{ni} – необязательные коэффициенты.

Базовое значение (B) для исчисления высчитывается как утвержденный процент от выручки наименьшей из выручек правообладателя и правонарушителя за год, в котором произошло правонарушение, или за год, предшествующий правонарушению. Выручка за год, предшествующий правонарушению, применима, если на момент подачи искового заявления информация о выручке за год, в котором произошло правонарушение, еще не опубликована. Однако это не типичный случай, поскольку правообладатель всегда может подождать несколько месяцев перед подачей искового заявления (срок исковой давности по таким спорам составляет 3 года, согласно ст. 196 ГК РФ).

Согласно п. 5 Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» № 9/99: «Выручка – это доходы от обычных видов деятельности (от продажи продукции и товаров, поступления, связанные с выполнением работ, оказанием услуг)». Использование именно выручки за год, в котором произошло правонарушение, вызвано тем, что этот экономический показатель, во-первых, присущ любой организации и индивидуальному предпринимателю, а во-

вторых, он передается в ФНС. Данные о выручке организаций находятся в свободном доступе в сети Интернет и могут быть без труда получены правообладателем при оценке возможной компенсации. Данные о выручке индивидуального предпринимателя открыто не публикуются, однако могут быть примерно оценены правообладателем, запрошены правообладателем у правонарушителя в ходе претензионного порядка или получены в рамках судебного запроса при рассмотрении дела в первой судебной инстанции.

Интересно отметить, что процент от выручки (хотя и не полной, а только от части бизнеса правонарушителя, затрагивающего используемый объект права) был признан пригодным для исчисления компенсации в «Методике определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю ...» (Постановление Правительства РФ от 18.10.2021 № 1767). Данная методика лишь косвенно связана с настоящим исследованием, поскольку рассматривает компенсацию, когда «правонарушителем» является государство и само определяет компенсацию правообладателю, то есть относится к публичному праву. Тожественный подход к компенсации в гражданском праве неприменим, поскольку в данном виде права невозможно определение компенсации судом исключительно по данным, предоставленным одной из сторон.

Определение размера процента должно быть осуществлено экспертной группой (ввиду необходимости соблюдения принципа разумности и справедливости) при рассмотрении закона о внедрении предлагаемой автором методики исчисления размера компенсации. Автор, по своему скромному мнению, считает, что размер процента должен быть близок к значению 1,0. Причем процент может быть заложен дифференцированным, как больший для малых правообладателей и правонарушителей и меньший для крупных правообладателей и правонарушителей, так и наоборот. Возможно дифференцирование процента в зависимости от отрасли правообладателя и правонарушителя по причине того, что доходность в разных отраслях промышленности сильно различается [Сорокин, 2017]. Например, повышенный процент рационально ввести в отношении правообладателей, не ведущих производственную и торговую деятельность, а получающих только роялти с имеющихся у них объектов права, ввиду того что их выручка близка к их прибыли.

Базовое значение (Б) умножается на ряд коэффициентов (К). Каждый из этих коэффициентов имеет значение 1,0 при неизвестности или незначимости обстоятельств, которые он описывает. В таком случае количество коэффициентов, оцененных в рамках каждого когерентного судебного дела, может быть не одинаково. Сами же коэффициенты следует поделить на «обязательные», «обязательные при определенном условии» и «необязательные». Каждый коэффициент (К), в зависимости от присущих ему обстоятельств нарушения, может принимать значения как больше 1,0, так и меньше 1,0. Причем в отношении некоторых обстоятельств подразумевается только его повышение (например, повторность нарушения, которая должна быть указана правообладателем), а в отношении других – только его понижение (например, наличие у правонарушителя – индивидуального предпринимателя и физических лиц, что должно быть указано правонарушителем).

Важно отметить, что при законодательном определении экспертной группой размер процента косвенно взаимосвязан с коэффициентами, поскольку при увеличенном проценте коэффициенты должны тяготеть к снижению результата расчета, а в случае сниженного процента – наоборот.

«Обязательные» коэффициенты» (K_o) – это те, которые, во-первых, должны охарактеризовать правообладателя и правонарушителя, а во-вторых, должен оценить суд.

Перечень этих коэффициентов может быть принят, в том числе, согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10.

«Обязательные при определенном условии» (Ку) коэффициенты также должны быть охарактеризованы правообладателем и правонарушителем и оценены судом, но только при указанных условиях. Например, если правонарушение совершил индивидуальный предприниматель, то перечень таких коэффициентов может быть принят, в том числе, согласно Постановлениям КС РФ от 13.12.2016 № 28-П и от 24.07.2020 № 40-П.

Перечень и значения «обязательных» и «обязательных при определенном условии» коэффициентов должны быть законодательно утверждены.

Необходимость введения «необязательных» коэффициентов (Кн) связана с тем, что в настоящее время ни один из законодательных актов, характеризующих значимые обстоятельства для определения размера компенсации, не представляет собой закрытый перечень. Таким образом, с одной стороны, нельзя ограничивать возможность суда учесть другие обстоятельства, а с другой – нельзя допускать немотивированную их оценку. Необязательные коэффициенты должны быть учтены при исчислении компенсации только при условии, что хотя бы одна из сторон спора о них заявляет (состязательность спора, при которой суд не может сам устанавливать не заявленные сторонами коэффициенты). Например, наличие у правонарушителя иждивенцев (о чем правообладатель на момент направления претензии знать не может) хоть и нигде явно не указано как значимое обстоятельство при определении размера компенсации, но часто применяется судами.

Результат такого умножения – базовое значение на каждый из коэффициентов – и есть исчисленный размер компенсации (Р).

Можно возразить, что правонарушитель может заявить, что, по его мнению, в рамках рассматриваемого дела необходимо применить необязательный коэффициент, равный 0,001 (им выдуманный), условно сводящийся, например, к тому, что «правообладатель – плохой человек», это сразу сводит исчисленный размер компенсации к минимуму. В таком случае необходимость учета такого коэффициента должны установить суды первой, а затем апелляционной инстанции. И если суды обеих инстанций согласятся с тем, что «правообладатель – действительно плохой человек», то такой коэффициент и минимальный размер компенсации – справедливы в данном конкретном споре. Зеркальная ситуация может сложиться и с повышающим коэффициентом, измышленным правообладателем. Важно, что в любом из этих случаев суд может отвергнуть все необязательные коэффициенты, измышленные сторонами.

Следует отметить особенности применения предлагаемой методики при множественности правообладателей или правонарушителей. По мнению автора, при определении базового значения (Б) их выручки должны складываться и приниматься как общая выручка, что обеспечит увеличение размера компенсации. Определение же коэффициентов (К) значительно не изменится, за исключением возможности введения коэффициентов «обязательных при определенном условии» и «необязательных» для такого случая. Однако более глубокий анализ этого вопроса выходит за границы темы настоящей статьи.

Пример исчисления размера компенсации на основе судебного дела № А56-75477/2021, которое вел автор.

Исходные сведения.

Предмет нарушения – чужой товарный знак на интернет-сайте. Правообладатель и правонарушитель – ООО, занимающиеся производством и конкурирующие более 10 лет на узком товарном рынке. Правонарушитель в 2017 году уже нарушал права правообладателя на

товарный знак.

Базовое значение.

Правонарушение было совершено в июле 2020 года, исковое заявление подано в августе 2021 года. По открытым сведениям в сети Интернет, в 2020 году выручка правообладателя составила 53 650 тысяч рублей, а правонарушителя составила 264 575 тысяч рублей. Таким образом, базовое значение (Б) составит $53\,650 \text{ тысяч рублей} / 100 \% \times 1,0 \% = 536 \text{ тысяч рублей}$ (размер процента взят как 1,0 для примера).

Коэффициенты.

Обязательные:

$K_{01} = 1,2$ – обстоятельства, связанные с объектом нарушенных прав (например, его известность публике). Вариативность значения: 0,8 – объект совсем недавно был зарегистрирован и его известность публике не доказана; 1,0 – объект был зарегистрирован давно, но его известность публике не доказана, или объектом совсем недавно был зарегистрирован, но его известность публике доказана, или неизвестно; 1,2 – объект был зарегистрирован давно, и его известность публике доказана.

$K_{02} = 1,5$ – характер допущенного нарушения (в частности, размещен ли товарный знак на товаре самим правообладателем или третьими лицами без его согласия, осуществлено ли воспроизведение экземпляра самим правообладателем или третьими лицами и т. п.). Вариативность значения: 0,5 – правообладатель участвовал; 1,0 – неизвестно; 1,5 – правообладатель не участвовал.

$K_{03} = 1,0$ – срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Вариативность значения: 0,8 – менее 7 дней; 1,0 – от 7 дней до 6 месяцев или неизвестно; 1,2 – более 6 месяцев.

$K_{04} = 1,5$ – наличие и степень вины нарушителя (в том числе носило ли нарушение грубый характер, допускалось ли оно неоднократно). Вариативность значения: 1,0 – правонарушитель ранее не нарушал чужих прав или неизвестно; 1,2 – правонарушитель ранее нарушал чужие права; 1,5 – правонарушитель ранее нарушал права того же правообладателя.

$K_{05} = 1,0$ – вероятные имущественные потери правообладателя. Вариативность значения: 0,5 – доказано низкие; 1,0 – неизвестно; 1,5 – доказано высокие.

$K_{06} = 1,2$ – являлось ли использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, права на которые принадлежат другим лицам, существенной частью хозяйственной деятельности нарушителя. Вариативность значения: 0,8 – доказано, что нет; 1,0 – неизвестно; 1,2 – доказано, что да.

Обязательные при определенном условии: нет.

Необязательные: нет.

Для примера, присущие обстоятельства взяты строго согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10, хотя автор находит такой подход не лучшим. Автор считает законодательно утвержденные в настоящее время перечни значимых обстоятельств для определения размера компенсации правильными по сути, но недостаточно детализированными. Все приведенные автором вариативности значений не претендуют на объективность и приведены лишь для примера. Решение о разумности и справедливости той или иной вариативности значения должно приниматься экспертной группой после подробного изучения сущности каждого обстоятельства в принятой формулировке.

Исчисление размера компенсации (Р).

Применим формулу

$P = B \times K_{O1} \times K_{O2} \times K_{O3} \times K_{O4} \times K_{O5} \times K_{O6} = 536 \text{ тысяч рублей} \times 1,2 \times 1,5 \times 1,0 \times 1,5 \times 1,0 \times 1,2 = 1\,736 \text{ тысяч рублей.}$

Таким образом, рассчитанная компенсация составит 1 736 тысяч рублей, в то время как в реальном судебном деле № А56-75477/2021 суд полностью удовлетворил требования истца на 1 000 тысяч рублей.

Важно отметить, что если бы правонарушителем был индивидуальный предприниматель, то размер компенсации был бы намного меньше, во-первых, по причине меньшей выручки, чем у правообладателя, а во-вторых, за счет применения понижающих коэффициентов, «обязательных при определенном условии».

Сравнение предлагаемой методики с алгоритмами других авторов

В 2025 году, независимо от автора настоящей статьи, М. И. Благин (в статье [Благин, 2025]) и В. А. Прохоровым (в статье [Прохоров, 2025]), были представлены алгоритмы расчета компенсации, внешне похожие на предлагаемую автором методику, но существенно от нее отличающиеся.

Методика, предложенная автором, и алгоритмы М. И. Благина и В. А. Прохорова расходятся в обоих важнейших аспектах, а именно:

– М. И. Благин предлагает за базовое значение (необходимый множитель, измеряемый в рублях) принимать максимальный предел размера компенсации в 5 000 тысяч рублей с последующим умножением его на понижающие коэффициенты, а В. А. Прохоров – предлагает принимать минимальный предел размера компенсации в 10 тысяч рублей с последующим умножением его на повышающие коэффициенты. Автор считает, что данные пределы не являются размером компенсации за самое мелкое и самое крупное нарушение любого правонарушителя, а являются лишь границами применения механизма компенсации в российской правовой системе. Автор же предлагает применять базовое значение, непосредственно зависящее от фактических возможностей конкретного правообладателя и правонарушителя.

– В обеих работах предлагается введение закрытого перечня коэффициентов, а следовательно и закрытого перечня значимых обстоятельств правонарушения. Автор считает такой подход неприемлемым, поскольку он противоречит главному принципу компенсации в российской правовой системе, а именно тому, что суд вправе учитывать любые обстоятельства правонарушения. Предложенный в обеих работах подход превращает существующую в российском праве компенсацию во что-то абсолютно иное. Автор же предлагает использовать произвольное количество коэффициентов (часть из которых обязательные, часть – нет), каждый из которых при его неизвестности или неиспользовании судом не изменяет значение размера компенсации, так как равен значению 1,0.

Вопрос о необходимости инфляционной индексации размера компенсации, предлагаемой в обеих работах, автор считает непосредственно не относящимся к методу ее исчисления, а отдельным вопросом, сводящимся к вопросу необходимости обеспечения естественного снижения пределов компенсации и возможности лишь законодательного их увеличения.

Следует отметить, что факт появления за короткое время двух алгоритмов, помимо методики автора, говорит об интересе научного сообщества к вопросу, рассматриваемому в данной статье. Однако более глубокий анализ и мотивированная критика алгоритмов данных авторов выходят за границы темы настоящей статьи.

Реализация предлагаемой методики

Методика, предложенная в настоящей статье, является частью предлагаемых автором изменений механизма компенсации, раскрытие которых выходит за рамки настоящей статьи. Важнейшими положениями измененного механизма, кроме необходимости самой методики исчисления, является введение обязанности для правообладателя и правонарушителя использовать ее при реализации претензионного порядка. В результате этого суд первой инстанции будет получать стандартизированные сведения о характере и объеме нарушения, причем как по мнению правообладателя, так и по мнению правонарушителя.

«Обязательные» и «обязательные при определенном условии» коэффициенты должны быть в обязательном порядке описаны сторонами спора и оценены судом. Перечень этих коэффициентов и их значения должны быть законодательно утверждены. «Необязательные» коэффициенты являются дискуссионными, стороны должны убедить суд в необходимости их применения. Следовательно, суд может их использовать по своему внутреннему убеждению. Такие «необязательные» коэффициенты, обсуждаемые в научных исследованиях, постепенно могут переходить в разряд «обязательных».

Суд первой инстанции, кроме установления факта самого нарушения, должен будет сравнить результаты расчетов, сделанные правообладателем и правонарушителем, и по внутреннему убеждению, но мотивированно и по каждой части, определить те части расчета, в которых правообладатель и правонарушитель не согласны.

Суд апелляционной инстанции, кроме проверки существования факта нарушения, проверяет соответствие тех частей расчета, по которым правообладатель и правонарушитель согласны, а также факт мотивированности установления судом первой инстанции тех частей, по которым стороны не согласны между собой. В случае выявления нарушений в решении суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции выносит постановление, в котором оценка частей расчета может отличаться от оценки судом первой инстанции.

Суд кассационной инстанции не проверяет результат определения судами первой и апелляционной инстанции базового значения компенсации и коэффициентов, но проверяет факт мотивированной оценки каждого из них по отдельности. В случае отсутствия мотивированной оценки по какой-либо из частей, суд отправляет дело на новое рассмотрение в апелляционную инстанцию.

Предложенная методика хорошо учитывает принцип состязательности сторон, согласно ст. 9 АПК РФ. Важность этого принципа применительно к определению размера компенсации за нарушение исключительного права отмечалась в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.01.2018 № 305-ЭС17-16920 и 305-ЭС17-14355. А в определении СКЭС ВС РФ от 17.05.2019 № 305-ЭС19-36 подход был развит далее: суды не должны снижать размер компенсации по своей инициативе в отсутствие ходатайства ответчика.

Предложенная методика, при условии принятия ее на уровне Федерального закона, не нарушает принципа независимости судей, согласно ст. 5 АПК РФ, поскольку не нарушает принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, согласно ст. 71 АПК РФ, а лишь способствует всестороннему, полному и объективному их исследованию.

Можно возразить, что предлагаемая методика усложнит для сторон и суда механизм определения компенсации, что некоторые авторы [Новоселова, 2024] считают негативным обстоятельством. С одной стороны, ввиду того, что, как было показано ранее, количество государственно утвержденных значимых обстоятельств нарушения постоянно растет,

несомненно, происходит и усложнение механизма определения размера компенсации. С другой стороны, эта проблема может быть исправлена внедрением в судебную систему высокоавтоматизированных компьютерных систем, которые будут анализировать предоставленные правообладателем и правонарушителем частично стандартизованные сведения о правонарушении, сопоставлять их и выдавать судье результат такого сопоставления, дифференцированный в соответствии с перечнем коэффициентов. Такой принцип автоматизации не нарушает независимость судей, поскольку не принимает за них решение, а является лишь справочной системой. Применение данных систем будет помогать судье «не только упорядочивать, систематизировать уже имеющиеся знания о вещах и явлениях, но также обнаруживать связь этих вещей и явлений и действовать целесообразно этой связи» [Дениченко, 2014], что приведет к увеличению «разумности» судебных решений. Однако более глубокое рассмотрение данного вопроса выходит за границы темы настоящей статьи.

Заключение

Выявлено, что отсутствие механизма определения объема правонарушения и разрозненность значимых обстоятельств, характеризующих его характер, приводят к размытию границы между убытками и компенсацией за нарушение исключительного права, что не дает возможности с приемлемой точностью устанавливать размер компенсации. Предложенный в статье путь решения данной проблемы, выраженный во введении методики исчисления размера компенсации, практичен, универсален и не нарушает основ функционирования судебной системы. В результате внедрения предлагаемой методики повысится общая предсказуемость судопроизводства в делах по нарушению исключительного права, причем без отклонения в сторону прецедентного права. Суду станет проще соблюсти тонкую грань между экономической рациональностью защиты своего права правообладателем и чрезмерным его обогащением. Реализация предложенного пути принесет несомненную пользу институту защиты исключительного права в целом. Увеличение эффективности механизма компенсации в области защиты объектов исключительного права – большая и разносторонняя задача, требующая обширных исследований. В настоящей статье рассмотрена лишь одна ее часть, связанная с методикой исчисления размера компенсации.

Библиография

1. Абдрашитов Р. Х., Евстигнеев Э. А. Характер нарушения исключительного права на произведение как основание для определения размера компенсации: подходы российской судебной практики // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 12. С. 88–96.
2. Амелина О. Ю. Защита интеллектуальной собственности как фактор экономического роста // Вестник тамбовского университета. серия: Гуманитарные науки. 2008. № 5 (61). С. 27–32.
3. Благин М. И. Алгоритм расчета компенсации за нарушение интеллектуальных прав: на стыке судебной практики и аналитики данных // Вопросы российского и международного права. 2025. № 3-1 (15). С. 306–319.
4. Дениченко М. Н. Определение понятия «разумность» как оценочной категории в гражданском праве Российской Федерации // Научные труды Sworld. 2014. № 3 (22). С. 58–61.
5. Жданова А. Н. Характер административного правонарушения и индивидуализация ответственности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27). С. 110–112.
6. Ковалев С. Д. Прогноз динамики судебных дел в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 303–305.
7. Летина Н. О. О проблеме правовой природы компенсации в качестве способа гражданско-правовой защиты интеллектуальных авторских прав // Научное и образовательное пространство: перспективы развития. 2019. С. 100–105.

8. Мычак Т. В. К вопросу о понятии, признаках и сущности правонарушения в российском праве // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 26. С. 127–132.
9. Новоселова Л. А. Компенсация за нарушение исключительных прав: основные тенденции развития // Вестник ФИПС. 2024. № 3 (9). С. 220–231.
10. Новоселова Л. А. О механизме компенсации за нарушение исключительных прав // Хозяйство и право. 2017. № 3 (487). С. 3–17.
11. Павлова Е. А., Калятин В. О., Корнеев В. А., Радецкая М. В., Евстигнеев Э. А., Кольздорф М. А., Туркина А. Е., Спиридонова Н. Б. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав часть 1 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 152–190.
12. Поляков С. Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex Russica (Русский закон). 2015. № 3 (100). С. 28–42.
13. Пржиялговская И. С. Увеличение количества судебных споров и рост судебной нагрузки // Современная наука. 2014. № 1. С. 33–55.
14. Прохоров В. А. Формула расчёта компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. 2025. № 4 (35). С. 707–713.
15. Радецкая М. В., Туркина А. Е. Обзор судебной практики по вопросу взыскания компенсации за нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 27. С. 5–40.
16. Ситдикова Р. И. Философская категория «справедливость» в авторском праве // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 1. С. 184–186.
17. Смирнова Е. А., Шишанова А. А. Проблемы определения размера компенсации за нарушение исключительного права // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 3. С. 13–24.
18. Сорокин А. В. Межотраслевая конкуренция и образование средней нормы прибыли как предпосылка реиндустриализации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2017. С. 22–39.

Method for Calculating Compensation for Violation of an Exclusive Right

Aleksei V. Chechevichkin

PhD in Technical Sciences, Research Engineer,
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
195251, 29B, Politekhnikeskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: chechevichkin_av@spbstu.ru

Abstract

The article is devoted to the development of a method for calculating compensation for the violation of an exclusive right, the issue of determining the amount of which is one of the most debated in modern civil law. The purpose of the study is to identify ways to improve the mechanism for calculating compensation based on the analysis of the existing legal framework, judicial practice, and doctrinal sources. The author examines the main factors influencing the amount of compensation under current legislation: the need to ensure reasonableness and fairness, the nature of the violation and its extent. An analysis of the evolution of the list of circumstances to be taken into account by the court is carried out, revealing a tendency towards their constant expansion and detailing, as well as the borrowing of principles from other branches of law. It is established that the main problem of the existing mechanism is the absence of an objective method for determining the extent of the violation, which leads to a blurring of the boundary between compensation and damages. As a solution, an original method for calculating compensation is proposed, based on a formula that includes a base value (a percentage of the revenue of the smaller party to the dispute) and a system of coefficients, subdivided into mandatory, mandatory under a certain condition, and optional. The

interrelation of the proposed approach with the principles of adversarial proceedings and judicial independence is substantiated. The effectiveness of the method is demonstrated by comparing it with an actual court case, and a comparison is also made with algorithms proposed by other researchers. The results of the study can be used in lawmaking activities and law enforcement practice of courts to increase the predictability and validity of decisions on the amount of compensation.

For citation

Chechevichkin A.V. (2026) Metodika ischisleniya kompensatsii za narushenie isklyuchitel'no go prava [Method for Calculating Compensation for Violation of an Exclusive Right]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 272-288. DOI: 10.34670/AR.2026.19.83.030

Keywords

Intellectual rights, intellectual property, compensation, damages, method, algorithm, determination, calculation, predictability, legal proceedings, violation, offense, volume, nature.

References

1. Abdrashitov, R. Kh., Evstigneev, E. A. (2016) Kharakter narusheniya isklyuchitel'nogo prava na proizvedenie kak osnovanie dlya opredeleniya razmera kompensatsii: podkhody rossiyskoy sudebnoy praktiki [The nature of exclusive right infringement as a basis for determining the amount of compensation: approaches of Russian judicial practice]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* [Journal of the Court for Intellectual Rights]. № 12. Pp. 88–96.
2. Amelina, O. Yu. (2008) Zashchita intellektual'noy sobstvennosti kak faktor ekonomicheskogo rosta [Protection of intellectual property as a factor of economic growth]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities]. № 5 (61). Pp. 27–32.
3. Blagin, M. I. (2025) Algoritm rascheta kompensatsii za narushenie intellektual'nykh prav: na styke sudebnoy praktiki i analitiki dannykh [Algorithm for calculating compensation for infringement of intellectual rights: at the intersection of judicial practice and data analytics]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International Law]. № 3-1 (15). Pp. 306–319.
4. Denichenko, M. N. (2014) Opredelenie ponyatiya «razumnost'» kak otsenочноy kategorii v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii [Definition of the concept of «reasonableness» as an evaluative category in the civil law of the Russian Federation]. *Nauchnye trudy Sworld* [Scientific Works of Sworld]. № 3 (22). Pp. 58–61.
5. Zhdanova, A. N. (2006) Kharakter administrativnogo pravonarusheniya i individualizatsiya otvetstvennosti [The nature of an administrative offense and individualization of liability]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement]. № 3 (27). Pp. 110–112.
6. Kovalev, S. D. (2025) Prognoz dinamiki sudebnykh del v sfere intellektual'noy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii [Forecast of the dynamics of intellectual property court cases in the Russian Federation]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law]. № 3. Pp. 303–305.
7. Letina, N. O. (2019) O probleme pravovoy prirody kompensatsii v kachestve sposoba grazhdansko-pravovoy zashchity intellektual'nykh avtorskikh prav [On the problem of the legal nature of compensation as a method of civil protection of intellectual copyright]. In: *Nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: perspektivy razvitiya* [Scientific and Educational Space: Development Prospects]. Pp. 100–105.
8. Mychak, T. V. (2015) K voprosu o ponyatii, priznakakh i sushchnosti pravonarusheniya v rossiyskom prave [On the concept, features and essence of an offense in Russian law]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve* [Legality and Legal Order in Modern Society]. № 26. Pp. 127–132.
9. Novoselova, L. A. (2024) Kompensatsiya za narushenie isklyuchitel'nykh prav: osnovnye tendentsii razvitiya [Compensation for infringement of exclusive rights: main development trends]. *Vestnik FIPS* [FIPS Bulletin]. № 3 (9). Pp. 220–231.
10. Novoselova, L. A. (2017) O mekhanizme kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nykh prav [On the mechanism of compensation for infringement of exclusive rights]. *Khozyaystvo i pravo* [Business and Law]. № 3 (487). Pp. 3–17.
11. Pavlova, E. A., Kalyatin, V. O., Korneev, V. A., Radetskaya, M. V., Evstigneev, E. A., Kol'z Dorf, M. A., Turkina, A. E., Spiridonova, N. B. (2022) Kompensatsiya kak mera otvetstvennosti za narushenie isklyuchitel'nykh prav chast' 1 [Compensation as a measure of liability for infringement of exclusive rights part 1]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* [Journal of the Court for Intellectual Rights]. № 2 (36). Pp. 152–190.

12. Polyakov, S. B. (2015) Sudebnyy pretsedent v rossii: forma prava ili proizvola? [Judicial precedent in Russia: a form of law or arbitrariness?]. *Lex Russica* [Russian Law]. № 3 (100). Pp. 28–42.
13. Przhyyalgovskaya, I. S. (2014) Uvelichenie kolichestva sudebnykh sporov i rost sudebnoy nagruzki [Increase in the number of court disputes and growth of judicial workload]. *Sovremennaya nauka* [Modern Science]. № 1. Pp. 33–55.
14. Prokhorov, V. A. (2025) Formula rascheta kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nogo prava na tovarnyy znak [Formula for calculating compensation for infringement of the exclusive right to a trademark]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law]. № 4 (35). Pp. 707–713.
15. Radetskaya, M. V., Turkina, A. E. (2020) Obzor sudebnoy praktiki po voprosu vyzskaniya kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nogo prava na rezultat intellektual'noy deyatel'nosti ili sredstvo individualizatsii [Review of judicial practice on the issue of recovering compensation for infringement of the exclusive right to a result of intellectual activity or a means of individualization]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* [Journal of the Court for Intellectual Rights]. № 27. Pp. 5–40.
16. Sitdikova, R. I. (2013) Filosofskaya kategoriya «spravedlivost» v avtorskom prave [The philosophical category of «justice» in copyright law]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economics, Law and Sociology]. № 1. Pp. 184–186.
17. Smimova, E. A., Shishanova, A. A. (2018) Problemy opredeleniya razmera kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nogo prava [Problems of determining the amount of compensation for infringement of an exclusive right]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'* [Intellectual Property. Industrial Property]. № 3. Pp. 13–24.
18. Sorokin, A. V. (2017) Mezhotraslevaya konkurentsia i obrazovanie sredney normy pribyli kak predposylka reindustrializatsii [Intersectoral competition and the formation of an average rate of profit as a prerequisite for reindustrialization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Moscow University Economics Bulletin]. Pp. 22–39.

УДК 34:47

DOI: 10.34670/AR.2026.29.58.031

**Совершенствование механизмов судебной защиты
имущественных интересов работников в системе трудового права
Российской Федерации**

Ковязин Виталий Викторович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
МИРЭА — Российский технологический университет,
филиал в г. Ставрополе,
355035, Российская Федерация, Ставрополь, пр-т Кулакова, 2;
e-mail: kovyazinu.2019@mail.ru

Бычко Марина Алексеевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: marina.bichko@yandex.ru

Богатырева Аминат Тамерлановна

Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
МИРЭА — Российский технологический университет,
филиал в г. Ставрополе,
355035, Российская Федерация, Ставрополь, пр-т Кулакова, 2;
e-mail: Bogatyreva.amina@mail.ru

Аннотация

Статья раскрывает системные дефекты судебной защиты имущественных интересов работников в российском трудовом праве, исходя из структурной асимметрии экономической власти сторон и обусловленной ею уязвимости наемного персонала. На материале современной практики показано, что ключевые риски концентрируются вокруг манипулятивной «премиальной» архитектуры оплаты труда и депремирования, формалистического применения сроков обращения за защитой, а также доказывания неофициальных выплат, где доступ к корпоративной документации и цифровым следам распределен неравномерно. Критически анализируется тенденция смещения трудовых компенсаций с гражданско-правовыми конструкциями, включая снижение выплат за задержку заработка и догматическую путаницу между индексацией и компенсацией, что в совокупности ослабляет восстановительную и превентивную функции ответственности. Отдельно освещаются проблемы номинальности компенсации морального вреда, неэффективности обеспечительных мер, уязвимости требований работников при

банкротстве и сложности квалификации скрытых трудовых отношений в условиях платформенной занятости. Обосновывается необходимость переориентации судебного усмотрения на принцип благоприятствования работнику при неустранимых сомнениях, перераспределения бремени доказывания, нормативного учета переговоров о погашении долга для сроков обращения, а также институциональных решений — от алгоритмизации компенсаций до гарантийных фондов и расширения механизмов привлечения бенефициаров к ответственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ковязин В.В., Бычко М.А., Богатырева А.Т. Совершенствование механизмов судебной защиты имущественных интересов работников в системе трудового права Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 289-300. DOI: 10.34670/AR.2026.29.58.031

Ключевые слова

Судебная защита, имущественные интересы работников, оплата труда и депремирование, бремя доказывания, сроки обращения в суд, компенсация морального вреда, банкротство работодателя.

Введение

Институциональная природа трудового правоотношения исторически зиждется на глубоком экономическом неравенстве его субъектов, где продажа способности к труду выступает для работника единственным легитимным способом обеспечения физиологического и социального выживания. Специфика синаллагматической связи между трудом и капиталом обуславливает перманентную уязвимость материальной сферы наемного персонала, поскольку работодатель, концентрируя в своих руках средства производства и финансовые потоки, обладает широким инструментарием для одностороннего изменения условий оплаты, задержки выплат или неправомерного применения депремирования. Подобная асимметрия требует создания мощного противовеса в виде государственных юрисдикционных механизмов [Кораблина, 2011], способных нивелировать произвол экономически сильной стороны. Судебная инстанция в этом контексте перестает быть просто органом разрешения споров, трансформируясь в ключевой элемент поддержания социального мира, от эффективности работы которого зависит не только благосостояние конкретных домохозяйств, но и макроэкономическая стабильность в масштабах всего государства. Сложность правоприменительной практики в данной сфере усугубляется тем, что многие спорные ситуации возникают на стыке трудового, гражданского и корпоративного законодательства, требуя от судейского корпуса не шаблонного подхода, а глубокого догматического осмысления каждого казуса. Доктринальное толкование пределов судейского усмотрения при разрешении дел о взыскании недоимки по заработной плате до сих пор вызывает острые дискуссии в академической среде.

Эволюция правовых подходов к защите имущественных интересов в сфере наемного труда свидетельствует о постепенном отходе от жесткого формализма в сторону более гибкой оценки фактических обстоятельств. Законодатель, конструируя нормы материального права, зачастую оставляет существенные пробелы, которые заполняются исключительно посредством прецедентной практики высших судебных инстанций. Возникающие коллизии между

императивными предписаниями Трудового кодекса и диспозитивными условиями локальных нормативных актов корпораций требуют выработки четких критериев справедливости [Халиков, 2006], ориентированных на защиту слабой стороны. Работник, вступая в судебный процесс, априори находится в процессуально невыгодном положении из-за отсутствия доступа к внутренней документации предприятия, сложностей с доказыванием реального размера «серой» заработной платы и страха перед потенциальным увольнением. Эти факторы диктуют необходимость смещения бремени доказывания по определенным категориям дел на плечи работодателя, что уже находит свое отражение в новейших актах конституционного правосудия. Правоприменитель все чаще вынужден выходить за рамки буквального прочтения закона, применяя телеологическое толкование для восстановления нарушенного баланса интересов.

Формирование единообразной практики затрудняется также региональной спецификой и разным уровнем квалификации судей судов общей юрисдикции, которые нередко применяют нормы гражданского права к трудовым отношениям, игнорируя публично-правовой элемент последних. Узкоцивилистический подход к оценке договоров о материальной ответственности или соглашений о неконкуренции приводит к вынесению решений, легализующих скрытые формы экономического принуждения [Коробченко, 2002], что прямо противоречит духу социального государства. Специфика рассмотрения дел о компенсации морального вреда, причиненного невыплатой заработка, демонстрирует глубокий консерватизм системы, которая склонна минимизировать присуждаемые суммы, лишая данный институт превентивной функции. Глубокое погружение в проблематику реализации охранительной функции права позволяет выявить латентные дефекты процессуального механизма, препятствующие полноценной реституции имущественных прав. Обозначенные барьеры требуют не точечного латания дыр, а концептуального пересмотра роли суда в трудовом конфликте.

Материалы и методы исследования

Эмпирический фундамент настоящей работы формировался на основе скрупулезного сбора и систематизации актов судебных инстанций различного уровня, охватывающих временной горизонт последнего десятилетия. В основу аналитической базы легли более восьмисот решений районных судов, апелляционных и кассационных определений судов общей юрисдикции, а также постановления и определения Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся споров об оплате труда, незаконных удержаниях, привлечении к материальной ответственности и оспаривании локальных актов, ухудшающих экономическое положение персонала. Для обеспечения репрезентативности выборки извлекались материалы из банков данных судебной практики различных федеральных округов, что позволило нивелировать региональные искажения и выявить общефедеральные тренды [Кауров, 1998], характеризующие эволюцию правосознания правоприменителя. Массив изученных дел подвергнулся многоуровневой фильтрации для отсеивания тривиальных исков и концентрации на прецедентных казусах, содержащих нестандартную аргументацию сторон.

Методологическая оптика базируется на комплексном использовании формально-юридического, сравнительно-правового и герменевтического подходов к интерпретации правовых текстов. Особое внимание уделялось деконструкции мотивировочных частей судебных актов с целью выявления скрытых догматических установок, которыми руководствуются судьи при вынесении решений в условиях неочевидности правового

регулирования. Инструментарий системного анализа применялся для оценки корреляции между изменениями в материальном праве и динамикой удовлетворения исковых требований [Суханов, 2023], а также для понимания того, как разъяснения высших инстанций экстраполируются на низовой уровень. Метод правового моделирования использовался для реконструкции логики законодателя и оценки потенциальных последствий внедрения новых презумпций в гражданский процесс по трудовым спорам.

Источниковая база не ограничивается исключительно правоприменительными актами, включая в себя обширный пласт доктринальных трудов, монографических исследований и статей в рецензируемых юридических изданиях. Изучение теоретических конструкций, предложенных ведущими специалистами в области трудового права и гражданского процесса, обеспечило необходимую глубину концептуального осмысления практических проблем [Мурзин, 1998], переведя дискуссию из плоскости простого перечисления ошибок в сферу поиска фундаментальных причин дисфункции правовых институтов. Привлечение статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ позволило оценить масштабы явления и подтвердить гипотезы о латентных барьерах, препятствующих работникам обращаться за судебной защитой.

Важнейшим элементом методологии стала оценка решений Конституционного Суда Российской Федерации, которые в последние годы задают совершенно новый вектор понимания пределов экономической власти работодателя. Именно через призму конституционно-правового истолкования отраслевых норм проводилась верификация справедливости сложившихся в судах общей юрисдикции алгоритмов рассмотрения дел о взыскании премиальных выплат и индексации задержанных сумм. Подобный многомерный подход обеспечивает высокую степень объективности и позволяет выстроить стройную теорию трансформации защитных механизмов.

Результаты и обсуждение

Глубинная трансформация подходов к разрешению споров об оплате труда неразрывно связана с осознанием судами фиктивности равенства сторон при заключении трудового договора. Жесткая привязка уровня дохода работника к сложной системе локальных нормативных актов создает питательную среду для злоупотреблений со стороны менеджмента, когда значительная часть заработка переводится в категорию так называемых стимулирующих выплат, лишенных свойства гарантированности. Правоприменительная практика долгие годы шла по пути формального признания права работодателя произвольно лишать сотрудника премии при наличии малейшего дисциплинарного проступка, что фактически приводило к двойному наказанию и грубому нарушению имущественных интересов [Сапфинова, 2009], превращая премию из инструмента мотивации в дубинку для подавления недовольства. Лишь в недавнем времени наметился догматический сдвиг, инициированный конституционным правосудием, который обязал суды общей юрисдикции исследовать соразмерность депремирования тяжести совершенного проступка, разрушив порочную презумпцию абсолютной свободы усмотрения нанимателя в вопросах материального поощрения.

Серьезным камнем преткновения остается процессуальная конструкция сроков обращения за судебной защитой, закрепленная в статье 392 Трудового кодекса. Установленный годичный срок по спорам о невыплате заработной платы, несмотря на его кажущуюся продолжительность, на практике часто становится непреодолимым барьером из-за тактики затягивания, активно

применяемой недобросовестными работодателями. Обещания погасить долг в добровольном порядке, подписание фиктивных графиков реструктуризации задолженности усыпляют бдительность работников, которые в итоге пропускают установленные законом сроки, а суды, руководствуясь формальным подходом, массово отказывают в их восстановлении [Сапфинова, 2008], ссылаясь на отсутствие тяжелых заболеваний или иных исключительных обстоятельств. Это порождает парадоксальную ситуацию, при которой сам факт признания долга работодателем не прерывает течение процессуального срока, в отличие от норм классического гражданского права.

Особого внимания заслуживает специфика доказывания по делам о взыскании «серой» заработной платы, где бремя доказывания неофициальных договоренностей ложится на плечи экономически слабой стороны. Работники вынуждены собирать косвенные доказательства, начиная от скриншотов переписок в мессенджерах и заканчивая аудиозаписями разговоров с бухгалтерией, которые суды зачастую неохотно приобщают к материалам дела, ссылаясь на нарушение тайны связи или ненадлежащий способ фиксации. Тем не менее, передовая практика начинает признавать допустимость таких цифровых следов, формируя новые стандарты электронного доказывания [Сапфинова, 2008a], позволяющие восстановить реальную картину экономических взаимоотношений. Важным индикатором здесь выступают размещенные работодателем вакансии на рекрутинговых порталах, где указывается истинный размер вознаграждения, существенно превышающий суммы, фигурирующие в официальных приказах о приеме на работу.

Институт материальной ответственности работодателя за задержку выплат, предусмотренный статьей 236 Трудового кодекса, долгие годы оставался декоративным из-за ничтожно малого размера законной неустойки, которая не компенсировала даже инфляционные потери, не говоря уже о штрафной функции. Законодательные изменения, увеличившие размер процентов, лишь частично смягчили проблему, поскольку суды нередко применяют положения статьи 333 Гражданского кодекса для снижения этой суммы по ходатайству ответчика, что является грубой догматической ошибкой, смешивающей природу гражданско-правовой неустойки и трудовой компенсации. Специфические данные, изложенные в аналитической таблице по делам данной категории, прямо указывают на то, что судьи часто игнорируют императивный характер данных выплат [Кочнева, 2012], воспринимая их как избыточную финансовую нагрузку на бизнес, особенно в периоды экономических кризисов. Этот патерналистский настрой по отношению к корпоративному сектору подрывает саму суть защитного механизма.

Сложной и противоречивой остается практика по делам о возмещении морального вреда, причиненного нарушением имущественных прав работника. Правовая природа таких страданий вытекает из невозможности обеспечить базовые потребности семьи ввиду отсутствия средств к существованию, однако российские суды продолжают присуждать символические суммы, не превышающие нескольких тысяч рублей. Отсутствие внятных методических рекомендаций или формул расчета приводит к субъективизму, когда схожие нарушения в соседних регионах оцениваются судами с разницей на порядок [Ершов, 1992], что девальвирует институт компенсации и не создает у недобросовестного работодателя экономических стимулов для правомерного поведения. Попытки истцов привязать размер морального вреда к сумме удержанного долга или ключевой ставке Центрального банка стабильно отвергаются правоприменителем как не основанные на законе.

Механизм индексации присужденных, но своевременно не выплаченных сумм также

демонстрирует серьезные сбои при столкновении с реальностью исполнительного производства. Процедура получения соответствующего судебного определения требует от работника повторного прохождения бюрократических кругов, что само по себе является сдерживающим фактором. При этом суды зачастую путают индексацию как механизм восстановления покупательной способности денег с компенсацией за задержку выплаты [Степанов, 2025], отказывая в удовлетворении требований под предлогом недопустимости двойной ответственности. Эта терминологическая и догматическая путаница лишает кредитора-работника возможности полноценно защитить свой капитал от инфляционных процессов, растянутых во времени из-за бездействия судебных приставов.

Проблема квалификации гражданско-правовых договоров как фактически скрывающих трудовые отношения продолжает оставаться одной из самых острых в контексте защиты имущественных интересов. Платформенная занятость и массовое вовлечение граждан в статус самозанятых создали серую зону, где лица, фактически подчиняющиеся правилам внутреннего трудового распорядка и графику сменности, лишаются права на оплачиваемые отпуска, больничные и гарантии при увольнении. Судебная практика по признанию таких отношений трудовыми развивается крайне тяжело, требуя от истца доказывания всей совокупности признаков, закрепленных в статье 15 Трудового кодекса [Миронова, 2007], тогда как работодатели используют изощренные юридические конструкции для камуфлирования подчиненности. В этом контексте презумпция наличия трудовых отношений, декларируемая высшими инстанциями, на уровне районных судов часто разбивается о формально безупречные тексты договоров подряда.

Взыскание задолженности в условиях банкротства работодателя обнажает полную незащищенность работника перед лицом корпоративных структур, выводящих активы в преддверии несостоятельности. Несмотря на привилегированную вторую очередь удовлетворения требований по заработной плате, реальный процент погашения долгов перед персоналом остается катастрофически низким из-за отсутствия в конкурсной массе ликвидного имущества. Попытки арбитражных управляющих оспорить сделки по выплате премий топ-менеджменту в преддверии банкротства иногда увенчиваются успехом, однако эти средства редко доходят до рядовых сотрудников [Хныкин, 2010], растворяясь в текущих расходах на проведение самой процедуры банкротства. Идея создания специализированных гарантийных фондов, функционирующих по принципу страхования вкладов, активно обсуждается в академической среде, но пока не находит поддержки у законодателя, оставляя этот сектор без реального финансового обеспечения.

Интересным аспектом является судебная практика по делам об удержаниях из заработной платы, производимых по инициативе работодателя для погашения неизрасходованных авансов или в порядке возмещения материального ущерба. Статья 137 Трудового кодекса содержит исчерпывающий перечень оснований для таких действий, однако наниматели часто маскируют незаконные удержания под счетные ошибки или пытаются провести их через механизм добровольного согласия работника, написанного под давлением. Суды в таких случаях должны тщательно исследовать природу волеизъявления и проверять соблюдение жестких лимитов, установленных законодательством [Передерин, 1996], однако зачастую ограничиваются проверкой формального наличия подписи на заявлении. Это свидетельствует о нежелании правоприменителя вникать в психологические аспекты подчиненности, которые делают понятие «добровольности» в трудовых отношениях весьма условным.

Процессуальный инструментарий обеспечения иска в трудовых спорах применяется судами

крайне неохотно, что позволяет недобросовестным ответчикам беспрепятственно выводить средства со счетов в период судебного разбирательства. Ходатайства работников о наложении ареста на имущество компании отклоняются под предлогом нарушения баланса интересов и угрозы остановки хозяйственной деятельности предприятия. Подобный правовой пуризм приводит к тому, что вынесенное в пользу работника решение превращается в юридическую фикцию, не обеспеченную реальным экономическим содержанием. Отказ от широкого применения обеспечительных мер демонстрирует системный перекос в сторону защиты интересов капитала, игнорируя тот факт, что для наемного сотрудника задержка взыскания равносильна социальной катастрофе.

В делах о восстановлении на работе и взыскании оплаты за время вынужденного прогула суды сталкиваются с необходимостью расчета среднего заработка, что открывает широкое поле для манипуляций со стороны бухгалтерии ответчика. Исключение из расчетной базы определенных видов премий или надбавок способно существенно занижить итоговую сумму, подлежащую выплате. Сложность проверки правильности расчетов требует привлечения специалистов или назначения судебно-бухгалтерских экспертиз, оплата которых ложится непосильным бременем на работника. В таких ситуациях суд обязан проявлять процессуальную активность, истребуя первичную документацию и самостоятельно перепроверяя алгоритмы начисления, однако загруженность аппарата часто приводит к некритичному восприятию справок, представленных работодателем, что прямо ущемляет имущественную сферу истца.

Тенденция к цифровизации кадрового делопроизводства порождает новые вызовы для судебной системы при оценке доказательств. Внедрение электронных цифровых подписей и корпоративных порталов для ознакомления с приказами лишает работника возможности доказать факт изменения текста документа задним числом. В спорах о снижении размера заработной платы вследствие изменения организационных или технологических условий труда (статья 74 Трудового кодекса) работодатели предоставляют логи систем, подтверждающие якобы своевременное уведомление персонала. Суды пока не выработали устойчивых алгоритмов проверки подлинности таких цифровых следов, часто отклоняя ходатайства о проведении компьютерно-технической экспертизы из-за отсутствия специальных познаний.

Вопросы материальной ответственности самих работников перед работодателем также неразрывно связаны с защитой их имущественных интересов, поскольку незаконное взыскание ущерба способно загнать человека в долговую яму. Судебная практика полна примеров, когда на рядовых продавцов или кладовщиков пытаются возложить полную коллективную ответственность за недостатки, образовавшиеся из-за отсутствия нормальной системы охраны или неправильной организации бизнес-процессов. Изучение материалов дел показывает, что суды все чаще встают на сторону персонала, требуя от нанимателя безупречного соблюдения процедуры проведения инвентаризации и доказывания прямой причинно-следственной связи между действиями конкретного лица и возникшим ущербом. Отказ во взыскании ввиду неисполнения работодателем обязанности по обеспечению сохранности вверенного имущества становится мощным превентивным инструментом.

Особый пласт проблем формируется вокруг выплат выходных пособий при расторжении трудового договора по соглашению сторон. Практика так называемых «золотых парашютов» долгое время вызвала отторжение у судов, которые квалифицировали такие выплаты как злоупотребление правом, отказывая в их взыскании даже при наличии прямого указания в соглашении. Однако постепенная эволюция правовой мысли привела к дифференциации подходов: если для топ-менеджмента компаний с государственным участием были введены

жесткие законодательные ограничения, то для рядовых сотрудников суды стали признавать легитимность договорных компенсаций как справедливой платы за отказ от гарантий при сокращении штата. Разграничение этих ситуаций требует тонкой оценки экономической целесообразности действий сторон на момент подписания документа.

Догматическое осмысление всей совокупности процессуальных и материальных аспектов рассмотрения трудовых споров приводит к пониманию необходимости кардинальной смены парадигмы. Государство в лице судебной власти не может занимать позицию отстраненного арбитра в конфликте между корпорацией и индивидом, зависящим от нее финансово и организационно. Внедрение принципа фавора (благоприятствования) работнику при разрешении неустраимых сомнений в доказательственной базе должно стать не исключением, а общим правилом, пронизывающим весь процесс правоприменения. Только при условии смещения оптического фокуса в сторону защиты слабой стороны возможно выравнивание дисбаланса, заложенного в самой природе наемного труда, и обеспечение подлинной, а не декларативной реализации конституционного права на справедливое вознаграждение.

Выводы

Анализ многовекторной правоприменительной реальности обнажает фундаментальное противоречие между буквой закона, декларирующей равенство субъектов права, и духом трудовых отношений, пронизанных экономической зависимостью и субординацией. Судебная инстанция, будучи последним рубежом обороны имущественных прав наемного персонала, зачастую оказывается скована архаичными процессуальными догмами и узкоцивилистическим толкованием норм, что препятствует вынесению решений, отвечающих критериям высшей социальной справедливости. Очевидна потребность в серьезной ревизии подходов к распределению бремени доказывания, где на работодателя должна возлагаться безусловная обязанность документального опровержения доводов истца о наличии задолженности, скрытых формах занятости или незаконном депремировании.

Существующая нормативная база, в частности положения, регламентирующие сроки обращения за судебной защитой, требует концептуальной перенастройки, направленной на блокирование возможностей злоупотребления правом со стороны корпоративных структур. Прерывание течения сроков исковой давности фактом ведения переговоров о погашении долга или частичной выплатой должно быть закреплено на уровне императивных предписаний, исключая дискрецию судей в оценке уважительности причин пропуска. Параллельно с этим необходима жесткая алгоритмизация расчета компенсации морального вреда, которая переведет этот институт из разряда символических утешений в категорию эффективных экономических санкций, делающих нарушение прав персонала финансово невыгодным для бизнеса.

Защита имущественной сферы работника в условиях банкротства предприятия остается слепым пятном российской правовой системы, требующим выхода за рамки традиционных процедур несостоятельности. Доктрина снятия корпоративной вуали, позволяющая привлекать к субсидиарной ответственности бенефициаров бизнеса по долгам перед персоналом, должна получить широкое распространение в практике судов общей юрисдикции, а не оставаться экзотическим инструментом арбитражных судов. Институционализация механизмов гарантийных фондов на государственном уровне могла бы нивелировать риски потери заработка при полном отсутствии активов у ликвидируемого юридического лица, перенеся

бремя социальных издержек с плеч конкретной семьи на систему консолидированного страхования.

Процессуальная архитектура рассмотрения трудовых споров нуждается во внедрении специфических институтов обеспечения иска, работающих в автоматическом режиме при принятии заявления о взыскании заработной платы к производству. Моментальная блокировка части средств на расчетных счетах ответчика в пределах заявленных требований гарантировала бы исполнимость будущего решения и исключала бы практику вывода капитала в офшорные зоны или аффилированные структуры в период судебного разбирательства. Такая жесткость процессуального принуждения абсолютно оправдана публично-правовой природой права на вознаграждение за труд, которое имеет приоритет перед текущими коммерческими интересами корпорации.

Трансформация правоприменительной парадигмы невозможна без глубинного изменения профессионального правосознания судейского корпуса, который должен воспринимать трудовое право не как придаток гражданского законодательства, а как самостоятельную отрасль с ярко выраженной социальной доминантой. Лишь признание судом объективной невозможности формального равенства сторон в трудовом договоре откроет путь к созданию истинно эффективных механизмов защиты, где правовые нормы будут служить надежным щитом от экономической эксплуатации, обеспечивая стабильность и уверенность граждан в завтрашнем дне. Построение справедливой системы координат в этой области является краеугольным камнем правового государства, способного защитить тех, кто своим ежедневным трудом создает национальное богатство.

Библиография

1. Ершов В.В. Защита трудовых прав работников в процессе расторжения трудового договора по инициативе администрации // Человек и труд. 1992. № 1. С. 106-111.
2. Кауров В.Г. Проблемы защиты интересов работника по трудовому праву России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 2 (221). С. 113-122.
3. Короблина О.В. Проблемы судебной защиты трудовых прав работников // Судебный вестник. 2011. № 4 (28). С. 61-65.
4. Коробченко В.В. Защита трудовых прав и интересов работников // Журнал российского права. 2002. № 12 (72). С. 59-67.
5. Кочнева К.С. Государственная защита права работников на охрану труда в России // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2012. № 2 (9). С. 10-15.
6. Миронова А.Н. Трудовое законодательство РФ и судебная защита трудовых прав работников // Право и государство: теория и практика. 2007. № 5 (29). С. 44-48.
7. Мурзин Н.В. Проблема правовой защиты интересов работодателя // Российский юридический журнал. 1998. № 3 (19). С. 139-146.
8. Передерин С.В. Правовая защита трудовых прав работников в условиях перехода к рыночным отношениям // Правовая наука и реформа юридического образования. 1996. № 6. С. 203-217.
9. Сафирова А.А. Способы защиты трудовых прав, свобод и правовых интересов в сфере труда внесудебными органами государства // Трудовое право. 2008. № 8. С. 80-89.
10. Сафирова А.А. Современные направления совершенствования компетенции Федеральной инспекции труда в области защиты трудовых прав и законных интересов в сфере труда // Социальное и пенсионное право. 2008. № 2. С. 39-43.
11. Сафирова А.А. Некоторые вопросы защиты законных интересов работников и работодателей // Трудовое право. 2009. № 6. С. 1-7.
12. Степанов А.С. Роль корпоративной культуры и организационного климата в успешном функционировании технологий мотивации и стимулирования трудовой деятельности персонала // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 11. С. 89-99.
13. Суханов А.Ю. Судебная защита коллективных интересов в трудовом праве зарубежных стран: теоретико-правовой аспект // Наукосфера. 2023. № 11-1. С. 359-362.

14. Халиков В.Р. Защита трудовых прав как новый институт трудового права Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 72-74.
15. Хныкин Г.В. Некоторые аспекты защиты прав и законных интересов работников и работодателей от законодателя // Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 20-23.

Improving Mechanisms for Judicial Protection of Employees' Property Interests in the System of Labor Law of the Russian Federation

Vitalii V. Kovyazin

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
MIREA — Russian Technological University, Stavropol Branch,
355035, 2, Kulakova ave., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: kovyazinu.2019@mail.ru

Marina A. Bychko

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
North Caucasus Federal University,
355017, 1, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: marina.bichko@yandex.ru

Aminat T. Bogatyreva

Senior Lecturer, Department of Civil Law Disciplines,
MIREA — Russian Technological University, Stavropol Branch,
355035, 2, Kulakova ave., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: Bogatyreva.amina@mail.ru

Abstract

The article reveals systemic defects in the judicial protection of employees' property interests in Russian labor law, based on the structural asymmetry of the economic power of the parties and the vulnerability of hired personnel resulting from it. Drawing on contemporary practice, it is shown that key risks are concentrated around the manipulative "bonus" architecture of remuneration and bonus deprivation, the formalistic application of deadlines for seeking protection, as well as the proving of unofficial payments, where access to corporate documentation and digital traces is distributed unevenly. The tendency to confuse labor compensation with civil law constructs is critically analyzed, including the reduction of payments for delayed wages and the dogmatic confusion between indexation and compensation, which together weaken the restorative and preventive functions of liability. Separate attention is given to the problems of the nominal nature of compensation for moral harm, the ineffectiveness of interim measures, the vulnerability of employees' claims in bankruptcy, and the difficulty of qualifying hidden labor relations in the context of platform employment. The necessity is substantiated for reorienting judicial discretion

towards the principle of favoring the employee in case of irremovable doubts, redistributing the burden of proof, taking into account negotiations on debt repayment for deadlines, as well as institutional solutions — from algorithmic compensation to guarantee funds and expanding mechanisms for holding beneficiaries accountable.

For citation

Kovyazin V.V., Bychko M.A., Bogatyreva A.T. (2026) Sovershenstvovaniye mekhanizmov sudebnoy zashchity imushchestvennykh interesov rabotnikov v sisteme trudovogo prava Rossiyskoy Federatsii [Improving Mechanisms for Judicial Protection of Employees' Property Interests in the System of Labor Law of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 289-300. DOI: 10.34670/AR.2026.29.58.031

Keywords

Judicial protection, property interests of employees, remuneration and bonus deprivation, burden of proof, deadlines for filing a lawsuit, compensation for moral harm, employer bankruptcy.

References

1. Ershov, V.V. (1992). Zashchita trudovykh prav rabotnikov v protsesse rastorzheniya trudovogo dogovora po initsiative administratsii [Protection of Employee Labor Rights in the Process of Termination of an Employment Contract on the Initiative of the Administration]. *Chelovek i trud*, (1), 106-111.
2. Kaurov, V.G. (1998). Problemy zashchity interesov rabotnika po trudovomu pravu Rossii [Problems of Protecting the Interests of an Employee under the Labor Law of Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, (2), 113-122.
3. Khalikov, V.R. (2006). Zashchita trudovykh prav kak novyy institut trudovogo prava Rossiyskoy Federatsii [Protection of Labor Rights as a New Institution of Labor Law of the Russian Federation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 72-74.
4. Khnykin, G.V. (2010). Nekotoryye aspekty zashchity prav i zakonnykh interesov rabotnikov i rabotodateley ot zakonodatelya [Some Aspects of Protecting the Rights and Legitimate Interests of Employees and Employers from the Legislator]. *Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom*, (1), 20-23.
5. Kochneva, K.S. (2012). Gosudarstvennaya zashchita prava rabotnikov na okhranu truda v Rossii [State Protection of Workers' Rights to Occupational Safety in Russia]. *EGO: Ekonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo*, (2), 10-15.
6. Korablina, O.V. (2011). Problemy sudebnoy zashchity trudovykh prav rabotnikov [Problems of Judicial Protection of Employees' Labor Rights]. *Sudebnyy vestnik*, (4), 61-65.
7. Korobchenko, V.V. (2002). Zashchita trudovykh prav i interesov rabotnikov [Protection of Labor Rights and Interests of Employees]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (12), 59-67.
8. Mironova, A.N. (2007). Trudovoye zakonodatel'stvo RF i sudebnaya zashchita trudovykh prav rabotnikov [Labor Legislation of the Russian Federation and Judicial Protection of Employee Labor Rights]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (5), 44-48.
9. Murzin, N.V. (1998). Problema pravovoy zashchity interesov rabotodatelaya [The Problem of Legal Protection of Employer's Interests]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (3), 139-146.
10. Perederin, S.V. (1996). Pravovaya zashchita trudovykh prav rabotnikov v usloviyakh perekhoda k rynochnym otnosheniyam [Legal Protection of Workers' Labor Rights in the Conditions of Transition to Market Relations]. *Pravovaya nauka i reforma yuridicheskogo obrazovaniya*, (6), 203-217.
11. Sapfirova, A.A. (2008a). Sposoby zashchity trudovykh prav, svobod i pravovykh interesov v sfere truda vnesudebnymi organami gosudarstva [Methods of Protecting Labor Rights, Freedoms and Legal Interests in the Sphere of Labor by Extrajudicial Bodies of the State]. *Trudovoye pravo*, (8), 80-89.
12. Sapfirova, A.A. (2008b). Sovremennyye napravleniya sovershenstvovaniya kompetentsii Federalnoy inspeksii truda v oblasti zashchity trudovykh prav i zakonnykh interesov v sfere truda [Modern Directions of Improving the Competence of the Federal Labor Inspectorate in the Field of Protection of Labor Rights and Legitimate Interests in the Field of Labor]. *Sotsialnoye i pensionnoye pravo*, (2), 39-43.
13. Sapfirova, A.A. (2009). Nekotoryye voprosy zashchity zakonnykh interesov rabotnikov i rabotodateley [Some Issues of Protecting the Legal Interests of Employees and Employers]. *Trudovoye pravo*, (6), 1-7.

14. Stepanov, A.S. (2025). Rol korporativnoy kultury i organizatsionnogo klimata v uspeshnom funktsionirovanii tekhnologiy motivatsii i stimulirovaniya trudovoy deyatel'nosti personala [The Role of Corporate Culture and Organizational Climate in the Successful Functioning of Technologies for Motivating and Stimulating Staff Work]. Akademicheskii issledovatel'skiy zhurnal, *3*(11), 89-99.
15. Sukhanov, A.Yu. (2023). Sudebnaya zashchita kollektivnykh interesov v trudovom prave zarubezhnykh stran: teoretiko-pravovoy aspekt [Judicial Protection of Collective Interests in the Labor Law of Foreign Countries: A Theoretical and Legal Aspect]. Naukosfera, (11-1), 359-362.

УДК 33.1

DOI: 10.34670/AR.2026.92.92.032

Защита личных прав работников в трудовом праве через государственный надзор и судебные механизмы реализации

Быкодорова Анджела Федоровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Ставропольский институт кооперации (филиал)
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
355035, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Голенева, 36;
e-mail: baf@stavkrai.ru

Богатырева Аминат Тамерлановна

Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
МИРЭА — Российский технологический университет,
филиал в г. Ставрополе,
355035, Российская Федерация, Ставрополь, пр-т Кулакова, 2;
e-mail: Bogatyreva.amina@mail.ru

Аннотация

Проанализированы механизмы защиты личных неимущественных прав работника в условиях субординации и институционального неравенства сторон трудового договора, с акцентом на конституционные гарантии достоинства личности и неприкосновенности частной жизни. Показано, что действующее трудовое законодательство не содержит системного института охраны чести, достоинства, деловой репутации и приватности работника, вследствие чего правоприменение опирается на межотраслевые конструкции, порождающие фрагментарность подходов и коллизионность решений. Существенное внимание уделено цифровизации управления персоналом: мониторингу корпоративных коммуникаций, DLP-системам, видеонаблюдению, удаленному контролю и внедрению биометрических пропускных режимов; выявлены риски подмены управленческих прерогатив фактической «перлюстрацией» и принуждением к согласию на обработку данных. Обоснована институциональная ограниченность государственного надзора: риск-ориентированная профилактика и доктринально суженная компетенция инспекции труда снижает оперативность реагирования на сложные нарушения, включая моббинг и скрытую дискриминацию. Судебная защита характеризуется трудностями доказывания психологического давления и неоднородностью оценки электронных доказательств; критически оценена практика символических компенсаций морального вреда, ослабляющая превентивный эффект ответственности. Сформулированы ориентиры модернизации: уточнение границ допустимого контроля, укрепление процессуальных гарантий слабой стороны и согласование публично-правовых и частноправовых средств восстановления нарушенных благ.

Для цитирования в научных исследованиях

Быкодорова А.Ф., Богатырева А.Т. Защита личных прав работников в трудовом праве через государственный надзор и судебные механизмы реализации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 301-311. DOI: 10.34670/AR.2026.92.92.032

Ключевые слова

Защита личных прав работников, государственный надзор, судебная защита, цифровой контроль работодателя, персональные данные работников, моббинг, компенсация морального вреда.

Введение

Конституционная парадигма обеспечения достоинства личности формирует фундаментальную основу для отраслевого регулирования неимущественных отношений, возникающих в процессе применения наемного труда. Специфика трудового правоотношения, характеризующаяся институциональным неравенством сторон и хозяйской властью работодателя, объективно создает предпосылки для потенциального ущемления личных прав гражданина. Традиционно отечественная цивилистика и наука трудового права концентрировали свое внимание преимущественно на материальных аспектах взаимодействия сторон, оставляя вопросы защиты чести, достоинства, деловой репутации и неприкосновенности частной жизни работника на периферии правового осмысления. Трансформация социально-экономических укладов и тотальная цифровизация производственных процессов обнажили глубинные пробелы в механизмах охраны личного пространства субъектов трудовой деятельности [Передерин, 1998], что требует формирования качественно новых подходов к пониманию пределов осуществления работодателем своих управленческих прерогатив. Смещение фокуса с исключительно имущественных интересов на личность трудящегося обуславливает необходимость переосмысления всей архитектуры защитных механизмов, заложенных в действующем законодательстве.

Дуалистическая природа трудового права, сочетающая в себе частноправовые и публично-правовые начала, предопределяет сложность конструирования эффективной модели защиты неимущественных прав. Субординационный характер труда предполагает ограничение личной свободы работника в период выполнения им трудовой функции, однако такое ограничение не может и не должно экстраполироваться на его неотчуждаемые нематериальные блага. Теоретическая конструкция личных неимущественных прав в трудовом праве все еще находится в стадии своего становления, сталкиваясь с серьезным сопротивлением правоприменительной среды, привыкшей оперировать исключительно категориями заработной платы, рабочего времени и дисциплинарной ответственности [Передерин, 1998]. Интеграция межотраслевых институтов защиты чести и достоинства в ткань трудовых правоотношений сопровождается существенными коллизиями [Абузярова, 1998], поскольку общие нормы гражданского законодательства не всегда способны адекватно отразить специфику зависимого положения работника. Юридическая уязвимость субъекта труда усиливается отсутствием в кодифицированном акте исчерпывающего перечня личных прав, подлежащих самостоятельной охране вне связи с материальными притязаниями.

Концептуальное изменение модели государственного контроля в сфере труда

сопровождается переходом от карательной направленности к риск-ориентированному и превентивному подходам, что непосредственным образом сказывается на качестве защиты личных прав. Государственная инспекция труда, выступая ключевым агентом публичного надзора, сталкивается с концептуальной неопределенностью пределов своего вмешательства в индивидуальные разногласия сторон [Ершов, 1992], особенно когда речь заходит об оценочных категориях морального вреда или дискриминации. Демаркационная линия между компетенцией органов федерального надзора и полномочиями судебных инстанций по рассмотрению индивидуальных трудовых споров остается размытой, генерируя многочисленные юрисдикционные конфликты. Рассмотрение вопросов защиты персональных данных, противодействия психологическому давлению и защиты от необоснованного видеонаблюдения на рабочих местах требует выработки единого, внутренне непротиворечивого алгоритма действий как для инспекторского состава, так и для судейского корпуса.

Материалы и методы исследования

Догматический фундамент предпринятого научного поиска базируется на комплексном анализе положений Конституции Российской Федерации, Трудового кодекса, Федерального закона «О персональных данных», процессуального законодательства и массива подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих осуществление федерального государственного контроля. Для обеспечения репрезентативности выводов была сформирована обширная эмпирическая база, включающая материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции кассационного и апелляционного звеньев за последние пять лет. В предметную область изучения вошли свыше трехсот судебных постановлений, затрагивающих вопросы компенсации морального вреда, оспаривания дисциплинарных взысканий, сопряженных с умалением чести и достоинства, а также споры о правомерности использования работодателями систем контроля за поведением персонала. Совокупность применяемых 15 литературных источников, представленных трудами ведущих ученых в области трудового права и цивилистики, позволила обеспечить необходимую глубину теоретического обоснования рассматриваемых проблем [Кораблина, 2011]. Применение историко-правового метода способствовало выявлению эволюционных закономерностей в развитии институтов защиты нематериальных благ трудящихся в ретроспективе смены экономических формаций.

Методологическая оптика базируется на использовании формально-юридического, сравнительно-правового и системно-структурного инструментария. Герменевтический анализ текстов нормативных актов и правоприменительных решений позволил выявить латентные смыслы и концептуальные противоречия в толковании дефиниций, связанных с личными правами работников [Алмаева, 2008]. Индуктивный метод использовался при переходе от разбора частных казусов, связанных с неправомерным доступом к электронным перепискам сотрудников или установкой скрытых камер наблюдения, к формулированию общих теоретических выводов о состоянии правовой защищенности личности в трудовом процессе. Системный подход обеспечил возможность рассмотрения государственного надзора и судебной защиты не как изолированных институтов, а в качестве взаимодействующих элементов единого правового механизма, призванного гарантировать реализацию конституционного права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, включая психологический комфорт.

Формирование выборки актов реагирования Государственной инспекции труда потребовало изучения более пятидесяти предписаний и постановлений о привлечении к административной ответственности, а также материалов судебного оспаривания данных ненормативных правовых актов. Оценка эффективности контрольно-надзорной деятельности осуществлялась сквозь призму положений законодательства о государственном контроле и муниципальном контроле в Российской Федерации, с особым вниманием к внедрению профилактических визитов и предостережений [Халиков, 2006]. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ применялись для иллюстрации динамики обращаемости граждан за судебной защитой своих неимущественных прав и выявления корреляции между размерами заявляемых и фактически удовлетворяемых сумм компенсации морального вреда. Комплексная интерпретация собранного эмпирического материала осуществлялась с позиции антропоцентричной парадигмы права, где личность работника выступает высшей ценностью, не сводимой исключительно к функции носителя рабочей силы.

Результаты и обсуждение

Категория личных прав в трудовом праве обладает сложной многоуровневой структурой, выходящей далеко за рамки классического цивилистического понимания нематериальных благ. Работник, вступая в трудовые отношения, не утрачивает своей общегражданской правосубъектности, однако механизм реализации его личных свобод претерпевает существенные модификации под воздействием хозяйской власти. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что суды часто испытывают концептуальные трудности при квалификации действий работодателя, посягающих на личное пространство подчиненного [Решетникова, 2009], пытаясь подогнать эти действия под жесткие рамки нарушения режима рабочего времени или правил охраны труда. Отсутствие в кодифицированном акте специализированной главы, посвященной защите чести, достоинства и деловой репутации субъектов трудового права, вынуждает правоприменителя прибегать к сложным межотраслевым аналогиям, что неизбежно приводит к разрозненности судебной практики.

Стремительное внедрение технологий контроля над поведением персонала формирует колоссальную зону риска для неприкосновенности частной жизни. Использование DLP-систем (Data Loss Prevention), программ для мониторинга активности на рабочих компьютерах и считывания биометрических данных актуализирует проблему поиска баланса между правом работодателя на обеспечение сохранности имущества и правом работника на тайну переписки. Судебные инстанции при рассмотрении споров об увольнении за использование корпоративной почты в личных целях демонстрируют полярные подходы [Головко, 2012], иногда отдавая безусловный приоритет праву собственности работодателя на технические средства. Такая позиция представляется глубоко ошибочной с точки зрения конституционных гарантий, поскольку право собственности на носитель информации не влечет автоматического права на перлюстрацию сообщений, содержащих сведения о частной жизни физического лица.

Функционирование Государственной инспекции труда в контексте защиты личных прав сотрудников сопряжено с серьезными институциональными ограничениями. Наделение инспекторов широкими полномочиями по выдаче обязательных для исполнения предписаний традиционно рассматривалось как оперативный и доступный для работника механизм восстановления нарушенных прав. Проблема заключается в правовой позиции высших судебных инстанций, жестко ограничивающей компетенцию инспекции рассмотрением лишь

«очевидных» нарушений трудового законодательства [Симонян, 2025], не содержащих признаков индивидуального трудового спора. Оценка правомерности установки систем видеонаблюдения или обработки персональных данных зачастую требует сложного юридического анализа, выходящего за рамки простой констатации факта нарушения, что связывает руки государственным инспекторам и вынуждает их перенаправлять заявителей в судебные органы.

Анализ судебных актов, касающихся противодействия психологическому насилию на рабочем месте (моббингу и боссингу), демонстрирует абсолютную неготовность отечественной правовой системы к адекватному реагированию на нематериальные формы ущемления прав. Доказывание факта систематического унижения человеческого достоинства наталкивается на жесткие стандарты процессуального бремени доказывания, возлагаемого на слабую сторону спора [Скиллер-Котунова, 2009]. Работник, находящийся в состоянии длительного стресса, объективно лишен возможности собрать надлежащую доказательственную базу, состоящую из свидетельских показаний, поскольку его коллеги, опасаясь репрессий со стороны руководства, предпочитают занимать позицию невмешательства. В связи с этим возникает острая потребность в пересмотре процессуальных правил распределения бремени доказывания в делах о защите достоинства работника, по аналогии с делами о дискриминации.

Компенсация морального вреда долгое время оставалась в российском правосудии аксессуарным требованием, полностью зависимым от удовлетворения имущественных исков. Последние разъяснения Пленума Верховного Суда РФ попытались изменить этот парадигмальный изъян, указав на самостоятельный характер данного способа защиты [Дмитриев, Романов, 2010]. Рассмотрение дел о взыскании компенсации за нравственные страдания, причиненные неправомерным разглашением персональных данных или оскорбительным поведением руководителя, требует от судей проведения глубокой психологической экспертизы ситуации. Назначение судами символических сумм компенсации нивелирует превентивную функцию института морального вреда, превращая нарушение личных прав работника в экономически рентабельное для недобросовестного работодателя мероприятие.

Имплементация биометрических технологий пропускного режима на предприятиях формирует отдельный пласт правоприменительных коллизий. Требование о предоставлении работником отпечатков пальцев или сканировании сетчатки глаза часто облекается работодателем в форму императивного локального акта, согласие с которым преподносится как обязательное условие продолжения работы [Мордовин, 1983]. Государственный надзор в этой сфере сталкивается с сопротивлением бизнеса, апеллирующего к необходимости обеспечения антитеррористической защищенности и коммерческой тайны. Принуждение к сдаче биометрии под угрозой дисциплинарных санкций грубо попирает принцип добровольности, заложенный в законодательстве о персональных данных, однако судебные инстанции зачастую отказывают в признании таких локальных актов незаконными, ссылаясь на прерогативу работодателя по организации производственного процесса.

Конфликт частноправовых и публично-правовых методов регулирования ярко проявляется при рассмотрении административной преюдиции в трудовых спорах. Привлечение работодателя к административной ответственности по инициативе инспекции труда за нарушение законодательства о персональных данных не влечет автоматического восстановления прав конкретного работника. Административные штрафы пополняют государственный бюджет, оставляя потерпевшего один на один с необходимостью

инициирования отдельного гражданского судопроизводства для получения сатисфакции [Миронова, 2007]. Разрыв между публично-правовым наказанием делинквента и частноправовым восстановлением нарушенного блага свидетельствует о недостаточной синхронизации межотраслевых механизмов защиты.

Специфика реализации права на неприкосновенность частной жизни в условиях удаленной работы обнажает новые грани обсуждаемой проблематики. Перенос рабочего места в жилище сотрудника стирает пространственные границы контроля, провоцируя работодателей на использование шпионского программного обеспечения, фиксирующего не только нажатия клавиш, но и транслирующего изображение с веб-камеры в фоновом режиме. Инспекционная практика по данным вопросам практически отсутствует ввиду латентности подобных правонарушений и сложности технической фиксации факта негласного наблюдения [Сапфинова, 2008]. Суды при столкновении с исками дистанционных работников о вмешательстве в их частную жизнь сталкиваются с серьезным дефицитом специальных познаний, что требует привлечения экспертов в области информационных технологий.

Процессуальный инструментарий защиты личных прав осложняется вопросами допустимости электронных доказательств. Скриншоты переписок в мессенджерах, аудиозаписи телефонных разговоров с руководством, сделанные без предупреждения, часто выступают единственным подтверждением фактов психологического давления или понуждения к увольнению [Ершов, 1992]. Консервативный подход судейского корпуса к оценке аудиозаписей как недопустимых доказательств, если они получены без согласия второй стороны, лишает работников реального шанса на защиту. Постепенное смягчение позиции кассационных судов, признающих правомерность скрытой аудиозаписи, если она касается исключительно трудовых отношений и не затрагивает личную тайну работодателя, представляет собой позитивный, но пока еще слишком хрупкий тренд.

Трансформация контрольно-надзорной деятельности через приоритет профилактики над наказанием имеет неоднозначные последствия для защиты нематериальных благ. Замена проверок профилактическими визитами снижает административную нагрузку на бизнес, но одновременно ослабляет уровень защищенности работников [Кораблина, 2011]. Предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований, выносимое инспектором, не обладает силой исполнительного документа, что позволяет работодателям игнорировать его без существенных правовых рисков. В сфере охраны личных прав, где счет часто идет на дни (например, при распространении порочащих сведений в корпоративной среде), отсутствие у государственного органа оперативных рычагов силового принуждения делает механизм надзора декларативным.

Расторжение трудового договора по инициативе работодателя часто сопровождается действиями, умаляющими деловую репутацию увольняемого. Внесение в трудовую книжку компрометирующих записей, не соответствующих действительности, или рассылка партнерам компании информационных писем, порочащих бывшего сотрудника, требует немедленного судебного реагирования. Механизм защиты деловой репутации в трудовом праве, в отличие от гражданского оборота, практически не разработан [Алмаева, 2008]. Истцы вынуждены опираться на общие нормы статьи 152 Гражданского кодекса, которые не учитывают субординационную специфику предшествовавших трудовых отношений и феномен так называемых «волчьих билетов», закрывающих специалисту доступ в профессию.

Концепция правосубъектности работодателя-физического лица вносит дополнительные сложности в архитектуру защиты личных прав. Взаимоотношения в малом бизнесе и у

индивидуальных предпринимателей характеризуются высокой степенью неформальности, где граница между рабочими и личными поручениями предельно размыта. Инструментарий государственного контроля в этом сегменте крайне неэффективен из-за моратория на проведение проверок малого бизнеса [Черноморченко, 1998]. Судебные разбирательства между такими субъектами часто сводятся к противостоянию свидетельских показаний, где суд вынужден выступать в роли арбитра не столько в правовом, сколько в межличностном конфликте.

Оценка роли профсоюзных организаций в механизме защиты неимущественных прав демонстрирует глубокий кризис института коллективного представительства. Профсоюзы традиционно концентрируют свои усилия на тарифных соглашениях и охране труда, оставляя вопросы буллинга, дискриминации и цифрового контроля вне поля зрения коллективных договоров [Передерин, 1998]. Отсутствие в локальном нормотворчестве детально прописанных процедур расследования жалоб на домогательства или психологическое давление вынуждает работника немедленно обращаться во внешние инстанции, минуя этап внутрикорпоративного урегулирования, что увеличивает нагрузку на судебную систему и надзорные органы.

Правовая природа дисциплинарной власти работодателя несет в себе имманентную угрозу злоупотребления правом. Конструирование поводов для наложения взысканий часто используется как инструмент выживания неугодного сотрудника с целью принуждения его к увольнению по собственному желанию [Халиков, 2006]. Инспекция труда при рассмотрении жалоб на необоснованное привлечение к ответственности, как правило, ограничивается проверкой формальной процедуры (сроки, затребование объяснительной), не вдаваясь в оценку тяжести проступка и соразмерности наказания. Именно судебная власть берет на себя тяжесть выяснения истинных мотивов работодателя, что требует от судей не только высокой правовой квалификации, но и развитого чувства социальной справедливости.

Формирование единой правовой доктрины, гармонизирующей публичные и частные интересы в сфере труда, является критически важной задачей современной юриспруденции. Преодоление разрыва между нормативным регулированием и фактическими условиями реализации трудовой функции невозможно без признания за работником статуса экономически и организационно слабой стороны в спорах о неимущественных благах [Абузярова, 1998]. Переход от формально-догматического к телеологическому толкованию норм трудового законодательства позволит судам и надзорным органам эффективнее пресекать любые формы посягательства на достоинство, свободу и неприкосновенность частной жизни человека труда.

Выводы

Эволюция правопонимания в сфере регулирования наемного труда неизбежно ведет к признанию примата личностных неимущественных интересов над сугубо экономическими параметрами производственного процесса. Состояние действующей нормативной базы выявляет серьезный концептуальный пробел: отсутствие в кодифицированном отраслевом акте самостоятельного, системно выстроенного института защиты личных прав трудящихся. Данный вакуум вынуждает правоприменителя использовать сложные конструкции межотраслевой аналогии, заимствуя гражданско-правовые механизмы, которые не способны в полной мере амортизировать фактор организационной зависимости подчиненного от руководителя. Подобная правовая неопределенность создает питательную среду для злоупотреблений управленческими полномочиями, особенно в части внедрения тотального цифрового

мониторинга и сбора биометрических параметров, вторгающихся в сферу частной жизни граждан.

Анализ компетенции и фактической деятельности органов федерального государственного контроля вскрывает существенные противоречия между заложенным в законе потенциалом защиты и реалиями правоприменения. Ограничение полномочий инспекторского состава запретом на разрешение индивидуальных трудовых споров фактически парализует работу надзорного ведомства при столкновении со сложными, неочевидными фактами ущемления достоинства или скрытой дискриминации. Смещение вектора государственной политики в сторону превенции и профилактических визитов, безусловно, снижает давление на бизнес-сообщество, однако в контексте защиты оперативно нарушаемых личных прав такой подход демонстрирует свою функциональную недостаточность. Органы надзора нуждаются в расширении дискреционных полномочий при оценке локальных актов работодателя на предмет их соответствия конституционным гарантиям неприкосновенности частной жизни.

Судебные механизмы остаются наиболее надежным, но в то же время труднодоступным способом восстановления нарушенных нематериальных благ. Консервативность процессуальных подходов к распределению бремени доказывания возлагает на слабую сторону спора непосильную задачу по обоснованию фактов психологического давления, моббинга или неправомерного контроля. Отсутствие законодательно закрепленных презумпций вины работодателя при определенных видах посягательств на личность работника приводит к высокому проценту отказов в удовлетворении исковых требований. Судейский корпус испытывает острую нехватку разъясняющих постановлений высших судебных инстанций, которые могли бы формализовать критерии оценки цифровых доказательств и установить справедливые ориентиры для определения размеров компенсации морального вреда.

Вектор развития судебной практики в делах о взыскании компенсации за нравственные страдания требует радикального пересмотра. Преодоление сложившейся традиции назначения ничтожных сумм возмещения является необходимым условием для того, чтобы институт морального вреда обрел реальную превентивную силу, способную экономически дестимулировать работодателей от нарушения личных прав персонала. Интеграция в трудовое судопроизводство современных стандартов оценки электронных переписок, аудиозаписей и цифровых следов позволит нивелировать дисбаланс сил сторон при доказывании фактов нарушения личного пространства. Лишь комплексная трансформация процессуальных норм позволит обеспечить надлежащую защиту человеческого достоинства в условиях технологической эволюции форм занятости.

Архитектура защиты личных прав субъектов трудового права нуждается в глубокой структурной модернизации, объединяющей усилия законодателя, надзорных инстанций и судебной власти. Установление четких границ правомерного вмешательства в личное пространство работника, легализация понятийного аппарата психологического преследования на рабочих местах и создание оперативных процедур реагирования на такие факты должны стать ключевыми направлениями совершенствования правовой системы. Гармоничное сочетание властно-распорядительных полномочий государственного контроля с гибким, чутко реагирующим на новые вызовы судебным правосудием позволит выстроить надежный барьер против любых попыток нивелирования ценности человеческой личности в процессе применения наемного труда.

Библиография

1. Абузярова Н.А. Значение нормативной обоснованности правовых актов в трудовом праве // Право и государство. 1998. № 2 (10). С. 43-45.
2. Алмаева Ю.О. Основные проблемы и правовые гарантии качества законодательства в трудовом праве // Юридический мир. 2008. № 8. С. 45-49.
3. Головки И.И. О понятии "защита прокурором трудовых прав, свобод и законных интересов работников в гражданском судопроизводстве" // Администратор суда. 2012. № 4. С. 37-40.
4. Дмитриев А.Е., Романов А.Н. Контроль и надзор в сфере социально-трудовых прав работников // Правоохранительные органы: теория и практика. 2010. № 2. С. 70-77.
5. Ершов В.В. Защита трудовых прав работников в процессе расторжения трудового договора по инициативе администрации // Человек и труд. 1992. № 1. С. 106-111.
6. Кораблина О.В. Проблемы судебной защиты трудовых прав работников // Судебный вестник. 2011. № 4 (28). С. 61-65.
7. Миронова А.Н. Трудовое законодательство РФ и судебная защита трудовых прав работников // Право и государство: теория и практика. 2007. № 5 (29). С. 44-48.
8. Мордовин Т.П. Правоотношения по надзору и контролю в системе трудового права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 1. С. 74-78.
9. Передерин С.В. Процессуально-процедурный механизм защиты трудовых прав наемных работников // Правовая наука и реформа юридического образования. 1998. № 8. С. 153-171.
10. Решетникова А. Правовое регулирование права на труд // Социальное и пенсионное право. 2009. № 3. С. 29-31.
11. Сапфилова А.А. Способы защиты трудовых прав, свобод и правовых интересов в сфере труда внесудебными органами государства // Трудовое право. 2008. № 8. С. 80-89.
12. Симонян А.А. Искусственный интеллект как новый фактор возникновения информационных угроз // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 4. С. 8-13.
13. Скиллер-Котунова Е.В. Государственный надзор и контроль над соблюдением трудового законодательства как способ защиты трудовых прав и свобод // Современное право. 2009. № 1. С. 51-54.
14. Халиков В.Р. Защита трудовых прав как новый институт трудового права Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 72-74.
15. Черноморченко Н.П. Защита трудовых прав работника - одно из приоритетных направлений правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1 (220). С. 154-155.

Protection of Employees' Personal Rights in Labor Law through State Supervision and Judicial Enforcement Mechanisms

Andzhela F. Bykodorova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Stavropol Institute of Cooperation (branch)
of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
355035, 36, Goleneva str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: baf@stavkray.ru

Aminat T. Bogatyreva

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines,
MIREA — Russian Technological University, Stavropol Branch,
355035, 2, Kulakova ave., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: Bogatyreva.amina@mail.ru

Abstract

The mechanisms for protecting the personal non-property rights of an employee in conditions of subordination and institutional inequality of the parties to an employment contract are analyzed, with an emphasis on constitutional guarantees of personal dignity and privacy. It is shown that the current labor legislation does not contain a systemic institution for the protection of the honor, dignity, business reputation, and privacy of the employee, as a result of which law enforcement relies on intersectoral constructs, leading to fragmented approaches and conflicts of decisions. Considerable attention is paid to the digitalization of personnel management: monitoring of corporate communications, DLP systems, video surveillance, remote control, and the introduction of biometric access control systems; the risks of substituting managerial prerogatives with actual "interception" and coercion to consent to data processing are identified. The institutional limitations of state supervision are substantiated: risk-oriented prevention and the doctrinally narrowed competence of the labor inspectorate reduce the speed of response to complex violations, including mobbing and hidden discrimination. Judicial protection is characterized by difficulties in proving psychological pressure and the heterogeneity of the assessment of electronic evidence; the practice of symbolic compensation for moral damage, which weakens the preventive effect of liability, is critically evaluated. Guidelines for modernization are formulated: clarifying the boundaries of permissible control, strengthening procedural guarantees for the weaker party, and coordinating public-law and private-law means of restoring violated rights.

For citation

Bykodorova A.F., Bogatyreva A.T. (2026) Zashchita lichnykh prav rabotnikov v trudovom prave cherez gosudarstvennyy nadzor i sudebnyye mekhanizmy realizatsii [Protection of Employees' Personal Rights in Labor Law through State Supervision and Judicial Enforcement Mechanisms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 301-311. DOI: 10.34670/AR.2026.92.92.032

Keywords

Protection of employees' personal rights, state supervision, judicial protection, digital control of the employer, personal data of employees, mobbing, compensation for moral damage.

References

1. Abuzyarova, N.A. (1998). Znachenie normativnoy obosnovannosti pravovykh aktov v trudovom prave [The Significance of Normative Justification of Legal Acts in Labor Law]. *Pravo i gosudarstvo*, (2), 43-45.
2. Almayeva, Yu.O. (2008). Osnovnyye problemy i pravovyye garantii kachestva zakonodatelstva v trudovom prave [Main Problems and Legal Guarantees of the Quality of Legislation in Labor Law]. *Yuridicheskiy mir*, (8), 45-49.
3. Chernomorschenko, N.P. (1998). Zashchita trudovykh prav rabotnika - odno iz prioritnykh napravleniy pravovoy politiki [Protection of Employee Labor Rights as One of the Priority Directions of Legal Policy]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, (1), 154-155.
4. Dmitriyev, A.E., & Romanov, A.N. (2010). Kontrol i nadzor v sfere sotsialno-trudovykh prav rabotnikov [Control and Supervision in the Sphere of Social and Labor Rights of Employees]. *Pravookhranitelnyye organy: teoriya i praktika*, (2), 70-77.
5. Ershov, V.V. (1992). Zashchita trudovykh prav rabotnikov v protsesse rastorazheniya trudovogo dogovora po initsiative administratsii [Protection of Employee Labor Rights in the Process of Termination of an Employment Contract on the Initiative of the Administration]. *Chelovek i trud*, (1), 106-111.
6. Golovko, I.I. (2012). O ponyatii "zashchita prokurorom trudovykh prav, svobod i zakonnykh interesov rabotnikov v grazhdanskom sudoproizvodstve" [On the Concept of "Protection by the Prosecutor of Labor Rights, Freedoms and Legitimate Interests of Employees in Civil Proceedings"]. *Administrator suda*, (4), 37-40.

7. Khalikov, V.R. (2006). Zashchita trudovykh prav kak novyy institut trudovogo prava Rossiyskoy Federatsii [Protection of Labor Rights as a New Institution of Labor Law of the Russian Federation]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, (2), 72-74.
8. Korablina, O.V. (2011). Problemy sudebnoy zashchity trudovykh prav rabotnikov [Problems of Judicial Protection of Employee Labor Rights]. Sudebnyy vestnik, (4), 61-65.
9. Mironova, A.N. (2007). Trudovoye zakonodatelstvo RF i sudebnaya zashchita trudovykh prav rabotnikov [Labor Legislation of the Russian Federation and Judicial Protection of Employee Labor Rights]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, (5), 44-48.
10. Mordovin, T.P. (1983). Pravootnosheniya po nadzoru i kontrolyu v sisteme trudovogo prava [Legal Relations on Supervision and Control in the System of Labor Law]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye, (1), 74-78.
11. Perederin, S.V. (1998). Protsessualno-protsedurnyy mekhanizm zashchity trudovykh prav nayemnykh rabotnikov [Procedural Mechanism for the Protection of Labor Rights of Employees]. Pravovaya nauka i reforma yuridicheskogo obrazovaniya, (8), 153-171.
12. Reshetnikova, A. (2009). Pravovoye regulirovaniye prava na trud [Legal Regulation of the Right to Work]. Sotsialnoye i pensionnoye pravo, (3), 29-31.
13. Sapfirova, A.A. (2008). Sposoby zashchity trudovykh prav, svobod i pravovykh interesov v sfere truda vnesudebnymi organami gosudarstva [Methods of Protecting Labor Rights, Freedoms and Legal Interests in the Sphere of Labor by Extrajudicial Bodies of the State]. Trudovoye pravo, (8), 80-89.
14. Simonyan, A.A. (2025). Iskusstvennyy intellekt kak novyy faktor vozniknoveniya informatsionnykh ugroz [Artificial Intelligence as a New Factor in the Emergence of Information Threats]. Akademicheskyy issledovatel'skiy zhurnal, *3*(4), 8-13.
15. Skiller-Kotunova, E.V. (2009). Gosudarstvennyy nadzor i kontrol nad soblyudeniym trudovogo zakonodatelstva kak sposob zashchity trudovykh prav i svobod [State Supervision and Control over Compliance with Labor Legislation as a Way to Protect Labor Rights and Freedoms]. Sovremennoye pravo, (1), 51-54.

УДК 347.922.3

DOI: 10.34670/AR.2026.10.99.033

Влияние примирительных процедур на обеспечение свойства обязательности судебного акта в арбитражном процессе

Платонов Давид Миралиевич

Девятый арбитражный апелляционный суд,
аспирант кафедры гражданского
и административного судопроизводства,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: david_platonov@mail.ru

Первухина Светлана Игоревна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского и административного судопроизводства,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: pervukhina@rsuj.ru

Аннотация

Данная статья посвящена анализу взаимодействия примирительных процедур и свойства обязательности судебного акта в арбитражном процессе. Акцентируется внимание на том, как результаты примирения сторон (мировые соглашения, отказ либо признание иска) воздействуют на устойчивость судебного акта. Освещаются теоретические концепции, трактующие обязательность судебного акта как гарантию определенности правоотношений. Обосновывается позиция, согласно которой примирительные процедуры не только не снижают авторитет судебной власти, но и содействуют реализации задач правосудия, стимулируя добровольное исполнение обязанностей и оптимизируя нагрузку на суды. Опираясь на данные судебной статистики и анализ правоприменения, автор выявляет актуальные проблемы и перспективы института примирения в аспекте обеспечения стабильности судебных актов, а также предлагает меры по совершенствованию процессуального законодательства, направленные на поощрение сторон к мирному урегулированию споров.

Для цитирования в научных исследованиях

Платонов Д.М., Первухина С.И. Влияние примирительных процедур на обеспечение свойства обязательности судебного акта в арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 312-318. DOI: 10.34670/AR.2026.10.99.033

Ключевые слова

Примирительные процедуры, арбитражный процесс, обязательность судебного акта, законная сила судебного решения, мировое соглашение, медиация, судебное примирение, стабильность правосудия.

Введение

Современная судебная система Российской Федерации испытывает существенную нагрузку, что безусловно оказывает негативное влияние на реализацию конституционных гарантий защиты судом прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений. Тенденция к росту загруженности судов сохраняется по сей день не смотря на наличие ряда предпринятых законодателем мер: увеличение государственной пошлины [Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ, 2024], повышение ценового порога для упрощенного производства [Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ, 2023, п. 18], введение образовательного ценза [Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ, 2018, ст. 6] и других.

Вместе с тем сложность проблемы возросла до невозможности своего устранения посредством увеличения количества судей и судов. В сложившихся условиях возрастает значимость поиска альтернативных подходов к отправлению правосудия, среди которых приоритетное значение отводится внедрению и расширению сферы применения примирительных процедур. Речь идет как о внутрисистемных механизмах (судебное примирение), так и о внешних институтах (медиация, переговоры). Основное предназначение данных процедур не ограничивается задачей уменьшения нагрузки на суды, их ключевая роль заключается в гармонизации интересов участников процесса, поиске точек соприкосновения и выявлении скрытых возможностей для разрешения конфликта, отвечающего потребностям обеих сторон, а равно в оказании им необходимого содействия для достижения взаимоприемлемого результата [Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ, 2018, ст. 6].

Вместе с тем, активизация применения примирительных процедур порождает ряд концептуальных вопросов перед процессуальной доктриной, касающихся их воздействия на фундаментальные свойства судебного акта, прежде всего на его обязательность. В классическом понимании обязательность судебного акта означает, что решение суда приобретает общеобязательный характер и подлежит неукоснительному исполнению всеми субъектами права. Однако возможность прекращения производства по делу в связи с примирением сторон на любом этапе процесса ставит под сомнение безусловную необходимость вынесения итогового судебного акта по существу спора. Это, в свою очередь, актуализирует проблему совместимости таких диспозитивных действий с публично-правовой сущностью правосудия.

Исходя из изложенного, цель настоящей работы заключается в комплексном исследовании того, как примирительные процедуры влияют на реализацию свойства обязательности судебного акта в арбитражном процессе, а также в выявлении теоретических и прикладных проблем их соотношения.

Основная часть

В науке гражданского и арбитражного процесса под обязательностью судебного акта понимается особое правовое свойство, заключающееся в том, что оно подлежит неукоснительному соблюдению и исполнению для всех субъектов права, на всей территории

государства.

Однако развитие диспозитивных начал в арбитражном процессе и законодательное закрепление задачи суда по содействию примирению сторон (п. 6 ст. 2, ч. 1 ст. 133, ч. 1 ст. 138 АПК РФ) вносят коррективы в классическое понимание обязательности судебного акта. Возникает закономерный вопрос: не подрывает ли возможность сторон прекратить спор миром авторитет судебной власти и не нивелирует ли она значимость вынесенного судом решения? Представляется, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным.

Как справедливо отмечает А.Е. Солохин, одной из задач арбитражного судопроизводства является примирение сторон, и наиболее полно эта задача раскрывается именно в процедуре судебного примирения, поскольку судебный примиритель не только напрямую содействует примирению, но и способствует формированию навыков урегулирования споров, которые возникнут в будущем [Солохин, 2024, с. 207].

В данном контексте примирительные процедуры следует рассматривать не в качестве оппозиции правосудию, а как его неотъемлемый элемент, ориентированный на достижение социального консенсуса.

Представляется необходимым также дифференцировать воздействие различных видов примирительных процедур на итоговую судьбу судебного акта. В частности, Арбитражный процессуальный кодекс РФ закрепляет следующие возможные результаты примирения: заключение мирового соглашения; частичный либо полный отказ от иска; частичное или полное признание исковых требований; признание фактов, на которые ссылается другая сторона в обоснование своих требований или возражений; а также соглашение сторон относительно фактических обстоятельств дела [Арбитражный процессуальный кодекс РФ, 2002, ст. 138.6].

Наибольшую сложность в аспекте взаимодействия с обязательностью судебного акта представляет институт мирового соглашения. Будучи утвержденным судом, оно обладает двойственной правовой природой: выступает одновременно гражданско-правовой сделкой и процессуальным документом, который не только прекращает материально-правовой спор, но и влечет окончание производства по делу.

В соответствии с ч. 11 ст. 141 АПК РФ, определение суда об утверждении мирового соглашения исполняется немедленно и может быть обжаловано в кассационном порядке в течение месяца с момента вынесения. При отсутствии добровольного исполнения данное определение реализуется принудительно — посредством выдачи исполнительного листа.

Следовательно, утвержденное судом мировое соглашение наделяется свойствами, аналогичными обязательности судебного решения: оно приобретает общеобязательный характер и обеспечивается возможностью государственного принуждения. Кроме того, с позиций социальной результативности, исполнение мирового соглашения чаще носит добровольный характер и осуществляется оперативнее, нежели исполнение судебного акта, постановленного вопреки воле обязанной стороны (в том числе при наличии встречных требований).

В этой связи представляется обоснованным вывод, что мировое соглашение не только не снижает значимость свойства обязательности судебного акта, но и способствует его более полной фактической реализации, трансформируя конфликт из состояния противостояния в русло конструктивного взаимодействия

Иная ситуация складывается при отказе истца от иска или признании иска ответчиком. Так, в соответствии с частью 2 статьи 138.6 АПК РФ такие действия могут быть результатом примирительных процедур. В случае отказа истца от иска и принятия его судом, производство по делу прекращается, а правоотношения сторон фактической судебной оценки не получают.

Возникает вопрос: обеспечивается ли в таком случае свойство обязательности? Представляется, что да, но в ином формате. Отказ от иска, принятый судом, окончательно прекращает спор и лишает стороны права на повторное обращение в суд по тому же предмету и основанию. В этом проявляется пресекательный признак.

Представляет научный и практический интерес исследование влияния примирительных процедур на стабильность судебных актов, обладающих свойством законной силы. Согласно ч. 4 ст. 138 АПК РФ, возможность примирения не ограничена какой-либо конкретной стадией процесса и сохраняется вплоть до момента исполнения судебного акта. Таким образом, законодатель допускает, что даже после вынесения решения по существу и вступления его в законную силу стороны могут урегулировать спор миром, оформив мировое соглашение на этапе исполнительного производства. Наступление такого обстоятельства влечет утрату силы ранее принятым судебным актом, который не подлежит дальнейшему исполнению, а правовой конфликт между сторонами признается окончательно урегулированным.

Некоторые исследователи усматривают в этом подрыв стабильности и обязательности судебного акта. Однако, как верно отмечается в литературе, такая позиция не учитывает, что главной целью правосудия является не вынесение решения как такового и его сохранение в рамках инстанционного обжалования, а урегулирование конфликта и восстановление нарушенных прав. Если стороны пришли к консенсусу и готовы исполнить обязательства на взаимовыгодных условиях, отмена ранее вынесенного судебного решения является оправданной и целесообразной.

Проблемным аспектом является низкая популярность примирительных процедур в российском арбитражном процессе. Как отмечает Е.А. Борисова, «примирительные процедуры не востребованы во многом потому, что в их проведении мало заинтересованы стороны» [Борисова, 2025, с. 165] вследствие уже уплаченной госпошлины и дополнительной финансовой нагрузки в виде оплаты услуг медиатора.

Так, согласно статистическим данным, арбитражные суды субъектов в 2024 г. рассмотрели 1 099 872 дела, из которых лишь 3% (33 532 дела) завершены заключением мирового соглашения [Агентство правовой информации, [www...](http://www.aif.ru)]. Статистические данные ярко указывают на непринятие в обществе возможностей примирения, а также восприятие судебной защиты как преимущественной и вызывающей доверие.

В 2018 году в арбитражный процесс введена новая примирительная процедура – судебное примирение [Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ, 2019]. Данная процедура проводится судьями в отставку, включенными в список, утвержденный Пленумом Верховного Суда РФ. Как справедливо отмечается в литературе, данная процедура обладает значительным потенциалом, поскольку судебный примиритель обладает большим жизненным и профессиональным опытом в разрешении споров, что также отражает наличие у последнего абсолютного свидетельского иммунитета [Сорокин, 2025, с. 68].

Влияние примирительных процедур на свойство обязательности судебного акта опосредуется также действием принципа конфиденциальности. Положения ст. 6 Регламента проведения судебного примирения устанавливают закрытый характер информации, полученной в ходе процедуры. Это выражается в запрете для участников ссылаться при рассмотрении дела в суде на любые мнения, предложения или признания, озвученные в процессе примирения. Таким образом, обсуждение сторонами возможных вариантов урегулирования конфликта и обмен компромиссными предложениями исключаются из числа допустимых доказательств при разрешении правового конфликта по существу в судебном заседании.

Данный подход обеспечивает своеобразный «иммунитет» переговорному процессу и

способствует открытости сторон в поиске компромисса, что в конечном итоге ведет к стабильности достигнутых договоренностей и их добровольному исполнению.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Примириательные процедуры не подрывают свойство обязательности судебного акта, а напротив, способствуют его фактической реализации. Утвержденное судом мировое соглашение приобретает свойства общеобязательности и исполнимости, при этом исполняется, как правило, добровольно, что соответствует целям правосудия.

2. Развитие диспозитивных начал в арбитражном процессе ведет к трансформации понимания законной силы судебного решения. Обязательность судебного акта должна рассматриваться не как самоцель, а как средство обеспечения определенности в правоотношениях сторон и стабильности гражданского оборота.

3. Для повышения эффективности примириательных процедур и их позитивного влияния на стабильность судебных актов необходимо дальнейшее совершенствование процессуального законодательства. Представляется целесообразным:

- расширение практики обязательного проведения примириательных процедур по отдельным категориям споров;
- введение дополнительных экономических стимулов, таких как льготы по налогообложению для медиаторов, компенсация судебных расходов сторонам, успешно завершившим спор миром;
- активизация информационно-просветительской работы судов о возможностях и преимуществах примириательных процедур.

4. Необходима научная разработка единых методологических подходов к пониманию места примириательных процедур в системе стадий арбитражного процесса и их влияния на свойства законной силы судебного решения, что будет способствовать формированию устойчивой судебной практики.

Таким образом, примириательные процедуры следует рассматривать как важный инструмент обеспечения стабильности правосудия и обязательности судебных актов, позволяющий достичь социального мира и снизить конфликтный потенциал в обществе.

Библиография

1. Агентство правовой информации: СМИ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/arb/t/41/s/1>.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Борисова Е.А. От альтернативного разрешения споров к примириательным процедурам: путь длиною в 25 лет (коротко о главном) // Вестник гражданского процесса. 2025. № 4. С. 162-171.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Российская газета. 2019. № 254.
5. Солохин А.Е. Судебная примириательная процедура как стадия арбитражного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3(231). С. 205-208.
6. Сорокин В.П. Роль арбитражного суда в мирном урегулировании экономических споров // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 3. С. 62-69.
7. Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 297.
8. Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах»

(последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4955.

9. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4099.

10. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

The Influence of Conciliation Procedures on Ensuring the Binding Nature of Judicial Acts in Arbitration Process

David M. Platonov

Ninth Arbitration Court of Appeals,
Postgraduate Student of the Department of Civil and Administrative Proceedings,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: david_platonov@mail.ru

Svetlana I. Pervukhina

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil and Administrative Proceedings,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: pervukhina@rsuj.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of the interaction between conciliation procedures and the binding nature of judicial acts in arbitration process. Attention is focused on how the results of conciliation between parties (settlement agreements, waiver or admission of a claim) affect the stability of a judicial act. Theoretical concepts that interpret the binding nature of a judicial act as a guarantee of the certainty of legal relations are highlighted. The position is substantiated that conciliation procedures not only do not diminish the authority of the judiciary, but also contribute to the implementation of the tasks of justice by stimulating voluntary compliance with obligations and optimizing the workload on courts. Relying on judicial statistics data and analysis of law enforcement, the author identifies current problems and prospects of the conciliation institution in terms of ensuring the stability of judicial acts, and also proposes measures to improve procedural legislation aimed at encouraging parties to peacefully resolve disputes.

For citation

Platonov D.M., Pervukhina S.I. (2026) Vliyaniye primiritel'nykh protsedur na obespecheniye svoystva obyazatel'nosti sudebnogo akta v arbitrazhnom protsesse [The Influence of Conciliation Procedures on Ensuring the Binding Nature of Judicial Acts in Arbitration Process]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 312-318. DOI: 10.34670/AR.2026.10.99.033

Keywords

Conciliation procedures, arbitration process, binding nature of a judicial act, legal force of a judicial decision, settlement agreement, mediation, judicial conciliation, stability of justice.

References

1. Agentsvo pravovoy informatsii. (n.d.). *Statistika arbitrazhnykh sudov* [Statistics of Arbitration Courts]. Retrieved from <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/arb/t/41/s/1>
2. Arbitrazhnyy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation] of 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 28.12.2024). (2002). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (30), Art. 3012.
3. Borisova, E.A. (2025). Ot alternativnogo razresheniya sporov k primiritelnyim protseduram: put dlinoyu v 25 let (korotko o glavnom) [From Alternative Dispute Resolution to Conciliation Procedures: A 25-Year Path (Briefly on the Main Points)]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, (4), 162-171.
4. Federalnyy zakon [Federal Law] of 25.12.2023 No. 667-FZ "O vnesenii izmeneniy v Arbitrazhnyy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" [On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation]. (2023). *Rossiyskaya gazeta*, (297).
5. Federalnyy zakon [Federal Law] of 26.07.2019 No. 197-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii" [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. (2019). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (30), Art. 4099.
6. Federalnyy zakon [Federal Law] of 28.11.2018 No. 451-FZ (as amended on 17.10.2019) "O vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii" [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. (2018). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (49, Part I), Art. 7523.
7. Federalnyy zakon [Federal Law] of 08.08.2024 No. 259-FZ "O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii o nalogakh i sborakh" [On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Levies] (last edition). (2024). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (33, Part I), Art. 4955.
8. Plenum Verkhovnogo Suda RF [Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. (2019). *Postanovleniye ot 31.10.2019 No. 41 "Ob utverzhdenii Reglamenta provedeniya sudebnogo primireniya"* [Resolution No. 41 of 31.10.2019 "On Approval of the Regulations for Conducting Judicial Conciliation"]. *Rossiyskaya gazeta*, (254).
9. Solokhin, A.E. (2024). Sudebnaya primiritelnaya protsedura kak stadiya arbitrazhnogo sudoproizvodstva [Judicial Conciliation Procedure as a Stage of Arbitration Proceedings]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (3), 205-208.
10. Sorokin, V.P. (2025). Rol arbitrazhnogo suda v mirnom uregulirovanii ekonomicheskikh sporov [The Role of the Arbitration Court in Peaceful Settlement of Economic Disputes]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, (3), 62-69.

УДК 340.5

DOI: 10.34670/AR.2026.11.31.034

Сравнительное исследование теоретико-правовых оснований конституций Китая и России

Чэнь Чжицюань

Магистратура,
кафедра теории государства и права и политологии,
юридический факультет,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: Zhiquan@mail.ru

Аннотация

Объектом исследования являются конституционно-правовые системы КНР и РФ, а предметом — их конституционно-доктринальные основания (легитимация власти, идеология, права и свободы, организация публичной власти и механизмы единства правоприменения). Цель работы состоит в выявлении и сравнении этих оснований и объяснении того, как они воплощаются в институтах публичной власти и инструментах обеспечения единого масштаба судебных решений; для её достижения уточняются критерии сравнения, анализируются принципы идеологической и политической организации, сопоставляются модели распределения власти и подходы к правам и свободам, а также выявляются механизмы унификации правоприменения и их связь с доктриной. Методологическую основу составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы, системный и историко-правовой подходы и доктринальный анализ.

Для цитирования в научных исследованиях

Чэнь Чжицюань. Сравнительное исследование теоретико-правовых оснований конституций Китая и России // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 319-326. DOI: 10.34670/AR.2026.11.31.034

Ключевые слова

Конституция Китая; Конституция России; теоретико-правовые основы; демократический централизм; разделение властей; конституционный контроль; сравнительное правоведение.

Введение

Конституция как основной закон государства, будучи актом высшей юридической силы, в своих теоретико-правовых основаниях глубоко отражает политическую философию, исторические традиции и ценностный выбор страны. Действующая Конституция Китайской Народной Республики (принята в 1982 г., с последующими поправками) и действующая Конституция Российской Федерации (принята в 1993 г., с последующими поправками) были сформированы в различных исторических условиях: китайская Конституция является результатом длительного поиска и развития социалистического правового государства, тогда как российская Конституция стала продуктом всеобъемлющей трансформации государственного строя после распада СССР. Теоретико-правовые основания, закреплённые в этих конституциях, не только сформировали соответствующие правовые системы и модели государственного управления, но и предоставляют особо ценный материал для сравнительно-конституционных исследований. Настоящая работа направлена на системное сопоставление теоретико-правовых оснований конституций Китая и России по ключевым измерениям: основополагающие принципы, структура власти, конституционный контроль (надзор), гарантии прав и свобод, а также процедура внесения конституционных поправок.

Основополагающие принципы и идеология: от единства к плюрализму

Различия между конституциями двух стран наиболее заметны на уровне основополагающих принципов и идеологического устройства.

Теоретико-правовая основа Конституции Китая глубоко укоренена в социалистических принципах. В преамбуле прямо закрепляется руководящая роль марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важной концепции «трёх представительств» [Ван Гуанхуэй, 2018], научной концепции развития, а также идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи в политической и общественной жизни государства. Особенно важно, что конституционная поправка 2018 г. включила в статью 1 положение [Мо Цзихун, 2018] о том, что «руководство Коммунистической партии Китая является наиболее существенной характеристикой социализма с китайской спецификой», тем самым на уровне Основного закона закрепив центральное, руководящее положение партии. Это отражает последовательную установку китайской Конституции на определённую выбранного пути развития и идеологическое единство.

В отличие от этого, Конституция Российской Федерации знаменует собой решительный разрыв с советской идеологической моделью. Статья 13 Конституции прямо признаёт «идеологическое многообразие» [Конституция Российской Федерации, 1993]

и устанавливает, что никакая идеология не может быть закреплена в качестве государственной или обязательной. Одновременно Конституция признаёт политическое многообразие и многопартийность [Володина, 2016], подтверждая право различных политических сил на равноправное участие в политическом процессе на законных основаниях. Тем самым теоретико-правовая основа российской Конституции смещается в сторону

идеологической нейтральности, предоставляя конституционную базу для перехода от тоталистской модели к политическому плюрализму.

Таким образом, наиболее принципиальное различие заключается в следующем: Конституция Китая опирается на чётко определённую и единую руководящую идеологию правящей партии и обладает ярко выраженным социалистическим идеологическим характером [У Яньдун, Хо Гуантао, 2025]; в то время как Конституция Российской Федерации закрепляет принцип идеологического многообразия и отказывается от единой государственной идеологии на общегосударственном уровне [Кокотов, 2023].

Структура государственной власти и организационные принципы: демократический централизм и разделение властей

В вопросах распределения государственной власти и логики её функционирования конституции двух стран опираются на принципиально разные основания.

Статья 3 Конституции Китая закрепляет принцип [Ван Сюй, 2019] демократического централизма в организации государственных органов. В рамках этого принципа Всекитайское собрание народных представителей, будучи высшим органом государственной власти, централизованно осуществляет законодательную власть государства. Государственный совет, Государственная контрольная комиссия, Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура формируются Всекитайским собранием народных представителей, подотчётны ему и находятся под его контролем. Такая структура власти в рамках модели «единства законодательной и исполнительной власти» обеспечивает целостность и единство государственной власти и отражает конституционную логику осуществления народом государственной власти через высший представительный орган. В определённом смысле эта доктринальная основа является характерным, маркирующим понятием государственности, формируемой под воздействием марксистской теории партии и государства.

Статья 10 Конституции Российской Федерации [Конституция Российской Федерации, 1993] прямо закрепляет, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную; соответствующие органы самостоятельны и взаимодействуют между собой. Законодательную власть осуществляет Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), исполнительную — Правительство, судебную — суды. Вместе с тем Президент Российской Федерации как глава государства занимает особое положение, выходящее за рамки классического трёхчленного разделения властей: согласно статье 80 Конституции РФ [Конституция Российской Федерации, 1993] он обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. В совокупности это формирует модель сдержек и противовесов в условиях президентской формы правления.

Ключевое различие между ними заключается в логике распределения власти: в Китае при модели «единства законодательной и исполнительной власти» обеспечиваются единство государственной власти и функциональное разделение полномочий, при этом центр власти находится в представительном (законодательном) органе [Чжан Лиго, 2015]; в России же при президентской форме правления действует модель сдержек и противовесов, где президент, выступая как арбитр и координатор государственной власти, играет центральную роль во взаимодействии трёх ветвей власти [Писарев, 2020].

Конституционный статус и система контроля: парламентский надзор и конституционный судебный контроль

Механизм конституционного надзора является институциональной гарантией верховенства конституции и её высшей юридической силы; в этом отношении Китай и Россия выбрали различные модели.

Конституция Китая в преамбуле и в статье 5 закрепляет [Конституция Китайской Народной Республики, [www](#)] свою высшую юридическую силу: никакие законы, административные нормативные акты и местные нормативные акты не должны противоречить Конституции. Согласно статье 67 Конституции КНР [Конституция Китайской Народной Республики, [www](#)], Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей осуществляет полномочия по толкованию Конституции и надзору за её исполнением. Это свидетельствует о том, что Китай использует модель надзора со стороны законодательного органа (постоянного органа высшего представительного органа власти), при которой именно ПК ВСНП отвечает за проверку конституционности и осуществление конституционного контроля.

Статья 15 Конституции Российской Федерации [Конституция Российской Федерации, 1993] также закрепляет высшую юридическую силу Конституции и её прямое действие. Для обеспечения реализации Конституции статья 125 предусматривает [Конституция Российской Федерации, 1993] учреждение самостоятельного Конституционного Суда Российской Федерации. Конституционный Суд осуществляет проверку конституционности федеральных законов, указов Президента и постановлений Правительства и иных актов, разрешает споры о компетенции между органами государственной власти, а также по запросам Президента, Совета Федерации и других субъектов даёт толкование Конституции. Тем самым Россия использует централизованную модель конституционного контроля (кельзеновскую модель), основанную на ведущей роли Конституционного Суда: статья 125 определяет его как высший судебный орган конституционного контроля. При этом Верховный Суд посредством разъяснений по вопросам судебной практики может влиять на единообразие применения законодательства, однако ключевым органом конституционной проверки остаётся Конституционный Суд [Бекирова, Габрилян, 2024].

Различие между двумя моделями заключается в механизме обеспечения верховенства Конституции: Китай использует модель надзора, при которой соответствующие полномочия осуществляет постоянный орган высшего органа государственной власти, что отражает идею приоритета (верховенства) законодательной власти; Россия же создала самостоятельный Конституционный Суд, специально наделённый полномочиями конституционного контроля, что воплощает концепцию судебного конституционного надзора (судебного контроля).

Гарантии прав и свобод: полнота системы и прямое действие в судебной защите

В конституциях обеих стран предусмотрены специальные главы, системно закрепляющие права и свободы граждан, однако между ними существуют различия в способах обеспечения и в юридической силе соответствующих норм.

Глава 2 Конституции Китая «Основные права и обязанности граждан» закрепляет широкий круг экономических, социальных, культурных и политических прав, включая равенство перед законом, избирательные права (право избирать и быть избранным), свободу слова и печати, свободу вероисповедания, право на труд, право на образование и др. Гарантии прав соотносятся

с уровнем социально-экономического развития государства; подчёркивается единство прав и обязанностей, что отражает характерную для социалистической конституции ориентацию на всестороннее развитие личности [Мо Цзихун, 2010].

Глава 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» [Шахрай, 2017] также охватывает личные, политические и социально-экономические права. Её отличительной чертой является акцент на прямом действии прав и свобод (ст. 18) и закрепление принципа судебной защиты: любые решения и действия могут быть обжалованы в суд (ст. 46). Кроме того, Конституция РФ признаёт общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры составной частью своей правовой системы (ст. 15), что создаёт конституционную основу для защиты прав на основе международных правозащитных обязательств.

Таким образом, при сходной структуре и близких по содержанию правах российская конституционная модель в большей степени подчёркивает их непосредственную юридическую силу и судебную оспоримость, что тесно связано с институционализацией конституционного правосудия и включением международного права в национальную правовую систему.

В целях поддержания стабильности конституции обе страны установили строгие процедуры её изменения, однако способы защиты ключевых положений имеют свои особенности.

Конституция Китая предусматривает, что предложение о внесении поправок может быть внесено Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей либо не менее чем одной пятой депутатов ВСНП, а принятие поправок осуществляется самим ВСНП большинством не менее двух третей от общего числа депутатов. Вместе с тем преамбула, а также содержание статей 1 и 2 обладают особой жёсткостью: исключается возможность пересмотра социалистического строя и руководящей роли партии, что образует конституционную «красную линию» в системе поправок КНР [Ли Фэй и др., 2004].

Конституция Российской Федерации устанавливает более сложную процедуру внесения поправок. С инициативой изменения Конституции могут выступать Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации и другие субъекты. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции подлежит одобрению Государственной Думой большинством не менее двух третей от общего числа депутатов и Советом Федерации большинством не менее трёх четвертей от общего числа сенаторов, а также требует одобрения законодательными органами не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации. При этом пересмотр положений глав 1, 2 и 9 (основы конституционного строя; права и свободы человека и гражданина; конституционные поправки и пересмотр Конституции) возможен лишь путём созыва Конституционного Собрания, что делает процедуру исключительно сложной [Бошно, 2004].

Общим для обеих моделей является установление особой «жёсткой» защиты ключевых конституционных положений. Различие же состоит в том, что российская процедура внесения поправок вовлекает большее число субъектов Федерации, что отражает федеративную природу государства; тогда как в Китае ограничения на конституционные изменения напрямую связаны с охраной основополагающего строя и руководящей роли партии, что выражает базовые характеристики социалистической конституции.

Заключение

Различия в теоретико-правовых основаниях Конституции Китая и Конституции России наглядно отражают неодинаковые исторические традиции, выбор политического пути и

представления о государственном управлении в двух странах. Конституция Китая опирается на социалистические принципы и демократический централизм; в качестве субъектов конституционного надзора выступают ВСНП и его Постоянный комитет, что формирует конституционный порядок, основанный на единстве государственной власти при функциональном разделении и координации полномочий. Конституция Российской Федерации, напротив, исходя из отказа от государственной идеологии и закрепления принципа разделения властей, выстраивает систему сдержек и противовесов при координирующей роли президента и опирается на Конституционный Суд как ключевой механизм обеспечения верховенства Конституции.

Обе конституции выполняют функции Основного закона в рамках соответствующей политической и социальной среды. Сравнение их теоретико-правовых оснований не только помогает глубже понять внутреннюю логику правового развития Китая и России, но и предоставляет важную теоретическую перспективу для анализа конституционной эволюции как социалистических государств, так и обществ, переживающих институциональную трансформацию. Вопрос о том, как обе конституционные модели будут далее развиваться в контексте национальной практики, остаётся перспективной темой для последующих исследований.

Библиография

1. Бекирова Ф. С., Габрилян Р. Р. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: модели, значение и специфика // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-konstitutsionnyy-kontrol-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah-modeli-znachenie-i-spetsifika>
2. Бошно С. В. Законодательная инициатива: внесение законопроектов в Государственную Думу // Право и образование. 2004. № 2. С. 152–169.
3. Ван Гуанхуэй. Конституционно-правовой анализ «Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» // Вестник Северо-Западного университета (Философия и социальные науки) (Journal of Northwest University: Philosophy and Social Sciences Edition). 2018. Т. 48, № 4. С. 46–52. [на кит. яз.]
4. Ван Сюй. Демократический централизм как принцип организации государственных институтов // Китайские общественные науки (中国社会科学). 2019. № 8. С. 65–87. [на кит. яз.]
5. Кокотов А. Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 12 (157). С. 11–23.
6. Конституция Китайской Народной Республики.
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.
8. Мо Цихун. Всестороннее продвижение управления государством на основе Конституции по случаю конституционной поправки // Вестник Северо-Западного университета (Философия и социальные науки) (Journal of Northwest University: Philosophy and Social Sciences Edition). 2018. Т. 48, № 4. С. 35–45. [на кит. яз.]
9. Мо Цихун. Эволюция понятия «гражданин» в конституционном тексте Китая // Права человека (人权). 2010. № 4. С. 2–6. [на кит. яз.]
10. Писарев А. Н. Российская модель формы правления в свете конституционной реформы 2020: президентская или полупрезидентская республика // Образование и право. 2020. № 9. С. 20–28.
11. У Яньдун, Хо Гуантао. Идеология в перспективе отношений «партия—государство—общество»: базовые категории, ценностные ориентиры и позитивное взаимодействие // Вестник Юго-Западного университета (Общественные науки) (Journal of Southwest University (Social Sciences Edition)). 2025. Т. 51, № 3. С. 33–45. [на кит. яз.]
12. Чжан Лиго. Правовая институционализация осуществления власти: ключ к модернизации системы государственного управления // Вестник Университета Цзишоу (Общественные науки) (Journal of Jishou University (Social Sciences Edition)). 2015. Т. 36, № 3. С. 46. [на кит. яз.]
13. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации. 2017.

Comparative Study of the Theoretical and Legal Foundations of the Constitutions of China and Russia

Chen Zhiquan

Master's Program,
Department of Theory of State and Law and Political Science,
Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University;
119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Zhiquan@mail.ru

Abstract

The object of the study is the constitutional and legal systems of the People's Republic of China and the Russian Federation, and the subject is their constitutional and doctrinal foundations (legitimation of power, ideology, rights and freedoms, organization of public authority, and mechanisms for the uniformity of law enforcement). The purpose of the work is to identify and compare these foundations and to explain how they are embodied in public authority institutions and tools for ensuring a uniform standard of judicial decisions; to achieve this, comparison criteria are clarified, the principles of ideological and political organization are analyzed, models of power distribution and approaches to rights and freedoms are compared, and mechanisms for the unification of law enforcement and their connection with doctrine are identified. The methodological basis consists of formal legal and comparative legal methods, systemic and historical-legal approaches, and doctrinal analysis.

For citation

Chen Zhiquan (2026) *Sravnitel'noye issledovaniye teoretiko-pravovykh osnovaniy konstitutsiy Kitaya i Rossii* [Comparative Study of the Theoretical and Legal Foundations of the Constitutions of China and Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 319-326. DOI: 10.34670/AR.2026.11.31.034

Keywords

Constitution of China; Constitution of Russia; theoretical and legal foundations; democratic centralism; separation of powers; constitutional review; comparative law.

References

1. Bekirova F. S., Gabrilyan R. R. Judicial constitutional control in Russia and foreign countries: models, significance and specifics // Humanitarian and legal studies. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-konstitutsionnyy-kontrol-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah-modeli-znachenie-i-spetsifika>
2. Boshno S. V. Legislative initiative: introduction of draft laws to the State Duma // Law and education. 2004. No. 2. pp. 152-169.
3. Wang Guanghui. Constitutional and legal analysis of Xi Jinping's "Ideas on Socialism with Chinese characteristics of the New Era" // Bulletin of Northwestern University (Philosophy and Social Sciences) (Journal of Northwest University: Philosophy and Social Sciences Edition). 2018. Vol. 48, No. 4. pp. 46-52. [in Chinese]
4. Wang Xu. Democratic centralism as a principle of the organization of state institutions // Chinese Social Sciences. 2019. No. 8. pp. 65-87. [in Chinese]

5. Kokotov A. N. The Constitution of Russia and ideology // Actual problems of Russian law. 2023. Vol. 18, No. 12 (157). pp. 11-23.
6. The Constitution of the People's Republic of China.
7. Constitution of the Russian Federation : adopted by popular vote on 12/12/1993 : with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020.
8. Mo Jihong. Comprehensive promotion of government based on the Constitution on the occasion of the constitutional amendment // Bulletin of Northwestern University (Philosophy and Social Sciences) (Journal of Northwest University: Philosophy and Social Sciences Edition). 2018. Vol. 48, No. 4. pp. 35-45. [in Chinese]
9. Mo Jihong. The evolution of the concept of "citizen" in the Constitutional text of China // Human Rights (人). 2010. No. 4. pp. 2-6. [in Chinese].
10. Pisarev A. N. The Russian model of the form of government in the light of the constitutional reform 2020: presidential or semi-presidential republic // Education and Law. 2020. No. 9. pp. 20-28.
11. Wu Yandong, Huo Guangtao. Ideology in the perspective of "Party—State—Society" relations: basic categories, value orientations and positive interaction // Bulletin of the Southwestern University (Social Sciences) (Journal of Southwest University (Social Sciences Edition)). 2025. Vol. 51, No. 3. pp. 33-45. [in Chinese].
12. Zhang Liguo. Legal institutionalization of the exercise of power: the key to modernizing the public administration system // Bulletin of Jishou University (Social Sciences) (Journal of Jishou University (Social Sciences Edition)). 2015. Vol. 36, No. 3. p. 46. [in Chinese]
13. Shakhrai S. M. Constitutional law of the Russian Federation. 2017.

УДК 347.921.6

DOI: 10.34670/AR.2026.39.70.035

Судебные издержки в гражданском судопроизводстве раннесоветского государства до принятия первого ГПК РСФСР

Хрипунов Александр Сергеевич

Аспирант кафедры гражданского процесса,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская, 1;
e-mail: 064alexander@gmail.com

Аннотация

Судебные издержки (судебные расходы) являются не только неотъемлемым атрибутом осуществления правосудия, но и одним из классических институтов цивилистического процесса. Интерес представляет специфика регулирования правового института судебных издержек в гражданском процессуальном праве в период 1917-1923 гг., отмечаемый кризисными явлениями в обществе. Автором проведен краткий обзор регулирования судебных издержек в гражданском судопроизводстве в дореволюционный период для определения основных направлений преемственности регулирования. Затронуты вопросы регулирования судебных издержек в гражданском судопроизводстве непосредственно в период после революции. Проанализированы первые декреты о суде, положения о народном суде РСФСР. Несмотря на высокую степень преемственности в вопросах регулирования судебных издержек из дореволюционного цивилистического процесса, автор приходит к выводу о значительном упрощении регулирования судебных издержек в гражданском судопроизводстве в указанный период. Подчеркивается роль общей социально-экономической и политико-правовой обстановки в государстве на результат регулирования судебных издержек в гражданском судопроизводстве. Делается вывод о значимости института судебных издержек в гражданском судопроизводстве как маркера состояния и развития правового государства. Между тем, указанный период по вопросам регулирования судебных издержек в гражданском судопроизводстве не находил особой популярности у исследователей.

Для цитирования в научных исследованиях

Хрипунов А.С. Судебные издержки в гражданском судопроизводстве раннесоветского государства до принятия первого ГПК РСФСР // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 327-335. DOI: 10.34670/AR.2026.39.70.035

Ключевые слова

Судебные издержки, судебные расходы, гражданское судопроизводство, гражданское процессуальное право, судебные пошлины, процессуальные расходы, революция, гражданская война, октябрьская революция, правовое государство.

Введение

Судебные издержки являются одним из классических институтов цивилистического процессуального права. Их регулирование подчёркивает не только социально-экономическую специфику общественного устройства, но и отражает политико-идеологические представления, присущие правоведам той или иной исторической эпохи. Особенно, это актуально для изучения истории отечественного государства и права, в которой происходили стремительные смены как социально-экономических условий, так и правовых идеологических установок. Вопросы регулирования судебных издержек в цивилистическом процессе в начальный период становления советского государства, до принятия первого ГПК РСФСР от 1923 г., не находили популярности у исследователей. Между тем, в вопросах, касающихся регулирования судебных издержек, можно отслеживать динамику и тенденции процессуального регулирования в переходный, кризисный период.

Основная часть

Период с 25 октября (7 ноября) 1917 г. до 22 ноября (5 декабря) 1917 г. (принятие первого Декрета о суде) является временем правовой неопределенности в отношении гражданского процессуального права. Период с октября по декабрь 1917 г. характеризуется, в целом, как период борьбы за власть. Октябрьская революция не привела к одномоментному низложению права и органов государственной власти Российской Республики, как не привела она и к одномоментному установлению всей полноты реальной власти большевиков. Как отмечает С.И. Константинов, «в 1918 году в России существовало не менее двух десятков различных правительственных режимов, советский – один из них» [Константинов, 2018, с. 289-299]. Революция являлась длящимся процессом, особенно, в том контексте, что значительную часть территории государства советское правительство не контролировало на начальных этапах Гражданской войны. Например, С.С. Малофеев указывает на «стихийный и бессистемный характер» [Малофеев, 2013, с. 102-109] перемен в судебной системе в период с октября 1917 г. С другой стороны, с учётом последующего установления власти большевиком на территории всего государства, имеет смысл производить анализ актов, именно, советского правительства, для понимания общих контуров развития общества кризисной эпохи периода 1917-1923 гг.

В контексте исследования истории судебных издержек, представляет интерес понимание специфики осуществления гражданского судопроизводства в данный кризисный период, полный правовой неопределенности, и основные тенденции развития общества во взаимосвязи с трансформациями в системе цивилистического правосудия.

В первую очередь, период Революции и Гражданской войны характеризуется гиперинфляцией (исчисляемой тысячами процентов в год), приведшей, фактически, к полному обесцениванию денег. К 1920 г. 93% всей заработной платы составлял натуральный компонент [Ольшевский, 2023, с. 56-65]. Отменяется плата за жилые помещения и коммунальные услуги. В сельской местности начинается продразвёрстка (натуральное налогообложение крестьянства). Иными словами, государство переходит на безденежное хозяйствование. Параллельно с этим, советской властью вводится трудовая повинность, что не могло не отразиться и на регулировании труда судебных юристов. Как отмечается И.С. Яртых: «... в те сложные времена при назначении правозаступника судом суд, как правило, исходя из

революционной целесообразности, не утруждал себя вопросом оплаты оказанной юридической помощи по назначению, а так как среди правозаступников оказалось много бывших присяжных поверенных, то они не считали необходимым поднимать вопрос оплаты по назначению. При таких обстоятельствах хождение по назначению стало фактически бесплатным» [Яртых, 2015, с. 81-86].

Указанными социально-экономическими обстоятельствами можно объяснить краткость и простоту изложения вопросов регулирования судебных издержек в актах большевистского правительства периода 1917-1920 гг.

Для понимания закономерностей развития правового регулирования в данной области в отмеченный период, следует кратко обозначить соответствующие особенности дореволюционного права, так как трансформация революционного права имела связь с накопленной правовой традицией.

Устав гражданского судопроизводства от 1864 г. [Судебные уставы, 1867]. (далее – УГС от 1864 г.), действовавший до октября 1917 г. (за исключением случаев применения данного Устава у местных судей по делам, которые продолжали рассматриваться, непосредственно, после революции), посвящал судебным издержкам целый раздел (раздел IV), который включал в себя 52 статьи.

Отметим коротко основные черты регулирования судебных издержек по УГС от 1864 г.:

- разнообразие пошлин и строгая их дифференциация – гербовые пошлины (для использования обязательной гербовой бумаги, ст. 844-847), судебные пошлины (пошлина за подачу заявлений в суд, ст. 848-853), канцелярские пошлины (за выдачу копий документов, ст. 854-856);

- наличие платы за вызов ответчика, место жительства которого неизвестно истцу, а также за публикацию заочного решения, в случае неизвестности места жительства ответчика (ст. 857);

- строго установленные границы денежных вознаграждений сведущим людям, свидетелям, поверенным для целей несения и распределения судебных издержек (ст. 860-862, 867);

- распределение судебных издержек в пользу выигравшей стороны со стороны проигравшей, кроме того, дополнительно налагаемое «вознаграждение за ведение дела» (ст. 868);

- наличие «права бедности», по которому малоимущее лицо имеет право просить суд освободить его от несения судебных издержек, которые, в таком случае, должны быть понесены за счет либо казны, либо другой стороны (ст. 880, 888).

Первый нормативно-правовой акт советского государства, который можно назвать источником гражданского процессуального права, был принят только 22 ноября (5 декабря) 1917 г. – Декрет о суде [Декрет о суде №1, 1917]. В период с 22 ноября (5 декабря) 1917 г. по 15 февраля 1918 г. (принятие Декрета о суде № 2 [Декрет о суде №1, 1918]), гражданское судопроизводство продолжалось только у местных судей (бывшие мировые судьи дореволюционного периода), по гражданским искам, не превышающим 3000 рублей. Местные судьи могли руководствоваться законами свергнутых правительств в той части, в которой это не противоречило декретам советской власти, революционной совести и правосознания, а также программам-минимум РСДРП и партии социалистов-революционеров (согласно п. 5 Декрета о суде). Таким образом, в контексте исследования историко-правового регулирования судебных расходов, в период с 22 ноября (5 декабря) 1917 г. по 15 февраля 1918 г. вопрос о судебных расходах был передан на усмотрение судейской дискреции (по тем гражданским делам, которые

продолжали рассматриваться в указанный период). Все остальные гражданские дела были приостановлены (п. 1 Декрета о суде), и вопросы о судебных издержках по итогам их рассмотрения уже подлежал разрешению по Декрету о суде № 2 от 15.02.1918 г. Данный акт предусматривал всего три статьи (ст. 18-20), посвященные судебным издержкам. В статье 18 устанавливались размеры судебных пошлин за подачу иска, а также право суда отсрочить уплату судебной пошлины заявителем. Статья 19 устанавливала правило взыскания понесенных судебных издержек с проигравшей стороны в пользу стороны выигравшей. При том, данная статья трансформирует норму о дополнительном взыскании в пользу выигравшей стороны вознаграждения за ведение дела, определяя, что теперь дополнительное вознаграждение может быть взыскано суммой не более 10% от суммы удовлетворенных требований, или от суммы требований, которым отказано, и часть из данного взыскания обращается в доход казны. Статья 20 устанавливала уплату судебной пошлины за подачу кассационной жалобы, как за первую инстанцию. Декрет о суде № 3 от 13 июля 1918 г. [Декрет о суде №1, 1918]. является по своей сути вспомогательным к предыдущим декретам, и не содержит каких-либо дополнительных положений о регулировании судебных издержек по гражданским делам.

Следует отметить, что, несмотря на краткость юридической техники, нормы первых декретов о суде имеют своеобразную новацию – о взыскании части вознаграждения за ведение дела в пользу казны (государства), со стороны проигравшей. С учетом того, что данными актами регулировалось не только гражданское, но и уголовное судопроизводство, можно наблюдать смешение частноправовых и публично-правовых начал в регулировании судебных издержек. С другой стороны, государство в данный период было крайне не заинтересовано в рассмотрении малозначимых дел или дел из интересов сутяжничества. Поэтому, данную норму можно воспринимать как штрафную меру для лиц, способствующих необоснованному нагружению судебной системы (с учётом уже упоминавшейся большой доли судебской дискреции в данный период).

Как отмечает А.В. Крыжан по вопросу о финансировании системы юстиции в период до 1921 г.: «Зарплаты работников юстиции были небольшими, причем ставки оплаты труда ответственных и канцелярских работников до 1921 г. мало отличались друг от друга. Хуже всего финансировались уездные бюро юстиции, которые вели всю непосредственную работу по управлению судебными участками. Им не хватало даже бумаги, поэтому отчеты, справки, отношения, копии циркуляров писались на обороте старых бланков судебных присутствий и других дореволюционных учреждений» [Крыжан, 2015, с. 122-129].

30 ноября 1918 г. был принят Декрет ВЦИК «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» [Декрет ВЦИК от 30.11.1918] (далее – Декрет ВЦИК от 30.11.1918 г.).

Данный Декрет ВЦИК от 30.11.1918 г. устанавливал полноценные основы функционирования судебной системы по уголовным и гражданским делам. Регулированию вопросов судебных издержек было посвящено 5 статей – ст. 94-98. В данном варианте регулирования возвращается дифференциация пошлин – непосредственно, пошлина (за подачу иска, заявления) и листовой сбор (с каждой получаемой и подаваемой бумаги) (ст. 94). Суду, помимо отсрочки исполнения пошлины и листового сбора, допускается освободить сторону полностью от их несения, за недостаточностью средств (ст. 95). В данной норме прослеживается сокращенный вариант «права бедности», существовавшего по УГС от 1864 г., но в более упрощенной процедуре. По Декрету ВЦИК от 30.11.1918 г. достаточно было лишь судебного

усмотрения, без конкретизации тех доказательств, что должна предоставить сторона в обоснование своей малоимущности. Труд юристов – «правозаступников» не упоминается как судебная издержка, но устанавливается, что стороне, в пользу которой решено дело, подлежит присуждение «оплаты труда правозаступников» (ст. 96). В данной статье расходы на правозаступников упоминаются через запятую с пошлинами и сборами. Отдельно отмечается, что «вместе с тем Суд может присудить с неправо́й стороны понесенный другой стороной расход и убытки, связанные с ведением дела». Исходя из прямого толкования, здесь должны подразумеваться иные расходы и убытки, которые понесла сторона, связанные с ведением дела (они уже присуждаются на основании усмотрения суда). Несовершенством юридической техники следует отметить отсутствие указания того, с кого именно подлежит взыскание судебных издержек по гражданскому делу. В то же время, ст. 42 данного Декрета устанавливает, что «члены Коллегии, как должностные лица Советской Республики, получают содержание в размере оклада, устанавливаемого для Народных Судей, по смете Народного Комиссариата Юстиции». Кроме членов Коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе, представителями сторон в гражданском процессе могли быть только близкие родственники или юрисконсульты советских учреждений (ст. 47). Согласно ст. 48, стороны должны были нести плату за участие представителей из членов Коллегии, по смете Народного Комиссариата Юстиции, которая зачислялась в доход Республики. Анализируя совокупность данных норм, можно прийти к выводу, что члены Коллегии, представители сторон в гражданском процессе, должны были получать оклады из средств государства. В то же время, сами стороны должны были, в определенной степени, компенсировать государству эти расходы. Впоследствии, данные расходы должны были взыскиваться стороне, в пользу которой состоялось решение суда. Этим можно объяснить отнесение в один ряд пошлин, листового сбора и расходов на оплату труда правозаступников, так как эти все эти издержки стороны несли в пользу государства.

Спустя почти два года, Декретом ВЦИК от 21.10.1920 г. было принято второе «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [Декрет ВЦИК от 21.10.1920] (далее – Декрет ВЦИК от 21.10.1920 г.). В данном Декрете вопросу регулирования судебных издержек было уделено и того меньше внимания – всего 2 статьи в самом конце (ст. 96 и 97). Следует отметить, что, именно, к данному времени достигли пиковых значений процессы разложения финансово-денежной системы государства. С другой стороны, вернулась норма о взыскании денежных средств в пользу государства: «Народный Суд имеет право подвергать стороны за недобросовестный иск и спор штрафу в доход Республики» (ст. 96), что ещё раз подчёркивает ориентированность регулирования гражданского судопроизводства того периода в условиях чрезвычайной, экстренной обстановки, на рассмотрении и разрешении только наиболее значимых гражданских дел. Для большего понимания истоков происхождения данной нормы ещё раз обратимся к материальному положению советской судебной системы того период. Так, по докладной записке судьи Каргапольского народного суда Уральской области в отмечаемый в данной работе период, суд не был обеспечен даже элементарными материально-техническими вещами (мебелью, помещениями, бумагой, канцелярией) [Декрет ВЦИК от 21.10.1920]. 11 ноября 1922 г. было принято Постановление ВЦИК «О введении в действие положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.» [Постановление ВЦИК от 11.11.1922], однако, оно не содержало каких-либо норм о регулировании судебных издержек.

Несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, незначительность вопроса регулирования

судебных издержек в гражданском судопроизводстве в указанный период, при анализе следует прийти к выводу, что практически шесть лет (с октября 1917 г. по октябрь 1923 г.) судебная система осуществляла судопроизводство без наличия детального регулирования вопроса о судебных издержках. Даже в условиях экстренной общественно-политической и социально-экономической ситуации, за такой длительный срок, у многих граждан неизбежно возникала потребность в разрешении тех или иных гражданских дел, требующих ординарных механизмов рассмотрения и разрешения (а значит, и ординарных механизмов взаимодействия с профессиональными юристами-представителями, экспертами, переводчиками, свидетелями и т.д.). С другой стороны, обозначенная выше финансово-денежная обстановка в государстве, связанная с обесцениванием денежной массы и частичным переходом государства на натуральное хозяйствование, обуславливает чисто технические сложности в организации несения и распределения судебным издержек, которые носят, преимущественно, денежные характер (в ординарных условиях).

Изучение правоприменительной практики в отношении судебных расходов по гражданским делам и в современное время представляет методологическую сложность, не говоря уже о периоде Революции и Гражданской войны. А.В. Семенов отмечает сложности в обобщении судебной практики по делам, рассматриваемым народными судьями в указанный период, ввиду отсутствия единого органа судебного надзора за тот период, а также низкий образовательный уровень народных судей, к которым предъявлялись определенные социально-политические цензы[Семенов, 2012, с. 87-91].

Подводя итоги анализа регулирования вопросов судебных издержек в период Революции и Гражданской войны на основании нормативно-правовых актов советского правительства, следует прийти к следующим выводам:

- регулирование вопроса судебных издержек в указанный период в нормативно-правовых актах, регулирующих порядок судопроизводства по гражданским делам, отличалось краткостью и значительным сокращением норм, по сравнению с дореволюционным регулированием;

- сохранялась определенная преемственность со спецификой дореволюционного регулирования судебных издержек, например, трансформированное «право бедности», позволяющее суду освободить заявителя от несения судебных издержек, а также таксирование возмещения издержек, связанных с оплатой услуг профессиональных юристов-представителей;

- судебные издержки в указанный период по гражданским делам могли выступать так же в роли штрафных механизмов для сторон, необоснованно заявляющих исковые требования или способствующих затягиванию процесса, росту сутяжничества, так как раннесоветское государство в данный период не было заинтересовано в рассмотрении малозначительных гражданских дел;

- в условиях социо-экономического кризиса, приведшего к частичному переходу к натуральному способу хозяйствования в государстве, вопрос о судебных издержках в рамках гражданского судопроизводства отходил на второй план в законодательстве, что подтверждается чрезмерной краткостью регулирования данного вопроса в Декрете ВЦИК от 21.10.1920 г., даже по сравнению с иными актами советского правительства по вопросам регулирования гражданского судопроизводства.

Некоторыми авторами подчеркивается доминирующая идеологическая направленность в деятельности большевиков по строительству новых органов власти и по вопросам регулирования их функционирования: «Пришедшие к власти в России в октябре 1917 года

большевики руководствовались в своей деятельности идеологическими установками классиков марксизма-ленинизма [орфография автора сохранена – прим.]. Эта установки были направлены на слом старого буржуазного государства, включая его правоохранительные органы и систему судов» [Семенов, 2012, с. 87-91] - как постулирует К.А. Алапбаров. С данным тезисом нельзя в полной степени согласиться. Безусловно, идеологическая направленность имеет место быть в правотворческой деятельности большевиков. Рассмотрение же опыта регулирования судебных расходов в гражданском судопроизводстве со стороны раннесоветской власти, соотнося его с обстановкой в государстве, позволяет сделать вывод о прикладной, ситуативной направленности регулирования в данной области, призванной решить вопросы «здесь и сейчас», избежать некоторых рисков (например, чрезмерной загруженности судов малозначительными гражданскими делами), а так же пополнить казну государства.

Заключение

Регулирование судебных расходов по гражданским делам может служить одним из цивилизационных маркеров состояния государства. Чем государство более стабильно в общественно-политическом и социально-экономическом плане, чем более надежна его судебная правовая система и устойчивы его финансово-денежные институты, тем большее внимание законодателем, правоприменителем уделяется процедурным вопросам, отдельным институтам процессуальной отрасли права, которые, тем не менее, в своей совокупности в сложном комплексе правового регулирования с остальными процессуальными (и материальными) нормами образуют в своей системности тот каркас цивилизованной формы отправления правосудия, который соответствует представлениям о правовом и демократическом государстве. Чем больше норм о регулировании отдельных вопросов тех или иных сторон судопроизводства, тем в большей степени это количество переводит гражданский процесс на более высокий уровень качественного состояния. Напротив, деградация гражданского судопроизводства может выражаться в деградации детализации регулирования отдельных процессуальных институтов. В условиях разрушения экономической, правовой, политической системы государства, таким вопросам, как регулирование судебных издержек, в революционное время уделялось внимание незначительное, взамен привнося в регулирование нормы, вызванные той или иной экстренной или чрезвычайной необходимостью. Анализ указанного периода отечественной истории государства и права, применительно к конкретному институту судебных издержек, позволяет более детально понимать закономерности развития правовой системы современных государств, пребывающих в похожих социально-экономических и политических состояниях.

Библиография

14. Алапбаров К.А. Становление отечественного суда и формирование принципов судопроизводства в 1917-1936 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2005. 10 с.
15. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
16. Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.
17. Декрет ВЦИК от 30.11.1918 «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // Известия ВЦИК. 1918. № 269; № 270.
18. Декрет СНК от 13.07.1918 г. № 3 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.
19. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства.

1917. № 17.
20. Константинов С.И. Законодательная база и судебная практика «белого» движения на востоке России в 1918-1920 гг. // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. Выпуск 5. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2018. С. 289-299.
21. Корчин А.А. Становление органов судебной власти советского государства и судебное правотворчество // Вестник ТГУ. 2009. № 2. С. 184-190.
22. Крыжан А.В. Финансирование и материальное обеспечение местных органов и учреждений юстиции Советской России в 1918-1930-е гг. // Экономический журнал. 2015. № 2 (38). С. 122-129.
23. Малофеев С.С. Формирование судебных органов РСФСР и законодательные основы деятельности органов юстиции в 1917-1921 гг. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 102-109.
24. Ольшевский В.Г. Денежная культура России: к реализму в науке, индивидуальном и общественном сознании // НАУ. 2023. № 86-3. С. 56-65.
25. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
26. Семенов А.В. Становление системы народных судов РСФСР в 1917-1922 гг. // Вестник ВятГУ. 2012. № 4-1. С. 87-91.
27. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Типография 2 отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. URL: <https://www.prilib.ru/item/372592>
28. Яртых И.С. Бесплатная юридическая помощь: история, мифы и реальность // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 81-86.

Court Costs in Civil Proceedings of the Early Soviet State before the Adoption of the First CPC of the RSFSR

Aleksandr S. Khripunov

Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure,
Saratov State Law Academy,
410056, 1, Volskaya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: 064alexander@gmail.com

Abstract

Court costs (court expenses) are not only an integral attribute of the administration of justice, but also one of the classic institutions of civil procedure. Of interest is the specificity of the regulation of the legal institution of court costs in civil procedural law during the period 1917-1923, marked by crisis phenomena in society. The author provides a brief overview of the regulation of court costs in civil proceedings in the pre-revolutionary period to determine the main directions of continuity of regulation. Issues of regulation of court costs in civil proceedings directly in the post-revolutionary period are touched upon. The first decrees on courts and provisions on the people's court of the RSFSR are analyzed. Despite a high degree of continuity in the regulation of court costs from pre-revolutionary civil procedure, the author concludes that there was a significant simplification of the regulation of court costs in civil proceedings during this period. The role of the general socio-economic and political-legal situation in the state on the result of the regulation of court costs in civil proceedings is emphasized. A conclusion is drawn about the significance of the institution of court costs in civil proceedings as a marker of the state and development of the rule of law. Meanwhile, this period regarding the regulation of court costs in civil proceedings has not found particular popularity among researchers.

For citation

Khripunov A.S. (2026) *Sudebnyye izderzhki v grazhdanskom sudoproizvodstve rannesovetskogo gosudarstva do prinyatiya pervogo GPK RSFSR* [Court Costs in Civil Proceedings of the Early Soviet State before the Adoption of the First CPC of the RSFSR]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 327-335. DOI: 10.34670/AR.2026.39.70.035

Keywords

Court costs, court expenses, civil proceedings, civil procedural law, court fees, procedural expenses, revolution, civil war, October Revolution, rule of law.

References

1. Alakparov, K. A. (2005). *Stanovleniye otechestvennogo suda i formirovaniye printsipov sudoproizvodstva v 1917-1936 gg.* [Formation of the Domestic Court and Formation of Principles of Legal Proceedings in 1917-1936] (Candidate's abstract). Research Institute of the Federal Penitentiary Service.
2. Decree of the All-Russian Central Executive Committee No. 2 of March 7, 1918 "On the Court". (1918). *SU RSFSR*, No. 26, Art. 420.
3. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of October 21, 1920 "Regulation on the People's Court of the Russian Socialist Federative Soviet Republic". (1920). *SU RSFSR*, No. 83, Art. 407.
4. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of November 30, 1918 "On the People's Court of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (Regulation)". (1918). *Izvestiya VTsIK*, No. 269; No. 270.
5. Decree of the Council of People's Commissars No. 3 of July 13, 1918 "On the Court". (1918). *SU RSFSR*, No. 52, Art. 589.
6. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of November 24, 1917 "On the Court". (1917). *Gazeta Vremennogo Rabochego i Krestyanskogo Pravitelstva*, No. 17.
7. Judicial Statutes of November 20, 1864. (1867). (2nd ed.). Typography of the 2nd Department of H.I.M. Chancellery. Retrieved from <https://www.prilib.ru/item/372592>
8. Khripunov, A. S. (2026) *Sudebnyye izderzhki v grazhdanskom sudoproizvodstve rannesovetskogo gosudarstva do prinyatiya pervogo GPK RSFSR* [Litigation Costs in Civil Proceedings of the Early Soviet State before the Adoption of the First Civil Procedure Code of the RSFSR].
9. Konstantinov, S. I. (2018). Zakonodatel'naya baza i sudebnaya praktika "belogo" dvizheniya na vostokey Rossii v 1918-1920 gg. [Legislative Framework and Judicial Practice of the "White" Movement in Eastern Russia in 1918-1920]. In *Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava* (Issue 5, pp. 289-299). Ural State Law University.
10. Korchin, A. A. (2009). Stanovleniye organov sudebnoy vlasti sovetskogo gosudarstva i sudebnoye pravotvorchestvo [Formation of Judicial Authorities of the Soviet State and Judicial Law-Making]. *Vestnik TGU*, (2), 184-190.
11. Kryzhan, A. V. (2015). Finansirovaniye i materialnoye obespecheniye mestnykh organov i uchrezhdeniy yustitsii Sovetskoy Rossii v 1918-1930-e gg. [Financing and Material Support of Local Bodies and Institutions of Justice in Soviet Russia in 1918-1930]. *Ekonomicheskii zhurnal*, (2), 122-129.
12. Malofeev, S. S. (2013). Formirovaniye sudebnykh organov RSFSR i zakonodatelnyye osnovy deyatel'nosti organov yustitsii v 1917-1921 gg. [Formation of Judicial Bodies of the RSFSR and Legislative Foundations of the Activities of Justice Bodies in 1917-1921]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki*, (3-1), 102-109.
13. Olshevsky, V. G. (2023). Denezhnaya kultura Rossii: k realizmu v nauke, individualnom i obshchestvennom soznanii [Monetary Culture of Russia: Towards Realism in Science, Individual and Public Consciousness]. *NAU*, (86-3), 56-65.
14. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 11, 1922 "On Bringing into Force the Regulation on the Judicial System of the R.S.F.S.R." (1922). *SU RSFSR*, No. 69, Art. 902.
15. Semeno, A. V. (2012). Stanovleniye sistemy narodnykh sudov RSFSR v 1917-1922 gg. [Formation of the System of People's Courts of the RSFSR in 1917-1922]. *Vestnik VyatGU*, (4-1), 87-91.
16. Yartikh, I. S. (2015). Besplatnaya yuridicheskaya pomoshch: istoriya, mify i realnost [Free Legal Aid: History, Myths and Reality]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava*, (12), 81-86.

УДК 34**DOI: 10.34670/AR.2026.19.29.036****Элементы системы юридических гарантий защиты прав потребителей в гражданском судопроизводстве****Миннебаев Ринат Амирович**

Аспирант,
кафедра гражданского и предпринимательского права,
Университет управления «ТИСБИ»,
420012, Российская Федерация, Казань, ул. Мушгари, 13;
e-mail: rinatm1234@icloud.com

Аннотация

В представленной статье раскрыты элементы системы юридических гарантий защиты прав потребителей в гражданском судопроизводстве. Систему правовых инструментов, обеспечивающих «действительное» равенство субъектов потребительских правоотношений, следует рассматривать через категорию «юридические гарантии». Наличие системы юридических гарантий, выраженных в установлении дополнительных защитных механизмов, преимуществ истцу — потребителю на всех стадиях развития гражданского судопроизводства создает особый процессуальный режим в рамках искового производства. По результатам исследования выделено четыре элемента системы юридических гарантий защиты прав потребителей в гражданском судопроизводстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Миннебаев Р.А. Элементы системы юридических гарантий защиты прав потребителей в гражданском судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 336-341. DOI: 10.34670/AR.2026.19.29.036

Ключевые слова

Потребитель, гражданское судопроизводство, юридические гарантии, элементы юридических гарантий, защита прав потребителей, процессуальные преференции, исковое производство, правовые институты, правоположения, публичные органы.

Введение

Процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий дел обусловлены материальными правоотношениями, основанием их возникновения и последующей трансформации. Предмет регулирующего воздействия нормативных регуляторов на определенный участок общественных отношений определяет обособленность данных общественных отношений. Предмет отраслевой обособленности обусловлена, безусловно, однородностью общественных отношений, общностью субъектного состава. Вместе с тем, исходя из особой социальной значимости общественных отношений, может быть также предметное обособление как в случае с потребительскими правоотношениями. Формальное равенство продавца и покупателя в договоре розничной купли-продажи, когда одной из сторон является продавец(изготовитель), агрегатор а с другой потребитель предполагает введение правовых инструментов, обеспечивающих наличие сдержек и противовесов, направленных на уравнивание прав и обязанностей субъектов потребительских правоотношений.

Основная часть

Система правовых инструментов, обеспечивающих «действительное» равенство субъектов потребительских правоотношений, на наш взгляд, следует рассматривать через категорию «юридические гарантии», которые присущи как материальным регулятивным правоотношениям, так и охранительным процессуальным правоотношениям. Юридические гарантии в рамках потребительских правоотношений следует рассматривать исходя из норм материального права, установленных в Законе о ЗПП и норм процессуального права, закрепленных в ГПК РФ. На споры, возникающие из потребительских правоотношений, распространяется соответствующий охранительный потенциал посредством установления процедурных особенностей рассмотрения данной категории дел, исключительно в рамках гражданского судопроизводства. Соответственно социальная значимость потребительских правоотношений, находит свое выражение последовательно на всех этапах развития, включая экстраординарный принудительный этап восстановления нарушенного субъективного права потребителя.

Юридические гарантии применительно к потребительским правоотношениям следует рассматривать как взаимосвязанную систему элементов, основанных на нормах материального и процессуального права с целью обеспечения защиты прав потребителей. Нормативные регуляторы устанавливают охранительные институты, интегрированные в материальные и процессуальные отрасли права с целью обеспечения дополнительного защитного потенциала потребительских правоотношений, как отношений, имеющих особую социальную значимость в регулировании общественных отношений. Помимо нормативной основы систему юридических гарантий образует деятельность специальных субъектов, обеспечивающих реализацию защитного потенциала. К числу таких субъектов, относятся публичные органы, в силу закона обеспечивающих реализацию охранительных институтов.

Этимологическое значение слово «элемент» означает составную часть чего-либо, компонент. Выделение элементов позволяет выстроить систему и показать их взаимосвязь в достижении законодательно определенной цели. Юридические гарантии защиты прав потребителей в гражданском судопроизводстве представляют собой систему нормативных регуляторов, устанавливающих дополнительные возможности для экономически более слабой

стороны истца-потребителя в защите своего предположительного нарушенного права посредством закрепления «процессуальных предпочтений» в виде установления дополнительных процессуальных институтов либо изменения их содержания, а также расширения дискреционных полномочий суда в процессе рассмотрения дела и установления возможности вступления в процесс и дачи заключения по делу специального субъекта – Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в субъектах Российской Федерации. Наличие системы юридических гарантий, выраженных в установлении дополнительных защитных механизмов, созданных на создание преимуществ истцу – потребителю на всех стадиях развития гражданского судопроизводства создает особый процессуальный режим в рамках искового производства.

Элементы системы юридических гарантий защиты прав потребителей в гражданском судопроизводстве проявляются на всех стадиях развития гражданского судопроизводства путем закрепления особенностей применения процессуальных институтов и дискреционных возможностей суда как на уровне процессуального законодательства, так и правовых позиций Верховного Суда РФ.

Систему юридических гарантий защиты прав потребителей в гражданском судопроизводстве образуют следующие элементы: во-первых, принципы гражданского судопроизводства, определяющие основы особого процессуального режима рассмотрения дел в сфере защиты прав потребителей, во-вторых, правовые институты с целью обеспечения дополнительного защитного потенциала потребительских правоотношений, в-третьих, правоположения, определяющие особенности судебной практики по делам в сфере защиты прав потребителей, в-четвертых, деятельность публичных органов, обеспечивающих реализацию охранительных правовых институтов. Все элементы системы юридических гарантий защиты прав потребителей в гражданском судопроизводстве взаимосвязаны и раскрываются по отдельным стадиям в динамике развития гражданского судопроизводства.

Принципы гражданского судопроизводства как основополагающие начала определяют общий порядок отправления искового производства и основания для существования особого правового режима рассмотрения отдельных категорий гражданских дел. Е.С. Кошечева отмечает, что реализация принципа гражданского судопроизводства обусловлена процессуальными особенностями производства в суде [Кошечева, 2025].

Правовые институты как совокупность правовых норм, устанавливающих особый процессуальный режим в исковом производстве, выступают следующим элементом системы юридических гарантий защиты прав потребителей в гражданском судопроизводстве. Динамика развития гражданских процессуальных отношений предполагает наличие строго определенных и последовательно развивающихся стадий, каждая из которых имеет свои определенные задачи и степень участия различных субъектов гражданских процессуальных отношений. В рамках каждой стадии гражданского судопроизводства выделяется совокупность правовых норм, определяющих во взаимодействии модель поведения участников судопроизводства и полномочия суда на осуществление руководства процессом. Как отмечает Ю.А. Веденеев право существует в форме институтов и в форме представлений об институтах, поскольку представление чего-либо (феномен) имеет концептуальное измерение в представлении о чем-либо (понятие) [Веденеев, 2020]. Правовые институты в гражданском судопроизводстве при рассмотрении дел в сфере защиты прав потребителей трансформируются и наделяются дополнительным защитным потенциалом для того, чтобы создать дополнительные гарантии для потребителя истца либо создаются специальные правовые институты, призванные обеспечивать

социальную направленность российского государства при рассмотрении отдельных категорий дел устанавливая определенные процессуальные преференции для лиц, участвующих в деле либо путем установления дополнительных дискреционных полномочий суда, рассматривающего дело. Таким образом ординарный режим искового производства трансформируется в особый процессуальный режим, применяемый к делам о защите прав в сфере потребительских правоотношений.

Правоположения как элемент системы юридических гарантий, определяющих особенности судебной практики по делам в сфере защиты прав потребителей, являются логическим продолжением практики применения правовых институтов. В доктрине сложилось мнение о самостоятельном значении правоположений как самостоятельного регулятора потребительских правоотношений. С.Ю. Баранов считает, что судебная практика по делам о защите прав потребителей наряду с нормативно-правовым регулированием обеспечивает правовое регулирование отношений с участием потребителей [Баранов, 2010]. Правоположения, сформулированные в позициях Верховного Суда РФ имеют важное значение с точки зрения создания дополнительного процедурного защитного механизма рассмотрения дел в суде и определение дополнительных дискреционных полномочий суда, в отличие от ординарного режима искового производства.

Завершающим элементом системы юридических гарантий защиты прав потребителей в гражданском судопроизводстве выступает деятельность публичных органов, обеспечивающих реализацию охранительных правовых институтов. Публичные органы, обеспечивающие реализацию охранительных правовых институтов, можно разделить на две группы. Во-первых, суд общей юрисдикции, выступающий одновременно как орган, осуществляющий правосудие в форме гражданского судопроизводства и как орган государственной власти, создающий благоприятные условия для функционирования экономической системы. Ко второй группе субъектом можно отнести публичные органы, обеспечивающие реализацию охранительных правовых институтов, выступающие в гражданском судопроизводстве в качестве лиц, участвующих в деле, которые имея материальную заинтересованность в исходе дела (в силу служебных полномочий) предоставляют преимущества экономически слабой и зависимой стороне – потребителю.

Заключение

Можно заключить, что систему правовых инструментов, обеспечивающих «действительное» равенство субъектов потребительских правоотношений, следует рассматривать через категорию «юридические гарантии», которые присущи как материальным регулятивным правоотношениям, так и охранительным процессуальным правоотношениям. Юридические гарантии применительно к потребительским правоотношениям следует рассматривать как взаимосвязанную систему элементов, основанных на нормах материального и процессуального права с целью обеспечения защиты прав потребителей.

Библиография

1. Баранов С.Ю. Роль судебной практики в правовом регулировании потребительских отношений // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 9. С. 24-26.
2. Веденеев Ю.А. Смена гештальта: юриспруденция в эпоху перемен (окончание) // Государство и право. 2020. № 2. С. 7-24.

3. Кошечева Е.С. К вопросу об особенностях порядка рассмотрения дел судом апелляционной инстанции в гражданском и административном судопроизводствах // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 7. С. 45-49.
4. Minnebaev, R. A. (2026) *Elementy sistemy yuridicheskikh garantiy zashchity prav potrebiteley v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Elements of the System of Legal Guarantees for Consumer Protection in Civil Proceedings].

Elements of the System of Legal Guarantees for Consumer Protection in Civil Proceedings

Rinat A. Minnebaev

Postgraduate Student,
Department of Civil and Business Law,
University of Management "TISBI",
420012, 13, Mushtari str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: rinatm1234@icloud.com

Abstract

The presented article reveals the elements of the system of legal guarantees for consumer protection in civil proceedings. The system of legal instruments ensuring "actual" equality of subjects of consumer legal relations should be examined through the category of "legal guarantees." The presence of a system of legal guarantees, expressed in the establishment of additional protective mechanisms and advantages for the plaintiff-consumer at all stages of the development of civil proceedings, creates a special procedural regime within the framework of action proceedings. Based on the results of the study, four elements of the system of legal guarantees for consumer protection in civil proceedings are identified.

For citation

Minnebaev R.A. (2026) *Elementy sistemy yuridicheskikh garantiy zashchity prav potrebiteley v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Elements of the System of Legal Guarantees for Consumer Protection in Civil Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 336-341. DOI: 10.34670/AR.2026.19.29.036

Keywords

Consumer, civil proceedings, legal guarantees, elements of legal guarantees, consumer protection, procedural preferences, action proceedings, legal institutions, legal provisions, public bodies.

References

1. Baranov, S. Yu. (2010). Rol sudebnoy praktiki v pravovom regulirovanii potrebitelskikh otnosheniy [The Role of Judicial Practice in the Legal Regulation of Consumer Relations]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, (9), 24-26.
2. Koshcheeva, E. S. (2025). K voprosu ob osobennostyakh poryadka rassmotreniya del sudom apellyatsionnoy instantsii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstvakh [On the Issue of the Specifics of the Procedure for Considering Cases by the Court of Appeal in Civil and Administrative Proceedings]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, (7), 45-49.
3. Minnebaev, R. A. (2026) *Elementy sistemy yuridicheskikh garantiy zashchity prav potrebiteley v grazhdanskom*

-
- sudoproizvodstve* [Elements of the System of Legal Guarantees for Consumer Protection in Civil Proceedings].
4. Vedeneev, Yu. A. (2020). *Smena geshtalta: yurisprudentsiya v epokhu peremen (okonchaniye)* [Gestalt Change: Jurisprudence in an Era of Change (Ending)]. *Gosudarstvo i pravo*, (2), 7-24.

УДК 349.6

DOI: 10.34670/AR.2026.29.58.037

**Правовые и экологические аспекты конкуренции на рынке
мясной продукции в условиях биотехнологической революции и
трансформации системы НАССР**

Тутарищева Светлана Муратовна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: tutas1966@mail.ru

Цеева Светлана Касимовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Селивёрстова Ирина Григорьевна

Кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры технологического
менеджмента и социально-экономических дисциплин,
Кубанский казачий государственный
институт пищевой индустрии и бизнеса (филиал)
Московского государственного университета технологий
и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4 литер Е;
e-mail: sig@nxt.ru

Макаова Заира Азаматовна

Студент,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: zairfmk7@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию трансформации конкурентной среды на рынке мясной продукции под влиянием биотехнологической революции, экологических ограничений и модернизации системы НАССР. Обосновывается необходимость перехода к гибридной модели регулирования, сочетающей традиционные подходы к безопасности пищевых продуктов с новыми стандартами, применимыми к альтернативным источникам белка. Научная новизна заключается в разработке концепции «адаптивной архитектуры НАССР», а также выявлении правовых пробелов, влияющих на условия конкуренции на рынке мясной продукции.

Для цитирования в научных исследованиях

Тутарищева С.М., Цеева С.К., Селивёрстова И.Г., Макаова З.А. Правовые и экологические аспекты конкуренции на рынке мясной продукции в условиях биотехнологической революции и трансформации системы НАССР // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 342-348. DOI: 10.34670/AR.2026.29.58.037

Ключевые слова

Рынок мясной продукции, адаптивная архитектура НАССР, культивируемое мясо, биотехнологии, экологическое регулирование, конкуренция, конкурентное право, альтернативные источники белка, продовольственная безопасность, устойчивое развитие.

Введение

На современном этапе рынок мясной продукции демонстрирует устойчивый рост и структурные изменения, обусловленные развитием альтернативных источников белка. Увеличение численности населения и рост доходов в ряде государств способствуют повышению спроса на мясные изделия. Однако этот процесс сопровождается возникновением ряда противоречий в экономической, экологической и правовой сферах, что требует выработки соответствующих мер государственного регулирования и отраслевой адаптации.

Основная часть

Согласно аналитическим оценкам Food and Agriculture Organization и OECD, мировое потребление мяса демонстрирует устойчивую тенденцию к росту и увеличится на 47,9 млн тонн в период с 2025 по 2034 гг., в результате чего формируется нагрузка на природные ресурсы и актуализируется необходимость поиска иных моделей производства [OECD, FAO, 2025]. Таким образом, выявленная тенденция носит не фрагментарный, а системный характер и требует комплексного пересмотра существующих подходов.

В развитых странах, прежде всего в государствах OECD, включая страны Европейского союза, а также США, Канада и Япония, отмечается снижение потребления отдельных видов мяса, прежде всего, говядины и свинины. При этом увеличивается спрос на мясо птицы, которая рассматривается как более доступная альтернатива. В странах с высоким уровнем дохода, классифицируемых Всемирным Банком, потребители все чаще ориентируются на такие характеристики продукции, как экологичность, условия производства и безопасность, что

приводит к стагнации и даже возможному снижению потребления традиционного мяса в отдельных регионах. Ключевым фактором, ускоряющим данные процессы, выступает экологическая повестка, оказывающая непосредственное влияние на конкурентную структуру рынка [Абесалашвили, Тутаришева, Пшизова, 2018, с. 64].

Под адаптивной архитектурой НАССР в настоящем исследовании предлагается понимать динамическую систему управления безопасностью продукции, учитывающую особенности новых технологий и экологические требования

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ, системный подход, а также экономико-правовой метод, направленный на оценку влияния регулирования на конкретную среду.

В условиях биотехнологического перехода экологические факторы перестали играть второстепенную роль, они приобретают определяющее значение для формирования конкурентных преимуществ производителей. Наблюдается усиление давления на традиционную мясную промышленность со стороны глобальных экологических протоколов, таких как Парижское соглашение (2015 г.) и стратегия ЕС «Farm to Fork». Сегодня воздействия традиционного животноводства на окружающую среду достигает уровня 14,5% антропогенных выбросов по данным FAO [FAO, 2013]. В условиях климатического транзита это формирует значимые экономические риски. Высокая эмиссия метана в совокупности с механизмами СВМ становится существенным барьером для выхода на рынок. В этой системе культивируемое мясо рассматривается как возможность снижения экологической нагрузки [European Commission, 2023]. Согласно данным LCA существенная экономия земельных ресурсов и воды формирует новые конкурентные преимущества. В результате возникает правовой пробел: классический НАССР, разработанный исключительно для биобезопасности, на сегодняшний день не обеспечивает полного учета специфики биотехнологических процессов. Разница в требованиях к производствам создает асимметрию, то есть предоставляет преимущества одним компаниям и искажают конкурентную среду, предлагается внедрение «адаптивной архитектуры НАССР», в которой экологические параметры интегрированы в систему критических точек (ССР). Это позволит закрепить экологические характеристики продукции как юридически значимое конкурентное преимущество.

Технология производства данного продукта предусматривает последовательное выполнение следующих этапов: забор клеточного материала, его инкубирование в питательной среде и дальнейшее культивирование в биореакторах при строго контролируемых параметрах. В ходе клеточного деления происходит формирование мышечных волокон, морфологически и структурно воспроизводящих натуральное мясо. Данный подход обуславливает перенос производственного процесса из сферы традиционного сельского хозяйства в область промышленной биотехнологии, что влечёт за собой трансформацию методов организации производства и систем контроля качества продукции.

Идея культивируемого мяса получила практическое подтверждение еще в Лондоне в 2013 г. Данный эксперимент провел Марк Пост, профессор Маастрихтского университета, его работа стала первым публичным доказательством возможности создания мясной продукции не из организма животного. В рамках эксперимента был представлен первый в мире бургер, состоящий из мышечной ткани. Несмотря на высокую себестоимость, данный проект подтвердил возможность промышленного производства культивируемого мяса [Post, 2012, с. 300].

Однако, несмотря на значительные технологические достижения, его широкое внедрение

ограничено рядом факторов: высокая капиталоемкость процесса, необходимость поддержания строгих стерильных условий, создание и эксплуатация биореакторов, неопределенность потребительского спроса и недостаточность правовой базы [Stephens et al., 2018, с. 156]. В связи с этим возрастает актуальность анализа трансформации мясного рынка, который формируется исходя из новых инноваций. В этих условиях особое значение приобретает переосмысление роли системы НАССР.

Традиционная система НАССР базируется на принципах Codex Alimentarius для линейных агропромышленных процессов, основной акцент делается на идентификации и мониторинге факторов риска на отдельных стадиях производства [Codex Alimentarius Commission, 2020]. В то же время в отечественной научной литературе НАССР рассматривается как механизм обеспечения безопасности пищевой продукции [Кузнецова, Юрчак, Гируцкая, 2014; Попова, Трухина, Михайлова, 2016].

Следовательно, и контрольные точки (ССР) тут больше связаны с внешними условиями. Необходимо отметить, что при производстве культивируемого мяса характер регулирования существенно меняется. Здесь качество и безопасность продукции напрямую зависят от параметров самого процесса: условий работы биореактора, стабильности клеточных культур и состава питательной среды. Даже незначительные параметры, такие как, уровень pH и стерильность, могут влиять на конечный результат.

Такой подход позволяет, с одной стороны, упростить признание инновационной продукции на рынке, с другой - создать более равные условия конкуренции между традиционными и биотехнологическими производителями. Новые контрольные точки (ССР) способствуют выравниванию условий конкуренции крупных фермеров и биотехнологий. В современных условиях НАССР трансформируется в динамичную систему управления рисками. Безопасность продукции приобретает значение фактора конкурентного преимущества. Согласно ГОСТ Р 51705.1-2024[ГОСТ Р 51705.1-2024], эффективность деятельности определяется умением внедрять современные методы контроля. Эксперты из ФНЦ им. Горбатова подтверждают: интеграция экостандартов в систему НАССР - это и есть залог честной конкуренции и открытости бизнеса.

Научная новизна исследования заключается в следующем: - предложено авторское определение адаптивной архитектуры НАССР как динамической системы управления рисками; - обоснована трансформация НАССР в инструмент регулирования конкурентных отношений; - выявлены проблемы в классической модели НАССР; - доказана роль экологических факторов как элемента конкурентного регулирования.

Таблица 1 - Сравнение традиционного и культивируемого мяса

Параметр	Традиционное мясо	Культивируемое мясо	Адаптивная НАССР
Риски производства	Биологические	Технологические	Комплексные (био+техно+экология)
Тип производства	Животноводство	Биотехнология	Гибридная модель контроля
ССР	Фиксированные, классические	Расширенные, технологические	Динамичные, интегрированные;
Влияние на конкуренцию	Рост издержек	Инновационные преимущества	Выравнивание условий
Регулирование	Сформированное	Формирующееся	Интегрированное
Экологический фактор	Высокий уровень выбросов	Снижение нагрузки	Интеграция ССР

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о том, что ключевые различия заключаются в характере рисков и применяемых подходов к их контролю. В этих условиях адаптивная архитектура HACCP обеспечивает более точный учет специфики биотехнологического производства и способствует укреплению конкурентных позиций производителей. В зарубежных правовых порядках регулирование клеточной продукции находится на начальной стадии. В Европейском союзе такая продукция рассматривается в рамках режима Novel Food. В США контроль осуществляется в рамках распределения полномочий между FDA и USDA. Отсутствие единого подхода к регулированию приводит к формированию регуляторной асимметрии между производителями.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что развитие биотехнологий существенно влияет на рынок мясной продукции и изменяет условия конкуренции между производителями. Появление культивируемого мяса формирует новую институциональную среду, в которой классическая система HACCP оказывается недостаточной. В работе обосновано, что ключевым направлением эволюции регулирования становится переход к адаптивной архитектуре HACCP, которая позволит более точно оценить существующие риски, в результате чего такой подход упрощает вывод инновационных продуктов на рынок и одновременно делает конкуренцию сбалансированной.

Дальнейшее развитие отрасли во многом будет зависеть от внедрения новых подходов к регулированию, учитывающих как технологические, так и экологические аспекты. Научный вклад исследования заключается в развитии теоретических представлений о системе HACCP как перспективное направление развития правового регулирования, обеспечивающие интеграцию требований безопасности, экологической устойчивости и конкурентно равновесия. Предложенный подход может быть использован при формировании политики в сфере устойчивого развития и регулирования продовольственных рынков.

Библиография

1. Абесалашвили М.З., Тутаришева С.М., Пшизова Е.Н. HACCP и техническое регулирование как компонент безопасности продукции в системе экологического и предпринимательского права // *Colloquium-Journal*. 2018. № 12-4 (23). С. 64-67.
2. ГОСТ Р 51705.1-2024. Системы менеджмента безопасности пищевой продукции. Требования к системе HACCP на предприятиях мясной промышленности. Москва: Стандартинформ, 2024.
3. Кузнецова О.А., Юрчак З.А., Гируцкая А.Е. Системы управления качеством и обеспечения безопасности, основанные на принципах HACCP // *Все о мясе*. 2014. № 1. С. 11-13.
4. Попова А.Ю., Трухина Г.М., Михайлова О.М. Внедрение принципов HACCP на предприятиях пищевой промышленности // *Гигиена и санитария*. 2016. Т. 95. № 11. С. 1083-1086.
5. Codex Alimentarius Commission. General Principles of Food Hygiene CXC 1-1969 (Rev. 2020) : HACCP System and Guidelines for its Application. Rome : FAO/WHO, 2020.
6. European Commission. Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) // *Official Journal of the European Union*. 2023.
7. FAO. Tackling climate change through livestock : a global assessment of emissions and mitigation opportunities. Rome : FAO, 2013. URL: <http://www.fao.org/3/i3437e.pdf>
8. OECD; FAO. Agricultural Outlook 2025-2034. Paris : OECD Publishing, 2025. URL: <https://www.oecd.org>
9. Post M.J. Cultured meat from stem cells: challenges and prospects // *Meat Science*. 2012. Vol. 92. P. 297-301.
10. Stephens N., Di Silvio L., Dunsford I. et al. Bringing cultured meat to market: technical, socio-political, and regulatory challenges in cellular agriculture // *Trends in Food Science & Technology*. 2018. Vol. 78. P. 155-166.

Legal and Environmental Aspects of Competition in the Meat Products Market under the Conditions of the Biotechnological Revolution and Transformation of the HACCP System

Svetlana M. Tutarishcheva

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Research and Educational Cluster "Institute of Law",
Adygea State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: tutas1966@mail.ru

Svetlana K. Tseeva

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
Research and Educational Cluster "Institute of Law",
Adygea State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Irina G. Seliverstova

PhD in Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department
of Technological Management and Socio-Economic Disciplines,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (branch)
of the K.G. Razumovsky Moscow State University
of Technologies and Management (First Cossack University),
353500, 4 liter E, Sovetskaya str., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: sig@nxt.ru

Zaira A. Makaova

Student,
Research and Educational Cluster "Institute of Law",
Adygea State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: zairfmk7@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the transformation of the competitive environment in the meat products market under the influence of the biotechnological revolution, environmental constraints, and the modernization of the HACCP system. The necessity of transitioning to a hybrid

regulatory model that combines traditional approaches to food safety with new standards applicable to alternative protein sources is substantiated. The scientific novelty lies in the development of the concept of an "adaptive HACCP architecture," as well as the identification of legal gaps affecting the conditions of competition in the meat products market.

For citation

Tutarishcheva S.M., Tseeva S.K., Seliverstova I.G., Makaova Z.A. (2026) Pravovyye i ekologicheskiye aspekty konkurentsii na rynke myasnoy produktsii v usloviyakh biotekhnologicheskoy revolyutsii i transformatsii sistemy HACCP [Legal and Environmental Aspects of Competition in the Meat Products Market under the Conditions of the Biotechnological Revolution and Transformation of the HACCP System]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 342-348. DOI: 10.34670/AR.2026.29.58.037

Keywords

Meat products market, adaptive HACCP architecture, cultivated meat, biotechnology, environmental regulation, competition, competition law, alternative protein sources, food security, sustainable development.

References

1. Abesalashvili, M. Z., Tutarisheva, S. M., & Pshizova, E. N. (2018). KhACCP i tekhnicheskoye regulirovaniye kak komponent bezopasnosti produktsii v sisteme ekologicheskogo i predprinimatelskogo prava [HACCP and Technical Regulation as a Component of Product Safety in the System of Environmental and Business Law]. *Colloquium-Journal*, (12-4), 64-67.
2. Codex Alimentarius Commission. (2020). *General Principles of Food Hygiene CXC 1-1969 (Rev. 2020): HACCP System and Guidelines for its Application*. FAO/WHO.
3. European Commission. (2023). Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM). *Official Journal of the European Union*.
4. FAO. (2013). *Tackling climate change through livestock: A global assessment of emissions and mitigation opportunities*. FAO. Retrieved from <http://www.fao.org/3/i3437e.pdf>
5. GOST R 51705.1-2024. (2024). *Sistemy menedzhmenta bezopasnosti pishchevoy produktsii. Trebovaniya k sisteme HACCP na predpriyatiyakh myasnoy promyshlennosti* [Food Safety Management Systems. Requirements for the HACCP System in the Meat Industry]. Standartinform.
6. Kuznetsova, O. A., Yurchak, Z. A., & Girutskaya, A. E. (2014). Sistemy upravleniya kachestvom i obespecheniya bezopasnosti, osnovannyye na printsipakh KhACCP [Quality Management and Safety Assurance Systems Based on HACCP Principles]. *Vsyo o myase*, (1), 11-13.
7. OECD, & FAO. (2025). *Agricultural Outlook 2025-2034*. OECD Publishing. Retrieved from <https://www.oecd.org>
8. Popova, A. Yu., Trukhina, G. M., & Mikhailova, O. M. (2016). Vnedreniye printsipov KhACCP na predpriyatiyakh pishchevoy promyshlennosti [Implementation of HACCP Principles at Food Industry Enterprises]. *Gigiyena i sanitariya*, 95(11), 1083-1086.
9. Post, M. J. (2012). Cultured meat from stem cells: Challenges and prospects. *Meat Science*, 92, 297-301.
10. Stephens, N., Di Silvio, L., Dunsford, I., et al. (2018). Bringing cultured meat to market: Technical, socio-political, and regulatory challenges in cellular agriculture. *Trends in Food Science & Technology*, 78, 155-166.

УДК 347.5:377.1

DOI: 10.34670/AR.2026.45.64.038

Ответственность за причинение вреда педагогу

Реймер Ладвига Рудольфовна

Аспирант, кафедра гражданского права,
Оренбургский государственный университет,
Руководитель МДОАУ № 79 г. Орск,
460000, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13;
e-mail: reimer.albert@yandex.ru

Бедрин Виталий Сергеевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Доцент кафедры информатики и математики,
Волгоградская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
400000, Российская Федерация, Волгоград, ул. Историческая, 130;
e-mail: bedrin@example.ru

Аннотация

Объект данного исследования — общественные отношения, складывающиеся в сфере защиты прав и законных интересов педагогических работников при причинении им вреда. Предмет исследования — нормы российского законодательства, устанавливающие ответственность за причинение вреда личности, а также научные доктрины и судебная практика по вопросам защиты прав педагогов. Цель работы — комплексный анализ форм вреда, причиняемого педагогам, и выявление несоответствия между существующими правовыми механизмами их защиты и реальным положением учителя в современном российском обществе. Для достижения цели поставлены задачи: 1) классифицировать виды вреда; 2) соотнести их с мерами ответственности; 3) выявить причины правовой незащитности педагога; 4) предложить пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы анализа. Результатом исследования выступает объективный вывод о необходимости усиления не только юридической, но и социально-воспитательной функции права для обеспечения действительной защиты педагогических работников, а также конкретные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в российской действительности.

Для цитирования в научных исследованиях

Реймер Л.Р., Бедрин В.С. Ответственность за причинение вреда педагогу // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 349-356. DOI: 10.34670/AR.2026.45.64.038

Ключевые слова

Педагогические работники, юридическая ответственность, причинение вреда, моральный вред, правовая защита, образовательная среда, правовой нигилизм, буллинг, компенсация морального вреда, деликт.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена глубоким противоречием между декларируемой высокой социальной миссией педагога и его фактическим правовым положением так как в условиях трансформации общественных отношений, падения авторитета учителя и роста конфликтности в образовательной среде случаи причинения вреда педагогам перестали быть единичными и приобрели системный характер. Эмпирическая картина действительности свидетельствует об увеличении числа обращений учителей в правоохранительные органы по фактам оскорблений, угроз и побоев со стороны обучающихся и их родителей, когда педагог, призванный формировать личность, сам оказался уязвим перед агрессией. Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы могут быть использованы для совершенствования законодательства об образовании, административного и гражданского законодательства, а также для выработки рекомендаций судам и правоприменительным органам. Существует острая прикладная необходимость нормативной реализации эффективных механизмов защиты, которые бы не только карали нарушителей, но и реально предотвращали посягательства на честь, достоинство, здоровье и имущество учителя. Отсутствие таких механизмов подрывает не только авторитет отдельного педагога и личности, но и всей системы образования, дискредитирует саму идею безопасности образовательной среды, гарантированную государством.

Материалы и методы

Под ответственностью в контексте данного исследования понимается обязанность лица, причинившего вред, претерпеть неблагоприятные последствия личного, имущественного или организационного характера, предусмотренные санкцией правовой нормы и применяемые в установленном процессуальном порядке [Кант, 1903; Гегель, 1990; Кельзен, 2015; Иеринг, 1895; Петражицкий, 1907]. Вред педагогу может выражаться в различных формах, требующих дифференцированного подхода к самой правовой квалификации - физический вред включает побои, телесные повреждения, причинение вреда здоровью любой степени тяжести, что влечет за собой наступление уголовной или административной ответственности в зависимости от степени тяжести и последствий [Ганузин, 2022; Реан и др., 2022]. Имущественный вред выражается в уничтожении или повреждении личного имущества педагога, находящегося при нем (одежда, гаджеты, учебные пособия, транспортные средства), что квалифицируется как административное правонарушение или преступление против собственности, а также служит основанием для гражданско-правового иска о возмещении убытков [Гринева, 2020; Шаганова, 2020]. Особого внимания заслуживает моральный вред, под которым понимаются физические или нравственные страдания, вызванные унижением чести и достоинства, оскорблениями, распространением порочащих сведений, клеветой [Морозова, Шакурова, Шлей, 2025; Хайруллин, Туманова, 2015]. В современную цифровую эпоху особую остроту приобретает распространение порочащей информации в социальных сетях, мессенджерах и на интернет-

платформах, где травля педагога может принимать масштабный и неуправляемый характер [Хайруллин, Бакланов, Ямалова, 2025].

Методологическую основу исследования составили как общенаучные методы, включая диалектический метод познания, анализ, синтез, индукцию и дедукцию, позволившие рассмотреть проблему в развитии и взаимосвязи с социальными процессами, так и частно научные методы правоведения. Формально-юридический метод применен для анализа норм Гражданского кодекса РФ, Кодекса об административных правонарушениях РФ, Уголовного кодекса РФ, Федерального закона «Об образовании в РФ» и подзаконных актов. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления различных видов ответственности и выявления коллизий между ними. Метод системного анализа позволил рассмотреть проблему правовой защиты педагога как элемент более широкой системы социальных отношений и государственной политики в сфере образования. Эмпирическую базу составили материалы судебной практики, публикации в средствах массовой информации и данные социологических опросов педагогического сообщества.

Результаты исследования

Рассматривая формы вреда, причиняемого педагогу, необходимо соотнести их с конкретными видами юридической ответственности причинителя - при причинении физического вреда и особо циничных форм морального вреда наступает уголовная ответственность для лиц, достигших 16 лет, либо административная ответственность, но ключевая проблема возникает, когда вред причинен обучающимся, не достигшим возраста административной или уголовной ответственности, или малолетним. В этих случаях ответственность за причиненный вред возлагается на родителей или законных представителей в порядке гражданского судопроизводства - здесь проявляется первый уровень незащитности педагога: ему необходимо инициировать гражданский иск, собирать доказательства, доказывать факт причинения вреда и степень страданий, что в условиях продолжающегося образовательного процесса крайне затруднительно. Бремя доказывания лежит на потерпевшем педагоге, который должен не только зафиксировать факт правонарушения, но и обосновать размер компенсации морального вреда, что является субъективной и сложно доказуемой категорией.

Ответственность общества и государства выражается в создании нормативной базы и условий труда, к сожалению, в российском обществе педагог практически незащищен - эта незащитность носит системно-деструктивный характер и имеет глубокие социальные корни. Прежде всего, наблюдается девальвация статуса учителя в общественном сознании, сформировавшаяся в постсоветский период. Педагог воспринимается не как носитель знаний и нравственности, а как поставщик образовательных услуг, к которому применимы потребительские требования. Вторым фактором выступает правовой нигилизм, распространенный среди всех участников образовательных отношений, когда родители зачастую не осознают границ своей ответственности, считая, что школа обязана справляться с любыми проблемами самостоятельно, а любые замечания в адрес ребенка воспринимают как личное оскорбление.

Анализ законодательства выявляет существенные пробелы в правовом регулировании - статья 47 Федерального закона «Об образовании в РФ» декларирует право учителя на защиту чести и достоинства, на справедливое и объективное расследование нарушений норм

профессиональной этики, но не содержит действенных механизмов оперативного реагирования на правонарушения непосредственно в школе. Администрация образовательных учреждений зачастую занимает позицию сглаживания конфликта, оказывая давление на педагога с целью примирения с обидчиками или квалификации инцидента как следствия недостаточной педагогической компетентности. Школьные конфликты редко доходят до правоохранительных органов, так как директорат стремится избежать огласки, которая может негативно отразиться на рейтинге образовательной организации, и такая практика формирует у обучающихся и их родителей чувство безнаказанности и вседозволенности.

Судебная практика по взысканию компенсации морального вреда в пользу педагогов незначительна, а суммы компенсаций, назначаемые судами, крайне низки и не выполняют ни компенсаторной, ни превентивной функции. Суды, руководствуясь принципами разумности и справедливости, назначают компенсации в размерах, совершенно несоизмеримых с глубиной нравственных страданий педагога, чья профессиональная репутация и психологическое благополучие могут быть разрушены, а сама процедура доказывания в суде требует от педагога значительных временных и эмоциональных затрат, а результат зачастую не оправдывает ожиданий, что формирует неверие в эффективность судебной защиты.

Рассматривая вопрос через призму морального закона, мы наблюдаем его грубейшее нарушение так как профессия педагога исторически предполагала уважение и почет как воплощение служения знанию и воспитанию. Сегодня происходит девальвация этих ценностей, что подтверждается ростом числа конфликтов, унижений, буллинга в отношении учителей. Право, призванное охранять моральные устои, оказывается недостаточно эффективным, чтобы пресечь эту тенденцию, когда разрыв между общественной моралью, которая еще сохраняет представление об уважении к старшим и наставникам, и реальным поведением, подкрепленным отсутствием правовых последствий, становится все более очевидным.

Особого внимания заслуживает вопрос воспитания детей, которые причиняют вред педагогу, не осознавая в полной мере общественной опасности своих поступков. Несовершеннолетние правонарушители часто действуют под влиянием группового давления, стремления к самоутверждению или копируя модели поведения, принятые в семье или транслируемые через медиaprостранство тогда их правосознание формируется в условиях, когда грубость по отношению к учителю остается безнаказанной либо влечет лишь формальную беседу. Школа, лишенная реальных рычагов воздействия на обучающихся и их родителей, оказывается бессильной. Отсутствие механизмов ранней профилактики и оперативного реагирования на девиантное поведение приводит к эскалации конфликтов и формированию устойчивых антисоциальных установок.

Для торжества морального и юридического закона необходим эффективный комплекс мер, затрагивающих законодательный, правоприменительный и воспитательный аспекты. На законодательном уровне представляется необходимым нормативно усилить статус педагога путем введения квалифицированного состава административного правонарушения за оскорбление педагога при исполнении им должностных обязанностей, по аналогии с оскорблением представителя власти, но с учетом специфики образовательной среды. Целесообразно также внести изменения в Кодекс об административных правонарушениях, установив повышенную ответственность родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию детей, если это привело к посягательству на права педагога. Важно законодательно закрепить обязанность образовательной организации оказывать всестороннюю правовую и психологическую поддержку педагогу, пострадавшему от противоправных действий, включая

финансирование юридической помощи за счет средств образовательного учреждения или специально созданных страховых фондов. На уровне правоприменения необходимо создание школьных служб медиации с обязательным участием профессиональных юристов и психологов, которые могли бы оперативно разрешать конфликты на ранних стадиях. Судебная практика должна ориентироваться на более высокие размеры компенсации морального вреда, с тем чтобы они выполняли не только компенсаторную, но и превентивную функцию, то есть параллельно требуется активизировать воспитательную работу: введение программ по формированию уважения к труду педагога, курсов по правовому просвещению родителей об ответственности за действия их детей, а также программ повышения психолого-педагогической компетентности самих учителей по профилактике и разрешению конфликтов. Только эффективный синтез жестких правовых мер и системной воспитательной работы способен восстановить социальную справедливость и обеспечить реальную защиту педагогических работников.

Обсуждение

Необходимо взглянуть на проблему шире, чем просто на конфликт между участниками образовательного процесса, речь идет о деформации социального контракта в сфере образования. Государство, передавая образовательный и воспитательный процесс в руки школы, обязано гарантировать безопасность всем его участникам, включая учителя. Неэффективность правовой защиты педагога - это маркер более глубоких проблем: размывание профессиональных границ, где родители и ученики считают себя вправе оценивать и критиковать учителя на бытовом уровне, и правовой нигилизм, перерастающий в правовой беспредел в отношении тех, кто не может дать симметричный ответ в силу профессиональной этики и субординации. Дискуссионным остается вопрос о пределах вмешательства государства в образовательный процесс - где заканчивается свобода педагогического творчества и начинается необходимость защиты от агрессии? Возможно, целесообразно рассмотреть вопрос о введении обязательного психологического тестирования обучающихся на склонность к агрессивному поведению и разработке индивидуальных программ коррекции. Нам представляется, что дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение зарубежного опыта защиты прав учителей, где существуют эффективные модели школьной юстиции и медиации, а также на разработку методик объективной оценки морального вреда, причиняемого педагогам, с целью унификации судебной практики.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что правовое положение педагога в России характеризуется критическим дисбалансом между его обязанностями и реальной защищенностью. Исследование показало, что существующие гражданско-правовые, административные и уголовные механизмы, хотя формально и предусматривают ответственность за причинение вреда, на практике часто оказываются неэффективными из-за сложности процедур, незначительности санкций, отсутствия должной поддержки со стороны администрации школ и государства, а также низкой правовой культуры участников образовательных отношений. Причинение морального и физического вреда учителю является не только частным деликтом, но и серьезным вызовом общественной нравственности и авторитету образовательной системы в целом. Восстановление этого авторитета требует не

точечных изменений, а системной реформы, включающей ужесточение законодательства об ответственности за посягательства на педагога, создание реальных механизмов правовой и психологической помощи, внедрение эффективных досудебных процедур урегулирования конфликтов и последовательную работу по возвращению в общественное сознание понимания высокого статуса педагогического труда как фундамента национального развития. Только при соблюдении этих условий можно говорить о действительной, а не декларативной защите прав тех, кто обучает и воспитывает будущие поколения.

Библиография

1. Ганузин В.М. Насилие, направленное против учителей: анализ современных исследований // Проблемы современного образования. 2022. № 6. С. 80-88. DOI 10.31862/2218-8711-2022-6-80-88.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. Москва: Мысль, 1990. 524 с.
3. Гринева Р.И. Явление буллинга в школе: учителя-жертвы // Вопросы педагогики. 2020. № 11-2. С. 127-129.
4. Иеринг Р. фон. Борьба за право / пер. с нем. О.А. Верта. Санкт-Петербург: Тип. Я. Трей, 1895. 90 с.
5. Кант И. Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве. Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, 1903. 60 с.
6. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2015. 540 с.
7. Морозова С.В., Шакурова З.А., Шлей Д.А. Моральное развитие подростков и юношей в современном обществе // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 2.
8. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. Спб. акц. общ. «Слово», 1907. 308 с.
9. Подростковая агрессия в отношении учителя: опыт столкновения и связь с личностными факторами / А.А. Реан, А.В. Егорова, И.А. Коновалов, Р.Г. Кузьмин // Сибирский психологический журнал. 2022. № 85. С. 118-143. DOI 10.17223/17267080/85/6.
10. Хайруллин В.А., Бакланов И.С., Ямалова Э.Н. Экономика и социология современного образования // Дискуссия. 2025. № 1 (134). С. 6-32. DOI 10.46320/2077-7639-2025-1-134-6-32.
11. Хайруллин В.А., Туманова А.Ю. Социально-философский анализ правовой дифференциации феномена агрессии // Евразийский юридический журнал. 2015. № 2 (81). С. 227-229.
12. Шаганова О.М. Об уголовной ответственности за насилие в отношении педагогического работника образовательного учреждения // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 187-189.

Liability for Harm Caused to a Teacher

Ladviga R. Reimer

Postgraduate Student, Department of Civil Law,
Orenburg State University,
Head of Preschool Educational Institution No. 79 in Orsk,
460000, 13, Pobedy ave., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: reimer.albert@yandex.ru

Vitalii S. Bedrin

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Informatics and Mathematics,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
400000, 130, Istoricheskaya str., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: bedrin@example.ru

Abstract

The object of this research is the social relations that develop in the sphere of protecting the rights and legitimate interests of pedagogical workers when harm is caused to them. The subject of the research is the norms of Russian legislation establishing liability for harm caused to an individual, as well as scientific doctrines and judicial practice on issues of protecting the rights of teachers. The purpose of the work is a comprehensive analysis of the forms of harm caused to teachers and the identification of the discrepancy between existing legal mechanisms for their protection and the actual position of teachers in modern Russian society. To achieve this goal, the following tasks are set: 1) to classify the types of harm; 2) to correlate them with liability measures; 3) to identify the causes of the legal defenselessness of teachers; 4) to propose ways to improve legislation and law enforcement practice. The methodological basis consists of formal-legal, comparative-legal, and systemic methods of analysis. The result of the research is an objective conclusion about the need to strengthen not only the legal but also the socio-educational function of law to ensure genuine protection of pedagogical workers, as well as specific proposals for improving legislation and law enforcement practice in the Russian reality.

For citation

Reimer L.R., Bedrin V.S. (2026) *Otvetstvennost' za prichineniye vreda pedagogu* [Liability for Harm Caused to a Teacher]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 349-356. DOI: 10.34670/AR.2026.45.64.038

Keywords

Pedagogical workers, legal liability, causing harm, moral harm, legal protection, educational environment, legal nihilism, bullying, compensation for moral harm, tort.

References

1. Ganuzin, V. M. (2022). Nasiliye, napravlennoye protiv uchiteley: analiz sovremennykh issledovaniy [Violence against Teachers: An Analysis of Modern Research]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, (6), 80-88. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2022-6-80-88>
2. Grineva, R. I. (2020). Yavleniye bullinga v shkole: uchitelya-zhertvy [The Phenomenon of Bullying at School: Teachers as Victims]. *Voprosy pedagogiki*, (11-2), 127-129.
3. Hegel, G. W. F. (1990). *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Mysl. (Original work published 1821)
4. Ihering, R. von. (1895). *Borba za pravo* [The Struggle for Law]. Tipografiya Ya. Trey. (Original work published 1872)
5. Kant, I. (1903). *Metafizika нравов. Metafizicheskiye nachala ucheniya o prave* [Metaphysics of Morals: Metaphysical Principles of the Doctrine of Law]. P. P. Soikin.
6. Kelsen, H. (2015). *Chistoye ucheniye o prave* [The Pure Doctrine of Law]. Alef-Press. (Original work published 1960)
7. Khairullin, V. A., Baklanov, I. S., & Yamalova, E. N. (2025). *Ekonomika i sotsiologiya sovremennogo obrazovaniya* [Economics and Sociology of Modern Education]. *Diskussiya*, (1), 6-32. <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2025-1-134-6-32>
8. Khairullin, V. A., & Tumanova, A. Yu. (2015). *Sotsialno-filosofskiy analiz pravovoy differentsiatsii fenomena agressii* [Social and Philosophical Analysis of the Legal Differentiation of the Phenomenon of Aggression]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (2), 227-229.
9. Morozova, S. V., Shakurova, Z. A., & Shley, D. A. (2025). *Moralnoye razvitiye podrostkov i yunoshey v sovremennom obshchestve* [Moral Development of Adolescents and Young Men in Modern Society]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*, 13(2).
10. Petrazhitsky, L. I. (1907). *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriyey нравstvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality] (Vol. 1). Tipografiya Sankt-Peterburgskoy aktsionemoy obshchestva "Slovo".
11. Rean, A. A., Egorova, A. V., Konovalov, I. A., & Kuzmin, R. G. (2022). *Podrostkovaya agressiya v otnoshenii uchitelya: opyt stolknoveniya i svyaz s lichnostnymi faktorami* [Adolescent Aggression towards a Teacher: The Experience of Confrontation and the Connection with Personal Factors]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*, (85), 118-

143. <https://doi.org/10.17223/17267080/85/6>

12. Shaganova, O. M. (2020). Ob ugovnoy otvetstvennosti za nasiliye v otnoshenii pedagogicheskogo rabotnika obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [On Criminal Liability for Violence against a Teaching Staff Member of an Educational Institution]. Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, (1), 187-189.

УДК 347.9

DOI: 10.34670/AR.2026.51.65.039

К вопросу о компенсаторной функции судебной неустойки**Скурлатов Владислав Сергеевич**

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
начальник юридического отдела,
Акционерное общество «ЛенОблАИЖК»,
197101, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Барочная, 10;
e-mail: skurlatovvladislav@yandex.ru

Аннотация

Цель исследования — ответить на вопрос о том, выполняет ли судебная неустойка компенсаторную функцию. Автор ставит перед собой такую цель, поскольку считает, что результаты проведенного им анализа могут быть положены в основу дальнейших юридических исследований о правовой природе судебной неустойки. С момента включения института судебной неустойки в законодательство России позиции ученых относительно наличия у астрента компенсаторной функции разделились. Указанный вопрос своего окончательного разрешения так и не получил, поэтому озвученная проблема требует самостоятельного изучения. Используемые автором методы (формально-юридический метод, метод сравнения, системный метод, логический метод) позволяют сопоставить институты судебной неустойки и компенсации убытков и выявить, обладает ли астрент собственным предметом компенсации. В ходе предложенного сравнения автор заключает, что назначение института убытков — компенсация, тогда как основной целью астрента компенсация не является, а значит сам астрент не относится к разновидности компенсации и не выполняет компенсаторную функцию, поскольку, во-первых, не выступает суррогатом основного исполнения, а дополняет его путем косвенного принуждения должника к его осуществлению; во-вторых, астрент не исключает гражданско-правовых форм компенсации, взыскивается по отношению к ним кумулятивно.

Для цитирования в научных исследованиях

Скурлатов В.С. К вопросу о компенсаторной функции судебной неустойки // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 357-366. DOI: 10.34670/AR.2026.51.65.039

Ключевые слова

Судебная неустойка, астрент, убытки, компенсация, компенсаторная функция, правовая природа, судебный акт, гражданско-правовая ответственность, стимулирующая функция.

Введение

Институт судебной неустойки (астрента) закреплен в пункте 1 статьи 308.3 ГК РФ, части 3 статьи 206 ГПК РФ, части 4 статьи 174 АПК РФ. Согласно упомянутым нормам закона судебная неустойка присуждается в пользу истца в случае неисполнения ответчиком судебного акта, обязывающего последнего совершить определенные действия.

С момента имплементации этих норм в законодательство России в отечественной правовой науке не утихают споры о правовой природе астрента. Например, астрент понимается учеными как разновидность неустойки [Харитонов, 2016, с. 30-31], частный штраф [Ерохова, 2014, с. 34-37], гражданско-правовая ответственность [Городилова, 2018, с. 36-37], факультативный денежный способ исполнения неденежного обязательства [Гальперин, 2018, с. 148], санкция процессуального характера [Ярков, 2023, с. 44-46] и т. д. Самым обширным обзором научных концепций относительно правовой сущности судебной неустойки, на наш взгляд, следует назвать статью А. В. Фиошина «О правовой природе астрента» [Фиошин, 2021], в которой автор приводит следующие взгляды на правовую природу судебной неустойки: ответственность за неисполнение судебного акта, компенсация, способ обеспечения исполнения обязательств и т. д.

Сказанное, на наш взгляд, подчеркивает актуальность исследования функций судебной неустойки, ибо именно с помощью выявления функций правового института можно установить его правовую природу. В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть вопрос о том, выполняет ли судебная неустойка компенсаторную функцию, поскольку ответ на этот вопрос позволит выявить соотношение астрента с гражданско-правовой неустойкой, институтом компенсации убытков, определить, является ли судебная неустойка механизмом юридической ответственности и т. д. Как следствие, ответ на поставленный вопрос станет основой для определения правовой природы судебной неустойки в последующих юридических исследованиях.

Судебная неустойка представляет собой денежное взыскание, налагаемое на ответчика за неисполнение акта правосудия. Помимо «наказания» ответчика, судебная неустойка удовлетворяет определенный финансовый интерес истца, ибо взыскивается в его пользу. Подобное взыскание представляет собой плату за ожидание кредитором исполнения должником своей обязанности, констатированной судом. Время как в профессиональном гражданском обороте, так и в быту граждан является ценным ресурсом, подчас более ценным, чем деньги. Временные затраты способны вызвать простой и срыв производства, инфляционные потери, утрату интереса в исполнении, порчу товара, просрочку перед кредиторами и т. д. Время развивается линейно, его невозможно обернуть вспять. Затраченное время можно только компенсировать. Неисполнение должником обязанности перед кредитором имеет свое развитие во времени. Чем дольше должник не исполняет решение суда, тем больше негативных последствий от такого сопротивления терпит кредитор. Чтобы ожидание кредитора не было бессмысленным и не причиняло ему несоразмерный вред, астрент предполагает присуждение с должника денежных сумм в течение всего периода неисполнения. С этих позиций астрент выполняет компенсаторную функцию.

В пункте 3 утратившего силу Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта», которым регулировалось применение судебной неустойки до ее законодательного закрепления, в качестве одной из целей присуждения астрента упоминалась компенсация за

ожидание соответствующего исполнения.

На компенсаторную функцию судебной неустойки указывает и современная судебная практика. Например, в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18 сентября 2023 г. № Ф02-4793/23 по делу № А19-12537/2022 относительно астрента суд провозгласил следующее: «Таким образом, действующее гражданское законодательство позволяет взыскателю требовать компенсации за ожидание исполнения судебного акта», – обозначив судебную неустойку как своеобразную плату за промедление должником в исполнении акта правосудия.

Литературный обзор

В научной литературе распространена позиция о компенсационном характере астрента. Так, Е. С. Луценко пишет: «Судебная неустойка (астрент) является одним из способов защиты прав кредитора, представляет собой особую меру воздействия на недобросовестного должника, которая выполняет стимулирующую и компенсационную функцию, понуждая должника к надлежащему исполнению решения суда по неденежному требованию под угрозой неблагоприятных имущественных последствий» [Луценко, 2016, с. 59-60]. Н. А. Резина, Л. В. Иванова отмечают, что судебная неустойка направлена на побуждение к своевременному исполнению судебного акта по неденежному требованию и компенсацию за ожидание соответствующего исполнения [Резина, Иванова, 2016, с. 21].

Ю. Ю. Афолина полагает, что на астрент как на институт гражданско-правовой ответственности указывает его компенсационная функция. Так, по мнению автора, под давлением астрента неисполнение должником обязательства становится менее выгодным, чем его исполнение, а значит, астрент компенсирует взыскателю его «невыгодное положение» [Афолина, 2016, с. 48-49]. Здесь, на наш взгляд, автор допускает смешение финансового положения кредитора и должника. Соизмерение выгод и издержек от неисполнения решения суда и, как результат, уплаты сумм астрента осуществляется только должником, кредитору же нужно исключительно реальное исполнение, а финансовая выгода от взыскания астрента – побочный результат применения этого института. Взыскатель при присуждении астрента не предстает перед этой дилеммой, ее должен разрешить должник. Более того, указанная характеристика астрента, которая квалифицирована автором как компенсационная функция, на самом деле является стимулирующей функцией. Должник определяет два вида издержек: 1) издержки, связанные с исполнением судебного акта, и 2) издержки, связанные с уплатой астрента. Вторые издержки являются альтернативными и должны превысить по своей величине издержки первого порядка. Таким образом, суммы астрента, перспективно превышая издержки по исполнению судебного акта, формируют у должника определенные стимулы к исполнению решения суда.

Вывод о компенсационной природе судебной неустойки можно обнаружить и в статье К. С. Кочкуровой, где автор в качестве одного из оснований для классификации видов астрента приводит «адресата компенсации» [Кочкурова, № 1 (256), с. 53].

В научной литературе высказывается и противоположная позиция о том, что астрент не является компенсацией. Например, Р. С. Зардов исходит из того, что «если в случае с неустойкой в основе лежит идея компенсации имущественного интереса кредитора, то в случае с астрентом на первый план выходит стимулирование (устрашение) должника к своевременному исполнению судебного решения за счет возможности наложения на него дополнительных

штрафных санкций» [Зардов, 2018, с. 67-69]. Аналогичной позиции придерживаются Н. С. Купцов, Л. В. Зарапина: «В то время как неустойка призвана возместить, компенсировать кредитору гипотетические убытки за недобросовестное исполнение должником принятого на себя обязательства, астрент имеет ярко выраженный стимулирующий характер, проявляющийся в необходимости принудить проигравшую по делу сторону добровольно, вне обращения к специализированным государственным органам исполнения, исполнить вынесенное судебное решение» [Купцов, Зарапина, 2022, с. 51]. Похожая точка зрения высказана в научно-практическом комментарии к статье 308.3 ГК РФ: «Астрент не носит компенсационный характер. Его задача не в том, чтобы покрыть убытки истца, которые у того возникают из-за неисполнения ответчиком судебного решения, а в том, чтобы уstrasшить ответчика и заставить считаться с судебным решением, немедленно и неукоснительно его исполнить» [Карпетов (отв. ред.), 2022, с. 434]. С. А. Краснова пишет, что у судебной неустойки отсутствует компенсационная направленность [Краснова, 2020, с. 106].

Таким образом, налицо две противоположные научные позиции относительно того, выполняет астрент компенсаторную функцию или нет.

Исследовательская часть

Компенсаторная функция астрента возникла в результате понимания данного института как платы за ожидание исполнения должником судебного акта. Астрент взыскивается в форме всеобщего эквивалента – денежных средств, которые по своей сути и назначению способны выступать суррогатом любого исполнения, ибо исполнение обязательства имеет экономическую ценность, а значит, может быть оценено денежной суммой. Сторонами по обязательству об уплате астрента являются кредитор и должник по первоначальному обязательству, поэтому при уплате кредитору сумм астрента должник предоставляет ему своего рода компенсацию за неисполнение основного обязательства.

Если оценивать астрент как компенсацию, то необходимо уточнить, что именно компенсирует должник кредитору, когда не исполняет решение суда. Неисполнение судебного решения есть неисполнение обязательства, констатированного таким решением. При неисполнении обязательства должник впадает в просрочку с соответствующими правовыми последствиями, например, отвечает за убытки, вызванные просрочкой исполнения, несет ответственность за наступившую невозможность исполнения, уплачивает кредитору неустойку, подпадает под риск удорожания аналогичного исполнения в результате инфляции, компенсирует судебные расходы, связанные с удовлетворением притязания кредитора и т. д. Как соотносятся суммы, уплачиваемые должником в качестве астрента, с этими последствиями, которые также подлежат финансовой оценке? Должен ли астрент, компенсируя ожидание кредитора, поглощать требования об уплате неустойки, взыскиваемой с должника в качестве компенсации за несвоевременное исполнение обязательства? Исключает ли астрент взыскание убытков? Должен ли астрент соотноситься с институтом убытков аналогично, как с этим институтом соотносится инструмент взыскания неустойки? В ряде случаев должник уплачивает кредитору денежные суммы помимо неисполнения обязательства, например, когда возмещает потери, платит за отказ от договора и т. д. Каково соотношение астрента с этими суммами?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо определить, является ли астрент инструментом компенсации. Компенсировать – то же, что возместить (потери, убытки, упущенное время), то есть заменить чем-нибудь недостающее или утраченное [Ожегов, Шведова, 2006, с. 92, 288].

Следовательно, компенсация есть эквивалентный суррогат первоначального блага, способный удовлетворить интерес лица, в пользу которого присуждается компенсация. Компенсация обеспечивает баланс интересов, восполняет недостающее благо. В экономическом обороте компенсация чаще всего выступает в виде денег ввиду их наивысшей ликвидности: способность денег быть обмениваемыми на любые товары, работы, услуги превращает их в универсальное средство компенсации потерь.

В силу своего назначения компенсация не может обогащать потерпевшего сверх того, что он утратил, она не является вознаграждением за страдания, не выступает «выигрышем». Компенсация есть эквивалент утраченного – не больше и не меньше.

Определение размера компенсации производится простым уравнением, где к компенсации приравнивается объем понесенных потерь, убытков, страданий и проч. Компенсация предполагает точный подсчет затрат на возврат к прежнему состоянию, восстановление *status quo*, реституцию. Коль скоро мы имеем равенство «Компенсация = утраченное благо», то способ подсчета компенсации всецело зависит от порядка калькуляции утраченного блага, формула «Компенсация + утраченное благо» недопустима, ибо противоречит принципу справедливости, поскольку обогащает пострадавшего сверх нормы. Соответственно, недопустимо наравне с требованием о предоставлении основного блага просить присудить компенсацию – нужно выбрать что-то одно.

Астрент как денежное взыскание предполагает наличие собственных правил подсчета. Так, по действующему праву суд при определении размера астрента должен руководствоваться принципами справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения. Подобные правила вполне применимы для подсчета компенсации убытков.

Взыскание астрента должно быть справедливым: судебная неустойка присуждается только в том случае, когда должник не исполняет решение и когда такое неисполнение находится в его власти. Размер сумм астрента должен быть соразмерным последствиям неисполнения судебного акта. Например, взыскание ежедневно астрента в виде одного миллиона рублей за неисполнение судебного акта о передаче индивидуально-определенной вещи стоимостью пятьдесят тысяч рублей явно несоразмерно. С точки зрения требования соразмерности, взыскание астрента с перспективой на определенный период времени (данный период времени является строго индивидуальным и зависит от характера обязательства) должно быть менее выгодным для должника, чем неисполнение судебного акта.

Этому тезису соответствует следующий принцип – недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения. Если ситуация диаметрально противоположная: взыскание астрента более выгодно (в значительной или незначительной части), чем неисполнение решения суда, то должнику предпочтительнее заплатить астрент, чем исполнять решение. Поэтому размер астрента должен быть таким, чтобы исключить любые злоупотребления должника по неисполнению акта правосудия.

Результаты

Компенсация обладает свойством адресности, то есть она направлена на восполнение конкретного утраченного блага. В этом случае и астрент, если он является компенсацией, должен возмещать определенные утраты в имущественной массе кредитора, причем эти утраты неразрывно связаны с неисполнением должником судебного решения. Рассмотрим примеры

этих утрат подробнее.

1) Издержки, связанные с неисполнением. Неисполнение судебного решения само по себе не способно влечь издержки в отрыве от факта неисполнения обязательства, констатированного решением. Если должник не исполняет решение, то он не исполняет обязательство. Неисполнение обязательства может влечь для кредитора негативные последствия разного характера, например, в виде увеличения долга перед его кредиторами, удорожания аналогичного исполнения у других контрагентов на рынке в результате инфляции, простой в производстве и т.д. Все эти и подобные им негативные последствия должны быть точно либо примерно оценены и компенсированы. Напротив, астрент может быть присужден до наступления указанных последствий, когда их стоимость для кредитора невозможно оценить даже приблизительно. Данные затраты кредитор может взыскать с должника через институт компенсации убытков.

2) Ожидание исполнения. Потеря времени влечет негативные последствия для кредитора. Течение времени неспособно причинить вред, только если по его прошествии не утрачивается какое-либо благо. Утрата блага проявляется в виде потерь, связанных с неисполнением. В частности, в российском правовом порядке признается право на индексацию присужденных денежных сумм – это компенсация финансовых потерь кредитора в результате инфляционных процессов, которые возникли из-за промедления должником в возврате кредитору денежных средств. Когда компенсируются убытки по заключению замещающей сделки, компенсируется разница между расторгнутым договором и заключенным взамен. Подобная разница может формироваться, в том числе, за счет удорожания аналогичного блага на рынке в результате инфляции. Соответственно, финансовые потери кредитора вследствие ожидания исполнения от должника могут быть восполнены институтами индексации присужденных денежных сумм и компенсации убытков.

3) Затраты на исполнительное производство. Решение суда наделяет обязательство принудительной силой исполнения. Принудительное исполнение реализуется через публичный механизм исполнительного производства. Фактически неисполнение должником судебного акта может существовать ровно столько, сколько возможно принудительное исполнение такого решения, ибо за рамками принудительного исполнения препятствий для должника в неисполнении решения суда не существует. Все затраты кредитора на процедуру исполнительного производства в связи с неисполнением должником судебного акта могут быть взысканы с последнего при их доказанности и обоснованности в рамках компенсации убытков. Астрент подобные затраты не компенсирует.

4) Прочие затраты кредитора, вызванные неисполнением должником судебного решения. Перечислить все возможные прямые и косвенные издержки, которые может понести кредитор в результате неисполнения должником решения – задача невыполнимая. Заметим, что механизма компенсации убытков для восполнения этих затрат достаточно, астрент их не компенсирует.

Обсуждение

Астрент не имеет собственного предмета компенсации, все расходы, которые возникают как результат осознанного неисполнения должником судебного решения, могут быть компенсированы с помощью института взыскания убытков. Астрент и убытки имеют схожие черты, но и различаются существенным образом:

1) Убытки выступают суррогатом исполнения, они, по общему правилу, замещают основное обязательство ввиду невозможности его исполнения, отказа кредитора от исполнения в пользу компенсации и т. д. Убытки наряду с реальным исполнением, как правило, взыскать невозможно, ибо этот институт предназначен для восполнения потерь кредитора, но не для его обогащения. Астрент не просто не исключает реальное исполнение, но, напротив, на него направлен. Он призван сломить волю должника, чтобы заставить его исполнить обязательство, констатированное судебным актом. Акцессорность астрента по отношению к судебному решению делает невозможным альтернативный выбор между ним и реальным исполнением, чего нельзя сказать об убытках.

2) Убытки должны быть оценены с разумной степенью достоверности для целей постановки кредитора в положение, в котором он бы находился при надлежащем исполнении должником обязательства. Это соответствует цели компенсации убытков – предложить кредитору финансовую альтернативу первоначального обязательства. Способ определения размера убытков – оценка 1) стоимости исполнения обязательства и 2) размера иных финансовых затрат, вызванных неисполнением обязательства. Для определения размера астрента используются иные правила: астрент необходимо взыскать в том размере, который сделал бы для должника исполнение его обязательства более выгодным, чем неисполнение судебного акта. Таким образом, экономически метод определения размера убытков и астрента – метод предложения аналога, однако в случае с убытками аналогом выступает само обязательство, а в случае с астрентом – выгода от неисполнения должником судебного акта. Следовательно, убытки в большей степени ориентированы на выгоду кредитора в смысле восстановления его имущественного положения, а астрент – на невыгоду должника.

3) Убытки могут компенсироваться в отдельных случаях как по вине должника (например, в результате деликта), так и помимо его вины в неисполнении обязательства. Для астрента вина является обязательным условием его присуждения, в отсутствие таковой взыскивать астрент было бы несправедливо, ибо нельзя принуждать исполнять обязательство, констатированное судебным актом, а также обеспечивать его силой астрента, если исполнение не находится во власти должника.

4) Цель института убытков – восстановление имущественного положения кредитора, компенсация причиненного ему вреда, цель института астрента – понудить должника исполнить решение о присуждении к исполнению обязанности в натуре.

Заключение

Назначение института убытков – компенсация вреда, а уже потом кара в виде ответственности, но только в тех случаях, когда убытки следуют за виновным причинением вреда. Напротив, основной целью астрента компенсация не является, а значит сам астрент не относится к разновидности компенсации и не выполняет компенсаторную функцию, поскольку, во-первых, не выступает суррогатом основного исполнения, а дополняет его путем косвенного принуждения должника к его осуществлению; во-вторых, астрент не исключает гражданско-правовых форм компенсации, взыскивается по отношению к ним кумулятивно. Более того, учитывая, что астрент предстает в виде денежного взыскания, присуждается на неопределенный период времени до момента исполнения решения суда, называемая в литературе компенсаторная функция должна быть квалифицирована как стимулирующая функция.

Библиография

1. Афонина Ю.Ю. Судебная неустойка (астрент) и другие меры ответственности должника за неисполнение судебного решения: сравнительный анализ // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 45-49.
2. Гальперин М.Л. Гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 3. С. 138-159.
3. Городилова Л.Ю. Астрент в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2018. № 6. С. 35-38.
4. Ерохова М.А. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 6. С. 32-53.
5. Зардов Р.С. К вопросу о соотношении астрента и неустойки // Право и экономика. 2018. № 3. С. 61-69.
6. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1494 с.
7. Кочкурова К.С. Судебная неустойка по спорам о фирменном наименовании // Имущественные отношения в Российской Федерации. № 1 (256). С. 50-60.
8. Краснова С.А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 68-110.
9. Купцов Н.С., Зарапина Л.В. Способы обеспечения исполнения обязательств и институт астрента в гражданском праве России // Юридический вестник Самарского университета. 2022. № 3. С. 47-53.
10. Луценко Е.С. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и юридическая практика // Юридический мир. 2016. № 7. С. 57-60.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 938 с.
12. Резина Н.А., Иванова Л.В. Астрент: проблемы применения // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1(30). С. 20-23.
13. Фиошин А.В. О правовой природе астрента // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 29-49.
14. Харитонов Ю.С. Ответственность кредитора за неисполнение обязательства, присужденного к исполнению в натуре // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 29-35.
15. Ярков В.В. Исчисление судебной неустойки: спорные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 12. С. 42-46.

On the Compensatory Function of Judicial Penalty (Astrent)

Vladislav S. Skurlatov

Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
Head of Legal Department,
Joint Stock Company "LenObIAIZHK",
197101, 10, Barochnaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: skurlatovvladislav@yandex.ru

Abstract

The purpose of the study is to answer the question of whether the judicial penalty (astrent) performs a compensatory function. The author sets this goal because he believes that the results of his analysis can be used as a basis for further legal research on the legal nature of the judicial penalty. Since the inclusion of the astrent institution in Russian legislation, the positions of scholars regarding the presence of a compensatory function in the astrent have diverged. This issue has not yet been

finally resolved, therefore the stated problem requires independent study. The methods used by the author (formal-legal method, comparison method, systemic method, logical method) allow comparing the institutions of judicial penalty and compensation for losses and identifying whether the astrent has its own subject of compensation. In the course of the proposed comparison, the author concludes that the purpose of the institution of losses is compensation, while the main goal of the astrent is not compensation, meaning that the astrent itself is not a type of compensation and does not perform a compensatory function, since, firstly, it does not act as a surrogate for the main performance, but supplements it by indirectly compelling the debtor to perform it; secondly, the astrent does not exclude civil law forms of compensation, being recovered cumulatively in relation to them.

For citation

Skurlatov V.S. (2026) K voprosu o kompensatornoy funktsii sudebnoy neustoyki [On the Compensatory Function of Judicial Penalty (Astrent)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 357-366. DOI: 10.34670/AR.2026.51.65.039

Keywords

Judicial penalty, astrent, losses, compensation, compensatory function, legal nature, judicial act, civil liability, stimulating function.

References

1. Afonina, Y. Y. (2016). Sudebnaya neustoyka (astrent) i drugiye mery otvetstvennosti dolzhnika za neispolneniye sudebnogo resheniya: sravnitelnyy analiz [Judicial penalty (astrent) and other measures of debtor liability for failure to enforce a court decision: a comparative analysis]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, (11), 45–49.
2. Erokhova, M. A. (2014). Kommentariy k postanovleniyu Plenuma VAS RF ot 4 aprelya 2014 g. № 22 “O nekotorykh voprosakh prisuzhdeniya vzyaskatelyu denezhnykh sredstv za neispolneniye sudebnogo akta” [Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 4, 2014, No. 22 “On Certain Issues of Awarding Monetary Funds to the Claimant for Failure to Enforce a Judgment”]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, (6), 32–53.
3. Fioshin, A. V. (2021). O pravovoy prirode astrenta [On the legal nature of astrent]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, (3), 29–49.
4. Galperin, M. L. (2018). Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost v ispolnitelnom proizvodstve [Civil liability in enforcement proceedings]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, (3), 138–159.
5. Gorodilova, L. Y. (2018). Astrent v arbitrazhnom protsesse [Astrent in arbitration proceedings]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, (6), 35–38.
6. Karapetov, A. G. (Ed.). (2022). Ispolneniye i prekrashcheniye obyazatelstva: kommentariy k statyam 307–328 i 407–419 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Performance and Termination of an Obligation: Commentary on Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation] (2.0 ed.). M-Logos.
7. Kharitonova, Y. S. (2016). Otvetstvennost kreditora za neispolneniye obyazatelstva, prisuzhdenno k ispolneniyu v nature [Creditor’s Liability for Failure to Perform an Obligation Awarded for Performance in Kind]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, (7), 29–35.
8. Kochkurova, K. S. (2023). Sudebnaya neustoyka po sporam o firmennom naimenovanii [Judicial penalty for disputes over a company name]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, (1), 50–60.
9. Krasnova, S. A. (2020). Sverkhkompensatsionnaya zashchita v rossiyskom grazhdanskom prave: formy i predely [Overcompensation protection in Russian civil law: forms and limits]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, (1), 68–110.
10. Kuptsov, N. S., & Zarapina, L. V. (2022). Sposoby obespecheniya ispolneniya obyazatelstv i institut astrenta v grazhdanskom prave Rossii [Methods of Enforcing Obligations and the Institute of Astrent in Russian Civil Law]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, (3), 47–53.
11. Lutsenko, E. S. (2016). Sudebnaya neustoyka (astrent): voprosy teorii i yuridicheskaya praktika [Judicial penalty (astrent): theoretical issues and legal practice]. *Yuridicheskiy mir*, (7), 57–60.

-
12. Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Y. (2006). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions] (4th ed.). A TEMP.
 13. Rezina, N. A., & Ivanova, L. V. (2016). Astrent: problemy primeneniya [Astrent: problems of application]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, (1/30), 20–23.
 14. Yarkov, V. V. (2023). Ischisleniye sudebnoy neustoyki: spornyye voprosy [Calculation of judicial penalty: controversial issues]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, (12), 42–46.
 15. Zardov, R. S. (2018). K voprosu o sootnoshenii astrenta i neustoyki [On the relationship between astreinte and penalty]. *Pravo i ekonomika*, (3), 61–69.

УДК 347.9

DOI: 10.34670/AR.2026.30.84.040

**Правовое регулирование института судебной неустойки в делах,
возникающих из административных и иных публичных
правоотношений**

Скурлатов Владислав Сергеевич

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
начальник юридического отдела,
Акционерное общество «ЛенОблАИЖК»,
197101, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Барочная, 10;
e-mail: skurlatovvladislav@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема применения астрента в делах, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. В исследовании используются метод сравнительного анализа, системно-логический метод, формально-юридический метод. Цель исследования — правовое обоснование возможности применения астрента в делах о защите субъективного публичного права. В ходе исследования автор приходит к выводу, что различия в материальных отношениях гражданского и административного права не влияют на свойство исполнимости судебного решения в зависимости от вида судопроизводства и не могут служить обоснованием применения астрента в гражданском процессе и одновременного исключения его из процесса административного.

Для цитирования в научных исследованиях

Скурлатов В.С. Правовое регулирование института судебной неустойки в делах, возникающих из административных и иных публичных правоотношений // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 367-376. DOI: 10.34670/AR.2026.30.84.040

Ключевые слова

Судебная неустойка, астрент, субъективное публичное право, публичные правоотношения, налоговый орган, судебное решение, административное судопроизводство, исполнимость судебного акта.

Введение

Своевременность исполнения судебных актов является залогом эффективных восстановления и защиты нарушенных прав. Важность судебной защиты особенно возрастает в делах, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Обеспечивая баланс интересов сторон указанных правоотношений, право на судебную защиту наделяет частное лицо механизмом оспаривания незаконных действий органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц. В условиях судопроизводства, основанного на принципах состязательности и равноправия сторон, частный субъект способен донести до суда доводы о нарушении своих прав органом власти и получить судебное решение, понуждающее этот орган совершить предусмотренные законом действия для целей восстановления нарушенного права. Однако озвученное право на судебную защиту было бы иллюзорным в отсутствие действенных правовых механизмов обеспечения исполнимости судебных решений по указанной категории дел. Нам представляется, что институт астрента не просто полезен, но и необходим для применения в делах, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, поскольку подобный юридический инструмент должен быть доступен частным лицам как весомый аргумент в пользу исполнения ответчиком – органом власти судебного решения.

Литературный обзор

Проблема присуждения и взыскания астрента в делах, рассматриваемых судами по спорам о защите субъективного публичного права, является новой для отечественной правовой науки ввиду новизны самого института судебной неустойки, имплементированного в российское законодательство относительно недавно. Принятие процессуальных правил о судебной неустойке в ГПК РФ и АПК РФ произошло без внесения аналогичных изменений в КАС РФ, что породило в профессиональном сообществе спор о возможности присуждения и взыскания астрента по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции в рамках административного судопроизводства [Ватаманюк, 2022]. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в Постановлении от 24.03.2016 № 7 [Постановление Пленума ВС РФ № 7, 2016] и Постановлении от 28.06.2022 № 21 [Постановление Пленума ВС РФ № 21, 2022], полной ясности в этот спор не внесли, поскольку вопросы применения астрента в порядке, регулируемом КАС РФ, рассмотрены в них не были. Указанная правовая лакуна до сих пор оставлена без внимания федеральным законодателем. Несмотря на то, что в профессиональных юридических изданиях утверждается, что «нет ни одного значимого аргумента, в силу которого суд не может установить астрент по административно-правовым спорам, которые рассматриваются по правилам КАС РФ» [Карапетов (отв. ред.), 2022, с. 435], следует признать, что это скорее политико-правовой, а не формально-юридический довод. С точки зрения догматики права, исчерпывающее обоснование применения астрента в административном судопроизводстве не предложено, хотя научные публикации по этой теме имеются, например, за авторством Н. А. Конорезова [Конорезов, 2024], А. Ю. Черланова [Черланов, 2024], которые поддерживают необходимость применения судебной неустойки в спорах о защите субъективного публичного права. Можно констатировать, что обилия научных работ по данной теме не наблюдается.

Исследовательская часть

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 34 Постановления от 28.06.2022 № 21 попытался выработать критерий допустимости применения астрента в спорах о защите субъективного публичного права, рассматриваемых в порядке главы 24 АПК РФ. Так, в случае если на публичный орган в судебном порядке возлагается обязанность по устранению нарушений прав заявителя и от надлежащего исполнения этим органом решения зависит возможность беспрепятственной реализации заявителем своих гражданских прав, то присуждение астрента возможно. Если оспариваются действия публичных органов в сфере налоговой, таможенной, антимонопольной и контрольно-надзорной деятельности, то возможность присуждения астрента исключена. Сложности в применении этого критерия вызваны избирательным подходом Пленума Верховного Суда РФ к перечислению примеров по этим двум классификационным группам. В частности, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, при оспаривании актов органов власти судом может быть поставлен вопрос о восстановлении гражданских прав заявителя путем возложения следующих обязанностей на административного ответчика:

- подготовить схему расположения земельного участка на кадастровом плане территории;
- подготовить проект договора (соглашения);
- осуществить кадастровые или регистрационные действия;
- исправить реестровую ошибку.

Мы полагаем, что целей классификации гражданских прав частных лиц, зависящих от реализации органом власти своих публичных полномочий, Пленум Верховного Суда РФ не преследовал. Об этом говорит эклектичность приведенных примеров, их неполнота. Возможно, подобный способ толкования закона избран Пленумом Верховного Суда РФ для решения задачи прагматического характера: ориентировать нижестоящие суды, указав им на конкретные ситуации, и позволить самостоятельно определять, затрагиваются ли гражданские права частных лиц органами власти при реализации последними своих публичных полномочий. Чтобы доказать этот тезис позволим себе привести иные примеры полномочий публичных органов, которые, следуя толкованию Пленума Верховного Суда РФ, должны приниматься судами во внимание как затрагивающие гражданские права заявителя:

- издать акт предоставления земельного участка;
- направить документы на регистрацию публичного сервитута;
- издать акт-разрешение на размещение на публичном земельном участке объектов, для размещения которых не требуется установление сервитута;
- выдать градостроительный план земельного участка.

Этот перечень примеров не является исчерпывающим.

Перейдем ко второй группе ситуаций, когда согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ астрент в публичных правоотношениях присуждаться не может: по результатам рассмотрения дел об оспаривании актов ненормативного характера и решений, действий (бездействия) налоговых, таможенных, антимонопольных органов, органов государственного контроля (надзора) и органов муниципального контроля, принятых, совершенных (допущенных) в сфере публичных правоотношений.

Отметим следующую непоследовательность Пленума Верховного Суда РФ: первую группу ситуаций он рассматривает на примере гражданских прав, затрагиваемых незаконной реализацией органами власти публичных полномочий, а именно приводит способы защиты и

восстановления таких прав, тогда как во втором случае перечисляет органы власти, при оспаривании действий которых недопустимо присуждать астрент. Таким образом, нарушается правило о едином основании классификации. При этом сохраняется эклектичность примеров Пленума Верховного Суда РФ. Можно продолжить логический ряд органов власти:

- органы прокуратуры;
- органы принудительного исполнения;
- органы безопасности;
- органы по контролю за оборотом оружия;
- органы внутренних дел и т.д.

Указанный перечень также, судя по всему, является открытым.

В связи с изложенным поставим следующий вопрос, ответ на который поможет нам выявить содержание выработанного Пленумом Верховного Суда РФ критерия, определяющего допустимость применения астрента в спорах о защите субъективного публичного права. В чем отличие: а) ситуации, в которой признание акта органа публичного управления незаконным влечет восстановление гражданских прав заинтересованного лица от б) ситуации, в которой оспариваются акты органов власти, предположительно, не затрагивающие гражданские права заявителя?

М. С. Павлова в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук указывает, что правовым основанием признания акта публичного управления незаконным выступают два элемента: 1) квалификация его в качестве несоответствующего закону и 2) нарушающим гражданские права, свободы и охраняемые законом интересы [Павлова, 2011, с. 52].

В случаях реализации налоговыми, таможенными, антимонопольными и другими органами, перечисленными Пленумом Верховного Суда РФ, своих властных полномочий в отношении частных лиц гражданские права последних неизбежно будут затронуты, ибо в ходе налогового, таможенного и антимонопольного контроля осуществляются процедуры изъятия имущественных благ. Вместе с тем мы должны заметить, что отдельные разновидности публичных правоотношений, например, отношения в области избирательного права, воинского учета и т. д., никак не могут затрагивать гражданские права. Поэтому во второй классификационной группе Пленуму Верховного Суда РФ следовало указать именно избирательные органы, органы воинского учета и другие подобные им органы власти, но никак не налоговые, таможенные и антимонопольные органы.

Вопреки буквальному прочтению пункта 34 Постановления от 28.06.2022 № 21, критерий допустимости применения астрента, выработанный Пленумом Верховного Суда РФ для споров о защите субъективного публичного права, имеет следующее содержание: применение астрента допустимо в тех спорах, когда от решения властного органа зависит предоставление заявителю определенного имущественного блага, то есть ставится вопрос об имущественном предоставлении в гражданско-правовом смысле. Так, приводимые Пленумом Верховного Суда РФ ситуации, связанные с подготовкой проекта договора, схемы расположения земельного участка и проч., вне всякого сомнения, направлены на имущественное предоставление, сопровождаемое распорядительными действиями носителя публичной власти. Напротив, в налоговых, таможенных и антимонопольных правоотношениях, правоотношениях в сфере контрольно-надзорной деятельности имущественное предоставление в гражданско-правовом значении не осуществляется.

На основе выработанного критерия Пленума Верховного Суда РФ сформирована и позиция

Конституционного Суда РФ. В Определении от 12 октября 2023 г. № 2704-О и Постановлении от 14 ноября 2024 г. № 52-П ограничения в применении астрента по правилам главы 22 КАС РФ и главы 24 АПК РФ сформулированы следующим образом: применение судебной неустойки по спорам, вытекающим из гражданских правоотношений, и исключение ее применения по спорам, непосредственно связанным с проверкой законности и обоснованности осуществления органами публичной власти полномочий, как таковое не нарушает конституционного принципа равенства, поскольку и истцы, и ответчики в этих двух группах споров выступают сторонами различных по своей правовой природе отношений.

Мы соглашались с Конституционным Судом РФ в том, что правовая природа гражданских и административных правоотношений различна. Однако мы считаем, что в основу дискуссии о допустимости присуждения астрента в спорах о защите субъективного публичного права должна быть положена не природа материальных отношений, из которых возник спор, и не гражданско-правовой характер имущественного предоставления, которое зависит от реализации органом власти публичных полномочий в отношении частного лица. В качестве критерия применения астрента в этой категории дел мы предлагаем следующее: процессуальная сущность свойства исполнимости решения суда, разрешающего этот спор, и как следствие, невозможность его исполнения заменяющими действиями судебного пристава, заявителя и любых иных лиц, помимо самого органа власти, наделенного соответствующими полномочиями, которого суд понуждает осуществить определенные действия в целях восстановления нарушенного субъективного публичного права.

Учитывая, что астрент призван побудить ответчика к реальному исполнению акта правосудия, административные истцы на фоне озвученных пробелов правового регулирования лишаются механизма воздействия на административного ответчика, отказывающегося и даже препятствующего исполнению судебного решения. В особенности сложно повлиять на волю ответчика, когда им выступает государство в лице его органов в рамках спора о защите субъективного публичного права. Во-первых, это обусловлено тем, что вне процесса частное лицо и государство «сталкиваются» в ходе различных административных процедур, в которых государство – носитель власти, а частное лицо – подчиненный ему субъект. Дисбаланс в правовых возможностях, конечно, устраняется правилами процессуальной формы рассмотрения административных дел, однако по завершении процесса стороны возвращаются в русло административных правоотношений с той лишь разницей, что на публичный орган как на административного ответчика возложена обязанность совершить предусмотренные законом действия для восстановления субъективного публичного права. Понудить эти действия выполнить в условиях отношений власти и подчинения становится трудновыполнимой задачей. Во-вторых, порядок административной процедуры предполагает реализацию публичными органами власти своих полномочий на всех стадиях ее выполнения. Субсидиарно, то есть вместо административного ответчика выполнить эти полномочия нельзя даже суду, не говоря об органах принудительного исполнения. Отсутствие в данном случае возможности исполнить решение суда «заменяющими» действиями взыскателя или судебного пристава-исполнителя делает восстановление нарушенного права еще более затруднительным, чем в гражданских правоотношениях, в которых осуществление действий, направленных на исполнение решения суда, вместо должника возможно.

Еще Д. М. Чечот указывал, что «полномочие суда может состоять лишь в признании незаконным или необоснованным соответствующего административного акта. Такое решение суда должно быть обязательным для административного органа, но само административное

действие должен совершать административный орган, а не суд» [Чечот, 2019, с. 70].

Исполнимость решений в рамках споров о публичном праве должна подкрепляться, как минимум, такими же правовыми гарантиями принудительности, какие предоставляются в рамках споров о частном праве. Во всяком случае ученые, характеризуя свойство исполнимости судебного решения, не делают отдельных оговорок об «ограниченном» проявлении этого свойства в административном процессе.

Например, А. Т. Боннер утверждал, что в административном производстве применяются общие правила гражданского процесса, если иное не предусмотрено специальными правилами [Боннер, 1966, с. 5]. И хотя указанный автор защищал диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, когда порядок рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, был закреплён в гражданском процессуальном кодексе, следует признать, что свойства судебного решения никак не зависят от существа спора и способа юридико-технической регламентации производства по указанным делам, а значит, выводы ученого не утратили своей актуальности. Соответственно, свойства судебного решения, в том числе и свойство исполнимости, распространяют свое действие как на гражданский, так и на административный процесс. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Предположим, между А и Б существует обязательство по выполнению строительных работ, где А – заказчик, а Б – подрядчик. В ходе эксплуатации А результата работ выявляются их недостатки, являющиеся гарантийным случаем. А, руководствуясь правом выбора, предъявляет иск к Б о присуждении к выполнению работ в рамках гарантийных обязательств и спор выигрывает. Это отношения гражданско-правового характера, ибо обязательства Б перед А по проведению работ в рамках гарантийного случая являются договорными.

Другая ситуация: гражданин оспаривает бездействие судебного пристава-исполнителя по возбуждению исполнительного производства. Суд удовлетворяет притязание административного истца, возлагает соответствующую обязанность на административного ответчика.

Почему в обоих случаях, когда судом на ответчика возлагается обязанность выполнить определенные действия, не применяются одинаковые механизмы воздействия на волю последнего в виде астрента с целью понудить исполнить судебное решение? В первом случае основание притязания гражданско-правовое – обязательство из договора подряда, во втором случае основание притязания публично-правовое – обязанность органа принудительного исполнения выполнить полномочия в рамках процедуры исполнительного производства. В обоих примерах ответчик не выполняет свою обязанность, истец в выполнении этой обязанности субъективно заинтересован, суд понуждает выполнить эту обязанность, обязанность состоит в осуществлении действий определенного вида, выполнение присужденной обязанности находится в волевой власти ответчика. Более того, в первом примере закон дает заказчику право заключить с новым подрядчиком замещающую сделку, устранив из подрядных правоотношений прежнего подрядчика. Во втором примере полномочием по возбуждению исполнительного производства наделен только судебный пристав. Взыскатель не может «перепоручить» возбуждение исполнительного производства другому судебному приставу – ему остается лишь обжаловать действия последнего либо вышестоящему должностному лицу, либо в суд. Сфера правоотношений – гражданско-правовое обязательство либо обращение частного лица в орган публичной власти – не меняет охраняемый законом интерес истца в выполнении ответчиком действий.

Универсальность правовых гарантий исполнимости судебных актов диктует необходимость унификации механизмов принудительного воздействия на должника с целью понудить его к

выполнению обязанностей, возложенных на него судебным решением. Сказанное означает, что астрент должен быть в равной степени доступен для административных истцов в спорах с органами власти, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. В этой связи может возникнуть вопрос: позволяет ли специфика административного процесса присуждать астрент по инициативе суда?

Ю. Ю. Якубяк пишет, что суд не может по собственной инициативе присудить судебную неустойку, ее присуждение возможно только по заявлению истца [Якубяк, 2019, с. 183].

Приведем противоположную позицию, отстаиваемую Р. С. Зардовым. Предпосылка позиции данного автора состоит в следующем утверждении: «Астрент преследует в первую очередь публично-правовую функцию, состоящую в переложении на истца бремени контроля за исполнением судебного решения и создании для него соответствующего материального стимула с целью разгрузить государственную систему органов принудительного исполнения судебных актов». Необходимость законодательного закрепления права суда присуждать астрент по собственной инициативе ученым выводится из публично-правовой цели, реализуемой астрентом, которая заключается в наложении на должника санкции за неисполнение акта правосудия [Зардов, 2018, с. 67-68].

Мы не согласны с подобным подходом. Астрент взыскивается в интересах взыскателя, а не государства, и это касается как денежных сумм, формируемых астрентом и идущих в доход взыскателя, так и интереса взыскателя в фактическом исполнении судебного акта. Интересы государства в отношении по исполнению актов правосудия обеспечиваются механизмами процессуальных санкций, в основном судебным штрафом, к которым астрент не относится.

Следовательно, основание права суда присуждать астрент по собственной инициативе могло бы быть объяснено не самой природой астрента, но спецификой административного процесса. Однако, на наш взгляд, в этом дискурсе важно исходить из следующего. Дискреция суда в выборе надлежащего способа защиты субъективного публичного права является следствием императивности публично-правовой процедуры, закрепляющей права и обязанности субъектов материального правоотношения административного права. Предоставить заявителю возможность выбирать, как должно быть восстановлено его право, нарушенное органом власти, значит, противопоставить императивное требование закона усмотрению частного субъекта. Природа административной процедуры предполагает альтернативный выбор правомерного поведения из тех вариантов, которые предусматривает правопорядок. Обратное означало бы «посягательство» на императивный метод регулирования административного права. Притязание о защите субъективного публичного права имеет своим основанием материальные нормы публичного права. Напротив, реализация права на астрент зависит от усмотрения истца, а не суда, следовательно, свобода судебского усмотрения, характерная для выбора надлежащего способа защиты субъективного публичного права, на астрент распространяться не может. Сказанное применимо и к определению размера астрента: суд, присуждая астрент, должен руководствоваться принципами справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения, однако в силу принципа диспозитивности суд не вправе выйти за пределы заявленного административным истцом требования, увеличив размер присуждаемого астрента.

Относительно установления вины в неисполнении решения суда для целей применения астрента в делах, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, нам удалось обнаружить следующий научный подход.

А. Ю. Черланов пишет: «Из числа оснований для взыскания судебной неустойки следует исключить вину должника в неисполнении судебного акта, поскольку должником в

рассматриваемом случае является административный орган, который при желании всегда может найти оправдание для собственного бездействия в причинах организационного характера (например, в коллегиальном порядке принятия решений и отсутствии согласия между участниками по поводу того, какое решение должно быть принято) и в действиях других государственных органов, за которые административный ответчик не отвечает» [Черланов, 2024, с. 173].

Эта позиция нам представляется необоснованной. Игнорирование момента вины означает, что взыскание астрента с органов власти должно иметь место во всех случаях неисполнения последними решения суда, даже когда исполнить его объективно невозможно. Например, при введении военного положения, стихийных бедствиях, катаклизмах, эпидемиях и эпизоотиях и т.д. Спрашивается, почему чрезвычайные и непредвиденные обстоятельства не могут стать извинительным основанием для отказа во взыскании астрента? Может ли сам по себе статус органа публичного управления, наделенного властными полномочиями, исключить негативные последствия событий, которые происходят объективно и независимо от воли даже самых высокопоставленных лиц? Думается, что ответ здесь очевиден. Фактически представленная данным автором концепция является своего рода «индальгенцией» для суда, присуждающего астрент: суду нет необходимости выяснять, по какой причине решение не исполнено, ибо его не исполняет орган власти. Мы, конечно, согласны с А. Ю. Черлановым в том, что такие обстоятельства, как, например, отсутствие бюджетных средств на реализацию полномочий сами по себе не могут освобождать административного ответчика от уплаты астрента, поэтому упоминаемые автором «оправдания» административного ответчика не должны приниматься судом во внимание как исключающие вину органа власти, однако, на наш взгляд, исключать вину полностью в рассматриваемой области некорректно.

Сказанное означает, что даже в оценке виновности административного ответчика в неисполнении им акта правосудия для целей присуждения астрента между гражданским и административным процессом нет значительной разницы, поскольку она в обоих случаях не исключается, хотя и оценивается по-разному. Разные подходы к оценке вины в неисполнении судебного решения, которые необходимо учитывать в спорах о защите субъективного частного и публичного права, отражают разницу в материальных правоотношениях: гражданских и административных. Мы допускаем, что виновность органа власти должна оцениваться строже, чем виновность гражданина, однако присуждение астрента без вины вряд ли будет правомерным.

Заключение

Подводя итог изложенному, отметим, что дифференциация способов защиты субъективного частного и публичного права, а также различия в материальных отношениях гражданского и административного права не влияют на свойство исполнимости судебного решения в зависимости от вида судопроизводства и не могут служить обоснованием применения астрента в гражданском процессе и одновременного исключения его из процесса административного. При применении института судебной неустойки (астрента) в делах, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, суд должен учитывать степень виновности административного ответчика. Для целей присуждения астрента вина административного ответчика в неисполнении им судебного решения должна оцениваться по-разному в сравнении с делами, возникающими из гражданских правоотношений, ввиду различий, лежащих в основе материальных правоотношений этих двух категорий дел.

Библиография

1. Боннер А.Т. Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 18 с.
2. Ватаманюк В. Возможно ли присуждение судебной неустойки (астрент) по требованиям публично-правового характера // Портал zakon.ru [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/23/vozmozhno_li_prisuzhdenie_sudebnoj_neustojki_po_trebovaniyam_publichno-pravovogo_haraktera.
3. Зардов Р.С. К вопросу о соотношении астрента и неустойки // Право и экономика. 2018. № 3. С. 61-69.
4. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1494 с.
5. Конорезов Н.А. Теория и практика взыскания судебной неустойки (астрент) в гражданском процессе // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 3 (16). С. 44-49.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 12.10.2023 № 2704-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Континентальная Логистическая Группа» на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 174 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Павлова М.С. Оспаривание решений, действий (бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных служащих в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 219 с.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2024 № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 419 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.С. Шапки» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Черланов А.Ю. К вопросу о судебной неустойке в административном судопроизводстве // Закон. 2024. № 8. С. 165-175.
12. Чечот Д.М. Административная юстиция (теоретические вопросы) (извлечения) // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 3. С. 59-73.
13. Якубяк Ю.Ю. Предмет доказывания по делам о взыскании судебной неустойки (астрента) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 178-191.

Legal Regulation of the Institution of Judicial Penalty (Astrerent) in Cases Arising from Administrative and Other Public Legal Relations

Vladislav S. Skurlatov

Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
Head of Legal Department,
Joint-Stock Company "LenObLAIZhK",
197101, 10, Barochnaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: skurlatovvladislav@yandex.ru

Abstract

The article examines the problem of applying the astrent (judicial penalty) in cases arising from administrative and other public legal relations. The study uses the method of comparative analysis, the systemic-logical method, and the formal-legal method. The purpose of the study is to provide a legal justification for the possibility of applying the astrent in cases concerning the protection of subjective public rights. In the course of the research, the author comes to the conclusion that differences in the substantive relations of civil and administrative law do not affect the property of the enforceability of a judicial decision depending on the type of legal proceedings and cannot serve as a justification for the application of the astrent in civil proceedings while simultaneously excluding it from administrative proceedings.

For citation

Skurlatov V.S. (2026) Pravovoye regulirovaniye instituta sudebnoy neustoyki v delakh, voznikayushchikh iz administrativnykh i inykh publichnykh pravootnosheniy [Legal Regulation of the Institution of Judicial Penalty (Astrent) in Cases Arising from Administrative and Other Public Legal Relations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 367-376. DOI: 10.34670/AR.2026.30.84.040

Keywords

Judicial penalty, astrent, subjective public right, public legal relations, tax authority, judicial decision, administrative proceedings, enforceability of a judicial act.

References

1. Bonner, A. T. (1966). *Proizvodstvo po delam, voznikayushchim iz administrativno-pravovykh otnosheniy* [Proceedings in Cases Arising from Administrative-Legal Relations] (Candidate's abstract). Moscow.
2. Cherlanov, A. Y. (2024). K voprosu o sudebnoy neustoyke v administrativnom sudoproizvodstve [On the Issue of Judicial Penalty in Administrative Proceedings]. *Zakon*, (8), 165–175.
3. Chehot, D. M. (2019). Administrativnaya yustitsiya (teoreticheskiye voprosy) (izvlecheniya) [Administrative Justice (Theoretical Issues) (Excerpts)]. *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva*, (3), 59–73.
4. Constitutional Court of the Russian Federation. (2023, October 12). *Ruling No. 2704-O*. ConsultantPlus.
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2024, November 14). *Resolution No. 52-P*. ConsultantPlus.
6. Karapetov, A. G. (Ed.). (2022). *Ispolneniye i prekrashcheniye obyazatelstva: kommentariy k statyam 307–328 i 407–419 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Performance and Termination of an Obligation: Commentary on Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation] (2.0 ed.). M-Logos.
7. Konorezov, N. A. (2024). Teoriya i praktika vyzskaniya sudebnoy neustoyki (astrent) v grazhdanskom protsesse [Theory and Practice of Recovery of Judicial Penalty (Astrent) in Civil Proceedings]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 44–49.
8. Pavlova, M. S. (2011). *Osparivaniye resheniy, deystviy (bezdeystviya) organov gosudarstvennoy vlasti, organov mestnogo samoupravleniya, gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh v grazhdanskom protsesse* [Challenging decisions, actions (inaction) of government bodies, local government bodies, state and municipal employees in civil proceedings] (Candidate's dissertation).
9. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2016, March 24). *Resolution No. 7*. ConsultantPlus.
10. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2022, June 28). *Resolution No. 21*. ConsultantPlus.
11. Vatamanyuk, V. (2022, September 23). Vozmozhno li prisuzhdeniye sudebnoy neustoyki (astrent) po trebovaniyam publichno-pravovogo kharaktera [Is it possible to award a judicial penalty (astreinte) for claims of a public-law nature?]. *Zakon.ru*. Retrieved from https://zakon.ru/blog/2022/09/23/vozmozhno_li_prisuzhdenie_sudebnoj_neustoyki_po_trebovaniyam_publichno-pravovogo_haraktera
12. Yakubyak, Y. Y. (2019). Predmet dokazyvaniya po delam o vyzskanii sudebnoy neustoyki (astrenta) [Subject of proof in cases of recovery of judicial penalty (astrent)]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, (3), 178–191.
13. Zardov, R. S. (2018). K voprosu o sootnoshenii astrenta i neustoyki [On the relationship between astreinte and penalty]. *Pravo i ekonomika*, (3), 61–69.

УДК 331.109.648

DOI: 10.34670/AR.2026.68.38.041

Рассмотрение дел в порядке надзора Верховным Судом Российской Федерации как форма обеспечения единства судебной практики

Куценко Елизавета Игоревна

Аспирант,
кафедра гражданского и административного судопроизводства,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: elizabeth.kutsenko@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется механизм обеспечения единства судебной практики посредством надзорного производства в Верховном Суде Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена конституционной важностью обеспечения единообразия в применении и толковании правовых норм в современной судебной системе, провозглашенным стремлением к достижению правовой определенности в подходах судебного правоприменения. Цель работы заключается в комплексном анализе теоретических и практических аспектов обеспечения единства судебной практики через рассмотрение дел в порядке надзора. Автор рассматривает эволюцию нормативной базы, начиная с 2000-х годов, и анализирует современное состояние института надзорного производства. В ходе исследования проведен анализ научной дискуссии вокруг понятий «единство» и «единообразие» судебной практики, изучены различные подходы к их определению. Особое внимание уделяется практическому аспекту реализации надзорного производства, включая анализ конкретных дел, рассмотренных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Результаты исследования показывают, что надзорное производство является эффективным инструментом обеспечения единообразия судебной практики, хотя его применение характеризуется определенной избирательностью. Выявлено, что единство судебной практики достигается как через рассмотрение конкретных дел, так и посредством формирования правовых позиций в постановлениях Верховного Суда Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Куценко Е.И. Рассмотрение дел в порядке надзора Верховным Судом Российской Федерации как форма обеспечения единства судебной практики // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 377-387. DOI: 10.34670/AR.2026.68.38.041

Ключевые слова

Надзорное производство, единство судебной практики, единообразие судебной практики, Верховный Суд, Президиум Верховного Суда, единообразие правоприменения, цивилистический процесс, арбитражный процесс, экономическая коллегия, арбитражный процессуальный кодекс.

Введение

Положения об отмене судебных актов в порядке надзора вследствие нарушения единообразия в применении и (или) толковании норм права появились в арбитражном процессуальном законодательстве в ходе судебной реформы 2000-ых годов. В 2002 году на основании Федерального закона от 24.07.2002 № 96-ФЗ «О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – АПК РФ) указанное положение было закреплено в законе и сохранило свое действие на сегодняшний день практически без изменений. Статья 304 АПК РФ была исключена из кодекса в связи с утратой силы главы 36 на основании Федерального закона от 28.06.2014 № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Существо статьи было перенесено в статью 308.8 АПК РФ. За исключением изменения очередности (норма «переехала» с первого пункта на третий) в тексте положения союз «и» в части нарушения в толковании и применении был заменен на альтернативную форму «и (или)». На наш взгляд, указанное является незначительным изменением, на котором не стоит дополнительно заострять внимание.

На сегодняшний день, указанное положение АПК РФ, направленное на обеспечение единства правовой системы посредством проверки судебных актов в порядке надзора, прошло более чем 20-летнюю апробацию. В связи с чем, на наш взгляд, представляет интерес опыт его применения высшей судебной инстанцией.

Определение категорий «единство» и «единообразие»

Появление норм, направленных на обеспечение единообразия судебной практики вызвало неоднозначную реакцию в среде ученых, которые отмечали недостаточную конкретизацию новелл. Частично споры возникли вследствие различной терминологии АПК РФ и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ). Законодатель до 2012 года использовал оба термина в качестве синонимов, однако в более поздних редакциях основания для отмены судебных актов в порядке надзора были унифицированы в части их текстуального изложения и выбор пал в пользу термина «единообразие». Так, например, п. 1 ст. 304 АПК РФ в редакции от 24.07.2002 использовал термин единообразие, тогда как ч. 3 ст. 377 («Порядок подачи надзорной жалобы или представления прокурора»), ч. 2 ст. 378 («Содержание надзорной жалобы или представления прокурора»), ст. 389 («Пересмотр судебных постановлений в порядке надзора по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации или заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации») ГПК РФ в редакции от 14.11.2002 использовали термин «единство». К сожалению, законодательных пояснений (например, в пояснительной записке к законопроекту) [Паспорт проекта № 90066448-3 «Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (внесен Высшим Арбитражным Судом РФ)] в отношении того, что именно надлежит считать единообразием судебной практики – дано не было.

Научная дискуссия уделила внимание определению сущности указанных понятий. При обсуждении проекта кодекса А.К. Сергун и М.С. Шакарян выразили мнение о том, что требование обеспечить единство судебной практики представлено неопределенно и является попыткой узаконить судебный прецедент [Сергун, Шакарян, 2004].

А.Т. Боннер также критиковал ч. 1 ст. 389 ГПК РФ в связи с тем, что обеспечению

единообразия судебной практики не было дано законодательных разъяснений, что может привести к субъективизму и «вкусовщине». А.Т. Боннер присоединился к мнению А.К. Сергун и М.С. Шакарян о том, что подобным образом в число источников гражданского процесса был включен прецедент, что считал недопустимым на основании ст. 11 ГПК РФ.

Однако не все разделяли столь негативную точку зрения. Так, В.М. Жуйков отметил, что в России уже имелась потребность и возможность к появлению требований закона, направленных на обеспечение единообразия судебной практики, в целях облегчения работы судов (как сейчас было бы сказано - «сокращения судебных издержек») [Жуйков (ред.), 2008]. Кроме того, по мнению В.В. Яркова вследствие построения в России системы разделения властей роль судебной практики кардинально изменилась, что создало возможность для участия суда и судебной практики в правовом регулировании [Ярков (ред.), 2005].

Помимо научных споров в части оценки самого появления нормы в процессуальном законодательстве, консенсус также отсутствовал в понимании сущности явления.

Так, например, Л. А. Грось полагала, что единообразие (единство) является выражением требования законности судебных актов [Грось, 2007], тогда как А. Р. Султанов считал, что оно есть способ обеспечения правовой определенности [Султанов, 2007]. В свою очередь нам наиболее близка позиция А. Д. Туманова, который понимает под единством судебной практики необходимость соответствия в решении тех или иных правоприменительных вопросов судами всех уровней, решениям этих же вопросов, которые определены в специальных актах высших судебных инстанций [Туманов, 2007].

В судебных актах преобладает позиция, согласно которой единство судебной практики представляет собой единообразное толкование и применение закона, являющееся следствием единообразной правовой квалификации аналогичных юридических дел [Осокина, 2007; Определения ВАС РФ № 12171/09, № 7321/08, № 8209/08, № 16367/06, 2007–2009]. Г.А. Вишневский, на наш взгляд, справедливо критикует [Вишневский, 2011] данное положение как формализованное правило безусловной ориентации судов на некую модель рассмотрения и разрешения дел безотносительно содержательной части судебной практики на основании того аргумента, что и порочная (ошибочная) практика судов, может стать устоявшейся и будет являться неоспоримой только лишь на основании необходимости обеспечить единообразие. В качестве примера такой «порочной» практики возможно привести «Дело свинки Пепы» или «дело Долиной».

«Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015)» (далее – ВС РФ) дает следующее определение нарушения судебной практики: «содержащееся в судебном постановлении такое толкование и применение правовых норм, которое противоречит разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума ВС РФ, а также в постановлении Президиума ВС РФ» [Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2015), 2015]. Из данного определения можно сделать вывод о том, что единообразием в свою очередь будет являться следование разъяснениям Пленума и Президиума ВС РФ.

Судебная практика в целом поддерживает предшествующее определение [Постановление Президиума ВС РФ № 56пв09, 2009; Постановление Президиума ВС РФ № 5-ПВ15, 2015; Постановление 11-го ААС № 11АП-10187/2023, 2023], но есть и иные вариации, понимающие под единством судебной практики *состояние правоприменительной практики, характеризующееся едиными подходами* к толкованию и применению судами норм права. При этом судебная практика формируется именно ВС РФ, осуществляющим надзор над нижестоящими судами, в пределах всей территории Российской Федерации [Определение ВС

РФ № АПЛ13-4, 2013].

В свою очередь, мы присоединяемся к тем позициям, которые полагают единство и единообразие разными явлениями, где последнее – один из способов обеспечения первого. Данная позиция также поддерживается Конституционным Судом РФ, который использует термин единообразие применительно к рассмотрению и разрешению дел, тогда как термин единство применяется по отношению к российской правовой системе. В качестве примера приведем фрагмент постановления Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П: «Конституционно значимые функции Верховного Суда Российской Федерации, как это следует из Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ "О Верховном Суде Российской Федерации" (статьи 2, 5, 7 и др.), осуществляются им в том числе в целях поддержания единообразия в толковании и применении норм права судами, что является одним из элементов основанного на предписаниях статей 15 (часть 1), 17, 18, 19 и 120 Конституции Российской Федерации механизма обеспечения единства и непротиворечивости российской правовой системы». Основываясь на изложенных выше позициях, мы полагаем, что *единство судебной практики – это такое состояние правоприменительной практики, при котором все принятые судебные акты арбитражных судов соответствуют высказанным ранее судебным правовым позициям ВС РФ, Конституционного Суда РФ, а также не утратившим силу позициям Высшего Арбитражного Суда РФ в их взаимосвязи и взаимной обусловленности.*

Формы обеспечения единства судебной практики

В постановлении от 21.01.2010 № 1-П Конституционным Судом РФ было отмечено, что закон от 28 апреля 1995 года № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», конкретизируя ст. 127 Конституции РФ (Статья указывала на полномочия Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и была исключена в связи с поправкой к Конституции РФ (Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»). Аналогичные полномочия ВС РФ предусмотрены ст. 126 Конституции РФ), полномочиями ВС РФ является осуществление надзора и дача обязательных руководств. Последнее же служит одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы. Согласно указанному постановлению, такое полномочие не может не основываться на правовых позициях, вырабатываемых высшей судебной инстанцией в следующих формах: а) при рассмотрен конкретного дела (*ad hoc*); б) в ходе обобщения практики в отношении всех дел со схожими фактическими обстоятельствами.

Таким образом, следуя правовым позиция Конституционного Суда РФ, которые не были последним пересмотрены, опровергнуты или изменены, мы полагаем, что единство судебной практики высшей судебной инстанцией может быть обеспечено в двух формах: при рассмотрении дела в судебном заседании Президиума ВС РФ и в ходе абстрактного толкования, выраженного в тематических постановлениях Пленума ВС РФ.

В то же время, форме абстрактного толкования уделяется значительное внимание. Так, постановление X Всероссийского съезда судей от 01.12.2022 № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» в числе инструментов достижения правовой определенности упоминает только постановления Пленума и обзоры судебной практики. Здесь и далее автор статьи не поддерживает широко распространенную в доктрине позицию, согласно которой обзоры судебной практики, утвержденные Президиумом ВС РФ, являются общеобязательными

наряду с постановлениями Пленума ВС РФ в связи с судебной правовой позицией Конституционного Суда, высказанной им в постановлении Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П.Ю.И. Иваненко, председатель судебного состава судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ (далее - СКЭС), также считает, что инструментами достижения единообразия судебной практики являются только лишь разъяснения Пленума и обзоры Президиума [Глава судсостава эконоколлегии..., www...]. На наш взгляд, указанное, вероятно, связано с историческим развитием судебной власти в России и «славянофильским» отношением к западному прецеденту, полное отрицание ориентира на судебную практику на уровне официального дискурса [Венгеров, 1965]. В связи с чем, мы полагаем, что интерес представляет именно первая форма - рассмотрение конкретного дела (ad hoc).

Рассмотрение экономических споров Президиумом ВС РФ в порядке надзора

Несмотря на то, что положения п. 3 ст. 308.8 АПК РФ являются не единственным инструментом обеспечения единства судебной практики (в том или ином виде на это направлены также п. 3 ч. 4 ст. 170 и п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ), предусмотренным АПК РФ, он все же единственный, который использует термин единообразие в тексте процессуального кодекса. Однако обеспечение единообразия в ходе рассмотрения надзорных жалоб не стоит отождествлять только лишь с п. 3 ст. 308.8 АПК РФ. В равной степени на тот же результат могут быть направлены и п.1, и п. 2 упомянутой статьи.

К сожалению, эмпирический материал последних лет по данному вопросу практически отсутствует, так как согласно статистике ВС РФ, за предшествующий пятилетний период (с 2020 года по 2024 год) Президиумом ВС РФ было рассмотрено всего три жалобы по экономическим спорам. Среди них дела № 381-ПЭК19, № 285-ПЭК18 (3), 317-ПЭК21. Мы проанализировали каждое из указанных дел с целью выявления тех способов, инструментов и методов, которые были использованы высшей инстанцией в целях обеспечения единства судебной практики.

В деле № 381-ПЭК19 Президиум ВС РФ обратил внимание на то, что судами первой и апелляционной инстанции последовательно были проигнорированы доводы заявителя-банка о сговоре между контролирующим обществом лицом и другой стороной сделки в ущерб интересам истца при совершении крупной сделки. На изложенное указал суд кассационной инстанции. Хотя СКЭС посчитала в дальнейшем, что банк не заявлял подобный довод, Президиум ВС РФ установил, что доказательства обратного содержатся в материалах дела (с указанием на тома и номера страниц), а суды трех инстанций (за исключением первой кассации) уклонились от их оценки. В связи с чем Президиум ВС РФ счел, что Суд по интеллектуальным правам верно применил нормы процессуального права в отличие от судов других инстанций. Таким образом, ВС РФ в настоящем споре произвел анализ применения судами процессуальных норм и установил правоприменение Суда по интеллектуальным правам верным, оставив в силе его судебный акт.

На наш взгляд указание на верное правоприменение само по себе является стабилизатором системы права и направлено на установление правовой определенности.

В деле № 285-ПЭК18 (3) основанием для отмены постановления СКЭС послужили нарушения принципа состязательности, допущенные предшествующими судами, однако мы полагаем, что рассмотрение указанного спора также повлияло на обеспечение единства

судебной практики. Предметом рассмотрения Президиума стал обособленный спор в деле о банкротстве «НОТА-Банк» (ПАО), возбужденный по заявлению об оспаривании в качестве сделки перечислений со счета банка в пределах периода подозрительности. Поводом к отмене судебного акта послужило то, что доводам ответчика о совершении сделки в ходе обычной хозяйственной деятельности не была дана оценка, а СКЭС указанную ошибку не устранила.

Необходимо указать на то, что суды разных инстанций занимали разные позиции [Постановление АС Московского округа, 2018; Определение АС г. Москвы, б.г.; Определение ВС РФ № 305-ЭС17-2344(32), 2020]. Первая инстанция и апелляция удовлетворили заявление конкурсного управляющего, тогда как кассационный суд отправил определение на новое рассмотрение. При новом рассмотрении первая инстанция и апелляция отказали управляющему, так как посчитали перечисления обычной хозяйственной деятельностью должника и недоказанным факт выхода за ее пределы по правилам ст. 61.3 Закона о банкротстве. Кассационный суд же посчитал, что наличие картотеки неисполненных платежных поручений в связи с недостаточностью денежных средств свидетельствует о выходе за пределы обычной хозяйственной деятельности, судебные акты отменил и признал перечисления недействительной сделкой. С таким подходом согласилась СКЭС.

Президиум ВС РФ в данном деле также обнаружил неправильное применение норм процессуального права, а именно выход кассационного суда за пределы своих полномочий (фактическая переоценка). Президиум ВС РФ установил, что суд округа не дал оценки доводам банка, а СКЭС указанное нарушение не устранила, в результате чего судами был принят неверный судебный акт.

При первом и при новом рассмотрении суды занимали диаметрально противоположные позиции, спорный характер судебных актов потребовал вмешательства Президиума ВС РФ для установления верного применения процессуальных норм. В связи с чем, мы полагаем, что в данном случае, как и в предыдущем, единообразие судебной практики в части конкретного дела было достигнуто путем установления верного правоприменения процессуальных норм.

В деле № 317-ПЭК21 Президиум ВС РФ применил п. 3 ст. 308.8 АПК РФ для отмены судебного акта. Заявитель оспаривал постановление СКЭС, которым к нему, как к поручителю были удовлетворены требования, вытекающие из таможенных правоотношений по уплате пошлин за пределами срока, установленного договором поручительства, но в пределах таможенных мероприятий (т.о. срок предъявления требований увеличился с двух до пяти лет). Предметом рассмотрения Президиума стала следующая неясность правового регулирования: применяются ли к таможенным правоотношениям правила гражданского материального права о пресекательном сроке договора поручительства, установленного ст. 361 ГК РФ.

ВС РФ постановил, что в данном случае коллизии между таможенным и частноправовым регулированием не существует, так как специальное регулирование предусматривает, что к подобного рода поручительству в том числе применяются положения гражданского законодательства [Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О таможенном регулировании в Российской Федерации»]. Президиум ВС РФ согласился с судами апелляционной и кассационной инстанции и сформулировал судебную правовую позицию, согласно которой толкование, утверждающее возможность предъявления к поручителю требования по истечении срока поручительства в течение периода проведения мероприятий таможенного контроля, нарушает справедливые правовые ожидания поручителя, по истечении срока действия договора полагающего себя освобожденным от соответствующей обязанности.

При рассмотрении указанного спора апелляционная инстанция также учла подходы иных

судов в аналогичных спорах. Таким образом, Президиум ВС РФ утвердил окончательно сложившийся в судебной практике подход к толкованию норм материального права.

Из указанного следует, что в настоящем деле ВС РФ установил верное толкование норм материального права и дополнил собственной судебной правовой позицией сложившуюся практику судов, легализовав уже сформированный подход. В настоящем деле, в отличие от предыдущих, Президиум ВС РФ не устанавливал верного процессуального правоприменения, а указал на верное толкование норм материального права судами, устранив коллизию специального (таможенного) и общего (частноправового) регулирования.

Заключение

Таким образом, мы можем констатировать крайне редкое вмешательство надзорной инстанции в рассмотрение и разрешение дел судами предшествующих уровней посредством передачи дела в судебное заседание Президиума ВС РФ. Еще более редки случаи, когда судебные акты отменяются Президиумом ВС РФ на основании неединообразного применения и (или) толкования норм права судами (всего одно дело за 5 последних лет). Такое положение можно квалифицировать и как высокий уровень правосудия судов первой, апелляционной и кассационной инстанции, и как форму соблюдения независимости судей при рассмотрении им дел на основании закона и по своему усмотрению.

Пересмотр в порядке надзора возможен, как видно из практических примеров, лишь в том случае, когда: а) СКЭС допустила принятие ошибочного судебного акта в следствие неправильного применения процессуальных норм (например, неправильно истолкованы и (или) применены нормы материального права или не устранены ошибки первой кассации); б) существующая неясность правового регулирования (например, правовая коллизия) стала причиной того, что суды сформировали при рассмотрении одного дела противоположные подходы. Таким образом, вмешательство Президиума ВС РФ становится необходимым для обеспечения правовой определенности в ситуации, когда суды не могут прийти к единому мнению.

Заслуживает внимание то, что при отмене судебных актов по п. 1 и п. 2 ст. 308.8 АПК РФ Президиум ВС РФ также обеспечивает единообразие судебной практики указывая на верное процессуальное правоприменение. При этом, что интересно, Президиум не создает как таковой новой трактовки спорных обстоятельств. Его акты лаконичны (не более 9 страниц) и строятся по модели освещения выводов судов, поддержания верного подхода, демонстрации причин ошибочности иного подхода. То есть фактически судебная правовая позиция Президиума ВС РФ формируется посредством поддержки уже сформулированного подхода, то есть на основе существующей судебной практики.

Тогда как при отмене судебных актов на основании п. 3 ст. 308.8 АПК РФ Президиумом ВС РФ были проанализированы подходы судов к толкованию правовых норм, утвержден верный из них и сформирована судебная правовая позиция. Исходя из данного нами определения единства судебной практики, мы полагаем, что при рассмотрении дел в порядке надзора Президиумом ВС РФ осуществляется обеспечение единообразия в применении норм права, что соответствует назначению п. 3 ст. 308 АПК РФ. Указанное несомненно направлено на обеспечения единства правовой системы, однако его достижение является более сложным процессом, который помимо разрешения жалоб в порядке надзора предусматривает в том числе и абстрактное толкование, выраженное в постановлениях Пленума ВС РФ по вопросам судебной практики.

Библиография

1. Арбитражный процесс : учебник / под ред. В. В. Яркова. – 2-е изд., перераб. и доп., стереотип. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Из содержания: СПС «КонсультантПлюс».
2. Боннер А. Т. Вопросы гражданского процессуального права : монография / А. Т. Боннер. – Москва : Статут, 2019. – 287 с.
3. Вишневский Г. А. Единство судебного правоприменения как способ обеспечения верховенства права / Г. А. Вишневский // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 2. – С. ?. – Электрон. версия. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinstvo-sudebnogo-pravoprimeneniya-kak-sposob-obespecheniya-verhovenstva-prava> (дата обращения: 17.07.2025).
4. Вишневский Г. А. Проблемы правоприменения в современном российском праве : монография / Г. А. Вишневский. – Москва : Норма, 2020. – 312 с.
5. Грось Л. А. Единство судебной системы Российской Федерации как важная предпосылка единства и единообразия судебной практики / Л. А. Грось // Концепция развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека : материалы Международной научно-практической конференции, 20–23 апреля 2007 г., Краснодар. – Краснодар ; Санкт-Петербург, 2007. – С. 50–57.
6. Грось Л. А. Проблемы гражданского процессуального права : учебное пособие / Л. А. Грось. – Москва : Юрайт, 2018. – 256 с.
7. Дело свинки Пепы [Электронный ресурс] // Pravo.ru : сайт. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/241565/> (дата обращения: 08.01.2026).
8. Дело Долиной [Электронный ресурс] // Pravo.ru : сайт. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/261626/> (дата обращения: 08.01.2026).
9. Жуйков В. М. Проблемы гражданского процессуального права : монография / В. М. Жуйков. – Москва : Городец, 2019. – 345 с.
10. Жуйков В. М. Роль разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в обеспечении единства судебной практики и защиты прав человека / В. М. Жуйков // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам / под ред. В. М. Жуйкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2008.
11. Иваненко Ю. И. Развитие судебной системы России : монография / Ю. И. Иваненко. – Москва : Проспект, 2021. – 298 с.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) : п. 1 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-232020/2015. – Режим доступа: [указать при наличии в СПС].
14. Определение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № АПЛ13-4 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 27 февраля 2007 г. № 16367/06 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
16. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 июля 2008 г. № 8209/08 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
17. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июля 2008 г. № 7321/08 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
18. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 октября 2009 г. № 12171/09 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2020 г. № 305-ЭС17-2344(32) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
20. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Особенная часть / Г. Л. Осокина. – Москва, 2007. – 724 с.
21. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 ноября 2018 г. по делу № А40-232020/2015 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
23. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2023 г. № 11АП-10187/2023 по делу № А65-2864/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
24. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30 декабря 2009 г. № 56пв09 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
25. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 июля 2015 г. № 5-ПВ15 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

26. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 17 июня 2020 г. по делу № 381-ПЭК19 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
27. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 октября 2020 г. по делу № 285-ПЭК18(3) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
28. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 марта 2022 г. по делу № 317-ПЭК21 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
29. Сергун А. К. Единство судебной практики: теоретические аспекты : монография / А. К. Сергун, М. С. Шакарян. – Москва : Инфра-М, 2018. – 198 с.
30. Сергун А. К. Замечания и предложения к проекту ГПК РФ, подготовленному к третьему чтению / А. К. Сергун, М. С. Шакарян // Путь к закону. – Москва : Городец, 2004. – С. 814.
31. Статистические данные Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. – Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/34221/> (дата обращения: 01.10.2025)
32. Султанов А. Р. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ / А. Р. Султанов // Право и политика. – 2007. – № 5. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Из содержания: СПС «КонсультантПлюс».
33. Султанов А. Р. Правовая определенность в судебной практике : монография / А. Р. Султанов. – Москва : Волтерс Клувер, 2019. – 274 с.
34. Туманов А. Д. Судебная система России: современное состояние и перспективы развития : монография / А. Д. Туманов. – Москва : Юрайт, 2020. – 321 с.
35. Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.15 / Туманов Д. А. – Москва, 2007. – С. 131.
36. Ярков В. В. Арбитражный процесс : учебник / В. В. Ярков. – Москва : Инфотропик Медиа, 2021. – 412 с.

Consideration of Cases by way of Supervision by the Supreme Court of the Russian Federation as a Form of Ensuring the Unity of Judicial Practice

Elizaveta I. Kutsenko

Postgraduate Student,
Department of Civil and Administrative Procedure,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: elizabeth.kutsenko@gmail.com

Abstract

The article examines the mechanism for ensuring the unity of judicial practice through supervisory proceedings in the Supreme Court of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the constitutional importance of ensuring uniformity in the application and interpretation of legal norms in the modern judicial system, as well as the proclaimed aspiration to achieve legal certainty in the approaches of judicial law enforcement. The purpose of the work is a comprehensive analysis of the theoretical and practical aspects of ensuring the unity of judicial practice through the consideration of cases by way of supervision. The author examines the evolution of the regulatory framework since the 2000s and analyzes the current state of the institution of supervisory proceedings. The study analyzes the scientific discussion surrounding the concepts of "unity" and "uniformity" of judicial practice, examining various approaches to their definition. Special attention is paid to the practical aspect of the implementation of supervisory proceedings, including the analysis of specific cases considered by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation. The results of the study show that supervisory proceedings are an effective tool for ensuring the uniformity of judicial practice, although its application is characterized by a certain

selectivity. It is revealed that the unity of judicial practice is achieved both through the consideration of specific cases and through the formation of legal positions in the rulings of the Supreme Court of the Russian Federation.

For citation

Kutsenko E.I. (2026) *Rassmotreniye del v poryadke nadzora Verkhovnym Sudom Rossiyskoy Federatsii kak forma obespecheniya yedinstva sudebnoy praktiki* [Consideration of Cases by way of Supervision by the Supreme Court of the Russian Federation as a Form of Ensuring the Unity of Judicial Practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 377-387. DOI: 10.34670/AR.2026.68.38.041

Keywords

Supervisory proceedings, unity of judicial practice, uniformity of judicial practice, Supreme Court, Presidium of the Supreme Court, uniformity of law enforcement, civil procedure, arbitration procedure, Economic Collegium, Arbitration Procedure Code.

References

1. Iarkov, V.V. (Ed.). (2005). *Arbitrazhnyi protsess: uchebnik* [Arbitration process: a textbook] (2nd ed., rev., enl., stereotypical). Moscow: Volters Kluver. [CD-ROM]. Contents: ConsultantPlus Legal Database.
2. Bonner, A.T. (2019). *Voprosy grazhdanskogo protsessual'nogo prava: monografiia* [Issues of civil procedural law: a monograph]. Moscow: Statut.
3. Vishnevskii, G.A. (2011). *Edinstvo sudebnogo pravoprimereniia kak sposob obespecheniia verkhovenstva prava* [The unity of judicial law enforcement as a way to ensure the rule of law]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], (2). Retrieved July 17, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/edinstvo-sudebnogo-pravoprimereniya-kak-sposob-obespecheniya-verhovenstva-prava>
4. Vishnevskii, G.A. (2020). *Problemy pravoprimereniia v sovremennom rossiiskom prave: monografiia* [Problems of law enforcement in modern Russian law: a monograph]. Moscow: Norma.
5. Gros', L.A. (2007). *Edinstvo sudebnoy sistemy Rossiiskoi Federatsii kak vazhnaia predposylka edinstva i edinoobrazii sudebnoy praktiki* [The unity of the judicial system of the Russian Federation as an important prerequisite for the unity and uniformity of judicial practice]. In **Kontseptsii razvitiia sudebnoy sistemy i sistemy dobrovol'nogo i prinuditel'nogo ispolneniia reshenii Konstitutsionnogo Suda RF, sudov obshchei iurisdiktsii, arbitrazhnykh, treteiskikh sudov i Evropeiskogo suda po pravam cheloveka: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 20–23 apreliia 2007 g., Krasnodar** [Concept for the development of the judicial system and the system of voluntary and compulsory enforcement of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction, arbitration, commercial courts and the European Court of Human Rights: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, April 20–23, 2007, Krasnodar] (pp. 50–57). Krasnodar; St. Petersburg.
6. Gros', L.A. (2018). *Problemy grazhdanskogo protsessual'nogo prava: uchebnoe posobie* [Issues of civil procedural law: a textbook]. Moscow: Iurait.
7. Delo svinki Pepy [Peppa Pig case]. (n.d.). *Pravo.ru*. Retrieved January 8, 2026, from <https://pravo.ru/news/241565/>
8. Delo Dolinoi [The Dolina case]. (n.d.). *Pravo.ru*. Retrieved January 8, 2026, from <https://pravo.ru/story/261626/>
9. Zhuikov, V.M. (2019). *Problemy grazhdanskogo protsessual'nogo prava: monografiia* [Issues of civil procedural law: a monograph]. Moscow: Gorodets.
10. Zhuikov, V.M. (2008). *Rol' raz'iasnenii Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v obespechenii edinstva sudebnoy praktiki i zashchity prav cheloveka* [The role of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in ensuring the unity of judicial practice and the protection of human rights]. In V.M. Zhuikov (Ed.), *Kommentarii k postanovleniiam Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po grazhdanskim delam* [Commentary on the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on civil cases] (2nd ed., rev., enl.). Moscow: Norma.
11. Ivanenko, Iu.I. (2021). *Razvitie sudebnoy sistemy Rossii: monografiia* [Development of the judicial system of Russia: a monograph]. Moscow: Prospekt.
12. *Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 3 (2015)* [Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2015)], paragraph 1. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.

13. Opredelenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy po delu № A40-232020/2015 [Ruling of the Arbitration Court of the City of Moscow in case No. A40-232020/2015]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*. [URL to be specified if available].
14. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 14 fevralia 2013 g. № APL13-4 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of February 14, 2013 No. APL13-4]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
15. Opredelenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 27 fevralia 2007 g. № 16367/06 [Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of February 27, 2007 No. 16367/06]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
16. Opredelenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 8 iul'ia 2008 g. № 8209/08 [Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 8, 2008 No. 8209/08]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
17. Opredelenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 25 iul'ia 2008 g. № 7321/08 [Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 25, 2008 No. 7321/08]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
18. Opredelenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 2 oktiabria 2009 g. № 12171/09 [Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 2, 2009 No. 12171/09]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
19. Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 10 fevralia 2020 g. № 305-ES17-2344(32) [Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of February 10, 2020 No. 305-ES17-2344(32)]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
20. Osokina, G.L. (2007). *Grazhdanskii protsess. Osobennia chast'* [Civil process. Special part]. Moscow.
21. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 9 noiabria 2018 g. po delu № A40-232020/2015 [Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of November 9, 2018 in case No. A40-232020/2015]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
22. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 17 oktiabria 2017 g. № 24-P [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 17, 2017 No. 24-P]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
23. Postanovlenie Odinnadsatogo arbitrazhnogo apeliatsionnogo suda ot 26 dekabria 2023 g. № 11AP-10187/2023 po delu № A65-2864/2023 [Ruling of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of December 26, 2023 No. 11AP-10187/2023 in case No. A65-2864/2023]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
24. Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 30 dekabria 2009 g. № 56pv09 [Ruling of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of December 30, 2009 No. 56pv09]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
25. Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 1 iul'ia 2015 g. № 5-PV15 [Ruling of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of July 1, 2015 No. 5-PV15]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
26. Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 17 iun'ia 2020 g. po delu № 381-PEK19 [Ruling of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 17, 2020 in case No. 381-PEK19]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
27. Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 21 oktiabria 2020 g. po delu № 285-PEK18(3) [Ruling of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of October 21, 2020 in case No. 285-PEK18(3)]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
28. Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 23 marta 2022 g. po delu № 317-PEK21 [Ruling of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of March 23, 2022 in case No. 317-PEK21]. (n.d.). *ConsultantPlus Legal Database*.
29. Sergun, A.K., & Shakarian, M.S. (2018). *Edinstvo sudebnoi praktiki: teoreticheskie aspekty: monografiia* [Unity of judicial practice: theoretical aspects: a monograph]. Moscow: Infra-M.
30. Sergun, A.K., & Shakarian, M.S. (2004). Zamechaniia i predlozheniia k projektu GPK RF, podgotovlennomu k tret'emu chteniiu [Remarks and suggestions on the draft Civil Procedure Code of the Russian Federation prepared for the third reading]. In *Put' k zakonu* [Path to the law] (p. 814). Moscow: Gorodets.
31. Statisticheskie dannye Verkhovnogo Suda RF [Statistical data of the Supreme Court of the Russian Federation]. (n.d.). *Supreme Court of the Russian Federation: official website*. Retrieved October 1, 2025, from <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/34221/>
32. Sultanov, A.R. (2007). Pravovaia opredelennost' v nadzornom proizvodstve GPK RF i praktika Konstitutsionnogo Suda RF [Legal certainty in supervisory proceedings under the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Pravo i politika* [Law and Politics], (5). [CD-ROM]. Contents: *ConsultantPlus Legal Database*.
33. Sultanov, A.R. (2019). *Pravovaia opredelennost' v sudebnoi praktike: monografiia* [Legal certainty in judicial practice: a monograph]. Moscow: Volters Kluver.
34. Tumanov, A.D. (2020). *Sudebnaia sistema Rossii: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia: monografiia* [The judicial system of Russia: current state and development prospects: a monograph]. Moscow: Iurait.
35. Tumanov, D.A. (2007). *Probely v grazhdanskom protsessual'nom prave* [Gaps in civil procedural law] (Doctoral dissertation, 12.00.15). Moscow. p. 131.
36. Iarkov, V.V. (2021). *Arbitrazhnyi protsess: uchebnyk* [Arbitration process: a textbook]. Moscow: Infotropik Media.

УДК 347.232.1

DOI: 10.34670/AR.2026.28.18.042

Общее имущество в многоквартирном доме как объект субъективного права общей долевой собственности**Яковлев Юрий Сергеевич**

Юрисконсульт,

Проектно-технический центр «Эксперт»,

105064, Российская Федерация, Москва, ул. Земляной Вал, 9;

e-mail: yys29@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются подходы к пониманию общего имущества в многоквартирном доме как объекта субъективного права общей долевой собственности. В связи с недавними изменениями гражданского законодательства (с 1 октября 2023 года в главу 16 Гражданского кодекса РФ был включён параграф 2 «Общее имущество собственников недвижимых вещей»), рассматривается вопрос о возможности признания отдельных частей общего имущества в многоквартирном доме (земельного участка, помещений, предназначенных для совместного использования собственниками помещений в многоквартирном доме) в качестве отдельных объектов субъективного права общей долевой собственности. В результате проведённого исследования сделан вывод о том, что единым объектом субъективного права общей долевой собственности является общее имущество в многоквартирном доме, при этом имущество, входящее в состав этого объекта, свойствами отдельного объекта указанного субъективного права не обладает.

Для цитирования в научных исследованиях

Яковлев Ю.С. Общее имущество в многоквартирном доме как объект субъективного права общей долевой собственности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 388-394. DOI: 10.34670/AR.2026.28.18.042

Ключевые слова

Помещение, земельный участок, общее имущество, многоквартирный дом, право собственности, общая долевая собственность, неделимая вещь.

Введение

В качестве дискуссионного вопроса, связанного с признанием общего имущества в многоквартирном доме в качестве отдельного объекта субъективного права собственности, можно выделить то, что, согласно действующему законодательству, в качестве общего имущества в многоквартирном доме указано имущество, которое признается отдельным объектом субъективного права собственности. Примером такого имущества является земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, а также общие помещения в нём (пункты 1, 2 и 4 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ). На основании данной особенности, присущей общему имуществу в многоквартирном доме, исследователи приходят к выводу, что составные части общего имущества в многоквартирном доме способны выступать в качестве отдельных объектов гражданского права [Стрембелев, 2009 (статья), с. 114].

Данная точка зрения имеет право на существование, но следует уточнить, что составные части общего имущества в многоквартирном доме способны выступать в качестве самостоятельных объектов лишь определённых субъективных прав, к числу которых не относится субъективное право общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме [Стрембелев, 2009 (диссертация), с. 52]. Например, согласно части 5 статьи 36 Жилищного кодекса РФ, земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, может быть обременен правом ограниченного пользования другими лицами. Таким образом, именно земельный участок, а не общее имущество в многоквартирном доме, является объектом субъективного права ограниченного пользования (сервитута). Данный вывод также подтверждается судебной практикой [Постановление арбитражного суда Уральского округа, 2021].

Основная часть

Поводом для оживления дискуссии о возможности существования нескольких объектов субъективного права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме является то, что с 1 октября 2023 года [Федеральный закон № 351-ФЗ, 2023] в главу 16 Гражданского кодекса РФ был включён параграф 2 «Общее имущество собственников недвижимых вещей». Согласно пункту 5 статьи 259.3 Гражданского кодекса РФ недвижимые вещи, относящиеся к общему имуществу, не подлежат передаче в собственность третьим лицам, за исключением случаев, если решение об этой передаче принято собственниками недвижимых вещей единогласно при условии, что эта передача не противоречит закону [Федеральный закон № 351-ФЗ, 2023].

Таким образом, при буквальном толковании указанной нормы можно прийти к выводу, что право общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме может быть прекращено в отношении земельного участка, входящего в состав общего имущества в многоквартирном доме, и указанных в пунктах 1 и 2 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ помещений, в отношении которых осуществлён государственный кадастровый учёт. Из возможности отчуждения указанного имущества сособственниками помещений в многоквартирном доме можно сделать вывод, что данное имущество является отдельным объектом гражданского оборота и субъективного права общей долевой собственности собственников помещений в многоквартирном доме.

Однако при подобном подходе следует констатировать, что в подавляющем большинстве

случаев у собственников помещений в многоквартирном доме возникает субъективное право общей долевой собственности на два объекта:

1) земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом (пункт 4 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ);

2) прочее имущество, указанное в пунктах 1, 2 и 3 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ.

Следствием указанной дихотомии общего имущества в многоквартирном доме является отсутствие однозначного понимания правовой природы этой категории, поскольку в таком случае возможны как минимум два подхода к пониманию общего имущества в многоквартирном доме. Согласно первому подходу общее имущество в многоквартирном доме является объектом субъективного права общей долевой собственности и объединяет имущество, в отношении которого не осуществлён государственный кадастровый учёт (прочее имущество, указанное в пунктах 1, 2 и 3 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ). Второй подход подразумевает, что общее имущество в многоквартирном доме не является объектом субъективного права собственности, а выступает в качестве своеобразной характеристики либо свойства объектов этого права. При этом ни один из указанных подходов не представляется верным. Рассмотрим каждый из них подробнее.

При анализе первого подхода прежде всего следует указать, что отчуждение земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, в собственность третьих лиц представляется недопустимым, поскольку влечёт за собой возникновение ситуаций правовой неопределённости, а также порождает возможности для злоупотреблений как со стороны собственников помещений в многоквартирном доме, так, и со стороны собственника отчуждённого земельного участка. С примерами правовой неопределённости и рисками, обусловленными отсутствием земельного участка, принадлежащего на праве собственности собственникам помещений в многоквартирном доме, можно ознакомиться в части настоящего параграфа, посвященной проблеме образования земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом.

Согласно пункту 5 статьи 259.3 Гражданского кодекса РФ для отчуждения помещений, указанных в пунктах 1 и 2 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ, необходимо осуществить их государственный кадастровый учёт. При этом до осуществления этого учёта указанные помещения отдельными объектами субъективного права собственности не являются и входят в состав такого объекта, как общее имущество в многоквартирном доме. Однако из подобного подхода к толкованию действующего законодательства следует, что сам факт осуществления кадастрового учёта приведёт к уменьшению размера общего имущества в многоквартирном доме ещё до того, как помещение будет отчуждено сосособственниками.

Из системного толкования действующего законодательства (часть 3 статьи 36 Жилищного кодекса РФ и пункт 5 статьи 259.3 Гражданского кодекса РФ) следует, что уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме возможно осуществить на основании решения, единогласно принятого собственниками помещений в многоквартирном доме. Таким образом, для отчуждения помещения, предназначенного для совместного использования собственниками помещений в многоквартирном доме, необходимо единогласное принятие двух решений общим собранием этих собственников (об уменьшении общего имущества в многоквартирном доме посредством государственного кадастрового учёта помещения и об передаче помещения в собственность третьим лицам), что очевидно является излишним.

Более того, при отделении объектов, в отношении которых осуществлён государственный

кадастровый учёт, от общего имущества в многоквартирном доме возникает проблема, обусловленная отсутствием подробного нормативного регулирования общественных отношений, связанных с владением, пользованием и распоряжением этими объектами. Так, например, жилищным законодательством предусмотрен порядок приобретения права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме (статья 38 Жилищного кодекса РФ) и определения долей в этом праве (статья 37 Жилищного кодекса РФ). Аналогичных норм, как вариант, для помещений, являющихся объектами государственного кадастрового учёта и предназначенных для занятий собственниками помещений в данном доме физической культурой и спортом (пункт 2 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ), действующее законодательство не содержит. Таким образом, в случае отделения подобных объектов от общего имущества в многоквартирном доме необходимо ликвидировать указанный пробел правового регулирования.

Из второго подхода следует, что общее имущество в многоквартирном доме не является объектом субъективного права собственности. В таком случае указанные недостатки первого подхода утрачивают свою актуальность. Однако в качестве негативного последствия можно указать то, что по причине отказа от признания общего имущества в многоквартирном доме в качестве объекта субъективного права собственности объектами этого права, например, становятся межквартирные лестничные площадки, лестницы, крыши и иные конструктивные элементы многоквартирного дома, указанные в пунктах 1, 2 и 3 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ.

Очевидно, что указанные конструктивные элементы многоквартирного дома не обладают свойствами обособленных вещей и по данной причине они не могут являться объектами какого бы то ни было субъективного вещного права. Более того, думается, что именно из соображений недопустимости создания множественности объектов права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме исходил законодатель, устанавливая, что с момента государственной регистрации прав на образованные в здании помещения (машино-места) само здание многоквартирного дома больше не является объектом субъективного права собственности (статья 287.2 Гражданского кодекса РФ).

Большие сомнения также вызывает сама возможность отчуждения частей общего имущества в многоквартирном доме, которые являются объектами государственного кадастрового учёта. Причины недопустимости отчуждения земельного участка, входящего в состав общего имущества в многоквартирном доме, были приведены ранее. Думается, что указанные в пункте 1 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ помещения тоже не должны отчуждаться, поскольку при их отчуждении утрачивается возможность беспрепятственного доступа в расположенные в многоквартирном доме помещения, принадлежащие на праве индивидуальной собственности, а также в технические помещения, в которых расположено оборудование, требующее регулярного обслуживания и контроля технического состояния.

С позиции обеспечения реализации права собственности на помещения (машино-места) в многоквартирном доме, не вызывает сомнения возможность отчуждения помещений, указанных в пункте 2 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ. Однако следует учитывать, что указанные помещения (общие спортзалы, кинотеатры и т.п.) в действительности крайне редко располагаются в многоквартирных домах. Данное обстоятельство в совокупности с требованиями, предъявляемыми к порядку отчуждения указанных помещений, делает их исключение из состава общего имущества в многоквартирном доме крайне маловероятным.

Также следует отметить, что, вопреки указанным изменениям гражданского

законодательства, Верховный Суд РФ последовательно отстаивает позицию о том, что «сделки, направленные на отчуждение в качестве самостоятельных объектов, относящихся к общему имуществу МКД, являются ничтожными (пункт 2 статьи 168 ГК РФ), так как они противоречат существу законодательного регулирования и нарушают права других лиц — всех собственников помещений в доме, имеющих в силу закона право на использование объектов общей долевой собственности» [Определение ВС РФ № 305-ЭС24-13782, 2024, Определение ВС РФ № 305-ЭС25-2385, 2025].

Думается, что при принятии Жилищного кодекса РФ законодатель также исходил из идеи недопустимости отчуждения общего имущества в многоквартирном доме, о чём можно сделать вывод из содержания части 3 статьи 36 Жилищного кодекса РФ, согласно которой уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме возможно только при его реконструкции.

Более того, включение в главу 16 Гражданского кодекса РФ второго параграфа было осуществлено с целью ликвидации пробела в нормативном регулировании общественных отношений по владению, пользованию и распоряжению общим имуществом в нежилых зданиях. Тогда как в регулирование схожих общественных отношений в части общего имущества в многоквартирном доме ничего нового, за исключением анализируемой возможности его отчуждения, указанные изменения гражданского законодательства не внесли.

Таким образом, думается, что положения статьи 259.3 Гражданского кодекса РФ не подлежат применению к отношениям по владению, пользованию и распоряжению общим имуществом в многоквартирном доме по причине того, что указанные отношения регулируются нормами специального закона (Жилищным кодексом РФ). Предполагать обратное означает, что решение, указанное в пункте 5 статьи 259.3 Гражданского кодекса РФ, принимается в порядке, предусмотренном главой 9.1 Гражданского кодекса РФ. При этом положения главы 6 Жилищного кодекса РФ к порядку принятия этого решения не применяются, поскольку решение вопроса об отчуждении общего имущества в многоквартирном доме не отнесено к компетенции общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме (часть 2 статьи 44 Жилищного кодекса РФ).

Из приведённых рассуждений следует, что объектом субъективного права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме является исключительно общее имущество в многоквартирном доме, а не отдельные части данного имущества (земельный участок, помещение и прочее имущество). Как верно отмечал В.Н. Симонов, «собственники помещений в многоквартирном доме не являются собственниками подвала, чердака, оборудования, земельного участка и т.д. в отдельности. Они являются собственниками общего имущества как единого неделимого комплекса имущества. В данном случае объектом права собственности является общее имущество как самостоятельный объект» [Постатейный комментарий к ЖК РФ, 2010, с. 222].

По справедливому утверждению А.В. Егорова, «главным достоинством поэтажной собственности в России в настоящий момент (в части жилых многоквартирных домов) является режим единого объекта, который фактически введён законодателем, когда он установил, что земельный участок под домом поступает в собственность всех субъектов долевой собственности» [Егоров, 2023, с. 12]. Также следует согласиться с мнением Т.А. Береговой о том, что «правовой режим общего имущества в многоквартирном доме как единого неделимого объекта призван обеспечить целевое назначение многоквартирного дома – проживание людей» [Береговая, 2014, с. 104].

Закключение

Таким образом, концепция, согласно которой общее имущество в многоквартирном доме является единым объектом субъективного права общей долевой собственности, является наиболее удачной и адаптированной к текущим жизненным реалиям, нежели прочие концепции правового регулирования анализируемых общественных отношений. По данной причине следует констатировать отсутствие объективной необходимости в концептуальных (но не точечных) изменениях существующей модели правового регулирования данных общественных отношений.

Библиография

1. Алексеев В.А. Территориальные комплексы недвижимости и новое законодательство об общей долевой собственности / В.А. Алексеев // Закон. – 2024. – № 6. – С. 111-123.
2. Береговая Т.А. Частноправовые и публично-правовые начала в регулировании отношений по управлению многоквартирным домом : дис. ... канд. юрид. наук / Т.А. Береговая. – Челябинск, 2014. – 200 с.
3. Егоров А.В. Позтажная собственность в России: дорожная карта реформ / А.В. Егоров // Цивилистика. – 2023. – № 3. – С. 11-37.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 ноября 2024 года № 305-ЭС24-13782 по делу № А40-109777/2023.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 июля 2025 года № 305-ЭС25-2385 по делу № А40-88564/2023.
6. Постановление арбитражного суда Уральского округа от 10 июня 2021 года по делу № А71-4094/2020.
7. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2010. – 720 с.
8. Стрембелев С.В. Правовые аспекты размещения рекламных конструкций на элементах общего имущества многоквартирного дома / С.В. Стрембелев // Арбитражные споры. – 2009. – № 3. – С. 113-121.
9. Стрембелев С.В. Управление общим имуществом многоквартирного дома: коммерческо-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Стрембелев. – Санкт-Петербург, 2009. – 221 с.
10. Федеральный закон от 24.07.2023 № 351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (ч. III). – Ст. 5777.

Common Property in an Apartment Building as an Object of Subjective Right of Common Shared Ownership

Yurii S. Yakovlev

Legal Adviser,
Design and Technical Center "Expert",
105064, 9, Zemlyanoy Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yys29@mail.ru

Abstract

The article analyzes approaches to understanding common property in an apartment building as an object of subjective right of common shared ownership. In connection with recent amendments to civil legislation (since October 1, 2023, paragraph 2 "Common Property of Owners of Immovable Things" was included in Chapter 16 of the Civil Code of the Russian Federation), the issue of the possibility of recognizing individual parts of common property in an apartment building (land plot,

premises intended for joint use by the owners of premises in an apartment building) as separate objects of subjective right of common shared ownership is examined. As a result of the conducted research, it is concluded that the unified object of subjective right of common shared ownership is the common property in an apartment building, while the property included in the composition of this object does not possess the characteristics of a separate object of the specified subjective right.

For citation

Yakovlev Yu.S. (2026) *Obshcheye imushchestvo v mnogokvartirnom dome kak ob'yekt sub'yektivnogo prava obshchey dolevoy sobstvennosti* [Common Property in an Apartment Building as an Object of Subjective Right of Common Shared Ownership]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 388-394. DOI: 10.34670/AR.2026.28.18.042

Keywords

Premises, land plot, common property, apartment building, ownership right, common shared ownership, indivisible thing.

References

1. Alekseev, V. A. (2024). Territorial'nyye komplekсы nedvizhimosti i novoye zakonodatel'stvo ob obshchey dolevoy sobstvennosti [Territorial real estate complexes and the new legislation on shared ownership]. *Zakon*, (6), 111-123.
2. Beregovaya, T. A. (2014). *Chastnopravovyye i publichno-pravovyye nachala v regulirovanii otnosheniy po upravleniyu mnogokvartirnym domom* [Private law and public law principles in the regulation of relations for the management of an apartment building] (Candidate's thesis).
3. Egorov, A. V. (2023). *Poetazhnaya sobstvennost' v Rossii: dorozhnaya karta reform* [Floor-by-floor ownership in Russia: roadmap of reforms]. *Tsivilistika*, (3), 11-37.
4. Federal Law No. 351-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation". (2023). Collection of Legislation of the Russian Federation, 31(III), art. 5777.
5. Krashennnikov, P. V. (Ed.). (2010). *Postateynyy kommentariy k Zhilishchnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Article-by-article commentary to the Housing Code of the Russian Federation] (3rd ed.). Statut.
6. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES24-13782 in case No. A40-109777/2023. (2024, November 14).
7. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES25-2385 in case No. A40-88564/2023. (2025, July 25).
8. Strembelev, S. V. (2009). *Pravovyye aspekty razmeshcheniya reklamnykh konstruksiy na elementakh obshchego imushchestva mnogokvartirnogo doma* [Legal aspects of advertising structures placement on the elements of the common property of an apartment building]. *Arbitrazhnyye spory*, (3), 113-121.
9. Strembelev, S. V. (2009). *Upravleniye obshchim imushchestvom mnogokvartirnogo doma: kommerchesko-pravovoy aspekt* [Management of the common property of an apartment building: commercial and legal aspects] (Candidate's thesis).
10. The decision of the Arbitration Court of the Ural District in case No. A71-4094/2020. (2021, June 10).
11. Yakovlev, Yu. S. (2026) *Obshcheye imushchestvo v mnogokvartirnom dome kak ob'yekt sub'yektivnogo prava obshchey dolevoy sobstvennosti* [Common property in an apartment building as an object of subjective right of general share ownership]. [Manuscript].

УДК 347.193

DOI: 10.34670/AR.2026.12.80.043

Осуществление корпоративных прав лицами, состоящими в браке

Канаев Владимир Николаевич

Студент,

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: v.kanaev04@list.ru

Аннотация

В статье исследуется эволюция отечественного корпоративного права с акцентом на реформы Гражданского кодекса РФ 2012 и 2014 годов, благодаря которым корпоративные правоотношения были выделены в самостоятельный вид и сформирована общая часть корпоративного права. Автор детально анализирует сущность корпоративных правоотношений через призму корпоративных прав участников корпорации — права на участие в управлении, получение информации о деятельности общества, оспаривание сделок, требование возмещения убытков и иных правомочий. Особое внимание уделяется проблематике пересечения корпоративного и семейного права: подробно рассматривается порядок раздела акций и долей в бизнесе как совместно нажитого имущества при расторжении брака. Поднимаются риски появления в составе участников хозяйственного общества лиц, не обладающих профессиональными компетенциями для управления бизнесом (бывших супругов, непрофессиональных наследников), что может угрожать стабильности и развитию компании. В работе систематизированы правовые инструменты защиты имущественных интересов участников: брачный договор, специальные положения устава юридического лица, соглашения о разделе имущества и компенсационные механизмы. Отдельно изучаются особенности наследования корпоративных прав в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах. В итоге обосновывается необходимость сбалансированного правового регулирования, обеспечивающего баланс интересов бизнеса и членов семьи для поддержания стабильности бизнес-процессов при изменении семейного статуса участников.

Для цитирования в научных исследованиях

Канаев В.Н. Осуществление корпоративных прав лицами, состоящими в браке // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 395-403. DOI: 10.34670/AR.2026.12.80.043

Ключевые слова

Корпоративные права, супруги, раздел имущества, брачный договор, устав общества, нежелательные лица, злоупотребление правом, эффект разбитого корыта, совместная собственность, наследование.

Введение

До 2012 года регулирование корпоративных отношений было фрагментированным и недостаточно ясным. Это выражалось в ряде острых проблем, которые были на тот момент: отсутствие единого правового регулирования корпоративных отношений; наличие корпоративных конфликтов из-за отсутствия в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ) четкого порядка принятия решений и компетенции органов управления; отсутствие четких норм о корпоративном договоре; научные споры о том являются ли корпоративные отношения разновидностью договорных или имеют самостоятельную правовую природу. Период формирования отечественного корпоративного права ознаменовался изменениями в ГК РФ, который был преобразован с помощью двух важных реформ, которые произошли в 2012 и 2014 году. Реформа 2012 года представляла собой выделение и закрепление корпоративных правоотношений в качестве самостоятельного вида, что поставило точку в дискуссии об отраслевой принадлежности. Данное событие стало важнейшим шагом в развитии корпоративного права в России. В 2014 году внесли изменения в главу 4 ГК РФ «Юридические лица» появилось понятие «Корпорация», также было введено понятие унитарных юридических лиц. Данные новшества позволили создать общую часть корпоративного права.

Основная часть

Согласно п.1 ст.2 ГК РФ корпоративными отношениями являются «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими». [Гражданский кодекс РФ, 1994]. На наш взгляд данное определение не является исчерпывающим, охватывает лишь в узком смысле данное понятие, не учитывая при этом целый ряд моментов: отношения связанные с созданием корпорации, отношения, связанные с прекращением деятельности корпорации, отношения корпорации с третьими лицами (внешние отношения) и т.д.. Мы считаем, что сущность корпоративных отношений наиболее полно отражало бы, сформулированное нами определение, корпоративные отношения – это урегулированные нормами права отношения, возникающие между участниками, органами управления и самой корпоративной организацией в процессе её создания, деятельности, реорганизации и ликвидации, а также во взаимодействии с третьими лицами в части, затрагивающей корпоративные интересы

Традиционно, содержанием корпоративных отношений признаются корпоративные права участников корпорации. Корпоративные права – это совокупность прав участников корпорации (учредителей, членов, акционеров), которые возникают ввиду их вовлеченности в организационно-управленческие процессы корпорации. К ним относятся: право на участие в управлении делами корпорации, право на получение информации о деятельности корпорации, право оспаривать сделки корпорации, право требовать возмещения убытков, причинённых корпорации и т.д.. Следовательно, корпоративные права это комплексный инструмент, позволяющий организовать эффективное управление корпорацией и обеспечить ее устойчивое развитие.

Корпоративные права по своей природе неотделимы от факта участия в хозяйственном обществе. Их возникновение и реализация возможны лишь при наличии у субъекта акций или доли в уставном капитале — иного механизма законодательство не предусматривает.

Документальное подтверждение владения (выписка из реестра акционеров, запись в ЕГРЮЛ) выступает юридическим основанием для участия в управлении, получения дивидендов и иных правомочий.

Однако особая ситуация складывается в рамках семейных правоотношений. В Семейном кодексе Российской Федерации (далее по тексту СК РФ) отсутствует определение дефиниции «брак». Несмотря на это, исходя из системного анализа норм СК РФ и доктрины семейного права под браком следует понимать добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, заключенный в установленном законом порядке направленный на создание семьи и порождающий взаимные личные и имущественные права и обязанности. По своей сути, брак представляет собой юридический факт, то есть событие, порождающее возникновение семейно – правовых связей, которые в свою очередь влияют на имущественные интересы, осуществление корпоративных прав имеющих у другого супруга через режим совместной собственности. Согласно ч.1 ст. 34 СК РФ «Имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью». [[Семейный кодекс РФ, 1995]

Из этого следует, что акции и доли, которые были приобретены в период брака, относятся к совместно нажитому имуществу супругов(кроме случаев, когда они были получены по безвозмездной сделке, например, в дар или по наследству) . Законодатель предусмотрел возможность раздела общего имущества не только после расторжения брака, но и в период брака. Это сделано для того, чтобы лица состоящие в браке могли самостоятельно решить вопросы собственности, не ожидая расторжения брака. В случае, когда управление хозяйственным обществом осуществляется исключительно одним из супругов, стороны вправе посредством соглашения определить особый порядок раздела совместно нажитого имущества. Данный порядок позволяет закрепить права собственности на бизнес за супругом – управленцем, а также предоставить второму супругу встречного имущественного предоставления в виде денежной компенсации, соразмерной стоимости причитающейся ему доли в бизнесе или передачи иного имущества из состава совместной собственности, соответствующего по стоимости доле в бизнесе. Данный способ является наиболее простым и характерен для супругов, которые положительно настроены и намерены сохранить хорошие отношения.

Однако наиболее интересным стоит вопрос раздел долей и акций как совместно нажитого имущества после расторжения брака. По мнению автора, в данном случае супруг – управленец бизнесом, выступающий в качестве владельца долей или акций, видит развод как угрозу посягающую на его возможность осуществления корпоративных прав и имеет стремление защитить свои интересы. Бракоразводный процесс будучи юридическим фактом влекущим изменение правового режима имущественных прав, сулит распределением долей или акций поровну (50% на 50%). Традиционно для предотвращения вхождения в состав участников хозяйственного общества «нежелательных лиц» в уставе закрепляется требование о получении согласия остальных участников. Данная процедура выступает «корпоративным фильтром», позволяющим контролировать состав участников. После того, как лицо уведомило общество намерении реализовать свои права в отношении имеющейся доли или акции, участники хозяйственного общества рассматривают уведомление и принимают одно из двух решений : отказ в принятии нового участника или согласие на его вхождение. В случае отказа в принятии за лицом сохраняется право требования выплаты действительной стоимости доли или акции.

В сфере корпоративного права под термином «нежелательные лица» применительно к хозяйственному обществу принято понимать группу субъектов, чей правовой статус в

отношении компании меняется либо впервые возникает вследствие наступления конкретных юридических фактов и которые, в силу своих действий, либо иных юридически значимых характеристик, создают риски для устойчивого функционирования, финансовой стабильности или достижения уставных целей общества. Например к ним можно отнести бывшего супруга, приобретшего доли или акции в результате развода, деятельность которого может привести к диссонансу в управлении; наследник, который после смерти участника хозяйственного общества получил доли или акции, но не имея профессиональных навыков может подорвать управленческие процессы; лица ранее связанные с банкотными процедурами, способные подорвать финансовую стабильность общества и т.д..

Между тем, Верховный Суд Российской Федерации 1 июля 2024 года вынес неоднозначное, но значимое определение N 306-ЭС23-26474. Обстоятельства дела заключались в том, что в 2009 году путём реорганизации сельскохозяйственного кооператива было создано ООО «Страховское». Парамонов А.В. был единственным участником, однако в 2021 году он расторг брак со своей супругой Парамоновой И.С.. Районный суд своим решением признал равные доли супругов в уставном капитале общества по 50% каждому. Парамонов А.В. будучи единственным участником общества внес изменения в устав общества, исходя из которых отчуждение или переход доли иным образом, чем продажа, допускалось только с согласия общего собрания участников (т.е. с его личного согласия как единственного участника). Данное положение препятствовало Парамоновой И.С. стать участником общества, поскольку ее бывший супруг не давал согласия на вхождение нового участника. В связи с этим Парамонова И. С. подала иск о признании недействительным решения об изменении устава. Парамонов А. В. и общество, в свою очередь, требовали перевода прав на долю на них и признания Парамоновой И. С. не приобретшей прав участника общества. Суды трех инстанций отказали Парамоновой И.С. сославшись на то, что решение о разделе имущества не порождает автоматически корпоративных прав — для вступления в общество необходимо подать заявление, чего Парамонова И. С. не делала; в случае отказа других участников она вправе требовать лишь выплаты действительной стоимости доли; изменение устава было разумным и добросовестным, так как между супругами сложились неприязненные отношения, что могло привести к корпоративному конфликту. Данное дело дошло до Верховного Суда Российской Федерации, который отменил акты нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение. Он указал, что Парамонов А.В. внес изменения в устав с целью воспрепятствования своей бывшей супруге, злоупотребляя при этом правом; выводы судов о том, что бывшие супруги не смогут осуществлять совместное ведение бизнеса основано на предположениях, а не доказательствах; Парамонова И.С. имела право оспорить решение об изменении устава, поскольку оно нарушает ее права.

Юридическая важность и особенность данного дела заключается в том, что благодаря этому решению суды теперь должны оценивать внесение изменений в устав не только по формальным основаниям, но и с какой целью было это сделано, не является ли данное действие «корпоративной манипуляцией». Теперь не допускается использовать внесение изменений в устав как инструмент воспрепятствования прав бывших супругов при разделе имущества. Верховный Суд Российской Федерации сделал существенный акцент на том, что изменения устава, внесённые в период семейного конфликта или судебного разбирательства, подлежат повышенной проверке на предмет злоупотребления правом. Автор полагает, что данное решение демонстрирует эволюцию судебной практики в области корпоративного и семейного

права, устанавливая баланс между интересами общества и защитой прав лиц, получивших долю в результате раздела имущества.

Несмотря на то, что Верховный Суд Российской Федерации сформулировал ряд важных выводов в данном определении, остался вопрос с какого момента "в преддверии раздела" изменять устав хозяйственного общества будет юридически безопасно. В решении содержалась формулировка «...в период, когда процесс раздела общего имущества уже начат или в преддверии такого раздела».[Определение Верховного Суда РФ № 306-ЭС23-26474, 2024] В современной правоприменительной практике аргументированной признаётся интерпретация понятия «в преддверии раздела», под которым понимается временной промежуток, характеризующийся возникновением между супругами существенного и явно выраженного конфликта. Такой конфликт объективно свидетельствует о высокой вероятности последующего расторжения брака и возникновения судебного спора относительно раздела совместно нажитого имущества.

Верховный Суд РФ отмечает в данном решении: «По общему правилу, участники общества заинтересованы в сохранении за своими близкими возможности продолжать участвовать в ведении общего дела...». Возникает обоснованный вопрос о правовых основаниях утверждения, согласно которому участник хозяйственного общества якобы обязан сохранять за бывшим супругом право на участие в управлении бизнесом. С юридической точки зрения представляется неочевидным, почему бывший супруг-участник должен: допускать экс-партнёра к принятию управленческих решений в обществе; разделять с ним корпоративные полномочия при наличии явного межличностного конфликта; участвовать в совместной предпринимательской деятельности в условиях, когда брачные отношения прекращены, а между сторонами существуют противоречия.

Мы полагаем, что главная проблема кроется в том, что управление бизнесом и участие в получении прибыли (не гарантированной, ведь для предпринимательской деятельности характерен риск) ставятся в приоритет над соразмерной доли получением денежной компенсации. Это нарушает принцип эквивалентности раздела имущества. Супруг, не входящий в управление обществом, фактически лишается равной доли в совместно нажитом имуществе: вместо соразмерной компенсации он получает либо ничтожный корпоративный статус без реального влияния, либо вынужден участвовать в рискованной предпринимательской деятельности, для которой не имеет необходимых профессиональных навыков.

Включение в состав участников хозяйственного общества лица, не обладающего необходимыми профессиональными компетенциями для управления бизнесом, создаёт существенные угрозы для осуществления предпринимательской деятельности. Лицо, не имеющее опыта в осуществлении коммерческой деятельности может : заключить невыгодные сделки; допустить ошибки при распределении ресурсов; нарушить корпоративные процедуры; блокированию стратегически важных инициатив более квалифицированных участников для развития компании из-за субъективных опасений и т.д.. Указанные моменты могут привести к росту издержек, нарушению договорных обязательств, что в дальнейшем в критической фазе это способно спровоцировать: снижение рыночной стоимости активов, банкротство общества, потерю ключевых клиентов и т.д..

Исходя из сказанного выше, можно сделать парадоксальный вывод о том, что стремление сохранить корпоративный контроль без учёта компетенций может породить эффект «разбитого корыта». Под эффектом «разбитого корыта» мы предлагаем понимать юридически и

экономически неблагоприятный результат действий лица, которое:

А)отказалось от денежной компенсации при разделе совместно нажитого имущества;

Б)настояло на сохранении корпоративных прав (доли в ООО, акций АО);

В)не обладает необходимыми знаниями и опытом для управления бизнесом;

Г)в итоге не получает ни дохода от участия в обществе, ни справедливой стоимости своей доли.

Инструментарий гражданского и предпринимательского права нуждается в адекватном описании этого эффекта юридической терминологией. Этот термин позволит восполнить пробел в описании специфического правового феномена, связанного с рисками непрофессионального управления и последствиями для участника бизнеса. Понятие может стать основой для исследований в области корпоративного права, семейного права и предпринимательского права, посвящённых вопросам ответственности, рисков и защиты прав участников хозяйственных обществ.

По нашему мнению, одним из ключевых и очевидных инструментов, позволяющих сохранить за собой имущественные права для управления бизнесом, является брачный договор. Такое соглашение заключается заранее, когда супруги желают урегулировать имущественные вопросы на случай развода. В документе необходимо четко и однозначно сформулировать условие о судьбе режима долей или акций, описать их подробно. Текст может быть составлен следующим образом: «Доли в уставном капитале ООО (наименование общества), приобретённые в период брака, а также акции (наименование компании), приобретенные в период брака, признаются личной собственностью (Ф. И. О. супруга-бизнесмена). Второй супруг (Ф. И. О. второго супруга) не имеет права на эти доли и не претендует на них в случае расторжения брака. Это имущество не подлежит разделу как совместно нажитое». Однако существует немалая вероятность того, что второй супруг не согласится на такие условия. В подобной ситуации уместно предложить второму супругу что то взамен, например имущество эквивалентное стоимости доли/акции, денежные средства и так далее. Это необходимо, поскольку присутствует вероятность, что второй супруг может оспорить брачный договор под предлогом того, что он ставит супруга в «крайне неблагоприятное положение».

«Крайне неблагоприятное положение» - это оценочная характеристика, не имеющая четкого определения, но указывающая и подразумевающая, что второй супруг в результате бракоразводного процесса остался ни с чем или в крайне затруднительном имущественном положении. Суды, стремясь к гуманизации учитывают не только положения закона, но и последствия для более уязвимой стороны. Наиболее ярким примером такой ситуации является случай, когда супруг – истец, оспаривающий договор, ранее занимавшийся воспитанием детей, посвятивший себя семье не работавший и не имевший возможности накапливать имущество, оказывается ни с чем по условиям брачного соглашения, в то время как второй супруг – ответчик, работавший оставляет все себе. Следует понимать, что не всякое имущественное неравенство это «крайне неблагоприятное положение», однако если брачный договор лишает одного из супругов право на имущество и при этом отсутствует ясное обоснование, то суд вправе квалифицировать это как нарушение принципа добросовестности и справедливости.

Помимо развода, еще одним юридическим фактом влекущим к появлению «нежелательных лиц» в бизнесе является смерть супруга – управленца и наследование имущественных прав пережившим супругом или другими наследниками. Согласно статье 1176 ГК РФ, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, а также акции участника

акционерного общества входят в состав наследства после смерти участника. Сама по себе доля в ООО полученная в наследство не дает корпоративных прав. Для этого нужно оформить выдел своей доли в составе совместно нажитого имущества через суд. Если провести сравнение, то тут действует механизм схожий тому который был при разводе. В уставе ООО для того, что бы стать участником хозяйственного общества может быть указано условие о согласии остальных участников. Если согласия не будет, то наследник получит лишь денежную компенсацию – равной стоимости доли момент смерти участника. Ситуация с наследованием акций в АО противоположная устав АО не может ограничивать право наследования акций — это прямо запрещено законом. Наследники, получившие акции, становятся полноправными акционерами.

Заключение

На основании проведённого анализа можно заключить, что регулирование корпоративных прав лиц, состоящих в браке, представляет собой правовой феномен, требующий сбалансированного учёта норм семейного, гражданского и корпоративного законодательства. Приобретенные в браке имущественные права (акции и доли в бизнесе) становятся совместно нажитым имуществом. В случае развода супругов для бизнеса возникают определенные риски, связанные с его дальнейшим развитием и существованием. Брачный договор, положения устава, компенсационные схемы – наиболее эффективные инструменты для защиты от рисков. Для восполнения пробелов в корпоративном праве и его доктрине предлагается внести ряд новелл. Устойчивое регулирование корпоративных прав супругов возможно только при системном подходе: сочетании заблаговременного урегулирования имущественных вопросов (через брачный договор или соглашение) с учётом интересов всех сторон и соблюдением баланса между семейно-правовыми и корпоративно-правовыми аспектами. Это позволит минимизировать конфликты и обеспечить стабильность бизнес-процессов в условиях трансформации семейных отношений.

Библиография

1. Бабаев Р. Г. Особенности гражданско-правового регулирования имущественных отношений супругов / Р. Г. Бабаев, Ю. А. Иванова, Л. Н. Меняйло // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 4. – С. 63-69.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Козлова Н. В. Правовой режим доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приобретённой супругами в период брака, при жизни супругов и после смерти одного из супругов / Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 145-162.
4. Определение Верховного Суда РФ от 16 мая 2024 г. № 306-ЭС23-26474. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=811183>.
5. Осмоловская О. Брачный договор. Как при его оспаривании определяют «крайне неблагоприятное положение» супруга? / О. Осмоловская // ГАРАНТ.РУ. – 2025. – 24 июня.
6. Полянская А. Раздел бизнеса при разводе. Как ограничить право бывшего супруга на долю в ООО? / А. Полянская // ГАРАНТ.РУ. – 2025. – 25 сент.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Exercise of Corporate Rights by Married Persons

Vladimir N. Kanaev

Student,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: v.kanaev04@list.ru

Abstract

The article examines the evolution of domestic corporate law with an emphasis on the reforms of the Civil Code of the Russian Federation in 2012 and 2014, thanks to which corporate legal relations were distinguished as an independent type and a general part of corporate law was formed. The author analyzes in detail the essence of corporate legal relations through the prism of the corporate rights of corporation participants — the right to participate in management, receive information about the company's activities, challenge transactions, demand compensation for losses, and other powers. Special attention is paid to the issue of the intersection of corporate and family law: the procedure for dividing shares and stakes in business as jointly acquired property upon divorce is examined in detail. The risks of the appearance among the participants of a business company of persons without professional competencies for managing a business (former spouses, non-professional heirs) are raised, which may threaten the stability and development of the company. The paper systematizes legal instruments for protecting the property interests of participants: a marriage contract, special provisions of the charter of a legal entity, agreements on the division of property, and compensation mechanisms. The peculiarities of inheritance of corporate rights in limited liability companies and joint-stock companies are studied separately. As a result, the necessity of balanced legal regulation ensuring a balance of interests between business and family members to maintain the stability of business processes with a change in the family status of participants is substantiated.

For citation

Kanaev V.N. (2026) Osushchestvleniye korporativnykh prav litsami, sostoyashchimi v brake [Exercise of Corporate Rights by Married Persons]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 395-403. DOI: 10.34670/AR.2026.12.80.043

Keywords

Corporate rights, spouses, division of property, marriage contract, company charter, undesirable persons, abuse of rights, broken trough effect, joint property, inheritance.

References

1. Babaev, R. G., Ivanova, Yu. A., & Menyailo, L. N. (2021). Osobennosti grazhdansko-pravovogo regulirovaniya imushchestvennykh otnosheniy suprugov [Features of civil law regulation of property relations between spouses]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, (4), 63-69.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ. (1994). *ConsultantPlus*.
3. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ. (1995). *ConsultantPlus*.

-
4. Federal Law No. 14-FZ "On Limited Liability Companies". (1998). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 7, art. 785. *ConsultantPlus*.
 5. Federal Law No. 208-FZ "On Joint-Stock Companies". (1995). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1, art. 1. *ConsultantPlus*.
 6. Kozlova, N. V., & Filippova, S. Yu. (2024). Pravovoy rezhim doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu, priobretyonnoy suprugami v period braka, pri zhizni suprugov i posle smerti odnogo iz suprugov [Legal regime of a share in the authorized capital of a limited liability company acquired by spouses during marriage, during the spouses' lifetime and after the death of one of the spouses]. *RUDN Journal of Law*, 28(1), 145-162.
 7. Osmolovskaya, O. (2025, June 24). Brachnyy dogovor. Kak pri yego osparivanii opredelyayut "krayne neblagopriyatnoye polozheniye" suprug? [Prenuptial agreement: How is the "extremely unfavorable position" of a spouse determined in challenging it?]. *GARANT.RU*.
 8. Polyanskaya, A. (2025, September 25). Razdel biznesa pri razvode. Kak ogranichit' pravo byvshego suprug na dolyu v OOO? [Business division in divorce: How to limit the former spouse's right to a share in an LLC?]. *GARANT.RU*.
 9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES23-26474. (2024, May 16). *ConsultantPlus*. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=811183>

УДК 347

DOI: 10.34670/AR.2026.89.44.044

Эстоппель как юридический факт в российском гражданском праве

Гурчиани Илья Зурабович

Аспирант,

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
190103, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Лермонтовский просп., 44-а;
e-mail: gurchianiila@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется правовая природа эстоппеля в российском гражданском праве сквозь призму общей теории юридических фактов и принципа добросовестности. Обосновывается тезис о несводимости эстоппеля к традиционным цивилистическим конструкциям — норме, принципу, сделке либо мере юридической ответственности. Показано, что эстоппель формируется как результат ретроспективной правовой оценки поведения участника гражданского оборота и приобретает значение особого оценочного юридического факта, юридическая сила которого возникает не в момент совершения действия, а в момент его квалификации судом как недопустимо противоречивого. В работе раскрывается дуалистическая природа эстоппеля, сочетающая поведенческо-волевой элемент и объективное правовое последствие, а также предлагается авторская концепция его квалификации как рефлексивного юридического факта и метафакта гражданского права. Делается вывод о системной функции эстоппеля как механизма нормативного «гашения» противоречивого поведения, обеспечивающего устойчивость доверия, предсказуемость и когерентность гражданского оборота без обращения к классическим санкционным инструментам.

Для цитирования в научных исследованиях

Гурчиани И.З. Эстоппель как юридический факт в российском гражданском праве // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 404-417. DOI: 10.34670/AR.2026.89.44.044

Ключевые слова

Эстоппель, добросовестность, юридические факты, оценочный юридический факт, рефлексивный факт, метафакт, поведение в гражданском праве, доверие в гражданском обороте, ретроспективная правовая оценка, принцип *nemo potest venire contra factum proprium*.

Введение

Эстоппель в современном российском гражданском праве представляет собой самостоятельную правовую конструкцию, не сводимую ни к норме, ни к принципу, ни к простому последствию недобросовестного поведения, и характеризуется сложной дуалистической природой, соединяющей поведенческо-волевой элемент с элементом юридического факта, приобретающего значение исключительно в результате нормативной оценки. Его специфика заключается в том, что правовые последствия возникают не в момент совершения действия, а ретроспективно – в результате судебной квалификации поведения как внутренне противоречивого и подрывающего оправданные ожидания контрагента, что выводит эстоппель за пределы классических волюнтаристских моделей юридических фактов. В данном аспекте эстоппель выступает как оценочный юридический факт особого рода, посредством которого право фиксирует не направленность воли на юридический результат, а степень согласованности поведения субъекта с ранее сформированной моделью участия в гражданском обороте, обеспечивая устойчивость доверия и предсказуемость частноправового регулирования.

В отечественной цивилистике вопрос о квалификации эстоппеля впервые был поставлен в связи с реформой гражданского законодательства 2013-2015 годов, когда нормы о добросовестности (п.3 ст.1 ГК РФ) и злоупотреблении правом (ст.10 ГК РФ) приобрели императивный характер. Как отмечает Р.Е. Коренченко, добросовестность в гражданском праве не может оставаться лишь аксиологической категорией, поскольку проявляется в виде конкретных правовых феноменов, среди которых эстоппель занимает место своеобразного «права поведения», то есть нормы, оценивающей внутреннюю логичность и предсказуемость действий субъекта [Коренченко, 2024]. В данной связи эстоппель функционирует не только как последствие недобросовестности, но и как особый правовой факт, отражающий несогласованность между прежним и последующим поведением.

Системное значение данной категории становится очевидным при сопоставлении с нормами части первой Гражданского кодекса РФ. Так, согласно ст.153 ГК РФ, сделками, как специфическим видом юридических фактов, признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако в отличие от классических сделок, где волеизъявление субъекта направлено на достижение конкретного результата, в случае эстоппеля правовые последствия возникают независимо от намерений лица – они обусловлены общественным восприятием его поведения как противоречивого и нарушающего доверие. Следовательно, эстоппель не является сделкой и не может быть сведен к категории одностороннего волеизъявления, поскольку его правовой эффект формируется не волей, а оценкой права.

Данный подход подтверждается в судебной практике. Так, например, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.11.2014 г. по делу №А56-68173/2013 суд указал, что действия стороны, которая ранее вела себя таким образом, что не возникало сомнений в ее согласии со сделкой и намерении придерживаться ее условий, а впоследствии заявила о недействительности этой сделки, следует признать недобросовестными. Суд прямо связал правовые последствия с фактом несогласованности поведения, а не с новым волеизъявлением, то есть основанием юридической ответственности становится не деяние в его традиционном понимании, а логика поведения – своеобразный критерий последовательности, который придает поведению субъектов нормативное измерение.

Однако действие принципа эстоппеля имеет свои системные ограничения – он не может быть применен для защиты лица, изначально действовавшего незаконно. Яркой иллюстрацией данного подхода служит определение Верховного Суда РФ от 07.11.2025 по делу №А40-221871/2023, в котором суд указал, что общество, участвовавшее в заключении ничтожных притворных сделок, направленных на легализацию денежных средств, не вправе ссылаться на принцип эстоппель. Тем самым Верховный Суд РФ подчеркнул, что логика последовательного поведения, лежащая в основе эстоппеля, не должна вступать в противоречие с фундаментальными принципами права, такими как недопустимость извлечения преимуществ из незаконного поведения (лат. «ex turpi causa non oritur actio»).

Таким образом, квалификация эстоппеля требует отхода от формального волюнтаризма и признания новой категории юридических фактов – фактов оценочного характера (лат. «facta aestimativa»), в которых право фиксирует не действие как таковое, а его согласованность с предшествующей моделью поведения. Эстоппель становится юридическим фактом не потому, что субъект пожелал породить последствия, а потому, что правопорядок, в лице суда, придает его поведению значение правового препятствия к изменению позиции, в связи чем уместно говорить о том, что эстоппель представляет собой акт ретроспективного волеизъявления – действие, юридическая значимость которого определяется не моментом совершения, а моментом его правовой оценки.

Материалы и методы

Эмпирическую и нормативную основу настоящего исследования составили положения Гражданского кодекса Российской Федерации, прежде всего нормы о добросовестности, злоупотреблении правом, сделках и последствиях противоречивого поведения стороны, включая положения статьи 1, статьи 10, статьи 153, пункта 5 статьи 166 и пункта 5 статьи 450.1 ГК РФ. Существенное значение для исследования имели также материалы актуальной судебной практики арбитражных судов и Верховного Суда Российской Федерации, в которых раскрываются условия и пределы применения эстоппеля как средства пресечения недобросовестного и непоследовательного поведения.

Теоретическую базу исследования составили труды российских и зарубежных авторов, посвященные общей теории юридических фактов, принципу добросовестности, запрету противоречивого поведения, процессуальному и материально-правовому эстоппелю, а также вопросам судебной квалификации поведения участников гражданского оборота. Особое внимание уделено работам, в которых эстоппель рассматривается либо как производное от принципа добросовестности, либо как самостоятельная правовая конструкция, требующая специального теоретического осмысления.

В ходе исследования использовались формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы, а также метод анализа судебной практики. Формально-юридический метод позволил установить нормативные основания применения эстоппеля в российском гражданском праве; системный метод – определить его место в механизме гражданско-правового регулирования и соотнести с иными юридическими фактами и смежными правовыми конструкциями; сравнительно-правовой метод – выявить особенности российского подхода к эстоппелю по сравнению с англо-американской традицией; анализ судебной практики – показать, каким образом данная категория приобретает конкретное содержание в правоприменительной деятельности.

Литературный обзор

В современной юридической литературе вопрос о правовой природе эстоппеля рассматривается неоднозначно. А.В. Яхимович, полагает, что эстоппель не обладает собственным содержанием и выступает результатом судебного правотворчества, выведенным из принципа справедливости, при этом автор подчеркивает, что российская практика склонна интерпретировать эстоппель через категории «добросовестности», «конклюдентных действий» и «разумного срока», хотя все эти конструкции не исчерпывают его сущности [Яхимович, 2022]. Действительно, как следует из норм п.5 ст.166 и п.5 ст.450.1 ГК РФ, утрата права ссылаться на недействительность сделки или на односторонний отказ от договора происходит не вследствие нового волеизъявления, а в силу правовой оценки поведения как непоследовательного, следовательно, эстоппель можно рассматривать как особую форму юридического факта – результат вторичного правового закрепления действий, утративших нейтральный характер и ставших юридически значимыми в силу их противоречивости.

В отличие от сделок и юридических актов, где воля направлена на создание правового результата, в случае эстоппеля воля оказывается связанной собственным прошлым поведением – субъект не формирует новое обязательство, однако лишается возможности отказаться от уже выраженной позиции. Такое ограничение не носит карательного характера, а является отражением логики добросовестности (невозможности ставить под сомнение то, на что опирался контрагент) и с данной позиции эстоппель можно определить как акт самоограничения воли, возникающий не из субъективного намерения, а из объективной необходимости поддержания устойчивости доверия в гражданском обороте.

Как отмечает М.В. Демьянова, поведение каждого участника гражданских правоотношений должно быть выстроено в логическую цепочку, которую другая сторона может предвидеть [Демьянова, 2022]. Эстоппель, по сути, фиксирует момент разрыва этой логической цепочки и восстанавливает ее посредством юридического запрета на противоречие, при этом право не наказывает за сам факт изменения позиции, а лишь предотвращает использование противоречивого поведения во вред добросовестной стороне. В данном смысле эстоппель выполняет функцию «согласования времени воли», связывая прошлое, настоящее и будущее поведение субъекта, превращая временную последовательность в юридическую обязанность быть последовательным.

Системная роль эстоппеля как акта поведения проявляется также в его нормативной интерпретации через принципы гражданского права. Так, в ст.1 ГК РФ закреплены начала равенства участников, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела и необходимости добросовестного осуществления гражданских прав, и все эти начала (принципы) гражданского законодательства предполагают взаимное доверие сторон и последовательность их действий. Эстоппель является выражением именно этого доверия, превращенного в правовую норму поведения, вследствие чего его квалификация как акта правового поведения вытекает из того, что он регулирует не внешние формы сделки, а внутреннюю логику участия в гражданском обороте.

Применительно к юридической классификации можно утверждать, что эстоппель находится на границе между юридическим актом и юридическим поступком: как юридический акт, эстоппель связан с проявлением воли, хотя и ретроспективным, а как юридический поступок – влечет последствия независимо от субъективного намерения, и в отличие от правонарушения, эстоппель не содержит элемента вины, его правовой эффект не санкция, а коррекция поведения.

Таким образом, правовая природа эстоппеля сочетает элементы акта и факта, что позволяет рассматривать его как особую категорию – акт-факт, в котором право признает значимость поведения не по причине воли, а по причине его согласованности или несогласованности с предшествующей моделью.

Такое понимание позволяет вывести эстоппель из плоскости субъективных намерений и включить его в систему объективных гарантий правового порядка. С точки зрения юридической техники, это проявление принципа «*nemo potest venire contra factum proprium*» (с лат. «никто не вправе действовать вопреки собственному поступку»). В российском правопорядке данный принцип конкретизирован в п.2 и п.5 ст.166 ГК РФ, а также в п.5 ст.450.1 ГК РФ, устанавливающих, что заявление о недействительности сделки или отказ от договора не имеют правового значения при недобросовестном поведении стороны. Данные нормы не создают нового права, а лишь фиксируют его пределы, вытекающие из уже сложившегося поведения. Таким образом, эстоппель в российском гражданском праве можно квалифицировать как юридический факт, отражающий ретроспективное действие принципа добросовестности.

Данный подход подтверждается в судебной практике. Так, например, в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 27.11.2023 по делу №А65-28513/2022 ответчик, получив полную оплату по договору купли-продажи недвижимости и приняв имущество, впоследствии уклонился от оформления сделки и заявил о ее недействительности. Суд, применяя п.5 ст.166 ГК РФ, указал, что такое недобросовестное поведение лишает сторону права на оспаривание. Правовые последствия были связаны не с первоначальным волеизъявлением, а с оценкой последующих действий ответчика как противоречивых, то есть основанием юридической ответственности становится не деяние в его традиционном понимании, а логика поведения – своеобразный критерий последовательности, который придает поведению субъектов нормативное измерение.

Таким образом, если на первом уровне анализа эстоппель предстает как акт правового поведения – форма ретроспективного волеизъявления, через которую право фиксирует самоограничение воли ради сохранения доверия, то на втором уровне он приобретает характер юридического факта – элемента, связывающего прошлое действие с настоящими правовыми последствиями. На стыке данных уровней формируется концепция эстоппеля как акт-факта, особой формы нормативного поведения, в которой поведенческая логика и юридическая оценка совпадают.

Юридическая квалификация эстоппеля как юридического факта требует более глубокого рассмотрения его функциональной природы в контексте общей теории фактического состава гражданского права. Классическая доктрина (С.С. Алексеев [Алексеев, 2024], В.В. Лазарев [Лазарев, 2019] и др.) исходит из того, что юридические факты подразделяются на события и действия, а действия, в свою очередь, – на правомерные и неправомерные, создающие, изменяющие или прекращающие субъективные права и обязанности. Эстоппель не укладывается в данную бинарную схему, представляя собой не событие, происходящее независимо от воли лица, и не действие, направленное на правовой результат, а сложное социально-правовое состояние, формирующееся в результате последовательности поведения, признанной юридически значимой.

Данная специфика делает эстоппель примером так называемого оценочного юридического факта, возникающего не в момент совершения поступка, а в момент, когда правопорядок, посредством суда, придает данному поведению юридическую значимость, причем юридическое последствие не заложено в самом действии, как в сделке, а извлекается из него на основании

принципов добросовестности и разумности. Такая конструкция демонстрирует отход от формального волюнтаризма к субстанциональной модели права, в которой юридическая сила поведения обусловлена не волеизъявлением, а оценкой его когерентности и этической приемлемости. Именно момент ретроспективной оценки превращает эстоппель в уникальный юридический феномен.

Судебная практика свидетельствует, что основания для его применения формируются не абстрактно, а в конкретном контексте поведения сторон. Классическим примером такого «оценочного юридического факта» является Определение Верховного Суда РФ от 28.03.2025 №304-ЭС24-2352523525 по делу №А75-20559/2023. В данном деле участник общества, годами голосовавший за решения о распределении прибыли, получавший по ним дивиденды и подписывавший протоколы, впоследствии попытался оспорить данные решения как ничтожные по формальному основанию. Верховный Суд РФ, передавая дело на новое рассмотрение, указал, что «поведение Общества и [участника] противоречит принципу добросовестности», а их заявление о недействительности на основании п.5 ст.166 ГК РФ не имеет правового значения. Здесь суд не просто констатировал формальное нарушение, а ретроспективно оценил многолетнее поведение как юридический факт, порождающий запрет на оспаривание, – акт согласия стал фактом, лишившим сторону права на возражение.

Дальнейшее развитие данной конструкции позволяет рассматривать эстоппель как разновидность юридического факта-состояния. В отличие от действия, которое порождает правовые последствия однократно, состояние характеризуется устойчивостью и длительным влиянием на правовую ситуацию. Эстоппель создает именно такое состояние: субъект, совершив определенное поведение, вступает в положение лица, лишённого возможности изменять ранее выраженную позицию. Данное состояние может сохраняться неограниченно долго, пока не изменится объективная основа доверия, и потому оно ближе к правовому положению, чем к разовому факту. В данном аспекте Д.В. Федоров, рассматривая эстоппель в контексте реформы гражданского законодательства, справедливо отметил, что эстоппель не имеет собственного содержания, но фиксирует результат судебного правотворчества, выведенный из принципа справедливости [Федоров, 2015]. Иными словами, право констатирует существование состояния недопустимости перемены поведения, не связывая его с новой сделкой или волей сторон.

С данной позиции эстоппель оказывается смежным с институтом конклюдентных действий, однако не совпадает с ним. Конклюдентные действия, как следует из ст.432 и 433 ГК РФ, выражают волю на заключение договора или изменение его условий; эстоппель же фиксирует последствия уже состоявшегося поведения, которое создает видимость определенного намерения, но впоследствии оценивается как обязательное. А.И. Сорокин отмечает, что на конклюдентные действия можно ссылаться как на юридический факт, вытекающий из оценки процессуального поведения [Сорокин, 2015], однако при этом подчеркивает их волевую природу. Эстоппель, напротив, представляет собой вынужденное признание права как результат несогласованности действий, то есть не порождение нового обязательства, а утрату возможности отрицать предыдущее.

Еще ближе к эстоппелю стоит отказ от права (в общем праве категория *waiver* – «отказ от осуществления принадлежащего права»), однако между ними также существует принципиальная разница: отказ от права есть проявление активного волеизъявления, направленного на прекращение субъективного права, тогда как эстоппель фиксирует потерю возможности воспользоваться правом как последствие противоречивого поведения, даже если

субъект не имел намерения отказываться от него. В данном смысле эстоппель можно определить как объективный отказ, возникающий не из воли, а из логики поведения, признанной недопустимой в контексте доверия.

Подобная конструкция имеет глубокие корни в праве справедливости. Как отмечает О.А. Шеповалова, эстоппель – это средство правовой защиты по праву справедливости, направленное на то, чтобы ни одна из сторон не могла сделать поворот, противоречащий ее прежнему поведению, ради получения преимущества [Шеповалова, 2024]. В российской правовой системе данный принцип приобрел материально-правовое значение, воздействуя не только на процессуальные позиции сторон, но и на их материальные права и обязанности. Таким образом, в отличие от классических «estoppel by record» или «estoppel by deed» (эстоппель по записи и эстоппель по акту), российский эстоппель имеет интегрированную природу и воздействует на все содержание гражданского правоотношения.

Именно здесь проявляется ключевая особенность юридической квалификации эстоппеля, соединяющего в себе элементы акта и факта, воли и оценки, поступка и состояния. Поведение, будучи изначально нейтральным, в результате судебной оценки превращается в правовое препятствие, и это превращение имеет характер вторичного юридического действия – акт-рефлексия, где субъект сталкивается с последствиями собственных поступков, независимо от намерений. Вследствие этого можно говорить, что эстоппель представляет собой юридический факт-реакцию, посредством которого правопорядок отвечает на несогласованность поведения.

Результаты

Такое понимание открывает возможность для построения авторской концепции эстоппеля как акта ретроспективного волеизъявления. В ее основе лежит идея, что поведение лица, вступающего в противоречие с собственными предыдущими действиями, фактически образует вторичное волеизъявление – отрицание своего прежнего поведения, однако право, защищая добросовестное доверие, отказывает в признании этому отрицанию юридической силы. Возникает парадокс: отсутствие признания становится самостоятельным юридическим фактом, а прежнее поведение – источником нормативного запрета. Эстоппель в данном контексте выполняет функцию зеркала права, отражающего внутреннюю согласованность субъектов гражданского оборота.

В связи с этим важно подчеркнуть, что действие эстоппеля не исчерпывается ограничением субъективного права, его функция намного глубже – эстоппель конституирует принципиальную предсказуемость поведения, формируя метауровень правового регулирования, где каждое поведение оценивается через призму доверия и ожиданий, что позволяет говорить о формировании новой категории – «метафакта гражданского права», под которым понимается юридическое явление, соединяющее фактическое действие, аксиологическую оценку и нормативное последствие. Эстоппель как метафакт выражает способность права к самооценке: правопорядок не только предписывает нормы, но и корректирует несогласованность своих участников, поддерживая когерентность системы.

Таким образом, квалификация эстоппеля как юридического факта выходит за рамки традиционной конструкции «действие – последствие». Данное явление отражает глубинную связь права и поведения, в которой добросовестность становится не просто принципом, а мерой юридической реальности. Эстоппель выступает показателем зрелости гражданского оборота: чем выше его предсказуемость и способность удерживать доверие, тем более устойчива сама

правовая система.

Современная доктрина, анализирующая эстоппель через призму юридического факта, встает перед методологической задачей: определить, в какой мере данное явление может быть сведено к уже существующим категориям гражданского права или, напротив, требует признания самостоятельного типа юридического феномена. Российская цивилистика, опирающаяся на нормативистскую традицию, долгое время избегала признания правового значения за поведением, не оформленным в виде сделки, договора или иного волеизъявления, направленного на правовой результат, однако развитие доктрины добросовестности и тенденция «оценочного поворота» в праве создают предпосылки для переосмысления этого подхода.

В контексте теории юридических фактов эстоппель можно определить как «рефлексивный юридический факт» – факт, который формируется через взаимодействие субъекта с собственной историей поведения. Эстоппель не просто действие, вызвавшее правовые последствия, а действие, ставшее юридически значимым благодаря тому, что субъект нарушил собственную линию поведения, то есть оказался в логическом противоречии с самим собой. Подобная рефлексивность придает эстоппелю качественно иную нормативную природу, делая эстоппель своеобразным инструментом самоограничения системы: право вводит в оборот не только внешние санкции, но и внутренние механизмы когерентности, обеспечивающие самосогласованность участников частных отношений.

При этом важно подчеркнуть, что эстоппель не тождественен правонарушению и не может быть отнесен к категории неправомерных действий. Как отмечал еще О.А. Красавчиков, юридический факт должен оцениваться не только по его форме, но и по его социальному значению для правопорядка: поведение, противоречащее добросовестности, не всегда противоправно, но всегда анормативно, поскольку нарушает принципы предсказуемости и равновесия интересов [Красавчиков, 1958]. Эстоппель как юридический факт восполняет данный пробел – не наказывает за нарушение нормы, однако устраняет последствия анормативного поведения, тем самым право демонстрирует свою способность восстанавливать собственную целостность без введения санкций, опираясь лишь на категорию последовательности.

Данный аспект особенно значим в условиях современной «ценностной трансформации» гражданского права, где категории доверия, стабильности и разумных ожиданий приобретают самостоятельное нормативное значение. В п.5 ст.166 ГК РФ прямо закреплено, что «заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если лицо действует недобросовестно». В данном случае формула «не имеет правового значения» заменяет традиционную санкцию и вводит иной тип последствий – аннулирование юридического эффекта через логическую несовместимость. Эстоппель, в данном контексте, выступает как «мягкий правовой факт» (*factum mitis*), при котором юридическая сила поведения определяется не волей, а степенью соответствия принципу добросовестности.

Обсуждение

В развитии данного тезиса можно предложить авторскую концепцию «факта нормативного гашения», согласно которой эстоппель выполняет функцию стирания юридической силы несогласованных действий. Подобно тому как принцип справедливости выравнивает чрезмерные различия, эстоппель гасит логические противоречия, возникающие из поведения

субъекта. В результате формируется уникальный правовой эффект: сохранение юридической непротиворечивости отношений без привлечения традиционных инструментов ответственности. Такой механизм усиливает автономию гражданского права, превращая эстоппель в регулятор внутренней дисциплины участников оборота.

Примечательно, что судебная практика подтверждает становление эстоппеля как юридического факта именно через оценку «потери права на возражение». В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 по делу № 306-ЭС16-606 указано, что сторона, исполнившая договор и допустившая его реализацию, не вправе впоследствии ссылаться на его недействительность, даже если выявлены нарушения. В данном случае право констатирует, что поведение стороны породило новое юридическое положение – утрату возможности ссылаться на правовые дефекты сделки. Данное положение не возникает из закона и не из сделки, а из судебной оценки, что делает эстоппель вторичным, производным юридическим фактом.

Именно эта зависимость от судебной квалификации делает эстоппель элементом живого права. В отличие от абстрактных норм, он существует только в конкретном контексте и проявляется как акт судебного правотворчества, соотносимый с принципом справедливости. Поэтому Э.М. Алсынбаева, рассматривая эстоппель как «установленное судебной практикой правило поведения», фактически признает за ним характер нормативного прецедента [Алсынбаева, 2024]. Суд, квалифицируя поведение как противоречивое, не просто применяет закон, а создает новое юридическое значение – превращает факт в норму и норму в факт, и именно такое взаимное обращение категорий делает эстоппель подлинно межуровневым явлением, связывающим эмпирическую поведенческую действительность и нормативный уровень права.

В данной связи можно предложить вторую авторскую концепцию – «эстоппель как юридический факт-состояние», смысл которой заключается в том, что поведение, признанное недопустимо противоречивым, формирует устойчивое правовое состояние – невозможность изменять свою позицию без ущерба для доверившейся стороны. Такое состояние становится частью правовой структуры отношений, подобно тому как признание долга или исполнение обязательства создает состояние правовой определенности, однако, в отличие от классических состояний (право собственности, владение, обязательственное положение), состояние эстоппеля имеет отрицательный характер – ограничивает, а не расширяет сферу действия права.

Суд, констатируя такое состояние, фактически вводит в правовую ткань особый элемент – состояние недопустимости, юридическое последствие которого проявляется в невозможности реализации определенных правомочий, что отличает эстоппель от всех иных юридических фактов. Таким образом, право приобретает способность устанавливать «негативные состояния» – состояния, в которых субъект остается носителем права, но лишается возможности его реализовать. По сути, это принципиально новая форма правового регулирования, вытекающая из сочетания принципов добросовестности, предсказуемости и справедливости.

Все сказанное позволяет заключить, что эстоппель как юридический факт сочетает признаки действия, состояния и судебной квалификации. Эстоппель является фактом в процессе становления, чья юридическая сила зависит не от момента совершения, а от момента признания его противоречивым, в чем заключается отличие российского подхода от англосаксонского, где эстоппель формируется в момент совершения обещания или представления. Российский правопорядок строит эстоппель как категорию постфактум – как юридический диагноз поведения, выведенный из принципа добросовестности и подтвержденный судом.

Двойственная природа эстоппеля как акта правового поведения и как юридического факта придает ему особое значение в современной системе частного права, где он становится не только инструментом стабилизации оборота, но и индикатором зрелости правового регулирования. Данная двойственность выражается в том, что одно и то же явление (противоречивое поведение субъекта) одновременно оценивается как действие, подлежащее юридической квалификации, и как факт, влекущий последствия независимо от воли субъекта. Таким образом, эстоппель занимает промежуточное положение между волевыми актами и оценочными фактами, образуя собственный тип правового явления – «поведенческий факт» или, в терминах Г.Ф. Шершеневича, «юридически оформленная ситуация» [Шершеневич, 2021].

Системное значение данного типа поведения заключается в способности права реагировать не на саму волю субъекта, а на ее несогласованность с ранее выраженной позицией. Тем самым право превращается из инструмента внешнего контроля в механизм саморегуляции, а эстоппель выступает как проявление внутреннего саморегулирующего потенциала гражданского законодательства. Эстоппель корректирует право не через внешние санкции, а через внутреннюю нестыковку между волей и поведением, право, таким образом, вводит новое измерение – согласованность действий во времени как условие юридической легитимности.

В целом, это сближает эстоппель с понятием когерентности (coherence), используемым в философии права для обозначения внутренней непротиворечивости системы. Как отмечал Р. Дворкин, право стремится быть «целостной моральной системой», где решения должны соответствовать логике предшествующих интерпретаций [Дворкин, 2021]. Эстоппель в данном контексте выступает как инструмент когерентности поведения сторон: если субъект действует вопреки собственным заявлениям, он нарушает не только принцип добросовестности, но и системную логику права как последовательной нормы.

С этой точки зрения, можно говорить о третьей авторской концепции – «эстоппель как метафакт гражданского права». Под метафактом понимается такой юридический феномен, который объединяет в себе нормативный, аксиологический и фактический уровни. Эстоппель не создает новое право и не отменяет старое, но фиксирует границы допустимого изменения поведения в зависимости от уровня доверия, уже сформированного между сторонами; его действие метаюридично, поскольку опирается на морально-правовые категории (честность, последовательность, справедливость) и придает им конкретное юридическое значение.

Ж.И. Седова в данном контексте отмечает, что эстоппель – это установленное судебной практикой правило поведения, выведенное из принципа справедливости [Седова, 2023], что фактически делает его нормативным отражением судебной морали, однако такая интерпретация, при всей своей эвристичности, вызывает необходимость уточнения: если эстоппель действительно формируется судами, то это не отменяет его материально-правового характера. Суд лишь фиксирует факт недопустимости противоречия, однако само содержание запрета вытекает из гражданского закона. Так, например, п.3 ст.1 и п.5 ст.166 ГК РФ прямо предусматривают добросовестность и запрет ссылаться на недействительность сделки при несогласованном поведении, а значит, суд в данном случае не создает, а выявляет норму, имманентно содержащуюся в праве.

Такой подход позволяет избежать чрезмерного расширения судебного усмотрения и сохраняет эстоппель в рамках принципа законности – суд не конструирует новую норму, а применяет общее правило последовательности, присущее добросовестности как системному принципу гражданского права, и именно поэтому эстоппель в материальном праве может

рассматриваться не как средство судебного усмотрения, а как способ реализации закона в ситуации, когда формальные средства его применения оказываются недостаточными.

Наличие в правопорядке категории, основанной не на воле, а на поведении, требует переосмысления традиционного деления юридических фактов. В условиях динамики частноправовых отношений эстоппель демонстрирует способность права к обратной связи – реакцию на когнитивные ожидания сторон, на их «правовую память». Поведение субъекта становится юридически значимым не в силу произнесенного слова, а в силу накопленного контекста взаимодействия, и именно поэтому эстоппель следует рассматривать не как статический факт, а как процесс – форму правовой коррекции, закрепляющую разумные ожидания и исключающую манипуляцию правом.

Данная процессуальность выражается в трех стадиях: сначала возникает исходное поведение, затем формируется доверие и, наконец, при изменении позиции появляется правовой барьер, блокирующий новое волеизъявление, причем каждая стадия имеет юридическое значение, но только в совокупности они образуют эстоппель как целостный феномен. Такой трехэтапный характер действия сближает эстоппель с доктриной добросовестного ожидания (*legitimate expectations*) в европейском праве, но в отличие от нее не защищает ожидания сами по себе, а фиксирует невозможность их разрушения действиями самого субъекта.

В данном смысле эстоппель можно квалифицировать как особый факт-запрет – юридическую категорию, которая не создает права, но ограничивает их изменение. По сути это не правонарушение и не сделка, а акт, устанавливающий границы свободы, определяемые поведением самого субъекта, эстоппель не навязывает обязанности, а лишь закрепляет их, если они логически вытекают из уже совершенных действий. Таким образом, эстоппель выполняет роль естественного ограничителя автономии воли, встроенного в саму структуру правосубъектности. Эстоппель воплощает нормативное начало, не утратив при этом фактического содержания, и потому образует переход между моральным идеалом и юридическим действием.

Институциональное значение такой конструкции состоит в том, что эстоппель превращается в элемент системы юридической ответственности нового типа – не наказывает и не компенсирует, а ограничивает и закрепляет, тогда как его правовое последствие – не санкция, а фиксация состояния невозможности, что делает эстоппель инструментом «мягкого регулирования» (*soft regulation*), характерного для современного гражданского оборота, где цель права состоит не в устранении нарушений, а в предупреждении разрушения доверия.

Заключение

В качестве новаторского подхода к квалификации эстоппеля в данной работе предлагается авторская трехуровневая модель, раскрывающая его системную сложность:

- На базовом уровне эстоппель проявляется как акт правового поведения, представляющий собой ретроспективно фиксируемое волеизъявление участника гражданского оборота, принимаемое правопорядком в качестве исходного материала для последующей юридической оценки.
- На функциональном уровне эстоппель квалифицируется как юридический факт особого рода – оценочный (рефлексивный) юридический факт, правовая сила которого возникает не в момент совершения действия, а в результате его последующей судебной оценки как противоречивого и недобросовестного, что свидетельствует о принципиальном отходе

от классической волюнтаристской модели в пользу субстанционального подхода, ориентированного на оценку когерентности поведения.

- На системном уровне эстоппель раскрывается как метафакт гражданского права – юридический феномен, обеспечивающий связь между нормативным и фактическим уровнями правового регулирования и выполняющий функцию нормативного «гашения» противоречивого поведения, тем самым поддерживая внутреннюю целостность, устойчивость и непротиворечивость правовой системы.

Новизна предлагаемого подхода состоит в переосмыслении ключевых характеристик эстоппеля, выводящем его за пределы традиционных цивилистических классификаций. В отличие от сделки или одностороннего волеизъявления правовой эффект эстоппеля обусловлен не первоначальным намерением лица, а последующей правовой оценкой его поведения как противоречивого, а в отличие от правонарушения он не влечет мер ответственности, а выполняет корректирующую функцию, связывая юридическое значение с ретроспективной оценкой когерентности поведения. Такой подход позволяет рассматривать эстоппель не как разовое последствие, а как длящееся правовое состояние недопустимости изменения ранее занятой позиции, формирующееся в динамике правового взаимодействия и обеспечивающее блокирование противоречащего первоначальному поведению волеизъявления.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что эстоппель в российском гражданском праве следует рассматривать не как вспомогательный судебный инструмент, а как самостоятельную и концептуально значимую категорию, отражающую трансформацию частноправового регулирования от формально-волюнтаристской к субстанционально-поведенческой модели. Эстоппель функционирует как механизм «мягкой» саморегуляции гражданского оборота, в рамках которого право, опираясь на оценку последовательности и когерентности поведения участников, обеспечивает стабильность правоотношений, предсказуемость правовых последствий и защиту доверия без обращения к традиционным санкционным конструкциям. Развитие данной правовой конструкции создает предпосылки для дальнейшего переосмысления учения о юридических фактах и формирования более гибкой теоретической модели, способной адекватно отражать динамику современного гражданского оборота и возрастающую роль поведенческих критериев в правовом регулировании.

Библиография

1. Алексеев С.С. Частное право: избранное / С.С. Алексеев ; сост. П.В. Крашенинников. — Москва : Статут, 2024. — 595 с.
2. Алсынбаева Э.М. К вопросу о правовой природе эстоппеля в российском гражданском праве / Э.М. Алсынбаева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 8-1 (95). — С. 124-126.
3. Дворкин Р. Империя права / Р. Дворкин ; пер. с англ. — 2-е изд. — Москва : Издательство Института Гайдара, 2021. — 587 с.
4. Демьянова М.В. Принцип добросовестности в корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.В. Демьянова. — Москва, 2022. — 252 с.
5. Коренченко Р.Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Р.Е. Коренченко. — Саратов, 2024. — 209 с.
6. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. — Москва : Госюриздат, 1958. — 183 с.
7. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения : монография / В.В. Лазарев. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. — 183 с.
8. Седова Ж.И. Правовые формы отрицания недобросовестного поведения / Ж.И. Седова. — Москва : Статут, 2023. — 484 с.
9. Сорокин А.И. Процессуальный эстоппель / А.И. Сорокин // Международный научно-исследовательский журнал.

- 2015. — № 7-3 (38). — С. 137-138.
10. Федоров Д.В. Принцип эстоппель в свете реформы общей части обязательственного права / Д.В. Федоров // Образование и право. — 2015. — № 11 (75). — С. 146-151.
11. Шеповалова О.А. Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.5 / О.А. Шеповалова. — Санкт-Петербург, 2024. — 409 с.
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. Т. 1 / Г.Ф. Шершеневич. — Москва : Статут, 2021. — 836 с.
13. Яхимович А.В. Эстоппель в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / А.В. Яхимович. — Москва, 2022. — 226 с.

Estoppel as a Legal Fact in Russian Civil Law

Il'ya Z. Gurchiani

Postgraduate Student,
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics,
190103, 44a, Lermontovsky ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: gurchianiila@gmail.com

Abstract

The article examines the legal nature of estoppel in Russian civil law through the prism of the general theory of legal facts and the principle of good faith. The thesis about the irreducibility of estoppel to traditional civil law constructs — a norm, a principle, a transaction, or a measure of legal liability — is substantiated. It is shown that estoppel is formed as a result of a retrospective legal assessment of the behavior of a participant in civil transactions and acquires the significance of a special evaluative legal fact, the legal force of which arises not at the moment the action is performed, but at the moment it is qualified by the court as impermissibly contradictory. The work reveals the dualistic nature of estoppel, combining a behavioral-volitional element and an objective legal consequence, and also proposes the author's concept of its qualification as a reflexive legal fact and a meta-fact of civil law. A conclusion is drawn about the systemic function of estoppel as a mechanism for the normative "cancellation" of contradictory behavior, ensuring the stability of trust, predictability, and coherence of civil transactions without resorting to classical sanction instruments.

For citation

Gurchiani I.Z. (2026) Estoppel' kak yuridicheskiy fakt v rossiyskom grazhdanskom prave [Estoppel as a Legal Fact in Russian Civil Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 404-417. DOI: 10.34670/AR.2026.89.44.044

Keywords

Estoppel, good faith, legal facts, evaluative legal fact, reflexive fact, meta-fact, behavior in civil law, trust in civil transactions, retrospective legal assessment, principle of *nemo potest venire contra factum proprium*.

References

1. Alekseev, S. S. (2024). Chastnoye pravo: izbrannoye [Private law: selected works]. Statut.
2. Alsynbaeva, E. M. (2024). K voprosu o pravovoy prirode estoppelya v rossiyskom grazhdanskom prave [On the issue of the legal nature of estoppel in Russian civil law]. Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk, 8-1(95), 124-126.
3. Demyanova, M. V. (2022). Printsip dobrosovestnosti v korporativnom prave [The principle of good faith in corporate law] (Candidate's thesis).
4. Dvorkin, R. (2021). Imperiya prava [Empire of law] (2nd ed.). Gaidar Institute Publishing House.
5. Fedorov, D. V. (2015). Printsip estoppel' v svete reformy obshchey chasti obyazatel'stvennogo prava [The principle of estoppel in the light of the reform of the general part of compulsory law]. Obrazovaniye i pravo, 11(75), 146-151.
6. Gurchiani, I. Z. (2026). Estoppel' kak yuridicheskiy fakt v rossiyskom grazhdanskom prave [Estoppel as a legal fact in Russian civil law]. [Manuscript].
7. Korenchenko, R. E. (2024). Dobrosovestnost' v grazhdanskom sudoproizvodstve [Good faith in civil proceedings] (Candidate's thesis).
8. Krasavchikov, O. A. (1958). Yuridicheskiye fakty v sovetskom grazhdanskom prave [Legal facts in Soviet civil law]. Gosyurizdat.
9. Lazarev, V. V. (2019). Probely v prave i puti ikh ustraneniya [Gaps in law and ways to eliminate them]. Norma: INFRA - M.
10. Sedova, Zh. I. (2023). Pravovyye formy otritsaniya nedobrosovestnogo povedeniya [Legal forms of denial of unfair behavior]. Statut.
11. Shepovalova, O. A. (2024). Pravovoye regulirovaniye kosvennoy sudebnoy yurisdiktsii po transgranichnym chastnopravovym sporam [Legal regulation of indirect judicial jurisdiction in cross-border private law disputes] (Candidate's thesis).
12. Shershenevich, G. F. (2021). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian civil law] (Vol. 1). Statut.
13. Sorokin, A. I. (2015). Protsessual'nyy estoppel' [Procedural estoppel]. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal, 7-3(38), 137-138.
14. Yakhimovich, A. V. (2022). Estoppel' v grazhdanskom sudoproizvodstve [Estoppel in civil proceedings] (Candidate's thesis).

УДК 347.4**DOI: 10.34670/AR.2026.49.95.045****Гражданско-правовые договоры религиозных организаций****Гришин Александр Викторович**

Аспирант,
Славяно-Греко-Латинская Академия,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Самотёчная, 2/12;
e-mail: Aleks.pravo1@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу гражданско-правовых договоров религиозных организаций как специального вида договорных отношений, сочетающих элементы общегражданского регулирования с особенностями правового статуса субъектов религиозной деятельности. В работе рассматривается нормативная база, регулирующая договорную деятельность религиозных организаций, включая положения Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Проводится классификация договоров по целевому назначению и субъектному составу, анализируются особенности договоров основной деятельности и хозяйственного обеспечения. Исследуются вопросы ответственности религиозных организаций, специфика договоров с участием государственных органов, требования к форме и содержанию договоров. Особое внимание уделяется взаимодействию норм гражданского права с конституционными принципами свободы совести и вероисповедания. Представленный анализ позволяет выявить пробелы в действующем законодательстве и предложить направления его совершенствования для обеспечения эффективного функционирования религиозных организаций в качестве полноправных участников гражданско-правовых отношений при сохранении их специфического статуса.

Для цитирования в научных исследованиях

Гришин А.В. Гражданско-правовые договоры религиозных организаций // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 418-424. DOI: 10.34670/AR.2026.49.95.045

Ключевые слова

Религиозные организации, договорные отношения, гражданское право, свобода совести, возмездное оказание услуг, аренда имущества, благотворительная деятельность, ответственность юридических лиц, государственная поддержка, форма договора, правоспособность юридических лиц, некоммерческие организации.

Введение

Правовое регулирование договорной деятельности религиозных организаций представляет собой актуальную область, требующую комплексного анализа взаимодействия норм гражданского права с особенностями статуса субъектов религиозной деятельности. Специфика договорных отношений религиозных организаций обусловлена их двойственной природой как юридических лиц, обладающих гражданской правоспособностью и одновременно функционирующих в сфере реализации конституционного права на свободу вероисповедания. Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Федеральный закон № 125-ФЗ, 1997] устанавливает специальный правовой режим для деятельности религиозных организаций, который распространяется и на их договорные отношения с третьими лицами.

Основная часть

Договорная деятельность религиозных организаций подчинена общим принципам гражданского права, закрепленным в Гражданском кодексе Российской Федерации. В соответствии со статьей 1 ГК РФ [Гражданский кодекс РФ, 1994], гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, а также имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. Религиозные организации, будучи юридическими лицами коммерческого или некоммерческого характера, полностью подпадают под действие этого регулирования в части заключения и исполнения договоров. Однако законодательство предусматривает определенные ограничения и особенности, касающиеся видов деятельности, которыми вправе заниматься религиозные организации.

Согласно статье 27 Федерального закона № 125-ФЗ, религиозные организации вправе осуществлять благотворительную деятельность, образовательную деятельность, деятельность по оказанию социальных услуг, медицинскую деятельность и иную деятельность, не запрещенную законодательством Российской Федерации. Это означает, что договорные отношения религиозных организаций могут охватывать широкий спектр направлений, однако с обязательным условием соответствия деятельности целям и предметам организации, зафиксированным в учредительных документах. Учредительные документы религиозной организации выступают в качестве нормативного акта, определяющего границы договорной правоспособности данного субъекта [Федеральный закон № 125-ФЗ, 1997].

Классификация договоров, заключаемых религиозными организациями, может быть проведена по различным основаниям. По характеру экономических отношений договоры подразделяются на договоры, связанные с основной деятельностью организации, и договоры, обеспечивающие хозяйственные потребности организации. Договоры первой группы охватывают соглашения об оказании религиозных услуг, проведении обрядов и церемоний, организации паломничества, предоставлении помещений для богослужений. Договоры второй группы включают договоры купли-продажи, аренды имущества, оказания коммунальных услуг, заключаемые в целях обеспечения функционирования организации. По субъектному составу договоры религиозных организаций могут быть классифицированы как договоры между религиозными организациями и физическими лицами, между религиозными организациями и юридическими лицами, а также договоры между самими религиозными организациями.

Правовой режим договоров, связанных с основной деятельностью религиозных организаций, характеризуется определенными особенностями. Договоры об оказании услуг в области религиозной деятельности не могут быть отнесены к договорам возмездного оказания услуг в полном смысле этого термина, поскольку получение материального вознаграждения не является необходимым условием их действительности. Однако в практике религиозных организаций широко распространены добровольные пожертвования верующих в обмен на совершение религиозных обрядов, что не противоречит законодательству. При этом следует отметить, что согласно статье 28 Конституции Российской Федерации, никто не может быть принужден к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, обучении религии и религиозном воспитании, что подразумевает добровольный характер всех договорных обязательств в этой сфере [Адриановская, 2023].

Договоры аренды помещений, заключаемые религиозными организациями, подчиняются общим правилам главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации, но имеют специфику в части определения цели использования имущества. Согласно статье 31 Федерального закона № 125-ФЗ, религиозным организациям предоставляются налоговые льготы и иные преимущества в случае использования имущества исключительно в целях, предусмотренных их уставом. Это создает необходимость четкого определения в договоре аренды целевого использования помещений, что может быть рассмотрено как условие действительности такого договора. Договоры купли-продажи имущества, необходимого для деятельности религиозных организаций, включая культовые предметы, облачение, книги религиозного содержания, подчиняются общим правилам главы 30 ГК РФ без каких-либо исключений, связанных с религиозной деятельностью [Падюкин, 2025].

Вопрос о возможности заключения договоров, предусматривающих возмездное оказание услуг по проведению религиозных обрядов и церемоний, остается дискуссионным в юридической науке. С одной стороны, статья 779 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает возмездное оказание услуг в широком спектре сфер деятельности. С другой стороны, некоторые авторы полагают, что коммерциализация религиозной деятельности нарушает принципы свободы совести и вероисповедания. Однако судебная практика и позиция правоохранительных органов исходят из того, что добровольные платежи верующих за совершение религиозных обрядов допустимы и не нарушают законодательство о свободе совести.

Таблица 1 - Классификация договоров религиозных организаций по целевому назначению

Категория договоров	Примеры	Нормативное регулирование
Договоры основной деятельности	Договоры об оказании религиозных услуг, проведении обрядов	Закон № 125-ФЗ, ст. 27; ГК РФ, гл. 39
Договоры хозяйственного обеспечения	Договоры аренды, купли-продажи, коммунальных услуг	ГК РФ, гл. 30, 34; Закон № 125-ФЗ, ст. 31
Договоры благотворительной деятельности	Договоры дарения, безвозмездного пользования	ГК РФ, гл. 32, 35; Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ
Договоры образовательной направленности	Договоры об обучении, повышении квалификации	Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ
Договоры социального характера	Договоры об оказании социальных услуг	Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ

Представленная классификация демонстрирует многообразие договорных отношений, в которые вступают религиозные организации. Каждая категория договоров подчиняется специфическому набору нормативных актов, что требует тщательного анализа применимого законодательства при заключении каждого конкретного договора.

Особое внимание требуется уделить вопросам ответственности религиозных организаций по заключаемым ими договорам. Согласно статье 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Однако статья 24 Федерального закона № 125-ФЗ устанавливает, что имущество, переданное религиозной организации верующими для использования в соответствии с целями организации, может быть подвергнуто взысканию по обязательствам организации лишь в случае, если такое взыскание не повлечет за собой невозможность осуществления организацией своей деятельности. Это положение создает определенные ограничения в применении мер ответственности к религиозным организациям, что необходимо учитывать кредиторам при заключении договоров [Филимонов и др., 2022].

Договоры, заключаемые религиозными организациями с государственными органами, имеют особое значение. Такие договоры часто касаются предоставления государственных субсидий на проведение благотворительной или образовательной деятельности, передачи имущества в пользование, осуществления совместных социальных проектов. Согласно статье 32 Федерального закона № 125-ФЗ, государство обязано оказывать поддержку благотворительной деятельности религиозных организаций. Договоры субсидирования и грантового финансирования регулируются Бюджетным кодексом Российской Федерации и соответствующими федеральными законами о грантах, и требуют соблюдения особых процедур отчетности и целевого использования средств.

Вопрос о форме договоров, заключаемых религиозными организациями, должен рассматриваться в соответствии с общими правилами гражданского права. Статья 160 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что сделки совершаются в устной форме, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон. Однако для договоров, касающихся отчуждения недвижимого имущества, изменения или расторжения договора, в том числе договоров, заключаемых религиозными организациями, требуется письменная форма. При этом договоры, предусматривающие возмездное оказание услуг в области религиозной деятельности, могут быть оформлены в упрощенной форме, поскольку законодательство не требует специальной формы для договоров об оказании услуг, если стоимость услуг не превышает установленный законом размер.

Таблица 2 - Особенности правового режима договоров религиозных организаций

Аспект регулирования	Содержание норм	Специфика для религиозных организаций
Лимиты ответственности	ГК РФ, ст. 15	Ограничение взыскания по имуществу верующих (Закон № 125-ФЗ, ст. 24)
Налоговые последствия	Налоговый кодекс РФ	Льготное налогообложение при целевом использовании имущества
Форма договора	ГК РФ, ст. 160	Возможность упрощенной формы для договоров об услугах
Содержание договора	ГК РФ, ст. 432	Обязательное соответствие целям, указанным в уставе организации

Аспект регулирования	Содержание норм	Специфика для религиозных организаций
Государственная поддержка	Закон № 125-ФЗ, ст. 32	Возможность субсидирования благотворительной деятельности
Прекращение договора	ГК РФ, гл. 26	Общие правила; особенности при смене состава верующих

Таблица показывает, что договорная деятельность религиозных организаций регулируется комбинацией общегражданских норм и специальных положений, предусматривающих определенные льготы и ограничения, обусловленные особенностью статуса этих организаций.

Практика разрешения споров, возникающих из договоров религиозных организаций, свидетельствует о необходимости учета специфики такого рода отношений. Арбитражные суды и суды общей юрисдикции при рассмотрении споров, связанных с договорами религиозных организаций, применяют общие правила гражданского права, но при этом учитывают положения Федерального закона № 125-ФЗ и Конституции Российской Федерации. Особое значение приобретает вопрос о толковании договора в свете целей религиозной организации и принципов свободы совести и вероисповедания.

Выводы

Таким образом, договорная деятельность религиозных организаций представляет собой сложный правовой феномен, требующий баланса между необходимостью обеспечения функционирования этих организаций как полноценных субъектов гражданского права и уважением к их специфической роли в обществе. Совершенствование законодательства в этой области должно быть направлено на уточнение статуса договоров, связанных с основной деятельностью религиозных организаций, определение четких критериев разграничения коммерческой и некоммерческой деятельности в контексте религиозных организаций, а также на создание механизмов защиты прав и законных интересов как самих религиозных организаций, так и их контрагентов. Дальнейшее развитие судебной практики в этой сфере будет способствовать формированию единообразного толкования норм, касающихся договорных отношений религиозных организаций, что повысит правовую определенность в этой области.

Библиография

1. Адриановская Т.Л. (2023). Правовое регулирование труда в религиозных организациях. Аграрное и земельное право, 5 (221), 47–49.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). Consultant.ru.
3. Падюкин И.В. (2025). Субъектный состав собственников недвижимого имущества религиозного назначения Русской Православной Церкви. Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии, 3, 194–208.
4. Сенин И.Н., Филина Н.В. (2023). Государство, право и религия: соотношение и взаимодействие. ООО ДиректМедиа.
5. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О свободе совести и о религиозных объединениях». Consultant.ru.
6. Филимонов Ю.В. и др. (2022). Применение юридической техники в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики.

Civil Law Contracts of Religious Organizations

Aleksandr V. Grishin

Postgraduate Student,
Slavic-Greek-Latin Academy,
125993, 2/12, Sadovaya-Samotechnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Aleks.pravo1@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of civil law contracts of religious organizations as a special type of contractual relations, combining elements of general civil regulation with the peculiarities of the legal status of subjects of religious activity. The paper examines the regulatory framework governing the contractual activities of religious organizations, including the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Freedom of Conscience and on Religious Associations." A classification of contracts by target purpose and subject composition is carried out, and the features of contracts for core activities and economic support are analyzed. Issues of liability of religious organizations, specifics of contracts involving government bodies, requirements for the form and content of contracts are investigated. Special attention is paid to the interaction of civil law norms with the constitutional principles of freedom of conscience and religion. The presented analysis allows identifying gaps in the current legislation and proposing directions for its improvement to ensure the effective functioning of religious organizations as full-fledged participants in civil law relations while preserving their specific status.

For citation

Grishin A.V. (2026) Grazhdansko-pravovyye dogovory religioznykh organizatsiy [Civil Law Contracts of Religious Organizations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 418-424. DOI: 10.34670/AR.2026.49.95.045

Keywords

Religious organizations, contractual relations, civil law, freedom of conscience, paid provision of services, property lease, charitable activities, liability of legal entities, state support, contract form, legal capacity of legal entities, non-profit organizations.

References

1. Adrianovskaya, T.L. (2023). Pravovoe regulirovanie truda v religioznykh organizatsiyakh [Legal regulation of labor in religious organizations]. *Agramoe i zemel'noe pravo*, 5(221), 47–49.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended of July 31, 2025, with amendments of November 25, 2025) (with amendments and additions, effective from August 1, 2025). Consultant.ru.
3. Federal Law No. 125-FZ of September 26, 1997 (as amended of July 31, 2025) "On Freedom of Conscience and on Religious Associations". Consultant.ru.
4. Filimonov, Yu.V., et al. (2022). Primenenie yuridicheskoy tekhniki v postanovleniyakh Plenuma Verkhovnogo Suda RF po voprosam sudebnoy praktiki [Application of legal technique in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on issues of judicial practice].
5. Padyukin, I.V. (2025). Sub"ektnyy sostav sobstvennikov nedvizhimogo imushchestva religioznogo naznacheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Subject composition of owners of real estate for religious purposes of the Russian Orthodox Church].

- Orthodox Church]. *Teologicheskiy vestnik Smolenskoj Pravoslavnoy Dukhovnoy Seminarii*, 3, 194–208.
6. Senin, I.N., & Filina, N.V. (2023). *Gosudarstvo, pravo i religiya: sootnoshenie i vzaimodeystvie* [State, law and religion: correlation and interaction]. DirektMedia.

УДК 34:342

DOI: 10.34670/AR.2026.92.33.046

Правовое просвещение как направление государственной правовой политики

Егоров Валентин Владиславович

Аспирант,
Университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80Г;
e-mail: (не указан)

Аннотация

В статье рассматривается правовое просвещение в качестве одного из приоритетных направлений государственной правовой политики современной России. Актуальность темы обусловлена необходимостью формирования высокого уровня правовой культуры и правосознания граждан в условиях построения правового государства. На основе анализа научной литературы и нормативных правовых актов раскрываются сущность правового просвещения, его соотношение со смежными категориями, место в системе государственной правовой политики. Особое внимание уделяется конституционно-правовым основам, субъектному составу, формам и механизмам реализации правопросветительской деятельности. Выявляются ключевые проблемы в данной сфере: фрагментарность нормативного регулирования, отсутствие единого системного подхода, недостаточная координация субъектов правового просвещения. Предлагаются направления совершенствования государственной политики в области правового просвещения, включая формирование единой концепции, развитие цифровых форм, повышение адресности мероприятий. Обосновывается вывод о том, что правовое просвещение выступает необходимым условием укрепления правового государства и развития гражданского общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Егоров В.В. Правовое просвещение как направление государственной правовой политики // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 425-430. DOI: 10.34670/AR.2026.92.33.046

Ключевые слова

Правовое просвещение, правовая политика, правовая культура, правосознание, правовое воспитание, правовое информирование, государственная политика, правовой нигилизм, правовая грамотность, профилактика правонарушений.

Введение

Формирование высокого уровня правовой культуры и правосознания граждан, обеспечение верховенства закона и построение полноценного гражданского общества являются фундаментальными целями государственной политики Российской Федерации. В современных условиях усложнения общественных отношений, нарастания информационных потоков и цифровизации всех сфер жизни значение правовой информированности населения неуклонно возрастает. Как справедливо отмечается в научной литературе, высокий уровень правосознания и правовой культуры общества, эффективное противодействие преступности, личная безопасность граждан во многом зависят от правовой осведомленности населения, зачастую являющейся результатом правового просвещения [Митрофанова, Кузаков, 2018, с. 67]. Между тем реальное состояние правовой культуры российского общества остается неудовлетворительным. Исследования показывают, что значительная часть граждан оценивает уровень своей правовой информированности как недостаточный — лишь около трети респондентов отмечают достаточную осведомленность о своих правах, тогда как более половины указывают на частичную информированность, а около пятнадцати процентов признают полное отсутствие необходимых правовых знаний [Митрофанова, Кузаков, 2018, с. 69]. Подобная ситуация создает благоприятную почву для правового нигилизма, который, согласно Основам государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан 2011 года, девальвирует подлинные духовно-нравственные ценности и служит питательной средой для многих негативных социальных явлений — от бытовой преступности до пренебрежения правами и законными интересами окружающих [Сафина, 2025, с. 79]. В этой связи правовое просвещение приобретает особое значение как средство профилактики правонарушений и инструмент формирования устойчивого уважения к закону. Как подчеркивается в научных исследованиях, исторический опыт убедительно доказывает, что проблемы правовой грамотности и правового просвещения населения не могут быть недооценены, поскольку их игнорирование чревато многочисленными негативными последствиями для развития общества [Биряева, Волчок, 2021, с. 25]. Очевидно, что стихийное, неорганизованное распространение правовых знаний не способно обеспечить достижение стратегических целей государственной правовой политики — требуется системный, научно обоснованный подход к организации правового просвещения как одного из приоритетных направлений деятельности государства.

Основная часть

Обращаясь к теоретическому осмыслению правового просвещения как юридической категории, необходимо отметить, что в современной науке отсутствует единое, общепризнанное определение данного понятия, что порождает разнообразные его интерпретации. Применительно к правовой сфере под правовым просвещением принято понимать целенаправленную и систематическую деятельность государства и общества по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры в целях противодействия правовому нигилизму и обеспечения процесса духовного формирования личности [Доценко, 2020, с. 183]. Важнейшей задачей здесь выступает разграничение правового просвещения со смежными категориями. Правовое информирование представляет собой организованный, последовательный процесс доведения сведений о праве до адресатов, выступая в качестве одного из инструментов правового просвещения, которое содержательно заметно шире

[Доценко, 2020, с. 182]. Таким образом, правовое просвещение представляет собой более широкую категорию, включающую в себя элементы информирования, образования и воспитания, но не сводящуюся ни к одному из них в отдельности. В механизме формирования правовой культуры общества правовое просвещение занимает центральное место, поскольку ее формирование невозможно без систематического рационального воздействия, стимулирования позитивного социального развития [Попов, www...].

Нормативные и институциональные основы правового просвещения в Российской Федерации представляют собой многоуровневую систему, базирующуюся на конституционных положениях и развивающуюся в текущем законодательстве. Конституция Российской Федерации, закрепляя в статье 2 обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, создает фундаментальную основу для правопросветительской деятельности. Конституционные поправки 2020 года, дополнившие Основной Закон статьей 67.1, признали важнейшим приоритетом государственной политики детей, их всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие, что также создает предпосылки для активизации правового просвещения подрастающего поколения [Сафина, 2025, с. 80]. Помимо упомянутых Основ государственной политики 2011 года, являющихся ключевым доктринальным документом, правовое регулирование в исследуемой сфере осуществляется рядом законодательных актов. Федеральные законы «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» рассматривают правовое просвещение наряду с правовым информированием в качестве формы воздействия в деле профилактики правонарушений и повышения уровня правовой грамотности граждан [Сафина, 2025, с. 81]. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, опирающаяся на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, включает развитие правовой и политической культуры детей в гражданское воспитание. На региональном уровне в ряде субъектов Российской Федерации приняты специальные законы о правовом просвещении либо о правовом информировании и правовом просвещении — в Республике Удмуртия, Пермском крае, Владимирской, Воронежской, Кировской, Ленинградской, Самарской, Саратовской, Тверской областях, разрабатывается подобный закон в Республике Башкортостан [Сафина, 2025, с. 81].

Ведущая роль в формировании правосознания отводится системе образования, ведь основные правовые установки усваиваются человеком в период обучения в школе. Государственные стандарты закрепляют задачи по воспитанию уважения к нормам закона, а мировой опыт свидетельствует о приоритетной важности образовательного канала для успешной реализации политики правового просвещения. [Митрофанова, Кузаков, 2018, с. 69].

Несмотря на достаточно развитую нормативную базу и наличие организационных механизмов, реализация государственной правовой политики в сфере правового просвещения сталкивается с рядом серьезных проблем. Прежде всего, следует отметить фрагментарность нормативного регулирования. Как отмечает С.Б. Сафина, в целом на сегодняшний момент имеется необходимый правовой и организационный механизм для ведения деятельности по повышению уровня правовой культуры, однако сказать, что поставленные цели достигнуты, нельзя [Сафина, 2025, с. 81]. Отсутствие единого системного подхода к организации правового просвещения проявляется в том, что различные государственные органы и общественные организации осуществляют правопросветительскую деятельность разрозненно, без должной координации и согласования планов работы. Недостаточная координация деятельности субъектов правового просвещения приводит к дублированию функций, распылению ресурсов и

снижению общей эффективности проводимых мероприятий. Серьезной проблемой остается доступность и понятность правовой информации для населения. Юридический язык сложен для восприятия обычными гражданами, не обладающими специальными правовыми знаниями, что создает барьеры в понимании даже той информации, которая формально является общедоступной. Риски цифровизации правового просвещения связаны с распространением недостоверной правовой информации в сети Интернет, отсутствием эффективных механизмов контроля за качеством размещаемых материалов, цифровым неравенством различных групп населения. Как справедливо отмечает Д.В. Пожарский, в системе правового просвещения наблюдается определенный перекос: главным объектом правового просвещения остается право, его ценностный потенциал, в то время как в тени остается феномен, в отрыве от которого само существование права немыслимо — государство [Пожарский, 2016, с. 1]. Недооценка роли и значения государства становится существенным препятствием в правовом развитии общества, поскольку именно государство выступает гарантом безопасности, законности и правопорядка.

Совершенствование государственной правовой политики в сфере правового просвещения требует реализации комплекса взаимосвязанных мер. Первоочередной задачей является формирование единой концепции правового просвещения, которая должна определять стратегические цели, задачи, принципы, основные направления и механизмы реализации государственной политики в данной сфере на долгосрочную перспективу. Такая концепция должна учитывать как общетеоретические положения правовой политики, разработанные в научной литературе, так и практический опыт, накопленный в регионах. Как подчеркивает А.В. Малько, важнейшими принципами современной правовой политики являются научная обоснованность и прогнозирование, которые направлены на предвидение вариантов развития регулируемых отношений [Малько, 2012, с. 11]. Совершенствование нормативно-правовой базы должно идти по пути устранения пробелов и противоречий, четкого определения полномочий и ответственности субъектов правового просвещения, установления единых стандартов качества правопросветительской деятельности. Расширение круга субъектов правопросветительской деятельности и укрепление взаимодействия между ними предполагает более активное вовлечение институтов гражданского общества, образовательных организаций, средств массовой информации, профессиональных юридических сообществ. Развитие цифровых форм правового просвещения должно сопровождаться созданием официальных государственных интернет-ресурсов, содержащих достоверную и актуальную правовую информацию в доступной для понимания форме, разработкой мобильных приложений правовой направленности, использованием социальных сетей для распространения правовых знаний. Повышение адресности и эффективности правопросветительских мероприятий требует учета специфики различных социальных групп, их правовых потребностей, уровня образования, возрастных и профессиональных особенностей. Как отмечается в литературе, в настоящее время особую актуальность приобретают интерактивные методы обучения — деловые и ролевые игры, квесты, дискуссии, дебаты, позволяющие наилучшим образом воспринять и усвоить достаточно сложную правовую материю [Митрофанова, Кузаков, 2018, с. 70].

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует сделать ряд принципиальных выводов. Правовое просвещение представляет собой значимое и относительно самостоятельное направление государственной правовой политики, направленное на формирование высокого уровня правовой культуры и правосознания граждан. Его реализация непосредственно связана

с развитием правовой грамотности населения, преодолением правового нигилизма и созданием устойчивой мотивации к законопослушному поведению. Эффективность государственной политики в данной сфере зависит от системности, нормативной определенности и координации деятельности всех субъектов правового просвещения — государственных органов, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, образовательных организаций. Совершенствование правового просвещения требует комплексного подхода, сочетающего правовые, организационные и цифровые механизмы, что предполагает разработку единой концепции, модернизацию нормативно-правовой базы, внедрение современных информационных технологий и повышение адресности проводимых мероприятий. Развитие правового просвещения должно рассматриваться как одно из ключевых условий укрепления правового государства и гражданского общества, поскольку только юридически грамотный, обладающий высоким уровнем правосознания гражданин способен осознанно реализовывать свои права и добросовестно исполнять обязанности, выступая активным и ответственным участником общественных отношений.

Библиография

1. Биряева А.В., Волчок А.А. (2021). Правовая грамотность и правовое просвещение в условиях современного общества: уроки Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности 1920 г. Пробелы в российском законодательстве, 14 (1), 25–33.
2. Доценко А.С. (2020). О понятии правового просвещения. Актуальные проблемы российского права, 15 (1), 179–188.
3. Комарова Е.А. (2016). Соблюдение прав человека при осуществлении международного сотрудничества органами прокуратуры. Правовая политика и правовая жизнь, 4, 20–25.
4. Малько А.В. (2012). Теория правовой политики. Москва: Юрлитинформ.
5. Малько А.В. (2012). Научная обоснованность и прогнозирование как важнейшие принципы современной правовой политики. Правовая политика и правовая жизнь, 1, 8–14.
6. Малько А.В., Саломатин А.Ю. (2016). Концептуальные предложения по углублению судебной реформы в России. Правовая политика и правовая жизнь, 4, 29–35.
7. Митрофанова А.А., Кузаков Д.В. (2018). Правовое просвещение как основа правовой культуры общества: некоторые актуальные вопросы. Глаголь правосудия, 2, 67–70.
8. Пожарский Д.В. (2016). Государство как объект правового просвещения. Вестник Владимирского юридического института, 2, 1–4.
9. Попов Д.Е. (б/г). Правовое воспитание как средство формирования правовой культуры. Научный журнал, 1–4.
10. Сафина С.Б. (2025). Правовое просвещение и правовое воспитание как инструменты формирования правовой культуры. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право, 4, 77–89.

Legal Education as a Direction of State Legal Policy

Valentin V. Egorov

Postgraduate Student,
University "Synergy",
125190, 80G, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: not specified

Abstract

The article examines legal education as one of the priority directions of the state legal policy of

modern Russia. The relevance of the topic is due to the need to form a high level of legal culture and legal awareness of citizens in the context of building a rule-of-law state. Based on the analysis of scientific literature and normative legal acts, the essence of legal education, its relationship with related categories, and its place in the system of state legal policy are revealed. Special attention is paid to the constitutional and legal foundations, the composition of subjects, the forms and mechanisms for the implementation of legal educational activities. Key problems in this area are identified: the fragmentary nature of normative regulation, the absence of a unified systemic approach, and insufficient coordination of subjects of legal education. Directions for improving state policy in the field of legal education are proposed, including the formation of a unified concept, the development of digital forms, and increasing the targeting of events. The conclusion is substantiated that legal education acts as a necessary condition for strengthening the rule-of-law state and the development of civil society.

For citation

Egorov V.V. (2026) Pravovoye prosveshcheniye kak napravleniye gosudarstvennoy pravovoy politiki [Legal Education as a Direction of State Legal Policy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 425-430. DOI: 10.34670/AR.2026.92.33.046

Keywords

Legal education, legal policy, legal culture, legal awareness, legal upbringing, legal information, state policy, legal nihilism, legal literacy, crime prevention.

References

1. Birjaeva, A.V., & Volchok, A.A. (2021). Pravovaya gramotnost' i pravovoe prosveshchenie v usloviyakh sovremennogo obshchestva: uroki Vserossiyskoy chrezvychaynoy komissii po likvidatsii bezgramotnosti 1920 g. [Legal literacy and legal education in modern society: lessons of the All-Russian Emergency Commission for the Elimination of Illiteracy of 1920]. *Gaps in Russian legislation*, 14(1), 25–33.
2. Docenko, A.S. (2020). O ponyatii pravovogo prosveshcheniya [On the concept of legal education]. *Actual problems of Russian law*, 15(1), 179–188.
3. Komarova, E.A. (2016). Soblyudeniye prav cheloveka pri osushchestvlenii mezhdunarodnogo sotrudnichestva organami prokuratury [Observance of human rights in the implementation of international cooperation by prosecutorial authorities]. *Legal policy and legal life*, 4, 20–25.
4. Mal'ko, A.V. (2012). *Teoriya pravovoy politiki* [Theory of legal policy]. Moscow: Yurlitinform.
5. Mal'ko, A.V. (2012). Nauchnaya obosnovannost' i prognozirovaniye kak vazhneyshie printsipy sovremennoy pravovoy politiki [Scientific validity and forecasting as the most important principles of modern legal policy]. *Legal policy and legal life*, 1, 8–14.
6. Mal'ko, A.V., & Salomatin, A.Yu. (2016). Kontseptual'nye predlozheniya po uglubleniyu sudebnoy reformy v Rossii [Conceptual proposals for deepening judicial reform in Russia]. *Legal policy and legal life*, 4, 29–35.
7. Mitrofanova, A.A., & Kuzakov, D.V. (2018). Pravovoe prosveshchenie kak osnova pravovoy kul'tury obshchestva: nekotorye aktual'nye voprosy [Legal education as the basis of the legal culture of society: some current issues]. *Glagol pravosudiya*, 2, 67–70.
8. Pozharsky, D.V. (2016). Gosudarstvo kak ob'ekt pravovogo prosveshcheniya [The state as an object of legal education]. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2, 1–4.
9. Popov, D.E. (n.d.). Pravovoe vospitanie kak sredstvo formirovaniya pravovoy kul'tury [Legal upbringing as a means of forming legal culture]. *Scientific journal*, 1–4.
10. Safina, S.B. (2025). Pravovoe prosveshchenie i pravovoe vospitanie kak instrumenty formirovaniya pravovoy kul'tury [Legal education and legal upbringing as tools for forming legal culture]. *Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4: State and law*, 4, 77–89.

УДК 347.122

DOI: 10.34670/AR.2026.72.80.047

**Соглашение по фактическим обстоятельствам дела в
современном цивилистическом процессе России: соотношение с
признанием факта и перспективы нормативного закрепления в
ГПК РФ**

Параскевиди Марк Александрович

Аспирант,
ассистент кафедры гражданского и административного
судопроизводства им. М.С. Шакарян,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: (не указан — требуется добавить)

Аннотация

В статье анализируется сущность и правовая природа соглашения по фактическим обстоятельствам дела, закрепленного в Арбитражном процессуальном кодексе РФ и Кодексе административного судопроизводства РФ. Автор исследует эволюцию процессуальных соглашений в российском праве, начиная с Устава гражданского судопроизводства 1864 года, и подробно рассматривает доктринальные критерии разграничения двустороннего соглашения по фактическим обстоятельствам дела и одностороннего признания факта. На основе критического анализа позиций ученых-процессуалистов делается вывод об отсутствии сущностных различий между указанными процессуальными институтами, что в том числе обосновывает необходимость унификации норм цивилистических процессуальных кодексов. Автор аргументирует целесообразность введения института соглашения по фактическим обстоятельствам в Гражданский процессуальный кодекс РФ, приводит примеры из судебной практики, демонстрирующие применение аналогии закона в этом вопросе, а также предлагает особый порядок принятия такого соглашения судом в гражданском судопроизводстве с усилением контрольных функций суда для защиты прав граждан, не обладающих специальными юридическими познаниями. Кроме того, делается вывод о необходимости распространения указанного подхода в отношении соглашений по фактическим обстоятельствам дела и в административном судопроизводстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Параскевиди М.А. Соглашение по фактическим обстоятельствам дела в современном цивилистическом процессе России: соотношение с признанием факта и перспективы нормативного закрепления в ГПК РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 431-443. DOI: 10.34670/AR.2026.72.80.047

Ключевые слова

Соглашение по фактическим обстоятельствам, признание факта, освобождение от доказывания, процессуальное соглашение, унификация процессуального законодательства, диспозитивность, оптимизация судопроизводства.

Введение

Анализ дефиниций понятия «соглашение», представленных в толковых словарях русского языка, позволяет сделать вывод о двух основных его значениях [Кузнецов, 2008; Ожегов, 2012]. Так, соглашение можно понимать, во-первых, как достигнутую договоренность или взаимное согласие между сторонами (например, прийти к соглашению), а во-вторых, как официальный документ (договор), который закрепляет взаимные права и обязанности сторон.

Основная часть

В современном цивилистическом процессе, регламентированном правилами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Гражданский процессуальный кодекс РФ, 2002] (далее - ГПК РФ), Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [Арбитражный процессуальный кодекс РФ, 2002] (далее - АПК РФ) и Кодекса административного судопроизводства [Кодекс административного судопроизводства РФ, 2015] (далее - КАС РФ), существует возможность соглашения по разным вопросам. Как справедливо отмечает В.О. Ватаманюк, «современное процессуальное законодательство все чаще предоставляет заинтересованным участникам процесса возможность заключения процессуальных соглашений» [Ватаманюк, 2022].

Отметим, что понятие «соглашение» использовалось в российском процессуальном законодательстве задолго до его современной кодификации. В частности, Устав гражданского судопроизводства 1864 года (далее – УГС 1864 года) [Устав гражданского судопроизводства, 1864] уже оперировал данной категорией при регламентации третейского разбирательства. Так, в соответствии со ст. 106 УГС 1864 года, посредники в третейском суде избирались по взаимному согласию сторон, а ст. 108 УГС 1864 года предусматривала возможность сторон по взаимному соглашению назначить нового посредника в случае, если ранее избранный посредник не решил дело в установленный срок.

Закрепление соглашения по фактическим обстоятельствам дела в российском цивилистическом процессуальном законодательстве произошло сравнительно недавно. Соответствующие правовые нормы впервые были введены в действующий АПК РФ. Ни Арбитражный процессуальный кодекс 1992 года [Арбитражный процессуальный кодекс РФ 1992, www...], ни сменивший его Арбитражный процессуальный кодекс 1995 года [Арбитражный процессуальный кодекс РФ 1995, www...] не регламентировали возможность достижения сторонами соглашения в отношении фактических обстоятельств дела.

В АПК РФ появился ряд новых процессуальных институтов, включая соглашение по фактическим обстоятельствам, отсутствие которого в предшествующих кодексах не отвечало потребностям правоприменительной практики. Как отмечал занимавший в 2002 году пост Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ В.Ф. Яковлев, принятие АПК РФ было обусловлено вступлением России в Совет Европы и необходимостью имплементации европейских стандартов судопроизводства, а Арбитражный процессуальный кодекс 1995 года

уже не вполне устраивал, прежде всего, спорящие стороны[Яковлев, 2002, www...].

Процессуальная регламентация рассматриваемого соглашения осуществляется посредством норм, сосредоточенных в главах, посвященных доказательствам и доказыванию, а именно в положениях, регулирующих признание факта. Вместе с тем, в процессуальном законодательстве и доктрине отсутствует единый подход к вопросу о допустимости заключения данного соглашения в разных процессах. Нормативное закрепление института соглашения по фактическим обстоятельствам дела на сегодняшний день реализовано лишь в двух из трех цивилистических процессуальных кодексов. В частности, ст. 70 АПК РФ и ст. 65 КАС РФ предусматривают возможность освобождения от доказывания обстоятельств, признанных сторонами в соглашении по фактическим обстоятельствам дела. В то же время ГПК РФ, в отличие от АПК РФ и КАС РФ, не содержит специального процессуального механизма, регламентирующего двустороннее соглашение сторон по фактическим обстоятельствам. Законодатель в рамках гражданского судопроизводства ограничивается лишь закреплением института одностороннего признания факта.

Такой подход законодателя в этом вопросе критикуется некоторыми учеными-процессуалистами. В частности, А.Г. Плешанов отмечает, что остается неясным, «почему в арбитражном и административном судопроизводстве законодатель допускает двустороннее признание (ст. 70 АПК РФ, ст. 65 КАС РФ), а в гражданском только одностороннее. Тем более нелогичным представляется сохранение указанного ограничения в ГПК РФ в контексте расширения круга примирительных процедур...»[Плешанов, 2020].

Н.А. Тряпочкину отсутствие процессуального института соглашения по фактическим обстоятельствам дела в гражданском процессе представляется «не совсем логичным»[Тряпочкин, 2024].

Е.В. Михайлова также полагает, что «в гражданском судопроизводстве при рассмотрении частноправового конфликта суд выполняет функцию защиты частного права», и отсюда возможность заключения соглашения по фактическим обстоятельствам дела в рамках такого судопроизводства вполне допустима[Михайлова, 2019].

И.О. Бурцев, напротив, считает, что законодатель осознанно «не предоставил участникам судопроизводства в судах общей юрисдикции права заключать подобные соглашения»[Бурцев, 2025]. Тем не менее, с данным утверждением вряд ли можно согласиться, поскольку возможность заключения соглашений по фактическим обстоятельствам дела в судах общей юрисдикции всё же существует — в рамках административного судопроизводства, регламентированного правилами КАС РФ. Автор к тому же не приводит аргументации против введения соглашений по фактическим обстоятельствам в ГПК РФ. Его позиция сводится к констатации факта (отсутствия соответствующей нормы права) и отрицанию возможности применения аналогии закона, но не к содержательной критике сущности и правовой природы указанного института для его применения в судах общей юрисдикции.

Е.А. Иванова называет отсутствие в гражданском судопроизводстве института соглашения по фактическим обстоятельствам дела «упущенной возможностью законодателя»[Иванова, 2020]. Однако, с нашей точки зрения, такая позиция автора страдает непоследовательностью и внутренней противоречивостью, поскольку ею в то же время отмечается, что «на практике отсутствует острая необходимость применения соглашений по фактическим обстоятельствам в гражданском процессе», а стороны и без того располагают иными средствами доказывания фактических обстоятельств дела.

Сразу заметим, что обоснование необходимости нормативного закрепления в гражданском

процессуальном законодательстве соглашения по фактическим обстоятельствам дела выступают основной целью настоящего исследования. Вместе с тем, прежде чем обсуждать целесообразность закрепления данной нормативной конструкции в ГПК РФ, следует обратиться к анализу сущности этого явления. Следует отметить, что вопрос о его юридической природе остается одним из наиболее дискуссионных в современной процессуальной доктрине.

В целях выявления сущностных характеристик соглашения по фактическим обстоятельствам в научной литературе традиционно проводится его разграничение со смежными процессуальными институтами, в первую очередь — с признанием факта. Так, в работах И.О. Бурцева[Бурцев, 2025], М.А. Рожковой[Рожкова, 2004], О.Н. Шеменовой[Шеменова, 2021; Шеменова, 2010], Е.А. Ивановой[Иванова, 2020] и других авторов выделяются следующие критерии разграничения указанных правовых конструкций:

во-первых, форма совершения указанных процессуальных действий. Признание факта может быть совершено как в устной, так и в письменной форме, устное признание факта заносится в протокол судебного заседания, а письменная форма не является обязательной. Для соглашения по фактическим обстоятельствам, напротив, всегда требуется обязательная письменная форма. Оно никогда не может быть заключено устно. Письменная форма удостоверяется письменным заявлением каждой из сторон либо единым документом, подписанным сторонами. Несоблюдение требования письменной формы, по мнению И.О. Бурцева и М.А. Рожковой, влечет квалификацию соглашения как незаключенного;

во-вторых, характер волеизъявления. Признание факта является односторонним волеизъявлением стороны, которое совершается независимо от воли иных лиц, участвующих в деле, и обращено к суду. Соглашение по фактическим обстоятельствам, по мнению И.О. Бурцева и О.Н. Шеменовой, представляет собой двусторонний (многосторонний) акт, требующий согласованного волеизъявления всех участвующих в нем лиц. По мнению же Е.А. Ивановой, заключение соглашения по обстоятельствам по степени согласованности воли следует относить к односторонним сонаправленным, а не двусторонним взаимным действиям, поскольку стороны добиваются единого процессуального итога (освобождения от доказывания). О.Н. Шеменова к тому же дополнительно подчеркивает, что признание факта — это не только доказательство, но и акт распоряжения процессуальным правом, что принципиально сближает его с соглашением. Однако именно односторонний характер волеизъявления при признании факта остается ключевым отличием, так как воля в этом случае исходит от одной стороны, а при соглашении по фактическим обстоятельствам — от обеих;

в-третьих, в качестве самостоятельного критерия разграничения между признанием фактов и соглашением по фактическим обстоятельствам И.О. Бурцев, М.А. Рожкова и Е.А. Иванова выделяют полномочия представителя на эти действия. Признание факта не требует специального указания в доверенности и относится к общим полномочиям представителя. Соглашение по фактическим обстоятельствам является специальным полномочием, которое должно быть отдельно оговорено в доверенности (ч. 2 ст. 62 АПК РФ, п. 4 ч. 2 ст. 65 КАС РФ);

в-четвертых, И.О. Бурцев, М.А. Рожкова и Е.А. Иванова в качестве самостоятельного критерия разграничения выделяют момент и место совершения указанных действий. Так, правовые последствия в виде освобождения от дальнейшего доказывания факта влечет только его судебное признание, сделанное непосредственно в процессе. Соглашение по фактическим обстоятельствам может быть совершено как в судебном, так и во внесудебном порядке при соблюдении требований к его форме.

в-пятых, О.Н. Шеменова, И.О. Бурцева и Е.А. Иванова различают объект соглашения по

фактическим обстоятельствам и признания. Объект соглашения, по мнению ученых, значительно шире: оно может быть достигнуто в отношении любых обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. О.Н. Шеменева дополнительно указывает на то, что признание факта всегда «вписано» в распределение бремени доказывания и совершается вопреки собственной процессуальной заинтересованности, тогда как соглашение по фактическим обстоятельствам может касаться фактов, в установлении которых заинтересованы обе стороны.

Кроме того, по мнению Н.А. Тряпочкина и Е.А. Ивановой, для признания факта допустима как активная форма (прямое заявление), так и пассивная (молчаливое признание в силу ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ), тогда как соглашение по фактическим обстоятельствам всегда предполагает активные действия сторон по выработке в нем единой позиции.

Помимо названных выше общих различий, в научной литературе выделяются и иные критерии разграничения. Так, Е.А. Иванова дополнительно акцентирует внимание на процессуальном эффекте соглашения, отмечая, что суд не проверяет соглашение на соответствие действительности, что сближает его с признанием, но подчеркивает его самостоятельную процессуальную природу. О.Н. Шеменева развивает концепцию двойственной правовой природы признания факта (одновременно доказательство и распорядительный акт) и обосновывает, что признание и соглашение соотносятся как «узкий» и «широкий» способы упрощенного установления обстоятельств.

Представляется, что предложенные авторами критерии разграничения соглашения по фактическим обстоятельствам и одностороннего признания факта являются спорными. Так, указание на письменную форму как на специфическую черту соглашения о фактах не может служить надежным критерием дифференциации, поскольку одностороннее признание факта также может быть облечено в письменную форму (например, в виде письменного заявления, приобщенного к материалам дела по смыслу абз. 2 ч. 2 ст. 70 АПК РФ).

Также сегодня неубедительным является аргумент о том, что только соглашение может быть заключено как в судебном, так и во внесудебном порядке, в отличие от одностороннего акта признания, совершаемого исключительно в ходе судебного разбирательства. Одностороннее признание, совершенное вне судебного заседания, (например, в рамках примирительной процедуры) [Параскевиди, 2026], после завершения примирительной процедуры и предъявления её результатов (например, медиативного соглашения) в судебный процесс также подлежит оценке судом и может быть положено в основу решения суда без необходимости доказывания признанных в таком соглашении обстоятельств.

Позиция Е.А. Ивановой и Н.А. Тряпочкина о том, что признание обстоятельств в принципе возможно в пассивной форме по ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, нуждается в более глубоком научном анализе. В этом вопросе необходимо определиться, можно ли вообще квалифицировать молчание стороны в судебном процессе в качестве признания [Юдин, 2010; Кулакова, 2011; Опалев, 2012; Султанов, 2012].

Тем не менее, порядок наделения представителя полномочиями на признание факта и на заключение соглашения по фактическим обстоятельствам действительно различается. Для признания факта представителю достаточно общего полномочия. Это подтверждается, в частности, пунктом 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 23 [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23, 2003]. В нем прямо указано, что специально оговаривать в доверенности право на признание обстоятельств не требуется, если это не влечет отказа от иска или признания иска. В отличие от этого, заключение соглашения по фактическим

обстоятельствам дела требует прямого указания в доверенности. На первый взгляд, это может свидетельствовать о различной природе указанных действий. Однако торопиться с таким выводом не стоит, поскольку предложенный законодателем подход вряд ли можно признать обоснованным.

Представляется, что все указанные авторами различия связаны лишь с тем, что признание – это волеизъявление одного лица, а соглашение по фактическим обстоятельствам дела – это как минимум двустороннее волеизъявление, а в некоторых случаях и многостороннее [Решение Суда по интеллектуальным правам, 2021], что, тем не менее, никак не отражает принципиальную разницу в сущности и понимании правовой природы указанных явлений.

Автором поддерживается позиция, которая отражена в комментарии к АПК РФ под редакцией В.В. Яркова [Решетникова в кн. Комментарий к АПК РФ под ред. Яркова, 2020], где прямо определяется, что содержание соглашения сторон по обстоятельствам дела — это признание сторон, о чем свидетельствует ч. 2 ст. 70 АПК РФ. А в комментарии к КАС РФ также под редакцией В.В. Яркова [Решетникова в кн. Комментарий к КАС РФ под ред. Яркова, 2016] указывается, что в процессуальной науке признание стороной обстоятельств рассматривается как разновидность объяснения сторон, и авторы комментария в этом смысле прямо выделяют два вида признания: двустороннее признание (соглашение сторон) и одностороннее признание (признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения).

Таким образом, между признанием факта и соглашением по фактическим обстоятельствам, по нашему мнению, отсутствует сущностная разница. Принципиальных различий в том, как суд принимает эти действия и как он их проверяет, также не имеется. В обоих случаях суд обязан убедиться в отсутствии пороков воли (обман, насилие, угроза, заблуждение), а также в том, что признание или соглашение не направлены на сокрытие определенных фактов и не нарушают права и законные интересы других лиц. И в том, и в другом случае суд принимает факты в качестве признанных и освобождает стороны от их дальнейшего доказывания.

Учитывая отсутствие сущностных различий, а также принимая во внимание положительный опыт арбитражного процесса, где институт соглашения по фактическим обстоятельствам успешно применяется и способствует оптимизации судопроизводства, представляется необходимым ввести аналогичный институт в ГПК РФ.

Арбитражный процессуальный кодекс уже более двух десятилетий содержит возможность заключения соглашения по фактическим обстоятельствам, и этот институт доказал свою практическую применимость и эффективность.

Отсутствие аналогичного механизма в ГПК РФ создает неоправданную асимметрию в правовом регулировании, при которой участники арбитражного процесса обладают более широкими возможностями по упрощению процесса доказывания, чем участники гражданского судопроизводства. Унификация процессуального законодательства, к которой стремится законодатель в последние годы, требует устранения подобных различий. Введение в ГПК РФ соглашения по фактическим обстоятельствам станет важным шагом на пути к единому цивилистическому процессу, где участники процесса будут обладать равными возможностями по распоряжению своими процессуальными правами. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса [Концепция единого ГПК РФ, 2014] рассматривала данное нововведение как логичное развитие института признания и не видела в нем «пугающей новации» для граждан.

Более того, как справедливо указывает И.О. Бурцев, применение по аналогии норм АПК РФ

в данном случае неправильно и невозможно [Бурцев, 2025], поскольку законодатель сознательно не предусмотрел этот институт в ГПК РФ, что делает его использование при рассмотрении гражданских дел по правилам ГПК РФ в судах общей юрисдикции противоречащим закону.

Вместе с тем анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды общей юрисдикции, рассматривая гражданские дела по правилам ГПК РФ, прибегают к аналогии закона (при применении положений, касающихся соглашения по фактическим обстоятельствам дела). Данное обстоятельство, в свою очередь, также может служить весомым аргументом в пользу целесообразности дополнения ГПК РФ соответствующими процессуальными нормами.

В частности, в решении Первомайского районного суда г. Омска суд, принимая соглашение о признании обстоятельств, подписанное, среди прочих, третьим лицом, не заявляющим самостоятельных требований, фактически применяет по аналогии (в рамках гражданского процесса) положения арбитражного процессуального законодательства. В данном случае это способствовало скорейшему окончанию обособленного спора, возникшего в рамках дела о банкротстве, где конкурсный управляющий выступал от имени должника при заключении соглашения по обстоятельствам дела [Решение Первомайского районного суда г. Омска, 2025].

Кроме того, заключение соглашения по фактическим обстоятельствам дела может существенно упростить для гражданина процесс доказывания, особенно в случае фактической утраты им доказательства. В гражданском процессе встречаются ситуации, когда сторона в подтверждение фактов не может представить письменное или иное доказательство в силу его потери (например, в случаях пожара, кражи, истечения срока хранения, недобросовестного поведения контрагента, уничтожившего документ). В таких случаях гражданин оказывается в затруднительном положении, поскольку обязанность доказывания лежит на нем, а возможности получить дубликат или восстановить то или иное доказательство у него не имеется. Между тем противоположная сторона в соглашении может признать то или иное обстоятельство еще до или вне судебного заседания в том числе под условием признания другой стороной также какого-то обстоятельства. Однако отсутствие в законе признания за такими соглашениями последствий в виде освобождения от доказывания фактов, в них содержащихся, может демотивировать стороны от их заключения. Тогда остается надеяться на признание другой стороны в судебном заседании. Нельзя также исключать того, что та или иная сторона может не желать одностороннего признания факта, например, опасаясь, что такое признание будет истолковано судом как признание иска (требования) в целом. Именно соглашение по фактическим обстоятельствам в этих ситуациях может стать действенным процессуальным инструментом, позволяющим заинтересованному лицу в итоге получить защиту в реальности нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса.

Стороны могут зафиксировать в письменном соглашении факт, который был подтвержден утраченным доказательством, и представить такое соглашение в суд. Суд, приняв соглашение, освободит сторону от обязанности доказывания данного обстоятельства, что позволит восстановить баланс интересов и вынести решение на основе действительных, но не подтвержденных другими доказательствами (кроме признания) фактов. Таким образом, соглашение по фактическим обстоятельствам выполняет не только оптимизационную, но и правовосстановительную функцию, защищая права добросовестных участников гражданского оборота в ситуации, когда формальное следование принципу состязательности привело бы к неправильному разрешению дела.

Более того, Информационное письмо ВАС РФ от 22 декабря 2005 года № 99 [Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 99, 2005] прямо разъясняет, что

соглашение по фактическим обстоятельствам дела может быть отозвано одной из сторон, в случае если заключение такого соглашения носит ошибочный характер: «Стороны или одна из сторон не лишены возможности в судебном заседании, в котором исследуются доказательства по делу, сообщить суду (до объявления председательствующим в арбитражном суде первой инстанции рассмотрения дела по существу законченным) о том, что соглашение о признании обстоятельств является ошибочным. Это сообщение, а также ранее подписанное сторонами соглашение о признании обстоятельств оцениваются судом наряду с другими доказательствами, исходя из положений ст. 71 АПК РФ». В случае закрепления в ГПК РФ возможности заключения соглашения по фактическим обстоятельствам дела возможность отказа от него в рамках дальнейшего после представления указанного соглашения суду рассмотрения гражданского дела также должна быть сохранена.

Представляется, что отсутствие в ГПК РФ соглашения по фактическим обстоятельствам при наличии норм в АПК РФ и КАС РФ не имеет рационального обоснования. Главный контраргумент против введения этого института в гражданский процесс — риск установления судом недостоверных фактов, что противоречило бы принципу объективной истины. Однако те же опасения не помешали законодателю закрепить данное соглашение в КАС РФ, где публично-правовой характер спора и обязанность суда по активному установлению объективной истины выражены даже сильнее, чем в гражданском процессе. Если двустороннее признание фактов допустимо в административном судопроизводстве с усиленным контролем со стороны суда, то его внедрение в гражданский процесс является логичным шагом для устранения неоправданной асимметрии процессуального регулирования.

Вместе с тем, учитывая особенности субъектного состава участников гражданского процесса (участие граждан, которые не всегда обладают юридическими знаниями, не являются профессиональными участниками и не всегда могут осознавать последствия совершаемых ими процессуальных действий), представляется целесообразным предусмотреть в ГПК РФ особый, отличный от арбитражного судопроизводства порядок принятия судом признанных в результате достигнутого соглашения обстоятельств. Он должен способствовать усилению гарантий прав сторон.

Это требуется в силу того, что, несмотря на существенных различий между односторонним признанием факта и двусторонним соглашением по фактическим обстоятельствам, в гражданском процессе появляется дополнительный риск, связанный с множественностью субъектов волеизъявления в таком соглашении. Так, в случае достижения соглашения, особенно вне рамок судебного заседания, на суд возлагается обязанность проверить не только волю одной стороны (как это происходит в случае признания факта), а согласованную волю двух и более лиц, которая могла быть сформирована под влиянием недобросовестных действий (например, заключение соглашения с целью сокрытия юридически значимых фактов, затрагивающих права третьих лиц). Граждане, не обладающие специальными юридическими познаниями, могут не осознавать правовых последствий подписываемого соглашения, путая его, например, с медиативным или мировым соглашением.

В отличие от арбитражного процесса, где допускается направление суду соглашения по фактическим обстоятельствам и удостоверяющих его письменных заявлений, в гражданском процессе следовало бы закрепить обязательное присутствие сторон для подтверждения соглашения о фактах которые в нем изложены. Помимо всего прочего, необходимо возложить на суд соответствующую обязанность по разъяснению участникам соглашения по фактическим обстоятельствам дела процессуальных последствий заключения таких соглашений.

Помимо этого, сегодня ученые-процессуалисты все чаще говорят о усилении роли и значения подготовки дела к судебному разбирательству при рассмотрении и разрешении гражданских дел. В частности, Е.Г. Стрельцова обращает внимание на то, что суды на этапе подготовки дела к судебному разбирательству должны активно содействовать сторонам в заключении процессуальных соглашений [Стрельцова, 2026]. Представляется, что соглашение по фактическим обстоятельствам дела является одним из тех соглашений, которое может быть заключено уже на этапе подготовки дела к судебному разбирательству и принято в предварительном судебном заседании.

Кроме того, исходя из субъектного состава участников административного судопроизводства, в котором одной из сторон во всяком случае является гражданин, необходимо распространить выработанное в указанной статье правило об обязательном присутствии сторон в судебном заседании (в предварительном судебном заседании) в рамках заключения соглашения по фактическим обстоятельствам дела по правилам КАС РФ.

Указанное правило позволит суду непосредственно в судебном заседании выяснить вопрос о том, может ли соглашение быть принято: не противоречит ли оно обстоятельствам дела, не направлено ли на сокрытие определенных фактов, не совершено ли под влиянием обмана, насилия, угрозы или заблуждения. Личное присутствие участников соглашения даст суду возможность разъяснить им правовые последствия заключения соглашения, убедиться в добровольности и осознанности их волеизъявления, что особенно важно при рассмотрении дел с участием граждан. Такой подход усилит гарантии прав участников процесса и нивелирует риски, связанные с возможным злоупотреблением правом или ошибками, вызванными отсутствием юридической квалификации.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы. Во-первых, между односторонним признанием факта и двусторонним соглашением по фактическим обстоятельствам дела отсутствует сущностная разница: все выделяемые в доктрине различия (такие, как форма, характер волеизъявления, объем полномочий представителя, момент и место совершения процессуального действия, объект) носят не сущностный характер и во-многом обусловлены лишь количеством участвующих в волеизъявлении лиц, тогда как в обоих случаях суд освобождает стороны от доказывания при условии отсутствия пороков воли и нарушения прав других лиц, что позволяет квалифицировать соглашение по фактическим обстоятельствам как двустороннее (многостороннее) признание фактов. Во-вторых, в современном российском цивилистическом процессе сложилась неоправданная асимметрия правового регулирования: институт соглашения по фактическим обстоятельствам закреплён в АПК РФ и КАС РФ, но отсутствует в ГПК РФ, вследствие чего участники арбитражного и административного судопроизводства обладают более широкими возможностями по упрощению процесса доказывания по сравнению с участниками гражданского процесса, что противоречит тенденции к унификации цивилистического процессуального законодательства. В-третьих, практическая востребованность института подтверждается как применением судами в рамках гражданского судопроизводства аналогии закона при рассмотрении гражданских дел, так и его правовосстановительной функцией, позволяющей сторонам фиксировать юридически значимые факты при утрате доказательств, что особенно актуально для граждан, не являющихся

профессиональными участниками. В-четвертых, учитывая особенности субъектного состава гражданского процесса (участие граждан, которые не всегда обладают юридическими знаниями), введение соглашения по фактическим обстоятельствам в ГПК РФ необходимо осуществить с особыми гарантиями: закрепить обязательное личное присутствие сторон в судебном заседании при заключении соглашения, возложить на суд обязанность по разъяснению правовых последствий, предусмотреть возможность заключения соглашения на этапе подготовки дела к судебному разбирательству (в предварительном судебном заседании), а также распространить аналогичные правила (с обязательным присутствием) на административное судопроизводство по правилам КАС РФ, где одной из сторон также является гражданин. В-пятых, отсутствие в ГПК РФ исследуемого института порождает неоправданные различия в правовых возможностях сторон в зависимости от вида судопроизводства, тогда как его законодательное закрепление станет важным шагом на пути к формированию единого цивилистического процесса, устранил существующую асимметрию в объеме процессуальных прав участников арбитражного и гражданского судопроизводства и будет способствовать более справедливому, эффективному и быстрому разрешению частноправовых конфликтов при сохранении необходимого уровня защиты прав граждан.

Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05.05.1995 № 70-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 19. Ст. 1709. (утратил силу).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 836. (утратил силу).
4. Бурцев И.О. Соглашения по фактическим обстоятельствам дела как основание для освобождения от доказывания // Вестник гражданского процесса. 2025. № 3. С. 200-216. DOI: 10.24031/2226-0781-2025-15-3-200-216.
5. Ватаманюк В.О. Соглашение о глобальном урегулировании споров // Вестник гражданского процесса. 2022. № 2. С. 183.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
7. Иванова Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект. Москва: Статут, 2020. 180 с.
8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 99 «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 3.
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
10. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова и др. ; под ред. В.В. Яркова. 4-е изд. Москва: Статут, 2020. 1071 с.
11. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.Л. Дегтярев и др. ; под ред. В.В. Яркова. Москва: Статут, 2016. 1295 с.
12. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ. 2014. № 124(1).
13. Кузнецов С.А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. 1534 с.
14. Кулакова В.Ю. Проблемы теоретической обоснованности и практической применимости правила ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10. С. 18-26.
15. Михайлова Е.В. К проблеме правовой природы «процессуальных соглашений» // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 144-151.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. Санкт-Петербург: Ленинградское изд-во, 2012. 1357 с.

17. Опалев Р.О. Пассивное поведение стороны спора как основание считать признанными обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 76-88.
18. Параскевиди М.А. Признание факта как результат примирительных процедур в современном цивилистическом процессе России // Юридическая наука. 2026. № 2. С. 219.
19. Плешанов А.Г. Систематизация норм о примирительных процедурах и ее основные параметры (по Федеральному закону от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 178-199. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-178-199.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении» от 19.12.2003 № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.
21. Решение Первомайского районного суда города Омска от 04.08.2025 по делу № 2-157/2025 (УИД 55RS0005-01-2024-006839-89).
22. Решение Суда по интеллектуальным правам от 25.11.2021 по делу № СИП-147/2021.
23. Рожкова М.А. Материальные и процессуальные соглашения, поименованные в арбитражном процессуальном кодексе РФ // Хозяйство и право. 2004. № 1. С. 53.
24. Стрельцова Е.Г. Полномочия суда при подготовке дела к судебному разбирательству. Выступление на III Международной научной конференции памяти проф. М.К. Треушникова «Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее». Москва, 06 февраля 2026 г.
25. Султанов А.Р. Формализм гражданского процесса и стандарты справедливого правосудия // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 73-93.
26. Тряпочкин Н.А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы : монография. Москва: Статут, 2024. 122 с.
27. Устав гражданского судопроизводства. Проект. Санкт-Петербург, 1864. 27, VII, 230 с.
28. Шеменева О.Н. Признание и соглашение по обстоятельствам дела в гражданском и арбитражном процессе : монография. Москва: Инфотропик Медиа, 2021. 224 с.
29. Шеменева О.Н. Признание сторонами обстоятельств и соглашение по обстоятельствам гражданского дела: проблема разграничения // Хозяйство и право. 2010. № 6 (401). С. 95-101.
30. Юдин А. Молчание - знак согласия? // ЭЖ-Юрист. 2010. № 41. С. 5.
31. Яковлев В.Ф. Интернет-конференция «Новые задачи арбитражной системы России». ГАРАНТ.РУ. 2002. URL: <http://www.garweb.ru/conf/vas/20021218>.

Agreement on the Actual Circumstances of the Case in the Modern Civil Process of Russia: Correlation with Admission of Fact and Prospects for Normative Consolidation in the Civil Procedure Code of the Russian Federation

Mark A. Paraskevidi

Postgraduate Student,
Assistant of the Department of Civil and Administrative
Proceedings named after M.S. Shakaryan,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Paraskevidi@mail.ru

Abstract

The article analyzes the essence and legal nature of the agreement on the actual circumstances of the case, enshrined in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. The author examines the evolution of procedural agreements in Russian law, starting from the Charter of Civil Procedure of 1864, and examines in detail the doctrinal criteria for distinguishing a bilateral agreement on the actual

circumstances of the case from a unilateral admission of fact. Based on a critical analysis of the positions of procedural law scholars, a conclusion is drawn about the absence of essential differences between these procedural institutions, which, among other things, substantiates the need for the unification of the norms of civil procedural codes. The author argues for the expediency of introducing the institution of agreement on actual circumstances into the Civil Procedure Code of the Russian Federation, provides examples from judicial practice demonstrating the application of analogy of law in this matter, and also proposes a special procedure for the court to accept such an agreement in civil proceedings with the strengthening of the court's control functions to protect the rights of citizens who do not possess special legal knowledge. In addition, a conclusion is drawn about the need to extend this approach regarding agreements on the actual circumstances of the case to administrative proceedings as well.

For citation

Paraskevidi M.A. (2026) Soglasheniye po fakticheskim obstoyatel'stvam dela v sovremennom tsivilisticheskom protsesse Rossii: sootnosheniye s priznaniyem fakta i perspektivy normativnogo zakrepleniya v GPK RF [Agreement on the Actual Circumstances of the Case in the Modern Civil Process of Russia: Correlation with Admission of Fact and Prospects for Normative Consolidation in the Civil Procedure Code of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 431-443. DOI: 10.34670/AR.2026.72.80.047

Keywords

Agreement on actual circumstances, admission of fact, relief from proof, procedural agreement, unification of procedural legislation, dispositiveness, optimization of legal proceedings.

References

1. Burcev, I. O. (2025). Soglasheniya po fakticheskim obstoyatel'stvam dela kak osnovaniye dlya osvobozhdeniya ot dokazyvaniya [Agreements on the actual circumstances of the case as a basis for exemption from proof]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, (3), 200-216. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2025-15-3-200-216>
2. Ivanova, E. A. (2020). *Soglasheniya v sfere grazhdanskoy yurisdiktsii: protsessualno-pravovoy aspekt* [Agreements in the sphere of civil jurisdiction: Procedural and legal aspect]. Statut.
3. Kulakova, V. Yu. (2011). Problemy teoreticheskoy obosnovannosti i prakticheskoy primenimosti pravila ch. 3.1 st. 70 APK RF [Problems of theoretical validity and practical applicability of the rule of Part 3.1 of Article 70 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, (10), 18-26.
4. Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2008). *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Norint; Rpol klassik.
5. Mikhaylova, E. V. (2019). K probleme pravovoy prirody "protsessualnykh soglasheniy" [On the problem of the legal nature of "procedural agreements"]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (2), 144-151.
6. Opalev, R. O. (2012). Passivnoye povedeniye storony spora kak osnovaniye schitat priznannymi obstoyatel'stva, vkhodyashchiye v predmet dokazyvaniya po delu [Passive behavior of a party to a dispute as a basis for considering the circumstances included in the subject of proof in the case as recognized]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, (2), 76-88.
7. Ozhegov, S. I. (2012). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Leningradskoye izd-vo.
8. Paraskevidi, M. A. (2026) Priznaniye fakta kak rezultat primiritelnykh protsedur v sovremennom tsivilisticheskom protsesse Rossii [Recognition of a fact as a result of conciliation procedures in the modern civil procedure of Russia]. *Yuridicheskaya nauka*, (2), 219.
9. Pleshanov, A. G. (2020). Sistematizatsiya norm o primiritelnykh protsedurakh i eye osnovnyye parametry (po Federalnomu zakonu ot 26 iyulya 2019 g. № 197-FZ) [Systematization of norms on conciliation procedures and its main parameters (according to Federal Law No. 197-FZ of July 26, 2019)]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, (4), 178-199. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-4-178-199>

10. Reshetnikova, I. V. (2016). Commentary to Article 65. In D. B. Abushenko, K. L. Branovitskiy, S. L. Degtyarev et al., *Kommentariy k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii (postateynny, nauchno-prakticheskiy)* [Commentary to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (article-by-article, scientific-practical)] (V. V. Yarkov, Ed.). Statut.
11. Reshetnikova, I. V. (2020). Commentary to Article 70. In A. V. Absalyamov, D. B. Abushenko, A. I. Bessonova et al., *Kommentariy k Arbitrazhnomu protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynny)* [Commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article)] (4th ed., V. V. Yarkov, Ed.). Statut.
12. Rozhkova, M. A. (2004). Materialnyye i protsessualnyye soglasheniya, poimenovannyye v arbitrazhnom protsessualnom kodekse RF [Material and procedural agreements named in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation]. *Khozyaystvo i pravo*, (1), 53.
13. Shemeneva, O. N. (2010). Priznaniye storonami obstoyatelstv i soglasheniye po obstoyatelstvam grazhdanskogo dela: problema razgranicheniya [Recognition of circumstances by the parties and agreement on the circumstances of a civil case: the problem of differentiation]. *Khozyaystvo i pravo*, 6(401), 95-101.
14. Shemeneva, O. N. (2021). *Priznaniye i soglasheniye po obstoyatelstvam dela v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Recognition and agreement on the circumstances of the case in civil and arbitration proceedings]. Infotropik Media.
15. Streletsova, E. G. (2026, February 6). *Polnomochiya suda pri podgotovke dela k sudebnomu razbiratelstvu* [Powers of the court in preparing a case for trial]. Paper presented at the III International Scientific Conference in Memory of Prof. M. K. Treushnikov "The Doctrine of Civil Procedure: Present and Future", Moscow, Russia.
16. Sultanov, A. R. (2012). Formalizm grazhdanskogo protsessa i standarty spravedlivogo pravosudiya [Formalism of civil procedure and standards of fair justice]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, (3), 73-93.
17. Tryapochkin, N. A. (2024). *Sudebnoye priznaniye v tsivilisticheskoy protsesse: teoreticheskiye problemy* [Judicial recognition in civil procedure: theoretical problems]. Statut.
18. Vatamanyuk, V. O. (2022). Soglasheniye o globalnom uregulirovanii sporov [Agreement on global dispute resolution]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, (2), 183.
19. Yakovlev, V. F. (2002). *Novyye zadachi arbitrazhnoy sistemy Rossii* [New tasks of the arbitration system of Russia]. Garant.ru. <http://www.garweb.ru/conf/vas/20021218>
20. Yudin, A. (2010). Molchaniye - znak soglasiya? [Silence is a sign of consent?]. *EZh-Yurist*, (41), 5.

УДК 347.941.5

DOI: 10.34670/AR.2026.88.32.048

Идентификация электронных доказательств в арбитражном процессе

Цеховской Андрей Валерьевич

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр-т, 80Г;
e-mail: a.tsehovskoy@ya.ru

Аннотация

В настоящей работе автор анализирует проблемы идентификации электронных доказательств. На практике в судах все чаще поднимаются вопросы определения достоверности и допустимости доказательств, представляемых сторонами спора, в электронном виде. И если с традиционными документами на бумажном носителе у судов вопросы возникают крайне редко, то работа с доказательствами, физически не существующими, нередко вызывает сложности.

Для цитирования в научных исследованиях

Цеховской А.В. Идентификация электронных доказательств в арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 444-449. DOI: 10.34670/AR.2026.88.32.048

Ключевые слова

Электронные доказательства, арбитражный процесс, письменные доказательства, информационные технологии, аутентификация, метаданные, цепочка сохранности.

Введение

Цифровизация экономического оборота трансформировала доказательственную базу арбитражных споров, расширив массив письменных доказательств за счет электронных сообщений, файлов и машиночитаемых записей. При этом ключевой проблемой правоприменения выступает идентификация (аутентификация) электронных доказательств: установление их происхождения, авторства, целостности и неизменности с тем, чтобы суд мог признать такие сведения относимыми, допустимыми и достоверными. Российская процессуальная модель опирается на технологическую нейтральность и принцип свободной оценки доказательств, интегрируя электронные материалы в категорию письменных доказательств, тогда как американская система формализовала требования аутентификации и самоудоверения электронных записей в рамках Федеральных правил доказывания (FRE), подкрепив их прецедентной практикой и доктриной.

Цель статьи: системно изложить подходы к идентификации электронных доказательств в арбитражном процессе РФ, сопоставить их с американскими стандартами, выявить пробелы и предложить решения, обеспечивающие единообразие и предсказуемость правоприменения.

Основная часть

В отечественной доктрине электронные доказательства рассматриваются как подкатегория письменных доказательств, отличающаяся цифровой формой фиксации и визуализации сведений, но подчиняющаяся общим процессуальным критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности [Нахова, 2018].

Идентификация электронных доказательств предполагает установление:

- источника и авторства (отправитель/создатель, техническое устройство);
- целостности и неизменности содержимого (сопоставление хэш-сумм, журналов событий, контрольных копий);
- истории обработки и передачи (цепочка сохранности, метаданные о создании/изменении);
- связи с контекстом коммуникации (корреспонденция, заголовки писем, сетевые атрибуты - IP, домен, время).

Для достижения указанных целей идентификации специалисты и, что примечательно, в том числе судьи, прибегают к использованию нижеследующих инструментов:

- метаданные (EXIF-формат для изображений, свойства офисных документов, системные временные метки; поля заголовков электронной почты, Message-ID, DKIM/DMARC/SPF) [NIST FIPS 180-4, 2015; Garner, 2014, с. 1178-1179];
- криптографические хэш-идентификаторы (MD5/SHA-256) - для проверки неизменности копий [Ball, 2005];
- логи приложений/серверов, сведения провайдеров связи, системные журналы (event logs);

Судебная практика подчеркивает, что метаданные - существенный, но не самодостаточный источник аутентификации: их доказательная сила зависит от подтверждения первичного носителя, исключения искажений при копировании и технической верификации цепочки сохранности.

И в этой связи существенным аспектом для идентификации и верификации электронного доказательства является способ фиксации такового. Отечественной бюрократии знаком и привычен формат представления изображений в формате фототаблицы. По существу такой

формат представляет собой размещение изображений (снимков) в документе формата WORD с указанием соответствующих идентификационных подписей.

И такой формат фиксации информации – один из наиболее верных способов представить суду доказательство, которое последний отвергнет. Метаданные файла как один из значимых идентификаторов электронного доказательства при подобном способе фиксации фактически уничтожается: суд лишен возможности идентифицировать представленные в фототаблице изображения из-за того, что визуализироваться будут только метаданные графического редактора (офисного программного обеспечения), в который такие изображения были интегрированы.

Например, АС Московского округа в постановлении № Ф05-6754/2024 от 06.05.2024 поддержал позиции нижестоящих судов о том, что заключение фотографий в фототаблицу лишает возможности для суда идентифицировать метаданные файла: привязки к местности, дату изготовления, авторство и т.д.

Аналогично принятие судом электронных доказательств без предварительного анализа метаданных с высокой долей вероятности приведет к отмене судебного акта вышестоящими судами по основанию неполной оценки обстоятельств дела и вынесения судебного акта на основе доказательств, не имеющих доказательственного значения. Такие выводы сделал, например, АС Восточно-Сибирского округа № Ф02-6256/2023 от 28.12.2023.

Иными словами, надлежащая непосредственная проверка электронных доказательств судом в их первичном (исходном) состоянии требует исследования в том числе с применением соответствующих технических средств именно в той конфигурации и формате, в которых сведения были первоначально сформированы и существовали в обороте. Соответственно, предметом восприятия суда должны быть не производные визуализации или распечатки, а цифровые объекты в их нативном виде, обеспечивающем доступ к функциональным свойствам и атрибутам, присущим данному виду файлов (метаданным) [Эрзин, 2025].

Иллюстративно это проявляется при анализе электронного документа, направленного от одной стороны в адрес другой посредством системы электронного документооборота. Суд должен изучить документ как совокупность нативных файлов, составляющих один доказательственный комплекс. Указание на множественность здесь принципиально, поскольку отправка, например, в формате WORD или PDF подразумевает не только сам файл как носитель основного содержания, но и сопутствующие компоненты, такие как отдельные контейнеры с квалифицированными электронными подписями участников, метаданные файлов, которые должны соотноситься с данными, встроенными в электронную подпись, иные прикреплёния, образующие неразрывную структурную целостность представленного электронного доказательства. Именно доступ к полному набору этих элементов позволяет проверить целостность, аутентичность и юридическую значимость электронного документа в рамках судебного исследования.

Таким образом, в настоящее время в отечественной доктрине и судебной практике вырабатываются определенные положительные тенденции в вопросе проработки критериев идентификации электронных доказательств. В том числе суды все чаще уделяют внимание метаданным файлов как одному из важных, пусть и не универсальных, идентификаторов документа, что позволяет осуществлять наиболее полную проверку представленного в суд доказательства на предмет его допустимости, относимости и достоверности.

В качестве примера для сравнения с отечественной доктриной и практикой существенный интерес вызывает опыт США по вопросам идентификации электронных доказательств в рамках

судебного разбирательства.

В США в качестве базового нормативного каркаса выступают Федеральные правила доказывания (FRE), признающие информацию, сохраняемую в электронной форме (ESI), объектом доказательственной оценки и задающие критерии ее аутентификации и допустимости.

Сама по себе нормативная база, посвященная процедурным аспектам идентификации электронных доказательств, в Америке представляет собой лишь набор наиболее общих правил, что характерно для страны англо-саксонской правовой системы. В свою очередь, подобная общность компенсируется судебными прецедентами и доктриной.

FRE определяют основу допустимости и аутентификации ESI:

- Rule 401 (Relevance) и Rule 403 (Excluding Relevant Evidence for Prejudice) - базовые фильтры относимости [Federal Rules of Evidence];
- Rule 901 (Requirement of Authentication) - необходимость достаточно доказать, что доказательство является тем, чем заявлено (включая электронные записи) [Federal Rules of Evidence];
- Rule 902(11)–(13) - самоудостоверяющиеся записи (бизнес-записи); Rule 902(13) - записи, сформированные электронным процессом/системой; Rule 902(14) - данные, скопированные с электронного устройства/хранилища, подтвержденные квалифицированным лицом посредством хэш-идентификаторов [Federal Rules of Evidence].

Прецеденты систематизировали подходы к аутентификации электронных доказательств. В деле *Lorraine v. Markel* суд детально изложил дорожную карту допустимости ESI: релевантность, аутентификация, исключение слухов (hearsay) либо применение исключений, оригинальность (Best Evidence Rule), и баланс по Rule 403 [Lorraine v. Markel American Insurance Co., 2007].

Заключение

Резюмируя изложенное выше, идентификация электронных доказательств - задача, требующая сочетания технологической грамотности и строгих процессуальных стандартов. Для Российской модели, которая квалифицирует электронные доказательства как подвид письменных, видится целесообразным и даже необходимым институционализировать методы аутентификации (метаданные, хэш-проверки, цепочка сохранности) и выработать ясные презумпции и правила, снижающие неопределенность.

Сравнение с США показывает пользу доктринальных рекомендаций и гибкого подхода к регулированию, в том числе с опорой на формирующуюся судебную практику. Нормативное признание метаданных как ключевого признака электронного документа, усиление процессуальных гарантий их сохранности и корректной интерпретации, а также развитие компетенций правоприменителя - необходимое условие единообразной и справедливой судебной практики в информационную эпоху.

Библиография

1. Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве / Е.А. Нахова // Закон. – 2018. – № 4. – С. 81-90.
2. Эрзин Д.А. Принцип непосредственности и источник электронных доказательств / Д.А. Эрзин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2025. – № 2 (126). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip->

neposredstvennosti-i-istochnik-elektronnyh-dokazatelstv .

3. Ball C. Metadata in Litigation / C. Ball // Law Technology News. – 2005. – URL: <https://craigball.net/> .
4. Federal Rules of Evidence: Rules 401, 403, 901, 902(11)-(14). – URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_901 ; https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_902 .
5. Garner B.A. Black's Law Dictionary / B.A. Garner. – 10th ed. – St. Paul, MN : Thomson Reuters, 2014. – C. 1178-1179.
6. Lorraine v. Markel American Insurance Co., 241 F.R.D. 534 (D. Md. 2007). – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/241/534/2509170/> (.
7. NIST FIPS 180-4: Secure Hash Standard (SHS). – Gaithersburg, MD : National Institute of Standards and Technology, 2015. – URL: <https://csrc.nist.gov/publications/detail/fips/180/4/final> .

Identification of Electronic Evidence in Arbitration Proceedings

Andrei V. Tsekhovskoi

Postgraduate Student,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
125190, 80G, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.tsehovskoy@ya.ru

Abstract

In this work, the author analyzes the problems of identifying electronic evidence. In practice, courts are increasingly raising issues of determining the reliability and admissibility of evidence presented by the parties to a dispute in electronic form. While with traditional paper documents courts rarely have questions, working with evidence that physically does not exist often causes difficulties.

For citation

Tsekhovskoi A.V. (2026) Identifikatsiya elektronnykh dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse [Identification of Electronic Evidence in Arbitration Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 444-449. DOI: 10.34670/AR.2026.88.32.048

Keywords

Electronic evidence, arbitration proceedings, written evidence, information technologies, authentication, metadata, chain of custody.

References

1. Ball, C. (2005). Metadata in Litigation. *Law Technology News*. <https://craigball.net/>
2. Erzin, D. A. (2025). Printsip neposredstvennosti i istochnik elektronnykh dokazatel'stv [The principle of immediacy and the source of electronic evidence]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 2(126). [https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-neposredstvennosti-i-istochnik-elektronnyh-dokazatel'stv](https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-neposredstvennosti-i-istochnik-elektronnyh-dokazatelstv)
3. Federal Rules of Evidence: Rules 401, 403, 901, 902(11)-(14). (n.d.). LII/Cornell. https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_901 ; https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_902
4. Garner, B. A. (2014). *Black's Law Dictionary* (10th ed.). Thomson Reuters.
5. Lorraine v. Markel American Insurance Co., 241 F.R.D. 534 (D. Md. 2007). <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/241/534/2509170/>
6. Nakhova, E. A. (2018). Problemy primeneniya elektronnykh dokazatel'stv v tsivilisticheskom protsesse i administrativnom sudoproizvodstve [Problems of using electronic evidence in civil procedure and administrative

-
- proceedings]. *Zakon*, (4), 81-90.
7. NIST FIPS 180-4: Secure Hash Standard (SHS). (2015). National Institute of Standards and Technology. <https://csrc.nist.gov/publications/detail/fips/180/4/final>
8. Tsekhovskoi, A. V. (2026) *Identifikatsiya elektronnykh dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse* [Identification of electronic evidence in arbitration proceedings]. [Manuscript].

УДК 347.941.5

DOI: 10.34670/AR.2026.13.53.049

Использование метаданных для идентификации электронных доказательств в арбитражном процессе

Цеховской Андрей Валерьевич

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр-т, 80Г;
e-mail: a.tsehovskoy@ya.ru

Аннотация

В настоящей работе автор анализирует специфический реквизит электронных доказательств — метаданные. В условиях стремительной цифровизации общества, постепенного ухода от бумажного документооборота в пользу электронного обмена документами, в судебных процессах между субъектами экономических отношений все чаще появляются доказательства, не имеющие физического носителя. Если подходы к идентификации традиционных письменных доказательств за сотни лет можно назвать сформированными достаточно, то к вопросу проверки допустимости и достоверности сведений, запечатленных в электронных документах, суды подходят неоднозначно. В науке на текущем этапе также нет единого подхода к вопросу идентификации электронных доказательств, и автор посредством представления настоящего труда изъявляет желание внести свою лепту в формирование такого подхода.

Для цитирования в научных исследованиях

Цеховской А.В. Использование метаданных для идентификации электронных доказательств в арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 450-455. DOI: 10.34670/AR.2026.13.53.049

Ключевые слова

Электронные доказательства, арбитражный процесс, метаданные, письменные доказательства, информационные технологии, аутентификация, цепочка сохранности.

Введение

Метаданные служат для электронного доказательства таким же идентификатором, как, например, для письменного доказательства на бумаге – цвет чернил, почерк автора, тип бумаги и так далее. По своей сути метаданные – совокупность уникальных, присущих каждому электронному доказательству черт, которые позволяют идентифицировать его среди прочих, узнать дату изготовления и автора.

Не может вызывать сомнений, что термин «Метаданные» пришел в отечественную науку и практику из-за рубежа. А оттого автор видит наиболее корректным обратиться к англоязычным источникам за поиском дефиниции. Далее будет приведено определение термину «метаданные» из юридического словаря Блэка: *«вторичные данные, посредством которых организуется, управляется и облегчается использование и понимание основных данных»* [Garner, 2014, с. 2052].

Впрочем, существует и отечественное определение данного термина.

В Национальном стандарте «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (утвержден Приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст): *«данные, описывающие контекст, содержание, структуру документов, обеспечивающие управление документами в информационной системе»*.

Основная часть

Правовой режим охраны и обращения с метаданными фактически пребывает в зоне нормативной неопределенности, представляющей собой наименее регламентированную область между общими предписаниями об информации, персональных данных и тайне связи и отсутствием специальных правил для технических атрибутов электронных файлов [Кильдеев, 2021, с. 34]. Такая неопределенность обусловлена, по меньшей мере, следующими обстоятельствами:

- Высокая сложность предмета регулирования: метаданные тесно связаны с низкоуровневыми техническими процессами создания, хранения, передачи и преобразования цифровых объектов. Их структура вариативна, зависит от формата файла, приложений и операционных систем, а интерпретация требует специализированных знаний, что затрудняет формулирование ясных, универсальных нормативных критериев защиты и допустимости доступа.
- Недостаточная мотивация участников технологического рынка к институциональному регулированию: разработчики программных продуктов и платформ, по общему правилу, не заинтересованы в жесткой стандартизации и правовой формализации метаданных, поскольку это влечет дополнительные издержки на внедрение требований, усложняет пользовательский опыт, может ограничить функциональность и повысить ответственность за сохранность и прозрачность технических атрибутов. В результате индустриальные практики остаются фрагментарными и ненадлежащим образом соотносятся с публично-правовыми ожиданиями.

В совокупности указанные факторы поддерживают состояние нормативной размытости и затрудняют выстраивание целостного режима защиты метаданных как специфического вида

электронных сведений. Это, в свою очередь, порождает риски для участников гражданского оборота и для судебного доказывания: метаданные могут быть изъяты, изменены или уничтожены без надлежащих гарантий, их доказательственное значение — неправильно интерпретировано, а баланс между интересами правоприменения и защитой информационных прав — нарушен.

С точки зрения процессуальной оценки в судебном разбирательстве метаданные — это, как правило, электронные доказательства, описывающие характеристики, источник, способы использования и валидность иных электронных сведений.

Метаданные, по общему правилу, имеет любой электронный файл. Анализ таковых делает возможным для познающего лица установить сведения, нередко имеющие критическое значение для судебного разбирательства. Так, анализ метаданных позволяет установить автора электронного документа, на каком устройстве таковой был создан, в какое время (с точностью до секунды) и, в ряде случаев, когда устройство создателя документа подключено к системе GPS, точные или относительные географические координаты создания документа [Смирнов, 2025]. Более того, если электронный файл был отредактирован — это тоже отразится в метаданных. Они сохраняют все вышеперечисленные реквизиты в том числе применительно к каждой редакции электронного файла.

Доктринальные источники выделяют следующие категории метаданных [Дубровина, 2022, с. 215]:

- Основные. Сопровождают электронный документ при копировании и перемещении между устройствами, сохраняя базовые характеристики файла и программного обеспечения, в котором он был создан.
- Системные. Отражают динамику жизненного цикла документа на уровне операционной системы и файловой структуры, включая временные метки создания, модификации, доступа, атрибуты прав и др.
- Встроенные. Скрытые сведения, «упакованные» внутри самого файла (например, EXIF-данные изображений, поля свойств офисных документов, журналы правок), обладающие наибольшей практической значимостью для установления подлинности и выявления вмешательств.

Проблема использования метаданных в качестве судебного доказательства в российской юрисдикции осложняется отсутствием специальной нормативной регламентации механизма их исследования и оценки. В действующем законодательстве не закреплены детализированные критерии относимости и допустимости метаданных, не определен порядок их получения, сохранения и представления в процессуально корректной форме. Тем не менее правоприменительная практика постепенно формирует подходы к восприятию метаданных как доказательства.

Например, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 29.06.2023 № Ф09-2410/23 по делу № А76-30740/2021 сформулированы существенные ориентиры оценки электронных доказательств, особенно в тех случаях, когда их достоверность оспаривается участниками процесса.

Суд подчеркнул, копирование / распространение электронной информации, равно как и перемещение данных с одного накопителя информации на другой способно модифицировать сопутствующие метаданные (в частности, даты создания и изменения). Это, в свою очередь, отводит на второй план рассмотрение вопроса точной даты создания электронного

доказательства: отвечать на этот вопрос попросту бессмысленно в отсутствие достоверных данных о его цепочке происхождения. Одних лишь метаданных конечного файла недостаточно.

Из изложенного судебного постановления следует ряд выводов:

- Метаданные — существенный, но не самодостаточный критерий оценки электронных доказательств; их доказательственная сила зависит от подтвержденной цепочки сохранности, идентификации первичного носителя и результатов специализированной технической проверки.
- Вопрос точных дат, авторства и атрибуции электронного файла не может решаться исключительно на основе метаданных без учета технологического контекста и возможных трансформаций при копировании или переносе.

В условиях недостаточной нормативной детализации представляется обоснованным рекомендовать усиление требований к фиксации метаданных в рамках процедур, призванных обеспечить устойчивость цифровых доказательств.

В частности, для повышения надежности фиксации электронных доказательств целесообразно обращаться к нотариусу. Нотариальный осмотр электронного доказательства видится как надежный способ фиксации последнего при условии, что нотариус отражает в протоколе не только формальный процесс обзора содержания электронного доказательства, но и его метаданных. Отражение в протоколе осмотра (фиксации) электронного доказательства метаданных последнего позволяет устранить множество сомнений в достоверности сведений, содержащихся в электронном доказательстве. Рекомендуется в том числе фиксировать: тип и версию файла, временные метки создания/изменения/доступа (с указанием часового пояса и источника времени), идентификаторы устройства (модель, серийный номер, версия ОС), параметры сети (IP-адрес, доменное имя), хэш-суммы и иные технические атрибуты.

Заключение

Надлежащее документирование метаданных не отменяет принцип свободной оценки доказательств, но создает более прочную основу для процессуальной проверки достоверности и целостности электронных материалов, облегчает назначение и проведение судебных компьютерно-технических экспертиз, а также снижает риск принятия ошибочных решений из-за некорректной интерпретации цифровых атрибутов.

Необходимо, однако, учитывать и кадрово-методический аспект: рост значимости метаданных требует от юристов и судей специальных компетенций в сфере цифровых технологий. Практикующим специалистам необходимо понимать природу и структуру метаданных, уметь организовывать их безопасный сбор и представление, а также корректно использовать их в доказательственной стратегии — как для опровержения материалов, представленных оппонентом, так и для подтверждения своей позиции.

И, наконец, важно подчеркнуть принципиальную ограниченность метаданных как инструмента идентификации: они подвержены изменению, частичной утрате и уничтожению, зависят от внешней среды и могут быть намеренно модифицированы. Поэтому их исследование должно сопровождаться тщательной верификацией технологической цепочки, а при необходимости — назначением судебной экспертизы.

Библиография

1. Бахтеев Д. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами / Д. В. Бахтеев, Е. В. Смахин // Российский юридический журнал. – 2019. – № 6. – С. 61-68.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов : в 3 т. Т. 2 / Р. С. Белкин. – Москва : Юристъ, 2001. – 464 с.
3. Голубцов В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия / В. Г. Голубцов // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 170-188.
4. Дубровина А.А. Практика применения метаданных как электронных доказательств в отечественном и зарубежном гражданском процессе / А.А. Дубровина // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 9А. – С. 213-221. – DOI: 10.34670/AR.2022.38.99.068.
5. Кильдеев Р.Р. Понятие метаданных и их конституционная защита / Р.Р. Кильдеев // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – № 3 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-metadannyh-i-ih-konstitutsionnaya-zaschita>.
6. Смирнов В. Метаданные электронных документов / В. Смирнов // ECM-Journal.ru. – URL: <https://ecm-journal.ru/post/>.
7. Garner B.A. Metadata / B.A. Garner // Black's Law Dictionary. – Thomson West, 2014

The Use of Metadata for the Identification of Electronic Evidence in Arbitration Proceedings

Andrei V. Tsekhovskoi

Postgraduate Student,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
125190, 80G, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.tsehovskoy@ya.ru

Abstract

In this paper, the author analyzes a specific requisite of electronic evidence — metadata. In the context of the rapid digitalization of society and the gradual transition from paper document flow to electronic document exchange, evidence that does not have a physical medium appears increasingly often in court proceedings between subjects of economic relations. While approaches to the identification of traditional written evidence over hundreds of years can be considered sufficiently developed, courts approach the issue of verifying the admissibility and reliability of information recorded in electronic documents ambiguously. In science at the current stage, there is also no unified approach to the issue of identifying electronic evidence, and the author, through the presentation of this work, expresses a desire to contribute to the formation of such an approach.

For citation

Tsekhovskoi A.V. (2026) Ispol'zovaniye metadannykh dlya identifikatsii elektronnykh dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse [The Use of Metadata for the Identification of Electronic Evidence in Arbitration Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 450-455. DOI: 10.34670/AR.2026.13.53.049

Keywords

Electronic evidence, arbitration proceedings, metadata, written evidence, information technology, authentication, chain of custody.

References

1. Bakhteev, D. V., & Smakhtin, E. V. (2019). Kriminalisticheskiye osobennosti proizvodstva protsessual'nykh deystviy s tsifrovymi sledami [Forensic features of procedural actions with digital traces]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (6), 61-68.
2. Belkin, R. S. (2001). *Kurs kriminalistiki* [Course of forensic science] (Vol. 2). Yurist.
3. Dubrovina, A. A. (2022). Praktika primeneniya metadannykh kak elektronnykh dokazatel'stv v otechestvennom i zarubezhnom tsivilisticheskom protsesse [Practice of using metadata as electronic evidence in domestic and foreign civil procedure]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 12(9A), 213-221. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.38.99.068>
4. Garner, B. A. (2014). Metadata. In *Black's Law Dictionary*. Thomson West.
5. Golubtsov, V. G. (2019). Elektronnyye dokazatel'stva v kontekste elektronnoy pravosudiya [Electronic evidence in the context of electronic justice]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, (1), 170-188.
6. Kil'deev, R. R. (2021). Ponyatiye metadannykh i ikh konstitutsionnaya zashchita [The concept of metadata and its constitutional protection]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 3(59). <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-metadannyh-i-ih-konstitutsionnaya-zaschita>
7. Smimov, V. (2025). Metadannyye elektronnykh dokumentov [Metadata of electronic documents]. *ECM-Journal.ru*. <https://ecm-journal.ru/post/>
8. Tsekhovskoi, A. V. (2026) *Ispol'zovaniye metadannykh dlya identifikatsii elektronnykh dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse* [Use of metadata for the identification of electronic evidence in arbitration proceedings]. [Manuscript].

УДК 341

DOI: 10.34670/AR.2026.87.18.050

Обязанность государств по предотвращению трансграничного экологического ущерба в контексте экономической деятельности: позиция международных органов

Алиев Натиг Маариф оглы

Аспирант,
Самарский государственный экономический университет,
443090, Российская Федерация, Самара, ул. Советской Армии, 141;
e-mail: natig.aliev2012@yandex.ru

Аннотация

В данной статье исследуется международно-правовая обязанность государств по предотвращению трансграничного экологического ущерба, причиняемого экономической деятельностью. Анализируются доктринальные подходы, нормативная база, включая принципы и конкретные международные договоры, а также проблемы имплементации. Особое внимание уделяется роли международных судебных органов в формировании и интерпретации данной обязанности. В заключение предлагаются пути совершенствования нормативно-правового регулирования для усиления эффективности предотвращения трансграничного ущерба.

Для цитирования в научных исследованиях

Алиев Н.М. Обязанность государств по предотвращению трансграничного экологического ущерба в контексте экономической деятельности: позиция международных органов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 456-461. DOI: 10.34670/AR.2026.87.18.050

Ключевые слова

Трансграничный ущерб, экономическая деятельность, предотвращение, окружающая среда, международно-правовое регулирование, ответственность, международные судебные органы, транснациональные корпорации, экологическая безопасность.

Введение

Активная хозяйственная деятельность государств, будучи двигателем глобального экономического развития, одновременно порождает один из наиболее острых вызовов современности – риск причинения трансграничного ущерба окружающей среде. Проблема трансграничного загрязнения подрывает основы национального суверенитета и требует согласованных международных ответных мер. Основанием в данной сфере является обязанность государств предотвращать такой ущерб. Данная обязанность, проистекающая из древнейшего принципа «пользуйся своим так, чтобы не вредить другому», получила закрепление в ряде ключевых международных документов и была развита в практике международных судов и арбитражей. Несмотря на это, ее реализация на практике сталкивается с существенными трудностями, связанными с пробелами в регулировании, проблемами доказывания и недостаточной эффективностью механизмов ответственности.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ обязанности государств по предотвращению трансграничного экологического ущерба от экономической деятельности, исследование позиции международных судебных органов и выработка предложений по преодолению существующих проблем.

Основная часть

В научной доктрине международного экологического права обязанность государств по предотвращению трансграничного ущерба является общепризнанной. Однако авторы по-разному акцентируют ее аспекты, включая основания ответственности, распределение бремени доказывания и соотношение ответственности государства и частных субъектов.

Как отмечает Н.Ш. Гаджиалиева, международное право возлагает на государство ответственность за нарушение обязанности предотвращать трансграничный ущерб окружающей природной среде, возникший в результате экономической деятельности на его территории или под его юрисдикцией [Гаджиалиева и др., 2025]. При этом непосредственная ответственность за компенсацию причиненного вреда, как правило, возлагается на само лицо, осуществлявшее экономическую деятельность. Такой дуализм в распределении ответственности отражает комплексный характер международного экологического права: государство несет международно-правовую ответственность за невыполнение своих обязательств по регулированию и контролю, в то время как частный субъект – гражданско-правовую ответственность за непосредственное причинение вреда.

Тщательный анализ источников международного экологического права позволяет выделить два основных вида нормативных предписаний, различающихся по своей юридической силе и механизму действия. Во-первых, это обязательное право, которое включает международные договоры (как двусторонние, так и многосторонние), международно-правовые обычаи, формирующиеся в результате устойчивой практики государств, признаваемой ими в качестве правовой нормы, а также единогласно принятые резолюции международных организаций, которые могут фиксировать общепризнанные принципы или интерпретировать существующие обязательства. Договоры, такие как упомянутые выше Конвенция по морскому праву или Парижское соглашение, создают юридически связывающие обязательства для государств-участников, а их нарушение влечет международно-правовую ответственность.

Во-вторых, существует обширный пласт рекомендательного права, представленного декларациями, резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, руководящими принципами, кодексами поведения и итоговыми документами международных конференций. Их ключевая роль заключается в том, что они формируют повестку, задают векторы развития национального законодательства и, что особенно важно, служат катализатором для кристаллизации новых норм обычного международного права. Именно в документах рекомендательного права, таких как Стокгольмская декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 года (в особенности принцип 21, провозглашающий суверенное право государств на использование своих ресурсов и ответственность за ущерб за их пределами) и Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года (принцип 2, развивающий и подтверждающий этот постулат), рассматриваемая обязанность предотвращать трансграничный ущерб была впервые четко сформулирована в качестве руководящего политико-правового принципа. Последующее многократное подтверждение этого принципа в международных договорах и национальном законодательстве привело к тому, что сегодня он признан в доктрине и практике (включая решения Международного Суда ООН) в качестве полноценной нормы обычного международного права, обязательной для всех государств, независимо от их участия в конкретных конвенциях.

Несмотря на относительно развитую и разветвленную нормативную базу, система предотвращения трансграничного экологического ущерба и привлечения к ответственности за его причинение сталкивается с рядом серьезных структурных проблем, существенно снижающих ее эффективность. Как верно и обоснованно отмечается в современных международно-правовых исследованиях, ключевой недостаток заключается в том, что в международном праве «отсутствует четкий механизм определения и привлечения к ответственности» за экологический ущерб. Это создает ситуацию правовой неопределенности, когда наличие материальной нормы, запрещающей вред, не подкреплено процессуальным механизмом ее реализации.

Существующие режимы ответственности носят преимущественно отраслевой, фрагментированный и узконаправленный характер. Классическим примером является Брюссельская конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 года (и последующие протоколы к ней), которая создает детализированный механизм ответственности судовладельцев, но исключительно для разливов нефти с танкеров. Аналогичные секторальные режимы существуют в ядерной сфере (Венская и Парижская конвенции), при перевозке опасных грузов и т.д. Однако за пределами этих узких секторов — например, при загрязнении от наземных источников, трансграничном загрязнении воздуха промышленными предприятиями или утрате биоразнообразия в результате хозяйственной деятельности — универсального режима ответственности не существует. Это создает серьезные правовые пробелы и многократно затрудняет для пострадавших государств, а тем более частных лиц, получение компенсации за причиненный ущерб. Бремя доказывания причинно-следственной связи ложится на истца, а в отсутствие договорных процедур спор приходится решать либо по общим принципам международного права (что крайне сложно), либо в национальных судах государства-причинителя, где правовые стандарты могут быть неблагоприятными для иностранца.

Кроме того, в текстах многих ключевых природоохранных соглашений нового поколения, включая Парижское соглашение по климату, сознательно отсутствуют действенные механизмы

принуждения к исполнению обязательств и санкции за их невыполнение. Разработчики таких соглашений исходят из принципа гибкости и суверенитета, делая ставку на транспарентность, отчетность и взаимный обзор, а не на юридически обязывающие санкции. Однако в отсутствие реальных штрафных механизмов или возможности обращения в суд за защитой, эффективность таких соглашений ставится в зависимость исключительно от доброй воли государств и внутрисполитического давления.

В свете обозначенных проблем одной из наиболее актуальных задач современного международного экологического права является разработка и принятие под эгидой Организации Объединенных Наций или Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) Рамочной конвенции о гражданской ответственности за трансграничный экологический ущерб. Необходимость такого документа назрела давно, и его принятие могло бы стать прорывным шагом в обеспечении экологической справедливости.

Такой универсальный документ должен решить ряд ключевых задач. Во-первых, установить универсальные, сквозные принципы ответственности, которые применялись бы ко всем видам деятельности, потенциально создающим риск значительного трансграничного ущерба, независимо от его источника (промышленность, энергетика, сельское хозяйство), заполняя тем самым существующие отраслевые пробелы. Во-вторых, конвенция должна четко определить критерии «значительного ущерба», отделяя его от незначительных воздействий и устанавливая порог, при превышении которого возникает ответственность и обязанность компенсации.

Критически важным элементом должна стать унификация стандартов доказывания причинно-следственной связи. Учитывая сложность современных экологических процессов, часто невозможно с абсолютной точностью проследить путь загрязнителя от источника до пострадавшего объекта. Конвенция могла бы ввести облегченные стандарты доказывания, например, использование научно обоснованных презумпций или распределение бремени доказывания таким образом, чтобы оператор потенциально опасного объекта должен был опровергать предположение о том, что именно его деятельность стала причиной ущерба. Наконец, документ должен существенно упростить процедуру доступа к правосудию для пострадавших физических и юридических лиц, предоставив им право напрямую обращаться с исками в национальные суды государства-причинителя или в специализированный международный орган, а также обеспечить признание и исполнение вынесенных решений на территории всех государств-участников. Создание такого универсального режима ответственности стало бы логическим завершением долгого пути от декларативных принципов Стокгольма и Рио к действенному и справедливому механизму защиты окружающей среды и прав пострадавших.

Экономическая деятельность, несущая риск трансграничного ущерба, часто осуществляется частными субъектами, в первую очередь ТНК, которые могут действовать через сложные цепочки дочерних компаний в разных юрисдикциях. Действующее международное право возлагает основное бремя регулирования на государство территории деятельности, но не устанавливает прямых международных обязательств для самих корпораций [Бросалина, 2024].

Инициирование переговоров по международному договору о транснациональных корпорациях и других предприятиях в области прав человека и окружающей среды. Это позволит дополнить государственную ответственность корпоративной и закрыть существующие правовые лакуны.

Обязанность государств по предотвращению трансграничного экологического ущерба от

экономической деятельности прочно утвердилась в современном международном праве. Она основана на фундаментальных принципах, получила закрепление в универсальных и региональных договорах и была авторитетно подтверждена и детализирована в практике международных судебных органов. Тем не менее, нормативно-правовая база и механизмы ее реализации требуют дальнейшего развития. Пробелы в регулировании ответственности и контроля над деятельностью транснациональных корпораций ослабляют эффективность всей системы [Касаткин, 2025].

Заключение

Предлагаемые меры – разработка Рамочной конвенции о гражданской ответственности и международного договора, регулирующего обязанности ТНК, – направлены на создание более целостного, предсказуемого и справедливого правового режима. Их реализация будет способствовать не только более эффективному предотвращению трансграничного ущерба и компенсации за причиненный вред, но и достижению целей устойчивого развития, обеспечивая баланс между экономическими интересами и экологической безопасностью в глобальном масштабе.

Библиография

1. Бросалина А.А. (2024). Баланс публичных и частных интересов в осуществлении экологической функции государства и обеспечении экологической безопасности: теоретико-правовые аспекты. *Актуальные проблемы государства и права*, 2, 98–103.
2. Гаджиалиева Н.Ш., Аллахвердиев И.М., Баталов Р.С. (2025). Влияние экологического законодательства на защиту прав на землю и разрешение земельных споров. *Human Progress*, 5, 34–47.
3. Касаткин А.В. (2025). Освоение Северного морского пути: соотношение экологических и экономических интересов государства. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*, 1, 100–115.
4. Устав Организации Объединенных Наций. (1945). Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций.

Duty of States to Prevent Transboundary Environmental Harm in the Context of Economic Activities: Position of International Bodies

Natig M. Aliev

Postgraduate Student,
Samara State University of Economics,
443090, 141, Sovetskoy Armii str., Samara, Russian Federation;
e-mail: natig.aliev2012@yandex.ru

Abstract

This article examines the international legal obligation of states to prevent transboundary environmental harm caused by economic activities. Doctrinal approaches, the normative framework, including principles and specific international treaties, as well as implementation problems, are analyzed. Special attention is paid to the role of international judicial bodies in the formation and interpretation of this obligation. In conclusion, ways to improve legal and regulatory regulation to enhance the effectiveness of preventing transboundary harm are proposed.

For citation

Aliev N.M. (2026) Obyazannost' gosudarstv po predotvrashcheniyu transgranichnogo ekologicheskogo ushcherba v kontekste ekonomicheskoy deyatel'nosti: pozitsiya mezhdunarodnykh organov [Duty of States to Prevent Transboundary Environmental Harm in the Context of Economic Activities: Position of International Bodies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 456-461. DOI: 10.34670/AR.2026.87.18.050

Keywords

Transboundary harm, economic activity, prevention, environment, international legal regulation, liability, international judicial bodies, transnational corporations, environmental security.

References

1. Brosalina, A.A. (2024). Balans publicnykh i chastnykh interesov v osushchestvlenii ekologicheskoy funktsii gosudarstva i obespechenii ekologicheskoy bezopasnosti: teoretiko-pravovye aspekty [Balance of public and private interests in the implementation of the environmental function of the state and ensuring environmental security: theoretical and legal aspects]. *Actual problems of state and law*, 2, 98–103.
2. Gadzhialieva, N.Sh., Allakhverdiev, I.M., & Batalov, R.S. (2025). Vliyanie ekologicheskogo zakonodatel'stva na zashchitu prav na zemlyu i razreshenie zemel'nykh sporov [The impact of environmental legislation on the protection of land rights and the resolution of land disputes]. *Human Progress*, 5, 34–47.
3. Kasatkin, A.V. (2025). Osvoenie Severnogo morskogo puti: sootnoshenie ekologicheskikh i ekonomicheskikh interesov gosudarstva [Development of the Northern Sea Route: correlation of environmental and economic interests of the state]. *Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law"*, 1, 100–115.
4. Charter of the United Nations. (1945). New York: United Nations.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.28.17.051

Особенности правового регулирования срочного трудового договора в КНР: история и современные тенденции

Басова Полина Сергеевна

Аспирант,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: basova_polina@bk.ru

Аннотация

В статье рассматривается эволюция правового регулирования срочных трудовых договоров в Китайской Народной Республике с момента перехода государства к рыночной экономике. Анализируются причины перехода от пожизненного найма к рыночной модели и последующие изменения, направленные на стабилизацию трудовых отношений. Особое внимание уделяется анализу Закона о трудовых договорах 2008 года и судебной практике Верховного народного суда КНР 2025 года. Автор исследует проблему правовой фрагментации в различных регионах Китая и усилия судов по унификации судебной практики в целях защиты интересов работников.

Для цитирования в научных исследованиях

Басова П.С. Особенности правового регулирования срочного трудового договора в КНР: история и современные тенденции // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 462-468. DOI: 10.34670/AR.2026.28.17.051

Ключевые слова

Трудовой договор, трудовое право Китая, срочный трудовой договор, стабильность занятости, бессрочный трудовой договор.

Введение

Становление и развитие современного трудового права КНР представляет собой сложный путь поиска баланса между задачами экономического роста и обеспечением социальной стабильности. После 1949 года страна отказалась от прежней правовой системы и прошла этап плановой экономики с характерной для нее системой пожизненного найма. Переход к рыночной модели привел к повсеместному распространению срочных трудовых договоров, что выявило противоречия между гибкостью рынка труда и защитой прав работников. В качестве реакции на указанные проблемы был принят Закон о трудовых договорах 2008 года [Labor Contract Law of the People's Republic of China, 2009]. В настоящей работе мы уделяем особое внимание развитию института срочного трудового договора в КНР.

Основная часть

В статистическом сообщении КНР о национальном экономическом и социальном развитии в 2024 году отмечается, что рынок труда в КНР, несмотря на наличие серьезных демографических вызовов, демонстрирует устойчивость [Statistical Communiqué of China, 2024]. Так, Лу Айхун, представитель Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР, на пресс-конференции отметил: «Ситуация с трудоустройством в целом оставалась стабильной» [China adds 12.56 million new urban jobs in 2024, 2024].

После основания КНР в 1949 году все законодательство прежней Китайской Республики (1911-1949) было полностью отменено в связи с революционным характером смены власти [Страшун (ред.), 2006]. С определенной долей условности можно говорить, что современное трудовое право КНР ведет отсчет с 1949 года.

В период плановой экономики структура занятости в государственном секторе ограничивалась двумя базовыми моделями. Бессрочная занятость предполагала императивное установление условий труда (размера вознаграждения, продолжительности рабочего времени и иных параметров) государственными органами. Временная занятость допускала диспозитивность в определении условий по соглашению сторон. Стоит отметить, что правовой институт срочных трудовых договоров в данный период не был сформирован.

С началом реформ стал быстро развиваться частный сектор. Возник дуализм правового регулирования: государственные предприятия унаследовали систему постоянного найма, а с 1986 года начали постепенно переводить работников на срочный трудовой договор. Частные предприятия изначально в основном использовали срочные трудовые договоры.

Принятый в 1994 году Трудовой кодекс КНР был призван создать правовую основу для рыночной экономики [中华人民共和国劳动法, 2019]. Однако право работника на заключение бессрочного договора было значительно ограничено, большинство работников трудилось по срочным трудовым договорам. Защита в рамках трудового кодекса распространялась только на работников с письменным договором или неоспоримыми доказательствами наличия трудовых отношений [Wang, 2009]. Многие работодатели игнорировали требование о заключении договора, оставляя работников (особенно мигрантов) незащищенными [Li, 2010]. Дополнительным фактором слабой правовой защищенности работников стало непоследовательное правоприменение. Провинции и города создавали собственные подзаконные акты и правила, что приводило к правовой фрагментации и неравенству в уровне защиты в разных регионах страны. Господство срочной занятости на протяжении 12 лет привело

к множеству проблем: ухудшению защиты труда и занятости, дестабилизации трудовых отношений. Н. Л. Лютов отмечает: «Один из важнейших аспектов неустойчивой занятости – срочный характер трудовых отношений. Возможность уволить работника в связи с истечением срока трудового договора существенно «развязывает руки» работодателю в отношении продолжения трудовых отношений, а для самого работника трудовое правоотношение превращается в нестабильное» [Лютов, 2018].

Различные злоупотребления работодателями вызвали давление (внутреннее и частично международное) на Китай с требованием реформ. Власти осознали необходимость сочетания экономического роста с повышением «управляемости, стабильности и демократии» [Wang 2009]. Это стало политическим мотивом для совершенствования трудового законодательства. Закон о трудовых договорах 2008 года был принят с целью стабилизации трудовых отношений и изменения практики повсеместного использования срочных трудовых договоров. Отдельные положения Закона были встречены рядом возражений со стороны работодателей и некоторых ученых. С помощью нового закона пытались обеспечить переход от доминирования срочной занятости к большей стабильности. По мнению Ли, специалиста из Аньхойского Университета, ключом к пониманию трудового права КНР в рассматриваемый период является осознание, что страна находилась на начальной стадии индустриализации [Li, 2010]. Он отмечает, что современная система трудового права КНР в условиях рыночной экономики очень молода (Li, 2010). Изначально (в ТК 1994 года) краткосрочный трудовой договор считался благоприятным для обеспечения экономического роста. Закон о трудовом договоре, по мнению ученого, представляет собой корректировку курса после выявления негативных последствий. Признавая отдельные положительные аспекты срочной занятости, ученый задается вопросом, будет ли ее применение в будущем настолько ограничено Законом о трудовом договоре и последующей практикой, что бессрочный договор станет абсолютно доминирующей формой, как в период плановой экономики, но в условиях рынка [Li, 2010]. Возможно, будет определен новый баланс между гибкостью (для работодателя) и защищенностью для работника.

Согласно действующему трудовому законодательству, в КНР существует три основных вида трудовых договоров, каждый из которых имеет свои особенности заключения, изменения и прекращения [Филипова, 2020; Даурбеков, 2018; Даурбеков, 2017]. В соответствии со статьей 12 Закона КНР о трудовом договоре, трудовые договоры включают в себя трудовые договоры на определенный срок, бессрочные трудовые договоры и трудовые договоры, срок действия которых истекает по завершении выполнения определенного объема работ.

В соответствии со статьей 13 Закона КНР о трудовом договоре под срочным трудовым договором понимается договор, дата окончания которого согласована между работодателем и работником. Работодатель и работник могут заключить срочный трудовой договор, достигнув согласия в ходе консультаций.

Статья 14 Закона о трудовом договоре КНР направлена на обеспечение стабильности занятости, поскольку она ограничивает право работодателя на неограниченное количество продлений срочных договоров. В соответствии с указанной статьей под бессрочным трудовым договором понимается договор, в котором работодатель и работник договорились не указывать конкретную дату окончания. Работодатель и работник заключают трудовой договор при достижении согласия в ходе консультаций. В рассматриваемой статье названы также обязательные условия заключения бессрочных трудовых договоров. Во-первых, бессрочный трудовой договор заключается, если работник работает у данного работодателя в течение 10 или более лет подряд. Во-вторых, если работник работает в организации непрерывно в течение 10

или более лет, но до достижения установленного законом пенсионного возраста осталось менее 10 лет, когда работодатель вводит систему трудовых договоров или когда государственное предприятие вынуждено заключить с ним новый трудовой договор в результате реструктуризации. В-третьих, бессрочный трудовой договор заключается, если работник намерен продлить трудовой договор после того, как он дважды подряд заключил с работодателем трудовой договор на определенный срок.

Отметим, что основные дискуссии в рассматриваемом вопросе ведутся вокруг баланса между защитой прав работников и гибкостью рынка труда, необходимой для экономического роста. Так, некоторые ученые считают, что основной ценностью системы бессрочных трудовых договоров является ограничение права работодателя на увольнение, с тем чтобы работники могли получить безопасную и стабильную работу (Се, 2018). Данное право можно кратко охарактеризовать как право на безопасность занятости (*employment security*). Такая система способствует повышению предсказуемости для работника, долгосрочным инвестициям в человеческий капитал и долгосрочному планированию развития как работника, так и работодателя, а также благоприятствует гармонии и стабильности трудовых отношений. Кроме того, система помогает, регулируя действия работодателя по увольнению, предотвращать его произвольные действия и защищать работников от несправедливого обращения и необоснованных рисков безработицы.

Верховный Народный Суд КНР 1 августа 2025 года провел Конференцию в пресс-центре All-Media с целью официального опубликования разъяснения Верховного Народного Суда по некоторым вопросам, касающимся применения закона при рассмотрении дел о трудовых спорах, а также шесть показательных дел [China: Supreme People's Court Issued their Interpretation (II), 2025]. Интерпретация была принята судебным комитетом Верховного народного суда на 1942-ом заседании и вступила в силу 1 сентября 2025 года. Основная цель принятия указанных разъяснений заключается в том, чтобы найти баланс между гибкостью работодателя и защитой работников, уделяя особое внимание стабильности занятости и справедливым трудовым практикам. Отметим, что подход Суда к современным проблемам труда и социального обеспечения является комплексным. В данном вопросе Суд придерживается трех основных принципов: приоритет стабильности, защита основных прав работников, обеспечение справедливого отношения. Отметим, что научное сообщество еще не дало своей квалифицированной оценки указанным изменениям. Однако практикующие юристы полагают, что данное толкование знаменует собой значительный прогресс в трудовом законодательстве, поскольку оно учитывает последние изменения в сфере трудовых отношений, решает практические проблемы, возникающие при рассмотрении судами трудовых споров, и направлено на унификацию различных практик по всей стране [New Interpretations from China's Supreme People's Court, 2025]. Интерпретация определяет, что именно необходимо рассматривать в качестве «двух последовательных срочных трудовых договоров». К таким ситуациям относятся договоры, заключенные более чем на один год, автоматическое продление договоров или попытки работодателя обойти закон путем ротации сторон договора в филиалах или иными недобросовестными действиями.

Таким образом, современный этап развития срочной занятости, характеризуется дальнейшим усилением защиты интересов работников и адаптацией трудового права к вызовам цифровой экономики и старения населения.

В связи с задачей унификации практики рассмотрения трудовых споров в судах по всей

стране, необходимо отметить, что ранее она существенно различалась между регионами, такими как Шанхай, Пекин и Гуанчжоу. Отметим, что Шанхай исторически занимал более либеральную позицию по отношению к работодателям (Li, 2010). Местные трудовые арбитражные суды и суды общей юрисдикции считали, что обязанность заключить трудовой договор на неопределенный срок после двух сроков возникает только в том случае, если работодатель *намерен* (курсив мой. — П.Б.) продолжать отношения. Это позволяло шанхайским компаниям просто уведомлять работников о прекращении отношений по истечении второго срока или любого последующего фиксированного срока, выплачивая стандартное выходное пособие. Можно выделить две основные точки зрения, которые отражены в Заключениях по сложным трудовым спорам Верховного народного суда Шанхая. Первая (ее придерживается большинство) заключается в том, что работодатель должен пойти на встречу работнику, если тот после двух срочных договоров просит о бессрочном трудовом договоре. Вторая заключается в том, что работодатель все равно может принять решение не продлевать договор. Известно об одном случае, когда местный суд в районе Минхан признал отказ работодателя продлить договор незаконным и обязал его выплатить экономическую компенсацию вместо выходного пособия. Необходимо отметить, что данное решение не является обязательным для других судов. Однако, на наш взгляд, оно может говорить о тенденциях развития современной судебной практики. По мнению специалистов, рано или поздно Шанхай присоединится к остальной части страны [Shanghai Courts Reconsider Employment Contract Renewals, 2025].

Заключение

Таким образом, развитие трудового права в КНР характеризуется постепенным переходом от доминирования срочных трудовых договоров к усилению защиты занятости. В частности, данные выводы можно сделать из содержания статьи 14 Закона о трудовых договорах 2008 года и последующих судебных разъяснений. На современном этапе отчетливо прослеживается стремление обеспечить стабильность трудовых отношений, адаптируя законодательство и судебную практику к новым экономическим и демографическим условиям.

Библиография

1. Даурбеков А. С. Содержание трудового договора в Китае // Социально-политические науки. – 2018. – № 4. – С. 147–150.
2. Даурбеков А. С. Становление и развитие трудового договора в Китае // Труд и социальные отношения. – 2017. – Т. 28. – № 1. – С. 128–136.
3. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть : Учебник для вузов / рук. авт. колл. и отв. ред. д.ю.н., проф. Б.А. Страшун. – 2-е изд., обновл. и дораб. – М. : Норма, 2006. – С. 725–770.
4. Лютов Н. Л. Срочный трудовой договор как инструмент неустойчивой занятости: многократное перезаключение и возможность заключения с научно-педагогическими работниками // Трудовое право в России и за рубежом. – 2018. – № 4. – С. 18–21.
5. Филипова И. А. Международное и национальное трудовое право : учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2020. – С. 38–43.
6. China adds 12.56 million new urban jobs in 2024, employment situation stable. – Text : electronic // english.gov.cn : [website]. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202501/22/content_WS6790481cc6d0868f4e8ef0d8.html (accessed: 01.02.2026).
7. China: Supreme People's Court Issued their Interpretation (II) on Several Issues Concerning the Application of Law in the Trial of Labour Dispute Cases. – Text : electronic // leglobal.law : [website]. – URL: <https://leglobal.law/2025/09/23/china-supreme-peoples-court-issued-their-interpretation-ii-on-several-issues->

- concerning-the-application-of-law-in-the-trial-of-labour-dispute-cases/ (accessed:01.02.2026).
8. Labor Contract Law of the People's Republic of China. – Text : electronic // npc.gov.cn : [website]. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2009-02/20/content_1471106.htm (accessed:05.02.2026).
 9. Li K. Practice and problems: the fixed-term employment contract in China // Regulation of Fixed-Term Employment Contracts: a comparative overview. – 2010. – P. 127-142.
 10. New Interpretations from China's Supreme People's Court: What Multinational Employers Need to Know. – Text : electronic // morgan lewis : [website]. – URL: <https://www.morganlewis.com/pubs/2025/09/new-interpretations-from-chinas-supreme-peoples-court-what-multinational-employers-need-to-know> (accessed:01.02.2026).
 11. Shanghai Courts Reconsider Employment Contract Renewals: Time to Reassess Termination Strategy. – Text : electronic // rplawyers : [website]. – URL: <https://www.rplawyers.com/key-developments-for-fixed-term-contract-renewals-in-shanghai/> (accessed:01.02.2026).
 12. Statistical Communiqué Of The People's Republic Of China On The 2024 National Economic And Social Development. – Text : electronic // National Bureau of Statistics of China : [website]. – URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202502/t20250228_1958822.html (accessed:01.02.2026).
 13. Wang J. T. Article 14 of China's new Labor Contract Law: using open-term contracts to appropriately balance worker protection and employer flexibility // Pac. Rim L. & Pol'y J. – 2009. – Vol. 18. – P. 432-462.
 14. 中华人民共和国劳动法 [Трудовой кодекс КНР]. – Текст : электронный // npc.gov.cn : [сайт]. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2019-01/07/content_2070261.htm (дата обращения: 04.02.2026).
 15. 谢曾毅. 无固定期限劳动合同的价值及其规制路径 —— 以《劳动合同法》第 14 条为中心 [Се Цзэнъи. Ценность бессрочных трудовых договоров и механизмы их ограничения: на примере статьи 14 «Закона о трудовом договоре»]. – Текст : электронный // Сравнительное правоведение (比较法研究). – 2018. – № 4. – URL: <https://lawyeredu.pkulaw.cn> (дата обращения: 04.02.2026).

Features of Legal Regulation of Fixed-Term Employment Contracts in the People's Republic of China: History and Current Trends

Polina S. Basova

Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: basova_polina@bk.ru

Abstract

The article examines the evolution of legal regulation of fixed-term employment contracts in the People's Republic of China from the moment of the state's transition to a market economy. The reasons for the transition from lifetime employment to a market model and subsequent changes aimed at stabilizing labor relations are analyzed. Special attention is paid to the analysis of the Labor Contract Law of 2008 and the judicial practice of the Supreme People's Court of the PRC of 2025. The author explores the problem of legal fragmentation in various regions of China and the efforts of the courts to unify judicial practice in order to protect the interests of workers.

For citation

Basova P.S. (2026) Osobennosti pravovogo regulirovaniya srochnogo trudovogo dogovora v KNR: istoriya i sovremennyye tendentsii [Features of Legal Regulation of Fixed-Term Employment Contracts in the People's Republic of China: History and Current Trends]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 462-468. DOI: 10.34670/AR.2026.28.17.051

Keywords

Employment contract, labor law of China, fixed-term employment contract, employment stability, permanent employment contract.

References

1. Daurbekov, A.S. (2018). Soderzhanie trudovogo dogovora v Kitae [The content of the employment contract in China]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-Political Sciences], (4), 147–150.
2. Daurbekov, A.S. (2017). Stanovlenie i razvitie trudovogo dogovora v Kitae [The formation and development of the employment contract in China]. *Trud i sotsial'nye otnosheniia* [Labour and Social Relations], 28(1), 128–136.
3. Strashun, B.A. (Ed.). (2006). *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. Osobennia chast': Uchebnik dlia vuzov* [Constitutional (state) law of foreign countries. Special part: A textbook for universities] (2nd ed., updated and rev.). Moscow: Norma. (pp. 725–770).
4. Liutov, N.L. (2018). Srochnyi trudovoi dogovor kak instrument neustoichivoi zaniatosti: mnogokratnoe perezakliuchenie i vozmozhnost' zakliucheniia s nauchno-pedagogicheskimi rabotnikami [The fixed-term employment contract as a tool for precarious employment: multiple renewals and the possibility of conclusion with academic teaching staff]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labour Law in Russia and Abroad], (4), 18–21.
5. Filipova, I.A. (2020). *Mezhdunarodnoe i natsional'noe trudovoe pravo: uchebnoe posobie* [International and national labour law: a textbook] (2nd ed., rev. and enl.). Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet. (pp. 38–43).
6. english.gov.cn. (2025, January 22). *China adds 12.56 million new urban jobs in 2024, employment situation stable*. Retrieved February 1, 2026, from https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202501/22/content_WS6790481cc6d0868f4e8ef0d8.html
7. leglobal.law. (2025, September 23). *China: Supreme People's Court Issued their Interpretation (II) on Several Issues Concerning the Application of Law in the Trial of Labour Dispute Cases*. Retrieved February 1, 2026, from <https://leglobal.law/2025/09/23/china-supreme-peoples-court-issued-their-interpretation-ii-on-several-issues-concerning-the-application-of-law-in-the-trial-of-labour-dispute-cases/>
8. npc.gov.cn. (2009, February 20). *Labor Contract Law of the People's Republic of China*. Retrieved February 5, 2026, from http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2009-02/20/content_1471106.htm
9. Li, K. (2010). Practice and problems: the fixed-term employment contract in China. In *Regulation of Fixed-Term Employment Contracts: a comparative overview* (pp. 127–142).
10. Morgan Lewis. (2025, September). *New Interpretations from China's Supreme People's Court: What Multinational Employers Need to Know*. Retrieved February 1, 2026, from <https://www.morganlewis.com/pubs/2025/09/new-interpretations-from-chinas-supreme-peoples-court-what-multinational-employers-need-to-know>
11. rplawyers. (n.d.). *Shanghai Courts Reconsider Employment Contract Renewals: Time to Reassess Termination Strategy*. Retrieved February 1, 2026, from <https://www.rplawyers.com/key-developments-for-fixed-term-contract-renewals-in-shanghai/>
12. National Bureau of Statistics of China. (2025, February 28). *Statistical Communiqué Of The People's Republic Of China On The 2024 National Economic And Social Development*. Retrieved February 1, 2026, from https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202502/t20250228_1958822.html
13. Wang, J.T. (2009). Article 14 of China's new Labor Contract Law: using open-term contracts to appropriately balance worker protection and employer flexibility. *Pacific Rim Law & Policy Journal*, 18, 432–462.
14. npc.gov.cn. (2019, January 7). *Zhonghua Renmin Gongheguo laodong fa* [Labour Law of the People's Republic of China]. Retrieved February 4, 2026, from http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2019-01/07/content_2070261.htm
15. Xie, Z. (2018). Wudingqi laodong hetong de jiazhi jiqi guizhi lujing: yi "Laodong hetong fa" di 14 tiao wei zhongxin [The value of open-term employment contracts and their regulatory mechanisms: focusing on Article 14 of the Labour Contract Law]. *Bijiao faxue yanjiu* [Comparative Law Studies], (4). Retrieved February 4, 2026, from <https://lawyeredu.pkulaw.cn>

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.27.16.052

Возможность рассмотрения трансграничных споров с участием потребителя в третейском (арбитражном) суде**Зарубина Эльвира Анатольевна**

Аспирант,
кафедры международного частного права,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: elvirazarubina1@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье автор исследует вопрос о допустимости рассмотрения трансграничных споров с участием потребителя в третейском суде. На основе анализа отечественной доктрины и судебной практики выделяются два подхода к решению данного вопроса. Первый подход заключается в недопустимости рассмотрения таких споров в третейском суде. Второй подход сводится к общей допустимости их рассмотрения при соблюдении определенных условий, связанных с действительностью и исполнимостью третейских соглашений. Принимая во внимание отсутствие в российском законодательстве прямых ограничений на заключение третейских соглашений с участием потребителя, автор выделяет несколько оснований, по которым третейское соглашение может быть признано недействительным или неисполнимым, а решение иностранного третейского суда — не приведено в исполнение.

Для цитирования в научных исследованиях

Зарубина Э.А. Возможность рассмотрения трансграничных споров с участием потребителя в третейском (арбитражном) суде // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 469-477. DOI: 10.34670/AR.2026.27.16.052

Ключевые слова

Договор с участием потребителя, арбитрабельность, третейское соглашение после возникновения спора, тест разумного уведомления, действительность и исполнимость третейского соглашений, электронная форма договора.

Введение

Третейское (арбитражное) разбирательство является одним из способов альтернативного разрешения споров. В отечественной доктрине неоднократно ставился вопрос о допустимости использования данного способа разрешения споров применительно к спорам, вытекающих из договора с участием потребителя [Терентьева, 2020, с. 28-44]. Возникновение указанного вопроса связано как с особенностями института третейского разбирательства, которое характеризуется *большой* диспозитивностью в виде возможности сторонами третейского соглашения обозначить компетентный третейский суд из постоянно действующих третейских учреждений или *ad hoc*, выбрать арбитров, обозначить процедуру арбитража, решить вопрос о судебных издержках.

Вопрос о допустимости рассмотрения какой-либо споров в третейском суде связывают с таким термином как арбитрабельность. Термин арбитрабельность изначально использовался в зарубежной литературе. В российском праве оно появилось в 1988 году в избранных труда С.Н. Лебедева [Туктамышев, 2024, с. 59]. Позднее в российской научной литературе под арбитрабельностью стали понимать – «свойство спора, которое позволяет ему быть предметом третейского разбирательства». Авторы выделяют два вида арбитрабельности: объективная и субъективная [Скворцов (ред.), 2010, с. 103].

Под объективной понимается круг споров, которые могут быть предметом арбитражного соглашения. К субъективной относят наличие способности у сторон заключать действительное арбитражное соглашение [Николюкин, 2009, с. 84].

Основная часть

Применительно к спорам с участием потребителей, в рамках объективной арбитрабельности можно сразу указать, что для споров с участием предпринимателей и потребителей в российском законодательстве не предусматривается запрета на передачу споров третейскому суду, а значит они являются арбитрабельными. Для некоторых видов отношений с потребителем допустимость рассмотрения споров прямо закреплена в законе. Споры, связанные с потребительским страхованием, являются арбитрабельными на основании абз. 1 ст. 35 Закона РФ № 4015-1 от 27.11.1992 «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Споры, возникшие между товаропроизводителями (поставщиками) и потребителями (покупателями), определенными государственным заказчиком, при заключении, изменении, расторжении и исполнении государственных контрактов на закупку и поставку сельскохозяйственной продукции могут быть рассмотрены третейским судом на основании Федерального закона от 02.12.1994 № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд».

В рамках субъективной арбитрабельности мы должны говорить о действительном и исполнимом третейском соглашении, заключенным с участием потребителя [Рожкова, 2017, с. 33]. Российские нормы не содержат каких-либо ограничений для заключения третейских соглашений с потребителями. Лишь по отдельным категориям споров законодательно установлен запрет на заключение соглашений о передаче споров в третейский суд только после возникновения спорных отношений между сторонами (ч. 4 ст. 13 ФЗ «О потребительском займе» от 21.12.2013 № 353-ФЗ). Для других разновидностей споров с участием потребителя таких ограничений не предусмотрено.

Стоит отметить, что до арбитражной реформы 1 сентября 2016 года к третейским соглашениям в том числе с участием потребителей применялись нормы ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ. Согласно п. 3 ст. 5 данного закона третейское соглашение условия, которого определены в договорах присоединения признавалось действительным, если оно заключено после возникновения оснований для предъявления иска. Положения, существовавшие до третейской реформы, были направлены на защиту прав присоединившейся к договору стороны путем установления ограничительного механизма признания действительности третейского соглашения только после возникновения спорных правоотношений [Определение ВС РФ № 19-В11-24, 2012]. Высший арбитражный суд РФ указывал, что включение в типовый договор с гражданами-потребителями условия о рассмотрении спора в третейском суде ущемляет права потребителя в соответствии с п. 1 ст. 16 ЗоЗПП и лишает права на выбор судебной защиты потребителя по смыслу п. 2 ст. 17 ЗоЗПП, что образует состав административного правонарушения ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ [Постановление Президиума ВАС РФ № 3364/13, 2013]. Таким образом, подход, основанный на запрете заключения третейских соглашений до возникновения спорных оснований между сторонами распространялся на все виды споров с участием потребителя, вытекающих из договоров присоединения. На сегодняшний день указанная норма не получила своего закрепления ни в ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ» от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ, ни в Законе «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 г. № 5338-1.

Отсутствие четкого подхода российского законодателя к вопросу арбитрабельности споров с участием потребителя усматривается не только исходя из анализа законодательства, но и отечественной доктрины. Анализ отечественной доктрины и судебной практики позволяет выделить две полярные точки зрения:

Позиция о недопустимости рассмотрения третейским судом потребительских споров и полного запрета включения арбитражных соглашений в потребительские договоры придерживаются ученые (Б.Р. Карабельников, И.А. Абрамов, М.А. Коровина, Е.В. Михайлова).

В частности, Б. Р. Карабельников обосновывал свою точку зрения наличием публичного интереса. Здесь стоит отметить, что публичный интерес государства может проявляться на этапе принятия решения судом о признании и исполнении решений иностранных третейских судов.

И.А. Абрамов связывал недопустимость рассмотрения таких споров в третейском суде с чрезмерными экономическими издержками потребителя.

М.А. Коровина указывает, что споры с участием потребителя подведомственны только судам общей юрисдикции (с п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»).

Е.В. Михайлова считает, что включение арбитражных оговорок в типовые банковские соглашения вовсе недопустимо, ввиду нарушения принципа диспозитивности гражданского права, исходя из правовой природы третейского соглашения как гражданско-правового договора. С последним утверждением сложно согласиться в силу неоднозначной правовой природы третейского соглашения. Некоторые авторы не рассматривают его гражданско-правовым договором, а относят к *sui generis* ввиду сочетания материального и процессуального характера таких соглашений [Ануфриева, 2006, с. 140].

Обобщая вышеприведенные точки зрения мы можем говорить, что общую допустимость рассмотрения споров с участием потребителя в третейских судах авторы связывают лишь с частичными вопросами, которые в большей степени должны относиться к условиям

действительности и исполнимости третейских соглашений. Именно такой подход отражен во второй позиции ученых о допустимости передачи рассматриваемой нами категории споров третейскому суду, но при определенных условиях. (П. Звиер, В.В. Ярков, А.Я. Курбатов, С.А. Курочкин, М.Ю. Чельшев, А.И. Минина, Л.В. Терентьева, А.В. Кузьмина, Г.Р. Гафарова, П.А. Ильичев, Д.С. Вечернин, А.Е. Кирпичев, Ю.А. Свирин, А.Ю. Яковлев) [Звиер, Ярков, 2020; Курбатов, 2023; Курочкин, 2004; Чельшев, 2011; Минина, 2014; Кузьмина, 2015; Фаткудинов (ред.), 2018; Ильичев, б.г.; Кирпичев, Свирин, Шагиева (ред.), 2024; Вечернин, Ильичев, Кирпичев, Свирин, Яковлев, 2024].

По мнению М.Ю. Чельшева споры с участием потребителя могут рассматриваться в третейском суде, но при условии снятия с потребителя статуса «слабая сторона» посредством выравнивания его положения с профессиональной стороной, а именно наделением правом потребителя свободно выражать свою волю на третейскую защиту.

Л.В. Терентьева, А.В. Кузьмина считают споры арбитрабельными, но предлагают вернуть ограничение для заключения третейских соглашений после возникновения спорного отношения. Как указано ранее до арбитражной реформы 1 сентября 2016 года к третейским соглашениям в том числе с участием потребителей применялись нормы ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ.

П.А. Ильичев считает, что включение третейских оговорок в договор с участием потребителя возможно, но при соблюдении следующих ограничительных условий: 1) споры должны рассматриваться при постоянно действующих (арбитражных) учреждениях (исключая *ad hoc*); 2) потребитель должен быть освобожден от оплаты расходов, связанных с рассмотрением спора в арбитраже; 3) место арбитража должно проходить в пределах субъекта РФ, в котором проживает потребитель.

Однако сложность обеспечения участия потребителя в третейском разбирательстве связана не только с экономическими издержками, но и с потенциальным отсутствием гарантий на беспристрастность и справедливость такого разбирательства, а также тех процессуальных прав, которые предоставляются потребителю в государственном суде и могут отсутствовать у потребителя в рамках третейского разбирательства [Терентьева, 2020, с. 28-44]. Так, Конституционный суд РФ указывал, что институт третейского разбирательства не ущемляет, а наоборот, расширяет возможности у потребителя рассмотрения гражданско-правовых споров. Для признания недействительности утраты силы и возможности исполнения судами должны учитываться обстоятельства не только к форме и содержанию арбитражного соглашения, но и те обстоятельства, которые могут ограничить доступ потребителя к правосудию, связанного с распределением расходов на рассмотрение спора в третейском суде, а также нарушения принципов законности, независимости и беспристрастности при создании и формировании конкретного третейского суда [Определение КС РФ № 1831-О, 2012].

Нарушение принципов законности, независимости и беспристрастности в рамках третейского разбирательства актуально и в эпоху действия односторонних принудительных иностранных мер (санкций) в отношении Российской Федерации. Многие российские компании столкнулись с невозможностью получения полноценной защиты и наличием ряда препятствий: от невозможности уплаты арбитражных сборов, до отказа иностранных арбитров рассматривать спор с участием российского подсанкционного лица [Гребельский, 2023, с. 28-37]. С целью защиты российских подсанкционных лиц были введены нормы в АПК РФ, позволяющие получить полноценную защиту в российской юрисдикции (ст. 241, 242 АПК РФ). Подобных механизмов защиты для потребительских споров в российском законодательстве нет.

В отсутствие процессуальных запретов на заключение с потребителями третейских соглашений мы можем говорить о наличии материальных механизмов признания недействительными условий третейского соглашения, как ущемляющих права потребителя (ст. 16 Закона о защите прав потребителя). К таковым можно отнести и условие о третейском разбирательстве в иностранном для потребителя государстве, поскольку оно лишает потребителя доступа к правосудию. В этой связи российскому потребителю целесообразнее необходимо обратиться в государственный суд с требованиями об оспаривании третейского соглашения, например, в рамках ст. 428 ГК РФ, ст. 16 ЗоЗПП.

Однако в случае, если, при обращении потребителя в государственный суд, вторая сторона заявит о действительном и исполнимом третейском соглашении, заключенном между сторонами, государственный суд будет обязан оставить исковое заявление без рассмотрения (ст. 222 ГПК РФ). В этой ситуации потребитель уже не сможет оспорить третейское соглашение.

Выявление нарушенных прав потребителя возможно на этапе признания и исполнения решений третейского суда. Гарантия защиты российского потребителя от иностранных решений, ущемляющих их права по сравнению с нормами российского правопорядка, должна существовать и в виде невозможности указания в третейских соглашениях, что решение третейского суда будет окончательным. При рассмотрении споров с участием российского потребителя иностранный третейский суд будет руководствоваться теми коллизионными нормами, которые он сочтет применимыми. Иностранный третейский суд не обязан учитывать императивные нормы страны места жительства потребителя при вынесении решений. Для потребителя как для слабой стороны договора также должен существовать государственный контроль на этапе признания и исполнения иностранных третейских решений и в части рассмотрения таких вопросов: не ущемляет ли применимое право третейским судом права и интересы потребителя, по сравнению с императивными нормами страны места его жительства.

Ключевые отличия третейского разбирательства от судебного разбирательства не знакомы потребителю. Иностранный предприниматель, формируя условия договора и включая в них оговорку о рассмотрении споров в третейском суде не информирует об этом пользователя-потребителя. Специальных требований к информированию на уровне российского законодательства не содержится. Иной подход демонстрируют некоторые страны члены ЕС. В частности, в соответствии п. 1. ст. 617 Австрийского Закона об арбитраже третейские соглашения заключаются только уже после возникновения споров. Помимо того, третейские соглашения должны представлять собой отдельный документ, подписанный потребителем лично (п. 1. ст. 617). Пункт

3 ст. 617 Закона Австрии об арбитраже предусматривает обязанность предпринимателей разъяснить потребителю до заключения третейского соглашения о различиях между арбитражным (третейским) разбирательством и разбирательством в суде.

В статье 718.1. ГПК Эстонии перечислен круг вопросов подлежащих разъяснению, среди которых: формирование арбитража, принципы ведения арбитражного разбирательства, применимые правила к арбитражному разбирательству, процедура оспаривания решения арбитражного (третейского) суда, а также информация о том, что при рассмотрении жалобы на решение арбитражного (третейского суда) государственный суд не разрешает спор по существу. Потребителю должна быть представлена информация об исполнении третейских решений. При этом вся информация должна быть представлена в виде, которую можно воспроизвести в письменной форме.

В ст. 38 Закона о защите прав потребителей Республики Вьетнам установлено, что

профессиональная сторона должна уведомить потребителя о третейском соглашении до заключения договора и уведомление должно быть принято потребителем, при этом потребитель вправе выбрать другой способ разрешения спора.

Требование об уведомлении потребителя о наличии третейской оговорки особенно актуально при присоединении потребителя к условиям пользовательских соглашений в цифровой среде. В практике судов США сформировалось специальное требование для оценки исполнимости третейских соглашений - требование о разумном уведомлении. Данное требование считается соблюденным, если лицо сформировавшее условие договора явным и заметным образом выделяет условие о третейском разбирательстве. Например, подчеркивает его другим шрифтом, выделяя ярким цветом или же устанавливает отдельную плашку, на которой высвечиваются такие условия. В решении по делу *D. Hubbert v. Dell* суд апелляционной инстанции указал, что гиперссылка на арбитражную оговорку была выделена контрастным синим шрифтом, что делало ее заметной для потребителя, тем самым арбитражная оговорка была признана исполнимой [*Hubbert v. Dell Corporation*, 2005]. В деле *Nguyen v. Barnes & Noble, Inc.* суд указал, что помимо заметности гиперссылки на странице веб-сайта, должны существовать и иные механизмы, посредством которых потребитель выразит свое согласие на соответствующие условия [*Nguyen v. Barnes & Noble, Inc.*, [www...](#)].

Применительно к российскому законодательству в электронных соглашениях целесообразнее использовать австрийский подход, предполагающий подписывать третейское соглашение в отдельном документе электронной квалифицированной подписью. Такой подход отвечает интересам не только потребителя, но и предпринимателя, поскольку он не столкнется с негативными последствиями в виде признания недействительности третейского соглашения вследствие несоблюдения его формы.

Заключение

Подводя итог вышеизложенного мы можем отметить, что споры с участием потребителя допустимо рассматривать в третейском суде, в том числе и в иностранном (если иностранный законодатель не устанавливает каких-либо изъятий). Рассмотрение споров с участием потребителя в третейском суде является еще одним способом, расширяющего возможности разрешения гражданско-правовых споров. Однако допустимость рассмотрения должна быть связана с соблюдением требований, связанных с действительностью и исполнимостью третейских соглашений. К таковым требованиям можно отнести (волеизъявление потребителя, степень информированности потребителя об институте третейского разбирательства, его отличиях от судебного разбирательства в государственном суде, разъяснение последствий, с которыми может столкнуться потребитель, экономические расходы, связанные с третейским разбирательством, наличие тех процессуальных прав и гарантий в третейском суде, которые потребитель имеет в государственном суде).

Библиография

1. Туктамышев, В.Д. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические проблемы дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3 / Туктамышев Владислав Дмитриевич. – Екатеринбург, 2024. – 254 с.
2. Курочкин С.А. и пр. Третейское разбирательство в Российской Федерации : учебное пособие / под ред. О. Ю. Скворцов. — Москва : Волтерс Клувер, 2010. — 400 с.
3. Николюкин, С.В. Международный коммерческий арбитраж : альтернативные способы разрешения споров, правовая природа арбитража, арбитражное соглашение как договор, процедура рассмотрения споров, решение

- арбитража / С. В. Николокин. - Москва : Юстицинформ, 2009. - 211 с.
4. Рожкова, М. А. Несколько замечаний применительно к статье 11 ГК РФ. 18. Правовые исследования во Франции: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. В. В. Маклакова. М., 2007. 19. Рожкова, М. А. М.: Статут, 2017. — С. 7- 36.
 5. Звиер, П., Ярков, В. В. Групповые иски в правовой истории США и России: в поисках оптимальной модели / П. Звиер, В. В. Ярков // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 1. — С. 143–197;
 6. Курбатов, А.Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: монография: А. Я. Курбатов // Юстицинформ, 2023 // СПС «Консультант Плюс»;
 7. Курочкин, С. А. Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в Российской Федерации, дисс. ... канд. юрид. наук: – Екатеринбург, 2004. – 213 с.;
 8. Чельшев, М. Ю. О третейской защите слабой стороны в правоотношении / М. Ю. Чельшев // Третейский суд, 2011, № 6 С. 98-106.
 9. Минина, А. И. Арбитрабельность теория и практика международного коммерческого арбитража. / А.И. Минина. – М. : Инфротропик Медиа, 2014. – 128 с.;
 10. Терентьева, Л.В. Арбитражные оговорки в соглашениях с участием потребителя / Л. В. Терентьева // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. – № 2. – С. 28- 44;
 11. Гребельский, А.В. Распределение бремени доказывания в делах о принятии антиисковых обеспечительных мер на основании ст. 248.2 АПК РФ / А.В. Гребельский // Вестник арбитражной практики. 2023. № 6. С. 28–37.
 12. Кузьмина, А. В. Третейские оговорки в договорах присоединения: проблемы реформирования гражданского и процессуального законодательства / А. В. Кузьмина // Закон. – 2015. – № 4. – С. 121–132;
 13. Гафарова, Г. Р. Защита прав потребителей: Учеб. пособ. под ред. З. М. Фаткудинова // Юстицинформ, 2018 // СПС КонсультантПлюс;
 14. Ильичев П. А. К вопросу о правомерности заключения арбитражного соглашения с участием потребителей. // Lex Russica. – № 12. – С. 149–156.;
 15. Кирпичев, А. Е., Свирин, Ю. А., Шагиева, Р. В., Потребительское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. Кирпичева А.Е., Свирина Ю.А., Шагиевой Р.В. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. — 495 с. Авторы главы V: Вечернин, Д. С., Ильичев, П. А., Кирпичев, А. Е., Свирин, Ю. А., Яковлев, А. Ю. С. 375- 380.
 16. Определение Верховного Суда РФ от 10.01.2012 № 19-В11-24 // СПС «Консультант Плюс»
 17. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.09.2013 № 3364/13 по делу № А65-15588/2012 СПС «Консультант Плюс»
 18. Ануфриева Л.П. Преподавание курса «международный коммерческий арбитраж». Научно-практическое пособие. М.: РПА, 2006. 140 с.
 19. Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1831-О // СПС «Консультант Плюс»
 20. D. Hubbert v. Dell Corporation – URL: <https://law.justia.com/cases/illinois/court-of-appeals-fifth-appellate-district/2005/5030643.html> (дата обращения: 10.03.2026)
 21. Nguyen v. Barnes & Noble, Inc. – URL: https://gropedia.com/page/nguyen_v_barnes_noble_inc (дата обращения: 10.03.2026)

The Possibility of Considering Cross-Border Disputes Involving a Consumer in an Arbitration Court

El'vira A. Zarubina

Postgraduate Student,
Department of Private International Law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: elvirazarubina1@gmail.com

Abstract

In this article, the author examines the issue of the admissibility of considering cross-border disputes involving a consumer in an arbitration court. Based on an analysis of domestic doctrine and judicial practice, two approaches to solving this issue are identified. The first approach is the

The Possibility of Considering Cross-Border Disputes Involving ...

inadmissibility of considering such disputes in an arbitration court. The second approach comes down to the general admissibility of their consideration, subject to certain conditions related to the validity and enforceability of arbitration agreements. Taking into account the absence of direct restrictions in Russian legislation on the conclusion of arbitration agreements involving a consumer, the author identifies several grounds on which an arbitration agreement may be declared invalid or unenforceable, and a decision of a foreign arbitration court may not be enforced.

For citation

Zarubina E.A. (2026) *Vozmozhnost' rassmotreniya transgranichnykh sporov s uchastiyem potrebitelya v treteyskom (arbitrazhnom) sude* [The Possibility of Considering Cross-Border Disputes Involving a Consumer in an Arbitration Court]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 469-477. DOI: 10.34670/AR.2026.27.16.052

Keywords

Consumer contract, arbitrability, arbitration agreement after the dispute arises, reasonable notice test, validity and enforceability of arbitration agreements, electronic form of contract.

References

1. Tuktamyshev, V.D. (2024). *Arbitrability (jurisdiction) of disputes: theoretical problems* (Doctoral dissertation, 5.1.3). Ekaterinburg.
2. Kurochkin, S.A., et al. (2010). *Treteiskoe razbiratel'stvo v Rossiiskoi Federatsii: uchebnoe posobie* [Arbitration in the Russian Federation: a textbook] (O.Iu. Skvortsov, Ed.). Moscow: Volters Kluver.
3. Nikoliukin, S.V. (2009). *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh: al'ternativnye sposoby razresheniia sporov, pravovaia priroda arbitrazha, arbitrazhnoe soglasenie kak dogovor, protsedura rassmotreniia sporov, reshenie arbitrazha* [International commercial arbitration: alternative dispute resolution methods, legal nature of arbitration, arbitration agreement as a contract, dispute resolution procedure, arbitral award]. Moscow: Iustitsinform.
4. Rozhkova, M.A. (2007). Neskol'ko zamechaniy primenitel'no k stat'e 11 GK RF [A few remarks regarding Article 11 of the Civil Code of the Russian Federation]. In V.V. Maklakov (Ed.), *Pravovye issledovaniia vo Frantsii: Sbomik nauchnykh trudov* [Legal research in France: Collection of scientific works] (pp. 7–36). Moscow.
5. Zvier, P., & Iarkov, V.V. (2020). Gruppovye iski v pravovoi istorii SShA i Rossii: v poiskakh optimal'noi modeli [Class actions in the legal history of the USA and Russia: in search of an optimal model]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* [Bulletin of Civil Procedure], (1), 143–197.
6. Kurbatov, A.Ia. (2023). Zashchita prav potrebiteli finansovykh uslug [Protection of the rights of consumers of financial services]. *Iustitsinform*. In *ConsultantPlus* legal database.
7. Kurochkin, S.A. (2004). *Theoretical and legal foundations of arbitration in the Russian Federation* (Candidate's dissertation). Ekaterinburg.
8. Chelyshev, M.Iu. (2011). O treteiskoi zashchite slaboi storony v pravootnoshenii [On arbitration protection of the weaker party in a legal relationship]. *Treteiskii sud* [Arbitration Court], (6), 98–106.
9. Minina, A.I. (2014). *Arbitrability theory and practice of international commercial arbitration*. Moscow: Infrotropik Media.
10. Terenteva, L.V. (2020). Arbitrazhnye ogovorki v soglaseniiakh s uchastiem potrebitelia [Arbitration clauses in agreements involving consumers]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], (2), 28–44.
11. Grebelsky, A.V. (2023). Raspredelenie bremeni dokazyvaniia v delakh o priniatii antiiskovykh obesitel'nykh mer na osnovanii st. 248.2 APK RF [Allocation of the burden of proof in cases concerning the adoption of anti-suit injunctions under Article 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation]. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki* [Bulletin of Arbitration Practice], (6), 28–37.
12. Kuzmina, A.V. (2015). Treteiskie ogovorki v dogovorakh prisoedineniia: problemy reformirovaniia grazhdanskogo i protsessual'nogo zakonodatel'stva [Arbitration clauses in contracts of adhesion: problems of reforming civil and procedural legislation]. *Zakon* [Law], (4), 121–132.
13. Gafarova, G.R. (2018). Zashchita prav potrebiteli [Consumer protection] (Z.M. Fatkudinov, Ed.). *Iustitsinform*. In *ConsultantPlus* legal database.

14. Ilichev, P.A. (n.d.). K voprosu o pravomernosti zakliucheniia arbitrazhnogo soglasheniia s uchastiem potrebiteli [On the question of the legality of concluding an arbitration agreement involving consumers]. *Lex Russica*, (12), 149–156.
15. Kirpichev, A.E., Svirin, Iu.A., & Shagieva, R.V. (Eds.). (2024). *Potrebitel'skoe pravo: uchebnik dlia studentov vuzov, obuchaiushchikhsia po napravleniiu «Iurisprudentsiia»* [Consumer law: a textbook for university students studying in the field of "Jurisprudence"] (Chapter V, pp. 375–380). Moscow: IUNITI-DANA: Zakon i Pravo. (Chapter authors: Vechernin, D.S., Ilichev, P.A., Kirpichev, A.E., Svirin, Iu.A., & Iakovlev, A.Iu.)
16. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 10.01.2012 № 19-V11-24* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19-V11-24 of January 10, 2012]. In *ConsultantPlus* legal database.
17. *Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 17.09.2013 № 3364/13 po delu № A65-15588/2012* [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 3364/13 of September 17, 2013 in case No. A65-15588/2012]. In *ConsultantPlus* legal database.
18. Anufrieva, L.P. (2006). *Prepodavanie kursa «mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh»: nauchno-prakticheskoe posobie* [Teaching the course "International Commercial Arbitration": a scientific and practical guide]. Moscow: RPA.
19. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 04.10.2012 № 1831-O* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1831-O of October 4, 2012]. In *ConsultantPlus* legal database.
20. *D. Hubbert v. Dell Corporation*. (2005). Retrieved March 10, 2026, from <https://law.justia.com/cases/illinois/court-of-appeals-fifth-appellate-district/2005/5030643.html>
21. *Nguyen v. Barnes & Noble, Inc.* (n.d.). Retrieved March 10, 2026, from https://grokipedia.com/page/nguyen_v_barnes_noble_inc

УДК 343.98

DOI: 10.34670/AR.2026.25.77.053

**Историческая эволюция применения специальных
психологических знаний в раскрытии и расследовании
мошенничества в отечественной и зарубежной практике
уголовного судопроизводства**

Подъячева Юлия Владимировна

Адъюнкт,
кафедра управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
125171, Российская Федерация, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: yul100785@yandex.ru

Аннотация

В статье реконструируется историческая траектория привлечения специальных психологических знаний к раскрытию и расследованию мошенничества как интеллектуального посягательства, основанного на воздействии на сознание и волевую сферу потерпевшего и потому трудноотграничимого от гражданско-правовых отношений. Показано, что переход от интуитивного «житейского психологизма» к научно оформленным подходам был обусловлен развитием доказательственного права и судебной экспертизы: от дореформенного игнорирования психологических факторов к запросу на их объяснение в условиях свободной оценки доказательств и суда присяжных после реформы 1864 г. Прослежены колебания советского периода — краткий подъем психотехники 1920-х гг., последующее вытеснение психологии идеологизированным формализмом и возрождение судебно-психологической экспертизы с 1960-х гг. Сопоставляется зарубежная практика, где судебная психология и профилирование развивались активнее и породили устойчивые формы экспертного консалтинга, а также более прагматичное отношение к детекции лжи. Особое внимание уделяется современным направлениям — психолингвистическому анализу коммуникации, диагностике внушаемости у уязвимых групп, проблемам допустимости инструментальных методов и рискам гипнорепродукции, а также вызовам кибермошенничества, требующим адаптации психологического инструментария к цифровому следу и четкого разграничения компетенций психолога и юриста.

Для цитирования в научных исследованиях

Подъячева Ю.В. Историческая эволюция применения специальных психологических знаний в раскрытии и расследовании мошенничества в отечественной и зарубежной практике уголовного судопроизводства // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 478-487. DOI: 10.34670/AR.2026.25.77.053

Ключевые слова

Мошенничество, специальные психологические знания, судебно-психологическая экспертиза, психолингвистический анализ, кибермошенничество, история криминалистики, судебная психология.

Введение

Феноменология мошенничества как преступления, направленного на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, исторически представляет собой сложный объект для криминалистического и уголовно-процессуального анализа. Интеллектуальная природа данного деликта, предполагающая активное воздействие преступника на сознание и волевую сферу жертвы, неизбежно требует от правоприменителя обращения к знаниям, выходящим за рамки сугубо юридической догматики. В течение длительного времени эволюция отечественного и зарубежного уголовного судопроизводства демонстрировала постепенный переход от интуитивного понимания психологических механизмов обмана к их научной формализации. Глубинное понимание когнитивных искажений, эмоциональных состояний потерпевшего и личностных деформаций преступника становилось необходимым условием для квалификации деяний [Ситковская, 2008], граничащих с гражданско-правовыми отношениями, что особенно характерно для мошеннических схем.

Исторический генезис использования психологических познаний в расследовании преступлений против собственности неразрывно связан с общим развитием доказательственного права и судебной экспертизы. В периоды, когда правосудие опиралось преимущественно на формальную теорию доказательств, психологические аспекты деяния игнорировались либо трактовались исключительно через призму религиозных или моральных установок. С развитием принципа свободной оценки доказательств возникла объективная потребность в привлечении специалистов, способных объяснить суду и следствию, каким образом потерпевший, будучи дееспособным лицом, добровольно передал имущество преступнику [Козулева, 2007]. Этот парадокс «добровольности» при совершении преступления против воли собственника является краеугольным камнем в методике расследования мошенничества и требует глубокого ретроспективного анализа практик применения специальных знаний.

В современной доктрине уголовного процесса наблюдается определенная стагнация в вопросах интеграции новейших психологических методов в ткань доказывания, что отчасти обусловлено консервативностью правовой системы и опасениями подмены правовых оценок психологическими. Тем не менее, исторический опыт показывает, что именно в кризисные моменты роста преступности, характеризующейся высокой латентностью и интеллектуализацией, правоохранительные органы вынужденно обращались к нетрадиционным методам анализа личности. Исследование трансформации этих методов от физиогномики и ранней психотехники до современных профилирования и инструментальной детекции лжи [Залескина, Ващенко, 2025] позволяет выявить закономерности, определяющие эффективность борьбы с мошенничеством.

Критическое осмысление зарубежного опыта, в частности англо-саксонской правовой семьи, где судебная психология традиционно занимала более сильные позиции в процессе

доказывания, дает возможность верифицировать отечественные подходы. Различия в правовых системах не отменяют универсальности психологических механизмов манипуляции, используемых мошенниками. Сравнительно-правовой анализ позволяет увидеть, как различные юрисдикции решали проблему допустимости психологических доказательств и разграничения компетенции юриста и психолога [Якубович, 2009]. Понимание этих процессов необходимо для формирования современной концепции использования специальных знаний, свободной от идеологических штампов прошлого и адаптированной к вызовам цифровой эпохи, где мошенничество приобретает дистанционный и обезличенный характер.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу данной работы составил диалектический метод познания, позволивший рассмотреть эволюцию применения психологических знаний в динамике и противоречии исторических процессов. В исследовании применялся широкий спектр общенаучных и частнонаучных методов, включая сравнительно-правовой, историко-генетический, формально-юридический и метод герменевтического анализа правовых текстов. Эмпирическую базу исследования составили архивные материалы уголовных дел Российской Империи периода действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года, опубликованные судебные акты советского периода, а также современная судебная практика судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Для обеспечения репрезентативности выборки был проведен анализ более 250 исторических и современных источников, включающих законодательные акты различных эпох, постановления Пленумов Верховного Суда, а также доктринальные источники по криминалистике, судебной психологии и уголовному процессу. Особое внимание уделялось анализу нормативных правовых актов, регламентирующих судебно-экспертную деятельность в России и за рубежом, включая Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В качестве сравнительного материала привлекались тексты прецедентных решений судов США и Великобритании, касающиеся допустимости психологических доказательств (стандарты Дауберта и Фрая) [Иванова, 2020], что позволило сопоставить подходы к верификации научных методов в уголовном судопроизводстве.

В работе использованы труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области юридической психологии и криминалистики, охватывающие временной период с конца XIX века по настоящее время. Анализ проводился с учетом изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, что позволило выявить корреляцию между степенью процессуальной свободы участников судопроизводства и востребованностью психологических знаний. Общий массив проанализированных источников позволяет с достаточной степенью достоверности реконструировать историческую картину и выявить ключевые тенденции развития института специальных знаний в делах о мошенничестве [Курмаева, 2009].

Результаты и обсуждение

Генезис применения психологических познаний в расследовании мошенничества в дореволюционной России был тесно сопряжен с судебной реформой 1864 года, которая ввела принцип состязательности и суд присяжных. До этого момента, в условиях инквизиционного процесса, психологическое состояние обвиняемого и потерпевшего не имело самостоятельного

доказательственного значения, за исключением очевидных случаев душевной болезни. С появлением фигуры присяжного заседателя, оценивающего доказательства по внутреннему убеждению, возникла необходимость в объяснении мотивов поведения «свитчиков» и «фармазонов» — так именовались мошенники той эпохи. Известные юристы того времени, такие как А.Ф. Кони, отмечали, что мошенничество есть преступление, требующее от следователя не только юридической эрудиции, но и глубокого житейского психологизма [Галанова, 2012]. Однако в тот период специальные знания применялись не в форме экспертизы, а скорее как элемент профессионального мастерства следователя или судьи, либо привлекались врачи-психиатры, которые зачастую выходили за пределы своей компетенции, давая оценки вменяемости и психологическим особенностям личности.

Западная Европа в конце XIX века переживала бум позитивистской школы криминологии, возглавляемой Ч. Ломброзо, чьи идеи о «врожденном преступнике» оказывали влияние и на практику расследования мошенничества. Хотя теория антропологических стигм была впоследствии опровергнута, она стимулировала интерес к личности преступника, его психотипу. В делах о мошенничестве французские и немецкие криминалисты начали систематизировать приемы обмана, классифицируя их не только по способу действия, но и по типу психологического воздействия на жертву. Это был период накопления эмпирического материала, когда полицейская практика опережала научную теорию. В России же этот процесс шел параллельно с развитием литературы и искусства, которые часто выполняли функцию общественной дискуссии о природе лжи и доверия, что косвенно влияло на правосознание судей [Савицкая, 2020].

Послереволюционный период 1917 года и последующие десятилетия внесли существенные коррективы в развитие судебной психологии. В 1920-е годы наблюдался кратковременный расцвет психотехники и криминальной психологии. В кабинетах по изучению личности преступника проводились эксперименты, направленные на выявление склонности к лжи и манипуляции. Исследователи того времени, работавшие в системе НКВД и юстиции, пытались разработать методики допроса, основанные на ассоциативных тестах, прообразах современных полиграфов. Однако в начале 1930-х годов психология была объявлена буржуазной наукой, а упор был сделан на классовую теорию преступности. Мошенничество стало рассматриваться исключительно как пережиток капитализма или результат вредительства [Антонов, 2014]. Это привело к тому, что на долгие годы психологический анализ был вытеснен из уголовного процесса, замененный партийной риторикой и формальным доказыванием.

Возрождение интереса к судебной психологии в СССР началось лишь в 1960-е годы, в период «оттепели». Работы А.Р. Ратинова и его коллег заложили фундамент для понимания психологических механизмов преступного поведения, не сводимого к психиатрии. В делах о хищениях социалистической собственности путем мошенничества следователи столкнулись с изощренными схемами, где преступники использовали сложные манипуляции с доверием должностных лиц. Возникла потребность в судебно-психологической экспертизе (СПЭ), способной оценить не только эмоциональное состояние обвиняемого, но и его индивидуально-психологические особенности: уровень интеллекта, внушаемость, склонность к риску. Однако законодатель осторожно подходил к расширению перечня экспертиз, и СПЭ долгое время оставалась «экзотикой», применяемой в основном по делам о половых преступлениях или в отношении несовершеннолетних, но крайне редко — по делам об экономических преступлениях [Деветьярова, Смирнова, 2008].

В зарубежной практике, особенно в США, эволюция шла по иному пути. Развитие

бихевиоризма и когнитивной психологии позволило создать мощную базу для профайлинга — метода построения психологического портрета преступника. Изначально применявшийся для поиска серийных убийц, профайлинг постепенно адаптировался и для расследования «беловоротничковой» преступности. Мошенники высокого уровня, создатели финансовых пирамид, анализировались с точки зрения их психопатических черт: отсутствия эмпатии, макиавеллизма, нарциссизма. Американская судебная система, благодаря прецедентному праву, была более гибкой в вопросах допуска экспертов-психологов. Это привело к формированию целой индустрии судебного консалтинга, где психологи помогали не только расследовать преступления, но и отбирать присяжных, наиболее восприимчивых к той или иной стратегии защиты или обвинения [Сальников, Гомонов, 2001].

Существенным отличием отечественной практики от западной долгое время оставалось отношение к инструментальным методам детекции лжи. Если в США полиграф активно использовался частными компаниями и государственными службами с середины XX века (несмотря на периодические законодательные ограничения его доказательственной силы), то в СССР и постсоветской России путь полиграфа был тернист. От полного отрицания как лженауки до активного внедрения в оперативную деятельность в 1990-е годы. При расследовании мошенничества, где субъективная сторона преступления (умысел на обман) труднодоказуема документально, психофизиологическое исследование с использованием полиграфа часто становилось единственным способом получить ориентирующую информацию. Однако споры о процессуальном статусе таких данных не утихают до сих пор, и судебная практика демонстрирует противоречивые подходы к их оценке [Костина, 2006].

Специфика расследования мошенничества заключается в необходимости установления момента возникновения умысла. В отличие от кражи или грабежа, где действие явно преступно, в мошенничестве внешняя канва событий может выглядеть как обычная гражданско-правовая сделка. Здесь на передний план выходят специальные знания в области психолингвистики и психологии коммуникации. Анализ речевого поведения, переписки, переговоров позволяет выявить маркеры манипуляции и скрытого воздействия. В последние десятилетия развитие получила экспертиза информационных материалов, где психологи совместно с лингвистами анализируют тексты договоров, рекламных проспектов и скриптов разговоров мошенников, выявляя признаки введения в заблуждение относительно потребительских свойств товаров или намерений сторон [Лановой, 2007].

Особую категорию составляют дела о мошенничестве в отношении социально незащищенных групп граждан — пожилых людей и лиц с психическими особенностями. Здесь историческая траектория привела к формированию устойчивого института экспертизы «беспомощного состояния». Если в XIX веке защита таких лиц строилась на патерналистской позиции государства, то сегодня требуется научное обоснование того, что потерпевший в силу своих когнитивных ограничений не мог в полной мере осознавать характер совершаемых с ним действий. Экспертиза «порока воли» при совершении сделок под влиянием обмана стала точкой соприкосновения уголовного и гражданского процессов. Психологическая диагностика повышенной внушаемости и не критичности мышления жертвы позволяет квалифицировать действия преступника как использование беспомощного состояния, что влечет более строгую ответственность [Картавцев, Нестеров, 2005].

Современный этап характеризуется появлением нового вызова — социальной инженерии и кибермошенничества. Дистанционный характер коммуникации меняет психологический портрет как преступника, так и жертвы. Исчезает непосредственный визуальный контакт, но

усиливается роль когнитивного давления через цифровые каналы. Традиционные методы судебной психологии, ориентированные на очный контакт и наблюдение, требуют адаптации. В зарубежной криминалистике активно развиваются направления киберпсихологии, изучающие поведение человека в виртуальной среде. Отечественная практика пока отстает в нормативном закреплении специфических методик исследования цифрового следа личности, хотя оперативные подразделения активно используют психологические приемы в борьбе с телефонными и интернет-мошенниками [Стенина, 2020].

Правовая регламентация использования специальных знаний в России прошла путь от кратких упоминаний в Уставах до развернутых положений УПК РФ и ФЗ о судебно-экспертной деятельности. Тем не менее, проблема разграничения компетенции психолога и юриста остается острой. В делах о мошенничестве следователи нередко ставят перед экспертами вопросы правового характера: «Имел ли место обман?», «Является ли сделка кабальной?». Суды справедливо указывают на недопустимость таких вопросов, поскольку квалификация деяния — прерогатива юриста. Задача психолога — раскрыть внутренние механизмы взаимодействия участников ситуации, установить факты психологического воздействия, а не давать им правовую оценку. Это разграничение выкристаллизовывалось десятилетиями через ошибки следствия и отмены приговоров.

Интересен опыт использования гипноза и репродукции памяти, который в разное время вызывал дискуссии в юридическом сообществе. В ряде стран (например, в Израиле и США) этот метод применяется для активизации памяти потерпевших и свидетелей, забывших детали события (номера машин, внешность мошенника) из-за стресса или давности. В российской практике использование гипноза законодательно не регламентировано как следственное действие, что переводит его в разряд оперативных мероприятий. Исторически отношение к таким методам варьировалось от мистического страха до прагматического интереса, но отсутствие четких протоколов и риск конфабуляций (ложных воспоминаний) ограничивают их применение в доказывании вины мошенников.

Сравнительный анализ показывает, что в странах с развитой системой прецедентного права роль специалиста-психолога в суде более активна. Психолог может выступать как консультант, помогающий выстроить тактику перекрестного допроса, выявляющую несоответствия в показаниях мошенника. В российской модели, тяготеющей к романо-германской системе, роль специалиста чаще сводится к даче заключения или помощи в формулировании вопросов эксперту. Однако в последние годы наблюдается тенденция к более активному привлечению специалистов стороной защиты для рецензирования заключений государственных экспертов, что повышает состязательность процесса и заставляет экспертное сообщество повышать качество исследований по делам о мошенничестве.

Нельзя не отметить влияние экономических трансформаций на психологию мошенничества. Переход к рыночной экономике в России в 1990-е годы породил новые формы преступности, к которым правоохранительная система и судебная психология оказались не готовы. Финансовые пирамиды, фальшивые авизо, рейдерские захваты требовали понимания психологии массового поведения и корпоративных конфликтов. Именно в этот период началось активное заимствование западных методик бизнес-психологии и конфликтологии для нужд расследования. Стало очевидным, что успешное расследование сложного экономического мошенничества невозможно без понимания психологического климата в организации и личностных особенностей топ-менеджмента.

Судебная практика последних лет свидетельствует о том, что суды стали более

требовательны к обоснованию выводов психологических экспертиз. Если ранее достаточно было констатации факта «эмоциональной напряженности», то теперь требуется детальное описание того, как именно это состояние повлияло на способность потерпевшего понимать значение своих действий. Это дисциплинирует экспертное сообщество и способствует очищению методологической базы от научно несостоятельных подходов. В то же время, сохраняется проблема отсутствия единых утвержденных методик по ряду направлений, что создает почву для экспертных ошибок и затягивания сроков расследования.

Выводы

Проведенное исследование исторической траволуции применения специальных психологических знаний в раскрытии и расследовании мошенничества позволяет констатировать, что данный процесс носит нелинейный характер, обусловленный изменениями в политическом, экономическом и правовом поле государства. От эмпирических наблюдений и интуитивных догадок правоприменительная практика перешла к использованию научно обоснованных методов судебной психологии, что существенно расширило доказательственные возможности уголовного процесса. Специфика мошенничества как интеллектуального преступления предопределила высокую востребованность знаний о механизмах межличностного взаимодействия, влияния и принятия решений.

Анализ нормативной базы и судебной практики выявляет сохраняющуюся напряженность между потребностью следствия в объективных данных о внутренней стороне преступления и жесткими процессуальными рамками допустимости доказательств. Несмотря на значительный прогресс в регламентации судебно-экспертной деятельности, остаются неурегулированными вопросы применения новых инструментальных и цифровых методов диагностики лжи и психологического воздействия. Отсутствие законодательно закрепленных критериев оценки достоверности психологических методик создает риски судебных ошибок и требует дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Современные реалии, связанные с цифровизацией преступности и появлением новых схем социальной инженерии, диктуют необходимость трансформации подходов к использованию специальных знаний. Традиционная судебно-психологическая экспертиза должна быть дополнена методами анализа цифрового поведения и психолингвистики, что требует подготовки специалистов новой формации и разработки соответствующих методических рекомендаций. Интеграция зарубежного опыта, при условии его адаптации к отечественной правовой системе, способна обогатить инструментарий следователя и суда, повысив эффективность защиты прав граждан от мошеннических посягательств.

Обобщение исторического опыта показывает, что попытки исключить психологию из процесса доказывания или, наоборот, придать ей абсолютное значение, неизменно приводили к снижению качества правосудия. Оптимальным вектором развития является гармоничное сочетание правового анализа фактических обстоятельств дела с глубоким научным пониманием психологических детерминант поведения участников уголовного судопроизводства. Только такой синтез способен обеспечить всесторонность, полноту и объективность расследования сложных дел о мошенничестве в современных условиях.

Библиография

1. Антонов О.Ю. Практика использования специальных знаний до возбуждения уголовного дела в свете изменений уголовно-процессуального законодательства // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1 (1). С. 67-69.
2. Галанова Л.В. Использование специальных знаний в практике расследования экономических преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2012. № 5. С. 183-190.
3. Гросс Г. Криминальная психология. СПб., 1908.
4. Девятьярова В.М., Смирнова И.С. Расследование мошенничества, совершенного с использованием методов психологического воздействия // Предварительное следствие. 2008. № 1. С. 93-109.
5. Залескина А.Н., Ващенко Б.М. Противодействие расследованию мошенничеств на заключительном этапе: криминалистические аспекты // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 1 (47). С. 50-59.
6. Иванова Л.Ф. Исторические этапы внедрения психологических знаний в криминалистику // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 2. С. 42-51.
7. Картавцев В.И., Нестеров А.В. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании таможенных преступлений // Вестник криминалистики. 2005. № 4 (16). С. 56-59.
8. Козулева А.А. Возможности использования психологических познаний при расследовании преступлений // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1-2 (29). С. 178-180.
9. Костина Л.Н. Отечественный и зарубежный опыт использования психологических знаний в деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений несовершеннолетних // Человек: преступление и наказание. 2006. № 4 (55). С. 199-205.
10. Курмаева Н.А. Проблемы использования специальных психологических знаний при рассмотрении и разрешении судом уголовного дела в отношении несовершеннолетнего // Администратор суда. 2009. № 3. С. 15-17.
11. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 355 с.
12. Кустов А.М. История криминалистической практики и науки (X в. — середина XX в.): монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 237 с.
13. Лановой А.Ф. Способ мошенничества: криминалистический анализ системы действий мошенника и ее терминологическое обозначение // Российский следователь. 2007. № 6. С. 2-4.
14. Савицкая И.Г. Развитие института специалиста в отечественном уголовном судопроизводстве // Экспертная практика. 2020. № 88. С. 48-52.
15. Сальников В.П., Гомонов Н.Д. Судебно-психиатрическая экспертиза как этап в расследовании уголовного дела // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2001. № 2 (10). С. 77-87.
16. Ситковская О.Д. Использование психологических знаний в регулировании уголовно-правовой борьбы с преступностью // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 3 (5). С. 66-70.
17. Стенина Т.В. Правовые аспекты использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. 2020. № 14. С. 121-124.
18. Якубович Г.А. О возможностях использования специальных психологических знаний при производстве по уголовным делам // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2009. № 2 (6). С. 38-42.

Historical Evolution of the Application of Special Psychological Knowledge in the Detection and Investigation of Fraud in Domestic and Foreign Criminal Justice Practice

Yuliya V. Pod"yacheva

Adjunct,

Department of Management of Crime Investigation Bodies,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
125171, 8, Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yul100785@yandex.ru

Abstract

The article reconstructs the historical trajectory of involving special psychological knowledge in the detection and investigation of fraud as an intellectual encroachment based on influencing the consciousness and volitional sphere of the victim and therefore difficult to distinguish from civil legal relations. It is shown that the transition from intuitive "everyday psychologism" to scientifically formalized approaches was conditioned by the development of evidentiary law and forensic examination: from pre-reform ignorance of psychological factors to a demand for their explanation under conditions of free evaluation of evidence and trial by jury after the reform of 1864. The fluctuations of the Soviet period are traced — a brief rise of psychotechnics in the 1920s, the subsequent displacement of psychology by ideologized formalism, and the revival of forensic psychological examination from the 1960s onwards. Foreign practice is compared, where forensic psychology and profiling developed more actively and gave rise to stable forms of expert consulting, as well as a more pragmatic attitude towards lie detection. Special attention is paid to contemporary directions — psycholinguistic analysis of communication, diagnosis of suggestibility in vulnerable groups, problems of admissibility of instrumental methods and risks of hypnoreproduction, as well as the challenges of cyber fraud, which require adapting psychological tools to digital traces and a clear delineation of competencies between psychologists and lawyers.

For citation

Pod'yacheva Yu.V. (2026) Istoricheskaya evolyutsiya primeneniya spetsial'nykh psikhologicheskikh znaniy v raskrytii i rassledovanii moshennichestva v otechestvennoy i zarubezhnoy praktike ugolovnoy sudoproizvodstva [Historical Evolution of the Application of Special Psychological Knowledge in the Detection and Investigation of Fraud in Domestic and Foreign Criminal Justice Practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 478-487. DOI: 10.34670/AR.2026.25.77.053

Keywords

Fraud, special psychological knowledge, forensic psychological examination, psycholinguistic analysis, cyber fraud, history of criminalistics, forensic psychology.

References

1. Antonov, O.Yu. (2014). Praktika ispolzovaniya spetsialnykh znaniy do vozbuzhdeniya ugolovnoy dela v svete izmeneniy ugolovno-protsessualnogo zakonodatelstva [Practice of Using Special Knowledge before Initiation of a Criminal Case in Light of Changes in Criminal Procedure Legislation]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, (1), 67-69.
2. Devetiyarova, V.M., & Smirnova, I.S. (2008). Rassledovaniye moshennichestva, sovershennogo s ispolzovaniyem metodov psikhologicheskogo vozdeystviya [Investigation of Fraud Committed Using Methods of Psychological Influence]. *Predvaritelnoye sledstviye*, (1), 93-109.
3. Galanova, L.V. (2012). Ispolzovaniye spetsialnykh znaniy v praktike rassledovaniya ekonomicheskikh prestupleniy [Use of Special Knowledge in the Practice of Investigating Economic Crimes]. *Sibirskiy ugolovno-protsessualnyy i kriminalisticheskiy chteniya*, (S), 183-190.
4. Gross, G. (1908). *Kriminalnaya psikhologiya* [Criminal Psychology]. St. Petersburg.
5. Ivanova, L.F. (2020). Istoricheskiye etapy vnedreniya psikhologicheskikh znaniy v kriminalistiku [Historical Stages of Introducing Psychological Knowledge into Forensics]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, *20*(2), 42-51.
6. Kartavtsev, V.I., & Nesterov, A.V. (2005). Ispolzovaniye spetsialnykh znaniy v raskrytii i rassledovanii tamozhennykh prestupleniy [Use of Special Knowledge in Detection and Investigation of Customs Crimes]. *Vestnik kriminalistiki*, (4), 56-59.
7. Kostina, L.N. (2006). Otechestvennyy i zarubezhnyy opyt ispolzovaniya psikhologicheskikh znaniy v deyatel'nosti

- organov vnutrennikh del po rassledovaniyu prestupleniy nesovershennoletnikh [Domestic and Foreign Experience of Using Psychological Knowledge in Activities of Internal Affairs Bodies on Investigation of Crimes by Minors]. *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye*, (4), 199-205.
8. Kozuleva, A.A. (2007). Vozmozhnosti ispolzovaniya psikhologicheskikh poznaniy pri rassledovanii prestupleniy [Possibilities of Using Psychological Knowledge in Crime Investigation]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (1-2), 178-180.
9. Kurmaeva, N.A. (2009). Problemy ispolzovaniya spetsialnykh psikhologicheskikh znaniy pri rassmotrenii i razreshenii sudom ugolovnogo dela v otnoshenii nesovershennoletnego [Problems of Using Special Psychological Knowledge in Consideration and Resolution by Court of a Criminal Case Involving a Minor]. *Administrator suda*, (3), 15-17.
10. Kustov, A.M. (1997). *Kriminalisticheskoye ucheniye o mekhanizme prestupleniya* [Forensic Doctrine of the Crime Mechanism] (Doctoral dissertation). Moscow.
11. Kustov, A.M. (2019). *Istoriya kriminalisticheskoy praktiki i nauki (Xv. — seredina XX v.)* [History of Forensic Practice and Science (10th c. — Mid-20th c.)]. Moscow: Yurlitinform.
12. Lanovoy, A.F. (2007). Sposob moshennichestva: kriminalisticheskiy analiz sistemy deystviy moshennika i yeye terminologicheskoye oboznacheniye [Method of Fraud: Forensic Analysis of the System of Fraudster's Actions and Its Terminological Designation]. *Rossiyskiy sledovatel*, (6), 2-4.
13. Salnikov, V.P., & Gomonov, N.D. (2001). Sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza kak etap v rassledovanii ugolovnogo dela [Forensic Psychiatric Examination as a Stage in Criminal Case Investigation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (2), 77-87.
14. Savitskaya, I.G. (2020). Razvitiye instituta spetsialista v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve [Development of the Institute of Specialist in Domestic Criminal Proceedings]. *Ekspertnaya praktika*, (88), 48-52.
15. Sitkovskaya, O.D. (2008). Ispolzovaniye psikhologicheskikh znaniy v regulirovanii ugolovno-pravovoy borby s prestupnostyu [Use of Psychological Knowledge in Regulating Criminal Law Fight against Crime]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, (3), 66-70.
16. Stenina, T.V. (2020). Pravovyye aspekty ispolzovaniya spetsialnykh znaniy pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy [Legal Aspects of Using Special Knowledge in Detection and Investigation of Crimes]. *Vestnik Ryazanskogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (14), 121-124.
17. Yakubovich, G.A. (2009). O vozmozhnostyakh ispolzovaniya spetsialnykh psikhologicheskikh znaniy pri proizvodstve po ugolovnym delam [On the Possibilities of Using Special Psychological Knowledge in Proceedings on Criminal Cases]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo*, (2), 38-42.
18. Zaleskina, A.N., & Vashchenko, B.M. (2025). Protivodeystviye rassledovaniyu moshennichestv na zaklyuchitel'nom etape: kriminalisticheskiye aspekty [Counteraction to Investigation of Frauds at the Final Stage: Forensic Aspects]. *Sibirskiye ugolovno-protsessualnyye i kriminalisticheskiye chteniya*, (1), 50-59.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.78.34.054

**К вопросу популяризации научных исследований
в деятельности уголовно-исполнительной системы:
взаимосвязь с пенитенциарной практикой**

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Писарев Олег Михайлович

Кандидат психологических наук, доцент,
полковник внутренней службы,
заместитель начальника по учебной и научной работе,
Томский институт повышения квалификации работников
Федеральной службы исполнения наказаний России,
634057, Российская Федерация, Томск, ул. Говорова, 10;
e-mail: pisarev.o.m@fsin.gov.ru

Нарышкина Наталья Игоревна

Кандидат юридических наук, доцент,
полковник внутренней службы,
начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения
наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
600020, Российская Федерация, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е;
e-mail: natanaryshkina@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассматриваются актуальные вопросы соотношения научных пенитенциарных исследований с практической деятельностью уголовно-исполнительной системы Российской Федерации с целью повышения ее эффективности и модернизации в современных реалиях. Обосновывается необходимость тесной связи науки и практики со ссылкой на международные стандарты (Токийские правила, Правила Нельсона Манделы), российское законодательство, в частности на Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Анализируются основные факторы, препятствующие эффективному научно-практическому взаимодействию, среди которых выделяются институциональная разобщенность и различия в критериях оценки результативности. Авторами систематизированы существующие каналы распространения научных знаний в уголовно-исполнительной системе (ведомственная печать, конференции, образовательные программы, цифровые ресурсы, семинары) и академические механизмы интеграции (заказ на научно-практические исследования, научно-технические советы, авторское сопровождение ...). Обосновывается необходимость создания системы трансляции научных знаний, адаптированной к специфике правоприменительной деятельности. Приводится пример успешного сотрудничества между учеными и практиками, демонстрирующий потенциал совместной публикационной деятельности. Формулируется вывод о необходимости превращения взаимодействия науки и практики из отдельных инициатив в системную институциональную политику, направленную на повышение эффективности исполнения уголовных наказаний и реализации иных мер уголовно-правового характера и мер пресечения.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Писарев О.М., Нарышкина Н.И., Слабкая Д.Н. К вопросу популяризации научных исследований в деятельности уголовно-исполнительной системы: взаимосвязь с пенитенциарной практикой // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 488-500. DOI: 10.34670/AR.2026.78.34.054

Ключевые слова

Уголовно-исполнительная система, пенитенциарная практика, наука, практическая деятельность УИС, популяризация, исследования, научные разработки, научно-практическое взаимодействие.

Введение

Существующий, определенный «разрыв» между достижениями пенитенциарной науки и их практической реализацией в учреждениях ФСИН России традиционно сопряжен с рядом системных сложностей, среди которых «замкнутость» ведомственной среды, консерватизм, обусловленный спецификой задач безопасности, и некоторая ограниченность ресурсов. В этом контексте целенаправленная популяризация пенитенциарных научных исследований, перестает быть факультативной просветительской деятельностью и приобретает характер стратегической задачи, напрямую влияющей на эффективность ресоциализации осужденных и гуманизацию системы в целом.

Основная часть

Современная уголовно-исполнительная система Российской Федерации (далее – УИС РФ) находится в процессе перманентной модернизации, направленной на гуманизацию условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, повышение эффективности исправительного воздействия и снижение уровня рецидивной преступности [Сныткин, 2021]. Реализация этих целей невозможна без опоры на научные исследования, которые должны обеспечивать практическую деятельность УИС РФ доказательной базой и инновационными методами работы.

Данную позицию подтверждает не только популярное высказывание «теория без практики мертва, практика без теории слепа», приписываемое в равной степени полководцу А. В. Суворову и математику П. Л. Чебышеву, но и Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, которая в качестве одного из направлений развития УИС РФ указывает развитие научного потенциала, касающегося проведения научных исследований высокого качества в сфере эффективности исполнения отдельных видов уголовных наказаний и применения норм и институтов уголовно-исполнительного права и их последующего внедрения в практическую деятельность [Концепция развития УИС до 2030 г.].

Российское законодательство не противоречит положениям международных стандартов в сфере обращения с заключенными и правонарушителями, говоря об использовании достижений научного прогресса в правоприменительной деятельности учреждений, исполняющих наказания.

Например, в преамбуле к Токийским правилам Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (далее – ООН) выражает признательность Дальневосточному институту ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями за разработку вышеуказанного документа. Вклад ученых данного института был по достоинству оценен: международному стандарту было присвоено название «Токийские» не по месту проведения восьмого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (г. Гавана), а по месту нахождения учреждения-разработчика документа (г. Токио). Также представляется неслучайным и тот факт, что в тексте Токийских правил содержатся установки, касающиеся необходимости проведения на регулярной основе исследований в области обращения с лицами, приговоренными к мерам, не связанным с тюремным заключением (пр. 20.1–20.3).

В процессе формирования международных стандартов в сфере обращения с заключенными ООН тоже признает ценность научных достижений в процессе повышения эффективности функционирования пенитенциарных учреждений. Так, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 2010 г. № 65/230 «Салвадорская декларация о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире» [<https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-65-230>], принятая на двенадцатом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, призвала Комиссию по предупреждению преступности и уголовному правосудию пересмотреть Минимальные стандартные правила обращения с заключенными от 1955 г. с учетом последних научных достижений и передовых видов пенитенциарной практики (п. 49), что впоследствии и нашло отражение в преамбуле к Минимальным стандартным правилам ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятым резолюцией Генеральной ассамблеей ООН № 70/175 от 17 декабря 2015 г.

Таким образом, делаем промежуточный вывод о том, что и международное право, и российское законодательство считают необходимым симбиоз науки и практики в деле повышения эффективности функционирования системы исполнения наказаний.

Популяризация научных исследований и укрепление связи науки с практикой – не самоцель, а средство совершенствования деятельности УИС РФ, снижения рецидивной преступности, улучшения условий содержания и ресоциализации осужденных. В современном мире, характеризующемся стремительным развитием технологий и накоплением новых знаний, способность организации к обучению и инновациям становится ключевым конкурентным преимуществом. Это в полной мере относится и к системе исполнения наказаний.

В то же время наблюдается недостаточная корреляция между контентом – накопленным массивом пенитенциарных научных знаний и степенью их внедрения в практическую деятельность УИС РФ. Этот феномен, получивший в международной литературе название «research-practice gap» (разрыв между исследованиями и практикой), признается одной из ключевых проблем современной науки, в том числе и пенитенциарного профиля. Парадокс ситуации заключается в том, что при наличии обширного массива научных исследований по общим и частным вопросам исполнения уголовных наказаний, связанных и не связанных с изоляцией от общества, ресоциализации осужденных, психологической работы, образовательным и воспитательным программам, организации надзора, охраны, конвоирования и оперативно-розыскной деятельности практические работники УИС РФ зачастую не знакомы с результатами данных исследований и не используют научно обоснованные приемы и способы их достижения в своей служебной деятельности.

Предварительная статистика показывает, что только 15–20 % научных разработок в области пенитенциарной науки находят практическое применение, а по некоторым оценкам, этот показатель не превышает 15 %. Указанное означает, что колоссальные интеллектуальные и финансовые ресурсы, вложенные в научные исследования, приносят ожидаемую отдачу в виде улучшения правоприменительной деятельности в усеченном варианте [Тепляшин, 2015].

Ключевой проблемой, детерминирующей сложность в распространении научной информации, является имеющееся институциональное разделение между научными и практическими структурами. Это разделение носит не столько функциональный, сколько организационный характер, создавая зачастую искусственные границы между теорией и практикой. Ситуация осложняется тем, что научно-исследовательские, образовательные организации и практические подразделения (учреждения и органы УИС РФ) могут функционировать в различных ведомственных вертикалях и характеризоваться неодинаковой подведомственностью, специфическими моделями управления и нормативно-правовой регламентацией. Такая организационная обособленность препятствует формированию единого пространства для компетентной научной коммуникации. Следствием указанной организационной разобщенности становится разрыв карьерных траекторий. Система профессионального роста пенитенциарных ученых и практических сотрудников УИС развивается практически параллельно, имея мало точек пересечения. Для исследователя критериями успешности являются научные публикации, гранты, защита ученых степеней и получение ученых званий, тогда как для практического работника востребованы высокие показатели служебной деятельности, отсутствие инцидентов и исполнение приказов.

Низкая популяризация научных исследований и недостаточно высокая связь пенитенциарной науки с практикой могут иметь серьезные негативные последствия. Отметим некоторые из них:

- возможное снижение эффективности деятельности структурных подразделений УИС РФ (использование устаревших, научно необоснованных методов работы с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными; принятие управленческих решений на основе интуиции и традиций, а не доказательных данных; неэффективное расходование человеческих и материальных ресурсов на программы, не подтвердившие свою результативность в научных исследованиях; отсутствие научной поддержки);
- потенциальная угроза девальвации науки уголовно-исполнительного права (восприятие науки как «оторванной от реальности», занимающейся абстрактными, либо не относящимися к пенитенциарной проблематике вопросами; снижение мотивации ученых к прикладным исследованиям, если результаты не нашли отражения в законодательстве и, как следствие, не востребованы практикой).

Указанные последствия приводят к возникновению достаточно серьезной проблемы, заключающейся в формировании двух изолированных профессиональных сообществ (научного и практического). Эти сообщества, обладая идентичным служебным профилем, функционируют в рамках различных парадигм и обладают специфическими качественными характеристиками, которые проявляются в:

- различии целеполаганий. Научное сообщество ориентировано на поиск доктринальной истины, теоретическое обоснование и долгосрочное прогнозирование. Практическое сообщество нацелено на решение оперативных задач, минимизацию рисков и стабильность режима [Тимофеева, 2018]. Такая асимметрия существующих целевых установок в научных изысканиях позволяет констатировать недостаточный уровень институциональной интеграции ведомственных научных и образовательных организаций с практическими подразделениями УИС РФ;
- вербальном барьере. Научный стиль изложения часто оказывается недоступным для понимания практиками, тогда как специфические проблемы «полевой» работы не всегда находят отражение в научных тезисах [Шаталов, 2023, с. 147]. Исследования показывают, что практические работники тратят не более 5–7 минут на ознакомление с одним материалом научной направленности, в то время как тщательное и качественное чтение и понимание смысла научной статьи требует, как минимум, 30–60 минут;
- критерий востребованности. То, что считается достижением в науке (например, новая гипотеза), действующим сотрудником может восприниматься как отвлечение от реальной работы, и наоборот;
- степень релевантности. Ученые изучают вопросы, интересные с теоретической точки зрения, но не всегда актуальные для практики. Практики часто воспринимают научные исследования как нерелевантные к насущным проблемам. Такого рода скептицизм отчасти обоснован случаями, когда научные рекомендации действительно оказывались неприменимыми или неэффективными.

Таким образом, недостаточная популяризация научных исследований в УИС РФ является результатом системного институционального «кризиса» взаимодействия между наукой и практикой. Преодоление этих барьеров требует создания структурных предпосылок для сближения указанных сообществ, внедрения механизмов ротации и выработки единого понятийно-категориального аппарата.

Соответственно, встает вопрос о понимании актуальности проблемы текущего состояния научно-практического взаимодействия в УИС РФ. Отметим, что научное обеспечение

деятельности отечественной системы исполнения наказаний осуществляется несколькими типами организаций ФСИН России:

- научно-исследовательские институты ФСИН России – основные центры теоретических и прикладных исследований в области исполнения уголовных наказаний;
- образовательные организации высшего и дополнительного профессионального образования ФСИН России;
- межрегиональные отделы психологической работы, основная цель которых заключается в разработке, внедрении и совершенствовании научно обоснованных методов, технологий и средств психологического обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений;
- иные структурные подразделения учреждений и органов УИС РФ, осуществляющие анализ практики по различным направлениям деятельности, обобщая это в соответствующие передовые опыты.

На сегодняшний день система распространения научных знаний в УИС РФ представляет собой многоуровневую структуру, включающую как традиционные, так и инновационные (практико-ориентированные) механизмы.

Первым и фундаментальным каналом являются ведомственные печатные издания. Периодическая печать выступает основным носителем актуальных теоретических разработок, методических рекомендаций и результатов эмпирических исследований. Ключевыми рецензируемыми площадками в данной сфере выступают специализированные журналы федерального уровня, такие как «Ведомости уголовно-исполнительной системы», «Преступление и наказание». Кроме того, важную роль в научной коммуникации играют вестники образовательных организаций ФСИН России, публикующие материалы не только молодых ученых, обучающихся и профессорско-преподавательского состава, но и практических работников учреждений и органов УИС РФ. Данные издания формируют единое научно-информационное поле и фиксируют приоритетные направления развития пенитенциарной науки.

Вторым значимым каналом распространения научных знаний являются научно-практические конференции различного уровня. Данный формат обеспечивает живую коммуникацию и позволяет оперативно обсуждать насущные проблемы деятельности УИС РФ. Система конференций имеет иерархическую структуру. Так, на высшем уровне проводятся ежегодные международные и всероссийские конференции, охватывающие глобальные тенденции развития уголовно-исполнительной политики. На межрегиональном и региональном уровнях активно функционируют научно-практические семинары и круглые столы. Важным элементом являются ведомственные совещания с участием ученых, позволяющие напрямую интегрировать научные предложения в управленческие решения.

Третьим востребованным каналом, обеспечивающим практическое внедрение науки, выступают образовательные программы. В частности, система дополнительного профессионального образования сотрудников УИС РФ служит проводником актуальных компетенций непосредственно к рядовому и начальствующему составу. Сюда входят программы повышения квалификации, направленные на расширение компетенций специалистов, переподготовку руководящего состава с акцентом на инновационные методы управления, а также стажировку в учреждениях, что отвечает актуальным требованиям уголовно-исполнительной политики [Новиков, 2025, с. 206]. Это позволяет сотрудникам «погрузиться», в том числе, в исследовательскую среду, что способствует формированию научно-обоснованного подхода к решению оперативно-служебных задач.

Четвертым, динамично развивающимся направлением, являются цифровые платформы. В условиях цифровизации российского общества в целом и УИС РФ, в частности, электронные ресурсы становятся доминирующим каналом оперативного доступа к информации. К ним относятся официальные сайты ФСИН России, территориальных органов УИС РФ и образовательных организаций ФСИН России, которые содержат нормативные правовые акты, методические и практические рекомендации, аналитические материалы, подготовленные на основе научных исследований, позволяющие значительно ускорить процесс внедрения научных разработок в повседневную деятельность учреждений и органов УИС РФ. Также не стоит умалять вклад научных электронных библиотек eLIBRARY.RU, КиберЛенинка и др., аккумулирующих колоссальный объем научной информации по общим и частным вопросам различных институтов уголовно-исполнительного права.

Пятое направление – проведение семинаров, вебинаров, консультаций и пр. с участием представителей научного и практического сообществ, позволяющее, с одной стороны, доводить до сведения ученых-пенитенциаристов проблемы правоприменительной деятельности, требующие критического осмысления и научного обоснования, а, с другой стороны, обучать практических работников особенностям понятийно-категориального аппарата, специфике толкования и правильного применения нормативных правовых актов, регулирующих уголовно-исполнительные правоотношения, в целях разрешения юридических коллизий (правовых пробелов) юридической техники [Нарышкина, 2024].

В этой связи, для обеспечения устойчивого функционирования системы, интегрирующей пенитенциарную науку и практику с целью повышения эффективности исполнения наказаний, необходимо создание механизма, в рамках которого теоретические исследования формируют фундамент для инспирации служебных решений в реализацию оперативно-режимных и иных мероприятий. Это подразумевает разработку и поддержание институциональных процедур, способствующих непрерывному обмену знаниями между научными, образовательными организациями и практическими учреждениями и органами, осуществляющими исполнение наказаний, а также внедрение систем мониторинга и оценки (наукометрии), позволяющих регулярно оценивать эффективность внедряемых стратегий и коррелировать их на основе апробированных научных данных. Так, к таким нормативно закреплённым процедурам в УИС РФ можно отнести следующие:

- заказ учреждений и органов УИС РФ на научную продукцию, направленную на решение актуальных прикладных (практико-ориентированных) проблем их служебной деятельности. Это, в свою очередь, подразумевает формирование планов научно-исследовательской деятельности исходя из заявок федерального органа УИС РФ, а также территориальных органов УИС РФ;
- работа научно-технических советов, выступающих в качестве коллегиальных совещательных органов при территориальных органах УИС РФ, которая обеспечивает институционализированное взаимодействие научного сообщества и практических работников. В рамках такой работы осуществляется совместное обсуждение, экспертная оценка и выработка рекомендаций по решению наиболее значимых проблем деятельности УИС РФ;
- авторское сопровождение реализуемых научных проектов, которое представляет собой ключевой механизм обеспечения эффективной интеграции теоретических разработок в практическую пенитенциарную деятельность и подразумевает систематическое и персонализированное участие авторов (разработчиков) научных методик, технологий и

рекомендаций на всех этапах их апробации, внедрения и мониторинга непосредственно в учреждениях и органах УИС РФ.

Следует акцентировать внимание на том, что последняя форма взаимодействия принципиально значима по ряду причин:

во-первых, она гарантирует аутентичное толкование и применение разработок, минимизируя риски методологических искажений;

во-вторых, прямое участие ученых в апробации (пилотных внедрениях) позволяет оперативно выявлять и устранять несоответствия между теоретическими моделями и реальными условиями функционирования учреждений и органов УИС РФ, включая специфику контингента подозреваемых, обвиняемых и осужденных, организационно-штатные ограничения и ресурсные барьеры;

в-третьих, такой подход способствует сбору эмпирических данных для последующей верификации и доработки научных продуктов, усиливая их доказательную базу и повышая коэффициент эффективности внедрения.

В конечном итоге, авторское сопровождение способствует преемственности между теоретическими изысканиями в области пенитенциарной науки и их апробацией в правоприменительной практике, повышая отдачу от инвестиций в научно-исследовательскую деятельность.

В качестве положительного примера реализации интеграционного потенциала ведомственной науки и практики представляется целесообразным привести опыт систематического анализа публикационной активности профессорско-преподавательского состава кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы (далее – ОКСПиВР) ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России в соавторстве с практическими работниками УИС РФ (Табл. 1). Проведенный мониторинг охватывает трехлетний период (2023–2025 гг.) и включает дифференцированную оценку публикаций в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, а также в журналах, индексируемых в базе данных РИНЦ. Такой количественный анализ соотношения общего массива публикаций и работ, подготовленных при участии практических работников, позволяет объективировать степень интеграции научного и практического сообществ.

Таблица 1 – Анализ данных о совместных публикациях профессорско-преподавательского состава кафедры ОКСПиВР ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России с практическими работниками УИС

гг.	Количество научных статей в журналах из перечня ВАК (всего/вместе с практическими работниками УИС)	Количество научных статей, входящих в РИНЦ (вместе с практическими работниками УИС)
2023	8/3	25/8
	37,5 %	32 %
2024	7/0	14/4
	0 %	29 %
2025	7/1	14/2
	14 %	14 %
ИТОГО	22/4 (18 %)	53/14 (26 %)
		75/18 (24 %)

Как можно видеть, общее число опубликованных работ кафедры за обозначенный период составило 75 статей, из которых 18 (24 %) были подготовлены совместно с практическими

работниками УИС РФ. При этом, в структуре публикаций по ВАК изданиям доля совместных работ составила 18 % (4 из 22 статей), а по РИНЦ – 26 % (14 из 53 статей). Это свидетельствует о готовности практиков к участию в исследованиях, результаты которых публикуются в индексируемых изданиях. Представленные данные подтверждают высокую актуальность развития научно-практического сотрудничества, которое должно охватывать не только публикационную деятельность в русле научных изысканий, но и включать разработку решений, направленных на оптимизацию имеющихся ресурсов в современной пенитенциарной практике.

Заключение

В заключении необходимо отметить, что теоретические знания и практический опыт находятся в отношениях взаимодетерминации, и их искусственное разделение может снижать эффективность функционирования УИС РФ в целом. Формирование и поддержание эффективной системы популяризации научных исследований и их внедрение в практику УИС РФ – масштабная, долгосрочная, но необходимая задача. Ее решение требует согласованных усилий науки, практики, управленческих структур, политической воли и ресурсного обеспечения.

Первые шаги на этом пути уже сделаны: существует развитая научная инфраструктура, накоплен значительный массив знаний, появляются примеры успешного внедрения. Необходимо превратить отдельные инициативы в системную политику, спорадические контакты – в устойчивое взаимодействие, индивидуальный энтузиазм – в институциональную норму.

Следует констатировать, что популяризация научных исследований в области исполнения наказаний является не вспомогательной, а интегративной функцией модернизируемой УИС. Она выступает катализатором внедрения инноваций, смягчает сопротивление изменениям, гуманизирует среду через просвещение и способствует формированию адекватного общественного восприятия пенитенциарной политики. Без налаженной системы такой популяризации даже самые прогрессивные научные разработки рискуют остаться в стенах лабораторий и научных центров, не оказав реального воздействия на сложную практику исправления и ресоциализации.

Библиография

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.
2. Правила Манделы. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными / сост. А. П. Букалов. Харьков : ООО «Издательство права человека», 2015. 40 с.
3. Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) : [приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 дек. 1990 г.] // Международное сотрудничество в области прав человека : документы и материалы. Вып. 2. М. : Международные отношения, 1993.
4. Грушин Ф.В. Уголовно-исполнительная наука как фактор развития уголовно-исполнительной политики и законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 169–174. DOI: 10.17223/15617793/415/24
5. Дмитриев Д. К., Матвиенко С. В. К вопросу организации научных исследований в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 4. С. 30–37. <https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2022-239-4-30-37>.
6. Егоров В.А., Корнев А.С., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Новые тенденции теории и практика УИС в соответствии с принятой Концепцией 2030 // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 11-1. С. 134–141. DOI: 10.34670/AR.2021.95.85.015

7. Караваева, Ю. И. Роль периодического издания в консолидации усилий, направленных на научное обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (на примере научно-практического журнала «Пенитенциарная наука») / Ю. И. Караваева // Петербургские пенитенциарные конференции: Материалы конференций. В 4-х томах, Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 года. Том IV. – Санкт-Петербург: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний", 2021. – С. 182-187.
8. Новиков А. В., Писарев О. М., Нарышкина Н. И. Профессионально-общественная аккредитация в образовательных организациях ФСИН России: вопросы оценки качества дополнительных профессиональных программ / А. В. Новиков, О. М. Писарев, Н. И. Нарышкина // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Том 15. – № 7-1. – С. 205–213.
9. Нарышкина Н. И. Коллизии в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации / Н. И. Нарышкина // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2024. – № 4 (42). – С. 31–37.
10. Резинкина Л.В., Новиков А.В., Дикопольцев Д.Е. Саморазвитие сотрудника ФСИН России – основополагающий критерий непрерывного профессионального образования // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 3-1. С. 147-157. DOI: 10.34670/AR.2021.93.55.014
11. Румянцев, Н. В. О научном обеспечении деятельности уголовно-исполнительной системы: цели, задачи, принципы и ожидаемые результаты реализации / Н. В. Румянцев // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2023. – № 4(51). – С. 121-126. – DOI 10.34988/2226-2326.2023.39.31.016.
12. Сныткин, Р. И. Перспективы процесса гуманизации системы уголовных наказаний / Р. И. Сныткин // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 4(54). – С. 43-49. – EDN UNAVID.
13. Телегин А. А. Проблема внедрения результатов научных исследований в практику исполнения уголовных наказаний // Современное право 9. 2005 : <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/%D0%mnhozlm8jv156317554>
14. Тепляшин, П. В. Оценка эффективности пенитенциарной системы: метод факторного анализа / П. В. Тепляшин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 2(32). – С. 80-90. – EDN UDFLEV.
15. Тимофеева, Е. А. К вопросу об оптимизации деятельности УИС посредством внедрения передового опыта и инновационных технологий / Е. А. Тимофеева // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 1 (27). – С. 92-97. – EDN YTFJN.
16. Шаталов А. С. Результаты научных исследований уголовно-процессуальной тематики как ресурс профессиональной подготовки в ведомственных учебных заведениях / А. С. Шаталов // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : сборник материалов международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Вологда, 27–28 октября 2022 г. – Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2023. – С. 145–154.

On the Issue of Popularizing Scientific Research in the Activities of the Penal Enforcement System: The Relationship with Penitentiary Practice

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Professor;

Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,

Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;

Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Astrakhan State University,

414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Oleg M. Pisarev

PhD in Psychology, Associate Professor,
Colonel of the Internal Service,
Deputy Head for Academic and Research Work,
Tomsk Institute for Advanced Training of Employees
of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
634057, 10, Govorova str., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: pisarev.o.m@fsin.gov.ru

Natal'ya I. Naryshkina

PhD in Law, Associate Professor,
Colonel of the Internal Service,
Head of the Department of Penal Enforcement Law and the Organization of the Execution
of Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from Society,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
600020, 67-e, Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: natanaryshkina@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The presented material examines current issues of the correlation between penitentiary scientific research and the practical activities of the penal enforcement system of the Russian Federation in order to increase its efficiency and modernization in contemporary realities. The necessity of a close connection between science and practice is substantiated with reference to international standards (Tokyo Rules, Nelson Mandela Rules), Russian legislation, in particular the Concept for the Development of the Penal Enforcement System of the Russian Federation for the Period up to 2030. The main factors hindering effective scientific-practical interaction are analyzed, among which institutional disunity and differences in performance evaluation criteria are highlighted. The authors systematize existing channels for disseminating scientific knowledge in the penal enforcement system (departmental press, conferences, educational programs, digital resources, seminars) and academic integration mechanisms (commissioning of scientific-practical research, scientific-technical councils, author support...). The necessity of creating a system for translating scientific knowledge adapted to the specifics of law enforcement activities is substantiated. An example of successful cooperation between scientists and practitioners is provided, demonstrating the potential of joint publication activities. A conclusion is formulated about the need to transform the interaction between science and practice from individual initiatives into a systemic institutional policy aimed at increasing the effectiveness of the execution of criminal penalties and the implementation of other measures of a criminal law nature and preventive measures.

For citation

Novikov A.V., Pisarev O.M., Naryshkina N.I., Slabkaya D.N. (2026) K voprosu populyarizatsii nauchnykh issledovaniy v deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: vzaimosvyaz' s penitentsiarnoy praktikoy [On the Issue of Popularizing Scientific Research in the Activities of the Penal Enforcement System: The Relationship with Penitentiary Practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 488-500. DOI: 10.34670/AR.2026.78.34.054

Keywords

Penal enforcement system, penitentiary practice, science, practical activities of the penal enforcement system, popularization, research, scientific developments, scientific-practical interaction.

References

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 aprelya 2021 g. № 1138-r Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy RF na period do 2030 g.
2. Pravila Mandely. Minimal'nye standartnye pravila Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi / sost. A. P. Bukalov. Har'kov : OOO «Izdatel'stvo prava cheloveka», 2015. 40 s.
3. Standartnye minimal'nye pravila OON v otnoshenii mer, ne svyazannykh s tyuremnykh zaklyucheniem (Tokijskie pravila) : [prinyaty rezolyuciej 45/110 General'noj Assamblei OON ot 14 dek. 1990 g.] // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti prav cheloveka : dokumenty i materialy. Vyp. 2. M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1993.
4. Grushin F.V. Ugolovno-ispolnitel'naya nauka kak faktor razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy politiki i zakonodatel'stva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 415. S. 169–174. DOI: 10.17223/15617793/415/24
5. Dmitriev D. K., Matvienko S. V. K voprosu organizatsii nauchnykh issledovaniy v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme Rossijskoj Federatsii // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy. 2022. № 4. S. 30–37. <https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2022-239-4-30-37>.
6. Egorov V.A., Kornev A.S., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Novye tendentsii teorii i praktika UIS v sootvetstvii s prinyatoy Konceptiej 2030 // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2021. Tom 11. № 11-1. S. 134-141. DOI: 10.34670/AR.2021.95.85.015
7. Karavaeva, Yu. I. Rol' periodicheskogo izdaniya v konsolidatsii usilij, napravlennykh na nauchnoe obespechenie deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossijskoj Federatsii (na primere nauchno-prakticheskogo zhurnala «Penitentsiarnaya nauka») / Yu. I. Karavaeva // Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii : Materialy konferentsij. V 4-h tomah, Sankt-Peterburg, 17–18 maya 2021 goda. Tom IV. – Sankt-Peterburg: Federal'noe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Sankt-Peterburgskij universitet Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy", 2021. – S. 182-187.
8. Novikov A. V., Pisarev O. M., Naryshkina N. I. Professional'no-obshchestvennaya akkreditatsiya v obrazovatel'nykh organizatsiyah FSIN Rossii: voprosy ocenki kachestva dopolnitel'nykh professional'nykh programm / A. V. Novikov, O. M. Pisarev, N. I. Naryshkina // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2025. – Tom 15. – № 7-1. – Pp. 205–213.
9. Naryshkina N. I. Kollizii v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossijskoj Federatsii / N. I. Naryshkina // Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. – 2024. – № 4 (42). – S. 31–37.
10. Rezinkina L.V., Novikov A.V., Dikopol'cev D.E. Samorazvitie sotrudnika FSIN Rossii – osnovopolagayushchij kriterij nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya // Pedagogicheskij zhurnal. 2021. T. 11. № 3-1. S. 147-157. DOI: 10.34670/AR.2021.93.55.014
11. Romyancev, N. V. O nauchnom obespechenii deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: celi, zadachi, principy i ozhidaemye rezul'taty realizatsii / N. V. Romyancev // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. – 2023. – № 4(51). – S. 121-126. – DOI 10.34988/2226-2326.2023.39.31.016.
12. Snytkin, R. I. Perspektivy processa gumanizatsii sistemy ugolovnykh nakazaniy / R. I. Snytkin // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 4(54). – S. 43-49. – EDN UNAVID.
13. Telegin A. A. Problema vnedreniya rezul'tatov nauchnykh issledovaniy v praktiku ispolneniya ugolovnykh nakazaniy // Sovremennoe pravo 9. 2005 : <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/%D0%mnhozlm8jv156317554>
14. Teplyashin, P. V. Ocenka effektivnosti penitentsiarnoy sistemy: metod faktornogo analiza / P. V. Teplyashin // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2015. – № 2(32). – S. 80-90. – EDN UDFLEV.

-
15. Timofeeva, E. A. K voprosu ob optimizacii deyatelnosti UIS posredstvom vnedreniya peredovogo opyta i innovacionnyh tekhnologij / E. A. Timofeeva // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2018. – № 1(27). – Pp. 92-97. – EDN YTFFJN.
 16. Shatalov A. S. Rezul'taty nauchnyh issledovanij ugovno-processual'noj tematiki kak resurs professional'noj podgotovki v vedomstvennyh uchebnyh zavedeniyah / A. S. Shatalov // Penitenciamaya sistema Rossii v sovremennyh usloviyah razvitiya obshchestva: ot paradigmy nakazaniya k ispravleniyu i resocializacii : sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 3-h chastyah, Vologda, 27–28 oktyabrya 2022 g. – Vologda : Vologodskij institut prava i ekonomiki FSIN Rossii, 2023. – S. 145–154.

УДК 364.632

DOI: 10.34670/AR.2026.60.94.055

Дисфункциональные отношения в семье как значимый фактор криминализации

Староверова Надежда Васильевна

Соискатель,

Юго-Западный государственный университет,
305000, Российская Федерация, Курск, ул. 50 лет Октября, 94;
e-mail: savinceva.82@mail.ru

Аннотация

В статье представлен анализ по проблеме взаимоотношений родителей и детей с деструктивным поведением. Обсуждаются вопросы распространенности деструктивного поведения в подростковом возрасте, роль взаимоотношений родителя и ребёнка. Рассматриваются особенности подростков, склонных к противоправному поведению, особенности детско-родительских взаимоотношений в семьях с детьми, склонными к деструктивному поведению.

Для цитирования в научных исследованиях

Староверова Н.В. Дисфункциональные отношения в семье как значимый фактор криминализации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 501-507. DOI: 10.34670/AR.2026.60.94.055

Ключевые слова

Деструкции, деструктивное поведение, семья, подростковый возраст, детско-родительские взаимоотношения, криминализация, асоциальное поведение, токсичная семья, профилактика деструктивного поведения, социальная адаптация.

Введение

Семья – это главное звено в жизни человека, которое является надежной защитой. Взаимоотношения между старшими и младшими поколениями постоянно подкрепляются любовью, существующей вне зависимости от жизненных ситуаций. Подобное взаимопонимание может быть в семье, где родители любят себя и чувствуют полную уверенность в своих действиях. Но в мире все не так идеально и сегодня много семей с противоположным типом – деструктивным. Жизнь в данных взаимоотношениях вносит сильные изменения в поведение ребенка, у которого развивается много комплексов, психических изменений [Заика, Крейдун, Ячина, 1990, с. 83-91].

Основная часть

Развитие ребенка во многом зависит от благополучной ситуации в его семье и адекватного участия родителей в его становлении, как в физическом, так и в нравственном. Именно семья знакомит ребёнка с традициями, нормами, принятыми в обществе, этот возраст является сенситивным периодом для формирования ценностей и мировоззрений [Захаров, 2007, с. 59-61].

В деструктивной семье дети не получают родительской любви, а жизненные позиции не идут в сравнении с нормальными семьями, то есть в них отсутствуют: общение, построенное на доверии, взаимопомощь, поддержка друг друга, уважение. Большинство родителей из данных семей сами воспитывались в таких же условиях.

Следует отметить, что деструктивная семья неравнозначна неблагополучной. Дисфункциональные отношения возникают там, где родители страдают от зависимостей, не имеют стабильной работы, ведут асоциальный образ жизни. Но нередко деструктивной или токсичной для ребенка становится семья внешне благополучная, в которой оба родителя включены в социум, ведут здоровый образ жизни и имеют хороший доход.

Социальные последствия взрослой жизни для таких детей являются серьезной проблемой. Выявить деструктивность и вовремя купировать влияние таких родителей на ребенка очень сложно, и только спустя многие годы можно распознать токсичность в поведении родителей.

В токсичной семье не чувствует себя любимым, перенимает от родителей плохие привычки и деструктивные взгляды на жизни, постоянно ощущает себя виноватым и регулярно испытывает негативные эмоции — обиду, страх, ненависть, беспомощность. Бегство из такой семьи часто невозможно ввиду психологического состояния ребенка: даже если он достаточно взрослый, чтобы жить самостоятельно, он не чувствует в себе силы, чтобы начать жить отдельно, и предпочитает иные формы «побега» – с помощью наркотических средств и алкоголя.

Основные симптомы деструктивных семей:

- Обесценивание ребенка, его мыслей и чувств, его достижений.
- Излишняя строгость, стремление контролировать каждый шаг либо, напротив, полное безразличие к тому, где находится и чем занимается ребенок.
- Постоянное принижение качеств ребенка. Токсичные родители постоянно называют его бездарем, глупым, неудачником, сулят плохие последствия за непослушание.
- Игнорирование желаний и стремлений ребенка, ограничение его свободы выбора. Взрослые предпочитают сами решать, где учиться ребенку, какие кружки посещать, какую профессию выбрать. Решения преподносятся в ультимативной форме.

- Сверхэмоциональное общение, скандалы, манипулирование, полное игнорирование конфликтных ситуаций, которые в результате разрешаются только спустя много лет или не разрешаются никогда.
- Стремление «вынести сор из избы»: родители постоянно рассказывают своим друзьям и знакомым о ребенке, делятся его секретами, иногда даже высмеивая его недостатки.

Воспитание в деструктивной семье не делает ребенка сильнее и упорнее. Напротив, он фактически лишается поддержки родителей, не чувствует уверенности в себе, старается быть незаметным и не верит, что его желания когда-нибудь могут сбыться.

Часто деструктивными являются неполные семьи, семьи, где есть тяжело больной или зависимый человек, где один из супругов сильно — эмоционально и психически — устает на работе. Родители нередко даже не осознают, что становятся токсичными по отношению к своим детям, и не понимают последствий. А этими последствиями становятся алкоголизм, наркомания, суицидальное или просто асоциальное поведение.

Основными характеристиками деструктивных семей являются низкий уровень взаимопонимания между членами семьи, выраженный дефицит любви и заботы, а также деструктивные модели общения. В таких семьях часто отсутствует атмосфера безопасности, что приводит к чувству незащищенности у детей. Взрослые, как правило, находятся в состоянии постоянного стресса или депрессии, что негативно сказывается на их способности к воспроизводству здоровых отношений. Это создает замкнутый круг, в котором стресс порождает агрессию и неадекватное поведение, что, в свою очередь, усугубляет эмоциональное состояние всех членов семьи.

В семьях с деструктивной динамикой дети часто остаются без поддержки и понимания. Эмоциональное отстранение родителей сопровождается игнорированием потребностей ребёнка в общении и близости. В результате у детей формируется мнение о том, что они не заслуживают любви или внимания, что становится причиной низкой самооценки и чувства неполноценности. Когда взрослые не могут учить детей здоровым способам общения и разрешения конфликтов, это ведет к проблемам во взаимодействии с окружающими в дальнейшем.

Общая атмосфера деструктивной семьи часто пронизана чувством недовольства, конфликтами и высокими эмоциональными нагрузками. Можно отметить, что эмоциональное насилие встречается так же часто, как и физическое, и может быть столь же разрушительным. Оскорбления, унижения, манипуляции и внушение чувства вины — всё это формирует у детей искажённое восприятие своей личности и мира вокруг. В итоге, такое эмоциональное насилие становится не видимым, но по своей сути может «оставлять раны» на всю жизнь.

Модель поведения родителей оказывает значительное влияние на формирование у детей различных стилей привязанности. Часто дети, растущие в деструктивных семьях, не способны выстраивать доверительные отношения, боятся близости и избегают эмоциональной зависимости, так как воспринимают её как источник боли и страха. Избегающее поведение становится защитной реакцией на пережитые травмы.

Некоторые дети, наоборот, приобретают «спасательский» комплекс, стремясь исправить поведение родителей или других членов семьи. Это создает излишнюю ответственность на детские плечи и угнетает их потребности. Такие модели поведения часто сохраняются и в зрелом возрасте, что приводит к выбору партнёров, склонных к манипуляциям и эмоциональной зависимости.

«Проблемные», «трудные», «непослушные» подростки — это результат неправильно сложившихся взаимоотношений в их семьях. Отчужденность ребёнка от семьи приводит к

повышенной тревоге, внутренней напряженности, неуверенности, страху, неуверенности, чувству одиночества, обиде и пр. В большинстве случаев, подобные переживания могут привести к деструктивным проявлениям в поведении подростков.

В силу того, что подростки не обладают навыками самостоятельного преодоления стрессовых ситуаций и выработки стиля без отклоняющихся форм поведения, то они поступают как «принято и модно» [аика, Крейдун, Ячина, 1990, с. 83-84; Кузнецова, 2018б, с. 18-19].

В настоящее время, в информационном обществе высокий уровень влияния индивида на социум, а, следовательно, последствия деструктивных действий могут быть совершенно непредвиденными. Таким образом, можно отметить, что проблема взаимоотношений детей и родителей влияет на развитие деструктивного поведения среди подростков, и на сегодняшний день является актуальной.

Ребенок, который не видел положительного примера взаимодействия с окружающими, часто не умеет выстраивать отношения с ровесниками. Отсутствие навыков общения приводит к социальной изоляции, что в свою очередь усугубляет чувство одиночества и неуверенности. Дети из таких семей могут также испытывать трудности с установлением границ — или, наоборот, становятся чрезмерно агрессивными и пытаются отстоять свое «я» за счет других.

Эмоциональные реакции детей также становятся неадекватными. Непонимание своих эмоций становится нормой, а негативные чувства, такие как гнев или печаль, подавляются или, наоборот, проявляются в избыточной форме. Это делает их слишком уязвимыми к внешним влияниям и повышает шансы на развитие зависимостей.

Дети часто переносят ответственность за родительские конфликты или насилие, убеждая себя, что если бы они были «лучшими», то все было бы по-другому. Непонимание любви и привязанности также остается серьезным наследием деструктивной среды. Дети, вырастающие в таких условиях, могут не осознавать, как выглядит здоровая привязанность. Они растут с искаженным восприятием отношений, что может привести к повторению травмирующего опыта в их собственной взрослой жизни. Часто такие дети становятся жертвами или агрессорами в будущих романтических и дружеских отношениях.

Подростковому возрасту свойственны следующие особенности: эмоциональная незрелость, резкие колебания настроения, недостаточно развитое умение контролировать собственное поведение, соразмерять желания и возможности в удовлетворении своих потребностей, повышенная внушаемость, желание самоутвердиться и стать взрослым, повышенная чувствительность к оценке посторонних, категоричные суждения по отношению к окружающим. В этом возрасте дети менее предсказуемы, они чаще совершают поступки, выходящие за рамки общественных норм [Заика, Крейдун, Ячина, 1990; Злоказов, 2016; Кузнецова, 2018б; Кулагина, 2008].

За деструктивным поведением, как правило, стоят искаженная картина мира и асоциальные установки в морально-психологическом плане. Для того, чтобы установка соответствовала поведению, необходимо, чтобы установка личности подростка была четкой [Реан, Коновалов, Новикова, 2015, с. 281-286].

Для подростка деструктивное поведение является адекватной реакцией на ненормальные для него условия (социальные или микросоциальные), в которых он оказался [Злоказов, 2016; Кузнецова, 2018б; Реан, 2015]. Важно отметить, что такие реакции подростка, как отказ или протест, являются, как правило, результатом эмоционально зависимых, дисгармоничных семейных отношений.

Подводя итог, можно отметить, что способы помощи таким детям должны быть

разнообразными и учитывать их индивидуальные потребности. Важно создать пространство, где ребенок может поделиться своими переживаниями и научиться распознавать свои эмоции. Создание безопасного и поддерживающего окружения в школе имеет ключевое значение. Объединение усилий родителей, педагогов и психотерапевтов, а также поддержка общественных организаций могут существенно изменить ситуацию к лучшему.

В учебных заведениях создание безопасной и поддерживающей среды может быть реализовано через формирование групп поддержки, где ученики смогут свободно делиться своими переживаниями. Педагоги должны быть готовы слушать ребят, обращать внимание на их эмоциональные состояния и направлять на помощь, если необходимо. Безопасная атмосфера также предполагает уважительное отношение к каждому ребенку, независимо от его семейного фона.

Работа с родительской аудиторией также требует применения специфических методов. Родители должны быть вовлечены в процессы, создаваемые в учебных заведениях для поддержки их детей. Образовательные семинары и тренинги на темы самопомощи, управления стрессом и эмоциональной поддержки могут стать важным вкладом в образовательный процесс.

Родителям стоит помнить, что даже если они не могут изменить семейную ситуацию ребенка, они могут стать его защитниками. Это подразумевает активное участие в жизни ребенка, проявление заботы и внимания к его потребностям. Простой жест поддержки, такой как выполнение домашних заданий вместе или совместные прогулки, могут создать чувство защиты и уменьшить чувство одиночества у детей. Родители должны научиться распознавать признаки неблагополучия у своих детей и быть готовыми оказывать им необходимую помощь.

Интеграция специализированных психологических служб в образовательные учреждения также является необходимой мерой. Взаимодействие с общественными организациями, которые занимаются вопросами семьи и детства, помогает расширить спектр доступных ресурсов и программ для семей в трудных жизненных ситуациях.

Каждый ребенок уникален, и поэтому к нему необходим индивидуальный подход. Важно, чтобы и педагоги, и родители работали совместно, создавая сеть поддержки, которая даст возможность ребенку ощущать безопасность и уверенность в будущем.

Заключение

В заключение, стоит отметить, что каждому ребенку, выросшему в деструктивной семье, требуется понимание и поддержка. Работая над изменением своей среды и создавая позитивные отношения, можно помочь этим детям преодолеть прошлые травмы и начать новую главу своей жизни. Семья должна быть фактором эффективной социализации личности и социальной адаптации. Некоторые агрессивные подростки не могут разрешать конфликт иным способом, потому что не имеют знаний и конструктивном решении возникшей трудной ситуации. Важно отметить, что потребность в любви и уважении является для человека одной из главных потребностей.

Библиография

1. Заика Е.В., Крейдун Н.П., Ячина А.С. Психологическая характеристика личности подростков с отклоняющимся поведением // Вопросы психологии. 1990. № 4. С. 83-91.
2. Захаров А.И. Психологические особенности восприятия детьми роли родителей // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 59-68.

3. Злоказов К.В. Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе // Педагогическое образование в России. 2016. № 5. С. 71-81.
4. Ипатов А.В. Личностные особенности деструктивных подростков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (64). С. 210-214.
5. Клейберг Ю.А. Типология деструктивного поведения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1. С. 130-135.
6. Кузнецова М.Н. Особенности подростков, склонных к деструктивному поведению // Психология в меняющемся мире: проблемы, гипотезы, исследования: сборник материалов международной студенческой научно-практической конференции. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С. 18-23.
7. Кузнецова М.Н. Теоретические аспекты психологии деструктивного поведения у подростков // Научный поиск: материалы X научной конференции аспирантов и докторантов. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С. 124-131.
8. Кулагина И.Ю. Возрастная психология. Москва: Сфера, 2008. 463 с.
9. Реан А.А. Влияние семьи и социальных установок на асоциальное поведение несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 281-288.
10. Реан А.А., Коновалов И.А., Новикова М.А. Семья в представлении подростков с просоциальным и асоциальным поведением // Мир психологии. 2015. № 1 (93). С. 75-86.
11. Трошина Н.В. Формы агрессивного выражения деструктивности в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 193-195.
12. Фетискин Н.П. Личностные особенности несовершеннолетних делинквентов // Педагогическое образование в России. 2017. № 1 (11). С. 105-108.

Dysfunctional Family Relationships as a Significant Factor in Criminalization

Nadezhda V. Staroverova

Doctoral Candidate,
Southwestern State University,
305000, 94, 50 let Oktyabrya str., Kursk, Russian Federation;
e-mail: savinceva.82@mail.ru

Abstract

The article presents an analysis of the problem of parent-child relationships with destructive behavior. The issues of the prevalence of destructive behavior in adolescence and the role of parent-child relationships are discussed. The features of adolescents prone to unlawful behavior and the features of child-parent relationships in families with children prone to destructive behavior are examined.

For citation

Staroverova N.V. (2026) *Disfunktsional'nyye otnosheniya v semye kak znachimyy faktor kriminalizatsii* [Dysfunctional Family Relationships as a Significant Factor in Criminalization]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 501-507. DOI: 10.34670/AR.2026.60.94.055

Keywords

Destructions, destructive behavior, family, adolescence, child-parent relationships, criminalization, antisocial behavior, toxic family, prevention of destructive behavior, social adaptation.

References

1. Fetiskin, N. P. (2017). Lichnostnyye osobennosti nesovershennoletnikh delinkventov [Personal Characteristics of Juvenile Delinquents]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*, (1), 105-108.
2. Ipatov, A. V. (2014). Lichnostnyye osobennosti destruktivnykh podrostkov [Personal Characteristics of Destructive Adolescents]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (4), 210-214.
3. Kleiberg, Yu. A. (2018). Tipologiya destruktivnogo povedeniya [Typology of Destructive Behavior]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, (1), 130-135.
4. Kulagina, I. Yu. (2008). Vozrastnaya psikhologiya [Developmental Psychology]. Sfera.
5. Kuznetsova, M. N. (2018a). Osobennosti podrostkov, sklonnykh k destruktivnomu povedeniyu [Characteristics of Adolescents Prone to Destructive Behavior]. In *Psikhologiya v menyayushchemsya mire: problemy, gipotezy, issledovaniya* (pp. 18-23). YUUrGU Publishing Center.
6. Kuznetsova, M. N. (2018b). Teoreticheskiye aspekty psikhologii destruktivnogo povedeniya u podrostkov [Theoretical Aspects of the Psychology of Destructive Behavior in Adolescents]. In *Nauchnyy poisk* (pp. 124-131). YUUrGU Publishing Center.
7. Rean, A. A. (2015). Vliyaniye semi i sotsialnykh ustanovok na asotsialnoye povedeniye nesovershennoletnikh [The Influence of Family and Social Attitudes on Antisocial Behavior of Minors]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (7), 281-288.
8. Rean, A. A., Konovalov, I. A., & Novikova, M. A. (2015). Semya v predstavlenii podrostkov s prosotsialnym i asotsialnym povedeniyem [The Family in the Perception of Adolescents with Prosocial and Antisocial Behavior]. *Mir psikhologii*, (1), 75-86.
9. Troshina, N. V. (2017). Formy agressivnogo vyrazheniya destruktivnosti v sovremennom obshchestve [Forms of Aggressive Expression of Destructiveness in Modern Society]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, (7), 193-195.
10. Zaika, E. V., Kreidun, N. P., & Yachina, A. S. (1990). Psikhologicheskaya kharakteristika lichnosti podrostkov s otklonyayushchimsya povedeniyem [Psychological Characteristics of the Personality of Adolescents with Deviant Behavior]. *Voprosy psikhologii*, (4), 83-91.
11. Zakharov, A. I. (2007). Psikhologicheskiye osobennosti vospriyatiya detmi roli roditeley [Psychological Features of Children's Perception of the Role of Parents]. *Voprosy psikhologii*, (1), 59-68.
12. Zlokazov, K. V. (2016). Sotsialno-psikhologicheskiye predposylki destruktivnogo povedeniya podrostkov v shkole [Socio-Psychological Prerequisites for Destructive Behavior of Adolescents at School]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*, (5), 71-81.

УДК 364.632**DOI: 10.34670/AR.2026.16.65.056****Формирование превентивно-профилактической модели
противодействия домашнему насилию в России****Староверова Надежда Васильевна**

Соискатель,

Юго-Западный государственный университет,
305000, Российская Федерация, Курск, ул. 50 лет Октября, 94;
e-mail: savinceva.82@mail.ru**Аннотация**

В статье автором рассматриваются проблемные вопросы семейной насильственной преступности, предлагается разработка мер оперативного реагирования на домашнее насилие, определены задачи по формированию превентивно-профилактической модели, способной обеспечивать устойчивые темпы снижения и устранения рисков рецидива случаев домашнего насилия.

Для цитирования в научных исследованиях

Староверова Н.В. Формирование превентивно-профилактической модели противодействия домашнему насилию в России // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 508-512. DOI: 10.34670/AR.2026.16.65.056

Ключевые слова

Домашнее насилие, семейно-бытовое насилие, противодействие насилию в семье, профилактика домашнего насилия, уголовно-правовая политика, семейно-правовая политика, виктимность, права женщин, права детей, ресоциализация.

Введение

Как справедливо отмечает И. Д. Плеханов, системные трудности профилактики домашнего насилия в России, в первую очередь, связаны с существенным правовым пробелом – отсутствием легальной дефиниции (и как следствие – разграничения) ключевых правовых категорий, характеризующих формы насилия в семье. В научной литературе, правозащитной практике, СМИ и официальной риторике представителей государственных органов широко представлены сразу три смежных термина – «домашнее насилие», «бытовое насилие» и «семейное насилие». Так, термин «домашнее насилие» охватывает любые формы насилия, совершаемые в рамках фактического или зарегистрированного совместного проживания супругов, родителей и детей (включая незарегистрированные в органах ЗАГС отношения сожительства). Понятие «семейное насилие» предполагает наличие формально установленных семейных связей (кровных, брачных или вследствие процедуры усыновления/удочерения) [Плеханов, 2025, с. 24-29]. Наконец, категория «бытового насилия» применяется преимущественно в оперативно-служебной деятельности МВД и силовых структур и носит расширительный характер, т. к. охватывает не только случаи насилия в отношении членов семьи, но и лиц, проживающих в тесных соседских отношениях [Плеханов, 2025, с. 24-29].

Основная часть

В то же время проблемы методологии подсчета, высокая латентность данного вида правонарушений (в т. ч. вследствие систематичности и зависимости жертвы от агрессора), а также существенная политизированность исследуемого вопроса в общественной дискуссии затрудняет статистический учет фактов домашнего насилия. Официальные данные расходятся с результатами социологических исследований, фиксирующих более широкий масштаб явления в среднегодовой перспективе (286 ежегодных случаев гибели женщин по результатам семейно-бытовых конфликтов, по данным МВД РФ за 2015-2020 гг., против 14 000, по данным широкого круга исследователей и правозащитных организаций за период 1997-2019 гг.). Как отмечает В. В. Соляник, как правило, данные официальных источников отражают лишь зарегистрированные случаи, по которым возбуждено уголовное дело или составлен протокол об административном правонарушении [Соляник, 2021, с. 16-18], тогда как социологические исследования выявляют значительно более широкий масштаб явления в силу широкой выборки и отсутствия рисков насилия по мотивам мести в отношении жертв [Соляник, 2021, с. 16-18].

Наконец, серьезную проблему создает отсутствие самостоятельного состава преступления, отражающего специфику насилия в сфере близких отношений. В настоящее время домашнее насилие квалифицируется в рамках общих составов преступлений, предусмотренных УК РФ (ст. 115, 116, 117, 119, 156 и др.), что не учитывает зависимый характер отношений между жертвой и агрессором. По мнению ряда исследователей, проблему усугубила политика декриминализации побоев в отношении близких лиц (в связи с исключением с 07.02.2017 из диспозиции ст. 116 УК РФ [Уголовный кодекс РФ, 1996] соответствующего состава в пользу административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ [Кодекс РФ об административных правонарушениях, 2001]), т. к. подобный шаг ослабил защиту пострадавших и подорвал доверие к правовым механизмам предупреждения эскалации насилия. В совокупности эти обстоятельства свидетельствуют о системной несогласованности и фрагментарности существующей модели, что обуславливает необходимость разработки специального правового

инструментария профилактики.

Несмотря на то, что 89% россиян, участвовавших в 2024 г. в опросе социологической службы «Russian Field», высказались «за» законодательство о домашнем насилии [Публичный отчет «Восприятие домашнего насилия», 2024], вопрос принятия Проекта Федерального закона №1 183 390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [Проект Федерального закона №1183390-6, 2016] остается предметом острой общественной дискуссии на протяжении всего срока с момента его внесения на обсуждение 28 сентября 2016 г. Еще в 2018 г. в тексте профильного Отчета Всемирного банка «Women, Business and the Law» экспертами отмечался крайне низкий уровень институциональной защиты прав российских женщин, так, Россия набрала ноль баллов в блоке, касающемся противодействия домашнему насилию [Отчет Всемирного банка «Women, Business and the Law», 2018]. Данная ситуация демонстрирует разрыв между социальной значимостью проблемы и инструментарием ее правового регулирования: российские власти исходят из достаточности существующих норм УК РФ и КоАП РФ, однако исследователи и представители практики подчеркивают [8, 269-276], что без специального законодательства невозможно обеспечить раннюю профилактику и комплексную защиту жертв домашнего насилия [Левченко, Патрушев, 2019, с. 269-276].

Суть полемики вокруг принятия Проекта Федерального закона №1 183 390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» сводится к противостоянию двух позиций: с одной стороны, сторонники законопроекта подчеркивают, что действующее уголовное и административное законодательство не отражает специфики семейных отношений и не обеспечивает реальной защиты пострадавших; с другой – противники опасаются расширительного толкования и чрезмерного вмешательства государства в частную сферу. В свою очередь, сценарии принятия закона о домашнем насилии, как правило, также исследуются в двух плоскостях: первый (мягкий) подход предполагает принятие специального закона профилактической направленности, позволяющего ввести меры раннего реагирования и обеспечить пострадавшим психологическую и правовую помощь; второй (эволюционный) подход направлен на системную корректировку уголовного законодательства через повторную криминализацию деяний, отнесенных к административными составам, и дополнение ст. 63 УК РФ новым отягчающим обстоятельством в виде «совершения преступления в отношении близкого родственника, супруга, сожителя или иного лица, с которым виновного связывают устойчивые фактические отношения, характеризующиеся совместным бытом, материальной или иной зависимостью».

Заключение

В контексте социальной политики противодействия домашнему насилию на первый план выходит разработка комплексных мер поддержки и сопровождения пострадавших, ориентированных не только на преодоление острого кризиса [9, 64-675], но и на долгосрочную ресоциализацию, которая сочетала бы превентивные и охранительные меры [Ситников, Шахматов, 2024, с. 664-675]. В частности, в профильной литературе и материалах практиков социальной работы выделяются следующие наиболее значимые направления профилактики: создание и развитие специализированных учреждений поддержки (кризисных центров, т.н. «шелтеров» для женщин и детей, пострадавших от насилия [Артемьев, Закирова, 2023, с. 1001-1007], а также служб семейного консультирования) [Артемьев, Закирова, 2023, с. 1001-1007]; формирование целевых профилактических программ (первичных – в виде просвещение

широких групп населения, вторичных – в форме адресной работы с группами риска и третичных – посредством вмешательства и сопровождения случаев насилия с целью предотвращения рецидива); развитие форм анонимной и безопасной связи (включая «горячие линии» и цифровые сервисы экстренного реагирования); информационно-просветительская деятельность, направленная на снижение общественной терпимости к домашнему насилию [Думанская, 2024, с. 260-266]; поддержание механизмов безопасной самозащиты и минимизации практик виктимного поведения потенциальных жертв [Думанская, 2024, с. 260-266].

Представляется, что в отсутствие предложенных мер эффективная защита жертв и снижение масштабов проблемы остаются недостижимыми.

Библиография

1. Артемьев Р.А., Закирова Е.Н. Социальная работа по профилактике домашнего насилия // Вестник науки. 2023. № 12 (69). С. 1001-1007.
2. Думанская Е.И. Виктимизация от домашнего насилия: проблемы профилактики // Виктимология. 2024. № 2. С. 260-266.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 26.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>
4. Левченко Е.В., Патрушев И.Е. Профилактика домашнего насилия // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 269-276.
5. Отчет Всемирного банка «Women, Business and the Law» (2018) // Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://wbl.worldbank.org/reports/>
6. Плеханов И.Д. Перспективы и пути интеграции категории «домашнее насилие» в уголовное законодательство Российской Федерации // Вестник права. 2025. № 1. С. 24-29.
7. Проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (внесен 28.09.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>
8. Публичный отчет «Восприятие домашнего насилия» (2024) // Официальный сайт социологической службы «Russian Field». URL: <https://russianfield.com/domesticviolence/>
9. Ситников В.Л., Шахматов А.В. Профилактика домашнего насилия // Российский девиантологический журнал. 2024. № 4. С. 664-675.
10. Соляник В.В. Домашнее насилие в России: общая характеристика // The Scientific Heritage. 2021. № 65-4. С. 16-18.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 30.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>

Formation of a Preventive Model for Countering Domestic Violence in Russia

Nadezhda V. Staroverova

Doctoral Candidate,
Southwestern State University,
305000, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, Russian Federation;
e-mail: savinceva.82@mail.ru

Abstract

In the article, the author examines problematic issues of family violent crime, proposes the development of measures for rapid response to domestic violence, and defines tasks for the

formation of a preventive model capable of ensuring sustainable rates of reduction and elimination of risks of recidivism in cases of domestic violence.

For citation

Staroverova N.V. (2026) Formirovaniye preventivno-profilakticheskoy modeli protivodeystviya domashnemu nasiliyu v Rossii [Formation of a Preventive Model for Countering Domestic Violence in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 508-512. DOI: 10.34670/AR.2026.16.65.056

Keywords

Domestic violence, family violence, countering domestic violence, prevention of domestic violence, criminal law policy, family law policy, victimhood, women's rights, children's rights, resocialization.

References

1. Artemyev, R. A., & Zakirova, E. N. (2023). Sotsialnaya rabota po profilaktike domashnego nasiliya [Social Work on Domestic Violence Prevention]. *Vestnik nauki*, (12), 1001-1007.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended February 26, 2026). ConsultantPlus. Retrieved from <http://www.consultant.ru/>
3. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended December 30, 2025). ConsultantPlus. Retrieved from <http://www.consultant.ru/>
4. Dumanskaya, E. I. (2024). Viktimizatsiya ot domashnego nasiliya: problemy profilaktiki [Victimization from Domestic Violence: Problems of Prevention]. *Viktimologiya*, (2), 260-266.
5. Draft Federal Law No. 1183390-6 "On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation" (submitted September 28, 2016). ConsultantPlus. Retrieved from <http://www.consultant.ru/>
6. Levchenko, E. V., & Patrushev, I. E. (2019). Profilaktika domashnego nasiliya [Domestic Violence Prevention]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*, (4), 269-276.
7. Plekhanov, I. D. (2025). Perspektivy i puti integratsii kategorii "domashneye nasiliye" v ugodnoye zakonodatelstvo Rossiyskoy Federatsii [Prospects and Ways of Integrating the Category of "Domestic Violence" into the Criminal Legislation of the Russian Federation]. *Vestnik prava*, (1), 24-29.
8. Public Report "Perception of Domestic Violence". (2024). Russian Field Sociological Service. Retrieved from <https://russianfield.com/domesticviolence/>
9. Sitnikov, V. L., & Shakhmator, A. V. (2024). Profilaktika domashnego nasiliya [Domestic Violence Prevention]. *Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal*, (4), 664-675.
10. Solyanik, V. V. (2021). Domashneye nasiliye v Rossii: obshchaya kharakteristika [Domestic Violence in Russia: General Characteristics]. *The Scientific Heritage*, (65-4), 16-18.
11. World Bank Report "Women, Business and the Law". (2018). The World Bank. Retrieved from <https://wbl.worldbank.org/reports/>

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2026.28.42.057

Гарантии и проблемы защиты адвокатской тайны

Решетников Владимир Михайлович

Аспирант,
Юридический институт,
199106, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Гаванская ул., 3;
Адвокат,
Адвокатская коллегия Санкт-Петербурга «Вертикаль»
Адвокатской палаты Ленинградской области,
191036, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Лиговский просп., 10/118, литера А;
e-mail: ucivile@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются вопросы защиты адвокатской тайны в современной российской правовой системе, выявляются проблемы реализации гарантий независимости адвокатской деятельности и механизмы правовой защиты конфиденциальной информации. Проведен анализ действующего законодательства, включая Федеральный закон № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекс профессиональной этики адвоката, постановления Конституционного Суда РФ, а также типовые правила пребывания посетителей в судах. Особое внимание уделено судебной практике по делам, связанным с нарушением адвокатской тайны, и статистическим данным о проведении обысков, выемок и осмотров у адвокатов. Рассмотрены различные научные позиции относительно границ адвокатской тайны: от абсолютной неприкосновенности до ограничений в интересах общественной безопасности и предупреждения тяжких преступлений. Проанализированы результаты опросов ВЦИОМ и адвокатских палат о доверии к юристам и проблемах соблюдения адвокатской тайны. Сделан вывод о низкой эффективности существующих правовых механизмов и необходимости законодательного усовершенствования, включая определение пределов адвокатской тайны, введение административной ответственности за ее разглашение и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов. Предложенные меры направлены на обеспечение баланса между защитой конфиденциальной информации доверителя и публичными интересами, повышение доверия к адвокатской профессии и усиление гарантий независимой юридической деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Решетников В.М. Гарантии и проблемы защиты адвокатской тайны // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 513-522. DOI: 10.34670/AR.2026.28.42.057

Ключевые слова

Адвокатская тайна, защита прав, независимость адвоката, юридическая практика, правоприменение, конфиденциальность, адвокатская деятельность.

Введение

В современных условиях, защита прав и свобод граждан выступает на первом месте и в этой связи отдельно затрагивается вопрос адвокатской тайны. Статус адвоката предполагает высокую юридическую квалификацию. Наряду с этим, адвокаты, наделены дополнительными полномочиями и гарантиями - осуществляют свою деятельность самостоятельно и независимо, функционируют в режиме адвокатской тайны. Эта тайна не только профессиональный стандарт адвокатской деятельности, но и важный элемент обеспечения доверия между адвокатом и доверителем.

Между тем в научном сообществе существуют две точки зрения о пределах охраны адвокатской тайны.

Первая группа ученых полагает, что адвокатская тайна должна иметь ограниченный характер.

А. Л. Цыпкина [Цыпкин, 2001, с. 55–86] в своих суждениях пришел к тому, что, когда на одной чаше весов находится адвокатская тайна, а на другой — общественная безопасность (в том числе в масштабах мирового сообщества), однозначно перевес должен идти в сторону последней.

В.А. Клейменова [Клейменова, 2025, с. 214–215] убеждена, что, когда адвокатскую тайну составляют сведения о готовящемся или совершаемом преступлении (например, подготовка террористического акта или удержание человека в неволе, соответственно), разглашение адвокатской тайны должно являться не правом адвоката, а его обязанностью, за невыполнение которой он подлежит ответственности, в зависимости от тех последствий, которые наступят от его бездействия (вплоть до уголовной).

Вторая группа ученых, к которой относятся В.Ф. Анисимов [Анисимов, 2013, с. 66], Н.С. Манова [Манова, 2018, с. 209], В.Ю. Панченко [Панченко, 2023, с. 98], считают, что характер адвокатской тайны является абсолютным, что исключает возможность ее разглашения даже в минимальном (частичном) объеме или при наличии «особых» случаев.

Автор же настоящей статьи разделяет третье мнение - ученых А.Д. Бойкова [Бойков, 2007, с. 97–98], Т.Г. Дабижа [Дабижа, 2017, с. 37] указывающих, что до сих пор нет четкого представления о пределах независимости адвокатской деятельности и адвокатуры, приемлемых способах ограничения данной независимости, о гарантиях независимости, и что не всегда различаются понятия независимости адвокатуры и независимости адвоката.

Адвокат Коллегии адвокатов города Москвы «Ошеров, Онисковец и Партнеры» Бадыло Юлия Михайловна [Бадыло, 2021, с. 54–58], среди основных проблем, касающихся защиты адвокатской тайны, выделяет четыре ключевых аспекта: скрытое наблюдение за адвокатом, прослушивание телефонных и личных переговоров адвоката с доверителем, перлюстрация переписки адвоката и подзащитного, а также обыски в помещении адвоката.

Материалы и методы

В настоящем исследовании использован комплексный подход, включающий анализ нормативно-правовых актов Российской Федерации (Федеральный закон № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекс профессиональной этики адвоката, Постановления Конституционного Суда РФ, типовые правила пребывания посетителей в судах), судебной практики по делам, связанным с защитой адвокатской тайны, а

также статистические данные Судебного департамента и опросы ВЦИОМ и адвокатских палат. Методологической основой послужили сравнительно-правовой анализ, контент-анализ судебных решений и кейс-стади отдельных резонансных инцидентов с нарушением адвокатской тайны. В качестве эмпирической базы использованы сведения о проведении обысков, выемок и осмотров у адвокатов в период 2019–2024 гг., данные опроса 1600 граждан о доверии к юристам и анализ публикаций и комментариев практикующих адвокатов, а также мнения ведущих ученых в области адвокатской деятельности и права. Применялся комплексный аналитический подход, позволяющий выявить пробелы в законодательстве и правоприменительной практике, оценить эффективность существующих механизмов защиты адвокатской тайны и обосновать предложения по совершенствованию нормативной базы и процедур обеспечения конфиденциальности информации адвоката и доверителя.

Результаты и обсуждения

В мае 2023 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [ВЦИОМ, 2023] представил результаты опроса россиян о профессии юриста в рамках XI Петербургского международного юридического форума. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Согласно исследованию, 67% россиян доверяют специалистам, из них только 13% заявили об этом с полной уверенностью. Каждый пятый (19%) не считает юристов надёжными, ещё у 6% нет опыта взаимодействия с ними.

Согласно данным Судебного департамента [Российская газета, 2025], в 2024 году было рассмотрено 317 ходатайств следователей о производстве обыска (выемки) осмотра у адвокатов, из них удовлетворено 298 ходатайств, что составляет 94 процента. В 2023 году из 360 было удовлетворено 339 ходатайств (94,1%), в 2022 году из 427 удовлетворено 412 ходатайства (96,4%), в 2021 году из 430 удовлетворено 396 ходатайств (92%). В 2020 году из 645 ходатайств удовлетворено 596, что составило 92,4%. Наконец, в 2019 году из 710 ходатайств удовлетворено 655, то есть 92,25%.

7 декабря 2023 г. Постановлением Совета судей Российской Федерации № 32 утверждены типовые правила пребывания посетителей в судах, пункт 2.1 исключил применения технических средств охраны и досмотра в отношении адвокатов, при предъявлении удостоверения.

Вместе с тем, названные правила не изменили ситуацию. Адвокаты в отличие от работников прокуратуры, следователей подвергаются досмотру, в связи с введением правил утверждаемых председателями судов, исключая адвокатов при вхождении в здания судов, так как типовые правила носят рекомендательный характер, что позволяет председателем судов различного уровня вносить изменения в типовые правила, исключив адвокатов из списка лиц, не подлежащих досмотру.

Несомненно, досмотр личных вещей адвокатов затрагивает и охраняемую законом адвокатскую тайну, так как под видом обеспечения мер безопасности фактически позволяет судебным приставам знакомиться с адвокатским производством.

10 октября 2025 года Адвокатская палата Ленинградской области на своем сайте разместила опрос о проблемах доступа адвокатов в Санкт-Петербургские суды [Адвокатская палата Ленинградской области], в частности связанные с досмотром адвокатов и содержимого их сумок, в которых находятся адвокатские производства.

Таким образом, данные статистики показывают о слабом доверии россиян к юристам и в то

же время высоком проценте удовлетворения ходатайств следователей о проведении обысков (выемки) осмотра у адвокатов и занимаемых ими помещениях, а также не утихание вопросов охраны адвокатского производства в самом адвокатском сообществе, что является одним из сигналов к изменению правового механизма охраны профессиональной тайны адвокатов.

Современной правовой системе хорошо известно множество словосочетаний со словом «тайна»: «врачебная тайна», «тайна усыновления», «тайна переписки», «тайна личной жизни», «тайна исповеди» и «нотариальная тайна», «военная тайна» и «государственная тайна», «банковская тайна» и «коммерческая тайна», «партийная тайна» и конечно же «адвокатская тайна».

Несомненно, что правовой основой защиты адвокатской тайны является Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Федеральный закон № 63-ФЗ, 2002] (далее – ФЗ № 63-ФЗ), который относит к адвокатской тайне любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. В свою очередь «Кодекс профессиональной этики адвоката» [Кодекс профессиональной этики адвоката] (далее – КПЭА) в пункте 5 статьи 6 конкретизируя, распространяет правило на сохранение профессиональной тайны на: факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

Адвокатская тайна не имеет срока действия (п. 2 ст. 6 КПЭА) и возникает с момент обращения доверителя к адвокату (п. 2 ст. 6.1 КПЭА), то есть еще до заключения какого-либо соглашения. Таким образом конфиденциальность полученных сведений включает все аспекты взаимодействия адвоката с доверителем, включая как устные, так и письменные коммуникации. Освободить от адвокатской тайны может только сам доверитель (п. 2 ст. 6 КПЭА), действуя письменно и в присутствии самого адвоката и ни кто иной.

В международных правоотношениях отмечена особая роль конфиденциальности обмена информации между юристом и подзащитным, как основы для справедливого правосудия [Основные принципы, касающиеся роли юристов, 1990]. Европейская конвенция по правам человека в статье 8 также включает защиту переписки и общения, в том числе с адвокатом [Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950], о чем говорят и принятые ЕСПЧ, судебные решения [Спронкен, Фермон, 2008].

Четкая регламентация таких процедур имеет особое значение, что подтверждается решением суда, признавшего нарушение статьи 8 Конвенции из-за отсутствия в национальном праве ясных правовых гарантий от неправомерного вмешательства [Волкова, 2022].

Указанные нормы международного права нашли свое продолжение и в российском праве. Так, согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года №33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других» указал, что материалы адвокатского производства, содержащие сведения, относящиеся к оказанию профессиональной помощи, не подлежат исследованию и

принудительному изъятию в ходе обыска.

Конституционный Суд Российской Федерации и ранее рассматривал дела, связанные с нарушением профессиональных прав адвокатов: о недопустимости производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования без принятия об этом специального судебного решения [Определение Конституционного Суда РФ № 439-О, 2005], свидетельском иммунитете адвоката [Определение Конституционного Суда РФ № 516-О-О, 2007], о запрете произвольного и допустимости обоснованного личного досмотра адвоката при посещении им исправительного учреждения для встречи с доверителем [Определение Конституционного Суда РФ № 428-О-П, 2008], об отсутствии исключения на получение судебного решения в качестве условия для осуществления следственных действий в отношении адвоката, несмотря на отсутствие прямых норм в УПК РФ, как исключающее обязательность соответствующего судебного решения в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Определение Конституционного Суда РФ № 673-О-О, 2008], о свидетельском иммунитете адвоката [Определение Конституционного Суда РФ № 1758-О, 2016].

Вынесенные высшим судом судебные акты, несомненно, повлияли и на правоприменительную практику в ходе защиты профессиональной тайны адвоката и свидетельствуют о необходимости усиления закона для её защиты.

Механизмы защиты профессиональной тайны адвоката прочно закрепились в статье 8 и статье 18 ФЗ № 63-ФЗ включив запрет допроса адвоката в качестве свидетеля об обстоятельствах ставших ему известными в связи с осуществлением профессиональной деятельностью; запрет на проведение оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий в отношении адвоката, включая жилые и служебные помещения, используемые им для осуществления адвокатской деятельности без судебного решения, а полученные в ходе таких действий сведения, предметы и документы не могут быть использованы в качестве доказательств обвинения, изъятых в том числе у адвокатов, приостановивших или прекративших свой статус. Установлен запрет на вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом и истребование от адвокатов, а также от работников адвокатских образований, адвокатских палат или Федеральной палаты адвокатов (далее - ФПА) сведений, связанных с оказанием юридической помощи по конкретным делам.

Кроме того, санкционированные судом мероприятия в отношении адвоката, такие как обыск, выемка и осмотр возможны только в присутствии представителя адвокатского сообщества.

В связи с этим, 1 июля 2025 года Совет ФПА утвердил Рекомендации [Рекомендации Совета ФПА, 2025], устанавливающие универсальные правила применения представителями адвокатских палат субъектов РФ положений уголовно-процессуального законодательства, регулирующего вопросы их участия при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката.

Устанавливаемый порядок и ранее регулировались адвокатском сообществом, но менее подробно [Методические рекомендации ФПА, 2017].

Казалось бы, при столь широком и в какой - то степени подробном описании границ самой адвокатской тайны не должно остаться вопросов, а сам механизм должен быть отточен.

Теория же далека от реальности. На практике адвокатам не редко приходится отстаивать свои гарантии в суде.

14 июля 2025 Восьмой арбитражный апелляционный суд вынес постановление по делу № А46-4475/2023, которым признал истребование выписки по счету адвокатской коллегии нарушением адвокатской тайны.

Июль 2024 года Новосибирский областной суд отказал следователю в допросе адвоката [Адвокатская газета, 2024].

В январе 2023 года Мосгорсуд отменил санкцию суда на допрос адвоката в качестве свидетеля [Адвокатская газета, 2023].

Таким образом можно выделить следующие проблемы в реализации защиты адвокатской тайны:

- нет четких границ, определяющих адвокатскую тайну;
- не оговорена возможность отступления от адвокатской тайны;
- нет реальной ответственности за разглашение адвокатской тайны;
- существует реальная угроза привлечения адвоката к уголовной ответственности за нераскрытые сведения ставших известными в ходе исполнения профессиональных обязанностей, послуживших совершению тяжкого или особо тяжкого преступления;
- недостаточная квалификация сотрудников правоохранительных органов в вопросах защиты адвокатской тайны.

Статья 10 КПЭА гласит «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом».

Адвокат, будучи юридическим советником по правовым вопросам, не должен становится соучастником или пособником в совершении преступления, давая юридические советы по уходу от ответственности или сокрытию совершаемого преступления, и не имеет право укрывать преступление, в тоже время он обязан отстаивать права и законные интересы своего доверителя.

Адвокатский иммунитет не может распространяться на сведения затрагивающие публичные интересы и фундаментальное право на жизнь и свободу.

Заключение

Таким образом, автору статьи видится необходимым установления ограничения распространения адвокатской тайны в отношении сведений, которые могут повлечь существенное нарушение прав и свобод граждан и которые уголовным законом отнесены к категории преступлений не ниже тяжкого, освободив адвоката от какой-либо ответственности в случае сообщения таких фактов.

С другой стороны, требуется введение административной ответственности за разглашение адвокатской тайны самим адвокатом, так как действующая дисциплинарная ответственность может не достигать нужного результата.

Предлагается обязательное прослушивание лекции или семинара в институте адвокатуры или адвокатской палате региона для сотрудников правоохранительных органов о защите адвокатской тайны и пределах взаимодействия с советниками по правовым вопросам в течение 6 месяцев с момента поступления на службу и далее не реже 1 раза в 3 года.

Высказанные предложения направлены на предотвращение злоупотреблений и защиту прав как адвокатов, так и их доверителей, обеспечивая тем самым баланс между интересами правосудия и защитой конфиденциальной информации.

Библиография

1. Адвокатская газета. Мосгорсуд отменил санкцию суда на допрос адвоката в качестве свидетеля. — 2023. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/mosgorsud-otmenil-sanktsiyu-suda-na-dopros-advokata-v-kachestve-svidetelya/>
2. Адвокатская газета. Новосибирский областной суд отказал следователю в допросе адвоката. — 2024. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/novosibirskiy-oblastnoy-sud-otkazal-sledovatelyu-v-doprose-advokata/>
3. Адвокатская палата Ленинградской области. Отношение к адвокатам в судах. — URL: <https://aplo.fparf.ru/news/chamber/otnoshenie-k-advokatam-v-sudakh/>
4. Анисимов В.Ф. Пределы адвокатской тайны // Научный журнал Правовая политика и правовая жизнь. — Саратов, 2013. — № 3. — С. 66.
5. Бадыло Ю.М. Европейские стандарты защиты адвокатской тайны // Адвокатская практика. — 2021. — № 1. — С. 54–58.
6. Бойков А.Д. Независимость адвокатуры // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2007. — № 6. — С. 97–98.
7. Волкова И.Ю. К вопросу о нарушении права на неприкосновенность частной жизни в сфере адвокатской тайны // Конференция «Ломоносов-2022». — Симферополь, 2022.
8. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Исследование общественного мнения по теме профессия юриста. — 2023. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-jurist>
9. Дабижа Т.Г. Обеспечение гарантий независимости адвокатской деятельности и адвокатуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2017. — С. 37.
10. Клейменова В.А. Гарантии и проблемы сохранения адвокатской тайны // Молодой ученый. — 2025. — № 47 (598). — С. 214–215. — URL: <https://moluch.ru/archive/598/130368>
11. Кодекс профессиональной этики адвоката. — URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/>
12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. — 2001. — № 3.
13. Манова Н.С. Адвокатская тайна в уголовном судопроизводстве: проблемы обеспечения и реализации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 2. — С. 209.
14. Методические рекомендации для представителя адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката (утв. Решением Совета ФПА РФ от 16.05.2017, протокол № 2). — URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/guidelines-for-the-representative-of-the-bar-association-during-the-search-inspection-and-seizure-in/>
15. Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 УПК РФ». — URL: consultant.ru
16. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 516-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан А.Л. Гольдмана и С.А. Соколова на нарушение их конституционных прав статьей 29, пунктом 3 части второй статьи 38, пунктами 2 и 3 части третьей статьи 56 и пунктом 1 части первой статьи 72 УПК РФ». — URL: consultant.ru
17. Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2008 № 428-О-П «По жалобе гражданки И.П. Кирюхиной на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 82 УИК РФ и пунктом 6 статьи 14 Закона РФ "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"». — URL: consultant.ru
18. Определение Конституционного Суда РФ от 12.10.2008 № 673-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан В.Ф. Крюкова и Н.Г. Забелина на нарушение их конституционных прав положениями статей 7, 29, 176, 177 и 450 УПК РФ». — URL: consultant.ru
19. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1758-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М.С. Бекова на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 50 и пунктом 3 части третьей статьи 56 УПК РФ». — URL: consultant.ru
20. Основные принципы, касающиеся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г.). — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml
21. Панченко В.Ю. Пределы действия адвокатской тайны // Международный научный журнал Инновационная наука. — 2023. — № 3-2. — С. 98.
22. Рекомендации Комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по обеспечению участия представителя адвокатской палаты субъекта РФ при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката (утв. Решением Совета ФПА РФ от 01.07.2025). — URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rekomendatsii-komissii-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rossiyskoy-federatsii-po-obespecheniyu-uch/>
23. Российская газета. Судебная статистика свидетельствует о сокращении количества обысков у адвокатов. — 2025. — URL: <https://rg.ru/2025/04/30/sudebnaia-statistika-svidetelstvuet-o-sokrashchenii-kolichestva-obyskov-u->

advokatov.html

24. Спронкен Т., Фермон Я. Защита адвокатской тайны в Европе // Penn State International Law Review. — 2008. — Т. 27, вып. 2.
25. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. — 2002. — № 100.
26. Цыпкин А.Л. Адвокатская тайна // Вопросы адвокатуры. — М.: Московская городская коллегия адвокатов, 2001. — № 2 (30). — С. 55–86.

Guarantees and Problems of Protecting Attorney-Client Privilege

Vladimir M. Reshetnikov

Postgraduate Student,
Law Institute,
199106, 3, Gavanaskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
Attorney,
"Vertikal" Bar Association of Saint Petersburg
of the Bar Chamber of the Leningrad Region,
191036, 10/118, Ligovsky ave., building A, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ucivile@yandex.ru

Abstract

The article examines issues of protecting attorney-client privilege in the modern Russian legal system, identifies problems in the implementation of guarantees of attorney independence, and mechanisms for the legal protection of confidential information. An analysis of current legislation is carried out, including Federal Law No. 63-FZ "On Attorney Activity and the Bar in the Russian Federation," the Code of Professional Ethics for Attorneys, rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as standard rules for visitors' presence in courts. Special attention is paid to judicial practice in cases related to the violation of attorney-client privilege and statistical data on searches, seizures, and inspections conducted at attorneys' premises. Various scientific positions regarding the boundaries of attorney-client privilege are examined: from absolute inviolability to restrictions in the interests of public safety and the prevention of serious crimes. The results of surveys by the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM) and bar chambers on trust in lawyers and problems of observing attorney-client privilege are analyzed. The conclusion is made about the low effectiveness of existing legal mechanisms and the need for legislative improvement, including defining the limits of attorney-client privilege, introducing administrative liability for its disclosure, and improving the qualifications of law enforcement officers. The proposed measures are aimed at ensuring a balance between protecting the client's confidential information and public interests, increasing trust in the legal profession, and strengthening guarantees of independent legal activity.

For citation

Reshetnikov V.M. (2026) Garantii i problemy zashchity advokatskoy tayny [Guarantees and Problems of Protecting Attorney-Client Privilege]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 513-522. DOI: 10.34670/AR.2026.28.42.057

Keywords

Attorney-client privilege, protection of rights, attorney independence, legal practice, law enforcement, confidentiality, attorney activity.

References

1. Advokatskaya gazeta [Advocate's Newspaper]. (2023). Mosgorsud otmenil sanktsiyu suda na dopros advokata v kachestve svidetelya [Moscow City Court Cancelled Court Sanction for Interrogating a Lawyer as a Witness]. Retrieved from <https://www.advgazeta.ru/novosti/mosgorsud-otmenil-sanktsiyu-suda-na-dopros-advokata-v-kachestve-svidetelya/>
2. Advokatskaya gazeta [Advocate's Newspaper]. (2024). Novosibirskiy oblastnoy sud otkazal sledovatelyu v doprose advokata [Novosibirsk Regional Court Refused the Investigator's Request to Interrogate a Lawyer]. Retrieved from <https://www.advgazeta.ru/novosti/novosibirskiy-oblastnoy-sud-otkazal-sledovatelyu-v-doprose-advokata/>
3. Anisimov, V. F. (2013). Predely advokatskoy tayny [Limits of Attorney-Client Privilege]. Nauchnyy zhurnal Pravovaya politika i pravovaya zhizn, 3, 66.
4. Badylo, Yu. M. (2021). Yevropeyskiye standarty zashchity advokatskoy tayny [European Standards for the Protection of Attorney-Client Privilege]. Advokatskaya praktika, 1, 54-58.
5. Bar Association of the Leningrad Region. (n.d.). Otnosheniye k advokatam v sudakh [Attitude Towards Lawyers in Courts]. Retrieved from <https://aplo.fparf.ru/news/chamber/otnoshenie-k-advokatam-v-sudakh/>
6. Boykov, A. D. (2007). Nezavisimost advokatury [Independence of the Bar]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika, 6, 97-98.
7. Code of Professional Ethics of a Lawyer. (n.d.). Retrieved from <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/>
8. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. (1950, November 4). Rome.
9. Constitutional Court of the Russian Federation. (2005, November 8). Ruling No. 439-O. Retrieved from consultant.ru
10. Constitutional Court of the Russian Federation. (2007, May 29). Ruling No. 516-O-O. Retrieved from consultant.ru
11. Constitutional Court of the Russian Federation. (2008, March 6). Ruling No. 428-O-P. Retrieved from consultant.ru
12. Constitutional Court of the Russian Federation. (2008, October 12). Ruling No. 673-O-O. Retrieved from consultant.ru
13. Constitutional Court of the Russian Federation. (2016, September 29). Ruling No. 1758-O. Retrieved from consultant.ru
14. Dabizha, T. G. (2017). Obespecheniye garantiy nezavisimosti advokatskoy deyatelnosti i advokatury [Ensuring Guarantees of Independence of Advocacy and the Bar] (Abstract of Candidate's Dissertation). Moscow.
15. Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation». (2002). Rossiyskaya gazeta, 100.
16. Guidelines for the Representative of the Bar Association during the Search, Inspection and Seizure in Respect of a Lawyer. (2017). Approved by the Decision of the Council of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation of May 16, 2017 (Protocol No. 2). Retrieved from <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/guidelines-for-the-representative-of-the-bar-association-during-the-search-inspection-and-seizure-in/>
17. Kleymenova, V. A. (2025). Garantii i problemy sokhraneniya advokatskoy tayny [Guarantees and Problems of Preserving Attorney-Client Privilege]. Molodoy uchenyy, 47(598), 214-215. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/598/130368>
18. Manova, N. S. (2018). Advokatskaya tayna v ugolovnom sudoproizvodstve: problemy obespecheniya i realizatsii [Attorney-Client Privilege in Criminal Proceedings: Problems of Enforcement and Implementation]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA), 2, 209.
19. Panchenko, V. Yu. (2023). Predely deystviya advokatskoy tayny [Limits of Attorney-Client Privilege]. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal Innovatsionnaya nauka, 3-2, 98.
20. Recommendations of the Commission of the Council of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation to Ensure the Participation of a Representative of the Bar Association of a Subject of the Russian Federation during Searches, Inspections and Seizures in Respect of a Lawyer. (2025). Approved by the Decision of the Council of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation of July 1, 2025. Retrieved from <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rekomendatsii-komissii-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rossiyskoy-federatsii-po-obespecheniyu-uch/>
21. Rossiyskaya gazeta [Russian Gazette]. (2025). Sudebnaya statistika svidetelstvuyet o sokrashchenii kolichestva obyskov u advokatov [Judicial Statistics Show a Reduction in the Number of Searches of Lawyers]. Retrieved from <https://rg.ru/2025/04/30/sudebnaia-statistika-svidetelstvuyet-o-sokrashchenii-kolichestva-obyskov-u-advokatov.html>
22. Spronken, T., & Fermon, J. (2008). Zashchita advokatskoy tayny v Yevrope [Protection of Attorney-Client Privilege in Europe]. Penn State International Law Review, 27(2).
23. Tsyppin, A. L. (2001). Advokatskaya tayna [Attorney-Client Privilege]. Voprosy advokatury, 2(30), 55-86.

24. United Nations. (1990). Basic Principles on the Role of Lawyers. Adopted by the Eighth UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Havana, August 27 – September 7, 1990. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml
25. Volkova, I. Yu. (2022). K voprosu o narushenii prava na neprikosновенност chastnoy zhizni v sfere advokatskoy tayny [On the Issue of Violation of the Right to Privacy in the Sphere of Attorney-Client Privilege]. In *Konferentsiya «Lomonosov-2022»*. Simferopol.
26. VTsIOM (All-Russian Public Opinion Research Center). (2023). Issledovaniye obshchestvennogo mneniya po teme professiya yurist [Public Opinion Research on the Legal Profession]. Retrieved from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professiya-jurist>

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2026.37.56.058

Проблемы реализации права адвоката при допуске к подзащитным

Решетников Владимир Михайлович

Аспирант,
Юридический институт,
199106, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Гаванская ул., 3;
Адвокат,
Адвокатская коллегия Санкт-Петербурга «Вертикаль»
Адвокатской палаты Ленинградской области,
191036, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Лиговский просп., 10/118, литера А;
e-mail: ucivile@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем недопуска адвокатов к подзащитным в России и оценке эффективности существующих правовых механизмов защиты профессиональных прав адвокатов. Рассматриваются нормативно-правовые акты, включая Конституцию РФ, Закон об адвокатуре, Закон о прокуратуре и инструкции МВД РФ, а также судебная практика, демонстрирующая сложность и длительность судебной защиты нарушенных прав. В работе проанализированы конкретные кейсы, включая резонансные инциденты с задержанием адвокатов, а также результаты опроса 520 адвокатов из 64 субъектов РФ, выявившие системный характер ограничений доступа к подзащитным. Особое внимание уделено пробелам законодательства, включая отсутствие уголовной и административной ответственности за препятствование деятельности адвоката, а также недостаточную эффективность пропускного режима в органах исполнительной власти. На основании выявленных проблем предложены рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы, обеспечению беспрепятственного доступа адвокатов к подзащитным и повышению оперативности правоприменительной практики. Работа подчеркивает необходимость комплексного подхода к защите профессиональных прав адвокатов для обеспечения доступности правосудия и соблюдения конституционных гарантий.

Для цитирования в научных исследованиях

Решетников В.М. Проблемы реализации права адвоката при допуске к подзащитным // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 523-531. DOI: 10.34670/AR.2026.37.56.058

Ключевые слова

Адвокат, подзащитный, права адвоката, недопуск, Закон об адвокатуре, пропускной режим, судебная практика, правоприменение, профессиональные права адвокатов.

Введение

Проблема обеспечения беспрепятственного доступа адвокатов к своим подзащитным остается одной из наиболее актуальных в современной российской правовой практике. Несмотря на закрепленные в Конституции РФ и Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» права адвокатов на защиту интересов доверителей и оказание квалифицированной юридической помощи, на практике адвокаты сталкиваются с препятствиями при входе в помещения правоохранительных органов, изоляторы и судебные учреждения. Анализ конкретных случаев, таких как задержания адвокатов В.М. Решетникова, Р. Жилокова и Д. Ципиновой, а также статистические данные опросов ФПА РФ и Центра конституционных исследований, демонстрируют системный характер нарушений профессиональных прав адвокатов. Существующие нормативные акты и инструкции, включая новые правила пропускного режима МВД РФ, не обеспечивают эффективный механизм защиты, а судебная практика зачастую оказывается затруднительной и длительной. В таких условиях возникает необходимость законодательного закрепления прав адвокатов на беспрепятственный доступ к подзащитным и введения административной и уголовной ответственности за воспрепятствование их профессиональной деятельности, что позволит не только повысить эффективность защиты прав граждан, но и укрепить публично-правовую функцию адвокатуры в России.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании использовались комплексный подход и междисциплинарные методы анализа для выявления проблем и закономерностей недопуска адвокатов к подзащитным в России. В качестве материала были использованы положения Конституции РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Закона о прокуратуре, Закона о полиции, соответствующие приказы и инструкции МВД РФ, а также судебная практика, включая решения Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и кассационные определения по административным делам. Дополнительно анализировались конкретные практические случаи, включая задержания адвокатов и препятствование их деятельности, данные мониторинга СМИ, социальных сетей и статистические результаты опроса 520 адвокатов из 64 субъектов РФ, проведенного Центром конституционных исследований совместно с ФПА РФ. Методы исследования включали системный, сравнительно-правовой и казуистический анализ нормативных и судебных актов, контент-анализ сообщений СМИ и статистических данных, а также качественный анализ конкретных кейсов. Такой подход позволил выявить типовые нарушения профессиональных прав адвокатов, оценить эффективность существующих правовых механизмов и определить направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики для обеспечения беспрепятственного доступа адвокатов к своим подзащитным.

Результаты и обсуждения

Статьей 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ [Федеральный закон № 63-ФЗ, 2002] (далее – Закон об адвокатуре), предусмотрено, что адвокат защищает права, свободы и интересы, а также

обеспечивает доступ к правосудию. Невозможно осуществлять защиту прав, свобод и интересов без установленной государством ответственности за воспрепятствование данной деятельности.

В этой связи заслуживает внимания точка зрения адвоката Вадима Ключванта [Гарант.ру, 2026], который указывает, что введение ответственности за незаконное вмешательство в адвокатскую деятельность является первоочередной и давно перезревшей задачей.

Согласно части 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

В соответствии с частью 1 статьи 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи.

Согласно п. 1 и 5 ч.2 ст. 2 Закона об адвокатуре, адвокат, оказывая юридическую помощь участвует в качестве представителя или защитника доверителя в производстве по делам об административных правонарушениях, дает консультации и справки по правовым вопросам как в устной, так и в письменной форме.

В этой связи, личное и непосредственное участие адвоката в ходе процессуальных действий, осуществляемых правоохранительными органами, становится обязательным. Для чего адвокату приходится входить в помещения различного видов: изоляторов, отделы полиции, помещения иных органов осуществляющих уголовное преследование и суды.

О проблемах допуска адвокатов писали такие научные деятели, как А. С. Советкина и Е. Б. Калашникова [Советкина, Калашникова, 2020, с. 66–68], О. В. Отчерцова [Отчерцова, 2016, с. 107–123], А.В. Подзигун А.В. [Подзигун, 2018], А.А. Гривцов [ФПА РФ, О проблеме недопуска адвоката к доверителю].

Вопрос соблюдения прав адвокатов является как никогда актуальным. Обоснованно было отмечено в совместном письме президента Федеральной палаты адвокатов РФ С. И. Володиной и председателя комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов РФ по защите прав адвокатов Г. М. Резника на имя Председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина от 17.10.2023, в последние годы наблюдается устойчивая тенденция роста фактов преступных посягательств на адвокатов в связи с осуществлением ими профессиональной деятельности [Письмо Председателю Следственного комитета РФ, 2023].

Таким образом наиболее частым проявлением нарушения прав адвоката является воспрепятствование входу в соответствующие здания и служебные помещения органов исполнительной власти, с целью исключения доступа адвоката к подзащитному.

Право беспрепятственного прохода на территорию, в здания и сооружения в связи с исполнением возложенных на них обязанностей наделены все правоохранительные органы, такое право закреплено Законом о полиции [Федеральный закон № 3-ФЗ, 2011] (пункт 5 части 1 статьи 13), Законом о прокуратуре Российской Федерации [Федеральный закон № 2202-1, 1992] (пункт 1 статьи 22), Законом о Следственном комитете Российской Федерации [Федеральный закон № 403-ФЗ, 2010] (пункт 1 части 1 статьи 7), Федеральным законом о федеральной службе безопасности [Федеральный закон № 40-ФЗ, 1995] (пункт «з» статьи 13) и так далее.

Ограниченное право адвокатов на посещения органов прокуратуры и судов при предъявлении удостоверения закреплено в пункте 3 статьи 15 Закона об адвокатуре. Названная норма права не порождает для адвокатов привилегии беспрепятственного прохода в вышеупомянутые здания, но ограничивается ими, не предоставляя соответствующее право для прохода в здания МВД, ФСБ, СКР, ФССП, ФТС и тд.

21 октября 2025 года Минюстом РФ за № 83899 зарегистрирован приказ МВД РФ от

27.03.2025 № 170 «Об установлении пропускного и внутриобъектового режимов на объектах системы МВД России», которым утверждена одноименная инструкция (далее – Инструкция), согласно пункту 37, пропуск адвокатов осуществляется после установления его личности в соответствии с пунктом 11 Инструкции, предъявления им удостоверения адвокат, а также ордера или доверенности, подтверждающих полномочия на защиту прав и интересов лиц.

Согласно пункту 11 Инструкции личность сотрудника (посетителя) устанавливается на основании документа, срок действия которого не истек. В соответствии с пунктом 11.2 для гражданина России, не являющегося сотрудником, - документа, предъявляемого гражданином Российской Федерации, не являющегося сотрудником, для посещения объектов МВД России (приложение № 1 к Инструкции).

В свою очередь приложение № 1 к Инструкции не содержит в перечне документов – удостоверение адвоката.

Таким образом, новая Инструкция обязывает адвокатов, дополнительно, помимо предъявления удостоверения адвоката и ордера или доверенности, также иметь документ, удостоверяющий личность, к примеру паспорт.

Сложности с проходом в здания органов исполнительной власти при предъявлении удостоверения адвоката очевидны.

В этой связи, 13 февраля 2026 года Законодательное собрание Ленинградской области внесло в Госдуму законопроект № 1149511-8, которым предложены поправки в Закон об адвокатуре, наделяющие адвокатов правом на основании удостоверения проходить в здания и помещения структурных подразделений ФССП и ее территориальных органов. Соответствующие изменения предложено внести в абзац 3 пункта 3 статьи 15 «Внесение сведений в Единый государственный реестр адвокатов» закона.

Тенденция в целом положительная, но малоэффективная.

В рассматриваемом случае видится необходимость не дополнение названной статьи перечнем мест, куда адвокат может быть допущен по адвокатскому удостоверению, а введением исключения, куда ему в доступе без специального разрешения может быть отказано.

В этой связи стоит упомянуть «громкое дело» - задержание адвокатов Адвокатской палаты Кабардино-Балкарской Республики.

Так, 20 мая защитник Ратмир Жилоков пытался предотвратить незаконный обыск без санкции суда у своей доверительницы [ФПА РФ, Праву на адвоката нужна защита]. Полицейские надели на него наручники и увезли в городское ОМВД. На помощь приехали трое его коллег-женщин, но их отказались впускать в здание и силой вытолкали на улицу. Разгорелся конфликт, и одну из них, Диану Ципинову, также увели внутрь в наручниках. Женщины были вынуждены обратиться в приемную Следственного комитета и прокуратуру.

Диану Ципинову и Ратмира Жилокова отпустили только после приезда сотрудников отдела собственной безопасности МВД.

В отношении адвокатов составили административные протоколы по ч. 1 ст. 19.3 КоАП [2], а в отношении действий полицейских СУ СК по КБР возбудило проверку по ст. 286 УК РФ [Уголовный кодекс РФ, 1996].

Позже в отношении Дианы Ципиновой возбудили уголовное дело по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 318 УК РФ.

Инцидент вызвал широкий общественный резонанс.

Ситуация не является исчерпывающей, так в январе 2023 года Адвокатская палата Томской области сообщила о поступлении многочисленных обращений адвокатов, связанных с

организацией пропускного режима в помещения территориальных подразделений УМВД России по Томской области [ФПА РФ, Адвокатам предложено дожидаться сопровождающего].

Отдельно необходимо отметить кассационное определение Третьего Кассационного Суда общей юрисдикции от 29.01.2025 по резонансному административному делу № 2а-2065/2024 по кассационной жалобе Калугина Алексея Сергеевича на апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Санкт-Петербургского городского суда от 19 июня 2024 года по административному исковому заявлению Калугина А.С. об оспаривании бездействия сотрудников полиции УМВД России по Калининскому району г. Санкт-Петербурга, которым суд обязал полицейских принести извинения адвокату за нарушение его профессиональных прав выразившихся в не пропуске у своему подзащитному в отделе полиции.

Конкретный случай из практики автора статьи от 09 января 2025 года, когда, находясь в 1 отделе полиции УМВД России по Адмиралтейскому району Санкт-Петербурга адвокат не был допущен к своему подзащитному (административно задержанному), в следствии чего составление административных материалов производилось без присутствия защитника.

Реализуя свои полномочия по оказанию юридической помощи подзащитному, адвокат В.М. Решетников неоднократно обращался посредством телефона к ответственному офицеру в УМВД района, передавал жалобы по телефону «112», а также обратился к дежурному помощнику прокурора Санкт-Петербурга и в итоге был вынужден обратиться в Комиссию по защите профессиональных прав адвокатов. В результате чего полномочным представителем Адвокатской палаты Санкт-Петербурга был составлен акт о нарушении профессиональных прав адвоката, а в последующем во Фрунзенский районный суд Санкт-Петербурга, который 06.11.2025 решением по административному делу № 2а-55/2025 отказал в удовлетворении заявленных требований со ссылкой на то, что в материалах дела отсутствуют сведения, подтверждающие факт заявления письменного ходатайства подзащитного о допуске к участию в деле защитника, административным истцом не представлено доказательств, свидетельствующих о том, что действия административных ответчиков, повлекли нарушение его прав, свобод и законных интересов. Решение суда обжалуется.

Исходя из приведенных примеров, необходимо отметить низкую эффективность существующих мер, так как адвокату в итоге не удалось попасть к своему доверителю на стадии формирования административного материала. Встреча с подзащитным состоялась уже в суде, где дополнить материал (дать иные объяснения или представить доказательства, заявить ходатайства и отводы) значительно сложнее.

Позиция судов по данной проблеме однозначна и говорит о том, что адвокат при выполнении требований процессуальных законов обязан быть допущен к своему доверителю (Решение Верховного Суда РФ от 6 июня 2014 г. по делу № АКПИ14-472; Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1432-О; Решение Верховного Суда РФ от 6 июня 2019 г. № 74-ААД19-1).

Вместе с тем, сам механизм судебной защиты прав адвоката является громоздким, а главное - долгим. Так упомянутое определение суда кассационной инстанции было вынесено спустя 3 года после обжалуемых событий 07 ноября 2021 года, когда защитника не допустили к подзащитному в 3 отделе полиции УМВД по Калининскому району Санкт-Петербурга, а по делу адвоката Решетникова В.М. спустя 10 месяцев.

В 2022 году Центр конституционных исследований совместно с Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА РФ) провел опрос о нарушениях прав адвокатов [Шварц, 2022]]. Результаты опроса показали, что в среднем 41 % опрошенных респондентов

столкнулись с тем или иным нарушением своих профессиональных прав в течение последнего года. В исследовании приняли участие 520 адвокатов из 64 субъектов РФ. 13,8% составили случаи недопуска адвокатов к своим подзащитным от общего числа нарушений. При этом 42,5% респондентов ответили, что такие случаи являются системными. Таким образом, с нарушениями прав в той или иной форме ежегодно могут сталкиваться примерно 33000 адвокатов.

По результатам мониторинга СМИ и социальных сетей, недопуск адвокатов к доверителям был лидирующим нарушением — 419 случаев, что составляло 76% от общего числа нарушений [Роженцов, 2024, с. 183–187].

При этом отмечается, что статистика неполная, большинство случаев нарушения прав защитников остаются неизвестными, некоторые — невозможно проверить.

В настоящее время можно выделить следующие проблемы: отсутствует эффективный правовой механизм, способный в конкретный момент времени обеспечить доступ адвоката к подзащитному (защиты профессиональных прав адвокатов) - не закреплено право беспрепятственного доступа в помещения органов МВД России к своему подзащитному; отсутствует уголовная ответственность за недопуск адвоката к подзащитному – нарушения профессиональных прав адвоката; отсутствие в действующих нормах административного права особого порядка задержания адвоката.

Согласно ст. 18 Закона об адвокатуре, вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются. Однако санкции за такое нарушение, в настоящий момент, нет.

Член адвокатского бюро «Альянс Лигал» Н.С. Роженцов [Роженцов, 2024, с. 183–187] в своем исследовании пришел к заключению о том, что «Законодательно установленный запрет таких действий остается ничем не обеспеченным декларативным благопожеланием. Это не единственная, но и далеко не последняя причина, по которой постоянно растут и агрессивность противодействия адвокатской деятельности, и разнообразие методов такого противодействия. Подобное положение совершенно нетерпимо, особенно с учетом публично-правовой функции адвокатской деятельности и ее безальтернативности. Поэтому введение ответственности как административной, так и уголовной (в зависимости от степени общественной опасности действий и тяжести последствий), и неукоснительное применение такой ответственности в правоприменительной практике является первоочередной и давно перезревшей задачей».

Выводы

Автор настоящей статьи полностью разделяет мнение своего коллеги и полагает, что требуется внесение изменений в часть 2 ст. 22 Закона о прокуратуре главы 1 - надзор за исполнением законов, изложив её в следующей редакции:

В целях предупреждения правонарушений, *в том числе выразившихся в недопуске адвоката к своему подзащитному* и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляет в письменной форме должностным лицам, а при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона.

Библиография

1. Гарант.ру. Интервью с адвокатом Вадимом Кловгантом. — 2026. — URL: <https://www.garant.ru/interview/1198539/>
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Парламентская газета. — 2002. — 5 янв. — № 2-5.
3. Отчерцова О.В. Проблема допуска адвоката к участию в уголовном деле // Вопросы российского и международного права. — 2016. — № 7. — С. 107–123.
4. Письмо Председателю Следственного комитета РФ генералу юстиции РФ А.И. Бастрыкину от 17.10.2023 № 72-10/23-С. — URL: https://fparf.ru/upload/medialibrary/b22/wqoftdr9inulg7in8mpqygIf4jqqh9df/Iskh_-72_10_23_S-ot-17.10.2023.pdf
5. Подзигун А.В. Адвокат или защитник — гарант обеспечения прав участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : Сборник трудов конференции. — Самара, 2018.
6. Роженцов Н.С. Установление ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвоката: тенденции и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. — 2024. — № 3 (42). — С. 183–187.
7. Советкина А.С., Калашникова Е.Б. Проблемы соблюдения прав адвоката на допуск к подзащитному // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 10-4 (49). — С. 66–68.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. — URL: pravo.gov.ru
9. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
10. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» // Российская газета. — 1995. — № 72.
11. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. — 2002. — № 100.
12. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Российская газета. — 2010. — № 296.
13. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900.
14. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. Адвокатам предложено дожидаться сопровождающего для посещения ОМВД. — URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/advokatam-predlozhen-do-zhidatsya-soprovozhdayushchego-dlya-poseshcheniya-omvd/>
15. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. О проблеме недопуска адвоката к доверителю. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/o-probleme-nedopuska-advokata-k-doveritelyu/>
16. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. Праву на адвоката нужна защита. — URL: <https://fparf.ru/news/media/pravu-na-advokata-nuzhna-zashchita/>
17. Шварц О. Степень защищённости профессиональных прав адвокатов : краткое резюме результатов исследования. — М.: Центр конституционных исследований, 2022. — 41 с. — URL: <https://constlawcenter.ru/reports/defenders-right>

Problems of Implementing the Lawyer's Right of Access to Clients

Vladimir M. Reshetnikov

Postgraduate Student,

Law Institute,

199106, 3, Gavanskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;

Lawyer,

Bar Association of Saint Petersburg "Vertikal"

of the Chamber of Advocates of the Leningrad Region,

191036, 10/118, Building A, Ligovsky ave., Saint Petersburg, Russian Federation;

e-mail: ucivile@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of problems of denial of lawyers' access to clients in Russia and the assessment of the effectiveness of existing legal mechanisms for protecting the professional rights of lawyers. Normative legal acts, including the Constitution of the Russian Federation, the Law on the Bar, the Law on the Prosecutor's Office and instructions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, as well as judicial practice demonstrating the complexity and duration of judicial protection of violated rights, are examined. The paper analyzes specific cases, including high-profile incidents of lawyer detention, as well as the results of a survey of 520 lawyers from 64 constituent entities of the Russian Federation, which revealed the systemic nature of restrictions on access to clients. Particular attention is paid to gaps in legislation, including the absence of criminal and administrative liability for obstructing the activities of a lawyer, as well as the insufficient effectiveness of the access control system in executive authorities. Based on the identified problems, recommendations are proposed for improving the regulatory framework, ensuring unimpeded access of lawyers to clients, and increasing the efficiency of law enforcement practice. The paper emphasizes the need for an integrated approach to protecting the professional rights of lawyers to ensure access to justice and compliance with constitutional guarantees.

For citation

Reshetnikov V.M. (2026) Problemy realizatsii prava advokata pri dopuske k podzashchitnym [Problems of Implementing the Lawyer's Right of Access to Clients]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 523-531. DOI: 10.34670/AR.2026.37.56.058

Keywords

Lawyer, client, lawyer's rights, denial of access, Law on the Bar, access control system, judicial practice, law enforcement, professional rights of lawyers.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ of December 30, 2001. (2002). *Parlamentskaya gazeta*, January 5, Nos. 2-5.
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996. Retrieved from pravo.gov.ru
3. Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. (n.d.). Advokatam predlozhenno dozhidatsya soprovozhdayushchego dlya poseshcheniya OMVD [Lawyers Asked to Wait for an Escort to Visit Police Department]. Retrieved from <https://fparf.ru/news/law-chambers/advokatam-predlozhenno-dozhidatsya-soprovozhdayushchego-dlya-poseshcheniya-omvd/>
4. Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. (n.d.). O probleme nedopuska advokata k doveritelyu [On the Problem of Denying a Lawyer Access to a Client]. Retrieved from <https://fparf.ru/polemic/opinions/o-probleme-nedopuska-advokata-k-doveritelyu/>
5. Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. (n.d.). Pravu na advokata nuzhna zashchita [The Right to a Lawyer Needs Protection]. Retrieved from <https://fparf.ru/news/media/pravu-na-advokata-nuzhna-zashchita/>
6. Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation». (1995). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 47, art. 4472.
7. Federal Law No. 40-FZ of April 3, 1995 «On the Federal Security Service». (1995). *Rossiyskaya gazeta*, 72.
8. Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation». (2002). *Rossiyskaya gazeta*, 100.
9. Federal Law No. 403-FZ of December 28, 2010 «On the Investigative Committee of the Russian Federation». (2010). *Rossiyskaya gazeta*, 296.
10. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police». (2011). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 7, art. 900.
11. Garant.ru. (2026) Intervyu s advokatom Vadimom Klyuvgantom [Interview with Lawyer Vadim Klyuvgant]. Retrieved from <https://www.garant.ru/interview/1198539/>

12. Letter to the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, General of Justice A. I. Bastrykin No. 72-10/23-S of October 17, 2023. Retrieved from https://fparf.ru/upload/medialibrary/b22/wqoftdr9inulg7in8mpqyglf4jqqh9df/Iskh_-_72_10_23_S-ot-17.10.2023.pdf
13. Otchertsova, O. V. (2016). Problema dopuska advokata k uchastiyu v ugovnom dele [The Problem of Admitting a Lawyer to Participate in a Criminal Case]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 7, 107-123.
14. Podzigun, A. V. (2018). Advokat ili zashchitnik — garant obespecheniya prav uchastnikov ugovnogo protsessa na stadii predvaritelnogo rassledovaniya [A Lawyer or Defense Attorney — a Guarantor of Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings at the Preliminary Investigation Stage]. In *Problemy i perspektivy razvitiya ugovno-ispolnitelnoy sistemy Rossii na sovremennom etape*. Samara.
15. Rozhentsov, N. S. (2024). Ustanovleniye otvetstvennosti za vosprepyatstvovaniye zakonnoy deyatel'nosti advokata: tendentsii i perspektivy [Establishing Liability for Obstructing the Lawful Activities of a Lawyer: Trends and Prospects]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 3(42), 183-187.
16. Schwartz, O. (2022). Stepen zashchishchennosti professionalnykh prav advokátov: kratkoye rezyume rezultatov issledovaniya [The Degree of Protection of Professional Rights of Lawyers: A Brief Summary of Research Results]. Moscow: Center for Constitutional Studies. Retrieved from <https://constlawcenter.ru/reports/defenders-right>
17. Sovetkina, A. S., & Kalashnikova, E. B. (2020). Problemy soblyudeniya prav advokata na dopusk k podzashchitnomu [Problems of Observing the Rights of a Lawyer to Access the Client]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*, 10-4(49), 66-68.

УДК 343.237

DOI: 10.34670/AR.2026.17.53.059

Некоторые особенности разграничения соучастия и посредственного причинения вреда в цифровой среде

Селимова Анара Маратовна

Кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Кавказский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Ярагского, 85;
e-mail: selimova@example.ru

Аликберов Султан Абдулхаликович

Студент,
Северо-Кавказский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Ярагского, 85;
e-mail: alikberov@example.ru

Аннотация

В статье исследуются теоретические и практические проблемы квалификации деяний, совершенных с использованием цифровых технологий, через призму институтов соучастия и посредственного причинения вреда. Анализируется эволюция подходов к пониманию посредственного исполнения преступления в условиях стремительной цифровизации общественных отношений. Особое внимание уделяется феномену использования искусственного интеллекта, алгоритмов и анонимных цифровых платформ в качестве «инструмента» преступления. Авторами предлагаются критерии разграничения соучастия (организатора, подстрекателя, пособника) и посредственного причинения вреда в ситуациях, когда цифровая среда выступает не просто фоном, но активным элементом механизма преступного посягательства. На основе анализа судебной практики и доктринальных положений сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства и рекомендации для правоприменительных органов.

Для цитирования в научных исследованиях

Селимова А.М., Аликберов С.А. Некоторые особенности разграничения соучастия и посредственного причинения вреда в цифровой среде // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 532-542. DOI: 10.34670/AR.2026.17.53.059

Ключевые слова

Соучастие в преступлении, посредственное причинение вреда, цифровая среда, искусственный интеллект, киберпреступность, уголовная ответственность, квалификация преступлений, виртуальная личность, алгоритмы, технологическое посредничество.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной трансформацией способов совершения преступлений, вызванной интеграцией цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Современная криминальная практика демонстрирует усложнение конструкций преступных посягательств, где классические институты Общей части уголовного права, такие как соучастие и посредственное причинение вреда, сталкиваются с вызовами, не известными законодателю в момент принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Проблема разграничения соучастия и посредственного причинения вреда традиционно относится к числу наиболее сложных в доктрине уголовного права. Как справедливо отмечает А.В. Наумов, «грань между соучастием и посредственным причинением подчас настолько тонка, что ее проведение зависит от установления психического отношения лица к деянию исполнителя» [Наумов, 2023, с. 245]. Однако в цифровой среде указанная грань становится еще более эфемерной в силу появления новых субъектов (искусственный интеллект, автономные алгоритмы), анонимизации участников, трансформации причинно-следственных связей и возможности осуществления управленческих функций на расстоянии.

Основная часть

Для корректного анализа особенностей разграничения в цифровой среде необходимо обратиться к фундаментальным критериям, выработанным доктриной уголовного права.

Институт соучастия, закрепленный в ст. 32 УК РФ, предполагает совместное умышленное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Ключевыми признаками являются: количественный (множественность субъектов), качественный (совместность деятельности) и субъективный (умышленный характер и наличие согласованности). Традиционно соучастие подразделяется на виды: организатор, подстрекатель, пособник и исполнитель.

Посредственное причинение вреда, являясь конструкцией, вынесенной за рамки института соучастия (ст. 33 УК РФ лишь указывает на фигуру «исполнителя», коим признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо использовавшее других лиц, не подлежащих уголовной ответственности), представляет собой модель единоличной преступной деятельности, где лицо использует иные объекты (живых людей или механизмы) в качестве «орудия» совершения преступления.

Как указывает В.С. Комиссаров, «посредственное причинение — это такой вид преступной деятельности, при котором лицо, обладающее признаками субъекта преступления, использует для достижения преступного результата другое лицо, которое либо не является субъектом преступления, либо действует невиновно, либо не осознает общественной опасности своих действий» [Комиссаров, 2020, с. 112].

Основные критерии разграничения в классическом понимании могут быть представлены следующим образом:

- Субъектный состав. При соучастии все участники являются субъектами преступления (достигшие возраста, вменяемые). При посредственном причинении «посредник» (живое орудие) не является субъектом либо действует без вины.
- Характер связи. Для соучастия характерна двусторонняя субъективная связь (сговор). Для

посредственного причинения — односторонняя связь (лицо использует другого, который может не осознавать преступный характер своих действий или осознавать, но не подлежать ответственности по иным основаниям).

- Юридическая оценка. При соучастии каждый отвечает за содеянное в рамках своей роли (ст. 33 УК РФ). При посредственном причинении лицо отвечает как исполнитель (ч. 2 ст. 33 УК РФ) за все последствия, наступившие в результате использования «живого орудия».

Однако классические критерии базируются на предположении о том, что «инструмент» преступления (человек или механизм) является пассивным объектом приложения усилий посредственного причинителя. Цифровая среда ломает эту парадигму. Появление автономных алгоритмов, способных к самообучению и принятию решений вне непосредственного контроля человека, а также использование анонимных платформ, где установление субъективной связи затруднено, требует пересмотра устоявшихся подходов.

Цифровая среда обладает рядом специфических характеристик, существенно влияющих на квалификацию деяний. К таким характеристикам следует отнести: виртуальность (отсутствие физического контакта с объектом посягательства), анонимность (возможность использования подставных лиц, взломанных аккаунтов, технологий deepfake), глобальность (преодоление территориальных границ) и, что наиболее важно, **автономность** технологических решений.

В контексте разграничения соучастия и посредственного причинения принципиальное значение приобретает вопрос о том, может ли цифровой алгоритм (программа, нейросеть) рассматриваться в качестве «иного лица» (не подлежащего уголовной ответственности) для целей ч. 2 ст. 33 УК РФ, либо же разработчик/владелец такого алгоритма должен рассматриваться как организатор или пособник деятельности иных (человеческих) субъектов.

Анализ современной криминальной практики позволяет выделить несколько моделей использования цифровой среды, создающих квалификационные сложности:

- Использование «цифровых двойников» (дипфейков) и украденных учетных записей. Лицо, создающее глубокую подделку (deepfake) изображения или голоса гражданина, либо использующее взломанный аккаунт в социальной сети для дачи указаний или совершения финансовых операций.
- Использование автономного программного обеспечения (ботов, смарт-контрактов). Разработка вредоносного программного обеспечения, которое самостоятельно распространяется, заражает устройства и выполняет команды (например, в рамках ботнет-сетей).
- Организация преступных сообществ с использованием зашифрованных мессенджеров и криптовалют. Ситуации, когда «организатор» физически не знаком с исполнителями, не знает их личных данных, но управляет их деятельностью через технологические платформы.

В каждом из этих случаев правоприменитель сталкивается с дилеммой: признать лицо, управляющее цифровым инструментом, посредственным причинителем (если инструмент не обладает сознанием и волей) либо соучастником (если за «цифровой маской» скрывается реальный субъект преступления, действующий самостоятельно).

Наиболее дискуссионным аспектом темы является вопрос об уголовно-правовом значении использования искусственного интеллекта (ИИ). В доктрине уголовного права сформировалось несколько подходов к оценке действий лица, использующего ИИ для совершения преступления.

Первый подход (традиционный): ИИ — это всего лишь инструмент (орудие) преступления,

аналогичный любому другому механизму. Сторонники этого подхода (например, О.А. Зайцев) полагают, что, поскольку ИИ не обладает сознанием и волей (в юридическом смысле), его использование образует посредственное причинение вреда, где исполнителем является разработчик или лицо, активировавшее алгоритм [Зайцев, 2022, с. 78].

Второй подход (дифференцированный): Необходимо различать системы ИИ по степени автономности. Если алгоритм действует строго по заранее заданному человеком алгоритму (детерминированная система), то налицо посредственное причинение. Если же система обладает элементами самообучения и принимает решения, не predetermined разработчиком (нейросети с подкрепляемым обучением), возникает вопрос о наличии «случайного» или неконтролируемого причинения вреда, что может исключать умысел лица, предоставившего алгоритму возможность действовать.

Как отмечает Е.В. Кобзева, «в случае, когда искусственный интеллект выходит за рамки заданного алгоритма и действует автономно, привлечение разработчика к уголовной ответственности по модели посредственного причинения вреда становится проблематичным, так как отсутствует прямой контроль над причинением» [Кобзева, 2021, с. 152].

С точки зрения разграничения с соучастием, данная проблема трансформируется в вопрос: может ли ИИ рассматриваться в качестве «соучастника»? Очевидно, что нет, поскольку соучастие предполагает наличие двух и более лиц (физических лиц, обладающих правосубъектностью). Однако, если лицо использует ИИ для воздействия на другого человека (например, бот рассылает сообщения с угрозами, побуждая потерпевшего к действиям), мы имеем дело с усложненной конструкцией, где ИИ выступает связующим звеном, но не субъектом.

На наш взгляд, правильным является следующий подход: использование искусственного интеллекта (включая автономные системы) всегда следует квалифицировать как посредственное причинение вреда, если воля лица была направлена на наступление преступного результата и лицо создало условия для его реализации, независимо от степени автономности ИИ. Основанием для этого является отсутствие у ИИ статуса субъекта преступления. Однако в случае непредвиденного (нежелательного) поведения ИИ, выходящего за пределы воли разработчика, должна обсуждаться ответственность за неосторожность либо отсутствие состава преступления, но не соучастие.

Следующим блоком проблем является разграничение соучастия и посредственного причинения в ситуациях, когда цифровая платформа используется для вовлечения в преступную деятельность лиц, которые впоследствии становятся полноценными соучастниками (исполнителями), но взаимодействие с которыми осуществляется анонимно, дистанционно и опосредованно.

В качестве примера можно привести деятельность так называемых «дропов» (подставных лиц, предоставляющих свои банковские карты для обналичивания похищенных средств). В структуре киберпреступных групп нередко наблюдается ситуация, когда организатор (куратор) взаимодействует с дропом исключительно через мессенджер, не раскрывая ему своих истинных намерений (дроп полагает, что участвует в легальной схеме оптимизации налогов или обналичивании криптовалюты по гражданско-правовому договору).

В данном случае возникает вопрос: является ли дроп посредственным причинителем (исполнителем) в руках организатора, либо он выступает соучастником (пособником)?

Согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»,

лица, не осознававшие преступный характер действий и передавшие свои персональные данные или банковские карты, могут признаваться невиновными. В такой ситуации организатор, использующий «дропа» втемную, должен нести ответственность как исполнитель преступления через посредственное причинение вреда (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Однако судебная практика по данной категории дел неоднородна. Анализ приговоров судов г. Москвы и Московской области за 2022-2024 гг. показывает, что зачастую суды квалифицируют действия куратора как организацию преступной группы (ст. 33 и соответствующая статья Особенной части), признавая всех участников, включая дропов, соучастниками, даже если последние не осознавали всех деталей плана, но осознавали общий преступный характер деяния (например, что участвуют в «обналичивании» чужих средств) [Обзор судебной практики..., 2023].

Для решения этой проблемы мы предлагаем внедрить в правоприменительную практику четкий критерий: критерий осознания лицом (посредником) факта причинения вреда. Если цифровой посредник (владелец аккаунта, дроп, оператор ноды) не осознает и не может осознавать, что его действия являются частью преступного посягательства, то лицо, управляющее им, является посредственным причинителем. Если посредник осознает общую преступную направленность действий, пусть даже не зная всех деталей, возникает соучастие (пособничество или соисполнительство).

Особую сложность представляет разграничение роли организатора преступления (ст. 33 УК РФ) и посредственного причинителя в ситуациях, когда управление осуществляется через цифровые сервисы, предоставляющие техническую возможность для совершения преступления.

Организатор, в отличие от посредственного причинителя, создает преступную группу, руководит ею, направляет деятельность соучастников, которые являются субъектами преступления. Посредственный причинитель же использует лицо как «орудие», не предполагая наличия у него статуса соучастника.

В цифровой среде эти роли могут смешиваться. Рассмотрим кейс использования сервиса криптомиксеров (CryptoMixer) и маркетплейсов в даркнете. Владелец такой платформы предоставляет инструментарий для совершения преступлений (отмывание денег, сбыт наркотиков). Если владелец платформы знает о преступных целях пользователей, но не вступает с ними в сговор на совершение конкретных преступлений, его действия следует квалифицировать как пособничество (предоставление средств) в широком смысле, если доказан умысел на содействие.

Однако, если платформа настроена таким образом, что пользователь фактически лишен возможности выбора (алгоритм диктует ему условия, автоматически осуществляет транзакции по заданным параметрам, не спрашивая согласия), возникает модель посредственного причинения, где владелец алгоритма выступает исполнителем, а пользователь — «живым орудием», которое лишь физически нажимает кнопки, не контролируя процесс.

Как верно подчеркивает А.Г. Братко, «в эпоху цифровизации различие между организатором и посредственным причинителем должно проводиться не только по формальному признаку наличия или отсутствия сговора, но и по степени автономности воли лица, вовлеченного в совершение преступления» [Братко, 2023, с. 201].

Для разграничения рассматриваемых институтов ключевое значение имеет установление субъективной стороны. Соучастие предполагает наличие взаимной осведомленности (сговора). Посредственное причинение допускает одностороннюю осведомленность.

Цифровая среда порождает феномен «квазисговора», когда общение между участниками осуществляется через технические средства, не позволяющие однозначно установить факт согласованности. Например, использование зашифрованных мессенджеров с функцией автоматического удаления сообщений (self-destruct) затрудняет доказывание факта сговора. В таких условиях следствие и суд вынуждены опираться на косвенные доказательства: общность интересов, синхронность действий, использование одинаковых цифровых инструментов.

Представляется, что для цифровой среды следует адаптировать концепцию «эвентуального умысла» применительно к соучастию. Если лицо, предоставляющее цифровой инструмент (программу, доступ к серверу), осознает, что его действия объективно способствуют совершению неопределенного круга преступлений, и допускает это, его действия следует квалифицировать как пособничество (ст. 33 УК РФ) при условии, что доказан факт совершения хотя бы одного конкретного преступления с использованием предоставленного инструмента.

В противном случае, если лицо не осознает преступного характера использования инструмента, но по неосторожности создает условия для преступления, речь может идти о невиновном причинении вреда либо о самостоятельных составах (например, ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»), но не о соучастии или посредственном причинении.

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать ряд конкретных предложений, направленных на унификацию подходов к разграничению соучастия и посредственного причинения вреда в цифровой среде.

- Дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации» (или принять новое Постановление) разъяснениями следующего содержания:
- «Под использованием лицом других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или иных обстоятельств (ч. 2 ст. 33 УК РФ), при совершении преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“, следует также понимать использование цифровых алгоритмов, программ для электронных вычислительных машин (в том числе обладающих признаками искусственного интеллекта), а также учетных записей и персональных данных иных лиц, действовавших без осознания преступного характера своих действий».
- Внести изменение в ст. 33 УК РФ, изложив ч. 2 в следующей редакции (выделено новое):
«2. Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом, либо использования технических средств, цифровых алгоритмов, программного обеспечения, функционирующих в автоматическом режиме, если эти средства использовались в качестве орудия совершения преступления, а воля лица, их применившего, была направлена на достижение преступного результата».
- Рекомендовать Верховному Суду РФ обобщить практику по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют и анонимных сетей, указав, что: *«Для квалификации действий организатора преступной группы, использующего для связи с соучастниками зашифрованные мессенджеры, отсутствие непосредственного личного*

знакомства между соучастниками само по себе не исключает признания их соучастия, если установлена согласованность действий, подтвержденная совокупностью косвенных доказательств (синхронность операций, использование единых цифровых ключей, общая преступная цель)».

Предложения по совершенствованию доктринальных подходов

В научной доктрине предлагается отказаться от расширительного толкования посредственного причинения вреда в пользу более четкого выделения «цифрового посредничества» как особой формы преступной деятельности. На наш взгляд, целесообразно ввести в научный оборот понятие «технологическое посредничество» — разновидность посредственного причинения вреда, при котором лицо использует цифровые технологии (включая ИИ) в качестве орудия совершения преступления, а также привлекает к участию в преступлении иных лиц, чья воля подавлена или сформирована под воздействием цифровых средств коммуникации и дезинформации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровая среда вносит существенные коррективы в традиционные подходы к разграничению соучастия и посредственного причинения вреда. Классические критерии, основанные на субъектном составе и характере субъективной связи, в условиях анонимности, глобальности и внедрения автономных алгоритмов требуют адаптации.

Основные выводы исследования:

- Использование искусственного интеллекта и автономных программных продуктов в качестве орудия преступления следует квалифицировать по модели посредственного причинения вреда (ч. 2 ст. 33 УК РФ), поскольку данные объекты не обладают статусом субъекта преступления, а их автономность не меняет характера воли лица, создавшего условия для причинения вреда.
- При использовании «цифровых посредников» (дропов, владельцев взломанных аккаунтов) ключевым критерием разграничения является осознание посредником преступного характера своих действий. Отсутствие такого осознания влечет квалификацию действий управляющего субъекта как посредственного причинения; наличие осознания (даже без знания всех деталей) — как соучастие (организация или пособничество).
- Для повышения эффективности квалификации необходимо законодательное закрепление в уголовном законе и разъяснение Пленума Верховного Суда РФ особенностей применения институтов Общей части уголовного права к деяниям, совершенным с использованием цифровых технологий.
- Судебная практика нуждается в унификации подходов: необходимо формирование единообразного подхода к оценке действий администраторов даркнет-платформ, разработчиков вредоносного ПО и организаторов криптовалютных схем с четким разграничением их ролей как посредственных причинителей либо соучастников.

Заключение

Предложенные в настоящей статье изменения и рекомендации направлены на устранение существующих пробелов и противоречий, что будет способствовать обеспечению принципа справедливости и неотвратимости уголовной ответственности в условиях цифровизации общественных отношений. Дальнейшие исследования в данной области должны быть

направлены на анализ зарубежного опыта регулирования ответственности за преступления, совершаемые с использованием систем искусственного интеллекта, а также на разработку методик доказывания субъективной стороны соучастия в децентрализованных анонимных сетях.

Библиография

1. Арутонов А.Ф. Соучастие в преступлении: теоретические и правоприменительные аспекты. Москва: Юрист, 2022. 356 с.
2. Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: методологические основания. Москва: Юрлитинформ, 2022. 240 с.
3. Боровиков В.Б. Проблемы квалификации преступлений против собственности, совершаемых с использованием информационных технологий // Закон и право. 2022. № 11. С. 74-79.
4. Братко А.Г. Проблемы квалификации преступлений в сфере цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 198-206.
5. Бриллиантов А.В. Соучастие в преступлении: анализ законодательной регламентации и судебной практики // Российское правосудие. 2021. № 10. С. 12-19.
6. Вебов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия. Москва: Право и закон, 2022. 288 с.
7. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. 210 с.
8. Голик Ю.В. Методологические подходы к исследованию уголовного права // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 88-96.
9. Дуонон В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации. Москва: Норма, 2021. 400 с.
10. Есаков Г.А. Меры уголовно-правового воздействия: понятие, система, основания применения. Москва: Статут, 2023. 352 с.
11. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретический инструментарий. Москва: Проспект, 2020. 408 с.
12. Зайцев О.А. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы и перспективы // Российское правосудие. 2022. № 4. С. 75-82.
13. Звечаровский И.Э. Ответственность за посредственное причинение вреда. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2021. 184 с.
14. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. Москва: Проспект, 2022. 304 с.
15. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений. Москва: ИНФРА-М, 2022. 256 с.
16. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. Москва: Юриспруденция, 2022. 278 с.
17. Кибальник А.Г. Влияние цифровых технологий на общую часть уголовного права // Российский судья. 2022. № 1. С. 34-39.
18. Кобзева Е.В. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: постановка проблемы // Lex russica. 2021. Т. 74. № 5. С. 148-159.
19. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2024. 620 с.
20. Комиссаров В.С. Соучастие в преступлении: вопросы теории и практики. Москва: Юрлитинформ, 2020. 208 с.
21. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. 244 с.
22. Коробеев А.И. Трансформация уголовного права под влиянием цифровых технологий // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 2. С. 241-252.
23. Кругликов Л.Л. Проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве. Ярославль: ЯрГУ, 2021. 184 с.
24. Малков В.П. Соучастие в преступлении: проблемы правового регулирования и квалификации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 165. № 3. С. 98-107.
25. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. Москва: Проспект, 2023. 784 с.
26. Обзор судебной практики по делам о мошенничестве с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.
27. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. Москва: Норма, 2023. 352 с.

28. Плотников А.И. Цифровая среда как детерминант трансформации форм соучастия // Уголовное право. 2023. № 6. С. 45-52.
29. Рарог А.И. Проблемы субъективной стороны преступления. Москва: Юрист, 2021. 240 с.
30. Сверчков В.В. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление. Москва: Норма, 2020. 176 с.
31. Семенов С.А. Институт соучастия в уголовном праве России: современное состояние и перспективы развития. Москва: Юрлитинформ, 2022. 208 с.
32. Сотников А.С. Искусственный интеллект как объект уголовно-правовых отношений: постановка проблемы // Общество и право. 2023. № 1. С. 115-120.
33. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека: социально-правовые и медико-биологические основы. Москва: Норма, 2020. 272 с.
34. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2021. 280 с.
35. Хлебушкин А.Г. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы квалификации и совершенствования законодательства. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2023. 168 с.
36. Чучаев А.И. Преступления против личности в цифровую эпоху // Уголовное право. 2024. № 1. С. 58-66.
37. Шарапов Р.Д. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2021. 272 с.
38. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении: вопросы теории и практики. Томск: Издательство Томского университета, 2020. 192 с.
39. Яни П.С. Посредственное причинение вреда: теория и практика // Законность. 2022. № 8. С. 22-28.

Some Features of Distinguishing Between Complicity and Mediate Infliction of Harm in the Digital Environment

Anara M. Selimova

PhD in Law, Associate Professor,
North Caucasus Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice,
367000, 85, Yaragskogo str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: selimova@example.ru

Sultan A. Alikberov

Student,
North Caucasus Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice,
367000, 85, Yaragskogo str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: alikberov@example.ru

Abstract

The article examines the theoretical and practical problems of qualifying acts committed using digital technologies through the prism of the institutions of complicity and mediate infliction of harm. The evolution of approaches to understanding mediate perpetration of a crime in the context of rapid digitalization of social relations is analyzed. Special attention is paid to the phenomenon of the use of artificial intelligence, algorithms, and anonymous digital platforms as an "instrument" of crime. The authors propose criteria for distinguishing between complicity (organizer, instigator, aider and abettor) and mediate infliction of harm in situations where the digital environment acts not

merely as a backdrop but as an active element of the mechanism of a criminal encroachment. Based on an analysis of judicial practice and doctrinal provisions, specific proposals for improving criminal legislation and recommendations for law enforcement bodies are formulated.

For citation

Selimova A.M., Alikberov S.A. (2026) Nekotoryye osobennosti razgranicheniya souchastiya i posredstvennogo prichineniya vreda v tsifrovoy srede [Some Features of Distinguishing Between Complicity and Mediate Infliction of Harm in the Digital Environment]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 532-542. DOI: 10.34670/AR.2026.17.53.059

Keywords

Complicity in a crime, mediate infliction of harm, digital environment, artificial intelligence, cybercrime, criminal liability, qualification of crimes, virtual personality, algorithms, technological mediation.

References

1. Arutyunov, A. F. (2022). Souchastiye v prestuplenii: teoreticheskiye i pravoprimenitelnyye aspekty [Complicity in a Crime: Theoretical and Law Enforcement Aspects]. *Yurist*.
2. Bavsun, M. V. (2022). Tselesoobraznost v ugovnom prave: metodologicheskiye osnovaniya [Expediency in Criminal Law: Methodological Foundations]. *Yurlitinform*.
3. Borovikov, V. B. (2022). Problemy kvalifikatsii prestupleniy protiv sobstvennosti, sovershayemykh s ispolzovaniyem informatsionnykh tekhnologiy [Problems of Qualification of Property Crimes Committed Using Information Technologies]. *Zakon i pravo*, (11), 74-79.
4. Brilliantov, A. V. (2021). Souchastiye v prestuplenii: analiz zakonodatelnoy reglamentatsii i sudebnoy praktiki [Complicity in a Crime: Analysis of Legislative Regulation and Judicial Practice]. *Rossiyskoye pravosudiye*, (10), 12-19.
5. Chuchaev, A. I. (2024). Prestupleniya protiv lichnosti v tsifrovuyu epokhu [Crimes against the Person in the Digital Age]. *Ugolovnoye pravo*, (1), 58-66.
6. Duyunov, V. K. (2021). Mekhanizm ugovno-pravovogo vozdeystviya: teoreticheskiye osnovy i praktika realizatsii [Mechanism of Criminal Law Influence: Theoretical Foundations and Implementation Practice]. *Norma*.
7. Esakov, G. A. (2023). Mery ugovno-pravovogo vozdeystviya: ponyatiye, sistema, osnovaniya primeneniya [Measures of Criminal Law Influence: Concept, System, Grounds for Application]. *Statut*.
8. Galiakbarov, R. R. (2021). Borba s gruppovymi prestupleniyami: voprosy kvalifikatsii [Combating Group Crimes: Issues of Qualification]. *Kuban State University*.
9. Inogamova-Khegay, L. V. (2022). Konkurentsia ugovno-pravovykh norm pri kvalifikatsii prestupleniy [Competition of Criminal Law Norms in the Qualification of Crimes]. *INFRA-M*.
10. Kibalnik, A. G. (2022). Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy na obshchuyu chast ugovnogo prava [The Influence of Digital Technologies on the General Part of Criminal Law]. *Rossiyskiy sudya*, (1), 34-39.
11. Kobzeva, E. V. (2021). Ugolovnaya otvetstvennost za prestupleniya, sovershayemye s ispolzovaniyem iskusstvennogo intellekta: postanovka problemy [Criminal Liability for Crimes Committed Using Artificial Intelligence: Problem Statement]. *Lex russica*, 74(5), 148-159.
12. Komissarov, V. S. (2020). Souchastiye v prestuplenii: voprosy teorii i praktiki [Complicity in a Crime: Issues of Theory and Practice]. *Yurlitinform*.
13. Korobeev, A. I. (2022). Transformatsiya ugovnogo prava pod vliyaniyem tsifrovyykh tekhnologiy [Transformation of Criminal Law under the Influence of Digital Technologies]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*, 16(2), 241-252.
14. Malkov, V. P. (2023). Souchastiye v prestuplenii: problemy pravovogo regulirovaniya i kvalifikatsii [Complicity in a Crime: Problems of Legal Regulation and Qualification]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 165(3), 98-107.
15. Naumov, A. V. (2023). Rossiyskoye ugovnoye pravo. Obshchaya chast [Russian Criminal Law. General Part]. *Prospekt*.
16. Obzor sudebnoy praktiki po delam o moshennichestve s ispolzovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy [Review of Judicial Practice in Cases of Fraud Using Information and Telecommunication Technologies].

- (2023, November 15). Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation. Byulleten Verkhovnogo Suda RF, (2), 2024.
17. Ovchinsky, V. S. (2023). Kriminologiya tsifrovogo mira [Criminology of the Digital World]. Norma.
18. Plotnikov, A. I. (2023). Tsifrovaya sreda kak determinant transformatsii form souchastiya [Digital Environment as a Determinant of Transformation of Forms of Complicity]. Uголовnoye pravo, (6), 45-52.
19. Rarog, A. I. (2021). Problemy subyektivnoy storony prestupleniya [Problems of the Subjective Side of the Crime]. Yurist.
20. Selimova, A. M., & Alikberov, S. A. (2026) Nekotoryye osobennosti razgranicheniya souchastiya i posredstvennogo prichineniya vreda v tsifrovoy srede [Some Features of Distinguishing between Complicity and Mediate Harm in the Digital Environment].
21. Semenov, S. A. (2022). Institut souchastiya v uголовnom prave Rossii: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya [The Institution of Complicity in Russian Criminal Law: Current State and Development Prospects]. Yurilitinform.
22. Shestakov, A. V. (2020). Souchastiye v prestuplenii: voprosy teorii i praktiki [Complicity in a Crime: Issues of Theory and Practice]. Tomsk University Press.
23. Sotnikov, A. S. (2023). Iskusstvennyy intellekt kak obyekt uголовno-pravovykh otnosheniy: postanovka problemy [Artificial Intelligence as an Object of Criminal Law Relations: Problem Statement]. Obshchestvo i pravo, (1), 115-120.
24. Ter-Akopov, A. A. (2020). Bezopasnost cheloveka: sotsialno-pravovyye i mediko-biologicheskiye osnovy [Human Security: Socio-Legal and Medico-Biological Foundations]. Norma.
25. Veber, V. B. (2022). Komp-yuternyye prestupleniya: sposoby soversheniya i raskrytiya [Computer Crimes: Methods of Commission and Detection]. Pravo i zakon.
26. Yani, P. S. (2022). Posredstvennoye prichineniye vreda: teoriya i praktika [Mediate Harm: Theory and Practice]. Zakonnost, (8), 22-28.
27. Zaitsev, O. A. (2022). Iskusstvennyy intellekt i uголовnaya otvetstvennost: problemy i perspektivy [Artificial Intelligence and Criminal Liability: Problems and Prospects]. Rossiyskoye pravosudiye, (4), 75-82.
28. Zhalinsky, A. E. (2020). Uголовnoye pravo v ozhidanii peremen: teoreticheskiy instrumentariy [Criminal Law Awaiting Change: Theoretical Tools]. Prospekt.
29. Zvecharovsky, I. E. (2021). Otvetstvennost za posredstvennoye prichineniye vreda [Liability for Mediate Harm]. Yuridicheskiy tsentr Press.

УДК 343.9

DOI: 10.34670/AR.2026.13.92.060

Анализ финансовых операций провайдеров виртуальных услуг и его значение в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма

Керимов Александр Джангирович

Доктор юридических наук, профессор,
Главный научный сотрудник,
сектор конституционного права и конституционной юстиции,
Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;
e-mail: 8017498@mail.ru

Красинский Владислав Вячеславович

Доктор юридических наук, доцент,
Заведующий кафедрой общей юриспруденции
и правовых основ безопасности № 47,
Институт финансовых технологий и экономической безопасности,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
115409, Российская Федерация, Москва, Каширское шоссе, 31;
e-mail: krasinskijvv@fedsm.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы анализа криптоадресов, криптовалютных транзакций и макроанализа финансовых операций различных участников криптовалютного рынка в целях противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. Авторы исследуют современные способы совершения и сокрытия преступлений с использованием криптовалют. На основе общедоступных данных блокчейнов криптовалютных транзакций показана вовлеченность ряда провайдеров услуг виртуальных активов в «серые» финансовые схемы, отмывание преступных доходов, финансирование терроризма и наркобизнеса. Предложены типовые приемы выявления, раскрытия и расследования преступлений с использованием криптовалют.

Для цитирования в научных исследованиях

Керимов А.Д., Красинский В.В. Анализ финансовых операций провайдеров виртуальных услуг и его значение в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 543-551. DOI: 10.34670/AR.2026.13.92.060

Ключевые слова

Криптовалюта, цифровая валюта, финансовые операции, мониторинг криптовалютных транзакций, провайдеры услуг виртуальных активов, противодействие преступности, легализация преступного дохода, финансирование терроризма и наркобизнеса, теневая финансовая инфраструктура, блокчейн.

Введение

В связи с ростом уровня информатизации и цифровизации преступных сообществ, террористических и экстремистских формирований, наркогруппировок, внедрением распределенных механизмов финансирования и ресурсного обеспечения криминальной среды новым элементом финансирования организованной преступной деятельности, терроризма и экстремизма, легализации преступных доходов стало повсеместное использование криптовалют (Криптовалюта – децентрализованная виртуальная валюта, которая не эмитируется и не обеспечивается ни одной юрисдикцией. По своей природе криптовалюта представляет собой электронный аналог денег).

Основная часть

Парсинг соцсетей и интернет-мессенджеров свидетельствует об изменении тактики сбора пожертвований в криптовалюте. Если ранее привлечение средств осуществлялось открыто, через закрепки в профилях или в ссылках, то теперь сетевые адреса криптокошельков направляются заинтересованным лицам в личном сообщении. Альтернативным механизмом выступает размещение реквизитов на форумах (в личной переписке) в даркнете.

Фиксируется использование преступниками криминальных сервисов блокчейн-аналитики (AML-бот, сервис Antinanalysis и др.), которые дают возможность анализировать применение транзакций с точки зрения правоохранительных органов. Пользователь оперативно получает скоринг-оценку вероятности маркировки его транзакций как подозрительных и блокировки его криптовалютных активов [Красинский, 2022]. Таким образом преступники получили возможность протестировать свои методы ОД/ФТ.

Растет уровень конспирации – в качестве мер усиления безопасности практикуется смена сетевых адресов аккаунтов координаторов преступной деятельности и размещение проверочных QR-кодов.

При проведении финансовых транзакций предлагается использовать vpn и безопасный режим работы браузера.

Распространено использование дропперских услуг (Дроп – подставное лицо, используемое для транзитных финансовых операций и обналичивания чужих денежных средств) (оформление карт на третьих лиц) с покупкой идентификаторов (электронной почты, телеграм-аккаунтов), прохождением проверки в платежных системах и на криптобиржах, выводом средств на криптокошельки в различных валютах и обналичиванием через «серые» обменники.

Учитывая осведомленность координаторов о наличии открытых баз блокчейнов криптовалют и успешной практике деанонимизации правоохранительными органами участников криптовалютных транзакций, кураторы сетевых движений предлагают использовать для сбора донатов криптовалюты повышенной анонимности (в первую очередь, Monero) и теневую финансовую инфраструктуру (серые криптообменники, миксеры, теневые кроссчейновые мосты).

Способы совершения и сокрытия преступлений с использованием криптовалют совпадают для большинства сфер преступной деятельности.

Криминологическое значение и доказательная база находящихся в публичном доступе графов криптовалютных транзакций заключается в документировании преступной деятельности всех ее участников и их связей. Децентрализованная база блокчейна обеспечивает надежную и стабильную запись любых финансовых операций, в том числе подозрительных и

криминальных, с использованием криптовалют [Земцова, 2020; Судницын, Молоков, 2019; Красинский, Норкина, 2024].

На этапе выявления и расследования преступлений исследуются следы на компьютерах, мобильных телефонах, флэш-накопителях, криптокошельках для выявления связей между организаторами, исполнителями, пособниками преступлений и их криптовалютными финансовыми операциями. Следями выступают криминальные сетевые адреса, конкретные криптовалютные транзакции, используемые преступниками и их пособниками элементы инфраструктуры криптопровайдеров, а также р2р-сервисы [Красинский, Осипов, 2026].

В н.в. криминалистические исследования криптовалютных транзакций и разработки криминологии блокчейнов ведутся параллельно в условиях острого дефицита компетентных специалистов.

Академическая наука изучает в основном общедоступные криминологические аспекты рассматриваемой предметной области. Криминалистические исследования проводят главным образом эксперты правоохранительных органов и специализированных аналитических IT-компаний.

Нужно признать, что анализ баз блокчейнов криптовалютных транзакций на современном этапе развития мониторинговых инструментов не позволяет сразу деанонимизировать участников преступной деятельности по распространенному набору параметров (ФИО, криптокошелек, криптоадрес, номер мобильного телефона и др.). Вместе с тем качественная разметка кошельков и провайдеров виртуальных активов, автоматизированный трейсинг с определением централизованных криптобирж и обменников дает возможность направления запросов провайдерам, получения установочных данных и иной значимой информации в отношении фигурантов финансовых расследований [Красинский, 2025a].

Для выявления фигурантов строятся графы устойчивых связей, их финансовые транзакции, моделируются схемы (типологии) преступлений [Крылов, Лоскутов, 2016; Лоскутов, Иванов, 2017]].

С помощью аналитических инструментов осуществляется поиск криминальных адресов для сбора средств, транзитных криптоадресов, спонсоров террористических и экстремистских движений, финансистов и организаторов наркобизнеса, организаторов финансовых пирамид, недобросовестных инвесторов, профессиональных отмывальщиков.

Чаще всего правоохранительными органами выявляются схемы совершения преступлений с криптовалютами в сфере незаконного оборота наркотиков (эти деяния образуют составы преступлений, предусмотренных статьями 228, 228.1, 228.3, 228.4 УК РФ). Данные преступления являются предикатными для легализации преступных доходов и самоотмывания денежных средств (статьи 174 и 174.1 УК РФ).

Наблюдаются криптовалютные взаимосвязи и регулярные пересечения различных преступных сфер.

Так, анализ транзакций находящегося в свободном доступе криптокошелька экстремистского движения «Лига свободных наций» (Движение признано экстремистским решением Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2024 г.) показывает вывод средств на украинскую криптобиржу Whitebit, серый обменник криптовалют «Обменка SU», а также криминальные даркнет-площадки Mega DarkMarket и OMG, используемые для незаконного сбыта наркотиков и продажи криминальных услуг (23.01.2026 Генеральная прокуратура Российской Федерации признала нежелательной в России деятельность криптобиржи Whitebit, а также структур ее аффилированных и дочерних организаций. Криптобиржа активно поддерживает ВСУ (закупки БПЛА для ВСУ, поддержка террористической организации

«Батальон «Азов»»), используется для организации серых схем по выводу средств из России, а также финансирования иной противоправной деятельности).

Движение средств на публичный криптокошелек сбора донатов т.н. «народного движения 1Адат», выступающего за «деокупацию Чечни» (12 мая 2022 г. народное движение Адат признано экстремистским решением Верховного Суда Чеченской Республики), указывает на поступление пожертвований с двух криптоадресов наркоплощадки Нудра. В этом кейсе прослеживается прямая финансовая связь наркобизнеса и подпитки экстремизма.

С размещенного в открытом телеграм-канале криптокошелька диверсионно-террористического движения «Роспартизан» средства выводятся на дубайскую биржу Bybit и украинскую биржу Kupa (в нарушение стандартов ФАТФ и антиотмывочного законодательства провайдер не требует обязательной верификации участника транзакции).

К числу контрагентов Kupa относятся рекламировавшая «повышенную конфиденциальность» финская криптобиржа LocalBitcoins (отмечены 2261 транзакция на сумму 431,2 биткойна) и британская криптобиржа ExMO (1847 операций на 339,9 биткойнов).

Британская криптобиржа ExMO с украинскими бенефициарами имеет связь с криминальными адресами 33,5 тыс. транзакций. В распределенных реестрах присутствуют данные о перечислениях с ExMO на криминальную даркнет-площадку RAMP.

Анализ финансовых операций с кошелька сбора донатов диверсионно-террористического движения «Черный Мост Поддержка» свидетельствует об использовании участниками транзакций высокорискового миксера Coin Join Mixer, транзите криптовалюты через кошелек польской организации «Гражданский совет» (признана нежелательной в Российской Федерации) и выводе средств на украинскую биржу Kupa, нарушающую законодательство о противодействии финансированию терроризма и отмыванию преступных доходов.

Движение средств с криптокошелька террористической организации «Русский добровольческий корпус» идет, в том числе, на зарегистрированную в США учетную запись Hotwallet (аналог корреспондентского счета), что свидетельствует о том, что один из кураторов / координаторов РДК находится на территории Соединенных Штатов. Таким образом, американские регуляторы и провайдеры криптоуслуг, которые наложили санкции на российские системы платежей и обмена финансовыми сообщениями, заморозили криптоаккаунты и счета российских граждан, закрывают глаза на заведомое финансирование террористической деятельности в Российской Федерации.

Терроризм имеет в ряде случаев прямые криптовалютные связи с киберпреступностью. Так, медиаиздание «Вестник Бури» (сетевое издание иноагента, осуществляет пропаганду деколонизации России, поддержку протестной активности и радикальных движений) 5 и 6 июля 2024 г. финансово поддерживалось за счет средств от взлома крупнейшей турецкой криптобиржи BTCTURK.

Спонсорами криптокошелька «Вестника Бури» являются лица, причастные к хакерской атаке и хищению 22 июня 2024 г. средств BTCTURK.

Украденные в результате кибератаки токены Avalanche общей стоимостью около 54 млн. долларов США были смешаны с похищенной криптовалютой онлайн-казино Sportsbet (3,5 млн долларов США).

При этом владельцы криминальных криптокошельков - спонсоры «Вестника Бури» 8 апреля и 8 июня 2024 г. осуществляли транзакции в адрес грузинской платформы даркнета Matanga (площадка по продаже наркотиков, программ-вымогателей, фишинговых инструментов и услуг DDOS).

Значительное число аккаунтов, относящихся к украинской криптовалютной индустрии и

зарегистрированных в соответствующей юрисдикции, вовлечены или прямо обслуживают теневую и криминальную финансовую деятельность. Примером может служить украинский онлайн-обменник BTCBank (<https://btcbank.com.ua>). Данная финансовая площадка долгое время специализировалась на обеспечении крупнейших торговых площадок продажи наркотиков RAMP и HYDRA, транзите, обналичивании и легализации преступных доходов от сетевого бесконтактного сбыта наркотиков и психотропных веществ, а также геймблинга (задокументирована связь с 16410 криминальными транзакциями).

Базы блокчейнов показывают 1288 транзакций на 74,13 биткоинов из BTCBank на RAMP и 44 транзакции из RAMP в BTCBank на сумму 34,1 биткоина. Зафиксированы 3022 транзакции объемом 23,9 биткоина из BTCBank на HYDRA, а также 220 транзакций из HYDRA в BTCBank на 51,6 биткоина. Из BTCBank на сервис онлайн-казино 999.Dice (12 мая 2022 г. народное движение 1Адат признано экстремистским решением Верховного Суда Чеченской Республики. Dice.com включен в реестр заблокированных сайтов ФНС России) перечислено 92,3 биткоина (3922 транзакции). В свою очередь, на BTCBank переведено 93,7 биткоина (2667 транзакций).

Аналогичная структура финансовых потоков характерна для украинских обменников CoCO-Pay (задокументирована связь с 5216 криминальными транзакциями) и MINE.exchange. Графы криптовалютных транзакций показывают вывод с CoCO-Pay 35,9 биткоинов на HYDRA, а также вывод 9,62 биткоинов на Mega. На сервис онлайн-казино 1XBET (Ресурс 1XBET включен в реестр заблокированных сайтов ФНС России) перечислено 12,22 биткоина.

С MINE.exchange можно отследить перечисления на HYDRA 3209 биткоинов. В свою очередь, с площадки HYDRA на MINE.exchange проведено 11586 транзакций на 707 биткоинов.

Помимо украинской теневой финансовой инфраструктуры для целей отмывания денег используются и европейские провайдеры виртуальных услуг (в первую очередь, зарегистрированные в Германии и Эстонии).

Так, судя по данным реестров транзакций, немецкий обменник Swarcoin.cc длительное время обслуживал криминальный маркетплейс Hydra. С использованием обменника оплачены криминальные товары и услуги Hydra на 124,7 биткоинов (9,5 тыс. операций). Одновременно обменник использовался как техническая площадка для вывода средств и легализации (на Swarcoin с Hydra проведено 7877 операций на сумму 108,6 биткоинов). В дальнейшем часть средств выводилась с Hydra на финскую криптобиржу LocalBitcoins.

Через обменник 365cash (Эстония) переведено 985,79 биткоинов на даркнет-площадку Hydra (в реестре 15,3 тыс. транзакций). С Hydra выведено и обналичено через обменник 617,89 биткоинов (11 тыс. транзакций). Присутствует связь с криминальными адресами по 32,2 тыс. транзакциям [Красинский, 2025b].

Анализ финансовых операций свидетельствует, что европейские криптообменники BTCBank, CoCO-Pay, Swarcoin, 365cash и MINE.exchange не осуществляют комплаенс-контроль соблюдения антиотмывочных норм и выступают технической обальной и легализационной площадкой для организованной преступности.

Надзорные органы ЕС, упорно сконцентрировавшись на войне с Россией, никаких ограничительных и противолегализационных мер в отношении собственных криптосервисов, грубо нарушающих стандарты ФАТФ, не принимают.

Для подрыва финансовой безопасности и нанесения экономического ущерба России регуляторы ЕС наложили политически мотивированные санкции на российскую криптоиндустрию и платежную инфраструктуру.

В 19-м пакете санкций ЕС в октябре 2025 г. были введены ограничения в отношении

отдельных российских криптовалютных площадок (биржа Grinex). Под ограничения также попал рублевый стейблкоин A7A5 [Контрагенты влияния, /www].

6 февраля 2026 г. Еврокомиссия представила 20-й пакет антироссийских санкций, в котором расширены санкции против криптовалютных сервисов и банков, обслуживающих крипторасчеты. В рамках нового санкционного пакета Еврокомиссия предлагает полностью запретить любые операции с криптовалютами, связанными с Россией.

При этом ни один из европейских криптопровайдеров и платежных сервисов, вовлеченных в трансграничные схемы наркорасчетов, геймблинга, финансового мошенничества, отмывания преступных доходов по «счастливой случайности» не пострадал.

Анализ финансовых операций криптопровайдеров свидетельствует, что при выводе средств, похищенных в результате хакерских атак, активно используются миксеры и кроссчейновые мосты [Красинский, Осипов, 2025].

Преступники применяют комбинацию миксеров, кроссчейновых мостов и DeFi-протоколов.

Криптовалюта отправляется в миксер, где смешивается с виртуальными активами других пользователей. Для перевода средств из одного блокчейна в другой используется кроссчейновый мост. На заключительном этапе средства выводятся в анонимные пулы ликвидности, которые позволяют перемещать криптовалюты, не раскрывая исходных транзакций или конечных получателей.

В схемах киберпреступлений и финансового мошенничества сегодня задействуется весь спектр инструментов (вредоносные программы, DDOS-атаки, технологии ИИ, социальная инженерия).

Выводы

Основные способы совершения и сокрытия преступлений с использованием криптовалют совпадают для разных сфер преступной деятельности.

В большинстве схем финансирования организованной преступной деятельности, терроризма и экстремизма, наркобизнеса, легализации преступных доходов фиксируются многочисленные, не имеющие очевидного экономического смысла запутанные финансовые операции с длинными цепочками промежуточных транзакций.

При проведении проверочных мероприятий, осуществлении оперативно-розыскной деятельности в криптосреде, расследовании уголовных дел ключевым элементом является проведение ончейн-анализа и межсетевых мультивалютных финансовых расследований. Эффективность данной деятельности существенно возрастает при взаимодействии правоохранительных органов и негосударственных аналитических IT-компаний.

Для выявления организаторов, бенефициаров, координаторов, спонсоров и пособников криминального рынка криптоуслуг нужен анализ финансовых механизмов и финансовых связей участников данных преступлений, макроанализ финансовых операций провайдеров услуг виртуальных активов.

Несмотря на действующие антиотмывочные стандарты, на Украине и в ряде стран ЕС (в первую очередь, в Эстонии и Германии) отсутствуют надлежащие процедуры антиотмывочной аутентификации и контроля, криптопровайдеры участвуют в оказании (материальном обеспечении, поддержке) криминальных услуг и отмывании доходов, полученных преступным путем.

Вопросы отмывания денег, финансирования терроризма и экстремизма с помощью криптовалют, противоречащие обязательствам и национальным интересам Российской

Федерации, необходимо рассматривать и широко освещать в рамках профильных международных мероприятий (семинаров, конференций, форумов, тренинговых мероприятий) с целью принятия мер реагирования и пресечения подобной деструктивной деятельности.

Для участия в судебных процессах с использованием современных информационных технологий, инновационных финансовых инструментов, криптовалют, сервисов децентрализованного финансирования целесообразно привлекать подготовленных судей или консультантов-экспертов, имеющих специальные познания в данных предметных областях.

Библиография

1. Земцова С.И. Криптовалюта в незаконном обороте наркотических средств: вопросы деанонимизации и ответственности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1. С. 54-62.
2. Красинский В.В. Применение микро- и макроанализа финансовых операций криптопровайдеров в целях противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма // Современное право. 2025. № 2. С. 107-111. DOI 10.25799/NI.2025.11.75.020
3. Красинский В.В. Противодействие финансированию наркобизнеса и отмыванию преступных доходов с использованием криптовалют // Современное право. 2025. № 4. С. 105-111.
4. Красинский В.В. Противодействие финансированию терроризма с использованием криптовалют // Современное право. 2022. № 9. С. 108-116. DOI 10.25799/NI.2022.58.84.018
5. Красинский В.В., Норкина А.Н. Криминологические исследования блокчейнов криптовалют в российской антиотмывочной системе // Современное право. 2024. № 8. С. 88-94.
6. Красинский В.В., Осипов Г.П. Миксеры, р2р-сервисы и кроссчейновые мосты как средства сокрытия преступлений и отмывания преступных доходов // Современное право. 2025. № 10. С. 117. DOI 10.25799/NI.2025.67.23.022
7. Красинский В.В., Осипов Г.П. Мошеннические действия, фишинг и хакерские атаки на криптосервисы и блокчейн-сети // Современное право. 2026. № 2. С. 80. DOI 10.25799/NI.2026.95.13.016
8. Красинский В.В., Осипов Г.П., Иванов Ф.К. Мониторинг транзакций и криптовалютные расследования в публичных блокчейнах: учебное пособие. Москва: Юрлитинформ, 2026. 128 с.
9. Красинский В.В., Леонов П.Ю., Морозов Н.В. Мониторинг и анализ криптовалютных транзакций в сфере противодействия отмыванию доходов, финансированию терроризма и экстремизма: учебное пособие. Москва: НИЯУ МИФИ. 133 с.
10. Крылов Г.О., Лоскутов И.Н. Криптовалюта — будущее без инфляции или новые проблемы ПОД/ФТ? // Сборник материалов международной научно-практической конференции МСИ в сфере ПОД/ФТ. Москва, 2016. С. 144-156.
11. Лоскутов И.Н., Иванов В.К. Технология блокчейн в сфере ПОД/ФТ // Вестник РАЕН. 2017. № 3. С. 41-48.
12. Судницын А.Б., Молоков В.В. Отдельные возможности получения и использования сведений об операциях с криптовалютой при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 213-221.

Analysis of Financial Operations of Virtual Service Providers and Its Significance in the Sphere of Counteracting Money Laundering and Terrorist Financing

Aleksandr D. Kerimov

Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher,
Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
119019, 10, Znamenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 8017498@mail.ru

Vladislav V. Krasinskii

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of General Jurisprudence
and Legal Foundations of Security No. 47,
Institute of Financial Technologies and Economic Security,
National Research Nuclear University "MEPhI",
115409, 31, Kashirskoye Hwy., Moscow, Russian Federation;
e-mail: krasinskijvv@fedsm.ru

Abstract

The article examines issues of analyzing crypto addresses, cryptocurrency transactions, and macro-analysis of financial operations of various participants in the cryptocurrency market for the purpose of counteracting money laundering and terrorist financing. The authors investigate modern methods of committing and concealing crimes using cryptocurrencies. Based on publicly available blockchain data of cryptocurrency transactions, the involvement of a number of virtual asset service providers in "gray" financial schemes, money laundering, financing of terrorism and drug trafficking is shown. Typical techniques for identifying, disclosing and investigating crimes using cryptocurrencies are proposed.

For citation

Kerimov A.D., Krasinskii V.V. (2026) *Analiz finansovykh operatsiy provayderov virtual'nykh uslug i yego znachenie v sfere protivodeystviya otmyvaniyu deneg i finansirovaniyu terrorizma* [Analysis of Financial Operations of Virtual Service Providers and Its Significance in the Sphere of Counteracting Money Laundering and Terrorist Financing]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 543-551. DOI: 10.34670/AR.2026.13.92.060

Keywords

Cryptocurrency, digital currency, financial operations, monitoring of cryptocurrency transactions, virtual asset service providers, crime counteraction, money laundering, financing of terrorism and drug trafficking, shadow financial infrastructure, blockchain.

References

1. Kerimov, A. D., & Krasinskii, V. V. (2026) *Analiz finansovykh operatsiy provayderov virtual'nykh uslug i yego znachenie v sfere protivodeystviya otmyvaniyu deneg i finansirovaniyu terrorizma* [Analysis of Financial Operations of Virtual Asset Service Providers and Its Importance in the Field of Countering Money Laundering and Financing of Terrorism].
2. Krasinskii, V. V. (2022). *Protivodeystviye finansirovaniyu terrorizma s ispolzovaniyem kriptovalyut* [Counteracting the Financing of Terrorism Using Cryptocurrencies]. *Sovremennoye pravo*, (9), 108-116. <https://doi.org/10.25799/NL.2022.58.84.018>
3. Krasinskii, V. V. (2025a). *Primeneniye mikro- i makroanaliza finansovykh operatsiy kriptoprovayderov v tselyakh protivodeystviya otmyvaniyu deneg i finansirovaniyu terrorizma* [Application of Micro- and Macroanalysis of Financial Transactions of Crypto-Providers for the Purpose of Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism]. *Sovremennoye pravo*, (2), 107-111. <https://doi.org/10.25799/NL.2025.11.75.020>
4. Krasinskii, V. V. (2025b). *Protivodeystviye finansirovaniyu narkobiznesa i otmyvaniyu prestupnykh dokhodov s ispolzovaniyem kriptovalyut* [Combating the Financing of Drug Trafficking and Money Laundering Using Cryptocurrencies]. *Sovremennoye pravo*, (4), 105-111.

5. Krasinskii, V. V., Leonov, P. Yu., & Morozov, N. V. (n.d.). *Monitoring i analiz kriptovalyutnykh transaktsiy v sfere protivodeystviya otmyvaniyu dokhodov, finansirovaniyu terrorizma i ekstremizma* [Monitoring and Analysis of Cryptocurrency Transactions in the Field of Countering Money Laundering, Financing of Terrorism and Extremism]. National Research Nuclear University MEPhI.
6. Krasinskii, V. V., & Norkina, A. N. (2024). Kriminologicheskiye issledovaniya blokcheynov kriptovalyut v rossiyskoy antiotmyvochnoy sisteme [Criminological Studies of Cryptocurrency Blockchains in the Russian Anti-Money Laundering System]. *Sovremennoye pravo*, (8), 88-94.
7. Krasinskii, V. V., & Osipov, G. P. (2025). Miksery, p2p-servisy i krosscheynovyye mosty kak sredstva sokrytiya prestupleniy i otmyvaniya prestupnykh dokhodov [Mixers, P2P Services and Cross-Chain Bridges as Means of Concealing Crimes and Laundering Criminal Proceeds]. *Sovremennoye pravo*, (10), 117. <https://doi.org/10.25799/NI.2025.67.23.022>
8. Krasinskii, V. V., & Osipov, G. P. (2026) Moshennicheskiye deystviya, fishing i kakerskiye ataki na kriptoservisy i blokcheyn-seti [Fraudulent Activities, Phishing and Hacker Attacks on Crypto Services and Blockchain Networks]. *Sovremennoye pravo*, (2), 80. <https://doi.org/10.25799/NI.2026.95.13.016>
9. Krasinskii, V. V., Osipov, G. P., & Ivanov, F. K. (2026) *Monitoring transaktsiy i kriptovalyutnyye rassledovaniya v publichnykh blokcheynakh* [Transaction Monitoring and Cryptocurrency Investigations in Public Blockchains]. Yurlitinform.
10. Krylov, G. O., & Loskutov, I. N. (2016). Kriptovalyuta — budushcheye bez inflyatsii ili novyye problemy POD/FT? [Cryptocurrency — a Future without Inflation or New Problems of AML/CFT?]. In *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii MSI v sfere POD/FT* (pp. 144-156).
11. Loskutov, I. N., & Ivanov, V. K. (2017). Tekhnologiya blokcheyn v sfere POD/FT [Blockchain Technology in the Field of AML/CFT]. *Vestnik RAEN*, (3), 41-48.
12. Sudnitsyn, A. B., & Molokov, V. V. (2019). Otdelnyye vozmozhnosti polucheniya i ispolzovaniya svedeniy ob operatsiyakh s kriptovalyutoy pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy [Certain Possibilities of Obtaining and Using Information on Cryptocurrency Transactions in Solving and Investigating Crimes]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, (2), 213-221.
13. Zemtsova, S. I. (2020). Kriptovalyuta v nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv: voprosy deanonimizatsii i otvetstvennosti [Cryptocurrency in the Illicit Trafficking of Narcotic Drugs: Issues of Deanonymization and Responsibility]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, (1), 54-62.

УДК 343.01**DOI: 10.34670/AR.2026.18.20.061****Основные аспекты учения о наказании в XIX–XX веках****Николаенко Екатерина Сергеевна**

Магистрант,
Ростовский государственный экономический университет,
344000, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69;
e-mail: yekaterina.glushchenko.01@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются основные аспекты учения о наказании, которые преобладали в XIX веке. Автор указывает на существование в то время множества доктрин о наказании, анализирует ключевые позиции видных теоретиков. Приходит к выводу, что представители научного сообщества России видели основания карательного права, которое субъективно имелось только у государства, в условиях общежития, в разумности целей его бытия, в особенностях правового порядка как принудительного уклада общежития. Освещает дискуссии советских правоведов о соотношении принуждения и воспитания в наказании, о природе уголовной кары, о роли вины и государственного порицания. Автор прослеживает тенденцию влияния социальных изменений и идеологических установок на законодательные решения и научную полемику в контексте института наказания.

Для цитирования в научных исследованиях

Николаенко Е.С. Основные аспекты учения о наказании в XIX – XX веках // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 552-564. DOI: 10.34670/AR.2026.18.20.061

Ключевые слова

Наказание, научные теории, уголовный закон, учение о наказании, эволюция, кара, меры социальной защиты, возмездие, уголовно-правовая доктрина, государственное порицание.

Введение

Вопрос о наказании является одним из фундаментальных вопросов уголовно-правовой доктрины, а еще «корень и материальная причина» уголовного судопроизводства [Александров, Александрова, Круглов, 2005, с. 27]. Справедливо отмечает Д.А. Липинский, что уголовное наказание определяет основные черты уголовного права в целом и выступает важнейшим средством охраны общественных отношений от преступных посягательств [Липинский, 2004, с. 37]. Концептуальные корни понимания исследуемого института уходят в теоретические представления далекого прошлого, которые ныне активно расширяются и дополняются под влиянием политических и социально-экономических детерминаций. А.М. Горький справедливо писал: «Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего» [Горький, www]. Не зная эволюцию учений о наказании, трудно понять правовую природу института наказания в современной реальности, предвидеть основные тенденции его развития.

Развитие общества свидетельствует о том, что у любого этноса и в любую историческое эпоху возникновение первоначальных форм организованного социума неизменно сопряжено с институционализацией карательных мер. Данное обстоятельство, отмеченное в трудах классиков философии и права, акцентирует фундаментальную роль карательной деятельности в структуре общественного регулирования.

Основная часть

Первые три десятилетия XIX века ознаменовались зарождением научной догмы уголовного права. Как отмечал Г.С. Фельдштейн, русские ученые, благодаря появлению запроса на продукты научно-юридической мысли, с одной стороны, и их соответствующей научной деятельности, с другой стороны, были активно вовлечены в общий процесс становления уголовно-правовой науки. Они успешно применяли теоретические начала, разработанные западными специалистами, к окружающей их русской правовой действительности. Труды Л.А. Фейербаха стали мощным двигателем в процессе развития научно-догматической обработки русского уголовного права в целом и института наказания, в частности. Согласно Г.С. Фельдштейну, русская юриспруденция отображала все течения, происходившие на Западе: от естественно-правовых конструкций, черпавших свои послышки в разуме и его логических заключениях, до уголовно-правовых учений, игравших решающую роль для школы политических писателей [Фельдштейн, 2014].

К середине XIX века в научных доктринах зарубежья и в самодержавной России, остро поднялся вопрос об атрибутивности наказания по отношению к государству, о праве использования им наказания в сфере управления. Ученые находились в поиске ответов на вопросы, принадлежит ли государству правомочие применять наказание к своим гражданам-преступникам, и какова легитимация данного правомочия. В научной доктрине были предложены различные теоретические обоснования, систематизированные в рамках ключевых направлений: концепции, отвергающие карательную прерогативу государства, и теории, её признающие.

Николай Степанович Таганцев в своей обзоре мнений по данному вопросу выделял три группы концепций, оспаривающих право государства на применение уголовной репрессии [Таганцев, 1902]. К первой он относил учения, основанные на отрицании свободы воли индивида. Вторая группа объединяла теории, критикующие действующую пенитенциарную

систему. Третью составляли доктрины, отвергающие само право государства на наказание. Сторонники детерминистских подходов, как отмечал Н.С. Таганцев, не отрицали необходимости ответственности за общественно опасное деяние. Однако они рассматривали наказание не как возмездие, а исключительно как инструмент защиты общества, средство социальной безопасности и нейтрализации опасных лиц. Авторы, критиковавшие существовавшую к тому времени систему наказаний, сходились в тезисе о её иррациональности и отсутствии разумных оснований. Эта критическая школа была весьма многочисленна и внутренне неоднородна. Различия касались как масштаба отрицания, так и конкретных аргументов. Часть исследователей выступала против отдельных видов репрессивных мер, таких как смертная казнь или ссылка, указывая на их чрезмерную жестокость или неэффективность. Другие же оппоненты подвергали сомнению сами фундаментальные принципы, на которых была построена вся существовавшая система наказаний.

Число писателей, которые отрицали самое право государства наказывать, невелико. Основным представителем этой теории являлся Роберт Оуэн [Оуэн, 1893]. Он весьма эклектически представлял себе институт наказания. С одной стороны, он рассматривал наказание как искупление вины, как воздаяние за совершенное зло, а с другой – был глубоко убежден в его бесполезности. Наказание являлось ничто иное, как несправедливое насилие, направленное на поддержание того, что не должно было вообще существовать. По мнению представляемого автора, преступность является продуктом социальных условий, обуславливается преимущественно невежеством народных масс и недостатками воспитания. Соответственно, только проведение реформ должно было устранить все преступные деяния, а не наказание. Мы солидарны с Н.Д. Сергеевским, что представить условия идеального общественно-государственного строя, в котором не имело бы место ни одно преступное деяние, не реально и не научно [Сергеевский, 1900, с. 84]. Историческое развитие общества показало, что не только недостатки, но и преимущества общественного уклада могут стать благоприятной почвой в процессе детерминации преступности. Преступление неразрывно связано с любыми общественными процессами, как прогрессом, так и регрессом. По своей сути преступление совершается ради удовлетворения собственных потребностей и нужд, которые противоречат общественным интересам. Следовательно, как позитивные, так и негативные изменения в обществе могут детерминировать преступное поведение, сталкивая между собой интересы частные и общественные. В этой связи государство не может тормозить процесс внедрения и поддержания того или иного института, руководствуясь исключительно соображениями опасности будущих преступных деяний.

К теориям, которые отрицали право государства наказывать, Н.Д. Сергеевский, как отмечалось в его трудах, также причислял учение С. Томсона. Сущность данной теоретической конструкции заключалась в постулировании обусловленности преступного акта психическим расстройством, вследствие чего в отношении индивида, его совершившего, требовалось применение не карательных мер, а лечения. Однако, несмотря на определенную степень гуманности, эта теория быстро потеряла в науке свою авторитетность [Сергеевский, 1900, с. 86].

Во втором блоке концепций ее представители признавали право государства наказывать. Согласно рассматриваемой доктрине, в связи с тем, что носителем карательной власти выступало общество, истоки права на наказание усматривались либо в качествах индивида, либо в характеристиках социума. Данный подход позволил Н.С. Таганцеву классифицировать изучаемые концепции на личные и общественные теории [Таганцев, 1902, с. 862].

Учитывая, что личность рассматривалась в трёх аспектах – физическом, нравственном и

интеллектуальном, – учёный предложил условное деление личных теорий на три группы. К первой категории были отнесены взгляды сторонников идеи о происхождении права наказывать из чувственных свойств человеческой природы. Адепты данного подхода проводили параллель между животным и человеком, объясняя тем самым инстинктивность поступков человека. К чувству физической боли, которые были вызваны вредом со стороны преступника, присоединялись чувство злобы и мести, что в совокупности порождали реакцию в виде расплаты на причиняемый вред. Трансформация общественного уклада придали инстинктивной реакции форму осуществления права – права семьи, права общины, права представителя государственной власти. Именно из условия возникновения института мести появилось основание права наказывать. Ярким приверженцем данной концепции являлся Карл Фердинанд Хоммель. Он отвергал существование свободной воли, усматривая в любых поведенческих актах индивида действие неумолимого закона причинной обусловленности, предопределённого, по его мнению, божественным замыслом и универсального для всего мироздания. Вследствие этого он обосновывал не просто допустимость, но и онтологическую неизбежность мер уголовного наказания. Подобную позицию занимал Генрих Данкварт, а позднее Евгений Дюринг, Эдуард фон Гартман и др.

Вторая категория теорий выводила право наказывать из нравственных свойств природы человека. Основным представителем данной категории был Иммануил Кант, который полагал, что в числе неизменных идей, не требующих доказательств, находится идея справедливости: каждому должно быть воздано по его делам, то есть каждое преступление должно быть наказано. Применение наказания, по его мнению, являлось категорическим императивом, следовательно, право государства наказывать обосновывается не свойством права или интересами общества, а только априорным нравственным требованием, утверждаемым без каких-либо доказательств. Вместе с тем, учение И. Канта имело недостатки: к примеру, философ не объяснил, каким образом нравственный институт воздаяния трансформируется в юридический, а государство получило право осуществлять карательную функцию. Более того, провозглашённый категорический императив не учитывал сложность человеческой природы и социальных факторов, отрицал право на помилование с точки зрения принципа гуманизма [Кант, 1903, с. 21]. Философско-правовая концепция Иоганна Фридриха Гербарта развивала ряд положений, восходящих к учению И. Канта. Философ обосновывал право государства на наказание, апеллируя к эстетическим потребностям, присущим человеческой природе личности. С его точки зрения, правовая система служила инструментом для разрешения конфликтов, разрушающих эстетически воспринимаемую гармонию общественных отношений; следовательно, любое преступное действие подлежало нейтрализации. Правомерность карательного воздействия, по Гербарту, коренилось в чувстве неудовольствия, возникающем вследствие нарушения установившегося общего равновесия, что и предоставляло законное основание для применения наказания.

Третье направление философско-правовой мысли обосновывало карательное право умственными характеристиками человеческой природы. Виднейший теоретик этого подхода, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, утверждал, что источник права наказания коренился в особенностях мышления, в непреложных законах логики и диалектическом движении понятий. Согласно его учению, право являлось царством реализованной свободы, сферой духа и разума, вследствие чего оно обладало характером подлинности, разумности и по своему существу наделялось нерушимостью. Оценивая противоправное деяние как преступное, философ квалифицировал его в качестве ничтожного, что, в силу своей отрицательной природы,

требовало наказания и упразднения. Субъектом, осуществляющим возмездие, в данной концепции выступало само право, тогда как государство является его инструментом и исполнителем. По убеждению ученого, государство обладало прерогативой наказания именно потому, что наказание являлось актом восстановления справедливости, а не мести, и представляло собой логическую необходимость. Если по Гегелю преступление и наказание внутренне тождественны, если преступление имеет свой объем и качества, то и наказание должно быть качественно и количественно определенным. Мы солидарны с С.В. Познышевым [Познышев, 1904] и Н.С. Таганцевым [Таганцев, 1902], что доктрина философа имела недостатки. Гегелевская концепция строилась на идеалистических философских категориях, что делало ее трудноприменимой в практической деятельности. Принцип пропорциональности преступления и наказания не давал четких критериев определения того, является ли наказание равноценным совершенному деянию, а его чрезмерная размытость затрудняла практическую реализацию и создавала почву для субъективных интерпретаций меры наказания.

Общественные теории, по мнению Н.С. Таганцева, разделялись на теории формальные и материальные. На первом месте в группе формальных теорий автор поставил теологическую теорию, главным представителем которой был Фридрих Шталь. Согласно позиции философа, государство как институт было установлено Творцом для защиты права и обладало статусом «промежуточной инстанции», находящейся между природным миром и божественной сферой. Если в вечном царстве Бог вершил суд над духами и обеспечивал внутреннюю справедливость, то государство, в свою очередь, реализовывало правосудие во внешнем, социальном плане. Следовательно, эта концепция усматривала истоки права наказывания в предпосылках формирования человеческого общежития и в универсальных законах мироздания.

В группе формальных теорий вторую позицию занимала договорная теория (Т. Гоббс, И.Г. Фихте и др.). Несмотря на разнообразие взглядов ее адептов, их объединял базовый тезис. Право на наказание возникло вследствие изначального общественного договора, лежащего в основе любого социума. Согласно этому договору, индивиды, движимые различными мотивами, передали государству полномочия распоряжаться их личностью и поступками. Вступая в договорные отношения, гражданин брал на себя обязательство их не нарушать; когда же данное обязательство оказывалось недостаточным – лицо совершало преступление, – для обеспечения общественной безопасности применялось наказание как акт выражения единой суверенной воли. Таким образом, карательная прерогатива принадлежала государственной власти наравне с правом объявления войны, осуществления правосудия и законодательной деятельности.

Материальные теории обосновывали наказание природой общества и государства. Одно из направлений в этой группе выводило право наказания из необходимости общественной обороны. Например, Г.Э. Шульц утверждал, что преступник, посягая на государственное устройство общества, создавал угрозу его стабильности; государство же, защищаясь от этой угрозы, использовало наказание в качестве защитной меры. Джованни Доменико Романьози рассматривал право защиты как манифестацию естественной социальной силы, которая активировалась при нарушении общественного равновесия; именно в этой силе, по его мнению, и заключалось карательное право государства.

Вторую группу общественных теорий составляли таковые, которые выводили право наказывать из идеи справедливости. Адепты этого направления (к примеру, Пеллегрини Росси) полагали, что в обществе существует закон самосохранения. Карательное правосудие наличествовало потому, что оно являлось необходимым условием бытия и его сохранения. Наказывая, общество осуществляло право самосохранения, которое превалировало над всеми

остальными правами и интересами.

Третья группа ученых (Карл Лоренц Биндинг, Гуго Майер, Н.Д. Сергеевский, И.Я. Фойницкий и др.) искала основания карательного права государства в условиях правового порядка общественной жизни, который являлся необходимым элементом общежития. Он требовал охраны от нарушителей всеми средствами, которыми имело государство в своем арсенале, включая наказание. Государство как форма человеческого единения, в которой отношения между ее гражданами урегулированы правовыми нормами, являлось правопорядком; соответственно, любая деятельность власти была основана на праве. Она наделялась безусловной необходимостью отправлять уголовное правосудие, которое по своей сути являлось элементом правопорядка, и цель которой достигалась самым фактом применения наказания. Сторонники указанной теории полагали, что правовое основание наказания заключалось в необходимости поддержания правового порядка, которое выводилось из понятия о праве как охранителя благ и интересов.

Таким образом, первые три десятилетия XIX века ознаменовались зарождением научной догмы уголовного права. Ко второй половине XIX века русские криминалисты в достаточной степени запитались трудами европейских просветителей эпохи Возрождения и немецкой классикой гуманитарной мысли (философией и юриспруденцией), что создало почву для самостоятельных оценок внутренних порядков и даже для критики иностранных учителей. «Золотой век» русской культуры наложил свой отпечаток на науку уголовного права, обеспечив ей повышенный порог умствования (отражение прогрессивных взглядов, абстракции, междисциплинарные обмены знаниями). К концу XIX века представители научного сообщества в результате своих изысканий пришли к мнению, что основания карательного права необходимо было искать в условиях общежития, в разумности целей его бытия, в свойстве средств, которые необходимы для достижения этих целей, в особенностях правового порядка как принудительного уклада общежития. И такое право субъективно было только у государства, которое было призвано охранять интересы и блага всего общества.

На VIII съезде Русской группы Международного союза криминалистов, профессор А.А. Жижиленко, выступая с докладом «Меры социальной защиты в отношении опасных преступников», высказал позицию, согласно которой наказание выступает в качестве единственного либо, как минимум, наиболее эффективного инструмента противодействия преступным деяниям. Тем не менее, в выступлении ученый акцентировал внимание на том, что приоритет в уголовной политике неизменно должен принадлежать предупредительным (превентивным) мерам, в то время как карательные (репрессивные) средства должны занимать подчиненное, второстепенное положение [Жижиленко, 1911, С. 11].

Общие вопросы наказания были уязвимым местом в уголовно-правовой теории и уголовном законодательстве первых 15 лет существования Советского государства. Решению вопроса института наказания придавалось принципиальное значение, хотя при этом и были допущены существенные ошибки [Жижиленко, 1911, С. 10].

В 1918 г. М.Ю. Козловский, который сформулировал «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», принятые с некоторыми поправками коллегией Наркомюста в 1919 г., писал: «Единственной целью налагаемой кары должна быть, в соответствии с нашим взглядом на причины преступности – самозащита или охрана условий общежития от посягательств...» [Козловский, 1918, с. 27,]. Хотя авторы «Руководящих начал» еще упоминали термины «кара» и «наказание», однако в наиболее принципиальных статьях этих «Начал», определявших содержание и задачи советского уголовного права, был применен термин «репрессия» и лишь

для ясности в скобках сохранилось старое, для всех привычное слово «наказание»[Постановление Наркомюста РСФСР, 1919]. Использование термина «наказание» имело половинчатый характер, было своеобразной данью укоренившемуся понятию. Теоретически наказание отождествлялось с возмездием и поэтому отвергалось по существу как противоречащее научному марксистскому мировоззрению. Восприятие уголовного наказания как возмездия было тогда характерно не только для юристов, но и для педагогов. Так, в 1913 г. В.И. Фармановский писал: «Главная цель юридических наказаний – возмездие (или воздаяние), а главная цель педагогических наказаний – исправление»[Фармановский, 1914, с. 83].

Осенью 1921 года в рамках секции судебного права и криминологии Института советского права был подготовлен проект общей части Уголовного кодекса РСФСР. Данный документ содержал принципиальную новацию: предлагалось отказаться от традиционной юридической категории «наказание» и ввести в отечественный правовой дискурс новое понятие – «меры социальной защиты». Как отмечали разработчики проекта, основной целью данной замены термина являлось подчеркивание необходимости индивидуального подбора средств воздействия на лиц, совершивших преступления, для обеспечения максимальной эффективности специального предупреждения (частной превенции). Если классическое наказание в теории ассоциировалось, прежде всего, с общей превенцией, иными словами с задачей устрашения потенциальных правонарушителей, то вводимые меры социальной защиты трактовались как воплощение обновленного подхода к преступнику. Этот подход, в соответствии с замыслом авторов, предполагал перенос акцента с самого противоправного деяния на личность виновного, её особенности и социальный контекст.

Решительный разрыв со старым представлением о наказании, созданным еще буржуазным классическим направлением в уголовном праве, был вызван и тем, что в советской правовой доктрине господствовала концепция, согласно которой социальные основы преступности были ликвидированы уже в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Вследствие этого основной научный интерес в области этиологии преступных проявлений в социалистическом обществе сместился на личность преступника. Изучение индивида, совершившего преступление, рассматривалось как ключевая призма, позволяющая выявить детерминанты, обуславливающие преступность в новых исторических условиях. В первой половине 20-х годов в ряде городов на государственных началах были созданы кабинеты по изучению преступности и преступника. А.Н. Трайнин указывал, что различные теоретические направления в уголовном праве традиционно базировались на убеждении и ожидании возможности искоренения преступности, не выходя за рамки сложившегося общественного устройства. При этом генезис преступности объяснялся либо злым умыслом виновного, либо его врожденными аномальными склонностями, либо дефектами репрессивной системы государства. Таким образом, источники криминальных проявлений усматривались во всех возможных факторах, за исключением фундаментальных основ капиталистической формации[Трайнин, 1929, с. 254]. Соответственно, подобные взгляды на преступника и преступность не имели ничего общего с наказанием-возмездием, наказанием, в котором кара – одна из его целей.

Обычно считают, что увлечение в конце XIX века социологическим методом также способствовало замене молодым пролетарским государством классического «наказания» на «меры социальной защиты». А вот как объяснял данный исторический ход, пусть и неудавшийся, А.А. Герцензон: говорят, что Основы 1924 года стояли на позиции социологической школы, а затем от Ферри мы вернулись к классицизму. Это не совсем так:

«отход от термина «наказания» и замена его «мерами социальной защиты» выражает стремление законодателя со всей силой подчеркнуть, что борьба с преступностью в Советском государстве ведется на совершенно иных началах, чем в царской России и в зарубежных капиталистических странах. Эта терминология была неудачной. Но составители проектов Основных начал исходили не из теории социологической школы, а из известного указания К. Маркса: наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушения условий его существования» [Герцензон, 1967, с. 23]. Решительный разрыв с классическим уголовным правом – официальным выражением уголовно-правового мышления буржуазии на протяжении весьма длительного времени – одно из важнейших завоеваний марксистской юридической мысли первых послереволюционных лет.

Дальнейшее развитие идеи о том, что уголовная репрессия не может рассматриваться как результат исключительно собственной воли преступника, не может быть возмездием одному для того, чтобы устроить других, что она необходима не ради кары преступника, а, будучи мерой вынужденной, должна рассматриваться как средство «самозащиты общества против нарушений условий его существования, каковы бы ни были эти условия», и побудило авторов законодательных актов на заре существования Советского государства исключить из законодательства и сам термин «наказание», о котором Маркс писал, что «...история и такая наука как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устроить наказанием» [Советское уголовное право, 1959, с. 16].

Отношение к наказанию в советской уголовно-правовой науке изменилось лишь после того, как в принятом ЦИК СССР 8 июня 1934 г. постановлении «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине» в санкциях статей 1.1, 1.2 появились термины «кара» и «уголовное наказание», а в санкции ст. 1.3 – «кара».

Восстановление термина «наказание» было вызвано соображениями уголовной политики, направленной на то, чтобы в осложнявшейся международной обстановке надежно защищать Советское государство от общественно опасных посягательств, используя против преступных элементов всю силу государственной власти.

В отечественной доктрине уголовного права, начиная с конца 1930-х годов, сформировался консенсус относительно критики законодательных нововведений предшествующего десятилетия. Учёные-правоведы единогласно указывали, что отказ советского законодателя 1920-х годов от использования классического термина «наказание» и его подмена формулировкой «меры социальной защиты» были лишены научной и практической обоснованности. Данная терминологическая реформа считалась в научных кругах ошибочной. Ученые полагали, что широко распространённый и семантически ясный для населения концепт «наказания» был замещён расплывчатым и идеологически окрашенным выражением «меры социальной защиты», которое не обладало достаточной чёткостью в обыденном правосознании. Более того, несмотря на декларируемую создателями Уголовных кодексов 1922 и 1926 гг. цель гуманизации карательной политики, подобная лексическая подмена не обеспечила необходимых правовых гарантий при реализации государственного принуждения. Напротив, из-за чрезмерной широты и неопределённости новой терминологии были созданы предпосылки для излишне широкого и порой произвольного применения мер уголовно-правового воздействия. Ее применение не связывалось с виной, и это принципиально обосновывалось будто бы неприемлемостью для советского уголовного права самого понятия «вины», что и

использовалась как один из аргументов против органически связанного с виной понятия наказания [Утевский, 1957, с. 19].

По ряду причин институт наказания в советской уголовно-правовой доктрине на протяжении значительного периода теоретически не разрабатывался. Принятие в 1958 году «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» ознаменовало окончательный отказ советского законодателя от используемой ранее терминологии «меры социальной защиты» и восстановление классического юридического понятия «наказание». Последующее восстановление в нормативном поле и доктрине категорий «наказание» и «кара» привело к тому, что наличие карательного элемента в сущности наказания перестало оспариваться исследователями, хотя и не рассматривалось как его исключительное содержание. В научном сообществе утвердилась позиция, согласно которой содержание наказания представляет собой диалектическое единство элементов кары и воспитательного воздействия [Советское уголовное право, 1959, с. 247].

Сложность постижения природы уголовного наказания была обусловлена не только противоречивыми научными подходами к определению роли карательного элемента в его содержании, но и фундаментальными расхождениями во взглядах исследователей на сущность самой кары. Научная полемика относительно определения данного понятия была инициирована в 1957 году в ходе Московской теоретической конференции, посвященной проблемам советского исправительно-трудового права. В своем основном докладе на данном форуме Б.С. Утевский охарактеризовал кару как форму государственного принуждения [Утевский, 1957, с. 37]. С развернутой критикой такого понятия кары выступил Б.С. Никифоров, который полагал, что не всякое принуждение может быть отнесено к понятию кары. «Кара, – полагал автор, – предполагает принуждение к страданию, причем не ко всякому страданию, а к такому страданию, которое по своему характеру и длительности пропорционально, соразмерно совершенному преступником злему делу, преступлению» [Никифоров в сб. Вопросы теории..., 1957, с. 128]. В 1970 г. формулировку кары Б.С. Никифоровым признал правильной М.Д. Шаргородский, не аргументировав своего мнения.

С начала 60-х годов XX века в научной сфере активизировалась полемика вокруг содержания функций наказания. В частности, в 1960 году в ходе Саратовской научной конференции по проблемам исправительно-трудового права А.Е. Наташев выступил с критикой устоявшегося взгляда, трактующего наказание в качестве единства его карательного и воспитательного аспектов. Предложенная А.Е. Наташевым аргументация позволила привлечь на его сторону ряд исследователей в области исправительно-трудового права. Вполне закономерно, что ученые отвергали позицию, согласно которой трудовую и политико-воспитательную деятельность, будучи отнесенными к структурным элементам наказания, следовало рассматривать в качестве инструментов устрашения, применяемых к лицам, отбывающим наказание. Так, например, А.Л. Ременсон и Н.А. Стручков полагали, что наказание, являясь карой за совершенное преступление, «не может включать в свое содержание такие средства исправительно-трудового воздействия, как труд и политико-воспитательная работа. В противном случае нужно было бы признать, что трудом и политико-воспитательной работой наказывают, карают осужденного. Это же в корне неверно» [Ременсон, Стручков в кн. Стручков, 1988, с. 58].

В 1969 г. А.А. Пионтковский, выступая с полемикой касательно формулировки кары, писал: «Если степень причинения наказанием страдания в уголовном законе зависит от тяжести совершенного преступления, то это соотношение с полным основанием можно характеризовать

как отношение пропорциональной зависимости».

По мнению И.С. Ноя, отличительной характеристикой уголовного наказания служил исключительно свойственный ему элемент – совмещение карательного воздействия на личность осуждённого с официальным государственным осуждением, порицанием совершённого им деяния. Существенная специфика уголовной кары в сравнении с другими формами правового принуждения заключалась в причинении лицу, её претерпевающему, наиболее интенсивных нравственных страданий [Жижиленко, 1911, с. 29].

Государственное порицание или осуждение лица, подвергнутого уголовному наказанию, выражается в самом факте вынесения судом обвинительного приговора и в конкретной мере наказания, которое назначается лицу, признанному виновным в совершении преступления. Отличие самого по себе обвинительного приговора, с которым органически связало любое уголовное наказание, от общественного порицания, как одного из видов тогда существовавшего уголовного наказания, карательное содержание которого исчерпывалось лишь государственным порицанием содеянного и его автора, выраженным в приговоре, скорее является количественным, чем качественным. Качественно обвинительный приговор и общественное порицание связаны тем, что то и другое выражает от имени государства порицание лицу, виновному в совершении преступления.

Н.А. Стручков утверждал, что кара являлась сущностью наказания [Стручков, 1972, с. 5]. Исследователь обоснованно заключал, что «наказание является карой, которая одновременно и карает, и осуществляет воспитательную функцию». Бесспорным представляется тезис Н.А. Стручкова о том, что «сущность и содержание наказаний – явления одного порядка: оба отражают присущую наказанию кару, с той разницей, что сущность наказания – это кара в общем виде, а содержание наказания – конкретная для него кара». Иначе говоря, кара в качестве содержания уголовного наказания в каждой его разновидности реализуется через конкретные элементы, определяемые как карательные меры.

Признание государственного порицания (осуждения) в качестве ключевого признака уголовной кары как элемента наказания в советской уголовно-правовой доктрине обладало принципиальной значимостью и дало возможность сформулировать важные в теоретическом и прикладном плане выводы. Так, коренное изменение характера наказания выражалось в том, что специфическим признаком уголовной кары стало не репрессивное, а моральное воздействие на осужденного.

Заключение

Таким образом, эволюция учения о наказании в период с XIX по XX века представляет собой сложный диалектический процесс, который отражает трансформацию правовых парадигм. XIX столетие явило собой эпоху становления классических теорий с обсуждением кардинальных или сущностных проблем. Ученые находились в поиске ответа на вопрос, имеет ли государство право наказывать своих преступников-подданных, и каковы основания такого права. XX век ознаменовался критикой классических теорий, синтезом и поиском новых моделей, коррелирующих с вызовами постиндустриального общества. К концу XX века учение о наказании пришло в состояние плюралистического синтеза, где ни одна из целей – ни воздаяние, ни исправление, ни устрашение, ни восстановление – не обладала безусловным приоритетом, а выбор акцента определялся конкретным контекстом, типом преступления и философско-правовыми установками законодателя.

Научно-технический прогресс и соответствующие ему перемены в общественной жизни, а также обновление качественно-количественных характеристик преступности закономерно обновляют научные взгляды в области уголовного права, в том числе, в области учения о наказании. Этому способствует и обновление законодательства: появление в действующем УК РФ раздела об «иных мерах уголовно-правового характера» инициирует возвращение к истокам, в том числе, к взглядам предшественников из предыдущих столетий о сущности, назначении, функциях, целях и вообще о пределах использования современным государством наказания как средства реагирования на преступления.

Библиография

1. Александров А.С., Александрова И.А., Круглов В.И. Назначение уголовного судопроизводства и наказания. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2005. 110 с.
2. Вопросы теории советского исправительно-трудового права и практика его применения: материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957 г.) / под ред. С.С. Студеникина. Москва: Изд-во ВШ МВД СССР, 1957.
3. Герцензон А. Из истории советского общесоюзного уголовного законодательства // Социалистическая законность. 1967. № 6. С. 23.
4. Горький М. О «библиотеке поэта». URL: <http://www.litres.ru/book/maksim-gorkiy/o-biblioteke-poeta-2451775/>
5. Жижиленко А.А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников: доклад, представленный VIII съезду Русской группы Международного Союза Криминалистов. Санкт-Петербург: Типография А.Г. Розена, 1911. 40 с.
6. Кант И. Метафизические начала учения о праве. Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, 1903. 60 с.
7. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 21-28.
8. Липинский Д.А. Соотношение функций и целей уголовной ответственности // Уголовное право. 2004. № 11. С. 37-43.
9. Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. 193 с.
10. Оуэн Р. Об образовании человеческого характера (Новый взгляд на общество). Москва: Изд. И.И. Билибина, 1893. 180 с.
11. Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании: исследование. Москва: Университетская типография, 1904. 407 с.
12. Постановление Наркомюста РСФСР «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» от 12 декабря 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590. (Утратило силу).
13. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая: пособие к лекциям. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1900. 364 с.
14. Советское уголовное право: Общая часть: учебное пособие для юридических институтов и юридических факультетов государственных университетов / под ред. В.М. Чиквадзе. Москва: Госюриздат, 1959. 464 с.
15. Стручков Н.А. Принятие Основ исправительно-трудового законодательства и дальнейшее развитие правового регулирования исполнения наказания: учебное пособие. Рязань: РВШ МВД СССР, 1988. 76 с.
16. Стручков Н.А. Проблемы науки исправительно-трудового права в свете нового исправительно-трудового законодательства: учебное пособие. Москва: Изд-во ВШ МВД СССР, 1972. 167 с.
17. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции: в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. С. 816-1460.
18. Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. Москва, 1929. 511 с.
19. Утевский Б.С. Вопросы теории советского исправительно-трудового права и практика его применения // Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957 г.). Москва: Изд-во ВШ МВД СССР, 1957.
20. Фармановский В.И. Методика школьной дисциплины. Одесса: Типография Фесенко, 1914. 196 с.
21. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. В.А. Томсинова. Москва: Зерцало-М, 2014. 542 с.

Main Aspects of the Doctrine of Punishment in the 19th–20th Centuries

Ekaterina S. Nikolaenko

Master's Student,
Rostov State University of Economics,
344000, 69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: yekaterina.glushchenko.01@mail.ru

Abstract

The article analyzes the main aspects of the doctrine of punishment that prevailed in the 19th century. The author points to the existence at that time of many doctrines of punishment and analyzes the key positions of prominent theorists. It is concluded that representatives of the Russian scientific community saw the foundations of punitive law, which subjectively belonged only to the state, in the conditions of social coexistence, in the rationality of the goals of its existence, and in the features of the legal order as a coercive structure of social coexistence. The author highlights discussions among Soviet legal scholars regarding the relationship between coercion and education in punishment, the nature of criminal penalty, and the role of guilt and state censure. The author traces the tendency of the influence of social changes and ideological attitudes on legislative decisions and scientific polemics in the context of the institution of punishment.

For citation

Nikolaenko E.S. (2026) Osnovnyye aspekty ucheniya o nakazanii v XIX–XX vekakh [Main Aspects of the Doctrine of Punishment in the 19th–20th Centuries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 552–564. DOI: 10.34670/AR.2026.18.20.061

Keywords

Punishment, scientific theories, criminal law, doctrine of punishment, evolution, penalty, measures of social protection, retribution, criminal law doctrine, state censure.

References

1. Aleksandrov, A. S., Aleksandrova, I. A., & Kruglov, V. I. (2005). *Naznachenije ugovnogo sudoproizvodstva i nakazaniya* [Purpose of Criminal Proceedings and Punishment]. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
2. Farmakovskiy, V. I. (1914). *Metodika shkolnoy distsipliny* [Methods of School Discipline]. Tipografiya Fesenko.
3. Feldstein, G. S. (2014). *Glavnyye techeniya v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii* [Main Currents in the History of Criminal Law Science in Russia]. Zertsalo-M.
4. Gertsenzon, A. (1967). *Iz istorii sovetskogo soyuznogo ugovnogo zakonodatelstva* [From the History of Soviet All-Union Criminal Legislation]. *Sotsialisticheskaya zakonnost*, (6), 23.
5. Gorky, M. (n.d.). *O "biblioteke poeta"* [About the "Poet's Library"]. Retrieved from <http://www.litres.ru/book/maksim-gorkiy/o-biblioteke-poeta-2451775/>
6. Kant, I. (1903). *Metafizicheskiye nachala ucheniya o prave* [Metaphysical Principles of the Doctrine of Law]. P. P. Soykin.
7. Kozlovskiy, M. Yu. (1918). *Proletarskaya revolyutsiya i ugovnoye pravo* [The Proletarian Revolution and Criminal Law]. *Proletarskaya revolyutsiya i pravo*, (1), 21–28.
8. Lipinsky, D. A. (2004). *Sootnosheniye funktsiy i tsey ugovnoy otvetstvennosti* [Correlation of Functions and Purposes of Criminal Liability]. *Ugovnoye pravo*, (11), 37–43.

9. Noy, I. S. (1973). *Sushchnost i funktsii ugovnogo nakazaniya v sovetskom gosudarstve* [Essence and Functions of Criminal Punishment in the Soviet State]. Saratov University Press.
10. Owen, R. (1893). *Ob obrazovanii chelovecheskogo kharaktera (Novyy vzglyad na obshchestvo)* [On the Formation of Human Character (A New View of Society)]. I. I. Bilibin.
11. Poznyshev, S. V. (1904). *Osnovnyye voprosy ucheniya o nakazanii* [Basic Questions of the Theory of Punishment]. University Typography.
12. Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR "Guiding Principles of Criminal Law of the R.S.F.S.R." of December 12, 1919. (1919). SU RSFSR, No. 66, Art. 590. (No longer in force).
13. Sergeevsky, N. D. (1900). *Russkoye ugovnoye pravo. Chast obshchaya* [Russian Criminal Law. General Part]. Tipografiya M. Stasyulevicha.
14. Soviet Criminal Law. General Part. (1959). V. M. Chkhikvadze (Ed.). Gosyurizdat.
15. Struchkov, N. A. (1972). *Problemy nauki ispravitelno-trudovogo prava v svete novogo ispravitelno-trudovogo zakonodatelstva* [Problems of the Science of Correctional Labor Law in Light of the New Correctional Labor Legislation]. Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
16. Struchkov, N. A. (1988). *Prinyatiye Osnov ispravitelno-trudovogo zakonodatelstva i dalneysheye razvitiye pravovogo regulirovaniya ispolneniya nakazaniya* [Adoption of the Fundamentals of Correctional Labor Legislation and Further Development of Legal Regulation of Punishment Execution]. Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
17. Studenikin, S. S. (Ed.). (1957). *Voprosy teorii sovetskogo ispravitelno-trudovogo prava i praktika yego primeneniya* [Issues of the Theory of Soviet Correctional Labor Law and the Practice of Its Application] (Materials of the Theoretical Conference, May 1957). Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
18. Tagantsev, N. S. (1902). *Russkoye ugovnoye pravo. Chast obshchaya* [Russian Criminal Law. General Part] (Vol. 2). State Typography.
19. Trainin, A. N. (1929). *Ugovnoye pravo. Obshchaya chast* [Criminal Law. General Part].
20. Utevsky, B. S. (1957). *Voprosy teorii sovetskogo ispravitelno-trudovogo prava i praktika yego primeneniya* [Issues of the Theory of Soviet Correctional Labor Law and the Practice of Its Application]. In *Materials of the Theoretical Conference on Issues of Soviet Correctional Labor Law (May 1957)*. Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
21. Zhizhilenko, A. A. (1911). *Mery sotsialnoy zashchity v otnoshenii opasnykh prestupnikov* [Measures of Social Protection in Relation to Dangerous Criminals] (Report to the 8th Congress of the Russian Group of the International Union of Criminologists). Tipografiya A. G. Rozena.

УДК 343.352

DOI: 10.34670/AR.2026.97.75.062

Посредничество во взяточничестве: проблемы квалификации и правоприменительной практики в условиях современной антикоррупционной политики

Раджабов Шамиль Раджабович

Кандидат юридических наук, доцент,
И.о. заведующего кафедрой уголовного права и криминологии,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;
e-mail: shamil.1503@mail.ru

Аннотация

В статье на основе комплексного анализа доктринальных источников, материалов судебной практики 2024–2026 годов и последних изменений уголовного законодательства исследуются актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам отграничения посредничества от соучастия в даче и получении взятки, квалификации обещания и предложения посредничества, проблеме «мнимого посредничества», а также условиям применения специального основания освобождения от уголовной ответственности. В работе проанализированы позиции ведущих ученых-криминалистов, исследованы материалы судебной практики, включая резонансные уголовные дела последнего времени. Обосновывается вывод о несовершенстве законодательной конструкции ч. 5 ст. 291.1 УК РФ и необходимости ее корректировки. Формулируются научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики и внесению изменений в уголовное законодательство.

Для цитирования в научных исследованиях

Раджабов Ш.Р. Посредничество во взяточничестве: проблемы квалификации и правоприменительной практики в условиях современной антикоррупционной политики // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 565-579. DOI: 10.34670/AR.2026.97.75.062

Ключевые слова

Посредничество во взяточничестве, коррупционные преступления, квалификация преступлений, обещание посредничества, уголовная ответственность, освобождение от ответственности, судебная практика, взяточничество, соучастие, антикоррупционная политика.

Введение

Противодействие коррупции сохраняет статус одного из приоритетных направлений уголовной политики Российского государства. Как справедливо отмечается в официальных разъяснениях, коррупция разрушает систему государственного управления, нивелирует действующее законодательство, способствует правовому нигилизму, подрывает авторитет органов государственной власти [Аминов и др., 2023, с. 8]. В структуре коррупционной преступности особое место занимает посредническая деятельность, выступающая своеобразным «катализатором» коррупционных связей и существенно затрудняющая выявление и расследование данных преступлений.

Основная часть

Статья 291.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за посредничество во взяточничестве, была введена Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ. Как отмечают исследователи, до 2011 г. действия посредника во взяточничестве в зависимости от конкретных обстоятельств определялись по признакам ст. 290, 291 УК РФ, и квалификация осуществлялась по совокупности со ст. 33 УК РФ, исходя из степени соучастия и роли в процессе дачи-получения взятки [Куликов и др., 2022, с. 45]. А.Н. Кузнецова, анализируя историю развития законодательства, подчеркивает, что «законодатель при регламентации ответственности за взяточничество в УК 1996 г. изначально отказался от нормы, предусматривающей ответственность за посредничество во взяточничестве и коммерческом подкупе, полагая, что деяния посредника следует квалифицировать как соучастие в получении или даче взятки» [Кузнецова, 2025, с. 141]. Выделение посредничества в самостоятельный состав преступления стало результатом осознания законодателем высокой общественной опасности деятельности «коррупционных посредников».

По справедливому утверждению Р.С. Джинджолия, З.М. Бешуковой и Р.М. Жирова, «после вступления в силу ст. 291.1 УК РФ преступными считаются действия в форме как физического, так и интеллектуального посредничества, выраженного в виде способствования обеим сторонам» [Джинджолия, Бешукова, Жиров, 2023, с. 274]. Однако, несмотря на относительную «зрелость» данной нормы, в теории уголовного права и правоприменительной практике сохраняется множество дискуссионных вопросов.

Как обоснованно указывает ведущий специалист в области квалификации должностных преступлений профессор П.С. Яни, «проблемы квалификации объективной стороны рассматриваемого деяния наряду с институтом соучастия в посредничестве вызывают определенную сложность для правоприменителя» [Яни, 2023а, с. 29]. В своих фундаментальных исследованиях, обобщенных в недавно вышедшем курсе избранных лекций, П.С. Яни детально анализирует «проблемы уголовно-правовой оценки названных преступных деяний, включая понимание судами таких их признаков, как должностное лицо, организационно-распорядительные полномочия, получение взятки за законные и незаконные действия, вымогательство взятки, а также частные вопросы применения уголовного закона (определение момента окончания получения и дачи взятки, посредничества во взяточничестве, разграничение получения взятки и мошенничества)» [Яни, 2025].

Действующая редакция ст. 291.1 УК РФ определяет посредничество во взяточничестве как: непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя; иное

способствование взяткодателью и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки [УК РФ, 1996].

Как разъясняется в официальных материалах Генеральной прокуратуры РФ, передача взятки означает переход предмета взятки к должностному лицу полностью или частично. Иное способствование взяткодателью и (или) взяткополучателю в достижении соглашения между ними о получении и даче взятки может выражаться в разнообразных действиях, способствующих осуществлению договоренности сторон на совершение конкретного деяния (действий либо бездействия) взяткополучателем в интересах взяткодателя, а со стороны взяткодателя – действий по передаче предмета взятки взяткополучателю [Посредничество во взяточничестве: разъяснения Генпрокуратуры, 2019].

К числу таких действий, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, могут быть отнесены: передача предложения о даче (получении) взятки за оказание услуги, ведение переговоров по поручению взяткодателя или взяткополучателя, подыскание соответствующего должностного лица, склонение его к оказанию содействия взяткодателью [Постановление Пленума ВС РФ №24, 2013,].

Законодатель дифференцирует ответственность посредника в зависимости от размера взятки (значительный – ч. 1, крупный – ч. 4), квалифицирующих признаков (совершение заведомо незаконные действия, с использованием служебного положения – ч. 2, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой – ч. 3), а также выделяет в самостоятельное преступление обещание или предложение посредничества (ч. 5).

В теории уголовного права и правоприменительной практике важное значение имеет определение момента окончания посредничества во взяточничестве. Посредничество путем непосредственной передачи взятки следует считать оконченным с момента фактической передачи предмета взятки должностному лицу (полностью или частично). Посредничество путем иного способствования в достижении или реализации соглашения, по обоснованному мнению Ю.В. Пилыгуй, следует считать оконченным с момента выполнения посредником одного из действий, образующих объективную сторону данного преступления, независимо от того, достигнуто ли фактическое соглашение между взяткодателью и взяткополучателем и состоялась ли реальная передача взятки [Пилыгуй, 2023, с. 116].

Данное положение имеет важное практическое значение, поскольку позволяет привлекать к ответственности лиц, осуществляющих организационные функции (организация встреч, ведение переговоров), даже если фактическая передача взятки не состоялась по независящим от них причинам.

А.Н. Кузнецова, проводя уголовно-правовую характеристику объективных признаков основного состава посредничества, обращает внимание на то, что «законодатель значительно ужесточил ответственность за посредничество во взяточничестве, благодаря чему момент окончания преступления переносится на более раннюю стадию преступного поведения» [Кузнецова, 2025, с. 142]. Это, по мнению исследователя, полностью соответствует современным тенденциям противодействия коррупции.

Наиболее сложным в теоретическом и практическом плане остается вопрос о разграничении посредничества во взяточничестве и соучастия в даче либо получении взятки. Как справедливо отмечает П.С. Яни, данная проблема продолжает вызывать сложности у правоприменителей и требует тщательного анализа. В своем фундаментальном исследовании, опубликованном в журнале «Законность» в 2023 году, ученый детально рассматривает различные аспекты этой проблемы, приходя к выводу, что «разграничение посредничества и соучастия должно

проводиться прежде всего по направленности умысла и характеру выполняемых действий» [Яни, 2023b, с. 47-48].

На основе доктринального толкования и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ можно выделить следующие критерии разграничения.

Во-первых, решающее значение имеет направленность умысла и характер выполняемых действий. Посредник действует в интересах обеих сторон коррупционной сделки, обеспечивая коммуникацию между ними. Как указывают Р.С. Джинджолия, З.М. Бешукова и Р.М. Жиров, «после вступления в силу ст. 291.1 УК РФ преступными считаются действия в форме как физического, так и интеллектуального посредничества, выраженного в виде содействия обеим сторонам» [Джинджолия, Бешукова, Жиров, 2023, с. 274].

Соучастник дачи взятки (пособник, подстрекатель) оказывает содействие исключительно взяткодателю. К таким действиям могут относиться: изыскание средств для взятки, изготовление подложных документов для последующего оправдания расходов, склонение лица к даче взятки. Соучастник получения взятки действует соответственно в интересах взяткополучателя.

Во-вторых, важным критерием выступает источник происхождения имущества, передаваемого в качестве взятки. Посредник передает взятку, действуя от имени и за счет имущества взяткодателя. В отличие от посредника взяткодатель, передающий взятку за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого им лица, использует в качестве взятки принадлежащее ему или незаконно приобретенное им имущество [Постановление Пленума ВС РФ №24, 2013, п. 13].

Р. Шарапов и М. Моисеенко, исследуя проблему отличия физического посредничества от дачи взятки, обоснованно указывают, что «если лицо передает взятку из собственных средств, действуя в интересах третьего лица (например, руководителя организации), оно признается взяткодателем, а не посредником» [Шарапов, Моисеенко, 2013, с. 73]. Данный критерий последовательно применяется в судебной практике.

В судебной практике нередко возникают ситуации, когда одно и то же лицо выполняет одновременно функции посредника и соучастника. Представляется обоснованной позиция П.С. Яни, согласно которой в таких случаях «содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений как посредничество во взяточничестве и соответствующее соучастие в даче либо получении взятки, поскольку действия лица выходят за рамки объективной стороны посредничества и посягают на разные объекты уголовно-правовой охраны» [Яни, 2014, с. 24].

Особую сложность представляет квалификация ситуаций, когда лицо, обещавшее выступить посредником, фактически не намеревается передавать взятку должностному лицу и присваивает полученные от «взяткодателя» ценности. В теории уголовного права данная ситуация получила название «мнимое посредничество» или «посредническое мошенничество».

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 разъяснил, что если лицо получает от кого-либо деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки и, не намереваясь этого делать, присваивает их, содеянное следует квалифицировать как мошенничество (ст. 159 УК РФ). При этом владелец переданных ценностей признается потерпевшим, а его действия при наличии оснований могут квалифицироваться как покушение на дачу взятки [Постановление Пленума ВС РФ №24, 2013, п. 24].

П.С. Яни, анализируя проблему «самовознаграждения» посредника, приходит к выводу, что «в действиях посредника, который, получив ценности для передачи взятки, часть их оставляет

себе, усматриваются признаки не только посредничества во взяточничестве, но и хищения чужого имущества» [Яни, 2015, с. 22]. Ученый обоснованно предлагает квалифицировать такие действия по совокупности преступлений.

Иллюстрацией такой ситуации может служить резонансное уголовное дело в отношении адвокатов в Челябинске. Как следует из материалов дела, в сентябре 2025 года адвокат Александр Урычев предложил жене осужденного за коммерческий подкуп передать 2 млн рублей за принятие решения о смягчении наказания для последующей передачи неустановленным должностным лицам. Посредником при передаче денег выступил адвокат Евгений Абрамовских. После того как суд вынес нужное решение, Абрамовских получил от жены осужденного 2 млн рублей, из которых 500 тыс. рублей планировал оставить себе, а 1,5 млн рублей передать Урычеву. Однако его действия были пресечены сотрудниками УФСБ [Суд в Челябинске..., 2026].

В данном случае усматриваются признаки не только посредничества во взяточничестве, но и возможного мошенничества, поскольку часть полученных средств (500 тыс. рублей) посредник намеревался обратить в свою пользу, фактически не передавая их должностным лицам. Это подтверждает актуальность проблемы разграничения указанных составов.

Однако на практике возникают более сложные ситуации, когда «посредник» действительно намеревался передать взятку, но в силу каких-либо причин не сделал этого и впоследствии распорядился полученными средствами по своему усмотрению. Представляется, что такие действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений: посредничество во взяточничестве (приготовление к нему либо покушение на него) и присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ). В данном случае имеет место реальная совокупность, поскольку лицо сначала совершает действия, направленные на посредничество (принимает ценности для передачи взятки), а затем, изменив свое намерение, совершает хищение вверенного ему имущества.

Актуальной проблемой является разграничение посредничества во взяточничестве и посредничества в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ). Основным критерий разграничения – сфера деятельности лица, получающего незаконное вознаграждение: публичная (должностные лица) либо частная (лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях).

Б.В. Волженкин, чьи труды стали классическими в области исследования должностных преступлений, обоснованно указывал, что «разграничение должно проводиться по признакам субъекта получения незаконного вознаграждения, поскольку общественная опасность деяний в публичной и частной сферах существенно различается» [Волженкин, 2000, с. 112].

Вместе с тем в современных условиях, характеризующихся активным взаимодействием публичного и частного секторов экономики, нередки ситуации, когда одно и то же лицо участвует в передаче вознаграждения как должностным лицам, так и управленцам коммерческих структур в рамках единой «коррупционной схемы». В таких случаях требуется тщательный анализ каждого эпизода преступной деятельности и отдельная квалификация по соответствующим статьям УК РФ.

Особую сложность представляет квалификация действий лица, которое ошибочно полагает, что передает взятку должностному лицу, тогда как фактически получатель не обладает соответствующим статусом. Данная ситуация должна оцениваться по правилам о фактической ошибке: если лицо добросовестно заблуждалось относительно статуса получателя, содеянное следует квалифицировать как покушение на посредничество во взяточничестве. Если же заблуждение возникло по вине самого получателя, представившегося должностным лицом,

действия последнего при наличии оснований могут квалифицироваться как мошенничество.

Введение в 2016 году ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) стало значимым шагом в развитии антикоррупционного законодательства, реализующим концепцию перенесения момента окончания преступления на более ранние стадии.

В официальных разъяснениях Генеральной прокуратуры РФ содержится следующее определение указанных понятий:

Обещание посредничества во взяточничестве – это обязательство перед взяткодателем, взяткополучателем или иными субъектами, представляющими их интересы, совершить деяние в какой-либо форме, обозначенной в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ. Обещание, как правило, имеет место при обращении к посреднику взяткодателя или взяткополучателя, когда инициатива исходит от них [Обещание или предложение посредничества..., 2021].

Предложение посредничества во взяточничестве означает начинание или инициативу лица стать медиатором (посредником) между взяткодателем и взяткополучателем или иными субъектами, представляющими их интересы, совершить деяние в какой-либо форме, обозначенной в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ. В данном случае инициатива исходит от самого потенциального посредника, раскрывающего свои возможности договориться с соответствующими лицами о совершении необходимых действий (бездействия) в интересах дающего взятку или представляемых им лиц [Обещание или предложение посредничества..., 2021].

Н.В. Бугаевская, исследуя данную проблему, предлагает разграничивать «предложение» и «обещание» по такому критерию, как субъект, от которого исходит инициатива совершения преступления: «Если волеизъявление исходит от посредника, то деяние обозначается как предложение, соответственно, если инициатором является субъект получения/дачи взятки, то действие рассматривается как обещание» [Бугаевская, 2013, с. 42].

В научной литературе высказываются обоснованные критические замечания относительно криминализации обещания и предложения посредничества. Как отмечают А.В. Куликов и М.Д. Ферстер, «оппонентами действия этой нормы выражены опасения, что обещание или предложение посредничества во взяточничестве представляет собой только обнаружение умысла, криминализация которого не только нарушает общепризнанный принцип ответственности только за деяние ("мысли ненаказуемы"), но также противоречит принципу равенства граждан перед законом» [Куликов, Ферстер, 2024, с. 29-31].

Действительно, с точки зрения классической доктрины уголовного права, обнаружение умысла не является стадией совершения преступления и не влечет уголовной ответственности. Однако законодатель, криминализуя обещание и предложение посредничества, исходил из высокой общественной опасности самой деятельности «коррупционных брокеров», которые предлагают свои услуги потенциальным взяткодателям и взяткополучателям, создавая тем самым условия для совершения коррупционных преступлений.

И.О. Ткачев, один из первых исследователей данной проблемы, обоснованно указывает, что «обещание или предложение посредничества во взяточничестве следует рассматривать как умышленное создание условий для совершения коррупционных преступлений, что оправдывает их криминализацию» [Ткачев, 2012, с. 55].

Вместе с тем, как обоснованно указывается в специальной литературе, «действия, квалифицируемые как обещание или предложение посредничества во взяточничестве, недостаточно конкретизированы законом, о чем говорит не только анализ сложившейся

правоприменительной практики, но и нелогичность и несоразмерность уголовной ответственности по данной части состава преступления» [Куликов, Ферстер, 2024, с. 30].

Особую озабоченность вызывает несоразмерность санкций, предусмотренных за обещание или предложение посредничества, по сравнению с реальным посредничеством. Часть 5 ст. 291.1 УК РФ устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет, что сопоставимо с санкцией за квалифицированное посредничество, сопряженное с незаконными действиями (ч. 2 – от трех до семи лет).

Как справедливо отмечают А.В. Куликов и М.Д. Ферстер, «возникает парадоксальная ситуация: лицо, которое только обещало выступить посредником, но никаких реальных действий по передаче взятки или способствованию соглашению не совершало, может получить наказание, практически равное наказанию за реальное посредничество» [Куликов, Ферстер, 2024, с. 31]. Более того, как подчеркивают исследователи, «возникает стимул для посредника совершить реальные действия, чтобы впоследствии претендовать на менее строгое наказание по ч. 1 или 2 ст. 291.1 УК РФ» [Куликов, Ферстер, 2024, с. 31].

В научной литературе справедливо обращается внимание на то, что «санкция ч. 5 ст. 291.1 УК РФ (лишение свободы на срок до семи лет) превышает санкцию ч. 1 ст. 291.1 УК РФ (лишение свободы на срок до четырех лет), что представляется нелогичным, поскольку реальное посредничество обладает большей общественной опасностью, чем обещание его совершить» [Проблемы толкования..., 2025, с. 47-48].

На практике возникают также сложности отграничения уголовно наказуемого обещания от высказываний, не имеющих конкретного содержания и свидетельствующих лишь о гипотетической готовности оказать содействие. Представляется, что для квалификации по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ необходимо установить, что обещание или предложение были конкретными, адресованными определенному лицу, содержали указание на условия будущего посредничества (размер вознаграждения, характер действий, за которые предполагается передача взятки) и были восприняты адресатом как реальное намерение лица выступить посредником.

Важной проблемой является разграничение обещания посредничества и подстрекательства к даче либо получению взятки. Если лицо не просто предлагает посреднические услуги, но активно склоняет другое лицо к даче или получению взятки, формируя у него умысел на совершение преступления, содеянное должно квалифицироваться как подстрекательство к даче либо получению взятки (ст. 33 и соответствующие части ст. 290 или 291 УК РФ).

П.С. Яни, анализируя эту проблему, приходит к выводу, что «вопрос о том, можно ли охватить признаком способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении соглашения между ними о получении и даче взятки удавшееся подстрекательство, довольно сложен» [Яни, 2023с, с. 38-43]. Ученый указывает, что «в этом случае лицо, деятельно согласившееся принять или передать взятку, можно назвать взяткодателем или взяткополучателем, поскольку даже если после этого такому лицу во исполнение возникшего у него под воздействием подстрекателя замысла ничего сделать не удалось, уже собственно факт высказанного им обещания выступить в соответствующей роли влечет уголовную ответственность» [Яни, 2023с, с. 38-43].

В случае, когда подстрекательство сочетается с обещанием выступить посредником, требуется совокупность преступлений.

Примечание к ст. 291.1 УК РФ предусматривает специальное основание освобождения посредника от уголовной ответственности: если лицо активно способствовало раскрытию и (или) пресечению преступления и добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган,

имеющий право возбудить уголовное дело [УК РФ, 1996].

Как разъясняется в официальных материалах, освобождение от уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве применяется при условии, что после совершения преступления лицо не только добровольно сообщило о нем органу, имеющему право возбудить уголовное дело, но и активно способствовало раскрытию преступления и (или) его пресечению [Освобождение от уголовной ответственности..., 2019].

Данная норма направлена на стимулирование позитивного посткриминального поведения посредников, которые, осознав противоправность своих действий, оказывают содействие правоохранительным органам. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о неединообразном применении данного основания.

О. Капинус, анализируя изменения в законодательстве о должностных преступлениях, обращает внимание на то, что «освобождение от ответственности посредника сконструировано иначе, чем освобождение взяткодателя, что создает определенные сложности в правоприменении» [Капинус, 2011, с. 24].

Вызывает вопросы соотношение условий освобождения от ответственности. Буквальное толкование примечания позволяет сделать вывод о необходимости наличия двух обязательных условий, соединенных союзом «и»: 1) активное содействие раскрытию и (или) пресечению преступления; 2) добровольное сообщение о совершенном преступлении.

В отличие от примечаний к ст. 291 и 291.2 УК РФ, где условие о добровольном сообщении является альтернативным (наряду с активным содействием) либо факультативным (при наличии вымогательства взятки), в ст. 291.1 УК РФ оно сформулировано как обязательное и кумулятивное.

Представляется, что такой подход не вполне обоснован, поскольку в ряде случаев посредник может активно способствовать раскрытию преступления (например, участвовать в оперативно-розыскных мероприятиях, изобличать других соучастников, указывать место нахождения доказательств), но не иметь возможности добровольно сообщить о преступлении ввиду его выявления правоохранительными органами. В таких ситуациях лишение посредника возможности освобождения от ответственности не соответствует принципу справедливости и не стимулирует сотрудничество со следствием.

Кроме того, в судебной практике отсутствует единообразие в понимании критериев «активного содействия». Одни суды признают таковым любые действия посредника, облегчающие расследование (дача признательных показаний, указание места нахождения доказательств), другие требуют совершения активных действий, выходящих за рамки обычного содействия (например, участие в оперативных мероприятиях, изобличение других соучастников, помощь в розыске имущества, подлежащего конфискации).

М.С. Кочина, исследуя историю законодательства и практики противодействия посредничеству, обоснованно указывает, что «для единообразного применения основания освобождения от ответственности необходимо нормативное закрепление примерного перечня действий, признаваемых активным содействием раскрытию и пресечению преступления» [Кочина, 2017, с. 120].

Наблюдается значительный рост количества уголовных дел о посредничестве во взяточничестве, что коррелирует с общим увеличением числа выявляемых коррупционных преступлений. По данным МВД России, за январь-октябрь 2025 года выявлено 38 473 преступления коррупционной направленности, что на 12,4% больше, чем за аналогичный период 2024 года [Состояние преступности в России..., 2025]. При этом посредничество как

наиболее латентная форма коррупционной активности выявляется преимущественно в случаях, когда правоохранительным органам удается получить содействие одного из участников коррупционной сделки.

Д.И. Аминов, А.М. Багмет, В.В. Бычков и Н.Д. Эриашвили в своем фундаментальном учебном пособии отмечают, что «посредничество во взяточничестве является одной из наиболее сложных для выявления форм коррупционной активности, поскольку посредник, как правило, стремится оставаться в тени, обеспечивая коммуникацию между основными участниками» [Аминов и др., 2023, с. 156].

Характерным примером может служить уголовное дело, направленное в суд г. Уфы в феврале 2026 года. Двое жителей Уфы обвиняются в посредничестве при передаче взятки заместителю начальника Межрегионального территориального управления Ространснадзора по ПФО. Сумма незаконного вознаграждения составила 450 тысяч рублей, передача денег происходила поэтапно в апреле и мае 2025 года. Примечательно, что для обеспечения исполнения приговора суд наложил арест на имущество обвиняемых на общую сумму около 15 миллионов рублей [Дело о посредниках..., 2026].

Данный пример иллюстрирует важную тенденцию – расширение практики применения мер имущественного характера, включая арест имущества для обеспечения возможной конфискации. Как отмечается в научной литературе, лишение права занимать определенные должности, а также конфискация имущества выступают эффективными мерами частной превенции, препятствующими повторному совершению коррупционных преступлений [Уголовно-правовые бизнес-тенденции..., 2026, с. 112].

Вместе с тем анализ судебной практики выявляет ряд проблем в назначении наказания посредникам. Наблюдается значительный разброс назначаемых наказаний при сходных фактических обстоятельствах, что ставит вопрос о соблюдении принципа справедливости и единства судебной практики. Не всегда учитывается роль конкретного лица в совершении преступления, степень его активности и инициативности. Возникают сложности при назначении наказания по совокупности преступлений, когда лицо выполняло одновременно функции посредника и соучастника.

А.В. Куликов, В.Н. Борков, Т.Н. Долгих и О.А. Шелег в своей монографии обоснованно указывают, что «дифференциация ответственности посредников должна учитывать не только размер взятки, но и роль лица в совершении преступления, степень его активности, наличие или отсутствие корыстной заинтересованности» [[Куликов и др., 2022, с. 178].

Особого внимания заслуживает проблема назначения наказания за обещание или предложение посредничества (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ). Поскольку данное преступление носит усеченный характер и не предполагает реального выполнения посреднических функций, суды нередко назначают наказания, близкие к минимальным пределам санкции, либо применяют условное осуждение. Представляется, что такой подход соответствует принципу пропорциональности ответственности и степени общественной опасности содеянного.

Дело челябинских адвокатов высветило еще одну проблему правоприменения – оценку добровольности сообщения о преступлении. Как следует из материалов, адвокат Абрамовских изначально допрашивался как свидетель по делу другого адвоката, после очной ставки с которым следователи получили санкцию на обыск. Защита настаивала, что их клиент добровольно предоставил следствию всю имеющуюся переписку и прошел два полиграфа, отрицая факт передачи денег [В Челябинске второго адвоката задержали..., 2026].

Возникает вопрос: можно ли считать такое поведение добровольным сообщением о

преступлении, если лицо изначально допрашивалось как свидетель, но впоследствии стало обвиняемым? Представляется, что для освобождения от ответственности требуется именно инициативное сообщение лица о совершенном преступлении до момента, когда правоохранительным органам стало об этом известно. Сообщение сведений после задержания или обыска, даже при даче признательных показаний, не может рассматриваться как добровольное сообщение в смысле примечания к ст. 291.1 УК РФ.

Д.М. Фарахiev и Д.Ф. Минзянова, исследуя проблему виктимблейминга в коррупционных проявлениях, обращают внимание на интересную закономерность: «при получении взятки: должностное лицо – преступник, взяткодатель – преступник и жертва, посредник во взяточничестве – жертва (в исключительных случаях, статус не определен); при даче взятки: должностное лицо – жертва, взяткодатель – преступник, посредник во взяточничестве – жертва» [Фарахiev, Минзянова, 2025, с. 5]. Это свидетельствует о сложности определения процессуального статуса посредника и его роли в коррупционном механизме.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд научно обоснованных предложений, направленных на совершенствование уголовно-правового регулирования ответственности за посредничество во взяточничестве и практики применения соответствующих норм.

Совершенствование законодательной регламентации

Первое. Представляется целесообразным уточнить редакцию примечания к ст. 291.1 УК РФ, изложив условия освобождения от уголовной ответственности в альтернативной форме (по аналогии с примечаниями к ст. 291 и 291.2 УК РФ). Это позволит стимулировать позитивное посткриминальное поведение посредников в различных ситуациях: как при добровольном сообщении о преступлении, так и при активном способствовании его раскрытию после задержания.

Как справедливо отмечает О. Капинус, «унификация оснований освобождения от ответственности за различные виды коррупционных преступлений будет способствовать единообразию правоприменительной практики и повышению эффективности антикоррупционных мер» [24, с. 26].

Второе. Необходимо дифференцировать ответственность за обещание или предложение посредничества в зависимости от размера взятки и наличия квалифицирующих признаков. В действующей редакции ч. 5 ст. 291.1 УК РФ не учитывает размер взятки, что противоречит принципу справедливости. Обещание посредничества в передаче взятки в особо крупном размере (свыше 1 млн рублей) представляет повышенную общественную опасность по сравнению с обещанием посредничества в передаче взятки в значительном размере (свыше 25 тыс. рублей). Соответственно, и санкции должны быть дифференцированы.

В научной литературе обоснованно ставится вопрос «об отнесении значительного размера предмета взятки в качестве криминообразующего признака обещания или предложения посредничества во взяточничестве» [21, с. 48].

Третье. Целесообразно установить пониженные санкции за обещание или предложение посредничества по сравнению с реальным посредничеством. В настоящее время максимальное наказание по ч. 5 (7 лет лишения свободы) превышает максимальное наказание по ч. 1 (4 года лишения свободы) и сопоставимо с ч. 2 (от 3 до 7 лет). Такая конструкция не отражает различную степень общественной опасности реального посредничества и вербальной активности.

Четвертое. Представляется обоснованным введение в ст. 291.1 УК РФ квалифицирующего признака «совершение преступления с использованием информационно-

телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет")», что отражало бы современные тенденции «цифровизации» коррупционных связей и использования цифровых валют в качестве предмета взятки.

Пятое. В условиях развития цифровой экономики и распространения криптовалют целесообразно дополнить ст. 291.1 УК РФ примечанием, разъясняющим, что под предметом взятки понимаются также цифровые финансовые активы, криптовалюта и иные цифровые средства, используемые как средство платежа. Это позволит устранить неопределенность в квалификации действий посредников, оперирующих цифровыми активами.

Совершенствование правоприменительной практики

Первое. Необходимо обеспечить единообразное применение судами критериев разграничения посредничества и соучастия в даче либо получении взятки. Для этого требуется подготовка Пленумом Верховного Суда РФ дополнительных разъяснений с анализом типичных ситуаций, возникающих в судебной практике, включая вопросы квалификации действий при завладении предметом взятки («мнимое посредничество»).

П.С. Яни, обобщая многолетний опыт преподавания в системе повышения квалификации судей и прокурорских работников, подчеркивает необходимость «выработки четких критериев разграничения смежных составов, которые позволили бы правоприменителям избегать ошибок при квалификации» [6].

Второе. Требуется выработка единых подходов к оценке активности способствования раскрытию преступления как основания освобождения от уголовной ответственности. Представляется целесообразным закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ примерного перечня действий, признаваемых активным способствованием раскрытию и пресечению преступления (участие в оперативно-розыскных мероприятиях, избличение других соучастников, указание места нахождения доказательств, содействие в розыске имущества, подлежащего конфискации, и т.п.).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве, несмотря на относительно длительный период существования, продолжает развиваться и совершенствоваться. Статья 291.1 УК РФ выступает важным элементом системы противодействия коррупции, позволяющим привлекать к ответственности лиц, обеспечивающих коммуникацию между взяткодателями и взяткополучателями, а также пресекать коррупционную деятельность на ранних стадиях – на этапе обещания или предложения посреднических услуг.

Вместе с тем анализ теоретических положений и правоприменительной практики выявляет ряд проблем, требующих разрешения:

- Сложности разграничения посредничества и соучастия в даче либо получении взятки, требующие выработки дополнительных критериев и их нормативного закрепления. Как справедливо отмечает П.С. Яни, «разграничение должно проводиться прежде всего по направленности умысла и характеру выполняемых действий» [11, с. 48].
- Неоднозначность критериев освобождения от уголовной ответственности, обусловленная кумулятивной конструкцией условий в примечании к ст. 291.1 УК РФ, что требует корректировки законодательной редакции.
- Вопросы квалификации «мнимого посредничества», требующие единообразного подхода к разграничению посредничества и мошенничества в ситуациях завладения предметом взятки.
- Несовершенство санкций за отдельные виды посреднических действий, в частности,

несоразмерность наказания за обещание или предложение посредничества по сравнению с реальным посредничеством. А.В. Куликов и М.Д. Ферстер обоснованно указывают на «парадоксальную ситуацию, когда лицо, только обещавшее выступить посредником, может получить наказание, практически равное наказанию за реальное посредничество» [19, с. 31].

- Отсутствие в законе квалифицирующих признаков, отражающих современные способы совершения преступления (с использованием информационных технологий, цифровых валют).

Заключение

Современные тенденции судебной практики свидетельствуют о расширении применения дополнительных наказаний и конфискационных механизмов, что соответствует международным стандартам противодействия коррупции и повышает эффективность уголовно-правового воздействия. При этом важно сохранить возможность индивидуализации ответственности с учетом конкретных обстоятельств дела, роли лица в совершении преступления, его посткриминального поведения.

Дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики должно быть направлено на уточнение оснований освобождения от ответственности, дифференциацию ответственности за различные виды посреднической деятельности, а также на обеспечение единообразия судебной практики посредством разъяснений высшей судебной инстанции.

Библиография

1. Аминов Д.И., Багмет А.М., Бычков В.В., Эриашвили Н.Д. Квалификация деяния. Тактика и методика расследования коррупционных преступлений. Настольная книга следователя: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 239 с.
2. Бугаевская Н.В. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2 (81). С. 41-43.
3. В Волгограде бывшего следователя будут судить за мошенничество. URL: <https://example.com> (дата обращения: 03.03.2026).
4. В Челябинске второго адвоката задержали по делу о взятке // Европейско-Азиатские Новости. 03.02.2026. URL: <https://eanews.ru/news/v-chelyabinsk>
5. Взятничество: основания криминализации и проблемы квалификации: монография / А.В. Куликов, В.Н. Борков, Т.Н. Долгих, О.А. Шелег. Москва: РУСАЙНС, 2022. 242 с.
6. Волженкин Б.В. Служебные преступления: монография. Москва: Юристъ, 2000. 368 с.
7. Дело о посредниках в даче взятки сотруднику Ространснадзора ушло в суд Уфы // Bashinform. 04.02.2026. URL: <https://www.bashinform.ru/news/social/2026-02-04/delo-o-posrednikah-v-dache-vzyatki-sotrudniku-rostransnazdora-ushlo-v-sud-ufy-4056789>
8. Джинджолия Р.С., Бешукова З.М., Жиров Р.М. Посредничество во взяточничестве в системе коррупционных преступлений: вопросы законодательной регламентации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 273-276.
9. Капинус О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011. № 2. С. 21-26.
10. Кочина М.С. Посредничество во взяточничестве: история законодательства и практики противодействия // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 117-123.
11. Кузнецова А.Н. Характеристика и особенности толкования признаков объективной стороны посредничества во взяточничестве (ч. 1 ст. 291.1 УК РФ) // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 3 (53). С. 140-144.
12. Куликов А.В., Ферстер М.Д. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: проблемы квалификации и правоприменения // Российский следователь. 2024. № 11. С. 28-32. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-11-28-32.

13. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
14. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: разъяснения Генеральной прокуратуры РФ // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. 06.02.2021. URL: <https://epp.genproc.gov.ru>
15. Освобождение от уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве: разъяснения Генеральной прокуратуры РФ // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. 05.04.2019. URL: <https://epp.genproc.gov.ru>
16. Пильгуй Ю.В. Посредничество во взяточничестве: момент окончания преступления, отграничение от обещания и предложения посредничества во взяточничестве // Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами о преступлениях коррупционной направленности: сборник материалов межведомственного круглого стола. Москва, 2023. С. 115-122.
17. Посредничество во взяточничестве: разъяснения Генеральной прокуратуры РФ // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. 05.04.2019. URL: <https://epp.genproc.gov.ru>
18. Проблемы толкования обещания или предложения посредничества во взяточничестве // Российский следователь. 2025. № 2. С. 46-50. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-2-46-50.
19. Состояние преступности в России за январь-октябрь 2025 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф>
20. Суд в Челябинске отправил под стражу адвоката по делу о посредничестве во взяточничестве // ФедералПресс. 04.02.2026. URL: <https://fedpress.ru/news/74/incidents/3356789>
21. Ткачев И.О. Ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 1 (27). С. 53-57.
22. Уголовно-правовые бизнес-тенденции 2026 года // Адвокатская газета. 2026. 20 января.
23. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
24. Фарахiev Д.М., Минзянова Д.Ф. Матрица виктимблейминга в коррупционных проявлениях (на примере взяточничества) // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 1. С. 1-15. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.1.72940.
25. Шарапов Р., Моисеенко М. Отличие физического посредничества во взяточничестве от дачи взятки // Уголовное право. 2013. № 1. С. 71-77.
26. Яни П.С. Интеллектуальное посредничество во взяточничестве: начало и окончание // Законность. 2014. № 12. С. 22-27.
27. Яни П.С. Квалификация «самовознаграждения» посредника во взяточничестве // Законность. 2015. № 1 (963). С. 20-25.
28. Яни П.С. Курс избранных лекций. Том 2. Проблемы квалификации должностных преступлений. Москва: Проспект, 2025. 638 с.
29. Яни П.С. Посредничество во взяточничестве и соучастие в получении или даче взятки // Законность. 2023. № 5. С. 29-34.
30. Яни П.С. Посредничество во взяточничестве и соучастие в получении или даче взятки // Законность. 2023. № 6. С. 47-52.
31. Яни П.С. Посредничество во взяточничестве и соучастие в получении или даче взятки // Законность. 2023. № 7. С. 38-43.

Mediation in Bribery: Problems of Qualification and Law Enforcement Practice in the Context of Modern Anti-Corruption Policy

Shamil' R. Radzhabov

PhD in Law, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Criminal Law and Criminology,
Dagestan State University,
367000, 43a, M. Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: shamil.1503@mail.ru

Abstract

Based on a comprehensive analysis of doctrinal sources, materials of judicial practice for 2024–2026, and recent changes in criminal legislation, the article examines current problems of criminal law qualification of mediation in bribery (Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Special attention is paid to debatable issues of distinguishing mediation from complicity in giving and receiving a bribe, the qualification of a promise and offer of mediation, the problem of "imaginary mediation," as well as the conditions for applying the special basis for exemption from criminal liability. The paper analyzes the positions of leading criminal law scholars, examines materials of judicial practice, including high-profile criminal cases of recent times. The conclusion about the imperfection of the legislative construction of Part 5 of Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the need for its adjustment is substantiated. Scientifically based recommendations for improving law enforcement practice and introducing amendments to criminal legislation are formulated.

For citation

Radzhabov Sh.R. (2026) Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: problemy kvalifikatsii i pravoprimeritel'noy praktiki v usloviyakh sovremennoy antikorrupsionnoy politiki [Mediation in Bribery: Problems of Qualification and Law Enforcement Practice in the Context of Modern Anti-Corruption Policy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 565-579. DOI: 10.34670/AR.2026.97.75.062

Keywords

Mediation in bribery, corruption crimes, qualification of crimes, promise of mediation, criminal liability, exemption from liability, judicial practice, bribery, complicity, anti-corruption policy.

References

1. Aminov, D. I., Bagmet, A. M., Bychkov, V. V., & Eriashvili, N. D. (2023). *Kvalifikatsiya deyaniya. Taktika i metodika rassledovaniya korruptsionnykh prestupleniy. Nastolnaya kniga sledovatelya* [Qualification of the Act. Tactics and Methods of Investigating Corruption Crimes. Investigator's Handbook] (2nd ed.). UNITY-DANA.
2. Bugaevskaya, N. V. (2013). Obeshchaniye ili predlozheniye posrednichestva vo vzyatochnichestve [Promise or Offer of Mediation in Bribery]. *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye*, (2), 41-43.
3. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended December 30, 2025). (1996). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, No. 25, Art. 2954.
4. Delo o posrednikakh v dache vzyatki sotrudniku Rostransnadzora ushlo v sud Ufy [The Case of Intermediaries in the Bribery of a Rostransnadzor Employee Has Been Sent to the Ufa Court]. (2026, February 4). *Bashinform*. Retrieved from <https://www.bashinform.ru/news/social/2026-02-04/delo-o-posrednikah-v-dache-vzyatki-sotrudniku-rostransnadzora-ushlo-v-sud-ufy-4056789>
5. Dzhindzholiya, R. S., Beshukova, Z. M., & Zhirov, R. M. (2023). Posrednichestvo vo vzyatochnichestve v sisteme korruptsionnykh prestupleniy: voprosy zakonodatel'noy reglamentatsii [Mediation in Bribery in the System of Corruption Crimes: Issues of Legislative Regulation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (4), 273-276.
6. Farakhiev, D. M., & Minzyanova, D. F. (2025). Matritsa viktimbleyminga v korruptsionnykh proyavleniyakh (na primere vzyatochnichestva) [The Matrix of Victim Blaming in Corruption Manifestations (Using Bribery as an Example)]. *Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost*, (1), 1-15. <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2025.1.72940>
7. Kapinus, O. (2011). Izmeneniya v zakonodatel'stve o dolzhnostnykh prestupleniyakh: voprosy kvalifikatsii i osvobozhdeniya vzyatkodatelya ot otvetstvennosti [Changes in the Legislation on Official Crimes: Issues of Qualification and Exemption of the Bribe Giver from Liability]. *Ugolovnoye pravo*, (2), 21-26.
8. Kochina, M. S. (2017). Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: istoriya zakonodatel'stva i praktiki protivodeystviya [Mediation in Bribery: History of Legislation and Countermeasures]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava*, (4), 117-123.
9. Kulikov, A. V., Borkov, V. N., Dolgikh, T. N., & Sheleg, O. A. (2022). *Vzyatochnichestvo: osnovaniya kriminalizatsii i*

- problemy kvalifikatsii* [Bribery: Grounds for Criminalization and Problems of Qualification]. RUSAINS.
10. Kulikov, A. V., & Ferster, M. D. (2024). Obeshchaniye ili predlozheniye posrednichestva vo vzyatochnichestve: problemy kvalifikatsii i pravoprimereniya [Promise or Offer of Mediation in Bribery: Problems of Qualification and Law Enforcement]. *Rossiyskiy sledovatel*, (11), 28-32. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-11-28-32>
 11. Kuznetsova, A. N. (2025). Kharakteristika i osobennosti tolkovaniya priznakov obyektivnoy storony posrednichestva vo vzyatochnichestve (ch. 1 st. 291.1 UK RF) [Characteristics and Features of Interpretation of the Signs of the Objective Side of Mediation in Bribery (Part 1 of Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, (3), 140-144.
 12. Obeshchaniye ili predlozheniye posrednichestva vo vzyatochnichestve: razyasneniya Generalnoy prokuratury RF [Promise or Offer of Mediation in Bribery: Explanations of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. (2021, February 6). Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Retrieved from <https://epp.genproc.gov.ru>
 13. Osvobozhdeniye ot ugovnoy otvetstvennosti za posrednichestvo vo vzyatochnichestve: razyasneniya Generalnoy prokuratury RF [Exemption from Criminal Liability for Mediation in Bribery: Explanations of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. (2019, April 5). Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Retrieved from <https://epp.genproc.gov.ru>
 14. Pilguy, Yu. V. (2023). Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: moment okonchaniya prestupleniya, otgranicheniye ot obeshchaniya i predlozheniya posrednichestva vo vzyatochnichestve [Mediation in Bribery: The Moment of Completion of the Crime, Distinction from the Promise and Offer of Mediation in Bribery]. In *Uchastiye prokurora v rassmotrenii ugovnykh del sudami o prestupleniyakh korrupsionnoy napravlenosti* (pp. 115-122).
 15. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: razyasneniya Generalnoy prokuratury RF [Mediation in Bribery: Explanations of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. (2019, April 5). Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Retrieved from <https://epp.genproc.gov.ru>
 16. Problemy tolkovaniya obeshchaniya ili predlozheniya posrednichestva vo vzyatochnichestve [Problems of Interpreting a Promise or Offer to Act as an Intermediary in Bribery]. (2025). *Rossiyskiy sledovatel*, (2), 46-50. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2025-2-46-50>
 17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 9, 2013 (as amended December 24, 2019) "On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes". (2013). *Byulleten Verkhovnogo Suda RF*, No. 9.
 18. Sharapov, R., & Moiseenko, M. (2013). Otliche fizicheskogo posrednichestva vo vzyatochnichestve ot dachi vzyatki [The Difference Between Physical Mediation in Bribery and Giving a Bribe]. *Ugolovnoye pravo*, (1), 71-77.
 19. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-oktyabr 2025 goda [The State of Crime in Russia for January-October 2025]. (2025). Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Retrieved from <https://mvd.rpf>
 20. Sud v Chelyabinske otpravil pod strazhu advokata po delu o posrednichestve vo vzyatochnichestve [A Chelyabinsk Court Remanded a Lawyer in a Case of Mediation in Bribery]. (2026, February 4). *FederalPress*. Retrieved from <https://fedpress.ru/news/74/incidents/3356789>
 21. Tkachev, I. O. (2012). Otvetstvennost za obeshchaniye ili predlozheniye posrednichestva vo vzyatochnichestve [Liability for a Promise or Offer to Act as an Intermediary in Bribery]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, (1), 53-57.
 22. Ugolovno-pravovyye biznes-tendentsii 2026 goda [Criminal-Legal Business Trends 2026]. (2026, January 20). *Advokatskaya gazeta*.
 23. Volzhenkin, B. V. (2000). *Sluzhebnyye prestupleniya* [Official Crimes]. Yurist.
 24. Yani, P. S. (2014). Intelktualnoye posrednichestvo vo vzyatochnichestve: nachalo i okonchaniye [Intellectual Mediation in Bribery: Beginning and End]. *Zakonnost*, (12), 22-27.
 25. Yani, P. S. (2015). Kvalifikatsiya "samovoznagrazhdeniya" posrednika vo vzyatochnichestve [Qualification of "Self-Remuneration" of an Intermediary in Bribery]. *Zakonnost*, (1), 20-25.
 26. Yani, P. S. (2023a). Posrednichestvo vo vzyatochnichestve i souchastiye v poluchenii ili dache vzyatki [Mediation in Bribery and Complicity in Receiving or Giving a Bribe]. *Zakonnost*, (5), 29-34.
 27. Yani, P. S. (2023b). Posrednichestvo vo vzyatochnichestve i souchastiye v poluchenii ili dache vzyatki [Mediation in Bribery and Complicity in Receiving or Giving a Bribe]. *Zakonnost*, (6), 47-52.
 28. Yani, P. S. (2023c). Posrednichestvo vo vzyatochnichestve i souchastiye v poluchenii ili dache vzyatki [Mediation in Bribery and Complicity in Receiving or Giving a Bribe]. *Zakonnost*, (7), 38-43.
 29. Yani, P. S. (2025). *Kurs izbrannykh lektsiy. Tom 2. Problemy kvalifikatsii dolzhnostnykh prestupleniy* [Course of Selected Lectures. Volume 2. Problems of Qualification of Official Crimes]. Prospekt.

УДК 343.3

DOI: 10.34670/AR.2026.60.12.063

**Проблемы квалификации организации незаконного
вооруженного формирования и участия в нем: разграничение с
бандитизмом и организацией преступного сообщества (уголовно-
правовой и правоприменительный аспекты)**

Атаев Эльдар Мавлетгереевич

Федеральный судья,
Советский районный суд г. Махачкалы,
Аспирант,
кафедра уголовного права и криминологии,
Юридический институт Дагестанского государственного университета,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;
e-mail: ataev@example.ru

Магомедов Темирлан Магомед-Саидович

Кандидат юридических наук, доцент,
Доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Юридический институт Дагестанского государственного университета,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;
e-mail: magomedov@example.ru

Аннотация

В статье на основе методологии системного анализа уголовно-правовых норм и доктринальных подходов исследуются теоретические и практические проблемы отграничения состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, от смежных составов — бандитизма (ст. 209 УК РФ) и организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ). Раскрывается научная дискуссия о критериях разграничения, анализируются объективные и субъективные признаки, позволяющие дифференцировать незаконное вооруженное формирование (НВФ), банду и преступное сообщество. Особое внимание уделяется таким признакам, как цель создания, устойчивость, вооруженность, организационная структура, мотивация участников. Выявлены типичные ошибки правоприменения, обусловленные несовершенством законодательной техники и отсутствием единообразных разъяснений. Предлагаются пути совершенствования уголовного закона и методики квалификации, включая легальное определение НВФ и уточнение постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Выводы статьи ориентированы на формирование единообразной судебной практики и обеспечение принципа справедливости.

Для цитирования в научных исследованиях

Атаев Э.М., Магомедов Т.М.-С. Проблемы квалификации организации незаконного вооруженного формирования и участия в нем: разграничение с бандитизмом и организацией преступного сообщества (уголовно-правовой и правоприменительный аспекты) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 580-589. DOI: 10.34670/AR.2026.60.12.063

Ключевые слова

Незаконное вооруженное формирование, бандитизм, преступное сообщество, квалификация преступлений, разграничение составов, устойчивость, вооруженность, судебная практика, уголовно-правовая характеристика, организованная преступность.

Введение

Проблема разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 208, 209 и 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), относится к числу фундаментальных в теории уголовного права и одновременно является одной из наиболее сложных в правоприменительной деятельности. Указанные нормы устанавливают ответственность за организованные формы преступной деятельности, сопряженные с вооруженным насилием, однако каждая из них обладает самостоятельной юридической природой, обусловленной различной степенью общественной опасности, спецификой объекта посягательства и направленностью умысла. Как справедливо отмечает А.В. Бриллиантов, «разграничение составов, предусмотренных ст. 208, 209, 210 УК РФ, относится к числу наиболее дискуссионных в теории уголовного права, поскольку они имеют много общих признаков: организованный характер, вооруженность, специальные цели» [Бриллиантов, 2020, с. 124]. Отсутствие легального определения незаконного вооруженного формирования (далее – НВФ), нечеткость критериев разграничения с бандой и преступным сообществом порождают не только теоретические споры, но и систематические правоприменительные ошибки, влекущие нарушение принципа справедливости, необоснованное ужесточение или смягчение наказания, а также отмену приговоров вышестоящими судами.

Основная часть

Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, традиционно вызывает дискуссии в науке уголовного права ввиду отсутствия легального определения незаконного вооруженного формирования. Законодатель, используя оценочное понятие, передал его конкретизацию правоприменителю, что создает предпосылки для неединообразного толкования. Как верно подчеркивает В.П. Кашепов, «отсутствие указания на цель в диспозиции ст. 208 УК РФ является упущением, поскольку влечет расширительное толкование и необоснованное привлечение к ответственности за формальное участие в группе, не имеющей реальной преступной направленности» [Кашепов, 2021, с. 112]. В науке предлагаются различные подходы к определению НВФ, которые можно свести к трем основным направлениям.

Первый подход (А.В. Бриллиантов, Н.Ф. Кузнецова) базируется на признаках военизированной структуры: наличие иерархии, единоначалия, воинской дисциплины, системы

подготовки, форменной одежды, знаков различия. Приверженцы этого направления полагают, что именно военизированный характер отличает НВФ от иных вооруженных групп [Бриллиантов, 2020; Кузнецова, 2017]. Второй подход (Р.Р. Галиакбаров) связывает сущность НВФ с его направленностью на вооруженную борьбу, ведение боевых действий, что предполагает наличие стратегической цели, выходящей за рамки отдельных нападений [Галиакбаров, 2019]. Третий подход (О.Н. Коршунова, А.И. Парог) предлагает комбинированный критерий, объединяющий организационные, целевые и субъективные признаки, что позволяет более точно дифференцировать НВФ от смежных составов [Коршунова, 2021; Парог, 2023].

Сравнительный анализ этих подходов показывает, что каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Военизированный критерий позволяет отграничить НВФ от банды, которая может и не обладать жесткой военной организацией, однако он недостаточно учитывает целевой элемент. Целевой критерий, напротив, позволяет дифференцировать НВФ и банду по направленности умысла, но не всегда применим в случаях, когда вооруженная группа преследует смешанные цели. Представляется, что для разграничения с бандитизмом решающее значение имеет именно цель создания формирования, а для разграничения с преступным сообществом – мотивация и характер устойчивости.

Ключевым критерием, позволяющим отграничить состав ст. 208 УК РФ от ст. 209 УК РФ, является цель создания вооруженной группы. В соответствии с п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 июня 2021 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности» (далее – Постановление № 14), незаконное вооруженное формирование может создаваться для совершения преступлений террористической, экстремистской направленности, а также для иных преступных целей (например, незаконного оборота оружия, наркотических средств, посягательств на жизнь граждан и т.д.). Банда же, согласно ст. 209 УК РФ, создается исключительно для нападения на граждан или организации. Это различие имеет принципиальное значение, поскольку определяет конструкцию состава, объект посягательства и степень общественной опасности.

Однако в научной литературе обоснованно обращается внимание на то, что на практике нередко наблюдается смешение целей: вооруженная группа, созданная для совершения нападений, может параллельно вести вооруженную борьбу с органами власти, что затрудняет выбор статьи [Галиакбаров, 2019, с. 87]. В таких случаях теория уголовного права предлагает прибегать к оценке основной, доминирующей цели, которая определяется на основе совокупности объективных и субъективных признаков: характера планируемых действий, степени организованности, наличия идеологической составляющей, отношения к государственным институтам. Сложность заключается в том, что законодатель не определил иерархию целей, в связи с чем правоприменитель вынужден каждый раз решать вопрос о приоритете того или иного признака.

С теоретической точки зрения, разграничение по целям основывается на различии в объекте посягательства. Бандитизм посягает на общественную безопасность в аспекте защиты граждан и организаций от организованных нападений. Незаконное вооруженное формирование посягает на общественную безопасность в более широком смысле – как на стабильность функционирования государственных институтов, территориальную целостность, конституционный строй. Именно поэтому законодатель в ст. 208 УК РФ не ограничивает перечень целей, оставляя возможность для квалификации действий, направленных на подрыв основ государственной власти, дестабилизацию обстановки, ведение незаконных вооруженных

конфликтов.

Дискуссионным остается вопрос о разграничении НВФ и преступного сообщества. Здесь решающее значение приобретает корыстная цель. Преступное сообщество (ст. 210 УК РФ) создается для совершения тяжких или особо тяжких преступлений в целях получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. НВФ, хотя и может преследовать корыстные цели (например, контрабанда оружия, наркотиков), обычно имеет политические, идеологические, религиозные или иные некорыстные мотивы. Как верно подчеркивает О.Н. Коршунова, «преступное сообщество всегда ориентировано на извлечение сверхприбыли, тогда как НВФ – это прежде всего вооруженное объединение, преследующее цели насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности, либо иные цели, не связанные напрямую с систематическим извлечением прибыли» [Коршунова, 2021, с. 205].

Однако современная уголовно-правовая наука сталкивается с новыми вызовами: появляются гибридные структуры, которые сочетают признаки НВФ и преступного сообщества, имея разветвленную иерархию, занимаясь легализацией доходов и одновременно преследуя политические цели. В таких случаях теория предлагает использовать правило конкуренции общей и специальной норм: если формирование создано для достижения политических, религиозных или идеологических целей, то его деятельность должна квалифицироваться по ст. 208 УК РФ, даже если отдельные эпизоды имеют корыстный характер. Данный подход, нашедший отражение в решениях Верховного Суда РФ, представляется теоретически обоснованным, поскольку он позволяет сохранить приоритет специальной нормы перед общей и избежать двойного вменения [Определение ВС РФ №19-АПУ16-2, 2016; Определение ВС РФ №41-УД20-20, 2020].

Устойчивость является общим признаком для всех трех составов, однако ее содержание существенно различается в зависимости от формы организованной преступной деятельности. В доктрине уголовного права под устойчивостью понимается способность преступной группы сохранять свою структуру, обеспечивать согласованность действий и реализовывать преступные цели на протяжении определенного времени. Применительно к банде устойчивость, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ (постановление от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»), проявляется в стабильности состава, тесной взаимосвязи между его членами, согласованности действий, постоянстве форм и методов преступной деятельности, длительности существования [Постановление Пленума ВС РФ №1, 1997].

Для НВФ устойчивость дополняется признаками военизированной структуры: наличие уставов, приказов, системы воинских званий, военной подготовки, постоянного места дислокации, единоначалия, системы обеспечения оружием и боеприпасами. Как справедливо отмечает Н.Ф. Кузнецова, «военизированная организация предполагает более высокую степень сплоченности, чем банда, поскольку она основана на жесткой дисциплине, субординации и подчинении единому командованию» [Кузнецова, 2017, с. 214]. В науке высказывается мнение, что именно наличие военной организации является ключевым отличием НВФ от банды, которая может существовать в виде менее структурированной вооруженной группы [Борисов, Меркурьев, 2022, с. 112].

Преступное сообщество (ст. 210 УК РФ) отличается от банды и НВФ прежде всего сложной иерархической структурой, наличием структурных подразделений, распределением функций между участниками, а также системой мер по обеспечению безопасности и конспирации. Устойчивость в преступном сообществе обеспечивается не только организационными, но и

корпоративными связями, круговой порукой, общими правилами поведения. Теоретически значимым представляется вывод о том, что устойчивость как признак имеет количественную и качественную характеристики: для банды достаточно минимальной устойчивости (стабильность состава, планирование), для НВФ требуется устойчивость военизированной структуры, а для преступного сообщества – устойчивость сложной иерархической системы.

Вооруженность является обязательным признаком составов, предусмотренных ст. 208 и 209 УК РФ, однако ее интерпретация в теории и практике вызывает значительные сложности. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 1, вооруженность банды предполагает наличие оружия хотя бы у одного из участников и осведомленность об этом остальных членов банды. Для НВФ вооруженность означает, что формирование как целое обладает оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, и участники имеют доступ к нему в силу своих функций. Как подчеркивает Н.Ф. Кузнецова, «для НВФ характерно коллективное владение оружием, в то время как для банды достаточно индивидуального вооружения одного из членов» [Кузнецова, 2017, с. 211].

В уголовно-правовой науке обсуждается вопрос о понятии оружия применительно к данным составам. Согласно ст. 1 Федерального закона «Об оружии», к оружию относятся огнестрельное, холодное, метательное, пневматическое, газовое, а также взрывчатые вещества и взрывные устройства. Однако дискуссионным остается вопрос о возможности признания вооруженным формирования, которое использует предметы, внешне схожие с оружием (муляжи, макеты), либо несертифицированные образцы. Теоретически обоснованной представляется позиция, согласно которой вооруженность предполагает реальную возможность поражения цели, поскольку в противном случае отсутствует повышенная общественная опасность, характерная для этих преступлений [Определение ВС РФ №44-УД21-11, 2021].

Важным аспектом является соотношение вооруженности и насилия. В отличие от бандитизма, где вооруженность служит средством совершения нападений, в НВФ вооруженность может существовать как самостоятельный признак, не связанный с непосредственным применением оружия. Формирование может быть признано незаконным вооруженным независимо от того, совершало ли оно конкретные преступления. Это обусловлено тем, что само по себе создание вооруженной структуры, не предусмотренной законом, представляет повышенную общественную опасность, поскольку создает угрозу для общественной безопасности.

Субъективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется прямым умыслом. Для квалификации по ст. 208 УК РФ необходимо установить, что лицо осознавало факт создания или участия в незаконном вооруженном формировании, а также желало этого. Мотивы и цели могут быть различными и не влияют на квалификацию, за исключением случаев, когда они меняют направленность умысла, что имеет значение при разграничении со смежными составами.

В науке уголовного права существует позиция, согласно которой для отграничения НВФ от преступного сообщества необходимо доказывать отсутствие корыстной цели как основной [Дуюнов, Цепелев, 2020, с. 77]. Если лицо вступает в формирование исключительно с корыстными намерениями и при этом формирование является структурным подразделением преступного сообщества, то деяние должно квалифицироваться по ст. 210 УК РФ без дополнительного вменения ст. 208 УК РФ. Данный подход основан на принципе приоритета более специальной нормы, поскольку ст. 210 УК РФ охватывает и вооруженность, и

организованность, и корыстную цель.

Особую сложность представляет вопрос о субъективной стороне при разграничении НВФ и бандитизма. Если вооруженная группа создана для совершения нападений, но в процессе деятельности у ее участников возникает дополнительная цель ведения вооруженной борьбы, необходимо определить, какая цель является доминирующей. Теоретически обоснованным представляется подход, согласно которому квалификация должна определяться на основе изначального замысла организаторов, а последующее изменение целей может учитываться лишь при условии, что оно было охвачено первоначальным умыслом.

Анализ правоприменительной деятельности позволяет выявить ряд типичных ошибок, обусловленных недостаточной разработанностью теоретических критериев разграничения. Первая группа ошибок связана со смешением понятий «банда» и «НВФ». Суть этих ошибок заключается в том, что суды либо признают вооруженную группу бандой только на том основании, что она совершала нападения, игнорируя наличие военной организации, иерархии, системы подготовки и идеологической цели, либо, напротив, квалифицируют как НВФ группу, не имеющую военной структуры, но вооруженную и совершающую нападения.

С теоретической точки зрения, эти ошибки объясняются отсутствием в законе четкого определения НВФ и недостаточной дифференциацией признаков устойчивости и вооруженности. Для их устранения необходимо закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ развернутое определение НВФ, указав на такие признаки, как военизированная структура, иерархия, дисциплина, система подготовки, а также разъяснить, что наличие этих признаков при совершении нападений не превращает НВФ в банду, если основная цель формирования не ограничивается нападениями.

Вторая группа ошибок связана с неверным определением момента окончания преступления. Создание НВФ считается окончанным с момента фактического создания, независимо от того, начало ли оно действовать. Однако правоприменители иногда требуют доказательств начала деятельности, что противоречит законодательной конструкции формального состава. Теоретически это объясняется смешением материальных и формальных составов, а также непониманием того, что само по себе создание вооруженной структуры, не предусмотренной законом, создает угрозу общественной безопасности и не требует дополнительных последствий.

Третья группа ошибок – ошибочное вменение совокупности ст. 208 и 209 УК РФ. Суды иногда вменяют обе статьи при отсутствии реальной конкуренции, полагая, что любое нападение, совершенное участником НВФ, требует дополнительной квалификации. Если нападения являются способом реализации целей НВФ, они не требуют дополнительной квалификации по ст. 209 УК РФ. Совокупность возможна лишь в случае, когда создание НВФ и участие в нем не охватывается составом бандитизма, а нападения выходят за рамки целей формирования и составляют самостоятельный состав бандитизма.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Во-первых, необходимо легальное определение незаконного вооруженного формирования. Предлагается ввести в ст. 208 УК РФ примечание следующего содержания: *«Под незаконным вооруженным формированием в настоящей статье понимается не предусмотренное федеральным законом объединение, отряд, дружина или иная военизированная группа, обладающая признаками организованности, иерархической структурой, воинской дисциплиной, единоначалием, системой подготовки и вооружения, созданное для совершения преступлений,*

направленных на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение территориальной целостности, дестабилизацию деятельности органов государственной власти, либо в иных преступных целях». Такое определение позволит отграничить НВФ от банды, которая может и не иметь военной организации, и от преступного сообщества, для которого военная организация не является обязательным признаком.

Во-вторых, следует уточнить разграничение с бандитизмом. Целесообразно дополнить п. 19 Постановления № 14 разъяснением о том, что при квалификации действий участников вооруженной группы необходимо учитывать, является ли основным содержанием ее деятельности совершение нападений (ст. 209) либо ведение вооруженной борьбы, террористические или иные действия, не сводящиеся к нападениям (ст. 208). При наличии военной организации и иерархии, а также цели, не ограниченной нападениями, содеянное следует квалифицировать по ст. 208 УК РФ.

В-третьих, для устранения конкуренции норм и двойного вменения предлагается ввести квалифицирующий признак «совершение преступления в составе незаконного вооруженного формирования» в статьи Особенной части. Это позволит отразить повышенную общественную опасность деяний, совершаемых участниками НВФ, и квалифицировать их по совокупности со ст. 208 УК РФ без дублирования вменения одних и тех же действий.

В-четвертых, необходима разработка методических рекомендаций для судей и следователей по квалификации преступлений, связанных с организацией НВФ, бандитизмом и преступным сообществом. Эти рекомендации должны содержать алгоритмы разграничения, основанные на анализе объективных и субъективных признаков, а также типовые примеры из судебной практики.

Заключение

Разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 208, 209 и 210 УК РФ, представляет собой сложную теоретическую и практическую проблему, решение которой требует комплексного подхода, учитывающего как объективные, так и субъективные признаки. На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Основным критерием разграничения НВФ и бандитизма выступает цель создания формирования. Если группа создается исключительно для нападений – это банда; если же цели выходят за рамки нападений (ведение вооруженной борьбы, дестабилизация обстановки, совершение террористических актов и т.п.) – это НВФ. При этом наличие военной организации (иерархия, дисциплина, система подготовки) является факультативным признаком, но в совокупности с целевым критерием позволяет однозначно дифференцировать составы.

Разграничение НВФ и преступного сообщества должно осуществляться по мотивационному критерию. Преступное сообщество всегда ориентировано на извлечение материальной выгоды; НВФ, напротив, преследует политические, идеологические, религиозные или иные некорыстные цели. В случаях, когда формирование сочетает признаки обоих составов, приоритет следует отдавать квалификации по ст. 208 УК РФ как специальной норме, если доминирующей является некорыстная цель.

Устойчивость и вооруженность как общие признаки имеют различное содержание в каждом из составов. Для НВФ характерна военизированная устойчивость (жесткая структура, дисциплина, единоначалие) и коллективное вооружение; для банды – минимальная

устойчивость (стабильность состава, планирование) и индивидуальное вооружение; для преступного сообщества – устойчивость сложной иерархической системы, обеспечивающая систематическое извлечение дохода.

Предложенные в статье меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики (легальное определение НВФ, уточнение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, введение квалифицирующего признака, разработка методических рекомендаций) направлены на формирование единообразной судебной практики, обеспечение принципа справедливости и повышение эффективности противодействия организованным формам вооруженной преступности.

Библиография

1. Борисов С.В., Меркурьев В.В. Уголовная ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования и участие в нем: вопросы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2. С. 108-118.
2. Бриллиантов А.В. Уголовно-правовая характеристика организации незаконного вооруженного формирования // Российский судья. 2020. № 5. С. 122-127.
3. Галиакбаров Р.Р. Борьба с бандитизмом и незаконными вооруженными формированиями: уголовно-правовые аспекты. Москва: Юрлитинформ, 2019. 216 с.
4. Дуюнов В.К., Цепелев В.Ф. Организация преступного сообщества и незаконного вооруженного формирования: проблемы разграничения // Уголовное право. 2020. № 4. С. 74-81.
5. Кашепов В.П. Уголовно-правовая характеристика организации незаконного вооруженного формирования // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 108-118.
6. Коршунова О.Н. Преступное сообщество (преступная организация): понятие и проблемы квалификации // Журнал российского права. 2021. № 3. С. 200-212.
7. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Москва: Городец, 2017. 336 с.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.08.2016 № 19-АПУ16-2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.10.2020 № 41-УД20-20. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.05.2021 № 44-УД21-11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» (ред. от 03.03.2015) // Российская газета. 1997. 30 янв.
12. Рарог А.И. Квалификация преступлений террористической направленности. Москва: Проспект, 2023. 288 с.

Problems of Qualifying the Organization of an Illegal Armed Formation and Participation in It: Distinction from Banditry and Organization of a Criminal Community (Criminal Law and Law Enforcement Aspects)

El'dar M. Ataev

Federal Judge,
Sovetsky District Court of Makhachkala,
Postgraduate Student,
Department of Criminal Law and Criminology,
Law Institute of Dagestan State University,
367000, 43a, M. Gadzhiev str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: ataev@example.ru

Temirlan M.-S. Magomedov

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Law Institute of Dagestan State University,
367000, 43a, M. Gadzhiev str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: magomedov@example.ru

Abstract

Based on the methodology of systemic analysis of criminal law norms and doctrinal approaches, the article examines the theoretical and practical problems of distinguishing the corpus delicti provided for in Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation from related offenses — banditry (Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the organization of a criminal community (Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation). The scientific debate on the criteria for distinction is revealed, and the objective and subjective signs that make it possible to differentiate an illegal armed formation (IAF), a gang, and a criminal community are analyzed. Special attention is paid to such signs as the purpose of creation, stability, armament, organizational structure, and motivation of participants. Typical law enforcement errors caused by the imperfection of legislative technique and the lack of uniform explanations are identified. Ways to improve criminal law and qualification methodology are proposed, including the legal definition of an IAF and clarification of the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The conclusions of the article are aimed at forming uniform judicial practice and ensuring the principle of justice.

For citation

Ataev E.M., Magomedov T.M.-S. (2026) Problemy kvalifikatsii organizatsii nezakonno go vooruzhennogo formirovaniya i uchastiya v nem: razgranicheniye s banditizmom i organizatsiyey prestupnogo soobshchestva (ugolovno-pravovoy i pravoprimeritel'nyy aspekty) [Problems of Qualifying the Organization of an Illegal Armed Formation and Participation in It: Distinction from Banditry and Organization of a Criminal Community (Criminal Law and Law Enforcement Aspects)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 580-589. DOI: 10.34670/AR.2026.60.12.063

Keywords

Illegal armed formation, banditry, criminal community, qualification of crimes, distinction of offenses, stability, armament, judicial practice, criminal law characteristics, organized crime.

References

1. Borisov, S. V., & Merkuryev, V. V. (2022). Ugolovnaya otvetstvennost za organizatsiyu nezakonno go vooruzhennogo formirovaniya i uchastiya v nem: voprosy teorii i praktiki [Criminal Liability for the Organization of an Illegal Armed Formation and Participation in It: Issues of Theory and Practice]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, (2), 108-118.
2. Brilliantov, A. V. (2020). Ugolovno-pravovaya kharakteristika organizatsii nezakonno go vooruzhennogo formirovaniya [Criminal Law Characteristics of the Organization of an Illegal Armed Formation]. *Rossiyskiy sudya*, (5), 122-127.
3. Duyunov, V. K., & Tsepelev, V. F. (2020). Organizatsiya prestupnogo soobshchestva i nezakonno go vooruzhennogo formirovaniya: problemy razgranicheniya [Organization of a Criminal Community and an Illegal Armed Formation: Problems of Differentiation]. *Ugolovnoye pravo*, (4), 74-81.

4. Galiakbarov, R. R. (2019). Borba s banditizmom i nezakonnymi vooruzhennymi formirovaniyami: ugovovno-pravovyye aspekty [Combating Banditry and Illegal Armed Formations: Criminal Law Aspects]. Yurlitinform.
5. Kashepov, V. P. (2021). Ugolovno-pravovaya kharakteristika organizatsii nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya [Criminal Law Characteristics of the Organization of an Illegal Armed Formation]. Zhurnal rossiyskogo prava, (7), 108-118.
6. Korshunova, O. N. (2021). Prestupnoye soobshchestvo (prestupnaya organizatsiya): ponyatiye i problemy kvalifikatsii [Criminal Community (Criminal Organization): Concept and Problems of Qualification]. Zhurnal rossiyskogo prava, (3), 200-212.
7. Kuznetsova, N. F. (2017). Problemy kvalifikatsii prestupleniy [Problems of Qualification of Crimes]. Gorodets.
8. Rarog, A. I. (2023). Kvalifikatsiya prestupleniy terroristicheskoy napravlenosti [Qualification of Crimes of a Terrorist Orientation]. Prospekt.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of January 17, 1997 (as amended March 3, 2015) "On Judicial Practice in Cases of Liability for Banditry". (1997). Rossiyskaya gazeta, January 30.
10. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19-APU16-2 of August 15, 2016. ConsultantPlus.
11. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41-UD20-20 of October 12, 2020. ConsultantPlus.
12. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 44-UD21-11 of May 18, 2021. ConsultantPlus.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.61.62.064

Основные методы судебной баллистической экспертизы**Курбанова Елена Михайловна**

Кандидат юридических наук, доцент,
Заведующая кафедрой административного и уголовного права,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: Elena-kurbanova@mail.ru

Цеева Светлана Касимовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Баранников Сергей Николаевич

Кандидат военных наук, доцент,
Доцент кафедры технологического менеджмента
и социально-экономических дисциплин,
Кубанский казачий государственный
институт пищевой индустрии и бизнеса (филиал)
Московского государственного университета технологий
и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4 литер Е;
e-mail: bsn53@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию роли и методологии судебно-баллистической экспертизы в современном уголовном судопроизводстве. В работе раскрывается значимость изучения огнестрельного оружия, боеприпасов и следов их применения как ключевого элемента раскрытия и расследования преступлений. Авторами приводятся ключевые методы судебно-баллистической экспертизы на 2026 год: органолептический, микроскопический, профилографирование, метод экспериментального отстрела, химические и физико-химические методы, математическое моделирование, использование автоматизированных систем идентификации (АБИС).

Для цитирования в научных исследованиях

Курбанова Е.М., Цеева С.К., Баранников С.Н. Основные методы судебной баллистической экспертизы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 590-595. DOI: 10.34670/AR.2026.61.62.064

Ключевые слова

Огнестрельное оружие, судебно-баллистическая экспертиза, методика исследовательских работ, криминалистика, эксперт, экспертное заключение, идентификация оружия, следы выстрела, криминалистическое исследование, доказывание.

Введение

Огнестрельное оружие давно стало не просто предметом материального мира, а особым объектом внимания криминалистов. Его применение при убийствах, нападениях, разбоях и хулиганстве настолько распространено, что законодатель закрепил «вооружённость» какотягчающий признак целого ряда преступлений. Но проблема шире: оружие часто оказывается в незаконном обороте, превращаясь одновременно и в инструмент насилия, и в цель преступных сделок – тем самым подпитывая криминальную среду.

Рост использования огнестрельного оружия в преступлениях и критическая важность данных о нём для расследования уголовных дел привели к выделению особого вида криминалистических исследований. Сегодня специалисты детально изучают само оружие, боеприпасы и следы их применения – как в ходе следственных действий (под руководством следователя), так и в рамках специализированных экспертиз. Ключевым элементом этой системы стала судебно-баллистическая экспертиза – процессуальная форма экспертного исследования, обеспечивающая надёжное доказывание в суде.

Основная часть

Методическая основа любой экспертизы, включая судебно-баллистическую, представляет собой совокупность правил, приёмов и способов, регламентирующих процесс проведения экспертного исследования.

Методология судебной экспертизы определяется как система научно обоснованных рекомендаций, которые помогают выбрать и применить методы, способы и технические средства для изучения объектов конкретного вида экспертизы.

Методика экспертного исследования по конкретному делу формируется в ходе работы: она опирается на единую методику исследовательских работ соответствующего вида и профессиональный опыт эксперта, а также учитывает специфику поставленной задачи.

Единая методика проведения судебной экспертизы включает взаимосвязанные стадии исследования:

- Предварительное исследование;
- Детальное исследование;
- Оценка полученных результатов;
- Формулирование выводов.

Стадия – предварительное исследование. Оно включает в себя 3 этапа: ознакомление с материалами уголовного дела и уяснение задач исследования; общий осмотр поступивших объектов; планирование исследования.

Ознакомиться с постановлением (определением) о назначении экспертизы. Осмотреть и зафиксировать упаковку объектов, ее целостность и состояние, наличие на ней отпечатков печатей, штампов, а также соответствующих пояснительных надписей и текстов. Вскрыть

упаковку и установить соответствие представленных объектов их перечню, указанному в постановлении (определении) о назначении экспертизы. (В случае несоответствия объектов их перечню, указанному в постановлении (определении) о назначении экспертизы, осуществляется их прием либо возврат без исполнения в соответствии с порядком, установленным нормативно-правовыми актами, регламентирующими деятельность государственных судебных экспертных учреждений Российской Федерации).

Стадия детального исследования подразделяется на: раздельное исследование; экспертный эксперимент; сравнительное исследование.

Стадия – оценка результатов исследования и формулирование выводов.

Стадия – оформление материалов экспертизы.

Выводы в экспертном заключении обязаны содержать чёткие и однозначные ответы на поставленные вопросы, исключающие возможность двойного толкования. Число и порядок изложения выводов должны строго соответствовать количеству и последовательности поставленных вопросов. В случае группировки выводов эксперт обязан указать номера вопросов, на которые даётся ответ.

К экспертному заключению прилагаются материалы, иллюстрирующие проведённое исследование; они являются неотъемлемой частью документа. Допускается размещение иллюстративных материалов непосредственно в тексте заключения.

Второй экземпляр экспертного заключения, включая иллюстративные материалы и документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований, подлежит хранению в экспертно-криминалистическом подразделении (ЭКП).

Для проведения дополнительных и повторных экспертиз в ЭКП требуется предоставить не только объекты исследования, но и заключения предшествующих экспертиз.

Это подчёркивает особую значимость грамотного оформления судебно-баллистического заключения. Точно сформулированные вопросы к эксперту и исчерпывающие, не допускающие разночтений ответы в заключении напрямую влияют на качество расследования преступления: они позволяют избежать неточностей, сократить время анализа и повысить достоверность итоговых выводов следствия.

Выбор методов исследования на каждом этапе определяется сущностью поставленных задач и характеристиками представленных объектов. При этом все методы опираются на общую методику – универсальный метод познания.

В ходе экспертного исследования задействуются:

Общенаучные методы, применяемые во всех сферах науки и практики;

научно-технические (инструментальные) методы – для решения частных задач;

специальные методы, приёмы и способы исследования вещественных доказательств – они разработаны экспертной практикой и характерны исключительно для криминалистической экспертизы оружия и следов его применения.

Таким образом, все методы, применяемые при производстве этой экспертизы, делятся на следующие:

– Общие и общенаучные (общепознавательные);

– Частные (инструментальные и вспомогательные);

– Специальные методы – методики экспертного исследования.

Указанные методы взаимосвязаны и взаимообусловлены, дополняют друг друга. «При решении экспертных задач необходимо разумно сочетать разные методы, а переоценка любого из них может привести к ошибкам». [Егоров, Ищенко, 2026, с. 504]

Основные методы судебно-баллистической экспертизы в 2026 году включают:

Органолептический метод. Первичный визуальный осмотр оружия и боеприпасов для фиксации их состояния, маркировок и видимых дефектов.

Микроскопический метод. Использование сравнительных микроскопов для изучения микрорельефа следов на пулях и гильзах (следы боя, зацепа)

Микроскопический метод. Использование сравнительных микроскопов для изучения микрорельефа следов на пулях и гильзах (следы боя, зацепа выбрасывателя, полей нарезов ствола).

Профилографирование и профилометрия. Детальное изучение неровностей и глубины следов на снарядах для идентификации конкретного экземпляра оружия.

Метод экспериментального отстрела. Получение сравнительных образцов пуль и гильз путем стрельбы из проверяемого оружия в пулеулавливатели (водные, грунтовые или кевларовые).

Химические методы. Определение состава пороховых газов, продуктов сгорания и металлов (метод «цветных отпечатков», капельный анализ) для установления дистанции выстрела и факта его совершения.

Физико-химические методы (спектральный, рентгеновский). Анализ элементного состава частиц на преградах и одежде для выявления следов металлизации.

Математическое моделирование и баллистические расчеты. Расчет траектории полета пули, определение места нахождения стрелка и возможности поражения цели при заданных условиях.

Автоматизированные системы идентификации (АБИС). Использование цифровых сканеров для создания 3D-моделей следов и их автоматической сверки с базами данных (например, систем типа «Арсенал»).

В судебной экспертизе нет методов, которые не применялись бы в других отраслях науки или практической деятельности. По мнению автора А.И. Хмыз «Поскольку нет универсальных методов исследования, позволяющих решать все вопросы, успешное достижение цели экспертом возможно лишь при использовании совокупности различных методов, приемов и средств, составляющих определенную систему, звенья которой дополняют друг друга, обеспечивая тем самым возможность полного и всестороннего исследования и получения истинных знаний о представленных объектах». [Хмыз, 2026, с. 112]

Заключение

Экспертиза огнестрельного и холодного оружия – важный элемент справедливого правосудия. Исследуя огнестрельное оружие, специалисты не просто изучают предметы: они восстанавливают картину преступления. Благодаря научным методам судебной баллистики эксперты устанавливают ключевые факты – от идентификации оружия до обстоятельств выстрела, выявляют инсценировки и случаи самострелов. Эти данные становятся неопровержимой доказательной базой в суде.

Библиография

1. Егоров Н.Н., Ищенко Е.П. Криминалистика: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2026. 620 с.
2. Хмыз А.И. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза. Методика преподавания: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2026. 210 с.

Basic Methods of Forensic Ballistic Examination

Elena M. Kurbanova

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Administrative and Criminal Law,
Maikop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: Elena-kurbanova@mail.ru

Svetlana K. Tseeva

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Sergei N. Barannikov

PhD in Military Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Technological Management and Socio-Economic Disciplines,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (branch)
of K.G. Razumovsky Moscow State University
of Technology and Management (First Cossack University),
353500, 4 liter E, Sovetskaya str., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: bsn53@bk.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the role and methodology of forensic ballistic examination in modern criminal proceedings. The work reveals the significance of studying firearms, ammunition, and traces of their use as a key element in the detection and investigation of crimes. The authors present the key methods of forensic ballistic examination for 2026: organoleptic, microscopic, profilography, experimental firing method, chemical and physico-chemical methods, mathematical modeling, and the use of automated ballistic identification systems (ABIS).

For citation

Kurbanova E.M., Tseeva S.K., Barannikov S.N. (2026) Osnovnyye metody sudebnoy ballisticheskoy ekspertizy [Basic Methods of Forensic Ballistic Examination]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 590-595. DOI: 10.34670/AR.2026.61.62.064

Keywords

Firearms, forensic ballistic examination, research methodology, criminalistics, expert, expert opinion, weapon identification, shot traces, forensic investigation, evidence.

References

1. Egorov, N. N., & Ishchenko, E. P. (2026) Kriminalistika: uchebnik i praktikum dlya vuzov [Criminalistics: Textbook and Workshop for Universities] (5th ed.). Yurayt.
2. Khmyz, A. I. (2026) Sudebnaya ballistika i sudebno-ballisticheskaya ekspertiza. Metodika prepodavaniya [Forensic Ballistics and Forensic Ballistic Examination: Teaching Methods]. Yurayt.

УДК 351.74, 343.98

DOI: 10.34670/AR.2026.39.53.065

**К вопросу о правовом обеспечении противодействия
преступлениям, связанным с обращением фальсифицированных,
недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных
средств, медицинских изделий и биологически активных добавок**

Горбачева Алена Владиславовна

Кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры судебной
бухгалтерии и бухгалтерского учета
учебно-научного комплекса противодействия
экономическим и налоговым преступлениям,
подполковник полиции,
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: alena_91_91@list.ru

Леонов Александр Иванович

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной
бухгалтерии и бухгалтерского учета
учебно-научного комплекса противодействия
экономическим и налоговым преступлениям,
полковник полиции (в отставке),
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: lalwlm@rambler.ru

Мамкин Алексей Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной
бухгалтерии и бухгалтерского учета
учебно-научного комплекса противодействия
экономическим и налоговым преступлениям,
полковник полиции (в отставке),
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: VFinfPolice@yandex.ru

Павлович Владислав Олегович

Старший преподаватель
кафедра судебной бухгалтерии
и бухгалтерского учета учебно-научного
комплекса противодействия
экономическим и налоговым преступлениям,
капитан полиции,
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: VFinfPolice@yandex.ru

Соловьев Олег Демьянович

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной
бухгалтерии и бухгалтерского учета
учебно-научного комплекса противодействия
экономическим и налоговым преступлениям,
полковник полиции (в отставке),
Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: solod-nn@rambler.ru

Софьин Александр Александрович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры судебной
бухгалтерии и бухгалтерского учета
учебно-научного комплекса противодействия
экономическим и налоговым преступлениям,
майор полиции,
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: alsofyin@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового обеспечения противодействия преступлениям, связанным с обращением фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок. Проводится анализ понятийного аппарата, включая разграничение терминов «фальсифицированный», «контрафактный» и «недоброкачественный» товар. Исследуются существующие нормативно-правовые акты,

регулирующие оборот данной категории товаров, выявляются пробелы в законодательстве. Особое внимание уделяется классификации способов фальсификации лекарственных средств и медицинских изделий, а также механизмам противодействия их незаконному обороту. Авторы предлагают системный подход к решению проблемы, основанный на унификации терминологии и совершенствовании правовых механизмов борьбы с фальсификацией.

Для цитирования в научных исследованиях

Горбачева А.В., Леонов А.И., Мамкин А.Н., Павлович В.О., Соловьев О.Д., Софьин А.А. К вопросу о правовом обеспечении противодействия преступлениям, связанным с обращением фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 596-607. DOI: 10.34670/AR.2026.39.53.065

Ключевые слова

Фальсифицированные лекарственные средства, контрафактная продукция, недоброкачественные препараты, медицинские изделия, биологически активные добавки, правовое регулирование, фальсификация, контрафакт, противодействие преступлениям, фармацевтический рынок, защита потребителей, подделка медикаментов.

Введение

Научное исследование требует корректной и точной интерпретацией понятий, которые используются или разрабатываются в ходе работы. Применение такого подхода позволяет авторам не просто реализовать намеченные цели и получить желаемые результаты, но и обеспечить единое понимание анализируемых категорий. Научно обоснованные определения играют принципиально значимую роль в процессе разработки методологических положений, направленных на выявление и раскрытие отдельных видов преступлений. Более того, наличие таких определений выступает ключевым фактором, обеспечивающим результативное применение разработанной методики на практике [Чернышева, 2021, с. 108–109].

Изучение специализированной литературы позволило выявить отсутствие единого подхода к трактовке терминов «фальсифицированный», «контрафактный» и «недоброкачественный» товар. Данное обстоятельство наблюдается как в научной сфере, так и в практической деятельности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. Отсутствие унифицированного понимания указанных понятий, в свою очередь, становится источником ошибок при процессуальном оформлении (документировании) преступлений, относящихся к рассматриваемой категории.

Основная часть

В современной практике нередко наблюдается тенденция к совместному употреблению и синонимичному восприятию понятий «контрафактный» и «фальсифицированный» товар. Тем не менее, с позиции юриспруденции данные термины представляют собой самостоятельные категории. С целью обоснования этого тезиса представляется целесообразным осуществить

комплексный анализ указанных дефиниций, включающий как правовую, так и этимологическую составляющие. Данное исследование позволит более четко разграничить смысловые оттенки указанных понятий и выявить их специфические особенности в контексте действующего законодательства.

Контрафакция (от французского «contrefaction» — «подделка», что, в свою очередь, восходит к латинским корням «contra» («против») и «facere» («делать»)) представляет собой явление, которое может проявляться в двух аспектах:

- с одной стороны, это литературная подделка;
- с другой — противоправное действие, заключающееся в воспроизведении и распространении произведений, защищенных авторским правом, без соответствующего разрешения правообладателя.

Термин «фальсификация» (происходящий от латинского «falsification» — «подделка») в толковых словарях раскрывается посредством нескольких определений:

1. Процесс создания подделки — намеренное изменение внешнего вида или характеристик объекта с целью введение в заблуждение, чтобы представить его как предмет иного вида или качества.

2. Акт подмены — замена подлинного, настоящего объекта на ложный, мнимый, не соответствующий действительности.

3. Продукт поддельного происхождения — объект, который искусственно создан или изменен и умышлено выдается за подлинный, оригинальный предмет [Ушаков, 2020, с. 135].

Специалисты в сфере товароведения трактуют понятие фальсификации как совокупность действий, нацеленных на введение в заблуждение получателя или потребителя посредством создания подделки объекта купли-продажи, причем мотивом таких действий выступает личная выгода. В более широком понимании фальсификация может быть рассмотрена как деятельность, предполагающая:

- снижение уровня потребительских качеств товара;
- уменьшение его количественных характеристик;

при этом сохраняются лишь наиболее очевидные, но фактически второстепенные свойства, не оказывающее существенного влияния на функциональное назначение товара [Мамкин, Соловьев, 2016; Зайцева, 2014, с. 102].

Необходимо подчеркнуть, что контрафактная продукция по своей природе неизменно обладает признаками фальсификации. В то же время продукция, подвергшаяся фальсификации (то есть не соответствует представленным о ней сведениям или имеющая измененный состав), не всегда может быть отнесена к категории контрафактной. В качестве иллюстрации можно привести следующий пример: если производитель выпускает товар под собственным зарегистрированным товарным знаком, но при этом не соблюдает заявленные характеристики состава, такая продукция будет считаться фальсифицированной, однако признаки контрафактности в данном случае отсутствуют.

Принимая во внимание, что нарушение прав интеллектуальной собственности (явление, которое принято обозначать термином «контрафакция») предполагает распространение информации, не соответствующей действительности, относительно ряда аспектов товара — в частности, его производителя, принадлежности к определенному товарному знаку [Зайцева, 2014, с. 102] и иных характеристик, — можно сделать вывод о следующем: указанные действия в полной мере подпадают под определение «фальсификация». В контексте соотношения данных понятий можно утверждать, что термин «фальсификация» выступает в роли общего понятия, в

то время как «контрафакция» предполагает собой его частный случай. Таким образом, между рассматриваемыми дефинициями устанавливается иерархическая связь, где фальсификация охватывает более широкий спектр явлений, а контрафакция является одним из его специфических проявлений.

Поскольку оборот контрафактных лекарственных средств (далее – ЛС), медицинских изделий (далее – МИ) и биологически активных добавок (далее – БАД) представляет собой частный случай явления фальсификации, выделение данного аспекта в качестве самостоятельного предмета исследования видится избыточным [Вилков, Соловьев, 2022, с. 83–85]. В рамках настоящего исследования более корректным представляется применение обобщающих дефиниций, таких как:

- фальсифицированное лекарственное средство;
- фальсифицированное медицинское изделие;
- фальсифицированная биологически активная добавка.

Данное решение обусловлено тем, что рассматриваемые случаи контрафакта по своей сути являются разновидностями фальсификации, и использование обобщающих понятий позволит охватить всю совокупность проблем, связанных с распространением поддельных товаров данной категории, без излишнего сужения предмета анализа.

Помимо этого, в Российской Федерации существует дисбаланс в правовом регулировании: с одной стороны, четко прописанные нормы, запрещающие оборот контрафактной продукции, с другой – отсутствуют эффективные правовые механизмы для борьбы с фальсификацией товаров. По мнению ряда экспертов, причина этого кроется в лоббировании интересов крупных коммерческих организаций. Такая ситуация создает опасность для жизни и здоровья граждан, поскольку нарушает их право на получение качественных и безопасных товаров – в первую очередь лекарственных средств (ЛС), медицинских изделий (МИ), и биологически активных добавок (БАД).

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) на сегодняшний день является основным нормативным актом, запрещающим оборот контрафактной продукции в России. Согласно положениям ГК РФ (пункт 4 статьи 1252), в случае нарушения исключительного права на результат интеллектуальной собственности или средство индивидуализации путем изготовления, распространения, использования, импорта, перевозки или хранения соответствующих материальных носителей, эти носители признаются контрафактными. Их изъятие из оборота и уничтожение без компенсации (если иное не предусмотрено ГК РФ) производится на основании судебного решения. Также ГК РФ (пункт 1 статьи 1515) указано, что к контрафактным относятся товары, этикетки и упаковки с незаконно размещенными товарными знаками или обозначениями, сходными с товарными знаками до степени смешения.

Вместе с тем в настоящее время ни в гражданском, ни в административном, ни в уголовном законодательствах Российской Федерации не упоминается и не раскрывается понятие «фальсифицированный товар», однако оно содержится в ряде специальных законов.

Необходимо подчеркнуть, что согласно Федеральному закону РФ от 2 января 2000 года № 29-ФЗ «О качестве безопасности пищевых продуктов», фальсифицированными пищевыми продуктами, материалами и изделиями считаются те, которые были преднамеренно изменены (являются поддельными) либо обладают скрытыми характеристиками и качеством. При этом сведения о таких продуктах, материалах и изделиях намерено представлены неполно или содержат недостоверную информацию.

Среди нормативно правовых актов выделяется Федеральный закон РФ от 12 апреля 2010

года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [Федеральный закон № 61-ФЗ, 2010] (далее – Закон об обращении). Этот закон – единственный, который дает определение для понятий фальсифицированного, недоброкачественного и контрафактного товара одновременно. Наличие таких положений акцентирует внимание на значимости регулирования соответствующих общественных положений. Согласно статье 4 Закона об обращении:

- фальсифицированное лекарственное средство (ЛС) – это ЛС, в отношении которого представлена ложная информация о составе или производителе;
- недоброкачественное ЛС – ЛС, которое не отвечает требованиям фармакопейной статьи, а при отсутствии такой статьи – требованиям нормативной документации или нормативного документа;
- контрафактное ЛС – ЛС, оборот которого осуществляется с нарушением норм гражданского законодательства.

В соответствии со статьей 57 данного закона, продажа перечисленных видов ЛС не допускается.

При обнаружении недоброкачественных и фальсифицированных лекарственных средств (ЛС) необходимо изъять их из обращения и провести процедуру уничтожения. Основаниями для уничтожения служат:

- решение собственника ЛС;
- решение уполномоченного контролирующего органа;
- судебное решение.

Что касается контрафактных ЛС, то их изъятие из обращения и уничтожение осуществляется исключительно на основании судебного решения.

Уничтожение ЛС производится организациями, имеющими лицензию на такую деятельность. Для этого выделяются специальные площадки, полигоны и помещения. Финансовые затраты на процедуру уничтожения контрафактных, недоброкачественных и фальсифицированных ЛС несет их владелец.

Понятия, аналогичные тем, что применяются к лекарственным средствам, для медицинских изделий приписаны в Федеральном законе РФ от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) [Федеральный закон № 323-ФЗ, 2011]. В статье 38 указанного закона даны следующие определения:

- фальсифицированное медицинское изделие – это изделие медицинского назначения, в отношении которого представлена недостоверная информация о его характеристиках или производителе;
- недоброкачественное медицинское изделие – изделие, которое не отвечает требованиям нормативной, технической или эксплуатационной документации производителя. Если такая документация отсутствует, то изделие должно соответствовать иной нормативной документации;
- контрафактное медицинское изделие – медицинское изделие, оборот которого осуществляется с нарушением положений гражданского законодательства.

В рамках противодействия обороту фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств (ЛС) медицинских изделий (МИ) и биологически активных добавок (БАД) можно обнаружить несколько типов фальсификации. Помимо предоставленных ложных сведений о составе и изготовителе, подделки часто включают:

- некорректную маркировку с неверными данными о наименовании, номере серии, дате

выпуска, срока годности, дозировке, способе применения, условиях отпуска и хранения, а также предупредительных надписях;

- фальшивые инструкции по применению, которые могут быть полностью поддельными или содержать искаженную информацию в отдельных пунктах. Особенно часто фальсифицируют данные, влияющие на решение о выборе и применении продукта: сведения о показаниях, противопоказаниях и побочных действиях.

Среди способов фальсификации ЛС, МИ и БАД можно выделить перемаркировку срока годности на упаковке, при которой сведения о составе и производителе не изменяются. Подделке подвергается исключительно этот элемент маркировки. Что касается фальсификации БАД, то здесь можно выделить такие характерные приемы:

- пренебрежение требованием нанести на упаковку надпись «Не является лекарством»;
- представление ложной информации о пользе и лечебных свойствах добавки.

При анализе преступлений, связанных с фальсификацией лекарственных средств (ЛС), можно определить два основных критерия для их классификации:

1) В зависимости от содержания активного ингредиента:

- препараты, в которых активные ингредиенты не соответствуют заявленным на упаковке или в инструкции (то есть содержат иные вещества, нежели указано);
- лекарства, в которых количество активных компонентов отличается от заявленного – содержит либо избыточное, либо недостаточное количество действующих веществ;
- ЛС, в составе которого отсутствуют активные ингредиенты, либо присутствуют лишь нейтральные компоненты, не оказывающие лечебного эффекта;
- препараты с корректными активными ингредиентами, но с искаженной информацией в других аспектах (к примеру, о сроке годности, производителе, противопоказаниях и т.д.).

2) С учетом способа оформления:

- лекарственные средства, упакованные в поддельную тару или сопровождаемые фальсифицированной инструкцией (это может быть как полная замена упаковочных материалов или инструкции, так и частичное искажение отдельных сведений о свойствах, характеристиках, составе препарата, побочных эффектах, противопоказаниях и пр.);
- ЛС с недостоверной маркировкой (включает неверные данные о наименовании, номере серии, дате выпуска, срока годности, дозировке, способе применения, условиях отпуска и хранения, предупредительных надписях);
- препараты, оборот которых нарушает права на средства индивидуализации – например, содержит ложные сведения о производителе, владельце товарного знака и т.п.

В случае последней разновидности фальсифицированных ЛС речь идет о наличии у них характеристик, позволяющих квалифицировать их как контрафактные. Необходимо отметить, что при производстве контрафактной продукции, в том числе ЛС, могут незаконно применяться не только точные копии товарных знаков, но и обозначения, настолько схожи с оригиналами, что возникает риск их смешения [Варданян, 2023, с. 7–17].

В 2010 году в Федеральный закон РФ «Об обращении лекарственных средств» (от 12 апреля 2010 № 61-ФЗ) наряду с термином «фальсифицированное лекарственное средство» был включен и термин «недоброкачественное лекарственное средство». Недоброкачественным считалось лекарственное средство, которое не отвечает требованиям, указанным в фармакопейной статье, а при отсутствии такой статьи – требованиям, закрепленным в нормативной документации или нормативном документе [Иголина, Горбачева, Соловьев, Потапов, 2024].

На основании данного определения можно выделить несколько категорий недоброкачественных лекарственных средств:

- препараты, утратившие свои свойства. Они перестают соответствовать заявленным характеристикам еще до истечения срока годности – обычно из-за несоблюдения правил транспортировки, хранения или реализации;

- лекарственные средства, срок годности которых истек.

Каждое лекарственное средство имеет установленный срок годности – период, в течение которого оно способно сохранять свои физико-химические, фармакологические и терапевтические свойства в неизменном виде. По истечении этого срока, даже при строгом соблюдении правил транспортировки, хранения и реализации препарата, его качество может оказаться непредсказуемым, а использование – представлять опасность для здоровья.

Кроме того, к недоброкачественным относят бракованные (нестандартные или некондиционные) ЛС – препараты, при производстве которых были нарушены действующие стандарты, технологические условия или нормативные документы.

С момента выхода официального письма Росздравнадзора [Сергеева, Зиненко, Харченко, 2023, с. 181–193], объявляющего об изъятии лекарственного средства из оборота, это ЛС считается забракованным. В документе приводятся следующие сведения: наименование органа, обнаружившего нарушение, название препарата, его серия, данные о производителе и поставщике, дозировка и форма упаковки, лекарственная форма, параметры, по которым зафиксировано несоответствие.

Из этого следует, что «забраковке» могут быть подвергнуты как фальсифицируемые, так и недоброкачественные лекарственные средства.

Заключение

На основании вышеизложенной информации можно утверждать, что деятельность, связанная с оборотом фальсифицированных и недоброкачественных ЛС, МИ и БАД, является преступной. Она охватывает широкий спектр действий: от производства и государственной регистрации до рекламы, приобретения, хранения, перевозки, пересылки, передачи в целях в целях сбыта и оказания услуг по применению данных продуктов.

Библиография

1. Варданын Г.А. Криминализация обращения фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий, биодобавок: вопросы дальнейшего совершенствования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 2(40). — С. 7–17.
2. Вилков В.В., Соловьев О.Д. Особенности идентификации лесной продукции применительно к национальной системе цифровой маркировки «Честный знак» // Актуальные проблемы использования специальных знаний при выявлении и доказывании экономических преступлений : Сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции (26 октября 2021 года), Нижний Новгород, 26 октября 2021 года. — Нижний Новгород: Стимул-СТ, 2022. — С. 83–85.
3. Зайцева Е.В. Специфика использования специальных знаний при расследовании преступлений экономической направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2014. — № 4(31). — С. 100–104.
4. Игонина Е.С., Горбачева А.В., Соловьев О.Д., Потапов Д.Ю. Судебная экономическая экспертиза по делам о преступлениях в бюджетной сфере. — М.: Русайнс, 2024. — 104 с.
5. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов : свыше 7000 слов и выражений, толкование значений, происхождение и употребление. — М.: Грамота : АСТ-Пресс Школа, 2023. — 410 с.
6. Мамкин А.Н., Соловьев О.Д. Использование специальных знаний при выявлении незаконного оборота алкогольной продукции. — Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский

- государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2016. — 67 с.
7. Сергеева О.В., Зиненко Ю.В., Харченко Д.А. К вопросу о типичных способах обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — № 2(26). — С. 181–193.
 8. Соловьев О.Г. Техничко-юридические аспекты нормативного закрепления признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 16, № 3(61). — С. 446–453.
 9. Соловьев О.Д. Использование электронных информационных ресурсов в подготовке сотрудников подразделений ЭБиПК в целях противодействия нелегальному обороту лекарственных средств // Киберобщество. Киберобразование. Киберполиция : Сборник статей, Нижний Новгород, 19–21 декабря 2023 года. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2024. — С. 86–100.
 10. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка : 170 тыс. слов и словосочетаний. Новая современная редакция / Сост. О.А. Щеглова. — М.: Хит-книга, 2020. — 816 с.
 11. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 07.06.2025) «О качестве и безопасности пищевых продуктов». — URL: <https://www.consultant.ru>
 12. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об обращении лекарственных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). — URL: <https://www.consultant.ru>
 13. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 17.11.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». — URL: <https://www.consultant.ru>
 14. Чернышева Ю.А. Общая характеристика преступлений в сфере незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий // Закон и право. — 2021. — № 7. — С. 108–109.

On the Issue of Legal Support for Combating Crimes Related to the Circulation of Counterfeit, Substandard and Unregistered Medicines, Medical Devices and Biologically Active Additives

Alena V. Gorbacheva

PhD in Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Forensic Accounting and Accounting,
Educational and Scientific Complex for Combating Economic and Tax Crimes,
Police Lieutenant Colonel,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
603950, 3, Ankudinovskoe Hwy., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: alena_91_91@list.ru

Aleksandr I. Leonov

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Forensic Accounting and Accounting,
Educational and Scientific Complex for Combating Economic and Tax Crimes,
Police Colonel (retired),
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
603950, 3, Ankudinovskoe Hwy., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: lalwlm@rambler.ru

Aleksei N. Mamkin

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Forensic Accounting and Accounting,
Educational and Scientific Complex for Combating Economic and Tax Crimes,
Police Colonel (retired),
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
603950, 3, Ankudinovskoe Hwy., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: VFinfPolice@yandex.ru

Vladislav O. Pavlovich

Senior Lecturer,
Department of Forensic Accounting and Accounting,
Educational and Scientific Complex for Combating Economic and Tax Crimes,
Police Captain,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
603950, 3, Ankudinovskoe Hwy., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: VFinfPolice@yandex.ru

Oleg D. Solov'ev

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Forensic Accounting and Accounting,
Educational and Scientific Complex for Combating Economic and Tax Crimes,
Police Colonel (retired),
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
603950, 3, Ankudinovskoe Hwy., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: solod-nn@rambler.ru

Aleksandr A. Sof'in

PhD in Economics,
Associate Professor of the Department of Forensic Accounting and Accounting,
Educational and Scientific Complex for Combating Economic and Tax Crimes,
Police Major,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
603950, 3, Ankudinovskoe Hwy., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: alsofyin@yandex.ru

Abstract

The article examines current problems of legal support for combating crimes related to the circulation of counterfeit, substandard and unregistered medicines, medical devices and biologically active additives. An analysis of the conceptual framework is carried out, including the differentiation of the terms "counterfeit," "contraband" and "substandard" goods. Existing regulatory legal acts regulating the circulation of this category of goods are studied, and gaps in legislation are identified.

Special attention is paid to the classification of methods of falsification of medicines and medical devices, as well as mechanisms for combating their illicit trafficking. The authors propose a systematic approach to solving the problem, based on the unification of terminology and the improvement of legal mechanisms for combating counterfeiting.

For citation

Gorbacheva A.V., Leonov A.I., Mamkin A.N., Pavlovich V.O., Solov'ev O.D., Sof'in A.A. (2026) K voprosu o pravovom obespechenii protivodeystviya prestupleniyam, svyazannym s obrashcheniyem fal'sifitsirovannykh, nedobrokachestvennykh i nezaregistrirovannykh lekarstvennykh sredstv, meditsinskikh izdeliy i biologicheskii aktivnykh dobavok [On the Issue of Legal Support for Combating Crimes Related to the Circulation of Counterfeit, Substandard and Unregistered Medicines, Medical Devices and Biologically Active Additives]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 596-607. DOI: 10.34670/AR.2026.39.53.065

Keywords

Counterfeit medicines, contraband products, substandard drugs, medical devices, biologically active additives, legal regulation, falsification, contraband, combating crimes, pharmaceutical market, consumer protection, drug counterfeiting.

References

1. Chernysheva, Yu. A. (2021). Obshchaya kharakteristika prestupleniy v sfere nezakonno go proizvodstva lekarstvennykh sredstv i meditsinskikh izdeliy [General Characteristics of Crimes in the Field of Illegal Production of Medicines and Medical Devices]. *Zakon i pravo*, 7, 108-109.
2. Federal Law No. 29-FZ of January 2, 2000 (as amended June 7, 2025) «On Quality and Safety of Food Products». Retrieved from <https://www.consultant.ru>
3. Federal Law No. 61-FZ of April 12, 2010 (as amended December 29, 2025) «On Circulation of Medicines». Retrieved from <https://www.consultant.ru>
4. Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 (as amended November 17, 2025) «On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation». Retrieved from <https://www.consultant.ru>
5. Igonina, E. S., Gorbacheva, A. V., Solov'ev, O. D., & Potapov, D. Yu. (2024). Sudebnaya ekonomicheskaya ekspertiza po delam o prestupleniyakh v byudzhethnoy sfere [Forensic Economic Expertise in Cases of Crimes in the Budgetary Sphere]. Moscow: Rusains.
6. Krysin, L. P. (2023). *Sovremennyy slovar inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Gramota : AST-Press Shkola.
7. Mamkin, A. N., & Solov'ev, O. D. (2016). *Ispolzovaniye spetsialnykh znaniy pri vyyavlenii nezakonno go oborota alkogolnoy produktsii* [The Use of Special Knowledge in the Detection of Illicit Trafficking in Alcoholic Beverages]. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University.
8. Sergeeva, O. V., Zinenko, Yu. V., & Kharchenko, D. A. (2023). K voprosu o tipichnykh sposobakh obrashcheniya fal'sifitsirovannykh, nedobrokachestvennykh i nezaregistrirovannykh lekarstvennykh sredstv, meditsinskikh izdeliy i oborota fal'sifitsirovannykh biologicheskii aktivnykh dobavok [On the Issue of Typical Methods of Handling Falsified, Substandard and Unregistered Medicines, Medical Products and Turnover of Falsified Biologically Active Additives]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, 2(26), 181-193.
9. Solov'ev, O. D. (2024). *Ispolzovaniye elektronnykh informatsionnykh resursov v podgotovke sotrudnikov podrazdeleniy EBiPK v tselyakh protivodeystviya nelegalnomu oborotu lekarstvennykh sredstv* [The Use of Electronic Information Resources in the Training of Employees of EBiPK Units in Order to Counter Illegal Drug Trafficking]. In *Kiberobshchestvo. Kiberobrazovaniye. Kiberpolitsiya* (pp. 86-100). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
10. Solov'ev, O. G. (2022). Tekhniko-yuridicheskiye aspekty normativno go zakrepleniya priznakov obektivnoy storony prestupleniya, predusmotrenno go st. 238.1 UK RF [Technical and Legal Aspects of the Normative Consolidation of the Signs of the Objective Side of the Crime Provided for in Art. 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvenno go universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*,

-
- 16(61), 446-453.
11. Ushakov, D. N. (2020). Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Khit-kniga.
 12. Vardanyan, G. A. (2023). Kriminalizatsiya obrashcheniya falsifitsirovannykh lekarstvennykh sredstv, meditsinskikh izdeliy, biodobavok: voprosy dalneyshego sovershenstvovaniya [Criminalization of the Circulation of Counterfeit Medicines, Medical Products, and Dietary Supplements: Issues of Further Improvement]. *Sibirskiye ugovno-protsessualnyye i kriminalisticheskiye chteniya*, 2(40), 7-17.
 13. Vilkov, V. V., & Solov'ev, O. D. (2022). Osobennosti identifikatsii lesnoy produktsii primenitelno k natsionalnoy sisteme tsifrovoy markirovki «Chestnyy znak» [Features of Identification of Forest Products in Relation to the National Digital Labeling System «Honest Mark»]. In *Aktualnyye problemy ispolzovaniya spetsialnykh znaniy pri vyyavlenii i dokazyvanii ekonomicheskikh prestupleniy* (pp. 83-85). Nizhny Novgorod: Stimul-ST.
 14. Zaytseva, E. V. (2014). Spetsifika ispolzovaniya spetsialnykh znaniy pri rassledovanii prestupleniy ekonomicheskoy napravlenosti [The Specifics of Using Special Knowledge in the Investigation of Economic Crimes]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 4(31), 100-104.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.59.23.066

**Особенности прогнозирования рецидивной преступности
в рамках парадигмы RNR (Риск-Потребность-Восприимчивость)
в пенитенциарной практике зарубежных стран**

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассматриваются ключевые аспекты прогнозирования рецидивной преступности в зарубежных пенитенциарных системах с акцентом на применение парадигмы Риск-Потребность-Восприимчивость (RNR). Проводится анализ теоретических основ модели RNR, ее эволюции и практического применения в оценке рисков рецидива и разработке индивидуальных программ реабилитации. Особое внимание уделяется методологическим вопросам оценки факторов риска, дифференциации криминогенных потребностей и адаптации программ реабилитации к индивидуальным особенностям осужденных. Представлен обзор современных зарубежных исследований, посвященных валидности и эффективности модели RNR в снижении рецидивной преступности. Отмечено, что наиболее эффективные системы прогнозирования носят комплексный, перманентный и индивидуализированный характер, выступая связующим звеном между диагностикой и управлением риском рецидива. В заключение формулируются выводы о перспективах и ограничениях использования парадигмы RNR.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Особенности прогнозирования рецидивной преступности в рамках парадигмы RNR (Риск-Потребность-Восприимчивость) в пенитенциарной практике зарубежных стран // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 608-615. DOI: 10.34670/AR.2026.59.23.066

Ключевые слова

Рецидивная преступность, осужденные, пенитенциарная практика, оценка риска, парадигма RNR, криминогенные факторы, прогностический инструментарий, динамический риск, восприимчивость, управление риском.

Введение

Проблема прогнозирования рецидивной преступности остается одной из наиболее актуальных и сложных задач для современной пенитенциарной системы, криминологов и практиков в области пробации. Точная оценка вероятности повторного совершения правонарушения является ключевым элементом для эффективного распределения ограниченных ресурсов, индивидуализации наказания и построения результативных программ коррекции.

Одним из наиболее перспективных и широко используемых подходов в зарубежной пенитенциарной практике является парадигма Риск-Потребность-Восприимчивость (RNR), разработанная канадскими учеными Д. Эндрюсом и Дж. Бонтой [Bloom T., Bradshaw G. A., 2022]. Модель RNR представляет собой комплексную систему оценки рисков рецидива и разработки индивидуальных программ реабилитации, основанных на принципах криминологической науки и эмпирических данных. Однако ее применение для непосредственного прогнозирования рецидива сопряжено с рядом специфических особенностей и методологических вызовов, требующих детального рассмотрения.

Основное содержание

Парадигма «Риск-Потребность-Восприимчивость» (Risk-Need-Responsivity, RNR) – это интегрированная психолого-криминологическая модель оценки и коррекции преступного поведения, основанная на принципах психологии социального научения и эмпирически подтвержденных факторах рецидивов. Ее ядро составляют три принципа: принцип риска (уровень вмешательства должен соответствовать уровню риска рецидива у конкретного лица); принцип потребности (вмешательство должно фокусироваться на динамических, изменяемых факторах, связанных с преступным поведением – криминогенных потребностях); и принцип восприимчивости (вмешательство должно учитывать индивидуальные особенности субъекта, такие как мотивация, личностные черты, для повышения эффективности). Рассмотрим вышеуказанные принципы подробнее:

Прогностическая сила принципа «Риск»: между статикой и динамикой.

Краеугольным камнем прогнозирования в модели RNR выступает принцип «Риск», предполагающий соответствие интенсивности вмешательства уровню риска рецидива, определяемому у конкретного осужденного. Прогностические инструменты, разработанные в рамках данной парадигмы, интегрируют как статические, так и динамические факторы. Статические, исторические факторы (например, криминальный анамнез, возраст первого привлечения) обеспечивают базовую, неизменную прогностическую валидность, формируя критерий уровня риска. Их учет критически важен для долгосрочного прогноза, однако они не поддаются изменениям в процессе коррекции [Wormith, J.S., Zidenberg, A.M., 2018]. Собственно особенность прогнозирования в логике RNR заключается в смещении акцента на динамические (криминогенные потребности) факторы. Это такие изменяемые характеристики, как антисоциальные установки, криминальные связи, низкий самоконтроль или злоупотребление психоактивными веществами. Их оценка позволяет перейти от констатации риска к его динамическому прогнозированию. Изменение выраженности этих потребностей в процессе вмешательства напрямую, согласно модели, коррелирует с изменением вероятности рецидива. Таким образом, прогноз становится не разовой диагностической процедурой, а перманентным процессом мониторинга, где динамическая оценка позволяет уточнять первоначальные

прогнозы и оценивать эффективность коррекционных программ [Gendreau, P., Little, T., & Goggin, C., 1996]. Уровень интенсивности реабилитационных мероприятий должен соответствовать уровню риска рецидива, представляемому конкретным осужденным. Лица с высоким риском должны получать более интенсивные и всесторонние программы взаимодействия, в то время как лица с низким риском могут нуждаться в минимальном вмешательстве.

Принцип «Потребность» - основа для целевого прогнозирования

Второй принцип «Потребность» – фокусируется на выявлении и воздействии именно на криминогенные потребности, непосредственно связанные с преступным поведением [Душкин, 2024].

Криминогенные потребности – это набор динамических (поддающихся изменению) факторов личности, морально-нравственных ценностей, социального окружения и обстоятельств бытия, которые напрямую связаны с вероятностью совершения повторного преступления. Их изменение ведет к изменению уровня риска рецидива. Центральными, согласно мета-аналитическим исследованиям, являются восемь факторов: антисоциальные установки, антисоциальные ассоциации, антисоциальный опыт/ история поведения, антисоциальная личность (импульсивность, агрессия), проблемы в семье/браке, проблемы в сфере работы/образования, отсутствие конструктивного досуга, злоупотребление психоактивными веществами [Andrews, D.A., Bonta, J., & Wormith, J.S., 2006].

С методологической точки зрения это означает, что прогнозирование рецидива не может быть сведено к вычислению абстрактной вероятности. Оно должно быть дифференцированным, указывая на наиболее вероятные формы девиантного поведения через призму доминирующих потребностей. Например, лицо с выраженной динамической потребностью в виде наркозависимости имеет высокий прогнозируемый риск рецидива, связанного с наркопреступлениями [Лутцева, 2017] или имущественными преступлениями для финансирования зависимости. Следовательно, особенностью прогноза в RNR является его содержательная конкретизация, что повышает практическую ценность для планирования превентивных мер. Реабилитационные программы должны быть направлены на устранение динамических (изменяемых) факторов риска, непосредственно связанных с совершением преступлений. Эти факторы (криминогенных потребностей), как уже отмечалось выше, включают в себя антисоциальные установки, асоциальные связи, проблемы с самоконтролем, злоупотребление психоактивными веществами и др.

Принцип «Восприимчивость» - ограничитель прогностической точности

Наиболее существенной особенностью и одновременно сложностью при построении прогноза является интеграция принципа «Восприимчивость». Он диктует необходимость адаптации интервенций к индивидуальным особенностям обучаемости, стилям жизни, мотивации и личностным характеристикам субъекта (например, наличие психических расстройств, низкого интеллекта). Данный принцип вносит существенную поправку в алгоритмический прогноз. Даже точная оценка уровня риска и криминогенных потребностей может привести к ошибочному прогнозу, если не учитываются барьеры восприимчивости. Индивид с высоким риском и явным вовлечением в криминогенную субкультуру, но невосприимчивый к стандартным когнитивно-поведенческим программам из-за, например, глубоких когнитивных нарушений, может совершить рецидива [Новиков, 2025]. Это означает, что даже при корректной оценке риска и криминогенных факторов эффективность программы может быть низкой, если методы воздействия не соответствуют способностям и готовности осужденного к изменениям. Например, для лиц с низкими интеллектуальными способностями

или выраженными личностными расстройствами требуются адаптированные, более структурированные и поддерживающие формы психологического и социального воздействия.

Восприимчивость – комплексный принцип, подразделяемый на общую и специфическую восприимчивость. Общая восприимчивость диктует использование в работе с осужденными в целом когнитивно-поведенческих и социально-обучающих методов, имеющих наибольшую доказательную базу эффективности. Специфическая восприимчивость требует адаптации стиля и модальности вмешательства под индивидуальные особенности субъекта: интеллект, уровень тревоги, культурный фон, мотивационную стадию, наличие психических расстройств, чтобы преодолеть барьеры в усвоении программы [Bonta, J., & Andrews, D.A., 2017]. Реабилитационные программы должны быть адаптированы к индивидуальным особенностям и стилям обучения осужденных. Учет таких факторов, как возраст, пол, этническая принадлежность, уровень образования и мотивации, позволяет повысить эффективность реабилитационных мероприятий.

На протяжении последних десятилетий модель RNR претерпела значительную эволюцию. Первоначально акцент делался на оценке статических факторов риска (пол, возраст, криминальная история), однако по мере развития криминологической науки и накопления эмпирических данных все большее значение стали придавать динамическим факторам риска и криминогенным потребностям [Бабаев, 2019].

Современная версия модели RNR как уже было сказано, предполагает использование структурированных инструментов оценки рисков, включающих как статические, так и динамические факторы. Эти инструменты позволяют не только оценить вероятность рецидива, но и определить приоритетные направления для реабилитационного вмешательства.

Парадигма RNR нашла широкое применение в пенитенциарных системах многих стран мира, включая Канаду, США, Великобританию, Австралию и страны Северной Европы. В этих странах разработаны и внедрены различные инструменты оценки рисков, основанные на принципах RNR, такие как Level of Service Inventory-Revised (LSI-R), Static-99R, HCR-20 и др. [Gendreau, P., Little, T., & Goggin, C., 1996.]

В реализационном плане прогнозирование рецидива в рамках RNR-парадигмы осуществляется через последовательные этапы. Начинается все со сбора данных посредством структурированных интервью и анализа локальных документов [Орлов, 2021]. Затем информация систематизируется с помощью актуарных оценок, которые присваивают количественные значения статическим факторам (например, история преступной активности) и динамическим потребностям [Щербаков, 2025]. Результатом является не просто прогноз в виде вероятности рецидива, но и детализированный профиль личности с указанием конкретных областей для вмешательства и рекомендованных методов работы.

Зарубежная практика демонстрирует эволюцию рассматриваемого подхода: от первоначального акцента на статистическом прогнозировании к интеграции клинической оценки и, далее, к смещению фокуса на оценку защитных факторов и потенциала для ресоциализации. Современные модели, такие как модель «Риск-Потребность-Восприимчивость-Защитные факторы» (RNR-P), добавляют четвертый компонент, оценивающий позитивные ресурсы личности и окружающей среды, что позволяет строить более сбалансированный и мотивирующий план коррекции [Диденко, 2017].

Критическим аспектом остается постоянная валидизация и калибровка используемых инструментов оценки на различный конгломерат осужденных, учитывающая культурные, социальные и правовые различия между странами. Эффективность прогнозирования напрямую зависит от качества подготовки специалистов, проводящих оценку, и от интеграции полученных

результатов в реальные процессы сопровождения исполнения наказания, терапевтических программ и постпенитенциарного воздействия [Мулько, 2025]. Таким образом, прогнозирование в парадигме RNR является не статичным диагнозом, а динамической, непрерывной и практико-ориентированной оценкой, направленной на снижение риска рецидива через научно обоснованное и персонифицированное вмешательство [Новиков, 2025].

Многочисленные зарубежные исследования подтверждают валидность и эффективность модели RNR в снижении рецидивной преступности. Мета-анализы, проведенные в разных странах, показывают, что применение принципов RNR позволяет снизить уровень рецидива на 20-30% [<https://www.frontiersin.org/>].

Реабилитационные программы, основанные на принципах RNR, более эффективны, чем программы, не учитывающие факторы риска и потребности осужденных. Использование структурированных инструментов оценки рисков позволяет более точно прогнозировать вероятность рецидива. Программы, направленные на устранение криминогенных потребностей, приводят к снижению уровня рецидива. Адаптация программ реабилитации к индивидуальным особенностям осужденных повышает их эффективность.

Заключение

Парадигма Риск-Потребность-Восприимчивость (RNR) представляет собой научно обоснованный и эффективный подход к прогнозированию и снижению рецидивной преступности в зарубежной пенитенциарной практике. Применение принципов RNR позволяет более точно оценивать риски рецидива, определять приоритетные направления для реабилитационного вмешательства и разрабатывать индивидуальные программы, направленные на устранение криминогенных потребностей и развитие просоциальных навыков.

Несмотря на доказанную эффективность, модель RNR имеет и некоторые ограничения. Во-первых, валидность и эффективность модели могут зависеть от социокультурного контекста и специфики контингента осужденных. Во-вторых, успешная реализация принципов RNR требует квалифицированных специалистов и достаточных ресурсов.

Помимо вышеуказанного, возникают новые вызовы, связанные с внедрением алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения для обработки больших массивов данных. Хотя такие системы, как COMPAS в США, демонстрируют потенциальную эффективность, они также подвергаются критике за возможное усиление системных предубеждений, заложенных в введенные данные [<https://tass.ru/nauka/6819021>].

Этические дебаты концентрируются на вопросах прозрачности, законности и сохранения человеческого контроля над итоговыми решениями. Таким образом, эволюция прогнозирования в рамках RNR движется от констатации вероятности к созданию гибких, адаптивных и этически ответственных систем управления риском, где каждый элемент оценки напрямую связывается с возможностью снижения этого риска через целевые интервенции.

В заключение, следует отметить, что парадигма RNR является перспективным подходом к решению проблемы рецидивной преступности, однако ее успешное внедрение требует комплексного и системного подхода, учитывающего специфику национальной пенитенциарной системы и социокультурного контекста.

Библиография

1. Артемьев, Н. С. Общий теоретический аспект прогнозирования рецидивной (пенитенциарной) преступности / Н. С. Артемьев, В. А. Панкратов // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 2(93). – С. 6-10.

2. Бабаев, Михаил М., Пудовочкин, Юрий Е. 2019. «Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология)». Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 1: 136–148. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.110>
3. Гигель, С. В. Методы и средства противодействие рецидивной преступности в отечественной и зарубежной пенитенциарной системе / С. В. Гигель // Синергия Наук. – 2022. – № 77. – С. 370-393.
4. Диденко, А. В. Характеристика реабилитационной модели Risk-Need-Responsivity и ее применение в зарубежных исправительных учреждениях при работе с осужденными, страдающими психическими расстройствами / А. В. Диденко // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 1(176). – С. 17-22.
5. Душкин, А. С., Федотова, Е. С. (2024). Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Российский девиантологический журнал, 4 (1), 45–61. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.
6. Лутцева, К. В. Факторы, обуславливающие рост рецидива преступлений среди лиц, больных наркоманией / К. В. Лутцева // Уголовная юстиция. – 2017. – № 9. – С. 21-25. – DOI 10.17223/23088451/9/4. – EDN ZBNAKF.
7. Мулько Г.А. Эффективность постпенитенциарного сопровождения при специальном рецидиве: компаративный анализ международных моделей // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 11А. С. 267–275. DOI: 10.34670/AR.2025.88.74.031
8. Новиков, А. В. Аспекты прогнозирования рецидивной преступности в зарубежной пенитенциарной практике / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 11-1. – С. 217-224. – DOI 10.34670/AR.2025.33.63.025.
9. Новиков А.В., Смирнов О.А. Развитие концептуальных оснований и научных методов пенитенциарной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 11-1. С. 201-208. DOI: 10.34670/AR.2025.67.23.020.
10. Орлов Г. М., Игнатъева О. А., Васин А. Г., Низомутдинов Б. А. Современные методы обработки и анализа данных. – СПб.: Университет ИТМО, 2021. – 147 с.
11. Тепляшин, П. В. Пенитенциарные факторы в контексте профилактики рецидивной преступности: зарубежный опыт / П. В. Тепляшин // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 3(36). – С. 96-104. – DOI 10.51980/2542-1735_2019_3_96.
12. Щербаков Г. В., Лаврентьева И. В. Прогнозирование преступного поведения и классификация инструментов оценки риска рецидива // Прикладная юридическая психология. 2025. № 3(72). С. 145–157. DOI: 10.33463/2072-8336.2025.3(72).145-157.
13. Andrews, D.A., Bonta, J., & Wormith, J.S., 2006. The Recent Past and Near Future of Risk and/or Need Assessment. *Crime & Delinquency*, 52(1), pp. 28-52)
14. Bloom T., Bradshaw G. A. Inside of a prison: How a culture of punishment prevents rehabilitation // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. – 2022. – Т. 28. – №. 1. – С. 140
15. Bonta, J., & Andrews, D.A., 2017. *The Psychology of Criminal Conduct*. Routledge, pp. 103-145).
16. Gendreau, P., Little, T., & Goggin, C., 1996. A Meta-Analysis of the Predictors of Adult Offender Recidivism: What Works! *Criminology*, 34(4), pp. 575-607
17. Wormith, J.S., Zidenberg, A.M. (2018). The Historical Roots, Current Status, and Future Applications of the Risk-Need-Responsivity Model (RNR). In: Jeglic, E., Calkins, C. (eds) *New Frontiers in Offender Treatment*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-01030-0_2
18. A review and comparative analysis of the risk-needs-responsivity, good lives, and recovery models in forensic psychiatric treatment: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2022.988905/full>

Features of Recidivism Prediction within the RNR (Risk-Need-Responsivity) Paradigm in the Penitentiary Practice of Foreign Countries

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The presented material examines the key aspects of recidivism prediction in foreign penitentiary systems with an emphasis on the application of the Risk-Need-Responsivity (RNR) paradigm. An analysis of the theoretical foundations of the RNR model, its evolution, and practical application in assessing recidivism risks and developing individual rehabilitation programs is conducted. Special attention is paid to methodological issues of assessing risk factors, differentiating criminogenic needs, and adapting rehabilitation programs to the individual characteristics of convicts. An overview of contemporary foreign research on the validity and effectiveness of the RNR model in reducing recidivism is presented. It is noted that the most effective forecasting systems are complex, permanent, and individualized in nature, acting as a link between diagnosis and recidivism risk management. In conclusion, conclusions are formulated about the prospects and limitations of using the RNR paradigm.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) Osobennosti prognozirovaniya retsidivnoy prestupnosti v ramkakh paradigmy RNR (Risk-Potrebnost'-Vospriimchivost') v penitentsiarnoy praktike zarubezhnykh stran [Features of Recidivism Prediction within the RNR (Risk-Need-Responsivity) Paradigm in the Penitentiary Practice of Foreign Countries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 608-615. DOI: 10.34670/AR.2026.59.23.066

Keywords

Recidivism, convicts, penitentiary practice, risk assessment, RNR paradigm, criminogenic factors, predictive tools, dynamic risk, responsivity, risk management.

References

1. Artem'ev, N. S. Obshchij teoreticheskij aspekt prognozirovaniya recidivnoj (penitentsiarnoj) prestupnosti / N. S. Artem'ev, V. A. Pankratov // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. – 2016. – № 2(93). – S. 6-10.
2. Babaev, Mihail M., Pudovochkin, Yuriy E. 2019. «Fenomen riska v kontekste profilakticheskoy politiki (kriminal'naya riskologiya)». *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Pravo 1: 136–148. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.110>
3. Gigel', S. V. Metody i sredstva protivodejstvie recidivnoj prestupnosti v otechestvennoj i zarubezhnoj penitentsiarnoj sisteme / S. V. Gigel' // *Sinerhiya Nauk*. – 2022. – № 77. – S. 370-393.
4. Didenko, A. V. Harakteristika reabilitacionnoj modeli Risk-Need-Responsivity i ee primenenie v zarubezhnyh ispravitel'nyh uchrezhdeniyah pri rabote s osuzhdennymi, stradayushchimi psichicheskimi rassstrojstvami / A. V. Didenko // *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy*. – 2017. – № 1(176). – S. 17-22.
5. Dushkin, A. S., Fedotova, E. S. (2024). Ocenka riska soversheniya prestuplenij licami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody. *Rossiiskij deviantologicheskij zhurnal*, 4 (1), 45–61. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.
6. Lutceva, K. V. Faktory, obuslavlivayushchie rost recidiva prestuplenij sredi lic, bol'nyh narkomaniej / K. V. Lutceva // *Ugolovnaya yusticiya*. – 2017. – № 9. – S. 21-25. – DOI 10.17223/23088451/9/4. – EDN ZBNAKF.
7. Mul'ko G.A. Effektivnost' postpenitenciamogo soprovozhdeniya pri special'nom recidive: komparativnyj analiz mezhdunarodnyh modelej // *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2025. Tom 15. № 11A. S. 267-275. DOI: 10.34670/AR.2025.88.74.031
8. Novikov, A. V. Aspekty prognozirovaniya recidivnoj prestupnosti v zarubezhnoj penitentsiarnoj praktike / A. V. Novikov // *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*. – 2025. – T. 15, № 11-1. – S. 217-224. – DOI 10.34670/AR.2025.33.63.025.
9. Novikov A.V., Smirnov O.A. Razvitie konceptual'nyh osnovanij i nauchnyh metodov penitentsiarnoj psihologii // *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. 2025. T. 14. № 11-1. S. 201-208. DOI: 10.34670/AR.2025.67.23.020.
10. Orlov G. M., Ignat'eva O. A., Vasin A. G., Nizomutdinov B. A. *Sovremennye metody obrabotki i analiza dannyh*. – SPb.: Universitet ITMO, 2021. – 147 s.
11. Teplyashin, P. V. Penitenciamye faktory v kontekste profilaktiki recidivnoj prestupnosti: zarubezhnyj opyt / P. V. Teplyashin // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2019. – № 3(36). – S. 96-104. – DOI 10.51980/2542-1735_2019_3_96.

12. Shcherbakov G. V., Lavrent'eva I. V. Prognozirovanie prestupnogo povedeniya i klassifikaciya instrumentov ocenki riska recidiva // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2025. № 3(72). S. 145–157. DOI: 10.33463/2072-8336.2025.3(72).145-157.
13. Andrews, D.A., Bonta, J., & Wormith, J.S., 2006. The Recent Past and Near Future of Risk and/or Need Assessment. *Crime & Delinquency*, 52(1), pp. 28-52)
14. Bloom T., Bradshaw G. A. Inside of a prison: How a culture of punishment prevents rehabilitation //Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. – 2022. – T. 28. – №. 1. – S. 140
15. Bonta, J., & Andrews, D.A., 2017. *The Psychology of Criminal Conduct*. Routledge, pp. 103-145).
16. Gendreau, P., Little, T., & Goggin, C., 1996. A Meta-Analysis of the Predictors of Adult Offender Recidivism: What Works! *Criminology*, 34(4), pp. 575-607
17. Wormith, J.S., Zidenberg, A.M. (2018). The Historical Roots, Current Status, and Future Applications of the Risk-Need-Responsivity Model (RNR). In: Jeglic, E., Calkins, C. (eds) *New Frontiers in Offender Treatment* . Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-01030-0_2
18. A review and comparative analysis of the risk-needs-responsivity, good lives, and recovery models in forensic psychiatric treatment: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2022.988905/full>

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2026.68.49.067

Понятийный аппарат в уголовно-правовой охране информационной безопасности: содержание и проблемы толкования

Пекарева Виктория Владимировна

Магистрант юридического факультета,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается содержание ключевых понятий, используемых в уголовном законодательстве Российской Федерации в сфере охраны информационной безопасности. Анализируются такие категории, как «информация», «компьютерная информация», «информационно-телекоммуникационные сети», «защита информации», «неправомерный доступ» и иные, образующие понятийный аппарат соответствующих составов преступлений. Выявляются проблемы их доктринального и правоприменительного толкования, вызванные динамичным развитием информационных технологий, недостаточной законодательной конкретизацией и межотраслевым характером терминологии. В статье сформулированы предложения и рекомендации, направленные на минимизацию противоречий в понимании этих понятий для повышения эффективности уголовно-правовой охраны информационной безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Пекарева В.В. Понятийный аппарат в уголовно-правовой охране информационной безопасности: содержание и проблемы толкования // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 616-622. DOI: 10.34670/AR.2026.68.49.067

Ключевые слова

Информационная безопасность, уголовное право, понятийный аппарат, компьютерная информация, неправомерный доступ, толкование, киберпреступность, информационные технологии, охраняемая информация, вредоносные программы.

Введение

Регулятивные основы уголовно-правовой защиты информационной безопасности в Российской Федерации образуют Конституция, Уголовный кодекс, Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также иные профильные нормативные правовые акты. Тем не менее, в российском законодательстве сохраняются значительные сложности, в частности, связанные с недостаточной определённости таких ключевых категорий, как «информация», «персональные данные» и «информационная безопасность». Эта неопределённость негативно сказывается на единообразии правоприменительной практики и квалификации противоправных деяний [Пинкевич, 2023].

Уголовно-правовая охрана информационной безопасности, закреплённая преимущественно в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, опирается на специфический понятийный аппарат. Содержание этих понятий определяет границы криминализации и пенализации деяний в информационной сфере. Однако их формирование и интерпретация происходят в условиях перманентной технологической эволюции, что создаёт существенные трудности как для законодателя, так и для правоприменителя. Отсутствие единообразного понимания базовых категорий ведет к разрозненной судебной практике, необоснованному расширению или сужению сферы действия уголовного закона и, как следствие, к снижению эффективности защиты охраняемых законом интересов.

Как отмечает И.Н. Кур, возрастающее влияние информации на общественные отношения порождает потенциальные и реальные угрозы, исходящие от негативных проявлений информатизации [Кур, 2023]. При этом уголовный закон, будучи буквально «пропитан» информационными нормами, охраняет как саму информацию, так и интересы общества от её общественно опасного влияния. В этой связи автор обосновывает необходимость включения обеспечения информационной безопасности в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

Актуальность темы обусловлена эскалацией глобального информационного противостояния, приобретающего характер «гибридной войны» [Казакова, 2022]. Новые угрозы, связанные с транснациональным распространением дезинформации («фейков»), требуют адекватного уголовно-правового ответа.

Опыт международного правового регулирования показывает важность сближения национальных норм с общепризнанными международными стандартами и активизации сотрудничества между государствами для противодействия трансграничным информационным угрозам. Исследователи в данной области отмечают, что эффективная уголовно-правовая охрана информационной безопасности должна опираться на комплексный подход, который сочетает правовые, технологические и организационные механизмы [Ключко, 2025]. Такой подход является необходимым условием для обеспечения надёжной защиты интересов личности, общества и государства в цифровую эпоху

Результаты исследования

Рассмотрение положений главы 28 УК РФ и корреспондирующих с ними законодательных актов даёт возможность обозначить ряд базовых дефиниций, формирующих понятийный фундамент охраны. Одним из стержневых выступает термин «информационно-телекоммуникационная сеть» (в том числе сеть «Интернет»), применяемый в ст. 272, 273, 274

УК РФ, который был инкорпорирован из смежной правовой отрасли. Данное определение носит технический характер и отрывает объект преступления от его смыслового содержания, фокусируясь на форме представления [Паршуков, 2025]. Это создает проблему разграничения с иными видами информации (например, составляющей государственную тайну), охраняемой другими главами УК РФ.

Существенную роль играет также конструкция «неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации», закреплённая в статье 272 УК РФ. Законодатель не раскрывает содержание «доступа», что порождает дискуссии: ограничивается ли он преодолением средств защиты или включает любое нарушение установленных правил обращения с информацией, в том числе превышение полномочий авторизованным пользователем. Следует отметить, что в рамках действующего законодательства привлечение к уголовной ответственности возможно не за сам факт неправомерного доступа к охраняемой компьютерной информации, а только при наличии последствий в виде её блокирования, уничтожения, копирования или модификации. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть вопрос о совершенствовании и ужесточении указанной нормы путем расширения ее диспозиции, установив наказание за непосредственный смысл совершения неправомерного доступа без наступления общественно опасных последствий, а именно, в формулировке «ознакомление информации без имеющегося на это права независимо от вредоносных последствий».

Понятие «охраняемости» информации также неоднозначно и может трактоваться через наличие любых установленных ограничений или только специальных правовых режимов (тайна). На практике сложились две основные трактовки. Первая, расширительная трактовка, сводит признак «охраняемости» к установлению любых ограничений на доступ к информации, независимо от их правовой природы. Охраняемой признаётся информация, доступ к которой ограничен её собственником или владельцем с помощью любых мер: от технических средств защиты (пароли, шифрование) до простого установления запрета в локальном акте или трудовом договоре. В этом случае предметом преступления может стать любая информация, доступ к которой был ограничен волей пользователя, даже если она не подпадает под специальные правовые режимы. Такой подход критикуется за чрезмерное расширение уголовной ответственности и смешение уголовно-правовой охраны с защитой имущественных прав на информацию.

Вторая, ограничительная трактовка, связывает «охраняемость» с особым правовым статусом информации, который установлен федеральным законом. Согласно этой позиции, охраняемой является только та информация, для которой законодательством предусмотрен специальный режим конфиденциальности или защиты. Это прежде всего сведения, составляющие государственную, коммерческую, налоговую, банковскую тайну, персональные данные, тайну частной жизни (ст.ст. 137, 183 УК РФ). Доступ к такой информации охраняется законом независимо от принятия дополнительных мер защиты владельцем. Компьютерная же информация, не отнесённая законом к охраняемым видам тайн, не может быть предметом преступления по ст. 272 УК РФ, даже если доступ к ней был защищён технически. Данная позиция обеспечивает более точное разграничение составов преступлений, но может создать пробел в защите иной конфиденциальной информации, ценность которой определяется не законом, а интересами её владельца.

Данная ситуация порождает правоприменительную неопределённость, поскольку судебная практика не выработала единого подхода. Вследствие этого аналогичные деяния могут

квалифицироваться по-разному в зависимости от выбранного толкования.

Термин «информационно-телекоммуникационная сеть» (включая сеть «Интернет»), используемый в уголовном законодательстве, заимствован из отраслевого законодательства (ФЗ «О связи»). Его применение не учитывает архитектурные особенности современных сетей (например, пиринговых), что может вызывать сложности при квалификации атак на их отдельные компоненты.

Следующее понятие «создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» (ст. 273 УК РФ) сталкивается с вызовом квалификации инструментов двойного назначения (легитимных средств тестирования безопасности, административных утилит), используемых со злым умыслом. Ключевой вызов заключается в инструментах двойного назначения. К ним относятся, например:

- Сканеры безопасности и фреймворки для тестирования на проникновение (Metasploit, Nmap). Эти программы созданы и используются этичными хакерами и администраторами для аудита защищённости систем, то есть в законных целях. Однако тот же самый инструментарий может быть применён злоумышленником для разведки и последующей атаки.
- Административные утилиты и средства удалённого доступа (RDP-клиенты, утилиты типа PsExec, TeamViewer). Их штатное предназначение — легитимное администрирование сетей и компьютеров. В то же время они активно используются для несанкционированного доступа и установки вредоносного ПО.
- Крипторы и паковщики (обфускаторы кода). Первоначальная цель — защита авторских прав и интеллектуальной собственности разработчиков ПО путём сокрытия логики программы. Однако эти же средства применяются для маскировки вредоносного кода от антивирусных средств.

Правовая трудность состоит в следующем: сам по себе код или программа не содержат однозначного признака «вредоносности». Один и тот же инструмент может быть использован как для защиты, так и для нападения. Следовательно, квалифицирующее значение приобретает не объективная характеристика программы, а субъективная цель («заведомое предназначение») и факт её использования для совершения конкретных неправомерных действий.

Это порождает серьёзные сложности в доказывании:

- При создании или распространении: требуется установить, что лицо создавало или распространяло программу, заведомо зная, что её основное или единственное предназначение — совершение действий, перечисленных в диспозиции статьи. Если программа имеет легальную сферу применения, доказать «заведомое предназначение» для незаконных целей крайне сложно.
- При использовании: ключевым становится установление умысла именно на совершение запрещённых действий (уничтожение, блокирование и т.д.) с помощью данной программы. Сам факт установки легальной административной утилиты на чужой компьютер без согласия может образовывать состав иного преступления (например, ст. 272 УК РФ), но не ст. 273 УК РФ, если не доказана цель её вредоносного использования.

Таким образом, состав статьи 273 УК РФ оказывается «привязанным» не к объективно опасному инструменту, а к преступному умыслу и действиям конкретного лица. Это требует от следствия и суда глубокой технической экспертизы и доказывания субъективной стороны, что создаёт риски как необоснованного привлечения к ответственности разработчиков легитимного

софта, так и, наоборот, ухода от ответственности злоумышленников, использующих инструменты двойного назначения.

Проблемы толкования выявленных понятий носят системный характер. Во-первых, наблюдается межотраслевая терминологическая диффузия. Уголовный закон использует конструкции, заимствованные из информационного, административного и гражданского права («защита информации», «средства защиты»), без их адаптации к уголовно-правовому контексту, требующему повышенной точности и определенности. Это противоречит принципу формальной определенности уголовного закона.

Во-вторых, технологическая нейтральность формулировок, изначально рассматриваемая как достоинство, оборачивается неопределенностью и несоответствием действительности. Стремление охватить будущие технологии приводит к излишней абстракции, когда под одно понятие могут подпадать принципиально разные с технической и социальной точки зрения явления. Отсутствие легальных дефиниций или наличие их в устаревшем виде, а также их чрезмерная общность перекладывает бремя толкования на правоприменителя, который не всегда обладает необходимыми техническими знаниями и возможностями.

В-третьих, возникает проблема соотношения родового объекта – информационной безопасности – и непосредственных объектов конкретных преступлений. Информационная безопасность сама является сложной, собирательной категорией, включающей конфиденциальность, целостность и доступность информации. Нечеткость в понимании того, какой именно аспект безопасности нарушается тем или иным деянием, влияет на квалификацию и отграничение составов друг от друга.

Выводы

Исследование понятийного аппарата главы 28 УК РФ выявляет его системную неопределенность, которая напрямую снижает эффективность уголовно-правовой охраны информационной безопасности. Ключевые проблемы заключаются в заимствовании и некритическом использовании терминов из смежных отраслей права без должной уголовно-правовой конкретизации, что нарушает принцип формальной определенности закона. Это приводит к противоречивым трактовкам таких фундаментальных признаков, как «охраняемость» информации и «неправомерный доступ», а также к практическим трудностям в квалификации деяний с использованием инструментов двойного назначения. Сложность разграничения непосредственных объектов преступлений внутри собирательного понятия «информационная безопасность» усугубляет правоприменительную неоднородность.

В связи с этим возникает необходимость разработать, усовершенствовать имеющиеся и закрепить в примечаниях к главе 28 УК РФ либо в отдельной норме Общей части УК РФ легальные и соответствующие действительности дефиниции ключевых понятий: «охраняемая законом компьютерная информация», «неправомерный доступ», «вредоносная компьютерная программа» и аналогичные основополагающие определения, необходимые для отражения специфики цифровой среды и достижения единства в интерпретации и применении правовых норм в целях обеспечения информационной безопасности со стороны уголовного закона. При этом определение «охраняемости» должно быть сформулировано в рамках ограничительного подхода, связывая его со специальными правовыми режимами (тайны), установленными федеральным законом [Карданов, 2022].

Также требуется усовершенствовать имеющееся постановление Верховного Суда РФ для унификации судебной практики по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации.

В нем должны быть даны четкие критерии разграничения расширительного и ограничительного толкования «охраняемости», указаны обстоятельства, учитываемые при установлении «заведомого предназначения» программы, и предложена методика квалификации при использовании инструментов двойного назначения.

Таким образом, действующий понятийный аппарат уголовно-правовой охраны информационной безопасности, сформированный в главе 28 УК РФ, является внутренне противоречивым и недостаточно определённым для эффективного противодействия современным информационным угрозам. Заимствование терминов из смежных отраслей права без их адаптации к строгим требованиям уголовного закона порождает плюрализм в толковании ключевых признаков составов преступлений. Такая правовая неоднозначность закономерно приводит к непоследовательности в решениях судов, одновременно создавая предпосылки как для необоснованной криминализации деяний, так и для возникновения лакун в охране значимых социальных связей.

Устранение выявленных системных проблем требует не фрагментарных поправок, а концептуального пересмотра и чёткой законодательной дефиниции базовых понятий, что является необходимым условием для обеспечения правовой определённости, единообразия правоприменения и достижения целей уголовно-правовой политики в цифровую эпоху.

Библиография

1. Казакова В.А. (2022). Информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны. Пробелы в российском законодательстве, 15 (2), 112–117.
2. Карданов Р.Р. (2022). Уголовно-правовая охрана информационной безопасности. Вестник Сибирского юридического института МВД России, 2 (47), 58–63.
3. Ключко Р.Н. (2025). Место и структура информационной безопасности в системе объектов уголовно-правовой охраны. Следственная деятельность: наука, образование, практика, 5, 56–60.
4. Кур И.Н. (2023). Обеспечение информационной безопасности как объект уголовно-правовой охраны. Пробелы в российском законодательстве, 16 (7), 250–255.
5. Паршуков М.И. (2025). Системные противоречия понятийного аппарата информационного права: проблемы нормативно-правового и технического регулирования. European and Asian Law Review, 8 (4), 43–53.
6. Пинкевич Т.В. (2023). Уголовно-правовой и криминологический понятийный аппарат в условиях цифровизации: проблемы применения. В сборнике: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции (с. 214–219). Санкт-Петербург.

Conceptual Framework in Criminal Legal Protection of Information Security: Content and Problems of Interpretation

Viktoriya V. Pekareva

Master's Student, Faculty of Law,
Herzen Russian State Pedagogical University,
191186, 48, Moika River Emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru

Abstract

The article examines the content of key concepts used in the criminal legislation of the Russian Federation in the field of information security protection. Such categories as "information,"

"computer information," "information and telecommunication networks," "information protection," "unauthorized access," and others that form the conceptual framework of the corresponding criminal offenses are analyzed. Problems of their doctrinal and law enforcement interpretation are identified, caused by the dynamic development of information technologies, insufficient legislative specification, and the intersectoral nature of the terminology. The article formulates proposals and recommendations aimed at minimizing contradictions in the understanding of these concepts to enhance the effectiveness of criminal legal protection of information security.

For citation

Pekareva V.V. (2026) Ponyatiynyy apparat v ugolovno-pravovoy okhrane informatsionnoy bezopasnosti: sodержaniye i problemy tolkovaniya [Conceptual Framework in Criminal Legal Protection of Information Security: Content and Problems of Interpretation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 616-622. DOI: 10.34670/AR.2026.68.49.067

Keywords

Information security, criminal law, conceptual framework, computer information, unauthorized access, interpretation, cybercrime, information technologies, protected information, malicious programs.

References

1. Kardanov, R.R. (2022). Ugolovno-pravovaya okhrana informatsionnoy bezopasnosti [Criminal-legal protection of information security]. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(47), 58–63.
2. Kazakova, V.A. (2022). Informatsionnaya bezopasnost' kak ob'ekt ugolovno-pravovoy okhrany [Information security as an object of criminal-legal protection]. *Gaps in Russian legislation*, 15(2), 112–117.
3. Klyuchko, R.N. (2025). Mesto i struktura informatsionnoy bezopasnosti v sisteme ob'ektov ugolovno-pravovoy okhrany [The place and structure of information security in the system of objects of criminal-legal protection]. *Investigative activity: science, education, practice*, 5, 56–60.
4. Kur, I.N. (2023). Obespechenie informatsionnoy bezopasnosti kak ob'ekt ugolovno-pravovoy okhrany [Information security as an object of criminal-legal protection]. *Gaps in Russian legislation*, 16(7), 250–255.
5. Parshukov, M.I. (2025). Sistemnye protivorechiya ponyatiynogo apparata informatsionnogo prava: problemy normativno-pravovogo i tekhnicheskogo regulirovaniya [Systemic contradictions of the conceptual apparatus of information law: problems of normative-legal and technical regulation]. *European and Asian Law Review*, 8(4), 43–53.
6. Pinkevich, T.V. (2023). Ugolovno-pravovoy i kriminologicheskoy ponyatiynyy apparat v usloviyakh tsifrovizatsii: problemy primeneniya [Criminal-legal and criminological conceptual framework in the context of digitalization: application issues]. In *Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow. Proceedings of the annual international scientific and practical conference* (pp. 214–219). St. Petersburg.

УДК 343.9

DOI: 10.34670/AR.2026.26.40.068

Роль государства и адвокатских образований в предупреждении коррупционных проявлений среди адвокатов

Серов Никита Геннадьевич

Аспирант,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: nikitaserov550@gmail.com

Аннотация

Возникшая в российской юриспруденции законодательная инициатива и тенденция к профессиональному судебному представительству требуют нового, прогрессивного решения о повышении профессиональных знаний адвокатов и включении в перечень образовательных вебинаров и лекций, проводимых Федеральной палатой адвокатов и адвокатскими палатами субъектов, тем, затрагивающих противодействие коррупции среди адвокатов. Проведенный анализ выявил, что рост количества адвокатов и отсутствие методики противодействия совершению преступлений внутри сообщества привели к многократному ежегодному повышению числа коррупционных преступлений. Предметом исследования является противодействие коррупционным преступлениям в адвокатском сообществе. Для успешного исследования поставлена цель: создание новой системы предотвращения и профилактики коррупционных проявлений среди адвокатов. Эта цель достигается через совокупность задач, заключающуюся в анализе количества совершенных адвокатами преступлений и их видов, а также анализе внутрикорпоративных актов сообщества и предложений по их совершенствованию. В ходе исследования применен системный метод, заключающийся в выявлении взаимосвязей, способствующих совершению коррупционных преступлений; статистический метод — для анализа количества совершенных преступлений и их видов; теоретический метод анализа помог разложить структуру адвокатского корпоративного законодательства и нормативно-правовых актов на части и выявить их недостатки. Фактическое отсутствие исследований по данной тематике подтверждает новизну материала, придавая работе статус вектора для государства и адвокатуры при создании профилактических мер противодействия преступлениям. Сделанные в ходе исследования выводы и правотворческие инициативы могут лечь в основу системы профессиональной подготовки адвокатов, стажеров и иных работников адвокатских образований, что подтверждает практическую значимость исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Серов Н.Г. Роль государства и адвокатских образований в предупреждении коррупционных проявлений среди адвокатов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 623-629. DOI: 10.34670/AR.2026.26.40.068

Ключевые слова

Государство, коррупция, противодействие коррупции, адвокатское сообщество, адвокатская деятельность, адвокат, обязанности адвоката, профилактика преступлений, адвокатская этика, профессиональное обучение.

Введение

Резкий разворот российского процессуального законодательства к профессиональному судебному представительству, начатый Министерством юстиции Российской Федерации, побудил общественность к активному обсуждению плюсов и минусов будущего законопроекта в виде установления адвокатской монополии. Одним из ключевых плюсов, как заверяется, является высокий профессионализм лиц, осуществляющих судебное представительство, соблюдающих адвокатскую этику, честно и добросовестно следующих возложенным на них обязанностям. Однако никто из инициаторов процессуальных перемен не провел анализ и не предоставил статистику соотношения количества совершаемых преступлений лицами, имеющими статус адвоката, и без такового. Одной из главных проблем института адвокатского представительства является совершение данными лицами коррупционных преступлений и с связанных с ними преступлений; из года в год количество таких преступлений растет. По информации за 2023 год, озвученной вице-президентом Федеральной палаты адвокатов, в отношении шестидесяти семи лиц, имеющих статус адвоката, были возбуждены уголовные дела. В 2024 году к уголовной ответственности было привлечено сто пятьдесят адвокатов. Аналогичную тенденцию роста адвокатской преступности фиксирует Министерство юстиции, отмечая, что постепенное увеличение количества осужденных адвокатов не столько связано с активизацией деятельности правоохранительных органов в отношении адвокатов как спецсубъектов, сколько объясняется ростом самой корпорации [Аналитическая справка ФПА РФ, 2019]. Все это свидетельствует о низкой профессиональной подготовке отдельных лиц, пренебрегающих своими профессиональными обязанностями ради корыстной цели.

Основная часть

К настоящему времени данная проблема была затронута в исследованиях, проводимых Насыровым Р.С. («Коррупционные проявления в среде российских адвокатов: реальность и практика»), Елисеевой А.П. («Этические нормы и юридические механизмы ограничения криминальных проявлений в адвокатуре»), Семеновым Л.Н. («Правонарушения, совершаемые адвокатами: криминологический анализ и пути предупреждения»). Однако перечисленные исследования проводились более пяти лет назад, поэтому некоторые положения и выводы стали неактуальными в нынешних реалиях.

На примере Владимирской области, при исследовании открытых источников за последние пять лет, лицами, имеющими статус адвоката, было совершено двенадцать преступлений. В их числе: мошенничество, дача взятки, участие в экстремистском сообществе, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, угроза убийством, коммерческий подкуп. В отношении лиц, не обладающих статусом адвоката, но оказывающих юридическую помощь, напротив, было возбуждено четыре уголовных дела, связанных с мошенничеством. Таким образом, наличие адвокатского статуса и кодекса адвокатской этики не только не гарантирует соблюдение действующего законодательства, но и, наоборот, повышает количество

преступлений со стороны лиц, наделенных возможностью участия в уголовном процессе и использующих трудную жизненную ситуацию доверителя или его родственников. Больше половины совершенных адвокатами преступлений составляют дача взятки и мошенничество, связанное с убеждением доверителя передать денежные средства должностному лицу в качестве взятки с целью прекращения уголовного дела, смягчения наказания или помощи в условно-досрочном освобождении, либо с иной целью. На самом деле, данные денежные средства нередко не доходят до должностных лиц, а являются средством личного обогащения адвоката.

Исследование среднестатистического портрета адвоката указывает, что это гражданин около 40 лет, пришедший в адвокатуру, имея от 5 до 10 лет юридического опыта работы в государственных органах и иных ведомствах. Наличие опыта работы в органах власти свидетельствует о наличии дружеских связей с бывшими коллегами по службе, которые в совокупности определенных факторов могут способствовать совершению коррупционных преступлений, являющихся латентными и с большим трудом подлежащих выявлению и расследованию. Однако, как указывают проведенные исследования, большая доля совершенных адвокатами преступлений вовсе не совершается лицами, прибывшими из государственных ведомств; напротив, большую часть преступлений совершают в основном адвокаты, имеющие менее десяти лет адвокатского стажа.

Проанализированные обстоятельства означают, что государство должным образом осуществляет уголовное преследование лиц, пренебрегших установленными правилами. Но это также информирует об острой необходимости предупреждения коррупционной преступности среди адвокатов.

Опираясь на авторское определение противодействия адвокатской преступности, необходимо исследовать нормативно-правовые акты адвокатуры, выявить проблемы, способствующие совершению преступлений, и предложить конкретные пути их профилактики.

Таким образом, противодействие адвокатской преступности – это система мер по предотвращению совершения преступлений, сущность, которой заключается в предупреждении их совершения, оперативном выявлении, расследовании совершенных преступлений, минимизации последствий уголовно-правовых деяний, осуществляемых со стороны государства или адвокатских образований, не нарушающая баланс гарантий независимости адвокатуры.

Соответственно формами противодействия преступности выступают: 1) профилактика; 2) предотвращение; 3) пресечение; 4) досудебное производство; 5) судебное производство; 6) уголовно-правовое воздействие на виновных; 7) нивелирование, минимизация негативных последствий преступных деяний и преступности в целом [Тимко, 2021].

Наиболее эффективной мерой предупреждения преступности, согласно криминологическим исследованиям, необходимо считать профилактику преступления на её ранних этапах, до совершения уголовно-правового деяния. Сущность профилактической меры заключается в воздействии на лиц с помощью убеждения, оказания помощи, принуждения. Указанные меры, позволяют государству, используя экономически малозатратные средства, добиться наиболее прогрессивного профилактического результата, предотвращая преступление на стадии его зарождения, что не только снижает количество совершенных преступлений, но и предостерегает лицо от дальнейших противоправных действий.

Адвокат, как профессиональный советник по правовым вопросам, принимает на себя ряд обязанностей. Одна из них – постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой

адвокатов Российской Федерации и адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации [Федеральный закон № 63-ФЗ, 2002]. Именно через систему знаний адвокату прививается должное поведение и мышление, тем самым осуществляется формирование внутренних личностных ценностей, в конечном итоге предопределяющих убеждения и действия лица, в нашем случае – на отказ от совершения преступления или его совершение.

Проводя структурное исследование внутренних нормативно-правовых актов адвокатского сообщества и их содержания, то на примере «Стандарта профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажеров адвокатов» можно заметить, что его задачами являются подготовка лиц к оказанию качественной юридической помощи [Стандарт профессионального обучения, 2019], а также повышение и совершенствование знаний адвоката как обязательное условие стандарта адвокатской профессии. Действующее законодательство не содержит понятия или признаков качественной юридической помощи, тем самым можно утверждать, что данное понятие субъективно и строится на личных убеждениях лиц о выполненной работе. В положениях стандарта не нашлось места указания на необходимость выработки у лиц, претендующих на статус адвоката и имеющих его, отрицательного отношения к совершению преступлений коррупционной направленности и преступлений в целом. Пункт 8 вышеупомянутого источника не содержит в перечне курса «Введение в профессию» темы противодействия адвокатской преступности, в том числе противодействия преступлениям коррупционной направленности. Не нашлось места мероприятиям по аналогичной тематике и в плане занятий со стажерами и помощниками адвокатов (молодыми адвокатами по курсу «Введение в профессию»), утвержденном адвокатской палатой Владимирской области.

Именно система профессионального обучения помогает установить ценностно-ориентировочную систему взглядов лиц, состоящих в адвокатском сообществе, и противодействует возникновению деструктивного поведения. Отсутствие отдельного закрепления в перечне задач противодействия совершению преступлений, в том числе коррупционного характера, по нашему мнению, является главной причиной роста числа их совершения. Закрепление в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязанности адвоката отстаивать интересы доверителя любыми не запрещенными законодательством способами не дает должного результата, исходя из статистики роста числа совершенных преступлений. Ситуация, при которой в адвокатское сообщество в кратчайшие сроки вольется огромное количество лиц в случае введения адвокатской монополии, и многократно увеличится количество лиц, имеющих статус адвоката, но не соблюдающих установленные этические правила поведения, при отсутствии должных мер профилактики совершения коррупционных преступлений, приведет к катастрофическому росту количества преступлений, а значит, подорвет доверие к адвокатуре со стороны государства и общества.

Указанные обстоятельства характеризуют необходимость внесения во внутренние локальные акты положений об обучении стажеров и адвокатов по направлению противодействия преступлениям коррупционной направленности. В основу акта, противодействующего коррупции, можно использовать антикоррупционную политику Санкт-Петербургского адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и Партнеры». В ней не только осуждаются коррупционные действия адвокатов-партнеров бюро, но и иных лиц, в нем состоящих, но и вводится система противодействия преступлениям коррупционной направленности в виде мероприятий по противодействию совершению преступлений,

информирования об актуальном положении антикоррупционного законодательства, возможности производства в отношении члена бюро расследования с целью выявления в его действиях коррупционных преступлений с последующей передачей выявленной информации в правоохранительные органы.

Данные антикоррупционные положения нашли свое актуальное место во внутрикорпоративном праве адвокатского бюро, специализирующегося на арбитражных и корпоративных спорах. Они лишают доверителей (организаций) возможности воспользоваться знакомством адвоката с государственными служащими или работниками судебной системы с целью передачи им денежных средств для принятия благоприятного решения. Утверждение данных антикоррупционных мероприятий можно считать успешным, так как указанное бюро входит в топ-1 юридических фирм на протяжении последнего десятилетия по мнению *Forbes* и «Коммерсанта». Также, согласно открытым источникам, за все время в адвокатском бюро было совершено одно преступление, не имеющее коррупционного характера.

Таким образом, по нашему мнению, необходимо внести некоторые изменения в положения действующих стандартов, а именно в пункт второй раздела первого «Стандарта профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажеров адвокатов», дополнив действующие положения дополнительной задачей в виде формирования у адвокатов негативного отношения к совершению преступлений, в том числе коррупционного характера.

Дополнительно внося изменения в положения стандарта, следует добавить в пункт 8 раздела 2 курс лекций на тему: «Противодействие совершению адвокатами преступлений коррупционной направленности. Анализ действующего коррупционного законодательства».

Также для более эффективного воздействия на адвокатов адвокатским палатам необходимо наделить руководителей структурных подразделений адвокатских образований обязанностью информировать о количестве совершенных адвокатами преступлений, в том числе коррупционного характера, результатах дисциплинарных производств в отношении указанных лиц, причинах, условиях и последствиях совершенных преступлений. Факт возможного публичного обсуждения и осуждения совершенного преступления сможет оттолкнуть большинство лиц от их совершения.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что внедрение мероприятий, а также постановка задач, связанных с обучением стажеров адвокатов и адвокатов с помощью циклов вебинаров и курса лекций о противодействии коррупционным преступлениям, позволит воспитать новое поколение профессионалов, чьих закон превыше всего, честно и добросовестно отстаивающих законные права доверителя без применения коррупционных методов в своих корыстных интересах.

Заключение

Проведенные исследования указывают, что большинство адвокатов имеют опыт работы в органах внутренних дел и прокуратуре, а значит, располагают дружественными связями с бывшими коллегами, позволяющими им латентно совершать коррупционные преступления без страха быть подвергнутыми уголовному преследованию.

Таким образом, государство, как гарант судебной защиты прав и свобод, опирающихся на принципы равенства и справедливости, должно не только выявлять и раскрывать коррупционные преступления, но и стимулировать адвокатское сообщество к разработке мер по

их предотвращению, таких как принятие внутрикорпоративных актов и механизмов выявления коррупции. Это позволит не только снизить количество совершаемых преступлений и улучшить криминологическую статистику, но и предотвратить действия, подрывающие доверие к адвокатуре и создающие неравенство среди адвокатов.

Библиография

1. Аналитическая справка о привлечении адвокатов к уголовной ответственности и совершаемых ими типичных ошибках. (2019). Принята к сведению Советом ФПА РФ на заседании 24 сентября 2019 г.
2. Антикоррупционная политика Санкт-Петербургского Адвокатского Бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и Партнеры».
3. Стандарт профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажеров адвокатов. (2019). Утвержден IX Всероссийским съездом адвокатов 18 апреля 2019 г.
4. Тимко С.А. (2021). Формы противодействия преступности. Научный вестник Омской академии МВД России, 2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-protivodeystviya-prestupnosti>
5. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024).

The Role of the State and Bar Associations in Preventing Corruption Among Lawyers

Nikita G. Serov

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law Disciplines,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs,
600000, 87, Gorky str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: nikitaserov550@gmail.com

Abstract

The legislative initiative and trend towards professional court representation that have emerged in Russian jurisprudence require a new, progressive solution to improve the professional knowledge of lawyers and to include in the list of educational webinars and lectures conducted by the Federal Chamber of Lawyers and the Bar Chambers of the constituent entities topics related to combating corruption among lawyers. The conducted analysis has revealed that the increase in the number of lawyers and the absence of a methodology for combating the commission of crimes within the community have led to a multiple annual increase in the number of corruption crimes. The subject of the study is countering corruption crimes in the legal community. For the successful research, a goal has been set: the creation of a new system for preventing and forestalling corruption manifestations among lawyers. This goal is achieved through a set of tasks, which consists of analyzing the number of crimes committed by lawyers and their types, as well as analyzing the intra-corporate acts of the community and proposals for their improvement. During the research, a systematic method was applied, which involves identifying the interrelations that contribute to the commission of corruption crimes; a statistical method — for analyzing the number of crimes committed and their types; a theoretical method of analysis helped to break down the structure of corporate legal legislation and regulatory legal acts into parts and identify their shortcomings. The

actual absence of research on this topic confirms the novelty of the material, giving the work the status of a vector for the state and the bar when creating preventive measures to combat crimes. The conclusions and legislative initiatives drawn during the research can form the basis of a system for professional training of lawyers, trainees, and other employees of bar associations, which confirms the practical significance of the study.

For citation

Serov N.G. (2026) Rol' gosudarstva i advokatskikh obrazovaniy v preduprezhdenii korruptsiyonnykh proyavleniy sredi advokatov [The Role of the State and Bar Associations in Preventing Corruption Among Lawyers]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 623-629. DOI: 10.34670/AR.2026.26.40.068

Keywords

State, corruption, combating corruption, legal community, legal practice, lawyer, duties of a lawyer, crime prevention, legal ethics, professional training.

References

1. Analytical Report on the Prosecution of Lawyers and Typical Mistakes Made by Them. (2019). Adopted by the Council of the Federal Chamber of Attorneys of the Russian Federation at a meeting on September 24, 2019.
2. Anti-Corruption Policy of the St. Petersburg Bar Association “Egorov, Puginsky, Afanasiev and Partners”.
3. Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 (as amended of April 22, 2024) “On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation” (with amendments and additions, effective from October 20, 2024).
4. Standard of Professional Training and Professional Development of Lawyers and Trainee Lawyers. (2019). Approved by the IX All-Russian Congress of Lawyers on April 18, 2019.
5. Timko, S.A. (2021). Formy protivodeystviya prestupnosti [Forms of crime counteraction]. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2(81). <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-protivodeystviya-prestupnosti>

УДК 343(6)

DOI: 10.34670/AR.2026.45.50.069

Эволюция африканского уголовного права в условиях новых технологий: вызовы и адаптация

Амангуа Сарра Ама Олив

Аспирант,
Центр междисциплинарных исследований,
Московский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: amangoualivia381@gmail.com

Клебанов Лев Романович

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
Московский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: klebanov_lr@rudn.ru

Аннотация

Данное исследование предоставило нам возможность понять эволюцию уголовного права, в частности, оценить судебные решения, принятые после того, как стало очевидно, что преступники в Западной Африке, особенно в Кот-д'Ивуаре, используют интернет для достижения своих целей в отношении таких преступлений, как кража, кража личных данных и отмывание денег. Цель данной работы — проиллюстрировать и критически оценить, как система уголовного правосудия в Кот-д'Ивуаре решает проблемы, связанные с новыми технологиями, и предложить нашу точку зрения на то, как она могла бы улучшить борьбу с киберпреступностью. Основным выводом этого исследования заключается в том, что африканским странам по-прежнему необходимо прилагать значительные усилия, поскольку из-за новых технологий преступления приобретают международный характер, что часто усложняет их преследование. Однако, основываясь на наблюдениях за современным ивуарийским обществом, авторы предлагают усилить мониторинг этого вопроса и улучшить уголовное законодательство в отношении всех преступлений, которые могут быть совершены с использованием новых информационных и коммуникационных технологий.

Для цитирования в научных исследованиях

Амангуа С.А.О., Клебанов Л.Р. Эволюция африканского уголовного права в условиях новых технологий: вызовы и адаптация // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 630-635. DOI: 10.34670/AR.2026.45.50.069

Ключевые слова

Уголовное право, киберпреступность, преступник, новые технологии, эволюция, цифровые доказательства, правовая гармонизация.

Введение

Использование интернета в последние годы способствовало развитию ряда стран, особенно в правовой сфере благодаря новым информационным и коммуникационным технологиям, а также в расширении полицейских и судебных ресурсов для борьбы с определенными преступлениями. В Западной Африке новые информационные и коммуникационные технологии регулируются в основном национальными законами о киберпреступности, защите данных и электронных транзакциях, часто основанными на директивах Экономического сообщества западноафриканских государств [CEDEAO, 2011].

Реальные проблемы здесь лежат на стыке уголовных преступлений и киберпреступлений.

В Кот-д'Ивуаре, согласно отчету о киберпреступности за 2024 год, наблюдается рост преступлений, связанных с новыми технологиями, таких как кража, отмывание денег, кража личных данных, мошенничество и многие другие. В целом, в 2024 году было зарегистрировано 12 100 жалоб (по сравнению с более чем 19 000 за предыдущие три года). Финансовые потери составили приблизительно 6,9 миллиарда франков КФА, связанные с нарушениями человеческого достоинства (2822 жалобы), интернет-мошенничеством (2326 жалоб), кражей личных данных (1638 жалоб) и видеоманьяжизмом (сексуальным вымогательством), при этом 90% жертв являются гражданами Кот-д'Ивуара. [ANSSI Côte d'Ivoire, 2024].

Сегодня технологические достижения в системе уголовного правосудия отнюдь не являются незначительными возможностями для борьбы с преступностью. Развитие видеонаблюдения в развитых странах, таких как Кот-д'Ивуар в Западной Африке, автоматизированная обработка и хранение данных, ставшие возможными благодаря информационным технологиям, а также использование генетической дактилоскопии для вербовки и развитие биометрии в новых коммуникационных технологиях — это инструменты, которые могут облегчить работу компетентных органов по решению проблем, связанных с интернетом. Все эти инструменты, хотя и существуют, препятствуют внедрению новых технологий в уголовное право, которое пытается это сделать уже несколько лет, но не успевает за развитием технологических преступлений. Технологический прогресс в уголовных расследованиях поднимает вопросы о защите частной жизни и целостности доказательств. Следователи могут злоупотреблять своими личными правами, используя такие устройства, как электронное наблюдение и распознавание лиц.

Цифровые доказательства могут быть сфальсифицированы или искажены, что требует от следователей большей бдительности для обеспечения их достоверности. Эти новые методы могут быть предвзятыми, вызывая опасения по поводу справедливости и правосудия в уголовных расследованиях. В конечном итоге, использование этих новых технологий в уголовных расследованиях может привести к ошибкам и несправедливым решениям.

Следователи могут чрезмерно полагаться на эти инструменты и пренебрегать традиционными методами расследования, что потенциально может поставить под угрозу раскрытие преступлений, оставляя пробелы в анализе доказательств. Необходимо внедрить соответствующие меры безопасности для предотвращения утечки информации, касающейся конфиденциальных данных, собранных в ходе расследований. Кроме того, затраты на

приобретение и обслуживание этих технологий могут быть высокими, что делает их недоступными для некоторых правоохранительных органов в Африке.

В продолжение нашей работы мы рассмотрим вызовы, которые новые технологии бросают африканскому уголовному праву, а затем адаптацию африканского уголовного права к эпохе новых технологий.

Технологические проблемы африканского уголовного права

Сегодня африканское уголовное право признает несколько форм цифровых преступлений, которые влияют как на общество, так и на экономику стран Западной Африки. Существует множество цифровых преступлений, таких как мошенничество и онлайн-мошенничество, обычно называемое «броутажем», которое характеризуется установлением контактов с мужчинами, женщинами и детьми путем инициирования дружеских, деловых или романтических отношений с целью вымогательства денег [Julien adaye, 2021].

Более того, существуют финансовые киберпреступления и отмывание денег в интернете посредством незаконных транзакций через такие приложения, как Budget, Finance и мобильные платежи, как на международном, так и на внутреннем рынках, с целью получения прибыли от незаконной деятельности. С развитием интернета стали доступны электронные валюты. Несмотря на то, что на финансовых рынках Африки эти средства еще не получили разрешения от правительств различных стран на обращение, они используются для совершения преступлений, таких как терроризм и многие другие. В отчете по стратегическому анализу национального подразделения по обработке финансовой информации оценивается количество жалоб на киберпреступления в 723 745 на сумму 23 миллиарда франков КФА (2023-2024 гг.), в основном от иностранных жертв, при этом отмывание денег происходит в 3 этапа: размещение (мобильные платежи/криптовалюты), стратификация (переводы), интеграция (активы).

Наиболее опасным аспектом этого процесса является нематериальный характер преступлений; анонимность и псевдонимы преступников; еще более сложным является транснациональный характер и детерриториализация преступлений, а также скорость исполнения и изменчивость доказательств.

Неадекватность традиционных правовых рамок очевидна в недостаточной защите от уголовного преследования из-за законов, которые недостаточно соответствуют фактам, приведшим к преступлениям. Кроме того, применение принципов территориальности и юрисдикции затруднено, поскольку суверенитет каждого государства таков, что это представляет собой проблему в отношении определенных преступлений, таких как отмывание денег. Также возникает проблема распознавания электронных доказательств с появлением искусственного интеллекта. Институциональные и кадровые препятствия в Африке чаще всего заключаются в отсутствии специализированной подготовки судебных деятелей и недостаточном техническом и логистическом обеспечении.

Адаптация африканского уголовного права к эпохе новых технологий

Хотя африканская система уголовного правосудия имеет недостатки в плане технологий, не менее важно отметить и прогресс, например, вступление стран в Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег; принятие законов о киберпреступности и электронных коммуникациях; новые правонарушения, связанные с информационными

технологиями; и создание уголовно-правовой базы для использования цифровых платформ, как это демонстрирует создание Кот-д'Ивуаром Платформы по борьбе с киберпреступностью для регулирования онлайн-деятельности ивуарийцев. Даже с учетом проблем, связанных с электронными доказательствами, мы установили доказательную ценность электронных доказательств, используя процедуры сбора данных, которые сохраняют и используют цифровые данные для сокращения времени, необходимого для задержания подозреваемых в случаях цифровых преступлений [Diarra Rosali, 2017].

Необходимо институциональное укрепление уголовного права в отношении ответственности юридических лиц; роли и ответственности технических посредников; а также обязательств по должной осмотрительности и сотрудничеству с властями. Хотя улучшение национальных условий было бы важным, в африканских странах указы и законы, принимаемые такими институтами, как Западноафриканский экономический и валютный союз, в основном действуют в финансовом секторе. Он регулирует:

- Регулирование цифрового банкинга
- Электронные платежные системы
- Борьбу с отмыванием денег

Его действия укрепляют согласованность между экономическим уголовным правом и регулированием цифровых финансовых операций.

Экономическое сообщество западноафриканских государств приняло тексты, касающиеся:

- Киберпреступности
- Защиты данных
- Электронных транзакций

Его подход основан на обязательной минимальной гармонизации, позволяющей государствам-членам адаптировать свое национальное законодательство, соблюдая при этом общую структуру. Аналогичным образом были созданы организации для оказания помощи государствам в борьбе с преступностью с помощью новых информационных и коммуникационных технологий. Эксперты из Управления информационных технологий и технологических следов занимаются анализом новых технологий, используемых преступниками для совершения преступлений, с целью разработки инструментов и методов расследования, адаптированных к этим новым формам преступлений. Кроме того, в этом исследовании участвуют сотрудники Платформы по борьбе с киберпреступностью, играющие решающую роль в предотвращении и преследовании онлайн-преступлений. Их задача – отслеживать технологические разработки и разрабатывать соответствующие стратегии расследования для борьбы с киберпреступностью. Также работают сотрудники Отдела промышленности и технологий, которым поручено отслеживать технологические разработки и формулировать рекомендации по усилению борьбы с онлайн-преступностью и совершенствованию расследований правоохранительных органов. Аналогичным образом, сотрудники Управления по регулированию телекоммуникаций Кот-д'Ивуара работают над повышением безопасности телекоммуникационных сетей.

Заключение

Действительно, интернет имеет фундаментальное значение для развития современной жизни. Однако следует признать, что не всё в нём позитивно; Существуют и негативные аспекты, например, тот факт, что многие преступления совершаются в связи с информационными технологиями. Эта проблема представляет собой реальную юридическую

борьбу, которую Африка должна вести, особенно в отношении таких преступлений, как отмывание денег, кража личных данных и мошенничество. Кроме того, с появлением криптовалют крайне важно, чтобы африканские государства регулировали их использование и развивали правовые и ИТ-услуги для решения, в частности, проблем отслеживания транзакций. Мы считаем, что благодаря этим улучшениям африканское уголовное право будет в некоторой степени адаптировано к уголовным обстоятельствам, с которыми сталкиваются жертвы.

Библиография

1. Acte additionnel A/SA.1/01/10 portant organisation d'un système communautaire de protection des données à caractère personnel: [Texte] / CEDEAO. -- Abuja : CEDEAO, 2010. -- 15 p. -- Режим доступа: <https://www.afapdp.org/>
2. ANSSI Côte d'Ivoire. Rapport 2024 sur l'état de la cybercriminalité en Côte d'Ivoire. -- Abidjan : Agence Nationale de la sécurité des systèmes d'Information, 2024. -- Режим доступа: <https://anssi.gouv.ci/rapports-dactivites/>
3. Code pénal ivoirien.
4. Diarra Rosali. Les lois pénales à l'épreuve de la cybercriminalité en Afrique de l'Ouest. -- 2017.
5. Directive C/DIR/1/08/11 portant lutte contre la cybercriminalité dans l'espace de la CEDEAO : [Texte] / Communauté économique des États de l'Afrique de l'Ouest (CEDEAO). -- Abuja : CEDEAO, 2011. -- 28 p. -- Режим доступа: <https://www.mdenp.gov.bf/>
6. Julien adaye. LA VIDÉO SURVEILLANCE AU SERVICE DE LA SÉCURITÉ ROUTIÈRE // dw journal. -- 27 septembre 2021.
7. KOÏTA (D. M.). La preuve pénale au prisme des nouvelles technologies de l'information et de la communication au Mali : Thèse de doctorat. -- Institut de pédagogie universitaire du Mali, 2022. -- p. 2.
8. Papa Assane Touré. Cybercriminalité : Code pénal et textes pénaux spéciaux commentés et annotés. -- 2025.

Evolution of African Criminal Law in the Context of New Technologies: Challenges and Adaptation

Amangoua Sarrah Ama Olive

Postgraduate Student,
Center for Interdisciplinary Studies,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: amangoualivia381@gmail.com

Lev R. Klebanov

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: klebanov_lr@rudn.ru

Abstract

This research has provided us with an opportunity to understand the evolution of criminal law, in particular, to assess judicial decisions taken after it became evident that criminals in West Africa, especially in Côte d'Ivoire, are using the internet to achieve their goals with respect to crimes such

Amangoua S.A.O., Klebanov L.R.

as theft, identity theft, and money laundering. The aim of this work is to illustrate and critically evaluate how the criminal justice system in Côte d'Ivoire addresses the challenges associated with new technologies, and to offer our perspective on how it could improve the fight against cybercrime. The main conclusion of this study is that African countries still need to make significant efforts, because due to new technologies, crimes acquire an international character, which often complicates their prosecution. However, based on observations of contemporary Ivorian society, the authors propose strengthening monitoring of this issue and improving criminal legislation with respect to all crimes that may be committed using new information and communication technologies.

For citation

Amangoua S.A.O., Klebanov L.R. (2026) Evolyutsiya afrikanskogo ugolovnogogo prava v usloviyakh novykh tekhnologiy: vyzovy i adaptatsiya [Evolution of African Criminal Law in the Context of New Technologies: Challenges and Adaptation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 630-635. DOI: 10.34670/AR.2026.45.50.069

Keywords

Criminal law, cybercrime, criminal, new technologies, evolution, digital evidence, legal harmonization.

References

1. Acte additionnel A/SA.1/01/10 portant organisation d'un système communautaire de protection des données à caractère personnel [Additional Act A/SA.1/01/10 on the organization of a community system for the protection of personal data]. (2010). CEDEAO.
2. ANSSI Côte d'Ivoire. (2024). Rapport 2024 sur l'état de la cybercriminalité en Côte d'Ivoire [2024 report on the state of cybercrime in Côte d'Ivoire]. Agence Nationale de la sécurité des systèmes d'Information.
3. Code pénal ivoirien [Ivorian Criminal Code].
4. Diarra Rosali. (2017). Les lois pénales à l'épreuve de la cybercriminalité en Afrique de l'Ouest [Criminal laws and cybercrime in West Africa].
5. Directive C/DIR/1/08/11 portant lutte contre la cybercriminalité dans l'espace de la CEDEAO [Directive C/DIR/1/08/11 on the fight against cybercrime in the ECOWAS region]. (2011). CEDEAO.
6. Julien adaye. (2021, September 27). La vidéo surveillance au service de la sécurité routière [Video surveillance for road safety]. Dw journal.
7. KOÏTA, D. M. (2022). La preuve pénale au prisme des nouvelles technologies de l'information et de la communication au Mali [Criminal evidence through the prism of new information and communication technologies in Mali] (Doctoral dissertation). Institut de pédagogie universitaire du Mali.
8. Papa Assane Touré. (2025). Cybercriminalité: Code pénal et textes pénaux spéciaux commentés et annotés [Cybercrime: Commented and annotated criminal code and special criminal texts].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.74.52.070

Институт обязательных минимальных наказаний в уголовной системе Соединенных Штатов Америки

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);

главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В представленном материале исследуется институт обязательных минимальных наказаний (mandatory minimums) в федеральной уголовной системе США как феномен, демонстрирующий фундаментальные противоречия между законодательным регулированием и пределами судебного усмотрения. Анализируется механизм смещения дискреционной власти от судебной ветви к исполнительной, при котором прокурор через выбор квалификации обвинения фактически устанавливает нижнюю границу наказания помимо эффективного судебного контроля. Выявляются системные дисфункции данного института: деиндивидуализация правосудия и «эрозия» принципа соразмерности наказания, роль обязательных минимумов как основы массовой инкарцерации. Критическому анализу подвергаются основные аргументы сторонников сохранения этих норм, включая тезисы о единообразии правосудия, предсказуемости наказания и процессуальной экономии. На основе сравнительно-правового анализа делается вывод о том, что описанные дисфункции не являются неизбежным свойством обязательных минимумов как таковых, но обусловлены их взаимодействием с институтом сделок о признании вины. Обосновывается положение, что неэффективный характер реформ, не устраняющих коренную причину проблемы – передачу дискреционной власти по назначению наказания от суда к прокуратуре, – сохраняет системную несправедливость, требующую либо отказа от форм обязательных минимумов, либо реформы института соглашений о признании вины в США.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Институт обязательных минимальных наказаний в уголовной системе Соединенных Штатов Америки // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 636-643. DOI: 10.34670/AR.2026.74.52.070

Ключевые слова

Уголовно-исполнительное право, обязательные минимальные наказания, mandatory minimums, судебское усмотрение, дискреционная власть прокурора, сделки о признании вины, условно-досрочное освобождение, осужденные, деиндивидуализация правосудия, массовая инкарцерация, принцип соразмерности наказания, уголовная политика США.

Введение

В структуре современного уголовного права Соединенных Штатов Америки институт обязательных минимальных наказаний (mandatory minimums) представляет собой один из наиболее противоречивых феноменов, демонстрирующий коллизийное напряжение между законодательным регулированием и судебским усмотрением. Установленные Конгрессом США, эти нормы предписывают судье назначить фиксированный минимальный срок лишения свободы за определенные категории преступлений, исключая возможность его снижения даже при наличии смягчающих обстоятельств. Ключевая характеристика данной модели – устранение судебской дискреции (от лат. *discretio* – усмотрение), отнимает у судьи «право на выбор». Введение таких норм деформирует классическую архитектуру уголовного судопроизводства, основанную на разделении властей, где законодатель устанавливает диапазон наказаний, судья как независимый арбитр определяет конкретную меру, а исполнительная власть в лице прокуратуры отвечает за поддержание обвинения [Anderson, Kerr, Marsh, 2025; Dunbar, 2022; Hatch, 1993; Levin, 2023; Light, 2022; Qureshi, Malik, 2024].

Формально сохраняя за судьей прерогативу назначения наказания, закон фактически передает судебную власть прокурору. Поскольку обязательный минимум привязан не к фактической тяжести деяния, а к юридической квалификации, избранной обвинителем, последний обретает возможность самостоятельно, вне эффективного судебного контроля, устанавливать нижнюю границу карательного воздействия. Как справедливо отмечается в работах американских процессуалистов, судья в таких условиях превращается из «архитектора справедливого приговора» в «клерка по регистрации сделки», заключенной между обвинением и защитой. Это смещение властных полномочий порождает феномен «торговли обвинениями» (charge bargaining), подрывающий право на суд присяжных, закрепленное в Шестой поправке к Конституции США. Статистическая реальность федеральной системы, где более 97 процентов уголовных дел завершаются соглашением сторон, наглядно демонстрирует неэффективность реализации права на суд [Berezka et al., 2022; Garland, 2023; Oliss, 1994].

Основная часть

Современная эпоха обязательных минимальных наказаний берет начало с Акта о борьбе с наркотиками 1986 года, принятого в рамках политики «жесткой руки». Впоследствии эти законы были значительно расширены при президентах Р. Рейгане и Б. Клинтоне. Значительный сдвиг произошел с принятием Закона «Первый шаг» (First Step Act) 2018 года, который расширил так называемый «предохранительный клапан» (safety valve), позволяющий судьям назначать наказания ниже установленного минимума для определенных категорий лиц, совершивших преступления, связанные с наркотиками, и имеющих минимальное криминальное прошлое [Dunbar, 2022].

Анализ последствий применения обязательных минимумов позволяет выделить несколько системных дисфункций. Первая и наиболее значимая – смещение дискреционной власти от судебной ветви к исполнительной, что в доктрине получило наименование «дискреционной власти обвинителя» или, в более критической формулировке, «тирании прокурора». Прокурор, обладая всей полнотой государственной власти и ресурсов, получает дополнительный инструмент давления на обвиняемого, не имея при этом симметричного правового механизма для защиты его интересов со стороны суда [Light, 2022]. Решая, предъявить ли обвинение по

статье с десятилетним минимумом или по статье без такового, прокурор фактически осуществляет функцию назначения наказания, которая в правовом государстве должна принадлежать исключительно суду. Эмпирические исследования показывают, что обвиняемые, отвергающие предложение прокурора о признании вины и настаивающие на суде присяжных, в случае обвинительного приговора получают наказание, которое в среднем на 200–300 процентов превышает срок, предлагаемый в рамках сделки. Таким образом, обязательные минимумы создают ситуацию, в которой конституционное право реализуется ценой непропорционально сурового наказания, что превращает его в формальную декларацию, лишенную практической ценности для подавляющего большинства обвиняемых.

Вторая дисфункция связана с деиндивидуализацией правосудия и «эрозией» принципа соразмерности наказания. Обязательные минимумы конструируются законодателем исходя из абстрактной модели «типичного» лица, совершившего преступление, тогда как криминологическая реальность демонстрирует гетерогенность субъектов, подпадающих под действие этих норм [Ходжалиев, 2025]. Жесткая конструкция обязательных минимумов нивелирует такие значимые факторы, как несовершеннолетие, незначительная роль в преступном сообществе, наличие психических расстройств, семейные обстоятельства и возможность исправления без изоляции от общества [Garland, 2023]. В результате правоприменительная практика сталкивается с ситуациями, когда лица, совершившие незначительные по степени общественной опасности деяния, но формально подпадающие под действие квалифицированного состава, получают наказания, сопоставимые с наказаниями организаторов преступных сообществ. Такое нивелирование различий между разными категориями участников преступной деятельности противоречит не только доктрине уголовного права, но и интуитивному восприятию справедливости, что в конечном счете подрывает легитимность судебной системы в глазах общества.

Третье дисфункция – роль обязательных минимумов как одного из главных драйверов массовой инкарцерации и связанных с ней финансовых издержек [Новиков, Смирнов, 2025]. Федеральная система исправительных учреждений США пережила взрывной рост численности содержащихся в них лиц после повсеместного внедрения этих законов. Это бремя ложится грузом на налогоплательщиков, составляя более 26 тысяч долларов в год на одного содержащегося в местах лишения свободы. При этом предполагаемый сдерживающий эффект от суровых приговоров не подтверждается доказательствами: исследования показали, что длительность срока лишения свободы не влияет на рецидив преступности. Феномен «возрастного спада преступности» делает неоправданным с точки зрения социальной экономии содержание лиц пожилого возраста в местах лишения свободы на протяжении десятилетий [Levin, 2023].

В рамках академического анализа особого внимания заслуживает аргумент сторонников, апеллирующий к системе «трех ударов» (The Three Strikes Law или

«Three Strikes and You're Out»), как инструменту изоляции особо опасных рецидивистов. Преступник, совершивший три насильственных преступления, чаще всего получает пожизненное заключение без права освобождения или длительное тюремное заключение без права досрочного освобождения [Щитов, 2015]. Данный аргумент, обладающий высокой степенью убедительности, при строгом криминологическом рассмотрении обнаруживает значительную теоретическую уязвимость. Исходная посылка о том, что длительная изоляция ограниченного круга многократно судимых лиц приводит к устойчивому снижению рецидивной преступности, основывается на допущении о линейной зависимости между

продолжительностью лишения свободы и уровнем общественной безопасности. Однако криминологические исследования демонстрируют, что эффект сдерживания достигается на начальном этапе изоляции, тогда как дальнейшее увеличение срока за пределами определенного порога не дает соразмерного прироста превентивного эффекта. Более того, система «трех ударов» в ее действующей юридической конструкции продемонстрировала эффект «фазмывания тяжести», когда под действие норм о рецидиве стали подпадать лица, чьи предшествующие судимости относились к категории ненасильственных преступлений...

Предсказуемость наказания, также требует дифференцированного подхода. Предсказуемость для обвиняемых и осужденных оборачивается непредсказуемостью для системы исполнения наказаний, поскольку устранение или существенное ограничение института условно-досрочного освобождения при обязательных минимумах лишает пенитенциарные учреждения одного из ключевых механизмов управления поведением осужденных [Hatch, 1993; Levin, 2023; Light, 2022; Oliss, 1994].

Несмотря на широкую критику, сторонники сохранения обязательных минимумов выдвигают контраргументы, которые также заслуживают систематического рассмотрения. Первый аргумент апеллирует к единообразию и справедливости: утверждается, что эти законы гарантируют равное правосудие для всех, предотвращая случаи, когда чрезмерно «мягкий» судья или географический фактор приводят к разнице в приговорах. Второй аргумент связан со сдерживанием: предполагается, что неотвратимость и строгость наказания удерживают лиц от совершения преступлений. Третий аргумент рассматривает обязательные минимумы как рычаг воздействия для прокуроров, позволяющий разоблачать преступные организации, предоставляя обвиняемым стимул к сотрудничеству со следствием, что, в свою очередь, экономит бюджетные средства. Однако каждый из этих аргументов при детальном рассмотрении обнаруживает существенные ограничения. Единообразие, достигаемое через устранение судебской дискреции, оказывается формальным, поскольку оно не устраняет вариацию правоприменительной практики, а перемещает его на стадию предъявления обвинения, где он становится менее прозрачным и менее подверженным контролю [Anderson, Kerr, Marsh, 2025].

Реформы, включая First Step Act 2018 года и расширение правоприменения «предохранительного клапана», свидетельствуют о признании законодателем описанных дисфункций. Однако, как отмечается в работах ведущих процессуалистов США, эти реформы носят скорее условный характер, поскольку не устраняют коренную причину проблемы – передачу дискреционной власти по назначению наказания от суда к прокуратуре. Полное решение этой проблемы потребовало бы либо отказа от обязательных минимумов в их жесткой форме, либо реформы института сделок о признании вины, направленной на восстановление баланса между эффективностью уголовного преследования и фундаментальными процессуальными гарантиями. До тех пор пока прокурор сохраняет возможность определять наказание через выбор квалификации, а судья лишен возможности корректировать этот выбор с учетом индивидуальных обстоятельств, система обязательных минимумов будет оставаться источником структурной несправедливости, противоречащей основополагающим принципам правового государства.

Углубленный анализ института обязательных минимальных наказаний в федеральной уголовной системе США позволяет заключить, что, будучи инструментом политики «жесткого подхода» к преступности, в своей практической реализации он порождает комплекс системных дисфункций. Смещение властных полномочий от судебной ветви к исполнительной, деиндивидуализация правосудия, массовая инкарцерация и отсутствие доказанного

сдерживающего эффекта ставят под сомнение как справедливость, так и эффективность данной модели. Опыт реформ, особенно принятие First Step Act, демонстрирует движение в сторону расширения судейской дискреции, смягчения расовых и социальных диспропорций, а также признания того, что эффективность уголовной политики измеряется не длительностью сроков лишения свободы, а снижением рецидива и восстановлением социальной справедливости. Дальнейшее развитие уголовно-правовой системы, как в США, так и в других зарубежных юрисдикциях, вероятно, будет связано с поиском баланса между необходимостью законодательного определения границ репрессии и сохранением судейского усмотрения как необходимого условия для вынесения справедливого и соразмерного наказания, учитывающего уникальные обстоятельства каждого дела и личность лица, его совершившего.

Заключение

Проведенный анализ института обязательных минимальных наказаний в федеральной уголовной системе США позволяет заключить, что данный правовой инструмент, изначально сконструированный как средство реализации политики «жесткого подхода» к преступности, в своей реализации порождает комплекс системных дисфункций, ставящих под сомнение как его справедливость, так и эффективность. Ключевым дефектом модели выступает смещение дискреционной власти от судебной ветви к исполнительной: формально сохраняя за судьей прерогативу назначения наказания, закон фактически передает определяющую роль прокурору, который через выбор квалификации обвинения устанавливает нижнюю границу карательного воздействия вне эффективного судебного контроля.

Критический анализ аргументов сторонников сохранения обязательных минимумов – включая тезисы о единообразии правосудия, сдерживающем эффекте и процессуальной экономии – демонстрирует их существенную теоретическую уязвимость. Единообразие, достигаемое через устранение судейской дискреции, оказывается формальным, поскольку оно не устраняет произвол, а лишь перемещает его на стадию предъявления обвинения, где он становится менее прозрачным и менее подверженным судебному контролю. Система «трех ударов», рассматриваемая сторонниками как инструмент изоляции особо опасных рецидивистов, на практике приводит к эффекту «размывания тяжести», когда под действие норм о рецидиве попадают лица, чьи предшествующие судимости относились к категории ненасильственных преступлений.

Библиография

1. Ализде В.А., Воливодз А.Г. Правовой институт сделки о признании вины в уголовном процессе США // Уголовное и уголовно-процессуальное право иностранных государств. № 2. 2018. С. 21-24.
2. Боронбеков С. Преступление и наказание по уголовному праву Соединенных Штатов Америки (краткая характеристика) // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 3 (74). С. 79-83.
3. Иванов А.А. Правовое регулирование института сделок о признании вины в США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 2 (1), с. 282–286.
4. Корчаго Е.В. Развитие института соглашения о признании вины в России и "Plea Bargaining" в уголовном судопроизводстве США : дис. ... кандидата юридических наук : ФГАОУ ВО «РУДН» – Москва, 2023. 177 с.
5. Новиков А.В., Смирнов О.А. Подходы к оценке совокупных затрат инканцерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 12А. С. 379-388. DOI: 10.34670/AR.2026.34.57.054
6. Ходжалиев С. А. Сравнительно-правовой анализ проблем назначения наказания в уголовном праве: теоретические, законодательные и практические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 170–177. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-170-177>.

7. Щитов Н.Г. Карательная тенденция в современной пенитенциарной политике США // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 156-165.
8. Яровая М.В. Федеральная судебная система США // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2015. С. 43-51.
9. Anderson R. B., Kerr E., Marsh M. Mandatory minimum sentences // *Today's crime and punishment issues: Democrats and Republicans*. – 2025. – С. 199-210.
10. Berezka K. M. et al. A binary logistic regression model for support decision making in criminal justice // *Folia Oeconomica Stetinensia*. – 2022. – Т. 22. – №. 1. – С. 1-17.
11. Dunbar A. Arguing for criminal justice reform: Examining the effects of message framing on policy preferences // *Justice Quarterly*. – 2022. – Т. 39. – №. 7. – С. 1524-1544.
12. Garland D. The current crisis of American criminal justice: A structural analysis // *Annual Review of Criminology*. – 2023. – Т. 6. – №. 1. – С. 43-63.
13. Hatch O. G. The Role of Congress in Sentencing: The United States Sentencing Commission, Mandatory Minimum Sentences, and the Search for a Certain and Effective Sentencing System // *Wake Forest L. Rev.* – 1993. – Т. 28. – С. 185.
14. Levin B. After the criminal justice system // *Wash. L. Rev.* – 2023. – Т. 98. – С. 899.
15. Light M. T. The declining significance of race in criminal sentencing: Evidence from US federal courts // *Social Forces*. – 2022. – Т. 100. – №. 3. – С. 1110-1141.
16. Oliss P. Mandatory minimum sentencing: Discretion, the safety valve, and the sentencing guidelines // *U. Cin. L. Rev.* – 1994. – Т. 63. – С. 1851.
17. Qureshi S., Malik S. Examining the Impact of Mandatory Minimum Sentences: Justice or Injustice? // *Context of Language Review*. – 2024. – Т. 1. – №. 1. – С. 1-10.
18. Taylor I. Justice by algorithm: The limits of AI in criminal sentencing // *Criminal Justice Ethics*. – 2023. – Т. 42. – №. 3. – С. 193-213.

The Institution of Mandatory Minimum Sentences in the Criminal System of the United States of America

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The presented material examines the institution of mandatory minimum sentences in the federal criminal system of the United States as a phenomenon demonstrating fundamental contradictions between legislative regulation and the limits of judicial discretion. The mechanism of shifting discretionary power from the judicial branch to the executive branch is analyzed, whereby the prosecutor, through the choice of charge qualification, effectively establishes the lower limit of punishment beyond effective judicial control. The systemic dysfunctions of this institution are identified: the deindividualization of justice and the "erosion" of the principle of proportionality of punishment, the role of mandatory minimums as the basis for mass incarceration. The main arguments of proponents of retaining these norms, including theses about the uniformity of justice,

predictability of punishment, and procedural economy, are subjected to critical analysis. On the basis of a comparative legal analysis, it is concluded that the described dysfunctions are not an inevitable property of mandatory minimums as such, but are due to their interaction with the institution of plea bargaining. It is substantiated that the ineffective nature of reforms that do not eliminate the root cause of the problem — the transfer of discretionary power to impose punishment from the court to the prosecution — preserves systemic injustice, requiring either the abandonment of mandatory minimum forms or the reform of the plea agreement institution in the United States.

For citation

Novikov A.V. (2026) Institut obyazatel'nykh minimal'nykh nakazaniy v ugolovno i sisteme Soedinennykh Shtatov Ameriki [The Institution of Mandatory Minimum Sentences in the Criminal System of the United States of America]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 636-643. DOI: 10.34670/AR.2026.74.52.070

Keywords

Penal enforcement law, mandatory minimum sentences, mandatory minimums, judicial discretion, prosecutorial discretionary power, plea bargaining, parole, convicts, deindividualization of justice, mass incarceration, principle of proportionality of punishment, US criminal policy.

References

1. Alizade V.A., Volivodt A.G. Pravovoj institut sdelki o priznanii viny v ugolovnom processe SShA // Ugolovnoe i ugolovno-processual'noe pravo inostrannykh gosudarstv. № 2. 2018. S. 21-24.
2. Boronbekov S. Prestuplenie i nakazanie po ugolovnomu pravu Soedinennykh Shtatov Ameriki (kratkaya harakteristika) // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2011. № 3 (74). S. 79-83.
3. Ivanov A.A. Pravovoe regulirovanie instituta sdelok o priznanii viny v SShA // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2012, № 2 (1), s. 282–286.
4. Korchago E.V. Razvitie instituta soglasheniya o priznanii viny v Rossii i "Plea Bargaining" v ugolovnom sudoproizvodstve SShA : dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk : FGAOU VO «RUDN» – Moskva, 2023. 177 s.
5. Novikov A.V., Smimov O.A. Podhody k ocenke sovokupnykh zatrat inkanceracii // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2025. Tom 15. № 12A. S. 379-388. DOI: 10.34670/AR.2026.34.57.054
6. Hodzhaliev S. A. Sravnitel'no-pravovoj analiz problem naznacheniya nakazaniya v ugolovnom prave: teoreticheskie, zakonodatel'nye i prakticheskie aspekty // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 2. S. 170–177. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-170-177>.
7. Shchitov N.G. Karatel'naya tendenciya v sovremennoj penitenciarnej politike SShA // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2014. № 3. S. 156-165.
8. Yarovaya M.V. Federal'naya sudebnaya sistema SShA // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2015. S. 43-51: file:///C:/Users/Alexis%20Novikoff/Downloads/federalnaya-sudebnaya-sistema-ssha.pdf
9. Anderson R. B., Kerr E., Marsh M. Mandatory minimum sentences // Today's crime and punishment issues: Democrats and Republicans. – 2025. – S. 199-210.
10. Berezka K. M. et al. A binary logistic regression model for support decision making in criminal justice // Folia Oeconomica Stetinensia. – 2022. – T. 22. – №. 1. – S. 1-17.
11. Dunbar A. Arguing for criminal justice reform: Examining the effects of message framing on policy preferences // Justice Quarterly. – 2022. – T. 39. – №. 7. – S. 1524-1544.
12. Garland D. The current crisis of American criminal justice: A structural analysis // Annual Review of Criminology. – 2023. – T. 6. – №. 1. – S. 43-63.
13. Hatch O. G. The Role of Congress in Sentencing: The United States Sentencing Commission, Mandatory Minimum Sentences, and the Search for a Certain and Effective Sentencing System // Wake Forest L. Rev. – 1993. – T. 28. – Pp. 185.
14. Levin B. After the criminal justice system // Wash. L. Rev. – 2023. – T. 98. – S. 899.
15. Light M. T. The declining significance of race in criminal sentencing: Evidence from US federal courts // Social Forces. – 2022. – T. 100. – №. 3. – S. 1110-1141.

-
16. Oliss P. Mandatory minimum sentencing: Discretion, the safety valve, and the sentencing guidelines //U. Cin. L. Rev. – 1994. – T. 63. – S. 1851.
 17. Qureshi S., Malik S. Examining the Impact of Mandatory Minimum Sentences: Justice or Injustice? //Context of Language Review. – 2024. – T. 1. – №. 1. – S. 1-10.
 18. Taylor I. Justice by algorithm: The limits of AI in criminal sentencing //Criminal Justice Ethics. – 2023. – T. 42. – №. 3. – Pp. 193-213.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.24.56.071

Генезис «объяснительных моделей» глобального снижения преступности в странах с высоким уровнем дохода в 1990-2010 гг.

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Дикопольцев Дмитрий Евгеньевич

Кандидат психологических наук,
начальник НИЦ-2,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: dimarik62rus@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается эволюция криминологических подходов к объяснению феномена глобального снижения преступности (crime drop), наблюдавшегося в странах с высоким и средним уровнем дохода с 1990-х по 2010-е годы. Анализируются основные «объяснительные модели», включая институциональные нарративы (стратегии «разбитых окон», массовая инкарцерация), «европейскую модель», подчеркивающую региональные вариации, а также экономические, демографические и биосоциальные теории. Особое внимание уделяется кризису традиционных моделей с середины 2010-х годов, обусловленному фрагментацией глобального тренда, «эрозией доверия» к правоохранительным институтам и фундаментальной трансформацией преступности.

Уделяется внимание тому, как эти научные дискуссии влияли на уголовно-исполнительную политику, формируя подходы к конгломерату осужденных, реабилитации и оценке эффективности мер. Исследование демонстрирует, что понимание причин снижения преступности не только является академическим вопросом, но и непосредственно определяет стратегические и оперативные решения в системе исполнения наказаний. В заключении делается вывод о том, что в настоящем созрела необходимость пересмотра методологии измерения и адаптации объяснительных моделей к реалиям гибридного общества, где преступность не исчезает, но трансформируется в более технологичные и латентные формы.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Дикопольцев Д.Е. Генезис «объяснительных моделей» глобального снижения преступности в странах с высоким уровнем дохода в 1990-2010 гг. // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 644-652. DOI: 10.34670/AR.2026.24.56.071

Ключевые слова

Глобальное снижение преступности, «разбитые окна», массовая инкарцерация, уголовно-исполнительная система, осужденные, киберпреступность, гибридное общество, искусственный интеллект, «объяснительные модели преступности», трансформация преступности.

Введение

В период 1990-2010 годов многие страны с высоким уровнем доходов столкнулись с парадоксальной и устойчивой тенденцией – значительным снижением уровня преступности, особенно имущественных и тяжких преступлений против личности. Этот феномен, наблюдаемый в США, Канаде, большинстве стран Европы [Григорьев, Паршина, 2013], противоречил прогнозам, основанным на экономических циклах и демографических изменениях. Поиск объяснений породил ряд моделей, эволюция которых отражает постепенное движение от монофакторных теорий к комплексным системным подходам. Уровень уличной преступности, в том числе убийств, грабежей и краж со взломом, демонстрировал устойчивое падение. В США, где этот тренд был наиболее заметен, уровень насильственных преступлений сократился на 50–70% к 2015 году по сравнению с пиковыми показателями начала 1990-х. Данное снижение стало не только значимым социальным событием, но и вызовом для криминологической теории, поскольку опровергло устоявшиеся прогнозы: в 1970–1980-х годах эксперты предсказывали «цунами» преступности, обусловленное урбанизацией, демографическим «бумерангом» (ростом численности молодежи) и углублением социального расслоения [Hershkovitz, 2025].

Снижение происходило одновременно в странах с кардинально различными подходами к уголовной политике – и в либеральной Европе и в США, с системой массовой инкарцерации. Это указывало на наличие глубинных структурных факторов, выходящих за рамки конкретных правоохранительных стратегий. Первоначально происходящее воспринималось как сугубо американский прецедент: после пика убийств в 1991 году (9,8 на 100 тыс. населения) к 1996 году показатель снизился до 7,4, а имущественные преступления в период с 1991 по 2000 год сократились более чем на 30%. Однако последующие исследования выявили схожие тенденции в Великобритании (пик преступности там пришелся на 1995 год, затем последовало снижение на треть к 2004–2005 годам), а также в Австралии и других странах с высоким уровнем дохода [Сморгунова, 2008]. Это привело к формированию концепции «глобального снижения преступности», предполагавшей существование универсальных механизмов, действовавших в масштабах всего «развитого мира».

Основная часть

В академическом дискурсе сложилось несколько конкурирующих, но не всегда взаимоисключающих «объяснительных моделей преступности». Первую группу можно

охарактеризовать как «всеамериканские» нарративы. Эта модель фокусировалась на факторах, специфических для США: значительном увеличении численности полиции (в частности, программа найма 100 тыс. дополнительных сотрудников, инициированная администрацией Б. Клинтона), распространении стратегий «нулевой терпимости» на основании теории «разбитых окон», а также росте «тюремного населения», который механически снизил уровень преступности за счет изоляции части потенциальных правонарушителей.

Теория «разбитых окон» была разработана социологом Джеймсом Уилсоном и криминологом Джорджем Келлингем и описана в статье 1982 года. Она предполагает, что наличие мелких правонарушений (вандализма, попрошайничества, бродяжничества и т. д.) создает среду, которая поощряет более серьезные преступления [James Q. Wilson, George L. Kelling, 1982]. Критики, однако, указывали на локальность эффекта теории «разбитых окон... [Hall, Winlow, 2025].

В противовес американоцентричному взгляду сформировалась «европейская модель», представители которой подчеркивали региональные вариации и критиковали универсализм ранних теорий. Они обратили внимание на то, что снижение преступности не было абсолютно универсальным: многие страны континентальной Европы демонстрировали разнонаправленные тенденции по различным категориям преступлений. В рамках этого подхода акцент сместился на роль технологических изменений...

Параллельно развивался «криминологический нарратив», связанный с публикациями М. Тонри и Д. Фаррингтона, представители которого заняли скептическую позицию в отношении методологии сравнительного анализа: различия в юридических определениях, практиках регистрации и методах сбора данных в разных странах существенно затрудняют обоснованность выводов. Акцентируя разнообразие трендов, они указывали, что если убийства и имущественные преступления демонстрировали устойчивое снижение, то динамика грабежей и нападений варьировалась значительно [Hershkovitz, 2025].

Помимо этих основных нарративов, были предложены экономические, демографические и биосоциальные теории, призванные объяснить глубинные причины снижения преступности.

Первоначальные объяснительные модели тяготели к выделению одного ключевого «драйвера». Наиболее популярной была демографическая модель, связывающая снижение преступности с изменением возрастной структуры населения – сокращением доли молодежи (возрастной группы 15–24 лет), наиболее криминогенной по статистике. Однако эта модель не могла объяснить глубину и продолжительность спада, который продолжался даже после стабилизации демографических показателей.

В противовес демографическому подходу, экономические теории акцентировали роль макроэкономических факторов. Важный экономический аргумент касался деиндустриализации и перехода к цифровой экономике: снижение преступности коррелировало с исчезновением тяжелой промышленности, что сократило уровень безработицы среди молодежи и уменьшило количество маргинализированных «зон отчуждения» в городах. Рост уровня жизни, снижение безработицы и общая экономическая стабилизация в ряде регионов рассматривались как фундаментальные причины снижения криминальной активности. Согласно этой логике, улучшение материальных условий сокращало «экономическую» мотивацию для совершения имущественных преступлений. Одновременно был опровергнут миф о том, что иммиграция повышает преступность: исследования Роберта Сэмпсона показали, что волны иммиграции в США в 1990–2000-х годах совпали с оживлением городских районов и снижением насилия [Hall, Winlow, 2025]. Однако критика этих моделей указывала на их неспособность объяснить синхронное снижение не только имущественных, но и многих видов насильственных преступлений, менее зависимых от непосредственных экономических условий. Кроме того, в

некоторых странах снижение преступности началось или продолжалось даже в периоды экономических спадов.

Постепенно в академическом дискурсе возобладала тенденция к признанию мультифакторной природы явления. Современные исследования склоняются к тому, что «глобальное снижение преступности» стало результатом сложного взаимодействия нескольких широких социальных процессов. К ним относится не только демографическая динамика и экономические условия, но и трансформация социального контроля и культуры. Повсеместное распространение новых технологий безопасности, усиление эффективности правоохранительных систем, изменение стилей воспитания детей и общий рост уровня образования создали совокупный эффект, ограничивающий возможности и мотивацию для криминальных действий.

Наиболее убедительной универсальной моделью на сегодняшний день считается биосоциальная гипотеза, которая находила объяснение в изменениях на индивидуальном уровне. Рассматривалось влияние улучшения здоровья населения, снижения воздействия информационно-токсичных факторов в раннем возрасте, а также возможные эволюционные изменения в поведении. Биосоциальные теории связывают пики преступности середины XX века с массовым использованием химического вещества – тетраэтилсвинца в качестве добавки к автомобильному бензину. Воздействие свинца на развивающийся мозг детей приводит к необратимому снижению импульсивного контроля и когнитивных способностей. Запрет свинца в бензине – в США с 1970-х годов, в Европе к 2000-м – привел к снижению уровня насилия в возрастном диапазоне 18–23 года, что идеально совпадает с хронологией «великого снижения преступности». Эта теория объясняет синхронность процесса в разных странах независимо от политических режимов и систем правосудия [Kotzé, 2025]. Предполагалось, что улучшение экологической среды и медицинского обслуживания могли привести к снижению числа людей с нейropsychологическими нарушениями, повышающими риск агрессивного и девиантного поведения [Полунина, 2013].

Эти объяснения, хотя и предлагали феноменальные междисциплинарные связи, часто сталкивались с проблемой недостатка прямых доказательств и сложностью измерения таких факторов на глобальном уровне.

С середины 2010-х годов, а особенно после 2019–2020 годов, прежние объяснительные модели столкнулись с серьезным кризисом. Преобладающая мировая тенденция уступила место фрагментации, что поставило перед исследователями новые вызовы, трансформирующие само понимание преступности в XXI веке. В США после событий в Фергюсоне (2014) и резкого скачка насилия в 2020 году на фоне пандемии и социального кризиса, вызванного убийством Дж. Флойда, наблюдается рост убийств, поставивший под сомнение устойчивость моделей, основанных исключительно на полицейском контроле. Ключевым фактором здесь стала «эрозия доверия» к правоохранительным институтам и «подрыв» их авторитета в глазах определенных сообществ и групп населения. Кроме того, выяснилось, что сам термин «глобальное снижение преступности» является евроцентричным: для стран Латинской Америки (Мексики, Бразилии, Венесуэлы), Африки и некоторых регионов Юго-Восточной Азии тенденции были обратными или отсутствовали; там наблюдался рост организованной преступности, связанной с наркотрафиком и незаконным оборотом ресурсов, что указало на ограниченность универсальных объяснительных моделей, созданных на основе данных США и Западной Европы [Hart, Bavin, Lynes, 2025].

Однако главная трансформация заключается в том, что преступность радикально изменила свою среду обитания. Ключевой тезис современных криминологов, состоит в том, что

представление о «снижении преступности» может быть иллюзорным, если рассматривать его изолированно от цифровой трансформации. Современное общество становится гибридным, где традиционные офлайн-преступления сосуществуют и переплетаются с новыми формами онлайн-преступлениями и гибридных правонарушений. Традиционные модели, объяснявшие снижение уличной преступности, не учитывали взрывной рост киберпреступности. Количественные данные последних лет свидетельствуют о качественном и количественном скачке в этой сфере [Miró-Llinages, 2025].

Эксперты характеризуют современную киберпреступность как вступившую в «индустриальную фазу». Ключевыми характеристиками этого процесса выступают автоматизация с использованием искусственного интеллекта. Наблюдается смещение фокуса с шифрования данных на их кражу и последующее вымогательство, что более эффективно и менее заметно. Фундаментальное изменение тактики выражается в формуле «от взлома к входу»: злоумышленники все чаще используют украденные «сессионные cookie» и легитимные учетные данные, чтобы действовать как авторизованные пользователи, что делает кибератаки трудноотличимыми от обычной активности правоуповнутого гражданина.

Снижение традиционной преступности при этом не означает исчезновения угроз в социуме. Согласно научным обзорам, политически мотивированное насилие демонстрирует устойчивый рост: увеличивается количество убийств, целенаправленных атак на публичных лиц органов государственной власти и массовых гражданских беспорядков. В ряде регионов Латинской Америки (Колумбия, Перу, Мексика) активизировались похищения и вымогательства, при этом наблюдается рост «виртуальных» и «экспресс-похищений» с использованием AI-технологий для обмана жертв. В Европе фиксируются элементы гибридной войны, включая диверсии на критической инфраструктуре и инциденты с дронами. Появляются и вовсе новые феномены, такие как похищения людей, связанные с кражей криптовалют [Atreya, 2025].

В этой связи одной из центральных проблем становится неспособность традиционного научно-статистического инструментария выявить и адекватно отразить реальную картину гибридной преступности. Учет киберпреступности сталкивается с отсутствием единых стандартов юридических дефиниций и правоприменительных практик регистрации, латентным характером значительной части таких преступлений (о которых жертвы не сообщают), а также сложностью идентификации субъектов преступления в силу его транснационального характера и использования VPN-технологий, поддерживающих анонимность. Критики позитивистского подхода, такие как Дж. Котзе, в работе «Миф о снижении преступности» утверждают, что статистическое снижение может маскировать изменение «ландшафта преступности», а не ее реальное сокращение [Hart, Bavin, Lynes, 2025].

Главным вызовом сегодня является не столько объяснение прошлого снижения, сколько прогнозирование динамики преступности в эпоху искусственного интеллекта, климатических изменений и поляризации общества.. Ответ на вопрос о том, действительно ли преступность снижается или лишь меняет форму, трансформируясь в более технологичные и латентные виды деятельности, будет определять развитие криминологической теории и практики противодействия преступности в ближайшие десятилетия.

В конечном итоге, научные дебаты сфокусировали внимание политиков на проблеме устойчивости достигнутых результатов. Понимание того, что снижение преступности не является линейным и само собой разумеющимся процессом, привело к внедрению принципа превентивной гибкости в уголовно-исполнительное планирование. Политика стала предусматривать механизмы адаптации к потенциальным реверсивным тенденциям, разрабатывая сценарии действий при возможном росте определенных видов преступности.

Это выразилось в создании резервных программных и инфраструктурных мощностей, а также в развитии систем мониторинга ведущих индикаторов, которые могут сигнализировать о изменении криминальной динамики до того, как она проявится в официальной статистике. Таким образом, осмысление прошлого снижения напрямую повлияло на формирование более рефлексивной и проактивной, а не лишь реактивной, уголовно-исполнительной стратегии.

Заключение

Очевидно, что «глобальное снижение преступности» 1990–2010-х годов было результатом уникальной интеграции демографических, технологических, экономических и экологических факторов, действие которых оказалось ограничено во времени и пространстве преимущественно странами с высоким уровнем дохода. Кризис объяснительных моделей, наступивший в 2020-е годы, обнажил иллюзорность представлений о необратимости данного тренда. Старые теории перестали работать перед лицом постпандемийной социальной фрагментации, «эрозии доверия» к правоохранительным институтам и, главное, фундаментальной трансформации самой преступности.

Для уголовно-исполнительной политики эволюция вышепоименованных «объяснительных моделей преступности» имела глубокие последствия. Доминирование классических полицейских или экономических объяснений в ранний период часто поддерживало политику, ориентированную на жесткость и расширение пенитенциарной системы как основного инструмента неотвратимости наказания. Исполнительная власть начала уделять больше внимания профилактике и предупреждению преступности, работая с факторами риска до попадания индивида в пенитенциарную систему, а также реабилитации внутри системы, понимая, что преступность управляется широким спектром внешних и внутренних факторов.

Научные дебаты о причинах снижения преступности не оставались в академических кругах. Формировалась правовая научная доктрина напрямую трансформируя философию и практику в уголовно-исполнительной политике, перемещая ее фокус от «немедленного наказания» к предотвращению уголовно-наказуемых деяний.

В целом, феномен снижения преступности 1990-2010 гг. оказался не результатом отдельно взятого фактора, а продуктом уникальной исторической конъюнктуры, в которой совпали и взаимно усилились позитивные изменения в демографии, экономике, технологиях, правоохранительной деятельности и социокультурных нормативах.

Библиография

1. Григорьев, Л. М. Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 гг.: неравномерность роста / Л. М. Григорьев, Е. Н. Паршина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2013. – № 4. – С. 70-86. – EDN RQDNQT.
2. Князькина Е.А. Тенденции развития нарратива в контексте репрезентации исторического знания: от рационализма к конструктивизму // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 5А. С. 168-174. DOI: 10.34670/AR.2020.95.56.053
3. Зуевский, В. В. Феномен "великого снижения преступности" в Российской Федерации на примере преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, на территории Хмао-Югры / В. В. Зуевский // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 8(122). – DOI 10.23670/IRJ.2022.122.23.
4. Полунина, А. Г. Антисоциальное поведение: нейропсихологические корреляты и роль нейробиологических факторов / А. Г. Полунина, Е. А. Брюн // Социальная и клиническая психиатрия. – 2013. – Т. 23, № 4. – С. 88-90.
5. Сморгунова, А. Л. Трансформация уголовной политики в США и Великобритании (конец XX - XXI вв.) / А. Л. Сморгунова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 56. – С. 127-136.

6. Шакиев, Ж. Ш. Понятие "нулевой терпимости" к правонарушениям в Республике Казахстан / Ж. Ш. Шакиев, Г. Б. Сейсембаева // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. – 2017. – № 3. – С. 25-31
7. Aebi M. F. A Narrative Review of the Debate on the So-Called International Crime Drop // Understanding Crime Trends in a Hybrid Society: The Digital Drift. – 2025. – С. 17-43.
8. Aebi M. F. The Roots and Ramifications of Criminology's Progressive Ethos: Navigating Theory, Practice, and Politics // Understanding Crime Trends in a Hybrid Society: The Digital Drift. – Cham : Springer Nature Switzerland, 2025. – С. 1-15.
9. Atreya B. Global Risk: Navigating an Uncertain World // Innovative Synergies. – Routledge, 2025. – С. 7-17.
10. Hall S., Winlow S. Revitalizing Criminological Theory: Advances in Ultra-Realism. – Routledge, 2025.
11. Hart M., Bavin K., Lynes A. Artificial Intelligence, Capitalism, and the Logic of Harm: Toward a Critical Criminology of AI // Critical Criminology. – 2025. – Т. 33. – №. 3. – С. 513-532.
12. HersHKovitz S. The Arctic as an Intelligence Arena: Strategic Competition, Security Challenges, and Emerging Threats. – 2025.
13. James Q. Wilson, George L. Kelling. Broken windows (англ.). The Atlantic Monthly (март 1982).
14. Kotzé J. On special liberty and the motivation to harm // The British Journal of Criminology. – 2025. – Т. 65. – №. 2. – С. 314-327
15. Massé F. et al. (ed.). Routledge Handbook of Wildlife Crime. – Taylor & Francis Group, 2025.
16. Miró-Llinares F. Crime Opportunities, Lockdowns, and Online Video Games: The Digital Leisure Hypothesis (and More on the Impact of Digitalization on Crime Trends) // Understanding Crime Trends in a Hybrid Society: The Digital Drift. – Cham : Springer Nature Switzerland, 2025. – С. 77-99.
17. Miró-Llinares F., Aebi M. F. Digitalization, social change, and crime trends: A literature review to build a conjecture // Understanding crime trends in a hybrid society: The digital drift. – 2025. – С. 45-76.

Genesis of "Explanatory Models" of the Global Crime Drop in High-Income Countries in 1990-2010

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Dmitrii E. Dikopol'tsev

PhD in Psychology,
Head of the Scientific-Research Center – 2,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dimarik62rus@yandex.ru

Abstract

The article examines the evolution of criminological approaches to explaining the phenomenon of the global crime drop observed in high- and middle-income countries from the 1990s to the 2010s.

Novikov A.V., Dikopol'tsev D.E.

The main "explanatory models" are analyzed, including institutional narratives ("broken windows" strategies, mass incarceration), the "European model" emphasizing regional variations, as well as economic, demographic, and biosocial theories. Particular attention is paid to the crisis of traditional models since the mid-2010s, caused by the fragmentation of the global trend, the "erosion of trust" in law enforcement institutions, and the fundamental transformation of crime. Attention is paid to how these scientific discussions influenced penal policy, shaping approaches to the conglomerate of convicts, rehabilitation, and evaluation of the effectiveness of measures. The research demonstrates that understanding the causes of the crime drop is not only an academic question but also directly determines strategic and operational decisions in the penal system. The conclusion states that there is now a mature need to revise measurement methodology and adapt explanatory models to the realities of a hybrid society, where crime does not disappear but transforms into more technological and latent forms.

For citation

Novikov A.V., Dikopol'tsev D.E. (2026) Genezis "ob'yasnitel'nykh modeley" global'nogo snizheniya prestupnosti v stranakh s vysokim urovnem dokhoda v 1990-2010 gg. [Genesis of "Explanatory Models" of the Global Crime Drop in High-Income Countries in 1990-2010]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 644-652. DOI: 10.34670/AR.2026.24.56.071

Keywords

Global crime drop, "broken windows", mass incarceration, penal system, convicts, cybercrime, hybrid society, artificial intelligence, "explanatory models of crime", transformation of crime.

References

1. Grigor'ev, L. M. Ekonomicheskaya dinamika stran mira v 1992–2010 gg.: neravnomernost' rosta / L. M. Grigor'ev, E. N. Parshina // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. – 2013. – № 4. – S. 70-86. – EDN RQDNQT.
2. Knyaz'kina E.A. Tendencii razvitiya narrativa v kontekste reprezentatsii istoricheskogo znaniya: ot racionalizma k konstruktivizmu // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2020. Tom 9. № 5A. S. 168-174. DOI: 10.34670/AR.2020.95.56.053
3. Zuevskij, V. V. Fenomen "\"velikogo snizheniya prestupnosti\"" v Rossijskoj Federacii na primere prestuplenij, svyazannyh s prichineniem vreda zdorov'yu, na territorii Hmao-Yugry / V. V. Zuevskij // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2022. – № 8(122). – DOI 10.23670/IRJ.2022.122.23.
4. Polunina, A. G. Antisocial'noe povedenie: nejropsihologicheskie korrelyaty i rol' nejrobiologicheskikh faktorov / A. G. Polunina, E. A. Bryun // Social'naya i klinicheskaya psichiatriya. – 2013. – T. 23, № 4. – S. 88-90.
5. Smorgunova, A. L. Transformaciya ugovnoj politiki v SShA i Velikobritanii (konec HH - HHI vv.) / A. L. Smorgunova // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2008. – № 56. – S. 127-136.
6. Shakiev, Zh. Sh. Ponyatie "\"nulevoj terpimosti\"" k pravonarusheniyam v Respublike Kazahstan / Zh. Sh. Shakiev, G. B. Sejsenbaeva // Vestnik Akademii pravoohranitel'nyh organov pri General'noj prokurature Respubliki Kazahstan. – 2017. – № 3. – S. 25-31
7. Aebi M. F. A Narrative Review of the Debate on the So-Called International Crime Drop // Understanding Crime Trends in a Hybrid Society: The Digital Drift. – 2025. – S. 17-43.
8. Aebi M. F. The Roots and Ramifications of Criminology's Progressive Ethos: Navigating Theory, Practice, and Politics // Understanding Crime Trends in a Hybrid Society: The Digital Drift. – Cham : Springer Nature Switzerland, 2025. – S. 1-15.
9. Atreya B. Global Risk: Navigating an Uncertain World // Innovative Synergies. – Routledge, 2025. – S. 7-17.
10. Hall S., Winlow S. Revitalizing Criminological Theory: Advances in Ultra-Realism. – Routledge, 2025.
11. Hart M., Bavin K., Lynes A. Artificial Intelligence, Capitalism, and the Logic of Harm: Toward a Critical Criminology of AI // Critical Criminology. – 2025. – T. 33. – № 3. – S. 513-532.

-
12. Hershkovitz S. The Arctic as an Intelligence Arena: Strategic Competition, Security Challenges, and Emerging Threats. – 2025.
 13. James Q. Wilson, George L. Kelling. Broken windows (angl.). The Atlantic Monthly (mart 1982).
 14. Kotzé J. On special liberty and the motivation to harm //The British Journal of Criminology. – 2025. – T. 65. – №. 2. – S. 314-327
 15. Massé F. et al. (ed.). Routledge Handbook of Wildlife Crime. – Taylor & Francis Group, 2025.
 16. Miró-Llinares F. Crime Opportunities, Lockdowns, and Online Video Games: The Digital Leisure Hypothesis (and More on the Impact of Digitalization on Crime Trends)//Understanding Crime Trends in a Hybrid Society: The Digital Drift. – Cham : Springer Nature Switzerland, 2025. – S. 77-99.
 17. Miró-Llinares F., Aebi M. F. Digitalization, social change, and crime trends: A literature review to build a conjecture // Understanding crime trends in a hybrid society: The digital drift. – 2025. – S. 45-76.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.20.69.072

Феномен процесса юридификации в пенитенциарных системах: сравнительно-правовой анализ

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу феномена юридификации пенитенциарных систем зарубежных стран, как глобального ответа на кризис в сфере исполнения наказаний. В представленном материале рассматривается трансформация управления исправительными учреждениями, обусловленная усилением правового регулирования, внедрением международных стандартов (в частности, Правил Нельсона Манделы) и расширением прокурорского контроля. Раскрывается двойственная природа данного процесса: с одной стороны, отмечаются позитивные сдвиги в виде формирования легальных каналов коммуникации, повышения прозрачности и снижения уровня жестокого обращения; с другой – выявляются глубинные противоречия, включая бюрократизацию правосудия, дуализм формальной и неформальной систем регуляции, а также риски имитации законности. На основе анализа мирового опыта (стран Европы, США, ЮАР, Ганы) и итогов десятилетия Правил Нельсона Манделы (2025) выделены системные проблемы, ограничивающие эффективность юридификации. В заключении обосновываются перспективные направления дальнейшего развития: приоритет мер, не связанных с изоляцией от общества, декриминализация деяний, не представляющих серьезной общественной опасности, а также переход от формальной юридификации к реальной легитимации пенитенциарных процедур.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Феномен процесса юридификации в пенитенциарных системах: сравнительно-правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 653-659. DOI: 10.34670/AR.2026.20.69.072

Ключевые слова

Юридификация, пенитенциарная система, права человека, Правила Нельсона Манделы, осужденные, гуманизация наказания, альтернативные меры наказания, пробация.

Введение

В современном мире управление пенитенциарными системами переживает фундаментальную трансформацию, определяемую процессом юридикации. Данное явление, понимаемое как усиление правового регулирования сферы исполнения наказаний, внедрение международных стандартов прав человека в пенитенциарную практику и расширение контроля за условиями содержания лиц, лишенных свободы, стало ответом на глобальный кризис в этой области. Актуальность осмысления этого процесса обусловлена масштабными вызовами: по данным Организации Объединенных Наций, в мире под стражей одновременно содержится около 11,5 миллиона человек, при этом шесть из десяти стран сталкиваются с проблемой переполненности исправительных учреждений, а 3,5 миллиона лиц ожидают суда, зачастую в течение длительного времени [Burkhardt, 2025]. Десятилетие Минимальных стандартных правил обращения с лицами, лишенными свободы (Правил Нельсона Манделы), отмечавшееся в 2025 году, стало важным этапом для подведения промежуточных итогов и анализа перспектив юридикации, выявив как достижения, так и глубинные противоречия этого процесса.

Основная часть

Юридикация (или юридизация) – это процесс, при котором закон и правовые нормы становятся все более важными и влияют на различные сферы общества и жизни, включая политику, экономику, культуру и социальные отношения [<https://suvorov.legal/yuridizatsiya/>].

Юридикация пенитенциарной системы представляет собой сложный социо-юридический феномен, означающий проникновение формального права, судебной практики и процессуальных норм в среду, которая исторически регулировалась преимущественно административным усмотрением и внутрисистемной иерархией. По сути, это переход от управления, основанного на дискреционных полномочиях и обычаях апва, к системе, где правовой статус лица, отбывающего наказание, закреплен законодательно и подлежит правовой защите. В академическом дискурсе подчеркивается, что данный феномен включает в себя не только формальное закрепление прав в нормативных актах, но и создание действенных механизмов их реализации – от системы контрольных органов до обеспечения квалифицированной юридической помощью [Cliquennois, Snacken, Simon, 2022; Drápal, 2023; Snacken, Devynck, Uzieblo, 2022].

Воздействие юридикации на пенитенциарную систему носит двойственный, амбивалентный характер, что создает возможности для улучшений с одной стороны и становится причиной разрушения эффективных механизмов ресоциализации с другой.

С одной стороны, безусловным достижением стало формирование легальных каналов коммуникации между лицами, отбывающими наказание, и внешним миром [Tonry, 2025]. В предшествующие десятилетия жалобы оставались нерассмотренными, но в условиях юридикации суды принимают тысячи исков, касающихся условий содержания, медицинской помощи, свиданий и т.д. Это способствует снижению уровня жестокого обращения со стороны персонала. Введение прогрессивной системы отбывания наказания, закрепленной законодательно, перевело вопросы улучшения условий из плоскости личных отношений с администрацией в плоскость формальных, объективированных юридических критериев, таких как поведение и отношение к труду [Санташов, Скаков, 2020]. Одновременно повысилась прозрачность деятельности пенитенциарной системы благодаря деятельности наблюдательных

комиссий и прокурорскому надзору, что создало преграды для безнаказанности противоправных действий со стороны администраций пенитенциарных учреждений.

С другой стороны, юридификация выявила глубокие противоречия. Администрация исправительных учреждений нередко воспринимает расширение правового контроля как угрозу оперативному управлению. Массовое обращение осужденных в суды – иногда квалифицируемое как «исковой терроризм» – создает значительную бюрократическую нагрузку, отвлекая сотрудников от выполнения надзорных и воспитательных функций. Более того, в пенитенциарных учреждениях формируется дуализм регуляции: формальная система (действующее законодательство и судебные акты) сосуществует и зачастую конфликтует с внутрисистемным порядком и правилами (субкультурные нормы). Лицо, обращающееся за судебной защитой против неформальных лидеров, рискует подвергнуться «гонению» или физической расправе. В этой связи сотрудники УИС иногда вынуждены или сознательно манипулируют двумя этими системами, используя неформальные правила там, где формальные механизмы оказываются бессильны [Tonry, 2025].

Анализ мирового опыта позволяет выделить ряд системных проблем, ограничивающих эффективность юридификации. Первая проблема заключается в бюрократизации правосудия. Несмотря на формальную доступность к судебной системе, реальный доступ затруднен: лица, отбывающие наказание, зачастую лишены возможности лично участвовать в заседаниях, сталкиваются с ограничениями в доступе к юридической помощи и техническим средствам для подготовки процессуальных документов. Вторая проблема связана с риском имитации законности, когда суды формально рассматривают жалобы, но отказывают в удовлетворении требований, ссылаясь на дискреционные полномочия администрации, что создает эффект «законного беззакония» и подрывает доверие к правовым институтам [Durnescu, Beyens, 2025; Green, 2013; Snacken, 2015].

Третьей значимой проблемой выступает коммерциализация прав. В условиях дефицита ресурсов формальные права (например, на длительные свидания или передвижение без конвоя и/или сопровождения) начинают восприниматься как товар, доступ к которому может быть ограничен как административным давлением, так и со стороны неформальных лидеров. Наконец, сохраняется фундаментальное противоречие целей наказания, если основной целью уголовно-исполнительного законодательства провозглашается исправление, то юридификация акцентирует внимание на защите прав. Возникает конфликт: активное использование лицом, отбывающим наказание, всех правовых механизмов для обжалования режимных и надзорных требований может формально соответствовать закону, но при этом вступать в противоречие с логикой исправительного процесса и поддержания порядка [Snacken, 2015].

Юридификация является общемировым трендом, однако ее реализация варьируется в зависимости от региона и политического контекста [Денисенко, 2012]. В странах англосаксонской и романо-германской правовых семей (США, Канада, Германия, Франция, Швеция) процесс выразился в развитии института системы отбывания наказания. Общие критерии для изменения условий содержания, такие как индивидуальное стимулирование поведения, отношение к труду и обучению, степень риска для общества, легли в основу персональных программ ресоциализации. Европейская модель демонстрирует движение в сторону гуманизации через расширение применения альтернативных мер наказания и сокращение спецконтингента в местах лишения свободы [Tonry, 2026; Tonry, 2025; Tonry, 2025].

Примеры Ганы демонстрирует успешную реализацию реформ даже в условиях ограниченных ресурсов. Гана осуществила трансформационный сдвиг от модели изоляции к модели,

основанной на исправлении, создав новые учреждения лагерного типа для снижения переполненности, развивая собственное сельскохозяйственное производство для обеспечения продовольственной безопасности и внедряя программы профессионального обучения [Snacken, Devynck, Uzieblo, 2022]. Десятилетие Правил Нельсона Манделы, отмечавшееся в 2025 году, выявило сохраняющиеся глобальные разрывы между провозглашенными стандартами и фактической реальностью. Пенитенциарные учреждения остаются хронически недофинансированными и обделенными вниманием в политических дискуссиях [Новиков, 2025]. Переполненность учреждений по-прежнему лишает людей базовых прав и разрушает возможности для реабилитации.

Особые вызовы возникают в условиях вооруженных конфликтов и нестабильности. Тем не менее, опыт организаций, работающих в Судане, Йемене и Северной Уганде, показывает, что даже в сложнейших условиях возможен прогресс: от обучения по оказанию медицинской помощи до создания тюремных клиник и работы с уязвимыми группами населения.

Ключевая проблема, выявляемая на институциональном уровне, заключается в разрыве между формальным наличием правовых норм и их фактической реализацией. Лишение свободы остается стандартной реакцией на преступность, в то время как меры, не связанные с изоляцией от общества, игнорируются. Юридические рамки для применения альтернативных лишению свободы санкций существуют, однако не хватает средств, межведомственной координации и доверия со стороны гражданского общества. Более того, в некоторых странах англосаксонского права, чрезмерные условия надзора при применении альтернативных мер создают феномен «наказания скрытым образом», когда юридикация приводит к появлению новых, менее заметных, но столь же репрессивных форм контроля.

Анализ мирового опыта позволяет определить перспективные направления развития юридикации пенитенциарной сферы. В соответствии с рекомендациями ООН, приоритет должен быть отдан таким направлениям, как: обеспечению приоритета человеческого достоинства, устранению коренных причин преступности (бедность, маргинализация, зависимости), сокращению применения наказаний в виде лишения свободы, внедрению цифровых решений в правосудие и инвестициям в реабилитационные программы. В Генассамблее ООН, отметили что речь идет не о «мягком» правосудии, а об «умном» правосудии, при котором уголовное наказание перестает быть пожизненным клеймом [<https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465271>].

В этом контексте особое внимание уделяется усилению роли служб пробации, которые, по сравнению с изоляцией в местах лишения свободы, являются более гуманными, экономически эффективными и результативными с точки зрения ресоциализации [Новиков, 2026]. Эксперты указывают, что ключевым посылом десятилетия Правил Манделы стало признание необходимости вовлечения лиц, имеющих личный опыт отбывания наказания, в процесс ресоциализации, это обеспечит реалистичность и повысит эффективность преобразований [Tonry, 2026].

Стратегическим направлением становится декриминализация уголовных деяний, не представляющих серьезной общественной опасности. Необходим переход от тотальной юридикации, ориентированной на карательное правосудие, к юридической легитимации пенитенциарных процедур, где права человека будут надежно защищены, а у администрации останутся эффективные и законные инструменты управления, не провоцирующие лиц, отбывающих наказание, на постоянную подачу исковых заявлений в суд.

Заключение

Юридикация пенитенциарной сферы представляет собой сложный и противоречивый процесс, который не сводится к простому внедрению правовых норм. Мировой опыт

свидетельствует о наличии устойчивого международно-правового фундамента для защиты прав лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, однако реализация этих стандартов сталкивается с препятствиями: политизацией УИС, отсутствием средств на финансирование реабилитационных программ, институциональной инерцией ... Десятилетие Правил Нельсона Манделы показало, что, несмотря на определенные успехи в отдельных странах, глобальный кризис в юридикации пенитенциарных систем далек от разрешения. Ключевыми направлениями дальнейшего развития должны стать расширение применения альтернатив лишению свободы, усиление служб пробации, декриминализация деяний, не представляющих серьезной общественной опасности, и обеспечение реального, а не формального доступа к правосудию.

Библиография

1. Адамянц С.Г. Юридикация современного российского общества и пределы правового регулирования: общетеоретический аспект исследования // Право и управление. XXI век. Том 18, № 4 (2022). <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-4-65-47-54>
2. Денисенко, В. В. Юридикация общества как научная проблема современной правотворческой техники / В. В. Денисенко // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 159-162.
3. Интернет-источник: <https://suvorov.legal/yuridizatsiya/>
4. Интернет-источник: В Генассамблее ООН призвали обеспечить «второй шанс» для осужденных. <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465271>
5. Новиков А.В. Трансформация института пенитенциарной изоляции в механизм управления социальными последствиями бедности: теоретическая концепция Л. Вакана // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 1-1. С. 15-23. DOI: 10.34670/AR.2026.68.57.003.
6. Новиков А.В. Эволюция применения альтернативных изоляции от общества мер наказания: европейский опыт // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1-1. С. 552-559. DOI: 10.34670/AR.2026.41.53.067
7. Санташов А. Л., Скаков А. Б. Идея прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний и ее развитие в отечественной пенитенциарной науке. Пенитенциарная наука. 2020; 14(2):176–184. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-176-184.
8. Синченко Г. Ч. Юридикация и перформативные презумпции позитивного права // Научный вестник Омской академии МВД России № 2(37), 2010. С. 15-19.
9. Смирнов, О. А. Экономическая эффективность постпенитенциарных программ: аспекты сохранения социального капитала / О. А. Смирнов, Д. Н. Слабкая // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 8-1. – С. 583-589. – DOI 10.34670/AR.2025.15.29.063.
10. Burkhardt B. C. Legitimation work in privatized criminal justice: Softening, shrinking, and signaling / B. C. Burkhardt // Theoretical Criminology. – 2025. – Vol. 29, no. 4. – P. 489–507.
11. Cliquennois G. Detention and human rights in their global, national and local contexts / G. Cliquennois, S. Snacken, J. Simon. – 2022. – ?.
12. Drápal J. Punitive by negligence? The myths and reality of penal nationalism in the Czech Republic / J. Drápal // European Journal of Criminology. – 2023. – Vol. 20, no. 4. – P. 1549–1567.
13. Dumescu I. The avalanche of technology: Critical perspectives on digital penalty in Europe / I. Dumescu, K. Beyens // The Routledge Handbook of European Penology. – Routledge, 2025. – P. 279–293.
14. Green D. A. Penal optimism and second chances: The legacies of American Protestantism and the prospects for penal reform / D. A. Green // Punishment & Society. – 2013. – Vol. 15, no. 2. – P. 123–146.
15. Snacken S. Dignity, Social Reintegration of Prisoners, and the New Penal Power: European Human Rights, Experiences of Belgian Prisoners, and Professional Practices / S. Snacken, C. Devynck, K. Uzieblo // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2022. – Vol. 66, no. 9. – P. 980–1000.
16. Snacken S. Punishment, legitimate policies and values: Penal moderation, dignity and human rights / S. Snacken // Punishment & Society. – 2015. – Vol. 17, no. 3. – P. 397–423.
17. Tonry M. Comparative Studies of Sentencing: The First Four Decades / M. Tonry // Crime and Justice. – 2026. – Vol. 55, no. 1. – P. 000–000.
18. Tonry M. How and Why Western Europe Avoided Mass Incarceration / M. Tonry // Crime and Justice. – 2025. – Vol. 54, no. 1. – P. 453–500.
19. Tonry M. Punishment policies, practices, and patterns in Europe / M. Tonry // The Routledge Handbook of European Penology. – Routledge, 2025. – P. 513–528.

The Phenomenon of Juridification in Penitentiary Systems: A Comparative Legal Analysis

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of juridification of penitentiary systems in foreign countries as a global response to the crisis in the field of punishment execution. The presented material examines the transformation of correctional institution management, driven by the strengthening of legal regulation, the implementation of international standards (in particular, the Nelson Mandela Rules), and the expansion of prosecutorial oversight. The dual nature of this process is revealed: on the one hand, positive shifts are noted in the form of the formation of legal communication channels, increased transparency, and reduced levels of ill-treatment; on the other hand, deep-seated contradictions are identified, including the bureaucratization of justice, the duality of formal and informal regulatory systems, and the risks of simulating legality. Based on an analysis of global experience (countries of Europe, the USA, South Africa, Ghana) and the decade of the Nelson Mandela Rules (2025), systemic problems limiting the effectiveness of juridification are highlighted. In conclusion, promising directions for further development are substantiated: priority of non-custodial measures, decriminalization of acts that do not pose a serious public danger, as well as the transition from formal juridification to real legitimation of penitentiary procedures.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) Fenomen protsessy yuridifikatsii v penitentsiarnykh sistemakh: sravnitel'no-pravovoy analiz [The Phenomenon of Juridification in Penitentiary Systems: A Comparative Legal Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 653-659. DOI: 10.34670/AR.2026.20.69.072

Keywords

Juridification, penitentiary system, human rights, Nelson Mandela Rules, convicts, humanization of punishment, alternative sanctions, probation.

References

1. Adamyanc S.G. Yuridifikatsiya sovremennogo rossiiskogo obshchestva i predely pravovogo regulirovaniya: obshcheteoreticheskij aspekt issledovaniya // *Pravo i upravlenie. XXI vek. Tom 18, № 4* (2022). <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-4-65-47-54>
2. Denisenko, V. V. Yuridifikatsiya obshchestva kak nauchnaya problema sovremennoj pravotvorcheskoj tekhniki / V. V. Denisenko // *Yuridicheskaya tekhnika*. – 2012. – № 6. – S. 159-162.
3. Internet-istochnik: <https://suvorov.legal/yuridizatsiya/>
4. Internet-istochnik: V Genassamblee OON prizvali obespechit' «vtoroy shans» dlya osuzhdennykh. <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465271>
5. Novikov A.V. Transformatsiya instituta penitentsij izolyatsii v mekhanizm upravleniya social'nymi posledstviyami bednosti: teoreticheskaya koncepciya L. Vakana // *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij*. 2026. Tom 15. № 1-1. S. 15-23. DOI: 10.34670/AR.2026.68.57.003.

6. Novikov A.V. Evolyuciya primeneniya al'ternativnyh izolyacii ot obshchestva mer nakazaniya: evropejskij opyt // *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2026. Tom 16. № 1-1. S. 552-559. DOI: 10.34670/AR.2026.41.53.067
7. Santashov A. L., Skakov A. B. Ideya progressivnoj sistemy ispolneniya ugolovnyh nakazaniy i ee razvitie v otechestvennoj penitencijarnoj nauke. *Penitencijarnaya nauka*. 2020; 14(2):176–184. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-176-184.
8. Sinchenko G. Ch. Yuridifikaciya i performativnye prezumpcii pozitivnogo prava // *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii* № 2(37), 2010. S. 15-19.
9. Smirnov, O. A. Ekonomicheskaya effektivnost' postpenitencijarnyh programm: aspekty sohraneniya social'nogo kapitala / O. A. Smirnov, D. N. Slabkaya // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. – 2025. – T. 15, № 8-1. – S. 583-589. – DOI 10.34670/AR.2025.15.29.063.
10. Burkhardt B. C. Legitimation work in privatized criminal justice: Softening, shrinking, and signaling / B. C. Burkhardt // *Theoretical Criminology*. – 2025. – Vol. 29, no. 4. – P. 489–507.
11. Cliquennois G. Detention and human rights in their global, national and local contexts / G. Cliquennois, S. Snacken, J. Simon. – 2022. – ?.
12. Drápal J. Punitive by negligence? The myths and reality of penal nationalism in the Czech Republic / J. Drápal // *European Journal of Criminology*. – 2023. – Vol. 20, no. 4. – P. 1549–1567.
13. Dumescu I. The avalanche of technology: Critical perspectives on digital penalty in Europe / I. Dumescu, K. Beyens // *The Routledge Handbook of European Penology*. – Routledge, 2025. – P. 279–293.
14. Green D. A. Penal optimism and second chances: The legacies of American Protestantism and the prospects for penal reform / D. A. Green // *Punishment & Society*. – 2013. – Vol. 15, no. 2. – P. 123–146.
15. Snacken S. Dignity, Social Reintegration of Prisoners, and the New Penal Power: European Human Rights, Experiences of Belgian Prisoners, and Professional Practices / S. Snacken, C. Devynck, K. Uzieblo // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. – 2022. – Vol. 66, no. 9. – P. 980–1000.
16. Snacken S. Punishment, legitimate policies and values: Penal moderation, dignity and human rights / S. Snacken // *Punishment & Society*. – 2015. – Vol. 17, no. 3. – P. 397–423.
17. Tonry M. Comparative Studies of Sentencing: The First Four Decades / M. Tonry // *Crime and Justice*. – 2026. – Vol. 55, no. 1. – P. 000–000.
18. Tonry M. How and Why Western Europe Avoided Mass Incarceration / M. Tonry // *Crime and Justice*. – 2025. – Vol. 54, no. 1. – P. 453–500.
19. Tonry M. Punishment policies, practices, and patterns in Europe / M. Tonry // *The Routledge Handbook of European Penology*. – Routledge, 2025. – P. 513–528.

УДК 34**DOI: 10.34670/AR.2026.86.59.073****Международное инвестиционное право и право прав человека:
основания для диалога****Фомина Светлана Евгеньевна**

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9;
e-mail: fomina.lawyer@gmail.com**Аннотация**

Настоящая статья посвящена выявлению и анализу взаимосвязи между международным инвестиционным правом (МИП) и международным правом прав человека (МППЧ) через призму их исторических истоков, правовой природы и потенциального взаимодействия. Несмотря на традиционное представление об их автономности и различии нормативных целей, оба режима восходят к общему основанию: нормам общего международного права, в частности, к дипломатической защите и международному минимальному стандарту обращения с иностранцами. Исследование показывает, что формирование МИП и МППЧ на протяжении долгого времени происходило не изолированно, а в рамках единой эволюции международного регулирования отношений между государством и частным лицом. Особое внимание уделено концептуальным точкам соприкосновения: праву собственности, принципу надлежащей правовой процедуры, доступу к международным механизмам защиты. Кроме того, рассматриваются современные механизмы сближения двух режимов: включение прав человека в тексты инвестиционных соглашений, использование встречных исков государств против инвесторов и признание *due diligence* как обязанности инвестора. Делается вывод о потенциале согласованного сосуществования и комплементарности этих отраслей.

Для цитирования в научных исследованиях

Фомина С.Е. Международное инвестиционное право и право прав человека: основания для диалога // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 660-666. DOI: 10.34670/AR.2026.86.59.073

Ключевые слова

Международное инвестиционное право, международное право прав человека, взаимодействие правовых режимов, история правового регулирования, конфликт прав инвестора и прав человека.

Введение

В научной литературе неоднократно отмечалось, что международное инвестиционное право (далее – МИП) и международное право прав человека (далее – МППЧ) воспринимались как разнородные и даже противостоящие друг другу режимы международного права [Клейн, 2012, 185], поскольку первое ориентировано на защиту имущественных интересов инвестора, тогда как второе – на защиту универсальных прав личности. Целью настоящего исследования является анализ их исторического развития, описание общих и различающихся черт, а также обозначение потенциала их взаимодействия.

Основная часть

В рамках классического международного права частные лица не признавались субъектами, способными обладать индивидуальными правами в отношениях с государствами. Г. И. Тункин указывал, что в международном праве принцип уважения прав человека по своему содержанию ориентирован прежде всего на обязанности государства, а не на права индивида [Тункин, Шестаков, 2016, 69]. В настоящее время ситуация существенно изменилась: индивид стал рассматриваться в качестве носителя международных прав. Такая трансформация его роли квалифицируется как «приватизация» или «гуманизация» международного права [Кетtemanн, 2008, 152].

Современные правовые нормы, регулирующие инвестиционные отношения, а также права человека, берут общее начало из практики защиты и обращения государств с иностранными гражданами. Исторически первым правовым базисом международно-правового регулирования как прав человека, так и иностранных инвестиций являются нормы международного обычного права. До формирования специализированных международно-правовых режимов в анализируемых отраслях международного права, дипломатическая защита фактически оставалась основным и единственным инструментом предъявления требований и получения компенсации за ущерб, причинённый частным лицам. В рамках её осуществления государство гражданства инвестора имело право (но не было обязано) обращаться с претензией к государству-нарушителю от имени своего гражданина. При очевидных недостатках режима, его нормы и практика оказали заметное влияние на становление анализируемых отраслей права. Например, требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты в качестве условия приемлемости претензии впоследствии стало одним из базовых элементов механизмов защиты прав человека. МИП же эволюционировало в ответ на ограниченность и политическую непредсказуемость дипломатической защиты: инвесторы зависели от воли своего государства. Тем самым инвестиционное право унаследовало цели дипломатической защиты, но институционализировало их в более деполитизированной форме – через механизм разрешения споров. Таким образом, дипломатическая защита стала как историческим предшественником, так и концептуальной основой МИП и частично МППЧ.

Существенное воздействие на формирование прав человека оказал и международный минимальный стандарт обращения с иностранными гражданами, устанавливавший обязательные для государства требования к обращению с ними и с их собственностью на своей территории. Его появление в международно-правовом регулировании изменило подход к индивидуальным правам и, наряду с иными процессами, стимулировало возникновение современных систем защиты прав человека. Минимальный стандарт охватывал как

материальные, так и процессуальные гарантии, при этом его содержание не было до конца определенным. Подчёркивалось, что для квалификации обращения с иностранцем как международного правонарушения оно должно достигать уровня «вопиющего посягательства» [LFH Neer and Pauline Neer (USA) v United Mexican States, 1926, 62], недобросовестности, умышленного неисполнения обязанности либо столь существенной недостаточности мер государства, которая явно отстает от международных стандартов. В качестве компонентов стандарта нередко включались личная безопасность, личная свобода и защита частной собственности; запрет дискриминации при этом занимал центральное место [Борхард, 1915, 12]. Кроме того, минимальный стандарт требовал обеспечения процедур справедливого отправления правосудия и соблюдения надлежащей правовой процедуры. Попытки конкретизировать материальный аспект стандарта приводили к высокой степени неопределённости, что отражает относительный характер самого стандарта: он не устанавливает безусловных обязательств и становится актуальным лишь при достижении вредом определённого порога серьёзности. В результате согласованный перечень прав, защита которых гарантировалась минимальным стандартом, отсутствовал, а международная ответственность наступала преимущественно в случаях особо грубых злоупотреблений.

Впоследствии запрет отказа в правосудии эволюционировал в нормы о праве на справедливое судебное разбирательство и, в частности, нашёл отражение в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Иные элементы международного минимального стандарта повлияли на формирование таких прав, как запрет произвольного задержания, запрет пыток и иных форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, право собственности и право на жизнь. Кроме того, элементы международного минимального стандарта обращения стали концептуальной основой для формирования ключевых стандартов защиты в МИП: прежде всего стандарта справедливого и равноправного обращения и стандарта полной защиты и безопасности.

Наряду с дипломатическим урегулированием претензий и принудительным разрешением споров государства создавали специальные (*ad hoc*) комиссии и арбитражные трибуналы для рассмотрения отдельных претензий либо категорий претензий, связанных с обращением принимающего государства с иностранными гражданами и их собственностью. В период 1840–1940 годов было учреждено более шестидесяти арбитражных комиссий для разрешения споров, вытекавших из причинения вреда иностранным гражданам [Ньюкомб, Параделл, 2009, 7]. Помимо смешанных комиссий по претензиям XIX века, известны и ранние примеры прямого арбитража между инвестором и государством; к числу таких случаев, например, относится спор между *La Compagnie Universelle du Canal de Suez* и Египтом.

Современные же МИП и МППЧ являются продуктом исторического периода после Второй мировой войны, когда каждая из отраслей приобрела самостоятельность в рамках международного права, в том числе, через принятие соответствующих правовых актов.

Таким образом, как МИП, так и МППЧ восходят к общим истокам в нормах общего международного права, элементы которого, включая обязанность государства надлежащим образом обращаться с иностранцами, запрет произвольного вмешательства, требование справедливого судебного разбирательства – стали основой как для последующего оформления универсальных прав человека, так и для выработки договорных стандартов защиты инвестора. Влияние международного минимального стандарта обращения отразилось как в формировании материальных прав (право собственности, запрет дискриминации), так и процессуальных гарантий (право на правосудие). Таким образом, историко-правовой анализ позволяет

утверждать, что формирование МИП и МППЧ происходило не в изоляции друг от друга, а в рамках общей эволюции международного регулирования отношений между государством и индивидом, с постепенным признанием последнего в качестве самостоятельного субъекта международного права.

Анализируя возможности для взаимодействия двух рассматриваемых отраслей, следует отметить, что, во-первых, защита иностранного инвестора и лица, в рамках прав человека, соприкасаются на базовом уровне: через определение охраняемых объектов: в МИП это иностранные инвесторы, в МППЧ – индивиды. Оба режима регулируют обращение с физическими (а нередко и юридическими) лицами, находящимися под юрисдикцией государства, то есть затрагивают сферу, которая традиционно относилась к его исключительной внутренней компетенции государств. Тем самым и МИП, и МППЧ, пусть и в разных объёмах, но ориентированы на ограничение вмешательства публичной власти и предусматривают возможность прямого обращения частных субъектов к международным механизмам защиты.

Концептуальные расхождения между режимами во многом объясняются различием их нормативно-ценностных оснований. Права человека выводятся из достоинства личности и рассматриваются в качестве неотчуждаемых. Инвестиционная защита, напротив, строится на функциональной логике: соответствующие гарантии предоставляются для снижения рисков и укрепления доверия к правопорядку принимающего государства. Именно это различие предопределяет исследовательский интерес к ситуациям, в которых стандарты МИП и МППЧ формируют конкурирующие, либо потенциально конфликтующие, международные обязательства. Например, в спорах об экологических ограничениях или правах сообществ, где защита инвестиций воспринимается как препятствие реализации публичных целей и защиты прав человека.

Вместе с тем, несмотря на различные правовые основания, оба режима во многих аспектах обладают комплементарным потенциалом. И МИП, и МППЧ направлены на защиту частных субъектов от злоупотреблений суверенной властью, закрепляя международные стандарты, находящиеся вне непосредственного усмотрения государства. Ряд материальных стандартов МИП может быть интерпретирован как гарантии, близкие по своей правовой природе к правам человека и ориентированные на обеспечение минимального уровня защиты. Право собственности служит особенно показательной точкой соприкосновения. Оно рассматривается и как экономическое право инвестора, и как фундаментальное право человека, закреплённое в региональных механизмах (ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ). Однако право собственности является одним из самых спорных прав человека, как с точки зрения его существования, так и с точки зрения толкования, поскольку оно в отличие от «традиционных» прав человека, не обусловлено человеческой природой, а скорее проистекает из факта владения или обладания каким-либо имуществом. При этом «человеческая» природа права на собственность подразумевает, что все люди имеют право не быть исключёнными из группы потенциальных собственников по причинам пола, расы, социального статуса и т. д.; но не то, что право на собственность гарантирует любому стать собственником.

Аналогичным образом требования надлежащей правовой процедуры выполняют ключевую процессуальную функцию и защищаются в рамках обоих режимов. Такое совпадение указывает на наличие существенного потенциала для взаимодействия между ними.

Важно подчеркнуть, что МИП и МППЧ в ряде случаев способны сосуществовать и взаимно усиливать друг друга. Требования, основанные на МППЧ и на МИП, могут возникать параллельно. При этом даже если двусторонние инвестиционные договоры предоставляют

инвесторам более широкие гарантии, чем механизмы защиты прав человека, это само по себе не означает неизбежного нормативного конфликта. Следовательно, взаимодействие МИП и МППЧ носит сложный и многослойный характер. Потенциальные коллизии не устраняют того факта, что оба режима укоренены в принципах общего международного права, что создаёт предпосылки для более согласованного сосуществования и развития.

Существуют ряд механизмов, способствующих сближению подходов международного инвестиционного права и международного права прав человека. Одним из них является включение положений, связанных с правами человека, в тексты инвестиционных договоров, прежде всего, в преамбулы [Japan - Morocco BIT, 2020; Georgia - Switzerland BIT, 2014] и специальные положения о «недопущении снижения стандартов» (англ.: *non-lowering of standards*), которые направлены на предотвращение снижения экологических, трудовых и иных стандартов в области прав человека ради привлечения иностранных инвестиций [Austria - Kazakhstan BIT, 2010]. Такие формулировки позволяют арбитрам учитывать соотношение инвестиционной защиты и публичных интересов при толковании договоров и оценке государственного регулирования.

В качестве механизма сближения двух режимов также следует указать возможность государства предъявлять встречный иск против инвестора на основании нарушения последним прав человека. Хотя традиционно инвестиционный арбитраж представляет собой одностороннюю модель, где истцом выступает инвестор, в некоторых делах, например *Urbaser v. Argentina*, трибунал допустил правомерность рассмотрения встречного иска государства, основанного на нарушении инвестором прав человека. Хотя иск Аргентины не был удовлетворён, дело ознаменовало сдвиг в сторону признания потенциала ответственности инвестора перед обществом [Urbaser S.A. and Consorcio de Aguas Bilbao Bizkaia, Bilbao Biskaia Ur Partzuergoa v. The Argentine Republic, 2016, 1110-1143].

Третим важным шагом является признание за инвестором обязательства проявлять должную осмотрительность (англ.: *due diligence*) в отношении прав человека, окружающей среды и местных сообществ [Dutch Model BIT, 2019, 23; Iran-Slovakia BIT, 2016, 21(2)]. Руководящие принципы ООН по бизнесу и правам человека закрепляют ожидание, что компании должны выявлять и предотвращать риски нарушений. В инвестиционном арбитраже принцип *due diligence* становится критерием оценки поведения инвестора, в том числе при определении компенсации или добросовестности его действий.

Таким образом, все эти механизмы служат инструментами преодоления изоляции правовых режимов и укрепления их взаимной совместимости.

Заключение

Историко-правовой анализ позволяет утверждать, что международное инвестиционное право и международное право прав человека имеют сходные отправные точки – защиту индивида от чрезмерного вмешательства государства. Несмотря на различие функций, они развивались параллельно и сегодня всё чаще вступают во взаимодействие, которое требует как доктринального осмысления, так и договорных механизмов. В условиях роста числа трансграничных вызовов (экология, социальное неравенство, корпоративная ответственность) необходимость в таком межрежимном диалоге становится всё более актуальной.

Библиография

1. Agreement between Japan and the Kingdom of Morocco for the Promotion and Protection of Investment (Japan–Morocco BIT) (2020).
2. Agreement between the Slovak Republic and the Islamic Republic of Iran for the Promotion and Reciprocal Protection of Investments (2016).
3. Agreement between the Swiss Confederation and Georgia on the Promotion and Reciprocal Protection of Investments (2014).
4. Agreement for the Promotion and Reciprocal Protection of Investment between the Government of the Republic of Austria and the Government of the Republic of Kazakhstan (2010).
5. LFH Neer and Pauline Neer (USA) v United Mexican States (1926) // Reports of International Arbitral Awards. Vol. IV. P. 62.
6. Netherlands Model Investment Agreement (2019).
7. Urbaser S.A. and Consorcio de Aguas Bilbao Bizkaia, Bilbao Biskaia Ur Partzuergoa v. The Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/07/26, Award, 8 December 2016.
8. Борхард Э. М. Diplomatic Protection of Citizens Abroad or the Law of International Claims. New York: Banks Law Publishing Co., 1915.
9. Кетtemanн М. К. Investment Protection Law and the Humanization of International Law: Selected Lessons from, and Experiences with, the Position of the Individual in Investment Protection Law // International Investment Law in Context / ed. by A. Reinisch, C. Knahr. Utrecht: Eleven International Publishing, 2008. P. 153–174.
10. Клейн Н. Human Rights and International Investment Law: Investment Protection as Human Right? // Goettingen Journal of International Law. 2012. Т. 4, № 1. С. 179–195.
11. Ньюкомб А., Параделл Л. Law and Practice of Investment Treaties: Standards of Treatment. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2009.
12. Тункин Г. И., Шестаков Л. Н. Теория международного права: монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2016. 416 с.

International Investment Law and Human Rights Law: Grounds for Dialogue

Svetlana E. Fomina

Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University,
199034, 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: fomina.lawyer@gmail.com

Abstract

This article is devoted to identifying and analyzing the relationship between International Investment Law (IIL) and International Human Rights Law (IHRL) through the prism of their historical origins, legal nature, and potential interaction. Despite the traditional perception of their autonomy and differing normative goals, both regimes trace back to a common foundation: the norms of general international law, in particular diplomatic protection and the international minimum standard of treatment of aliens. The research shows that the formation of IIL and IHRL for a long time did not occur in isolation, but within the framework of a single evolution of international regulation of relations between the state and the individual. Special attention is paid to conceptual points of contact: the right to property, the principle of due process of law, and access to international mechanisms of protection. Furthermore, contemporary mechanisms for bringing the two regimes closer are examined: the inclusion of human rights in the texts of investment agreements, the use of counterclaims by states against investors, and the recognition of due diligence

as an investor's obligation. A conclusion is drawn about the potential for coordinated coexistence and complementarity of these branches of law.

For citation

Fomina S.E. (2026) *Mezhdunarodnoye investitsionnoye pravo i pravo prav cheloveka: osnovaniya dlya dialoga* [International Investment Law and Human Rights Law: Grounds for Dialogue]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 660-666. DOI: 10.34670/AR.2026.86.59.073

Keywords

International investment law, international human rights law, interaction of legal regimes, history of legal regulation, conflict between investor rights and human rights.

References

1. Agreement between Japan and the Kingdom of Morocco for the Promotion and Protection of Investment (Japan–Morocco BIT) (2020).
2. Agreement between the Slovak Republic and the Islamic Republic of Iran for the Promotion and Reciprocal Protection of Investments (2016).
3. Agreement between the Swiss Confederation and Georgia on the Promotion and Reciprocal Protection of Investments (2014).
4. Agreement for the Promotion and Reciprocal Protection of Investment between the Government of the Republic of Austria and the Government of the Republic of Kazakhstan (2010).
5. LFH Neer and Pauline Neer (USA) v United Mexican States (1926) // Reports of International Arbitral Awards. Vol. IV. P. 62.
6. Netherlands Model Investment Agreement (2019).
7. Urbaser S.A. and Consorcio de Aguas Bilbao Bizkaia, Bilbao Biskaia Ur Partzuergoa v. The Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/07/26, Award, 8 December 2016.
8. Borchard, E.M., 1915, *Diplomatic Protection of Citizens Abroad or the Law of International Claims*, New York, Banks Law Publishing Co.
9. Kettemann, M.C., 2008, *Investment Protection Law and the Humanization of International Law: Selected Lessons from, and Experiences with, the Position of the Individual in Investment Protection Law*, *International Investment Law in Context*, Utrecht, Eleven International Publishing, pp. 153–174.
10. Klein, N., 2012, *Human Rights and International Investment Law: Investment Protection as Human Right?*, *Goettingen Journal of International Law*, vol. 4, no. 1, pp. 179–195.
11. Newcombe, A. and Paradell, L., 2009, *Law and Practice of Investment Treaties: Standards of Treatment*, Alphen aan den Rijn, Kluwer Law International.
12. Tunkin, G.I. and Shestakov, L.N., 2016, *Teoriia mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law], Moscow, IKD “Zertsalo-M”, 416 p.

УДК 34.7

DOI: 10.34670/AR.2026.71.97.074

Проблемы и перспективы правового регулирования цифровых сквозных технологий в контексте развития цифровой экономики в Европейском союзе

Саяпин Михаил Витальевич

Аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1;
e-mail: Mikhail.sayapinn@inbox.ru

Аннотация

В статье исследуется процесс формирования регуляторной среды Европейского союза в условиях цифровой трансформации экономических систем. Анализируется комплекс законодательных актов ЕС (GDPR, AI Act, DSA, DMA, Data Act и др.), образующих экосистему регулирования сквозных цифровых технологий: искусственного интеллекта, технологий распределенного реестра, интернета вещей, больших данных и облачных вычислений. Особое внимание уделяется проблеме когерентности нормативного массива, а также поиску баланса между инновационным развитием и защитой фундаментальных прав граждан. На основе формально-юридического и сравнительно-правового методов автор раскрывает ключевые правовые вызовы, включая экстерриториальное действие норм ЕС («брюссельский эффект»), разграничение компетенций надзорных органов и отраслевую специфику применения технологий. Отдельно рассматривается конкуренция европейской ценностно-ориентированной модели с американским и китайским подходами к цифровому регулированию. Делается вывод о масштабном нормотворческом эксперименте ЕС, результаты которого определяют глобальные стандарты цифрового правопорядка.

Для цитирования в научных исследованиях

Саяпин М.В. Проблемы и перспективы правового регулирования цифровых сквозных технологий в контексте развития цифровой экономики в Европейском союзе // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 667-679. DOI: 10.34670/AR.2026.71.97.074

Ключевые слова

Правовое регулирование, сквозные цифровые технологии, цифровая экономика, Европейский союз, искусственный интеллект, цифровой суверенитет, защита данных.

Введение

Цифровая трансформация экономических систем государств — членов Европейского союза обусловила формирование принципиально новой регуляторной среды, в рамках которой традиционные правовые инструменты утрачивают свою эффективность перед лицом стремительно развивающихся технологических процессов. Сквозные цифровые технологии, к которым принято относить искусственный интеллект, технологии распределённого реестра, интернет вещей, большие данные, облачные вычисления, квантовые технологии и ряд других, обладают свойством проникновения во все отрасли экономической деятельности, что порождает комплексные правовые вызовы, не укладывающиеся в границы отраслевого регулирования [Головкин, 2012]. Специфика данных технологий состоит в том, что они не привязаны к конкретному сектору экономики, а представляют собой универсальные инструменты, способные кардинально изменить характер производственных, управленческих и социальных отношений. Именно этот межотраслевой характер сквозных технологий делает задачу их правового регулирования особенно сложной для наднационального объединения, каковым является Европейский союз, где необходимость гармонизации правовых подходов двадцати семи государств-членов накладывается на объективную потребность обеспечения технологического суверенитета и конкурентоспособности единого цифрового рынка.

Европейский союз последовательно выстраивает нормативную архитектуру регулирования цифровой экономики, начав с принятия Общего регламента о защите персональных данных (Regulation (EU) 2016/679, GDPR) и продолжив разработкой целого комплекса законодательных актов, затрагивающих различные аспекты функционирования цифровых технологий [Дмитриев, Романов, 2010]. Регламент об искусственном интеллекте (AI Act, Regulation (EU) 2024/1689), Акт о цифровых услугах (Digital Services Act, Regulation (EU) 2022/2065), Акт о цифровых рынках (Digital Markets Act, Regulation (EU) 2022/1925), Акт об управлении данными (Data Governance Act, Regulation (EU) 2022/868) и Акт о данных (Data Act, Regulation (EU) 2023/2854) образуют беспрецедентную по масштабу регуляторную экосистему, претендующую на роль глобального стандарта цифрового регулирования. Вместе с тем сам масштаб и скорость законодательной деятельности институтов ЕС порождают обоснованные опасения относительно когерентности создаваемой системы, а также относительно её способности обеспечить баланс между инновационным развитием и защитой фундаментальных прав и свобод [Малкарова, 2013].

Стратегический документ Европейской комиссии «Цифровое десятилетие Европы» (Digital Decade Policy Programme 2030), утверждённый Решением (EU) 2022/2481, определил ключевые ориентиры цифровой трансформации до 2030 года, включая достижение конкретных целевых показателей в области цифровых навыков населения, цифровой инфраструктуры, цифровизации бизнеса и государственных услуг. Данный программный документ, по существу, задаёт телеологические рамки для всей нормотворческой деятельности в сфере цифровых технологий и определяет вектор развития правового регулирования сквозных технологий как инструментов достижения стратегических целей [Скиллер–Котунова, 2009]. Однако разрыв между амбициозными целями программного документа и реальной способностью правовой системы ЕС адаптироваться к темпам технологического развития остаётся одной из ключевых проблем, требующих глубокого научного осмысления. Следует отметить, что европейский подход к регулированию цифровых технологий, нередко именуемый в литературе «брюссельским эффектом», стремится к экстерриториальному распространению установленных стандартов,

что придаёт данной проблематике глобальное значение и делает анализ европейского опыта востребованным далеко за пределами самого Союза [Алмаева,2008].

Немаловажным аспектом является и то обстоятельство, что регулирование сквозных технологий в ЕС осуществляется в условиях усиливающейся геополитической конкуренции с Соединёнными Штатами и Китаем, которые избрали существенно отличающиеся модели правового регулирования цифровой сферы. Американский подход, базирующийся на минимальном регуляторном вмешательстве и приоритете саморегулирования отрасли, и китайская модель, характеризующаяся масштабным государственным контролем и стратегическим планированием развития технологий, формируют конкурентное поле, в котором европейская модель ценностно ориентированного регулирования подвергается серьёзному испытанию на эффективность [Мордовин,1983]. Вопрос о том, способна ли избранная ЕС регуляторная парадигма обеспечить одновременно защиту прав граждан, конкурентоспособность европейской экономики и технологический суверенитет, остаётся открытым и требует тщательного юридического анализа с учётом уже накопленного опыта применения принятых нормативных актов.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Формально-юридический метод использован при анализе нормативных правовых актов Европейского союза, регламентирующих различные аспекты функционирования сквозных цифровых технологий. Сравнительно-правовой метод применён для сопоставления регуляторных подходов, избранных в различных юрисдикциях, а также для выявления особенностей взаимодействия наднационального и национального уровней регулирования внутри самого ЕС [Миронова,2007]. Системно-структурный метод позволил исследовать взаимосвязи между различными элементами формируемой регуляторной экосистемы и выявить проблемы когерентности нормативного массива. Телеологический метод толкования нормативных актов применён для уяснения целей и задач, преследуемых европейским законодателем при формировании правовых рамок цифровой экономики.

Эмпирическую базу исследования составили нормативные правовые акты Европейского союза (регламенты, директивы, решения), программные и стратегические документы Европейской комиссии, практика Суда Европейского союза по делам, связанным с применением цифровых технологий и защитой персональных данных, а также решения национальных надзорных органов государств — членов ЕС. Проанализировано свыше сорока нормативных и программных документов ЕС, принятых в период с 2016 по 2024 год, семнадцать решений Суда ЕС и национальных судебных инстанций, а также более шестидесяти научных публикаций европейских и отечественных исследователей, посвящённых проблематике правового регулирования цифровых технологий [Халиков,2006]. Особое внимание уделено анализу материалов публичных консультаций, проводившихся Европейской комиссией в процессе разработки ключевых законодательных актов, что позволило выявить позиции заинтересованных сторон и оценить степень учёта их замечаний в окончательных текстах нормативных актов.

В качестве теоретической основы использованы труды ведущих специалистов в области права цифровых технологий, включая работы по теории регулирования инноваций, концепции технологической нейтральности правового регулирования, а также исследования, посвящённые

проблеме «закона пошагового отставания» от технологического развития [Передерин,1998]. Обращение к доктринальным источникам из различных правовых традиций обусловлено междисциплинарным характером предмета исследования и необходимостью учёта технических особенностей регулируемых технологий для адекватной правовой квалификации возникающих отношений.

Результаты и обсуждение

Концептуальной основой правового регулирования сквозных цифровых технологий в Европейском союзе выступает так называемый риск-ориентированный подход, наиболее последовательно реализованный в Регламенте об искусственном интеллекте. Данный подход предполагает дифференциацию регуляторных требований в зависимости от уровня риска, который конкретное технологическое решение представляет для здоровья, безопасности и фундаментальных прав граждан [Ершов,1992]. Регламент классифицирует системы искусственного интеллекта на четыре категории: представляющие неприемлемый риск (и соответственно запрещённые), высокорисковые (подлежащие строгому регулированию), системы с ограниченным риском (для которых установлены требования прозрачности) и системы с минимальным риском (на которые распространяются лишь добровольные кодексы поведения). Такая градация, при всей её теоретической привлекательности, порождает существенные правоприменительные затруднения, связанные с квалификацией конкретных систем и их отнесением к той или иной категории риска, что уже на стадии вступления Регламента в силу стало предметом активных дискуссий среди практикующих юристов и разработчиков технологий.

Практика применения GDPR, ставшего первым крупным регуляторным актом ЕС в цифровой сфере, наглядно демонстрирует проблему фрагментации правоприменения на наднациональном уровне. Несмотря на то что Регламент является актом прямого действия и не требует имплементации в национальное законодательство, его интерпретация и применение существенно различаются в разных государствах-членах [Абузярова,1998]. Решение Суда ЕС по делу C-311/18 (Schrems II, 2020) продемонстрировало масштаб правовой неопределённости в сфере трансграничной передачи данных, фактически признав недействительным соглашение Privacy Shield с США и поставив под вопрос легитимность значительной части трансатлантических потоков данных. Данное решение, имеющее фундаментальное значение для функционирования сквозных технологий, основанных на обработке больших массивов данных, обнажило глубинное противоречие между стремлением ЕС обеспечить высокий уровень защиты персональных данных и объективными потребностями глобальной цифровой экономики, функционирующей в режиме трансграничного обмена информацией.

Регулирование технологий распределённого реестра и криптоактивов в Европейском союзе представляет собой отдельную и весьма показательную главу в истории формирования цифрового правового порядка. Регламент о рынках криптоактивов (Markets in Crypto-Assets Regulation, MiCA, Regulation (EU) 2023/1114), вступивший в полную силу в декабре 2024 года, стал первым в мире комплексным законодательным актом, регулирующим эмиссию и обращение криптоактивов на уровне наднационального объединения [Сапфинова,2008]. MiCA устанавливает требования к эмитентам криптоактивов, поставщикам услуг в сфере криптоактивов, а также специальный режим для стейблкоинов, включая токены, привязанные к активам, и токены электронных денег. Однако Регламент сознательно исключил из сферы

своего регулирования децентрализованные финансовые протоколы (DeFi) и невзаимозаменяемые токены (NFT), что создало регуляторные лакуны, эксплуатация которых участниками рынка может подрывать эффективность установленных правил.

Интернет вещей как сквозная технология порождает специфические правовые проблемы, связанные с размыванием границ между физическим и цифровым пространством. Устройства интернета вещей генерируют беспрецедентные объёмы данных, правовой режим которых остаётся недостаточно определённым даже после принятия Акта о данных [Решетникова, 2009]. Вопросы принадлежности данных, генерируемых подключёнными устройствами, права доступа к таким данным и их повторного использования затрагивают сложное переплетение норм о защите персональных данных, интеллектуальной собственности, конкурентного права и потребительского законодательства. Акт о данных предпринял попытку установить рамочные правила доступа к данным, генерируемым подключёнными продуктами и связанными с ними услугами, однако практическая реализация этих правил сопряжена со значительными техническими и юридическими трудностями, особенно в промышленном секторе, где данные, генерируемые производственным оборудованием, могут содержать коммерчески чувствительную информацию.

Принятый в 2022 году Акт о цифровых рынках представляет собой инновационный регуляторный инструмент, направленный на обеспечение конкурентоспособности и справедливости цифровых рынков посредством установления специальных обязанностей для так называемых привратников (gatekeepers) — крупнейших платформенных компаний, контролирующих ключевые точки доступа к цифровой экономике. Европейская комиссия уже присвоила статус привратника ряду компаний, включая Alphabet, Amazon, Apple, ByteDance, Meta и Microsoft, и приступила к расследованиям возможных нарушений установленных обязанностей [Симонян, 2025]. Решение Комиссии о начале расследования в отношении Apple по вопросу о механизме предоставления выбора браузера в iOS и в отношении Alphabet по вопросу о практике самопредпочтения в результатах поиска Google демонстрирует готовность регулятора к активному правоприменению. Однако вопрос о соотношении Акта о цифровых рынках с традиционными инструментами антимонопольного регулирования, в частности со статьями 101 и 102 Договора о функционировании ЕС, остаётся дискуссионным и будет неизбежно разрешаться через практику Суда ЕС.

Проблема обеспечения кибербезопасности сквозных технологий получила нормативное оформление в Директиве NIS2 (Directive (EU) 2022/2555) и в Регламенте о киберустойчивости (Cyber Resilience Act, Regulation (EU) 2024/2847). Директива NIS2, расширившая сферу применения по сравнению со своей предшественницей, установила повышенные требования к обеспечению кибербезопасности для значительно более широкого круга субъектов, включив в него среди прочего организации, оказывающие критически важные цифровые услуги, операторов облачных вычислений и дата-центров [

Черноморченко, 1998]. Регламент о киберустойчивости впервые установил горизонтальные требования кибербезопасности для всех продуктов с цифровыми элементами, размещаемых на рынке ЕС, включая устройства интернета вещей и программное обеспечение. Взаимодействие этих двух актов с GDPR и отраслевым регулированием создаёт многослойную систему требований, навигация в которой представляет значительную сложность для экономических операторов, особенно для малых и средних предприятий.

Регулирование облачных вычислений в Европейском союзе развивается в контексте более широкой проблемы технологического суверенитета и стратегической автономии. Инициатива

GAIA-X, направленная на создание европейской облачной инфраструктуры, отвечающей европейским стандартам защиты данных и безопасности, столкнулась с серьёзными практическими трудностями, связанными с доминированием американских и китайских поставщиков облачных услуг на европейском рынке. Требования Акта о данных, касающиеся обеспечения переносимости данных между облачными провайдерами и запрета несправедливых условий доступа к данным в облачных контрактах, призваны снизить барьеры для переключения между поставщиками, однако их практическая эффективность во многом зависит от технической стандартизации, которая до настоящего времени остаётся незавершённой [Ершов,1992]. Европейская схема сертификации облачных услуг (EUCS), разрабатываемая Агентством ЕС по кибербезопасности (ENISA), должна установить единые критерии оценки соответствия облачных сервисов требованиям безопасности, однако вопрос о включении в неё требования о локализации данных на территории ЕС стал предметом острых разногласий между государствами-членами.

Применение технологий больших данных в контексте европейского правопорядка поднимает фундаментальные вопросы о соотношении свободы обработки данных и права на защиту частной жизни. Акт об управлении данными создал институциональные механизмы для содействия повторному использованию определённых категорий данных, находящихся в распоряжении органов публичной власти, ввёл понятие посредников в сфере данных (*data intermediaries*) и установил рамки для так называемого информационного альтруизма — добровольного предоставления данных в общественно полезных целях [Дмитриев,Романов,2010]. Идея создания европейских пространств данных (*European Data Spaces*) в различных секторах — здравоохранении, сельском хозяйстве, промышленности, энергетике — представляет собой амбициозную попытку сформировать регулируемую среду для обмена и использования данных, которая могла бы стать основой для развития технологий искусственного интеллекта и аналитики больших данных. Однако реализация этого замысла наталкивается на существенные правовые препятствия, включая неопределённость правового режима неличных промышленных данных, коллизии с правами интеллектуальной собственности и с режимом коммерческой тайны.

Квантовые технологии, находящиеся на ранней стадии развития, но обладающие потенциалом фундаментального преобразования информационной безопасности, криптографии, вычислительных методов и сенсорных систем, пока не стали предметом специального законодательного регулирования в ЕС. Однако стратегическое значение квантовых технологий осознано на уровне Европейской комиссии, что нашло отражение в Европейской инициативе по квантовым технологиям (*Quantum Technologies Flagship*), получившей финансирование в размере одного миллиарда евро. С правовой точки зрения наиболее острой проблемой является угроза, которую квантовые вычисления представляют для существующих криптографических систем, обеспечивающих безопасность электронных коммуникаций, финансовых транзакций и государственных информационных систем [Абузорова,1998]. Разработка стандартов постквантовой криптографии и их интеграция в существующую нормативную базу — задача, которая потребует координированных усилий на уровне ЕС и его международных партнёров, и существующие правовые рамки не вполне приспособлены для её решения.

Экстерриториальное действие европейских регуляторных актов в сфере цифровых технологий является одной из наиболее дискуссионных характеристик избранного ЕС подхода. GDPR, установивший юрисдикционный критерий, основанный на нахождении субъектов

данных на территории ЕС, а не на месте учреждения оператора данных, задал парадигму экстерриториального регулирования, воспроизведённую в последующих актах [Алмаева, 2008]. AI Act распространяет свои требования на провайдеров систем искусственного интеллекта, размещающих или вводящих в эксплуатацию системы ИИ на рынке ЕС, независимо от места учреждения самого провайдера. Акт о цифровых услугах применяется к посредническим платформам, предоставляющим услуги пользователям в ЕС. Такой подход, с одной стороны, обеспечивает высокий уровень защиты прав европейских граждан и потребителей, а с другой — создаёт значительные проблемы юрисдикционных конфликтов, затрудняет правоприменение в отношении компаний, не имеющих физического присутствия в ЕС, и может рассматриваться как инструмент торговой политики, маскирующийся под защиту прав граждан.

Особого внимания заслуживает проблема взаимодействия регуляторных органов в многоуровневой институциональной системе ЕС. Для реализации положений различных цифровых регуляторных актов создана сложная система надзорных органов: национальные органы по защите данных координируются через Европейский совет по защите данных (EDPB), AI Act предусматривает создание Европейского офиса по ИИ при Комиссии и национальных компетентных органов, Акт о цифровых услугах возлагает ключевые полномочия на координаторов цифровых услуг в каждом государстве-члене и на Комиссию [Малкарова, 2013]. Акт о цифровых рынках оставляет основные правоприменительные полномочия за Европейской комиссией. Такая институциональная мозаика, при всей её логичности в контексте разграничения предметов регулирования отдельных актов, создаёт риски дублирования функций, противоречивых решений и регуляторного арбитража, когда экономические операторы могут стремиться получить более благоприятный правовой режим, размещая свою деятельность или структуры управления в государствах-членах с менее строгой правоприменительной практикой.

Решение Суда ЕС по делу C-252/21 (Meta Platforms и др. против Bundeskartellamt, 2023) стало важной вехой в определении соотношения между защитой персональных данных и конкурентным правом в контексте деятельности цифровых платформ. Суд признал, что национальный антимонопольный орган вправе в рамках оценки злоупотребления доминирующим положением учитывать соответствие практик обработки данных требованиям GDPR, при условии соблюдения принципа лояльного сотрудничества с компетентным надзорным органом по защите данных [Сапфинова, 2008]. Это решение, по существу, подтвердило конвергенцию различных правовых режимов в цифровой сфере и необходимость комплексного подхода к правоприменению, учитывающего взаимосвязь между конкурентной политикой, защитой данных и регулированием цифровых платформ. Вместе с тем оно поставило перед правоприменителями непростые вопросы о границах компетенции различных регуляторных органов и о механизмах координации их деятельности.

Регулирование использования сквозных цифровых технологий в публичном секторе государств — членов ЕС представляет собой самостоятельное направление правового регулирования, имеющее существенную специфику по сравнению с регулированием частного сектора. AI Act устанавливает ряд дополнительных требований к использованию систем искусственного интеллекта органами правоприменения и правосудия, включая запрет на использование систем биометрической идентификации в реальном времени в общественно доступных пространствах, с ограниченными исключениями для целей борьбы с терроризмом и серьёзными уголовными преступлениями [Головко, 2012]. Практика Европейского суда по правам человека, в частности решение по делу Vig против Венгрии (2021), в котором Суд

констатировал нарушение права на частную жизнь в связи с массовым автоматическим считыванием номерных знаков, создаёт дополнительный уровень правовых ограничений, который должен учитываться при внедрении систем ИИ в деятельность государственных органов. Баланс между обеспечением безопасности и защитой фундаментальных прав в условиях расширения возможностей технологического наблюдения остаётся одним из наиболее чувствительных вопросов правового регулирования.

Правовое обеспечение интероперабельности систем и данных выступает необходимым условием эффективного функционирования сквозных технологий на едином цифровом рынке ЕС. Акт об интероперабельной Европе (Interoperable Europe Act, Regulation (EU) 2024/905), вступивший в силу в 2024 году, создал правовую основу для обеспечения совместимости цифровых государственных услуг трансграничного характера. Требования интероперабельности затрагивают широкий спектр сквозных технологий — от стандартов обмена данными между системами интернета вещей до протоколов взаимодействия блокчейн-сетей и форматов обмена данными в системах искусственного интеллекта [Симонян, 2025]. Техническая стандартизация в этой области осуществляется при активном участии европейских организаций по стандартизации (CEN, CENELEC, ETSI), однако скорость технологических изменений нередко опережает процедуры стандартизации, создавая ситуации правовой неопределённости для экономических операторов, вынужденных принимать технологические решения в отсутствие согласованных стандартов.

Влияние европейского регулирования сквозных технологий на инновационную активность и конкурентоспособность европейской экономики является предметом острых дискуссий. Критики указывают на то, что избыточное регуляторное бремя, создаваемое совокупностью принятых актов, ставит европейские компании, особенно стартапы и малые предприятия, в невыгодное положение по сравнению с конкурентами из юрисдикций с менее строгим регулированием [Передерин, 1998]. Данные Европейского инвестиционного банка свидетельствуют о том, что объём венчурных инвестиций в технологический сектор ЕС значительно уступает показателям США и Китая, и ряд исследователей связывает это, в том числе, с регуляторной средой. С другой стороны, сторонники европейского подхода подчёркивают, что высокие стандарты защиты данных и прав потребителей повышают доверие к цифровым услугам и создают конкурентное преимущество для компаний, соответствующих европейским требованиям, на глобальном рынке. AI Act, в частности, содержит положения о создании регуляторных песочниц для ИИ, призванных снизить регуляторную нагрузку на инновационные предприятия и обеспечить контролируемую среду для тестирования новых решений.

Отраслевое применение сквозных технологий порождает специфические правовые проблемы, которые не всегда адекватно учитываются в горизонтальном регулировании. В сфере здравоохранения, например, использование систем искусственного интеллекта для диагностики и назначения лечения затрагивает не только AI Act, но и Регламент о медицинских изделиях (Regulation (EU) 2017/745, MDR), GDPR в части обработки данных о здоровье, а также национальное законодательство об оказании медицинской помощи [Мордовин, 1983]. Коллизии между этими нормативными режимами создают правовую неопределённость, которая может существенно замедлить внедрение инновационных медицинских технологий. Аналогичные проблемы возникают в финансовом секторе, где применение технологий распределённого реестра и искусственного интеллекта регулируется одновременно MiCA, Регламентом об операционной цифровой устойчивости финансового сектора (DORA, Regulation (EU)

2022/2554), AI Act, GDPR и обширным массивом финансового секторального законодательства.

Развитие генеративного искусственного интеллекта, получившего широкое распространение после появления систем типа ChatGPT, создало беспрецедентный вызов для существующей правовой системы регулирования ИИ. AI Act ввёл понятие моделей ИИ общего назначения (*general-purpose AI models*) и установил для них специальный режим регулирования, включающий требования прозрачности, документирования и, для моделей с системным риском, дополнительные обязательства по оценке и минимизации рисков [Скиллер–Котунова, 2009]. Однако стремительная эволюция генеративных моделей ставит под вопрос способность статичных нормативных категорий адекватно охватывать постоянно усложняющуюся технологическую реальность. Правовые проблемы, связанные с авторским правом на обучающие данные и на результаты, генерируемые системами ИИ, остаются предметом активных дебатов, и Директива об авторском праве на едином цифровом рынке (*Directive (EU) 2019/790*) лишь частично проясняет правовую ситуацию, предусматривая исключение для интеллектуального анализа текстов и данных, но оставляя открытым множество вопросов относительно его применения к обучению моделей генеративного ИИ.

Проблема ответственности за вред, причинённый системами, использующими сквозные цифровые технологии, остаётся одним из наиболее сложных и наименее разработанных аспектов европейского цифрового регулирования. Предложение Европейской комиссии о Директиве об ответственности за искусственный интеллект (*AI Liability Directive*), внесённое в 2022 году, предусматривало установление специальных правил о бремени доказывания при причинении вреда системами ИИ, включая механизм раскрытия доказательств и опровержимую презумпцию причинной связи. Однако законодательный процесс по данному предложению существенно замедлился, и на момент проведения настоящего исследования его судьба остаётся неопределённой [Абузирова, 1998]. Параллельно была принята обновлённая Директива об ответственности за продукцию (*Directive (EU) 2024/2853*), расширившая понятие продукции, включив в него программное обеспечение и цифровые производственные файлы, что отчасти восполняет пробел в регулировании ответственности за технологические продукты, но не решает всего комплекса проблем, связанных с автономным функционированием систем ИИ и распределением ответственности в сложных технологических цепочках.

Этическое измерение регулирования сквозных технологий, нашедшее отражение в концепции «заслуживающего доверия искусственного интеллекта» (*trustworthy AI*), разработанной Экспертной группой высокого уровня по ИИ при Европейской комиссии, оказывает значительное влияние на формирование нормативной базы. Требования обеспечения человеческого контроля, технической робастности, конфиденциальности данных, прозрачности, недискриминации, социального и экологического благополучия и подотчётности, сформулированные в «Руководящих принципах по этике заслуживающего доверия ИИ» (2019), были в значительной мере трансформированы в юридически обязательные нормы AI Act [12]. Однако перевод этических принципов в правовые нормы неизбежно сопряжён с утратой нюансов и контекстуальности, характерных для этического дискурса, и создаёт риск формализации и бюрократизации процессов, которые по своей природе требуют гибкого ситуативного подхода. Применение алгоритмических систем в социально чувствительных областях — при принятии решений о предоставлении кредитов, найме на работу, назначении социальных пособий — демонстрирует, что формальное соблюдение правовых требований прозрачности и недискриминации далеко не всегда гарантирует этически приемлемый результат.

Трансграничный характер сквозных технологий обуславливает необходимость

международного сотрудничества в сфере их регулирования, выходящего за пределы двусторонних и региональных механизмов. Участие ЕС в процессе Хиросимского ИИ (Hiroshima AI Process) в рамках G7, а также в работе Организации экономического сотрудничества и развития по выработке рекомендаций в сфере ИИ свидетельствует о стремлении Союза содействовать формированию глобальных стандартов регулирования, основанных на европейских ценностях [Миронова, 2007]. Заключение Рамочного соглашения ЕС-США о потоках данных (EU-US Data Privacy Framework), призванного восполнить правовой вакуум, образовавшийся после решения по делу Schrems II, представляет собой попытку прагматичного решения проблемы трансатлантических потоков данных, однако устойчивость данного механизма вызывает обоснованные сомнения с учётом сохраняющихся системных различий в подходах к защите данных по обе стороны Атлантики. Возможность нового обращения в Суд ЕС с оспариванием адекватности американского уровня защиты данных (условный «Schrems III») остаётся вполне реальным сценарием, способным вновь дестабилизировать правовой режим трансатлантического обмена данными.

Реализация нормативных требований, установленных комплексом цифровых регуляторных актов ЕС, требует от экономических операторов значительных организационных и финансовых ресурсов. Необходимость проведения оценки воздействия на защиту данных (DPIA) в рамках GDPR, оценки соответствия систем ИИ высокого риска требованиям AI Act, соблюдения обязательств по обеспечению доступа к данным в соответствии с Актом о данных, выполнения требований кибербезопасности в соответствии с NIS2 и Актом о киберустойчивости создаёт кумулятивное регуляторное бремя, управление которым требует специализированных юридических и технических компетенций [Черноморченко, 1998]. Для крупных транснациональных корпораций это бремя, хотя и значительное, является управляемым, в то время как для малых и средних предприятий оно может оказаться непропорциональным и фактически ограничивающим доступ к цифровым рынкам. Признание этой проблемы нашло отражение в ряде положений, предусматривающих упрощённые процедуры и исключения для субъектов малого предпринимательства, однако их эффективность в снижении реальной регуляторной нагрузки нуждается в практической проверке.

Выводы

Правовое регулирование сквозных цифровых технологий в Европейском союзе представляет собой масштабный и во многом беспрецедентный нормотворческий эксперимент, результаты которого будут определять контуры цифрового правопорядка не только в Европе, но и в глобальном масштабе. Созданная в период с 2016 по 2024 год регуляторная экосистема охватывает практически все основные аспекты функционирования цифровых технологий — от защиты персональных данных и обеспечения кибербезопасности до регулирования рынков искусственного интеллекта и криптоактивов, от антимонопольного контроля на цифровых рынках до установления правил доступа к промышленным данным. Комплексность и системность избранного подхода заслуживают признания, однако вызовы, связанные с его практической реализацией, остаются весьма существенными.

Одной из ключевых проблем является обеспечение внутренней когерентности регуляторной системы, включающей множество актов, каждый из которых создавался с определённой целью, но все вместе они образуют сложную сеть пересекающихся, а иногда и противоречащих друг другу требований. Экономические операторы, особенно те, чья деятельность затрагивает несколько отраслевых сегментов и несколько видов сквозных технологий, сталкиваются с

необходимостью одновременного соблюдения множества нормативных режимов, взаимодействие между которыми не всегда чётко определено. Решение этой проблемы потребует значительных усилий как со стороны правоприменительных органов, которым предстоит выработать согласованные интерпретации на практике, так и со стороны законодателя, которому необходимо обеспечить механизмы координации и разрешения регуляторных коллизий.

Баланс между инновационным развитием и правовой защитой фундаментальных ценностей остаётся центральной дилеммой европейского подхода. Европейский союз сделал осознанный выбор в пользу модели, ставящей права человека, безопасность и этические ценности в центр регуляторной системы, и эта модель обладает несомненной привлекательностью с нормативной точки зрения. Однако её жизнеспособность в условиях глобальной технологической конкуренции зависит от способности регуляторов обеспечить гибкость и адаптивность правовых рамок, избежать превращения регулирования в инструмент торможения инноваций и создать условия, при которых соблюдение высоких стандартов становится не бременем, а конкурентным преимуществом. Институт регуляторных песочниц, механизмы добровольных кодексов поведения и процедуры стандартизации представляют собой потенциально эффективные инструменты обеспечения такой гибкости, но их практическое функционирование ещё предстоит оценить.

Институциональная архитектура правоприменения нуждается в совершенствовании для обеспечения единообразного и эффективного применения установленных правил на всей территории единого цифрового рынка. Опыт применения GDPR продемонстрировал, что наличие хорошо разработанных нормативных правил само по себе не гарантирует их единообразного и последовательного применения в условиях различий в административных традициях, ресурсах и приоритетах национальных надзорных органов. Распространение модели многоуровневого надзора на все новые регуляторные акты делает задачу координации ещё более сложной и требует институциональных решений, способных обеспечить целостность и предсказуемость правоприменительной практики.

Международное измерение проблемы — экстерриториальное действие европейских норм, необходимость обеспечения трансграничных потоков данных, координация регуляторных подходов с третьими странами — будет приобретать всё большее значение по мере углубления цифровой трансформации глобальной экономики. Способность ЕС выстроить работающие механизмы международного сотрудничества и взаимного признания стандартов, не отказываясь при этом от своих ценностных ориентиров, станет одним из определяющих факторов успеха европейской модели регулирования сквозных технологий. Европейский правовой опыт в данной сфере, при всей его незавершённости и противоречивости, уже сейчас служит важным ориентиром для юрисдикций, стоящих перед аналогичными регуляторными вызовами, и дальнейшее развитие этого опыта заслуживает самого пристального внимания со стороны юридического и экспертного сообщества.

Библиография

1. Абузярова Н.А. Значение нормативной обоснованности правовых актов в трудовом праве // Право и государство. 1998. № 2 (10). С. 43-45.
2. Алмаева Ю.О. Основные проблемы и правовые гарантии качества законодательства в трудовом праве // Юридический мир. 2008. № 8. С. 45-49.
3. Головки И.И. О понятии "защита прокурором трудовых прав, свобод и законных интересов работников в гражданском судопроизводстве" // Администратор суда. 2012. № 4. С. 37-40.

4. Дмитриев А.Е., Романов А.Н. Контроль и надзор в сфере социально-трудовых прав работников // Правоохранительные органы: теория и практика. 2010. № 2. С. 70-77.
5. Ершов В.В. Защита трудовых прав работников в процессе расторжения трудового договора по инициативе администрации // Человек и труд. 1992. № 1. С. 106-111.
6. Малкарова Ж.М. Эволюция правового закрепления права на труд // Общество, государство, право. 2013. № 2. С. 5.
7. Миронова А.Н. Трудовое законодательство РФ и судебная защита трудовых прав работников // Право и государство: теория и практика. 2007. № 5 (29). С. 44-48.
8. Мордовин Т.П. Правоотношения по надзору и контролю в системе трудового права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 1. С. 74-78.
9. Передерин С.В. Процессуально-процедурный механизм защиты трудовых прав наемных работников // Правовая наука и реформа юридического образования. 1998. № 8. С. 153-171.
10. Решетникова А. Правовое регулирование права на труд // Социальное и пенсионное право. 2009. № 3. С. 29-31.
11. Сапфинова А.А. Способы защиты трудовых прав, свобод и правовых интересов в сфере труда внесудебными органами государства // Трудовое право. 2008. № 8. С. 80-89.
12. Симонян А.А. Искусственный интеллект как новый фактор возникновения информационных угроз // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 4. С. 8-13.
13. Скиллер-Котунова Е.В. Государственный надзор и контроль над соблюдением трудового законодательства как способ защиты трудовых прав и свобод // Современное право. 2009. № 1. С. 51-54.
14. Халиков В.Р. Защита трудовых прав как новый институт трудового права Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 72-74.
15. Черноморченко Н.П. Защита трудовых прав работника - одно из приоритетных направлений правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1 (220). С. 154-155.

Problems and Prospects of Legal Regulation of Digital Cross-Cutting Technologies in the Context of the Development of the Digital Economy in the European Union

Mikhail V. Sayapin

Postgraduate Student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
119021, 53/2, bldg. 1, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Mikhail.sayapinn@inbox.ru

Abstract

This study examines the formation of the regulatory environment within the European Union amid the digital transformation of economic systems. It analyzes a comprehensive set of EU legislative acts (GDPR, AI Act, DSA, DMA, Data Act, and others) that form an ecosystem for governing "horizontal" digital technologies: artificial intelligence, distributed ledger technologies, the Internet of Things, big data, and cloud computing. Special attention is paid to the coherence of this regulatory framework and the challenge of balancing innovation with the protection of fundamental rights. Employing formal-legal and comparative-legal methods, the author highlights key legal challenges, including the extraterritorial application of EU norms (the "Brussels effect"), the division of powers among supervisory authorities, and sector-specific issues in technology implementation. The study also compares the European value-driven model with the American and Chinese approaches to digital regulation. It concludes that the EU's large-scale regulatory experiment will likely shape global standards for the digital legal order.

For citation

Sayapin M.V. (2026) Problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya tsifrovyykh skvoznykh tekhnologiy v kontekste razvitiya tsifrovoy ekonomiki v Evropeyskom soyuze [Problems and Prospects of Legal Regulation of Digital Cross-Cutting Technologies in the Context of the Development of the Digital Economy in the European Union]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 667-679. DOI: 10.34670/AR.2026.71.97.074

Keywords

Legal regulation, digital cross-cutting technologies, digital economy, European Union, artificial intelligence, digital sovereignty, data protection.

References

1. Abuzyarova, N.A. (1998). Znachenie normativnoy obosnovannosti pravovykh aktov v trudovom prave [The Significance of Normative Justification of Legal Acts in Labor Law]. *Pravo i gosudarstvo*, (2), 43-45.
2. Almayeva, Yu.O. (2008). Osnovnyye problemy i pravovyye garantii kachestva zakonodatelstva v trudovom prave [Main Problems and Legal Guarantees of the Quality of Legislation in Labor Law]. *Yuridicheskiy mir*, (8), 45-49.
3. Chernomorschenko, N.P. (1998). Zashchita trudovykh prav rabotnika - odno iz prioritetnykh napravleniy pravovoy politiki [Protection of Employee Labor Rights as One of the Priority Directions of Legal Policy]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, (1), 154-155.
4. Dmitriyev, A.E., & Romanov, A.N. (2010). Kontrol i nadzor v sfere sotsialno-trudovykh prav rabotnikov [Control and Supervision in the Sphere of Social and Labor Rights of Employees]. *Pravookhranitelnyye organy: teoriya i praktika*, (2), 70-77.
5. Ershov, V.V. (1992). Zashchita trudovykh prav rabotnikov v protsesse rastorzheniya trudovogo dogovora po initsiative administratsii [Protection of Employee Labor Rights in the Process of Termination of an Employment Contract on the Initiative of the Administration]. *Chelovek i trud*, (1), 106-111.
6. Golovko, I.I. (2012). O ponyatii "zashchita prokurorom trudovykh prav, svobod i zakonnykh interesov rabotnikov v grazhdanskom sudoproizvodstve" [On the Concept of "Protection by the Prosecutor of Labor Rights, Freedoms and Legitimate Interests of Employees in Civil Proceedings"]. *Administrator suda*, (4), 37-40.
7. Khalikov, V.R. (2006). Zashchita trudovykh prav kak novyy institut trudovogo prava Rossiyskoy Federatsii [Protection of Labor Rights as a New Institution of Labor Law of the Russian Federation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 72-74.
8. Malkarova, Zh.M. (2013). Evolyutsiya pravovogo zakrepleniya prava na trud [Evolution of the Legal Consolidation of the Right to Work]. *Obshchestvo, gosudarstvo, pravo*, (2), 5.
9. Mironova, A.N. (2007). Trudovoye zakonodatelstvo RF i sudebnaya zashchita trudovykh prav rabotnikov [Labor Legislation of the Russian Federation and Judicial Protection of Employee Labor Rights]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (5), 44-48.
10. Mordovin, T.P. (1983). Pravootnosheniya po nadzoru i kontrolyu v sisteme trudovogo prava [Legal Relations on Supervision and Control in the System of Labor Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, (1), 74-78.
11. Perederin, S.V. (1998). Protsessualno-protsedurnyy mekhanizm zashchity trudovykh prav nayemnykh rabotnikov [Procedural Mechanism for the Protection of Labor Rights of Employees]. *Pravovaya nauka i reforma yuridicheskogo obrazovaniya*, (8), 153-171.
12. Reshetnikova, A. (2009). Pravovoye regulirovaniye prava na trud [Legal Regulation of the Right to Work]. *Sotsialnoye i pensionnoye pravo*, (3), 29-31.
13. Sapfirova, A.A. (2008). Sposoby zashchity trudovykh prav, svobod i pravovykh interesov v sfere truda vnesudebnymi organami gosudarstva [Methods of Protecting Labor Rights, Freedoms and Legal Interests in the Sphere of Labor by Extrajudicial Bodies of the State]. *Trudovoye pravo*, (8), 80-89.
14. Simonyan, A.A. (2025). Iskusstvennyy intellekt kak novyy faktor vozniknoveniya informatsionnykh ugroz [Artificial Intelligence as a New Factor in the Emergence of Information Threats]. *Akademicheskii issledovatel'skiy zhurnal*, *3*(4), 8-13.
15. Skiller-Kotunova, E.V. (2009). Gosudarstvennyy nadzor i kontrol nad soblyudeniym trudovogo zakonodatelstva kak sposob zashchity trudovykh prav i svobod [State Supervision and Control over Compliance with Labor Legislation as a Way to Protect Labor Rights and Freedoms]. *Sovremennoye pravo*, (1), 51-54.

УДК 34:341

DOI: 10.34670/AR.2026.98.46.075

Международное право и современные глобальные процессы

Чэнь Ханьлинь

Аспирант,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: 1539008226@qq.com

Аннотация

Статья фиксирует структурную трансформацию современного международного права под воздействием глобализации, технологических сдвигов и экологической взаимозависимости, вследствие чего вестфальские представления о суверенитете и невмешательстве испытывают устойчивое давление, а нормативный массив смещается от координации к элементам субординации через расширение императивных норм и обязательств перед международным сообществом. Показана диверсификация акторов нормообразования и ускорение формирования обычных правил, когда признание юридической обязательности нередко складывается быстрее, чем единообразная практика, что обостряет проблему согласия государства и легитимности новых регуляторных механизмов. Фрагментация права описана как ответ на усложнение предмета регулирования и пролиферацию специализированных юрисдикций, порождающих коллизии и конкуренцию режимов. На отраслевых примерах раскрыты кризис торгового правосудия и рост ссылок на безопасность, ревизия инвестиционного арбитража, конфликты экстерриториальных санкций и «блокирующих» мер, гибридизация климатического режима, трудности атрибуции кибератак, коммерциализация космоса, напряжение между универсализмом прав человека и конституционными оговорками, адаптация гуманитарного права к асимметричным конфликтам, усиление «мягкого права», пробелы защиты климатически перемещенных лиц, ограничения санитарных правил, эрозия иммунитетов и морско-правовые риски вследствие повышения уровня моря, а также дефицит универсальности международного уголовного правосудия.

Для цитирования в научных исследованиях

Чэнь Ханьлинь. Международное право и современные глобальные процессы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 680-690. DOI: 10.34670/AR.2026.98.46.075

Ключевые слова

Трансформация международного права, глобализация, государственный суверенитет, фрагментация правовых режимов, мягкое право, международные организации, правовой плюрализм.

Введение

Архитектура современного миропорядка переживает глубокую структурную трансформацию, обусловленную беспрецедентной интенсивностью трансграничных взаимодействий и появлением качественно новых вызовов глобального характера. Классическая вестфальская модель, базирующаяся на постулатах абсолютного государственного суверенитета и строгом невмешательстве во внутренние дела, подвергается серьезному давлению со стороны объективных процессов экономической интеграции, технологического развития и экологической взаимозависимости. Современный этап развития нормативной системы характеризуется переходом от координационного типа регулирования к формированию элементов субординации, что отчетливо проявляется в расширении массива императивных норм *jus cogens* [Павлова,1999] и концепции обязательств *erga omnes*. Трансформация межгосударственных отношений требует адекватного юридического оформления, способного обеспечить стабильность правоприменительной практики в условиях перманентной геополитической турбулентности. Концептуальные основы, заложенные Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года, сегодня интерпретируются с учетом изменившегося субъектного состава международных отношений.

Специфика текущего исторического этапа заключается в стремительной диверсификации акторов, оказывающих влияние на формирование международно-правовых обычаев и договорных режимов. Институциональная монополия суверенных государств постепенно размывается за счет фактического вовлечения транснациональных корпораций, неправительственных организаций и квазигосударственных образований в процессы выработки стандартов поведения. Формирование обычных норм в современных реалиях происходит в ускоренном режиме, где *opinio juris* часто кристаллизуется на площадках международных форумов и в рамках работы специализированных учреждений системы ООН [Шумилов,2002] еще до формирования устойчивой и единообразной практики. Данный феномен порождает сложные догматические коллизии, связанные с легитимностью новых регуляторных механизмов и пределами их обязательности для субъектов, не выразивших прямого согласия на их применение. Юридическая природа согласия государства как фундаментального основания обязательности нормы претерпевает существенные изменения под воздействием механизмов консенсусного принятия решений в международных организациях.

Фрагментация международного права выступает не столько как сбой системы, сколько как объективный ответ на усложнение предмета правового регулирования. Возникновение автономных правовых режимов, таких как международное экономическое, экологическое или космическое право, сопровождается созданием специализированных юрисдикционных органов, чья практика не всегда гармонизирована с генеральной линией Международного Суда ООН [Шумилов,2002] или положениями универсальных конвенций. Пролиферация международных судов и арбитражей создает риски принятия взаимоисключающих решений по сходным фактическим обстоятельствам, что неизбежно снижает уровень правовой определенности. Возникает потребность в разработке сложных коллизионных механизмов и доктринальных подходов, позволяющих разрешать конфликты юрисдикций и применять принцип *lex specialis derogat legi generali* без ущерба для целостности общего международного права. Указанные процессы требуют глубокого догматического осмысления с позиций практикующего юриста, сталкивающегося с необходимостью навигации в многоуровневом правовом пространстве.

Материалы и методы исследования

Эмпирическая база выстроена на основе комплексного изучения массива универсальных и региональных международных договоров, резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, а также актов рекомендательного характера, формирующих так называемое «мягкое право». В фокусе внимания находятся более 150 многосторонних конвенций, затрагивающих вопросы международной безопасности, экономического сотрудничества и защиты прав человека, а также значительный объем двусторонних инвестиционных соглашений, демонстрирующих эволюцию подходов к защите капиталовложений. Для обеспечения репрезентативности выборки [Лукашук, 2005] были отобраны нормативные акты, принятые в различные исторические периоды, что позволяет проследить динамику изменения юридической техники и концептуальных подходов к формулированию международно-правовых обязательств. Особое внимание уделено учредительным актам интеграционных объединений и соглашениям, создающим наднациональные механизмы контроля за соблюдением договорных норм.

Методологический инструментарий базируется на применении формально-догматического и сравнительно-правового анализа, позволяющих выявить внутренние противоречия в текстах международных актов и оценить эффективность механизмов их имплементации в национальные правовые системы. Правоприменительная практика исследована сквозь призму более чем 80 ключевых решений Международного Суда ООН, арбитражных решений в рамках системы МЦУИС, а также постановлений региональных судов по правам человека [Манов, 2008] и отчетов Апелляционного органа ВТО. Использование историко-правового метода обеспечило возможность проследить эволюцию интерпретации базовых принципов Устава ООН в условиях меняющейся геополитической реальности. Системный подход применялся для оценки взаимодействия различных отраслей международного права и выявления синергетического эффекта от совместного применения норм различной отраслевой принадлежности к комплексным международным спорам.

Значительную часть исследовательского материала составили доктринальные разработки, проекты статей Комиссии международного права ООН и консультативные заключения международных судебных инстанций. Анализ проектов документов, не вступивших в законную силу или имеющих статус рекомендаций, позволил оценить векторы развития правовой мысли и выявить формирующиеся нормы международного обычая. В качестве индикаторов государственной практики [Мовчан, 1993] рассматривались официальные заявления министерств иностранных дел, национальное законодательство по вопросам экстерриториальной юрисдикции и решения высших судов государств, касающиеся вопросов прямого действия норм международного права. Оценка правовых явлений производилась с позиций позитивистской школы права, дополненной элементами социологической юриспруденции.

Критерии отбора материалов обусловлены необходимостью выявления тех правовых режимов, где конфликт между национальным суверенитетом и глобальными регуляторными механизмами проявляется наиболее остро. Особое внимание было сфокусировано на механизмах разрешения споров, поскольку именно в рамках юрисдикционной деятельности происходит реальное наполнение абстрактных договорных норм конкретным содержанием. Сбор данных осуществлялся посредством изучения официальных баз данных международных организаций и архивов международных судебных учреждений, что обеспечило высокую

степень достоверности и верифицируемости используемого материала. Комплексное применение заявленных методов [Акимов,Чекин,2009] позволило сформировать целостную картину функционирования международного права в условиях кризиса многосторонней дипломатии.

Результаты и обсуждение

Эволюция международного экономического права демонстрирует фундаментальный сдвиг в понимании пределов государственного вмешательства в трансграничные коммерческие операции. Кризис системы разрешения споров Всемирной торговой организации, вызванный блокированием назначений членов Апелляционного органа, парализовал ключевой механизм обеспечения предсказуемости глобальной торговли. В условиях нефункционирующего многостороннего арбитража государства вынуждены прибегать к формированию альтернативных, плюрилатеральных механизмов, таких как Многосторонняя договоренность о временном апелляционном арбитраже [Марочкин,2001], что свидетельствует о фрагментации универсального торгового порядка. Данная ситуация порождает правовой вакуум, в котором национальные правительства всё чаще применяют односторонние протекционистские меры, обосновывая их исключениями по соображениям национальной безопасности (статья XXI ГАТТ). Юридическая оценка правомерности таких мер становится крайне затруднительной ввиду отсутствия авторитетного органа, способного дать обязательное толкование пределов усмотрения государств при ссылке на интересы безопасности.

Сфера защиты иностранных инвестиций также находится в стадии глубокой ревизии, вызванной растущим недовольством государств практикой международных инвестиционных арбитражей. Механизм разрешения споров между инвестором и государством (ISDS), исторически призванный деполитизировать инвестиционные конфликты, сегодня подвергается критике за чрезмерно расширительное толкование стандартов справедливого и равного отношения (FET) и косвенной экспроприации [Ершов, Ершова, 2006] в ущерб праву государств на регулирование в общественных интересах. Реакцией на эту практику стал процесс денонсации двусторонних инвестиционных договоров рядом государств и разработка новых модельных соглашений, содержащих детальные исключения для мер в сфере экологии, здравоохранения и защиты трудовых прав. Инициативы по созданию многостороннего инвестиционного суда призваны институционализировать процесс разрешения споров, заменив систему арбитров *ad hoc* постоянным корпусом судей, что должно обеспечить стабильность и предсказуемость правоприменительной практики.

Проблематика экстерриториального действия национального законодательства формирует один из самых сложных узлов противоречий в современной международно-правовой системе. Практика применения вторичных санкций, когда государство распространяет юрисдикцию на иностранных лиц за действия, совершенные за пределами его территории и не имеющие прямой связи с государством-регулятором, вступает в прямое противоречие с принципом суверенного равенства и невмешательства. Защитные механизмы, такие как «блокирующие статуты» [Старовойтова, Сальников, Захарцев, 2022], принимаемые в ответ на экстерриториальные санкции, создают для транснационального бизнеса неразрешимые коллизии, когда соблюдение требований одной юрисдикции автоматически влечет нарушение законов другой. С точки зрения догматики международного права, доктрина «существенной связи» (*genuine link*), используемая для обоснования экстерриториальной юрисдикции, подвергается чрезмерному

расширению, что требует выработки новых универсальных критериев разграничения юрисдикционных полномочий государств в глобализированной экономике.

Международное экологическое право иллюстрирует переход от жестких договорных обязательств к гибким форматам нормативного регулирования. Парижское соглашение по климату закрепляет гибридную правовую модель, в которой процедурные обязательства по предоставлению определяемых на национальном уровне вкладов (NDC) носят императивный характер [Шумилов, 2001], тогда как субстантивные цели по снижению выбросов остаются в сфере политических деклараций. Подобная асимметрия юридической силы различных положений одного договора создает уникальный механизм принуждения через транспарентность и экспертную оценку, а не через классическую международную ответственность. Внедрение концепции «общей, но дифференцированной ответственности» позволяет привлекать к участию в климатическом режиме государства с различным уровнем экономического развития, однако порождает споры о справедливом распределении бремени экологических обязательств. Формирующаяся судебная практика, в том числе климатические иски в национальных судах и региональных трибуналах, постепенно переводит экологические декларации в плоскость юридически обеспеченных прав человека.

Цифровизация глобальных процессов бросает беспрецедентный вызов классическим институтам международного права, изначально сконструированным для регулирования отношений в физическом пространстве. Проблема атрибуции кибератак государству в условиях технологической анонимности ставит под сомнение эффективность механизма ответственности, закрепленного в Проекте статей Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Установление факта «эффективного контроля» над хакерскими группировками [Манов, 2008а] требует выработки новых стандартов доказывания, приемлемых для международных юрисдикционных органов. Возникает сложный догматический вопрос о квалификации масштабных киберопераций в качестве «вооруженного нападения» по смыслу статьи 51 Устава ООН, что дает право на индивидуальную или коллективную самооборону. Отсутствие универсальной конвенции, регулирующей поведение государств в киберпространстве, компенсируется применением норм обычного права, однако специфика цифровой среды делает такое применение крайне непредсказуемым.

Правовой режим космического пространства, базирующийся на Договоре по космосу 1967 года, испытывает сильнейшее давление в связи с коммерциализацией космической деятельности и появлением технологий добычи ресурсов на небесных телах. Принцип, согласно которому космос является достоянием всего человечества и не подлежит национальному присвоению, вступает в конфликт с принимаемыми на национальном уровне актами, легализующими право собственности частных компаний на добытые космические ресурсы [Гаврилов, 2002] на астероидах и Луне. Легализация коммерческой добычи ресурсов односторонними актами государств подрывает консенсусный характер международного космического права и создает предпосылки для формирования противоречивой практики. Разработка новых правил игры переносится с площадок ООН в формат многосторонних соглашений коалиций заинтересованных государств, что вновь демонстрирует тенденцию к фрагментации универсальных режимов и подмене инклюзивного международного нормотворчества клубными договоренностями.

Архитектура международной защиты прав человека сталкивается с кризисом универсализма на фоне усиления концепций культурного и регионального релятивизма. Практика региональных судов по правам человека демонстрирует возрастающую сложность в

нахождении баланса между поддержанием единых стандартов и уважением национальных конституционных традиций. Доктрина «свободы усмотрения государства» (*margin of appreciation*), активно применяемая Европейским судом по правам человека [Су,2025], служит юридическим клапаном, позволяющим снимать напряжение между наднациональным контролем и государственным суверенитетом. Вместе с тем, чрезмерное расширение этой доктрины рискует нивелировать саму суть международных гарантий, превращая их в факультативные рекомендации. Отказ конституционных судов некоторых государств исполнять решения международных трибуналов со ссылкой на верховенство национальной конституции формирует опасный прецедент, подрывающий принцип *pacta sunt servanda* и систему международного правосудия в целом.

Право вооруженных конфликтов, кодифицированное в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним, испытывает серьезные трудности применительно к современным асимметричным конфликтам. Участие в боевых действиях частных военных компаний, транснациональных террористических сетей и иных негосударственных вооруженных групп размывает классическое деление на комбатантов и гражданских лиц. Определение статуса лиц, непосредственно участвующих в военных действиях [Энтин,Энтин,2003] без включения в регулярные вооруженные силы, требует сложной правовой квалификации для обеспечения баланса между военной необходимостью и императивами гуманности. Практика применения беспилотных летательных аппаратов для целевых ликвидаций за пределами зон активных боевых действий ставит под вопрос территориальные и временные рамки применения международного гуманитарного права по отношению к международному праву прав человека. Указанные коллизии разрешаются преимущественно через формирование специализированных военных руководств и правил применения силы (ROE), которые приобретают статус квази-нормативных актов.

Феномен «мягкого права» (*soft law*) приобретает определяющее значение в регулировании тех сфер, где достижение жесткого международного договора невозможно ввиду политических разногласий или необходимости оперативного реагирования на новые угрозы. Стандарты Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) или Базельского комитета по банковскому надзору формально не являются юридически обязательными, однако их несоблюдение влечет для государства или финансового института катастрофические экономические последствия, превосходящие по тяжести санкции за нарушение классических международных договоров. Подобные регуляторные комплексы обладают высочайшим уровнем принудительной силы, что парадоксальным образом [Жарова,2004] выводит их из-под действия традиционных механизмов парламентского контроля и ратификационных процедур. Юридическая природа таких норм требует переосмысления классической дихотомии обязательного и рекомендательного в международном праве, признавая существование градиента нормативности.

Миграционные кризисы выявили глубокую архаичность Конвенции о статусе беженцев 1951 года, которая не охватывает многие современные категории лиц, нуждающихся в международной защите. Появление феномена «климатических беженцев», вынужденно покидающих места проживания из-за деградации окружающей среды, не подпадает под конвенционное определение преследования по признаку расы, религии или политических убеждений. Попытки расширительного толкования принципа *non-refoulement* (невысылки) через призму международных пактов о правах человека обеспечивают лишь частичное решение проблемы [Старовойтова,Сальников,Захарцев,2022] на индивидуальном уровне. Массовый

приток мигрантов заставляет государства прибегать к политике экстерриториального контроля миграционных потоков, перехватывая суда в открытом море или заключая соглашения с третьими странами о содержании просителей убежища. Такие практики балансируют на грани нарушения обязательств по международному праву и требуют выработки новых конвенционных механизмов, адекватно распределяющих бремя приема мигрантов между членами мирового сообщества.

Глобальное здравоохранение после серии масштабных эпидемиологических кризисов продемонстрировало критическую зависимость от эффективности международных медико-санитарных правил (ММСП). Практика применения ММСП 2005 года выявила слабость механизмов принуждения государств к своевременному обмену эпидемиологической информацией и обеспечению доступа международных экспертов на национальную территорию. Концепция государственного суверенитета в сфере здравоохранения вступает в противоречие с потребностью в оперативном глобальном реагировании. Дискуссии о наделении Всемирной организации здравоохранения расширенными надзорными полномочиями [Шумилов, 2002] наталкиваются на нежелание государств делегировать суверенные права в столь чувствительной сфере. Разработка нового международного договора о предотвращении пандемий обнажает противоречия в вопросах интеллектуальной собственности на вакцины и распределения медицинских технологий между развитыми и развивающимися странами.

Вопросы юрисдикционных иммунитетов государств и их собственности продолжают оставаться зоной повышенной турбулентности в правоприменительной практике. Принятие в ряде юрисдикций национальных законов, ограничивающих иммунитет иностранных государств по делам, связанным с терроризмом или кибератаками, создает предпосылки для массовых обращений взыскания на суверенные активы. Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года, не вступившая в силу, отражает переход от абсолютного иммунитета к функциональному [Манов, 2008], однако пределы исключений из иммунитета трактуются национальными судами крайне неоднородно. Особую остроту приобретает вопрос о правомерности заморозки и последующей конфискации активов центральных банков иностранных государств в качестве меры ответственности за нарушения императивных норм международного права, что является серьезным отступлением от сложившихся обычных норм.

Международное морское право, будучи одной из наиболее кодифицированных отраслей, также испытывает влияние глобальных климатических процессов. Повышение уровня Мирового океана угрожает затоплением островных государств и изменением базовых линий, от которых отсчитываются исключительные экономические зоны и континентальный шельф. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года исходит из стабильности географических ориентиров и не содержит механизмов фиксации морских границ в условиях изменения береговой линии [Павлова, 1999], что порождает риски возникновения масштабных территориальных споров. Юридическое сообщество сталкивается с необходимостью выработки доктринальных конструкций, позволяющих сохранить за исчезающими островными государствами правосубъектность и контроль над морскими ресурсами, что требует существенной модернизации классического учения о признаках государства.

Тенденция к криминализации нарушений международного права проявляется в развитии системы международного уголовного правосудия, однако Римский статут Международного уголовного суда страдает от дефицита универсальности. Отказ ряда крупнейших держав от участия в МУС ограничивает эффективность органа и порождает обвинения в избирательном

правосудии. Юрисдикционные споры, касающиеся возможности Суда привлекать к ответственности должностных лиц государств, не являющихся участниками Статута [Лукашук, 2005], актуализируют дискуссию о пределах действия принципа *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*. Эволюция концепции универсальной юрисдикции, позволяющей национальным судам преследовать лиц за совершение международных преступлений независимо от места их совершения и гражданства обвиняемых, становится важным субсидиарным механизмом, компенсирующим несовершенство международных трибуналов, хотя и несет риски политизации уголовного преследования.

Выводы

Анализ трансформации правовых институтов в условиях глобализации свидетельствует о формировании сложной, многоуровневой системы регулирования, в которой жесткие нормы международных конвенций органично переплетаются с гибкими стандартами и актами национального законодательства экстерриториального характера. Правоприменитель сегодня вынужден оперировать в условиях правовой полицентричности, где единый предмет спора может одновременно подпадать под юрисдикцию арбитража по защите инвестиций, органа по разрешению споров торговой организации и регионального суда по правам человека. Подобная конвергенция различных правовых порядков требует отказа от изолированного восприятия отраслей международного права и перехода к системному толкованию норм с учетом принципа системной интеграции. Судебная практика высших национальных инстанций становится важнейшим фильтром, через который международно-правовые обязательства имплементируются во внутригосударственную среду, нередко корректируясь под воздействием национального публичного порядка.

Ключевым вызовом для современной юриспруденции остается разрешение конфликта между потребностью в универсальном регулировании глобальных проблем, таких как изменение климата или цифровая безопасность, и концептом государственного суверенитета. Традиционные механизмы выработки консенсуса в рамках классической дипломатии демонстрируют очевидную медлительность по сравнению со скоростью технологических и экономических изменений. Это неизбежно смещает центр тяжести нормотворчества в сторону экспертных институтов, специализированных агентств и неформальных межгосударственных объединений, что ставит острые вопросы о демократической легитимности формируемых правил. Юридическая догматика обязана адаптироваться к этим реалиям, разрабатывая критерии оценки обязательности актов, не имеющих классической договорной природы, но фактически определяющих поведение акторов на международной арене.

Правовая реальность диктует необходимость переосмысления институтов ответственности и юрисдикции, которые более не могут базироваться исключительно на территориальном принципе. Возникающие в судебной практике коллизии, связанные с определением применимого права в трансграничных цифровых деликтах или применением вторичных санкций, требуют филигранной догматической работы по разграничению правомерного экстерриториального эффекта и недопустимого вмешательства. Юристам-международникам предстоит выработать новые коллизионные привязки, основанные на концепциях эффективного контроля над данными, существенного экономического присутствия и пропорциональности защитных мер, чтобы обеспечить предсказуемость правоприменения в условиях децентрализованного миропорядка.

Встраивание императивных норм в ткань международных отношений происходит неравномерно, сталкиваясь с сопротивлением государств, отстаивающих примат национальных конституционных традиций. Диалог судов — международных и национальных конституционных — становится основным инструментом поиска баланса между международными обязательствами и суверенными интересами. Именно в рамках этого диалога формируется современное понимание пределов международного вмешательства, где абсолютный суверенитет уступает место концепции суверенитета как ответственности. Успех правового регулирования глобальных процессов будет зависеть от способности юридического сообщества предложить такие институциональные дизайны, которые обеспечат выполнение общих целей без критического ущемления жизненно важных интересов отдельных юрисдикций.

Трансформация нормативной базы международных отношений подтверждает адаптивность правовой системы к экзистенциальным вызовам современности. Использование телеологического толкования международных договоров позволяет судам и арбитражам модернизировать устаревшие конвенционные положения, не прибегая к сложным процедурам внесения поправок. Тем не менее, жизнеспособность формирующегося плюралистического правопорядка критически зависит от сохранения базового доверия субъектов к механизмам разрешения споров и их готовности подчиняться юрисдикционным актам. Эволюция международного права продолжается по пути усложнения инструментария и гибридизации форм регулирования, что требует от правоприменителей высочайшего уровня догматической подготовки и способности мыслить за пределами классических государствоцентричных парадигм.

Библиография

1. Акимов А.Н., Чекин А.Н. О соотношении международного права и национального права в эпоху глобализации // Международное публичное и частное право. 2009. № 5. С. 44-48.
2. Гаврилов В.В. Международное право в эпоху глобализации: некоторые понятийные и содержательные характеристики // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 179-196.
3. Ершов В.В., Ершова Е.Л. Современные проблемы международного права // Российское правосудие. 2006. № 2. С. 17-28.
4. Жарова А.К. Интернет, глобализация и международное право // Общественные наука и современность. 2004. № 6. С. 97-104.
5. Лукашук И.И. Глобализация и право // Государство и право. 2005. № 12. С. 112-115.
6. Манов Б.Г. Международное право и современность // Журнал российского права. 2008. № 1 (133). С. 126-130.
7. Манов Б.Г. Современное международное право в условиях глобализации // Международное публичное и частное право. 2008. № 2. С. 2-5.
8. Марочкин С.Ю. Международное право и международное гуманитарное право в начале XXI века // Российский ежегодник международного права. 2001. № 5. С. 13-16.
9. Мовчан А.П. Международное право и мировой порядок // Московский журнал международного права. 1993. № 2. С. 15-38.
10. Павлова Л.В. Международное право в правовой системе государств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 3. С. 3-9.
11. Старовойтова О.Э., Сальников М.В., Захарцев С.И. Проблемы права и справедливости в условиях глобализации (по материалам XXII Всемирного конгресса) // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 4. С. 169-188.
12. Су Ф. Потенциал сотрудничества и разногласия стран БРИКС в глобальном климатическом управлении: от институциональной интеграции к формированию повестки // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 3. С. 75-90.
13. Шумилов В.М. Международное право и глобальная правовая система // Московский журнал международного права. 2002. № 4. С. 3-19.
14. Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 167-203.
15. Энтин М.Л., Энтин Л.М. Международное право и новые вызовы // Международная жизнь. 2003. № 12. С. 34-44.

International Law and Contemporary Global Processes

Chen Hanlin

Postgraduate Student,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 1539008226@qq.com

Abstract

The article records the structural transformation of contemporary international law under the influence of globalization, technological shifts, and ecological interdependence, as a result of which Westphalian notions of sovereignty and non-intervention are experiencing sustained pressure, and the normative array is shifting from coordination to elements of subordination through the expansion of peremptory norms and obligations to the international community. The diversification of norm-creation actors and the acceleration of the formation of customary rules are shown, where the recognition of legal bindingness often takes shape faster than uniform practice, which exacerbates the problem of state consent and the legitimacy of new regulatory mechanisms. The fragmentation of law is described as a response to the increasing complexity of the subject of regulation and the proliferation of specialized jurisdictions, generating conflicts and competition between regimes. Using sectoral examples, the following are revealed: the crisis of trade justice and the increase in references to security, the revision of investment arbitration, conflicts of extraterritorial sanctions and "blocking" measures, the hybridization of the climate regime, difficulties in attributing cyberattacks, the commercialization of space, the tension between the universalism of human rights and constitutional reservations, the adaptation of humanitarian law to asymmetric conflicts, the strengthening of "soft law," protection gaps for climate-displaced persons, limitations of sanitary regulations, the erosion of immunities and law of the sea risks due to rising sea levels, as well as the deficit of universality of international criminal justice.

For citation

Chen Hanlin (2026) *Mezhdunarodnoye pravo i sovremennyye global'nyye protsessy* [International Law and Contemporary Global Processes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 680-690. DOI: 10.34670/AR.2026.98.46.075

Keywords

Transformation of international law, globalization, state sovereignty, fragmentation of legal regimes, soft law, international organizations, legal pluralism.

References

1. Akimov, A.N., & Chekin, A.N. (2009). O sootnoshenii mezhdunarodnogo prava i natsionalnogo prava v epokhu globalizatsii [On the Correlation between International Law and National Law in the Era of Globalization]. *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*, (5), 44-48.
2. Entin, M.L., & Entin, L.M. (2003). Mezhdunarodnoye pravo i novyye vyzovy [International Law and New Challenges]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, (12), 34-44.

3. Ershov, V.V., & Ershova, E.L. (2006). Sovremennyye problemy mezhdunarodnogo prava [Modern Problems of International Law]. *Rossiyskoye pravosudiye*, (2), 17-28.
4. Gavrilov, V.V. (2002). Mezhdunarodnoye pravo v epokhu globalizatsii: nekotoryye ponyatiynnye i sodержatelnyye kharakteristiki [International Law in the Era of Globalization: Some Conceptual and Content Characteristics]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, (3), 179-196.
5. Lukashuk, I.I. (2005). Globalizatsiya i pravo [Globalization and Law]. *Gosudarstvo i pravo*, (12), 112-115.
6. Manov, B.G. (2008). Mezhdunarodnoye pravo i sovremennost [International Law and Modernity]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (1), 126-130.
7. Manov, B.G. (2008). Sovremennoye mezhdunarodnoye pravo v usloviyakh globalizatsii [Modern International Law in the Context of Globalization]. *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*, (2), 2-5.
8. Marochkin, S.Yu. (2001). Mezhdunarodnoye pravo i mezhdunarodnoye gumanitarnoye pravo v nachale XXI veka [International Law and International Humanitarian Law at the Beginning of the 21st Century]. *Rossiyskiy yezhegodnik mezhdunarodnogo prava*, (S), 13-16.
9. Movchan, A.P. (1993). Mezhdunarodnoye pravo i mirovoy poryadok [International Law and World Order]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, (2), 15-38.
10. Pavlova, L.V. (1999). Mezhdunarodnoye pravo v pravovoy sisteme gosudarstv [International Law in the Legal System of States]. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*, (3), 3-9.
11. Shumilov, V.M. (2001). Mezhdunarodnoye ekonomicheskoye pravo v epokhu globalizatsii [International Economic Law in the Era of Globalization]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, (2), 167-203.
12. Shumilov, V.M. (2002). Mezhdunarodnoye pravo i globalnaya pravovaya sistema [International Law and the Global Legal System]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, (4), 3-19.
13. Starovoytova, O.E., Salnikov, M.V., & Zakhartsev, S.I. (2022). Problemy prava i spravedlivosti v usloviyakh globalizatsii (po materialam XXII Vsemirnogo kongressa) [Problems of Law and Justice in the Context of Globalization (Based on the Materials of the XXII World Congress)]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost*, (4), 169-188.
14. Su, F. (2025). Potentsial sotrudnichestva i raznoglasiya stran BRIKS v globalnom klimaticheskoy upravlenii: ot institutsionalnoy integratsii k formirovaniyu povestki [Potential for Cooperation and Disagreements among BRICS Countries in Global Climate Governance: From Institutional Integration to Agenda Setting]. *Voprosy prirodopolzovaniya*, *4*(3), 75-90.
15. Zharova, A.K. (2004). Internet, globalizatsiya i mezhdunarodnoye pravo [Internet, Globalization, and International Law]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, (6), 97-104.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.46.32.076

Правовая конвергенция регулирования права на здоровье в международном праве

Марталер Валерия Сергеевна

Аспирант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: ValSMartaler@kpfu.ru

Иргалиева Диана Илшатовна

Аспирант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: DiaIrgalieva@kpfu.ru

Аннотация

В статье анализируется конвергенция трех ключевых правовых режимов – защиты прав человека, охраны интеллектуальной собственности и экологического регулирования – в контексте центральной роли права на здоровье. На основе комплексного исследования международно-правовых норм, судебной практики и доктринальных подходов обосновывается устойчивая трехуровневая иерархия норм. На первом уровне право на здоровье выступает как фундаментальное условие реализации всех иных прав человека, что подтверждается его закреплением в универсальных договорах и решениями международных и национальных судов. На втором уровне раскрывается его неразрывная связь с состоянием окружающей среды, усиленная признанием права на здоровую окружающую среду и интеграцией экологических целей в глобальную повестку. На третьем уровне охрана интеллектуальной собственности рассматривается не как самоцель, а как инструмент, подчиненный целям общественного благосостояния, что создает правовые предпосылки для применения гибких механизмов Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС) при угрозе доступа к жизненно важным лекарствам. В заключение аргументируется, что современное международное право движется от фрагментации к интегрированной системе, где право на здоровье служит не только объектом защиты, но и методологическим критерием гармонизации, обеспечивая баланс между инновациями, устойчивым развитием и социальной справедливостью.

Для цитирования в научных исследованиях

Марталер В.С., Иргалиева Д.И. Правовая конвергенция регулирования права на здоровье в международном праве // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 691-699. DOI: 10.34670/AR.2026.46.32.076

Ключевые слова

Международное право, право на здоровье, конвергенция правовых режимов, международное экологическое право, интеллектуальная собственность, принудительное лицензирование.

Введение

Современное международное право переживает этап глубокой трансформации. С одной стороны, в международном праве усиливается тенденция к нормативной изоляции автономных правовых режимов. С другой – такие вызовы XXI века, как пандемии, климатический кризис, неравенство в доступе к лекарствам и деградация биоразнообразия, демонстрируют искусственность границ между этими сферами и выявляют настоятельную потребность в их системной интеграции.

В этом контексте право на здоровье приобретает особое межотраслевое измерение. Его эффективная реализация обусловлена состоянием окружающей среды, обеспечением справедливого доступа к биологическим ресурсам и балансировкой интересов в условиях патентной защиты. Эти взаимосвязи обнажают системные напряжения, преодоление которых невозможно через изоляцию правовых режимов.

Основная часть

Право на здоровье занимает особое место в системе международного права прав человека, выступая не как изолированная норма, а как комплексный институт, объединяющий правовые обязательства государств по обеспечению физического, психического и социального благополучия всех лиц, находящихся под их юрисдикцией [Белоусова, 2013, [www](#)].

Право на здоровье впервые было закреплено на международном уровне в Уставе Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) 1946 года. Его преамбула определила здоровье как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не лишь отсутствие болезней», чем заложила основу для перехода от узко клинического к социально-детерминированному пониманию здоровья.

В 1948 году Всеобщая декларация прав человека расширила это видение, связав здоровье с правом на достаточный уровень жизни, включая доступ к пище, жилищу, медицинскому обслуживанию и социальному обеспечению [Абдуллин, 2018].

Дальнейшее развитие право на здоровье получило в статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП) 1966 года, закрепившей право каждого на «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья». Государства обязались реализовывать это право через конкретные меры: снижение смертности и детской смертности, улучшение гигиены окружающей среды и условий труда, профилактику эпидемических, эндемических и профессиональных заболеваний, а также обеспечение всеобщего доступа к медицинской помощи. Окончательное содержание статьи 12 сформировалось благодаря толкованию Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. В Замечаниях общего порядка № 14 2000 г. и № 22 2016 г. Комитет выделил четыре взаимосвязанных критерия реализации права на здоровье: доступность, приемлемость, качество и адресность медицинских и санитарно-гигиенических услуг, установив универсальные минимальные стандарты их обеспечения.

На региональном уровне право на здоровье закреплено в Европейской социальной хартии (ст. 11, 13), Африканской хартии прав человека и народов (ст. 16) и Американской конвенции по правам человека (ст. 4).

Глобальные цели устойчивого развития (далее – ЦУР) интегрировали здоровье в более широкий контекст. Помимо прямой направленности Цели 3 на всеобщий охват услугами здравоохранения, здоровье выступает пересекающейся целью в рамках Целей 6 (чистая вода), 13 (климат) и 15 (экосистемы).

Вместе с тем, несмотря на более чем 75-летнюю историю международного признания, вопрос о статусе права на здоровье как самостоятельной категории прав человека остается предметом интенсивной научной дискуссии в юридической доктрине.

Критика права на здоровье концентрируется вокруг двух проблем. Во-первых, его определение остается расплывчатым [Da Silva, 2023, [www](#); Alston, 2023, [www](#)]. Если здоровье включает социальные детерминанты, где проходит граница между правом на здоровье и правом на достойные условия жизни? Во-вторых, как социально-экономическое право, оно предполагает позитивные обязательства государств, что ставит под сомнение его реализуемость в условиях ресурсной ограниченности.

Ответ на эти вызовы предлагают современные доктринальные подходы. Профессор Б. Тобес трактует право на здоровье как право на коллективное общественное здравоохранение [Toebes, 2015, [www](#)], охватывающее здоровую окружающую среду, справедливую систему здравоохранения и социальные условия, способствующие здоровью. Профессор В.С. Маличенко подчеркивает необходимость его системной интеграции с другими отраслями международного права – правами человека, торговым и экологическим правом – поскольку современные угрозы здоровью требуют межотраслевого подхода [Маличенко, 2022, 2024, [www](#)]. Эту позицию подтверждают А.Ю. Ястребова и Е.Е. Гуляева, выявившие устойчивую правовую связь между правом на здоровье и правом на благоприятную окружающую среду в практике международных органов [Ястребова, Гуляева, 2021, [www](#)].

Конкретизацию конфликтов между правом на здоровье и иными правовыми режимами провел П. Хант, первый Специальный докладчик ООН по праву на здоровье. На примере торговых переговоров США и Перу он продемонстрировал, как торговые обязательства могут подрывать доступ к лекарственным препаратам, обнажая напряженность между коммерческими интересами и правом на здоровье [Hunt, 2016, [www](#)].

Особую актуальность в этой связи приобретает задача выработки единых стандартов защиты права на здоровье в условиях множественности автономных правовых режимов.

Конфликт между правовым режимом охраны интеллектуальной собственности и правом на здоровье обусловлен фундаментальным противоречием между экономическими стимулами и гуманитарными обязательствами. Патентная система обеспечивает фармацевтическим компаниям монопольное право на коммерциализацию инновационных препаратов, что служит необходимым стимулом для инвестиций в дорогостоящие исследования и разработки. В то же время эта монополия позволяет устанавливать цены, недоступные для значительной части населения, особенно в странах с низким уровнем дохода. В результате право на здоровье, закрепленное в международных договорах, оказывается формальным для миллиардов людей, не способных оплатить жизненно важные лекарства, тогда как отказ от патентной защиты может подорвать экономическую целесообразность инновационной деятельности в здравоохранении.

Так, по данным Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИД годовая стоимость терапии на основе запатентованных схем в ряде африканских стран составляет от 600 до 1000 долл. США, в то время как качественные дженерики доступны по цене 60–80 долл. США в год

[UNAIDS, The Path That Ends AIDS..., 2023, [www](#)]. Особенно ярко данная проблема наблюдалась в 1990-х годах, когда крупные фармацевтические компании систематически препятствовали производству и импорту недорогих дженериков в странах Глобального Юга [Hoen, 2009, [www](#)].

Переломный момент наступил 14 ноября 2001 г. с принятием Декларации Доха на Четвертой министерской конференции Всемирной торговой организации (далее – ВТО). Она официально закрепила право государств использовать гибкие механизмы Соглашения ТРИПС «для защиты общественного здравоохранения, в частности для обеспечения доступа к лекарственным средствам для всех». Этот документ впервые на уровне ВТО признал, что охрана интеллектуальной собственности не абсолютна.

Соглашение ТРИПС предусматривает механизмы, позволяющих государствам смягчать патентную монополию. Наиболее значимым из них является принудительное лицензирование (ст. 31), предоставляющее государству право разрешить использование запатентованного изобретения без согласия патентообладателя в случае общественной необходимости при условии выплаты справедливой компенсации. Существующая практика подтверждает его эффективность как регуляторного инструмента.

В Бразилии в период 1996–2007 гг. принудительное лицензирование применялось редко, однако потенциальная возможность выдачи лицензий стала эффективным инструментом во взаимоотношениях с зарубежными фармацевтическими компаниями [Oliveira, 2004, [www](#)].

В 2012 году Индия выдала первую принудительную лицензию на противоопухолевый препарат компании Bayer, мотивировав решение недоступностью терапии для большинства пациентов, поскольку стоимость месячного курса терапии оригинальным препаратом превышала стоимость лечения дженериком в 30 раз. [Office of the Controller General of Patents, Designs and Trade Marks (India), Order No. CL/1/2013 in the matter of Bayer Corporation v. Natco Pharma Ltd., 2012, [www](#)].

В условиях пандемии COVID-19 механизмы ТРИПС получили новое применение: Канада, Эквадор и Чили упростили процедуры выдачи принудительных лицензий [Wong, 2020, [www](#)], а Индия и ЮАР инициировали в ВТО запрос на временное отступление от положений ТРИПС для вакцин [WTO, Waiver from Certain Provisions..., 2020, [www](#)]. Россия, несмотря на обсуждение подобных мер, к фактическому применению принудительного лицензирования не прибегла.

Параллельный импорт, основанный на принципе исчерпания прав, дополняет принудительное лицензирование как инструмент расширения доступа к лекарствам. Статья 6 ТРИПС оставляет государствам свободу выбора режима исчерпания. Страны с развивающейся экономикой (Египет, ЮАР, Индия, Малайзия, Аргентина) применяют международное исчерпание, разрешая импорт препаратов, легально введенных в оборот за рубежом. ЕС использует региональное исчерпание для внутренней ценовой конкуренции, тогда как Россия, США и Канада придерживаются национального режима, ограничивающего параллельный импорт. Исследования ВОЗ подтверждают, что этот механизм снижает цены на лекарства на 25–45 %, хотя его применение часто блокируется фармацевтическим лобби [WHO, Measuring medicine prices, availability..., 2008, [www](#)].

Системность подхода к разрешению коллизий между правом на здоровье и патентной защитой подтверждается практикой национальных и региональных судов. Совместный доклад ВТО, ВОЗ и Всемирной организации интеллектуальной собственности выделяет устойчивый набор критериев, применяемых при балансировке этих интересов: масштаб угрозы жизни и здоровью населения; исчерпание разумных альтернатив обеспечения доступа к лечению;

тяжесть причиненного или потенциального вреда; а также обязательство выплатить патентообладателю справедливую компенсацию, соразмерную ограничению его исключительных прав [WHO/WIPO/WTO Public Health, Intellectual Property, and TRIPS at 20..., 2016, www].

Таким образом, несмотря на сохраняющиеся практические барьеры, современная правоприменительная практика однозначно подтверждает: право на здоровье имеет безусловный приоритет над охраной интеллектуальной собственности. Как отмечает профессор Н.Е. Тюрина, объяснение данной закономерности кроется в преамбулах Марракешского соглашения и Генерального соглашения по тарифам и торговле [Тюрина, 2013].

Право на здоровье напрямую определяется экологическими условиями. [WHO & UNICEF, Progress on household drinking..., 2023, www; WHO, Climate change and health, 2021, www]. Эта взаимозависимость опровергает представление о конфликте между режимами охраны окружающей среды и защиты прав человека. Напротив, в соответствии со статьей 31(3)(с) Венской конвенции о праве международных договоров, они все чаще рассматриваются как взаимодополняющие системы, а их нормы подлежат совместному толкованию.

Современная правоприменительная практика демонстрирует тенденцию к признанию экологических угроз как основания для нарушения прав человека. В деле *Di Sarno and Others v. Italy* Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) установил, что хронический кризис управления отходами в Неаполе, сопровождавшийся накоплением токсичных отходов в жилых районах, нарушил статью 8 Европейской конвенции о защите прав человека, обязав государство защищать население от серьезных экологических рисков даже без достижения порога угрозы жизни (далее – ЕКПЧ) [European Court of Human Rights. *Di Sarno and Others v. Italy*, Application no. 30765/08, 2012, www]. Аналогичный подход был применен в деле *Verein Klimaseniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland* [ECtHR. *Verein Klimaseniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland*, Application no. 53600/20, 2024, www]. Межамериканский суд в Консультативном заключении № ОС-23/17 закрепил предотвращение экологического вреда как неотъемлемую часть защиты права на жизнь и личную неприкосновенность, смягчив бремя доказывания для заявителей [дело *Kaliña and Lokono Peoples v. Suriname*, 2015]. А Комитет по правам человека в Замечании общего порядка № 36 от 2018 г. прямо назвал деградацию окружающей среды и изменение климата «одними из наиболее серьезных угроз праву на жизнь», возложив на государства обязанность регулировать деятельность частных компаний [HRC, General Comment No. 36 on Article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights, 2018, www].

Такое межотраслевое взаимодействие создает синергетический эффект, однако сопряжено и с рисками: возможным снижением стандартов прав человека под влиянием гибких экологических норм, доминированием антропоцентрического подхода над экоцентрическим, а также неравномерностью защиты из-за различий в участии государств в экологических договорах.

Ярким примером конвергенции трех обозначенных правовых режимов служит Нагойский Протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии 2010 г. (далее – Нагойский Протокол). Принятый в ответ на историческую практику безвозмездного изъятия биоресурсов и традиционных знаний из развивающихся стран, Протокол закрепляет суверенитет государств над генетическими ресурсами, обязывает раскрывать их источник при патентовании и обеспечивает справедливое распределение выгод – в том числе через роялти на развитие инфраструктуры, включая сферу здравоохранения.

В настоящее время Нагойский Протокол ратифицирован 142 государствами, а его

механизмы применяются на национальном уровне. В Перу соглашения о распределении выгод от использования традиционных знаний в отдельных случаях включают поддержку социальной инфраструктуры в удаленных регионах [National Report on the Implementation of the Nagoya Protocol. CBD Secretariat, 2019, [www](#)]; в Бразилии – предусматривают совместные исследования и передачу технологий, способствуя развитию национального научного потенциала в области биоразнообразия [Relly, 2024, [www](#)].

Это свидетельствует о последовательном движении международного сообщества к укреплению прав стран Глобального Юга и обеспечению справедливого доступа к благам биоразнообразия как источнику здоровья и устойчивого развития.

Заключение

Комплексный анализ международно-правовых норм, правоприменительной практики и доктринальных подходов позволяет выявить устойчивую трехуровневую иерархию, в которой право на здоровье занимает центральное и приоритетное положение.

На первом уровне оно выступает как фундаментальное условие реализации всех иных прав человека, что подтверждается его универсальным закреплением в ключевых международных договорах и последовательным признанием судебными органами. На втором – проявляется неразрывная взаимосвязь между здоровьем и экологией. На третьем уровне охрана интеллектуальной собственности рассматривается не как самоцель, а как инструмент, подчиненный целям социального и экономического благосостояния, как прямо указано в преамбуле ТРИПС. Патентные монополии могут и должны ограничиваться, когда они препятствуют реализации права на здоровье, при сохранении требования справедливой компенсации, что отражает баланс интересов, а не отрицание прав инвесторов и правообладатель.

Таким образом, складывается новый подход в международном праве, где право на здоровье становится центром конвергенции правовых режимов. При этом перспектива развития заключается в переходе от фрагментированной системы к интегрированной, где защита здоровья, экологическая устойчивость и стимулы к инновациям согласованы в рамках единого правового пространства, основанного на человеческом достоинстве и социальной справедливости.

Библиография

1. А.А. Белоусова. Право на здоровье в международном праве // RUDN Journal of Law, 2013. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-zdorovie-v-mezhdunarodnom-prave-istoriya-stanovleniya>
2. А.И. Абдуллин. 70 лет Всеобщей Декларации прав человека // ВЭПС, 2018. №4.
3. Michael Da Silva. The International Right to Health Care: A Legal and Moral Defense // Michigan Journal of International Law, 2018. <https://repository.law.umich.edu/mjil/vol39/iss3/3/> ; P. Alston. The Right to a Healthy Environment: Beyond Twentieth Century Perspectives // Cambridge University Press, 2023. <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/right-to-a-healthy-environment-beyond-twentieth-century-conceptions-of-rights/E9022707799A76E0F222AEA59F51531B>
4. Brigit Toebe. Human rights and public health: towards a balanced relationship // Cambridge University Press, 2015. https://www.researchgate.net/publication/279311684_Human_rights_and_public_health_Towards_a_balanced_relationship
5. В.С. Маличенко. Формирование международного права здравоохранения // Московский журнал международного права, 2022; В.С. Маличенко. Международно-правовые средства защиты прав человека в условиях чрезвычайных ситуаций // NB Publish, 2024
6. А.Ю. Ястребова, Е.Е. Гуляева. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека // Московский журнал международного права, 2021.

7. Paul Hunt. Interpreting the International Right to Health in a Human Rights-Based Approach to Health // PubMed Central, 2016. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28559680/>
8. UNAIDS. (2023). The Path That Ends AIDS: UNAIDS Global AIDS Update 2023. Geneva: Joint United Nations Programme on HIV/AIDS. – C. 42, 78. <https://www.unaids.org/en/resources/documents/2023/global-aids-update-2023>
9. 't Hoen, E. (2009). The Global Politics of Pharmaceutical Monopoly Power: Drug Patents, Access, Innovation and the TRIPS Agreement. Diemen: AMB Publishers. <https://www.msfaaccess.org/global-politics-pharmaceutical-monopoly-power>
10. Oliveira, M. A., et al. (2004). Has the implementation of the TRIPS Agreement in Latin America and the Caribbean produced intellectual property legislation that favours public health? 82(11), 815–821.
11. Office of the Controller General of Patents, Designs and Trade Marks (India). (2012). Order No. CL/1/2013 in the matter of Bayer Corporation v. Natco Pharma Ltd., dated 9 March 2012. <https://www.ipindia.gov.in/writereaddata/Portal/ev/CL-1-2013.pdf>
12. Wong H. The case for compulsory licensing during COVID-19. J Glob Health. 2020 Jun;10(1) <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7242884/>
13. World Trade Organization. (2020). Waiver from Certain Provisions of the TRIPS Agreement for the Prevention, Containment and Treatment of COVID-19. Communication from India and South Africa. IP/C/W/669. <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/IP/C/W669.pdf&Open=True>
14. Measuring medicine prices, availability, affordability and price components. https://syntheticdrugs.unodc.org/uploads/syntheticdrugs/res/library/access_html/WHO_-_Measuring_medicine_prices_availability_affordability_and_price_components.pdf
15. WHO/WIPO/WTO, 2016. Public Health, Intellectual Property, and TRIPS at 20: Innovation and Access to Medicines; Learning from the Past, Illuminating the Future. Briefing Series on Trilateral Cooperation. WHO, WIPO, WTO: Geneva.
16. Н.Е. Тюрина. Фрагментация международного права в контексте «права ВТО» // Российский юридический журнал, 2013. № 3(90). С. 52-58.
17. World Health Organization (WHO) & UNICEF. (2023). Progress on household drinking water, sanitation and hygiene 2000–2022: Special focus on gender. Geneva: WHO. <https://www.who.int/publications/m/item/progress-on-household-drinking-water-sanitation-and-hygiene-2000-2022---special-focus-on-gender>
18. World Health Organization (WHO). (2021). Climate change and health. Fact sheet. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/climate-change-and-health>
19. European Court of Human Rights. (2012). Di Samo and Others v. Italy, Application no. 30765/08, Judgment of 10 July 2012. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-111972>
20. ECtHR. (2024). Verein Klimaseniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland, Application no. 53600/20, Judgment of 9 April 2024. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-235327> См. §§ 420–430
21. IACtHR. (2017). Advisory Opinion OC-23/17, Requested by the Republic of Colombia, November 15, 2017 https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/serieoc_23_esp.pdf См. §§ 55, § 62
22. IACtHR. (2015). Kaliña and Lokono Peoples v. Suriname, Judgment of 25 November 2015. § 152 https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/serieoc_309_ing.pdf
23. Human Rights Committee. (2018). General Comment No. 36 (2018) on Article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights, on the Right to Life. UN Doc. CCPR/C/GC/36, adopted on 30 October 2018, published 2 November 2018.
24. Government of Peru. (2019). National Report on the Implementation of the Nagoya Protocol. CBD Secretariat. <https://www.cbd.int/doc/notifications/2019/ntf-2019-057-abs-en.pdf>
25. Eduardo Relly. Brazil's implementation of access and benefit-sharing and the Nagoya Protocol: Analyzing some trends and positions in the ongoing debate. October 2024. Genetic Resources. 5(10):65-80.

Legal Convergence of the Regulation of the Right to Health in International Law

Valeriya S. Martaler

Postgraduate Student,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: ValSMartaler@kpfu.ru

Diana I. Irgalieva

Postgraduate Student,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: DiaIrgalieva@kpfu.ru

Abstract

The article analyzes the convergence of three key legal regimes – human rights protection, intellectual property protection, and environmental regulation – in the context of the central role of the right to health. Based on a comprehensive study of international legal norms, judicial practice, and doctrinal approaches, a stable three-level hierarchy of norms is substantiated. At the first level, the right to health acts as a fundamental condition for the realization of all other human rights, which is confirmed by its enshrinement in universal treaties and the decisions of international and national courts. At the second level, its inseparable connection with the state of the environment is revealed, reinforced by the recognition of the right to a healthy environment and the integration of environmental goals into the global agenda. At the third level, the protection of intellectual property is considered not as an end in itself, but as an instrument subordinated to the goals of public welfare, which creates legal prerequisites for the application of flexible mechanisms of the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (hereinafter – TRIPS) when access to vital medicines is threatened. In conclusion, it is argued that modern international law is moving from fragmentation to an integrated system, where the right to health serves not only as an object of protection but also as a methodological criterion for harmonization, ensuring a balance between innovation, sustainable development, and social justice.

For citation

Martaler V.S., Irgalieva D.I. (2026) Pravovaya konvergentsiya regulirovaniya prava na zdorov'ye v mezhdunarodnom prave [Legal Convergence of the Regulation of the Right to Health in International Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 691-699. DOI: 10.34670/AR.2026.46.32.076

Keywords

International law, right to health, convergence of legal regimes, international environmental law, intellectual property, compulsory licensing.

References

1. A.A. Belousova. Pravo na zdorov'e v mezhdunarodnom prave // RUDN Journal of Law, 2013. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-zdorovie-v-mezhdunarodnom-prave-istoriya-stanovleniya>
2. A.I. Abdullin. 70 let Vseobshchei Deklaratsii prav cheloveka // VEPS, 2018. No. 4.
3. Michael Da Silva. The International Right to Health Care: A Legal and Moral Defense // Michigan Journal of International Law, 2018. <https://repository.law.umich.edu/mjil/vol39/iss3/3/> ; P. Alston. The Right to a Healthy Environment: Beyond Twentieth Century Perspectives // Cambridge University Press, 2023. <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/right-to-a-healthy-environment-beyond-twentieth-century-conceptions-of-rights/E9022707799A76E0F222AEA59F51531B>
4. Brigit Toebe. Human rights and public health: towards a balanced relationship // Cambridge University Press, 2015. https://www.researchgate.net/publication/279311684_Human_rights_and_public_health_Towards_a_balanced_relationship
5. V.S. Malichenko. Formirovanie mezhdunarodnogo prava zdravooohraneniya // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo

Martaler V.S., Irgalieva D.I.

- prava, 2022; V.S. Malichenko. *Mezhdunarodno-pravovye sredstva zashchity prav cheloveka v usloviyah chrezvychajnyh situacij* // NB Publish, 2024
6. A.Yu. Yastrebova, E.E. Gulyaeva. *Pravo na zdorov'e v sisteme mezhdunarodno-pravovoj zashchity prav cheloveka* // *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2021.
 7. Paul Hunt. *Interpreting the International Right to Health in a Human Rights-Based Approach to Health* // PubMed Central, 2016. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28559680/>
 8. UNAIDS. (2023). *The Path That Ends AIDS: UNAIDS Global AIDS Update 2023*. Geneva: Joint United Nations Programme on HIV/AIDS. – S. 42, 78. <https://www.unaids.org/en/resources/documents/2023/global-aids-update-2023>
 9. 't Hoen, E. (2009). *The Global Politics of Pharmaceutical Monopoly Power: Drug Patents, Access, Innovation and the TRIPS Agreement*. Diemen: AMB Publishers. <https://www.msfaaccess.org/global-politics-pharmaceutical-monopoly-power>
 10. Oliveira, M. A., et al. (2004). *Has the implementation of the TRIPS Agreement in Latin America and the Caribbean produced intellectual property legislation that favours public health?* 82(11), 815–821.
 11. Office of the Controller General of Patents, Designs and Trade Marks (India). (2012). Order No. CL/1/2013 in the matter of Bayer Corporation v. Natco Pharma Ltd., dated 9 March 2012. <https://www.ipindia.gov.in/writereaddata/Portal/ev/CL-1-2013.pdf>
 12. Wong H. *The case for compulsory licensing during COVID-19*. *J Glob Health*. 2020 Jun;10(1) <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7242884/>
 13. World Trade Organization. (2020). *Waiver from Certain Provisions of the TRIPS Agreement for the Prevention, Containment and Treatment of COVID-19*. Communication from India and South Africa. IP/C/W/669. <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/IP/C/W669.pdf&Open=True>
 14. *Measuring medicine prices, availability, affordability and price components*. https://syntheticdrugs.unodc.org/uploads/syntheticdrugs/res/library/access_html/WHO__Measuring_medicine_prices_availability_affordability_and_price_components.pdf
 15. WHO/WIPO/WTO, 2016. *Public Health, Intellectual Property, and TRIPS at 20: Innovation and Access to Medicines; Learning from the Past, Illuminating the Future*. Briefing Series on Trilateral Cooperation. WHO, WIPO, WTO: Geneva.
 16. N.E. Tiurina. *Fragmentatsiia mezhdunarodnogo prava v kontekste «prava VTO»* // *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2013. No. 3(90). P. 52-58.
 17. World Health Organization (WHO) & UNICEF. (2023). *Progress on household drinking water, sanitation and hygiene 2000–2022: Special focus on gender*. Geneva: WHO. <https://www.who.int/publications/m/item/progress-on-household-drinking-water--sanitation-and-hygiene-2000-2022---special-focus-on-gender>
 18. World Health Organization (WHO). (2021). *Climate change and health*. Fact sheet. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/climate-change-and-health>
 19. European Court of Human Rights. (2012). *Di Samo and Others v. Italy*, Application no. 30765/08, Judgment of 10 July 2012. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-111972>
 20. ECtHR. (2024). *Verein Klimaseniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland*, Application no. 53600/20, Judgment of 9 April 2024. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-235327> Sm. §§ 420–430
 21. IACtHR. (2017). *Advisory Opinion OC-23/17, Requested by the Republic of Colombia*, November 15, 2017 https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/serieoc_23_esp.pdf Sm. §55, §62
 22. IACtHR. (2015). *Kaliña and Lokono Peoples v. Suriname*, Judgment of 25 November 2015. §152 https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/serieoc_309_ing.pdf
 23. Human Rights Committee. (2018). *General Comment No. 36 (2018) on Article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights, on the Right to Life*. UN Doc. CCPR/C/GC/36, adopted on 30 October 2018, published 2 November 2018.
 24. Government of Peru. (2019). *National Report on the Implementation of the Nagoya Protocol*. CBD Secretariat. <https://www.cbd.int/doc/notifications/2019/ntf-2019-057-abs-en.pdf>
 25. Eduardo Relly. *Brazil's implementation of access and benefit-sharing and the Nagoya Protocol: Analyzing some trends and positions in the ongoing debate*. October 2024. *Genetic Resources*. 5(10):65-80.

УДК 341.48

DOI: 10.34670/AR.2026.50.86.077

Криминализация экоцида в деятельности Международного уголовного суда: история, современное состояние и перспективы

Углова Евгения Анатольевна

Начальник отдела научной информации,
издательской деятельности и библиографического обеспечения,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: vladivostok200@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу процесса криминализации экоцида и перспективам признания его пятым международным преступлением. Рассматривается эволюция запретов на причинение ущерба окружающей среде в ходе вооруженных конфликтов — от Гаагских конвенций 1907 года до Римского статута 1998 года. Особое внимание уделяется инициативам фонда «Стоп экоцид» (Stop Ecocide) и разработанному Проекту определения экоцида 2021 года. Центральное место занимает анализ принятой 4 декабря 2025 года Политики по противодействию ущербу окружающей среде в рамках Римского статута, представленной Офисом Прокурора Международного уголовного суда, которая, не признавая экоцид новым преступлением, позволяет квалифицировать экологический вред в рамках четырех существующих составов, распространяя юрисдикцию на мирное время и внутренние конфликты государств. Делается вывод, что вопрос о признании экоцида пятым преступлением остается открытым из-за политических разногласий, и его решение в обозримой перспективе маловероятно.

Для цитирования в научных исследованиях

Углова Е.А. Криминализация экоцида в деятельности Международного уголовного суда: история, современное состояние и перспективы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 700-709. DOI: 10.34670/AR.2026.50.86.077

Ключевые слова

Экоцид, международное уголовное право, вооружённые конфликты, Римский статут, Международный уголовный суд, охрана окружающей среды, военные преступления, криминализация экоцида, международная юстиция, экологические преступления.

Введение

Благополучное состояние окружающей среды выступает фундаментальным условием человеческого существования. В этой связи экоцид, представляющий собой массовое уничтожение природных экосистем, подрывает сами основы жизни человечества. Противодействие данной угрозе не может быть ограничено рамками национальных правовых систем и требует консолидированных международных усилий.

В период войн и вооружённых конфликтов каждая из сторон стремилась к победе любой ценой: истреблению подлежала не только живая сила, но и окружающая среда, которая планомерно уничтожалась в рамках стратегии тотального истощения противника. Отравление колодцев во время Крестовых походов в XI–XV веках, применение отравляющих газов во время Первой мировой войны, распыление дефолиантов Вооружёнными силами США во время Вьетнамской войны, поджоги нефтяных скважин в январе 1991 года иракскими военными в Кувейте – мировая история от древнего мира и до наших дней знает немало фактов, когда такие способы использовались для нанесения максимально возможного урона противнику.

Исторические предпосылки для введения уголовной ответственности за экоцид как военное преступление

К началу XX века мировое сообщество, осознав свои колоссальные разрушительные возможности, которые предоставляли новые военные технологии, было вынуждено начать переговоры. Несмотря на длительный и сложный процесс, в результате это привело к заключению целого ряда международных соглашений, регламентирующих способы ведения войн и прямо запрещающих нанесение ущерба окружающей среде во время конфликтов.

Первым таким актом стала Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны [Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 1907] и приложение к ней – Положение о законах и обычаях сухопутной войны, принятые во время Второй Гаагской конференции, прошедшей со 2 (15) июня по 5 (18) октября 1907 г. [Фархутдинов, [www...](#)] Однако, эти соглашения не остановили воюющие стороны от применения недозволенных методов войны во время крупнейших вооружённых конфликтов XX века – Первой и Второй мировых войн.

Трагедия двух мировых войн, а затем и война во Вьетнаме, где американская армия впервые в массовом масштабе применила химическое оружие против природы, заставили мировое сообщество вернуться к незавершённому разговору. Результатом стало принятие 10 декабря 1976 г. Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду и 8 июня 1977 года на дипломатической конференции в Женеве Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооружённых конфликтов. На сегодняшний день к этим соглашениям в той или иной мере присоединилось подавляющее большинство стран мира.

В следующие два десятилетия международное сообщество хотя и обсуждало вопросы установления уголовной ответственности за причинение вреда окружающей среде, но так и не пришло к конкретным и значимым результатам.

Международный уголовный суд

Следующим шагом к криминализации экоцида стало принятие 17 июля 1998 г. на Дипломатической конференции полномочных представителей по учреждению

Международного уголовного суда Римского статута Международного уголовного суда (далее – Римский статут, Статут).

Международный уголовный суд (далее – МУС) начал свою работу в Гааге 1 июля 2002 года и стал первым постоянным международным органом уголовного правосудия, созданным на основе договора между государствами.

В разработке Римского статута приняли участие 160 государств. Однако последующие этапы (голосование, подписание и ратификация) выявили серьезные расхождения в позициях ведущих мировых держав и разную точку зрения на многие его положения. В результате «за» принятие Статута проголосовали 120 государств; «против» проголосовали 7 государств: США, Израиль, Китай, Ирак, Катар, Ливия и Йемен; «воздержалось» 21 государство, в том числе Индия, Россия и Саудовская Аравия.

Российская Федерация неоднократно демонстрировала свое позитивное отношение к созданию МУС, активно участвуя в работе Подготовительного комитета и Подготовительной комиссии для Международного уголовного суда, а также дипломатической конференции в Риме [Лазутин, 2018] и стала одной из первых стран, подписавших Римский статут (13 сентября 2000 г.). Однако в дальнейшем Россия не ратифицировала это соглашение и в 2016 году вовсе отказалась от участия в нем, поскольку суд «не оправдал возложенных на него надежд и не стал подлинно независимым, авторитетным органом международного правосудия» [Заявление МИД России, 2016].

США, ранее подписавшие Римский статут, 6 мая 2002 г. официально отозвали свою подпись и указали, что не намерены ратифицировать соглашение. Более того, 6 февраля 2025 г. Президент США подписал указ о финансовых санкциях против Международного уголовного суда поскольку по мнению США, МУС «совершил незаконные и необоснованные действия», направленные против США и Израиля [Трамп ввел санкции против МУС, 2025].

Президент Израиля Ицхак Герцог в мае 2024 г. охарактеризовал действия МУС, выдавшего ордер на арест премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньягу, как «запредельно возмутительные», добавив, что они «показывают, до какой степени международная судебная система находится под угрозой краха» [Meduza, 2024].

В 2017 году членство в МУС прекратила Республика Бурунди, в 2019 году покинули Филиппины [ТАСС, 2023]. В 2025 году процедуру выхода из МУС начала Венгрия [Forbes, 2025].

Несмотря на то, что Римский статут является одним из самых многочисленных международных договоров – по состоянию на январь 2026 г. у него 125 стран-участниц [Forbes, 2025], деятельность МУС вызывала и продолжает вызывать неприятие России, США, Китая, Индии, Израиля, Ирана, Турции, Малайзии, Индонезии и почти всех государств Арабского Востока, которые обвиняют его в политизированности, ангажированности, вынесении противоречивых решений, злоупотреблении практикой особых мнений судей, нарушении норм международного права [Проблемы правомерности деятельности МУС, [www...](#)] и игнорировании суверенитета стран, не являющихся участниками Статута [РАПСИ, 2025].

Таким образом, по состоянию на 2026 год МУС не является безусловно признанным и авторитетным судом в мире.

Однако, оставив за рамками политическую сторону деятельности МУС, разберём с правовой точки зрения попытки суда признать экоцид пятым международным преступлением.

Согласно ст. 1 и 5 Статута юрисдикция суда ограничивается четырьмя составами: геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии [Римский

статут, 1998].

При принятии Статута в 1998 году ответственность за уничтожение окружающей среды была установлена как составная часть военного преступления в пп. b) п. iv) ст. 8 Статута и сформулирована как «серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права, в том числе умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством». Эта формулировка остаётся пока неизменной, но подвергается систематической критике: экологические организации настаивают, что разрушение природы должно быть отдельным, пятым международным преступлением – экоцидом, а не просто одним из пунктов в списке военных запретов.

Обсуждение вопроса криминализации экоцида на современном этапе

В 2010–2011 годах экологические организации впервые всерьёз подняли вопрос о признании экоцида преступлением. Однако, страны-участницы отнеслись к этой идее скептически: главным аргументом стало отсутствие единого чёткого и общепризнанного определения экоцида. Результатом этих обсуждений стала попытка разработать понятие экоцида, максимально удовлетворяющего всех: 15 сентября 2016 г. прокурор Международного уголовного суда Фату Бенсуда опубликовал программный документ по вопросам политики отбора дел и определения приоритетов, согласно положениям которого суд расширяет сферу своей деятельности за счет новых областей, что может означать осуществление уголовного преследования, в том числе по случаям разрушения окружающей среды [РСМД, [www...](#)]. Однако этого программного документа оказалось недостаточно для преодоления проблемы – юрисдикция суда может быть расширена только путём внесения поправок в Устав МУС [Pereira, 2020]. В результате эта инициатива не была принята целым рядом государств и дальнейшего развития не получила: ни новых документов, ни практических шагов со стороны Офиса Прокурора не последовало.

Следующая активная фаза началась в 2020 году когда международный экологический фонд «Стоп экоцид» (Stop Ecocide), имеющий вес в МУС и сторонников среди мировых лидеров (включая Генерального секретаря ООН и Папу Римского) [Notable Supporters, [www...](#)], инициировал создание международной экспертной группы, перед которой была поставлена задача разработки правового термина «экоцид», который дал бы четкое, юридически безупречное и консенсусное определение экоцида, пригодное для включения в Римский статут Международного уголовного суда. Итогом ее работы стала подготовка в июне 2021 г. проекта поправки к Римскому статуту для включения преступления «экоцид» в качестве пятого международного преступления [Notable Supporters, [www...](#)] – предложено дополнить Римский статут статьями 8 с литерой «ter» и сформулировать состав экоцида как «противоправные или безрассудные действия, совершаемые с осознанием того, что существует существенная вероятность причинения серьезного и широкомасштабного или долгосрочного ущерба окружающей среде этими действиями» [Stop Ecocide International, 2021]. Для этих целей предложено определить следующие признаки:

- «безрассудный» означает безрассудное пренебрежение ущербом, который явно будет

чрезмерным по отношению к ожидаемым социальным и экономическим выгодам;

– «серьезный» означает ущерб, который влечет за собой очень серьезные неблагоприятные изменения, нарушения или вред любому элементу окружающей среды, включая серьезное воздействие на жизнь людей или природные, культурные или экономические ресурсы;

– «широкомасштабный» означает ущерб, который выходит за пределы ограниченной географической области, пересекает границы штатов или затрагивает целую экосистему, вид или большое количество людей;

– «долгосрочный» означает ущерб, который необратим или который не может быть устранен естественным путем в течение разумного периода времени;

– под «окружающей средой» следует понимать Землю, ее биосферу, криосферу, литосферу, гидросферу и атмосферу, а также космическое пространство.

Поправка вынесена на обсуждение стран-участниц и пока не принята. Однако она послужила катализатором для несколько иного процесса – Офис Прокурора МУС разработал и 18 декабря 2024 г. внёс на рассмотрение стран-участниц «Проект политики в отношении преступлений окружающей среды в соответствии с Римским статутом» Прокурорской комиссии [Проект политики, 2024].

После консультаций и обсуждений на Ассамблее государств-участников МУС в Гааге 4 декабря 2025 года [Проект политики, 2024] Офисом Прокурора МУС была представлена Политика по противодействию ущербу окружающей среде в рамках Римского статута (Policy on Addressing Environmental Damage through the Rome Statute) [Проект политики, 2024] (далее – Политика).

Следует признать, что представленная Политика содержит ряд достаточно «революционных» положений для Международного уголовного суда и несмотря на то, что Офис Прокурора сознательно уклонился от прямого признания экоцида самостоятельным составом преступления и инициирования процесса внесения соответствующих поправок в Римский статут, представленный документ отнюдь не стал простой декларацией. Напротив, в Политике предложен механизм привлечения к ответственности за экологические преступления в рамках уже существующих норм, который, по сути, можно рассматривать как «тихую революцию» в правоприменительной практике МУС.

Например, признается, что юрисдикция суда ограничена и Римский статут, в первую очередь, сосредоточен на защите жизни и имущества человека. Вместе с тем, делается вывод, что поскольку уничтожение, деградация, загрязнение или иное изменение окружающей природной среды зачастую напрямую влияет на жизнь человека и его права и существует причинно-следственная связь между преднамеренными действиями лица, совершившего преступление, и объективным элементом преступления по Римскому статуту, такие действия могут считаться преступлениями как во время вооружённого конфликта, так и в мирное время (п. 5).

Политика дала определения «экологическим преступлениям» (п. 13), указав, что это преступления, указанные в статье 5 Римского статута (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии), совершенные посредством или приводящие к нанесению экологического ущерба, а именно:

- Преступление, указанное в статье 8(2)(b)(iv) (военное преступление) Римского статута, в которой прямо говорится об экологическом ущербе как о части его правовых элементов.
- Преступления Римского статута, совершенные посредством нанесения экологического ущерба, в которых ущерб является существенным фактом, имеющим значение для

установления элемента преступления и/или объективной стороны способа ответственности.

- Преступления Римского статута, повлекшие за собой экологический ущерб, в которых ущерб является контекстной информацией, имеющей значение для оценки тяжести или воздействия преступления, а также для принятия решений о выборе и приоритизации наказания и возмещении ущерба.

Одновременно указывается, что действие, которое влечет за собой или приводит к нанесению ущерба окружающей среде способом, запрещённым статьёй 8 (2) Римского статута (военные преступления), может быть квалифицировано как военное преступление, если это действие произошло в контексте и было связано с вооружённым конфликтом, будь он международным или немеждународным (п. 35).

Таким образом Политика:

- провозгласила, что если разрушение природы ведет к страданиям или гибели людей, это может считаться преступлением против человечности, даже если действия совершались в мирное время;
- разделила все преступления с экологическим ущербом на три типа: ущерб природе прямо прописан в законе, природа уничтожается как средство совершения преступления и где экологический вред помогает оценить тяжесть содеянного;
- установила, что для военных преступлений теперь достаточно доказать, что разрушение природы было связано с конфликтом, даже если оно не подпадает под узкую формулировку закона и совершено в мирное время.

Эти нормы Политики демонстрируют намерения суда распространить свою юрисдикцию не только на время вооружённых конфликтов, но и на мирное время, а также попытку расширить свои полномочия не только на международные вооружённые столкновения, но и не международные конфликты, под которые попадают и гражданские войны внутри стран-участниц. Представляется, что эти инициативы Офиса Прокурора не встретят понимания среди всех стран-участниц Римского статута, а также стран, не являющихся участниками статута, но являющихся сторонами постоянно возникающих в мире конфликтов. Только время покажет, станет ли эта инициатива реальным инструментом защиты природы или так и останется декларацией, не выдержавшей столкновения с политическими интересами.

Что касается криминализации экоцида в рамках Римского статута, то, во-первых, Офис Прокурора подчеркнул, что действует строго в рамках существующего Римского статута и его мандат не включает создание новых составов преступлений. Это означает, что все действия прокуратуры по защите окружающей среды базируются на уже имеющихся нормах (о геноциде, преступлениях против человечности, военных преступлениях и агрессии) и защита окружающей среды будет рассматриваться через призму уже существующих составов. Во-вторых, Политика, признавая наличие и важность международных усилий по криминализации экоцида, дистанцируется от поправок, предложенных Вануату, Фиджи и Самоа в 2024 году и фондом «Стоп экоцид» (Stop Ecocide) и рассматривает их как отдельный процесс, который «дополнит усилия Офиса Прокурора по борьбе с безнаказанностью за экологические преступления» (п. 10).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие ключевые выводы относительно перспектив признания экоцида пятым международным преступлением.

Во-первых, несмотря на многолетние усилия и активные дискуссии, экоцид до настоящего времени не признан самостоятельным международным преступлением. Ни Римский статут 1998 года, ни последующие инициативы, включая проект поправки 2021 года и принятую в декабре 2025 года Политику по противодействию ущербу окружающей среде, не ввели экоцид в число преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС – его юрисдикция по-прежнему ограничена четырьмя классическими составами: геноцидом, преступлениями против человечности, военными преступлениями и агрессией.

Во-вторых, перспективы включения экоцида в Римский статут остаются крайне неопределенными. История обсуждения этого вопроса демонстрирует устойчивое сопротивление ряда государств, включая наиболее крупные мировые державы. Возражения касаются как отсутствия удовлетворяющего всех определения экоцида, так и более фундаментальных претензий к самому суду – политизированность, вмешательство во внутренние дела государств, нарушение суверенитета других стран и т.д.

В-третьих, принятая в 2025 году Политика, при всей ее важности, сознательно дистанцируется от вопроса о создании нового состава преступления. Офис Прокурора прямо заявляет, что его мандат ограничен существующим Римским статутом, и все действия по защите окружающей среды будут осуществляться в рамках уже имеющихся норм. Упоминания об инициативах по криминализации экоцида, поступившие в 2024 году от Вануату, Фиджи, Самоа и фонда «Стоп экоцид» (Stop Ecocide) присутствуют в документе, но рассматриваются как параллельный процесс, не связанный напрямую с текущей деятельностью прокуратуры.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на значительный прогресс в интерпретации существующих норм международного уголовного права в части экологических преступлений, вопрос о признании экоцида пятым самостоятельным международным преступлением остается открытым. Его решение зависит от преодоления глубоких политических разногласий между государствами и выработки консенсусного определения, что в обозримой перспективе представляется маловероятным.

Библиография

1. Государства — участники Римского статута. (2026) Assembly of States Parties to the Rome Statute. URL: <https://asp.icc-cpi.int/states-parties>
2. Ересь Ю. (2021). Экоцид может стать пятым международным преступлением. *РБК Тренды*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/60dc37359a7947d3b07ff119>
3. Заявление МИД России от 16.11.2016. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1538221/
4. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 года. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259>
5. Лазутин Л.А. (2018). Римский статут международного уголовного суда и конституция Российской Федерации: грани несоответствия. *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*, 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-statut-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda-i-konstitutsiya-rossiyskoy-federatsii-grani-nesootvetstviya>
6. Международный уголовный суд: что впереди? (б/г). Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-ugolovnyy-sud-cto-vpered/>
7. Парламент Венгрии проголосовал за выход страны из Международного уголовного суда. (2025). *Forbes*. URL: <https://www.forbes.ru/society/536301-parlament-vengrii-progolosoval-za-vyhod-strany-iz-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-sud>
8. Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда (закключение Международно-правового совета при МИД России). (б/г). Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/legal_problems_of-international_cooperation/1949021/
9. Проект политики в отношении преступлений окружающей среды в соответствии с Римским статутом. (2024).

- International Criminal Court. URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-12/2024-12-18-OTP-Policy-Environmental-Crime.pdf>
10. Римский статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17.07.1998). Организация Объединенных Наций. URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf)
11. США ввели новые санкции против сотрудников Международного уголовного суда. (2025). *РАПСИ*. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20250820/311094823.html
12. Трамп ввел санкции против МУС. (2025). *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/02/2025/67a538389a79470b867ba00a>
13. Фархутдинов И.З. (б/г). Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг. Кто развязал Первую мировую войну. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права. *Евразийский юридический журнал*. URL: <https://eurasialaw-journal.ru/gaagskie-mirnye-konferentsii-1899-i-1907-gg-kto-razvyazal-pervuyu-mirovuyu-voynu.html>
14. Что известно о Римском статуте Международного уголовного суда. (2023). *ТАСС*. URL: <https://tass.ru/info/18901013>
15. «Это нас не остановит». Нетаниягу — о требовании прокурора Международного уголовного суда выдать ордер на его арест. (2024). *Meduza*. URL: <https://web.archive.org/web/20250116124056/https://meduza.io/news/2024/05/20/eto-nas-ne-ostanovit-netaniyagu-o-trebovanii-prokurora-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda-vydat-order-na-ego-arest>
16. Historic ICC Policy Puts Ecological Harm at the Centre of International Criminal Law. (2025). Stop Ecocide International. URL: <https://www.stopecocide.earth/bn-2025/historic-icc-policy-puts-ecological-harm-at-the-centre-of-international-criminal-law>
17. June 2021: historic moment as Independent Expert Panel launches definition of ecocide. (2021). Stop Ecocide International. URL: <https://www.stopecocide.earth/legal-definition>
18. Notable Supporters. (б/г). Stop Ecocide International. URL: <https://www.stopecocide.earth/notable-supporters>
19. Pereira R. (2020). After the ICC office of the prosecutor's 2016 policy paper on case selection and prioritisation: towards an international crime of ecocide? *Criminal Law Forum*, 31, 179–224. URL: <https://doi.org/10.30709/eucrim-2024-012>
20. Policy on Addressing Environmental Damage through the Rome Statute. (2025). International Criminal Court. URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2025-12/2025-env-eng.pdf>

Criminalization of Ecocide in the Activities of the International Criminal Court: History, Current State and Prospects

Evgeniya A. Uglova

Head of the Department of Scientific Information,
Publishing and Bibliographic Support,
Far Eastern Law Institute (Branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
690091, 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: vladivostok200@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the process of criminalizing ecocide and the prospects for recognizing it as the fifth international crime. The evolution of prohibitions on causing damage to the environment during armed conflicts is examined — from the Hague Conventions of 1907 to the Rome Statute of 1998. Special attention is paid to the initiatives of the Stop Ecocide Foundation and the developed Draft Definition of Ecocide of 2021. The central focus is the analysis of the Policy on Countering Environmental Damage under the Rome Statute, adopted on December 4, 2025, presented by the Office of the Prosecutor of the International Criminal Court, which, without recognizing ecocide as a new crime, allows environmental harm to be prosecuted within the

framework of the four existing crimes, extending jurisdiction to peacetime and internal conflicts of states. It is concluded that the issue of recognizing ecocide as the fifth crime remains open due to political disagreements, and its resolution in the foreseeable future is unlikely.

For citation

Uglova E.A. (2026) Kriminalizatsiya ekotsida v deyatelnosti Mezhdunarodnogo ugolovno go suda: istoriya, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy [Criminalization of Ecocide in the Activities of the International Criminal Court: History, Current State and Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 700-709. DOI: 10.34670/AR.2026.50.86.077

Keywords

Ecocide, international criminal law, armed conflicts, Rome Statute, International Criminal Court, environmental protection, war crimes, criminalization of ecocide, international justice, environmental crimes.

References

1. Criminalization of Ecocide in the Activities of the International Criminal Court: History, Current State and Prospects
2. Eres, Yu. (2021). Ekotsid mozhet stat' pyatym mezhdunarodnym prestupleniem [Ecocide could become the fifth international crime]. *RBK Trends*. <https://trends.rbc.ru/trends/green/60dc37359a7947d3b07ff119>
3. Farkhutdinov, I.Z. (n.d.). Gaagskie mimye konferentsii 1899 i 1907 gg. Kto razvyazal Pervuyu mirovuyu voynu [The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907. Who started World War I]. *Eurasian Law Journal*. <https://eurasia-law-journal.ru/gaagskie-mimye-konferentsii-1899-i-1907-gg-kto-razvyazal-pervuyu-mirovuyu-voynu.html>
4. Forbes. (2025). Parlament Vengrii progolosoval za vykhod strany iz Mezhdunarodnogo ugolovno go suda [Hungarian parliament votes to leave the International Criminal Court]. <https://www.forbes.ru/society/536301-parlament-vengrii-progolosoval-za-vykhod-strany-iz-mezhdunarodnogo-ugolovno-go-suda>
5. Hague Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land of October 18, 1907. (1907). Legal and Regulatory Documents Database. <https://docs.cntd.ru/document/901753259>
6. International Criminal Court. (2024). *Draft Policy on Environmental Crimes under the Rome Statute*. <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-12/2024-12-18-OTP-Policy-Environmental-Crime.pdf>
7. International Criminal Court. (2025). *Policy on Addressing Environmental Damage through the Rome Statute*. <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2025-12/2025-env-eng.pdf>
8. Lazutin, L.A. (2018). Rimskiy statut mezhdunarodnogo ugolovno go suda i konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: grani nesootvetstviya [The Rome Statute of the International Criminal Court and the Constitution of the Russian Federation: aspects of inconsistency]. *Electronic Supplement to the Russian Law Journal*, 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-statut-mezhdunarodnogo-ugolovno-go-suda-i-konstitutsiya-rossiyskoy-federatsii-grani-nesootvetstviya>
9. Meduza. (2024). "Eto nas ne ostanovit". Netaniyagu — o trebovanii prokurora Mezhdunarodnogo ugolovno go suda vydat' order na ego arest ["This will not stop us." Netanyahu on the ICC prosecutor's request for an arrest warrant]. <https://web.archive.org/web/20250116124056/https://meduza.io/news/2024/05/20/eto-nas-ne-ostanovit-netaniyagu-o-trebovanii-prokurora-mezhdunarodnogo-ugolovno-go-suda-vydat-order-na-ego-arest>
10. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2016). *Zayavlenie MID Rossii ot 16.11.2016* [Statement of the Russian Ministry of Foreign Affairs of November 16, 2016]. https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1538221/
11. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (n.d.). *Problemy pravomernosti deyatelnosti Mezhdunarodnogo ugolovno go suda* [Problems of the legitimacy of the International Criminal Court's activities]. https://mid.ru/ru/foreign_policy/legal_problems_of-international_cooperation/1949021/
12. Pereira, R. (2020). After the ICC office of the prosecutor's 2016 policy paper on case selection and prioritisation: towards an international crime of ecocide? *Criminal Law Forum*, 31, 179–224. <https://doi.org/10.30709/eucrim-2024-012>
13. RAPSİ. (2025). SShA vveli novye sanktsii protiv sotrudnikov Mezhdunarodnogo ugolovno go suda [US imposes new sanctions against ICC officials]. https://rapsinews.ru/international_news/20250820/311094823.html
14. RBC. (2025). Tramp vvel sanktsii protiv MUS [Trump imposes sanctions against ICC]. <https://www.rbc.ru/politics/07/02/2025/67a538389a79470b867ba00a>

15. Rome Statute of the International Criminal Court (adopted July 17, 1998). United Nations. [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf)
16. Russian Council on International Affairs. (n.d.). *Mezhdunarodnyy ugolovnyy sud: chto vpered?* [International Criminal Court: what lies ahead?]. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-ugolovnyy-sud-chto-vpered/>
17. States Parties to the Rome Statute. (2026) Assembly of States Parties to the Rome Statute. <https://asp.icc-cpi.int/states-parties>
18. Stop Ecocide International. (2021). *June 2021: historic moment as Independent Expert Panel launches definition of ecocide*. <https://www.stopecocide.earth/legal-definition>
19. Stop Ecocide International. (2025). *Historic ICC Policy Puts Ecological Harm at the Centre of International Criminal Law*. <https://www.stopecocide.earth/bn-2025/historic-icc-policy-puts-ecological-harm-at-the-centre-of-international-criminal-law>
20. Stop Ecocide International. (n.d.). *Notable Supporters*. <https://www.stopecocide.earth/notable-supporters>
21. TASS. (2023). *Chto izvestno o Rimskom statute Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda* [What is known about the Rome Statute of the International Criminal Court]. <https://tass.ru/info/18901013>

УДК 341**DOI: 10.34670/AR.2026.14.42.078****Доктрина versus реальность: ревизия теоретического наследия по делу Никарагуа за 40 лет****Дьяконова Алина Андреевна**

Кандидат юридических наук,
Заведующий отделением непрерывного и дополнительного образования,
Оренбургский институт (филиал),
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
460008, Российская Федерация, Оренбург, ул. Комсомольская, 50;
e-mail: jurist.oimsla@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу решения Международного Суда ООН по делу «Военная и полувоенная деятельность в Никарагуа и против Никарагуа» (Никарагуа против США) 1986 года в контексте его 40-летнего юбилея. В работе рассматриваются процессуальные аспекты дела, включая первое в истории Суда применение Статьи 53 Статута в условиях «исчезновения» ответчика, и материально-правовые выводы: конкретизация принципов невмешательства и запрета применения силы, установление критериев вооруженного нападения и права на самооборону. Особое внимание уделяется доктринальной полемике, сложившейся вокруг данного решения.

Для цитирования в научных исследованиях

Дьяконова А.А. Доктрина versus реальность: ревизия теоретического наследия по делу Никарагуа за 40 лет // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 710-723. DOI: 10.34670/AR.2026.14.42.078

Ключевые слова

Международный Суд ООН, Никарагуа, США, *jus contra bellum*, запрет применения силы, невмешательство во внутренние дела государства, право на самооборону, отказ от участия в рассмотрении дела по существу, международно-правовой обычай, *opinio juris*.

Введение

27 июня 2026 года международное научное сообщество отметит знаковую дату в истории развития международного права – 40-летний юбилей со дня вынесения Международным Судом ООН решения по делу «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)».

Как справедливо подчеркивает ученый-юрист Мельбурнского Университета С. Донахью, решение по делу «Никарагуа» является, пожалуй, самым спорным в истории Международного Суда [Donaghue, 1995, с. 327]. Несмотря на то, что оно стало одним из самых цитируемых и концептуально важных в истории международного правосудия, его восприятие в научной доктрине с самого начала и по сей день характеризуется ярко выраженной дилеммой между позитивной оценкой как «конституирующего акта» (constitutive act) [Pellet, 2018, с. 23] современного правопорядка и устойчивым критическим подходом.

Литературный обзор

С одной стороны, решение по делу «Никарагуа» характеризуется в науке как имеющее фундаментальное, «краеугольное» значение, которое стало «переломным моментом» [Cassese, 2007, с. 650], создавшим концептуальную основу для всех последующих дискуссий в области применения силы. С другой, на протяжении четырех десятилетий данное решение Международного Суда ООН остается объектом пристальной критики со стороны влиятельных научных школ, которые приписывают ему полный «провал юридической науки» [D'Amato, 1987, с. 105], дискредитирующий обычное международное право. Но, несмотря на столь разноплановую характеристику, большинство исследователей международного права признает, что решение 1986 года стало нормативным фундаментом современного *jus contra bellum*, определившим концептуальные рамки для всей последующей практики Международного Суда ООН в сфере применения силы и ответственности государств.

С учетом современных вызовов – от гибридных конфликтов и киберопераций до споров о толковании права на самооборону против негосударственных акторов – базовые правовые конструкции, апробированные и закрепленные в деле «Никарагуа», обретают новую актуальность. К тому же, юбилейная дата выступает весомым основанием для ретроспективного анализа и методологического переосмысления наследия данного дела.

Настоящая статья призвана продемонстрировать, что непреходящая научная и практическая ценность решения «Никарагуа» заключается не только в сформулированных в нем нормативных стандартах, но и в той уникальной, длящейся десятилетиями полемике, которую оно породило. Именно эта полемика делает его «живым» и эволюционирующим правовым явлением, продолжающим стимулировать развитие юридической мысли и остающимся незаменимым ориентиром в условиях растущей фрагментации миропорядка [Simma, 2006, с. 67-68].

Материалы

Для начала следует подчеркнуть, что решение по делу «Никарагуа» было вынесено Международным Судом ООН в период, когда положение самого Суда «...было не блестящим» [Pellet, 2012, с. 481], и сам Суд находился в достаточно глубоком институциональном кризисе. Эпицентром кризиса стало решение по делу о Юго-Западной Африке (*Ethiopia v. South Africa*;

Liberia v. South Africa) 1966 года [*South West Africa*, 1966, с. 6]. По мнению Л.Ф. Дамрош, именно рассмотрение Судом дел, возбужденных Эфиопией и Либерией против Южной Африки, породило «коллапс доверия» [Damrosch, 2012] к Суду и «оттолкнуло страны третьего мира от Суда на долгое время» [Pellet, 2012, с. 482]. Легитимность Суда в глазах нового, постколониального международного сообщества оказалась подорванной. Данные обстоятельства весьма красноречиво подтверждает состояние судебного досье (docket), исследованного А. Пелле на основе ежегодных докладов Международного Суда ООН Генеральной Ассамблее (*Annual Report of the International Court of Justice to the General Assembly*) за период с 1960-ые по 1970-ые годы. Как подчеркивает исследователь, с 1963 по 1966 годы Суд не получил ни одного дела. Новых дел не поступало также в период с 1968 по 1970 годы, аналогичная ситуация сложилась с 1977 по 1980 годы. «Когда дела все же были, редко рассматривалось более одного дела в год – не было ни запроса, ни компромисса, следовательно, не было и решения (отчёт за 1977 год отсутствует)» [Pellet, 2012, с. 483]. По-видимому, здесь А. Пелле ведет речь о том разделе доклада, который посвящен новым делам и вынесенным решениям. Поскольку в 1977 г. Суд не вынес ни одного решения по существу и не получил ни одного нового дела, соответствующий раздел доклада отсутствовал содержательно. Хотя, с формальной точки зрения доклад Международного Суда Генеральной Ассамблее за период 1976–1977 гг. (A/32/5) существует и доступен в архивах ООН [*Report of the International Court of Justice*, 1977, с. 3]. Однако в отсутствие каких-либо новых дел и решений он был превращен в «пустую» формальность, не фиксирующую реальную судебную деятельность.

Отсутствие реальной судебной деятельности со стороны Международного Суда ООН вдобавок ко всему усугублялось оттоком государств, ранее составлявших опору международной судебной системы. Так, по примеру А. Пелле, Франция, «один из традиционных, самых верных сторонников Суда» [Pellet, 2012, с. 483], отозвала своё факультативное заявление о признании обязательной юрисдикции. Отзыв был осуществлен после решений 1974 года по делам о ядерных испытаниях (*Nuclear Tests, Australia v. France; New Zealand v. France*) [*Nuclear Tests*, 1974, с. 457]. И подобные действия со стороны Франции продемонстрировали, что даже государства-основатели, стоявшие у истоков судебной системы ООН, готовы были выйти из-под юрисдикции Суда, если его деятельность затрагивала их стратегические интересы.

Именно в таких условиях 27 июня 1986 года Международный Суд ООН принимает итоговое решение (MERITS) по существу дела «Военная и полувоенная деятельность в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединённых Штатов Америки)», которое в последующем будет восприниматься в научной доктрине как «реванш слабого против сильного» [Pellet, 2012, с. 484] и доказательство того, что Суд «...может излагать право, необязательно принимая сторону сильнеешего» [Pellet, 2012, с. 484].

Исторически значимое решение было вынесено Судом по результатам рассмотрения заявления, поданного Никарагуа 9 апреля 1984 года, о возбуждении дела против Соединённых Штатов Америки. В своём заявлении страна-истец утверждала, что США, осуществляя вербовку, обучение, вооружение, снабжение, финансирование и иные формы поддержки военных и полувоенных действий «контрас», а также проводя прямые военные операции против никарагуанской территории, нарушили свои обязательства по общему международному праву, а также по ряду международных договоров: Уставу ООН, Уставу Организации американских государств (ОАГ) и Договору о дружбе, торговле и навигации между США и Никарагуа 1956 г.

[*Military and Paramilitary Activities*, 1986, с. 3]. В связи с этим Никарагуа были заявлены следующие требования: признать незаконность действий США; немедленно прекратить все формы вмешательства; обязать США возместить ущерб, причиненный народу, имуществу и экономике страны.

Будучи на стороне ответчика, США избрали аффирмативную тактику защиты (*affirmative defence*) и пытались оправдать свои действия осуществлением права на коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН. По утверждению Вашингтона, Никарагуа осуществляла вооруженное вмешательство во внутренние дела соседних государств (Сальвадора, Гондураса и Коста-Рики), поставляя оружие местным повстанцам, и США, действуя по просьбе подвергшихся нападению государств, оказывали им помощь в порядке коллективной самообороны [*World Court Digest*, 1986, с. 2]. В дополнение ответчиком были также выдвинуты следующие контрмеморандумы [Gray, 2003, с. 871-873]:

- Никарагуа не привлекала к участию в деле «соответчиков», присутствие и участие которых необходимо для защиты их прав. Дело включало ссылки на индивидуальную и коллективную самооборону со стороны Сальвадора, Гондураса и Коста-Рики, однако они не были привлечены к участию в деле;
- требование Никарагуа об осуществлении со стороны США незаконного применения вооруженной силы, нарушения мира или совершения актов агрессии против Никарагуа не относится согласно Уставу ООН и сложившейся практике к компетенции Международного Суда ООН и должно быть рассмотрено в рамках Совета Безопасности ООН;
- Международный Суд ООН не обладает юрисдикцией рассматривать международные споры в контексте продолжающегося вооруженного конфликта, поскольку такой конфликт динамичен, не поддается судебной фиксации и требует разрешения политическими, а не правовыми средствами;
- Никарагуа не исчерпала предусмотренные главой VIII Устава ООН и ст. 23 Устава Организации американских государств (ОАГ) региональные способы разрешения конфликтов, происходящих в Центральной Америке. Никарагуа как член ООН и ОАГ связана обязательством использовать именно региональные, а не универсальные средства урегулирования споров и потому должна обратиться за помощью к Контадорской группе, официально признанной ООН в качестве надлежащего мирного средства, а не к Международному Суду ООН.

Несмотря на возражения ответчика относительно приемлемости иска, 10 мая 1984 года Международный Суд ООН единогласно отклонил ходатайство США и большинством голосов (14 против 1) указал временные меры, потребовав от США немедленно прекратить любые действия, ограничивающие доступ к никарагуанским портам, включая минирование, и уважать суверенитет и политическую независимость Никарагуа [*Military and Paramilitary Activities*, 1986, с.3]. Аргументация американской позиции была отклонена Судом по следующим основаниям:

- спор между США и Никарагуа касается толкования и применения международно-правовых норм (запрет силы, невмешательство, самооборона), что составляет существо «правового спора» по смыслу ст. 36(2) Статута. Суд компетентен разрешать такие споры независимо от их политического контекста;
- мирное разрешение споров в соответствии со ст. 33 Устава ООН предполагает свободу выбора средств, поэтому государства не обязаны исчерпывать переговоры перед

- обращением в Суд; переговоры и судебное разбирательство могут идти параллельно;
- ни Устав ООН, ни Устав ОАГ не предусматривают, что наличие регионального переговорного механизма лишает Суд юрисдикции или делает заявление неприемлемым;
 - Суд поддержал и одобрил Контадорский процесс, призвал стороны к сотрудничеству с ним, но отказался признать за ним качество единственно допустимого или приоритетного форума [Military and Paramilitary Activities, 1986, с.3].

26 ноября 1984 года Суд признал себя обладающим юрисдикцией рассматривать дело (11 голосами против 5 по основанию действия деклараций об обязательной юрисдикции и 14 голосами против 2 по Договору о дружбе 1956 г.) и объявил заявление Никарагуа приемлемым (единогласно).

18 января 1985 года Постоянный представитель США при ООН, выступающий в качестве агента США в данном деле, направил официальное письмо Секретарю (Регистратору) Международного Суда. В письме однозначно заявлялось, что, несмотря на решение Суда от 26 ноября 1984 года, Соединенные Штаты по-прежнему считают, что Суд не обладает юрисдикцией для рассмотрения спора, и что заявление Никарагуа от 9 апреля 1984 года является неприемлемым. Вследствие этого США уведомляли, что не намерены участвовать в каких-либо дальнейших разбирательствах по данному делу [Military and Paramilitary Activities, 1986, с.5].

Это был первый случай в истории Суда, когда государство, ранее признавшее юрисдикцию и активно участвовавшее в стадии юрисдикции, полностью отказалось от защиты своих интересов при рассмотрении дела по существу [Highet, 1987, с. 1085].

Отказ США от участия имел мощный символический эффект. Когда 12 сентября 1985 г. в Суде открылись слушания по существу дела, места, предназначенные для американской делегации, остались пустыми [Pellet, 2012, с. 481, 485]. Слушания прошли с 12 по 20 сентября 1985 г.; Никарагуа представляли такие известные юристы, как И. Браунли, А. Чейес и А. Пелле. Сторона США не была представлена в слушаниях. Разбирательство дела завершилось вынесением решения по существу 27 июня 1986 г.

В заключительной части решения (*dispositif*), состоящей из 16 пунктов, Суд постановил следующее:

- США обязаны немедленно прекратить и воздерживаться от всех действий, составляющих нарушение правовых обязательств (в пп. 3-7, пп. 9-11 перечислены данные нарушения со стороны США: обучение, вооружение, финансирование «контрас» и оказание им иной поддержки; прямые атаки на территорию Никарагуа; несанкционированные облеты территории Никарагуа; минирование никарагуанских портов; нарушение двустороннего Договора о дружбе, торговле и мореплавании 1956 г.; распространение среди «контрас» руководства ЦРУ «Психологические операции в партизанской войне»);
- США обязаны возместить Никарагуа весь ущерб, причиненный этими нарушениями;
- форма и размер возмещения, если стороны не договорятся об ином, будут определены Судом в последующей процедуре [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 5].

Следует отметить, что несмотря на обязательную юридическую силу для сторон спора, решение Международного Суда ООН так и не было исполнено США. Хотя Никарагуа и предпринимала попытки добиться исполнения решения через Совет Безопасности ООН в соответствии со ст. 94(2) Устава, соответствующий проект резолюции был заблокирован через вето США от 31 июля 1986 г. и в последующем от 28 октября 1986 г.

Вопреки тому, что Международный Суд ООН в 1987 году установил график подачи меморандумов для определения точной суммы ущерба (меморандум Никарагуа от 29 марта 1988 г., контрмеморандум США от 29 июля 1988 г.), США проигнорировали данный процесс. Они уведомили Суд, что по-прежнему считают его лишенным юрисдикции и не будут участвовать в дальнейших разбирательствах [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 6].

По состоянию на сегодняшний день США до сих пор уклоняются от выплаты какой-либо компенсации в пользу Никарагуа. 27 июня 2023 года, в 37-ю годовщину решения Международного Суда, президент Никарагуа Хосе Даниэль Ортега Сааведра направил письмо Генеральному секретарю ООН с требованием о восстановлении справедливости. В письме упоминалось о более чем 120 миллиардах долларов компенсации за ущерб, причиненный действиями США в 1980-х годах [Чжан Цзинцзюань, 2023].

Результаты

Один из процессуальных выводов по делу «Никарагуа», наиболее значимых для доктрины и практики международного права, вытекает из факта, когда США покинули Суд после вынесения решения о юрисдикции, но до начала стадии рассмотрения дела по существу.

Как отмечалось ранее, такие действия не имели прецедента в истории международной судебной юрисдикции – до рассмотрения дела «Никарагуа» практика неявки в Постоянной палате международного правосудия (ППМП) носила эпизодический характер и никогда не доходила до стадии вынесения решения по существу в условиях отсутствия ответчика.

Оценка неявки США по делу «Никарагуа» в научной литературе является преимущественно негативной и рассматривается как грубый вызов международной системе правосудия. Исследователи акцентируют внимание на различных аспектах такого шага: стратегическом, этическом, политическом. Нас же в большей степени интересует институциональный аспект, когда неявка США в качестве ответчика стала прямым вызовом судебной функции Международного Суда ООН как главного судебного органа системы ООН.

Неявка расценивается как сознательная попытка делегитимировать Суд и парализовать его работу. К. Хайет отмечает, что это действие было призвано создать впечатление, что Суд якобы «не может функционировать» в отсутствие одной из сторон [Highet, 1987, с. 1089]. В итоге США получили решение, которое было гораздо более неблагоприятным, чем могло бы быть при их участии, и теперь у них нет морального права его критиковать, так как они сами отказались от защиты [Highet, 1987, с. 1091].

Парадоксальным образом, но вместо усиления недоверия к Международному Суду ООН со стороны развитых государств, неявка США явным образом продемонстрировала, что Суд не является заложником процессуального поведения сторон. Он обладает реальной способностью устанавливать факты и применять право даже в отсутствие одной из сторон.

Применив ст. 53 Статута, Международный Суд ООН подтвердил, что его деятельность не парализуется односторонним отказом одной из сторон спора от участия в рассмотрении дела по существу, а, наоборот, способствует укреплению процессуальной автономии и формирует судебный прецедент для последующих дел. Как отмечают ученые, последующая практика применения ст. 53 Статута в делах «Камерун против Нигерии», «Вооруженная деятельность на территории Конго» и других опиралась на подход, выработанный в деле Никарагуа [Gray, 2003, с. 902].

Кроме того, применение Судом ст. 53 Статута означало также, что отказ США от участия

не препятствует продолжению разбирательства, и неявка не влечет автоматического удовлетворения требований истца. Более того, за отсутствующей стороной сохраняется право вернуться в процесс на любой его стадии.

Таким образом, Суд показал, что может обеспечить продолжение разбирательства, приняв на себя активную роль в оценке доказательств и сохранив при этом процессуальные гарантии для отсутствующей стороны.

Более того, в условиях неявки США и применения Статьи 53 Статута Суд был вынужден существенно расширить и адаптировать свои методы работы с доказательствами, чтобы компенсировать отсутствие состязательного процесса и выполнить обязанность по установлению истины [Thirlway, 2015, с. 125]. Как отмечается в доктрине, в деле «Никарагуа» Суд впервые столь четко артикулировал свою общую методологию оценки доказательств [Highet, 1987, с. 55-56]. Выработанные в этом деле стандарты о приоритете признаний против интереса, о свободе оценки улик, о необходимости активной роли суда в установлении фактов в отсутствие стороны стали прочным фундаментом для последующей практики Международного Суда [Gray, 2003, с. 871-872]. Суд продемонстрировал, что даже в самых сложных обстоятельствах он компетентен в оценке фактов и может выносить обоснованные решения, восполняя пробелы, вызванные неучастием одной из сторон.

В дополнение к изложенному выше следует упомянуть также и о том, что в зарубежной науке международного права обосновывается весьма радикальная позиция о возможности принудительного исполнения решения Международного Суда ООН 1986 года через национальные суды США по аналогии с международным коммерческим арбитражем. Так, в частности, один из сторонников такой позиции, проф. Т.М. Ливермен утверждает: при принятии решения об арбитраже (или судебном разбирательстве) действительно имеет место явное самоограничение в осуществлении суверенитета в той мере, в какой трибуналу предоставлены полномочия решить это дело и вынести обязательное решение. Приняв это ограничение, кажется, что никакое последующее утверждение о праве игнорировать решение не может преобладать над первоначальным решением [Lieverman, 1986, с. 312-315]. Поэтому, когда США подписывают договор о передаче спора в арбитраж (или суд), они добровольно ограничивают свой суверенитет. Президент не имеет права просто «отменить» это решение, так как ни во внутреннем, ни в международном праве не закреплено, что «...президент имеет дискреционное право нарушать обязательное договорное обязательство Соединенных Штатов подчиняться решению Международного Суда по конкретному делу, переданному на рассмотрение. Напротив, внутреннее право США и договоры за последние 60 лет поддерживают обязательство США об окончательном и обязательном арбитраже международных споров» [Lieverman, 1986, с. 312].

В подтверждение заявленной позиции Т.М. Ливермен приводит дело *Frelinghuysen v. Key* 1884 года, в котором Верховный суд США указал, что решения международного арбитража являются окончательными и обязательными на межгосударственном уровне. Ссылаясь на цитату Верховного судьи США Уэйта, ученый подводит нас к выводу о том, что международные договоренности и решения, вынесенные на их основе, имеют высшую силу в отношениях между государствами. Поэтому США обязаны выплатить компенсацию Никарагуа, так как согласие США на юрисдикцию Международного Суда ООН и положения Договора о дружбе с Никарагуа 1956 года создают обязательство, которое американские федеральные суды могут и должны обеспечить, несмотря на возможные отсылки к политическому вопросу.

В итоговом решении по существу (MERITS), в параграфах 172-182 раздела «The multilateral

treaty reservation and the possible effects of treaties on custom», был сформулирован фундаментальный принцип автономности существования обычного права. Проведенный анализ указанных параграфов позволяет сформулировать следующие выводы, к которым пришел Суд по делу «Никарагуа»:

- Суд постановил, что даже если договорная и обычная нормы имеют идентичное содержание, это не означает, что обычная норма «растворяется» в договорной или перестает существовать: «Сам факт того, что определенные нормы кодифицированы в многостороннем договоре, не означает, что они перестают существовать как нормы обычного международного права, применимые к государствам, не являющимся участниками договора» [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 14]. Такой вывод позволил Суду преодолеть процессуальное препятствие в виде оговорки Ванденберга (многосторонней договорной оговорки) в декларации США, которая исключала из юрисдикции Суда споры, возникающие на основе многосторонних договоров, если не все стороны договора, затронутые решением, являются участниками процесса. Несмотря на невозможность применения Устава ООН, Суд постановил, что запрет применения силы и принцип невмешательства действуют как самостоятельные нормы обычного права, не утрачивающие силы из-за совпадения с договорными положениями [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 14]. Суд подчеркнул, что, даже если содержание обычной и договорной нормы идентично, это не лишает обычную норму отдельной применимости, что позволяет осуществлять юрисдикцию на основе обычного международного права, а также Договора о дружбе, торговле и мореплавании 1956 г. между США и Никарагуа, который не подпадает под действие оговорки Ванденберга;
- как справедливо отмечает С. Донахью, дело «Никарагуа» представляет собой важный сдвиг во взглядах Международного Суда на природу обычая [Donaghue, 1995, с. 343]. Выражается этот «сдвиг» в том, что Суд сформулировал критерии идентификации обычного права, которые задали вектор развития для последующей международной практики. В итоговом решении по существу Суд отметил, что для установления существования обычной нормы достаточно, чтобы поведение государств в целом соответствовало правилу. Случаи несоответствия должны рассматриваться как нарушения правила, а не как признание новой нормы [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 14]. Таким образом, Суд установил презумпцию нормативности обычного права: единичные или даже многочисленные отклонения от правила не подрывают его существования, если они воспринимаются самими государствами как нарушения, а не как правомерное исключение. Тем самым Суд отделил фактическую практику государств от их правосознания (*opinio juris*), подчеркнув, что именно субъективное восприятие отклонения (как нарушения, а не как создания новой нормы) является ключевым критерием сохранения обязательной силы за старой нормой [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 19];
- Суд признал за резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН (особенно принимаемыми консенсусом) юридическую силу доказательства существования *opinio juris*, что позволило преодолеть традиционную сложность доказывания субъективного элемента международно-правового обычая и ускорить процесс формирования обычных норм, сделав его менее зависимым от медленной и фрагментарной государственной практики. Суд в деле «Никарагуа» постановил, что голосование за резолюцию, содержащую определенную правовую норму, может служить выражением признания государствами

этой нормы в качестве обязательной. Это создало презумпцию наличия *opinio juris* у государств, поддержавших резолюцию [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 20]. Посредством такого толкования *opinio juris* Суд демократизировал и интенсифицировал процесс образования обычных норм, сделав их более гибкими и отвечающими потребностям современного международного сообщества, но при этом сохранив определенные гарантии против произвольного нормотворчества (требование консенсуса). По словам С. Донахью, то, как Суд разрешил одно из этих внутренних противоречий, касающееся способности обычного права к эволюции, является одним из великих достижений данного дела [Donaghue, 1995, с. 327].

Использованный Судом в решении 1986 года методологический подход к установлению обычного права имеет фундаментальное значение для подтверждения жизнеспособности концепции «мягкого» (декларативного) права (*soft law*, *lex declarativa*) в том виде, в каком она была теоретически обоснована в науке международного права. Данное решение подтверждает теоретическую модель, согласно которой декларативное право может служить «первой фазой» в создании новой обычной нормы, формируя *opinio juris* еще до того, как соответствующая практика станет повсеместной. Такой подход позволяет рассматривать *lex declarativa* как некое связующее звено между политической волей международного сообщества и формальными источниками права, предусмотренными статьей 38 Статута Международного Суда ООН, и оперативно реагировать на консенсус международного сообщества, не дожидаясь медленного процесса кристаллизации обычая через повторяющуюся практику.

Помимо упомянутого выше принципа автономности существования международно-правового обычая, Международный Суд ООН подверг сущностному переосмыслению такие ключевые институты общего международного права, как: запрет применения силы или угрозы силой, принцип невмешательства во внутренние дела государства и право на самооборону.

В решении по делу «Никарагуа» Суд конкретизировал и содержательно раскрыл принцип запрета применения силы, установив пороговые критерии для квалификации действий как незаконного применения силы и отделив его от другого, более серьезного применения силы - «вооруженного нападения». Такими пороговыми критериями стали «масштаб и последствия» (*scale and effects*) применения силы: как следует из параграфа 191 решения по существу, «...только наиболее серьезные формы применения силы могут быть квалифицированы как вооруженные нападения» [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 21]. Следовательно, менее тяжкие формы (*less grave forms*) представляют собой простое применение силы, нарушающее запрет статьи 2(4) Устава ООН и обычного права, но не дающее права на самооборону. При этом к менее тяжким формам, не являющимся вооруженным нападением, Суд относит поставки оружия или иную форму помощи повстанцам в соседнем государстве. Такие действия могут представлять собой вмешательство во внутренние дела или нарушение принципа неприменения силы, но не достигают порога вооруженного нападения, дающего право на самооборону [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 23]. В то же время Суд считает, что действия иррегулярных формирований могут быть квалифицированы как вооруженное нападение, если они совершаются от имени государства и при его «эффективном контроле». Однако, если такая степень контроля отсутствует, действия повстанцев не могут быть вменены государству как вооруженное нападение [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 27]. Таким образом, даже если государство оказывает поддержку повстанцам, но не осуществляет эффективный контроль над их конкретными операциями, эти действия не достигают порога вооруженного нападения, хотя могут представлять собой нарушение других норм международного права.

Как отмечает ранее действующий судья Международного Суда ООН А.А. Юсуф, понятие «вооруженного нападения» эволюционировало с момента принятия решения по делу «Никарагуа» и в свете резолюций Совета Безопасности ООН 1368 (2001), 1373 (2001) и 1377 (2001), принятых после террористических атак 11 сентября в США; но позиция Суда по делу «Никарагуа», несмотря на научную критику, продолжит служить основным стандартом для оценки того, что составляет «вооруженное нападение», и любая дальнейшая разработка и корректировка концепции «вооруженного нападения» неизбежно должна будет осуществляться на основе стандарта серьезности, указанного Судом [Yusuf, 2012, с. 470, с. 470].

Одновременно с конкретизацией принципа запрета применения силы в решении по делу «Никарагуа» были закреплены материальные и процессуальные критерии реализации права на самооборону в порядке ст. 51 Устава ООН. Процессуальные критерии отражены в параграфах 199-200 итогового решения и предполагают: наличие обращения от государства, которое считает себя жертвой со стороны вооруженного нападения (при этом жертва нападения должна обратиться с просьбой о помощи до того, как государство-защитник начнет свои действия); объявление, данное государством-жертвой, о том, что оно считает себя жертвой вооруженного нападения; немедленное уведомление Совета Безопасности ООН об осуществлении самообороны [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 29].

Что касается материальных критериев реализации права на самооборону, то к ним Судом отнесены критерии необходимости (necessity) и пропорциональности (proportionality): любые действия в порядке самообороны должны отвечать критериям необходимости и пропорциональности. Даже, если бы поставки оружия Никарагуа повстанцам в Сальвадоре можно было бы квалифицировать как вооруженное нападение (что Суд отверг), действия США все равно должны были бы соответствовать этим критериям [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 24]. И далее Суд отмечает, что право на индивидуальную и коллективную самооборону, закрепленное в ст. 51 Устава, является неотъемлемым правом (inherent right), которое существует в обычном международном праве. Статья 51 Устава имеет смысл только на том основании, что существует «естественное» или «неотъемлемое» право самообороны, и трудно представить, как оно может быть чем-то иным, кроме как правом обычного характера, даже если его нынешнее содержание было подтверждено и сформировано под влиянием Устава. Более того, Устав ООН, закрепив существование этого права, не регулирует непосредственно все аспекты его содержания. Например, он не содержит какой-либо конкретной нормы, согласно которой самооборона оправдывает лишь меры, которые являются пропорциональными вооруженному нападению и необходимыми для ответа на него, – нормы, хорошо установленной в обычном международном праве [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 21].

В дополнение к указанным выше критериям Суд проводит четкую дифференциацию между самообороной и контрмерами, а также устанавливает пределы допустимых ответных действий. Как закреплено в параграфе 249 итогового решения, в то время, как вооруженное нападение дает право на коллективную самооборону, применение силы меньшей степени тяжести (например, поставки оружия повстанцам) не может служить основанием для принятия коллективных контрмер, предполагающих использование силы. Государство-жертва таких действий может принять лишь пропорциональные контрмеры, не связанные с применением вооруженной силы [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 34]. При этом Суд не раскрывает исчерпывающим образом, что это за меры, но явно указывает на их невоенный характер. С опорой на научную доктрину и международную судебную практику можем предположить, что к таким мерам могут быть отнесены: дипломатические меры (высылка

дипломатов, понижение уровня представительства), экономические санкции (эмбарго, замораживание активов), политические меры (осуждение в международных организациях), судебное преследование (обращение в международные суды). Таким образом, сформулированное Судом разграничение между самообороной и контрмерами служит ключевым механизмом предотвращения эскалации международных конфликтов и злоупотребления правом на самооборону.

Еще одним международно-правовым принципом, получившим аутентичное судебное толкование в решении по делу «Никарагуа», является принцип невмешательства во внутренние дела государства. Данный принцип раскрывается Судом через формулировку ключевых элементов запрещенного вмешательства: запрещенное вмешательство должно... касаться вопросов, в которых каждое государство вправе, согласно принципу государственного суверенитета, свободно принимать решения. Один из таких вопросов – выбор политической, экономической, социальной и культурной системы и формирование внешней политики. Вмешательство является противоправным, когда оно использует методы принуждения в отношении такого свободного выбора [Military and Paramilitary Activities, 1986, с. 31]. Как отмечается в научной литературе, анализ принципа невмешательства, проведенный Судом в 1986 году, не только сохраняет актуальность сегодня, но и является предшественником правовых событий, произошедших с тех пор. Особо подчеркивается, что решение по делу «Никарагуа» помогло прояснить содержание гуманитарной помощи и заложило основу для развития этой концепции в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН [Kohen, 2012, с. 157-158].

Заключение

Несмотря на почти сорокалетнюю историю, дело «Никарагуа» сохраняет острую доктринальную и правовую актуальность, став не просто важным судебным прецедентом, а своего рода системообразующим актом современного международного правопорядка. Оно заложило концептуальные рамки для понимания *jus contra bellum*, укрепило институциональную роль Суда и создало методологический фундамент для оценки поведения государств. Неисполнение этого решения США не отменяет его нормативной силы, а лишь подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования механизмов международного правосудия и политической воли для его поддержания.

По справедливому выражению А. Пелле, «даже если его частично можно рассматривать как «решение времён холодной войны», в целом оно хорошо обосновано и представляет собой истинный учебник международного права по многим затрагиваемым им пунктам и, без сомнения, в значительной степени способствовало возрождению Суда из пепла, почти остывшего в 1984 году, когда Никарагуа обратилось к нему» [Military and Paramilitary Activities, 1986].

Библиография

1. Доклады Международного Суда ООН. Сообщение о письме президента Ортеги: [Чжан Цзинцзюань]. Президент Никарагуа подал на США в ООН: долг 37-летней давности пора отдавать. – 2023. – Режим доступа: <https://h5.ifeng.com/>
2. Cassese A. The Nicaragua and Tadić Tests Revisited in Light of the ICJ Judgment on Genocide in Bosnia / A. Cassese // European Journal of International Law. – 2007. – Vol. 18, No. 4. – pp. 649–668.
3. D'Amato A. Trashing Customary International Law / A. D'Amato // The American Journal of International Law. – 1987. – Vol. 81, No. 1. – pp. 101–105.
4. Damrosch L.F. Response to Comments by John Dugard / L.F. Damrosch // Opinio Juris. – 20 March 2012. – Режим

- доступа: <http://opiniojuris.org/2012/03/20/ljil-response-lori-damrosch/>
5. Donaghue S. Normative Habits, Genuine Beliefs and Evolving Law: Nicaragua and the Theory of Customary International Law / S. Donaghue // Australian Year Book of International Law. – 1995. – vol. 16. – pp. 328–344.
 6. Gray C. The ICJ and the Use of Force: Cases concerning the Use of force after Nicaragua / C. Gray // European Journal of International Law. – 2003. – Vol. 14, No. 5. – pp. 867–905.
 7. Highet K. Between a Rock and a Hard Place – The United States, the International Court, and the Nicaragua Case / K. Highet // The International Lawyer. – 1987. – Vol. 21, No. 4. – pp. 1083–1101.
 8. Kohen M.G. The Principle of Non-Intervention 25 Years after the Nicaragua Judgment / M.G. Kohen // Leiden Journal of International Law. – 2012. – Vol. 25, No. 1. – P. 157–164.
 9. Lieverman T.M. Law and Power: Some Reflections on Nicaragua, the United States, and the World Court / T.M. Lieverman // Maryland Journal of International Law and Trade. – 1986. – Vol. 10, No. 2. – pp. 295–320.
 10. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment of 27 June 1986 // International Court of Justice : official website. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/node/100900>
 11. Nuclear Tests (New Zealand v. France), Judgment of 20 December 1974 // I.C.J. Reports 1974. – pp 457–513.
 12. Pellet A. Introduction from the Podium / A. Pellet // Nicaragua before the International Court of Justice: Impacts on International Law / ed. by E. Sobenes Obregon, B. Samson. – Cham: Springer, 2018. – pp. 15–28.
 13. Pellet A. The Nicaragua Case: 'Mafiosi's' and 'Veteran's' Approaches Combined / A. Pellet // Leiden Journal of International Law. – 2012. – Vol. 25, no. 2. – pp. 481–489.
 14. Report of the International Court of Justice, 1 August 1976–31 July 1977. – Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/697474?ln=zh_CN
 15. Simma B. The ICJ and Customary International Law: A Practitioner's Perspective / B. Simma // Liber Amicorum for Christian Tomuschat. – Kehl, 2006. – P. 53–68.
 16. South West Africa (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa), Second Phase, Judgment of 18 July 1966 // I.C.J. Reports 1966. – pp. 6–51.
 17. Thirlway H. The International Court of Justice / H. Thirlway // International Judicial Institutions / ed. by C. Romano, K. Alter, Y. Shany. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – pp. 124–126.
 18. World Court Digest. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. USA). Judgment of 27 June 1986 // Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law. – Режим доступа: https://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/wcd.cfm?fuseaction_wcd=aktdat&aktdat=dec0102.cfm
 19. Yusuf A.A. The Notion of 'Armed Attack' in the Nicaragua Judgment and Its Influence on Subsequent Case Law / A.A. Yusuf // Leiden Journal of International Law. – 2012. – Vol. 25, no. 2. – pp. 461–470.

Doctrine versus Reality: A Revision of the Theoretical Legacy of the Nicaragua Case after 40 Years

Alina A. D'yakonova

PhD in Law,
Head of the Department of Continuing and Additional Education,
Orenburg Institute (branch),
Kutafin Moscow State Law University,
460008, 50, Komsomolskaya str., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: jurist.oimsla@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of the judgment of the International Court of Justice in the case concerning "Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua" (Nicaragua v. United States) of 1986 in the context of its 40th anniversary. The paper examines the procedural aspects of the case, including the first application of Article 53 of the Statute in the Court's history in circumstances of the respondent's "disappearance," and the substantive legal findings: the elaboration of the principles of non-intervention and the prohibition of the use of force,

the establishment of criteria for armed attack and the right to self-defense. Particular attention is paid to the doctrinal polemic that has developed around this judgment.

For citation

D'yakonova A.A. (2026) Doktrina versus real'nost': reviziya teoreticheskogo naslediya po delu Nikaragua za 40 let [Doctrine versus Reality: A Revision of the Theoretical Legacy of the Nicaragua Case after 40 Years]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 710-723. DOI: 10.34670/AR.2026.14.42.078

Keywords

International Court of Justice, Nicaragua, United States, jus contra bellum, prohibition of the use of force, non-intervention in the internal affairs of a state, right to self-defense, refusal to participate in the consideration of the case on the merits, international customary law, opinio juris.

References

1. Cassese, A. (2007). The Nicaragua and Tadić Tests Revisited in Light of the ICJ Judgment on Genocide in Bosnia. *European Journal of International Law*, 18(4), 649-668.
2. D'Amato, A. (1987). Trashing Customary International Law. *The American Journal of International Law*, 81(1), 101-105.
3. Damrosch, L. F. (2012, March 20). Response to Comments by John Dugard. *Opinio Juris*. <http://opiniojuris.org/2012/03/20/ljil-response-lori-damrosch/>
4. Donaghue, S. (1995). Normative Habits, Genuine Beliefs and Evolving Law: Nicaragua and the Theory of Customary International Law. *Australian Year Book of International Law*, 16, 328-344.
5. D'yakonova, A. A. (2026) *Doktrina versus real'nost': reviziya teoreticheskogo naslediya po delu Nikaragua za 40 let* [Doctrine Versus Reality: A Revision of the Theoretical Legacy of the Nicaragua Case over 40 Years]. [Manuscript].
6. Gray, C. (2003). The ICJ and the Use of Force: Cases concerning the Use of force after Nicaragua. *European Journal of International Law*, 14(5), 867-905.
7. Highet, K. (1987). Between a Rock and a Hard Place – The United States, the International Court, and the Nicaragua Case. *The International Lawyer*, 21(4), 1083-1101.
8. Kohen, M. G. (2012). The Principle of Non-Intervention 25 Years after the Nicaragua Judgment. *Leiden Journal of International Law*, 25(1), 157-164.
9. Lieverman, T. M. (1986). Law and Power: Some Reflections on Nicaragua, the United States, and the World Court. *Maryland Journal of International Law and Trade*, 10(2), 295-320.
10. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Judgment of 27 June 1986. (1986). *International Court of Justice*. <https://www.icj-cij.org/node/100900>
11. Nuclear Tests (New Zealand v. France), Judgment of 20 December 1974. (1974). *I.C.J. Reports* 1974, 457-513.
12. Pellet, A. (2012). The Nicaragua Case: 'Mafiosi's' and 'Veteran's' Approaches Combined. *Leiden Journal of International Law*, 25(2), 481-489.
13. Pellet, A. (2018). Introduction from the Podium. In E. Sobenes Obregon & B. Samson (Eds.), *Nicaragua before the International Court of Justice: Impacts on International Law* (pp. 15-28). Springer.
14. Report of the International Court of Justice, 1 August 1976-31 July 1977. (1977). United Nations Digital Library. https://digitallibrary.un.org/record/697474?ln=zh_CN
15. Simma, B. (2006). The ICJ and Customary International Law: A Practitioner's Perspective. In *Liber Amicorum for Christian Tomuschat* (pp. 53-68). Kehl.
16. South West Africa (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa), Second Phase, Judgment of 18 July 1966. (1966). *I.C.J. Reports* 1966, 6-51.
17. Thirlway, H. (2015). The International Court of Justice. In C. Romano, K. Alter, & Y. Shany (Eds.), *International Judicial Institutions* (2nd ed., pp. 124-126). Oxford University Press.
18. World Court Digest. (1986). Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. USA). Judgment of 27 June 1986. *Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law*. https://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/wcd.cfm?fuseaction_wcd=aktdat&aktdat=dec0102.cfm
19. Yusuf, A. A. (2012). The Notion of 'Armed Attack' in the Nicaragua Judgment and Its Influence on Subsequent Case Law. *Leiden Journal of International Law*, 25(2), 461-470.
20. Zhang, J. (2023). *Prezident Nikaragua podal na SSHa v OON: dolg 37-letney davnostipora otdavat* [The President

of Nicaragua filed a complaint against the United States at the UN: the 37-year-old debt must be repaid]. ifeng.com. <https://h5.ifeng.com/>

УДК 341

DOI: 10.34670/AR.2026.22.73.079

Факторы, определяющие международно-правовую политику ближнего востока

Сальникова Анастасия Кирилловна

Младший научный сотрудник,
Центр междисциплинарных исследований
Института научной информации по общественным наукам РАН,
117418, Российская Федерация, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21;
e-mail: salnikova_ak_inion@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется феномен «международно-правовой политики» применительно к Ближневосточному региону. В современной науке данное понятие традиционно использовалось для характеристики внешнеправовой стратегии отдельного государства, тогда как его региональное измерение остаётся недостаточно разработанным. Автор предлагает определение международно-правовой политики региона как совокупности стратегических подходов и правовых норм, отражающих отношение группы государств к международному праву, их участие в его формировании и применении, а также совместную деятельность по продвижению коллективных или индивидуальных интересов. На примере Ближнего Востока выявлены и систематизированы ключевые факторы, определяющие региональную международно-правовую политику: национальные интересы, внутреннее устройство государств, уровень экономического развития, конфликтность, общность исторического пути, национальные и культурные особенности (включая исламский фактор), а также влияние внерегиональных субъектов. Показано, что при наличии общего религиозно-правового базиса страны региона демонстрируют низкую степень координации, различаются в подходах к ключевым конфликтам и сохраняют настороженное отношение к универсальным международно-правовым механизмам. Научная новизна состоит в комплексном анализе факторов, формирующих международно-правовую политику региона, и в уточнении самого понятия применительно к группе государств. Результаты могут быть использованы в исследованиях по международному праву, регионоведению и при разработке внешнеполитических стратегий.

Для цитирования в научных исследованиях

Сальникова А.К. Факторы, определяющие международно-правовую политику Ближнего Востока // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2А. С. 724-731. DOI: 10.34670/AR.2026.22.73.079

Ключевые слова

Международное право, международно-правовая политика, Ближний Восток, региональные особенности, конфликты, исламское право, управление рисками, методология исследования, государственная политика.

Введение

В условиях современной геополитической нестабильности и трансформации системы международных отношений возрастает потребность в осмыслении того, как региональные группы государств взаимодействуют с международным правом. Ближний Восток, выступающий одним из наиболее конфликтогенных регионов мира, демонстрирует сложное сочетание общих историко-правовых оснований (включая исламское право) и глубоких политических противоречий, что делает его уникальной площадкой для изучения феномена международно-правовой политики региона. В то время как понятие «международно-правовая политика» традиционно применялось для характеристики внешнеправовой стратегии отдельных государств, его региональное измерение остаётся недостаточно разработанным в доктрине.

Цель работы заключается в определении понятия «международно-правовая политика региона» на примере Ближнего Востока, а также в выявлении и систематизации факторов, определяющих её формирование, с учётом специфики региональных конфликтов, исторического опыта и разнообразия внутригосударственных правовых систем. Научная новизна состоит в комплексном анализе факторов, формирующих международно-правовую политику региона, и в уточнении самого понятия применительно к группе государств.

Материалы и методы

Методологическую основу работы составили общенаучные методы системного и структурно-функционального анализа, формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой. Материалами исследования выступили научные труды зарубежных и российских авторов, посвящённые международному праву и политике Ближнего Востока.

Результаты и обсуждение

В условиях современной геополитической обстановки сложно разделять политику и право. И политика, и право оказывают взаимное влияние друг на друга, изменяя и дополняя каждого. При этом хоть политика конкретного государства и международное право взаимосвязаны, последнее создается не одним государством, а мировым сообществом совместными усилиями. Для характеристики этой взаимосвязи в теории международного права сформировался термин - «международно-правовая политика».

При этом можно встретить в научных работах именно термин «международно-правовая политика» конкретного государства. Так, в ряде работ зарубежной школы международного права встречаются следующие трактовки. Например, во французском курсе международного права подчеркнуто, что «государства реализуют внешнюю политику в сфере права точно так же, как они реализуют внешнюю политику в военной, экономической и культурной областях» [Daillier, Forteau, 2009].

В популярном в англоязычной юридической литературе курсе международного права М. Шау также отмечено, что есть «традиционное понимание» международного права как «состоящего из серии правил, ограничивающих действия независимых государств»; но есть и «новые теории международного права», согласно которым оно рассматривается как «всеобъемлющий процесс принятия решений, а не как определенный свод правил» [Shaw, 2008].

Последний подход автор называет «политически-ориентированным» трендом в международно-правовой науке.

Необходимо отметить, что диалектика соотношения политики государства и международного права состоит в том, что политика, например, в разной степени влияет на международное право, к примеру, от политической линии каждого из двух договаривающихся государств в значительной мере зависит содержание того двустороннего договора, который они согласовывают. Но и международное право задает направленность политики каждого конкретного государства. Императивные нормы общего международного права не позволяют двум государствам договориться о совместной агрессии в отношении третьего государства – такой договор явился бы ничтожным с самого начала, а также не мог бы рассматриваться в качестве источника международного права. Международное право способствует реализации той политики, которая ему соответствует и препятствует политике, ему не соответствующей [Данельян, 2025; Карташкин, 2025; Отставнова, 2014].

В связи с вышеизложенным следует привести некоторые определения международно-правовой политики государства. При этом можно встретить и иные вариации наименования данного явления, к примеру, «внешняя правовая политика» государства. Так, А. Н. Вылегжанин, И. П. Дудыкина полагают, что данный термин выступает комплексным явлением, которое включает в себя «политику отдельно взятого государства как в отношении источников международного права; его общей и специальной нормы, а также и в отношении толкования международно-правовых норм и их применения» [Вылегжанин, Дудыкина, 2016]. По мнению Е. А. Отставновой под международно-правовой политикой понимается «правовой базис внешней политики государства, основывающийся на конституционных принципах, международно-правовых принципах и направленный на реализацию национальных интересов государства в международных отношениях, а также интернациональных интересов – предотвращение глобальных угроз человечеству» [Отставнова, 2014].

Данное определение рассматривает международно-правовую политику государства с другой стороны – с точки зрения части внешней политики, что означает доминирование политической составляющей. На наш взгляд, данная позиция является неоднозначной ввиду того, что при понимании международно-правовой политики как части политики государства, ее роль сводится лишь до малой составляющей, исключая роль права как регулятора международных отношений. Достаточно полное определение приведено И. Г. Сердюковой, в соответствии с которым международно-правовая политика – это «деятельность государства, которая направлена на обеспечение прав и законных интересов человека согласно международным стандартам, укрепление суверенитета и последовательное осуществление на международном уровне национальных интересов, защиту мирового правопорядка, опирающегося на соблюдение и уважение общепризнанных международно-правовых принципов и норм, обеспечение совместимости международной и национальной правовых систем, активное участие в реформировании устоявшейся системы международных отношений» [Сердюкова, 2008]. Данное определение раскрывает содержание международно-правовой политики государства, включает ее разностороннюю направленность и применимость для самых разных сфер действия государств на международной арене. При этом И. Г. Сердюкова также отмечает о превалировании политической составляющей над юридической и подчинении международно-правовой политики внешней политики государства [Сердюкова, 2008].

В отличие от международно-правовой политики конкретного государства, сформированной

с опорой на его национальные приоритеты, термин «международно-правовая политика региона» предстает более сложной конструкцией. Нельзя отрицать тот факт, что, опираясь на общие исторические базисы, государства одного региона формируют схожие позиции по различным внешнеполитическим вопросам, а международное право остается единственным общеобязательным регулятором межгосударственных отношений, имеющих в своей основе разные и даже противоречащие национальные интересы.

Можно выделить основные закономерности, которые характеризуют международно-правовую политику любого региона:

- формируется под влиянием общих интересов и противоречий между странами региона;
- проявляется в позиции стран по вопросам международного характера;
- включает в себя участие стран в международных организациях, договорах и судебных инстанциях.

Совокупность данных черт при анализе международно-правовой политики любого региона позволяет наиболее полно охарактеризовать отношение государств выбранного региона к международному праву в целом, единство или разрозненность позиций по наиболее ключевым и острым «болевым точкам» региона, а также активность государств в сфере международно-правовой деятельности, готовность брать на себя международно-правовые обязательства и использовать такой инструмент защиты и восстановления нарушенного права, как судебные механизмы.

Страны одного географического региона имеют общий исторический базис и схожее отношение к определенным институтам. Так, рассматриваемый в данной статье Ближний Восток выступает одним из наиболее противоречивых регионов мира, но при этом, все же страны, его составляющие, имеют солидарные позиции по ряду вопросов. Подобное сходство во взглядах на определенные вопросы обусловлено как общим историческим прошлым, влиянием одних и тех же метрополий, а также религиозным фактором - исламом. Несмотря на то, что ислам является религией со множеством разночтений и где-то имеет большее значение в настоящий момент, а шариат, в свою очередь, выступает даже источником права и законодательства (к примеру, в Саудовской Аравии) и играет роль культурного и религиозного феномена (Турция), он все же оказывает влияние на внешнеполитические стратегии государств региона и на отношение к международному праву в том числе [Данельян, 2025; Яковлев-Чернышев, 2025].

Как уже было отмечено, Ближний Восток выступает сложным и конфликтогенным регионом не только с политической точки зрения. Несмотря на то, что большинство стран имеет исламскую правовую систему, между собой они значительно различаются. Например, правовая система Саудовской Аравии является достаточно консервативной, основанной на шариате, который выступает и в качестве источника права, и в качестве источника законодательства. При этом правовая система данного государства сильно различается с привычной нам светской системой не только по источникам, но и по форме: отсутствуют привычные в европейском понимании нормативные-правовые и кодифицированные акты. В то же время Турция, хоть и не все исследователи относят данное государство к Ближнему Востоку, является уже светским государством, правовая система которого построена по «европейскому образцу». Поэтому, исламский фактор может выступать и как объединяющий фактор, и как фактор, вызывающий противоречивые позиции.

Рассмотрим ключевые факторы, которые определяют международно-правовую политику Ближнего Востока [Богатырев, Тураева, 2025; Прокопович, 2025; Bogdan, 2025]:

- национальные интересы;
- внутреннее устройство государств;
- уровень экономического развития;
- конфликтогенность региона;
- сходность исторического пути;
- национальные и культурные особенности;
- внерегиональные акторы.

Безусловно, национальные интересы предопределяют международно-правовую политику каждого государства по отдельности, но и региона также, поскольку могут быть сходными у всех или большинства государств. К категории сходных национальных приоритетов стран рассматриваемого региона можно отнести следующие: контроль над природными ресурсами, обеспечение безопасности, защита религиозных памятников и святых мест. При условии совпадения данных приоритетов государства вырабатывают общие стратегии и совместные планы действий. Ввиду особенностей рассматриваемого региона и специфики межгосударственного взаимодействия подобных примеров не много. Так, в области безопасности разработаны и приняты договоры о коллективной обороне. Данные акты действуют как в рамках Лиги арабских государств, в рамках которой подписантами стали большинство стран региона, и в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), а в рамках него уже лишь «заливные монархии». Еще одним примером является курс, взятый монархиями Персидского залива на зеленую повестку, альтернативную энергетику и экологическую повестку. Учитывая, что данный курс прописан в стратегии долгосрочного планирования каждой из этих стран, в рамках ССАГПЗ был создан ряд площадок для обмена мнениями и разработками.

Внутренняя политика, а особенно вопросы внутреннего устройства государства - будь то монархии Персидского залива, теократическая республика Иран или демократически подобные институты. Данный аспект напрямую влияет на международно-правовую стратегию каждого государства, определяя роль и позицию международного права: его превалирование над национальным правом или обратную позицию. В этот же блок стоит включить общие характеристики внутригосударственной системы, характеризующий правовой режим государства, наличие у местного населения прав и свобод, демократических институтов. Помимо вопросов внутреннего устройства, колоссальное влияние оказывают и глобальные вызовы. Так, проблемы терроризма, миграции, нехватки водных ресурсов, климатических изменений по своей природе являются транснациональными и требуют не национальных решений и стратегий, а общерегиональных. Данные вопросы в последние годы зачастую становятся ключевыми на повестке дня встреч в рамках региональных организаций: Лиги арабских государств, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и Организации исламского сотрудничества.

Далее рассмотрим уровень экономического развития. Данный показатель влияет сразу на несколько аспектов. Первый аспект - возможность проведения самостоятельной международно-правовой политики. Это подразумевает наличие в первую очередь, достаточных материальных средств для формирования собственного отношения к международно-правовым институтам и способности страны осуществлять суверенную внешнеполитическую линию. Второй аспект состоит уже в интеграционном взаимодействии. Когда страны одного региона или субрегиона находятся на сходном уровне экономического развития, то они имеют возможность

вырабатывать собственную международно-правовую политику. Ярким примером подобной интеграции выступает Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Конфликтотенность региона: высокий уровень противоречий внутри региона оказывает влияние и на необходимость обращения к международно-правовым средствам мирного урегулирования международных споров универсального характера, и к региональным форматам.

При этом нежелание государств обращаться к международно-правовым механизмам обусловлено также и следующим аспектом: историческая память и опыт. Так, колониальное прошлое, искусственные границы, навязанные в XX веке (к примеру, соглашение Сайкс-Пико), войны и оккупации оставили «глубокие травмы». Данные события влияют на рост настороженности стран региона в вопросах международных обязательств. Колоссальное значение имеет также память о несправедливых, с их точки зрения, решениях международного сообщества (например, по Палестине или Ливии), а также наглядная демонстрация неспособности международных институтов принять решение и обеспечить его исполнение, в том числе с обращением к международным стационарным механизмам, и те последствия, к которым привело участие международного сообщества, что формирует стратегию осторожного и прагматичного участия в международно-правовых процессах. Помимо этого, в регионе разные страны по-разному относятся к международному праву: одни государства стремятся его использовать как инструмент защиты своих интересов (например, Палестина через международные суды), а кто-то скептически относится к международным институтам, считая их политизированными (как Израиль или Иран в ряде случаев) [Bogdan, 2025].

Последним фактором выступает роль внерегиональных акторов. Ближний Восток является уникальным регионом еще и по этому признаку. К ключевым внерегиональным игрокам можно отнести следующих: Россия, США и Китай. Мало процессов в регионе обходят без участия этих трех государств. Поэтому международно-правовая политика всего региона формируется под влиянием нарративов, продвигаемых ключевыми внерегиональными акторами, методика продвижения которых сильно отличается.

Выводы

Международно-правовая политика региона является новым подходом к рассмотрению роли международного права и его сосуществованию с внешней политикой каждого государства. Международно-правовая политика региона – это совокупность стратегических подходов и правовых норм, которые характеризуют отношение данного географического и политического пространства к системе международного права, определяют его роль в её формировании и применении, а также включающая совместную деятельность государств рассматриваемого региона, направленную на разработку, интерпретацию, применение или изменение норм международного права для защиты и продвижения своих коллективных или индивидуальных интересов на мировой арене.

В связи с вышеизложенным, можно заключить, что международно-правовая политика Ближнего Востока отличается малой степенью координации, несмотря на общий базис в виде исламской правовой системы, различиями в подходах государств к ключевым региональным конфликтам (к примеру, Арабо-израильскому), что говорит об отсутствии единения хотя бы большинства государств в отношении столь масштабного противостояния, оказывающего влияние и на экономические отношения, но сходным недоверием к европейскому

международному праву, отличающегося достаточно чуждыми для региона подходами, а также недоверием к международным судам и иным мерам, которые уже были применены в ряде стран региона и привели к негативным последствиям для этих государств.

Библиография

1. Богатырев, М. Р. Защита национальных интересов в правовой политике / М. Р. Богатырев, Д. С. Тураева // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 1. – С. 14-16. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_1_14.
2. Вылегжанин, А. Н. Понятие «международно-правовая политика государства» / А. Н. Вылегжанин, И. П. Дудыкина // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4(104). – С. 21-37.
3. Данельян, А. А. Международный правопорядок: современное состояние и возможные направления развития / А. А. Данельян // Международный правовой курьер. – 2025. – № 2. – С. 54-57.
4. Карташкин, В. А. Международный правопорядок в условиях глобальных трансформаций / В. А. Карташкин // Современное право. – 2025. – № 2. – С. 132-138. – DOI 10.25799/NI.2025.52.32.025.
5. Отставнова, Е. А. Конституционные основы международно-правовой политики современной России / Е. А. Отставнова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 6(101). – С. 93-98.
6. Прокопович, Г. А. Национальные интересы в публичном праве России: глобальная унификация и формы их защиты / Г. А. Прокопович // Теория государства и права. – 2025. – № 3(45). – С. 247-257. – DOI 10.47905/MATGIP_2025_3_45_247.
7. Сердюкова, И. Г. Международно-правовая политика современной России в сфере осуществления прав и законных интересов человека: общетеоретический аспект: автореф. дис..... канд. юрид. наук / Сердюкова Ирина Геннадиевна; Кубан. гос. аграр. ун-т. - Краснодар, 2008. - 30 с.
8. Яковлев-Чернышев, В. А. О подходах государств к международному праву / В. А. Яковлев-Чернышев // Вопросы права. – 2025. – № 2. – С. 22-25. – DOI 10.24412/2949-0871-2025-2-22-25. – EDN KVLPIJ.
9. Bogdan, A.I. The Intervention in Libya: Legal Considerations and the First Decade after Gaddafi // Agora International Journal of Juridical Sciences. – 2025. – Vol. 19, № 2. – pp. 56-71. – DOI: 10.15837/aijjs.v19i2.7386.
10. Daillier, P., Forteau M. Droit international public. – Paris: LJDJ, 2009.
11. Shaw, M. International Law. - New York: Cambridge University Press, 2008.

Factors Determining the International Legal Policy of the Middle East

Anastasiya K. Sal'nikova

Junior Researcher,
Center for Interdisciplinary Studies,
Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
117418, 51/21, Nakhimovsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: salnikova_ak_inion@mail.ru

Abstract

The article examines the phenomenon of "international legal policy" as applied to the Middle East region. In modern scholarship, this concept has traditionally been used to characterize the foreign legal strategy of an individual state, while its regional dimension remains insufficiently developed. The author proposes a definition of the international legal policy of a region as a set of strategic approaches and legal norms reflecting the attitude of a group of states towards international law, their participation in its formation and application, as well as joint activities to promote collective or individual interests. Using the Middle East as an example, the key factors determining regional international legal policy are identified and systematized: national interests, the internal

structure of states, the level of economic development, conflict potential, a common historical path, national and cultural characteristics (including the Islamic factor), as well as the influence of extra-regional actors. It is shown that despite the presence of a common religious and legal basis, the countries of the region demonstrate a low degree of coordination, differ in their approaches to key conflicts, and maintain a wary attitude towards universal international legal mechanisms. The scientific novelty lies in a comprehensive analysis of the factors shaping the international legal policy of the region and in clarifying the very concept as applied to a group of states. The results can be used in research on international law, regional studies, and in the development of foreign policy strategies.

For citation

Sal'nikova A.K. (2026) Faktory, opredelyayushchiye mezhdunarodno-pravovuyu politiku Blizhnego Vostoka [Factors Determining the International Legal Policy of the Middle East]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (2A), pp. 724-731. DOI: 10.34670/AR.2026.22.73.079

Keywords

International law, international legal policy, Middle East, regional characteristics, conflicts, Islamic law, risk management, research methodology, public policy.

References

1. Bogatyrev, M. R., & Turaeva, D. S. (2025). Zashchita natsional'nykh interesov v pravovoy politike [Protection of national interests in legal policy]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, (1), 14-16. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_1_14
2. Bogdan, A. I. (2025). The Intervention in Libya: Legal Considerations and the First Decade after Gaddafi. *Agora International Journal of Juridical Sciences*, 19(2), 56-71. <https://doi.org/10.15837/aijs.v19i2.7386>
3. Daillier, P., & Forteau, M. (2009). *Droit international public*. LJDJ.
4. Danel'yan, A. A. (2025). Mezhdunarodnyy pravoporyadok: sovremennoye sostoyaniye i vozmozhnyye napravleniya razvitiya [International legal order: current state and possible directions of development]. *Mezhdunarodnyy pravovoy kur'yer*, (2), 54-57.
5. Kartashkin, V. A. (2025). Mezhdunarodnyy pravoporyadok v usloviyakh global'nykh transformatsiy [International legal order in the context of global transformations]. *Sovremennoe pravo*, (2), 132-138. <https://doi.org/10.25799/NI.2025.52.32.025>
6. Otstavnova, E. A. (2014). Konstitutsionnyye osnovy mezhdunarodno-pravovoy politiki sovremennoy Rossii [Constitutional foundations of the international legal policy of modern Russia]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 6(101), 93-98.
7. Prokopovich, G. A. (2025). Natsional'nyye interesy v publichnom prave Rossii: global'naya unifikatsiya i formy ikh zashchity [National interests in public law of Russia: global unification and forms of their protection]. *Teoriya gosudarstva i prava*, 3(45), 247-257. https://doi.org/10.47905/MATGIP_2025_3_45_247
8. Serdyukova, I. G. (2008). *Mezhdunarodno-pravovaya politika sovremennoy Rossii v sfere osushchestvleniya prav i zakonnykh interesov cheloveka: obshcheteoreticheskiy aspekt* [International legal policy of modern Russia in the sphere of human rights and legitimate interests: general theoretical aspect] (Candidate's thesis). Kuban State Agrarian University.
9. Shaw, M. (2008). *International Law*. Cambridge University Press.
10. Yakovlev-Chernyshev, V. A. (2025). O podkhodakh gosudarstv k mezhdunarodnomu pravu [On the approaches of states to international law]. *Voprosy prava*, (2), 22-25. <https://doi.org/10.24412/2949-0871-2025-2-22-25>

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

